

РОССИЙСКОЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
КАЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ ЛИГА
МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ И
ИНФОРМАТИЗАЦИИ

**«ВЫЗОВЫ ЭПОХИ
В АСПЕКТЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ
И ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ
НАУКИ И ПРАКТИКИ»**

**Материалы Третьей Всероссийской
научно-практической конференции
с международным участием
Казанский государственный университет
22-23 ноября 2007**

Под редакцией
С.В.Петрушина

Казань
ЗАО «Новое знание»
2007

УДК 159.9+615.8
ББК 88+53.57
В92

*Печатается по решению Ученого совета факультета психологии
Казанского государственного университета*

В92 Вызовы эпохи в аспекте психологической и психотерапевтической науки и практики. Материалы Третьей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Казань, Казанский государственный университет, 22-23 ноября 2007 г./Под ред. С.В. Петрушина.- Казань: ЗАО «Новое знание», 2007. – 800 с.

ISBN 978-5-89347-487-9

Материалы Третьей научно-практической конференции «Вызовы эпохи в аспекте психологической и психотерапевтической науки и практики» отражают теоретические и научно-практические исследования в области психологии и психотерапии, связанные с актуальными проблемами современности. Материалы воспроизведены с авторских оригиналов, представленных в оргкомитет.

Организационно-программный комитет:

Аболин Л.М., д.псих.н, проф., Акопов Г.В., д.псих.н, проф., Алишев Б.С., д.псих.н, проф., Бурно М.Е., д.м.н, проф., Дорфман Л.Я., д.псих.н, проф., Журавлев А.Л., д.псих.н, проф., Ключева Н.В., д.псих.н, проф., Козлов В.В., д.псих.н, проф., Макаров В.В., д.м.н, проф., Морозов А.В., д.псих.н, проф., Петрушин С.В. к. псих. н., доц., Попов Л.М., д.псих.н., проф., Прохоров А.О., д.псих.н, проф., Семенов И.Н., д.псих.н, проф., Фоминых В.П., д.соц.н, проф., Фукин А.И., д.псих.н, проф. Хусаинова Н.Ю., д.п.н., проф., Шевченко Ю.С., д.псих.н, проф., Погодин И.А., к. псих. н., доц., (Белоруссия), Оман Д., проф., (Канада), Левис К., проф., (Великобритания).

УДК 159.9+615.8
ББК 88+53.57

ISBN 978-5-89347-487-9

© Российское психологическое общество, 2007
© Институт психологии Российской академии наук, 2007
© Казанский государственный университет, 2007
© Профессиональная психотерапевтическая Лига, 2007
© ЗАО «Новое знание», оформление, 2007
© Межрегиональный институт консультирования и информатизации, 2007

1. Методологические проблемы интеграции психологической науки и практики.

Методологические проблемы изучения морального развития

Авдулова Т. П., канд. психол. н., доцент.
Московский педагогический государственный университет.

Методологические основания изучения морального развития в настоящее время находятся в стадии разработки, представленной значительным количеством исследований, посвященных данной проблематике и общей логикой развития науки, согласно которой этические вопросы занимают все более важное место. Методологические трудности во многом обусловлены тем, что изучение морального развития сопряжено с целым комплексом проблем, обусловленных как чрезвычайной сложностью самого предмета исследования, так и трудностями организации научного познания моральной сферы.

Три основных структурных компонента моральной сферы: когнитивный, эмоциональный, поведенческий, - связаны между собой сложным образом. Традиционный подход к исследованию когнитивной составляющей моральной сферы, когда моральное мышление рассматривается как развитие по восходящим последовательным ступеням, каждая ступень описывается как качественно своеобразная, а вышестоящая ступень заменяет нижестоящую, - не удовлетворяет современному уровню психологического знания.

Отечественные и зарубежные исследования показывают неоднородность моральных суждений, контекстуальную зависимость переходов от одной стадии к другой, множественную гетерогенность морального сознания по таким линиям анализа как зависимость от партнера по общению; содержание нравственной нормы; культурная обусловленность; эмоциональная включенность; сложность конфликта; контекст ситуации и т.д. Моральные суждения рознятся относительно гипотетической ситуации или реального происшествия, а также в зависимости от типов моральной ориентации, которые были частью подтверждены, а частью опровергнуты в последующих исследованиях.

Моральное развитие не укладывается в жесткие рамки отдельных стадий, и уровень моральных суждений колеблется, особенно в детстве, когда ребенок может фактически ситуативно занимать любую позицию на всем диапазоне своих достижений в моральном мышлении. Исследования также обнаруживают гетерохронность усвоения различных по содержанию моральных норм и опережающее развитие моральных суждений в сравнении с моральным поведением. Очевидно, что наличие моральной

позиции является необходимым, но недостаточным условием морального поведения. Неразрешимые на сегодняшний день сложности возникают при попытке определить переход от внешних, воспитывающих моментов к внутренней саморегуляции, к нравственной автономии.

Среди исследователей морального развития когнитивного направления нет единодушия в оценке соотношения эксплицитного знания субъекта, представленного в форме суждения и имплицитного – в форме узнавания и различения, а также взаимосвязи между способностью осуществлять моральное суждение, принимать моральные решения (основываясь на внутренних принципах), и действовать, руководствуясь этими решениями. Предложенные на сегодняшний день исследовательские модели не могут выступать непосредственной основой нравственного воспитания личности, а лишь констатируют серьезное расхождение между моральными суждениями и моральным поведением.

Предвосхищающая роль отрицательных эмоций в моральном развитии экспериментально доказана. Но можно ли считать поведение, регулируемое страхом (не только внешнего, социального порицания, но и внутреннего отрицательного самоотношения) нравственным? Многие исследователи считают, что отрицательные эмоции, вызывают дистресс и актуализируют эгоистическую, а не альтруистическую мотивацию, направленную на уменьшение собственного неблагополучия.

Существует и другой источник развития эмоциональной компоненты морали. Эмпатия как сопереживание и сочувствие другому человеку через механизм подражания, проекции, понимания и прогнозирования, будучи заключенной в границах эмоционального опыта, тем не менее оказывает прямое воздействие на моральное поведение субъекта. Высшие эмоции парадоксальным образом придают устойчивость нравственным смыслам действий, обеспечивают формирование личностного смысла. Без эмоционального переживания моральное действие остается или случайным, или формальным. Однако аффективная саморегуляция очевидно не является достаточной.

Противоречиво оценивается в различных психологических школах влияние на поведение переживание субъектом чувства вины и стыда. Диапазон оценок колеблется от понимания чувства вины как источника тревоги, страха и невроза до экспериментальных исследований чувства вины как эффективного регулятора поведения личности, мотивирующего просоциальные поступки и способствующего адаптации личности в обществе.

Еще сложнее исследовать и понять содержание морального поведения и его мотивацию. Формирующаяся в раннем онтогенезе мораль запретов сохраняет свое ограничительное значение и в зрелых возрастах. Можно ли считать нравственным поведение, ориентированное на негативные следствия нарушения социальных и нравственных норм («наказа-

ние»)? А если эти ограничения действуют эффективно? А если они интериоризировались и стали внутренним «табу»?

С одной стороны, действие может считаться моральным, только если субъект действия осознает альтернативность морального выбора и руководствуется исключительно моральной мотивацией. С другой стороны, любое действие, особенно в межличностном взаимодействии очевидно полимотивированно. Оправданно ли в этом смысле различать собственно моральное поведение и просоциальное, то есть действие, направленное на другого человека, формально соответствующее требованиям морали, но инициируемое скрытыми утилитарными потребностями? Правомерно ли считать нравственными лишь поступки, мотивированные общечеловеческими ценностями, а такие мотивы как уменьшение чувства вины, повышение чувства собственного достоинства или социальную адаптацию связывать с эгоизмом и скрытой ориентацией на собственное благополучие?

Еще больше сложностей возникает при попытке прогнозировать готовность субъекта активно действовать в ситуации морального конфликта, когда «цена вопроса» становится по-настоящему высокой. Моральное поведение включает не только самоограничения в отношении нарушения моральных норм, но и активность в их соблюдении, которая осуществляется с опорой на другие психические процессы и закономерности социального взаимодействия. Активная способность прийти на помощь человеку, оказавшемуся в экстремальной ситуации не тождественна принципиальной, но пассивной позиции никогда не брать ничего чужого. Таким образом, еще одной методологической сложностью изучения нравственности является необходимость оценки степени активности или пассивности позиции личности, распространенности моральной сферы только на субъекта морального действия или на его социальное окружение, готовности отстаивать собственную моральную позицию, принять на себя моральную ответственность и реализовывать ее в отношении других людей.

Мораль, будучи всегда ориентированной на другого человека, формируется в процессе социализации ребенка, ориентации на социальные требования, исходя из потребностей поддержки, принятия, стремления быть включенным в группу, а значит соблюдать нормы поведения, предлагаемые группой, принимать точки зрения других людей. Вместе с тем, моральный поступок зачастую основывается на готовности противостоять мнению других, на индивидуальной ответственности и независимости. Однако и в самой этике нет (возможно и не может быть) однозначного решения вопроса о первостепенном значении абстрактных моральных императивов или ответственности перед конкретным человеком.

В психологии выделены различные механизмы морального развития, такие как анализ и оценка моральной дилеммы, присвоение образцов, общение и кооперативное взаимодействие со сверстником, смена

ролевой позиции, регуляция поведения через самооценку и самоотношение, формирование чувства вины и стыда, развитие высших эмоций, моральная децентрация и волевая регуляция поведения. Вместе с тем, потенциальное влияние указанных механизмов весьма ограничено, а содержательный анализ затрагивает лишь отдельные стороны морального развития. Скажем, понимание нравственного развития ребенка как присвоения культурных образцов через формирование общественной позиции ребенка не дает убедительного ответа на вопрос о том, как собственно происходит (или не происходит) это присвоение. Возможность организации нравственной деятельности вызывает вопрос о мотивах ее осуществления (альтруистическая мотивация часто подменяется соревновательной) и реальности такой активной, деятельной «отработки» моральных действий. Роль идеалов в качестве эталонов нравственных действий неустойчива и с возрастом сводится к минимуму.

В исследованиях формирования моральных действий или становления моральной саморегуляции ничего не говорится о переносе действия на другие, сходные ситуации. Фактически, освоение каждой моральной нормы происходит изолированно, в свои сроки и по своим законам.

Отсутствие четкой схемы морального действия не позволило достаточно эффективно применить концептуально-методический аппарат теории П.Я. Гальперина. Экспериментальные работы по формированию моральных действий не принесли однозначных результатов. В исследованиях выступило, что моральные действия выделяются особым классом действий, целенаправленное формирование которых определяется специфическими задачами и процедурами.

Другое противоречие в исследовании морального развития связано с трудностями конкретизации возраста появления моральной регуляции поведения. С одной стороны, сложность, рефлексивность, осознанность и системная организованность морального поведения предполагает внутреннюю зрелость личности, необходимый уровень развития логического мышления, осознанную иерархию мотивов, произвольность и развитую эмоциональную сферу. С другой стороны, асоциальность достаточно рано формируется как устойчивая направленность личности, что позволяет отнести процесс формирования базовых моральных структур уже к дошкольному возрасту.

Конечно, моральное развитие представляет собой процесс, развернутый в онтогенезе и сохраняющий свое значение во всех возрастах. Тем не менее, многие исследования указывают на приоритетную роль ранних возрастов. Следовательно, первоначальное становление нравственной позиции происходит не через анализ альтернативных ситуаций или, скажем, соотнесение последствий действий с состоянием каждого участника морального конфликта, но действуют другие, устойчивые факторы, создающие фундамент нравственности у субъекта.

Картина морального развития представляет собой последовательное присвоение нравственных императивов, осуществляемое в каждом возрасте на новом уровне с опорой на новые, формирующиеся в онтогенезе психологические механизмы освоения и присвоения моральной действительности. Меняющаяся с возрастом система отношений с окружающими людьми и система социальных ориентиров сказываются на содержании морального развития. Субъект никогда не получает окончательного и однозначного ответа на моральную дилемму и дихотомия добра и зла меняет степень дифференцированности своих полюсов по мере созревания личности, становления мировоззрения и формирования самосознания.

Фактически не исследованным остается моральный опыт субъекта. Большинство работ реализуют номотетический подход к изучению морального развития. Отсутствие идеографических описаний индивидуального процесса нравственного становления личности не позволяет осуществить качественный, целостный анализ всей системы компонентов моральной сферы. Моральное действие не является раз и навсегда сформированным навыком, но значительно меняется со временем, базируясь на все новых основаниях.

Современный методологический подход должен учитывать различные контексты морального поведения, формируя адекватное суждение о поведении человека как целостном феномене. Недостаточная адекватность измеряемых традиционными методами феноменов содержанию морального развития не позволяет решить проблему детерминации морального поведения.

Источники внутриличностных конфликтов клиента с позиций концепции полимодального я

Л. Я. Дорфман
Пермский гос. институт искусства и культуры

Если клиент обращается за помощью к практическому психологу, значит, у первого в том или ином виде присутствует внутриличностный конфликт, а второй должен быть вооружен знаниями об источниках, порождающих этот конфликт, и пониманием путей, по которым он может быть разрешен. Очевидно, что по этой линии психологическая наука может вносить позитивные вклады в психологическую практику.

Обычно внутриличностный конфликт понимается как трудно разрешимое противоречие, вызванное столкновением между примерно равными по силе, но противоположно направленными интересами, потребно-

стями, влечениями и т.п. Не совсем понятно, однако, каким образом у личности, которую характеризуют по преимуществу как целостное и единое образование, могут возникать противоположно направленные интересы, потребности или влечения. Ответ на этот фундаментальный вопрос может заключаться в том, что сама личность принципиально соткана из внутренних противоречий. Эта идея была осмыслена, развернута и подвергнута эмпирическому тестированию в концепции метаиндивидуального мира (Дорфман, 1993, 1997, 2006) и в основанной на ней концептуальной модели полимодального Я (Дорфман, 2004). В данном сообщении предпринята попытка раскрыть возможности концепции полимодального Я для определения практическим психологом источников внутриличностных конфликтов клиента.

1. В основе концепции метаиндивидуального мира лежит принцип двойственности (множественности) качественной определенности. Согласно этому принципу, личность скорее «дивергентна», чем «конвергентна», она описывается как многомерный (множественный), а не одномерный конструкт. С позиций полисистемного подхода и в функциональном плане, она может одновременно занимать несколько разных и расходящихся позиций к своему окружению и к самой себе. С позиций полисистемного подхода и в структурном плане, в метаиндивидуальном мире выделяются четыре относительно самостоятельные области: *Авторство* (авторство в отношении собственных переживаний, мыслей и поведения, автономность, самоидентичность, самодостаточность), *Принятие* (восприятие, понимание, признание других людей, причастность и приобщение к ним, в том числе в форме эмпатии и идентификации), *Обладание* (установка на трансформацию других людей в предмет своей собственности (ментальной, материальной, энергетической, информационной, ресурсной) и удержания их в собственном владении, доминантность, властность, превосходство, преобладание, управление, воплощение) и *Конформность* (принадлежность другим, следование, подчинение нормам, ценностям и правилам окружения, его референтность и восприятие как образец, подражание и примыкание к окружению, выполнение предписанных окружением ролевых функций, нетождественность себе и ориентация на идентификацию с окружением, зависимость). Очевидно, что в разных областях своего мира личность разная, не тождественна самой себе тотально, но все же это не расщепление, а дифференциация и дивергенция. Как возникает такое противоречивое единство метаиндивидуального мира и каковы его внутренние механизмы – главный вопрос, который ставится, изучается и решается в концепции метаиндивидуального мира. Эта тема разрабатывается, в частности, по линии установления в метаиндивидуальном мире признаков дискретности, параллельности, альтернативности и дополнительности.

2. Kihlstrom, Marchese-Foster, and Klein (1997) определили Я–концепцию как ментальную репрезентацию человеком особенностей его личности. Подобным же образом понимается Я–концепция с позиций концепции метаиндивидуального мира – ментальная репрезентация человеком особенностей его метаиндивидуального мира. Тогда в Я–концепции можно выделить четыре субмодальности Я: каждая из них есть ментальная репрезентация отдельной области метаиндивидуального мира. Первая субмодальность – Авторское Я; в нем ментально репрезентируется область Авторства в метаиндивидуальном мире. Вторая субмодальность – Воплощенное Я; в нем ментально репрезентируется область Обладания. Третья субмодальность – Превращенное Я; в нем ментально репрезентируется область Принятия. Четвертая субмодальность – Вторящее Я; в нем ментально репрезентируется область Конформности. Эти представления были оформлены в виде концептуальной модели полимодального Я (Дорфман, 2004). Представления о полимодальном Я получили эмпирическую поддержку: субмодальности Я и их манифестные переменные распались на четыре самостоятельных фактора (Дорфман, 2004). Была показана сопряженность субмодальностей Я с эмпирическими референтами соответствующих областей метаиндивидуального мира (Дорфман, 2007).

3. В отношении запросов психологической практики одной из целей анализа полимодального Я является обнаружение источников противоречий и согласия между его субмодальностями. Другая, дополнительная цель анализа полимодального Я заключается в обнаружении зон его роста и развития. Речь идет о фундаментальных проблемах Я: его конфликтности и аутентичности. Принципиальное решение этих проблем заключается в том, чтобы установить локусы возможных конфликтов между субмодальностями Я, но также определить условия и предпосылки их разрешения, достижения согласия и «совместимости». Центральное внимание к субмодальностям Я объясняется тем, что содержания сознания, их поток обусловлены полимодальным Я и производны от него. Например, Авторское Я ставит в центр сознания «Я» и организует переживания, мысли и оценки вокруг него. Воплощенное Я приводит к тому, что в сознании преобладает содержание, направленное на обладание другими людьми. «Другой» переживается и мыслится в определенном контексте – как «мой», «мое». Превращенное Я смещает содержание сознания на другого человека, но в другом контексте, чем Воплощенное Я. Превращенное Я ставит в центр сознания другого человека, понимание и принятие, что предполагает в то же время самоотстранение. Вторящее Я обуславливает другие содержания сознания: не понимание, а подражание, не автономность, а зависимость, не обладание, а принадлежность.

4. Условимся под *конфликтностью* полимодального Я понимать противоречие и несогласованность функционирования его субмодальностей при параллельном выстраивании ими собственных позиций: как автора

(Авторское Я), как воплощающего себя в других людях (Воплощенного Я), как понимающего и принимающего других людей (Превращенное Я), как ориентирующегося на принадлежность другим людям (Вторящее Я), Тогда конфликтность полимодального Я может возникать, во-первых, в силу смешения разнонаправленных позиций, исходящих от разных субмодальностей Я, во-вторых, из-за смешения содержания сознаний, обусловленных разными субмодальностями Я, в-третьих, по причине подавления позиций одних субмодальностей Я позициями других субмодальностей Я, в-четвертых, по причине подавления одних содержаний сознания другими содержаниями сознания, в-пятых, в результате отсутствия режима дополненности и конгруэнтности между субмодальностями Я.

5. Противоречие между любыми субмодальностями полимодального Я может перерасти во внутриличностный конфликт. Однако психологическое содержание конфликта будет разным для разных субмодальностей Я. Можно выделить три группы базовых внутриличностных конфликтов. Первую группу образуют субмодальности Я, взятые по отдельности. Каждая субмодальность Я – возможный источник внутриличностного конфликта, если ее потенциал недореализуется, сталкивается с препятствием или возникает сильно выраженное противоречие между субмодальностью, какой она есть, и той же субмодальностью, какой она представляется быть должной или желаемой. Вторую группу базовых внутриличностных конфликтов образуют пары субмодальностей Я, взятые совместно. Конфликты могут возникать всякий раз, как только те или иные пары субмодальностей Я актуализируются в параллельном режиме и одновременно. Третью группу образуют базовые внутриличностные конфликты, возникающие в результате столкновения функционирования одних пар субмодальностей Я с функционированием других пар субмодальностей Я. Например, когда модальность «Я» (Авторское и Вторящее Я) и модальность «Другой» (Воплощенное и Превращенное Я) функционируют в параллельном режиме и одновременно. Далее краткому анализу подвергаются базовые внутриличностные конфликты, составившие вторую группу.

6. Корни базовых конфликтов можно обнаружить в условиях параллельного и одновременного функционирования нескольких субмодальностей Я. Дадим им краткую характеристику.

Авторское Я и Воплощенное Я. Противоречие между ними не является антагонистическим. Самотождественность (Авторское Я) и стремление к воплощению (Воплощенное Я), казалось бы, даже предполагают друг друга. Тем не менее почвой для конфликта может стать неполная реализация потенциалов этих субмодальностей. Если Авторское Я избыточно экзистенциально, а Воплощенному Я недостает инструментальности (оно избыточно созерцательно), конфликт может возникать между «хочу» и «могу». «Хочу» и «могу» восходят к обеим субмодальностям, но в расходящихся аспектах. Авторское Я «хочет», но неадекватно оценивает свои

возможности. Воплощенное Я тоже «хочет», но «не может» в смысле не умеет. Еще один пример – творческая активность. Она может принимать характер внутреннего конфликта, когда «мысль не пошла в слова», материал предмета «сопротивляется», автор «прилипает» к продукту своего творчества и не может освободиться от него или, наоборот, автор опустошен, поскольку все свои силы отдал своему творению.

Авторское Я и Превращенное Я. Эти субмодальности провоцируют обособление личности либо от своего Я (Превращенное Я), либо от других людей (Авторское Я). Корень возможного конфликта в том, что обособление может проявляться в феномене отстранения. Отстранение проявляется двояко. В пределе, во-первых, может иметь место отстранение от других людей и центрация на своем Я (Авторское Я). Во-вторых, может наблюдаться самоотстранение: понимание и принятие Другого за счет вытеснения собственного Я (Превращенное Я). В пределе и если иметь в виду только конфликты, чем в большей степени личность центрируется на своем Я, тем в меньшей степени она может понять и принять других людей. Но также и наоборот: чем в большей степени личность центрируется на Другом, тем в меньшей степени она тождественна самой себе. Источники конфликта здесь кроются в нарушении баланса между принятием Другого и удержанием своей самотождественности.

Авторское Я и Вторящее Я. Противоречие между ними может возникнуть по линии самотождественность (Авторское Я) – принадлежность Другому (Вторящее Я). В ряде ситуаций самотождественность и принадлежность Другому могут исключать друг друга. Вместе с тем при одновременной ориентации на то и другое может возникать конфликт. В самом деле, принадлежность Другому может приводить к подавлению самотождественности (один корень конфликта), а ориентация на самотождественность может вызывать проблемы в части принадлежности Другому (другой корень конфликта).

Воплощенное Я и Превращенное Я. Две картины мира людей – мир «сам по себе», такой, какой он есть безотносительно к Я (Превращенное Я), и мир, который Я воспринимает, переживает и мыслит как «мой» (Воплощенное Я) приходят в столкновение. Одно исключает другое. Однако личность ориентируется на обе картины мира одновременно. Так возникает конфликт между этими субмодальностями Я.

Воплощенное Я и Вторящее Я. Обе субмодальности способствуют слиянию личности со своим окружением. Однако слияние осуществляется по расходящимся основаниям. Ориентация на обладание (Воплощенное Я) – это слияние на условиях властвования и доминантности, ориентация на принадлежность (Вторящее Я), напротив, – это слияние на условиях зависимости, покорности и одобрения. Корень конфликта здесь в трудностях и препятствиях, возникающих в условиях притязания на слияние. Более того, конфликт может возникать из-за того, что сильно выражен-

ные ориентации на обладание и на принадлежность оказываются несовместимыми одновременно.

Превращенное Я и Вторящее Я. Ориентация на понимание и принятие Другого (Превращенное Я) и ориентация на принадлежность (Вторящее Я) могут быть несовместимы из-за того, что понимание и принятие Другого основано на самоотстранении, а принадлежность, напротив, предполагает слияние на условиях зависимости и одобрения от Другого, востребованность «меня» Другим. В пределе, возникает внутриличностный конфликт, если Превращенное Я и Вторящее Я функционируют одновременно.

7. Несколько базовых посылок определяют пути разрешения Я своей внутренней конфликтности. Во-первых, за конфликтность отвечают, как правило, не полимодальное Я в целом, а его отдельные субмодальности или их совокупности. Во-вторых, конфликтность может казаться таковой с точки зрения одной субмодальности Я, но безконфликтной с точки зрения другой субмодальности Я. Следовательно, в-третьих, принципиально возможны управление ситуацией, или ее интерпретация, или ее анализ путем переходов и смещения внимания от одних субмодальностей Я к другим. При этом интерпретация ситуации или выводы ее анализа могут капитальным образом меняться. А это значит, в-четвертых, что смена управления ситуацией, или ее интерпретации, или ее анализа через перемещения от одних субмодальностей Я к другим и есть принципиальный путь разрешения полимодальным Я своей внутренней конфликтности. В этом ключ к тому, как практический психолог может оказывать помощь клиенту в решении его внутриличностных конфликтов.

Культурная травма: социально-психологический анализ

Т.П. Емельянова,
ИП РАН (Москва)

Метафора культурной травмы при всей своей условности по отношению к изначальному медицинскому значению понятия, тем не менее, позволяет выделить по аналогии, как симптомы, так и этапы травматического состояния. Культурная травма, в понимании польского социолога П. Штомпки, является коллективным феноменом, то есть состоянием, переживаемым группой, целым обществом. Мы находим симптомы культурной травмы в российском обществе на всех трех уровнях, выделенных Штомпкой. На демографическом уровне, на уровне социальной структуры и, собственно, культуры. Общеизвестные негативные демографические изменения, наступившие в результате общественных трансформаций в

нашей стране, обуславливает комплекс причин, среди которых важное место занимают психологические причины. Так, в Государственном докладе о состоянии здоровья населения за 1993 г., отмечалось, что имеется выраженная связь общей заболеваемости с невротическими расстройствами, что увеличивает сочетанность заболеваний. Симптомы травмы на уровне социальной структуры проявляются в нарушении ранее устоявшихся социальных связей. Изменившаяся структура общества и новые экономические отношения, «заставшие врасплох» большую часть населения страны, полностью опрокинули привычную стратификацию общества и, естественно, не могли не отразиться на психологическом самочувствии людей, приводя к неопределенности в процесс самоидентификации. Третий уровень рассмотрения симптомов коллективной травмы – культурный понимается как «раны на ткани культуры», в самом широком смысле слова. Мы считаем целесообразным, дополнить эту классификацию социально-психологическим и индивидуально-психологическим уровнями. Каждый из них содержит свою специфическую симптоматику, и может быть рассмотрен в этом контексте соответственно своему предмету и субъекту. Особенности социально-психологического уровня анализа культурной травмы помимо социально-когнитивных процессов включает и изменения в ценностных ориентациях, и типичные для групп поведенческие стратегии совладания с травмирующей ситуацией, и разделяемые способы адаптации, и коллективные эмоциональные переживания.

Стадиальность в развитии травматического состояния представляет собой особую проблему. Каждая из стадий имеет, на наш взгляд, вполне определенное психологическое содержание в форме соответствующих феноменов и процессов. Прежде всего, культурная травма возникает не случайно, не спонтанно, а имеет некую предысторию или социальный фон, провоцирующий ее актуализацию. Что касается перестройки, то демократические преобразования в СССР были инициированы высшим руководством страны и насаждались через СМИ. Как показывают опросы спустя 20 лет, эти идеи были поняты и поддержаны меньшинством населения, а именно, гуманитарной и творческой интеллигенцией, студентами, а также малочисленными группами инженерно-технической интеллигенции и военнослужащих. Среди противников перестройки были «в основном представители рабочих и крестьян, а также пожилые люди, для которых перестройка означала разрушение их привычного мира». Напрашивается вывод, что перестройка большинству населения была чужда и, соответственно, несла с собой негативные переживания, страхи и тревоги. Исследования политологов показывают, что сама историческая логика появления демократии как политической системы была нарушена в России, где демократический импульс (против коммунистов) возник до формирования частной собственности и в отсутствие слоя ответственных собственников.

Что же явилось наиболее травмирующим для неподготовленной части граждан России? В отличие от менталитета жителей Центральной Европы, которые ощущали желание (и делали практические попытки) освободиться от диктата СССР, наши соотечественники за редким исключением чувствовали свою причастность к великой державе, своего рода имперские амбиции, которые укреплялись советской идеологией. Рассыпавшиеся амбициозные притязания вызвали ощущения утраты и разочарования. «Учиться демократии», к которой осознанно стремилось население Центральной Европы, советские граждане не спешили. Мощность стресса перемен по-разному отразилась на мотивированной и немотивированной частях населения. Внутренне подготовленные к их необходимости, отдельные социальные группы, испытав стресс, тем не менее, нашли в себе возможности и ресурсы для его адекватного преодоления. Немотивированные и неподготовленные группы, столкнувшись со стрессом, испытали тяжелые травмы и понесли моральный ущерб. Травмирующей стала и рефлекслируемая несправедливость новых социальных отношений. Обнаруженный исследователями эгалитаризм сознания граждан объясняется не только «социалистическим» стилем мышления. Нужно признать, что объективно возможности и ресурсы разного рода очень различаются в различных социальных группах. Существующая в России ситуация именно поэтому воспринимается большинством населения (более 70 % респондентов) как несправедливая. При этом основную «зону неудовлетворенности» составляют размер зарплаты (80 %), материальное положение семьи (70 %), условия для отдыха (60 %), условия труда (50 %). Эгалитарные установки особенно сильны в сфере обеспеченности работой (75 %) и получения медицинской помощи на современном уровне (80 %). Неравенство доходов неизбежно сказывается на возможностях поддержания здоровья. Осознание такого положения вещей, безусловно, не только оказывает травмирующее воздействие на психику малоимущих граждан, но и ведет к формированию «культуры бедности», к редуцированию потребностей, апатии. По результатам ряда независимых исследований можно сделать вывод, что наиболее травмирующими факторами новой социально-экономической ситуации для большей части граждан помимо социальной несправедливости являются утрата стабильности, падение морали, утрата чувства защищенности, уверенности в завтрашнем дне, ослабление порядка в стране, нарастание межнациональных конфликтов.

Культурная травма, перенесенная в годы перестройки, породила посттравматические феномены, появление которых можно рассматривать как отдельную стадию процесса. Они выступили в виде рефлексии произошедших событий и перемен, изменений в социальной идентичности, изменившейся структуры ценностных ориентаций и др. Можно выделить два основных аспекта кризиса социальной идентичности россиян, наблю-

даемого в настоящее время. Первый, естественно, связан с распадом прежнего и возникновением нового государства, изменением экономико-политической системы и структуры общества. Этот аспект кризиса идентичности можно назвать «кризисом утраты». Его основные составляющие – снижение показателей гражданской идентичности, изменения в характеристиках этнической идентичности и т.д. Другой аспект кризиса идентичности касается переживания людьми проблем, связанных с установлением более непосредственных контактов с западным миром. Мы определили бы данный аспект кризиса идентичности как «кризис вхождения».

Адаптация населения к новым условиям выступает очередной стадией развертывания культурной травмы. Совладание с обстоятельствами в этих обстоятельствах зависела, прежде всего, от готовности к изменениям. Важными факторами успешности явились также социальный капитал и ресурсы личности. Среди ресурсов выделяют возраст, образование, которое коррелирует с применением активных форм адаптации. Немаловажное значение также имеет ресурс семьи, проживания в крупном городе, занятость в частном секторе. Кроме социологических параметров, на наш взгляд, определяющее значение имеют психологические ресурсы. Кроме уже упоминавшейся изначальной готовности к переменам, решающее значение имеют политические установки, ценностные ориентации и сконструированные в новых условиях социальные представления. По нашим данным группы студенческой молодежи и интеллигенции (представители экономически преуспевающих слоев не опрашивались), оперирующие наиболее позитивно окрашенными социальными представлениями о новых экономических и политических реалиях, оказываются наименее травмированными и наиболее психологически благополучными, несмотря на невысокий экономический статус. В массовых же случаях тяготы жизни и необходимость выжить толкали людей к индивидуалистическим стратегиям поведения, при которых «каждый за себя». Г.Г. Дилигенский называет эту стратегию адаптационным индивидуализмом слабого человека. Будучи принужденным рассчитывать исключительно на свои силы, человек не просто ощущает себя автономным по отношению к социуму и социальным институтам, но и воспринимает все социальное как враждебную ему среду.

Следующая стадия – последствия культурной травмы. Главное, что фиксируют исследователи – это крайняя слабость общественной солидарности, или выражаясь в терминах Дюркгейма, аномичное состояние общества. В этих случаях многие люди чувствуют себя выброшенными за пределы устоявшейся упорядоченной жизни, они начинают вести себя эгоистично, у них усиливаются склонности к девиантному поведению. Аномия имеет свои социально-психологические симптомы, важнейшими из которых являются негативные эмоциональные состояния (дискомфорт, страхи, деструктивные чувства, «социальная астения» и др.). Кроме того,

отсутствие общественной солидарности на уровне менталитета проявляется в диверсификации базовых социальных представлений, конструируемых группами, в связи с появлением новых экономических и политических реалий. Отсутствует солидарность с другими людьми, с обществом в целом, укрепляется индивидуализм, ценности автономии, не развиваются ценности гражданского участия. Нарастает враждебность к властям, фиксируется отсутствие доверия власти. Каждый из этих симптомов аномии составляет важную проблему для общества, связанные же в едином комплексе, составляя своего рода «аномичный» синдром, они порождают устойчивые негативные феномены обиденного сознания, новые поля социальной напряженности и, так называемую, «негативную мобилизацию».

Психологическую основу этого синдрома составляют негативные эмоциональные переживания. Так, многие исследования свидетельствуют о наличии страхов у населения. Очень распространенным является страх потери работы. Ситуация усугубляется тем, что по данным «Левада-Центра» за 2007 г. 66 % россиян не имеют сбережений. Деньги предпочитают тратить на покупку бытовой техники, автомобилей, делать ремонты в квартирах, даже, если для этого приходится брать кредит. Страх россиян вызывают также резкий рост жилищно-коммунальных платежей и проблемы, связанные с различными сферами социальной политики. Типичным видом страха является и страх утраты здоровья, потеря которого может привести к снижению уровня и качества жизни, к хронической бедности.

Помимо страхов, россияне, по данным на 2006 г., испытывают и другие деструктивные чувства: чувство беспомощности (80 %), ощущение несправедливости (90 %), опасения, относительно невозможности получить медицинскую помощь (29 %). Чувство отчаяния (17 %) особенно часто фиксируется у пожилых людей и части населения с низким ресурсом образования, здоровья и условий жизни. Характерно, что доля россиян никогда не испытывавших ни одного из этих деструктивных чувств составляет всего 5 %.

Обилие негативных переживаний ожесточает людей. Исторически характерные для россиян чувства милосердия, сострадания к тем, кому хуже, уже не являются распространенными в обществе. По результатам опросов лишь 25 % россиян готовы платить более высокие налоги, чтобы обеспечить бесплатную медицинскую помощь всем нуждающимся в ней гражданам. Такой низкий уровень социальной солидарности противоречит традиционным ценностям и порождает негативизм и «реактивный индивидуализм». Между тем, если эта социальная болезнь станет хронической, трудно предполагать быструю и успешную консолидацию общества. Скорее можно думать, что подобная ситуация будет порождать все новые очаги социальной напряженности, в дополнение к уже имеющимся

– между бедными и богатыми, русскими и нерусскими. Другой стороной общественной дезинтеграции является ослабление социальных связей между людьми, снижение объемов кооперации для решения насущных проблем, что является одним из показателей «социального капитала».

В поисках путей исправления ситуации, выхода из тупиков общественной аномии с ее негативными социально-психологическими симптомами и последствиями надежды специалистов связываются с повышением эффективности социальной политики государства и с формированием основ гражданского общества. На пути этого процесса имеется множество препятствий, среди которых важнейшими представляются правовые, политические, культурные и социально-психологические (социальная апатия, апатия, страхи в обществе), существенно тормозящие процессы развития гражданского общества и гражданского сознания населения. В России и на рассматриваемом временном промежутке, и до него, можно говорить о традиционном отсутствии доверия личности к государству. Между тем, гражданская идентичность предполагает единство интересов личности с социальной общностью, доверие и участие. Это рассогласование серьезно тормозит развитие гражданского общества. Посттравматическая стадия состояния общественного сознания в нашем государстве затягивается. Неустойчивость общественной структуры, порожденная таким положением вещей, делает общество уязвимым во многих отношениях, что неизбежно сказывается на психологическом состоянии населения.

Структура профессионализации психолога образования

Изотова Е. И

Московский педагогический государственный университет

В настоящее время, на новом этапе становления отечественной психологии образования можно констатировать появление новых требований к профессионализации психологов данной специализации. В первую очередь они имеют отношение к профессиональному сознанию и профессиональной рефлексии специалистов. Так, наряду с целым рядом личностных, коммуникативных и когнитивных требований подразумевается осознанный выбор специалистом альтернативных концептуальных моделей и функциональных стратегий своей профессиональной деятельности.

В качестве альтернативных мы выявили две группы моделей и обозначили их как моноконцептуальные и поликонцептуальные. *Моноконцептуальная модель профессиональной деятельности* – это профессиональная деятельность, основанная на единичной концепции психологического взаимодействия и построенная с учетом характеристик концептуальной направленности и целостности. По сути, это концептуализирован-

ная практическая деятельность психолога, имеющая выраженное научно-теоретическое обоснование, то есть «научную школу». Однако, профессиональная деятельность психолога, построенная на основе моноконцептуальной модели при определенных условиях (обширная проблематика, недифференцированный запрос и пр.) не всегда может обеспечить решение психологической задачи (психодиагностическое обследование, психокоррекция и психотерапия) в силу ее научно-теоретической парциальности.

Поликонцептуальная модель профессиональной деятельности — это профессиональная деятельность, основанная на совокупности различных концепций психологического взаимодействия в контексте нескольких научно-теоретических подходов, что предусматривает комплексное методическое обеспечение и технологии. Таким образом, видимыми преимуществами поликонцептуальной модели психологической деятельности является объединение, интеграция различных концептуальных позиций, что существенно расширяет профессиональное поле практического психолога и дает возможность максимально объективно дифференцировать психологическую проблему клиента и профессионально содействовать ее решению.

Выбор концептуальной модели психологической деятельности в сфере образования может быть осуществлен на основе отрефлексированной профессиональной позиции психолога-практика, при определенном уровне его профессиональной компетентности, обеспеченной внешними и внутренними факторами (базовое профильное образование, опыт психологической деятельности, рефлексивные способности и другие профессионально важные качества специалиста).

Отдельно хотелось бы отметить универсальность схематического построения представленных концептуальных моделей, которая выражается в возможности их наложения как на общую стратегию профессиональной деятельности психолога образования, так и на отдельные ее направления (диагностика, коррекция, профилактика и просвещение, консультирование и экспертирование).

Стратегии профессиональной деятельности психолога образования, по сути, являются функциональными системами действий, отражающими функциональные включения на каждом новом уровне деятельности, постепенное «наращивание» направлений психологической деятельности, начиная от консультативно-диагностического (констатирующего), через коррекционно-развивающее (преобразующее) к исследовательскому (экспериментальному). Кроме того, в реальной психологической практике ярко прослеживается динамика расширения объектов психологических взаимодействий от конкретных лиц (детей и взрослых) до образовательного пространства учреждения в целом. Это позволило нам обозначить данные системы профессиональных действий как *широкофункциональные*

и узкофункциональные стратегии профессиональной деятельности психолога образования

Высокая дифференциация стратегий профессиональной деятельности в сфере образования обоснована вариативностью профессиональных позиций практических психологов, а также запросами администрации образовательного учреждения, но есть основания предполагать, что выбор той или иной функциональной модели как индивидуализированной стратегии профессиональной деятельности осуществляется психологом с учетом его профессиональных возможностей и индивидуальных особенностей.

С нашей точки зрения стратегия профессиональной деятельности, ее цель и объект, а значит, и функционал определяется специалистом в соответствии с базовой (моноконцептуальная модель) или интегрированной концепцией (поликонцептуальная модель). Следовательно, профессиональная позиция психолога образования определяется скорее на осознании (рефлексии) «горизонтальных связей» между методологическими и технологическими основами своей деятельности (моноконцептуальная модель) или «горизонтально-вертикальных» связей между ними (поликонцептуальная модель). В этом случае предполагается так сложно достигаемое совпадение профессиональных возможностей специалиста и требований к его профессиональной деятельности.

В рамках нашего исследования *изучение концептуальной направленности и целостности профессиональной деятельности специалиста* осуществляется посредством констатации и обоснования ее модели. Структура данной модели Она состоит из трех единиц: научно-теоретическая составляющей, совокупности прикладных средств и организованной системы действий. Научно-теоретические представления профессионала о «психике» и «развитии», о структуре и динамике данных категорий определяют его методологическую позицию. Прикладные средства определяются научно-методическим обеспечением практика, его «инструментальной базой». Организованная система профессиональных действий представляет собой профессиональную технологию специалиста.

Случаи рассогласования методологического и технологического пространств базовой концепции деятельности практического психолога свидетельствуют об отсутствии концептуальной позиции у психолога, ее незрелости, необоснованного эклектизма.

Исследование стратегии профессиональной деятельности базируется на определении цепочки профессиональных действий, реализующих общую цель, объект и направления профессиональной деятельности психолога образования, включающих ее объективную эффективность. Психолог, специализирующийся на индивидуальном консультировании выбирает узкофункциональную модель. В своем выборе он опирается на собственную профессиональную позицию, которая обоснована полем и уров-

нем его компетентности, а также ориентацией на камерное психологическое взаимодействие. Следовательно, его выбор – адекватен. Неадекватным выбором будут широкофункциональные модели, ориентированные не только на констатирующие, но и на преобразующие направления психологической деятельности и предусматривающие активную позицию внедрения в образовательный процесс. Расхождение в профессиональных возможностях специалиста и требованиях, предъявляемых к реализации данных моделей, свидетельствует о незрелости профессиональной позиции психолога или его профессиональных деформациях.

В данном контексте рассмотрения проблемы профессионализма нами была сделана попытка определения «идеального пути», вектора профессионализации субъекта психологической деятельности. Реальный путь профессионального «восхождения» психологов-практиков системы образования существенно отличается от идеальной модели, и напрямую зависит от когнитивных и рефлексивных способностей специалиста.

Методика дифференцированных функциональных состояний (ДФС): истоки и практика

И.Н.Калинаускас,
Вильнюс - Москва

Введение

В данной статье нами будут описаны основные теоретические и методические аспекты технологии, которую назвали ДФС (методика дифференцированных функциональных состояний). В полном и подлинном своем содержании ДФС – это способ развития своих объемных качеств, для того, чтобы человек имел возможность максимально полно резонировать с реальностью и при этом быть и действующим, и думающим, и чувствующим. То, что мы условно называем **ДФС – это одна из технологий, позволяющая пройти курс от неуправляемого чувствования к переживанию.**

Изучая и осваивая методику ДФС, мы говорим о системе саморегуляции четвертого поколения. Это означает, что методика ДФС принадлежит к разряду тех систем саморегуляции, использование которых не требует прерывания основной деятельности. Она не прикреплена ни к одной из совокупностей отношений человека (индивидуальность, личность, сущность), но может быть использована в самых разнообразных целях. В случае наличия «Субъекта» или его недоразвитой формы, ВРИО – «стабильного самосознания», - методика позволяет координировать взаимодействия между различными аспектами Реальности, регулировать взаи-

моотношения и согласовывать действия различных частей воплощенности человека. Это позволяет субъекту (или стабильному самосознанию) входить в такие режимы резонанса и взаимодействия с Реальностью, которые открывают возможности постижения и преобразования.

Азбука ДФС

Каким образом формируется эта методика? Конечным продуктом любой системы саморегуляции являются изменения, происходящие в «Я»- концепции. Поэтому мы сознательно решали задачу, что нужно ввести в «Я»- концепцию, чтобы получить возможность управлять структурой эмоционально-чувственного, психоэнергетического восприятия?

Решение этой задачи потребовало использовать идею инструментальной составляющей «Я»- концепции. Ее можно рассматривать как триединство – тело как инструмент, сознание как инструмент, психоэнергетика как инструмент и производные на их базе – индивидуальность, личность, сущность. Имея в виду ту часть общих отношений с телом, с психоэмоциональной сферой, и с сознанием, о которой можно сказать: «Этим я умею делать то и то».

На основании этих трех составляющих можно выделить три основные формы, по которым можно классифицировать человеческую активность:

- 1) активность в основном мышечная, физическая, **витальная**;
- 2) активность в основном эмоциональная, **чувственная**;
- 3) активность в основном когнитивная, **ментальная**.

Все три формы активности (доминирование витальной, чувственной или ментальной активности) могут быть присущи каждому из трех инструментов.

Далее мы предлагаем специальный язык. Именно язык является ключевым моментом, потому что для того, чтобы оформить все свои смутные переживания: «что-то ощущаю», «жжет», «покалывает», «кажется», «чувствую что-то», «чудится» — в области психоэнергетической сферы.

Предлагаемый нами язык достаточно прост. Доминирование той или иной формы активности обозначается словом «уровень» и закодирован следующим образом.

Уровень 1 — это активность с доминированием витального начала.

Уровень 2 — это активность с доминированием психоэмоционального начала.

Уровень 3 — это активность с доминированием когнитивной, интеллектуальной сферы.

Уровень 4 — это такая работа психоэнергетического инструмента, при котором все эти уровни активности представлены равнозначно и в «унисон».

Далее нами вводятся понятия о ритмах. Под ритмом имеется в виду характеристика восприятия среды, на которую направлена активность. Это главный отличительный момент этой методики. Здесь в языке учтено, что состояние — функциональное, психоэмоциональное, психоэнергетическое — формируется не только в зависимости от форм активности, но и в зависимости от того, на какую среду направлена эта активность и как эта среда воспринимается.

Происхождение этого понятия берет начало от понятия «темпоритм», существующего в актерской профессии. В понятии «ритм» закодировано определенное восприятие среды, доминирование определенного восприятия и переживание чувства включенности в эту среду, потому что активность обязательно сопровождается чувством включенности в среду.

Таким образом, были выделены четыре ритма или четыре способа резонирования:

Ритм А — восприятие среды как континуальной, расширяющейся сферы, **ритм** бесконечного.

Ритм В — ритм живого, волна, поток.

Ритм С — восприятие среды как дискретной, множество дискретных объектов, символ — импульс.

Ритм D — восприятие среды как деструктивной разрушающейся, хаотической.

Соответственно возможны шестнадцать сочетаний, шестнадцать слов, шестнадцать кодовых обозначений для шестнадцати функциональных состояний. Вокруг этого во время учебных занятий постепенно формируется семантическое поле, которое позволяет потом это восприятие активизировать.

Области применения ДФС

А) **ДФС для индивидуальности.** В процессе освоения ДФС в полном объеме методика оказывает влияние на биохимические и гормональные процессы, на процессы, связанные с энергозатратами организма, что происходит, например, при управляемом процессе сверхмобилизации организма. С помощью ДФС появляется возможность ввести организм в предельный для него, на данный момент времени, режим мобилизации физических и психических возможностей. Такие возможности были доказаны входе подготовки спортсменов-легкоатлетов высшей категории и, естественно, с их согласия. С помощью определенных психотехнологических приемов, существующих в ДФС, спортсмены входили в такой режим работы организма, который позволил им во время тренировки преодолеть большинство их личных рекордов.

Разумеется, до тренировок и после них были замерены все биохимические показатели. Эксперименты проводились в период тренировочного процесса сборной СССР по легкой атлетике, и биохимическая лаборатория была очень хорошая. Эти эксперименты впервые дали возможность на основе серьезных лабораторных исследований убедиться в том, что интенсивное использование ДФС в несколько раз увеличивает потребление организмом таких веществ, как кальций, калий, магний, витамин С. После чего людям, серьезно занимающимся по методике ДФС, мы стали настоятельно рекомендовать следить за содержанием этих веществ в организме.

С внешней стороны ДФС позволяет индивидуальности оптимизировать различные виды деятельности, меняя пространственные взаимоотношения со средой. В процессе освоения методики мы называем это входом в «состояние» и управление «состояниями».

Изменение психофизических параметров деятельности человеческого организма при использовании методики ДФС было экспериментально исследовано и научно доказано, в особенности на основе работы со спортсменами. В результате нашли свое подтверждение многие практические наработки. Появилась возможность уверенно говорить о конкретных возможностях человеческого организма, которые раскрываются в процессе входа в заданное состояние и его управления. В качестве основных, можно выделить следующие состояния:

1В. В этом состоянии любой человек может совершить максимальное для него мышечное усилие, не требующее скорости, например, поднятие тяжестей.

1С. В этом состоянии любой человек способен совершить максимальное для себя мышечное усилие, в импульсном режиме, требующее скорости, типа толкания ядра, метания молота и т.п.

1С или **2С.** В этих состояниях, в зависимости от конструкции организма – любой человек достигает максимальной скорости спринтерского бега.

2В. В этом состоянии любой человек достигает максимальной мышечной и нервной релаксации.

3В. В этом состоянии любой человек максимально эффективно осмысляет результаты своей деятельности при сопутствующей минимальной мышечной активности.

3С. В этом состоянии любой человек достигается наилучший результат в решении умственных задач дискретного характера.

4С. В этом состоянии у любого человека наиболее ярко проявляется физическая выносливость.

4В. Это состояние для любого человека особо благоприятно для физических упражнений по системе ушу, тайдзы-чоань и т.п.

Таким образом, подводя итоги результативности использования ДФС на уровне индивидуальности, можно утверждать, что данная методика обеспечивает повышение уровня и эффективности мышечной активности при выполнении любых заданий на основе физического тела. Она обеспечивает как максимально возможную для данного момента времени мышечную мобилизацию, так и максимально возможную релаксацию – в зависимости от используемого «состояния». Наблюдается эффект ускоренного восстановления после усталости и высоких физических нагрузок, а также общеоздоровительный эффект, способствующий снятию или ослаблению негативных влияний внешней среды (погодные условия, температурные воздействия, качество пищи и т.п.).

Б) ДФС для личности. Личность может использовать возможности, которые дает данная система саморегуляции, прежде всего, для расширения диапазона восприятия социального пространства, для его дифференциации. Личность может также использовать возможности, которые дает освоение ДФС для ориентирования в пространстве другого человека, путем определения его доминирующего или текущего пространственного звучания. По сути, многие социальные отношения определяются именно звучанием в пространстве потоков, взаимодействующих между собой.

С помощью навыков, которые дает освоение методики ДФС, возможна нейтрализация негативных коммуникативных актов. Скажем, с помощью состояний **4А** или **4В** можно нейтрализовать агрессивность контрагента, выраженную в ритме D и т.д.

ДФС повышает вооруженность личности и увеличивает эффективность ее деятельности, давая возможность получить дополнительную, уникальную информацию о состоянии одного человека или целой группы за счет резонанса, т.е. подстройки под интересующее пространство. Тем самым может решаться задача структурирования межличностных взаимодействий за счет формирования ролевых форм, т.е. образов себя, соответствующих требованиям той или иной социальной игры.

ДФС повышает быстроедействие аппарата сознания, увеличивает интенсивность обработки информации как вербально-логического, так и образного типа, что, в свою очередь, способствует ускоренной выработке управленческих решений.

Совместно с воздействием на индивидуальность, ДФС обеспечивает повышение производительности труда любого уровня сложности, создает условия для проявления феноменов, определяемых термином «мастерство без мастерства».

Еще одна возможность при использовании ДФС для личности состоит в возможности познакомиться со своей личностью в более широком диапазоне, узнать, что личность – гораздо больше, чем «таковость». Такое знание не разрушит вашу «таковость», но позволит личности про-

явить себя более гибко и разнообразно. Обратите внимание: ДФС не делает личность более гибкой и многообразной, но позволяет ей проявлять гибкость и многообразие, присущие этому великолепному творению человеческой природы. Личность – воистину великолепное произведение. Без личности не было бы истории человечества, в том числе и истории его духовных поисков. С этой точки зрения, Персона не нуждается в Субъекте, но Субъект нуждается в Персоне.

В) ДФС для сущности. Использование возможностей ДФС дает сущности совершенно уникальные возможности, и, прежде всего, язык, на котором субъект или другой управляющий орган может вступать с сущностью в общение, может дифференцировать ее состояния, может дифференцировать энергопотоки, может варьировать степень резонанса с Реальностью, в зависимости от объема и характера решаемых задач. Эффективность этих возможностей в этом случае зависит от двух главных характеристик организма: энергоемкости и энергопроводимости.

При регулярных занятиях по методике ДФС эти показатели имеют устойчивую тенденцию к росту, что, в свою очередь, позволяет сущности расширять и увеличивать мощность резонанса с Реальностью, в том числе с несогласованной Реальностью. Естественно, развитие сущности сопровождается развитием эмоционально-чувственной сферы, а также освоением навыков управления ею. Как следствие, существенно возрастает стрессоустойчивость. Увеличивается объем и интенсивность переживаний, возникают возможности их осознанной инициации, что, в свою очередь, ведет к проявлению и раскрытию творческих (креативных) способностей и их реализации.

«Четверка»: гармонизация, как базовое состояние

Многолетняя практическая работа и серьезные научные исследования проявили одну очень важную особенность в технологической структуре ДФС. Оказалось, что в ДФС существует, как минимум, один элемент, который универсально хорош для реализации всего набора базовых, базальных потребностей человека. Он подходит и для банального соблазна лица противоположного пола, и для оздоровления собственного организма, и для любой творческой, креативной деятельности. Речь идет о состоянии, при формировании которого вся структура психоэнергетического инструмента работает в гармоничном, резонансном режиме. На языке ДФС это состояние именуется «четверкой». Это она настолько хороша и универсальна. Рассмотрим подробнее возможности, которые дает это состояние:

- **для индивидуальности** это означает исключительно целостное включение в мир. Это состояние исключительно комфортно физиологически и психологически. В состоянии 4 достигается максимальная психическая релаксация. Оно - прекрасный помощник для гармоничного взаимо-

действия полов. Овладение этим состоянием - это идеальная цель занятий ДФС на любительском (не профессиональном) уровне;

- **для личности** состояние 4 повышает уровень коммуникабельности, взаимопонимания, эмпатии, увеличивает чувствительность. Оно способствует эффективному целеполаганию и смыслополаганию, структурирует мыслительный процесс и облегчает осознание доминирующей внутренней мотивации. Более того, состояние 4-В гармонизирует активность правого и левого полушарий головного мозга;

- **для сущности**, это состояние является исходным, базовым.

Поэтому задачей номер один при освоении ДФС является выработка привычки постоянно находиться в состоянии 4-В или 4-С. Кое-что, правда, при этом начинает казаться странным, непривычным. Например, исчезает излишняя лихорадочность, которую многие ошибочно принимают за активность. Уменьшается всевозможная инертность (это когда уперся лбом, и с места не сдвинешь). Состояние 4 делает вас лабильными, текучими и при этом устойчивыми.

Это же состояние очень удобно, как начальная позиция для любой игры: будь то социальная игра, или игра с пространством, или игра с энергией. Это состояние – база, стартовая позиция. Оно идеально подходит актеру, как основа, с которой легко перейти к любому другому состоянию. Много хорошего вы можете сделать для себя одним лишь шагом: сделать состояние 4-В или 4-С своим постоянным состоянием.

Можно об этом сожалеть, но состояние 4 никогда не является врожденной психо-энергетической доминантой человека. И на уровне индивидуальности люди почти всегда отличаются друг от друга тем, какой именно энергетический центр у них доминирует. Три центра от природы никогда не бывают сбалансированными. И это обстоятельство многое определяет и в поведении людей, и в мышлении, и в способах коммуникации с другими людьми. Эти различия порождают многие проблемы в жизни семейных пар.

Перестать зависеть от своей природной доминанты и ничего при этом не сломать в организме позволяет именно гармонизация. Освоив ДФС, можно сделать своим базовым состоянием 4-В (4-С) и таким образом снять зависимость от доминанты, добившись гармоничного пространственного звучания всех энергетических центров. Это делает человека максимально энергоемким, энергопроводящим и, благодаря этому, особо привлекательным для людей с любой доминантой. Не буду скрывать, что освоение этого состояния в полном объеме не произойдет за один день или даже в течении изучения начального курса ДФС. Для того, чтобы такое состояние стало вашим и совершенно для вас органичным потребуются около трех лет направленных усилий. Только не надо при этом пугаться тех изменений, которые произойдут в вашем поведении, манере гово-

ритель, эмоциональных и двигательных реакциях, в ваших предпочтениях, симпатиях и антипатиях.

Еще хочу обратить ваше внимание на один сугубо практический аспект, связанный с базальной потребностью в общении с себе подобными, а также с потребностью в эмоциональном контакте. Состояние 4-B(4C) - это, прежде всего, сбалансированность: сбалансированность психики, сбалансированность энергетических потоков, сбалансированность метаболических процессов и процессов мышления. Но главный практический эффект, мне кажется, в другом: «четверка» дает человеку незримые преимущества в области коммуникативных связей, в области общения с другими людьми.

Заключение

Таким образом, разработанная нами методика ДФС, как система саморегуляции, может успешно использоваться для различных воплощенностей человека (личности, индивидуальности, сущности). Сама по себе она является инструментом управления возможностями, скрытыми в высшей нервной деятельности человека, относится к области операционного сознания и обладает регулируемыми функциями. Проведенные исследования показали, что методика ДФС может быть надежной опорой современному человеку в изменяющемся мире, позволяющей повысить его адаптационные и творческие способности.

Содержание «Интерперсоны» в интегративной психологии

В.В.Козлов,
Ярославль

Интерперсона – формы социального сознания и бессознательного и их реализации на уровне материальных, социальных и духовных носителей.

Мы можем в интерперсоне вычленить два базовых слоя: групповое сознание и групповое бессознательное. Сами обозначения этих слоев неоднозначны и требуют дополнительного анализа и описания. Я не могу сказать – определения, так объекты такого уровня сложности, на мой взгляд, вообще неопределяемы. Понимание интерперсоны в этой работе относится к метатеории, а не к теории. Если групповое сознание в материальном, социальном мы можем конкретизировать реальные объекты и в некотором приближении строить теоретические построения, то групповое духовное сознание уже мало эксплицируемо на уровне внятного объяснения.

Особенно это касается группового бессознательного. Читателям более понятна категория «коллективного бессознательного» К.Г.Юнга. Понятно, наверное, слишком оптимистично сказано. Правильнее – более часто употребляемое понятие в психологии – коллективное бессознательное.

На мой взгляд, прилагательное коллективное в этом словосочетании давно требует основательной ревизии. Понятно, что архетип является неведомым психическим феноменом, но не менее таинственным является коллектив.

Коллектив - группа объединенных общими целями и задачами людей, достигшая в процессе социально ценной совместной деятельности высокого уровня развития. Само происхождение понятия коллектив уже включает или идеальный посыл – как социальной среды, в котором человеческое существование было бы совершенным или - воспоминание-тоска по обезличенности, безответственности и слияния с группой.

И в первой, и второй версии есть множество дополнительных модальностей и вторичных бонусов для индивидуумов (у меня не хватает смелости и воображения, чтобы обозначить их личностями)

Как невозможно сколько-нибудь удовлетворительно перевести содержание архетипического образа на язык мышления, так и трудно описать понятие коллектива, так как нам все время приходится фантазировать, мечтать, впадать в ересь воспоминания о Золотом веке или первобытном коммунизме. За неполные 50 лет мне не удалось познакомиться ни с одним коллективом в реальности социальной жизни.

Коллектив это нечто, что нельзя пережить. Можно придумать, можно построить теорию, даже защитить докторскую диссертацию по психологии или лучше по педагогике.

Меня всегда поражали такие научные работы, когда объект фантом, и вроде бы попытка описать его на основе собственного психического опыта пахнет шизофренией, но существует экспериментальная стратегия, статистика и как бы объект и предмет.

Несмотря все наше коллективистское желание, индивидуальная позиция каждой отдельной личности зависит от меры значимости для нее групповой деятельности. В связи с этим тезис о том, что в группах высокого уровня развития, т.е. коллективах, цель совместной деятельности принимается всеми членами как своя собственная, выглядит достаточно абсурдным. Всегда существует проблема о мере принятия этой цели каждой личностью в отдельности.

Возможная реальность коллектива, опираясь на данные сравнительных исследований и метафор групповой динамики, обрастает цепью ассоциаций, аргументов, окружающих собой воображаемый образ высшей стадии развития социальной общности.

И потому мне не хочется использовать словосочетание «коллективное бессознательное» как галлюцинации в галлюцинации, хотя, как известно, психологи любят бредить.

Я, вне сомнения, мог бы еще несколько страниц написать о понимании коллектива в советской и российской социальной психологии и показать, что я разбираюсь в этой теме. Но мне кажется, что пора уже увидеть - «король то голый», и не было никакого коллектива как социальной общности и нет его, да и не будет в ближайшее некоммунистическое будущее.

Когда мы исследуем элементы группового бессознательного с точки зрения их значения и структуры, мы открываем, что они говорят на универсальном языке метафор и символов. Этот универсальный язык также раскрывает себя как символический язык мифологии, волшебных сказок, духовной традиции и религиозной веры.

Аналогичность и топологическая однозначность сценария стадий развития личности, матричность переживаний духовных прозрений во время прохождения сессий с применением измененных состояний сознания людей, представляющих различные культуры, мифы и традиции различных социальных сообществ, позволяют нам предположить, что в групповом бессознательном на самом деле существуют некие первичные протосценарии, которые отражены Юнгом в архетипах коллективного бессознательного.

К.Г.Юнг признавал, что выбор термина **коллективного бессознательного** недостаточно адекватен и для определения этой сферы основных моделей человеческого опыта и самоосознания ему лучше было в свое время предложить термин "**объективная психика**".

В качестве более адекватной замены мы бы могли предложить понятие **группового бессознательного**, но такая замена вызовет огромное количество толкований самого противоречивого характера, благо различий этого понятия уже множество.

И потому мы хотим ввести понятие интерперсонального бессознательного, заранее уточнив его содержание и объем.

Во-первых, что интерперсональное является фактом проживания индивидуальным свободным сознанием всего эволюционного опыта человечества.

Во-вторых, в интерперсональное включается весь опыт архаического, начиная от ранних языческих и шаманских традиций, заканчивая последними моделями Вселенной на языке физики и астрономии, хотя, если признать честно, трудно увидеть разницу между мистическим опытом древних и новейшими научными открытиями.

В-третьих, в интерперсональное включается огромное количество методов и техник, которые приводят человека в понимание целостности, или в самую целостность, если повезет или велико у человека намерение.

После этих замечаний, мне хочется раскрыть само содержание интерперсоны.

Интерперсона материальная

При первом приближении мы обозначили интерперсона материальную как предметно материальное оформление социальных статусов и ролей. Вне сомнения, такое определение является чрезвычайно суженным и скудным.

Если мы определим интерперсона материальную как предметную бытийную среду существования человечества, то это будет ближе к правде. В этой среде в качестве субъектов выступают не отдельные индивиды, но социальные сообщества. В широком понимании она объединяет по признаку материального существования все бесконечное многообразие вещей, явлений, предметов, процессов, их свойств, связей и отношений.

В философской традиции эта среда дифференцируется на бытие вещей, процессов, состояний природы, бытие природы как целого и бытие вещей, процессов, произведенных человеком.

Мы можем выделить **три слоя интерперсонального - материального:**

Первый слой – **измененная природа.**

Природа, ее вещи, процессы, состояния, ее целостность существовала до определенного момента совершенно независимо от сознания человека, независимо от его воли и субъективных желаний, но в настоящий момент, на наш взгляд, мы имеем реальность обусловленной сознанием человека природы. Это коренное, постоянное отличие природы Земли как особой формы бытия на современном этапе развития человечества.

Современная природа является реальностью особого рода как взаимодействие или со-бытие с интерперсональными субъектом, носителем которого выступает человечество 21 столетия. Она во многом сохраняет качество объективной и первичной реальности в том смысле, что интерперсональному субъекту позволено быть и существовать благодаря непреходящей природе. Но уже возникла странная и казусная ситуация – Гея уже во власти (предельной) человека. В 21 веке на Земле уже танцуют двое Великих – Природа и Сознание. Пока еще туманны перспективы, не так часто гармония, рвана мелодия, но уже танцуется. В этом танце мало взаимопонимания и танцоры больно наступают друг другу на ноги. Иногда он выглядит нелепым и абсурдным по содержанию вызываемых реакций, но танец уже происходит и силы равны, хотя опыт и мастерство несравнимы.

Второй слой – **сотворенная материальная среда.**

Следует отметить, что бытие человека в мире сотворенных вещей является основным средовым фактором его жизни и базовым структурным компонентом интерперсонального материального. Основная

масса людей рождается, социализируется и умирает в среде интерперсонального материального в ее сотворенной форме. Оно представляет высшее проявление неудовлетворенности человеком чистыми дарами природы. Интерперсональное материальное – продукт интеграции человеческого труда с веществом природы, бытие специфически человеческое в искусственной среде сотворенного сознанием и энергией человека.

В этой среде чрезвычайно важную функцию выполняют «вещи – орудия», с помощью которых люди оказывают воздействие на окружающий их реальный мир и преобразуют его. С их помощью люди осуществляют адаптивную деятельность, приспособляясь к среде путем её вещественно–энергетической переделки, целенаправленной трансформации в новые вещи, более рационально, экономично и прагматично удовлетворяющие их потребности.

Третий слой - **символьно-образно-знаковая информационная среда**

Этот слой является материализацией в словах, звуках, знаках естественного и искусственного языков. Материальные «носители» этого уровня интерперсонального - это материальные предметы и процессы (книги, схемы, чертежи, формулы, картины, проекты, аудио и видео носители и др.). Они выполняют функцию не непосредственного изменения реальности, а изменению наших представлений о мире. Они воздействуют на наше сознание, стремления, мотивационную структуру, цели, и выполняют не только функцию социализации, формируют систему знаний, умений и навыков, но реализуют координационную функцию личности и социальных сообществ. Этот слой воплощает в себе различные коды информации, служит средством её хранения, накопления, передачи. В некотором смысле это **символьно-образно-знаковая память человечества**, больших и малых социальных сообществ, которая является материальным проводником, хранителем и ретранслятором смыслов.

В конце 20-го, в начале 21 века возникла идеальная форма третьего слоя - система всемирной паутины – «Интернет».

При анализе всех трех слоев мы можем обнаружить достаточно странную закономерность – восхождение человека от одного слоя к другому и обживание новых слоев интерперсонального как сред существования. Собственно, живущих в условиях первой среды уже встречается чрезвычайно мало. Второй слой является базовым для всех малых и больших городов, формирующих даже свою экологическую нишу со значимой разницей в температуре окружающей среды, содержанием газов в воздухе, со световым и звуковым наполнением и т.д. В 21 веке появились жильцы третьего слоя – которые основное время проводят в сети и там же удовлетворяют свои базовые потребности.

Если первый слой является энергетической и вещной базой, а вещи второго слоя служат прямым орудием адаптации, то третий слой, обеспечивает целенаправленность человеческой деятельности, как на уровне индивидуальности, так и общностей различного масштаба и сложностей. Механическая структурная мозаика людей и сред трех слоев не создаёт целостное системное образование – интерперсональное материальное. Для его существования необходима сложная интегрирующая совокупность внутренних связей между всеми тремя слоями.

Роль и место человека как элемента среды зависит от присваиваемых ему функций.

На уровне первого слоя человек является сущностно животным предметом, выступающим в качестве или самки, или самца, или пищи или части стадного сообщества, находящимся в иерархии подавления-подчинения-доминирования-конкуренции над пищевыми ресурсами и ресурсами воспроизводства.

На уровне второго слоя функции людей в качестве предметов среды обеспечиваются достаточно устойчивыми, воспроизводимыми связями и отношениями, которые обозначаются общественными. Значимость людей как предметов социального пространства зависит от выполнения разделенных в процессе общественной деятельности функций, а так же местом при разделении совместно созданных результатов человеческой активности: готовых продуктов и средств их создания.

Если в первом слое важны биологические переменные, во втором - социальные характеристики личности, то в третьем слое человек становится больше символической и условной предметной реальностью.

Всемирная паутина не только сформировала всеединство потребителей, но и логически завершила процесс нивелировки индивидуального начала человека и превращение его в символический коммуникативный предмет. Возникла трудно определяемая (не определяемая вообще фактически) общность людей с Никами вместо имен и названиями почтовых ящиков в сети. В пике третьего слоя человек распредмечен, физически не является собой, индивидом, личностью. Он является абстрактным представителем компьютерной сетевой общности, его потребителем, коммуникатором и энергетической средой.

Завершен процесс отрыва человека от физически и социально репрезентированной среды. Не стало человека с реальными качествами и индивидуальными особенностями. Он стал ограниченной и стереотипизированной абстракцией, символом, образом, знаком.

Интерперсона социальная

Бытие социальное человека на уровне индивидуального (Эго-социальное – функционирование отдельного человека в обществе и в процессе истории), мы уже достаточно подробно разобрали в предыдущих разделах книги.

В этом параграфе мы хотим делать экскурс в бытие общества как глобальной социкультурной общности.

В предыдущем параграфе мы достаточно подробно раскрыли интерперсону материальную как способности хранить и передавать информацию через предметы окружающей среды. Вне сомнения, эта овеществленная информация в форме предметов потребления и средового фактора является неотъемлемым элементом социальной системы и в силу того, что интерперсона материальная подвержена постоянному воздействию со стороны человека и природы, находится в постоянном изменении, то вместе с ней меняется и интерперсона социальная.

В первом приближении интерперсону социальную мы определили как систему взаимодействий и отношений, обусловленных статусно-ролевыми идентификациями в социальных сообществах, то есть она является социальной системой – группой определенного типа, характеризующейся специфическим распределением социальных ролей. При этом определении мы упускаем множество значимых компонентов интерперсонального социального, которые с одной стороны – предзаданы для человека как система социализации, с другой стороны имеют реальную регулятивную функцию. Интерперсона социальная включает и культурную среду, которая не является в современном мире целенаправленной социализирующей системой, но формирует базовые представления человека о мире, систему образов и языка, верований, приоритетных знаний и умений, обычаев, форм трудовой и празднично-обрядовой жизни, системы фольклора. Заложенные в ней традиции регулируют половые, возрастные, семейные, клановые, национальные, трудовые, межпоколенные отношения, ценности и установки. То есть с другой стороны, она является носителем нормативно-ценностных установок, возникающих в рамках культуры.

Таким образом, интерперсона социальная – это интегрированная коммуникативная социальная среда, обеспечивающая формирование и функционирование личности с одной стороны, с другой – регулирующий и контролирующий все возможные ее формы активности.

Как мы уже указывали выше, интерперсоне социальной присущи те же тенденции, что и личности как системе: экспансивная, трансформационная, консервативная. Она обладает целостностью, которая обеспечивается благодаря функционированию определенной системы реализации гомеостатической (консервативной) тенденции. В динамическом аспекте равновесие и целостность системы достигаются в результате сложного взаимодействия всех компонентов интерперсоны через неизбежное прохождение через определенные точки кризисов, социальной напряженности и фрустрации.

Интерперсону социальную мы рассматриваем как интегрированные единства, независимо от того, по каким основаниям мы их дифференцируем, по количеству (диады, малые группы, большие группы, социальные мегасистемы), по профессиональным признакам (учителя, студенты, шах-

теры), по степени милитаризации (гражданские, военные), по интересам (любители пива, футбольные фанаты, шахматные клубы), по времени существования (толпа на автобусной остановке или народ Израиля) и др.

Она наделена своей собственной способностью жизни, которая протекает во времени, несмотря на обретение или потерю их членов, изменения, происходящие в частях входящих в них на правах подгрупп или членов.

Интерперсона социальная как всякая живая система имеет базовые качества или аспекта функционирования:

1. энергетическая поддержка, воспроизводство компонентов и сложившихся форм;
2. интеграция составляющих ее подсистем (подсообществ, групп, членов) или при помощи мотивационного единства, или власти, или цели и т.д.;
3. адаптация системы к изменяющимся условиям среды.

Как любой системе, интерперсоне присущи все фазы: рождение, развитие и стагнация – смерть. Неважно, то ли это диада (муж с женой или двое влюбленных), большая этническая группа или сверхдержава (Советский Союз).

Причины смерти интерперсоны следующие:

1. Взрыв - возникает шоковая социальная напряженность, которая приводит возникновению дисбаланса в отношениях между структурными элементами социальной системы;
2. Медленная смерть
 - а) тихая инволюция из-за дефицита воспроизводства компонентов или прекращения их энергетической поддержки
 - б) затухание и исчезновение интегрирующих факторов;
 - в) деструкция адаптивных механизмов.

Мне не хочется на такой печальной ноте заканчивать описание интерперсоны социальной. Тем более, несмотря на частности, ее существование на глобальном уровне (человеческой цивилизации) нами не может быть описана как в момент зарождения, так и в момент смерти. И вправду, говоря словами великого Омара Хайяма, ответ на вопрос «...откуда мы пришли, куда уйдем отселе...» нам неизвестен. Хотя факт понятен, что откуда-то пришли, и факт понятен, что уйдем, но и то и другое в тумане. И хотя крик рождения человечества во Вселенной был услышан и одинокий крест в космосе маячит...

Интерперсона духовная

Социальное духовное является по отношению к индивиду объективированным духовным, но одновременно всегда презентировано в социальной среде определенной группой лиц. Интерперсона духовная – система морально-этических, экзистенциальных ценностей и норм социальных сообществ. Здесь как важный средовой фактор присутствуют че-

ловеческая этика, моральные ценности, представления о добре и зле как высших категориях бытия в мире. Именно через моральные, экзистенциальные ценности интерперсональное духовное ориентирует и координирует человека в его чувствах, мышлении и поведении, направляя и корректируя свободную волю.

Оно содержит универсальные моральные ценности, требования и опирается на общие представления о добродетельном, правильном, достойном поведении, мышлении, чувствовании.

Социальная мораль и базовые экзистенции интерперсонального манифестируются ее носителями. Есть классические носители – воспитатели в детских учреждениях, учителя в школе, священники в церкви, ламы в дацане, преподаватели в вузе, которые всегда готовы активно внедрить в личность общественные моральные ценности в императивной форме.

Их можно обозначить специалистами в нравственном воспитании, так как именно на них возлагается функция морального и экзистенциального воспроизводства социального сообщества. Именно в силу того, что им делегирована функция «знания», что такое добро, что такое зло, зачем живет человек и в чем смысл, как устроен мир..., ими ценности провозглашаются в такой форме, которая указывает на необходимость их практического воплощения в понимании, поведении, действиях, эмоциональном реагировании.

Но в любой реальной жизненной ситуации в зависимости от степени значимости социального окружения есть «случайные референты», которые могут не менее интенсивно проявить или функцию нравственного цензора, или раскрыть экзистенции не с меньшей глубиной. В их качестве могут выступать люди любого возраста и образования, пола и культуры: случайный попутчик в поезде, бомж, сосед по столу на банкете... И это может быть не лекция или беседа, а слово и взгляд.

Вне сомнения, как «классические носители», так и «случайные референты важны» как структурные компоненты духовной интерперсоны. Важнее понимать другое – **интерперсона духовная это интегрированная социальная среда, которая закладывает необходимость следования моральным нормам, формирует экзистенциальные ценности, постоянно корректируя и трансформируя их содержание в процессе развития личности.**

Высшая функция интерперсоны духовной – формирование должностования моральным ценностям (долг – перед собой, миром, людьми), реальной нравственности личности, совести. Что касается интроспекции содержания этого интерперсонального на уровне личности, оно обозначается как духовное развитие личности - понятие, употребляемое в философских, этических и психологических текстах и обозначающее процесс индивидуации, самопознания, интеграции сознания, восстановления психической целостности и, с другой стороны, определяющий меру его

успешности. Это поиск душевной гармонии, единства сознания является главным фактором, обуславливающим позитивность изменений, трансформации психики индивидуума, здоровье и полноценность личности, потенциал ее общественной значимости и возможность самореализации.

Особенности становления содержания личностной идентичности детей 5,5-10 лет

Кончаловская М.М.
Психологический институт РАО, Москва.

Проблема идентичности является актуальной и значимой для многих людей, особенно для поколения, только вступающего в жизнь, для которого процесс становления идентичности (как социальной, так и личностной) совпадает с процессом социализации в целом. В этом плане поиск своей личностной уникальности, ее содержания и структуры непосредственно связан с рефлексией жизненных планов, целей и путей самоактуализации и самоопределения. Анализ зарубежной и отечественной литературы позволяет рассматривать личностную идентичность как сложное комплексное образование, тесно связанное с осознанными представлениями человека о себе и окружающем мире, а также с нормами, ценностями и нравственными эталонами, по которым он оценивает и выстраивает отношение к себе.

Проведенное эмпирическое исследование было направлено на изучение таких компонентов личностной идентичности как степень дифференцированности, соотношение субъективных и объективных параметров, временная перспектива, целостность, реалистичность и отношение к себе детей дошкольного и младшего школьного возраста. В работе проведен анализ существующих взаимозависимостей между уровнем развития мышления, адекватностью самооценки, степенью социализированности детей и личностной идентичностью. Проведенное исследование позволило нам обобщить результаты и сделать следующие **выводы**:

1. Особенности развития личностной идентичности при переходе от старшего дошкольного к младшему школьному возрасту проявляются в увеличении дифференцированности содержания личностной идентичности детей и преобладании субъективных качеств по сравнению с объективными. При этом с возрастом соотношение субъективных и объективных качеств при вербальном и образном самоописании все больше совпадает, хотя в образном плане во всех возрастных группах получены более высокие показатели и более рельефно выступает динамика становления разных компонентов личностной идентичности.

2. Увеличение конгруэнтности между различными образами-Я, приводит к более осознанному структурированию содержания личностной

идентичности, в котором связываются в единое целое различные качества и ценности. При этом целостность, также как и отношение детей к себе, не имеют тенденции к увеличению с возрастом, но зависят в большей степени от личностных особенностей детей и социальной ситуации их развития (отношения со взрослыми и сверстниками, степени принятия ценностей и норм поведения, статусного места в группе).

3. Возрастная динамика прослеживается и в увеличении временной перспективы при переходе от дошкольного к младшему школьному возрасту, увеличивается и реалистичность представлений детей о себе как в настоящем, так и в будущем времени.

4. Уровень развития мышления оказывает существенное, хотя и не равномерное влияние на развитие личностной идентичности, при этом с возрастом его влияние увеличивается. Особенно важную роль мышление начинает играть в начальной школе. По мере приближения к подростковому возрасту зависимость мышления и степени дифференцированности содержания личностной идентичности опосредуется другими факторами (социальной идентичностью, адекватностью самооценки и т.д.), что приводит к уменьшению выявленной зависимости.

5. Динамика развития терминальных и инструментальных ценностей при переходе от дошкольного к младшему школьному возрасту отражает как возрастные закономерности, так и отношение детей к социальному окружению. Нормы и эталоны, транслируемые взрослыми, входят в содержание терминальных ценностей, в то время как инструментальные ценности в большей степени отражают индивидуальные особенности детей. При этом с возрастом появляется некоторое рассогласование между содержанием ценностей в реальном и идеальном представлениях детей о себе.

6. Дети, обладающие высоким уровнем социализации, обладают и более дифференцированной идентичностью и более длительной временной перспективой. Невысокая степень дифференцированности представления о себе приводит к неадекватному знанию своих положительных и отрицательных черт, что затрудняет процесс социализации в заданных взрослыми границах. В свою очередь, отрицательная оценка значимых взрослых также затрудняет процесс осознания и принятия себя детьми.

7. В содержании личностной идентичности можно выделить взаимосвязь между адекватностью самооценки, степенью дифференцированности представления о себе и временной перспективой. Ведущим здесь является именно степень дифференцированности личностной идентичности, которая и делает образ–Я более адекватным, сближая представления детей о себе с мнением о них окружающих и помогая им более уверенно строить планы на будущее. Таким образом, существует достаточно тесная и устойчивая взаимосвязь между отдельными параметрами личностной идентичности, и ее полнота, дифференцированность и адекватность со-

четаются с более высокой степенью осознанности себя и стремлением строить более широкие планы на будущее. Напротив, низкий уровень осознанности и дифференцированности представления о себе, приводит к заниженной самооценке и неуверенности в своем будущем, к сужению временной перспективы, что подтверждает наличие в динамике развития личностной идентичности тенденций, направленных на поддержание ее целостности и гармоничности.

Формирование когнитивных репрезентативных структур в процессе профессионального образования

А.Н.Краснов, О.Н.Моисеева
Самарский гос. медицинский университет

Перед современной высшей школой стоит задача повышения эффективности качества образовательного процесса, поддержки развития личностных и интеллектуальных способностей будущего специалиста, формировании профессионального мышления. Система профессионального образования должна не только обеспечить усвоение определенной информации, но и готовить студентов к изменчивости и сложности специальных и общих знаний, к отсутствию одного выделенного направления в их развитии, сформировать всю совокупность умственных способностей и стратегий, делающих возможными процессы переноса знаний и адаптации к новым ситуациям.

Известно, что экстенсивный путь решения этих проблем за счет увеличения времени, отводимого на изучение отдельных дисциплин, нецелесообразен.

Одним из способов решения этих задач образовательного процесса является применение когнитивных методов или подходов в обучении. В русле данного направления процессы умственного развития и обучения рассматриваются с точки зрения динамики формы и содержания структур, репрезентирующих соответствующие знания в сознании человека. Центральным понятием когнитивного подхода является понятие «репрезентации знания» или репрезентативные когнитивные структуры знаний, как носители умственного развития и способностей. В когнитивной психологии развития это не логические структуры и не структуры операций, а структуры репрезентации определенных предметных областей действительности. Когнитивные структуры являются не только репрезентативными, отображающими поступающую информацию, но и активными инструментами извлечения, анализа и структурирования информации об окружающем. И формируемая в процессе обучения, структура познавательной сферы обучаемого является динамической системой характеристик познания, позволяющих активно манипулировать уже сохраненными и из-

влеченными репрезентациями с целью формирования новых репрезентаций. С позиции современной когнитологии наблюдается безусловная тенденция к моделированию единого ментального опыта, включающего в качестве компонентов процессы как получения, так и применения знаний

Главное принципиальное отличие когнитивного подхода заключается в том, что обучаемый получает не только само профессиональное знание, но и приобретает представление об его структуре, о типах отношений, существующих между составляющими элементами структуры профессионального знания и о процедурах принятия решения. Другими словами студент понимает «чему» и «как» он учиться, т.е. у него формируются не только когнитивные, но и метакогнитивные структуры.

Когнитивный подход был положен нами в основу развивающего цикла для студентов младших курсов лечебного и педиатрического факультетов, который является частью курса педагогики, читаемого в рамках Государственного образовательного стандарта. Главной целью данного цикла с психолого-педагогической точки зрения было формирование у студентов метакогниций, которые включают в себя знание о содержании и структуре медицинского знания и формирование первичного умения по чтению клинического текста, его конспектированию и оценке, а также умение представлять учебные элементы предметной области в графической форме.

На основе анализа Государственного образовательного стандарта и квалификационных характеристик выпускников медицинского университета были выделены основные, наиболее общие понятия, вокруг которых группируется весь процесс обучения в медицинских вузах на клинических кафедрах. Таких разделов оказалось 13, из которых первые 12 носят теоретический характер, а последний включает в себя практические навыки. Эти разделы были условно названы «блоками памяти врача». Студентам предоставляется подробная информация о содержании каждого раздела в виде комплексной системы специфических понятий и отношений. Список этих разделов и их краткая характеристика показаны в таблице 1. «Блоки памяти врача», по сути, задают предельные смыслы профессионального сознания будущего специалиста-врача.

Таблица 1. «Блоки памяти врача»

№	Название блока	Содержание блока
1	Нозологический	Название заболевания по МКБ - X
2	Этиологический	Какие причины вызывают заболевание
3	Морфологический	Какие органы, ткани и/или системы поражаются
4	Физиологический	Какие функции страдают
5	Патогенетический	Как развивается заболевание
6	Симптоматический	Какими симптомами проявляется заболе-

		вание
7	Диагностический	Как диагностируется заболевание и как верифицируется диагноз
8	Медицинская помощь	Что должен делать врач, другие медработники (медицинские сёстры).
9	Организационный	Как организовать помощь пациентам. Где они лечатся.
10	Экспертный	Критерии и правила оценки трудоспособности при конкретном заболевании
11	Профилактический	Профилактические мероприятия.
12	Делопроизводство	Правила оформления медицинской документации.
13	Практические навыки	Конкретно для каждого заболевания.

Смысл практических занятий по предложенному циклу заключается в том, что обучаемый должен, прочитав заведомо незнакомый текст с описанием какого-либо заболевания, определить какой информации не достаёт, сформулировать и поставить перед преподавателем соответствующий вопрос, ответ на который заполнил бы семантические лакуны текста. Затем перевести содержание описания заболевания в графическую или матричную форму, на основе анализа содержания текста, выделения основных элементов и логических связей отношений этих элементов. Другими словами, применив метод моделирования, на основе активной мыслительной деятельности суметь выделить основные элементы структуры и выполнить репрезентацию содержания описания какого-либо заболевания.

При традиционном ходе обучения такой обобщенный взгляд на учебный материал, на постоянство его смысловых структур по нашим наблюдениям формируется у единичных, наиболее сильных студентов к 6 курсу, а чаще у молодых специалистов, уже в результате проведения самостоятельной профессиональной и научной деятельности.

Эффективность применения разработанного нами цикла нуждается в экспериментальной проверке. С этой целью был организован и проведён межвузовский эксперимент. Эксперимент проводился на базе Башкирского и Самарского государственных медицинских университетов (соответственно БашГМУ и СамГМУ).

Целью исследования стала проверка возможностей когнитивного подхода в обучении у студентов-медиков лечебного и педиатрического факультетов.

Всего в исследовании приняли участие 452 студента 2 курса лечебного и педиатрического факультетов: экспериментальную группу составили

222 студента лечебного факультета СамГМУ и контрольную группу - 230 студентов лечебного и педиатрического факультетов БашГМУ.

По условиям эксперимента, со студентами 2 курса в СамГМУ в рамках курса педагогики и психологии проводились занятия по разработанной программе. С контрольной группой студентов Башкирского государственного медицинского университета аналогичного цикла занятий не проводили.

Метод исследования - анкетирование. Перед студентами была поставлена задача: изучить текст с описанием заболевания, оценить данный текст на соответствие учебным целям, полноту описания заболевания и задать вопросы, ответы на которые заполнили бы пробелы недостающей информации (если таковые имеются).

В ходе предварительной подготовки эксперимента была выдвинута рабочая гипотеза о том, что когнитивный подход в обучении способствует развитию метакогнитивной деятельности и формированию репрезентативных структур. (Другими словами, студенты овладевают своей собственной когнитивной деятельностью, как объектом рефлексии, и осуществляют, по отношению к ней деятельность, которую можно назвать «метакогнитивной». Термин метапознание, в основном, используется для разведения знания, которое человек имеет в его собственной когнитивной системе, и контроля, осуществляемого им за функционированием этой системы. Термин «метакогниции» понимается как представления о структуре собственных знаний. Формирование метакогниций способствует развитию способности переноса знаний в новые условия).

Результаты эксперимента. Основными параметрами для сравнения нами были выбраны следующие:

1.Общее количество заданных вопросов. Студенты БашГМУ в целом задали 399 вопросов; студенты СамГМУ до обучения – 380, а после обучения – 1 085 вопросов.

2. Среднее число вопросов, приходящихся на одного студента.

3.Оценка качества задаваемых вопросов. В основу данного параметра была положена следующая градация: правильный вопрос, относящийся к предусмотренному образовательным стандартом блоку учебной информации и заданный в наиболее общей форме, оценивался в 1,0. Вопросы, не относящиеся к медицинской тематике текста и проводимого обследования в 0,0. Таких вопросов студенты обоих вузов не задавали. Промежуточное положение заняли ещё две группы вопросов: а) правильные вопросы, относящиеся к предусмотренным образовательным стандартом блокам информации, но заданные в частной, конкретной форме; и б) по сути своей бытовые вопросы, которые затруднительно было отнести к какому либо из стандартных блоков медицинской информации. Для получения числовой оценки этих вопросов нами был использован известный метод проекции системы качественных оценок на числовую шкалу. Таким

образом, мы получили систему оценочных коэффициентов: абсолютно правильные вопросы – 1,0; вопросы группы а) – 0,66; группы б) – 0,33; и неверные вопросы – 0,0. Показатель качества задаваемых вопросов получался как среднее арифметическое от оценки качества всех заданных вопросов.

4. Оценка качества общения «преподаватель – студент». Этот производный показатель нами получался как произведение первых двух оценок: среднего числа вопросов на среднюю оценку качества вопроса.

Основные результаты проведённого эксперимента показаны ниже в сравнительной таблице 2.

Таблица 2. Сравнительная таблица основных результатов эффективности когнитивного обучения в медицинском вузе

Параметры оценки	Баш ГМУ	СамГМУ	
	2 курс	2 курс до обучения	2 курс после обучения
Ср. число вопросов на одного студента	X=1,74	X=1,71	X=4,9
Оценка качества вопросов	Y= 0,7	Y= 0,68	Y=0,99
Оценка качества общения «преподаватель-студент»	Q= 1,21	Q= 1,16	Q= 4,85

Из таблицы видно, что среднее число задаваемых вопросов после обучения возрастает почти в три раза: с 1,71 – 1,74 до 4,9 на одного студента. Причём показатели у студентов БашГМУ и СамГМУ до обучения практически идентичны: 1,74 и 1,71, и при этом разница между группами студентов недостоверна.

Аналогичная картина и при оценке качества задаваемых вопросов: от средних, так же практически одинаковых показателей в 0,7 и 0,68 этот показатель после обучения возрастает до 0,99. Иными словами, студента даже младшего курса можно научить грамотно задавать преподавателю вопросы.

Таким образом, выдвинутая гипотезы подтвердилась: когнитивный подход в обучении действительно способствует развитию метакогнитивной деятельности и формированию метазнаний, что и проявляется в увеличении коммуникативных показателей.

Таким образом, сравнение результатов экспериментальной и контрольной групп позволяет сделать однозначный вывод о целесообразности когнитивного подхода для организации профессионального направленного обучения.

Проблема готовности к обучению в вузе в отечественной психологии

Кусакина С.Н.

Московский педагогический гос. университет

В отечественной психологии термин «готовность» является широко распространенным. Однако существует ряд разночтений в его употреблении. По сути, каждый автор под этим понятием обозначает различный круг рассматриваемых проблем. Так, в рамках отечественной психологии выделяют такие виды готовности, как, например, стартовая готовность (Н.Д. Левитов, А.И. Пуни и др.), готовность военнослужащего к выполнению боевой задачи (М.И. Дьяченко), готовность к материнству (С.К. Мещерякова, О.В. Баженова, Ю.Е. Скоромная и др.), готовность к педагогической деятельности (Д.И. Фельдштейн, Р.С. Немов и др.) и другие.

В концепции Д.Н. Узнадзе термин «готовность» связывается с понятием установки, которая является целостным динамическим состоянием субъекта, состоянием готовности к определенной активности, обусловленного двумя факторами: потребностью субъекта и соответствующей объективной ситуацией. Л.И. Божович рассматривает готовность как внутреннюю позицию личности по отношению к социальному окружению в целом и отдельным объектам социальной среды. В.Н. Мясищев связывает готовность с понятием отношений, которые представляют «целостную систему индивидуальных, избирательных сознательных связей личности с различными сторонами объективной действительности». Кроме того, в отечественной психологии готовность рассматривается как система диспозиций, регулирующих поведение и деятельность человека (В.А. Ядов), где под диспозицией понимается «предрасположенность субъекта к оценке и определенному способу поведения». А.Н. Леонтьев и А.Г. Асмолов определяют готовность через понятие личностного смысла. С.Л. Рубинштейн понимает под готовностью наличие способностей. Ю.Н. Кулюткин и Г. С. Сухобская рассматривают готовность в качестве способности человека к постановке цели, а также к выбору способов достижения этой цели и самоконтролю. И.А. Зимняя определяет готовность как от-refлексированную направленность человека, а К.К. Платонов как структуру качеств личности, включающую индивидуальные и собственно личностные особенности ее функционирования. Готовность как обучаемость, обученность, то есть способность личности успешно и активно усваивать необходимые знания, приобретать нужные умения и навыки рассматривает З.И. Калмыкова.

В психологии образования наибольшее число работ посвящено изучению готовности к обучению в школе (Л.И. Божович, Л. С. Славина, Т.А. Нежнова, Н.И. Гуткина, Н.В. Нижегородцева и др.) Выделены структурные компоненты готовности, разработан диагностический инструментарий.

Ситуация всевозрастающего спроса населения страны на получение высшего образования, с одной стороны, и одновременно с этим недовольство преподавателей вузов уровнем подготовки современных студентов (Ю.Н. Толстова и др.), а также стабильно высокое количество людей так и не сумевших завершить обучение в институте или университете, с другой стороны, свидетельствуют о необходимости изучения готовности применительно к вузовскому образованию. Причем речь должна идти не столько о профессиональной ориентации молодежи, сколько о тех качествах и способностях, которые необходимы для успешного обучения в высшем учебном заведении. Под успешным обучением мы понимаем такое обучение, которое позволяет студенту добиться средних результатов и не быть отчисленным из вуза. Мы считаем, что ключевым понятием, с помощью которого можно описать данную проблему, будет являться понятие готовности к обучению в вузе. При этом под этим термином мы будем понимать сложное системное образование, включающее в себя целый ряд компонентов. Для выявления этих компонентов нами был проведен анализ психологической и социологической литературы по проблеме.

Среди психологических исследований, затрагивающих понятие готовности к обучению в вузе, можно назвать работы В.В. Гребневой, Н.А. Зенковой, Н.Н. Зотовой и других авторов.

Н.А. Зенкова под уровнем готовности индивида к познавательной деятельности понимает «комплексный показатель, характеризующий его предрасположенность к получению определенной профессиональной квалификации и включающий в себя такие компоненты, как уровень интеллекта, наличие определенных знаний и умений, мотивацию к обучению, творческие и иные способности, которые могут быть использованы им в рамках выбранной специальности». Н.Н. Зотова сосредоточила свои исследовательские интересы на изучении проблемы профессионального самоопределения школьников. Она подчеркивает, что без дополнительной подготовительной работы, которую необходимо проводить еще со школьниками 5-7 классов, профессиональные «интересы, устремления, мотивы, ценности, жизненные планы, личностные смыслы у молодежи» не формируются и не развиваются в полной мере, а потому «молодые люди думают не о радости заниматься любимым делом, не о пользе, которую могут принести, не о самореализации в труде, а о престижности профессии и хорошем достатке». В.В. Гребнева разрабатывает проблему психологической готовности студентов к личностно-центрированному взаимодействию в процессе образования в вузе. Ею разработана теоретическая модель такой готовности. Данная модель включает следующие параметры: мотивационный компонент, интеллектуально-информационный компонент, перцептивно-когнитивный, морально-нравственный и деятельностный компоненты. Кроме перечисленных в рамках отечественной психологии существует достаточное количество

исследований в той или иной степени затрагивающих проблему готовности к переходу к высшему образованию (Е.А. Митицина, А.А. Деркач, Ю.Н. Кулюткин и др.)

Среди социологических исследований можно указать на работы Ю.Н. Толстовой, Е.М. Авраамовой, В.В. Выборновой, А.Е. Крухмалева и других авторов. Во всех этих исследованиях подчеркивается масштабность и неоднозначность проблемы готовности старшеклассников к обучению в вузе, а также ее исключительная актуальность. Об актуальности темы исследования позволяют судить и данные нашего опроса школьников и студентов (опрос проводился в 2005-2006 г.г.), по результатам которого стало известно, что 64,5 % опрошенных студентов и 80% школьников считают, что не каждый человек может успешно обучаться в вузе.

Проанализировав литературу, мы выделили наиболее значимые для обучения в вузе факторы, которые и были предложены экспертам. В качестве экспертов выступили 12 преподавателей Московского педагогического государственного университета со стажем работы в вузе от 6 до 24 лет, с разными учеными степенями и без них. Эксперты оценивали значимость того или иного параметра для успешности обучения в вузе. В результате всей проделанной работы нами были выделены 5 основных компонентов готовности к обучению в вузе:

1. Мотивационный компонент, который включает такие параметры, как: желание учиться в вузе и быть студентом, желание выполнять обязанности в соответствии с новым статусом, а также цели поступления в институт.

2. Интеллектуальная готовность подразумевает средний уровень интеллектуального развития и наличие необходимых знаний и умений в рамках школьной программы.

3. Волевой компонент включает навыки самоорганизации, «умение слушать», усидчивость, внутреннюю познавательную активность.

4. Организационно-темповый компонент. Сюда относятся такие параметры, как: высокая скорость чтения и письма, навыки работы с текстом (например, умение выделить основные мысли в тексте), а также высокая скорость переключения внимания.

5. Профессиональная готовность – это: наличие знаний о профессии, ее сильных и слабых сторонах, самостоятельность выбора и осознание его как окончательного на данном этапе жизни, желание учиться по выбранной профессии.

По нашему мнению, все эти факторы являются важными параметрами готовности к обучению в вузе, и именно от них зависит успешность или неуспешность вузовского обучения того или иного человека.

На основании проведенной работы нами был разработан опросник, позволяющий оценить уровень развития всех компонентов готовности к вузовскому обучению за исключением интеллектуального. Было проведе-

но пилотажное исследование, в котором приняли участие школьники 10 и 11 классов, а также студенты 1 курса ГОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет». Выборка составила 38 человек, из которых 20 человек – студенты, 10 человек – десятиклассники и 8 человек – одиннадцатиклассники.

Нами были получены следующие результаты. У первокурсников и школьников преобладают показатели по организационно-темповому компоненту, а самые низкие показатели наблюдаются по параметру профессиональной готовности. Это может свидетельствовать о том, что студенты первого курса не достаточно уверены в выборе своей профессии, а школьники попросту ее еще не выбрали (ведь они могут и не поступить на желанную специальность), а организационно-темповый компонент был у всех них достаточно развит еще в школе. В целом показатели общей готовности к вузу у студентов 1 курса выше, чем у школьников; выше они и по параметрам «моторно-организационный компонент» и «профессиональный». Однако, по мотивационному и волевому параметрам выше показатели старшеклассников. Это можно объяснить тем, что у школьников ситуация менее стабильная и они больше хотят поступить в вуз и сильнее готовятся к этому, чем первокурсники, которые уже поступили и знают, какие волевые усилия от них требуются на самом деле. Также 1 курс, вероятно, более готов в общем, поскольку уже находится в ситуации обучения в вузе по определенной специальности. Школьники же в целом еще находятся на стадии предпочтения той или иной профессии.

Итак, нами были установлены общие тенденции в развитии отдельных параметров готовности к обучению в вузе. Однако, ввиду малочисленности группы респондентов, полученные данные нуждаются в проверке и уточнении на большей выборке.

Подведем итоги проведенной нами работы. Нами произведен анализ отечественной психологической и социологической литературы по проблеме готовности к обучению в вузе, выделены и подтверждены данными экспертного опроса структурные компоненты готовности. Также проведено пилотажное исследование, позволившее оценить степень развитости каждого компонента у школьников старших классов и студентов.

Наша работа по изучению готовности к обучению в вузе продолжается. К настоящему времени проведена основная часть нашего исследования на выборке из 245 человек и идет качественная интерпретация полученных результатов. Кроме того, планируется разработка программы по формированию готовности к обучению в вузе для работы со старшеклассниками и студентами первых курсов высших учебных заведений.

Изучение эффективности метода позитивной психодрамы в территориальной программе профилактики употребления психоактивных веществ

Москвитин П.Н.

ГОУ ДПО Новокузнецкий гос. институт усовершенствования врачей, г. Новокузнецк

Актуальность: Проблема профилактики наркомании является одной из наиболее значимых социальных, медицинских и психологических проблем современного мира. А в условиях демографического кризиса в России проблема организации эффективных мер первичной профилактики психоактивных веществ (ПАВ) имеет исключительную актуальность. Масштабы немедицинского употребления наркотических средств в Российской Федерации продолжают оставаться национальным бедствием. Согласно учтенной статистике, за последнее пятилетие количество потребителей наркотиков выросло в России в 3,5 раза. Масштабы распространения наркомании, а также коморбидной с наркоманией заболеваемости и смертности, влияние на демографическую ситуацию и качество трудовых ресурсов вызывают серьезную озабоченность ряда отечественных исследователей (Бохан Н.А., Семке В.Я., Агарков А.П., 1997, Лопатин А.А., Кокорина Н.П., Селедцов А.М., 2003, Худяков А.В., 2003, Садыкова Р.Г., 2004, Россинский Ю.А., 2005).

На учтенном диспансерном учете в России в 2005 году состояло около 450 тысяч человек, однако по материалам исследования наркологической ситуации в городах Барнаул, Новосибирск, Красноярск, Кемерово в рамках проекта «RADAR-СИБИРЬ» (2000 г), а также исследования томских коллег (Бохан Н.А., 2006) позволяют до 5 раз увеличить эту цифру. В Сибирском Федеральном округе ситуация еще более неблагоприятная, чем в РФ, где распространенность больных наркоманией на 10 тысяч населения с 2000 по 2003 годы увеличилась соответственно с 31,89 до 41,6 и с 18,66 до 24,1 (Кошкина Е.А., Киржанова В.В., 2004). На этом фоне болезненность в Кемеровской области выше общероссийской в 2 раза, что составило в 2000 г. 44,26 и в 2004 г. 51,6 на 10 тысяч населения, причем, до 80% этого контингента составляют молодые люди в возрасте от 15 до 29 лет. Эпидемиологическое неблагополучие в Кузбассе послужило эффективной предпосылкой для разработки нового группового метода первичной профилактики наркомании, алкоголизма и коморбидной патологии.

Гипотеза: При разработке системы мер профилактики употребления ПАВ каждая страна в той или иной мере исходит из рекомендаций Комитета экспертов ВОЗ (1992) и условий, необходимых для реализации стратегии профилактики с учетом национальных особенностей, способствующих их осуществлению. К основным условиям относятся меры социально-экономического и правового обеспечения государственной системы про-

филактики, включая с одной стороны меры контроля, а с другой организационные этапы развития наркологической службы. Необходимо отметить, что основные усилия как в нашей стране, так и за рубежом традиционно уделяются мерам вторичной и третичной профилактики. Например, по рекомендации группы Помпиду Совета Европы (Н.П. Свенссон, 2003) так строится аутич-работа с наркозависимой молодежью и молодежью группы риска в странах Европейского союза, а в Норвегии (К.Э. Кортесе и А.Ш. Андерсен, 2005) происходит планирование и создание групп взаимопомощи с ведущей функцией вторичной профилактики.

В России развиваются образовательно-воспитательная, социальная и медицинская модели первичной профилактики (И.Н. Пятницкая, И.Г. Найденова, 2002; Н.Н. Иванец, 2002; Сидоров П.И., 2005; И.С. Петрова с соавт., 2005). Образовательная модель подразумевает меры информирования и реагирования, например, путем создания в школах штаба под руководством директора (Ольшанский Г.С., Райх В.В., 2006) и т.п. Социальная модель предусматривает меры, ограничивающие поступление наркотических веществ, а с другой стороны, развивает мероприятия здорового образа жизни, спортивные, культурные и иные альтернативы. В медицинской модели помимо мер санитарного просвещения и лекционных методов работы все чаще используется проведение социально-психологических тренингов, например, «равный обучает равного», осуществлявшихся Российским обществом Красного Креста. Нужно отметить, что среди этих немногих профилактических и психогигиенических методов структурированной превентивной работы потенциал групповой психотерапии еще мало используется в разработке личностно-ориентированного направления первичной профилактики, в рамках которого нами описан новый групповой метод.

Метод: Позитивная психодрама – это психопрофилактический метод развития личностной зрелости путем инсценирования жизненного опыта через проигрывание ролей, инсайт и катарсическое переживание, направленного на активизацию психических процессов и нравственное, гармоничное развитие личности участников, их позитивную социализацию в процессе структурированной дискуссии в специально созданный момент «стоп-действие». Социальное конструирование межличностных отношений, направленных на поиск позитивного выхода из проблемной ситуации, а также на получение позитивных эмоций достигается в психодраматическом тренинге особой ролью психотерапевта /психолога. Это достигается созданием в кульминационный момент апогея конфликта безопасной и конструктивной атмосферы психологической консультации, используя в первую очередь технику психопрофилактической дискуссии на тему конфликта, заданную динамикой разыгранной позитивной психодрамы.

Подчеркнем, что основной психопрофилактический эффект метода состоит в создании в группе специальной ситуации «коллективной консультации». Прием «Стоп-действие» позволяет путем активной и направляемой дискуссии в момент, когда еще существует множество вариантов поведенческих стратегий, выбрать из предложенных в группе позитивные способы разрешения конфликта. В этом состоит принципиальное отличие метода от классической психодрамы Я. Морено, формы групповой психотерапии, где для протагониста создаются условия для спонтанного выражения чувств, связанных с наиболее важными для пациента проблемами.

Результаты: Оценка эффективности метода нами проведена по результатам проведенного в 1999 - 2003 гг. медико-социального эксперимента в г. Междуреченске, знаменитом городе Южного Кузбасса, шахтерские волнения в котором 1991 г изменили облик современной России. Напомним, что в 2000-2004 годах (Кошкина Е.А., Киржанова В.В., 2004) произошла стабилизация показателей по наркологической ситуации в Российской Федерации. Однако, наши данные показывают, что эпидемическая ситуация по наркомании как в целом в Кемеровской области, так на каждой из контрольных территорий за прошедшие пять лет ухудшилась. В качестве контрольных территорий нами были взяты города Южного Кузбасса, такие как г. Мыски, Новокузнецк и Прокопьевск, похожие с экспериментальным городом по климато-географическому, демографическому и социально-экономическому признакам, в т.ч. таким факторам, как относительно близкое расположение вышеуказанных городов друг от друга, схожесть по характеристикам ведущих отраслей промышленности, а также демографические показатели и структура занятости трудоспособного населения. В г. Междуреченске, где на протяжении пяти лет осуществлялся разработанный комплекс медико-социальных мер лично-ориентированной профилактики зависимости от психоактивных веществ, также произошло некоторое ухудшение эпидемиологических показателей. Однако, для того, чтобы дать необходимую оценку этого процесса, следует сравнить динамику основных показателей, характеризующих наркологическую ситуацию по всем наблюдаемым территориям.

Оценивая региональную динамику по количеству состоящих на конец учетного года больных наркоманиями, можно отметить прирост числа учетных больных с 2000 г по 2004 г на 16,6%. В то же время в г. Междуреченске увеличение количества больных наркоманиями произошло лишь на 8,1%. Другими словами, принимая во внимание интенсивность процесса ухудшения эпидемической ситуации на 10 тысяч населения, нужно подчеркнуть, что в г. Междуреченске показатели, характеризующие его отрицательную динамику, оказались в два раза меньшими, чем в целом по региону Кемеровской области.

Необходимо отметить также, что по динамическим характеристикам развитие эпидемиологической ситуации по наркоманиям в г. Междуре-

ченске достоверно отличается от общеобластной тенденции ($P \leq 0,05$). В сравнение с приведенной динамикой, в г. Мыски количество наркоманов за это же время увеличилось на 84,1%, что оказалось статистически достоверно ($P \leq 0,05$), а в г. Новокузнецке также статистически достоверно возросло на 51,1% ($P \leq 0,05$), и только в г. Прокопьевске количество наркоманов увеличилось на 14,5%, что совпало с общеобластной тенденцией настолько, что оказалось статистически не различимо ($P \geq 0,05$).

Таким образом, не смотря на некоторую похожесть идущих социально-динамических процессов, мы можем видеть как в одной области, но на разных ее территориях, географически отдаленных от 20 (г. Междуреченск – г. Мыски) до 75 (г. Междуреченск – г. Новокузнецк) и 100 километров (г. Междуреченск – г. Прокопьевск), за пять лет сформировались эпидемические процессы различной интенсивности, которые, безусловно, отражают значимые социальные изменения, скрывающиеся за представленными выше показателями.

Проведенный анализ дополняет изучение динамики приведенных ниже количественных показателей, определяющих учтенное число лиц, злоупотребляющих наркотическими средствами без признаков наркоманического заболевания, число больных токсикоманиями и лиц, злоупотребляющих ненаркотическими средствами, количество подростков, злоупотребляющих алкоголем, а также подростков, больных наркоманиями, токсикоманиями и злоупотребляющих ненаркотическими средствами без признаков заболевания, где по каждому из них получена позитивная тенденция.

Весьма демонстративной является динамика такого показателя коморбидной патологии, как распространенность ВИЧ-инфицирования населения в сравниваемых городах.

В 1999 г. ВИЧ-инфицированность населения отсутствовала в г. Междуреченск и г. Мыски, и составила 1,25 в г. Прокопьевске и 6,6 в г. Новокузнецк (на 100 тысяч населения), а уже через пять лет была в г. Междуреченске 183,3, в г. Мыски 994, в г. Прокопьевске 582,2 и в г. Новокузнецк 424,3 (на 100 тыс.). Приведенные различия статистически высоко достоверны и к 2003 г. отличаются на 231,4% (Междуреченск-Новокузнецк), 317,6% (Междуреченск-Прокопьевск) и даже на 542,3% (Междуреченск - Мыски). На основании вышеизложенного можно сделать вывод, опираясь на анализ выше приведенных признаков, о достаточно высокой эффективности лично-ориентированного направления первичной профилактики и разработанного метода позитивной психодрамы.

Литература:

1. Бохан Н.А., Мандель А.И., Артемьев И.А., Ветлугина Т.П., Солонский А.В., Прокопьева В.Д., Иванова С.А., Невидимова Т.И. Эпидемиология, патобиологические закономерности и профилактика психических и поведенческих расстройств в результате злоупотребления психоактивными веще-

- ствами (региональный аспект) // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. – 2006. - № 3. – С. 25 – 31.
2. Кортеше К.Э., Андерсен А.Ш. Планирование и создание групп взаимопомощи в сфере профилактики зависимостей. – Программа «Сети поддержки по профилактике наркомании», Группа Помпиду/ Совет Европы.- Document Prev-SN-2005-15Ru/ - 137 с.
 3. Москвитин П.Н., Фаттахов Ш.Л. Выход из наркотического тупика: метод позитивной психодрамы. – Новокузнецк, ООО «МНИП Эгрегор». – 288 с. ISBN 5-8441-0211-8
 4. Садыкова Р.Г. Комплексное медико-социальное исследование и обоснование путей профилактики наркоситуации населения в субъекте Российской Федерации (по материалам Республики Татарстан). Дисс... д.м.н. 14.00.33. – Казань, КГМА, 2004. – 365 с.
 5. Семке В.Я. Превентивная психиатрия. Томск, Изд-во Том. ун-та, 1999. – 403 с.
 6. Россинский Ю.А. Ранняя профилактика и неоабилитация больных опийной наркоманией (региональный, клинико-психологический аспекты). Дисс...д.м.н. 14.00.45;14.00.18. –Караганда, Томск, 2005. – 533с.

Резюме: В статье проанализирована система мер первичной профилактики наркомании и алкоголизма и обосновано новое личностно-ориентированное направление превенции, методическую основу которого составляет авторский групповой метод первичной профилактики «позитивная психодрама». Автор делает выводы об эффективности разработанного метода на основании пятилетнего медико-социального эксперимента в 1999-2003 г. в г. Междуреченске Кемеровской области. По данным больничной статистики было показано достоверное снижение уровня клинико-эпидемиологических показателей наркомании, токсикомании, ВИЧ-инфицирования и алкоголизации в сравнении с данными больничной статистики в близко расположенных городах Новокузнецк, Прокопьевск и Мыски Кемеровской области, где подобный эксперимент не проводился.

Abstract: The article is dedicated to the analyses of the initial prevention of the drug addictions and alcoholism. The positive psychodrama is the psychoprophylactic method of the personality-orientated method of approach in the initial prophylaxis, in which the group method is described by us, among a few prophylactic and psychohygienic methods of the structured preventive work. In Mezhdurechensk where the elaborated complex of the medical-social measures of the personality-orientated prophylaxis of dependence on the psychoactive substances has been realized during five years, same deterioration of the epidemiologic figures has also taken place, however, for giving the necessary appreciation of this process, we should compare the dynamics of the basic figures characterizing drug situation in all observed territories.

Психологические особенности готовности к самоконтролю действий в структуре диссинхронии психического развития одаренных

Муратова Г.К.
ИРО РТ, Казань

Изучение психологических аспектов одаренности на сегодняшний день становится актуальным в связи с требованиями социально - экономического, научно-технического и культурного прогресса. Соответственно государственным запросом на повышение и сохранение интеллектуального потенциала, является совершенствование условий для здорового психологического развития одаренной личности. Характер решения проблемы развития одаренных предопределяет научные представления о средствах идентификации одаренности, а также об условиях развития творческого потенциала одаренной молодежи в Российской Федерации.

На фоне многочисленных теорий и экспериментальных исследований индивидуальных различий одаренности (С.Л.Рубинштейн, Б.М.Теплов, Л.С.Выготский, В.Д.Шадриков, Н.С.Лейтес, А.В.Запорожец, Л.А.Венгер, О.М.Дьяченко, А.В.Брушлинский, Ч.Спирмен, А.Ф.Лазурский, Г.Айзенк, Дж.Равен, Я.А.Пономарев, Д.М.Ушаков, Д.Б.Богоявленская, М.А.Холодная, В.Н.Дружинин, Дж. Рензулли, А.С.Стеценко и др.), упоминания о диссинхронии впервые встречаются в трудах Ж.-Ш. Террасье, П.Мерша, Ю.Д.Бабаевой, В.И.Панова и И.Ф.Сибгатуллиной. Научный круг, занимающийся этой проблемой весьма ограничен, что привело к несовершенствованию определений, подходов и критериальной базе.

Однако казанская научная психологическая школа предлагает в концепции диссинхронии психического развития одаренных не придавать «довлеющее» значение описанию методов количественного измерения одаренности и выявлению новых параметров оценки психического развития одаренных. Главным становится анализ конкретных психологических преград, тормозящих психическое развитие одаренных, поиск средств их преодоления, анализ качественного своеобразия процесса психического развития одаренных по гармоничному (равномерному) и негармоничному (диссинхронному) типу развития. Указывая на диссинхронию психического развития одаренных, мы выделяем проблему идентификации психологических особенностей готовности к самоконтролю действий одаренных в структуре диссинхронии психического развития.

Наше исследование предполагают рассмотрение взаимосвязи показателей креативности и показателей готовности к самоконтролю действий в структуре диссинхронии, как особого психологического ресурса «открывающегося» в качестве совокупности интуитивных и дискурсивных процессов, действующих в сфере операциональной, рефлексивной, предметной и других сторон развития одаренных.

Указывая на диссинхронию психического развития одаренных, исходя из уровней одаренности как становящейся психической реальности, акцент исследования смещается от теоретического анализа и систематизации теорий одаренности, к описанию условий для проявления одаренности как становящегося системного качества психики. К использованию метода резонансного сотворчества (И.Ф.Сибгатуллина, С. Грюссл, Н.Майер «Resonante sokretion» 2007), который бы способствовал раскрытию и наиболее оптимальному проявлению творческой природы психики данного ребенка, корректировал диссинхронию.

Из общего комплекса психологических проблем, возникающих в связи с исследованием развития одаренных, нами была выделена проблема исследования взаимосвязи, доминирующего типа готовности к самоконтролю действий одаренных и их личностных особенностей в структуре диссинхронии психического развития.

Творчество в нашем исследовании трактуется как общая способность приспособления к разным жизненным условиям. Решение жизненной задачи с помощью творчества, а точнее искусства осуществляется в том числе и посредством действия с «ментальным» эквивалентом объекта, посредством «внутреннего плана действия». Вследствие, выше изложенного возникла необходимость исследования уровня способности к приспособлению одаренных подростков и молодежи. И поэтому инстинкт нами был включен в общую психологическую картину исследования взаимосвязи показателей креативности и типа готовности к самоконтролю действий одаренных в структуре диссинхронии подростков и молодежи. Где диссинхронию на функциональном уровне мы определяем как рассогласованное состояние взаимосвязанных явлений в определенный момент развития, анализируя это понятие через системно-структурный анализ.

Рассматривая человека с позиции соотношения «человек-мир», С.Л.Рубинштейн утверждает, что «ценности не первичны. Не с них надо начинать анализ: они производны от соотношения мира и человека, выражая то, что в мире, включая и то, что создает человек в процессе истории..» (С.Л.Рубинштейн,1976,с.365). Также мы опираемся на учения В.И.Вернадского, имеющего своей целью изучение Человечества в единстве с окружающим Миром, где следует утверждение о необходимости выхода за пределы изучаемого «объекта» с целью изучения его в его целостности. Таким образом, реализация целостного подхода по отношению к изучению нашего предмета исследования возможна только из позиции рассмотрения «объекта как бы со стороны. Только тогда он будет рассмотрен как некоторая «целостность» с учетом существующих связей с окружающей, во всей полноте и многообразии свойств и качеств.

Обращаясь к качествам мышления через искусство, через художественный образ, культура стимулирует развитие духовности, эмоционально-чувственных проявлений, одухотворенности и высокой интеллектуально-

сти человека. Метод резонансного сотворчества во главу угла ставит творчество, как духовную, культурную потребность человека, выражающуюся в интеллектуальном созидании ради самого созидания

Опираясь на неклассические законы естествознания, а именно на закон нелинейных, открытых систем, нестандартное творческое мышление – это самоорганизующаяся система, обладающая, кроме прочих, признаками диссипативности и неравновесия. Понятие "нелинейность" начинает использоваться все шире, приобретая мировоззренческий смысл. Л.И.Мандельштам. Идея нелинейности включает в себя многовариантность, альтернативность выбора путей эволюции и ее необратимость. На что мы еще не однократно будем ссылаться при анализе метода. Нелинейные системы испытывают влияние случайных, малых воздействий, порождаемых неравновесностью, нестабильностью, выражающихся в накоплениях флуктуаций, бифуркациях (ветвлениях путей эволюции, ветвление решения.), фазовых и самопроизвольных переходах.

Таким образом, случайное и закономерное перестают быть несовместимыми и предстают как два возможных состояния одного и того же объекта или процесса, и Случай в XX веке вводится и в описание научной картины мира, что подтверждает правомерность постановки вопроса о формировании единой парадигмы мышления. А сущность этой парадигмы можно выразить словами Леонида Исааковича Мандельштама, крупнейшего физика, который в 30-е годы говорил о необходимости выработки концепции нового, "нелинейного" мышления. Последствия развития этих признаков открытой нелинейной системы мышления и ее среды могут быть самыми неожиданными и необычными. Природа интеллектуальной одаренности этим и объясняется (И.Ф.Сибгатуллина. Диссинхрония психического развития интеллектуально одаренных...Докт.дисс. на соискание ученой степени., Сочи, 2002. и др.).

Основной гипотезой наших исследований является предположение о том, что

- диссинхрония психического развития одаренных проявляется в раскоординированном состоянии систем взаимосвязанных психических явлений, в несбалансированности когнитивных, эмоционально – волевых компонентов, а также показателей креативности одаренных;

- что существуют особые группы психологических параметров типов одаренной личности, в которых в различной степени выражены показатели готовности к самоконтролю действий одаренных по эгофильному, генофильному, альтруистическому, исследовательскому, доминантному, либертофильному, дигниофильному типам.

Исследование, проведенное в ходе эксперимента, в котором участвовали одаренные дети подросткового и юношеского возраста более 400 человек центра «Сэлэт» г. Казани Республики Татарстан, Татарско-турецкого лицея № 2, школы олимпийского резерва и центра «Дарын»

г. Алматы Республики Казахстан и в эксперименте обозначаются группами (1 группа – Татарстан, 2- группа Казахстан), которое показало следующее: на личностном уровне по многофакторному личностному опроснику Р.Кеттелла преобладание высоких показателей по фактору G – 66,6 % (1 группа), 89% (2 группа) где характерны такие черты, как чувство ответственности и долга, стойкость моральных принципов, хороший самоконтроль, стремление к утверждению общечеловеческих ценностей. Низкие показатели по фактору Q2 - 45%, (1 группа), 63% (2 группа) проявляющиеся в несамостоятельности, привязанности к группе, к групповому мнению и нуждаются в опоре, нет инициативы и смелости в выборе собственной линии поведения. По показателями готовности к самоконтролю действий: Доминирующий инстинкт - альтруистического типа – 27%(1 группа), 25,4% (2 группа) отличающийся следующими ведущими качествами: сверхлюбовь к своим детям, семейственность, тенденция к отрицанию «Я» в пользу «Мы» (семьи), сверхтревожность относительно будущего своих детей. Либертофильный тип- 18% (1 группа) 17,2% (2 группа), где характерны склонность к протесту и бунтарству, предрасположенность к перемене мест, приоритет тенденции к независимости, склонность к реформаторству, нетерпимость к любым формам ограничений. Дигниофильный тип- 19,5 % (1 группа), 25,3% (2 группа), где ведущими являются следующие качества: нетерпимость к любым формам унижения, готовность поступиться благополучием во имя собственного достоинства, приоритеты чести и гордости над безопасностью, холерическая бескомпромиссность и прямота в отношениях с лидерами. Из чего можно сделать предполагаемые выводы, что типы доминирования определяют выбор утверждений, соответствующих ценностным ориентациям личности.

Анализ и систематизация научных представлений о психологической одаренности, показали, что одаренность следует рассматривать не как определяющее уровень интеллекта субъекта и продуктивность его деятельности, а как развивающееся системное свойство психики целостной личности в структуре общих способностей, характеризующееся взаимодействием творческой деятельности и приспособления к новым жизненным условиям, задающее «индивидуальный» облик одаренной личности, оценивающее с точки зрения наличия преград, рассогласующих процесс психического развития и приводящий к диссинхронии. Диссинхрония психического развития одаренных в свою очередь проявляется в рассогласованном состоянии систем взаимосвязанных психических явлений, в несбалансированности когнитивных, эмоционально - волевых, соматических компонентов, а также показателей креативности одаренных; диссинхронные показатели компонентов креативности одаренных варьируют в зависимости от пола, возраста, «средовых» условий развития, типа мышления. Были выявлены следующие группы характерологических параметров типов одаренной личности, в которых в различной степени выражены

доминирующие инстинкты, их мышление, интуиция, чувство, ощущения, показатели личностных свойств и креативности:

-экстравертированный дискурсивный тип личности с доминирующим инстинктом самосохранения

- экстравертированный чувствующий типа личности с доминирующим инстинктом альтруизма;

- интровертированный интуитивный тип личности с доминирующим инстинктом продолжения рода;

- интровертированный чувствующий тип личности с доминирующим инстинктом сохранения достоинства.

В целом, мы не только ставим научные задачи в исследовании одаренных идентифицировать особенности взаимосвязи готовности к самоконтролю и их влияния на развитие особых характерологических параметров типов одаренной личности, выделяя особые группы характерологических параметров одаренной личности, но и детально описываем авторский психологический и психотерапевтический метод резонансного сотворчества (И.Ф.Сибгатуллина, С.Грюссль. Н.Майер). Мы опираемся на мысль, что психотерапевтическая работа с историей человека на основе метода резонансного сотворчества, на основе использования характерного художественного образа и есть особое творчество, в котором можно «видеть» деятельность, не связанную напрямую с практическими психологическими потребностями человека.

Практическое применение результатов экспериментального исследования показал, что применение метода резонансного сотворчества позволяет осуществлять коррекционные мероприятия, психотерапию и совместную творческую деятельность, с целью минимизации и регуляции диссинхронных параметров развития по показателю интенсивности и продолжительности.

Психоаналитическое измерение времени: неклассический подход.

/Psyhoanalitic measurement of time by art/

Сибгатуллина И.Ф., ИРО РТ (Казань, Россия)

Грюссль С., (Вена, Австрия)

Вместо эпитафии.

Те, кто терял своих детей, знают, как останавливается жизнь. Мир оказывается разделенным на неравнозначные части: до и после, счастье и горя, возможностей и ограничений. Время «выходит» за границы лейбницкого порядка и, возникая в мире, опре-

деленном живым - раскалывается и престаёт быть единым, реальным, чувственным.

Время в мире сознания становится основой разрушения и низвержения самоосуществления. От мига, от мгновения до всего оставшегося там и тогда. Безвременность бессознательного уводит от источника свободы, любви, конечности. Невозможно жить, но есть обязанность...

Одна из нас имеет этот опыт. Другая стала хранителем и стражем ее времени.

-1-

Проблема времени лежит в сердце психоаналитической теории и практики. Безвременность бессознательного не даёт времени в мире сознания окончательно стать «основой связи между причиной и следствием» (Андре Грин. Направляющие идеи современного психоанализа. PUF, 2002). Концепции времени, порожденные генетической психологией и психологией развития, рассматривают время в традиционных координатах: прошлое, настоящее и будущее. Но психоаналитическое измерение этих концепций образует новую переменную величину- многомерное расколосшееся время.

Такое понимание времени и отношение к нему в терапии является особенностью французского психоанализа, который акцентируется на нелинейности времени и диахронной гетерогенности психического аппарата (Жак Лакан, Андре Грин, Жан-Люк Донне и др.). Пользуясь неологизмом, предложенном Ж.-Ш. Террасье, Полем Мерша, мы связываем это с изучением диссинхронии психического развития. В разрабатываемой и обогащаемой нами на протяжении 17 лет концепции диссинхронии (И. Сибгатуллина, Н. Калачева, В. Васина, Л. Горохова, И. Лушпаева). Семантика выделенного понятия имеет греческие корни: *dis*-значение отсутствия (или противоположности), *sin* – выражает объединения событий и времени, *chronos*- подчеркивает динамику влияния различных сторон предшествующего культурного опыта на «новый смысл» времени.

Еще раз, обращаясь к нелинейному подходу, заметим, что французская позиция обрела устойчивость под влиянием Жака Лакана в вопросах феномена времени, Алена Жибо, Поля Дени и других в вопросах транспозиции чувств, которые некогда были сформулированы и испытывались («трансфер») и «контртрансфер», как совокупности бессознательных реакций психоаналитика на перенос («трансфер») пациента. Все это стало для нас основой научного поиска в изучении диссинхронии с точки зрения психоанализа.

Ценность фрейдовской венской концепции *Nachtraglichkeit* (отсроченное действие) или парижской «*aprescoup*» привела нас к исследованиям аналитического процесса в отношении того, КАК настоящее может

влиять на прошлое? Какова научная картина ретроспективного эха в диссинхронной модели психического развития человека? А также в психоаналитический или постаналитический период творческого сотворения пациентом образа, способного «задействовать» механизмы созидания себя, «собираения» осколков времени в невыраженные ранее потенции, самоосуществления в динамичной вечности своего бессознательного. Различение всего перечисленного позволяет «допустить два дополнительных объекта знания: трансфер и предсознательное в их двойном отношении к безвременности бессознательного и ко времени, которое течет»(Diatkine R. Destins du transfert. In: Revue Francaise de Psychanalyse, vol.52, № 4, pp. 803-813). Если пациент с диссинхронией надеется быть «утешаемым, это обретает смысл опыта, прямого или переработанного «apres-coup»(там же).

-2-

«...Как жаждет пробуждения каждый, кто заколдован наяву»

М.Петровых

Основной гипотезой наших прикладных исследований стало предположение о том, что диссинхрония проявляется в рассогласованном состоянии систем взаимосвязанных психических явлений, в несбалансированном состоянии когнитивного, коммуникативно-волевого, психосоматического и др. компонентов психического (И. Сибгатуллина. Диссинхрония психического развития... КГУ, 2002, 2006 и др.)

Детерминантный уровень диссинхронии выражается в экстернальном (социальная диссинхрония) и интернальном (внутренняя диссинхрония) качестве. А выраженность диссинхронных состояний зависит от длительности (временности) и интенсивности. Не менее важным становится и аспект рефлексии времени прошлого опыта, полученного «внутри», а не за пределами психологической истории пациента.

Понимание сущности диссинхронии обеспечивает изучение детерминант самоосуществления в момент «психической остановки» реального времени, не только с точки зрения системного свойства психики целостной личности, но и как процесса необходимого обращения к анализу художественного образа, образа искусства, благодаря безвременности бессознательного и вопреки «расколотому времени» (А. Грин и др.) в сознании.

Особое значение для решения практических вопросов стала интеграция взглядов авторов (С.Грюссль, И.Сибгатуллина. Художественный образ как механизм эволюционного образования психологического ресурса, -Казань,- КГУ,- 2005) на понимание процесса обращения к искусству в психотерапии, как духовной потребности пациента и аналитика(ниже мы разъясняем, почему это выходит за рамки психоаналитического процес-

са), выражающийся в совместном интеллектуальном созидании, ради самого созидания (а также предположение о том, что искусство способно сопровождать терапию).

Большое значение для нас имели и наставления австрийских коллег Ал. Притца и Х. Тойфельхарта «о том, что ограничение терапии методом психоанализа сферой лишь лечения болезней никак не оправдано» (A.Pritz, H. Hofelchart «Psychotherapie: eine neue Wissenschaft vom Menschen») и шесть основных положений индукционизма М. Эдельсона (M. Edelson. Hypothesis and Evidence in Psychoanalysis. University of Chicago Press, Chicago) применительно к результатам нашего исследования.

Согласно с основными положениями исключяющего индукционизма, наблюдение тогда и только тогда показывает, что гипотеза X правильна, когда:

- Результат можно вывести из гипотезы X;
- Результат предусматривается из гипотезы X;
- Результат принципиально не мог бы возникнуть;
- Результат поддерживает гипотезу X против конкурентной гипотезы Y (которая относится к тому же предметному участку), когда он опровергает отсутствие, или когда результат предположения Y чрезвычайно маловероятен;
- Исследование проведено так, что альтернативные объяснения могут быть исключены, когда поступает выведенный из гипотезы X результат;
- Исследование проведено так, что отсутствие выведенного из X результата исключает все другие объяснения, кроме истинности X.

Принципиально или фактически психотерапия должна быть в состоянии выполнить эти критерии оценки гипотез, если она желает считаться научной дисциплиной.

-3-

Психоаналитическое измерение времени искусством может состояться в терапевтическом процессе, если перенос выражает движение, введение в действие бессознательного, перераспределение ценностей, которое налагает отпечаток на культурные, мировоззренческие интерпретации времени в «тогда и там»-«здесь и теперь». Диссинхрония минимизируется синхронизацией культуры и творчества художника, который является неявным проводником этого движения. А самоосуществление человека, возвращение его в реальное время движения по своей психологической истории происходит через анализ события встречи с художественным образом (S.Greussl, I. Sibgatullina. *Keunstlerische Gestalt als Mechanismus der Schaffung der psychologischen hessource eines Rahmen der Evolution*, 2005), который «оставляет свои отметки на психике и пациента

и аналитика» (А.Грин). Эта «психическая матрица» и получает повторное пробуждение и новое значение, налагает отпечаток на судьбу переноса. Повторимся, что это модель «аррес-соур». Это подлинное переживание пациента в настоящем. «Правдивое не противоречит ложному, а психоаналитик и его пациент находятся в рамках безвыходной ситуации, когда психоаналитическая работа используется для того, чтобы поставить под сомнение сам психоаналитический процесс (Anzieu D. La resistance paradoxale: le cas du taureau ratiocineur.- Dunod).

Краеугольным камнем аналитического усилия над диссинхронией является работа с текстом комментариев художника к созданным образам.

Рис. 1. «Mind the gap!»

С одной стороны название предупреждает о трещине, пропасти или разделении между двумя сущностями. А с другой стороны показывает правильный баланс между расстоянием и близостью, для того чтобы развиваться в дальнейшем. Нужно обратить на это внимание и найти мост с одной стороны на другую.

Рис. 2. Eisfrau

Она еще спит под защитой льда и зимы.

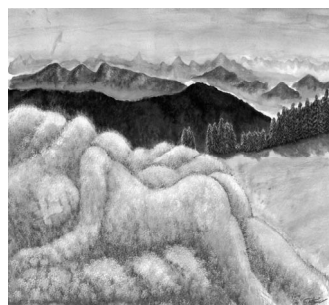

Рис.3. Of short duration

С недавнего времени молодость, да и вообще вся жизнь, подчинены прошлому. Живущий в «сейчас» преодолевает страх перед этим процессом.

Рис.4. Eislaufplatz

Сквозь годы чувство боли может врезаться в поверхность. Но под окоченевшей поверхностью начинается сила самосознания, способная растопить ледяную корку.

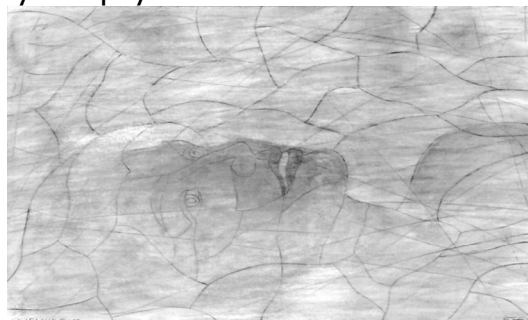
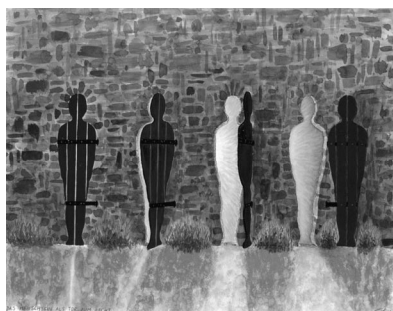
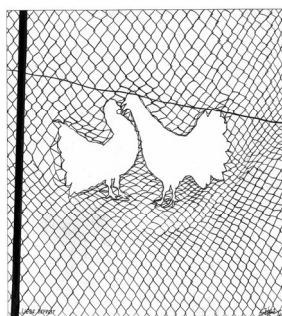

Рис. 5. Das «Menschsein» als Tor zum Licht

Как добраться до тех воспоминаний, которые дадут достаточно для того, чтобы снова оказаться на «свету»

Рис. 6. Liebe befreit

Проволочная сеть как чувство ограничения
Любовь разбивает все границы.

Эти комментарии расслаивают, испытывают, искушают, потому, что не всегда или, точнее, почти никогда они не совпадают с творческим созданием пациента и аналитика. Это интерпретация жизни другого, а нужно найти свою. Процесс самоосуществления «входит» в пространство культуры, являясь ее частью. Психологическая история пациента анализируется через две главных линии художественного образа - линию сохранения и линию запаса, открывающую осознанную взаимосвязь между духовными и интеллектуальными ценностями. Последняя действует в сфере ощущения индивидуального времени пациента, как СВОЯ психологическая история. Художественный образ- сохранение отражается в художественном образе-запасе. Пациент «вбирает» (пополняет) художественный образ- запас, в том числе и как объект культуры в свое собственное движущееся восприятие времени. Наконец, художественный образ-сохранение получает импульс к движению в восприятие реального времени. «Тогда и там» движется навстречу «здесь и теперь». Однако, справедливости ради, отметим, что этот процесс неочевиден и непредсказуем, но подтверждает нашу гипотезу и обращает внимание на изучение такого критерия как длительность и интенсивность диссинхронного психического состояния пациента в реальном времени. «Возвращение к себе происходит окольным путем» (А. Грин). Настоящее начинает влиять на произошедшее в прошлом.

С точки зрения специфики психической нелинейности в психоанализе это нормально. Дифференциальные различия восприятия художественного образа представлены в диссинхронном психическом состоянии пациента как «гладкий» динамический поток (или каскад) элементов с разовым многообразием, которое и является изменчивым множеством («явным» или «скрытым»), по которому «двигается» настоящее самоосуществление в прошлое потерь, печали и утрат, но с новым смыслом приобретения внутренней свободы, открытости к искусству, мудрости.

Вместо послесловия: время лечит (русская народная мудрость).

Значение субъектно-субъектных отношений в суфийской традиции и их связь с современной гуманистической педагогикой и психологией

Совитова Э.Т.
ТГГПУ, Казань

Современная отечественная педагогическая и психологическая науки конца XX – начала XXI века отличается интенсивной поисковой деятельностью в области конструирования принципиально новых подходов к образованию и развитию личности на гуманистической основе. Гораздо больше исследований этого плана были обращены к западным традициям в понимании сущности гуманизма. В меньшей степени гносеология вопроса связывалась с изучением культур Востока.

Отечественные и зарубежные ученые, представители гуманистического направления Ф. Михайлова, В. Зинченко, В. Давыдова, П. Фрейре, К. Роджерс касательно процесса формирования нравственных ценностей человека, его воспитания обозначают, что: «Образовательно-педагогический процесс протекает в противоречивом взаимодействии двух типов педагогического менталитета и практики: монологического и диалогического. Обозначенной дихотомии предшествовали усилия исследователей из различных областей: философия (М. Бубер о двух типах отношений в процессе образования), литературоведение (М. Бахтин, давший очень глубокую характеристику диалога в образовании), педагогика (В. Сухомлинского). Они образуют суть образовательного процесса». «Диалогичность» в воспитательном процессе – это коммуникативный идеал, к которому стремится практический диалог как встреча разнообразных позиций, аргументаций и точек зрения; это уникальное событие – встреча индивидуальных истин, равно признаваемых всеми участниками. С.В. Петрушин обозначает это как субъектно - субъектное взаимодействие в образовании или Л.А. Петровская, как «глубинное», когда «.. продуктивные аспекты и задачи составляют нестандартную, неформализуемую, неалгоритмизируемую сторону общения и характеризуется порождением новых мотивов, целей, операций и их последовательностей, подключения творческого потенциала личности» (Петровская, 1989, 14). В качестве субъектно - субъектного взаимодействия А.У. Хараш выделил, прежде всего, процесс «самораскрытия». Оно понимается как «произвольный отказ от защиты и переход к стратегии доверительного диалога» (Петрушин, 2002, 15).

«Монологичность» в воспитательном процессе образования - может означать закрытость, непрозрачность и ограниченность позиции. Тогда она вызывает к жизни «Инструментальное образование с манипулятивно - марионеточным отношением между обучающим и обучаемым. О возможности «квазисубъектного» взаимодействия писал В.И. Степанский,

где «... каждый субъект выступает для своего партнера по взаимодействию в качестве объекта и имеет целью ассимиляцию другого и использование его как средства» (Степанский, 1991, 36). По мнению Л.А.Петровской при субъектно - объектном взаимодействии «партнерам, по существу, отводятся роли манипулятора и манипулируемого объекта». Согласно педагогическому методу воспитания бразильского ученого П. Фрейре, созвучного педагогическому материалу суфийской традиции, в образовании воспитание понимается как «воспроизведение в собственной структуре обучаемого того исторического процесса, в котором и посредством которого происходит становление человека». Обращаясь к опыту отечественных литературоведов уместно вспомнить М. Бахтина: «Только в сознании того, что в самом существенном меня еще нет, является организующим началом моей жизни из себя в отношении к себе самому». Индивидуальный опыт в диалогической педагогике есть выход за пределы собственного «Я», преодоления себя. Суфийская педагогическая мысль в своем метафорическом исполнении созвучна данному рассмотрению, отражена в концепции нравственного совершенствования человека. В текстах Шихаб - ад - Дина Сухраварди мы находим следующее утверждение: «Если уподобить целое Океану, а часть – капле, то, как скажет суфий, невозможно свидетельствовать океан, имея глаз капли. Капле нужно слиться с Океаном и увидеть Океан через глаз океана». Человек творит свою жизнь, трансформируясь из «свидетеля» своей истории в ее «автора». Обращая взгляд к культурно - философской традиции постмодернизма у П.М. Фуко находим следующее определение «Субъект в его основополагающей функции» рассматривается «как то, что исходя из самого себя, дает смысл миру, необходима ли при этом самотождественность субъекта и его непрерывность в качестве его атрибутов». Восточная суфийская педагогика свидетельствует о необходимости разотождествления субъекта со своей личностью в целях постижения высшей предназначенности самого себя. Обратимся к высказыванию ученого-богослова, мастера суфийской традиции Аль - Газали о встрече с самим собой: «Я думал о себе так часто, что полностью превратился в себя. То понемногу приближался, то тихо уходил». По утверждению Фуко, все его философствование строится на вычленении «общности ядра» – несущей конструкции в виде «дискурса об опытах - пределах, где речь идет для субъекта о том, чтобы трансформировать самого себя, и дискурса о трансформации через конституирование знания», чтобы определить способ его «субъективации», речь идет о том, чтобы определить «чем должен быть» субъект, какому условию он подчиняется, каким статусом он должен обладать, какую позицию он должен занимать в реальном или воображаемом для того, чтобы стать узаконенным субъектом того или иного типа познания. Данная идея находит отражение в методе «вырывания себя у самого себя», «сделать так, чтобы он больше не был самим

собой, перестал быть тем, что был, стал совершенно иным». Созидание человеком самого себя возможно лишь в диалоге, в со - бытии.

Возвращаясь к педагогике П. Фрейра обозначим, что центральное понятие его педагогического метода занимает образовательный, учебный процесс, который есть такой же естественный акт как еда или ходьба, где инструментом выступает слово - «это место встречи и признания других сознаний, других личностей, человек обучается только тогда, когда обучение для него приобретает личностный смысл. Человек обучается посредством собственного трансформирующего действия, сам реконструирует категории мышления, организующие и изменяющие мир. Образовательный акт должен быть актом переосмысления и реконструкции смыслов. В котором учебный процесс занимает особое место, где происходит взаимное обучение, в котором не только обучающий, но и обучаемый делятся своими знаниями.

Таким образом, когда проявляется субъект нельзя строго и с абсолютной уверенностью определить, кто является обучающим, а кто обучаемым. Он связывает образование с достижением плодотворного диалога «учитель - ученик», «муршид – мюрид» с радикальным изменением общества и достижением такого его состояния, когда каждый человек проявляется в качестве субъекта собственной истории в открытой, непосредственной и прямой форме. Данное положение можно реализовать в гуманистически ориентированной, диалоговой и «толерантной» модели образования. «Мало пользы учить мудрости, в любом случае мудрость нельзя передать в словах. Это возможно только в личном общении и непосредственном опыте » (Санаи, 2005, 424).

Список используемой литературы

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
2. Курбанмаматов, А. Эстетическая доктрина суфизма /А. Курбанмаматов.– Душанбе: Дониш, 1987.– 108 с.
3. Орлов, А. Б. Психология личности и сущности человека / А. Б. Орлов. - М: АCADEMIA, 2002 – 270 с.
4. Петрушин, С. В. Психологический тренинг в многочисленной группе / С. В. Петрушин. – М.: Академический Проект, 2002. – 251 с.
5. Петрушин, С. В. Методика резонансного консультирования / С.В. Петрушин.- Казань: Новое Знание, 2006. - 99 с.
6. Роджерс, К. Клиент-центрированная психотерапия / К. Роджерс. – М.: Апрель Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. – 512 с.
7. Энциклопедический словарь, Живучесть Основ Культуры / [Электронный ресурс] / Энциклопедический словарь // Режим доступа: <http://www/jivuchest.ru>, свободный

Использование метода интервью и языка жестов для изучения намерений женщин-предпринимательниц

Селиванова Л.В РГСУ г.Чебоксары
Федотова С.В., г.Чебоксары

В процессе общения большая часть информации передается невербальными средствами, а именно посредством жестов, позы, расположения и соблюдения дистанции между партнерами [1,5]. Язык тела – это любое движение тела или его части, с помощью которого человек передает эмоциональное послание внешнему миру [7]. Используя язык жестов и опираясь на метод интервью как на «метод сбора информации в психологическом исследовании, в котором один человек (интервьюер) пытается получить определенную информацию от другого человека (опрашиваемого) или группу лиц в условиях личного речевого взаимодействия» [3], мы поняли, что женщину-предпринимательницу можно принимать именно такой, какой она познается нами по мимике и жестикуляции: женщина с печальным выражением лица едва ли думает о чем-то оптимистичном, а женщина, выражение лица которой «обнаруживает раздражение, никогда не окажется в мирном и приятном расположении духа» [5]. Поскольку мы приходим в таких случаях к выводам быстро и непосредственно, то бывает, что о личности женщины, просидевшей напротив или рядом всего каких-нибудь две-три минуты, можно узнать гораздо больше, чем после тщательного опроса с применением анкет и тестов [2,4,6].

Исследование в интервью начинается с первых минут общения – слов приветствия. Исследователь обращает внимание на умение женщины-предпринимательницы искренне приветствовать собеседника, приглашать к беседе – подобные моменты дают возможность получить и спонтанно, на уровне ощущений, оценить огромный объем информации. Достаточно посмотреть на лицо человека, чтобы составить себе суждение о том, насколько он «умственно подвижен» [4]. В ходе интервью, нацеленном на анализ намерений женщин-предпринимательниц этот момент особенно важен. Ибо, независимо от того, какие вопросы мы задаем, и какие ответы получаем, желательно отчетливо представлять себе внутреннюю позицию интервьюируемой. О чем бы ни шла речь, мимика и интонации могут усилить и помочь разобраться в том, уверена ли полностью женщина в сообщаемом или сомневается. «Да» и «нет» в плане чисто словесного материала могут быть однозначны, но тон, мимика, динамика тела позволяют предполагать и другое значение, иногда противоположное.

Например, если женщина говорит о перспективах, необходимости расширения бизнеса с интонациями усталости, обреченности и менее уверенным голосом, с минимумом эмоций, то это, как правило, служит знаком, что в ее сознании живет сомнение и неуверенность.

Неготовность выражается и мимикой – мы видим настороженный взгляд, напряжение на лице, иногда скептическое сложение губ, нарочито равнодушные взгляды в сторону и вверх, свидетельствующие о том, что вопрос или высказывание еще не доведены до конца, вызывают определенную степень неприятия [5]. Тут даже не требуется особого предварительного изучения мимики, она как бы сама заявляет о своей диагностической силе, а мы включаем полученные сведения в общее суждение о женщине-предпринимательнице.

По мимике можно определить, соответствует ли то, что говорится, истине. Ничего не выражающее лицо свидетельствует о равнодушии, вопреки утверждениям женщины-предпринимательницы о том, что тема актуальна. И, наоборот, при переходе на интересующую тему, брови поднимаются вверх, глаза расширяются, появляется легкая улыбка. Помимо изменений в мимике, у женщины меняется положения тела (подается вперед, принимает открытые позы), в более богатой жестикуляции, насыщенной различными интонациями и большими подробностями речи.

Интервью позволяет оценить не только намерения, но и поведенческие реакции. Если человек, в какой-либо ситуации проявляет страх, «то это ни в чем не найдет столь отчетливого выражения, как в его мимике. Пусть он даже пытается подавить выражение страха, но мимически это у него получается гораздо хуже, чем попытки скрыть страх словами или какими-либо действиями» [4,6]. Если повод для страха незначителен, то по мимике почти безошибочно можно сделать заключение о тревожности, боязливости.

Главное достоинство метода интервью заключается не столько в выявлении тех или иных особенностей намерений, качеств реакций, а в возможности изучить некоторые причины их возникновения.

Так в ходе интервью с одной из предпринимательниц г.Чебоксар, было сделано необычное заключение. Женщина, оценка состояния дел которой дана экспертами как успешная, признает себя несостоявшейся. Собственные достижения психологически нивелировались наличием еще далеко не достигнутых целей: «Я не достигла еще желаемого, мои намерения не ограничиваются материальным достатком. Я хочу выйти замуж за достойно зарабатывающего мужчину и реализоваться как женщина». В ходе беседы интервьюер обсудил с женщиной-предпринимателем эту проблему, помог разобраться с намерениями, и таким образом, удалось найти причину ощущения несостоятельности. Выявился мотив «обрести статус замужней женщины». Брак нужен ей как инструмент в реализации женского «Я», для создания семьи, проявлении заботы. Женщина-предпринимательница чувствовала, что жестко взаимодействуя с мужчинами, она лишала их возможности и желания проявлять инициативу, продолжать развитие личных взаимоотношений. Одним из стимулов для предпринимательской деятельности был ситуативный, он оказался исчер-

панном. Имея налаженный бизнес, женщина-предпринимательница мечтала о большем доходе для повышения своей привлекательности в глазах мужчин. Несколько недель спустя она прошла тренинг «Любовь и другие человеческие отношения», который проводил в г.Чебоксары Петрушин С.В. Тренинг помог ей разобраться в этой ситуации, она сумела увидеть свою проблему и дать ей реалистическую оценку, осознать свои истинные намерения.

Таким образом, метод интервью и язык жестов позволяют исследовать комплекс психологических особенностей женщин-предпринимательниц.

Литература

1. Акмеологические основы эффективной политической коммуникации. Учебное пособие под общей ред. А.А.Бодалева, Л.Г.Лаптева – М.: РИЦ «Москва-Санкт-Петербург», 2003. – 379 с.

2. (3). Андреева Ю.В. Взаимосвязь профессиональных и личностных качеств имиджа руководителей: Дис... канд. Пс. Наук / Ю.В.Андреева; - Казань, 2002. – 143 с.

3. (4). Краткий словарь по социологии / Под общ. Ред. Д.М.Гвишвиани, Н.И.Лапина; сост. Э.М.Коржева, Н.Ф.Наумова. – М.: Политиздат, 1988. – 479 с.

4. (5). Леонгард К. Акцентуированные личности / К.Леонгард. – Киев: Вища школа, 1981. – 390 с.

5. (6). Пиз А. Язык телодвижений. Как читать мысли других по их жестам / А.Пиз – Нижний Новгород: «АЙ КЬЮ», 1992. – 262 с.

6. (7). Селиванова Л.В. Психологические особенности личности успешного предпринимателя (на материалах исследований по Чувашской Республике) (монография). – Чебоксары, 2004. – 137 с.

7. (8). Фаст Дж. Язык тела / М.: ВЕЧЕ-АСТ, 1997. – 429 с.

К становлению постнеклассической психологии и психотерапии

Хохлова Л.П.,
г. Москва

В данный исторический момент психологическая наука, психологическая практика, консультирование и психотерапия мирно сосуществуют как бы на разных сторонах, являясь квазизамкнутыми и самодостаточными явлениями. Для понимания процессов дальнейшего развития и взаиморазвития необходимо дифференцировать наработанный классический подход академической психологии и используемые практикой, психотерапией и консультированием реальности субъектных миров деятельности, познания и общения. Е.А.Климов (5) ввел для реальности мира деятель-

ности субъекта термин – субъектные миры. Реальность жизнедеятельности конкретного субъекта консультирования не являются полностью определенными. Они требуют со стороны и консультанта и клиента совместных действий по их детерминации и включают в себя создающего их субъекта. Носов Н.А.(8) определял существующие субъектные реальности как виртуальные. У.Матурана и Ф.Варела (4) описывают их как постоянно самовоссоздающиеся, автопоэтические системы. С субъектными реальностями имеет дело любой психотерапевт в практике своей работы.

Психология, стоящая на основе классической рациональности практически вынесла за скобки науки, мягко говоря, все ненаучные субъектные миры, а практика между тем, накопила ценнейший материал психотерапевтической работы с ними. В действительности в современном мире необходим целостный подход к исследованию и описанию развития человека, и он возможен только при использовании особых способов видения человеческой субъективности, средств ее изучения и развития. В.С.Степиным (10) был выделен постнеклассический тип научной рациональности, в котором произошел перенос в скобки научного знания целей и ценностей субъекта. И как отмечает Буров В.А., знание субъектных реальностей является одной из многих детерминант для принятия компетентных решений, отсутствие в науке развитых средств работы с этой сферой постепенно выводит ее из пространства доверия все большего числа людей. “Классическая модель научного знания разделяет “внешнюю” реальность и действующего в ней субъекта. В субъектную же реальность включен ее субъект и его деятельность. Возникает совершенно новая ситуация структурирования. Такая реальность обладает большей степенью неопределенности, которая должна быть устранена действиями субъекта.”(2)

Люди всегда пытались описывать внешний мир, используя различные модели. Субъектное видение пещерного человека являло собой антиформу, изъятое ноль-пространство. Происходил постепенный переход к линейному мышлению (древний Египет), затем возникло двухмерное мышление античности и средневековья. После эпохи возрождения возникло трехмерное восприятие мира и далее четырехмерное и, наконец, развивающееся пятимерное мышление действительности. Живопись, музыкальные, архитектурные произведения отражают этапы развития сознания человечества, уровень мерности его субъектного мировосприятия $0 > 1 > 2 > 3 > \dots 4 > \dots 5 \dots$. Закон поэтапного развития размерности психического отражает развитие топологии сознания всего человечества, отмечает Сухонос С.И. (9).

Сформировавшиеся в истории человеческой мысли парадигмы классическая (западная) и неклассическая (восточная), не решив своих противоречий, тем не менее, заложили генетический код Новой постнеклассической парадигмы, которая совершенно иначе, чем ее родители отно-

сится к субъектным мирам. Постнеклассическая парадигма научного знания раскрывает особую роль человека, который, будучи встроен в сложные системы, может оказывать непосредственное влияние на ход событий, выводить их на предпочтительные состояния. В этой парадигме человек в своих процессах восприятия и мышления не столько отражает окружающий мир, сколько активно творит и конструирует его. Конструирование порождает когерентный, взаимосогласованный мир. Конструирование природной и социальной действительности означает, что человек как субъект общения, познания и деятельности берет на себя весь груз ответственности за получаемый результат. Принцип ответственности ставится во главу угла (6).

Современные призывы об использовании постнеклассического мышления для решения научных и практических психологических проблем, натываются на барьеры непонимания. В действительности, современные методы психотерапии и консультирования уже давно вышли за рамки классических подходов, сложившихся в 19-20 веках в ответ на происходящие перемены. На наш взгляд, облик современной психологии и психотерапии должны определить не дальнейшая дифференциация знаний, а углубление интеграции различных областей психологии. Синтез накопленного теоретического и психотехнического знания, выработка принципиально новых объяснительных схем, позволяющих выйти за рамки частных подходов – вот те тенденции развития психологической науки и психотерапии в XXI веке.

Яркой характеристикой постнеклассической парадигмы выступает трансдисциплинарность, которую характеризуют такие исследования, мышление и психотерапевтические теории, идущие «сквозь», «через» дисциплинарные границы. Трансдисциплинарность – это теоретическая попытка «трансцендировать» дисциплины выступает как реакция на гиперспециализацию и раздробленность знаний. Трансдисциплинарные исследования и методы консультирования и психотерапии характеризуются переносом когнитивных схем из одной дисциплинарной области в другую, разработкой совместных проектов. В чем состоит главная установка той или иной базовой модальности? В выработке строгой и логически обоснованной собственной системы и стратегии работы с клиентами, в вынужденном ограничении от иного, с тем, чтобы не нарушать внутреннюю связность элементов теории и практики, которая сложилась либо на основе классической, либо неклассической парадигм мышления. Системное становление психотерапии обязывает выходить на трансдисциплинарность и новые установки. Необходимо выходить не просто на поверхностные аналогии, а на **резонансные изоморфизмы когнитивных схем** через кросс-культурный диалог представителей разных модальностей и наук. Трансдисциплинарные когнитивные стратегии становятся возмож-

ными и действенными тогда, когда вырабатывается общий трансдисциплинарный язык – **метаязык**.

Чем же вызвана такая необходимость в постнеклассической парадигме и трансмодальности? Желанием авторов, творящих новые названия старому и давно известному? И можно ли сейчас удовлетворить запросы практики эпохи перемен, которая требует необычных мыслительных умений и особенностей психики теми системами психологии и психотерапии, которые перекочевали из прошлых веков. Да можно, если учесть, что сейчас в начале XXI века мы наблюдаем “бульон” из разных субъектных уровней психического. И невозможно, если учесть, что в этом субъектном “бульоне”, носителем которого является любой человек, наблюдается отчетливый рост потребностей иного толка. Это потребность жить и действовать в неравновесной социальной и природной среде.

Закон поэтапного наращивания размерности психики человека и теории психического, соответственно, дает отчетливое понимание происходящего в системах психотерапии и консультирования: 1). Каждая теория психологии и направление психотерапии обслуживает тот или иной уровень размерности психики и несет в себе очевидное, метаинформацию, которая трансдисциплинарна по сути. Это ценные знания могут быть применимы в любой системе психотерапии, 2). Каждая теория психологии и направление психотерапии имеют уровневую информацию, которая дает им “знак-метку” принадлежности к тому или иному уровню психического (якорь-индивидуальность), 3). Каждая теория психологии и направление психотерапии несут в себе что-то “мутантное”, неоднородное. На самом деле – это разное связывает теории и направления как медиатор, либо готовит новый скачок теории к развитию. Медиатор каждого направления психотерапии, заданный в ее модели субъективного мировосприятия обеспечивает вход в нее клиентам, находящимся на том или ином уровне мерности мировосприятия. Вот почему не может быть выбрана раз и навсегда универсальная единица для анализа психического, она может быть только презначена для той или иной категории субъектов, включающихся в уникальную работу над собой.

Западноевропейская трехмерная модель субъективного мировосприятия развернула большинство имеющихся сейчас теорий психологии и практик психотерапии. Сопоставляя теперь все эти этапы развития моделей восприятия реальности ученые, культурологи и др. специалисты обнаруживают дальнейшее активное усложнение субъективного восприятия действительности. В настоящее время имеет место исторически обусловленный переход от трехмерной модели к четырехмерной модели восприятия реальности, где время играет роль пятого измерения. Время выступает как категория изменчивости пространства, которое характеризует структуру вещества и стабильность мира. Время диктует, какой инструмент и для какого клиента надо брать в руки психотерапевту, так как в

период перехода присутствуют все размерности психики. И новые и прежние. В этом случае мы имеем дело с совершенно другой скоростью саморганизации и выходом на синергию, которая предстает как согласованное в результате собственной активности субъекта и выносимой за границу собственного Я, отчуждаемой им от себя не части, а многомерной, трансуровневой действительности мира. Это действие репрезентируется в канале реальности субъекта как действие Целостной Динамики большого количества самостоятельных субъектов, согласованной по их внутренней природе. И уже следует говорить не о двойной субъектности (по В.Лепскому,(1), а о **трансуровневой**.

На наш взгляд, человек обретает развитие субъектности через решение проблем, которые рассматриваются как психологический ресурс развития **трансуровневой субъектности**. В качестве единицы анализа психического нами рассматривается холодайн, понятие, введенное В.Вульфом (1990). В.Вульф не выделил психологическое определение холодайна, он рассматривает холодайн с точки зрения ряда естественных наук. Тем не менее, холодайн им постулируется как единица развития потенциала человека или группы.

В сущности, выбор единицы анализа психического и определяет ракурс психотерапевтической помощи, заданный установленной этим выбором парадигмой. Поэтому в качестве такой единицы должно быть выбрано не нечто фрагментарное и специфическое и, вместе с тем, естественно, не многослойное, многоуровневое психическое образование, а содержащее все "необходимое и достаточное" для анализа и объяснения психических явлений. В Трансmodalной субъектной психологии и психотерапии (Л.П.Хохлова) как одного из представителей постнеклассической психологии в качестве единицы анализа психики выступает понятие холодайн как структурное или функциональное образование, выступающее в качестве минимальной, далее не разложимой части целостной психики и как сохраняющий основные свойства этого целого. Холодайн имеет внутренне связанную структуру, в которой представлены свойства целого, является потенциалом, побуждающим способность к развитию и саморазвитию, к образованию открытого таксономического ряда. Что очень важно, доступ к таким структурам дает возможность выходить за пределы непосредственной информации, при минимальном наборе утверждений, обеспечивающих реконструкцию максимального числа неизвестных факторов. Индивидуальные, групповые и общественные субъекты могут выходить за рамки информации, которая поступает к ним из окружающего мира и оперировать неизвестной информацией, что обеспечивает оперативное реагирование и принятие адекватных решений задолго до рационального осознания.

С точки зрения таких принципов мироустройства как полионтизм и множественность реальностей человеческого существования (Носов

Н.А.,(8), реальности могут порождать друг друга, и происходящее и актуальное в одной из них, может служить той силой, которая создает нечто сущее в другой, где нет никаких рационально понимаемых причин. От одной всеобщей реальности – монотеизма мира, осуществлен переход к множеству очень частных, порой противоречивых субъектных реальностей. Брушлинский А.В.(11) экспериментально доказал, что при решении задач мы имеем дело с движением субъективного мира: от одной альтернативы к другой через совмещающие их "кентаврические реальности". От недизъюнктивности мышления он переходит к недизъюнктивности психики и понимания категории субъекта, к недизъюнктивности как неразделенности человека и мира. Полионтизм и целостность мира, включенные в новую постнеклассическую эпистемологическую позицию, дают новые возможности в построении новых моделей динамического развития.

Использованная литература:

1. Аршинов В.И., Буров В.А., Лепский В.Е.. Навигация, рефлексивные площадки и каналы реальности постнеклассического управления обществом. Сб.: На пути постнеклассическим концепциям управления. М., Институт философии РАН, 2005
2. Буров В.А. Знание как средство детерминации реальности. В Сб. Материалов VI Международного симпозиума "Рефлексивные процессы и управление", 10-12 октября 2007г. г. Москва. <http://www.reflexion.ru>
3. В. Вульф. Холодинамика. Вся сила в действии. М., 1995
4. Капра Ф. Паутина жизни. М., 2003
5. Климов Е.А. Образ мира в разнотипных профессиях. М., 1995
6. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика. Нелинейность времени и ландшафты коэволюции. М., 2007
7. Мамардашвили М. Классический и неклассический идеалы рациональности. М., 1995
8. Носов Н.А. Виртуальная психология. М., 2000
9. Сухонос С.И. На пороге четырехмерной цивилизации. Сб. "Логос Вселенной", М., 1999
10. Степин В.С. Западу стоило бы немного податься на восток. Антология русской философии. т.3., С.-П. "Сенсор", 2000
11. Психология индивидуального и группового субъекта. под ред. А.В. Брушлинского-М. 2002
12. Хохлова Л.П. Целостно-динамическая концепция и технологии стратегического управления развитием сложных социально-экономических объектов. Сб. Материалов IV Международной конференции "Когнитивный анализ и управление развитием ситуаций" Института проблем управления РАН, М., 2004

Психологические принципы обучения подростков с последствиями детского церебрального паралича

Шулаева М.В.

Набережночелнинский филиал Института экономики, управления и права

На протяжении последних лет возникли различные подходы к построению работы с контингентом детей и подростков, имеющих особенности физического развития. Если ставить главной задачей формирование у них навыков и умений передвигаться, усваивать определенную сумму знаний, то для их личностного становления, самореализации, этого явно недостаточно. Наше время – время научно – технических преобразований, требует от подрастающего поколения большей мобильности, творческой.

Процесс обучения данной категории детей и подростков, как правило, строится по принципу целенаправленного воздействия, организованного педагогом, воспитателем, родителем. Это, в свою очередь, препятствует формированию самостоятельности, инициативности, активной включенности в значимые виды деятельности.

Таким образом, процесс создания необходимых условий и предпосылок для организации качественного образования детей и подростков с последствиями детского церебрального паралича является весьма сложным и разнохарактерным.

На наш взгляд, этот процесс сопряжен с решением ряда насущных проблем. Одной из ключевых проблем является подготовка педагогических кадров, способных реализовывать в своей практической деятельности качественно новые подходы к организации образования особой категории детей и подростков, где последние будут выступать в качестве субъектов, а не объектов обучения.

Насущным остается вопрос организации обучения детей и подростков (больных и здоровых) как сотрудничества и сотворчества равноправных членов, а не эпизодической и односторонней помощи со стороны здоровых сверстников, где больным подросткам отводится роль пассивных потребителей этой помощи.

Открытым остается вопрос конструирования и внедрения в практику таких обучающих программ, которые способствовали бы переходу от репродуктивных форм обучения данной категории учеников к качественно новым, продуктивным формам, открывающим возможности самораскрытия, активности, ответственности за свою жизнь.

Названные выше проблемы - это, безусловно, не полный перечень вопросов, которые необходимо решать при организации работы с особым контингентом – детьми и подростками с последствиями ДЦП.

В настоящее время, как отмечает А.Г. Асмолов, «наше общество находится в начале длинного пути – перехода от культуры полезности к культуре достоинства, где главной ценностью является ценность личности независимо от того, можно ли что-нибудь получить от этой личности при выполнении того или иного дела». Из потребности формировать такой личностный уклад возникает необходимость поиска нового содержания и методов работы с данным контингентом.

Среди требований к построению образовательных программ особо следует выделить следующее: деятельность должна строиться не только по предмету (знания, умения, навыки), но и по «продукту», т.е. личностным изменениям обучающегося, его развитию, которое происходит как приобретение им новых способов ориентации в действительности, новых способов действия, новых возможностей и способностей.

Выдающиеся отечественные психологи Л.С.Выготский, А.Н.Леонтьев, П.Я.Гальперин, Д.Б.Эльконин, В.В.Давыдов стояли на той точке зрения, что развитие, в значительной степени, может определяться самими способами передачи человеческого опыта.

Именно обучение представляет собой всеобщую и необходимую форму психического развития. Именно через обучение происходит передача индивиду общечеловеческой культуры, социального опыта, способов ориентации в окружающей действительности. Развивающая сила обучения именно в этом и состоит. Несмотря на имеющиеся подходы и концепции обучения детей и подростков с последствиями ДЦП достаточно остро стоит вопрос о том, какие необходимы приемы, условия построения такого обучения, которое смогло бы быть подлинной школой «роста».

Таким образом, все сказанное о том, что думали выдающиеся ученые о становлении человека, очень близко к проблемам конструирования такой психологической реальности как обучение.

Итак, что нужно для того, чтобы работа с подростками при ДЦП носила развивающий характер. Можно начать со следующего: попытаться построить обучение как личностно-ориентированное, предполагающее развитие творческой активности.

В качестве одного из основных принципов такого обучения становится интеграция как процесс совместной деятельности подростков с последствиями ДЦП и их здоровых сверстников.

На необходимость включения детей и подростков с особенностями в развитии в среду обычных детей указывал в свое время Л.С.Выготский: «Чрезмерно важно с психологической точки зрения не замыкать аномальных детей в особые группы, но возможно шире практиковать их общение с остальными детьми».

В процессе совместной деятельности, в частности творческой, подростки с ДЦП имеют возможность для более широких контактов, развития кругозора, формирования активной жизненной позиции, а их здоровые

сверстники научаются сопереживать, думать о другом человеке, помогать ему и тем самым «ценностно изменять самого себя» (С.Л.Рубинштейн).

Исходная форма коллективного творчества состоит в совместном выполнении группой подростков распределенных действий. Активность подростков необходимо активизировать не педагогическими «призывами», а личной заинтересованностью педагога и подростков.

В психологии установлено, что общение создает условия для развития творческого, самобытного в ребенке и для формирования у него волевых компонентов деятельности по утверждению, отстаиванию и защите своих достижений. Как известно, подобная тяга к общению как основа для самостоятельности и самовыражения особенно характерна для подросткового возраста. Именно благодаря этому общению подросток получает дополнительное ускорение для становления его личностных качеств, открытие своего места в мире. Взаимодействовать – это значит совершать совместную деятельность по формуле Л.С.Выготского: «Научись сам, если научишь другого», в этом случае каждый участник альянса почувствует себя на занятии активным творцом, а не только пассивным исполнителем.

Освоение авторской позиции как один из значимых принципов при организации деятельности детей и подростков с последствиями ДЦП осуществляется через формирование задач, где подросток с ДЦП становится автором ситуаций, проблем, определенного рода контактов, а не пассивным потребителем, дублером, иждивенцем.

Данная позиция способствует развитию собственной активности, умения ставить цель и находить пути ее достижения. Роль педагога в данном случае заключается в создании таких проблемных ситуаций, которые востребуют эту активность, будут способствовать включению его в выбор ценностей, их осмысление, нравственно – мотивированное отношение.

В связи с этим крайне важно сориентировать подростка в том, что, как и зачем он будет делать, чтобы деятельность его развивалась как осознанная, произвольная, предполагающая развитие рефлексивной способности что могу, что не могу, почему не могу, чего мне недостает и как это положение изменить.

В нашем специфическом случае крайне важен принцип поиска «обходных путей». Термин «обходные пути» был предложен Л.С.Выготским для решения проблем общения в «обход инвалидности». В качестве «обходных путей» для подростков с ДЦП, имеющих множественные моторные и речевые расстройства, выступает поиск с ними такого материала и таких знаковых систем, в которых подросток может проявить себя наиболее полно.

Иначе говоря, «обходные пути» это своеобразный язык, который подросток осваивает совместно со сверстниками, что позволяет ему до-

нести информацию о себе, о способе взаимодействия, тем самым, помогая стать индивидуальностью.

Предложенная выше образовательная стратегия позволяет системно и комплексно проработать ряд общетеоретических проблем педагогической психологии: организацию индивидуальной деятельности учащихся, направленной на овладение знаниями при их специальной организации; введение символа-знаковых опор для действия, способствующих становлению субъектности; обеспечение «зоны развития», открывающей как ближайшие, так и отдаленные перспективы развития, а также возможности движения от социальных к индивидуальным формам развития.

2. Теоретические и прикладные аспекты проблемы сознания и психических состояний субъекта.

Сопоставление особенностей семантического пространства образа психического состояния с его проекцией

Артищева Л.В., Кирша А.В.
Казанский гос. университет

Наше исследование расширяет сложившиеся представления о рефлексивном слое психического состояния, раскрывая, интерпретируя проективный образ состояния через символы психоанализа.

Самым проблемным вопросом для исследователей настоящего времени является неосознаваемая часть образа. Агафонов полагает, что приписывание смысла или акт понимания происходит даже в том случае, когда сам факт этого не осознается. Это значит, что смысл и значение содержатся и в бессознательной проекции образа ПС.

В памяти каждого индивида хранится информация о психических состояниях – образы психических состояний, - благодаря которой, в нужный момент, может быть идентифицировано собственное актуальное состояние. Здесь имеется в виду долговременная память, которая представляет собой семантикоорганизованное пространство.

В процессе вербализации и визуализации образов психического состояния участвуют защитные механизмы человека, которые блокируют доступ к определенной информации, хранящейся в бессознательном. Учитывая проницаемость между сознанием и бессознательным, можно говорить, что какие-то элементы целостного образа психического состояния выходят на осознанные пласты психики. Но есть информация, которая может быть связана с болезненным, травмирующим опытом человека, и поэтому доступ к ней закрыт. Раскрыть его можно путем создания проекции.

Известно, что «проекцией» называют символический перенос содержания внутреннего мира на внешний мир, но осознанность элементов проекции зависит от готовности субъекта принять эту информацию, от его личностных качеств, от смысловых детерминант.

В настоящее время существует множество субъективных методов диагностики психических состояний. Ряд авторов отмечают их недостатки:

- Возможность собственного понимания и разъяснения смысла определений, описывающих психическое состояние
- Возможность неискреннего ответа
- Расхождение в четкости и глубине описания своего состояния за счет индивидуальной способности к рефлексии
- Отсутствие учета индивидуальных особенностей диагностируемого при оценке состояния
- Влияние состояния испытуемого на момент обследования

Методика.

Нами предложена методика, позволяющая дать адекватную оценку психического состояния и отразить его образ, исключая все вышеприведенные недостатки.

Для исключения неискренности ответа была дана следующая инструкция: « В исследовании принимают участие те, кто готов быть открытым и искренним с учетом дальнейшей возможной обратной связи, кто готов более подробно раскрыть при необходимости свои внутренние переживания». Вследствие данной инструкции половина претендентов отсеялась. В нашей методике испытуемый сам описывает образ (представление) своего состояния (пункт 2,3), что позволяет нам при анализе сопоставить определение выявленного им состояния с его характеристикой (ядерные структуры семантического пространства данного состояния), представленной самим испытуемым. Извлечение образа психического состояния требует сосредоточенности на своих внутренних процессах, переживаниях, но визуализация образа происходит интуитивно, спонтанно. Исходя из этого, можно утверждать, что факторы внешней среды не оказывают значительного влияния на этот процесс. Проекция психического состояния (пункт 4) снимает проблемы, касательно индивидуальной способности к рефлексии своего состояния и личностных особенностей при его оценки, так как изображение отражает неосознанные слои образа психического состояния.

Для исследования образа психических состояний был разработан опросник, состоящий из четырех вопросов:

1. Определите ваше текущее психическое состояние. Назовите его.
2. Опишите Ваше представление о данном состоянии, как вы его переживаете, что означает для вас это состояние... (используя при этом слова любой части речи).
3. С какими событиями, жизненными ситуациями Вы ассоциируете данное психическое состояние. Моменты жизни, при которых вы испытывали данное состояние.
4. На что похоже Ваше состояние? Каков образ вашего текущего состояния? Нарисуйте образ вашего состояния, дайте словесное описание этого образа. (Образы могут быть любыми без ограничений).

Данная методика была составлена с расчетом на описание именно актуального психического состояния, так как мы считаем, что только актуальные состояния поддаются адекватному описанию его параметров, адекватной оценке. Это подтверждают слова Дружинина, что в качестве наиболее адекватного способа исследования психики на глубинном уровне рекомендуется наблюдение субъектом состояний собственной субъективной реальности. Индивид, переживая определенное состояние, осознает лишь часть всего спектра происходящих с ним процессов, а именно

тех, полнота переживания которых информационно-энергетически насыщены, это также зависит и от избирательной направленности внимания.

Только в актуальном состоянии и при акцентировании на нем своего внимания индивид может осознать стороны ПС (выделенные в концепции Прохорова А.О.) более глубоко. Но тем не менее, существуют и неосознанные процессы формирования образа психического состояния, даже на уровне простейших психических процессов, таких как ощущение, восприятие, память и т.д. Эта информация откладывается в бессознательном. Чтобы раскрыть этот неосознанный слой, мы предложили в своей методике создать проекцию переживаемого в данный момент психического состояния. Известно, что «проекцией» называют символический перенос содержания внутреннего мира на внешний мир, благодаря проницаемости границ между сознательным и бессознательным в психике человека.

В исследовании приняли участие 58 человек. Возраст испытуемых 19-24 года. Все являются студентами КГУ. Из них мужчин -10 чел(17%), женщин – 48 чел(83%).

Результаты:

При сопоставлении особенностей семантического пространства образа психического состояния (осознанная часть) с его проекцией (неосознанная часть) было выявлено: у 69% испытуемых вербализованные представления о психическом состоянии (семантическое пространство) и интерпретация символов проективного образа совпадают, у 31% испытуемых – наблюдается несоответствие.

Далее был проведен более детализированный сравнительный анализ семантического пространства образа психического состояния и его проекции по следующим универсальным характеристикам:

Характеристики:	При совпадении		При несовпадении			
			СППС		Проекция	
	чел	%*	чел	%**	чел	%**
1. Уровень психической активности:						
высокий	10	25	12	67	10	56
средний	18	45	6	33	4	22
низкий	12	30	0	0	4	22
2. Информационная составляющая:						
позитивно окрашенное	18	45	16	89	2	11
негативно окрашенное	22	65	2	11	16	89
3. Временная характеристика:						
границы длительного времени	24	60	8	44	8	44
диапазон текущего времени	12	30	10	56	8	44
отрезок актуального времени	4	10	0	0	2	11
4. Пространственная характеристика (по теории Ганзена В.А.)						
объективное пространство	16	40	8	44	8	44
субъективное пространство	24	60	10	56	10	56

*- % от общего количества совпадений СПОПС с его проекцией

** - % от общего количества несовпадений СПОПС с его проекцией

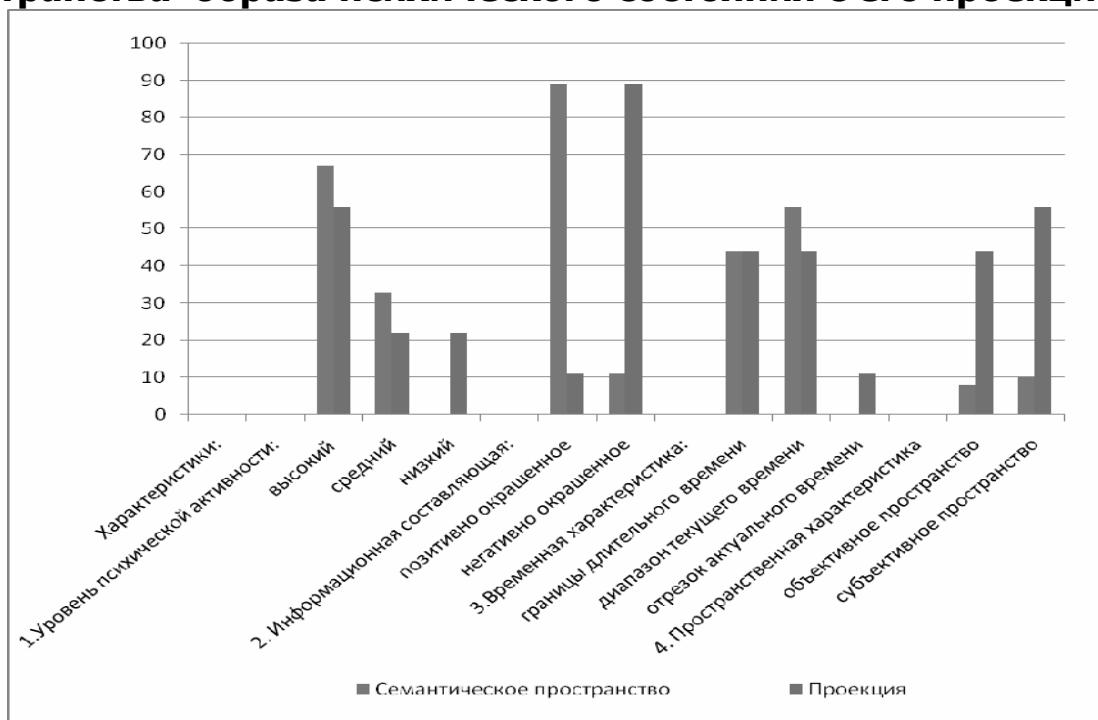
При совпадении семантического пространства образа психического состояния и его проекции, образ психического состояния характеризуется:

- Средним уровнем психической активности
- Как позитивной, так и негативной окраской
- Границы времени: длительные
- Пространство: субъективное

При несовпадении семантического пространства образа психического состояния (СПОПС) и его проекции выявлены следующие закономерности:

- В целом доминируют ОПС высокого уровня психической активности
- Уровни психической активности семантического пространства образа психического состояния и его проекции в основном сходные. А также в семантическом пространстве образа ПС не выявлены ПС с низким уровнем энергетической насыщенности
- Основной показатель, по которому различается характеристика образов – информационная нагрузка. Целостный образ ПС, имеющий в своей проекции негативную окраску в СПОПС обнаруживается как позитивный и наоборот.
- Временная характеристика также в большинстве случаев оценивается адекватно.
- Пространство оценивается как объективное и как субъективное в обоих случаях.

Сравнение характеристик при несовпадении семантического пространства образа психического состояния с его проекцией.

Выводы:

1. Пространственная характеристика ОПС в случаях совпадения и несовпадения семантического пространства образа психического состояния и его проекции является субъективной.
2. При несовпадении семантического пространства образа психического состояния и его проекции:
 - уровень психической активности состояния является высоким.
 - отрицательно окрашенные ОПС, имеющие низкую энергетическую насыщенность, семантически не представлены, но обнаруживаются в проекции. Можно предположить, что здесь включаются защитные механизмы психики человека.
 - семантика ОПС низкого энергетического уровня не выражена, хотя обнаруживает себя в проекции, следовательно, можно предположить, что таким образом включаются процессы саморегуляции, которые выводят образ ПС в осознанную часть на средний или высокий энергетический уровень, что обеспечивает полноценную жизнедеятельность.
 - более адекватная оценка ПС происходит, если оно имеет определенную продолжительность во времени (длительное или текущее время), оценка актуального отрезка времени отсутствует. Мы предполагаем, это связано с тем, что ОПС в данном случае «не имеет наслоений», которые формируются в процессе накопления опыта.

Направления дальнейшего исследования:

1. Выявление и описание ядерных элементов образа психического состояния. Определить, какие символы присутствуют в проекции у людей, переживающих одно и то же состояние.
2. Выяснить, что отражает проекция образа психического состояния: целостный образ или его элемент.
3. Исследовать динамику развития образа психического состояния в онтогенезе. Выявление возрастных особенностей образа психического состояния.
4. Выявить параметры, при которых обнаруживается совпадение рефлексивного слоя психического состояния с его проекцией.

Особенности взаимосвязей субъективно оцениваемых характеристик психических состояний в ситуациях погружения в транс и «обычной» ситуации, характерной для повседневной жизнедеятельности

Бехтерева В.Д.

Казанский государственный университет

Считается, что трансовые состояния – наиболее часто встречающаяся разновидность измененных состояний сознания (ИСС). Часто исследователи используют понятия трансовых и измененных состояний как синонимичные.

Понимание исследователями состояния транса варьируется от естественного, часто возникающего в повседневной жизни каждого человека психического состояния, характеризующегося изменением фокусировки внимания и концентрацией на внутренних психических процессах (причиной выступает естественная потребность организма в отдыхе), с ослаблением отчетливости восприятия «внешнего» мира (1) до достаточно редко встречающегося расстройством сознания или состояния субъекта во время гипноза, основанных на автоматическом выполнении сложных актов поведения без осознания окружающей ситуации и целей своих поступков (2).

М.Эриксон, в частности, считал, что транс – естественно возникающее, широко распространенное явление, которое множество раз присутствует в жизни любого человека в течение дня, например при прослушивании музыки, отдыхе, релаксации, посещении церкви, задумчивости, погруженности в себя и т.д. Более того, состояние транса возникает также при воспроизведении этих ситуаций на мысленном фоне, соотнесении их с личным опытом и описании их протекания (3).

Анализ литературы показывает, что пока однозначно определить понятие транса не представляется возможным. Категория трансовых состояний является малоизученной областью в силу трудности организации и проведения исследования, отсутствия четких критериев оценки результатов, а также собственно определения понятия «транса».

Методика

Исследование проводилось на выборке в 33 человека, в возрасте от 25 до 38 лет, с высшим образованием, работающих в салонах оптики. Респондентам предлагалось по описанию ситуаций релаксации и сосредоточения на решении значимой задачи, встречающихся у каждого в условиях повседневной жизни, погрузиться в них (наведение транса), и с помощью опросника «Рельеф психического состояния» (4) оценить возникающие в этих 2 ситуациях психические состояния. Затем по тому же опроснику испытуемые описывали свое обычное состояние, наиболее характерное для их повседневной жизнедеятельности.

После заполнения опросника респонденты дополнительно оценивали по 10-ти балльной шкале наличие в проявлении каждого из этих состояний дополнительных 5 характеристик (*погруженность в себя, концентрация внимания на мыслях, образах, воспоминаниях, внутренних переживаниях, отрешенность, отключенность от внешних раздражителей, яркость переживаний, интенсивность переживаний, усиление воображения, фантазирования*) по выявлению наличия и степени выраженности трансовых «признаков» состояния, по данным которых делались выводы о переживании испытуемыми трансового состояния.

Результаты и выводы

Таблица 1

Показатели структуры психического состояния	В ситуации релаксации	В ситуации сосредоточения на решении задачи
Мышление *** ¹	7,0	9,4
Эмоции** ²	9,3	7,4
Двигат.активность**	5,0	7,2
Дыхат.органы**	8,7	7,2
Пассивность-активность переживаний***	6,5	8,9
Напряженность-раскрепощенность переживаний***	9,1	5,0
Тяжесть-легкость переживаний***	9,1	6,2
Скованность-раскованность переживаний***	9,2	6,8
Хаотичность-последовательность поведения***	6,8	8,8
Необдуманность-продуманность поведения***	6,4	8,8
Неуправляемость-управляемость поведения**	7,2	8,9
Расслабленность-напряженность поведения***	3,1	8,9
Закрытость-открытость поведения***	9,1	6,8

Психические состояния, возникающие в ситуации релаксации и сосредоточения на решении задачи были отнесены к *трансовым* на основании наличия и высокой степени выраженности в проявлении данных состояний погруженности в себя, концентрации внимания на мыслях, образах, внутренних переживаниях, отключенности от внешних раздражителей, яркости и интенсивности переживаний, фантазирования.

¹ Здесь и далее - уровень достоверности $p \leq 0,001$

² Здесь и далее - уровень достоверности $p \leq 0,01$

Как следует из таблицы 1, оценка трансового состояния в ситуации релаксации характеризуется высокой степенью легкости возникновения образов, четкостью, ясностью представлений, усилением фантазирования, придумывания, чувством радости, восторга, ощущением тепла в теле, умеренным повышением мышечного тонуса, пониженной двигательной активностью, усилением и увеличением глубины дыхания, веселостью и оптимистичностью, раскрепощенностью и легкостью переживаний, а также высокой адекватностью, расслабленностью, открытостью поведения.

Тогда как оценка трансового состояния в ситуации решения значимой задачи характеризуется небольшим ухудшением восприимчивости к внешним воздействиям со стороны ощущений вместе с хорошей осознанностью восприятия, четкостью и ясностью представлений, улучшением памяти (запоминания и припоминания), повышением сообразительности, воображения, легкостью в управлении собой, высокой сосредоточенностью, увлеченностью, активностью, бодростью и оживленностью переживаний, повышением последовательности, продуманности, контроля, адекватности, устойчивости и напряженности своего поведения.

Таблица 2

Показатели структуры психического состояния	В ситуации релаксации	В «обычной», наиболее характерной для повседневности ситуации
Ощущение***	5,2	7,6
Воображение**	9,2	7,8
Эмоции***	9,3	7,8
Температурные ощущения**	8,1	6,8
Двиг.актив-ть***	5,0	7,3
Дыхат.органы***	8,7	6,8
Потоотделение**	7,7	6,4
Напряженность-раскрепощенность переживаний***	9,1	7,5
Тяжесть-легкость переживаний***	9,1	7,5
Скованность-раскованность переживаний**	9,2	7,9
Пассивность-активность поведения**	6,8	8,5
Хаотичность-последовательность поведения***	6,8	8,5
Необдуманность-продуманность поведения***	6,4	8,4
Расслабленность-напряженность поведения***	3,1	6,8

В оценке психического состояния в «обычной ситуации» преобладает «улучшение» (некоторое увеличение по сравнению со средним уровнем) осознанности, четкости, ясности восприятия и представлений, активности (пассивности) переживаний, устойчивости, продуманности, контроля, адекватности поведения. По остальным показателям структур психического состояния в целом преобладает средний уровень выраженности.

В ситуации релаксации наибольшее количество взаимосвязей в структуре (оказывающие наибольшее влияние на сформированность всей системы) состояния имеют показатели состояния психических процессов и переживаний. А в обычной ситуации повседневной жизнедеятельности – показатели состояния психических процессов, переживаний и поведения.

Таблица 3

Показатели структуры психического состояния	В ситуации сосредоточения на решении задачи	В «обычной», наиболее характерной для повседневности ситуации
Ощущение***	5,0	7,6
Мышление***	9,4	7,8
Напряженность-раскрепощенность переживаний	5,0	7,5
Расслабленность-напряженность поведения***	8,9	6,8
Закрытость открытость поведения**	6,8	8,4

Заключение

В зависимости от ситуации возникновения трансовых состояний обнаруживаются отличия в оценке их характеристик между собой по степени выраженности и структуре взаимосвязей. В данном исследовании было обнаружено, что:

- оценка характеристик состояния в ситуации сосредоточения на решении значимой для субъекта задачи по сравнению с «обычной» ситуацией имеет наименьшее количество значимых различий (как в структуре, так и в степени выраженности характеристик), тогда как между состояниями в ситуациях решения значимой задачи и релаксации, «обычной» ситуацией и релаксацией – количество различий наиболее велико. Вероятно, одним из объяснений последнему послужит «специфическое» протекание трансового состояния при релаксации в силу его редкой встречаемости в условиях повседневной жизнедеятельности и частого переживания трансового состояния погруженности, сосредоточенности, сходное с состоянием в обычной ситуации.

- трансовое состояние при релаксации характеризуется бóльшими изменениями в психических процессах и переживаниях (их направленностью на усиление положительных, ярких эмоций, воображения, образов, общей расслабленности, «возвышенности» переживаний и поведения), а также может называться наиболее «устойчивой системой» по сравнению с остальными. Тогда как состояние в ситуации решения значимой задачи имеет бóльшие изменения в психических процессах (снижение чувствительности к внешним воздействиям, усиление мыслительной активности, появление образов, фантазий) и поведении (увеличение напряженности, замкнутости, контроля, целенаправленности) и обладает наибольшей интегрированностью своих показателей (наименьшей «устойчивостью» системы-«состояние»), их влиянием на сформированность всех характеристик состояния.

Литература

1. Завьялов В.Ю. Необъявленная психотерапия. – М.: Академический Проект, Екатеринбург: Деловая книга, 1999, с.195.
2. Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1990.
3. www.psyportal.ru
4. Прохоров А.О. Методики диагностики и измерения психических состояний личности. – М.: ПЕР СЭ, 2004.

Потоковое состояние и механизмы психологической защиты

Гиздиева Э. Р.

Альметьевский гос. институт муниципальной службы

Поток, или потоковое состояние (англ. flow), — психическое состояние, в котором человек полностью включён в то, чем он занимается, что характеризуется деятельным сосредоточением, полным вовлечением и успехом в процессе деятельности.

Автором концепции «потока» является профессор университета Чикаго Михай Чиксентмихайи (Mihaly Csikszentmihalyi). В интерпретации Чиксентмихайи, «поток» – это состояние узконаправленной бесстрессовой продуктивности, когда большая часть полезной работы происходит на бессознательном уровне, не требуя каких-либо сознательных усилий. Чиксентмихайи называет восемь характеристик оптимального переживания:

1. Оно возникает в процессе выполнения сложной задачи, бросающей человеку вызов и требующей от него особых способностей при наличии баланса между вызовом и способностями.
2. Человек присутствует «здесь и сейчас».

3. Наличие ясных целей деятельности. Человек не “привязан” к цели, но очень успешен в ее достижении

4. Обратная связь об успешности получается немедленно.

5. Человек настолько поглощен деятельностью, что отвлечься для него практически нереально.

6. Ощущение контроля: человек сам управляет тем, что и как он делает.

7. Потеря «эго»: озабоченность собой пропадает, но уверенность в себе, наоборот, повышается.

8. Изменяется субъективное восприятие времени.

Рассматриваемое состояние получило название потока по той причине, что во время интервьюирования испытуемых Чиксентмихайи, несколько людей описали свои «поточковые» переживания, используя метафору несущего их потока. Психологическая концепция потока как погружения в деятельность, таким образом, не связана с идиоматическим выражением «плыть по течению», означая «быть конформистом».

В работе «Flow: The Psychology of Optimal Experience» Чиксентмихайи знакомит с теорией, согласно которой люди наиболее счастливы, если пребывают в особом потоковом состоянии — напоминающем состоянии полного единения с деятельностью и ситуацией. Состояние потока можно считать оптимальным состоянием внутренней мотивации, при которой человек полностью включён в то, что он делает. Вероятно, каждый испытывал это ощущение, характеризующееся свободой, радостью, чувством полного удовлетворения и мастерства, когда некоторые потребности, в том числе и базовые, обычно игнорируются. Человек забывает о времени, голоде, своей социальной роли и т. д.

Чтобы достичь состояния потока, необходимо найти равновесие между сложностью задачи и навыком субъекта. Если задача слишком легка, потоковое состояние не может быть достигнуто.

Потоковое состояние также подразумевает некоторого рода сфокусированное внимание; было замечено, что создаваемая медитация (безучастное свидетельствование), йога и боевые искусства, похоже, улучшают способность человека к достижению потокового состояния. Вкратце, поток можно описать как состояние, при котором внимание, мотивация и ситуация соединяются, вызывая нечто вроде продуктивной гармонии или обратной связи.

Таким образом, состояние потока характеризуется тем, что человек работает с увлеченностью и энтузиазмом, когда любые препятствия кажутся незначительными, а вещи вокруг просто случаются сами по себе. Когда время летит незаметно, а работа, на которую иные тратят годы, делается за несколько часов. Когда жизнь превращается в цепочку счастливых совпадений, а мир вокруг помогает, подбрасывая новые знакомства с людьми, которые умеют ровно то, что нужно, неожиданные идеи,

книги, в которых написано как раз то, что необходимо узнать. Именно через состояние потока, или как его еще называют «оптимальное переживание», лежит путь к счастью.

Оптимальное переживание – это именно то, что в обыденной жизни люди называют «счастьем». Это переживание такой силы и глубины, что люди готовы затратить очень много усилий, лишь бы повторить его. Деятельность, в которой оно возникает, несет цель и удовлетворение сама в себе и потому называется аутоотелической (от греческого аутос – «сам, самостоятельный», телос – «цель»). Большинство наших повседневных дел не являются ни чисто аутоотелическими, ни чисто экзотелическими (где цели и поощрение задаются извне), но представляют собой сочетание двух этих векторов. Для того чтобы занятие стало аутоотелическим, у человека должна быть возможность получать в процессе обратную связь, касающуюся важных для него способностей и компетентностей.

Многие люди считают время, посвященное работе, полностью потерянным, при работе они чувствуют отчуждение. Психическая энергия, вложенная в работу, не приносит им никаких «дивидендов», не возвращается к ним. Для других людей именно свободное время оказывается потерянным, в свободное время они не исследуют предоставленные или случайно открывающиеся возможности, не упражняют и не совершенствуют свои способности. Этому особенно способствует экспансия так называемой «индустрии развлечений», соблазняющей человека тем, что счастье состоит в ничегонеделании, а «все расходы возьмет на себя компания». И тогда, когда человек не увлечен работой, и тогда, когда он не умеет или не хочет творчески использовать время досуга, жизнь представляет собой последовательность скучных событий, которые люди не властны контролировать. Если в жизни есть аутоотелические, или оптимальные, переживания, жизнь проходит на другом уровне. Отчуждение уступает место вовлеченности, заинтересованности, замороженность замещает скуку, чувство сожаления, отчуждения уходит, и приходит чувство контроля над ситуацией.

В принципе, любое занятие может быть аутоотелическим, если оно соответствует вышеперечисленным критериям. Однако каждому конкретному человеку какие-то особые аспекты деятельности будут приносить счастье. Это касается как работы, так и досуга. Человек может выяснить для себя, какие именно дела и занятия приносят ему счастье, и стремиться заполнять свое время именно этими занятиями. Иногда для того, чтобы выявить, какие же занятия ведут к оптимальному переживанию, необходимо и достаточно, оказывается, отслеживать собственные чувства. Чиксентмихайи описывает методику, при помощи которой это можно делать. Вначале требуется некий источник внешнего сигнала, например, таймер. По сигналу надо отвлечься от выполняемой в этот момент деятельности и дать краткий письменный отчет о том, чем вы занимались, в

какой обстановке, кто был рядом, что вы чувствовали, думали и почему. В дальнейшем вы сможете давать этот отчет самому себе мысленно в любой момент, когда вспомните об этом.

Если человек движется к желаемой цели, его чувства, мысли и действия становятся согласованными, конгруэнтными, и человек обретает внутреннюю гармонию. При этом его психическая энергия не растрачивается на сомнения, сожаления, чувство вины и страх, но используется эффективно. Возникает чувство внутренней силы и спокойствия, которое так нас восхищает в людях, живущих в согласии с самими собой. Если в жизни человека есть проект, вовлеченность и гармония, то каждый момент этой жизни насыщен смыслом.

В ситуациях затруднения или некоей невозможности, у человека срабатывают механизмы психологической защиты. Психологическая защита инициируется исключительными, острыми ситуациями. По мнению многих авторов, главной задачей психологической защиты является устранение психологического дискомфорта, а не реальное решение ситуации.

Психологическая защита является важной регулятивной системой стабилизации личности. По мнению Анцыферовой Л.И., психологическая защита интенсифицируется тогда, когда при попытке преобразить травмирующую ситуацию все ресурсы и резервы оказываются почти исчерпанными.

Целью нашей работы является исследование переживания состояния потока во взаимосвязи с механизмами психологической защиты.

Задачи исследования: 1. Исследовать особенности удовлетворенности жизнью, самочувствия, активности, настроения, мотивации к успеху и достижения, как показателей потокового состояния. 2. Выявить особенности видов психологической защиты. 3. Проследить взаимосвязь показателей оптимального переживания и особенностей функционирования различных защитных механизмов.

Предмет исследования — потоковое состояние и механизмы психологической защиты

Объект исследования: потоковое состояние.

Гипотезой нашего исследования послужило предположение, что препятствием на пути к достижению состояния оптимального переживания (потокового состояния) субъекта лежат механизмы психологической защиты.

В качестве **методов исследования** подобраны: метод анализа научной литературы по исследуемой проблеме, психодиагностический метод, метод математико-статистической обработки эмпирических данных.

Для проведения эмпирического исследования потокового состояния нами была подобрана **диагностическая батарея**, включающая в себя следующие методики: опросник "МУН" А.Реана, предназначенный для диагностики мотивации к успеху и боязни неудач; модификация опросника

А.Меграбяна для измерения мотивации достижения (ТМД), предложенная М.Ш. Магомед-Эминовым; «Индекс удовлетворенности жизнью», разработанная Нойгартен, Хевигхерст и Тобин; «Шкала удовлетворенности жизнью» (Satisfaction life scale); Опросник «САН» (самочувствие, активность, настроение).

Для выявления механизмов психологической защиты нами выбрана модифицированная Л.И. Вассерманом методика Келлермана-Плутчика.

Практическая ценность. Выводы настоящей работы могут быть применены в консультативной, исследовательской практике. Полученные статистические данные могут служить основой для дальнейшего расширенного исследования по рассматриваемой проблеме и разработки оптимального метода формирования потокового состояния путем преодоления механизмов психологической защиты.

К вопросу о параметрах социально-психологической адаптации кадровых военнослужащих, увольняющихся из рядов Вооруженных Сил

Дегтярев В. А., Белкина Т. О.,
Московский гос. гуманитарный университет им. М.А. Шолохова

Введение

Изменения, происходящие в нашей стране, касающиеся политической, экономической и социальной сфер жизни общества, затрагивают и Вооруженные Силы. Кадровые военнослужащие, уволившиеся из армии, становятся особой группой граждан, которая вот уже на протяжении многих лет, привлекает внимание широким кругом возникающих перед ней проблем.

Известно, что переход военнослужащих к условиям жизни в гражданском обществе затруднен. Эти затруднения вызваны целым рядом обстоятельств. Одним из них (может быть, самым важным с психологической точки зрения) является переход субъекта из жестко регламентированной и структурированной социальной среды в среду, значительно более «стохастичную». Современное гражданское общество, особенно российское, характеризуется значительным многообразием возможных вариантов поведения с неопределенным исходом. Необходимость в корне менять способ существования (привычный мир правил и устоев, круг профессиональных знаний и умений на фоне утраты прежнего статуса, жилищно-бытовой неустроенности и пр.) вызывает выраженное состояние фрустрации, которое, в свою очередь, сопровождается рядом вторичных негативных психических проявлений. В итоге можно говорить о состоянии хронического психического стресса, в котором пребывает эта группа людей. Все вышеперечисленное дает основание многим исследователям вы-

делять данную социальную группу в отдельную категорию граждан и обозначать ее как социальную группу риска (Калиничев В.Л., Лазарев Н.В. и др. 1999).

В изложенном контексте актуальным является не только вопрос о социальной адаптации бывших военнослужащих, но и об их психологической адаптации и реабилитации. Поэтому совершенно очевидной является важность выявления психологических индикаторов текущего состояния индивида на том или ином этапе адаптационного процесса, а также изучения психологических регуляторов этого процесса.

Методы

Нами было проведено исследование уровня социальной фрустрированности бывших военнослужащих в процессе социальной адаптации. Исследование проводилось с целью дифференциации адаптационного процесса по этапам адаптации. Гипотезой послужило предположение о том, что в зависимости от срока адаптации меняется уровень социальной фрустрации субъекта и этот уровень может являться критерием для разделения адаптационного процесса на этапы. Методикой исследования был выбран тест диагностики уровня социальной фрустрированности Л.И.Вассермана. В исследовании приняло участие 270 испытуемых. Вся выборка была уравнена по возрастному, половому и образовательному составу. Различался лишь срок пребывания в запасе.

Результаты

В результате обработки данных тестирования были выявлены группы военнослужащих с выраженным, средним и низким уровнями социальной фрустрированности.

Данные, полученные по диагностируемому показателю, были соотнесены со сроками увольнения из рядов вооруженных сил, что привело к выявлению следующей картины: группу с высоким уровнем социальной фрустрированности, в основном, составили военнослужащие, уволенные менее полугода назад; группу со средним уровнем социальной фрустрированности, в основном, составили военнослужащие, уволенные от шести месяцев до полутора лет назад; в группу с низким уровнем социальной фрустрированности вошли военнослужащие, уволенные более чем полтора года назад.

Такое соотношение групп военнослужащих позволило предположить, что весь процесс адаптации к условиям гражданской жизни может быть представлен тремя специфическими этапами: начальный этап - 0-6 месяцев, промежуточный этап - 6 месяцев-1,5 года, завершающий этап - 1,5 года-2,5 года. Указанием на специфичность каждого из этапов могли служить статистически достоверные различия по степени социальной фрустрированности между группами, представлявшими разные этапы адаптации. Был проведен математико-статистический анализ выборки по этому параметру с помощью t-критерия Стьюдента.

Выявлено, что на начальном этапе адаптации у бывших военнослужащих уровень социальной фрустрированности достоверно выше ($p < 0,01$), чем на промежуточном и завершающем этапах и, в терминологии использовавшейся методики, характеризуется как «высокий». Это говорит о том, что в начале адаптации к гражданской жизни воздействия, препятствующие процессу удовлетворения потребностей социального характера, воспринимаются личностью значительно более болезненно, чем на двух последующих этапах. Также на этом этапе реакции, вызванные состоянием фрустрации, проявляются интенсивнее, чем на промежуточном и завершающем этапах. На промежуточном этапе адаптации, в свою очередь, уровень социальной фрустрированности оказался достоверно ($p < 0,05$) ниже, чем на начальном, но выше, чем на завершающем, что также подтверждается значимыми статистическими различиями ($p < 0,01$). Иначе говоря, на втором этапе и само состояние фрустрации, и реакции, которые оно вызывает, проявляются умеренно и не характеризуются как болезненные.

На завершающем этапе адаптации выявляется самый низкий уровень социальной фрустрированности, который значимо отличается от уровней двух предыдущих этапов ($p < 0,01$). Воздействия, мешающие или не позволяющие удовлетворять потребности социального характера, не воспринимаются на этом этапе адаптации как фрустрирующие.

Полученные и проанализированные в ходе исследования данные подтверждают наше предположение о том, что в ходе процесса социальной адаптации к условиям гражданской среды, уровень социальной фрустрированности меняется в зависимости от длительности адаптационного процесса. При этом изменения происходят в сторону уменьшения уровня социальной фрустрированности на каждом последующем этапе адаптации.

Литература

1. Калиничев В. Л., Лазарев Н. В., Рогозин Ю. И., Сачков В. Н., и др. Профориентационное консультирование уволенных в запас военнослужащих и членов их семей: психологическая помощь при выборе гражданской специальности. - М.; СИП РИА, 1999. - 140 с.

2. Методические рекомендации по социально-профессиональной адаптации на рынке труда граждан, уволенных с военной службы и членов их семей / Е. А. Волошина, Е. И. Бугрова и др.; п/р М. А. Моиссева, М. В. Бубнова, - М.: Логос, 2001. - С.82-126.

3. Учебно-методические материалы «Социальная адаптация военнослужащих, увольняемых с военной службы» - М., 2002., информационный бюллетень «Векторы Россия-НАТО», №№ 2,3,4,5.

Психологические механизмы преодоления фрустрации у студентов в учебном процессе

Дубовицкая Т.Д., Эрбегеева А.Р.
Стерлитамакская гос. педагогическая академия

Фрустрация, как «психическое состояние, выражающееся в характерных особенностях переживаний и поведения, вызываемых объективно непреодолимыми (или субъективно так понимаемыми) трудностями, возникающими на пути к достижению цели или решению задачи»³[4, с.194], является достаточно распространенным феноменом в жизнедеятельности человека.

Фрустрация традиционно характеризуется как негативное для человека состояние. Согласно Н.Д. Левитову [3], *деструктивными проявлениями фрустрации* являются: агрессия, реакция избегания, депрессия, регрессия.

Но вряд ли имеет смысл полностью избегать или искусственно предотвращать возникновение фрустрации. Несомненно, что столкновение с трудностями и последующее их преодоление позволяют человеку ощутить собственные силы, способствуют изменению его представлений о самом себе. *Конструктивный эффект фрустрации* проявляется в фокусировании внимания индивида на конкретном мотиве, действующем в данный момент, и данный мотив становится более выраженным, а другие конкурирующие потребности, желания и интересы при этом относительно теряют в своей силе. В результате усиливается привлекательность ещё не достигнутой цели [1], [2].

В то же время отмечается, что «когда реальный источник фрустрации по разным причинам недоступен для отмщения за неудачи и потери, ненависть и враждебность переадресуются, или «смещаются» на самых слабых и незащитных. Банкротство, разорение, потеря работы, рост цен, недоступность материальных или социальных благ – эти и другие факторы фрустрации побуждают людей искать «врагов», на кого можно выплеснуть накопившуюся агрессию»[5, с.340]. Поэтому психологическая поддержка человека, переживающего фрустрацию, несомненно, должна составлять содержание деятельности практического психолога.

Проявления фрустрации нередки у студентов. В этой связи актуальным является исследование уровня фрустрации студентов, ее взаимосвязи с успешностью обучения и психологическая поддержка преодоления фрустрации.

Проведенное до зимней экзаменационной сессии психологическое тестирование и последующее деление студентов на успевающих и неуспешных

³ Общая психология. Энциклопедический словарь в шести томах / Под общ. Ред. А.В. Петровского. – М.: ПЕР СЭ, 2005. С.194.

певающих показало определенные отличия в их психологических особенностях. В ходе сравнительного анализа выявились следующие значимые различия выделенных групп студентов. Студенты с проблемами в успеваемости более фрустрированы, ригидны, имеют более низкий уровень профессиональной мотивации и уровень интернальности, также у них значимо ниже значения по следующим шкалам теста Кеттела: G «низкая нормативность поведения - высокая нормативность поведения», I «жесткость - чувствительность», Q1 «консерватизм - радикализм», Q2 «конформизм - нонконформизм».

К тому же, фрустрация напрямую значимо коррелировала с четырнадцатью исследованными показателями. В частности, было выявлено, что фрустрация прямопропорционально коррелирует с ригидностью, агрессией, тревожностью, факторами O, Q4. То есть чем выше уровень фрустрации, тем выше тревожность, ригидность, агрессия, напряжение. Обрато пропорционально фрустрация коррелировала с факторами A, MD, C, Q3, G, Q1, УСК, уровнем профессиональной направленности. То есть, чем выше фрустрация, тем ниже уровень общительности, самооценки, нормативности поведения, эмоциональная устойчивость, склонность к радикальным изменениям, уровень интернальности и профессиональная направленность.

Это поставило задачу выявления факторов, приводящих к фрустрации у студентов в учебном процессе.

Как известно, стимул, вызывающий фрустрацию, называется *фрустратор*. Фрустраторы могут быть внутренними и внешними. Применительно к успешности студентов учебе, в качестве внешних фрустраторов выступают: взаимоотношения с однокурсниками; взаимоотношения с преподавателями; условия проживания; сложность изучаемого материала (учебных предметов) и др. К внутренним фрустраторам относятся: излишняя эмоциональность, волнение; собственная лень и неорганизованность; страх неудачи; нежелание учиться и заниматься учебой; недостаток способностей и др. Проведенное нами исследование по специально разработанной методике показало, в частности, что наиболее сильными внутренними фрустраторами и для юношей и для девушек являются: собственная лень и неорганизованность; излишняя эмоциональность, волнение при ответах; разноплановость собственных интересов. Внешними фрустраторами преимущественно являются: сложность изучаемого материала (учебных предметов); взаимоотношения с преподавателями. У девушек влияние внутренних фрустраторов выражено в большей степени, чем у юношей.

Все это позволило выйти на психологические механизмы преодоления фрустрации у студентов. Реализация выявленных механизмов была осуществлена в ходе цикла коррекционно-развивающих занятий, проведенных со студентами первого курса технолого-экономического факуль-

тета Стерлитамакской государственной педагогической академии. Занятия проходили в студенческой группе, имеющей самый низкий средний балл успеваемости в зимнюю сессию.

В разработке программы коррекционно-развивающих занятий мы исходили из того, что важную роль в преодолении фрустрации у студентов играют следующие психологические факторы:

групповая сплоченность, эмпатия и принятие со стороны ближайшего окружения;

способность личности к целеполаганию, определению жизненных приоритетов;

стрессоустойчивость и способность к саморегуляции;

активизация и реализация внутренних ресурсов личности;

уверенность в себе и направленность на успех.

Проявление перечисленных факторов в трудных для человека ситуациях фактически представляет психологические механизмы преодоления фрустрации. Создание условий для проявления и развития данных факторов осуществлялось в ходе разработанных нами коррекционно-развивающих занятий, проходивших в виде психологического тренинга. Программа тренинга была рассчитана на 24 часа. Занятия проходили 1 раз в неделю и включали в себя деловые и ролевые игры, дискуссии, медитативные техники, арт-терапию и другие коррекционные техники.

Поскольку преодоление фрустрации у студентов в ходе коррекционно-развивающих занятий осуществлялось также в целях повышения академической успеваемости студентов, поэтому в качестве экспериментальной группы была взята группа с самым низким средним баллом успеваемости по итогам зимней сессии.

В результате, после проведения тренинга у студентов значительно изменились следующие показатели: средний балл успеваемости в летнюю сессию стал выше на 0,7 балла ($t \leq t_{0,01}$); среднее значение баллов по ригидности в группе уменьшилось на 1,6 ($t \leq t_{0,01}$), значения по фактору E "подчиненность - доминантность" стали больше на 1,1 ($t \geq t_{0,05}$) (что характеризуется как самостоятельность, настойчивость, независимость, склонность к авторитарному поведению), по фактору Q2 «конформизм - неконформизм» средний балл уменьшился на 0,9 ($t \geq t_{0,05}$) (что характеризуется как социабельность, стремление работать и принимать решение вместе с другими людьми, ориентация на социальное одобрение).

Следует отметить, что у взятой для контроля параллельной группы студентов средняя успеваемость в летнюю сессию не изменилась, по сравнению с зимней. То есть можно утверждать, что летняя сессия не была более легкой, чем зимняя.

Таким образом, проведенный нами формирующий эксперимент показал, что реализация предложенных нами психологических механизмов

преодоления фрустрации у студентов оказалась оправданной, что подтвердилось не только изменениями в личностных качествах студентов, но и в их академической успеваемости.

Список литературы:

1. *Баркер Р.* Фрустрация, конфликт, защита // Вопросы психологии. -1991.- №6.- С.68 -83.
2. *Бодров В. А.* Когнитивные процессы и психологический стресс //Психологический журнал. - Т. 17, 1996, №4. С.64-74.
3. *Левитов Н.Д.* Фрустрация как один из видов психических состояний// Вопросы психологии. -1967, №6. С.118 - 129.
4. *Общая психология.* Энциклопедический словарь в шести томах / Под общ. Ред. А.В. Петровского. – М.: ПЕР СЭ, 2005. С.194.
5. *Семечкин Н.И.* Социальная психология: Учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2004. –376 с.

Психологические условия самоактуализации студентов творческих специальностей

Дубовицкая Т.Д., Шаймуратова А.Ф.
Стерлитамакская гос. педагогическая академия,
Башкирский респ.техникум культуры

Согласно А.Маслоу, «функция и цель образования и воспитания ...– это, в конечном счете, самоактуализация личности, достижение полной человечности, овладение наибольшей высотой, доступной для человеческого рода или для данного индивида» [3, с.165]. Самоактуализация выражается в желании человека стать тем, кем он может стать, выполняя наилучшим образом то, что он делает. Самоактуализация выступает как непрерывная реализация потенциальных возможностей, способностей и талантов, как совершение своей миссии, или призвания, судьбы, как более полное познание и принятие своей собственной изначальной природы, как неустанное стремление к единству, интеграции, или внутренней синергии личности.

Понятие «самоактуализирующаяся личность» является также синонимом понятия «психически здоровый человек», которому, по мнению А.Маслоу, присущи следующие особенности: высшая степень восприятия реальности; развитая способность принимать себя, других и мир; повышенная спонтанность, непосредственность, простота и естественность; развитая способность сосредоточиваться на проблеме; склонность к уединению; автономность, самодостаточность; противостояние приобщения к какой-то одной культуре; свежесть восприятия и богатство эмоциональных реакций; вершинные, пиковые переживания; отождествление себя со

всем родом человеческим; глубокие межличностные отношения; демократическая структура характера; философское чувство юмора; креативность; определенные изменения в системе ценностей [3], [4]. Представленные характеристики являются одновременно наблюдаемыми проявлениями самоактуализирующейся личности.

Вероятность самоактуализации возрастает, когда окружение способствует удовлетворению потребностей человека, иерархическую структуру которых А. Маслоу представляет в виде пирамиды и выделяет в порядке очередности: физиологические потребности (самый нижний уровень); потребности в безопасности и защите; потребности в любви и привязанности; потребности в самоуважении, признании и оценке; потребности самоактуализации (самый верхний уровень).

Выявление и конкретизация психологического содержания и условий проявления самоактуализации важны для повышения качества образования, в том числе и качества подготовки специалиста. Основываясь на иерархии потребностей, предложенной А. Маслоу, многие американские школы работают по пересмотренным программам, которые предполагают удовлетворение *физиологических потребностей* (бесплатные обеды, одежда, транспорт), *потребностей в безопасности* (учебные пожарные тревоги, учет случаев жесткого обращения с детьми и принятие соответствующих мер, телефонный контакт в случае отсутствия ребенка в школе), *потребностей в любви и принадлежности* (классные собрания, группы друзей, консультирование, искренняя забота о детях). С целью повышения *самооценки* и поощрения *самоактуализации* программы предполагают демонстрацию работ учащихся, объяснения заданий с раздачей ранжированных оценочных карточек, награды-подкрепления, участие в производстве продукции и других специальных мероприятиях.

Традиционно самоактуализация трактуется как феномен, знаменующий высший уровень развития личности, и лишь 1% людей достигает этого уровня. Такое понимание самоактуализации является, на наш взгляд, малофункциональным и недостаточно операциональным. В то же время А. Маслоу отмечал, что человек во время любого пикового переживания временно обретает качества, которые свойственны самоактуализирующимся людям. То есть, на время любой человек становится самореализующимся. Такие состояния или ситуации могут, в теории, произойти в любое время в жизни любого человека. Индивиды, которых называют самоактуализирующимися людьми, отличаются тем, что у них это случается гораздо чаще, с большей интенсивностью и совершенством, чем у среднего человека.

В этой связи, нами предлагается понятие – *ситуативная самоактуализация*, отражающее зависимость самоактуализации от той жизненной ситуации (контекста), в которой находится человек. Так, известно, что в одних жизненных ситуациях человек в большей степени реализует свои

способности, получает от этого удовлетворение, стремится к успехам в делах и добивается их, увлечен происходящим, которое наполнено для него смыслом, ведет себя естественно и непринужденно, способен сам контролировать свою жизнь, самостоятельно ставить цели, свободно принимать решения, воплощать их и нести за них ответственность.

В других же ситуациях человек переживает подавленность, напряжение и бессилие, неудовлетворенность собой и происходящим, невозможность реализации имеющихся у него способностей, невозможность достижения поставленных целей, зависимость от окружающих в принятии решений и в своих действиях, бессмысленность происходящего, неспособность самостоятельно направлять свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их. Ни о какой самоактуализации в этом случае не приходится говорить.

Обеспечение условий для самоактуализации студентов в учебном процессе актуально для всех специальностей, в том числе и для творческих. В частности, не секрет, что изучение ряда предметов вызывает у некоторых студентов настоящий физический дискомфорт. Нередко студенты переживают определенные страхи и опасения в различных учебных ситуациях, тем самым блокируется потребность в безопасности. Успешное овладение профессионально значимыми умениями предполагает также умение брать на себя ответственность, не акцентировать внимание на прошлых и будущих неудачах, идти на разумный риск. Например, известно, что определенная часть студентов учится, не стараясь особо вникать в то, чему их учат. Они всячески сопротивляются учению, проявляя отсутствие интереса, оправдывают свои неудачи, ищут им внешнее оправдание. Вместо того чтобы стремиться быть вовлеченным в происходящее на уроке «здесь и сейчас», они тратят массу сил на отчуждение от происходящего. Возможно, этому способствуют в какой-то мере слова и действия преподавателя, но не оправдывает безответственность студента.

Совершенно бесполезной является традиционное акцентирование внимания педагогов/преподавателей на «причинах» плохой успеваемости, вместо сосредоточения на переживаниях, испытываемых «неуспевающим». «Причины», как правило, находятся в прошлом, в котором нет и не может быть уже ничего нового, его нельзя изменить, но зато обращение к прошлому стимулирует переживание безысходности, или же поиск оправдания происшедшего. «Причины» важно знать на этапе профилактики неуспешности обучения и учитывать при организации образовательного процесса и стимулировании учения.

Нами разработан комплекс профессионально-значимых качеств личности студента театрального отделения, включающих: 1) креативность; 2) эстетический вкус; 3) артистическое обаяние; 4) умение входить в образ; 5) наблюдательность; 6) эмоциональную гибкость (широту проявления

эмоций); 7) умение «слушать», «слышать», «видеть», «запоминать»; 8) способность чувствовать партнеров; 9) свободное владение телом, отсутствие мышечных «зажимов»; 10) уверенность в себе; 11) смелость, решительность, умение пойти на риск; 12) естественность, непринужденность (органичность) поведения; 13) энергетика (темпераментность); 14) вовлеченность в профессию. Создание условий для развития перечисленных качеств обеспечивает не только профессионализм, но и самоактуализацию студентов.

Развитие данных качеств, а также качеств личности самоактуализирующейся личности осуществлялось нами в ходе специальной тренинговой программы, стержнем которой выступили методы гештальт-терапии и клиент-центрированного подхода.

Ролевые игры, применяемые в тренинге, напрямую соотносятся с профессиональной деятельностью актера. В процессе игр студенты «примеряют» различные роли, входят в разные образы, отождествляются со значимыми чувствами и переживаниями, отчужденными частями личности. К тому же, задача психолога - создание в группе для всех ее участников наилучших психологических условий совместного существования. Игра может применяться как способ индивидуального воздействия в целях групповой психотерапии [7]. Тем самым в группе создаются условия для удовлетворения социальной потребности в общении, привязанности. При использовании ролевой игры благодаря возможной смене ролей, студент может отделяться от реальной и непродуктивной роли, рефлексивно оценивая себя со стороны, аккумулируя лишь положительное.

Одним из условий, обеспечивающих, согласно другому представителю гуманистического направления в психологии - К.Роджерсу, полноценное функционирование личности, является эмпатия. Эмпатия - это воображаемое перенесение себя в мысли, чувства и действия другого и структурирование мира по его образу. Эмпатия является одним из важнейших факторов оптимизации межличностного общения.

Эмпатический подход психолога, тренера, педагога как руководителя студенческих групп проявляется в их способности чувствовать эмоциональное состояние каждого члена творческого коллектива в каждый момент общения с ним и, что немаловажно умение передать обратную связь, в которой улавливаются взаимопонимание и взаимопринятие педагога и учащегося, режиссера и актера. В данном случае важно не только знание режиссером эмоционального состояния, но и в определенной степени переживаний им чувств актера. Эмпатийное понимание создает наибольшую атмосферу психологической безопасности. В атмосфере эмпатийного понимания студент может позволить проявиться своему «Я» и выразить себя в различных и нестандартных формах по отношению к окружающему миру. Это базовая стимуляция творчества.

По большей части утрата физической свободы выражается у актера в мышечном напряжении. Метод «физических действий» является основной частью системы Станиславского. Многие авторы, являющиеся профессиональными специалистами в методе «физических действий», свидетельствуют о необходимости для органического наполнения физических действий начинать с настройки к действию и с приема «снятия мышечных зажимов». Многим студентам это сразу не удастся, что заставляет последовательно перейти к упражнениям на «преодоление мышечных зажимов» [6]. Применение техник гештальт-терапии в данном случае оказывается достаточно эффективным.

Проведенная нами работа со студентами театрального отделения Башкирского республиканского техникума культуры (г. Стерлитамак) показала, что использование гештальт-терапии и других развивающих технологий гуманистического направления позволило значительно повысить у студентов экспериментальной группы уровень ситуативной самоактуализации, а также уровень развития профессионально-значимых качеств, диагностируемых у учащихся методом экспертных оценок.

Список литературы:

1. *Гронский А.В.* Гештальт-терапия и клиническая медицина: проблемы интеграции // Российский гештальт (выпуск 3) /Под ред. Н.Б. Долгополова, Р.П. Ефимкиной. – Новосибирск: научно-практический центр психологии НГУ, 2001. С.70 - 82.
2. *Малкина-Пых И.Г.* Психосоматика: Справочник практического психолога. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 992 с.
3. *Маслоу А.* Новые рубежи человеческой природы. – М.: Смысл, 1999.- 425 с.
4. *Маслоу А.* Психология бытия. – М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 1997. – 304 с.
5. *Перлз Ф.* Внутри и вне помойного ведра. – СПб.: Изд-во «Петербург-XXI век». – М.: Изд. центр «Академия», 1997. – 448 с.
6. *Захава Б.Е.* Мастерство актера и режиссера. – М.: Просвещение, 1978.-112 с.
7. *Соловьева С.Л.* Психотерапия: Справочник практического психолога. – М.: Изд-во СОВА, 2007. – 413 с.

Самоопределение как психологический процесс

А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко
Института психологии РАН, г. Москва

Проблема самоопределения личности фактически является классической в отечественной психологии. Она разрабатывалась К.А. Абульхановой, Л.И. Божович, А.В. Петровским, В.А. Петровским, С.Л. Рубинштейном, Д.И. Фельдштейном, А.С. Чернышевым и др. Различным конкретным ви-

дам самоопределения посвящены крупные специальные работы И.И. Басхаевой, Е.М. Борисовой, М.Р. Гинзбурга, В.В. Гулякиной, А.Л. Журавлева и А.Б. Купрейченко, Н.И. Зайченко, С.О. Зуевой, С.А. Иванушкиной, С.А. Калашниковой, Е.А. Климова, Т.В. Кудрявцева, А.К. Марковой, Л.А. Наумовой, И.А. Оботуровой, О.В. Овчинниковой, Н.С. Пряжникова, В.Ф. Сафина, А.А. Туровской и др. В течение последнего десятилетия внимание российских исследователей, прежде всего психологов, стало обращаться к проблемам самоопределения не только индивидуального, но и группового субъекта.

Анализ различных подходов к исследованию содержания и структуры самоопределения показывает, что научная проблема поиска ключевых компонентов и показателей, позволяющих наиболее полно и глубоко анализировать этот феномен, по-прежнему остается актуальной. Под *самоопределением* понимается *поиск субъектом своего способа жизнедеятельности* в мире на основе воспринимаемых, принимаемых или формируемых (создаваемых) им во временной перспективе базовых отношений к миру, человеческому сообществу и самому себе, а также собственной системы жизненных смыслов и принципов, ценностей и идеалов, возможностей и ожиданий. Самоопределение как поиск способа функционирования и развития может быть одновременно отнесено к трем основным классам психологических явлений, т.е. пониматься как *процесс*, как *состояние* (некоторый «срез» процесса на определенном этапе развития) и как *свойство* субъекта (самоопределяющаяся личность или группа и есть их особая характеристика). *Самоопределение как процесс*, являясь ведущим для него классом психических явлений, включает осознание, выбор и формирование субъектом собственной системы смыслов, ценностей, мотивов, представлений об окружающем мире и самом себе, а также постановку целей и определение способов их достижения (в том числе, способов преобразования себя и окружающего мира).

Рассматривая самоопределение как процесс, можно выделить в его содержании следующие *комплексные процессуальные элементы*: стратегия жизни, стиль жизни, образ жизни, жизненные сценарии и т.д. Перечисленные комплексные феномены образуются более *частными, или парциальными процессуальными элементами* самоопределения. К ним относятся приемлемые, а также недопустимые способы достижения поставленных целей; представление о необходимых и предельно допустимых уровнях и циклах активности; представление о необходимых и предельно допустимых затратах времени, материальных и психологических ресурсов; принимаемые принципы сбора и анализа информации, в том числе, отношение к различным ее источникам; основные правила принятия решений и т.д.

Ключевым, или ядерным образованием в самоопределении является феномен (прежде всего процесс) *поиска* субъектом своего способа жиз-

недеятельности. И от того, как содержательно интерпретируется этот феномен, во многом зависит понимание самоопределения в целом, поэтому на нем следует специально остановиться. Под поиском нами понимается не только и не столько действия по нахождению, обнаружению, выявлению, выбору и т.п. чего-то готового, но скрытого; внешнего по отношению к субъекту, но которое он хочет сделать внутренним; не принадлежащего ему, но постепенно присваиваемого им и т.д., сколько сложный комплекс действий, имеющих место во внутреннем мире человека и направленных на создание и формирование, конструирование и построение, созидание и творение именно *своего способа*, пути, направления собственной жизни.

Можно выделить также целую совокупность психологических процессов, составляющих и сопровождающих поиск субъектом своего способа жизнедеятельности. В нашем понимании, это, прежде всего, *творческие процессы*, реализующиеся поэтапно: вначале - создание индивидуального, неповторимого образа мира, в котором субъекту хотелось бы жить, затем – конструирование соответствующего социального и природного окружения, а в итоге – фактическое созидание, творение субъектом своей жизни и окружающего мира в целом.

О чрезвычайной сложности *общего процесса* самоопределения необходимо сказать особо, сделав несколько важных для его понимания комментариев. *Во-первых*, самоопределение обязательно предполагает многие *познавательные (когнитивные) процессы*, причем как предваряющие его, так и в него включенные, фактически его составляющие. Кроме того, что уже называлось выше, к ним относятся оценивание, сравнение, принятие решения и др., которые также направлены на познание окружающего мира, других людей и себя. Последнее для самоопределения, пожалуй, наиболее значимо. *Во-вторых*, процесс самоопределения насыщен интенсивными эмоциями и острыми чувствами, на всех этапах поиска его сопровождают *переживания* разной степени выраженности. Особую остроту им придает феномен «борьбы мотивов» при принятии решений о предпочтении и выборе того или иного пути или способа жизнедеятельности субъекта. *В-третьих*, состояние (как срез процесса) самоопределения субъекта всегда есть *психологическая (прежде всего мотивационная) готовность* совершить какие-то действия, поступки, поведенческие акты и т.п., основанные на выборе (предпочтении, принятии решения), к которому субъект приходит в результате поиска, осознания и сравнения многих возможных альтернатив. Готовность субъекта действовать и поступать всегда есть психологически напряженное состояние, характеризующееся волевыми усилиями, необходимостью произвольной регуляции (саморегуляции) и т.п.

В дополнение к сказанному следует отметить еще два важнейших процесса, составляющих психологическую природу (или сущность) само-

определения субъекта. *Первый* состоит в том, что самоопределение есть, прежде всего, *процесс осознания, отражения, рефлексии субъектом*, хотя и в разной степени, безусловно. В этой связи самоопределение должно трактоваться как конкретный *феномен самосознания*. Содержанием этого процесса самоопределения субъекта является осознание жизненных целей и задач, ценностей и идеалов, ожиданий и притязаний, надежд и опасений, своих возможностей и способностей, а главное – жизненных принципов и смыслов. Важным предметом осознания становятся жизненные этапы, которые могут быть при этом в разной степени дифференцированными на прошедшие, настоящие и предстоящие (или будущие), различающиеся в том числе и перечисленными характеристиками. В более широком смысле *осознаваемость самоопределения* может пониматься как качество рационально мыслящего, разумно поступающего человека в его обобщенном философском значении.

Второй процесс, тесно связанный с осознанием и осознаваемостью, однако, даже более важный для понимания самоопределения, это *процесс осмысления, т.е. наделения смыслами* того, что человек ищет в жизни (пути, способа жизнедеятельности), что предпочитает и выбирает, того, чем оперирует в своих оценках, при сравнении, выработке и принятии решений и т.д. Процесс самоопределения и *процесс смысловотворчества* взаимосвязаны теснейшим образом, ибо, самоопределяясь, субъект фактически осмысливает свою жизнь. Именно с помощью самоопределения он наделяет свою жизнь осознаваемыми смыслами, т.е. сам осознанно творит осмысленную жизнь.

Процесс осознания жизненных смыслов, включенный в самоопределение субъекта, может относиться не только к жизни в целом или отдельным ее важным этапам, но и к текущим, конкретным принимаемым решениям, поведенческим актам, цельным поступкам, действиям, деятельности и т.д. Всему этому субъект придает определенный смысл, который он осознает в какой-то готовой форме, уже имеет его в виду или порождает, конструирует этот смысл применительно к достижению конкретных жизненных целей, решению жизненных задач, преодолению жизненных ситуаций и т.п. Осознание смысла позволяет и помогает объяснить, интерпретировать для других людей и, главное, для себя не только и не столько актуальную деятельность и текущее поведение субъекта, сколько направления собственного жизненного поиска, выбор способов жизнедеятельности, путей развития: траектории личностных изменений, стратегического вектора движения, личностного роста и т.п.

Осознание и осмысление как процессы самоопределения тесно связаны между собой: определенные жизненные смыслы, к которым приходит субъект как к значимым, могут порождать конкретные цели и задачи, которые он осознанно ставит перед собой на том или ином этапе жизни; конкретным осознаваемым целям и задачам субъект может придавать оп-

ределенный смысл и т.п. В этой связи важно иметь в виду, что поиск смысла жизни как самый главный предмет жизненного самоопределения должен быть дополнен поиском и нахождением смысла в самом процессе самоопределения, и это принципиально важно для понимания как самоопределения, так и смыслообразования.

Конечно, в осмыслении каждого из выше перечисленных и других форм активности человека есть своя специфика, однако, это не является сейчас предметом нашего анализа и ожидает специального исследования. Главное же состоит в том, что жизненное самоопределение фактически выступает *психологическим механизмом созидания человеком осознаваемой, или отрефлексированной и осмысленной жизни*, в определенной степени соответствующей его представлениям о ее смысле или принятым им представлениям других конкретных людей, предпочитаемого социума в целом.

В результате осознанного и осмысленного самоопределения жизнь конкретного человека реально становится *свободной или зависимой, социально ответственной или безответственной* в зависимости от конкретного направления поиска, содержания выбора, характера предпочитаемого жизненного пути, способа жизнедеятельности и т.п. Таким образом, вполне можно утверждать, что самоопределение индивидуального и группового субъекта выступает важнейшим фактором его социальной, экономической и в целом жизненной активности. Полноценно активная или пассивная, деятельная или бездеятельная жизнь есть один из результатов, следствий жизненного самоопределения. В его содержании существенная роль принадлежит самоопределению именно в жизненных смыслах и смысло-жизненных ориентациях.

Влияние мотивов на психические состояния спортсменов в тренировочно – соревновательном процессе

Калимуллина И. Р.
Казанский гос. университет

Спортивная деятельность протекает в сложных экстремальных условиях соревнований, характеризуется тренировочными нагрузками на уровне предельных возможностей человеческого организма. Необычные по интенсивности и длительности физические, и психические напряжения обусловлены особенностями спортивной деятельности: спецификой ее предмета, состязательно - соревновательной направленностью, необходимостью постоянного совершенствования спортивных достижений. Направленность на достижение лучшего, относительно соперника, результата, нацеленность на постоянное улучшение спортивных результатов, в

спорте высших достижений всегда связано с серьезными психофизическими нагрузками. Поэтому, изучение психологических факторов регуляции спортивной деятельности никогда не перестанет быть актуальной, тем более что с каждым годом всё более и более обостряется борьба на мировой спортивной арене, что, в свою очередь, обуславливает необходимость психологической практической деятельности в формировании успешного выступления спортсменов.

Спортивная деятельность рассматривается рядом специалистов как модель деятельности по постоянному преодолению критических ситуаций (Б. А. Вяткин, Е. П. Ильин, В. П. Марищук и др.). В то же время исследователями показано, что в экстремальных условиях деятельности, регуляция, прежде всего, собственного психического состояния приобретает особое значение и должна рассматриваться как деятельность, равнозначная основной (в нашем случае – тренировочно - соревновательной деятельности). В этом плане особую актуальность приобретают исследования психических состояний, возникающих у спортсменов в различных условиях их профессиональной деятельности, их особенностей, динамики протекания, механизмов возникновения.

Рассмотрение психических состояний, как самостоятельной психологической категории, получило свое начало в работах Н.Д.Левитова (1964). Психические состояния являются предметом исследования таких отечественных специалистов, как Г.Ш. Габдреева, В.А. Ганзен, Е.П. Ильин, А.Б. Леонова, В.И. Медведев, Ю.Е. Сосновникова, А.О. Прохоров и др.. В спортивной психологии наибольшее внимание уделяется «отрицательным эмоциональным состояниям» (растерянность, гнев, неуверенность, огорчение, «предстартовая лихорадка», «стартовая апатия» и т. д.), преодоление которых, по мнению многих исследователей, является условием эффективной и продуктивной деятельности, психической надежности, критерием «готовности» спортсмена к достижению максимального для себя результата (О. А. Черникова 1937, А. Ц. Пуни 1949, Ю. Ю. Палайма 1965 и др.). Выделялись и специфически спортивные психические состояния: «состояние психической готовности спортсмена к соревнованиям», «боевая готовность», «мобилизационная готовность», характеризующие оптимальный уровень подготовленности спортсмена к психофизическим нагрузкам спортивно – соревновательной деятельности и достижению результата в соревнованиях (А.Ц. Пуни 1949, Ф. Генов 1966, П.А. Рудик 1976 и др.). Предлагаются комплексные методы диагностики психических состояний, разрабатываются технологии регуляции и саморегуляции состояний. В общей концепции психических состояний, разрабатываемой казанской школой психологии состояний под руководством Прохорова А.О., психические состояния рассматриваются как «отражение личностью ситуации в виде устойчивого, целостного синдрома, выражающегося в единстве поведения и переживания в континууме времени».

Именно психические состояния являются основным механизмом «преобразования психологических свойств и изменения психических процессов, а также в организации психологической структуры личности («психологического строя»), необходимого для эффективного функционирования субъекта».

Тренировочно–соревновательная деятельность представляется нам особенной «ситуацией», в которой, под влиянием избирательной активности, «пристрастности» сознания, возникают разнообразные психические состояния, разной модальности, сложности, интенсивности. Проблеме смысловой детерминации психических состояний посвящены исследования, проводимые в рамках общей концепции психических состояний, разрабатываемой казанской школой психологии состояний под руководством Прохорова А.О. : Алексеевой Е.М., Мирзиева И.Х., Салиховой Н.Р., Сагитовой В.Р. и др.. Полученные данные свидетельствуют о наличии связи между психическими состояниями и структурными элементами смысловой сферы личности (личностный смысл, смысловые установки, личностные ценности). В исследовании смысловой детерминации состояний, мы обращаемся к изучению закономерностей и механизмов взаимодействия мотивационных образований и психических состояний.

Возникающие в спортивной деятельности мотивы побуждают, организуют и направляют поведение спортсмена, выступая, таким образом, необходимым условием целенаправленного, успешного и эффективного функционирования. Проблема мотивации чрезвычайно актуальна для спорта высших достижений, ведь вопрос о мотивах – есть, по сути, вопрос о качестве спортивной деятельности. Проблеме изучения спортивной мотивации посвящен ряд работ (В.А. Зобков, 1982; В.Л. Марищук, 1983; Р.А. Пилюян, 1984; Г.Д. Горбунов, 1986; Г.Б. Горская, 1994 и др.). Рассматривались особенности формирования и протекания спортивной мотивации в зависимости от спортивной специализации и квалификации, разрабатываются технологии формирования спортивной мотивации. Особое внимание в психологии спорта уделялось мотивации достижения и избегания неудач, влияния последних на эффективность, результативность, надежность спортивной деятельности. Имеются данные экспериментальных исследований, показывающие зависимость различных компонентов психического состояния спортсменов от особенностей их мотивационной сферы (Ю.Ю. Палайма, А.П. Поварницын, А.Ц. Пуни и др.). Однако, практически не затрагивается проблема мотивационной обусловленности психического состояния, как целостного образования.

Экспериментальное исследование влияния мотивационных образований на психические состояния спортсменов в тренировочно–соревновательном процессе проводилось на группе спортсменов – фехтовальщиков (шпага) РСДЮШОР г. Казани; возрастная группа 16 – 21 год; разряд - КМС – МС – МСМК (16 человек – 14 девушек и 2 юношей) и

группе спортсменов – легкоатлетов (бег) ДЮСШ «Локомотив» г. Казани; возрастная группа 16 – 22 года; разряд – 3 взрослый - 1 взрослый (15 человек – 10 девушек и 5 юношей).

Для решения поставленной цели на основании теоретического анализа был создан психодиагностический блок, куда вошли следующие методики: опросник «Рельеф психического состояния личности (Автор: А.О. Прохоров), методика «Мотивация достижения успеха» (Предложена Т.Элерсом), опросник «МАС» (Автор М.Кубышкина), методика «Мотивация к избеганию неудач» (Предложена Т.Элерсом), методика «Мотивы занятий спортом» (Автор: А.В. Шаболтас).

В ходе проведенного исследования и анализа полученных результатов можно сделать следующие выводы:

1. Наибольшее влияние на психические состояния, возникающие в тренировочно – соревновательном процессе, в группе высококвалифицированных спортсменов оказывают *мотивы достижения успеха в спорте, гражданско-патриотический, социально – эмоциональный, социально – моральный мотивы и мотив эмоционального удовольствия*. При таких влияниях наиболее типичными в тренировочной ситуации являются положительные состояния повышенного и среднего (оптимального) уровня психической активности: заинтересованность, веселость, удовлетворенность, оптимистичность, радость, счастье (преимущественно, это – деятельностные, эмоциональные состояния и состояния общения); при таких влияниях наиболее типичными в соревновательной ситуации являются отрицательные состояния повышенной и средней (оптимальной) психической активности: волнения, возбуждения, злости, агрессии, тревожности, и страха (преимущественно, это - деятельностные, эмоциональные состояния и состояния общения).

2. Наибольшее влияние на психические состояния, возникающие в тренировочно – соревновательном процессе, в группе спортсменов – разрядников оказывают *мотив достижения успеха в спорте, гражданско-патриотический мотив, социально - моральный мотив, мотив физического самоутверждения, мотив социального самоутверждения и мотив эмоционального удовольствия*. При таких влияниях наиболее типичными в тренировочной ситуации являются положительные состояния повышенного и среднего (оптимального) уровня психической активности: заинтересованность, бодрость, радость, спокойствие, возбуждение, энтузиазм, волнение, счастье (преимущественно, это – деятельностные состояния и состояния общения); при таких влияниях наиболее типичными в соревновательной ситуации являются отрицательные состояния повышенной и средней (оптимальной) психической активности: волнения, возбуждения, злости, агрессии, тревожности, и страха (преимущественно, это - деятельностные, эмоциональные состояния и состояния общения).

3. Соревновательная ситуация требует от спортсмена оптимального достижения высоких спортивных результатов уровня мобилизации психофизических ресурсов. Стремление к соперничеству выступает в качестве доминирующей направленности активности, как высококвалифицированных спортсменов, так и спортсменов - разрядников в соревновательной ситуации. Параметры психического состояния (прежде всего, его когнитивная и физиологическая составляющие) в соревновательной ситуации в группе высококвалифицированных спортсменов имеют прямую зависимость со стремлением к соперничеству: сосредоточенность, уверенность в себе, концентрация на четком выполнении тактических приемов и т.д. позволяют спортсмену лучше настроиться на предстоящее противоборство и добиться наилучшего для себя результата.

4. Тренировочная ситуация характеризуется направленностью на развитие психофизических качеств спортсмена, на повышение уровня функциональных возможностей организма. Тренировочная ситуация в группе спортсменов - разрядников характеризуется большим разнообразием мотивационных образований: стремление к соперничеству, мотив эмоционального удовольствия, мотивы физического и социального самоутверждения, социально – эмоциональный и социально – моральный мотивы. Стремление к соперничеству, мотивы физического и социального самоутверждения положительно обуславливают психические состояния тренировочной ситуации, тогда как мотив эмоционального удовольствия, социально – эмоциональный и социально – моральный мотивы - отрицательно.

Таким образом, специфические ситуации соревнования и тренировки (выступающие в качестве внешних причин), «преломляясь», опосредуясь мотивационными образованиями (выступающими в качестве внутренних условий), актуализируют особенные психические состояния, необходимые для эффективного функционирования субъекта.

Половые особенности эмоционального выгорания учителей зрелого и пожилого возраста

А.Р. Каримова

Казанский гос. технический университет

В последние десятилетия среди российских психологов при изучении разнообразных проявлений психики человека стало принятым акцентировать внимание на половом аспекте проблемы. Хотя, как это отмечает И.С.Клецина [4], до 70-х годов в советской психологии вопросы, связанные с половой дифференциацией практически не изучались, а те крайне малочисленные работы, которые были опубликованы, отождествлялись с вопросами сексуальных отношений, преимущественно супружеских. И

лишь в последнее десятилетие в отечественной психологии стали активно проводиться исследования, ориентированные на изучение психологических различий между людьми разного пола. При этом ученые безоговорочно соглашались с мнением И.С.Кона, утверждающего, что все или почти все онтогенетические характеристики являются не просто возрастными, но половозрастными [5].

В настоящее время установлено, что фактор пола, как одна из существенных констант индивида, в той или иной степени проявляет себя едва ли не во всех сферах человеческого развития, включая нейродинамические, психодинамические и личностные особенности, а также систему социальных связей и отношений. Более того, на основе проведенного теоретического анализа существующих подходов, теоретико-методологических концепций и современных теорий половой дифференциации И.В.Грошевым показана необходимость и целесообразность создания нового направления психологической науки – «психологии половых различий». Он считает, что, поскольку именно половые различия в различных видах деятельности достаточно часто детерминируют ее эффективность, и не учитывать этого просто недопустимо, чрезвычайно необходимы и полезны исследования половых различий психологических свойств, выступающих как профессионально важные [2].

Данное исследование направлено на выявление особенностей эмоционального выгорания, определяющихся половой принадлежностью учителей - субъектов педагогической деятельности. Акцент на состоянии выгорания сделан не случайно. Данные многих исследователей говорят о том, что учителя являются той профессиональной группой, в которой наиболее отчетливо прослеживается риск профессионального выгорания, вызывающего профессиональную деформацию личности (С.Маслач [6], В.Е.Орел [8], Т.В.Форманюк [9] и др.). При этом, при описании личности учителя и его психического состояния практически не уделяется должного внимания межполовым различиям. Однако инновационные преобразования учебного процесса, поднимая престиж профессии учителя, способствуют активному привлечению в школу мужчин–учителей, что придает предпринятому исследованию несомненную актуальность.

Анализ конкретных исследований синдрома выгорания показывает, что основные усилия психологов направлены на выявление факторов, вызывающих выгорание. Традиционно они сформировались в два больших блока: особенности профессиональной деятельности и индивидуальные характеристики самих профессионалов. Опуская изложение влияния внешних, организационных факторов развития выгорания учителей, не имеющих прямого отношения к теме работы, следует обозначить данные исследований внутренних (индивидуальных) факторов, обуславливающих эмоциональное выгорание. Во-первых, это *возрастные* характеристики, влияние которых на эффект выгорания подробно изучалось в зарубежной

психологии. Была выявлена отрицательная корреляционная связь возраста и выгорания, позволяющая утверждать, что молодые менее устойчивы к выгоранию. Оказалось, что наиболее тесная связь показателя возраста обнаруживается с такими показателями выгорания, как эмоциональное истощение и деперсонализация, меньшая – с редукцией профессиональных достижений [6].

Е.П.Ильин ссылается на данные, свидетельствующие о *половых* различиях: у женщин эмоциональное истощение наступает быстрее, чем у мужчин. Однако он отмечает, что эта закономерность подтверждается не во всех исследованиях [3]. Это противоречие подчеркивается и В.Е.Орлом [8], называющим работы, в которых, с одной стороны, показано, что женщины в большей степени подвержены процессу выгорания, чем мужчины и, наоборот, с другой, он приводит исследования, содержащие совершенно противоположные заключения. В.Е.Орел считает, что примирить разные точки зрения можно, рассмотрев эту проблему с позиций специфики влияния пола на компоненты выгорания. Анализируя работы зарубежных авторов, он пишет, что мужчины показывают более высокие результаты по деперсонализации, а женщины - эмоциональному истощению, и объясняет это тем, что у мужчин преобладают инструментальные ценности, женщины же более эмоционально отзывчивы и у них меньше чувство отчуждения от своих клиентов. Риск подвергнуться выгоранию зависит от того, насколько выполняемые работниками функции соответствуют их поло-ролевой ориентации. Установлено, что мужчины оказались более чувствительными к воздействию стрессов в тех ситуациях, которые требовали от них демонстрации истинно мужских качеств, таких, как физические данные, мужская отвага, эмоциональная сдержанность, показ своих достижений в работе. В то же самое время, женщины оказались более чувствительны к стрессовым факторам при выполнении тех обязанностей, которые требовали от них сопереживания, воспитательных умений, подчинения. В качестве другого объяснения В.Е.Орлом высказывается мысль о том, что работающая женщина испытывает более высокие рабочие перегрузки (по сравнению с мужчинами) из-за дополнительных домашних и семейных обязанностей.

Приведенные данные носят обобщенный характер и не учитывают специфики профессии субъектов выгорания. В связи с этим, в предпринятом нами исследовании осуществлялась диагностика синдрома эмоционального выгорания у *учителей* – мужчин и женщин в возрасте зрелости, а также их коллег, вышедших на пенсию. С помощью методики В.В.Бойко [1] было обследовано 143 человека. Из них 99 человек – представители возрастного периода зрелости (47 мужчин и 52 женщины) и 44 человека составили группу лиц пожилого возраста (15 мужчин и 29 женщин). Интерпретация полученных результатов осуществлялась на основе сравни-

тельного анализа с использованием Т-критерия Стьюдента. При использовании методики учитывались теоретические представления автора.

Выяснилось, что испытуемые - учителя зрелого возраста испытывают состояние эмоционального выгорания в целом более выражено, чем их коллеги – пенсионеры. Так, первая из трех фаз синдрома выгорания - «напряжение» у мужчин в возрасте зрелости составляет 59,14 балла, а у пожилых мужчин на 10 баллов меньше (49,25 балла) (различие значимо на уровне $p=0,01$) и говорит о большем нервно-психологическом напряжении работающих мужчин-учителей. Тревожное напряжение включает несколько симптомов, позволяющих детализировать выявленные различия. Так, у работающих мужчин усилено осознание психотравмирующих факторов профессиональной деятельности. Раздражение этими факторами велико, что вызывает отчаяние и негодование. Симптом «переживание психотравмирующих обстоятельств» у учителей-мужчин зрелого возраста составляет 16,43 балла, т.е. по шкале В.В.Бойко находится в «стадии сформированности», тогда как у пожилых мужчин это значение ниже, составляет 13,41 балла и помещается в границы «стадии формирования». Как видим, у мужчин обеих групп этот симптом выражен, однако угрожающие величины определяются только у работающих мужчин. В значительно меньшей степени это различие наблюдается между женщинами зрелого возраста и пожилыми женщинами. Кроме того, этот показатель более сформирован у мужчин, чем у женщин ($p=0,05$).

Неудовлетворенность собой также более выражена у мужчин ($p=0,01$). При этом у женщин зрелого возраста она еще не сложилась (8,98 балла), у пожилых женщин – «складывается», а у пожилых мужчин уже «сложилась».

И мужчины и женщины зрелого возраста чувствуют себя «загнанными в клетку» (18,46 балла – мужчины, 21,61 – женщины). Повидимому, множество забот, повседневная рутинность, ответственность за детей и другие факторы, присутствующие в жизни работающего человека давят непосильной ношей, вызывая чувство безысходности. Этот показатель выгорания существенно ниже ($p=0,001$) в пожилом возрасте, когда человек освобождается от груза ответственности за детей, которые уже выросли и не нуждаются в опеке, кроме того, его уже не заботят проблемы, связанные с профессиональной деятельностью.

Показатели тревоги и депрессии значимо выше у женщин, чем у мужчин, что не расходится с данными исследователей тревожности, приводящимися в психологической литературе о большей, в целом, тревожности женщин. У мужчин этот симптом равен 11,04 балла, т.е. находится в начале становления, а у женщин намного выше ($p=0,001$) и составляет 17,32 балла. Существенно различие по этому показателю и между пожилыми мужчинами и женщинами (10,08 к 15,16 балла, $p=0,001$), хотя, в целом, значение тревожности с возрастом смягчается.

Фаза «резистенции» (сопротивления) сформирована в большей степени у пожилых мужчин (41,79 – 48,77 балла, $p=0,001$). А у женщин с возрастом значения этой фазы даже падают. Т.е. напряжение в форме психологической защиты более ярко выражено у пожилых мужчин, чем молодых, и, наоборот - у молодых женщин, чем пожилых. Это может объясняться большим стрессовым напряжением пожилых мужчин, вызванным осознанием ненужности, потери смысла жизни на завершающем этапе жизненного пути. У пожилых женщин круг забот в связи с выходом на пенсию сужается незначительно, заботы о доме, внуках поглощают время пожилых женщин и, тем самым, смягчают состояние резистенции.

Подробный анализ симптомов этой фазы подтверждает вышесказанное. Так, симптом «неадекватного избирательного эмоционального реагирования» выражен у мужчин на 8,64 балла, а у пожилых мужчин – на 13,61 балла ($p=0,01$). У женщин он составляет 9,03 балла, а у пожилых женщин возрастает до 12,56 балла. С возрастом и у мужчин и у женщин этот показатель увеличивается, или, говоря языком В.В.Бойко, «складывается». То же самое можно сказать о симптоме «эмоционально-нравственной дезориентации», значения которого повышаются с возрастом и переходят границы с момента, когда он еще «не сложился» к моменту, когда он уже «складывается». У пожилых мужчин заметнее «расширение сферы экономии эмоций», чем у более молодых коллег ($p=0,05$). У женщин этот показатель изначально высок (15,62 балла) и практически не отличается от такового у пожилых женщин (15,07 балла). «Редукция профессиональных обязанностей» ярко выражена в зрелом возрасте (11,42 балла – мужчины, 17,64 – женщины, различие между ними на уровне значимости $p=0,001$), а у пожилых острота этого показателя резко уменьшается ($p=0,001$), что вполне объяснимо, ведь речь идет о людях, вышедших на пенсию.

Фаза «истощения» по Г.Селье – завершающая развитие синдрома стресса. В.В.Бойко считает, что на этой фазе «эмоциональная защита в форе «выгорания» становится неотъемлемым атрибутом личности» [1, с.145]. У женщин, как более молодых, так и пожилых развитие этой фазы более выражено. Если у мужчин зрелого возраста этот показатель равен 36,51 балла, а у женщин 44,00 балла, то у пожилых этот показатель составляет, соответственно 39,60 и 46,50 балла. Заметен небольшой прирост этого складывающегося во всех возрастных группах показателя, но это изменение статистически не значимо.

Симптомы, составляющие фазу «истощения», позволяют более детально подойти к ее рассмотрению. Ощущение «эмоционального дефицита», когда человек не в состоянии войти в положение других людей, участвовать, сопереживать, когда он становится более резким, грубым, раздражительным по отношению к другим людям, не выходит за границы, когда симптом еще «не сложился» ни в одной из исследуемых групп. То

же самое можно сказать об «эмоциональной отстраненности». Только про женщин зрелого возраста можно сказать, что у них он начал складываться (10,07 балла), у остальных испытуемых значения показателя в границах нормы, означающей, что симптом «не сложился». «Личностная отстраненность или деперсонализация» также переходит границу нормы только у женщин зрелого возраста, и то незначительно (9,95 балла). А вот симптом «психосоматических и психовегетативных нарушений» в зрелом возрасте «складывается», а в пожилом – уже «сложился». Так, у мужчин зрелого возраста он равен 10,08 балла, а у пожилых – 16,08 ($p=0,001$). Особенно резкий скачок этого показателя – в группе женщин. В зрелом возрасте у них этот показатель имеет значение 14,03 балла, а в пожилом – 21,03 ($p=0,001$).

Если суммировать рассмотренные показатели и сравнивать исследуемые группы испытуемых по общему количеству баллов, то, в целом, по количественным данным, можно сказать, что у мужчин возрастных различий в эмоциональном выгорании практически нет (137,44 балла – зрелый возраст, 137,63 – пожилой). Но, качественные различия, описанные выше, свидетельствуют о некоторых возрастных особенностях проявления этого синдрома. Как уже отмечалось, у мужчин в возрасте зрелости значительно больше нервно-психическое напряжение, связанное с более широким кругом общения и высокой ответственностью за выполнение профессиональных обязанностей, обеспечение семьи и др. Зато фаза резистенции (сопротивления) более выражена в пожилом возрасте. Немного выше в пожилом возрасте и значения фазы истощения, что говорит о, все-таки, большем стрессовом напряжении пожилых мужчин.

У женщин суммарный показатель эмоционального выгорания имеет существенные возрастные отличия. В целом, он значительно выше у более молодых женщин, чем пожилых. Эта закономерность прослеживается и при анализе возрастной динамики отдельных показателей выгорания. Фаза напряжения менее выражена у пожилых женщин, чем молодых (50,43 балла и 66,75 балла соответственно, $p=0,001$). То же самое можно сказать о различиях в степени сформированности фазы резистенции (51,93 балла – зрелые и 47,75 балла – пожилые женщины). Однако истощение все же более выражено у пожилых (44,00 к 46,50 балла). Самое заметное различие в симптомах выгорания между возрастными выборками женщин – в количественных значениях двух показателей. Первый – это симптом «загнанности в клетку», который зрелая женщина испытывает в намного большей степени, чем пожилая (21,61 балла к 11,15 балла, $p=0,001$). Второй – симптом «редукции профессиональных обязанностей» (17,64 балла – к 10,10 балла при $p=0,001$). В профессиональной деятельности, предполагающей широкое общение с людьми, редукция проявляется в попытках облегчить или сократить обязанности, которые требуют эмоциональных затрат. В пожилом возрасте большинство женщин уже не

участвует в профессиональной деятельности, круг их общения соответственно сужается и напряжение, вызванное перенасыщением людьми, снижается.

Таким образом, подтверждается точка зрения, согласно которой женщины более склонны к эмоциональному выгоранию, чем мужчины. Действительно, результаты сравнения двух выборок – мужской и женской свидетельствуют о том, что показатели выгорания женщин-учителей значительно выше по всем трем обобщенным характеристикам: напряжение, резистенция, истощение. Практически по каждому из двенадцати симптомов выгорания женщины зрелого возраста набирают большее количество баллов, чем мужчины. Единственный симптом, где женщины «уступают» мужчинам – неудовлетворенность собой. Этот показатель напряженности выше у мужчин. Мужчинам более свойственно испытывать недовольство собой, своей профессией, занимаемой должностью и конкретными обязанностями. Однако сказанное касается только представителей зрелого возраста.

Что касается пожилых людей, около тридцати лет проработавших в школе, то здесь картина несколько иная. Изменение ситуации развития в связи с выходом на пенсию, сужением сферы общения и круга обязанностей, ухудшением соматического состояния не может не сказаться на эмоциональном состоянии пожилых. Характер межполовых различий на этом возрастном этапе имеет отличительные особенности связанные, по-видимому, с образом жизни после выхода на пенсию. Прекращение профессиональной деятельности для женщин не столь трагично, как для мужчин. Снижение профессиональной нагрузки в целом сказывается благотворно, если речь идет об эмоциональном выгорании. Почти все его показатели у пожилых женщин ниже, чем у молодых, особенно, как это уже отмечалось, ощущение «загнанности в клетку». Правда, по показателю «неудовлетворенность собой» пожилые женщины опережают более молодых. Также чуть выше у них «неадекватное избирательное эмоциональное реагирование».

Пожилые мужчины более недовольны собой, чем молодые. Также как их сверстницы, они экономят эмоции в общении, ограничивают эмоциональную отдачу за счет выборочного реагирования на проблемы окружающих, у них меньше показатель тревожности, чем у пожилых женщин. Кроме того, у пожилых, особенно женщин, резко повышается статус показателя «психосоматические и психовегетативные нарушения», что, в силу возраста, вполне объяснимо.

При интерпретации полученных результатов были приняты во внимание представления о возрастных различиях в способах саморегуляции отрицательных психических состояний мужчин и женщин, сложившиеся в рамках концепции психических состояний, разрабатываемой А.О.Прохоровым. Под его руководством И.Х.Мирзиевым [7] была выпол-

нена работа, в которой показано, что в онтогенезе различия в саморегуляции отрицательных состояний увеличиваются и, если в 18-25 лет они практически не обнаруживаются, то в более старшем возрасте эти различия существенны. В данном случае исследованные нами симптомы эмоционального выгорания, могут рассматриваться как состояния, отражающие способы саморегуляции, используемые при актуализации отрицательного состояния, вызванного пресыщением профессионального общения. Обнаруженное увеличение различий между зрелой и пожилой мужской и женской выборками испытуемых, с одной стороны, дополняет представление о механизме саморегуляции состояний, изложенное И.Х.Мирзиевым, а с другой – подтверждает надежность и достоверность предпринятого исследования.

Литература:

1. Бойко В.В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других / В.В.Бойко. – М.: ИИД Филинь, 1996. – 472с.
2. Грошев И.В. Психология половых различий: автореф...дисс. канд.психол. наук: 19.00.01 / И.В.Грошев; Московский государственный открытый педуниверситет. – М., 2002. – 49 с.
3. Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины / Е.П.Ильин. – СПб.: Питер. 2002. – (Серия «мастера психологии»). – 544с.
4. Клецина И.С. От психологии пола – к гендерным исследованиям в психологии /И.С.Клецина // Вопр. психол. – 2003.-№1. – С. 61-78.
5. Кон И.С. В поисках себя: личность и ее самосознание / И.С.Кон. – М.: Политиздат, 1984. – 335с.
6. Maslach C. Burnout: A multidimensional perspective // Professional burnout: Recent developments in the theory and research / Ed. W.B. Shaufeli, Cr. Maslach and T. Washington D.C.: Taylor & Trancis, 1993.-P.19-32.
7. Мирзиев И.Х. Особенности саморегуляции отрицательных психических состояний в обыденной жизнедеятельности субъекта: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / И.Х.Мирзиев; Казанский государственный университет. – Казань, 2002. – 22с.
8. Орел В.Е. Структурно–функциональная организация и генезис психического выгорания: автореф. дис. ...докт. психол. наук: 19.00.01 / В.Е.Орел; Ярославский государственный университет. – Ярославль, 2005. – 51с.
9. Форманюк Т.В. Синдром «эмоционального сгорания» как показатель профессиональной дезадаптации учителя / Т.В.Форманюк // Вопр. психол. – 1994.-№6.– С. 57-64.

Особенности взаимосвязи психических состояний подростков и психических состояний учителя в процессе педагогического общения

Латыпова А.Ф.

Гос. пед. институт г. Набережные Челны

Подростковый возраст по праву считается самым трудным жизненным периодом человека, трудным как для окружающих его людей (родителей, родных, друзей, учителей и др.), так и для самого подростка. В этом возрасте происходят биологические, социокультурные и индивидуальные изменения, которые выражаются в резком ухудшении поведения (драчливости, негативизме), противоречивости стремлений и их неустойчивости. Последнее приводит к противоречивости психических состояний, переживаемых подростком, выраженному психологическому дискомфорту (тревоге, страхам, ощущению одиночества и т.п.) и, как следствие, школьной дезадаптации.

В первую очередь, школьная дезадаптация в подростковом возрасте должна исправляться учителем путем снижения проявлений негативных психических состояний учеников. Одним из эффективных повседневных ежеминутных механизмов управления учителем психическими состояниями школьников на уроке может стать управление экспрессивными проявлениями собственных психических состояний учителя на уроке.

Данный механизм строится на таких особенностях детей, как внушаемость, подражательность, заразительность, легковерность, убеждаемость в процессе их непосредственного общения со взрослыми.

По мнению Н.А. Аникеевой влиянию психического заражения особенно поддаются подростки. Оно «осуществляется через восприятие психических состояний, настроений, переживаний, обладающих, как правило, яркой эмоциональной окраской» [2, с.6].

Выделяют следующие внешние экспрессивные проявления психических состояний: мимика, жесты, физиологические реакции организма, речевые и вокальные характеристики.

Получение новых знаний о взаимосвязи внешних проявлений психических состояний учителя и психических состояний учеников позволит наметить пути для разработки новых методов успешного преподавания и эмоционального воздействия на индивида.

В этой связи основная **цель** настоящего исследования заключалась в изучении взаимосвязи психических состояний подростков и внешних проявлений психических состояний учителей средних классов.

Методика

В исследовании принимали участие 138 подростков (средний возраст - 14 лет) и 28 учителей.

Для изучения особенностей психических состояний учителя и учеников на уроке нами использована специально созданная анкета, состоящая из двух частей.

Первая часть анкеты направлена на самооценку учителя и учеников своего психического состояния и содержит *опросник*, при составлении которого использованы методики А.О. Прохорова «Психические состояния школьников», «Психические состояния учителей» [6, с.326-331].

Вторая часть анкеты предназначена для оценки характеристик учителя и учеников друг другом. Оцениваются от 0 до 5 баллов интенсивность или частота наблюдаемых на уроке особенностей состояния, качественных характеристик движений, речи, физиологических проявлений и жестов.

Данная анкета предлагалась ученикам и их учителю на всех этапах урока: в начале, в середине и в конце.

Результаты

В данной статье нами будут рассмотрены особенности взаимосвязей между психическими состояниями подростков и внешними проявлениями психических состояний их учителей. Для этого был проведен корреляционный анализ.

Прежде всего, выделим положительные состояния подростков. При этом будем учитывать только статистически значимые связи.

В начале и конце урока положительные психические состояния подростков связаны с положительными **переживаниями** учителя: например, *бодрость* подростков - внимание учителя ($r=0,63$, $p\leq 0,001$), *восхищение* подростков – спокойствие учителей ($r=0,56$, $p\leq 0,001$), *веселье* подростков - активность учителей ($r=0,54$, $p\leq 0,001$) и др. Также установлена умеренная отрицательная связь показателя *интереса* учащихся в невниманием учителя ($r=-0,53$, $p\leq 0,001$).

В середине урока наблюдаются значимые корреляции положительных психических состояний учащихся только с отрицательными переживаниями учителей средних классов. Так, *удовлетворенность* подростков связана с нервозностью ($r=0,43$, $p\leq 0,05$), несобранностью ($r=0,44$, $p\leq 0,05$) и недовольством ($r=0,49$, $p\leq 0,01$) учителей, а *веселье* учеников коррелирует с усталостью ($r=0,44$, $p\leq 0,05$) и крикливостью ($r=0,58$, $p\leq 0,001$) педагога. Кроме того, параметр усталости учителя в середине урока связан с такими положительными эмоциональными состояниями подростка как *восхищение* ($r=0,41$, $p\leq 0,05$) и *радость* ($r=0,56$, $p\leq 0,01$). Мы можем объяснить данные результаты следующим образом. Как известно, середина урока отличается от его начала и конца наибольшим объемом сообщаемой учащимся информации, направленной на восприятие и ее дальнейшую переработку. Отсюда и усиленное требование учителя к активизации мыслительной деятельности подростков. Однако, по многочисленным исследованиям ученых [1 с. 313], в центре психологи-

ческой жизни подростка оказывается общение, а учебная деятельность отступает на второй план, поэтому он противопоставляет себя учителю, не желая подчиняться его требованиям, и, видимо, рад, если это ему удастся.

Выявлены обратные корреляционные связи между положительными психическими состояниями подростков и **жестами** учителя. Так, в начале урока отмечена обратная корреляционная связь между жестом учителя «прикосновение» и состоянием *спокойствия* подростков ($r=-0,63$, $p\leq 0,001$), в середине же урока имеют место отрицательные связи данного жеста учителя с состоянием *радость* учеников ($r=-0,59$, $p\leq 0,001$), а в конце урока жест учителя «прикосновение» обратно коррелирует с состоянием *удовольствия* ($r=-0,65$, $p\leq 0,001$) учащихся. Это свидетельствует о неприятии подростками прикосновений к ним учителем. Также найдены обратные корреляционные связи между положительными психическими состояниями подростков (восхищение, внимание, спокойствие, интерес) и жестами учителя «руки на груди», «взгляд, направленный вниз», «смотрит в сторону», «вертит в руках что-то». Это говорит об угнетающем действии на подростков таких осуждающих, закрытых, критичных жестов учителей.

С характеристиками **вокальной стороны речи** учителя наиболее тесно связано положительное психическое состояние подростков – *интерес*. Так, выявлены корреляционные связи *интереса* школьников и громким голосом учителя ($r=0,53$, $p\leq 0,001$), резкой его речью ($r=0,47$, $p\leq 0,05$), раздраженной речью педагога ($r=-0,63$, $p\leq 0,001$). То есть первые две характеристики речи и голоса учителя способствуют *интересу*, последняя – снижает *интерес* учащихся в начале урока. Определены в большинстве случаев отрицательные по направленности связи между положительными психическими состояниями учащихся и характеристиками речи и голоса учителя: *восхищение* – насмешливая интонация ($r=-0,73$, $p\leq 0,001$), *счастье* – перебивает учитель ($r=-0,55$, $p\leq 0,001$), внимание подростков – недовольный голос учителя ($r=-0,62$, $p\leq 0,001$).

Интересно отметить, что быстрые, резкие, ритмичные, раскрепощенные **движения** учителя в течение всего урока имеют прямые связи с положительными психическими состояниями подростков (*активация, бодрость, интерес, восхищение, радость, удовлетворенность*), в то время как медленные, вялые, напряженные движения педагога отрицательно коррелируют с теми же психическими состояниями учеников.

Физиологические реакции учителя имеют наименьшее число корреляционных связей с положительными состояниями подростков.

Интересно, что положительное деятельностное, эмоциональное, волевое психическое состояние учеников, *терпение*, взаимосвязей с характеристиками психических состояний учителя не имеет, возможно, потому, что данное состояние подросткам несвойственно.

Рассмотрев взаимосвязи внешних проявлений психических состояний учителя и положительных психических состояний подростков, перейдем к обсуждению корреляционного анализа между этими же проявлениями психических состояний педагога и отрицательными состояниями учащихся подросткового возраста

Наибольшее число корреляционных связей отрицательные психические состояния подростков имеют с характеристиками **голоса и речи** учителя. Особенно часто коррелируют с такими характеристиками отрицательные деятельностные, эмоциональные состояния общения учащихся.

Так, в начале урока *волнение* подростков прямо взаимосвязано со сбивчивой речью педагога ($r=0,53$, $p\leq 0,001$), а *злость* учащихся обратно взаимосвязана с мягким звучанием голоса учителя ($r=-0,53$, $p\leq 0,001$).

В середине урока связей выявлено больше. Прямые корреляции наблюдаются между *сонливостью* подростков и недовольным голосом учителя ($r=0,51$, $p\leq 0,01$), *злостью* учащихся и насмешливой интонацией учителя ($r=0,59$, $p\leq 0,001$), а также с привычкой учителя перебивать ($r=0,53$, $p\leq 0,001$). Кроме того, насмешливая интонация педагога коррелирует с показателями *лени* ($r=0,44$, $p\leq 0,05$) и *возбуждения* учащихся ($r=0,51$, $p\leq 0,01$). На этом же этапе урока обнаружена обратная взаимосвязь между *усталостью* подростков и уверенной речью учителя ($r=-0,42$, $p\leq 0,05$).

В конце урока найдена лишь одна прямая заметная связь между *скукой* учащихся и раздраженным голосом педагога ($r=0,65$, $p\leq 0,001$), и одна обратная взаимосвязь между *злостью* учеников и уважительной интонацией учителя ($r=-0,60$, $p\leq 0,001$).

Следующей по частоте корреляций с отрицательными психическими состояниями подростков являются характеристики **переживаний** учителя. Здесь наблюдается тенденция прямой взаимосвязи отрицательных деятельностных психических состояний учащихся (*сонливость, лень, усталость, трудность*) с отрицательными переживаниями учителя (несобранность, усталость, возбужденность, нервность), и обратной взаимосвязи отрицательных эмоциональных психических состояний подростков (*скука, страх, злость, печаль*) и положительными переживаниями педагогов (спокойствие, веселье, добросердечие, активность).

Взаимосвязей с **жестами** учителя, свидетельствующими о положительных состояниях и отношении к собеседнику и отрицательными психическими состояниями подростков, выявлено не было. Отмечены положительные «жесткие» взаимосвязи между жестами, характеризующими нервозность, неуверенность учителя, негативное, критическое, оборонное отношение к собеседнику («скрещенные руки на груди», «трогает нос, ухо», «грызение ручки или карандаша», «взгляд, направленный вниз») и отрицательными деятельностными психическими состояниями учеников (*апатия, волнение, злость, трудность, печаль*). Кроме того, вы-

явлена «жесткая» прямая связь между прикосновением учителя и *злостью* подростка ($r=0,58$, $p\leq 0,001$).

Небольшое количество корреляций обнаружены между отрицательными психическими состояниями учащихся подросткового возраста и особенностями **движений** учителя. Быстрые движения учителя обратно коррелируют с *апатией* ($r=-0,49$, $p\leq 0,01$) и скукой ($r=-0,53$, $p\leq 0,001$) учащихся. Также обнаружены прямые средние связи: *усталость* подростков – вялые движения учителя ($r=0,65$, $p\leq 0,001$), *трудность* учащихся – напряженные движения учителя ($r=0,49$, $p\leq 0,05$).

Очень редко коррелируют с отрицательными психическими состояниями подростков **физиологические реакции** учителя. Причем данные корреляции имеют обратную направленность и наблюдаются между *волнением* учащихся средних классов и сухостью во рту учителя ($r=-0,45$, $p\leq 0,05$), а также с побледнением его кожи ($r=-0,47$, $p\leq 0,05$).

Выводы

1. Позитивные психические состояния подростков (внимание, бодрость, веселье, интерес) прямо коррелируют с положительными переживаниями учителя (спокойствие, добросердечие, активность), за исключением момента середины урока. Здесь в силу возрастных особенностей отношения к педагогу и учебной деятельности подростков, положительно окрашенные психические состояния учеников (удовлетворенность, веселье) связаны с негативными переживаниями учителя (нервность, усталость, крикливость и др.). Отрицательные психические состояния учеников (сонливость, лень, усталость, трудность) имеют прямые взаимосвязи с отрицательными переживаниями (несобранность, усталость, возбуждение, нервность) и обратные связи с его положительными переживаниями (спокойствие, веселье, активность) учителя.
2. Быстрые, резкие, ритмичные движения учителя коррелируют с положительными психическими состояниями учеников (активация, бодрость, интерес и другие). В то время как медленные, вялые, напряженные движения учителя взаимосвязаны с состояниями усталости и трудности подростков.
3. Насмешливая интонация учителя имеет наибольшее количество корреляций с психическими состояниями подростков: обратные связи с положительными психическими состояниями (восхищение, счастье) и прямые связи с отрицательными психическими состояниями (злость, лень, возбуждение).
4. Выявленные корреляционные связи между психическими состояниями подростков и жестами учителя свидетельствуют о неприятии учащимися прикосновений к ним учителем, а также об угнетающем действии осуждающих, критичных, нервных жестов учителя («скрещенные руки на груди», «взгляд в сторону или вниз», «грызение ручки или ка-

рандаша») на положительные психические состояния подростков (*восхищение, внимание, спокойствие*).

5. Физиологические реакции учителя имеют наименьшее число связей с позитивными и негативными психическими состояниями подростков.

Таким образом, выявленные взаимосвязи между психическими состояниями подростков и внешними характеристиками психических состояний их учителей позволит нам разработать рекомендации для работы школьного учителя с учащимися подросткового возраста.

Литература

1. Аверин В.А. Психология детей и подростков [Текст]: учеб. пособие. – 2-е изд., перераб. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 1998. – 378 с.
2. Анисеева Н.П. Учителю о психологическом климате в коллективе [Текст]: учеб. пособие – М.: Просвещение, 1983. – 96 с.
3. Практикум по психологии состояний [Текст]: учеб. пособие / А.О. Прохоров. - СПб.: Речь, 2004. - 480 с.

К вопросу о формировании валеологического самосознания личности будущего учителя в контексте концептуальных положений теории этнофункциональной согласованности

А.Г. Маджуга,
СГПА, г. Стерилитамак,

Осмысленная, творческая профессиональная деятельность учителя способствует формированию сознательного отношения к здоровью, как базовой ценности, во многом определяющей успешность или не успешность жизненного пути любого человека. Современный педагог, помимо глубоких профессиональных знаний, должен обладать крепким здоровьем, вести и пропагандировать здоровый образ жизни.

Именно поэтому в качестве важного аспекта профессионального самосознания учителя мы рассматриваем валеологическое самосознание. Валеологическое самосознание ориентировано на ценностно-смысловые основы здорового образа жизни, формирование внутренней валеологической позиции в вопросах сохранения и укрепления здоровья – своего, своих учащихся, своих коллег на знание этнических феноменов, необходимых для освоения технологий здравотворчества и автиатрических технологий (самоисцеление).

Попытаемся сузить рассматриваемый выше феномен до интересующего нас этнического компонента валеологического самосознания – осознание психического здоровья личностью в контексте ее этничности по принципу целостного отношения ко всем группам этнических признаков, в т.ч. их психобиологической целостности [1,2,3]. При этом нами была поставлена задача рассмотреть механизм возможного формирования де-

задаптивного уровня одного из компонентов валеологического самосознания будущих учителей ряда гуманитарных факультетов ЮКГУ (г. Шымкент, ЮКО) через изучение взаимосвязи уровней этнического самосознания и этнической идентификации студентов (в том числе маргинальной этнической идентификации) с их психическим здоровьем и некоторыми показателями интегральной личностной индивидуальности студентов.

В контексте данного исследования мы использовали этнофункциональный теоретико-методологический подход к изучению психики на современном этапе культурно-исторического развития (Сухарев А.В.). Суть данного подхода состоит в том, что психические проявления (элементы) рассматриваются с точки зрения этнической функции - этноинтегрирующей или этнодифференцирующей. Другими словами каждое психическое проявление – душевные состояния, процессы, свойства души конкретного человека, его отношения – объединяет или разделяет этого человека с тем или иным народом. Сухаревым А.В. были выделены существенные этнофункциональные рассогласования отношений человека к группам этнических признаков – климато-географическим, социокультурным и расово-биологическим. Известно, что наличие определённых этнофункциональных рассогласованных элементов в психике человека требует от него затрат энергии и специфической направленности на интеграцию этих элементов в целостность психики. А такие усилия не всегда могут быть обеспечены соответствующими адаптационными ресурсами. Вследствие этого, могут возникать состояния психической дезадаптации или какие-либо душевные расстройства. Так, на индивидуально-личностном уровне может наблюдаться рост тревоги (беспокойство, неясные опасения), чувства неуверенности, безысходности, неудачливости и т.д.; углубление депрессивных психических расстройств, зависимости от наркотических веществ, выраженность эмоциональных расстройств у детей, ядерные наркомании и алкоголизм и т.д. В социальном аспекте – снижение уровня воспроизводства населения; в психолого-педагогическом – повышение уровня ситуативной и личностной тревожности, ухудшение контакта с преподавателями, понижение внимательности в процессе обучения [4,5]. В дальнейшем определенные этнофункциональные рассогласования могут быть признаками психического вырождения у конкретного человека, которые по Осипову В.П. являются выражением ненормального состояния душевной деятельности развивающиеся с раннего возраста, и поэтому, с определенностью указывают на врожденную психопатическую дегенеративную конституцию, т.е. характеризуются эндогенными расстройствами.

Вместе с тем, психическое вырождение может иметь и приобретенный характер (при неблагоприятных условиях воспитания, хроническом переутомлении, алкоголизме, наркомании и др.), и развиваться, при этом, в направлении дегенерации (нарастание психопатических признаков) и

прогенерации (проявление признаков общественно благоприятных-одаренности, гениальности и т.д.). В проведенных нами исследованиях мы попытались изучить одну из возможных форм этнофункциональной рассогласованности – маргинальную этническую идентичность у студентов 1-2-го курсов педагогических специальностей ЮКГУ.

В качестве респондентов выступили 200 студентов казахской национальности, обучающиеся на русском (100 человек) и казахском (100 человек) отделениях специальности 031440 «Педагогика и психология», 031540 «Педагогика и методика начального обучения» (средний возраст – 19,5 лет). В результате использования ряда этнопсихологических тестовых методик, направленных на определение уровня этнической самоидентификации (тест Куна-Макпартланда, авторская анкета-опросник, методика изучения этнического предубеждения С.М. Джакупова, шкала социальной дистанцированности Э. Богардуса и др.) нами были выявлены следующие уровни этнической идентификации: 1) четкая позитивно окрашенная моноэтническая идентичность (84 человека, 42%) – I группа. 2) биэтническая идентичность – с сильной идентификацией с двумя группами (66 человек, 33%) – II группа. 3) маргинальная идентичность – с признаками балансирования между двумя культурами, без погружения в должной мере ни в одну из них (50 человек, 25%) – III группа. (Berry, Bohner)

Для интересующей нас III группы студентов титульного этноса характерно следующие особенности: доминирование русского языка, компетентность в казахском на уровне понимания и бытового общения (при этом родным языком декларируется казахский язык и все они – исключительно горожане); в структуре самокатегоризации – этническая принадлежность ими практически не фиксируется и как, следствие выявляется выраженный диссонанс эмоционально – аффективного компонента этнической позиции. 70,2% респондентов отметили, что им безразлично, принадлежат ли они к казахскому или какому-либо другому народу. Респонденты третьей группы себе и типичным представителям казахской и русской этнической групп приписывают разные, не совпадающие между собой качества; при этом значимой корреляции между тремя рядами не обнаружено. Кроме того, казахи – маргиналы проявили такую же предубежденность по отношению к русским, что и индивиды с этнической гиперидентичностью (например, отрицание брака и других близких форм социального контакта с русскими.) Полученные результаты свидетельствуют о колебаниях между двумя этническими группами, сопровождающимися внутри – и межличностными конфликтами, симптомами которых является дезорганизованность, ощущение «неприступной стены», неприспособленность, неудачливость, отчужденность, отчаяние, бессмысленность существования, агрессивность. Эти данные были подтверждены в последующих экспериментах по изучению уровней интегральной индиви-

дуальности личностей маргиналов (при этом исследовались свойства нервной системы, свойства темперамента, личностные свойства, социально – психологические свойства с использованием опросников В.М. Русалова, Г. Айзенка, 16 ФЛО опросника Р. Кеттелла, Т. Лири и др.).

Таким образом, экспериментальные данные подтвердили нашу гипотезу о том, что этнофункциональные рассогласования отношений человека к этническим признакам могут способствовать возникновению определенных психопатологических признаков. В нашем случае это показано через взаимосвязь маргинального уровня этнической самоидентификации и проявление личностных свойств дезадаптивного характера у студенческой молодежи.

Литература

1. *Выжлецов Г.П.* Аксиология культуры. – СПб.: СПГУПМ 1996.
2. *Чекалов А.Е.* Проблема здоровья во внерациональных формах культуры. – Ростов-на-Дону, 1997. – 27 с.
3. *Хруцкий К.С.* Интегративная модель валеологии как целостной науки и практики. Перспективы развития конституционно-логических исследований // Валеология. - №5. – 1997. – С. 5-12
4. *Маджуга А.Г.* Валеологическая культура как фактор профессионально-личностного развития учителя/ В Сб.: Труды республиканской научно-практической конференции «Физическая культура и спорт-основа здорового образа жизни». – С. 246-250
5. *Сухарев А.В.* Этнофункциональный подход к проблеме этнического вырождения // Журнал прикладной психологии. – 2001. – № 2. – С. 50-55.

Оценка психических состояний младших школьников

Е.В.Мензул
Самарский гос. мед. университет

Последние десятилетия реформирование образования шло по пути интенсификации учебной нагрузки, внедрения программ углубленного изучения предметов. Несмотря на внедрение в последние годы различных здоровьесберегающих технологий и психопрофилактических программ, создания методов оценки психологической безопасности образовательной среды результаты многих исследований свидетельствуют, что часто «физиологическая цена» получения знаний – утрата здоровья, а психологическая – повышенная тревожность, страхи, агрессивность. Главной причиной ухудшающегося здоровья школьников специалисты называют все возрастающие учебные перегрузки, а их маркером психические состояния.

Проведенное нами исследование было направлено на изучение спектра переживаемых учащимися психических состояний, а также качества оценивания учителем этих состояний.

На подготовительном этапе исследования была специально разработана анкета-опросник «Типичные психические состояния учащихся в учебной деятельности», позволяющая выявить не только психические состояния, которые наиболее часто переживаются учащимися в школе с точки зрения их самовосприятия, но и степень распознавания этих состояний учителями, т.е. совпадение оценки психического состояния учеником и учителем. В рамках работы, направленной на создание собственно диагностического инструментария определения эмоциональных состояний у учащихся в реальных условиях занятия, нами был разработан справочник с подробным описанием каждого состояния, вошедшего в анкету. Описание состояния строилось с учетом уровней проявления психического состояния (физиологический, психологический, поведенческий). В исследовании приняло участие 410 учащихся младших классов школ г. Самары, а также 19 учителей, работающих с этими детьми.

Предварительно перед опросом и с учителями и с детьми проводилась дополнительная процедура, направленная на прояснение правильности понимания каждого понятия, внесенного в перечень психических состояний. Данное собеседование имело целью прийти к общему пониманию всеми участниками содержания понятий, называющих то или иное психическое состояние.

На следующем этапе участникам исследования необходимо было выбрать из перечня те психические состояния, которые наиболее часто переживаются учащимися в школьной жизни вообще и во время опроса (контрольной работы и т.п.) в частности. Опрос проводился в двух группах испытуемых – группе учителей, работающих в младших и пятых классах, и учащихся этих классов.

Проведенное исследование позволило ответить на ряд вопросов.

1. Какие состояния переживаются школьниками чаще всего, а какие реже всего?
2. Каков характер изменения психических состояний учащихся при изменении учебной ситуации (в обычной учебной деятельности, вне ситуации оценивания (в дальнейшем – «в школе») и в ситуации оценивания («при опросе»)? Можно ли выделить группы психических состояний как наиболее типичные для школы вообще и для опроса?
3. Каково качество распознавания учителями психических состояний учащихся в ситуации, «в школе» и «при опросе»? Какие состояния или группы состояний распознаются учителями лучше, а какие хуже?

Анализ психологической составляющей психического состояния позволил выявить состояния, которые дети испытывают в учебном процессе. Во время пребывания в школе учащие чаще всего испытывают такие психические состояния как *усталость* (62%), *радость* (51%), *сосредоточенность* (38%), *тревога* (38%), *обида* (34%), *счастье* (34%). В ситуации опроса, написании кон-

трольных работ наиболее часто учащиеся называют переживаемые ими состояния *сомнения* (50%), *сосредоточенности* (43%), *усталости* (38%), *страха* (43%), *тревоги* (44%), *озарение* (33%). Наименьшим образом среди состояний, переживаемых учениками в школе, представлены такие состояния как *грусть* (12%), *беспомощность* (10%), *стыд* (7%), *восхищение* (11%). Среди психических состояний редко испытываемых учениками во время опроса можно выделить следующие: *удивление* (10%), *удовольствие* (10%), *скука* (6%), *грусть* (8%), *злость* (7%), *стыд* (8%), *обида* (8%), *восхищение* (8%), *вдохновение* (11%). В целом нетипичными состояниями для учащихся в обеих ситуациях (школа/опрос) являются *грусть*, *стыд*, *восхищение*, *вдохновение*. Самыми типичными являются такие состояния как *сомнение*, *сосредоточенность*, *усталость*, *страх*, *тревога*, *радость*.

Сравнение показателей по психическим состояниям, переживаемым «в школе» и «при опросе», дает возможность сделать следующие выводы. По всем психическим состояниям происходит изменение показателей, причем как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения. На наш взгляд, данный факт обусловлен определенной сменой рода деятельности, а именно: в целом в период уроков ребенок слушает, записывает, решает тренировочные задачи, т.е. напрямую не оценивается и не предъявляет результаты усвоенных знаний, при опросе ситуация меняется – учащийся вынужден вербализовать знания, он работает на результат, который будет оценен. Именно логика изменения специфики деятельности и ситуации, предъявляемой к субъекту этой деятельности и к ней самой, объясняет и логику изменения показателей. Обратимся к диаграмме и проанализируем динамику показателей. Значительный рост показателей происходит при переходе от обычной школьной деятельности к опросу по следующим психическим показателям: *сомнение* ((30→50%) $\varphi^*_{\text{экс.}} = 2,5$ при $p \leq 0,01$), *беспомощность* ((10→29%) $\varphi^*_{\text{экс.}} = 3,1$ при $p \leq 0,01$), *страх* ((28→43%) $\varphi^*_{\text{экс.}} = 2,4$ при $p \leq 0,01$), *озарение* ((18→33%) $\varphi^*_{\text{экс.}} = 2,34$ при $p \leq 0,01$). Снижение показателей выражено по таким состояниям как *скука* ((28→6%) $\varphi^*_{\text{экс.}} = 3,7$ при $p \leq 0,01$), *усталость* ((62→38%) $\varphi^*_{\text{экс.}} = 3,08$ при $p \leq 0,01$), *злость* ((23→7%) $\varphi^*_{\text{экс.}} = 2,9$ при $p \leq 0,01$), *обида* ((34→8%) $\varphi^*_{\text{экс.}} = 4,1$ при $p \leq 0,01$), *радость* ((51→23%) $\varphi^*_{\text{экс.}} = 2,9$ при $p \leq 0,01$), *счастье* ((34→14%) $\varphi^*_{\text{экс.}} = 2,4$ при $p \leq 0,01$).

Незначительные колебания показателей происходят по таким психическим состояниям как *удивление* (\downarrow), *удовольствие* (\downarrow), *спокойствие* (\downarrow), *грусть* (\downarrow), *лень* (\uparrow), *стыд* (\downarrow), *вдохновение* (\downarrow), *восхищение* (\downarrow). Данный факт мы объясняем тем, что склонность к переживанию перечисленных состояний в большей степени обусловлена не спецификой школьной ситуации, особенностями деятельности, а личностными особенностями учащихся, их предрасположенностью к данным психическим

Проведенный анализ ответов учителей позволил выделить две группы ответов:

- 1) правильное распознавание психического состояния учащегося (указанное психическое состояние представлено в ответе ученика),
- 2) приписывание ученику переживания психического состояния (данное психическое состояние отсутствует в ответе ученика).

Приняв за 100% утвердительные ответы учеников по конкретному психическому состоянию, мы определили процент распознавания учителями этого психического состояния, т.е. анализировались ответы учителей только первой группы.

Процент распознавания учителями психических состояний учащихся невысок. Можно сказать, что учителя скорее не распознают состояния своих учеников, чем распознают – процент распознавания не превышает 37%.

Мы выделили две крайних группы состояний: состояния, которые распознаются учителями лучше всего и хуже всего. Оказалось, что лучше всего учителями распознаются такие состояния как *сосредоточенность* (школа – 24%; опрос – 34%), *тревога* (26%/31%), *радость* (37%/26%), причем и в ситуации в «в школе», и «при опросе». К наиболее распознаваемым психическим состояниям «при опросе» можно отнести и такие как *сомнение* (26%), *спокойствие* (24%), *скука* (26%). Самыми слабо распознаваемыми психическими состояниями в обеих ситуациях являются *страх* (5%/10%), *злость* (11%/11%), *счастье* (10%/5%), *восхищение* (4%/3%). Также к наименее распознаваемым психическим состояниям в ситуации опроса относятся *удовольствие* (7%), *удивление* (7%), *обида* (6%), *стыд* (3%), *озарение* (12%), *вдохновение* (11%). В целом распознавание психических состояний в ситуации «в школе» значительно ниже, чем «при опросе», причем по всем группам состояний.

Поскольку в ответах учителей при оценке психических состояний школьников выявлены случаи приписывания детям переживаний, мы проанализировали процентное соотношение «распознавание» и «приписывания» в оценке состояний, приняв за 100% общее количество ответов данных учителями по психическому состоянию. Анализ данных позволил выделить две группы возможных соотношений «распознавание» и «приписывания». Первая группа – «распознавание» и «приписывание» по психическому состоянию представлены приблизительно в равных долях. К таким состояниям относятся состояние *сосредоточенности* (48 – распознавание/52% - приписывание), *обиды* (50/50%), *тревоги* (41/59%), *радости* (59/41%), *счастья* (47/53%), испытываемые учащимися в школе, а также состояния *сомнения* (53/47%), *сосредоточенности* (58/42%), *усталости* (45/55%), *тревоги* (50/50), испытываемые «при опросе». По всем остальным психическим состояниям явно преобладает приписывание, наиболее ярко проявляющееся при оценке психических состояний, испытываемых «при опросе»: *удивление* ((7/93%) φ^* эксп. =9,9 при $p \leq 0,01$), *удовольствие* ((8/92%) φ^* эксп. =9,87 при $p \leq 0,01$), *грусть* ((13/86%) φ^* эксп. =8,4 при $p \leq 0,01$), *злость* ((11/89%) φ^* эксп. =8,3 при $p \leq 0,01$), *стыд* ((9/91%) φ^* эксп. =9,1 при $p \leq 0,01$), *обида* ((6/94%) φ^* эксп. =9,7 при $p \leq 0,01$), *вдохновение* ((10/90%) φ^* эксп. =7,9 при $p \leq 0,01$), *восхищение* ((8/92%) φ^* эксп. =8,7 при $p \leq 0,01$), *счастье* ((10/90%) φ^* эксп. =7,7 при $p \leq 0,01$), а также «в школе»: *беспомощность* ((11/89%) φ^* эксп. =8,1 при $p \leq 0,01$), *лень* ((18/82%) φ^* эксп. =7,9 при $p \leq 0,01$), *страх* ((19/81%) φ^* эксп. =7,2 при $p \leq 0,01$), *стыд* ((15/85%) φ^* эксп. =7,4 при $p \leq 0,01$) и *восхищение* ((5/95%) φ^* эксп. =9,1 при $p \leq 0,01$).

Итак, проведенное нами исследование позволило сделать несколько важных выводов:

1. Спектр переживаемых учащимися психических состояний достаточно широк. Наиболее типичными для школьной жизни являются состояния *усталости, сосредоточенности и тревоги*, испытываемые детьми как в ситуации «в школе», так и «при опросе». При этом для ситуации «в школе» самыми типичными являются также такие состояния как *радость и обида*, а в ситуации «опроса» – *страх и сомнение*. Реже всего как «в школе», так и «при опросе» учащиеся испытывают такие состояния как *грусть, стыд, восхищение*. Спектр переживаемых состояний при «опросе» значительно сужается по сравнению с ситуацией «в школе» - дети практически перестают испытывать такие состояния как *удивление, удовольствие, вдохновение, восхищение, скука, злость, стыд, грусть, обида*, что в, первую очередь, обусловлено спецификой ситуации.

2. Анализ качества оценивания учителями психических состояний учеников выявил низкий процент распознавания при склонности приписывать детям состояния, на самом деле ими не испытываемые. При этом учителями легче определяются такие психические состояния как *сосредоточенность, тревога, радость, спокойствие, сомнение и скука*. Хуже всего распознаются *страх, злость, счастье, восхищение, удовольствие, обида, стыд, удивление*. По этим же состояниям чаще всего происходит приписывание.

Выявленное в ходе исследования противоречие между субъективной оценкой психического состояния данной учеником и оценкой этого состояния учителем, еще раз подчеркивает необходимость комплексной диагностики психических состояний учащихся, возникающих под воздействием учебной нагрузки.

Пространственно-временная организации психического состояния: концептуальный аспект

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 07-06-00076а

Прохоров А.О.
Казанский гос.университет

Во всех определениях, дающихся психическому состоянию, присутствует как пространственная (состояние – «совокупность», «целостная характеристика», «синдром» и др.), так и временная категории («развёртывающееся в определенный период времени», «в континууме времени», «временная форма существования психического» и т.д.). Эти представления позволяют рассматривать психическое состояние с позиций пространственно-временной парадигмы.

В этом контексте изучение пространственно-временной организации психического состояния позволило бы объяснить строение состояния

как психического явления, специфику его «представленности» как феномена в психическом целом, особенности организации, функции, а также объяснить качественные различия между состояниями, отвечая на вопрос «почему данное психическое состояние того или иного качества и какое оно это качество?»

Специальные исследования пространственно-временной организации психического состояния как в отечественной и зарубежной психологии не проводились. В то же время отметим, что разные авторы в своих классификациях указывают на отдельные аспекты пространственно-временной организации: на состав, структуру и временные характеристики состояний. Особенность этих заключений в том, что они были выведены умозрительно в результате логических умозаключений или получены «попутно» в ходе других исследований. Наконец, эти указания, как правило, обусловлены концептуальными авторскими представлениями. Отсюда в литературе многоголосица, как в названиях и определениях пространственных характеристик, так и в представлениях о времени-длительности состояний человека. То же касается механизмов пространственно-временной организации и факторов, обуславливающих пространственные и временные структуры состояний.

Создавшееся положение обусловлено отсутствием разработанной концептуальной базы, объясняющей и описывающей механизмы и закономерности пространственно-временной организации психических состояний человека.

В построении таких оснований мы исходим из следующих концептуальных представлений. На наш взгляд, пространственно-временная организация состояния отражает, с одной стороны, субъективный опыт человека, включающий в себя когнитивные, смысловые и операциональные характеристики, а также уровневую организацию образа мира, с другой, - влияние событий и ситуаций жизнедеятельности, личностные характеристики, а также социально-психологические особенности групп, членом которых является субъект.

Рассмотрим эти составляющие. Прежде всего, отметим, что пространственно-временная организация психического состояния обусловлена взаимоотношениями ситуации и события, (последнее рассматривается как составляющая, включенная в ситуацию, хотя и может быть рассмотрено отдельно вне контекста ситуации), с одной стороны и субъекта, с другой. Ситуация как элемент психологического тезауруса представляет собой объективную совокупность элементов (событий, условий, обстоятельств и т.п.), оказывающих стимулирующее, обуславливающее и корректирующее воздействие на субъекта. Это достигается за счет энерго-информационной насыщенности ситуации, детерминирующей активность субъекта и одновременно задающей пространственные и временные границы ее реализации. Важным аспектом понимания ситуации является

рассмотрение ее как психологической, как сложно организованного субъективного образа реальности. Подобная оценка ситуации предусматривает возможность ее репрезентации на самых различных уровнях психического отражения, в самых различных формах проявления психического и деятельности субъекта [2].

Составным элементом ситуации является «событие». Это понятие объединяет время, пространство и бытие (жизнедеятельность) субъекта. События и ситуации жизнедеятельности создают пространственно-временной континуум, в котором субъект связывает пространство и время. Последнее отражается в субъективном переживании психического состояния.

Другая составляющая, влияющая на пространственно-временную организацию состояния, это субъективный опыт, представляющий собой совокупность когнитивных, смысловых и операциональных характеристик, связанных между собой переживанием и характеризующийся уровнем строения. В субъективном опыте фиксируются структуры пространства, времени и скорости изменения (движения), интенсивности психического состояния. Опыт проецируется на актуальное собственное состояние. Субъектом воспринимаются характеристики состояния со стороны поведенческих, психологических, физиологических и др. показателей, придаётся форма этому разнообразию, формируется образ состояния, определяется качество. Субъект структурирует пространство состояния, создается система отсчёта (ориентиры), т.к. пространство только тогда и есть, когда оно структурировано. Появляется мера. Движение по «собственной шкале» дает возможность субъекту оценить пространство состояния, что субъективно выражается в качественной определенности тех или иных составляющих, входящих в состояние при переживании интенсивности их проявления. Движение, процесс связаны с временем происходящего. Время – основа организации, формы, упорядочения и координации. Ряд только тогда будет временным, когда субъект «вложит» в него длительность, которую он переживает. И тогда субъект сам «войдет» внутрь времени, как переживающий дление (продолжительность) процесса [3]. Переживание длительности («дления») и изменения психического состояния создает временной ряд состояния, включающий в себя различные характеристики ряда (временные интервалы, последовательность, длительность, дискретность, циклы и пр.), задачей которого является синхронизация деятельности субъекта, событий и ситуаций, пространства и др., в том числе, интеграция пространственных характеристик (параметров состояния) в единое образование – психическое состояние. Таким образом, содержание субъективного опыта, в этом контексте, представляет собой пространственно-временную схему (структуру) состояния, переживаемую как определенное качество. Фиксация в субъективном опыте структур пространства, времени и скорости измене-

ния психического состояния идёт в соответствии с личностным смыслом (жизненным).

Отметим, что субъективный опыт характеризуется уровневой организацией, связанной с образом мира. Первый, поверхностный слой, сенсорно-перцептивный («перцептивный мир»). Понятие «перцептивный мир» задает обстоятельства, условия данные субъекту как «пространство-время» и характеризуется смысловыми дифференциациями между событиями и состояниями. Тем самым восприятие соотносится с образом мира и через него с состояниями субъекта. Субъект различает, сравнивая то, что дано в восприятии собственного состояния, с одной стороны, и в памяти и воображении, с другой. Различает по пространственному признаку (в виде формы, конфигурации ощущений) и по временному признаку – как наличное или отсутствующее. Семантический слой – картина мира – являет собой структурированную совокупность субъективных отношений к актуально воспринимаемым объектам и представлена как система субъективных значений, в терминах которых дается описание субъективного мира. Картина мира управляется из глубины образом мира, а «строительный материал» ей поставляют «перцептивный мир». Как синтез комплексных объектов, образ этого слоя выступает в качестве актуального снимка в субъективном семантическом пространстве. Самый глубокий слой, соотносимый с ядерными структурами образа мира – слой амодальных структур, образующийся при «обработке» семантического слоя. «Образ мира» проявляется через смысл, значение, пространство и время [1]. Образ мира как система отношений человека с миром является также и отображением мира.

Третья образующая пространственно-временной организации – субъектно-личностные характеристики индивида: когнитивные процессы и свойства личности, включая интеллект, индивидуально-психологические особенности, активность и специфику саморегуляции, систему Я, возрастные и гендерные характеристики и пр. В контекст этих составляющих также включены когнитивные, смысловые и операциональные характеристики опыта субъекта.

Четвёртая – социально-психологические особенности групп, членом которых является субъект. Сюда входят малые (учебные, производственные, семейные, группы членства и пр.) и большие социальные общности (профессиональные, этнические), специфика сложившегося образа жизни и пр., оказывающие опосредующее влияние на пространственно-временную организацию психического состояния.

Взаимодействие ситуации (события), субъективного опыта, субъектно-личностных свойств при опосредованном влиянии социально-психологических факторов приводит к формированию корреляционных образований (констелляций) из отдельных «ведущих» структур субъективного опыта, субъектно-личностных свойств и значимых составляющих

(объектов) ситуации-события. Корреляции изменяют переживание, поведение, психические функции, вегетативные реакции, физиологические и пр. процессы субъекта. Эти изменения актуализируются в виде пространственно-временной организации психического состояния. Изменение любой из этих составляющих приводит к перестройке корреляционного образования и, соответственно, к изменению психического состояния и его пространственно-временных характеристик.

Таким образом, концептуальная модель пространственно-временной организации психического состояния представляет собой отношения между субъективным опытом человека, уровневой организацией образа мира, событиями и ситуациями жизнедеятельности, личностными характеристиками, а также социально-психологическими особенностями групп, членом которых является субъект.

Литература

1. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. – М.: Смысл, 1999
2. Прохоров А.О. Психические состояния и их функции. – Казань, КГПИ, 1994
3. Стрелков Ю.К. Инженерная и профессиональная психология. – М., Академия, 2001

Особенности самосознания безнадзорных подростков

Рассказова И.Н.

Омский гос. университет им.Ф.М.Достоевского

В последние десятилетия «уличные» дети стали заметным явлением во многих российских городах. Лишенные родительского надзора, они вызывают «острую» тревогу в обществе. Безнадзорность определяется в педагогическом словаре как отсутствие воспитательного влияния, контроля за поведением, занятиями детей и подростков со стороны родителей и лиц их заменяющих. Безнадзорность выражается в отчуждении детей от семьи, детского коллектива, в безразличии родителей, воспитателей к детям. Предоставленные сами себе, несовершеннолетние оказываются неподготовленными к жизненным ситуациям, легко попадают под влияние уличных группировок с асоциальной направленностью, втягиваются в употребление алкоголя, наркотиков, преступную деятельность. Таким образом, ситуация безнадзорности определяет специфику развития подростков, которая во многом отражается на особенностях развития самосознания, являющегося важным новообразованием подросткового возраста.

Самосознание – осознанное отношение человека к своим потребностям и способностям, влечениям и мотивам поведения, переживаниям и

мыслям. Самосознание выражается и в эмоционально-смысловой оценке своих субъективных возможностей, выступающей в качестве основания целесообразных действий и поступков (1).

В настоящее время нет достаточного количества исследований самосознания безнадзорных подростков. Имеются общие описания социально-психологического статуса безнадзорного подростка: низкая и неадекватная самооценка, негативная идентификация (нежелательные качества принимаются как достоинство), нарушение доверия к окружающим, импульсивность, тревожность, замкнутость, агрессивность (2).

Исследование особенностей самосознания безнадзорных подростков мы проводили в рамках дипломного проекта Я.А.Алянка под нашим руководством в Омском государственном университете в 2006 году.

Нами изучались и сравнивались у безнадзорных и нормотипических подростков такие параметры развития самосознания как когнитивная сложность образа «Я», его виды и компоненты самосознания – самооценка и субъективная картина жизненного пути, включающая временную перспективу и оценку эмоциональной привлекательности событий жизненного пути. Полученные результаты были проанализированы также в контексте гендерных особенностей.

В исследовании приняли участие 60 подростков в возрасте 14-15 лет. Экспериментальная выборка состояла из 30 подростков, находящихся под патронажем одного из социальных центров по оказанию помощи семье и детям г.Омска, 45% из них воспитываются в неполной семье, 65% - в многодетной. Контрольная выборка их нормотипических сверстников – учащиеся 9 класса средних общеобразовательных школ г. Омска. В каждой выборке было по 18 мальчиков и по 12 девочек.

Исследование проводилось с помощью двух методик: методики Дембо-Рубинштейн в адаптации А.М.Прихожан для определения самооценки, уровня притязаний, когнитивной сложности образа «Я» и сокращенный вариант метода ситуативной каузометрии А.Кроника и Е.Головахи для оценки временной перспективы и эмоциональной привлекательности жизненных событий.

При изучении степени когнитивной сложности были получены следующие результаты: нормотипические подростки в среднем подобрали 6,4 единиц характеристик для оценивания, тогда как безнадзорные в два раза меньше – 3,2. Данные различия, посчитанные с помощью U-критерия Манна-Уитни, значимы ($U_{эмп}=167$, $U_{кр}=292$ на уровне 0,001). У нормотипических подростков по сравнению с безнадзорными степень когнитивной сложности образа «Я» более высокая, а значит, более сложен по составу образ «Я». В исследованиях Е.Т.Соколовой была также выявлена зависимость когнитивной сложности образа «Я» и устойчивости самооценки (3). Сложность когнитивной структуры образа «Я» рассматривается также как база для развития самосознания. И в этом смысле

можно сказать, что у безнадзорных подростков отсутствует необходимая база для развития самосознания.

У девочек обеих выборок по сравнению с мальчиками проявляется большая степень когнитивной сложности образа «Я», что можно, объяснить тем, что девочки в этом возрасте опережают в развитии мальчиков, они быстрее взрослеют, и, соответственно, в большей степени склонны к самоанализу. В свою очередь у мальчиков-подростков отмечается более высокий уровень различных форм девиантного поведения, и одной из причин данного явления могут быть особенности самосознания, низкая самооценка. В профилактической и коррекционной работе с подростками большое внимание должно уделяться развитию самосознания, формированию позитивного образа «Я».

Следующей нашей задачей было рассмотрение содержание образа «Я» (социальное, физическое, психологическое). В целом по двум выборкам достоверно значимых различий в характеристиках образа «Я» по видам выявлено не было. Но у безнадзорных подростков в описании чаще встречаются качества, связанные с психологическим «Я», отражающими качества характера, особенности межличностных отношений и физическим «Я». Наиболее часто встречаются смелость, независимость, физическая сила, выносливость, мужественность. В контрольной выборке наиболее часто встречаются психологические характеристики и качества, связанные с особенностями характера и социальными ролями: доброта, верность, увлеченность делом, терпимость, сострадание, любознательность, отличник, преданность в дружбе, помощник по хозяйству в доме и т.д. Таким образом, большое значение нормотипические подростки придают позитивному отношению к другим людям.

Значимые различия были выявлены между девочками и мальчиками обеих выборок по выраженности физического «Я» Данные результаты подтверждают результаты проведенных ранее исследований о большем значении физического «Я» в построении Я - концепции для девочек, нежели для мальчиков. Это связано с тем, что девочки гораздо раньше вступают в период полового созревания, а также социальными ожиданиями. Общество, мужчины предъявляют особые требования к внешней привлекательности женщин. От этого во многом зависит личная, социальная успешность женщин и поэтому неудивительно, что для них это становится особенно значимым.

По всем шести изучаемым показателям параметров самосознания по методике Дембо-Рубинштейн (уровни и степень дифференциации самооценки и притязаний, уровень достижимости поставленных целей и степень дифференциации собственной оценки и предполагаемой родительской оценки) безнадзорные подростки имеют значимые отличия от своих нормотипических сверстников. У них получены более низкие коэффициенты по всем параметрам, а также сочетание низких показателей по па-

раметрам. Низкий уровень самооценки сочетается с низким уровнем притязаний при низкой степени дифференциации самооценки и уровня притязаний, что означает неспособность ставить адекватные цели, разграничивать достижимые и недостижимые цели. Это связано с трудностями в построении образа себя, которое во многом зависит от отношений с взрослыми. В отношениях безнадзорных подростков с взрослыми отмечаются неструктурированность, нерегламентированность, расплывчатость, отсутствие системы критериев. Данный характер отношений повлиял и на то, что у безнадзорных подростков выявлен низкий уровень дифференциации собственной оценки и предполагаемой оценки родителя. Для возникновения разницы в позициях и оценках необходимо взаимодействие, при котором мог бы действовать механизм сравнения, но поскольку родители не уделяют ребенку должного внимания, то он не получает необходимой обратной связи.

Уровень самооценки у девочек и мальчиков контрольной группы выше, чем у безнадзорных детей. У девочек нормотипической группы средний уровень самооценки, у мальчиков – высокий. У безнадзорных девочек низкий уровень самооценки, у мальчиков – средний. У девочек обеих выборок уровень самооценки ниже, чем у мальчиков. Это, вероятно, связано с тем, что мальчики, по мнению Ю.Г.Гиппенрейтер и А.А.Реана, поддерживают самооценку с помощью включения в подростковую группу, которая ценит его качества (4). Мальчики склонны группироваться, особенно безнадзорные, которые большую часть времени проводят на улице. Различия между всеми группами (кроме нормотипических девочек - нормотипических мальчиков) по критерию Вилкоксона значимы.

При исследовании временной перспективы были получены следующие результаты: безнадзорные подростки сфокусированы на настоящем и прошлом, на будущее выпадает малая доля событий. Основная масса событий сосредоточена в настоящем. Подростки находятся в травмирующей ситуации, переживают по поводу негативных событий жизни (57% событий у них связаны с негативными переживаниями), концентрируется на них. У безнадзорных подростков негативное восприятие настоящего и будущего. В этом возрасте подросток способен реально оценивать и сравнивать свою жизненную ситуацию, свою семью, себя с другими людьми. В результате он понимает, что у него возможностей и жизненных перспектив гораздо меньше, чем у его сверстников из нормальных семей. А также, что у него нет поддержки со стороны родителей. В себя, свои возможности он также не верит в силу низкой самооценки. Поэтому понятно, что неуверенный в себе и своих родителях он будет пессимистично воспринимать свое настоящее и будущее. И поскольку будущее воспринимается негативно, он в силу действия защитных механизмов, будет стараться о нем не думать. Его нормотипические сверстники находятся в ситуации большей защищенности, безопасности, любви и заботы и поэтому

понятно, что им свойственно более оптимистичное отношение к настоящему и будущему.

Таким образом, проведенное нами исследование позволяет сделать следующие основные выводы относительно особенностей самосознания безнадзорных подростков в сравнении с их нормотипическими сверстниками:

- У безнадзорных подростков низкая степень когнитивной сложности образа «Я», особенно у мальчиков.

- Безнадзорные подростки отличаются низкой самооценкой, низким уровнем притязаний и низкой степенью дифференцированности данных компонентов. У безнадзорных девочек более низкий уровень самооценки, чем у безнадзорных мальчиков.

- Безнадзорные подростки во временной перспективе сосредоточены на настоящем, которое у них, как и будущее, оценивается негативно. В целом более половины всех жизненных событий они оценивают негативно, в отличие от своих нормотипических сверстников более позитивно воспринимающих свое прошлое, настоящее и будущее.

Безусловно, все негативные тенденции, выявленные в сфере самосознания безнадзорных подростков, являются следствием их неблагоприятной социальной ситуации развития. Данные особенности самосознания оказывают негативное воздействие на внутренний мир подростка, на его настоящее и будущее. Например, низкая самооценка характерна для лиц с различными формами разрушительного и саморазрушительного поведения. Коррекция самосознания безнадзорных подростков в первую очередь должна быть направлена на повышение самооценки, уверенности в себе, формирование более позитивного образа Я, образа своего будущего.

Литература:

1. Психологический словарь. Под ред. А.В.Петровского. – М.: Просвещение, 1983.
2. Основы профилактики безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних. Под ред. Ф.М.Мустаевой. – М.: Академический проект, 2003.
3. Соколова Е.Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности. – М.:МГУ, 1989.
4. Реан А.А. От рождения до смерти. – СПб: Прайм еврознак, 2003.

Проблема личностного детерминизма психических состояний

А.Е. Серезкина

Казанский гос. технолог. университет,
Центр подготовки и повышения квалификации преподавателей вузов

Проблема детерминизма в психологии имеет две неразрывно связанные стороны: первая касается изучения самих психических явлений,

вторая проблема затрагивает детерминирующую роль этих явлений в различных реальных процессах, в которые включен человек. Психические состояния возникают в процессе деятельности в зависимости от ее текущих субъективных и объективных условий. Именно во взаимодействии личности с ситуациями жизнедеятельности необходимо искать причину возникновения психических состояний.

Ситуации жизнедеятельности, оцениваемые субъектом как значимые, обращены к оценке личности или ее сторон, к ее системе ценностей, целей и пр. Это нарушает привычные стереотипы, влияет на механизмы саморегуляции, приводя к возникновению неравновесных состояний. Эти состояния отражаются в соответствующих действиях, поступках и поведении различного уровня адекватности и предсказуемости. Действия и переживания человека определяются не только непосредственными внешними воздействиями, но их накопленным обобщением во внутреннем мире. Совокупность свойств личности, определяющих ее профиль, представляет собой тот рельеф, который обуславливает своеобразие реализации актуального состояния у данного человека.

Б.Г.Ананьев отмечал, что динамика состояния в значительной мере определяется структурой самой личности. Он относил структуру личности к субъективным факторам в динамике его поведения, которая оказывает влияние как на состояние личности, так и на динамику его поведения, процессы деятельности и все виды общения. Б.Ф.Ломов считал, что динамику психических состояний определяет вектор "мотив-цель", который и является системообразующим фактором первичных состояний.

Между психическими состояниями и свойствами личности существуют сложные диалектические взаимоотношения. По отношению к психическому свойству состояние является в определенной мере выражением этого свойства, с одной стороны, а с другой, образование и формирование психического свойства осуществляется через этап психического состояния. Разная сторона включенности, разная степень развернутости одних и тех же свойств личности обуславливает разные психические состояния, их множество. Даже повторение ситуации при изменении внутренних условий (другая мотивация, установка, направленность и др.) приводит к иному психическому состоянию.

Н.Д.Левитов говорил, что для понимания свойств необходимо пользоваться понятием психического состояния. Чтобы понять черту характера, надо сначала ее точно описать, проанализировать и объяснить как временное состояние. Только после такого исследования можно ставить вопрос об условиях закрепления данного состояния, его устойчивости в структуре характера. Психическое состояние выступает как развернутое во времени проявление личности, ее свойств, их психологического бытия. Поскольку субъекту присущи разные состояния, то одни и те же свойства личности имеют различную форму своей развернутости во времени, про-

являются на разных уровнях с различной степенью включенности в психическое состояние.

Анализ работ по вопросам взаимосвязи психических состояний и свойств личности, показал, что значимость этой проблемы отмечается многими авторами, но отношения эти до конца не изучены. Ю.М.Денисов проанализировал особенности субъективного опыта переживания различных состояний в зависимости от определенных личностных особенностей субъекта. Он показал, что специфика субъективного отношения к различным ценностям оказывает влияние на уровневые значения основных характеристик субъективной оценки переживания психических состояний. Эта специфика и особенности характера влияют, прежде всего, на частоту переживания субъектом тех или иных состояний. Сделано предположение, что уровень типичного состояния в значительной степени определяется типологическими особенностями индивида, его темпераментом.

А.В.Махнач выявил черты личности, детерминирующих качественное своеобразие психических состояний на разных этапах адаптации к экстремальным условиям. Для экстремальных ситуаций показана связь состояний активности, напряженности, утомления и тревожности с такими чертами личности как агрессивность, склонность к лидерству, ригидность и самоконтроль. Показана сменность личностных детерминант психических состояний на разных этапах адаптации к экстремальным условиям.

Многие исследования, посвященные взаимосвязи психических состояний и личностных свойств, принадлежат казанской психологической школе. Так, А.О.Прохоров исследовал взаимодействие психических состояний и психологических свойств личности учащихся и педагогов. В качестве показателей психологических свойств личности взяты свойства нейродинамики, темперамент, характер и его акцентуации, профессионально значимые качества, учебная мотивация и интегральные характеристики воспитанности. Было обнаружено, что психические состояния интегрируют психологические свойства, при этом как со стороны свойств, так и со стороны состояний в процессе взаимодействия выявлены структурообразующие параметры. Рассмотрено влияние свойств личности на динамические особенности неравновесных состояний.

Е.Б.Цагарелли показала, что существует определенная зависимость интенсивности характеристик неравновесных психических состояний от сущности и выраженности активирующих, деактивирующих и стабилизирующих свойств личности, а также существуют различия между мужчинами и женщинами в характере взаимосвязи свойств личности с характеристиками состояний. Т.Н.Васильева описала влияние характера и системы отношений личности на возникающие в педагогической деятельности психические состояния. Выявлено, что влияние характера на состояния

возрастает при увеличении напряженности, сложности деятельности; выявлены типичные картины влияния черт характера и отношений на психические состояния в различных ситуациях деятельности. Однако ответа о том как личность детерминирует психические состояния пока не дано.

Нами проведено пилотажное исследование, посвященное изучению взаимосвязи психических состояний и некоторых свойств личности. Для диагностики психических состояний применялся опросник «Рельеф психических состояний» А.О.Прохорова, для диагностики личностных свойств были использованы: методика многофакторного исследования личности Р.Кеттелла, опросник мини-мульти, методика определений акцентуаций характера К.Леонгарда, методика диагностики показателей и форм агрессии А.Басса, А.Дарки, методика диагностики уровня субъективного контроля Дж.Роттера, опросник социально-психологических потребностей FIDO В.Шутца, методика диагностики самооценки Ч.Спилберга, Ю.Ханина. Состояние диагностировалось трижды: в домашней обстановке, на рабочем месте, во время учебы в ВУЗе. В исследовании приняло участие 60 человек. Средний возраст по выборке составил 35 лет. В подавляющем большинстве испытуемые состояли в браке.

Проведенный корреляционный анализ показателей позволил сделать некоторые выводы. В силу большого количества корреляционных связей мы рассмотрим здесь только взаимосвязи между интегральными характеристиками состояний и свойствами личности. Интегральные характеристики психического состояния выражаются четырьмя блоками: психических процессов, физиологических реакций, переживаний и поведения.

Выявлено, что наибольшее количество (29) взаимосвязей между состояниями и личностными характеристиками отмечается в ситуации, когда испытуемые находятся дома в обычной для себя обстановке среди близких им людей. Наименьшее количество (14) значимых корреляционных связей отмечается в ситуации, когда испытуемое лицо находится на работе в обычных условиях деятельности среди коллег. Промежуточное положение (20) занимает ситуация, когда испытуемые приходили на сессию, в ходе которой происходило их обучение и контроль знаний.

Полученные результаты позволяют предположить, что «вклад» личностных характеристик в протекание состояний в различных ситуациях различно. В большей степени человек «пользуется» своими свойствами в лоне семьи, в домашней обстановке. На рабочем месте свойства личности оказывают гораздо меньшее влияние на переживание психических состояний. Однако детерминируют ли состояния свойства личности или переживания состояний активизируют то или иное свойство личности пока не ясно. На данный момент будем основываться на предположении о том, что свойства личности обуславливают актуализацию того или иного психического состояния.

Так, например, дома, среди семьи на психическое состояние человека оказывает влияние его неуравновешенность, импульсивность. Постоянная внутренняя напряженность, раздражительность, когда сила реакции может не соответствовать силе раздражителя, приводит к тому, что в переживаемом дома состоянии хуже протекают психические процессы, поведенческие проявления и переживания становятся пассивными. Такая же картина наблюдается у экзальтированной личности. Склонность к легкой смене эмоциональных состояний разной полярности приводит человека к тому, что переживаемые им психические состояния в своем проявлении менее интенсивны.

Личности более мягкие, чувствительные, склонные к эмпатии, а также лица, соблюдающие нормы и правила поведения, дома переживают состояния достаточно активно, что сказывается на продуктивном протекании психических процессов, на адекватных поведенческих проявлениях. Интересна также взаимосвязь между неуверенностью личности в себе и состояниями, приводящими к улучшению психических процессов и активности поведения. Возможно присущая личностная тревожность, ранимость «приучила» саму личность в домашней обстановке к активизации таких состояний, в которых она могла бы эффективно функционировать.

На рабочем месте отмечаются свои особенности влияния личностных свойств на состояние человека. Чем сильнее выражена экстернальность у человека в области производственных отношений, чем он больше склонен приписывать все внешним обстоятельствам, при этом враждебность к руководству, товарищам по работе и пр. не выражена, тем пассивнее переживается им свое психическое состояние. В ситуациях учебной деятельности лица, склонные к паранойальности и гипомании, активно переживают психические состояния. Деятельность и энергичность во всем актуализирует состояния, проявляющиеся в активности всех его интеграционных блоков. Отсутствие враждебности по отношению к окружающим делает возможным переживать состояние во время учебы более спокойно.

Если рассмотреть включенность интегративных характеристик психического состояния во взаимосвязи состояний со свойствами личности, то можно заметить, что в большей степени свойства личности активизируют блоки психических процессов и физиологических реакций, в меньшей степени – блоки переживания и поведения. Наличие определенных свойств личности сказывается на эффективности / неэффективности протекания психических процессов и проявления физиологических реакций в разных состояниях.

Учитывая многообразие и многокомпонентность свойств личности, вопрос о личностных детерминантах психических состояний остается пока открытым.

Два подхода к исследованию психических состояний: противостояние или взаимодействие

Сулейманов Р.Ф.

Институт экономики, управления и права, Казань

В настоящее время в диагностике психических состояний остро стоит вопрос о соотношении физиологических и психологических методов. Приверженцы психологических методов считают, что использование физиологических методов не дает возможности качественно интерпретировать психические состояния. Их довод сводится к тому, что при одних и тех же физиологических показателях психологическая характеристика состояний очень часто бывает разной, то есть одно и то же психическое состояние часто характеризуется разнонаправленными сдвигами со стороны физиологических показателей, а разные психические состояния могут иметь одинаковые физиологические изменения. К тому же они указывают на несовершенство процедур регистрации, затруднение в подборе адекватных средств обработки и анализа результатов, что усложняет применение физиологических показателей для анализа динамики состояний. При этом исследователи считают использование последних лишь в качестве энергетических компонентов психических состояний (А.О.Прохоров, 1991).

Приверженцы физиологических (аппаратурных) методов считают несостоятельным, необъективным изучение психических состояний при помощи опросников, анкет, интервью. Их довод сводится к тому, что, во-первых, исследуется не само состояние, а представление о нем испытуемого. При этом представление испытуемого является субъективным. Например, дети младшего школьного возраста, а тем более дошкольники, не имея опыта, не могут дать достаточно объективную оценку своему состоянию. Во-вторых, при помощи опросников, анкет невозможно отследить изменения ситуативных состояний, которые происходят в достаточно короткие промежутки времени (Ю.А.Цагарелли, 2002).

Итак, есть две позиции, два подхода к исследованию психических состояний. Какой же из представленных подходов должен выбрать начинающий практический психолог. Его меньше всего волнуют теоретические споры, ему нужен надежный, объективный инструмент, который даст надежные, объективные результаты и при этом с наименьшими временными затратами. Попробуем разобраться в этом.

Итак, рассмотрим эти позиции не с точки зрения теории, валидности, надежности тех и других методов (это прерогатива самих авторов), а результатов, которые получены при помощи этих методов. Для этого выберем схожие исследования по предмету. В данном случае это будет учебная и педагогическая деятельность, так как имеются в достаточном

количестве опубликованные работы, где описаны результаты, полученные как с помощью аппаратуры, так и опросников, анкет.

Вначале коротко рассмотрим процедуры исследования в первом и во втором подходах.

В первом подходе (опросники, анкеты, интервью) в качестве примера выберем процедуру исследования психических состояний пользователей ЭВМ в процессе компьютеризованного обучения (А.О.Прохоров, А.Е.Сережкина, 1995).

На первом этапе выявляются наиболее часто встречающиеся (типичные) состояния пользователей ЭВМ. Для этих целей используется анкета. Респонденты описывают наиболее часто встречающиеся у них состояния при работе на компьютере в различных ситуациях и этапах работы: в самом начале работы, по ее окончании.

На втором этапе исследуются взаимоотношения между типичными состояниями на разных этапах использования ЭВМ и в различных ситуациях работы пользователя (начало и окончание работы, нестандартная ситуация, смена кадра). Для этого на всех этапах деятельности пользователя ЭВМ предлагался разработанный авторами опросник психических состояний. Испытуемые оценивали интенсивность (в баллах от 0 до 5) и длительность актуализированных состояний (сек-мин-часы).

На третьем этапе исследовалось влияние психических состояний на различные характеристики продуктивности деятельности пользователя ЭВМ.

Во втором подходе, исследование с помощью прибора осуществляется следующим образом (в качестве аппаратуры используется прибор «Активациометр»; Ю.А.Цагарелли, 2002). Выбирается класс, который, например, обследуется целую неделю. Диагностика проводится в течение всего учебного процесса, включая как сами уроки, так и перемены. Аппаратурная методика позволяет в считанные секунды зафиксировать психоэмоциональное состояние обследуемого. Таким образом, в течение 3-4 минут возможно получение информации о психоэмоциональном состоянии всего класса перед началом занятия и в конце занятия. Учитывая среднее количество учащихся в одном классе примерно 25 человек и количество занятий в день равное 5, получается в среднем за один день 10 измерений на одного ученика или 250 на весь класс. За неделю цифра составляет 1500 измерений. Диагностика позволяет получить информацию об изменении психоэмоционального состояния как одного ученика, так и всего класса в целом в течение одного урока, дня, недели. Кроме того, сравнивая показатели в конце и в начале следующего занятия, имеется возможность получить информацию об изменении психоэмоционального состояния учащихся в перемену (Р.Ф.Сулейманов, 2002).

Вот типичные процедуры оценивания состояний при помощи опросников, анкет, интервью и аппаратуры. На первый взгляд кажется, что

преимущество во времени за первым подходом. Однако не будем спешить с выводами.

А теперь рассмотрим результаты, полученные в первом и во втором исследованиях, схожие по предмету. В качестве таковых были выбраны исследования **психических состояний учащихся и студентов в течение учебной недели.**

Исследование при помощи опросников (анкет, интервью) показало следующее. **В понедельник** (у студентов был один выходной) в 70 случаях из 100 наблюдались *усталось* и *сонливость*. **Во вторник** наблюдается незначительное доминирование таких состояний как *сосредоточенность, бодрость, активность*. **В среду и четверг** около 90 % опрошенных описывают свои состояния как *радость, активность, сосредоточенность*, т.е. преобладали положительно окрашенные состояния. Однако уже в **пятницу** преобладали такие состояния как *усталось, сонливость, истощение, апатия* и такие физиологические проявления как *головная боль, резь в глазах и другие виды легкого недомогания*. **В субботу** наблюдается значительное доминирование отрицательных состояний (А.О.Прохоров, 2005).

Исследование с помощью аппаратуры показало: психоэмоциональное состояние учащихся 10 класса средней школы (по средним интегральным показателям) в течение учебной недели изменяется (данные представлены в условных единицах). Так в понедельник этот показатель (средний по всем испытуемым) равен 86,5. Во вторник психоэмоциональное состояние класса повысилось до 98,7. В среду увеличение составило 132,1 единиц. Однако в четверг наблюдается некоторое снижение (110) и уже в пятницу резкий подъем, пик активности психоэмоционального состояния (147,5). В субботу резкий спад до уровня начала учебной недели (71,2) (Р.Ф.Сулейманов, 2002).

Итак, видно, что в первом и во втором случаях имеются совпадения. Начало недели вялое, результаты подтвердили известную истину, что понедельник день тяжелый и большой активности у учащихся и студентов не наблюдается. Постепенное повышение психоэмоционального состояния во вторник и среду совпадает с первым исследованием: доминирование бодрости, активности. Однако, начиная с четверга, имеются некоторые несовпадения: во втором исследовании наблюдается некоторый спад активности психоэмоционального состояния (в первом исследовании продолжает доминировать радость, активность, сосредоточенность), а в пятницу, наоборот: в первом – снижение активности, а во втором – наивысший подъем. В субботу спад активности.

Что касается некоторых несовпадений, то это может быть объяснено более легкими или более трудными занятиями. Более принципиальным здесь является другое. Оба подхода – анкетирование и аппаратурная методика – показывают достаточно объективную картину. В первом иссле-

довании мы видим качественные характеристики состояний (радость, усталость, активность и др.), а во втором – динамику активности психоэмоционального состояния. Второй важный момент. В первом исследовании объективность обусловлена адекватной самооценкой своих состояний большинством испытуемых, а во втором – надежным измерением этих состояний.

Следующий момент, на который следует обратить внимание – интерпретация результатов. В качестве примера рассмотрим ***связь состояний с личностными особенностями испытуемых.***

При тестовом исследовании рассматриваются взаимосвязи (корреляции) различных состояний обследуемых с их личностными качествами. Обнаруженные значимые корреляции дают исследователю возможность говорить о влиянии личностных качеств на эмоциональные состояния. При этом тонкий, грамотный анализ дает интересный результат. Например: характер в большей степени влияет на состояния в трудных, напряженных ситуациях деятельности (А.О.Прохоров, Т.Н.Васильева, 2001). Вместе с тем, прямолинейное декларирование связи, как, например, утверждавшееся на одной из предзащит кандидатской диссертации, положение о том, что если человеку присуща какая-либо личностная черта и она коррелирует с эмоцией радости, то человек с ярко выраженной данной чертой личности радостный, явно не выдерживает критики.

А теперь рассмотрим вопрос о том, на самом ли деле аппаратурная методика дает представление лишь об энергетических компонентах психических состояний.

Дело в том, что информация, полученная аппаратурным методом за неделю, в описанном примере, использовалась всего лишь на 10-15 %. Учитывая конструктивные особенности аппаратуры, при помощи которой психоэмоциональное состояние измеряется как сумма активности левого и правого полушарий головного мозга, можно судить о качественных особенностях состояний. Это существенно увеличивает получаемую информацию. Имеется ввиду увеличение интерпретационных возможностей использования зарегистрированных прибором данных. Можно получить информацию: 1) об умственной работоспособности учащихся в течение одного урока, целого дня; 2) о лево-правополушарном стиле мышления; 3) об обучении, основанном на логико-вербальных или эмоционально-образных методах; 4) об изменениях происходящих в перемену (логико-вербальное общение у старшеклассников (доминирование левого полушария головного мозга) и мимико-жестикационная речь у младших школьников (доминирование правого полушария) и др. (Р.Ф.Сулейманов, 2002). Кроме этого, опираясь на информацию о доминировании левого и правого полушарий головного мозга, можно судить о доминировании положительных или отрицательных эмоций: положительные эмоции сосре-

доточены в левом полушарии мозга, а отрицательные эмоции – в правом (объяснение этому можно найти у Ф.Н.Ильясова, 1987).

А теперь рассмотрим, как психодиагностика с помощью прибора позволяет выводить ситуативные показатели состояний в личностные.

Диагностика психоэмоциональных состояний как ситуативных показателей при многократных замерах дает обобщенную, интегрированную картину. Так определяется зона оптимального состояния, при котором возможна эффективная, плодотворная деятельность. Кроме этого, исследователь получает информацию о типичных состояниях в течение рабочего дня: периоды спада активности и подъема, которые могут быть эффективно учтены для повышения эффективности деятельности субъекта.

При изучении психоэмоциональных состояний школьников в течение недели, обнаружилась следующая закономерность: с самого начала занятий (занятия начинались в 8 часов утра) и примерно до 10 часов учащиеся «спят», то есть большинство учащихся находилось в состоянии близком к дремотному или ниже оптимального. При этом для них была характерна вялость, сонливость. Вместе с ними часто «спят» и их учителя. Эти данные дали основание для разработки и внедрения в практику программы по активизации психоэмоционального состояния учащихся в утренние часы.

Показатели активности левого и правого полушарий (по многократным замерам) дают представление об *устойчивости/неустойчивости состояния функциональной асимметрии полушарий головного мозга*, состояния обусловленного межполушарной асимметрией мозга. По нашим данным (Р.Ф.Сулейманов, 2000) 15-16 % учащихся показали себя только «левополушарными» или «правополушарными». В данном случае мы говорим о левополушарном (абстрактно-логическом) или правополушарном (эмоционально-образном) типе мышления. То есть, 7-8 % учащихся постоянно «работают» только левым и 7-8 % только правым полушариями головного мозга. По другим данным (В.С.Ротенберг, С.М.Бондаренко, 1989) их в общей выборке 21 %.

Сравнение двух классов: гимназического («сильного») и класса, занимающегося по традиционной программе («слабого»), показало значимые различия. В сильном классе наблюдается резкий подъем психоэмоционального состояния от начала урока к концу, и не менее резкий спад в перемену. В данном случае рельефообразная кривая показывает, с одной стороны, умение учащихся гимназического класса быстро включаться в учебный процесс и переключаться в перемену, что говорит об их достаточно высоком уровне саморегуляции своего состояния. С другой стороны, результат показывает высокую умственную работоспособность учащихся: у них выше уровень умственной организации. Для учащихся гимназического класса больше характерен «левополушарный» тип мышления, им больше подходит форма урока – лекция. Кроме этого, их посто-

янно высокая психоэмоциональная активность на занятиях говорит о более высокой мотивированности к занятиям по сравнению с традиционным классом. У учащихся традиционного класса кривая их психоэмоционального состояния характеризуется слегка волнистой линией, когда и в перемену и на занятиях оно практически находится на одном уровне (Р.Ф.Сулейманов, 2002).

Таким образом, претензии тех и других исследователей друг к другу недостаточно обоснованы: как к несовершенству процедуры регистрации, затруднению в подборе адекватных средств обработки и анализа результатов, получение информации лишь об энергетических компонентах психических состояний при исследовании с помощью прибора, так и к субъективности, неадекватности самооценки состояний, измеряемых с помощью опросников, анкет. Большое значение приобретает в этом случае не то, какие методы использовать в исследовании, а умение грамотно и тонко интерпретировать результаты. Как было показано выше, неграмотная интерпретация может дискредитировать самые надежные и объективные методы.

Психологические условия самоактуализации студентов творческих специальностей

Шаймуратова А.Ф. Дубовицкая Т.Д.,
Стерлитамакская гос. педагогическая академия,
Башкирский респ. техникум культуры

Согласно А.Маслоу, «функция и цель образования и воспитания ...— это, в конечном счете, самоактуализация личности, достижение полной человечности, овладение наибольшей высотой, доступной для человеческого рода или для данного индивида» [3, с.165]. Самоактуализация выражается в желании человека стать тем, кем он может стать, выполняя наилучшим образом то, что он делает. Самоактуализация выступает как непрерывная реализация потенциальных возможностей, способностей и талантов, как совершение своей миссии, или призвания, судьбы, как более полное познание и принятие своей собственной изначальной природы, как неустанное стремление к единству, интеграции, или внутренней синергии личности.

Понятие «самоактуализирующаяся личность» является также синонимом понятия «психически здоровый человек», которому, по мнению А.Маслоу, присущи следующие особенности: высшая степень восприятия реальности; развитая способность принимать себя, других и мир; повышенная спонтанность, непосредственность, простота и естественность; развитая способность сосредоточиваться на проблеме; склонность к единению; автономность, самодостаточность; противостояние приобщения

к какой-то одной культуре; свежесть восприятия и богатство эмоциональных реакций; вершинные, пиковые переживания; отождествление себя со всем родом человеческим; глубокие межличностные отношения; демократическая структура характера; философское чувство юмора; креативность; определенные изменения в системе ценностей [3], [4]. Представленные характеристики являются одновременно наблюдаемыми проявлениями самоактуализирующейся личности.

Вероятность самоактуализации возрастает, когда окружение способствует удовлетворению потребностей человека, иерархическую структуру которых А. Маслоу представляет в виде пирамиды и выделяет в порядке очередности: физиологические потребности (самый нижний уровень); потребности в безопасности и защите; потребности в любви и привязанности; потребности в самоуважении, признании и оценке; потребности самоактуализации (самый верхний уровень).

Выявление и конкретизация психологического содержания и условий проявления самоактуализации важны для повышения качества образования, в том числе и качества подготовки специалиста. Основываясь на иерархии потребностей, предложенной А. Маслоу, многие американские школы работают по пересмотренным программам, которые предполагают удовлетворение *физиологических потребностей* (бесплатные обеды, одежда, транспорт), *потребностей в безопасности* (учебные пожарные тревоги, учет случаев жесткого обращения с детьми и принятие соответствующих мер, телефонный контакт в случае отсутствия ребенка в школе), *потребностей в любви и принадлежности* (классные собрания, группы друзей, консультирование, искренняя забота о детях). С целью повышения *самооценки* и поощрения *самоактуализации* программы предполагают демонстрацию работ учащихся, объяснения заданий с раздачей ранжированных оценочных карточек, награды-подкрепления, участие в производстве продукции и других специальных мероприятиях.

Традиционно самоактуализация трактуется как феномен, знаменующий высший уровень развития личности, и лишь 1% людей достигает этого уровня. Такое понимание самоактуализации является, на наш взгляд, малофункциональным и недостаточно операциональным. В то же время А. Маслоу отмечал, что человек во время любого пикового переживания временно обретает качества, которые свойственны самоактуализирующимся людям. То есть, на время любой человек становится самореализующимся. Такие состояния или ситуации могут, в теории, произойти в любое время в жизни любого человека. Индивиды, которых называют самоактуализирующимися людьми, отличаются тем, что у них это случается гораздо чаще, с большей интенсивностью и совершенством, чем у среднего человека.

В этой связи, нами предлагается понятие – *ситуативная самоактуализация*, отражающее зависимость самоактуализации от той жизненной си-

туации (контекста), в которой находится человек. Так, известно, что в одних жизненных ситуациях человек в большей степени реализует свои способности, получает от этого удовлетворение, стремится к успехам в делах и добивается их, увлечен происходящим, которое наполнено для него смыслом, ведет себя естественно и непринужденно, способен сам контролировать свою жизнь, самостоятельно ставить цели, свободно принимать решения, воплощать их и нести за них ответственность.

В других же ситуациях человек переживает подавленность, напряжение и бессилие, неудовлетворенность собой и происходящим, невозможность реализации имеющихся у него способностей, невозможность достижения поставленных целей, зависимость от окружающих в принятии решений и в своих действиях, бессмысленность происходящего, неспособность самостоятельно направлять свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их. Ни о какой самоактуализации в этом случае не приходится говорить.

Обеспечение условий для самоактуализации студентов в учебном процессе актуально для всех специальностей, в том числе и для творческих. В частности, не секрет, что изучение ряда предметов вызывает у некоторых студентов настоящий физический дискомфорт. Нередко студенты переживают определенные страхи и опасения в различных учебных ситуациях, тем самым блокируется потребность в безопасности. Успешное овладение профессионально значимыми умениями предполагает также умение брать на себя ответственность, не акцентировать внимание на прошлых и будущих неудачах, идти на разумный риск. Например, известно, что определенная часть студентов учится, не стараясь особо вникать в то, чему их учат. Они всячески сопротивляются учению, проявляя отсутствие интереса, оправдывают свои неудачи, ищут им внешнее оправдание. Вместо того чтобы стремиться быть вовлеченным в происходящее на уроке «здесь и сейчас», они тратят массу сил на отчуждение от происходящего. Возможно, этому способствуют в какой-то мере слова и действия преподавателя, но не оправдывает безответственность студента.

Совершенно бесполезной является традиционное акцентирование внимания педагогов/преподавателей на «причинах» плохой успеваемости, вместо сосредоточения на переживаниях, испытываемых «неуспевающим». «Причины», как правило, находятся в прошлом, в котором нет и не может быть уже ничего нового, его нельзя изменить, но зато обращение к прошлому стимулирует переживание безысходности, или же поиск оправдания происшедшего. «Причины» важно знать на этапе профилактики неуспешности обучения и учитывать при организации образовательного процесса и стимулировании учения.

Нами разработан комплекс профессионально-значимых качеств личности студента театрального отделения, включающих: 1) креативность; 2) эстетический вкус; 3) артистическое обаяние; 4) умение входить в образ;

5)наблюдательность; 6)эмоциональную гибкость (широту проявления эмоций); 7)умение «слушать», «слышать», «видеть», «запоминать»; 8)способность чувствовать партнеров; 9)свободное владение телом, отсутствие мышечных «зажимов»; 10)уверенность в себе; 11)смелость, решительность, умение пойти на риск; 12)естественность, непринужденность (органичность) поведения; 13)энергетика (темпераментность); 14)вовлеченность в профессию. Создание условий для развития перечисленных качеств обеспечивает не только профессионализм, но и самоактуализацию студентов.

Развитие данных качеств, а также качеств личности самоактуализирующейся личности осуществлялось нами в ходе специальной тренинговой программы, стержнем которой выступили методы гештальт-терапии и клиент-центрированного подхода.

Ролевые игры, применяемые в тренинге, напрямую соотносятся с профессиональной деятельностью актера. В процессе игр студенты «примеряют» различные роли, входят в разные образы, отождествляются со значимыми чувствами и переживаниями, отчужденными частями личности. К тому же, задача психолога - создание в группе для всех ее участников наилучших психологических условий совместного существования. Игра может применяться как способ индивидуального воздействия в целях групповой психотерапии [7]. Тем самым в группе создаются условия для удовлетворения социальной потребности в общении, привязанности. При использовании ролевой игры благодаря возможной смене ролей, студент может отделяться от реальной и непродуктивной роли, рефлексивно оценивая себя со стороны, аккумулируя лишь положительное.

Одним из условий, обеспечивающих, согласно другому представителю гуманистического направления в психологии - К.Роджерсу, полноценное функционирование личности, является эмпатия. Эмпатия- это воображаемое перенесение себя в мысли, чувства и действия другого и структурирование мира по его образу. Эмпатия является одним из важнейших факторов оптимизации межличностного общения.

Эмпатический подход психолога, тренера, педагога как руководителя студенческих групп проявляется в их способности чувствовать эмоциональное состояние каждого члена творческого коллектива в каждый момент общения с ним и, что немаловажно умение передать обратную связь, в которой улавливаются взаимопонимание и взаимопринятие педагога и учащегося, режиссера и актера. В данном случае важно не только знание режиссером эмоционального состояния, но и в определенной степени переживаний им чувств актера. Эмпатийное понимание создает наибольшую атмосферу психологической безопасности. В атмосфере эмпатийного понимания студент может позволить проявиться своему «Я» и выразить себя в различных и нестандартных формах по отношению к окружающему миру. Это базовая стимуляция творчества.

По большей части утрата физической свободы выражается у актера в мышечном напряжении. Метод «физических действий» является основной частью системы Станиславского. Многие авторы, являющиеся профессиональными специалистами в методе «физических действий», свидетельствуют о необходимости для органического наполнения физических действий начинать с настройки к действию и с приема «снятия мышечных зажимов». Многим студентам это сразу не удается, что заставляет последовательно перейти к упражнениям на «преодоление мышечных зажимов» [6]. Применение техник гештальт-терапии в данном случае оказывается достаточно эффективным.

Проведенная нами работа со студентами театрального отделения Башкирского республиканского техникума культуры (г. Стерлитамак) показала, что использование гештальт-терапии и других развивающих технологий гуманистического направления позволило значительно повысить у студентов экспериментальной группы уровень ситуативной самоактуализации, а также уровень развития профессионально-значимых качеств, диагностируемых у учащихся методом экспертных оценок.

Список литературы:

1. *Гронский А.В.* Гештальт-терапия и клиническая медицина: проблемы интеграции // Российский гештальт (выпуск 3) /Под ред. Н.Б. Долгополова, Р.П. Ефимкиной. – Новосибирск: научно-практический центр психологии НГУ, 2001. С.70 - 82.
2. *Малкина-Пых И.Г.* Психосоматика: Справочник практического психолога. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 992 с.
3. *Маслоу А.* Новые рубежи человеческой природы. – М.: Смысл, 1999.- 425 с.
4. *Маслоу А.* Психология бытия. – М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 1997. – 304 с.
2. *Перлз Ф.* Внутри и вне помойного ведра. – СПб.: Изд-во «Петербург-XXI век». – М.: Изд. центр «Академия», 1997. – 448 с.
3. *Захава Б.Е.* Мастерство актера и режиссера. – М.: Просвещение, 1978. - 112 с.
4. *Соловьева С.Л.* Психотерапия: Справочник практического психолога. – М.: Изд-во СОВА, 2007. – 413 с.

Усталость, как одно из типичных психических состояний студентов-педагогов в процессе учебной деятельности

Шмелева С.А.

Социально-гуманитарный институт, г. Москва

Среди психических явлений психическим состояниям принадлежит одно из основных мест. Проблема психических состояний имеет в челове-

кознании огромное значение, поскольку психические состояния существенно определяют характер деятельности человека.

Известно, что возникшие психические состояния в деятельности сами потом влияют на деятельность и, несомненно, изменяют характер этой деятельности. А так же, каждое психическое состояние обусловлено не только внутренними причинами (процессами в организме, личностными причинами), но и — внешними: условиями жизнедеятельности, характером труда, обстоятельствами, в которых реализуется поведение [1].

Исследования психических состояний студентов-педагогов, показали следующие результаты: независимо от направления обучения, курса и пола типичными для всех студентов, являются шесть состояний: *усталость, сонливость, заинтересованность, раздражительность, радость, страх* [2].

В данной статье будет рассмотрено, одно из типичных психических состояний — *усталость*. Состояние *усталости* отмечают до 85% студентов [2].

По мнению психологов, есть два типа усталости: психологическая, которая сродни апатии, и физиологическая, являющаяся следствием чрезмерной физической нагрузки. И психологическая и физиологическая усталость может стать причиной ошибок, прогулов, низкой успеваемости и т.д., то есть стать отрицательным фактором, влияющим на процесс учебной деятельности [3].

На протяжении всего периода обучения, студенты подвержены как умственным, так и нервно-эмоциональным нагрузкам. Начало учебной деятельности требует смены привычного образа жизни, а так же адаптации к новым методам и формам обучения. Процесс обучения выстроен таким образом, при котором сначала студенты подвержены довольно монотонной деятельности в течение семестра, то есть восприятие и переработка больших объемов информации в длительно не меняющихся условиях, что является одним из факторов возникновения состояния усталости. Затем резкая смена — стрессогенные ситуации. «Плановые» — контрольные работы, зачеты, экзамены, подготовка к которым всегда происходит в условиях дефицита времени и субъективно высокой значимости ошибки. Неправильная организация работы в течение дня и накопление усталости за семестр, далее уже приводят к формированию хронического утомления.

Одним из факторов влияющим на возникновение усталости, может быть монотонность. Некоторые ученые отождествляют усталость и скуку, апатию при выполнении работы, считая, что усталость выражается в снижении интереса к работе и зависит от ее однообразия (монотонности). Зарубежные ученые такие как, Г. Фон Браккен рассматривает монотонность как компонент или разновидность утомления, Г. Шмидтке — как «состояние, близкое к утомлению». Ссылаясь на исследования Г. Бартен-

верфера, можно определить, что монотонность – это состояние пониженной психической активности, которое выражается в повышенном чувстве усталости и сонливости и связано с уменьшением способности быстро реагировать, переключаться, а также с колебаниями в производительности труда и ее понижением. Данное состояние, по мнению автора, вызывается специфическими факторами рабочей среды, а именно:

1. Однообразием.
2. Бедностью внешних раздражителей
3. Ограниченным полем наблюдения
4. Повторяющимся характером работы
5. Полумрак, отсутствие цветового интерьера.
6. Отсутствие возможности физических движений.

Существует другой взгляд на состояние монотонности, так А. Губсер предлагает четко различать три вида близких между собой, но не тождественных состояний: *психическое утомление, монотонность и психическое насыщение (пресыщение)*.

Не сводимость состояния монотонности к состоянию усталости автор обосновывает рядом аргументов.

Важнейшей характеристикой психической усталости является расход энергии и нарастание психического напряжения. При состоянии монотонности психическое напряжение падает, а энергетические затраты уменьшаются.

1. В состоянии усталости перемена вида деятельности не приводит к восстановлению работоспособности, и производительность труда оказывается ниже оптимального уровня. При монотонности, напротив смена вида деятельности сопровождается восстановлением оптимальной выработки.
2. Анализ высказываний лиц, которые подвергаются влиянию монотонности, показывает, что хотя эти лица и чувствуют себя усталыми, но считают, что вполне способны заниматься другой деятельностью.
3. Психическая усталость наступает при любой работе, если человек занимается ею достаточно длительное время, монотонность же возникает при выполнении специфических видах деятельности.
4. Психической усталости подвержен каждый человек, в то же время, как состояние монотонности в одной и той же объективной ситуации переживают далеко не все люди. [4].

Действительно, появление чувства усталости сигнализирует человеку, что в его отлаженной системе обеспечения работы произошли какие-то неблагоприятные изменения. Однако вредно не утомление, а переутомление, т. е. хроническое утомление, приводящее к значительному истощению физической и нервной энергии. Под влиянием длительного воздействия учебной нагрузки у студентов во время учебы снижается ра-

ботоспособность. Это состояние возникает вследствие истощения внутренних ресурсов индивида и рассогласования в работе систем организма и личности, обеспечивающих деятельность.

Состояние утомления проявляется на психологическом, физиологическом и на поведенческом уровне. Так, на физиологическом уровне проявляется в повышении инертности нервных процессов. На психологическом уровне при утомлении происходит снижение чувствительности. Кроме этого наблюдается нарушение таких психических процессов, как память, внимание и др. Так же наблюдаются определенные сдвиги в эмоциональной и мотивационной сферах. На поведенческом уровне утомление выражается в снижении производительности труда, уменьшении скорости и точности выполняемых операций.

Характер проявления утомления зависит от вида нагрузки и времени ее воздействия. При утомлении, возникающем при длительной или напряженной умственной деятельности, изменения наблюдаются во многих системах организма: интеллектуальной, психомоторной, сердечно-сосудистой, рецепторной и др. Изменяется состав крови, газообмен, температура тела. Но основные изменения касаются психических процессов и эффективности умственной деятельности.

В зависимости от интенсивности и локализации нагрузок утомление может быть острым или хроническим. Как правило, утомление – это временное состояние, которое сопровождается субъективными ощущениями усталости, выражающиеся в чувстве вялости, слабости, ощущении физиологического дискомфорта, осознанием нарушений в протекании психических процессов, потерей интереса к учебе. После более или менее продолжительного отдыха утомление проходит и восстанавливается оптимальное рабочее состояние. Однако в случаях, когда отдых был недостаточным, когда утомление становится систематическим, нагрузки растут, и уменьшить их не представляется возможным, могут возникать пограничные и патологические состояния.

Всякого рода телесные и душевные перенапряжения (экзамены, непосильные умственные занятия и т. п.) нужда и семейные заботы, необычайные жизненные условия, к которым студент не может привыкнуть, состояния напряженного ожидания – все это может быть в первую очередь, причиной усталости («устал от всего»), а в дальнейшем, нервно-психических и телесных (соматических) расстройств [5].

В практических целях принято говорить о состояниях усталости как мимолетных, длительных и хронических. В.М. Зациорский [6] с соавторами, выделил:

- *оперативные состояния* появляющиеся при однократном кратковременном воздействии

- *текущие состояния* при длительном воздействии фактора

- *перманентные состояния* хронические, возникающие при постоянном (периодическом) действии какого – либо фактора. Переход из текущих состояний в перманентные, может иметь как положительный результат (при развитии состояния адаптированности, тренированности), так и отрицательный, при развитии переутомления, хронической монотонии. Следовательно, в одном случае нужно стимулировать переход состояния из текущего в перманентное состояние, а в другом не допускать этого перехода.

В заключение, хотелось бы отметить, что умственное утомление, как причина снижения работоспособности действует в тех случаях, когда студенту долгое время приходится выполнять работу, требующую значительной умственной нагрузки. Для предупреждения усталости следует рационально организовать режим умственной нагрузки, продумав его таким образом, чтобы отдохнуть до того как у него появятся первые признаки усталости. Выяснить это можно понаблюдав, за своей учебной деятельностью, и попытаться понять, когда возникают первые признаки усталости. Зафиксировав интервалы времени, через которые они регулярно появляются, необходимо будет примерно на 3-5 минут уменьшить время непрерывной работы, т. е. сделать промежутки между моментами умственной работы такими, чтобы в течении их явные признаки усталости не проявлялись. В итоге студенты смогут увеличить свою умственную нагрузку и будут меньше уставать.

Монотонная работа также может привести к состоянию усталости. Не потому что работа тяжела, а по причине своей чисто психологической утомительности. Практическое решение - в сведении к минимуму однообразия в учебной деятельности, сделать ее как можно более разнообразной и интересной. Для этого нужно, проанализировать, чем студент занимается в течение дня и продумать режим его жизни таким образом, чтобы условия и характер работы систематически менялись. Чередование умственных и физических нагрузок является оптимальным режимом работы. Задачей чередования нагрузок в том, чтобы, восстанавливая работоспособность студентов в одном виде деятельности, не утомлять другим видом деятельности.

По мнению К. Изард, интерес – это единственная мотивация, которая может поддерживать повседневную работу нормальным образом [7]. Возникновение интереса обычно связано с перцептивно - когнитивными процессами, или с взаимодействием личности и среды, или и тем и другим вместе. Интерес, возбуждаемой самой работой, вызывает творческий подъем. Страстное желание достичь цели необычайно повышает функциональные способности, не позволяет возникнуть усталости и сохраняет здоровье, несмотря на напряженную умственную работу студентов. Наоборот, чувство неудовольствия угнетает, парализует работоспособность. Это относится к сфере, как физического труда, так и умственного труда.

Здесь хотелось бы отметить, что интерес является исключительно важным видом мотивации в развитии навыков, знаний и интеллекта.

Таким образом, необходимо формировать у студентов умение точно оценивать свое психическое состояние (готовность к деятельности, настроение, степень напряженности, возникающее состояние усталости и др.) и способность произвольно управлять ими. Так как известно, что успех учебной деятельности студентов зависит не только от устойчивых качеств личности, но и от способности психики приходить в определенные, адекватные и необходимые для данного вида деятельности, психические состояния, от умения понимать их и владеть ими.

Литература

1. Прохоров А. О. Психические состояния и их функции.- Казань: Изд-во Казанского педагогического института, 1994.-168 с.
2. Шмелева С.А. «Феноменологические особенности психических состояний студентов». Материалы Второй Всероссийской научно-практической конференции. Казань, государственный университет. 2006 г. – Казань: ЗАО «Новое знание» С 50-54
3. Данилова Н.Н. Крылова А.Л. Физиология высшей нервной деятельности. Ростов н/Д: «Феникс», 1999.- 480с.
4. Асеев В. Г. Проблема монотонности в исследованиях зарубежных авторов. «Вопросы психологии» № 1 1975г. С163-169.
5. Ильин Е. П. Психофизиология состояний человека – СПб.: Питер, 2005.-412с
6. Зациорский В. М., Запорожанов В. А. , Тер-Ованесян И. А. Вопросы теории и практики педагогического контроля в современном спорте// Теория и практика физической культуры. 1971. №
7. Изард К. Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2006. – 464 с.: ил. – (Серия «Мастера психологии»)

Карта состояний по методике ДФС для выстраивания резонансных отношений субъекта с окружающим миром

Чертова Л.А.
Москва

Мы живем в быстро меняющемся процессуальном сложном мире. На житейском языке это время называют «время перемен». И для того, чтобы выдержать вызовы эпохи, ритмы современного мира, человеку необходимо быть включенным в процессы, происходящие в мире и в себе, осознавать их.

На базе формирующегося субъекта возможно перейти на принципиально иной способ познания мира и человека – через переживания. Переживания, в отличие от знания, есть принципиально другой способ познания, менее ограниченный по своим возможностям. Переживания – это

объемное чувствование. Что это означает? Это означает прием и переработку информации «без слов и картинок». Это означает, что так называемое «ничто» или «пустота» раскрывает нам свое содержание через переживание, то содержание, которое мы не можем ни передать словами, ни передать образом, а можем постигнуть только через сопереживание. Путь к этому лежит через то, что называется простым техническим словом «резонанс». А чтобы возник резонанс, нужен «объем» – то, что будет резонировать.

Единственный базис субъекта в том, что люди присутствуют в пространстве. В этом пространстве человек приходит к восприятию себя, как некой «сферы», которая может расширяться, резонировать с окружающей бесконечностью, не разрушаясь при этом структурно.

Возникновение отношений с пространством – главная задача, которая решается в процессе работы по методике ДФС – «Дифференцированных функциональных состояний» (И.Н.Калинаускас). Без возникновения таких отношений невозможно говорить об умении чувствовать, слышать, видеть ситуацию, другого человека в реальности. Без этого человек не становится проницаемым для мира и не переходит к восприятию себя, как Субъекта.

Методика ДФС позволяет перевести на простой и удобный в употреблении язык то, что проявляется через безотчетные симпатии и антипатии, обозначается, как жизненная сила, психическая энергия, интуиция, психологическая атмосфера, шестое чувство, тонкие взаимодействия и т.д. Предлагаемый язык достаточно прост. Доминирование той или иной формы активности обозначается словом **«уровень»** и закодирован следующим образом: 1 уровень – активность с доминированием витального начала; 2 уровень – активность с доминированием психоэмоционального начала; 3 уровень – активность с доминированием когнитивной интеллектуальной сферы; 4 Уровень – это такая работа, при котором все эти уровни активности представлены равнозначно и в «унисон».

Далее вводится понятие о **«ритмах»**. Под ритмом имеется в виду восприятие среды, на которую направлена активность. Это главный отличительный момент этой методики. Здесь в языке учтено, что состояние (функциональное, психоэмоциональное, психоэнергетическое) формируется не только в зависимости от форм активности, но и в зависимости от того, на какую среду направлена эта активность, и как эта среда воспринимается. Таким образом, были выделены четыре ритма или способа резонирования: ритм А – восприятие среды как континуальной, расширяющейся сферы, ритм бесконечного; ритм В – ритм живого, волна, поток; ритм С – восприятие среды как дискретной, множества дискретных объектов, символ, импульс; ритм Д – восприятие среды как деструктивной, разрушающейся, хаотической. Соответственно, возможно 16 сочетаний,

16 слов, 16 кодовых обозначений для 16 функциональных состояний, которые могут быть освоены в процессе обучения.

Нами была создана карта состояний с кратким описанием каждого из них:

	В (поток, волна)	С (импульс)	Д (хаос)	А (космос)
I Преобладание физической активности	I В Здоровье, сила, физическая выносливость ¹	I С Четкое движение	I Д Состояние нездоровья, болезни	I А Храм природы
II Преобладание эмоциональной активности	II В Душевное тепло	II С Хохотунчик, лекарство от тоски	II Д Душевная боль, обида	II А Свет души
III Преобладание интеллектуальной активности	III В Раздумье	III С Четкая и конкретная мысль	III Д Шиза, интеллектуальная раздражительность, упрямство, головная боль	III А Вселенская мысль
IV Аккорд	IV В Живое целое, гармония со всем живым	IV С Все пройду, предельная внутренняя концентрация, собранность, мобилизация	IV Д Смерть как рождение	IV А Гимн жизни, вселенская любовь

Каждое состояние имеет широкий диапазон «звучания», объем, глубину.

I В – состояние богатырей и лекарей. В этом состоянии вы ощущаете свое тело «говорящим»: оно подсказывает вам, что вредно, что полезно, какая пища ему нужна, режим сна и движения. Человек может совершить максимальное для него мышечное усилие, не требующее скорости, например, по поднятию тяжестей. Прекрасное состояние для целительства, работы массажистов, работы на земле, с растениями и животными.

II В – состояние незаменимо во всех сферах коммуникативной деятельности. Находясь в этом состоянии, вы своим присутствием создаете психологически комфортную атмосферу, рядом с вами хочется быть искренним, откровенным, душевно щедрым, окружающие отдыхают и успокаиваются.

III В – оптимальное состояние для работы с информацией и аналитической работы. Входя в такое состояние, вы сможете легко провести анализ развития человеческих отношений, жизненных си-

туаций, производственных и семейных конфликтов. Окружающие ждут от вас пояснений и рекомендаций. Применяется во всех сферах научной деятельности.

- IV В** – состояние глубокого внутреннего равновесия и покоя. В этом состоянии не бывает мелочей. Все процессы наполнены глубоким смыслом и взаимосвязаны. Повышается устойчивость к вредным воздействиям окружающей среды, снижается уровень тревожности, возрастает стрессоустойчивость, активизируется и раскрывается интеллектуальный потенциал человека, структурируется мыслительный процесс, повышается уровень коммуникабельности, взаимопонимания, увеличивается чувствительность. Оно способствует эффективному целеполаганию и смыслополаганию, облегчает осознание доминирующей внутренней мотивации. Гармонизирует активность правого и левого полушария головного мозга.
- I С** – в этом состоянии любой человек может совершить максимальное для себя мышечное усилие в импульсном режиме, требующем скорости, типа толкания ядра и метания молота, оптимальное для спринтерского бега. Дает ощущение физического тонуса. Это состояние, в котором удобно быстро и четко организовывать некоторые производственные процессы, например, инвентаризацию.
- II С** – состояние эмоционального тонуса, эмоциональной яркости, привлечение внимания к себе. Если вам необходимо разрядить обстановку, заразить окружающих собой и держать их в сфере своего внимания, это состояние незаменимо. Создает атмосферу легкости, кокетливости, игривости, азарта.
- III С** – в этом состоянии любой человек достигает наилучшего результата в решении умственной задачи дискретного характера. Для него характерны: четкость мыслительных процессов, точность обработки информации, ясность мысли, точность передачи информации.
- IV С** – это состояние дает возможность оперировать большими объемами информации, сохраняя при этом физический тонус и эмоциональную активность и стабильность. Человек в таком состоянии способен пройти через непреодолимое, добиться невозможного, достичь цели, сохранив при этом внутреннюю гармонию и целостность.
- I Д** – состояние телесного дискомфорта, хронических соматических недугов. Человек, звучащий таким образом, требует срочного медицинского вмешательства и энергетической балансировки.
- II Д** – переживание эмоциональной горечи, раздражения, тяжести. Часто возникает, как результат конфликта в отношениях, ссор, негативных оценок окружающих. Длительное пребывание в этом состоянии действует разрушительно на эмоционально-чувственную сферу человека и на состояние окружающих.

- III Д** – часто встречается у людей в процессе затянувшихся жизненных проблем, интеллектуальная заикленность, бесплодный поиск выхода из кризисных ситуаций, интеллектуальное упрямство.
- IV Д** – переживание праведного гнева, вселенского хаоса, разрушения старого во имя созидания нового. Торжественное, печальное, величественное состояние. В практике жизни применяется как способ психологического очищения внутреннего и внешнего пространства.
- I А** – переживание соразмерности процессов в своем теле с процессами в объеме планеты Земля. Восприятие Земли, как живого целостного организма. Предельная телесная свобода, раскрепощенность, объемность.
- II А** – состояние влюбленности, эмоционального восторга, полета. Человек переживает экстаз от предельной эмоциональной свободы. Нет никаких преград для полета вашей души. Состояние огромного эмоционального подъема, воодушевления, раскрывающее душевный потенциал человека. Состояние молитвы – эмоциональной обращенности к себе и миру.
- III А** – состояние мыслителей, философов, мудрецов. В этом состоянии происходит расширение объемов сознательного восприятия мира, полет мысли, все процессы, происходящие в жизни, рассматриваются на фоне объемов вселенной, человечества.
- IV А** – переживание глубины и безграничности мира, любой жизненной ситуации, человека. Гимн жизни во всем ее многообразии от радости до боли. Предельное переживание свободы, творческого экстаза, неразрывного единства со всем сущим в этом мире.

Итак, методика ДФС – это способ развития своих объемных качеств, чтобы иметь возможность максимально полно резонировать с реальностью и при этом быть действующим, думающим, чувствующим. Методика ДФС как система саморегуляции четвертого поколения может успешно использоваться для перехода на принципиально другой способ познания мира – через переживания, возможности возникновения резонансных отношений с миром, эффективного решения разнообразных задач, которые возникают перед человеком.

Литература:

1. *Березин Ф.Б.* Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л.1988.
2. *Калинаускас И.Н.* Наедине с миром. Киев. 1991.
3. *Калинаускас И.Н.* Весельницкая Е.И. Учебно-методическое пособие по преподаванию методики ДФС. СПб.1999.
4. *Китаев-Смык Л.А.* Психология стресса. М.1983.
5. *Коваленко С.К.* 16 состояний. Сборник статей, Киев, 2000.
6. *Маслоу А.* Психология бытия. Киев 1997.
7. *Миллер, Харпер.* Практическая психоэнергетика. Воронеж. 1994.

Проблема отношений психических состояний и когнитивных процессов субъекта

Юсупов М.Г.
ТГГПУ, г. Казань

Когнитивные процессы и психические состояния различаются по длительности и психическим содержаниям, структуре и функциям, степени осознанности и возможностям саморегуляции, отношению к мотивам деятельности, нейрофизиологическим основаниям, качественно специфическим характеристикам и пр. (В.А.Ганзен, 1984; Д.Н.Узнадзе, 2004; Е.Д.Хомская, 2002 и др.). В то же время, представляя особые классы психических явлений, состояния и процессы демонстрируют сильную взаимосвязь по динамическим характеристикам и согласованности содержаний. Последний аспект определяет возможности применения закономерностей функционирования данной системы в психотерапии и формировании эффективных механизмов когнитивного управления психическими состояниями.

Например, достаточно интенсивные состояния (ревность, страх, агрессия) и когнитивные процессы взаимодействуют по схеме «циклической самоиндукции». Содержание, актуализируемое в памяти, восприятии, мышлении, воображении усиливает фоновое эмоциональное состояние, способствуя тем самым еще большей фиксации на содержательных аспектах значимой для субъекта ситуации. Тем самым система приобретает свойство «замкнутого круга», выход из которого возможен либо посредством когнитивной релаксации, либо путем эмоциональной разрядки актуального психического состояния, снижающей его интенсивность.

Практическая (и теоретическая) значимость проблемы отношений психических состояний и познавательных процессов привлекает к себе большое число исследователей. На сегодняшний день в различных отраслях психологии накоплен богатый материал, однако теоретический анализ и интерпретация полученных результатов представляется трудной задачей. Это связано не только с различием исходных позиций авторов, затрудняющей сопоставление полученных результатов, но и с общим положением дел в когнитивной психологии и психологии психических состояний. Так до сих пор в психологической науке не существует общепринятых представлений о природе и функционировании когнитивных процессов. Доказательством этому служит обилие школ и направлений (когнитивная, гуманистическая, деятельности, установки, отношений, поведенческая и т.д.), каждое из которых рассматривает данные психические явления в русле собственных методологических построений и концептов. Ярким примером подобного положения дел является область изучения интеллекта, являющегося высшим уровнем психического отражения (М.А. Холодная, 2002). По словам В.Б. Швыркова, современная психологическая терминология представляет собой статистические характе-

ристики внешнего поведения в силу используемых психологических методов, направленных на анализ внешнего или воображаемого поведения в различных ситуациях (В.Б. Швырков, 2006). Усложнение понятийного аппарата происходит не за счет большего понимания природы когнитивных процессов, а диктуется усложнением социальной практики, приводящей к выделению полезных соотношений человека со средой и культурой. Таким образом, классификация когнитивных процессов представляет собой определяемую потребностями практики «социальную метафору». Нет достаточно четкого разделения традиционно выделяемых психических функций, например, память рассматривают и в качестве самостоятельного явления и как некоторое свойство других функций. Существующее положение дел объясняется, по-видимому, тем, что все когнитивные процессы являются различными аспектами единой системы когнитивного взаимодействия человека с миром и любой отрезок поведения содержит все процессы одновременно.

Подобное положение дел сохраняется и в психологии психических состояний. Нерешенным остается вопрос классификации психических состояний, например, исследователями изучаются три вида психологических явлений: функциональные, эмоциональные и психические состояния, при этом подразумевается, что все они являются психическими или психофизиологическими состояниями. В то же время, когда речь идет о функциональных состояниях, изучаются преимущественно его уровневые характеристики, при изучении же психических состояний акцент делается на проявлениях психики личности и модальностных характеристиках состояния (Е.П. Ильин, 2005; В.Ф. Сопов, 2005). Запутанным остается вопрос о полярных характеристиках состояний, в зависимости от оснований классификации, одни авторы относят спокойствие, интерес, удовлетворенность к позитивным эмоциональным состояниям, а гнев, страх и т. д. к негативным, другие авторы придерживаются противоположного мнения (Г.М. Бреслав, 2004).

Несмотря на указанные трудности, имеющиеся данные по рассматриваемой проблеме можно условно разделить на три большие группы, в зависимости от акцента автора на содержательной, формально-динамической стороне проблемы или исследовании психологических факторов их взаимодействия.

Формально-динамический аспект.

Результаты исследований позволяют заключить, что психические состояния и когнитивные процессы представляют собой единую динамическую систему (Л.С. Выготский, 1996; К. Изард, 2006 и др.). Взаимоотношения состояний и процессов сложно и взаимозависимо, состояния могут рассматриваться как процессы и процессы как состояния. Существование состояний удивления, любопытства, сомнения, уверенности, мечтатель-

ности, сосредоточенности и др. является ярким доказательством взаимопроникновения психических состояний и интеллектуальной сферы.

Психические состояния влияют на качество и продуктивность когнитивных процессов, выполняя, главным образом, активизирующую и регулирующую функции (конкретными формами которой являются направляющая, ориентирующая, побуждающая и др. функции). Психические состояния могут, как повышать, так и понижать эффективность познавательной деятельности, либо давать эффекты противоположной направленности (А.О. Прохоров, 1994; С.Л. Рубинштейн, 2003; Ю.Б. Сосновикова, 1975 и др.).

Когнитивные процессы в свою очередь реализуют функции отражения и активизации психических состояний. Прослеживается тенденция рассматривать влияния состояний на процессы как более значимые: состояния «подчиняют» когнитивные процессы, последние в основном «вызывают» психические состояния. Тем самым задается основная цель экспериментальных исследований – изучение влияния психических состояний на эффективность проявления когнитивных функций (Е.П. Ильин, 2005).

В представленных результатах установлено, что психические состояния интегрируют процессы, выступают как способ их организации (обеспечивая их приведение в соответствие с требованиями деятельности), что проявляется в величине включения последних во взаимоотношения с состояниями и специфике их взаимосвязей. Психические состояния влияют на процессуальные характеристики процессов, обеспечивают фон и этапы развертывания процесса. К закономерностям динамики взаимоотношения относятся процессы интеграции, дифференциации, дезинтеграции. Отдельные состояния интегрируют несколько разных процессов. Обнаружено доминирование неустойчивых, изменчивых связей в структуре взаимодействия процессов и состояний, а также тенденции к большей частоте и тесноте связей состояний с процессами более высокого уровня (воображение, мышление) (А.О. Прохоров, 1994, 1998).

Содержательный аспект.

Результаты исследований демонстрируют значительную согласованность состояний и процессов по психическим содержаниям. Показано влияние содержательных характеристик психических состояний на процессы восприятия, памяти, внимания, мышления. В то же время содержание когнитивных процессов определяет актуализацию соответствующих психических состояний (Р.М. Niedenthal, М.В. Setterlund, 1994; Л. Берковиц, 2002 и др.).

В основе данных процессов могут лежать различные механизмы. Согласно теории когнитивного диссонанса каждое психическое состояние имеет тенденцию «расширять познание» консонантное самому себе, тем самым информация, соответствующая по содержанию актуальному психическому состоянию, перерабатывается быстрее и эффективнее (Л. Фестин-

гер, 2000). Обратное влияние когнитивных процессов на психические состояния можно объяснить в рамках сетевой модели, согласно которой переработка той или иной информации приводит к активизации соответствующих «эмоциональных узлов», тем самым увеличивается длительность и интенсивность состояний (G.H. Bower, 1981). Кроме того, соответствие содержаний и их «циркуляция» объясняется качественно различными способами функционирования нейрональных систем (Е.Д. Хомская, 2002).

Психологические факторы взаимодействия когнитивных процессов и психических состояний.

Взаимодействие состояний и когнитивных процессов обусловлено ситуацией и характеристиками самого состояния (знак, интенсивность, уровень, модальность), а также когнитивными факторами (степень организации когнитивного процесса, когнитивная оценка и интерпретация ситуации, когнитивный стиль) (Т.А. Немчин, 1983; А.О. Прохоров, 1994, 1998 и др.). Кроме того, исследователи отмечают влияние таких личностных факторов как мотивация, отношение к предмету деятельности, темперамент, эмоциональный интеллект, самооценка, значимая субъективная цель, смысловой контекст деятельности, рефлексия, уровень достижений и притязаний и т.д. (И.А. Васильев, 1979; Ф.Д. Горбов, 1971; С.Л. Рубинштейн, 2003 и др.)

Ни один из этих факторов не позволяет точно прогнозировать взаимодействие состояний и процессов. Например, хотя большинством авторов указывается влияние уровня состояния на характеристики когнитивного процесса, результат взаимодействия зависит от включенности в него факторов мотивации достижения, саморегуляции, организации когнитивного процесса, оценки и интерпретации ситуации, а также ее значимости для субъекта.

Таким образом, отношения психических состояний и когнитивных процессов отличаются сложностью и многоаспектностью. Представляя собой единую динамическую систему, взаимодействие процессов и состояний подвержено влиянию множества факторов, среди которых преобладают факторы личности, определяющие содержательную «картину» отношений. Указанное обстоятельство ставит вопрос о «степени» взаимозависимости процессов и состояний, а также существовании собственных «внутренних» закономерностей взаимодействия и подходов к его изучению.

Особенности психологического статуса ВИЧ-инфицированных пациентов

Яковлева Н.В.

Рязанский гос. медицинский университет

Актуальность проблемы изучения психологического статуса ВИЧ-инфицированных состоит в том, что, не смотря на обилие исследований

отдельных свойств личности, мышления, поведенческих стратегий, на сегодняшний день практически отсутствуют системные представления о психологических особенностях ВИЧ - инфицированных пациентов. При этом, очевидно, что эффективная профилактика ВИЧ-инфицирования и совершенствование методов психологической коррекции состояния данной категории пациентов может проводиться только на основе целостной системной модели психического статуса больного.

СПИД является опасным, тяжелым заболеванием. Наличие ВИЧ-инфекции серьезно изменяет привычный образ жизни человека, адаптация к новому состоянию здоровья затрагивает все сферы личности. ВИЧ-инфицированные пациенты обнаруживают высокий уровень стресса. Их психологическое состояние во многом определяется наличием неразрешимого конфликта между правом на жизнь и наличием неизлечимого заболевания. Поэтому целью областной научно-исследовательской программы «Анти-ВИЧ (СПИД)» Управления здравоохранения Правительства Рязанской области была разработка целостной нормативно-оценочной модели индивидуального здоровья, и построения на этой основе технологий психопрофилактики ВИЧ-инфекции.

В качестве базового теоретического конструкта нами была использована концепция «Индивидуального здоровья» (Лапкин и др., 1995-2007) и рабочие конструкты «Метакомпетентность», «Психологический статус в системе индивидуального здоровья» (Яковлева 2001-2007), которые позволяют рассматривать болезнь как частный случай (проблемную ситуацию) деятельности человека по управлению своей жизнью. В рамках данного подхода для описания психического статуса человека используется понятие способности жизнеобеспечения в контексте теории системогенеза деятельности В.Д.Шадрикова, метасистемного подхода (Карпов, 2005). Способность «выступает как свойство функциональных систем реализовывать конкретные психические функции, имеющие индивидуальную меру выраженности, проявляющиеся в успешности и качественном своеобразии выполнения деятельности» (по Шадрикову, 1982). В целостную систему способности жизнеобеспечения объединяет системообразующий фактор - цели и ценности жизни. А внешним свойством системы будет жизненная результативность. Каждый интегральный показатель не является однородным. Он имеет свою собственную структуру, отражающую разнообразие человеческой активности. Оценка каждого интегрального показателя психического статуса человека может осуществляться на разных уровнях психологического анализа разными методами (Яковлева, 2005).

В соответствии с данной методологией был использован психодиагностический комплекс «Статус Пси», хорошо зарекомендовавший себя в исследованиях психического статуса больных разных нозологических групп, который совмещает в себе тестовые методы и диагностическую

беседу (Яковлева 2003). Комплекс «Статус Пси» позволяет исследовать сферы психики человека, активно участвующие в формировании системы жизнеобеспечения. Он представлен тремя блоками: цели и ценности личности, способности жизнеобеспечения, жизненная результативность. Комплекс позволяет тестировать взрослых (от 16 лет), имеющих как минимум среднее образование. В исследовании использовался экспресс-вариант и полный содержательно-диагностического варианта.

Исследование было проведено на базе Рязанского областного кожно-венерологического диспансера. Было обследовано 115 ВИЧ-инфицированных. Структура выборки: средний возраст пациентов $M(x)=26,7\pm 6,39$ лет; возраст исследуемых колебался в интервале от 18 до 36 лет; выборка была уравновешена по полу - 42,52% мужчин, соответственно - 57,48% женщин. В качестве контрольной была использована выборка студентов очных и вечерних отделений медицинских факультетов 3-6 курсов. Рязанского государственного медицинского университета. Выборка была репрезентативна по возрасту и полу исследуемой экспериментальной выборке.

В ходе исследования были получены следующие результаты.

При изучении *смыслового ядра метакомпетентности* ВИЧ-инфицированных пациентов было обнаружено, что общая ориентация жизни во времени у ВИЧ-инфицированных не отличается от данной характеристики здоровых людей, хотя общая осмысленность жизни гораздо ниже (статистически значимые различия параметров). При исследовании контрольной группы были получены сходные по профилю, но выше по значениям данные по распределению ориентаций во времени. Таким образом, ВИЧ-инфицированные пациенты, как и представители контрольной группы, ориентированы преимущественно на будущее, в меньшей степени на настоящее и еще меньшей - прошлое. Этот факт существенно может повлиять на организацию психотерапевтического воздействия на пациентов данного типа.

56,7% пациентов исследуемой выборки считают себя здоровыми, из них 6,8% - абсолютно здоровыми. Данный результат ставит под сомнение выводы зарубежных исследователей о неизбежной стигматизации и сопровождающем ее внутриличностном кризисе ВИЧ-инфицированных. Практически половина обследованных не указывает на значительные изменения в восприятии жизни с момента информирования о заболевании. Причиной этого, на наш взгляд, могут служить как общемировоззренческие установки на жизнь и смерть, так и сугубо утилитарные условия: наличие сопутствующего заболевания наркозависимости у подавляющего большинства обследованных.

При планировании психотерапевтических процедур всегда важно знать на что можно опираться при работе с самосознанием. Поэтому особенно интересны результаты исследования общей осмысленности здо-

ровья. Полученные данные свидетельствуют о серьезном изменении в структуре осмысленности здоровья. Ведущие позиции занимает ценность процесса жизни. «Быть здоровым, чтобы жить, насыщать эмоции и удовлетворять потребности» (65,5%). На втором месте - ценность продолжения рода и воспитания детей (19,5%). Счастье, работа, достижение целей, самосовершенствование и общественный прогресс - ценности наиболее характерные для здоровой выборки - в смысловой сфере ВИЧ-инфицированных практически не представлены и в сумме составляют 15%. В то же время известно, что именно эти ценности являются традиционно основными мишенями психотерапевтического воздействия.

Подтверждает предыдущий вывод и результат исследования критериев здоровья. Модель здоровья ВИЧ-инфицированных пациентов значительно сенсуализирована. Выявлены два базовых критерия здоровья: физический комфорт и «здоровое» (предписанное) поведение. В то время как эмоциональный настрой, работоспособность, положение в обществе, значимые критерии здоровья контрольной группы, для них, практически, не значимы в оценке своего состояния как здорового. Таким образом, модель здоровья ВИЧ-инфицированных достаточно лапидарна: «Здоровье – это отсутствие боли и выполнение предписаний». Главным фактором, определяющим здоровье, пациенты называют - материальное положение.

Интересные данные были получены о периоде оптимального здоровья. Практически у подавляющего большинства ВИЧ-инфицированных это период с 10 до 20 лет. Эти данные отличаются от выборки условно здоровых, где период оптимального здоровья определяется с рождения до 20 лет. Можно предположить, что период раннего детства оценивается ВИЧ-инфицированными как неблагоприятный период. Данный вывод имеет большое значение для организации психотерапевтического воздействия.

Подробное изучение *способностей жизнеобеспечения* в структуре метакомпонентности ВИЧ-инфицированных пациентов не являлось основной задачей исследования, т.к. говорить о психосоматическом генезе болезни не приходится. Исследование этого интегрального компонента психического статуса было необходимо для составления целостного представления о личности ВИЧ-инфицированных. Исследование практического интеллекта и познавательных характеристик показали, что выборка ВИЧ-инфицированных имеет несколько сниженные показатели интеллектуальных способностей. Это подтверждают и данные зарубежных авторов (Taylor S.E., Kemeny M.E., Aspinwall L.G., et al., 1992, Schoeneman T.J., Schoeneman K.A., Obradovic J., 2002). Однако причина снижения интеллектуальных способностей может быть скрыта в самой ситуации тестирования (низкая мотивация исследования, высокий уровень стресса. Учитывая, что значительная часть ВИЧ-инфицированных имеет дополнительно болезнь зависимости ПАВ, сниженные интеллектуальная продук-

тивность может являться и следствием этих причин. В любом случае, в технологиях психопрофилактических бесед с ВИЧ-инфицированными должен быть сделан акцент на контроль понимания пациентом содержания беседы.

В области *жизненной результативности* у ВИЧ инфицированных наблюдаются самые значительные изменения в сравнении с выборкой условно здоровых. Также наблюдается значительный половой диморфизм и возрастные различия в результатах исследования мужчин и женщин, имеющих ВИЧ-инфекцию. Усредненный показатель уровня жизненной удовлетворенности в группе ВИЧ-инфицированных низкий, что полностью соответствует социально-психо-биологическому пространству заболевания, но, при этом, крайне неоднороден. В группе ВИЧ-инфицированных могут встречаться значения удовлетворенности жизнью выше, чем в группе условно здоровых. Данное обстоятельство может затруднить попытки стандартизации методов психотерапевтического воздействия на пациентов. Образ мира и жизни, оценка его личностью ВИЧ-инфицированного может серьезно расходиться со стандартно-усредненными представлениями о психологических реакциях данного типа больных.

У ВИЧ – инфицированных мужчин показатель удовлетворенности несколько выше, чем у женщин. Более выражена и дисперсия результатов по выборке. Нижняя граница доверительного интервала среднего значения, практически, совпадает для мужчин и женщин. Самые негативные оценки жизни, проявления симптоматики жизненного негативизма, практически, совпадают у пациентов обоих полов. Но у мужчин встречается и завышено позитивное представление о жизни, в то время, как у женщин оценки удовлетворенности жизнью однороднее. Таким образом. ВИЧ-инфицированные мужчины выше оценивают благополучие своей жизни, чем ВИЧ-инфицированные женщины, но среди мужчин встречаются варианты самой низкой удовлетворенности жизнью. По возрастному параметру наблюдается заметное снижение удовлетворенности жизнью в зависимости от возраста инфицированного ВИЧ. Чем старше пациент, тем ниже его удовлетворенность жизнью.

Выводы.

1. Использование концепции метакомпетентности при изучении психологических особенностей больных разных нозологических групп позволяет изучить целостную психическую реакцию личности на болезнь.

2. Психодиагностический комплекс «Статус Пси» может быть использован как эффективный инструмент исследования психического статуса ВИЧ –инфицированных пациентов.

3. Исследование психического статуса ВИЧ - инфицированных пациентов показало, что наибольшая спецификация наблюдается в области показателей жизненной результативности, наименьшая – в области спо-

способностей жизнеобеспечения. Таким образом, целенаправленно развивая результативность в структуре индивидуальной метакомпетентности, мы можем создавать эффективные модели социально-психологической реабилитации ВИЧ-инфицированных пациентов.

Литература

1. Карпов А.В. Метасистемный подход как методологический принцип психологии //Вестник Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова. Серия Психология . – Ярославль, 2006. С. 5-15.
2. Шадриков В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности.- М.: Наука, 1982.- 184с.
3. Яковлева Н.В. , Лапкин М.М. Психический статус и возможные подходы к его оценке в контексте представлений об индивидуальном здоровье человека //Российский медико-биологический вестник № 3, 2006. С.138-146.
4. Яковлева Н.В. Здоровье как предмет психологических исследований. Учебное пособие. Рекомендовано УМО Минздрава для медицинских вузов. - Рязань, 2003.
5. Яковлева Н.В. Опыт исследования метакомпетентности личности на базе функциональной модели// Личность в современных исследованиях. Выпуск 8. 2005. С.167-174.
6. Taylor S.E., Kemeny M.E., Aspinwall L.G., et al. Optimism, coping, psychological distress, and high risk behavior among men at risk for Acquired Immunodeficiency Syndrome (AIDS) // Journal of Personality and Social Psychology. 1992. Vol. 63. No. 3. P. 460–473.
7. Schoeneman T.J., Schoeneman K.A., Obradovic J. Social representations of AIDS: Pictures in abnormal psychology textbooks, 1984–2001. Paper presented at the annual meeting of the American Psychological Society, June 9-12, 2002. New Orleans, LA., 2002.

Importance ratings of self-estimated intelligence as a measure of construct validity

Sharon Mary Cruise^{a*}, Christopher Alan Lewis^b, and Conor Mc Guckin^c

^a University of Chester, Chester, England, UK

^b School of Psychology, University of Ulster at Magee College, Londonderry, Northern Ireland, UK

^c Department of Psychology, Dublin Business School of Arts, Dublin, Ireland

Introduction

Since the first study by Furnham and colleagues that investigated self-estimates in domains of intelligence (i.e., Furnham, Clark, & Bailey, 1999), many of the subsequent studies in this research area have included single-item questions designed to assess beliefs of participants about intelligence (e.g., "Do you believe that intelligence is primarily inherited?"), and attitudes

of participants towards IQ testing (e.g., "Have you ever taken an IQ test before?"), hypothesising that beliefs and attitudes about intelligence and intelligence testing may influence self-estimates of intelligence. Results across many studies have to some extent supported their hypothesis. Furnham, Fong, and Martin (1999) in their study of British, Hawaiian, and Singaporean university students found that males more than females, and Britons more than the other two cultural groups, believed that there were sex and race differences in intelligence. Furnham and Ward (2001) found that participants who believed that IQ tests did measure intelligence well gave higher self-estimates in verbal intelligence. More recent studies (e.g., Furnham, Wytykowska, & Petrides, 2005) have begun to focus more on the beliefs of participants regarding the malleability of intelligence, based on the theory of entity versus incremental theories of intelligence by Dweck (2004) by including items such as "Do you believe one can learn to become more intelligent?". The item that most consistently predicts self-estimation of overall IQ (aside from sex, which remains a consistent predictor) is whether the participant has ever taken an IQ test before, followed by the degree to which the participant believes that IQ tests are effective in measuring intelligence (e.g., Furnham & Chamorro-Premuzic, 2005). However, what has not been assessed to date is the degree to which the importance attached to a specific intelligence will influence how the individual rates themselves on that intelligence. Research suggests that individuals perceive their own attributes to be the equivalent of possessions (Abelson, 1986), and additionally, that they place more importance on, and value more, those attributes that they believe that they possess, and equally may devalue or describe as unimportant or undesirable those attributes that they do not believe that they possess (e.g., Sinha & Krueger, 1998). On the basis of previous research therefore it can be extrapolated that in order to enhance and maintain their self-image (e.g., 'self-enhancement bias', Krueger, 1998; 'self-image bias', Lewicki, 1983), an individual is more likely to rate as important to themselves those intelligences in which they have also given themselves higher estimates, which will in turn provide a degree of validity to the self-estimated intelligence construct. It was therefore predicted that the score attributed by a participant to a particular intelligence domain would be directly and positively related to the degree of importance attached by the participant to that domain of intelligence.

Method

Participants: A total of 455 (149 males and 306 females) Irish and Northern Irish participants aged 18 to 58 years (mean age 32.45, *SD* 10.51).

Materials: Participants completed the following measures:

i) Self-Estimated Intelligence Questionnaire

The Self-Estimated Intelligence Questionnaire (SEIQ: Furnham, 2000; Furnham, Tang, Lester, O'Connor, & Montgomery, 2002) is a self-report measure comprising 11 single items designed to allow participants to provide estimates of their own intelligence. Participants were shown a normal distribution curve with a mean of 100 and three standard deviations above and below the mean. Typical IQ scores were suggested, and a descriptor provided, for each standard deviation (e.g., +2 = 130: 'superior'; -1 = 85: 'low average'). Below the normal distribution curve participants were provided with a table in which there were brief written descriptions of each of the ten multiple intelligences (based on Gardner, 1983, 1999: verbal, logical-mathematical, spatial, musical, body-kinesthetic, interpersonal, intrapersonal, existential, spiritual, and naturalistic) with an empty cell beside each description where they could record their estimates of each of these intelligences.

ii) Importance Rating of Multiple Intelligences Scale

The Importance Rating of Multiple Intelligences Scale (IRMIS) is a self-report measure consisting of ten single items devised by the authors for the purpose of this research, and was designed to assess to what extent participants would positively endorse the same items for which they had already provided high self-estimates in the SEIQ. Participants were asked to rate the importance to themselves of each of the ten multiple intelligences based on the same brief descriptions that had been provided in the SEIQ (see above), the precise wording of instructions being as follows: "Based on the descriptions given for each of the ten intelligences, and using the rating scale provided, please indicate by circling the appropriate number how important each intelligence is to you." Participants respond using a Likert-type format of 1 to 5 ('not at all important': 1; 'fairly important': 2; 'not certain': 3; 'important': 4; 'extremely important': 5). Scores per item range from 1 to 5, with higher scores reflecting a more positive endorsement of the importance of each item to the participant. As the IRMIS was developed specifically for this research, the psychometric properties of the measure (e.g., reliability, validity, factor structure) are as yet untested.

Procedure: Participation in the study was voluntary, no credit was given for completion of questionnaire booklets, participants were advised of confidentiality and that they could withdraw from the study at any point.

Results

Table 1 shows the relationship between the ten items of the IRMIS and the ten items of the SEIQ. These results demonstrated that the positive and significant associations observed between intelligence self-estimates and ratings of importance were largely restricted to pairs of items (e.g., verbal intelligence self-estimate and verbal intelligence importance rating). Though there were some instances where rating of importance for a particular intelligence correlated with other domains of intelligence self-estimates, for the most part

correlations were restricted to pairs, and those paired correlations were the strongest correlations, in particular for the first seven domains of intelligence. However, there appeared to be a degree of inter-item convergence for existential, spiritual, and naturalistic intelligence/importance.

Table 1: Correlations of the IRMIS with the SEIQ

Imp	Verb IQ	LM IQ	Spat IQ	Mus IQ	BK IQ	IEP IQ	IAP IQ	Exis IQ	Spir IQ	Nat IQ
Verb	.303***	-.005	-.026	.010	.027	.090	.057	.018	-.021	-.069
LM	-.002	.391***	.100*	-.130**	.053	-.081	-.075	-.041	-.032	.037
Spat	.016	.016	.247***	.013	.187***	-.025	-.053	-.043	-.131**	.015
Mus	.190***	.033	.112*	.543***	.183***	.109*	.026	.077	.097*	.134**
BK	.060	.083	.082	.100*	.346***	.060	.010	.033	.015	.102*
IEP	.080	-.052	-.039	-.007	.025	.197***	.100*	.051	.037	-.026
IAP	-.003	-.129**	-.048	-.001	-.015	.055	.152***	.056	.042	-.082
Exis	.031	-.105*	-.028	.021	.072	.091	.097*	.275***	.187***	-.014
Spir	.058	.015	.050	.073	.027	.149***	.126**	.278***	.516***	.162***
Nat	.067	.093*	.096*	.015	.103*	.081	.161***	.206***	.238***	.420***

Verb=verbal; LM=logical-mathematical; Spat=spatial; Mus=musical; BK=body-kinesthetic;

*IEP=interpersonal; IAP=intrapersonal; Exis=existential; Spir=spiritual; Nat=naturalistic; *p < .05;*

***p < .01; ***p ≤ .001*

Discussion

The aim of the present research was to further establish the construct validity of self-estimated intelligence by examining its association with importance ratings of the same ten domains of intelligence. Examination of mean scores for the two measures demonstrated comparable patterns of response for each domain insofar as those intelligences that were afforded higher/lower self-estimates were also afforded a higher/lower degree of importance. Additionally, significant and positive associations were observed for all domains of intelligence. These results indicated therefore that high/low self-estimates in all domains of intelligence were significantly associated with high/low self-estimates of the degree of importance of each domain of intelligence. This therefore supported the aim of the present research, that of further establishing the construct validity of self-estimated intelligence by examining its association with importance ratings of the same ten domains of intelligence. These findings also support previous research (e.g., Krueger, 1998; Lewicki, 1983) that has highlighted the tendency of individuals to place a greater value on attributes that they believe they possess. In general, significant and positive correlations were confined to matching pairs of intelligence/importance domains. However, there was a clustering of significant, positive correlations around the last three intelligences (existential, spiritual, naturalistic) whereby they all correlated positively and significantly with one another. A possible explanation for these findings might be that these types of intelligence are not as familiar to the lay person as would be the case for the other seven domains

of intelligence. Whilst domains such as verbal, logical-mathematical, or interpersonal intelligence are concepts that have been in the public domain since first proposed by Gardner (1983), and resonate with the lay person (e.g., Furnham, 2000), naturalistic is a domain of intelligence that has only recently been verified by Gardner (1999) as an independent intelligence, and in the case of existential and spiritual, these intelligences are only postulated as potential domains of intelligence for further exploration. Therefore, the convergence of positive correlations among these three domains is perhaps a reflection of a lack of clarity in participants as to the scope of these intelligences. Future qualitative research may find it useful to examine the lay person's perception of their understanding of what it means to be 'spiritually' or 'existentially' intelligent.

References

- Abelson, R. P. (1986). Beliefs are like possessions. *Journal for the Theory of Social Behaviour, 16*, 223-250.
- Dweck, C. (2004). *Self-theories: Their role in motivation, personality, and development*. Philadelphia: Psychology Press.
- Furnham, A. (2000). Parent's estimates of their own and their children's multiple intelligences. *British Journal of Developmental Psychology, 18*, 583-594.
- Furnham, A., & Chamorro-Premuzic, T. (2005). Estimating one's own and one's relatives' multiple intelligence: A study from Argentina. *Spanish Journal of Psychology, 8*, 12-20.
- Furnham, A., Clark, K., & Bailey, K. (1999). Sex differences in estimates of multiple intelligences. *European Journal of Personality, 13*, 247-259.
- Furnham, A., Fong, G., & Martin, N. (1999). Sex and cross-cultural differences in the estimated multi-faceted intelligence quotient score for self, parents and siblings. *Personality and Individual Differences, 26*, 1025-1034.
- Furnham, A., Tang, T. L-P., Lester, D., O'Connor, R., & Montgomery, R. (2002). Estimates of ten multiple intelligences: Sex and national differences in the perception of oneself and famous people. *European Psychologist, 7*, 245-255.
- Furnham, A., & Ward, C. (2001). Sex differences, test experience and the self-estimation of multiple intelligences. *New Zealand Journal of Psychology, 30*, 52-59.
- Furnham, A., Wytykowska, A., & Petrides, K. V. (2005). Estimates of multiple intelligences: A study in Poland. *European Psychologist, 10*, 51-59.
- Gardner, H. (1983). *Frames of mind: A theory of multiple intelligences*. New York: Basic Books.
- Gardner, H. (1999). *Intelligence reframed: Multiple intelligences for the 21st century*. New York: Basic Books.
- Krueger, J. (1998). Enhancement bias in descriptions of self and others. *Personality and Social Psychology Bulletin, 24*, 505-516.
- Lewicki, P. (1983). Self-image bias in person perception. *Journal of Personality and Social Psychology, 45*, 384-393.
- Sinha, R. R., & Krueger, J. (1998). Idiographic self-evaluation and bias. *Journal of Research in Personality, 32*, 131-155.

Уровень значимости само-оценки интеллекта как показатель конструктивной валидности (резюме)

Sharon Mary Cruise^{a*}, Christopher Alan Lewis^b, and Conor Mc Guckin^c

Со времен первого исследования само-оценки интеллекта, проведенного Furnham и его коллегами, было проведено множество аналогичных исследований. Многие из них содержали закрытые вопросы, позволяющие: а) выявить убеждения испытуемых относительно интеллекта (н-р, «Считаете ли вы, что уровень интеллекта определяется наследственностью?») и б) отношение испытуемых к методикам измерения интеллекта (н-р, «Проходили ли вы IQ-тест?»). Предполагалось, что убеждения и установки по отношению к интеллекту и тестам интеллекта влияют на уровень само-оценки интеллекта. Результаты многих исследований в некоторой степени подтверждали гипотезу. Furnham, Fong, и Martin (1999) при исследовании студентов университетов Англии, Гавайских островов и Сингапура обнаружили, что мужчины, более чем женщины, и англичане, более чем другие культурные группы, убеждены в расовой и половой обусловленности интеллекта.

Furnham и Ward (2001) выявили, что испытуемые, которые считают, что IQ-тесты достоверно измеряют уровень интеллекта, имеют более высокую самооценку вербального интеллекта. В недавних исследованиях (например, Furnham, Wytykowska, & Petrides, 2005) больше внимания уделялось убеждениям испытуемых относительно гибкости (пластичности) интеллекта, на основе теории целостности, противопоставляемой инкрементным теориям интеллекта Dweck (2004), путем включения таких вопросов как «Верите ли вы, что обучение способствует развитию интеллекта?».

Наиболее надежным показателем самооценки интеллекта (наряду с полом) является факт прохождения испытуемым теста IQ в прошлом с учетом его убеждения в том, что IQ-тесты являются эффективным способом измерения интеллекта. Однако, на сегодняшний день так и осталось не выясненным до какой степени значимость специального интеллекта влияет на оценку индивидом данного интеллекта.

В исследовании предполагается, что индивиды воспринимают собственные качества, как приобретенные (Abelson, 1986), а также, что они большую значимость придают и больше ценят те качества, которыми, по их мнению они обладают, равно как они обесценивают те качества, которых по их мнению, они не имеют.

На основе предыдущих исследований можно предположить, что для того, чтобы поддержать «я-образ», индивид склонен оценивать как более значимые те виды интеллекта, которые он считает наиболее развитыми у себя, что в свою очередь обеспечивает степень надежности конструкта само-оценки интеллекта.

Таким образом, было сделано предположение, что оценка испытуемым конкретного вида интеллекта будет связана прямой связью со степенью значимости этого вида интеллекта для данного индивида.

3. Психология субъекта: теоретические и прикладные аспекты.

Субъект в неопределенном мире

Алишев Б.С.
Казанский гос. университет

Субъектный подход в психологии, основы которого были заложены С.Л.Рубинштейном и развиты А.В.Брушлинским, предполагает различение *объекта* и *субъекта*. В реальности то и другое образуют нерасчленимое единство, что было убедительно показано тем же А.В.Брушлинским [1]. Однако подобное разделение понятий давно произошло в сознании человека. Каждый воспринимает и мыслит себя чем-то отдельным от всего окружающего. От этого факта никуда не деться, и он нашел отражение в философской и психологической традиции.

Нетрудно показать, что без такого разделения невозможна наука психология, а также сама психика как ее предмет. Любая жизнь (организм) выделяет себя из окружающей среды. Доказательством является хотя бы то, что даже простейшие, одноклеточные существа "заботятся" о самосохранении, т.е. "стремятся" быть отдельными сущностями, противостоящими физико-химической среде, но "не желают" слиться с ней, превратившись в ее равноправную частицу. Психика же во всех своих формах, от самых элементарных до наиболее сложных, с одной стороны, обеспечивает такое "отделение", с другой, – обеспечивает связь живого организма с окружающим миром.

Далее определим в качестве субъекта некое живое существо (или их группу), обладающее сознанием. Весь остальной мир, включая других субъектов, различные физические тела, явления, их свойства и сочетания, разнообразные взаимосвязи и соотношения между ними, этические, эстетические и логические категории, культурные символы, научные знания, и т.д., будет выступать для него в качестве многочисленных объектов, или разного уровня сложности комплексных объектов. Комплексными объектами являются, например, сложное техническое сооружение, природная или природно-техническая микросреда текущего взаимодействия, социокультурная ситуация взаимодействия и т.д., а комплексным объектом самого высокого уровня является мир в целом. Все это будет называться впредь просто объектом, если не потребуются специальные уточнения.

Субъект вынужден совершать постоянный *обмен* с объектом, т.к. не имеет собственных источников энергии. Он не может обеспечить свое существование на основе принципа самодостаточности и должен искать источники энергии в окружающей среде, но и "отдать" выработанную энергию за исключением той, которая нужна для его развития и функ-

ционирования, он может тоже только ей. Средством осуществления обмена является взаимодействие. Однако он происходит лишь потому, что и субъект, и объект обладают взаимосоответствующими, конгруэнтными параметрами. Субъект обладает *потребностями*, которые побуждают его к обмену и дают "знание" о необходимых его формах и содержании. Объект (или объекты), в свою очередь, обладает различными *качествами*, способными обеспечить эти самые формы и содержание. Соединение потребностей субъекта и качеств объекта – сущность обмена. Вместе с тем, объекты обладают качествами, которые не только не удовлетворяют никаких потребностей субъекта, но создают различные барьеры на пути их удовлетворения, а также угрозы существованию субъекта вообще (биологические противники, геологические и климатические возмущения и т.д.).

Несмотря на тесную взаимосвязь потребностей субъекта и качеств объекта, их соединение (в том числе избегание угрожающих качеств) – не простой процесс. Прямое и непосредственное соединение невозможно. Этому препятствуют два *барьера* фундаментального характера. Суть первого состоит в том, что отмеченная выше конгруэнтность имеется лишь в принципиальном плане. В каждый конкретный момент времени и в каждой точке пространства ставшая актуальной потребность не встречает моментально необходимое качество объекта, или объект, обладающий необходимым качеством. Необходимые объекты и их качества так же, как ненужные и опасные, рассредоточены среди множества других. Одни из них субъекту надо найти, с другими желательно вовсе не встречаться, а при встрече им необходимо противодействовать. Таким образом, потенциальная конгруэнтность оборачивается почти постоянной неконгруэнтностью в реальном пространственно-временном континууме.

Суть второго барьера состоит в том, что необходимые объекты и их качества, даже будучи совмещены с потребностью в пространстве и времени, существуют отдельно от субъекта, их еще нужно "взять", "присвоить". Иначе говоря, всегда имеется некоторое сопротивление объекта субъекту: его оказывают даже обычные, неодушевленные объекты (камень своей тяжестью, вода – текучестью, вилла на море – ценой, ситуация – многозначностью и непонятностью). Точно также и субъект противодействует объекту, когда не удается избежать угрозы. Это проявляется в сопротивлении жертвы агрессору, в борьбе человека со стихией и т.д.

Наличие первого барьера порождает необходимость информации об источниках энергии и об источниках угрозы. Субъект ее получает благодаря текущему восприятию, осуществляемому с помощью различных органов ощущений, и памяти. В то же время субъект и сам является источником информации: совершая действия (вербальные и невербальные), он передает ее всему, что его окружает. Таким образом, обмен, а, следовательно, и взаимодействие распадаются на два отдельных, хотя и тесно связанных процесса: энергетический и информационный. Неразрывная

связь информационных и энергетических процессов признается сейчас биологами, философами, специалистами в области кибернетики и системного анализа.

В случае с изолированным субъектом, ведущим простое существование (последовательно совершаемые акты обмена, не накладывающиеся друг на друга во времени), информационный обмен должен предшествовать энергетическому, но в реальности оба процесса так переплетаются в своей непрерывности, что их оказывается трудно отделить друг от друга. Во всяком взаимодействии субъект должен получить информацию и правильно распознать, понять ее содержание. Это – преодоление первого барьера. Далее может быть совершен энергетический обмен, и тогда будет преодолен (но, возможно, и нет) второй барьер. Первый барьер я называю *барьером информационной неопределенности*, второй – *барьером энергетической неопределенности*. Весь цикл обмена в законченном виде представляет собой преодоление обоих барьеров и достижение полной или удовлетворяющей субъекта меры определенности.

В совокупности указанные барьеры создают один, глобальный, который можно назвать просто *барьером неопределенности*, и который является атрибутивным для системы "объект - субъект". Он, по всей видимости, – был и есть главная движущая сила развития всего живого, в том числе человека: в последнем случае подразумевается как биологическое, так и психосоциальное развитие; как филогенез, так и онтогенез. Перед субъектом возникает объективная задача, состоящая в необходимости его преодоления. Она так же, как и сам барьер, – фундаментальна. Она существует как непреложная и инвариантная данность; не решая ее, субъект не в состоянии обеспечить свое собственное бытие. Фундаментальна она и потому, что не может быть решена раз и навсегда. Она постоянно воспроизводится, и субъект сталкивается с ней непрерывно, в течение всей жизни в условиях постоянного изменения номенклатуры и свойств окружающих объектов. Безусловно, следует согласиться с Р.Х.Шакуровым, считающим, что понятия барьера и преодоления – важнейшие для психологии [5].

В науках, изучающих поведение человека, проблема неопределенности выходит на передний план чаще всего в исследованиях процесса принятия решений. В данной области давно ведутся активные разработки отечественными и зарубежными специалистами. Вряд ли, однако, в методологическом плане справедливо рассматривать неопределенность в ситуациях принятия решений как частный случай. Более точной была бы исходная позиция, заключающаяся в том, что все ситуации жизнедеятельности субъекта, его взаимодействия с внешним миром – ситуации принятия решения, и во всех них присутствует большая или меньшая неопределенность, а частным случаем является определенность.

Еще в философских учениях древности неопределенность рассматривалась как неизбежный элемент мироздания. Перечень ссылок на античных мыслителей мог бы быть очень велик, а идеями о создании богом мира из некоего первичного хаоса пронизаны практически все мировые религии. Сошлюсь на позицию И.Г.В.Гегеля. "Основным условием принятия решений, иначе говоря, основным условием возможности решать ... является абсолютная неопределенность" [2, с.24-25], – заявляет он. Возможно, это излишне категоричное мнение, но с тем, что любое решение принимается в условиях некоторой неопределенности не согласиться сложно. При полной определенности нет необходимости принимать решение вообще, т.к. нет никаких альтернатив, и не существует какого-либо выбора.

В современной науке понятие неопределенности занимает видное место (вспомним принцип неопределенности В.Гейзенберга в физике элементарных частиц, а также то место, которое занимает данное понятие в современных естественных науках: в термодинамике, в описании обратимых и необратимых процессов) и тесно связывается с понятием информации. Например, известнейший английский кибернетик и психолог У.Р.Эшби определяет информацию, как "то, что устраняет неопределенность и измеряется количеством неопределенности, которую оно устраняет" [8, с.254].

Но неопределенность в равной мере связана и с информационными, и с энергетическими процессами. В свою очередь, эти процессы протекают на разных уровнях реальности. Человек сталкивается с неопределенностью физических и химических параметров окружающего мира и отдельных объектов (вплоть до самых мельчайших), с неопределенностью развития социальных, политических и экономических процессов, с неопределенностью исхода каждой конкретной ситуации его собственной жизни. Все это порождает неизбежность постоянного выбора: всегда возникает множество альтернатив, вариантов, имеющих разную (а зачастую тоже неопределенную) вероятность истинности или действительности. Это так даже тогда, когда человеку кажется, что выбора нет, что ситуация полностью определена. Зачастую она оказывается определенной только в его представлении, а на самом деле выбор есть всегда, и кто-то другой в этой же ситуации способен сделать иное. Как утверждает В.Франкл, человек только может сделать вид, что у него нет свободы выбора [4, с.204].

Неопределенность существует в нескольких планах: как принципиальная неизвестность будущего, причем, не только отдаленного, но и того, которое наступит через несколько часов и минут; как отсутствие у субъекта точных представлений о собственных целях и интересах; как недостаточность информации или ее чрезмерное разнообразие в текущих ситуациях и т.д. В конечном счете, всякая неопределенность обуславли-

вается наличием фактора времени, а всякое взаимодействие, в сущности, есть непрерывное превращение неопределенности в относительную определенность. Прошлое, например, является полной определенностью: из множества альтернатив, которые несет с собой будущее, в настоящем делается выбор, – совершается некое действие, и оно превращается в застывшую данность, не поддающуюся изменению. Другое дело, что память человека может искажать факты, порождать сомнения в них, и прошлое иногда вовсе не кажется столь определенным, каким оно на самом деле является.

Что касается будущего, то человек его планирует: ставит перед собой близкие и отдаленные цели, разрабатывает программы действий, прогнозирует. Сейчас он совершает действия, которые окажут нужное влияние на то, что будет завтра. Тем самым, он стремится уменьшить неопределенность, таящуюся в будущем, и сделать так, чтобы, в нем оказалось как можно больше позитивной для него определенности, когда оно превратится в настоящее. Имея это в виду, Э.Гидденс, ввел понятие "колонизации будущего" [3, с.109]. Точнее было бы сказать, что человек постоянно пытается расширять границы настоящего. Люди и целые цивилизации стремятся все спланировать и предусмотреть на долгое время вперед. Но как только они поймут и уверуют, что это им удастся, они лишатся будущего. Тогда у них останется только одно, хотя и очень протяженное, настоящее.

Не только человек, но и все живое существует в условиях неопределенности. Жизнь (как биологическое явление) совершает витки эволюции и стремится к такому уровню развития, который обеспечивает лучшие возможности для ее преодоления. Но преодоление оказывается иллюзорным, потому что происходит переход на новый уровень реальности, на котором неопределенность возникает в иных формах. Возникновение сознания дало человеку огромное преимущество перед животными, но оно же резко "расширило" для него окружающий мир и "перевело" проблему неопределенности в качественно иную плоскость. И.И.Шмальгаузен по этому поводу писал: "В процессе эволюции живых организмов прогрессивная их дифференциация сопровождалась непрерывным усложнением взаимоотношений между организмом и средой. Организм вступает в связь со все новыми элементами этой среды. Поэтому среда становится для организма все более сложной" [6, с.175]. Именно для человека приобретает особое значение гносеологическая проблема познаваемости или непознаваемости Мира. Она актуальна для него не только в целом, но и в применении к каждой текущей ситуации взаимодействия. Человек иногда очень остро осознает и переживает невозможность точного знания о чем-то, а для животного окружающая действительность во многих отношениях носит гораздо более определенный характер.

Неопределенность, существующая для субъекта в принципе и в каждый данный момент времени, а также необходимость ее преодоления обуславливают возникновение и развитие в филогенезе таких психологических феноменов, как интерпретация и атрибуция, принятие решений, рефлексия, и многих других. В онтогенезе формируются их индивидуальные характеристики. Если бы не неопределенность, всех их просто не было бы, впрочем, как не было бы, по всей видимости, познания, психики и самого субъекта.

Всякое взаимодействие и есть преодоление неопределенности. Речь не идет о том, что человек постоянно совершает волевое усилие, постоянно и осознанно стремится к преодолению неизвестности и трудностей. Преодоление неопределенности нельзя свести к преодолению препятствий, а наличие или отсутствие волевой регуляции не меняет сути дела. Любое животное, не обладающее, как таковой (осознанной), волей тоже находится в состоянии непрерывного взаимодействия и непрерывного преодоления неопределенности в таких формах, которые характерны для его уровня эволюции. Что касается человека, то он может не предпринимать никаких специальных усилий в отдельно взятой ситуации – само течение времени и независимое от него развитие событий внесут в нее ту или иную определенность. Другое дело, насколько и как долго достигнутая таким образом она будет удовлетворять его.

Итак, субъект существует в неопределенном мире, и неопределенность должна преодолеваться. Но, во-первых, преодоление ее невозможно, если сам субъект не обладает достаточной внутренней определенностью. Во-вторых, всякое ее преодоление носит субъективный характер. Различные процессы и явления, протекающие во внешней среде (и в самом организме) подчиняются законам, которые, безусловно, объективны. Но обычному человеку известно небольшое их число, и, к тому же, его интересует не объективная истина: для него важнее забота о себе и удовлетворение собственных потребностей. Для человека зачастую важен не факт, а его значение, причем, не объективное, а то, которое факт имеет именно для него и именно сейчас. Поэтому всякое преодоление неопределенности становится субъективным и в информационном аспекте приобретает форму определения значения.

Определения значения тесно связано с принятием решения, в совокупности то и другое обеспечивают связь между информацией и действием. Иначе говоря, они объединяют оба барьера в одно целое. Разница между ними достаточно условна хотя бы потому, что определение значения можно считать принятием решения о значении. Очевидно также, что упоминавшиеся выше психологические процессы: интерпретация и атрибуция, – являются частными случаями определения значения (первое из этих понятий обычно используют при описании процессов объяснения

человеком событий и фактов, второе – для описания процессов объяснения себе самому действий других людей).

Всякие решения, интерпретации и атрибуции могут быть ошибочными, что нашло отражение в понятии "фундаментальной ошибки атрибуции" [10]. Однако они не могут быть хаотичными, т.е. существуют культурные и индивидуальные "правила" определения значений и принятия решений. Благодаря им, формируются соответствующего уровня "картины мира". Для того, чтобы на индивидуальном уровне значения определялись, а решения принимались сравнительно одинаково для повторяющихся совокупностей условий, субъекту нужна внутренняя организация, обеспечивающая такую устойчивость. Эта организация появляется благодаря формированию личности.

Онтогенез в многообразной природно-социальной среде даже при условии того, что культура структурирует ее – она создает относительно единую модель интерпретации мира, в чем и заключается одна из важнейших ее функций, – допускает огромное количество возможных вариантов становления внутреннего мира субъекта. Количество степеней свободы настолько велико, что все они не могут им быть реализованы: они превышают возможности индивидуального сознания. Личность не может быть всем, чем она могла бы стать (но многие люди, особенно в молодости фантазируют, представляя себя в самых разных ролевых ипостасях и в разных обличьях характера). Из всех возможных вариантов жизненного пути она проживает в действительности только один. Он может оказаться очень извилистым, но это ничего не меняет.

Таким образом, во внутреннем, психологическом плане: личность не может быть беспредельно разнообразной. Основываясь на своих склонностях, обусловленных особенностями нервной системы и психики, она в процессе социализации осуществляет (по преимуществу бессознательно) "примерку" и постепенный "отбор" приемлемых для себя форм и правил поведения, мнений, убеждений, жизненных принципов.

Сложившееся содержание ментального мира субъекта является результатом постепенного устранения неопределенности, формирования более или менее устойчивого образа мира и образа "Я". Некоторые люди в процессе такого ограничения создают жесткую и узкую систему стереотипов, другие – более разнообразную и гибкую, но, как бы то ни было, личность есть результат сокращения числа степеней свободы в определении значений (смыслов) и выбора действия. Следовательно, личность можно рассматривать как средство и как продукт преодоления психикой и сознанием неопределенности. В связи с этим до сих пор сохраняют актуальность слова М.Шелера: "Основное заблуждение, из которого возникает "классическая" теория человека, глубоко принципиально и связано с образом мира в целом: оно состоит в предположении, что этот мир, в котором мы живем, изначально и постоянно упорядочен [6, с.170].

Более полувека тому назад была опубликована работа Е.Френкеля-Брунsvика [9], в которой впервые была поставлена сама проблема неопределенности под психологическим углом зрения. Однако психологическая наука до сих пор обращает недостаточно внимания на нее. Между тем, как следует из сказанного выше, эта проблема имеет колоссальное значение для разработки психологических теорий макроуровня, в том числе для дальнейшего развития субъектного подхода.

Литература

1. Брушлинский А.В. Проблема субъекта в психологической науке // Психологический журнал. – 1991. – Т.12, №6. – С.3-11.
2. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. В 2-х т. – М., 1972. – Т.2.
3. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. – 1994. – Т.2. - Вып. 5. – С.107-134.
4. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990.
5. Шакуров Р.Х. Барьер как категория и его роль в деятельности // Вопросы психологии. – 2001. – № 1. – С.3-18.
6. Шелер М. Избранные произведения. – М.: Гнозис, 1994.
7. Шмальгаузен И.И. Пути и закономерности эволюционного процесса. – М.: Наука, 1983.
8. Эшби У.Р. Введение в кибернетику. – М., 1959.
9. Frenkel-Brunswik E. Intolerance of ambiguity as an emotional and perceptual personality variable // J. of Personality. – 1949. – Vol.18. – P.108-143.
10. Ross L.D. The intuitive psychologist and his shortcomings: distortions in the attribution processes // Advanced in Experimental Social Psychology. Vol.10. / L.Berkowitz (Ed.). – N.Y.: Academic Press, 1977. – P.173-220.

Роль рефлексии в развитии самосознания: субъектный подход

Багринцева Л.Г.,
Омский гос. университет путей сообщения

Последние годы в психологической науке все больший вес приобретает новая парадигма изучения человека - психология субъекта. И хотя ее возникновение связано с именем С.Л. Рубинштейна, который стал развивать эту идею в 20-30-е годы прошлого века, только сейчас категория субъекта становится по-настоящему значимой.

Проблема человека как субъекта деятельности и жизнедеятельности имеет в отечественной психологии богатую традицию: философско - психологическая концепция человека С.Л.Рубинштейна, конкретизированная в работах К.А.Абульхановой-Славской, А.В.Брушлинского и др.; исследования человека как системы индивидуальных, личностных, субъектных свойств и индивидуальности, выполненные в школе Б.Г.Ананьева; кон-

цепция отношений человека В.Н.Мясищева задают основу изучения субъектного начала человека.

В настоящее время субъектный подход к исследованию психологической реальности становится приоритетным. Субъектность приобретает статус методологического принципа и одновременно является предметом изучения. Анализируются феномены субъектности, компоненты субъектного опыта, механизмы субъектности; изучаются закономерности развития субъектного начала человека в онтогенезе, принципы организации образовательных систем, развивающих субъектность. Однако все еще остается известная неопределенность значения самого понятия субъектности, ее онтологического статуса, морфологии.

Категорию субъекта, по С.Л. Рубинштейну, характеризует активность, способность к развитию и интеграции, самодетерминации, саморегуляции, самодвижению и самосовершенствованию.

Активное участие человека в процессе жизнедеятельности как способность выстраивать собственное бытие характеризует человека как субъекта своей жизни.

В проводимых нами исследованиях выделены различные аспекты жизнедеятельности и самопознания.

Познание себя возможно при условии, когда человек имеет дистанцию по отношению к себе самому и, отличаясь, сам от себя, делает возможной тотальную рефлексивность собственной жизни. Человек - это сложная рефлексивная система, причем рефлексия на уровне человеческого сознания достигает своего наивысшего развития. Рефлексия как компонент в психологической структуре человека, прежде всего, выполняет функцию или является основой развития и изменения человека.

Внутренний мир личности и ее самосознание издавна привлекали внимание философов, ученых, художников. Поведение человека всегда, так или иначе, соотносится с его представлениями о самом себе и о том, каким он должен быть.

Самосознание - это, прежде всего процесс, с помощью которого человек познает себя и относится к самому себе. Но самосознание характеризуется также своим продуктом - представлением о себе, "Я-образом" или "Я-концепцией".

"Я-концепция" не просто продукт самосознания, но важный фактор детерминации поведения человека, такое внутриличностное образование, которое во многом определяет направление его деятельности, поведение в ситуациях выбора, контакты с людьми.

Анализ "Я-образа" позволяет выделить в нем два аспекта: знания о себе и самоотношение. В ходе жизни человек познает себя и накапливает о себе знания, эти знания составляют содержательную часть его представлений о себе - его "Я-концепции".

Социальное и психическое развитие личности не ограничивается теми или иными периодами и осуществляется на всех этапах жизненного пути человека. Чем более зрелой в социальном и психологическом плане становится личность, тем более возрастает её способность к дальнейшему развитию. В каждом признаке личностного образования заложен свой смысл, от раскрытия которого во многом зависит развитие личности.

В одном из наших исследований выявлено:

- существуют изменения в развитии личности в разных возрастных группах,
- наблюдается перераспределение ценностей в сферах жизнедеятельности при проектировании жизненного пути и значимости собственного «Я»,
- прослеживаются изменения в стратегиях самоутверждения.
- выделены сходства в портретах личности студентов 1-го и 4-го курсов.

Таким образом, независимо от возраста, наши студенты смело смотрят в будущее, стараясь внести коррективы в свою сегодняшнюю жизнь. Область коррекции своя для каждой группы.

Формирование ценностно-смыслового содержания невозможно без осознания и рефлексии собственной жизни, именно рефлексивный блок поднимает человека над суетой жизни и дает ему возможность стать выше себя. Хотелось бы подчеркнуть особую значимость рефлексии в становлении внутреннего мира человека. Являясь обязательным элементом саморегуляции, рефлексия служит основой развития и изменения человека. Изучение рефлексии в этом направлении тесно связано с фило- и онтогенезом человека. Рефлексия выступает как смысловой центр человеческой реальности, а возможно, и всей жизнедеятельности человека. В этом понимании она не только приобретает онтологическое звучание, но становится необходимым элементом всякого развития.

Рефлексия не только продукт сознания, но также форма его существования, важнейшее его условие, а строго говоря, и один из его основных механизмов.

Рефлексия - один из главных факторов, конституирующих не только психику и психологию, но и знание как таковое. Это форма и условие существования знания, в том числе и научного, а в особенности психологического.

Рефлексия — это действие, направленное на выяснение оснований собственного способа осуществления активности. Соотнесение категорий «рефлексия» и «деятельность» заставляет по-новому взглянуть на природу рефлексии и уровень организации этого явления по сравнению с другими психическими процессами и свойствами.

Деятельностный подход к изучаемому явлению позволяет рассматривать рефлексию при познании своего внутреннего мира и при познании внешнего мира, в том числе и внутреннего мира других людей, как еди-

ную психологическую реальность — рефлексивное действие. В русле жизнедеятельностного подхода, рефлексия представляет собой механизм и одновременно необходимое условие личностного роста и развития.

Рассматривая рефлексивные механизмы самосовершенствования, не стоит забывать о развитии личности в период ранней взрослости. Именно на этот период приходится время обучения в вузе.

Как известно, развитие личности студента, как будущего специалиста с высшим образованием, происходит по следующим направлениям:

- укрепляется профессиональная направленность, развиваются необходимые способности;

- совершенствуются, «профессионализируются» психические процессы, состояния, опыт;

- повышается ответственность за успех профессиональной деятельности, рельефнее выступает индивидуальность студента;

- растут притязания личности в области своей будущей профессии;

- крепнут профессиональная самостоятельность и готовность к будущей практической работе.

Период ранней взрослости, именно время обучения в вузе приходится на этот период, можно по-другому назвать периодом начинаний. Действительно, во всех областях взрослой жизни, будь то личная жизнь или профессиональная, молодой человек стоит в самом начале пути. Это начало, безусловно, связано с определенными планами и надеждами, большинство которых сложилось еще в юношеский период. Однако эти надежды по своей сути являются мечтами, которые необходимо осуществить, чтобы достигнуть желаемого. Поэтому одной из наиболее важных задач молодой личности является необходимость увязать мечту и реальность, желаемое и действительное.

Потребность в самоутверждении, зародившаяся в отрочестве, интенсивно продолжает развиваться в молодости.

Человек, осознавший смысл своей жизнедеятельности, способен самостоятельно ставить жизненные цели, решать поставленные задачи и нести за это ответственность. И то, что стало для человека смыслом его жизни, приобретает для него характер значимости и долженствования.

С разных сторон, обращаясь к осознанию себя, своей жизни, человек приходит к открытию новых значений, отношений, условий, что позволяет ему становиться более свободным и ответственным, дружелюбным и открытым, сильным, творческим, в итоге - более зрелым, обретать себя.

Литература

Багринцева Л. Г. Некоторые особенности развития личности студентов в процессе обучения в ОмГУПС / Матер. Междунар. Конгресса Социальная психология XXI столетия – Ярославль, 2005.

Багринцева Л. Г. Смыслоразностные ориентации в проектировании жизненного пути / Матер. конфер. Интеграция: теория и практика.- Ярославль, 2004.

Волкова Е. Н. Проблема субъектности человека в психологии / Ежегодник Российского Психологического Общества, т.2 – СПб, 2003.

Дерманова И. Б. К вопросу о месте «субъекта» в структуре свойств личности / Ежегодник Российского Психологического Общества, т.3 – СПб, 2003.

Росляков А.Е. Социально-психологическая адаптация студентов в условиях вуза МПС / Автореф. канд. пс. н. – Ярославль, 2003.

Нарциссическая личность пациентов клиники эстетической хирургии

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 06-06-00601а

Баранская Л.Т., Леонов А.Г., Соколова Е.Т., Татаурова С.С., Ткаченко А.Е.
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Уральский госуниверситет им. А.М. Горького г. Екатеринбург
Клиника восстановительной, реконструктивной и пластической хирургии
НПРЦ «Бонум» г. Екатеринбург

Новое обращение к проблеме нарциссизма в современной психологической и психотерапевтической практике явно стимулировано становлением «культуры нарциссизма» (К. Лэш), имеющей социальную обусловленность. Нарциссизм наших дней представляет собой не только расстройство характера, но и культурный императив. В этой связи французский социолог Жиль Липовецки в работе «Эссе о современном индивидуализме» предлагает определение нового нарциссизма, или неонарциссизма: «Неонарциссизму недостаточно нейтрализовать социальный мир, лишая социальные институты их эмоциональных вкладов; на этот раз обеспечивается само «я», оно теряет свою идентичность, причем, как ни парадоксально, благодаря его сверхобогащению... Наше «я» утрачивает свои ориентиры и свою целостность, благодаря избытку внимания «я» стало расплывчатым. Подобно тому, как утрачивает целостность, фрагментируется современное общество, приобретая избыточные количества информации, так и «я» подвергается процессу фрагментации (или деконструкции), вследствие избыточного внимания к нему.

Вместе с тем, нарциссизм оказывается императивом действия современного человека. Завышенные требования к себе и бесчувственность мира подталкивают его к действиям, «преобразовательному труду» (Ж. Липовецки). Иными словами, в противовес архаичному мироустройству современный культ красоты воспринимается нарциссической личностью как неприятие фатальности и рост влияния победительных ценностей овладения миром и самим собой, что, в то же время может служить иллю-

страцией «преобразовательного труда» по завоеванию господства над тем, что даровано нам природой. Так или иначе, неонарциссизм никоим образом не является бездействием самолюбования, но напротив, стимулирует лихорадочную деятельность, целью которой является не рациональное преобразование мира, но тщетные попытки придать целостность и совершенство своему «я», придавая желательные качества своему телу. Необходимо подчеркнуть, даже не просто нарциссическую активность, но беспрестанную, безостановочную деятельность. Постоянная озабоченность самооценкой побуждает заниматься буквально всем, что предлагает современная «индустрия самоусовершенствования»: гештальттерапией, биоэнергетикой, рольфингом, джоггингом, тай-цзы-цюань, современными танцами, управлением разумом по методу Сильвы, иглоукалыванием, рейки и прочее. Предложения такого рода услуг постоянно возрастает, спрос на них также не падает.

Нарциссическая заинтересованность повышением самооценки и самоусовершенствованием вынуждает индивидов непрерывно играть в то, что У. Бек назвал «биографическим конструктом»: они внимают постоянно меняющимся рекомендациям специалистов (ученых и экспертов, журналистов и популяризаторов, целителей и провидцев). Применяя эти рекомендации, Нарциссическая личность обязательно оказывается на передовых рубежах науки и техники, проверяя на себе новые и новые, современные и модные методы усовершенствования.

Одну из первых классификаций моделей для подражания, появляющихся на страницах модных журналов и используемых нарциссической личностью предложил французский семиотик Р. Барт. Им обозначены три способа воплощения идеального тела. Первый из них – тело манекенщицы, фотомодели, которое в структурном плане представляет собой парадокс: с одной стороны, ее тело имеет абстрактно-институциональную ценность, а с другой стороны, оно индивидуально. Другими способами являются а) ежегодное декретирование того, какие тела модные, а какие нет, и б) «решения об устройстве одежды», чтобы она трансформировала реальное тело, придавая ему значение идеального тела: удлиняя, утолщая, уменьшая, увеличивая, сокращая, утончая его.

Таким образом, тело становится целью (мишенью) нарциссической активности, а свое место среди прочих ее видов занимает эстетическая хирургия. Растущая демократизация эстетической хирургии, связанная с одержимостью страхом перед старостью и появлением морщин рекрутирует в число зависимых от нее пациентов все более широкие слои населения. Данная тенденция характерна для всех высокоразвитых стран. Вместе с тем, ссылаясь на французскую и американскую статистику, можно утверждать, что в этих странах самой востребованной эстетической хирургической помощью является липосакция, тогда как в нашей стране – пластика век и подтяжка (лифтинг) кожи лица и шеи. Эстетическая хи-

ругия, прежде находившаяся под моральным запретом, теперь все больше воспринимается как никого не шокирующий метод и вполне законный способ стать моложе и красивее. Методы эстетической хирургии направлены на то, чтобы создать обманчивую иллюзию красоты и молодости.

В то же время, важно отметить показательную непоследовательность творцов собственного тела. Для значительной части пациентов клиники эстетической хирургии (по нашим данным, более чем для 30,0 %), активность, направленная на тело сопровождается непостоянными и спорадическими приступами; налицо колебания между энергичными усилиями и бездеятельностью, самоограничением и обжорством, мобилизацией сил и расхолаживанием, самообладанием и распущенностью. Очевидно, что в этих колебаниях легко усмотреть своеобразную динамику нарциссизма, для которого характерны противоречивые стремления к грандиозности, перфекционизму и переживания неполноценности, зависимости от всемогущего объекта.

Исследования проводятся нами поэтапно, начиная с 1998 года на базе клиники восстановительной, реконструктивной и пластической хирургии НПРЦ «Бонум» в г. Екатеринбурге (всего обследовано более 700 пациентов обоего пола, в возрасте от 18 до 74 лет).

В целях исследования личностной организации пациентов, мы использовали лицензированные тесты Tomas F. Cash (Вирджиния США) – BIQLI и SIBID (часть тестовой батареи), с помощью которых можно оценить отношение к телу в контексте определенных жизненных ситуаций и измерить влияние внешнего облика на качество жизни. Кроме того, применялась методика экспресс-оценки психоэмоционального состояния пациентов перед операцией, разработанная на кафедре госпитальной хирургической стоматологии МГМСУ.

Для 30,7 % пациентов характерно то, что, добившись высокого социально-профессионального статуса, общественного признания, материального благополучия, они не могут достичь желаемого в интимно-личностных отношениях, установить зрелые, стабильные любовные отношения. По-видимому, это связано с особенностями когнитивных процессов пациентов, имеющих пограничную личностную организацию, с имманентно присущими ей нарциссическими паттернами: тенденциозность, гротескность, искаженный характер познавательной деятельности, легкая разрушаемость когниций аффективными переменными.

Действительно, ситуация социального развития такова, что усиливаются неустранимые противоречия основных институтов общества, прежде всего, семьи. Большинство людей «нормально» проходит путь между семьей и одиночеством, допуская плюрализм жизненных форм, то есть смену семей, соединенную и прерываемую другими формами совместной или одинокой жизни. Место ядерной семьи занимает поиск приемлемых

для индивида норм совместной жизни; и сам этот поиск становится нормой. Для нарциссической пограничной личности грандиозное «я», не подтвержденное значимым другим, становится катастрофой, «редуктивным фантазмом» (Ж. Бодрийяр) и требует немедленных действий, направленных на ригидное сохранение утративших смысл связей и отношений. При этом требования к любовным отношениям связаны с жесткими установками относительно поведения людей в паре, которые помогают избежать измен, расставания и прочее.

Недостаточные ресурсы пограничной личности, невозможность эффективного изменения реальной ситуации, использование неадекватных стратегий определяет непосредственное эмоциональное решение проблем. Снятие негативных ощущений достигается путем видимых внешних изменений. В качестве наиболее приемлемого способа выхода из ситуации жизненного кризиса выступает эстетическая хирургическая операция, как нарциссическая иллюзия лучшего будущего. Ведущим мотивом является не просто достижение совершенства, а желание избавиться от собственного «я» и обретение вместо него другого «я». На хирурга возлагается задача, которая не может быть им решена. Поэтому, при любом объективном исходе, неминуемо недовольство результатами эстетической хирургии. Их комплаентность также носит парадоксальный характер. В ближайшем послеоперационном реабилитационном периоде они самостоятельно предпринимают некоторые действия, способствующие, с их точки зрения скорейшему выздоровлению, либо необоснованно прекращают выполнение назначений врача, «убедившись» в их неэффективности. Поэтому, вместо нормального срока восстановления тканей после операции (в среднем 5,5 суток), они имеют более длительные сроки дерматологической реабилитации (в среднем 14,5 суток). Но, в то же самое время, большинство (более 80,0 %) пациентов данной группы, еще находясь в стационаре, планируют очередное эстетическое хирургическое вмешательство.

Таким образом, свойственная нарциссической пограничной личности неспособность успешно разрешать жизненные трудности, «бредовая идентичность», мотивирует ее к эстетической хирургической операции, определяет поиск суррогатных способов упрочения и развития близких дружеских и любовных отношений.

Связь мотивации и эмоционального выгорания с отношением учителей к непосредственному руководителю

Е. Н. Башук, О. М. Щербакова

Нижегородский гос. университет им. Н. И. Лобачевского

Изучение межличностных отношений в системе руководитель-подчиненный – одно из важнейших направлений в современной социаль-

ной психологии организаций. Рассмотрение этого вопроса имеет существенное значение в решении таких прикладных задач: повышение эффективности труда, благонадежности и лояльности работников, эффективности руководства, развития организационной культуры и внедрения инноваций. Практически ни одна проблема организационной психологии не может быть решена без анализа взаимодействия руководителя и подчиненных. В то же время недостаточно изучен вопрос о влиянии различных личностных факторов на формирование отношения к руководителю подчиненных. В данном исследовании на основе корреляционного анализа делается попытка на примере педагогов общеобразовательных школ установить некоторые значимые связи.

В исследовании принимали участие учителя начальных и средних классов разных общеобразовательных школ - женщины в возрасте от 28 до 55 лет. Они выражали свое отношение к директорам своих школ, которые также были женщинами. В исследовании были использованы следующие методики: Тест диагностики самопрезентации М. Снайдера, методика «Диагностика мотивационной структуры личности» В. Э. Мильмана, опросник оценки общей направленности личности Смекала-Кучера, опросник для оценки уровня социально-психологической адаптации учителя школы Р. Х. Исмаилова, методика диагностики оперативной оценки самочувствия, активности и настроения (САН) и опросник «Диагностика эмоционального выгорания личности» В. В. Бойко.

Для оценки отношения к руководителю использовалась методика «Субъективная шкала толерантности». Данная методика позволяет диагностировать 2 ключевые характеристики отношений: терпимость – готовность до определенных пределов переносить негативное влияние другого человека, и сближение – готовность, впустить человека в круг значимых лиц и наладить с ним близкие отношения. При этом межличностное сближение характеризуется тремя параметрами: рациональным сближением (желание разобраться в отношениях, проблемах, позициях другого человека), эмоциональным (эмпатийным) сближением (желание почувствовать другого человека, проникнуться его личностью, эмоционально сблизиться) и практическим сближением (активность личности, направленная на расширение взаимодействия с другим человеком, осуществление с ним совместной деятельности). Межличностная терпимость характеризуется двумя параметрами: реактивной терпимостью (ситуативная негативная реакция субъекта в отношении другого человека в ситуации конфликта) и перспективной терпимостью (стремление к перестройке системы отношений с другим человеком, из-за его временной антагонистической позиции). Для оценки удовлетворенности руководителем использовалась соответствующая шкала методики Р. Х. Исмаилова.

Исследовались корреляционные связи по Спирмену, анализировались только достоверные коэффициенты корреляции ($p < 0,05$).

Все изучаемые характеристики находились в пределах статистической нормы, критических значений не наблюдалось. Наиболее значимыми мотивами у учителей были «творческая активность» и «социальная полезность», характеристики общей направленности – ориентация на себя, на задачу и на взаимоотношения – были сбалансированы. Учителя, участвовавшие в исследовании, в целом были достаточно хорошо адаптированы к условиям работы, не испытывают сильной дезадаптации. В то же время из симптомов эмоционального выгорания у большинства педагогов проявляются «редукция профессиональных обязанностей», «неадекватное избирательное эмоциональное реагирование», «эмоциональное истощение».

Исследовалась готовность учителей к сближению с руководителем и ее корреляции с самопрезентацией и выраженностью базовых мотивов. Обнаружены достоверные связи мотивации учителей с их отношением к руководителю. При этом, чем больше учителя умеют презентовать себя и свои качества, действовать в зависимости от сложившейся ситуации, быть гибкими, тем менее они желают разбираться в проблемах и позициях своих директоров, и тем менее они удовлетворены им в целом. И наоборот – чем меньше человек умеет подать себя, «играть», тем более близок ему директор и он налаживает с ним взаимоотношения, и тем, соответственно, более доволен им.

У учителей изучаемых групп обнаружены отрицательные корреляции мотивов общежитейской направленности со стремлением к сближению с директорами. Это свидетельствует о том, что чем актуальнее для педагогов удовлетворение насущных потребностей, тем меньше они стремятся строить близкие отношения со своим директором.

Выраженность рабочих мотивов у учителей имеет положительные корреляции с отношением к руководителю. Чем активнее учителя в целом и на работе, тем значительнее они готовы расширять сферы взаимодействия с руководителем и больше удовлетворены им. При значимости такого мотива, как «социальная полезность», учителя охотнее придерживаются позиции директора ($r = 0,42$), пытаются разобраться в его личности ($r = 0,68$), эмоционально стать ближе к нему ($r = 0,53$) и эффективно с ним взаимодействовать ($r = 0,57$). Также при выраженности данного мотива педагоги более терпимы к руководителю, в случае возникновения ситуативного противоречия с руководителем, они более спокойно реагируют на это ($r = 0,57$) и не стремятся пересматривать с ним отношения ($r = 0,64$).

На отношение к руководителю влияют самочувствие, активность и настроение подчиненных. Данные комфорта и психического здоровья положительно коррелируют со стремлением к практическому сближению с директором ($r = 0,53 - 0,59$) из чего следует, что, чем выше данные по-

казатели у учителей, тем активнее они расширяют свое взаимодействие с директором.

Исследовалась также общая направленность у учителей и ее связи с отношением к руководителю. Направленность на себя отрицательно коррелирует с рациональным ($r = -0,77$) и общим сближением ($r = -0,67$), перспективной ($r = -0,62$) и общей терпимостью к директору ($r = -0,55$) и удовлетворенностью им ($r = -0,68$). Это означает, что чем больше учителя заботятся о собственном благополучии, стремятся к личному первенству, отодвигая на задний план проблемы окружающих, тем меньше они хотят разбираться в позициях директора, налаживать с ним контакт; тем больше стремятся изменить свое отношение к нему, изменить принцип работы с ним в случае возникновения временных противоречий; и испытывают неудовлетворенность им в целом. В случае же уменьшения этой направленности, изменится и отношение к руководителю.

Направленность на задачу имеет отрицательную корреляцию с общей терпимостью ($r = -0,40$), но положительную корреляцию с удовлетворенностью руководителем ($r = 0,43$). То есть чем больше учителя ориентированы на решение задач профессиональной деятельности, тем больше они удовлетворены директорам, но меньше готовы прощать ошибки. Направленность на взаимодействие положительно коррелирует с рациональным ($r = 0,62$) и общим сближением ($r = 0,55$), перспективной и общей терпимостью ($r = 0,67$) и удовлетворенностью руководителем ($r = 0,42$).

Исследовались также влияние удовлетворенности трудом и социально-психологической дезадаптации на отношение к руководителю педагогов. Хорошее отношение к учебному заведению закономерно положительно коррелирует с общим сближением ($r = 0,43$) и общей терпимостью к директору ($r = 0,67$). То есть, чем больше удовлетворены учителя своим местом работы, тем больше их желание и готовность принимать позицию директора, сблизиться с ним и активно взаимодействовать, тем легче разрешаются противоречия. При этом, хорошие отношения между педагогами отрицательно сказываются на деловых отношениях с директором. Обнаружены соответствующие отрицательные корреляции с практическим сближением ($r = -0,56$).

Удовлетворенность условиями труда также отрицательно коррелирует с рациональным ($r = -0,48$) и общим сближением ($r = -0,40$), а также удовлетворенностью директором ($r = -0,85$). То есть, чем менее комфортно чувствуют себя учителя на рабочем месте, тем более они склонны взаимодействовать с руководителем, проявлять с ним солидарность.

Положением в коллективе положительно связано с общим сближением с директором ($r = 0,43$), и терпимостью к нему ($r = 0,55$). Вероятно работники, имеющие более высокий статус, лучше относятся к руководителю и более лояльны к нему и его ошибкам.

Данные по шкале лжи опросника Р. Х. Исмаилова могут свидетельствовать об искренности учителей, которая прямо пропорциональна сближению с директором ($r = 0,53$) и удовлетворенности им ($r = 0,58$). Это может говорить о том, что чем более учителя открыты и искренни, тем больше они удовлетворены своим руководителем и готовы с ним взаимодействовать, более открыты с ним и больше ему доверяют.

Также в работе изучались связи проявлений стресса и эмоционального выгорания с проявлением отношения к директорам школ. Установлено, что редукция профессиональных обязанностей имеет отрицательные корреляции с практическим сближением с директором ($r = -0,58$). Это может говорить о том, что чем больше упрощений в работе допускают учителя, тем меньше они стремятся к взаимодействию с директором, или избегают общения с ним.

Симптом «эмоционально-нравственной дезориентации», напротив, отрицательно коррелирует с эмоциональным ($r = -0,38$), практическим сближением ($r = -0,67$) и реактивной терпимостью ($r = -0,37$). Это может указывать на то, что чем более педагоги удаляются от нравственных ориентиров, тем менее им интересна личность директора и они стремятся больше отдалиться от него; в случае возникновения противоречий такие люди могут продемонстрировать нетерпимость к позиции руководителя.

Симптом «неудовлетворенности собой» отрицательно коррелирует с практическим сближением с директором ($r = -0,41$) и реактивной терпимостью ($r = -0,42$). Такие люди стремятся ограничить свои деловые контакты с начальством и могут быть несдержанны и импульсивны в ситуации конфликта с директором.

В то же время эмоциональное истощение, выражающееся в симптомах «эмоционального дефицита» и «эмоциональной отстраненности» отрицательно коррелируют со сближением и терпимостью к руководителю ($r = -0,34$ – $-0,76$). На основании этого можно предполагать, что чем больше устают от эмоционального взаимодействия учителя, тем меньше у них желание сближаться с руководителем и тем меньше они удовлетворены им в целом. Такие люди не стремятся вникать в проблемы своего руководителя, им не интересны его эмоциональные переживания и нет желания действовать совместно. При возникновении спорной ситуации есть вероятность проявления негативной реакции и нетерпимости в отношении директора.

В целом исследование показало, что на отношение к руководителю влияют как базовые мотивы и общая направленность личности педагогов, а также их состояние адаптированности и выраженность симптомов эмоционального выгорания.

Эмоциональный компонент субъективного благополучия женщин-педагогов общеобразовательных школ

Белан Е.А., Карандашова С.,
ФППК КубГУ,

Проблема субъективного благополучия личности приобретает особую актуальность в условиях общего снижения качества жизни больших слоёв населения в нашем обществе, поскольку удовлетворённость жизнью во многом обеспечивает реализацию самых различных потенциалов человека: физических, социальных, духовных.

На переживания благополучия (или неблагополучия) влияют различные стороны бытия человека. Поэтому его необходимо рассматривать как интегрирующее ряд ощущений и переживаний [1].

Между тем, в работах отмечается, что в психологии знание о проблеме психологического благополучия/неблагополучия в целом остается недостаточно четким и слабо систематизированным [2; 3].

В центре субъективного благополучия личности оказывается, прежде всего, ценностные аспекты отношения человека к различным сферам его жизни, а также уровень адаптации к ним. При этом главной составляющей его психологического измерения становятся переживания, чувственно-эмоциональная и когнитивная сферы, обусловленные как субъективными обстоятельствами жизнедеятельности, так и личностными свойствами [4].

Феномен субъективного благополучия в первую очередь связан не столько с потребностями и их реализацией, сколько с субъективным отношением личности к возможности их удовлетворения, событиям жизни и самому себе, стремлениями, представленными в самосознании [5].

По определению Р.М. Шамионова, субъективное благополучие – понятие, выражающее собственное отношение человека к своей личности, жизни и процессам, имеющим важное значение для личности с точки зрения усвоенных нормативных представлений о внешней и внутренней среде и характеризующееся ощущением удовлетворённости [5].

Л.В. Куликов считает, что в субъективном благополучии (в целом и в его составляющих) целесообразно выделять два основных компонента: когнитивный (рефлексивный) – представления о собственном благополучии (благополучности), и эмоциональный – удовлетворенность субъекта своей жизнью, чувство благополучия, доминирующий эмоциональный тон переживаний [1].

Р.М. Шамионов отмечает, что в вопросе о субъективном благополучии существует по крайней мере две позиции: идущая «от личности» – проблема самосознания, рефлексивного «Я» и «к личности» – проблема

внешнего (по отношению к ней) содержания как условие усиления индекса благополучия [5].

Педагогическая деятельность предъявляет к субъекту повышенные требования, особенность которых состоит в том, что личность педагога является одним из важнейших инструментов трансляции знаний и опыта. В силу этого субъективное благополучие личности, осуществляющей данную деятельность, её внутреннее равновесие в сочетании с переживанием психоэмоционального комфорта представляется значимым звеном в проблематике личностных характеристик педагога.

С целью выяснить общие характеристики эмоционального компонента субъективного благополучия педагогов-предметников общеобразовательных школ, было предпринято соответствующее исследование.

В исследовании приняли участие женщины (50 человек) – педагоги общеобразовательных школ в возрасте 22-59 лет.

Для исследования субъективного благополучия личности была использована Шкала субъективного благополучия [2], состоящая из семнадцати пунктов, содержание которых связано с эмоциональным состоянием, социальным поведением и некоторыми физическими симптомами.

Методика оценивает качество эмоциональных переживаний субъекта в диапазоне от оптимизма, бодрости и уверенности в себе до подавленности, раздражительности и ощущения одиночества. В соответствии с содержанием, пункты делятся на шесть кластеров. Дифференцировка пунктов по шести кластерам позволяет провести качественный анализ ответов испытуемых [2].

В целом результаты измерения позволяют сделать вывод, что у женщин-педагогов преобладает:

- умеренно выраженное (4-7 баллов) ощущение субъективного благополучия (54% от общего числа выборки), которое характеризуется отсутствием серьезных эмоциональных проблем при неполном эмоциональном комфорте;

- умеренно выраженный (2-3 балла) эмоциональный комфорт (40% от общего числа выборки), характеристиками которого является активность, уверенность в себе, адекватность взаимодействия с окружающим миром.

У 6% испытуемых наблюдается высокий уровень эмоционального комфорта (1 балл), сочетающийся с позитивной самооценкой, высокой стрессоустойчивостью, отрицанием серьёзных психологических проблем.

Анализ значений итогового балла шкалы субъективного благополучия показал, что в нашей выборке женщин-педагогов отсутствует значительно-выраженный эмоциональный дискомфорт (8-10 баллов), характерный для людей, склонных к переживанию преимущественно отрицательных эмоций.

Чтобы получить возможность сопоставления значений выраженности признака по отдельным содержательным кластерам шкалы субъективного благополучия, сырые баллы были переведены в процентное исчисление, показывающее уровень проявления измеряемого конструкта от максимально возможного (100%) по каждому из кластеров: напряжённость и чувствительность; признаки, сопровождающие основную психиатрическую симптоматику (депрессия, сонливость, рассеянность и т.д.); изменения настроения; значимость социального окружения; самооценка здоровья; степень удовлетворённость повседневной деятельностью. Сравнение степени выраженности отдельных качеств, содержательно составляющих субъективного благополучия позволило выявить условно низкий уровень выраженности качества (до 40%) и условно высокий уровень (свыше 70%) по отдельным кластерам Шкалы.

В результате сравнения полученных данных были выявлены зоны минимального и максимального напряжения психоэмоциональной сферы личности женщин-педагогов.

Для выявления зоны минимального напряжения в целом по выборке было проведено ранжирование: при этом первый ранг был присвоен кластеру, по которому было получено максимальное количество низких оценок, свидетельствующих об отсутствии психоэмоционального дискомфорта в данной области (табл. 1):

Таблица 1

Данные ранжирования кластеров шкалы субъективного благополучия (1)

	Кластеры Шкалы субъективного благополучия					
	ЗСО	ИН	СЗ	СУПД	НЧ	ОПС
Кол-во низких значений	33 чел. (66 %)	17 чел. (34 %)	14 чел (28 %)	13 чел (26 %)	8 чел. (16 %)	7 чел (14 %)
Ранг	1	2	3	4	5	6

Примечание: НЧ – напряжённость и чувствительность; ОПС – признаки, сопровождающие основную психиатрическую симптоматику (депрессия, сонливость, рассеянность и т.д.); ИН – изменения настроения; ЗСО – значимость социального окружения; СЗ – самооценка здоровья; СУПД – степень удовлетворённость повседневной деятельностью.

Из таблицы видно, что минимальный эмоциональный дискомфорт у женщин-педагогов вызывает социальное окружение, в целом по выборке их характеризует относительная устойчивость настроения, что может пониматься как оптимальная приспособленность, в том числе и психоэмоциональная, к условиям повседневной деятельности.

Для выявления зоны максимального напряжения в целом по выборке было проведено ранжирование: при этом первый ранг был присвоен кла-

стеру, по которому было получено максимальное количество высоких оценок, свидетельствующих о наличии психоэмоционального дискомфорта в данной области (табл. 2):

Таблица 2

Данные ранжирования кластеров шкалы субъективного благополучия (2)

	Кластеры Шкалы субъективного благополучия					
	СЗ	НЧ	ОПС	СУПД	ИН	ЗСО
Кол-во высоких значений	7 чел. (14 %)	4 чел. (8 %)	4 чел. (8 %)	3 чел. (6 %)	1 чел. (2 %)	0
Ранг	1	2,5	2,5	4	5	6

Примечание: НЧ – напряжённость и чувствительность; ОПС – признаки, сопровождающие основную психиатрическую симптоматику (депрессия, сонливость, рассеянность и т.д.); ИН – изменения настроения; ЗСО – значимость социального окружения; СЗ – самооценка здоровья; СУПД – степень удовлетворённость повседневной деятельностью.

Из таблицы видно, что зонами, вызывающими наибольшее беспокойство у женщин-педагогов являются самооценка здоровья, напряжённость и неблагоприятные эмоциональные состояния в сочетании с физическими симптомами (ОПС), что может пониматься как опосредованное реагирование на повышенные требования к субъекту со стороны внешних обстоятельств в условиях повседневной деятельности.

Для выявления взаимосвязей внутри структуры эмоционального компонента субъективного благополучия женщин-педагогов был проведён корреляционный анализ. Данные приведены в таблице 3:

Таблица 3

Данные корреляционного анализа с использованием коэффициента К. Пирсона ($r_{кр} = 0,29$ для $P \leq 0,05$ для $k = 45$ чел.)

Кластеры Шкалы субъективного благополучия	Кластеры Шкалы субъективного благополучия					
		ОПС	ИН	ЗСО	СЗ	СУПД
	НЧ	0,34	0,19	0,16	0,28	0,21
	ОПС	–	0,38	0,46	0,33	0,31
	ИН	–	–	0,38	0,54	0,32
	ЗСО	–	–	–	0,15	0,47
	СЗ	–	–	–	–	0,27

Примечание: НЧ – напряжённость и чувствительность; ОПС – признаки, сопровождающие основную психиатрическую симптоматику (депрессия, сонливость, рассеянность и т.д.); ИН – изменения настроения; ЗСО – значимость социального окружения; СЗ – самооценка здоровья; СУПД – степень удовлетворённость повседневной деятельностью.

Значимые корреляционные взаимосвязи показывают, что кластеры взаимосвязаны друг с другом неоднозначно. Так, на основе анализа корреляционной матрицы можно условно выделить кластеры признаков, сопровождающих основную психиатрическую симптоматику, изменений настроения и степени удовлетворённости повседневной деятельностью как формирующие эмоционального компонента субъективного благополучия женщин-педагогов на том основании, что названные кластеры имеют наибольшее количество взаимосвязей с другими составляющими измеряемого конструкта.

В то же время, кластеры напряжённости и чувствительности, значимости социального окружения и самооценки здоровья имеют относительно меньше взаимосвязей с другими кластерами, что позволяет говорить об их меньшей значимости для организации структуры эмоционального компонента субъективного благополучия женщин-педагогов.

Таким образом, субъективное благополучие женщин-педагогов общеобразовательных школ характеризуется умеренной степенью психоэмоционального комфорта, относительной стабильностью преобладающего и текущего настроения, отсутствием резко выраженных психологических проблем, имеет в своей основе ориентацию преимущественно на рефлексивные компоненты самосознания.

Литература:

1. *Куликов Л.В.* Здоровье и субъективное благополучие личности // Психология здоровья / Ред. Г.С. Никифоров. СПб., 2000.
2. *Соколова М.В.* Шкала субъективного благополучия. Ярославль, 1996.
3. *Стрелков И.А.* О проблеме психологического благополучия / неблагополучия в современной психологии // <http://conf2001.dem.ru>
4. *Хашченко В.А.* Модель субъективного экономического благополучия // Психологический журнал. 2005. Т. 26. №3.
5. *Шамионов Р.М.* Психология субъективного благополучия (к разработке интегративной концепции). Саратов, 2003.

Личностные предикторы профессиональной самореализации

Богатырева О.О.

Социально-экономические изменения, происходящие в нашей стране в последние десятилетия, актуализировали проблему профессионализации и профотбора в новой ситуации рыночной экономики. Первоначально в этой ситуации на первый план выходили проблемы соотношения индивидуальных способностей и образования будущих работников с интересами и запросами работодателей – руководителей коммерческих фирм. При этом на периферии оставались собственная мотивация и

стремление к профессиональной и личностной самореализации людей, что приводило и приводит ко многим проблемам как в профессиональной деятельности и карьерном росте, так и в личностном плане. Поэтому в настоящее время именно личностные и мотивационные аспекты начинают приобретать все большее значение при подборе персонала.

Исследования, проведенные за последние 20 лет, ясно показывают, что личностные качества связаны с чрезвычайно широким спектром параметров профессионально-релевантного поведения, такими как надежность сотрудника, удовлетворенность работой, мотивация и карьерный рост (Фернхем, Хейвен, 2001).

В настоящее время также встает вопрос о выборе переменной-предиктора для получения надежного представления о личности в контексте трудовой деятельности. Например, личностные черты высшего уровня являются слишком широкими и поэтому недостаточно сензитивными к различиям в профессиональной деятельности. Таким образом, встает вопрос об уровне специфичности предикторов, позволяющих получить наиболее надежные данные. Еще важнее то, что по-прежнему сохраняет актуальность проблема получения точных обобщенных оценок критериальной переменной, например должности, лидерства, личной дисциплины, уровня продаж и пр. После того, как такие оценки получены, становится возможным выбор конкретного параметра-предиктора.

Для исследования личностных предикторов профессиональной самореализации нами были выбраны следующие методики: многофакторная личностная методика Кеттелла, ТАТ в модификации Хекхаузена, методика на определение самооценки (Бояринцева, 1995), методика на профессиональную адаптацию, опросник организационной социализации, опросник экспертной оценки, методика УСЦД Е.Б. Фанталовой (Фанталова, 2001), опросник Э. Шейна «Якоря Карьеры» (Чикер, 1995).

В исследовании принимало участие 326 респондентов (124 женщины, 202 мужчины) в возрасте от 21 до 55 лет, представляющих следующие профессиональные группы: 1. Контакты с общественностью и клиентами: торговые представители, супервайзеры, консультанты, менеджеры по продажам и т.д. 2. Канцелярская работа или родственная деятельность: бухгалтеры, операторы-аналитики склада, секретари-референты и т.д. 3. Техническая работа или родственная деятельность: программисты, системные аналитики, системные администраторы и т.д.

В первой группе специалистов два показателя эффективности организационной социализации - профессиональная адаптация и шкала организационной социализации частично обусловлены факторами личностной активности. Эффективность организационной социализации в данной группе также связана с мобильностью в общении и мотивации на взаимодействие со своей рабочей группой и организацией в целом.

Во второй группе специалистов показатели эффективности организационной социализации и профессиональной успешности частично обусловлены факторами личностной активности и самооффективности, организационная социализация также зависит от потребности в избегании неудач, предприимчивости и активности в общении и готовности к сотрудничеству.

В третьей группе специалистов эффективность организационной социализации во многом связана с факторами личностной активности, такими как высокая нормативность поведения, доминантность и нонконформизм, что характеризует достаточно активного и смелого в социальном плане человека. Также необходимо отметить важность развитого аналитического мышления и наличия интеллектуальных интересов.

Корреляционный анализ показателей экспертной оценки и профессиональной адаптации со шкалами организационной социализации позволяет утверждать, что эффективность организационной социализации напрямую влияет на удовлетворенность трудом и косвенно на успешность работы, поскольку эти показатели тесно взаимосвязаны и оба относятся к следствиям организационной социализации.

Для выявления влияния самооффективности и мотивации достижения на карьерный рост, был проведен групповой анализ по Т-критерию Стьюдента и U-критерию Манна-Уитни в группах респондентов, сделавших карьеру и не имевших продвижения по карьерной лестнице. Анализ полученных данных позволил выявить значимые различия по двум параметрам, таким как самооффективность в сфере деятельности и надежда на успех. По обоим параметрам в группе респондентов, сделавших карьеру, показатели достоверно выше. Таким образом, можно говорить о том, что карьерный рост зависит от самооффективности, мотивации достижения и факторов социальной взаимодействия.

Суммируя результаты исследования, можно заключить, что люди, сделавшие карьеру, имеют ряд общих особенностей в мотивационной сфере и сфере социального взаимодействия. Значимые групповые различия по показателям самооффективности в сфере деятельности и нонконформизма характеризуют представителей этой группы, как самостоятельных людей с ориентацией на собственные решения, стремящихся иметь собственное мнение и достигать поставленных результатов. В то же время высокие значения по шкалам «надежда на успех» и напряженность показывают важность для представителей данной группы таких характеристик как повышенная мотивация, энергичность, собранность, надежда на успех.

Выбор карьерной ориентации не имеет связи ни с уровнем интеллекта, ни с факторами социального взаимодействия, также как и с мотивацией достижения. Единственная характеристика личности, которая влияет на выбор карьерной ориентации – это самооффективность в дея-

тельности. Наличие высоких показателей по данному параметру позволяет прогнозировать низкую вероятность выбора карьерной ориентации «Служение», в качестве доминирующей.

Сотрудники, у которых отмечается карьерный рост, как правило, имели высокие показатели по внешнему (объективному) критерию успешности организационной социализации, в то время как показатели удовлетворенности трудом и личностной значимости работы у них были гораздо ниже, чем у респондентов, не имевших продвижения по карьерной лестнице. Такого рода данные позволяют предположить, что внутренняя неудовлетворенность трудом имеет мотивирующую (побуждающую) функцию, заставляя индивида выполнять работу в соответствии с поставленными работодателем критериями и двигаться вперед по карьерной лестнице. Показательным является тот факт, что ни овладение корпоративной культурой, ни ассимиляция внутри рабочей группы, ни даже приобретение необходимых знаний и навыков, не оказывают такого влияния на карьерный рост, как оценка непосредственного руководителя в процессе организационной социализации индивида. Более того, отрицательная корреляция между самоэффективностью в сфере деятельности и карьерной ориентацией «Служение», которая характеризуется направленностью на служение людям и на групповое взаимодействие, показывает, что успешная групповая социализация может оказать негативное влияние на возможность продвижения по карьерной лестнице.

Выбор карьерных ориентаций не зависит от профессиональной группы, к которой принадлежит специалист, в среднем в каждой профессиональной группе число респондентов, сделавших и не сделавших карьеру составило 48,6 и 51,6% соответственно.

Возможность оценки эмоционального контроля поведения у детей различными методами (опросник и экспертные оценки)⁴

Г.А.Виленская
Институт психологии РАН, Москва

Эмоциональный контроль является одним из компонентов контроля поведения, который, в свою очередь рассматривается как психологический уровень регуляции поведения, отвечающий за координацию ресурсов субъекта для достижения той или иной цели.

Степень развития эмоционального контроля поведения можно оценить в раннем возрасте через темперамент, представляющий собой акти-

⁴ Работы выполнены при поддержке гранта РГНФ № 05-06-06060а.

вационно-эмоциональный ресурс индивидуальности, особенно если рассматривать его как стиль эмоциональной регуляции поведения (предпочитаемый способ организации ресурса индивидуальности).

Для определения темперамента у маленьких детей существует два пути: опрос родителей и экспертная оценка поведения по наблюдениям. Каждый метод имеет свои достоинства и недостатки, поэтому наиболее адекватным представляется сочетание этих методов. В нашу задачу входило сопоставление оценок родителями типичного способа саморегуляции ребенка и оценок сторонним наблюдателем того же аспекта поведения в конкретной ситуации.

В качестве опросникового метода для оценки темперамента как показателя эмоционального контроля использовался тест Ж. Баллеги «День ребенка», который определяет темперамент как стиль эмоциональной регуляции, что соответствует нашему пониманию контроля поведения, в частности, его эмоционального компонента. В качестве метода экспертной оценки по наблюдениям использовалась шкала оценки поведения теста BSID-2 («Bayley Scales of Infant Development»). Эта шкала включает субшкалу ориентации/вовлеченности в задание (количество ресурсов, направленных на решение задачи и способ их организации), субшкалу эмоциональной регуляции (рассматривается автором теста как темпераментальная, отражает возможность управлять своим состоянием и выделять ресурсы на текущую задачу), субшкалу моторного качества (операциональное обеспечение деятельности) и общую оценку поведения (интегральную оценку усилий ребенка по самоорганизации для решения задачи).

Объектом исследования были моно- (МЗ) и дизиготные (ДЗ) близнецы и одиночно рожденные (ОР) дети первых 3-х лет жизни. В эксперименте участвовали 65 одиночно рожденных детей, 29 пар МЗ и 26 пар ДЗ близнецов, обследованных лонгитюдно в возрасте 4, 8, 12, 18, 24, 30 и 36 мес.

Были получены связи между эмоциональным контролем, оцененным по опроснику для родителей и оцененным по наблюдениям экспертов (поведенческая шкала теста Бейли).

Полученные результаты позволяют говорить о том, что больше всего связей между оценками по опроснику и по наблюдениям обнаруживается в течение 1-го года жизни. У МЗ связей больше за счет шкал отношения со взрослыми. Можно предположить менее дифференцированную структуру эмоциональной регуляции у МЗ близнецов в этом возрасте, поскольку у них связи объединяют как шкалы собственно темперамента, так и шкалы отношений со взрослыми с субшкалами моторного качества и ориентации на задание. У ДЗ наблюдаются связи преимущественно между шкалами темперамента и субшкалой внимания/эраузала (оцениваемой только в возрасте 1-5 мес.), согласно литературным данным, имеющей

непосредственное отношение к эмоциональной регуляции. У ОР детей темпераментальные шкалы в большей мере связаны с моторным качеством, ориентацией на задание и общей оценкой поведения, а шкала эмоциональной регуляции имеет связи со шкалами отношений с близкими взрослыми, что свидетельствует о том, что у них в этом возрасте, как и у близнецов, преобладает внешняя регуляция поведения.

Во 2-ой год жизни связей между результатами двух тестов меньше, особенно у ОР детей, шкалы темперамента, коррелирующие с оценками поведения по наблюдению у МЗ и ДЗ практически совпадают. Шкалы, отражающие отношения с близкими взрослыми, представлены меньше. Шкалы темперамента связаны, в основном с субшкалой моторного качества и с общей оценкой поведения, причем с моторным качеством больше связаны собственно темпераментальные шкалы, а с общей оценкой – шкалы отношений с родителями.

В 3-ий год жизни количество связей остается на то же уровне, у МЗ остается связь между темпераментальными шкалами и субшкалой моторного качества, а также между эмоциональной регуляцией и шкалами отношений с родителями. У ДЗ также есть связь между темпераментальными свойствами и качеством моторики, а со шкалами отношений с родителями у них больше связана общая оценка поведения.

Подводя итог, можно предположить, что устойчивая связь моторного качества и темпераментальных свойств может отражать базовые свойства нервной системы, лежащие в основе того и другого. Связь шкал отношений с родителями и эмоциональной регуляции у МЗ, а также общей оценки поведения у ДЗ может свидетельствовать о том, что обе группы близнецов регулируют свое поведение при помощи близких взрослых, но МЗ делают это в более явной форме. У ОР детей в о 2-ой и 3-ий год жизни слишком мало связей, чтобы можно было говорить о каком-то устойчивом паттерне.

Результаты показывают, что характер связей между тестом «День ребенка» и поведенческой шкалой теста Бейли меняется в зависимости от того, к какой группе принадлежит ребенок (МЗ и ДЗ близнецы, ОР дети). Это говорит о том, что поведение дифференцируется в зависимости от ситуации, и различные аспекты выступают ведущими в зависимости от возраста, что демонстрирует наглядно различные способы организации ресурсов и компенсации слабых мест детьми. Таким образом, различные методы оценки эмоционального контроля должны использовать комплексно для более точного определения индивидуальных особенностей организации поведения.

Субъект бытия и факторы развития

(Исследование выполнено при поддержке РФНФ, грант № 07-06-82635 а/у)

Волочков А.А.,
Пермский гос. пед. университет, Институт психологии ПГПУ г. Пермь

Основной предмет наших исследований – целостная активность субъекта бытия. Соответствующее понятие, структурная модель и диагностический инструментарий "обкатывались" на учебной активности школьников и студентов. С самого начала этой работы ставился вопрос о функциях активности субъекта в психическом развитии. Многие факты, обнаруженные в наших исследованиях, не получали объяснения в рамках привычного со времен В.Штерна и по-прежнему доминирующего в психологии эпигенетического подхода или принципа "конвергенции" двух факторов психического развития – наследственного и средового (Рис. 1).

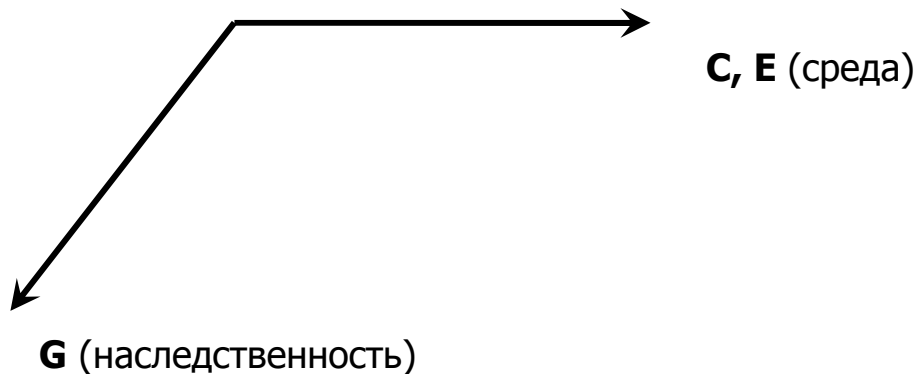

Рис. 1. Взаимодействие двух факторов развития психики в модели В.Штерна (по К.Куперу, 2000)

В классической схеме взаимодействия двух факторов развития и поведения человека парадоксально нет места ему самому. Нет субъекта, нет автора, нет творца, нет саморазвития. Человек в такой схеме – не более чем пешка в «руках» среды и наследственности. *От него самого в его развитии и поведении почти ничего не зависит.*

Мы предлагаем концепцию взаимодействия трех факторов психического развития (Рис. 2) – генетического, средового и фактора активности субъекта жизнедеятельности.

В рамках этой концепции проводится несколько исследовательских направлений. Одно из них связано с экспериментальным изучением эффективности психического развития в условиях различных образовательных систем. Например, мы провели исследование отложенных эффектов фактора "Образовательная модель начальной школы" на ряд параметров психического развития пятиклассников и восьмиклассников. Американские исследования эффективности заокеанских моделей развивающего образования неизменно показывали, что их эффект (по крайней мере, в

интеллектуальном развитии) с окончанием школы практически исчезал (Сергиенко 2002, с. 54). А как у нас в России?

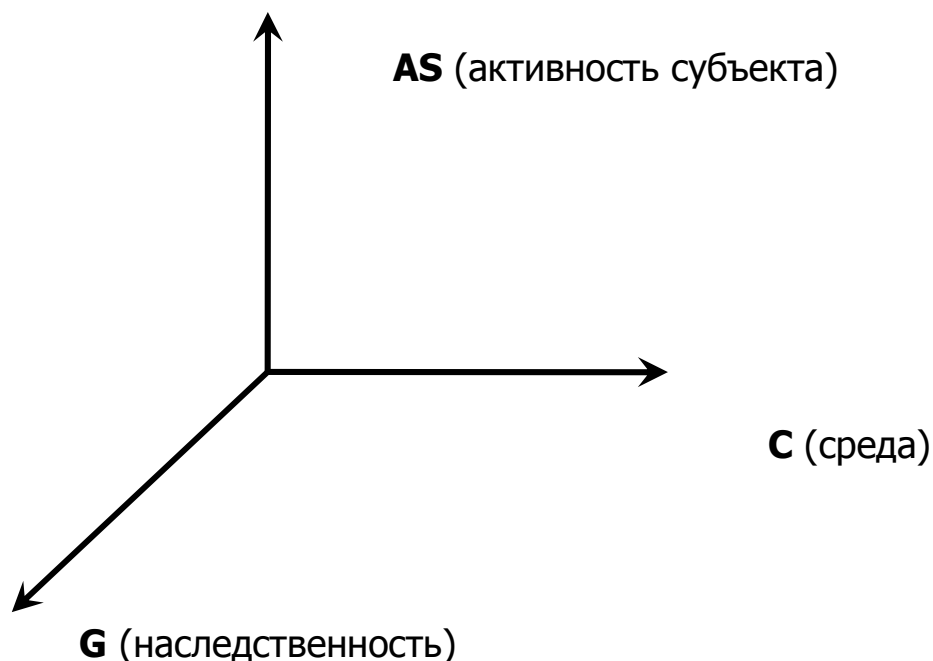

Рис. 2. Развитие психики в трехфакторном пространстве

В нашем исследовании фактор «Модель обучения» представлен 3 градациями: «традиция», «эльконинцы» и «занковцы». *Его цель:* изучение степени и сохранности эффектов различных моделей обучения начальных классов в отношении ряда характеристик развития после окончания начальной школы: 1) у пятиклассников – после адаптации к новым условиям деятельности; 2) у восьмиклассников, которых от начальных классов отделяет несколько лет обучения в подростковой школе. *Предмет исследования:* возможное влияние образовательных систем начальной школы на характеристики психического развития по следующим сферам: 1) *Когнитивная сфера:* общий интеллект (по Равену), обучаемость (КОТ); развитие системного мышления, произвольность внимания, памяти, интеллектуальная работоспособность, развитие понимания, вербальная эрудиция (адаптированные нами тесты Д. Барретта), математическая грамотность (в категориях компетенций, по тесту PISA-2000). 2) *Эмоциональная сфера:* проявления тревожности (по О. Кондашу, адаптация А.М. Прихожан). 3) *Особенности самосознания* (параметры самооценки, по Т.Дембо). 4) *Развитие компонентов учебной деятельности* (по Н.В. Репкиной, Е.В. Заике), сохранность познавательной потребности и учебной мотивации (по Е.П. Ильину). 5) *Учебная активность* (по А.А. Волчкову). Участники – 725 школьников Перми и Пермского края. В двух возрастных группах (пятиклассники и восьмиклассники) подбирались представительные и сопоставимые по обучаемости, а также профессионализму учите-

лей выборки детей, которые обучались в начальной школе следующим образом.

Таблица 1. Участники сравнительного исследования

№	Обучение в начальн. классах	Образовательные учреждения	5-е кл	8-е кл	Всего 5 кл	Всего 8 кл
1	Традиционное	Шк. № 1 (пос. Ильинский)	24	27	50	49
		Шк. № 127 (Пермь)	26	22		
2	Эльконинцы	Гимн. № 6 (Пермь)	73	45	151	107
		Шк. № 71 (Пермь)	15	14		
		Лицей № 7 (Пермь)	25	27		
		Шк. № 104 (Пермь)	38	21		
3	Занковцы	Шк. № 26 (Березники)	28	24	53	49
		Шк. № 122 (Пермь)	25	25		
ИТОГО:		8 учреждений	254	205	459	

От каждой из школ участвовали только «самые сильные» по экспертным оценкам классы в параллели, которые в начальной школе обучались опытными мастерами соответствующих образовательных моделей. Ослабленных и тем более коррекционных классов в исследовании не было. Диагностику проводили педагоги-психологи, прошедшие специальное обучение и получившие *полный комплект тестовых тетрадей и бланков* на каждого участника, что повысило достоверность полученных данных.

Особое внимание уделялось сравнению интеллектуального развития выборок друг с другом и с нормативными данными по ряду стран мира. В этом плане интересен общий показатель развития интеллекта по тесту «Прогрессивные матрицы» Равена. Наши выборки на 65% представлены выпускниками классов развивающего обучения. *Если эти системы столь эффективны в развитии когнитивной сферы, как предполагают их основатели, следует ожидать значительно более высоких показателей интеллекта по сравнению с зарубежными.* На деле наши результаты соответствуют третьему квартилю процентильных данных подростков других стран («наши» пятиклассники/восьмиклассники – на уровне сверстников-американцев с Pr=70-75/72-75, британцев с 50–55/55-75 и китайцев с 50-52/50-75) – т.е. наши сильные ученики всего лишь *полностью* соответствуют сильным ученикам других стран.

Еще очевиднее предполагать, что «эльконинцы» и «занковцы» покажут более высокий результат, чем классы «традиции» (в нашей выборке это сельские и массовые пермские школы). Эмпирика этим ожиданиям *не соответствует*: результаты трех выборок по тесту Равена у пятиклассников совершенно не различаются, а у восьмиклассников они очевидно обу-

словлены когортными различиями, причем в пользу традиционных, но сильных классов.

Поскольку в данном исследовании была возможность обеспечить принцип рандомизации, нами был использован однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA). При этом в каждой из выборок было случайным образом оставлено по 50 респондентов. Например, итоговая выборка пятиклассников-эльконинцев набиралась из 151 школьника по принципу: 12 первых по списку от каждого из образовательных учреждений. При этом пятиклассники-занковцы, эльконинцы и учащиеся сильных традиционных классов не имели статистически достоверных различий по итогам решения теста Д.Равена (что подчеркивает их сравнимость).

В сравнимых по интеллекту *выборках пятиклассников* модель обучения оказала значимый эффект (влияние) на 56% измеренных показателей. Общее преимущество – на стороне школьников бывших развивающих классов, но далеко не во всех случаях. Наиболее очевидный эффект (влияние) зафиксирован на показатель вербальной эрудиции Словарного теста Дж.Барретта – все три выборки значимо различаются по вербальной эрудиции друг с другом, а лидируют Занковцы. Аналогичный результат получен по показателю «Развитие языка» Краткого отборочного теста, но здесь Эльконинцы и Занковцы имеют сходные результаты, значительно опережая «традицию». По общему показателю Краткого отборочного теста и большинству его ориентировочных шкал преимущество у пятиклассников – также на стороне развивающих классов. Безусловно, в этом случае мы зафиксировали значимый эффект российских развивающих моделей обучения на обучаемость пятиклассников.

Однако и выборка пятиклассников, обучавшихся в начальных классах традиционно, по ряду показателей отличилась в лучшую сторону. Она не уступает занковцам по индексу аналитического мышления теста КОТ и по успешности выполнения 8-ми критических для российских школьников математических заданий теста компетенций PISA, значительно превосходя эльконинцев! Кроме того, пятиклассники традиционного обучения лидируют по шкале «Интерес к учебной деятельности» (программа наблюдения по Н.В. Репкиной), индексу самооценки, а также (вместе с эльконинцами) значительно превосходят занковцев по общему индексу учебной активности. Это свидетельствуют об успешном прохождении периода адаптации пятиклассниками традиционных классов.

Выборки восьмиклассников были неоднородны по показателю теста Дж.Равена. Здесь преимущество – на стороне сильных классов традиционного обучения. В таком случае выясним, *смогли ли развивающие модели создать задел для преодоления возможных последствий этого во многом генетически обусловленного отставания от подростков традиционных, но сильных классов массовых школ краевого центра и сельской школы поселка Ильинский.*

В целом восьмиклассники традиционных классов имеют некоторое преимущество по сравнению с выпускниками развивающих классов. Например, они статистически достоверно и значительно ($p \leq 0,001$) опережают бывших эльконинцев и занковцев по показателям теста математической компетенции PISA, показателю гибкости мышления (Краткий отборочный тест), суммарному показателю самооценки (по Дембо).

Но выборка восьмиклассников, обучавшихся в начальных классах в условиях развивающих моделей, как и у пятиклассников, демонстрирует очевидное *позитивное влияние экспериментальных образовательных моделей на развитие вербальной эрудиции*, на развитие вербального интеллекта. Интересно, что к сходным результатам в своих сравнительных исследованиях (на значительно менее представительных выборках) с использованием тех же задач компетентностного теста PISA-2000 приходит Г.А.Цукерман (2005). Наиболее сильный, устойчивый отложенный эффект развивающего обучения в начальных классах в этом исследовании также наблюдается по параметрам вербального интеллекта.

Таким образом, в целом выборка восьмиклассников традиционного обучения имеет ряд преимуществ, по сравнению с эльконинцами и в особенности – с занковцами. То есть, исходное интеллектуальное преимущество *продолжает определять многие результаты развития и обучения, несмотря на его модель.*

ВЫВОДЫ:

1. В целом итоги нашего исследования совпадают с американскими – отложенный эффект фактора "Образовательная модель в начальной школе" со временем (от пятого к восьмому классу) постепенно ослабевает, а достижения сопоставимых по интеллектуальному потенциалу школьников нивелируются.

2. Обнаруженные эффекты фактора «Образовательная модель» на параметры когнитивного развития свидетельствуют о том, что оно связано не столько с моделью обучения, сколько с общим уровнем интеллекта и в значительной мере – с учебной активностью самих школьников. Особенно четко это проявилось у восьмиклассников, где по большинству параметров психического развития лидируют традиционные классы.

3. Школьники развивающих моделей показали устойчивое превосходство по развитию вербального интеллекта. Это преимущество сохраняется как у пятиклассников, так и у восьмиклассников.

4. Очевидно, что каждая из образовательных моделей имеет свой потенциал воздействия на развитие, в котором, однако, следует учитывать также роль генетического фактора и учебную активность субъекта этой сферы бытия.

5. Возможно, обнаруженный потенциал традиционного обучения связан с проявлением «оптимального противодействия», которое авторы инновационных моделей пытаются исключить через организацию рафини-

рованной по ряду признаков образовательной среды. Такое рафинирование, на наш взгляд, нарушает принцип «оптимума противодействия», необходимого для развития активности субъекта в его взаимодействиях с лишенным такого рафинирования реальным миром.

К проблеме о взаимосвязи удовлетворенности трудом и нравственно-психологических характеристик личности

Гермашина Ю.В.
Казанский гос.университет

Вопросы удовлетворенности людей своей профессиональной деятельностью привлекли внимание уже в 30х годах XX в. В отечественной психологии исследовалась удовлетворенность человека трудовой деятельностью в основном у рабочих промышленных предприятий, что было связано с глобальной проблемой текучести кадров. В современных условиях высоких технологий эта проблема остается ничуть не менее актуальной. Эффективная деятельность любого работника во многом зависит от уровня его удовлетворенности своим трудом.

В прошлых работах были обнаружены связи между показателями удовлетворенности трудом и нравственно-психологическими характеристиками личности руководителей и сотрудников. Это показало, что нравственно-психологические характеристики личности играют существенную роль при формировании удовлетворенности профессиональной деятельностью работников. То есть они могут играть определенную роль в повышении уровня мотивации, а, следовательно, и эффективности работы в целом. Однако в этих исследованиях не была решена задача доказательства достоверных отличий и специфики взаимосвязей этих показателей управленцев и персонала.

Для решения данной задачи мы провели исследование, в котором принимало участие 60 человек, 30 из которых являются руководителями и 30 – сотрудниками различных организаций. Возрастной диапазон 23-55 лет.

В методический инструментарий были включены: вопросник исследования удовлетворенности трудом Н.Н. Обозова и методика «Отношение менеджеров к соблюдению нравственных норм» А.Л. Журавлева.

Исходная группа была поделена на две. В 1 группу вошли руководители. Во 2 соответственно сотрудники организаций.

При анализе выраженности результатов не было найдено существенных отличий. Группа 1 имеет чуть большие значения по показателям вопросника удовлетворенности трудом. Группа 2 имеет наиболее высокий показатель терпимости.

При статистическом анализе по t-критерию Стьюдента результатов у респондентов групп 1 и 2 выявились значимые различия ($p=0.01$) в показателе вопросника исследования удовлетворенности трудом – удовлетворенность достижениями в работе и общий балл по удовлетворенности трудом (при $p=0.05$). Можно предположить, что руководящая должность в силу социального статуса и соответствующего признания со стороны окружающих приносит гораздо большую удовлетворенность своей профессиональной деятельностью чем должность более низкая по иерархии.

Анализируя корреляционную плеяду показателей нравственности и их связь с показателями удовлетворенности трудом, мы можем выделить следующие особенности, характеризующие группы.

Связи первой группы – руководителей свидетельствуют о том, что при увеличении терпимости к особенностям окружающих и ответственности за свое поведение, повышается уровень притязаний в профессиональной деятельности и предпочтение выполняемой работы высокому заработку. Чем ярче выражена принципиальность управленца, тем больший интерес он испытывает к своей работе. А также выраженность чувства справедливости оказывает прямое влияние на уровень притязаний в профессиональной деятельности.

Во второй группе – сотрудников организаций обнаружена похожая связь – при развитии чувства ответственности за свои действия повышается стремление сохранить работу, которая приносит удовлетворение, а не стремиться за повышением заработка. Но при этом появляется связь, характеризующая данную группу: развитие чувства справедливости повышает уровень профессиональной ответственности и увеличивает удовлетворенность человека от взаимоотношений с коллегами по работе.

Это исследование еще раз подтвердило наличие специфики структуры взаимосвязей удовлетворенности профессиональной деятельностью руководителей и организационного персонала. Результаты нашего исследования могут быть использованы в качестве основы для построения дальнейших исследований по данной проблеме и наиболее детальной разработке детерминант удовлетворенности трудом в зависимости от специфики деятельности работника.

Личность: от субъективности к субъектности

Елинсон Г. Н.

Альметьевский гос. институт муниципальной службы

С изучением субъектности сложилась достаточно противоречивая ситуация. В философии отсутствует общепризнанное определение «субъектности». С одной стороны, трудно назвать другую проблему, привлекавшую с разных точек зрения большее внимание философов, чем эта:

размышления о первооснове всего сущего в эпоху античности, идея *causa sui* у схоластов в Средние века, категориальная пара «субъект - объект» в немецкой классической философии, различные концепции XIX - XX вв., призванные ответить на вопрос о сущности человека и т.д. А с другой, до сих пор нет сколь - либо общепризнанного определения человеческой субъектности.

Психология же наоборот, как будто даже избегала этой проблематики, предпочитая изучать поведение как совокупность реакций, различные могущественные силы, руководящие человеком из бессознательного, отдельные познавательные процессы, «осмысленную деятельность» и т.д., и т.п., но не человека, который в качестве целостного субъекта ведет себя определенным образом, обладает бессознательным, «стоит» за каждым психическим процессом, осуществляет свою деятельность. Возможно, потому, что человеческая субъектность - крайне трудный объект для изучения методами естественных наук, каковой психология долгое время стремилась стать, ведь способы, пригодные для описания объектов, неадекватны в применении к субъекту, а необходимые для ее изучения понятия не поддаются жесткой операционализации. Своего рода защитным механизмом является объявление субъектности этакой «научной метафорой» или признание за ней лишь гносеологического, но не онтологического содержания.

В результате термин «субъектность» до сих пор является достаточно новым и общепризнанного категориального статуса, собственно говоря, не имеет. Показательно, что в подавляющем большинстве психологических и особенно философских трудов абсолютно в том же значении вместо него используется термин «субъективность». (В некоторых из них данные понятия не дифференцируются, а их применение, по-видимому, определяется стилистическими соображениями или редакторами.)

Ряд психологов: например, К.А. Абульханова, А.В. Брушлинский, А.К. Осницкий, В.А. Петровский, В.И. Слободчиков и Г.А. Цукерман, В.А. Татенко, А.У. Хараш и др. - создали в своих работах прецедент использования термина «субъектность» («субъектный») в качестве самостоятельного, достаточно последовательно (хотя и по-разному!) отграничивая его от понятия «субъективности» («субъективного»).

Такое параллельное существование нескольких терминов не бывает случайным и требует своего объяснения. Можно выделить, как минимум, три основных причины его возникновения: 1 - концептуальная не проработанность проблемы; 2 - недостаточная квалификация исследователей; 3 - зарождение и сосуществование наряду с традиционным иного понимания проблемы, требующего для себя опоры в новом термине (причем, качественное различие подходов может далеко не всеми и не сразу осознаваться, но интуитивно схватывается в словоупотреблении).

Вряд ли из перечисленных авторов фундаментальных работ по психологии субъектности можно упрекнуть в недостаточной проработке проблем, которыми они занимались, а уж тем более в низкой компетентности или отсутствии необходимой философской подготовки. Очевидно, используя термин «субъектность», они стремились подчеркнуть определенный аспект (или аспекты) значения, который отсутствует или утерян в термине «субъективность», либо наоборот избежать того аспекта (аспектов), который присутствует, но является по тем или иным причинам нежелательным.

Наиболее удачным, по моему мнению, является понятие субъектности.

Субъектность [лат. *subjectum* - подлежащее] - свойство индивида быть субъектом активности. Применительно к человеку, "быть субъектом" - значит быть носителем идеи Я, а это, в свою очередь, означает, что человек мыслит, воспринимает, переживает и осуществляет себя в качестве причины себя самого, то есть обнаруживает себя как *causa sui*. Потребность человека выступить перед собой, испытать себя в своей первопричинности по отношению к миру, в конечном счете, обосновать перед собой тождество "Я = Мир", образует глубинный источник его надситуативной активности. Субъектность человека проявляется в его витальности, деятельности, общении, самосознании как тенденция к самовоспроизводству. Из этого прежде всего следует, что: субъектность необходимым образом выступает в актах целеполагания (воспроизводство предполагает наличие постоянно обновляющегося "образа-эталона", направляющего процесс воссоздания сущего); далее, что субъектность подразумевает свободу (в конечном счете, именно сам индивид, а не кто-то другой "за него", осуществляет воспроизводство, направляет этот процесс и указывает на его завершение), наконец, что субъектность немыслима вне развития (индивиду приходится действовать в сложной, непредсказуемой, изменчивой среде и по этой причине воспроизводству подлежат новые, обозначившиеся на предшествующем шаге, способы воспроизводства). Человек обнаруживает перед собой свою субъектность, подвергая испытаниям собственную способность быть причиной себя, что образует основу активной неадаптивности.

Отношение к деньгам в структуре потребительского и сберегающего поведения старших подростков

И.В. Ермакова
Чебоксары

Комплексное исследование экономической социализации старших подростков ряда общеобразовательных школ г.Чебоксары Чувашской

Республики позволило определить совокупность социально-психологических факторов, влияющих на процессы экономико-психологической адаптации учащихся 8-х классов к основам потребительского и сберегающего поведения, выявить влияние денег на всю структуру экономического взаимодействия подростков с окружающими людьми. В течение 2005-2007 гг. В гимназии № 1 (в условиях профильного образования) и в школе №45 (в условиях традиционного обучения) проводился социально-психологический формирующий эксперимент, в ходе которого (наряду с другими задачами исследования) изучались особенности потребительского и сберегающего поведения подростков группы «норма» (74 учащихся гимназии № 1) и подростков группы «девианты» (66 учащихся трех 8-х классов школы №45). При изучении потребительского сберегающего поведения этих двух групп подростков для нас определенным интерес представлял сравнительный анализ ценностных ориентаций и отношение к деньгам среди подростков группы «норма» и группы «девианты».

На основе методики Р.И. Мокшанцева, определяющий уровень социальной зрелости молодежи, мы провели идентификацию показателей предлагаемой типологии людей («младенец», «малыш», «подросток», «юноша» и «взрослый») к подросткам группы «норма» и группы «девианты». Оказалось, что среди подростков-девиантов ценность денег оказалась несколько выше, чем у подростков группы «норма». По предрасположенности к данной типологии подростки-девианты показали более высокий уровень социальной зрелости и чаще идентифицировались с типами «подросток» и «юноша». Тогда как среди подростков группы «норма», их отношение к деньгам, нередко доминировали проявления типологических характеристик «малыша» и «подростка», т.е. проявлялся более низкий и переходный уровень социальной зрелости. На повышение значимости денег в повседневной жизни молодежи указывают и результаты других исследований. Сотрудники лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН (А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко, В.П. Поздняков и др.) выявили определенные трудности и издержки экономической социализации и адаптации молодежи, которые проявляются в противоречивом отношении к деньгам, собственности, материальному достатку, к труду и т.п. Было установлено, что ориентация личности на нормальное средне выраженное материальное благополучие чаще характеризуются респонденты старших возрастных групп, состоящие в браке и имеющие детей. Респонденты младших возрастных групп, не состоящие в браке, не имеющие детей (т.е. молодые люди), а так же респонденты с низким уровнем образования чаще демонстрируют свою ориентацию на достижение крайне высокого уровня материального благосостояния. К этому следует добавить, что отсутствие денежных средств у выходцев из бедных семей побуждает их выбирать высокооплачиваемые профессии,

нередко вопреки наличному уровню задатков и способностей, необходимых для данной профессии. У молодежи из богатых семей отношение к деньгам более реалистичнее и разнообразнее, связаны не только с материальным благополучием их жизни, сколько с реализацией личных интересов и потребностей.

Резкое повышение значимости денег во всех слоях российского общества (в том числе и среди старших подростков, особенно девочек) связаны не только с внедрением рыночных отношений, возрастающими материальными запросами людей, но и с появившимися возможностями россиян сравнивать качество и уровень своей жизни с потребительскими стандартами населения западных стран, уровень экономического достатка которых на порядок выше, чем у граждан России. В этом плане, своего рода ускорителем понимания ценности денег стало устранение у многих людей старшего поколения тех стереотипов отношения к деньгам, которые были сформированы за годы Советской власти. Уравниловка в зарплате, скудность ассортимента товаров социально-бытового назначения, патерналистская политика государства, предопределяли у большинства населения индифферентное отношение к деньгам, отсутствие желания быть богатыми. В новых экономических условиях ценностные ориентации россиян резко повернулись в сторону зажиточной и богатой жизни, что обернулось сейчас всеобщей «охотой за деньгами», за их количественным накоплением. На уровне потребительского поведения подростков эта любовь к деньгам проявляется в настойчивых просьбах к родителям, типа «дайте мне деньги на завтраки, день рождения друга, купите мне срочно вот это и т.п.». Результаты многих исследований свидетельствуют о том, что деньги потеснили многие духовные ценности людей, такие как честность, порядочность, уважение окружающих, усилили склонность молодежи к экономическим преступлениям (воровству, грабёжам, вымогательству, рэкету и др.). Отсутствие денег у подростка заметно снижает его ценность как личности среди сверстников, в кругу значимых для него лиц. В системе неформальных отношений внутри референтных групп, довольно значимое место в системе регуляции социального поведения подростков занимают стереотипы восприятия индивида, через призму его материального благосостояния. Так, например, в исследованиях Лафта было выявлено, что богатых людей воспринимают как относительно здоровых, счастливых и хорошо приспособленных, бедных – как неприспособленных и несчастных. Следовательно, материальное положение, экономический статус влияет на образ человека в глазах других (см. Психология. М., 1998, с. 558). Все чаще (на уровне социологических опросов) среди качеств людей типа «молодой, красивый, добрый и т.п.» на первое место ставится оценка «богатый».

В конце XX века ряд зарубежных ученых (Н. Форман, Х. Голдберг, Р. Левис и др.) провели исследования по определению денежных типов лич-

ности. На основе эмпирических данных они выявили следующую типологию: скряга, транжира, денежный мешок, торгаш, игрок, коллекционер, абстракционист, конкретик, завистник, паразит, фальшивомонетчик (см.: Экономическая психология. Питер, 2000, с. 211-212). Учитывая тот факт, что зачастую подростки тратят деньги по той же модели, что и их родители (которые могут принадлежать к тому или иному денежному типу) то содержание потребительского и сберегающего поведения подростков может иметь разнородный характер, определенную индивидуальную специфику проявлений (приближенную к денежной модели их родителей)

При изучении отношении подростков к деньгам, мы выяснили несколько показателей, которые довольно заметно проявляются на их экономическом поведении. К ним мы отнесли:

- Индивидуально личностные особенности того или иного подростка, проявляющиеся на его денежном типе (скряга, транжира, денежный мешок, торгаш, игрок, коллекционер и др.).
- Поведенческие аспекты отношения к деньгам, т.е. какие детерминанты преобладают в структуре экономического поведения (что нравится больше – тратить, копить, отдавать в долг и т.п.)
- Мотивационный аспект отношения – радость или равнодушие доминируют при получении денег, покупке товаров и т.п.
- Ценностный аспект отношения – личностная значимость и ценность денег в повседневной жизни.

На основе полученных результатов исследования, можно констатировать, что в структуре потребительского и сберегающего поведения подростков, влияние денег отражается не только на процессе формирования их индивидуально-психологических особенностей (жадный, скупой, добрый и т.п.), но и на качественных показателях удовлетворения экономических потребностей и интересов, на всей системе экономического взаимодействия с окружающими людьми.

Поступление в вуз как детерминанта изменения системы самоотношения и доверия к себе у студентов – первокурсников

Крищенко Е. П.,
ПИ ЮФУ

Юность как пространство развития субъектности индивида изобилует смысловыми противоречиями и гетерохронностью развития моделей отношений взаимодействия мира и человека. В этот период происходит начало жизнеутверждения, вхождения во взрослую жизнь, определение своего места в жизни. Субъект ставит перед собой определенные цели, но возможности их достижения не всегда представлены в социуме в готовом виде и не всегда осознаются на уровне индивидуального сознания.

Поэтому появляется необходимость в субъектной готовности и адаптации вчерашнего школьника к условиям взрослой жизни, для которого на современном этапе развития общества еще не выработано готовых эталонов "взрослости".

Проведенный теоретический анализ имеющейся психологической литературы, касающийся проблемы перехода молодого человека из детства во взрослость показывает, что данный аспект является частью психологии юношеского возраста, интенсивное изучение которого только намечается в настоящее время.

При вступлении в студенческую жизнь, молодые люди, с одной стороны, должны быть готовы к присвоению новых ценностей, перестройке всей системы связей и отношений и построению истинной взрослости. С другой стороны – эти процессы не совершаются одновременно: сдав вступительные экзамены сегодня, завтра он взрослым не станет. Перестройка всей системы отношений личности может вступить в противоречие с той системой отношений и ценностей, которая сложилась у молодого человека в старших классах школы. Во многом именно это противоречие обеспечивает качественное своеобразие юношеского возраста на этапе окончания школы и поступлении в ВУЗ. В то же время сам факт поступления молодого человека в ВУЗ, реализация его профессионального выбора, как части жизненного самоопределения, возможно, позволит ему создать более целостную систему отношений.

Теоретический анализ позволил нам предположить, что становление субъектности юношей и девушек, при переходе из школы в ВУЗ связано с перестройкой системы отношений человека к себе и к значимым другим, что будет выражаться в изменении самоотношения, в изменении ценностного отношения к себе, и увеличении меры доверия к себе.

Эмпирическое исследование проводилось в МОУ СШ №№ 19, 20, 23, 44, 75, 80, г. Ростова н/Д, а также Ростовском государственном педагогическом университете, Ростовском Госуниверситете, Ростовском Государственном Университете путей сообщения, Донском государственном техническом университете и Ростовской государственной строительной академии. Контингент исследования составили юноши и девушки в возрасте 16-18 лет. Всего в исследовании приняло участие 360 юношей и девушек. В нашем исследовании, среди других, использовались «Методика исследования самоотношения» С.Р.Пантелеева, и методика «Уровень доверия к себе» Т.П.Скрипкиной.

Согласно замыслу нашего исследования, мы сравнивали показатели всех шкал методики самоотношения испытуемых, когда они учились в 11 классе и тех же самых испытуемых, когда они стали студентами вузов. Результаты показали, что статистически значимо меняются показатели не всех шкал методики, а только самоуверенности, отраженного самоотношения, самооценности, самопринятия, самопривязанности и внутренней конфликтности.

В целом, анализ результатов изучения особенностей самоотношения у старшеклассников и студентов-первокурсников позволил сделать следующие обобщения. При смене социальной ситуации развития и, соответственно, при становлении новой социальной роли, в личностном развитии студента - первокурсника происходит своеобразный «скачок», связанный прежде всего с изменением обобщенного самоотношения. Это выражается в становлении внутренней уверенности, осознании своей самооценки и в становлении эмансипированности самооценки от оценки окружающих. А значимое увеличение внутренней конфликтности, видимо, свидетельствует о том, что принятие новой роли, новой позиции происходит не всегда с легкостью. Данные результаты позволили выдвинуть предположение, что изменения в самоотношении при изменении социальной ситуации развития и поступлении в ВУЗ, должны быть связаны с увеличением меры доверия к себе "новоиспеченного" студента.

Полагая, что доверие к себе является феноменом, позволяющим субъекту занять определенную ценностную позицию по отношению к самому себе и, исходя из этой позиции, строить собственную жизненную стратегию, мы сравнили средний показатель уровня доверия к себе у старшеклассников и студентов-первокурсников. Значимые различия в показателях средних значений по шкале доверия к себе у старшеклассников и студентов-первокурсников свидетельствуют о том, что у старшеклассников, несмотря на бурное взросление, еще сохраняется чувство внутренней несвободы в действиях и поступках, и свои действия они в значительно большей мере согласовывают со значимым социальным окружением. Поступление в ВУЗ предполагает переживание важного жизненного успеха, который в психологическом плане сопровождается повышением уверенности в своих силах, осознании чувства внутренней свободы, сопровождающей произошедший скачок в окончательном становлении чувства взрослости, поэтому и резко повышается уровень доверия к себе у студентов-первокурсников (t -критерий=2.638).

Можно сказать, что подлинное становление взрослой субъектности, взаимодействие субъекта с качественно новым для него институтом общества - системой высшего образования неразрывно связано с изменением системы отношений субъекта.

На этапе смены социальной ситуации развития происходит изменение в системе самоотношения у студентов-первокурсников по сравнению со старшими школьниками на момент окончания школы. Изменяются показатели отношения к себе, свидетельствующие о начале становления «авторства собственной жизни»: самооценку, самоуверенность, отраженное самоотношение и самопринятие. Осознание ценности собственной личности интериоризируется, идет вовне, во внутреннюю картину мира и себя в нем.

Т.о. можно констатировать, что при смене социальной ситуации раз-

вития, связанной с поступлением в ВУЗ, происходит скачок в личностном развитии, который выражается в повышении уровня доверия к себе, в умении и желании брать ответственность на себя за все в ней происходящее, что свидетельствует об осознании наступившей взрослости.

Особенности развития профессионально важных коммуникативных качеств у студентов-психологов разных лет обучения

Г.С. Кожухарь,
МГППУ, Москва.

Повышенное внимание к подготовке профессиональных психологов в настоящее время во многом обусловлено потребностью современного общества продуктивно решать проблемы в сферах образования, производства, управленческого труда, бизнеса, во всех областях повседневной жизни. В связи с этим возрастают требования к качеству подготовки специалистов. Вместе с тем, в системе обучения психологических кадров еще недостаточно учитываются объективные тенденции, свойственные развитию не только образования в целом, но также становлению личности и профессионала в разнообразных условиях жизнедеятельности.

Одной из важных задач университетского образования, помимо передачи знаний и умений, является формирование базовых личностных и профессиональных качеств психологов, которые обеспечат им успех в будущей профессиональной деятельности. В многочисленных исследованиях убедительно доказана зависимость успешности профессионализации от уровня развития качеств личности, соответствующих требованиям выполняемой деятельности (Б.Г. Ананьев, А.А. Деркач, Е.А. Климов, Н.В. Кузьмина, Б.Ф. Ломов, К.К. Платонов, Ю.П. Поваренков, Н.С. Пряжников, В.Д. Шадриков и др.). Впервые термин *«профессионально важные качества»* появляется в рамках психологии труда в связи с необходимостью профессионального отбора и профессиографического анализа. Профессионально важные качества (далее в тексте употребляется сокращение – ПВК) непосредственно включены в процесс реализации профессиональной деятельности, обеспечивая эффективность ее выполнения (Г.С. Абрамова, А.А. Деркач, А.К. Маркова, Н.С. Пряжников, В.Д. Шадриков и др.)

К настоящему моменту существует много исследований, раскрывающих процесс профессиональной подготовки специалистов-психологов (А.А. Асмолов, Н.А. Аминов, Е.М. Борисова А.А. Деркач, И.В. Дубровина, Е.А. Климов, Н.В. Кузьмина, А.К. Маркова, В.С. Мухина, К. Роджерс, В.В. Рубцов, В.А. Сластенин и др.). Все их можно объединить в несколько подходов. Первый базируется на выделении индивидуально-психологических качеств, объединяемых в модель личности психолога (диагноста, иссле-

дователя, консультанта, практика, теоретика). Существенный вклад в разработку данного направления исследований внесли как зарубежные (А. Адлер, Р. Кэттелл, К. Витакер, Р. Мэй, В. Сатир, Д. Морено и др.), так и отечественные (Г.С. Абрамова, А.А. Бодалев, О.Г. Кукосян, Л.Н. Собчик, Р. Кочюнас и др.) ученые. В рамках второго подхода основным фактором успешности профессиональной деятельности считается коммуникативно-ролевой аспект (К. Роджерс, У. Глассер, А.А. Долженко, В.В. Рубцов, В.А. Ташлыков и др.). Третье направление – исследование становления и развития личности профессионала – интегрируя первые два, акцентирует внимание на обретении им профессиональной идентичности. Профессиональная идентичность понимается как системообразующий фактор, объединяющий ведущие условия и характеристики, выступающие его компонентами (Л.Б. Шнейдер, И.Ю. Хамитова, Н.В. Антонова и др.).

Представители еще одного подхода в качестве главной детерминанты профессиональной успешности выделяют потребностно-мотивационную сферу (направленность, мотивацию к профессии и т.п.) (А.К. Маркова, А.Б. Орлов, Г.С. Кожухарь и др.). Кроме того, существует ряд теорий, в которых исследуются отдельные компоненты многоуровневой системы, оказывающей влияние на профессионализацию личности. Признание определяющей роли только одного из компонентов в сложном многогранном и многоуровневом процессе ограничивает понимание истинной природы данного феномена.

Большинство исследователей положительно решают вопрос о наличии специальных способностей к профессиональной деятельности психолога. В период профессиональной подготовки важно и необходимо учитывать факт гетерогенности и гетерохронности формирования, становления и развития различных групп индивидуально-личностных качеств (Б.Г. Ананьев, Г. Айзенк, Л.И. Божович, Б.В. Зейгарник, А.И. Крупнов, В.С. Мерлин, В.Н. Мяшцев, Г. Олпорт, К. Роджерс, Б.М. Теплов и др.). В этой связи многие исследователи ПВК подчеркивают неоднозначность взаимосвязи между ПВК, а также между ПВК и самой деятельностью на различных этапах профессионализации (В.Д. Шадриков, В.Л. Марищук, Л.В. Темнова, А.П. Рожкова и др.).

В настоящее время в психологии существуют разные подходы к выделению наиболее важных профессиональных и личностных качеств психологов. Так, А.А. Деркач (2000) отмечает, что специфические для профессии психолога особенности (качества) проявляются в сформированности всех компонентов психики профессионала – психических процессов, свойств, состояний, образований, которые позволяют ему выполнять избранную деятельность.

Огромное значение в структуре ПВК придается коммуникативной компетентности. Например, исследование, проведенное в МГУ, показало что, поскольку реализация профессиональной деятельности требует об-

щения, не случайно коммуникативная компетентность приблизительно половиной всех испытуемых названа отличительным признаком хорошего психолога. Лишь одна четверть студентов назвали достоинством психолога интеллект, наличие глубоких знаний и т.п. Еще меньшая часть респондентов отметила, что хорошему психологу должны быть свойственны развитое самосознание, высокая рефлексия и т.п. (А.И. Донцов, Г.М. Белокрылова, 1999).

Коммуникативная компетентность в сочетании с интеллектом и волей доминировали и в перечне качеств «типичного» психолога. В число десяти наиболее «популярных» качеств по оценкам всего контингента респондентов вошли следующие характеристики: талантливый, душевный, активный, сильный, открытый, доступный, включенный, демократичный, оптимист, радостный. По мнению авторов, подобный «психологический портрет» профессионального психолога отражает стереотипы массового сознания о свойствах подобных специалистов. Умение устанавливать и поддерживать контакты с людьми, напористость, способность добиться поставленной цели и эмоциональная стабильность – это те качества, которые присущи психологам глазами их самих, что полностью соответствует обыденным представлениям (там же).

Следует отметить, что во время обучения психологов в высших учебных заведениях процесс развития ПВК, как правило, происходит спонтанно. При этом имеются разные данные о проявлении тех или иных качеств и способностей. В настоящее время наибольшее количество изысканий по данной проблеме посвящены анализу развития эмпатии и толерантности как конкретных ПВК будущих психологов и педагогов

Таким образом, исследователи данной проблемы подчеркивают, что личность психолога-профессионала должна обладать, кроме профессиональных знаний, развитой эмпатией, принятием, открытостью, доброжелательностью и другими качествами. Наиболее важными качествами большинство ученых признают различные характеристики, связанные с коммуникативной компетентностью (эмпатия, установка в общении, умение слушать, толерантность, макиавеллизм, умение контролировать содержание и атмосферу социального взаимодействия и прогнозировать его исход) и другие.

Среди качеств, препятствующих успешности профессионального становления и деятельности называются, прежде всего, такие, как агрессивность, враждебность, манипулятивность (склонность использовать людей в своих целях), авторитаризм, неумение быть терпимым, интолерантность, невротическая установка и т.п. Поскольку степень развития ПВК позволяет делать вывод о качестве профессионального становления и развития студентов-психологов, актуальным представляется изучение их коммуникативных ПВК психологов с целью создания максимально адекватных условий, способствующих их формированию, становлению и развитию.

С целью изучения особенностей уровня развития некоторых коммуникативных ПВК студентов-психологов, нами было проведено диагностическое обследование, в котором приняли участие 205 студентов третьего курса (2004 и 2006 года обучения) в возрасте от 19 до 21 года (в основном девушки) одного из ВУЗов г. Москвы. Предметом исследования выступили особенности взаимосвязи между некоторыми профессионально важными коммуникативными качествами студентов-психологов (эмпатия, установка в общении, коммуникативная толерантность, манипулятивное отношение, а также цинизм, агрессия и враждебность) и их успеваемостью. Было выдвинуто предположение, согласно которому существует специфическая зависимость между самими коммуникативными ПВК студентов-психологов, которая взаимосвязана с их успеваемостью как объективным показателем успешности обучения профессии. В качестве такого показателя был использован рейтинг студентов по результатам третьего года обучения.

В работе использовались методы психодиагностики (методики В.В. Бойко: диагностика эмпатии, установки в общении, коммуникативной толерантности; «Шкала враждебности» Кука-Медлей, «Шкала манипулятивного отношения» Банта). Также применялись методы количественного (подсчет средних значений, процентный, корреляционный анализ, критерий Манна-Уитни с помощью пакета математической статистики SPSS, версия 10.0) и качественного анализа.

Приведем основные результаты исследования. Среднее значение уровня развития эмпатии у студентов разных лет обучения достоверно не отличается. В то же время обнаружено незначительное ее снижение в 2007 году: у студентов-психологов 2004 года общий показатель эмпатии составил 22,2 балла (N=82), в 2006 – 23,5 (N=123), а в 2007 году среднее значение равнялось 21 баллу (N=93), что соответствует верхней границе заниженного уровня эмпатии.

В исследовании также выявлена динамика усиления негативной установки в общении с 2004 по 2007 год (средний балл, соответственно, равен: 43,5; 45,3; 51,2 при максимальном значении 100). Также обнаружена самая низкая коммуникативная толерантность у студентов 2007 года обучения (51,2 балла из возможных 135), притом, что в 2004 году среднее значение равняется 49,8; в 2006 году – 48,5 баллов.

Кроме того, у студентов-психологов 2006 года обучения выявлены следующие особенности: уровень цинизма средний с тенденцией к высокому; враждебность, агрессивность и тенденция к манипулированию – средняя с тенденцией к низкому уровню. Можно сказать, что практически все эти показатели, кроме цинизма, находятся в пределах нормы. Уровень развития эмпатии средний, что также соответствует требованиям профессиональной деятельности и возможностям дальнейшего развития. У данной группы студентов наблюдается негативная установка в обще-

нии, и показатель коммуникативной толерантности находится на границе с интолерантностью. Результаты ранговой корреляции показали: при увеличении цинизма возрастают манипулятивные тенденции; эмпатия повышается, если снижается стремление переделать и перевоспитать партнера; рост негативной установки в общении приводит к увеличению цинизма, возрастанию нетерпимости к физическому или психическому дискомфорту партнера. Коммуникативная толерантность повышается при снижении враждебности, брюзжания и при увеличении эмоционального компонента эмпатии.

Сравнение со студентами разных лет обучения показало, что в целом выраженность компонентов эмпатии незначительно выше у студентов 2006 года обучения. При этом наблюдается гетерохронность степени выраженности каналов эмпатии: интуитивный канал эмпатии более развит у студентов 2004 года, зато у студентов 2006 года наиболее высокие показатели рационального, эмоционального компонентов и позитивных установок на эмпатию. Хотя общий показатель эмпатии средний и у тех, и у других. У студентов 2007 года обучения все характеристики эмпатии проявляются незначительно меньше. Также у студентов-психологов 2006 года обучения показатели установки в общении и коммуникативной толерантности незначительно, но демонстрируют позитивную динамику в сравнении со студентами 2004 года. В то же время, данные свидетельствуют: у студентов самая высокая выраженность завуалированной жестокости при сопоставлении с другими группами профессий. То есть, они используют принцип отношений с людьми: доверяй, но проверяй, считают, что людей часто следует бояться больше, чем зверей, ждут от людей благодарности, а если ее нет, то жалеют о сделанном добре. У врачей, медсестер и воспитателей из всех шкал доминирует обоснованный негативизм – они стараются рационально объяснить и объективно подкрепить отрицательные выводы о некоторых типах людей и отдельных сторонах взаимодействия. Самая позитивная установка в общении оказалась у врачей, а самая негативная установка в общении по группам у психологов 2007 года обучения. Обнаружена также зависимость между рейтингом успеваемости студентов и уровнем развития эмпатии и установки в общении.

В целом, результаты исследования подтвердили гипотезу, согласно которой коммуникативные ПК у студентов-психологов имеют специфическую взаимосвязь с академической успеваемостью, а также явились еще одной иллюстрацией гетерохронности и гетерогенности их развития: одни качества соответствуют требованиям, другие нуждаются в развитии до позитивного уровня. Кроме того, поскольку студенты находятся на вузовском этапе профессионализации, уровень развития таких коммуникативных качеств, как установка в общении и коммуникативная толерантность, оказался ниже, чем у дипломированных специалистов (врачей, медсестер и воспитателей по данным В.В. Бойко, 2003).

Особенности доверия к себе и агрессивности юношей – делинквентов

Кокуев А.А.,
ПИ ЮФУ, г. Ростов н/Д

Кризис привычных, ценностей, характеризующий современное состояние российского общества, может порождать неверие в собственные возможности, и, в конечном счете, вызывает кризис личностной идентичности. Обобщенно, это может выглядеть как потеря доверия к миру и к другим, которые являются частью этого мира. Можно говорить о том, что у человека нарушается соответствие между собой и тем миром, который его окружает. Разрушив систему доверия к традиционным ценностям, большая часть людей разрушила и доверие к себе, сломала веру в возможность реализации себя в этом мире. В поисках выхода многие начинают обращаться к так называемым нетрадиционным ценностям, в частности, к тем, к которым относятся ценности криминального мира. Одной из таких ценностей является агрессивность, агрессивное поведение, т.е. поведение, в результате которого человек утверждает себя за счет другого. В нашем исследовании была предпринята попытка изучить особенности доверия к себе и другим, а так же специфику взаимосвязи доверия и агрессивности среди несовершеннолетних преступников

Т. о. нами была предпринята попытка изучения связи между мерой доверия к себе и агрессивными тенденциями личности несовершеннолетнего преступника.

Проведённый нами теоретический анализ позволил предположить, что для несовершеннолетних преступников будут характерны нарушения в проявлении доверия к себе и другим, которые будет выражаться, в том числе и в снижении меры доверия к себе (что связано с низким чувством ценности собственной личности). А агрессивные тенденции личности будут выступать как компенсаторные механизмы, с целью повышения меры доверия к себе.

Исследование проводилось в Азовской воспитательной колонии №4, Ростовской области и в Ростовском Военном Институте Ракетных Войск Стратегического Назначения. Всего было исследовано 160 человек, из них - 80 несовершеннолетних преступников, содержащихся в ВК-4, и 80 курсантов 1-го курса РВИ РВСН (Ростовского военного института ракетных войск стратегического назначения), которые выступили в качестве контрольной группы.

Все преступники были осуждены в первый раз. По характеру совершенных преступлений 51% из них осуждено за корыстные преступления, 22% - за насильственные преступления, 27% осуждены за корыстно – насильственные преступления.

Для проверки данной гипотезы нами были использованы методики Hand-test, тест Розенцвейга, тест Басса-Дарки, шкала общей самооффективности Шварцера-Ерусалема, адаптированная В.Г.Ромек, и некоторые шкалы 16 PF. Для выбора шкал из теста 16PF нами было проведено предварительное исследование, заключающееся в следующем: методом субъективного шкалирования оценивалась степень доверия к себе каждым испытуемым в обеих группах. Полученные данные были подвергнуты корреляционному анализу со шкалой общей самооффективности и шкалами 16-PF. Значимые корреляции были получены между результатами субъективного шкалирования, шкалой общей самооффективности, и следующими шкалами 16-PF: E (доминантность-подчиненность), G (ответственность-безответственность), H (смелость-робость), L (подозрительность-доверчивость), O (тревожность-спокойствие), Q₂ (самостоятельность-зависимость от группы), Q₃ (самоконтроль-импульсивность). Дальнейшая статистическая обработка полученных данных, с помощью критерия Манн-Уитни и расчета коэффициента линейной корреляции, позволила выявить некоторые тенденции о связях системы доверительных отношений и агрессивных тенденций у несовершеннолетних преступников. Не выявлено значимых различий по основным показателям агрессивности между экспериментальной и контрольной группами (Hand-Test, шкала E 16 PF, индекс агрессии по Бассу-Дарки). Это во многом, на наш взгляд, объясняется, во-первых, характером контрольной группы (курсанты РВИ РВСН); во-вторых, говорит о том, что само по себе наличие агрессивных тенденций не свидетельствует о возможностях противоправного поведения вообще и проявления социальной агрессии, в частности. В ходе эмпирического исследования выявилась значимая положительная корреляция между уровнем доверия к себе и показателем самооффективности. Данный факт позволяет считать показатель веры в самооффективность одним из коррелятов доверия к себе. В группе несовершеннолетних преступников имеют место нарушения в системе «доверие к другим – доверие к себе» по сравнению с законопослушными сверстниками, что выражается: а) в более низких показателях фактора G, что, по нашему мнению, говорит о пренебрежении общественными стандартами, безответственности, т.е. снижении доверия к миру; б) в более низких показателях фактора H и говорит о неуверенности в своих силах, т.е. о снижении доверия к себе; в) более высокая оценка по фактору O говорит о высоких тревожных ожиданиях по поводу своего существования в социуме; г) более низкий показатель Q₂ свидетельствует о несамостоятельности, зависимости от группы и т.д., т.е. о низком доверии к себе. При этом необходимо отметить, что, по мнению А.А. Руковишникова и Н.В.Соколовой, тенденция к групповой деятельности связана не с общительностью, а с отсутствием инициативы и смелости в выборе собственной линии поведения. Иначе говоря, это связано не с повышенным доверием к другим, а с

низким доверием к себе и к другим соответственно; д) низкие показатели фактора Q3 – о неумении доводить начатое дело до конца, неумении преодолевать препятствия, подверженности влиянию различных случайных факторов, высокой импульсивности. Такая подверженность случайным влияниям говорит, на наш взгляд, о низком доверии к себе, неуверенности в своих возможностях и силах. Вышеназванные факторы имеют тесные корреляционные связи между собой, что позволяет говорить о формировании определенной системы недоверия и враждебности к окружающему миру и низком доверии к себе одновременно. Это свидетельствует о нарушениях системы доверительных отношений у несовершеннолетних преступников. Причинами, порождающими враждебное отношение к миру, могут являться низкая самооффективность и высокая тревожность у несовершеннолетних преступников, что подтверждено результатами двухфакторного дисперсионного анализа, где в качестве двух факторов выступили показатели тревожности и самооффективности, а в качестве результирующего признака индекс враждебности по Басс-Дарки. В результате однофакторного корреляционного анализа, предложенного Пирсоном, выяснилось, что фактор низкой самооффективности, как один из индикаторов меры доверия к себе, имеет наибольший удельный вес в системе корреляционных связей между показателями реакций эгозащитного типа, экстрапунитивности (враждебной агрессии) и самооффективности. Это позволяет констатировать, что агрессивные тенденции несовершеннолетних преступников имеют во многом компенсаторный характер. За счет данных тенденций несовершеннолетние преступники пытаются повысить меру доверия, как к себе, так и к миру, и тем самым устранить нарушения в системе доверительных отношений.

Всё это позволяет нам заключить, что агрессивное поведение у несовершеннолетних преступников имеет в большей степени враждебный и компенсаторный характер. Подобные характеристики агрессия у несовершеннолетних преступников приобретает за счет того, что враждебные проявления одобряются нормами криминальной субкультуры и в то же время компенсируют неуспешность этих индивидов. Через враждебные, агрессивные действия подобные индивиды стремятся утвердиться, переложив ответственность за собственную неуспешность на других, обвинив в этом мир и окружающих, приписывая ему, т.е. миру, враждебные тенденции по отношению к себе.

В то же время, враждебность, как составляющая враждебной агрессии у несовершеннолетних преступников может формироваться, в том числе и вследствие низкого уровня доверия к себе, показателем чего является низкая самооффективность и низкий уровень доверия к миру, одним из показателей которого является высокая тревожность.

Индивидуально-типологические и личностные характеристики оператора как субъекта труда.

Коломина Е.Н.,
Казанский гос.университет

В рамках профессиональной психологии многогранно изучаются различные аспекты деятельности, в соответствии с которыми становятся понятными определенные моменты ее стимулирования. Перед исследователями в области психологии труда стоит задача выявления взаимосвязей индивидуально-типологических и личностных характеристик специалиста, поскольку на основании этих взаимосвязей осуществляется процесс определения профессионально важных качеств.

Если говорить о субъекте профессиональной деятельности, то подразумевается прежде всего конкретный субъект, личность, как некое внутреннее условие самой деятельности, и вместе с этим имеется ввиду то, что формирование субъекта деятельности и деятельностной личности не прекращается до тех пор, пока эта деятельность осуществляется.

В условиях научно-технического прогресса именно профессия оператора представляется наиболее уникальной, что определяет тем самым интерес к изучению психологических закономерностей в структуре профессиональных требований, предъявляемых к деятельности оператора. Выделяют различные виды операторской деятельности, каждая из которых по-своему специфична и характеризуется частными особенностями. Поэтому является значимым дифференцирование психологических качеств операторов и степени их проявления.

На сегодняшний день в зарубежной и отечественной литературе приоритетная позиция отводится описанию типологических и личностных особенностей операторов, как субъектов труда, в структуре специфического вида деятельности. Однако до сих пор не был выявлен характер взаимосвязи индивидуально-типологических и личностных характеристик человека-оператора, что можно определить как проблему проведенного исследования.

В проведенном исследовании теоретической основой выступили прежде всего работы Стрелкова Ю.К., Душкова Б.А., изучающих ведущие мотивы в деятельности оператора; Ломова Б.Ф., использующего системный подход в описании отдельных сторон трудовой деятельности; Середы Г.К., исследующего индивидуальный профессиональный опыт; Суходольского Г.В., рассматривающего психологические основы деятельности и мн. др.

На основе вышеперечисленных теоретических подходов было проведено эмпирическое исследование с участием радиооператоров и авиадиспетчеров с использованием методик, позволяющих выявить как типоло-

гически обусловленные (Русалов В.М.), так и личностные особенности операторов.

В ходе исследования были выявлены такие индивидуально-типологические и личностные особенности операторов, как эмоциональная чувствительность в социальной сфере, сдержанность, внутренний контроль поведения (самоконтроль) и достаточно высокий уровень способности к самоуправлению. Их можно определить как основные характеристики, на которых необходимо сосредоточить внимание при построении структуры профессионально важных качеств. Основными типологическими характеристиками операторов являются такие особенности как сензитивность, социальная эмоциональность и темп (скорость выполнения отдельных операций).

Среди личностных особенностей, как показало исследование, наиболее ярко проявляются направленность личности на задание, устойчивость по отношению к традиционным трудностям, рассудительность, осторожность.

Было также выявлено, что взаимосвязь индивидуально-типологических и личностных особенностей характеризуется у операторов детерминацией высокого уровня способности к самоуправлению типологически заданными характеристиками.

При сравнении специфики двух разных видов операторских профессий выявлены различия в характеристиках, такие как скорость выполнения отдельных операций, степень легкости переключения с одной деятельности на другую и эмоциональная чувствительность в коммуникативной сфере.

Исходя из специфики деятельности внутри операторского вида, а также и из определенных требований конкретного вида операторской деятельности, можно выделить соответствующие личностные и типологические качества человека.

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить прежде всего значимость для специалиста в определенной, в данном случае в операторской профессии таких моментов, как уровень выраженности и взаимосвязь индивидуально-типологических и личностных характеристик человека с учетом включенности его в конкретную профессиональную деятельность.

Результаты исследования могут быть реализованы в виде теоретической базы для последующих работ в области профессиональной и инженерной психологии как практическая составляющая при создании продуктивных условий для осуществления операторской деятельности, как особого вида деятельности, с учетом закономерностей и характера взаимосвязи основных индивидуально-типологических и личностных характеристик специалиста.

Феномен внутриличностного конфликта и проблема его методологического анализа

И.А. Красильников,
Саратовский гос. университет им. Н.Г.Чернышевского

В жизни каждого человека на определённых этапах своего жизненного пути возникают внутриличностные конфликты. Особенно они становятся актуальными, когда затрагиваются важнейшие ценностно-смысловые образования. Внутренние конфликты кристаллизуют в себе весь жизненный путь личности, её жизненный опыт. Их появление – есть сигнал для личности к необходимости перехода качественно новому этапу развития и выстраиванию новых жизненных отношений.

Следует сказать, что личность современного человека всё более усложняется и пока нет таких тенденций и оснований которые говорили бы о том, что внутренние противоречия в структуре личности становятся всё более легко преодолимыми.

Современный мир, в силу своей подвижности и изменчивости создаёт условия для появления новых жизненных смыслов, но вместе с этим появляется одновременно риск и их фрустрации. Жизнь ставит перед человеком множество кризисно-ситуативных проблем, которые он порой не успевает и не знает как решать.

Внутренний конфликт – это всегда стрессовое состояние личности при котором появляется внутренняя необходимость в смысловом осуществлении выбора и принятия решения.

В феноменологии делается акцент на идее, что внутриличностные конфликты возникают на основе смысловой сферы сознания и самосознания. Поэтому приблизится к пониманию механизмов возникновения можно через идею взаимодействия сознательного, подсознательного и бессознательного уровней психической деятельности.

Интрапсихический конфликт - есть результат несогласованных (несинергичных), взаимодействий сознательного и бессознательного психического образа мира; образ становится разорванным, теряет свойство смысловой целостности, почему и обостряются саморефлексивные свойства.

Глубокие неразрешённые смысловые конфликты на уровне сознания и деятельности отражаются в сфере бессознательного, что нарушает процессы саморегуляции и психологической адаптации.

В адаптационном подходе центральным предметом исследования является рассмотрение взаимодействия личности (личностного потенциала) и жизненной среды (жизненного пространства), которое ориентирует и направляет субъекта.

При разрешении внутренних конфликтов личность может осуществлять выбор в пользу внешней адаптации, теряя или разрушая при этом

собственную идентичность, индивидуальность. Такое состояние сопровождается крайним обострением эмоциональной напряженности, которая вторично и существенно затрудняет перестройку мотивационно-смысловой сферы, необходимой для последующей адаптации.

По мере развития субъект неизбежно сталкивается с препятствиями, которые формируют личностную подсистему ориентированную на принцип реальности. Наиболее острая кризисная фаза смыслового внутреннего конфликта феноменологично определяется человеком как смысловой тупик. Принцип реальности полностью подчиняет себе принцип удовольствия (требований Я).

ВЛК проявляет себя как жесткое внутреннее требование к самому себе, как онтологическая смысловая необходимость к действию. ВЛК очень остро и необходимо ставит вопрос об актуализации внутренней активности «Я».

При ВЛК происходит переход самосознания с уровня Я и Другие на уровень Я и Я. В этом случае усиливается активность и субъектность личности по осознанию проблемы.

Исследование способностей к разрешению смысловых конфликтов должно включать анализ по крайней мере двух взаимодополняющих подсистем личности: адаптационных способностей субъекта и способностей к развитию.

Исторически в психологии линию исследования внутренних конфликтов начала школа психоанализа и экзистенциализма. Был открыт важный механизм образования внутреннего конфликта – амбивалентность экзистенциально-бытийной сферы личности как сферы глубинных переживаний.

Внутриличностные конфликты связываются с нарушениями процессов эмоциональной саморегуляции и формированием устойчивого амбивалентно-личностного отношения к явлениям жизненного мира. Эти феномены можно рассматривать как особые личностные состояния.

В последнее время в отечественной психологии личности имеется тенденция активного сближения субъектно-деятельностного и экзистенциального подходов на основе общей идеи о смысловой организации личности как высшем уровне жизнедеятельности.

Каждая личность имеет свою собственную логику развития жизненного пути. Психологический конфликт в субъектно-деятельностном подходе рассматривают как столкновение мотивационно-смысловых тенденций личности в процессе своего развития. Человек осознаёт это как внутреннее требование его личности к экзистенциальному Я.

Появление экзистенциальных внутренних конфликтов (мы называем их смысловыми тупиками) есть результат невозможности на осознанно-смысловом уровне найти новые способы решения жизненной проблемы

(причем осознанность здесь в первую очередь связана с адекватностью понимания своего реального смысла «Я»).

На наш взгляд, развитая субъектность проявляется в том, что испытывая смысловые конфликты человек в процессе принятия жизненных решений опирается на ценности и смыслы онтологической экзистенции своей индивидуальности, сопряжённые со смыслом внутренней свободы. Именно смысл внутренней свободы является «точкой опоры» при разрешении внутриличностных конфликтов.

Так заслуживает внимание один из аспектов внутренних конфликтов - это проблема экзистенциального самоосвобождения личности от одних смыслов и поиску новых. Здесь важно исследовать - при каких условиях такой отказ вообще возможен. Такая задача должна решаться в контексте исследования динамики мотивационно-смысловой сферы личности.

Намечается линия исследования внутренних конфликтов с методологических позиции неклассической системной парадигмы.

Так, К.Поппер считает, что никакая теория (модель мира) не может найти подтверждение внутри себя самой с помощью своих собственных «инструментов», и в этом случае невозможно избежать фальсификации; человек по его словам, может попасть в «ловушку автореферентности» (т.е. самооправдания).

Близкое по смыслу к идее К.Поппера было открытие Гёделем теорем нелинейной логики. Философское и общетеоретическое объяснение этих теорем связана с проблемой неразрешимости, а именно: любая сложная система не может доказать свою логичность внутри своей собственной структуры; такое доказательство может происходить только извне и должно основываться на дополнительных предположениях, которые изначально система не может создать или доказать.

Применительно к исследованию внутриличностных конфликтов в состоянии смыслового тупика данное положение можно интерпретировать следующим образом. Закрытая субъективная модель мира связанная с внутренними конфликтами личности отражает саморефлективный, замыкающий уровень сознания своего «Я» и при этом существует возможность иррационального (не логичного) поведения. Личностная система не может найти решение проблемы внутри самой себя, т.е. изменить значения, смыслы, ценности на основе имеющегося смыслового потенциала; личность как бы «заперта» внутри самого себя; изменение требует выхода за пределы системы, переход на другой качественно иной смысловой уровень, что невозможно без реальной деятельности и реальных действий.

Теория синергетики и диссипативных структур (И. Пригожин, Г. Хакен) как теория сложности изучает структуры порядка и устойчивости, механизмы самоорганизации. Сложные системы работают на уровне своей максимальной, а не минимальной сложности. Переход от хаоса к

структурированному состоянию может происходить спонтанно, но только в открытых и нелинейных системах. Характерной особенностью нелинейных систем и нелинейного подхода – возможность множественных путей развития в точке бифуркации т.е. предельно неустойчивом состоянии равновесия (каким может быть тупиковый смысловой конфликт). Именно свойство открытости и нелинейности является главным условием процесса самоорганизации психической системы.

Психологические конфликты – это результат неизбежного в своём развитии усложнения системы. Причем парадоксально, что для своего устойчивого развития, т.е. разрешения и преодоления внутриличностного конфликта система должна иметь определённую степень открытости во внешний мир через деятельность и взаимодействие, о которой так много писали С.Л. Рубенштейн; А.Н. Леонтьев.

Феномен экзистенциальных, а значит, смысловых внутренних конфликтов характерно отражает свойства неклассичности, когда главными выступают индетерминистские признаки, такие как нестабильность, нелинейность, неопределённость, невозможность логически строгой подконтрольности протекания психических феноменов. Личность проявляет себя неадекватно, а соответствующие психические образования стигматизируются в науке понятием «психологические комплексы».

Различного рода психологические комплексы – это также нелинейные феномены и методы линейной терапии прямое убеждение, прямое самовнушение и т.п. не дают, как показывает практика, высокого результата.

Опора на методологию нелинейного детерминизма при исследовании проблемы внутриличностного конфликта подтверждается также тем фактом, что его феноменология часто проявляется в форме психологических парадоксов. Одним из первых психологов, кто обратил внимание на психологические парадоксы, был В. Франкл. В своих трудах он указывал, что личность при ВЛК может вести себя парадоксальным образом: нелогично, абсурдно во взаимодействии с другими.

Парадоксальность поведения как нелинейного феномена конечно же связана с активизацией механизмов психологических защит которые разрабатывались психоаналитической школой.

Бессознательное «заявляет» о себе личности именно тогда, когда сознательно-волевые усилия сталкиваются с субъективно непреодолимым препятствием. Возможно, что волевыми усилиями далеко не всегда можно разрешить собственные внутренние конфликты.

В заключении можно отметить следующее:

Смысловой тупик резко сужает внутреннюю свободу личности, он переживается как частичная или полная утрата внутренней свободы. Разрешение внутриличностного конфликта – это деятельностный процесс

человека, а значит процесс перестройки и развития мотивационно-смысловой сферы личности.

В практической плоскости проблема изучения эффективности различных стратегий деятельности (совладающего поведения) по разрешению смысловых внутренних конфликтов пока ещё на современном этапе остаётся не решённой в силу методологического модернизма, онтологически свойственного самой психологической науке.

Следует сказать, что субъектный подход, начатый ещё С.Л. Рубенштейном и его школой, при исследовании таких психических феноменов как «смысловой тупик» может быть достаточно продуктивным. Так, в рамках данной парадигмы Е.А. Сергиенко в своих исследованиях указывает на существование различных уровней субъектности в регуляции совладающего поведения. По выражению В.А. Петровского, субъектность - есть потенциальная возможность «выхода за пределы самого себя», а это уже парадоксальная психическая деятельность, которая сопряжена с творческим актом, спонтанно-смысловым риском экзистенциально-онтологического характера.

Можно отметить, что внутриличностный конфликт – это столкновение двух глобальных диалектически связанных процессов ситуационной адаптации и личностного развития. Причем личностное развитие представляет собой ситуационное преодоление, а значит разрешения психического конфликта. Способность к личностному развитию зависит от множества факторов (личностной деформации, ситуационно-стрессовой «нагрузки», возрастных и гендерных особенностей и др.), но этот вопрос требует дальнейшей разработки проблематики развития субъектно-системных качеств.

Личностные факторы жизненных стратегий

Купченко В.Е.

Омский гос. университет им. Ф.М. Достоевского

Проблема жизненной стратегии очень обширна, так как она рассматривает достаточно сложное, многогранное образование, связанное с внутренним и внешним миром личности. Исследование жизненных стратегий - это многосторонне изучение особенностей личности.

Жизненная стратегия одно из образований, которое многосторонне отражает личность. В ней сосредоточена внутренняя сторона личности, которая проявляется в виде построения жизни определенным образом. Также жизненная стратегия отражает мировоззрение личности, ее ценностные ориентации.

Знание жизненной стратегии позволяет спрогнозировать поведение человека в той или иной ситуации, особенно это важно, когда человек сталкивается с жизненными трудностями.

Стратегия жизни состоит в разработке определенных жизненных решений как конструктивных способов преодоления сложных жизненных противоречий. Понятие жизненной стратегии является достаточно сложным образованием, включающим компоненты семантического интеграла, выделенного К.А. Абульхановой-Славской — удовлетворенность, притязания, саморегуляция. Мы исследуем личностные основания жизненной стратегии — активность, локус контроля и ценностные ориентации личности.

Активность личности - основная характеристика стратегии жизни, отражающая способность личности самостоятельно и эффективно строить свою жизнь. Активность определяется через такие личностные характеристики как ответственность, смелость, соревновательность, радикализм и независимость.

Локус контроля представляет собой склонность видеть источник управления своей жизнью преимущественно во внешней среде или в самом себе — традиционно рассматривается в качестве интегративного образования (Дж.Роттер, К.Муздыбаев). Уровень локализации контроля неразрывно связан с параметрами жизненной стратегии, оказывая влияние на различные сферы жизнедеятельности человека (межличностные отношения, социально-политическую активность и т.д.).

Ценностная ориентация личности – отношение личности к целям жизнедеятельности и средствам удовлетворения этих целей, детерминированное общими социальными условиями, типом общества, системой его экономических, политических, идеологических принципов (А.В. Шариков, М. Банщиков). Обобщая поступки, события, взвешивая и оценивая их в своем сознании, человек постепенно вырабатывает внутренние принципы и убеждения, которые и формируют жизненную стратегию.

Объект исследования: жизненный путь личности. *Предмет исследования:* личностные факторы жизненных стратегий.

Цель исследования: определить личностные факторы жизненных стратегий.

Поставленная цель реализовалась посредством решения следующих исследовательских *задач*:

1. изучить компоненты жизненного пути и выделить типы жизненных стратегий
2. исследовать личностные факторы жизненных стратегий: личностная активность, ценностные ориентации, локус контроля.
3. выявить степень взаимосвязи личностных свойств и характеристик жизненных стратегий.

Предварительно была выдвинута *гипотеза* — активность, ценностные ориентации и локус контроля являются личностными факторами жизненных стратегий.

В исследовании, выполненном под нашим руководством А.В. Смирновой, принимали участие 30 человек в возрасте 35-45 лет, имеющих высшее образование. Основным критерием подбора испытуемых являлся возрастной параметр. Нами был выбран данный возраст, так как он относится к середине жизненного пути личности и наиболее ярко может отобразить жизненную стратегию. К этому возрасту у личности обычно складываются стабильные ценностные ориентации, личностная направленность, черты характера.

Для реализации поставленной цели применялись три методики: 16 факторный тест-опросник Р. Кеттелла, методика Е.Г. Ксенофоновой по выявлению локуса контроля, опросник ценностных ориентаций личности ЦОЛ Тимченко А.В., Шапарь В.Б., Швыдченко В.Н.

Первоначально мы изучили компоненты жизненного пути и построили типологию жизненных стратегий. В исследуемой выборке выявилось 4 типа жизненных стратегий: пассивно-ответственная, адаптивно-ответственная, морально-ответственная, приспособительная.

1. пассивно ответственная жизненная стратегия (23,3%).

Для людей с данным типом жизненной стратегии характерно следующее поведение: пассивность, уступчивость, конформность, зависимость, навязчивое стремление к исповеданию, пассивная подчиняемость, навязчивость, корректность. Такое поведение чаще встречается у невротиков. В сфере ценностных ориентаций у данного типа личности ярко выражена направленность на себя. Данные люди в большей степени заняты собой, своими проблемами, часто делают поспешные необоснованные выводы о других, пытаются навязывать свою волю группе, не чувствуют меры.

При выраженной пассивности ответственность проявляется в норме, т.е. этим людям при решении жизненных проблем свойственно как полагаться на себя, так и на окружающих. Т.е. данный тип личности в различных жизненных ситуациях наибольшую пассивность проявляет в тех случаях, когда ждет поддержки от окружающих, имея при этом направленность на себя.

2. адаптивно-ответственная жизненная стратегия (16,7%).

Личности данного типа жизненной стратегии склонны к доверчивости, зависимости, легко адаптируются к различным жизненным условиям, быстро находят общий язык с окружающими, отсутствует стремление к конкуренции, проявляют заботу о других, хорошо работают в группе. Пассивность жизненной стратегии в данном случае проявляется в том, что человек не стремится отстаивать свои взгляды, может проявлять конформизм. В указанной группе для людей также как и для пассивно-

ответственного типа характерна направленность на себя, т.е. данные люди в большей степени заняты собой, своими проблемами, часто делают поспешные необоснованные выводы о других, пытаются навязывать свою волю группе, не чувствуют меры. Этому типу людей в наибольшей степени свойственна ответственность (внутренний локус контроля). При внутреннем локусе контроля проявляется уверенность в том, что силы, влияющие на судьбу человека, находятся внутри его самого; то, что происходит с человеком, в значительной степени является результатом его активности, и, следовательно, ответственность за собственную жизнь лежит на самом человеке, а не на каких-либо других, внешних по отношению к нему, силах.

3. морально-ответственная жизненная стратегия (16,7%).

Личности этого типа жизненной стратегии характеризуются строго сформированными морально-этическими нормами. Они проявляют сознательность, настойчивость, обязательность, требовательность к себе, руководствуются чувством долга, ответственны, полны планов, добросовестны, требуют соблюдения норм от окружающих, педантичны. Сложный конфликт может возникнуть при попадании в другую культуру, другое общество. Несмотря на обязательность и исполнительность не любят перемены мест работы, избегают сенсации, помощи и довольствуются ресурсами своей личности. Действуют рационально, пунктуальны. В сфере ценностных ориентаций ярко выражена направленность на себя, заняты собственными проблемами, не всем оказывают поддержку. Ответственность проявляется в норме. Но необходимо отметить, что в силу сформированности морально-этических норм у таких личностей чаще проявляется поведение с ориентацией на свой внутренний мир, на свои ресурсы, проявляют самостоятельность при решении различных жизненных проблем.

4. стратегия приспособления (10%).

Социально смелые, спонтанные, живые в эмоциональных реакциях, уверены в себе, имеют лидерские качества, хорошо работают в группе без дезорганизации и утомления.

Но в сфере ценностных ориентаций данная категория людей проявляет себя как избегающая самостоятельного решения поставленных задач, могут уступать давлению группы. Не проявляют личной инициативы, работают пассивно, равнодушно, не всегда помогают группе. Ответственность выражена в норме (склонны при решении различных жизненных проблем иногда проявлять внешний локус контроля). Данная категория людей относится к приспособляемым, т.к. их поведение в зависимости от характера, сложности жизненной ситуации может варьироваться от активного к пассивному.

При изучении *факторов личностной активности* было установлено, что для людей 35-45 лет (с учетом особенностей данной выборки) харак-

терны следующие особенности: личности проявляют себя, как уступчивые, конформные, зависимые; имеют радикальные взгляды на жизнь, радикальное поведение, критичны, либеральны, аналитичны, хорошо информированы; доверчивы, адаптирующиеся, уживчивые, приспособляемые, не стремятся к конкуренции.

Относительно *локуса контроля* необходимо сказать, что 86 % испытуемых имеют показатели интернальности в норме. Личности с данной выраженностью интернальности в зависимости от жизненной ситуации по-разному способны интерпретировать степень своей активности, значимости, которая повлияла на ход жизненных событий. Такие люди могут полагаться как на внешние (другие люди, обстоятельства), так и на внутренние факторы (свои способности, возможности).

Для личностей данного возрастного периода в большей степени характерны следующие *ценностные ориентации* - более заняты своим внутренним миром, могут делать поспешные, необоснованные выводы о других, могут пытаться навязывать свою волю группе. В выполнении групповых задач проявляет малую инициативу, свойственно помогать отдельным членам группы, могут хорошо планировать работу, выполнять сложные задачи, имеют качества руководителей, но не реализуют их полностью.

В заключении проведенный корреляционный анализ позволил определить, насколько активность, локус контроля и ценностные факторы являются личностными факторами выявленных жизненных стратегий. Опишем значимые показатели корреляционного анализа:

1. Чем более человек склонен обвинять себя во всем, тем более проявляется доминантное поведение в различных жизненных ситуациях.

2. Чем больше человек считает себя причиной собственных движений, обладает умением самостоятельно осуществлять деятельность, проявляет активность в неформальных отношениях, инициативу в сфере социальных отношений, тем более для него свойственна доминантность, самостоятельность, склонность к самоутверждению, авторитарность.

3. Для личности с такими качествами, как ответственность в профессиональной деятельности, в межличностном общении, характерно радикальное поведение, склонность к экспериментированию, аналитичность мышления, склонность к морализации, умение руководить.

4. Человек, проявляющий компетентность в межличностных отношениях имеет более выраженную независимость, самостоятельность.

5. Также была выявлена взаимосвязь между ценностными ориентациями и доминантностью, смелостью как компонентами личностной активности.

Исследование жизненной стратегии дает возможность подробного и многоаспектного изучения личности. В нашей работе выявилось, что жизненная стратегия напрямую определяется жизненной активностью, локусом контроля и ценностными ориентациями.

Общая характеристика истории создания учения об индивидуальности

Н.В.Мартыненко
(Краснодар)

Психология занимает центральное место в науках о человеке. Едва ли найдется такая сфера деятельности человека, где бы ни изучались особенности его психики и поведения. Многообразие наук о человеке отмечал Б.Г. Ананьев. «В системе тех или иных связей человек изучается то как продукт биологической эволюции - вид *Homo sapiens*, то как субъект и объект исторического развития - личность, то как естественный индивид с присущей ему генетической программой развития и определенным диапазоном изменчивости» (Б. Г. Ананьев, 1996).

Среди множества подходов к изучению человека важнейшим является изучение человека как активного субъекта, преобразователя окружающего мира, среды, быта, «как субъекта познания, коммуникации и управления, как предмета воспитания» (Б. Г. Ананьев, 1996).

Раскрывая содержание понятия «субъект», Б.Г. Ананьев связывает его с деятельностью, ее предметом, орудиями явлениям. Структура субъекта интегрирует свойства индивида к личности, определяющие готовность и способность к выполнению деятельности и достижению в ней определенного уровня продуктивности. Поэтому структура субъекта - это структура потенциалов человека, начиная с его жизнеспособности и трудоспособности и кончая талантом и гениальностью.

Основываясь на результатах многочисленных экспериментов, Б.Г.Ананьев показывает, что одно из центральных мест среди потенциалов субъекта занимает интеллект - многоуровневая и многокомпонентная организация познавательных сил, в которую входят психофизиологические функции, психические процессы, состояния и свойства. Интеллект, как показали эксперименты, заземлен в жизнедеятельность, а его продуктивность зависит не только от степени овладения операциями и характера мотивации, но и от энергетического обеспечения организмом процессов переработки информации и принятия решения, что выражается в так называемой цене интеллектуального напряжения.

Конечным продуктом онтогенетического развития человека, полагал Б.Г.Ананьев, является обретение им собственной индивидуальности, когда он становится субъектом своего жизнотворчества, самостоятельного, глубоко осознанного выстраивания своего жизненного пути. Такая индивидуальность фактически представляет собой полисистемное образование, интегрирующее важнейшие свойства личности, субъекта и индивида, присущее определенному конкретному человеку. Сознание и самосознание индивидуальности - это внутренний мир человека, который, по выражению Б.Г. Ананьева, постоянно работает. Результат работы этого

внутреннего мира, так или иначе, влияя на познанное человеком во внешнем мире и в самом себе, на возникшие при этом переживания, опосредует деятельность и поведение в заданных ему или созданных им самим обстоятельствах. Индивидуальное развитие Б.Г. Ананьев рассматривал как внутренне противоречивый процесс, зависящий от множества факторов: наследственности, среды воспитания, собственной практической деятельности и т.д. сложность структуры и полифакторность развития объясняют неравномерность изменений и гетерохронность развития человека на всех его стадиях.

Такая же неравномерность развития отчетливо обнаруживается им при исследовании процесса становления человека как субъекта различных видов деятельности.

Неравномерность развития человека как индивида, личности и субъекта деятельности в сопряжении со всеми факторами, характерными для этого развития, требует интегрированного, комплексного изучения человека. Для комплексного изучения особенностей индивида Б.Г. Ананьев и его ученики широко использовали математические методы обработки данных, особенно корреляционный и факторный анализ, что позволило им выявить громадное число взаимосвязей между индивидуальными, личностными и субъектнодеятельностными особенностями человека и тем самым обосновать теоретические представления об индивидуальности как конкретном воплощении психо-биосоциальной целостности человека. Благодаря этому комплексному исследованию человек предстал как структурированное целое, определяемое гомо- и гетерогенными связями. Полученные при этом эмпирические данные показали, что в любом факторе структуры личности обнаруживаются корреляционные связи между разнородными свойствами, функциями, соматическими и психическими ее особенностями. Необходимость комплексного изучения человека требует необходимости интегрирования наук о человеке. Одним из наиболее характерных проявлений интеграции научных дисциплин в области человекознания можно считать развитие междисциплинарных связей, особенно между психологией и многими науками, естественными и общественными.

На 18 Международном психологическом конгрессе (Москва август 1966) выдающийся швейцарский ученый Ж. Пиаже в своей лекции «Психология, междисциплинарные связи и система наук» справедливо подчеркнул соответствие в области естественных и точных наук (например, между физикой и математикой), в области же общественных наук о человеке наблюдается обратное положение. Он подчеркнул необходимость увеличения обмена между науками, изучающими человека и общество. В своем глубоком обзоре Пиаже последовательно рассмотрел междисциплинарные связи психологии с математикой, физикой, кибернетикой, общей биологией, генетикой, социологией, политической экономией, лингвистикой, логикой и отметил ключевую позицию психологии в системе

наук: «С одной стороны, психология зависит от всех других наук и видит в психологической жизни результат физико-химических, биологических, социальных, лингвистических, экономических и других факторов, которые изучаются всеми науками, занимающимися объектами внешнего мира. Но, с другой стороны, ни одна из этих наук невозможна без логико-математических координации, которые выражают структуру реальности, но овладение которыми возможно только через воздействие организма на объекты, и только психология позволяет изучить эту деятельность в развитии» (Пиаже Ж. 1966. с.36).

Ведущую роль психологии в интеграции многообразных наук о человеке отмечает А.В. Брушлинский: «... психология необходимо является важнейшим связующим звеном между всеми основными тремя группами наук: общественно-гуманитарными, естественными и техническими» (1994, с.4).

Согласно принципу системности, характеристика любой составляющей сложноорганизованного объекта зависит от системы в целом. Применительно к темпераменту эта особенность проявляется следующим образом - одно и то же свойство темперамента в различных типах выполняет разную приспособительную функцию. Другой важнейшей особенностью теории систем является принцип иерархического построения сложноорганизованных объектов действительности. «Взаимоотношение различных иерархических уровней имеет субординационный характер. Высшее, возникая на основе низшего, сохраняет специфичность и целесообразность его (низшего) функционирования» (В.В. Белоус, 2000, с.8).

У истоков учения об интегральной индивидуальности стоял С.Л. Рубинштейн (1957,1973). Он провозгласил тезис о совокупности внутренних условий, определяющих эффект внешнего воздействия. В центре этой совокупности находится человек как субъект деятельности. Эта модель интегральной индивидуальности соединила в себе высшие и низшие уровни совокупности внутренних условий человека.

Опираясь на единство объективного и субъективного, в Пермской психологической школе под руководством В.С. Мерлина особое внимание уделялось обоснованию роли свойств субъекта в становлении структур интегральной индивидуальности в зависимости от объективных требований деятельности и ее общественного значения. К настоящему времени среди многочисленных и разнообразных свойств субъекта обстоятельно обоснованы индивидуальный стиль деятельности и общения, социально-нравственные аттитюды, высокозначимые личные и общественные мотивы обучения, педагогическое мастерство учителя и т.д.

Весь перечисленный комплекс свойств субъекта выступает промежуточным звеном много-многозначных связей между разноуровневыми свойствами интегральной индивидуальности. Каждая промежуточная переменная приобретает в формирующем эксперименте с целью опосре-

дования разноуровневых связей. Причем установлено, что «основным опосредующим звеном в воспитывающем эксперименте является индивидуальный стиль деятельности», усвоение которого «происходит благодаря особому, как мы полагаем, универсальному мотиву - оставаться всегда индивидуальностью, защищать свою индивидуальность и становиться все более гармоничной индивидуальностью» (Мерлин, 1986, с.45,217).

К работам, выполненным под руководством В.С. Мерлина и отражающим динамику развития интегральной индивидуальности посредством системообразующей функции стиля деятельности и общения, относятся экспериментальные исследования Г.С. Васильевой (1976), Н.М. Гордечевой (1978), Л.П. Колчиной (1979), А.А. Коротаева и Тамбовцевой (1984), В.В. Люкина (1981), И.Х. Пикалова (1977), Т.С. Тамбовцевой (1981) и др. В современный период проблема индивидуального стиля деятельности и общения как универсального опосредующего фактора развития многозначных связей интегральной индивидуальности успешно разрабатывается Б.А. Вяткиным и его учениками (Дорфман Л.Я., 1993) и др; А.И. Щebetенко и его учениками (Бессонова С.Ю. 1998; Серков А.К. 1992); М.Р. Щукиным 1995 и др.

Особенности эмоционального интеллекта представителей разных сфер деятельности

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ,
№ проекта 05-06-06356а*

Мехтиханова Н.Н.
Яргу, Ярославль

В ряде современных зарубежных и отечественных теорий эмоция рассматривается как особый тип знания. В соответствии с данным подходом к пониманию эмоций выдвигается понятие «эмоциональный интеллект» - EQ. Эмоциональный интеллект определяется как способность к пониманию собственных эмоций и эмоций других людей, к управлению эмоциональной сферой. Несомненно, это обуславливает более высокую адаптивность и эффективность в общении. В связи со стремительным развитием этой концепции в последнее время в разных изданиях все чаще можно встретить статьи о «победе чувства над интеллектом», о преимущественной важности развития эмоциональной сферы над умственным развитием. Так, Д. Гоулмен в своей книге «Эмоциональный интеллект» определил, что значит быть способным: успех человека только на 20% зависит от разума, а на 80% — от умения управлять эмоциями. Именно поэтому исследования эмоционального интеллекта становятся все более актуальными.

По мнению некоторых авторов, эмоциональный интеллект имеет важное значение при работе в любой сфере деятельности. Однако, как нам кажется, эмоциональный интеллект наиболее важен в работе представителей тех профессий, чья деятельность тесно связана с общением с другими людьми, чем для представителей профессий, чей род деятельности мы называем субъект-объектный (т.е. не имеющей непосредственной связи с общением).

Целью данной работы явилось исследование особенностей эмоционального интеллекта представителей разных сфер деятельности: менеджеров (субъект-субъектный вид деятельности), чья деятельность напрямую связана с взаимодействием с другими людьми, и представителей тех видов деятельности, которые можно отнести к субъект-объектным (технологи, программисты, бухгалтеры).

В результате сравнительного анализа всех концепций эмоционального интеллекта, в качестве рабочей была выбрана наиболее полная, на наш взгляд, концепция Дж. Майера, П. Саловея, Д. Карузо.

Выборка. В исследовании приняли участие 30 человек, все испытуемые профессионально успешные:

15 человек – менеджеры (преимущественно среднего звена) - субъект-субъектная деятельность.

15 человек – представители субъект-объектных видов деятельности - программисты, технологи, бухгалтера.

Методики. Используемые нами методики можно разделить на 2 группы:

1) Методики на исследование эмоционального интеллекта. Выбор данных методик обусловлен теоретическими предпосылками. Согласно теории Дж. Майера, Д. Карузо, П. Саловея в структуру эмоционального интеллекта входят идентификация, понимание, регулирование и контролирование эмоций. Для диагностики этих параметров были выбраны методики, конструкты которых близки к описанным составляющим эмоционального интеллекта.

- Для диагностики идентификации эмоций использовалась методика на определение эмоций по выражению лица, предложенная Л.П.Урванцевым.

- На понимание эмоций использовалась методика диагностики уровня эмпатических способностей В.В.Бойко.

- На регулирование эмоций использовалась методика диагностики «помех» в установлении эмоциональных контактов В.В.Бойко.

- На контроль эмоций использовалась методика диагностики оценки самоконтроля в общении М.Снайдера.

2) Методика на измерение общего уровня интеллектуального развития - краткий отборочный тест (КОТ).

Результаты были обработаны с помощью методов математической статистики.

Сравнительный анализ групп с разными видами деятельности.

1) Значимость различий между группами.

Результаты в группах, выделенных на основании видов деятельности, значимо различаются по узнаванию эмоций, по уровню эмпатических способностей, по уровню «помех» в установлении эмоциональных контактов и по самоконтролю в общении. По всем параметрам, за исключением «помех» в установлении эмоциональных контактов, показатели в 1-ой группе испытуемых (субъект-субъектный вид деятельности) значимо выше, чем во 2-ой группе (субъект-объектные виды деятельности). В случае уровня «помех» в эмоциональных контактах имеется обратная тенденция: здесь показатели значимо выше во 2-ой группе испытуемых, по сравнению с 1-ой. По общему интеллекту различия между группами оказались не значимыми.

Значимые различия в группах могут объясняться тем, что испытуемым в субъект-субъектных видах деятельности постоянно приходится иметь дело с другими людьми, понимать их по выражению лица. Способность менеджера сочувствовать, угадывать поведение партнера, создавать атмосферу доверительности, способность понять партнера и поставить себя на его место – необходимые составляющие успешной деятельности представителя субъект-субъектных видов деятельности. Этой группе испытуемых по роду своей деятельности постоянно приходится следить за собой, управлять выражением своих эмоций; им необходимо продумывать, где и как себя вести, гибко реагировать на изменение ситуации, хорошо уметь оценивать сильные и слабые стороны партнера. Представителям же 2-ой группы испытуемых все вышеперечисленные умения не являются обязательными и необходимыми для их деятельности.

Более высокий уровень «помех» во 2-ой группе испытуемых также легко объясним. Для представителей субъект-объектных видов деятельности, как правило, умение общаться не является фактором успешности их деятельности, в отличие от менеджеров.

2) Интеркорреляции.

В 1-ой группе испытуемых (субъект-субъектный вид деятельности):

- самоконтроль в общении положительно коррелирует с общим интеллектом. Чем выше уровень интеллекта у менеджера, тем лучше он управляет выражением своих эмоций и тем лучше реагирует на изменение ситуации. Самоконтроль в общении является необходимым качеством успешного менеджера.

- «помехи» в установлении эмоциональных контактов отрицательно коррелируют с интеллектом. Чем ниже интеллект менеджера, тем больше он имеет проблем в установлении контактов с людьми; и, наоборот, чем

выше интеллект, тем ниже уровень проблем в общении. Аналогичные данные описываются в литературе.

- «помехи» в установлении эмоциональных контактов отрицательно коррелируют с узнаванием эмоций. Чем лучше менеджер распознает эмоции других людей по выражению лица, тем меньше проблем в установлении эмоциональных контактов он имеет.

Наибольший вес в 1-ой группе испытуемых имеют две переменные: «помехи» в установлении эмоциональных контактов и интеллект.

Отсутствие значимых корреляций во 2-ой группе испытуемых, вероятно, можно объяснить тем, что для представителей субъект-объектных видов деятельности исследуемые нами параметры эмоционального интеллекта не имеют столь важного значения, как для представителей 1-ой группы испытуемых. Следовательно, эти параметры могут быть развиты у них в различной степени.

3) Факторный анализ

Рассмотрим факторы в группах с разными видами деятельности.

Фактор 1 – фактор эмпатии в группе менеджеров.

Факторный вес составляет 3,98. В данный фактор вошли установки, способствующие эмпатии, эмоциональный канал эмпатии. Соучастие и сопереживание окружающим также как и установки, способствующие контакту с людьми, являются важными качествами личности. Если нет препятствий со стороны установок личности, то и различные каналы эмпатии будут действовать активнее и надежнее.

Фактор 2 – коммуникативный фактор в группе менеджеров.

Факторный вес равен 3,18. Данный фактор включает самоконтроль в общении, идентификацию в эмпатии.

Фактор 3 – фактор эмпатии в группе представителей субъект-объектных видов деятельности.

Факторный вес составляет 3,07. В него вошли эмоциональный канал эмпатии и самоконтроль в общении. Наличие данного фактора в этой группе испытуемых можно назвать неожиданным, поскольку мы предполагали, что развитие данных качеств у представителей субъект-объектных видов деятельности не является обязательным по роду деятельности. Безусловно, как личностные качества, способность к эмпатии и подстраивание под изменение ситуации могут встречаться у представителей любых видов деятельности. Но они не являются обязательными и необходимыми профессиональными качествами для всех видов деятельности. Наличие данных переменных у представителей субъект-объектных видов деятельности можно назвать скорее «случайными», то есть независимыми от рода деятельности. Подтверждением вышесказанному может служить тот факт, что факторный вес в данном случае ниже, чем в группе менеджеров. Следовательно, для группы менеджеров этот фактор более важен.

Фактор 4 – фактор неумения управлять эмоциями в группе представителей субъект-объектных видов деятельности.

Факторный вес равен 2,93. Фактор включает всего одну переменную – неумение управлять эмоциями. То, что данная переменная выделилась в отдельный фактор, дает возможность предположить, что она характерна для данной группы испытуемых. О наличии больших помех в общении в этой группе (по сравнению с группой менеджеров) уже говорилось. Помехи в общении, неумение управлять эмоциями для данной группы не являются препятствием в работе.

Фактор 5 – эмоциональный фактор в группе менеджеров.

Факторный вес составляет 2,48. Включает в себя три переменные: понимание эмоций, самоконтроль в общении, неадекватное проявление эмоций.

Фактор 6 – интеллектуальный фактор в группе представителей субъект-объектных видов деятельности.

Факторный вес равен 2,41. Включает три переменные: интеллект, доминирование негативных эмоций и возраст.

Выводы по результатам исследования

1. Представители субъект-субъектных и субъект-объектных видов деятельности имеют следующие различия в особенностях эмоционального интеллекта:

- Представители субъект-субъектных видов деятельности лучше идентифицируют эмоции; имеют более высокий уровень эмпатии и коммуникативного контроля;

- Представители субъект-объектных видов деятельности имеют больше помех в общении.

2. Наиболее важной составляющей эмоционального интеллекта для субъект-субъектных видов деятельности является регулирование эмоций.

Таким образом, данная работа вносит вклад в исследование проблемы взаимосвязи эмоций и интеллекта. Полученные результаты могут быть применены в кадровой работе в организациях.

Стратегия развития субъектности студентов в процессе профессиональной подготовки в вузе

Мухаметзянова Ф.Г., Яхина З.Ш., Мухаметзянов Ф.А.

Академия Социального Образования, Казань

Институт педагогики и психологии проф.образования, Казань

Важнейшей характеристикой личности в отечественной психологии признается субъектность, понимаемая как способность человека производить взаимообусловленные изменения в мире и самом себе. Изменение человеком себя — особая форма преобразовательной деятельности. Че-

ловек, исполняя эту деятельность, выступает одновременно и субъектом, и объектом преобразований. Человек не просто изменяет мир, он изменяется вместе с ним благодаря произведенным изменениям. Субъектность — это базовая характеристика человека, центральное образование человеческой реальности, а, следовательно, центральная категория зрелой личности человека и профессионала. Исследования по развитию субъектности в студенческом возрасте показывают, что развитие человека происходит по пути наращивания субъектности и преодоления «объектности», т. е. тотальной зависимости человека от внешних условий.

Субъект постоянно решает задачу совершенствования, и в этом его человеческая специфика. «Задачей» субъекта в студенческом возрасте является согласование активности, всех возможностей, особенностей и ограничений личности с требованиями, условиями учебно-профессиональной деятельности, что отвечает качествам зрелой личности, ее отношению к деятельности (целеполаганию, мотивации) и требованиям, объективным характеристикам профессионального вида деятельности.

Можно утверждать, что в студенческом возрасте отношение к себе как к зрелой личности связано с признанием активности, сознательности, собственной способности к целеполаганию, уникальности, необходимости свободы выбора и ответственности за этот выбор. Формирование субъектности студента происходит путем саморазвития в учебно-профессиональной деятельности в процессе профессиональной подготовки.

В настоящее время во всем мире признана возрастающая роль профессионального образования не только для отдельной личности специалиста, но и для всего общества в целом. Качество профессионального образования определяется не только объемом, но и степенью творческого использования субъектом деятельности приобретенных знаний, сформированных профессиональных умений. В процессе профессиональной деятельности знания и умения в совокупности с потребностями и мотивами, возможностями и способностями начинают определять стратегию становления и развития компетентного специалиста как субъекта профессионального опыта и жизненного пути. В системе профессионального образования все более утверждается компетентностная парадигма подготовки будущего специалиста, в том числе и педагога-психолога.

Компетентностный подход определяет важнейшие требования к современному специалисту педагогу-психологу:

1. Современный специалист – педагог-психолог для решения профессиональных задач должен обладать не только фундаментальными, обширными, многомерными знаниями, но и уметь их самостоятельно приобретать и переносить в различные ситуации при решении задач профессиональной деятельности.

2. Педагог-психолог должен уметь работать не только как индивидуальный субъект, но и как коллективный субъект деятельности, для

чего ему необходимо постоянно совершенствовать корпоративную культуру, защищая и отстаивая не только свой имидж как профессионала, но и как равноправного субъекта корпорации.

3. Современный специалист педагог-психолог должен быстро, активно, мобильно осваивать новые технологии и рефлексировать относительно их эффективности и целесообразности в той или иной профессиональной ситуации.

4. Современный педагог-психолог должен «оттачивать» навыки самообразования, причем, не как «обязательную реакцию» на требования профессиональной подготовки, а как естественную реакцию субъекта самостоятельных действий, проявляя, при этом, определенную санкционированную активность, мобильность и ответственность. При этом для решения субъектом той или иной ситуации ему необходимо уметь мобильно осуществлять поиск информации и умения извлекать и переносить ее для эффективного решения тех или иных профессиональных задач.

5. Современный педагог-психолог должен «вращивать» способность к исследовательской деятельности в жизненно-важной «событийности», проявлять креативность как основу творчества.

6. Современный специалист педагог-психолог должен уметь реализовывать инновационные модели профессиональной деятельности, технологии их использования адекватно профессиональной ситуации и потребностям корпорации.

Стратегической задачей государственной образовательной политики в системе профессиональной подготовки современного специалиста является эффективное проектирование его субъектного потенциала. Реализация образовательных проектов в процессе подготовки специалиста зависит от новых стратегических ориентиров и тактики профессионального образования, связанных с решением многих кардинальных задач.

В научно-педагогической литературе отмечается особая роль воспитания в процессе профессиональной подготовки личности специалиста как будущего субъекта профессиональной деятельности. Воспитание субъектности личности в системе профессионального образования предполагает не только становление специалиста с заданными качествами и свойствами личности (профессионально важные и профессионально-значимые личностные качества), но и создание организационно-педагогических условий для формирования социально-ориентированной личности. Будущий специалист должен формироваться как уверенная в себе личность, реализующая свои потенциальные возможности в плане субъектного личностного и профессионального роста.

Модель воспитания личности будущего профессионала должна строиться на основе личностно-ориентированного и субъектно-деятельностного подходов. В педагогике наметилась тенденция обновле-

ния воспитательных теорий, концепций воспитания в русле этих подходов. Только активная, уверенная и ответственная личность может развиваться как субъект деятельности. Особую методологическую значимость приобретают стратегия и политика дальнейших реформ в области профессионального образования и воспитания. В советской педагогике системообразующим понятием признавалась политика, а стратегия и тактика рассматривались как подходы и способы реализации политики. Однако, в настоящее время, в теории и практике профессионального образования и воспитания встает вопрос о становлении человека как субъекта определенной деятельности, которому приходится действовать в ситуации неопределенности, конкуренции, востребованности в новых специальностях и профессиях. В связи с этим, необходимо развивать в личности способности к самостоятельности, творчеству, самореализации, уверенности в себе. Поэтому в теории и практике воспитания меняется соотношение доминирования политики и стратегии, в пользу последней.

Для проектирования становления личности студента как субъекта воспитания и образования, воспитательная политика государства должна соответствовать принятой в мировом сообществе и признанной в России гуманистической и субъектно-ориентированной парадигме, которая воплощается на стратегическом уровне воспитательной политики в основных целях и ориентирах, методологических установках развития системы воспитания, позволяющей выделить приоритеты, траектории развития системы воспитания в целом, всех его уровней и типов. Конкретные методики и приемы профессионального воспитания должны в этом случае принадлежать тактическому уровню реализации воспитательной политики государства в области профессионального образования.

Между стратегией и политикой профессионального воспитания и образования будущего специалиста как субъекта учебно-профессиональной деятельности в современном социуме могут быть отношения как соответствия на уровне взаимопонимания, так и несоответствия на уровне конфронтации, когда стратегия воспитания как регулятор политики в системе воспитания в социуме идут вразрез с принятой образовательной парадигмой. Такой разрыв существует между человечески-ориентированной парадигмой, принятой Римским клубом и Концепцией модернизации образования, с одной стороны, и стратегическими ориентирами реализации образовательных субъектных проектов в Российской системе профессионального образования и воспитания, с другой стороны.

В системе профессионального образования и воспитания продолжается ориентация на технократическую парадигму, для которой характерно доминирование средств над целью, прагматических ориентиров, стандартов и алгоритмов над смыслом, мыслью, чувством. На смену технократической парадигме приходит культурно-ценностная парадигма, согласно

которой профессиональное образование связано с созданием условий для "вхождения" личности в культуру и "вращения" субъектности на основе сознательного и творческого освоения традиций и ценностей. Субъектность студента предполагает развитие его способности к конструктивной деятельности, приобретение смысла жизнедеятельности и профессионального развития личности в социуме. Поэтому профессиональное воспитание и образование в широком смысле – это управление и самоуправление процессом становления профессиональной и социальной сущности студента как субъекта деятельности. В связи с этим, парадигма профессионального воспитания и образования личности студента как субъекта деятельности - это, в определенной степени, акцентирование внимания на вопросах стратегии профессионального образования и воспитания личности будущего профессионала в современном социуме.

Высокие стратегические ориентиры профессионального образования и воспитания личностной субъектности студента могут остаться декларациями, если в основе современной политики профессионального воспитания будет преобладать рыночно-конъюнктурная стратегия, игнорирующая стратегические установки воспитания. Профессиональное образование и воспитание, в большей степени, начинает выступать как одно из направлений рыночной политики. В профессиональном образовании формируется политика превращения образовательных учреждений в автономные некоммерческие организации и коммерческие образовательные проекты. Значительно ухудшаются условия для профессионального воспитания при платном обучении и в ряде негосударственных вузов, так как в эту систему часто не закладываются экономические вложения.

В теории и практике профессионального образования обнаруживается целый ряд недочетов в определении приоритетов развития системы профессионального воспитания, важнейшими среди них являются следующие: 1) отсутствие общих стратегических перспектив воспитания субъектности специалиста-профессионала и подчинение им близких и среднесрочных целей и задач воспитания; отсутствие похода к профессиональному воспитанию как целостному объективному процессу, в котором следует учитывать роль субъектного похода; недостаточный учет многофункциональности, многоаспектности, многомерности в системе образования, что приводит к подмене всех уровней профессионального воспитания таким важным аспектом, как ресурсно-экономический; нечеткость критериев успешности развития воспитательной системы в профессиональном образовании и результатов воспитания субъектности личности, например, отсутствие критерия социальной эффективности воспитания, субъектного развития личности, становления профессиональной компетентности и конкурентоспособности, физического, психического и душевного здоровья человека в системе воспитания; непродуманность

процедуры и механизма принятия решений о реформировании профессионального образования и воспитательной системы в ней.

Предстоящие реформы должны не разрушать, а укреплять и развивать то позитивное и конструктивное содержание образовательных и воспитательных систем, с учетом экономических и политических условий, с учетом особенностей социально- воспитательной ситуации, которая определяет такие акценты стратегии профессионального воспитания, как создание условий для становления субъектности личности студента.

К важнейшим стратегическим направлениям в системе воспитания субъектности студента в отечественном профессиональном образовании относятся:

- паритетность и взаимодополняемость широкого социального контекста и внимания к студенту как субъекту деятельности;
- достойная оценка субъектности студента на уровне его индивидуализированной активности, самостоятельности, инициативы, творчества;
- вовлечение в сферу воспитания самих студентов как ее субъектов;
- широкий охват всех студентов различными уровнями воспитания и образования.

Таким образом, стратегический ориентир в профессиональном образовании и воспитании базируется на субъектно-деятельностном подходе, направленном на формирование социальной и профессионально-ориентированной личности как субъекта профессиональной деятельности. В компетентностной парадигме профессионального образования субъектность становится одним из важнейших механизмов формирования компетентного специалиста.

Различение пола по лицам новорожденных и развитие гендерной идентичности

Никитина Е.А.,
Институт психологии РАН, Москва

Долгое время половая принадлежность индивида считалась абсолютно очевидной характеристикой. Однако развитие науки показало, что пол - сложная многоуровневая система, элементы которой формируются на разных стадиях онтогенеза. После рождения ребенка биологические факторы половой дифференцировки (хромосомный, гормональный, морфологический пол) дополняются социальными: на основании генитальной внешности новорожденного определяется его гражданский (паспортный) пол, в соответствии с которым ребенка воспитывают (пол воспитания), и т.д. Все эти обстоятельства накладываются на жизненный опыт ребенка и

его образ Я, в результате чего формируется окончательная гендерная идентичность взрослого человека.

Избирательность восприятия внешних влияний растет с развитием личности. Но в раннем возрасте значимость любых социальных воздействий крайне высока. Поэтому особенно интересно было бы изучить вклад внешних факторов в формирование полоспецифичного поведения на начальных этапах онтогенеза.

Принято считать, что все младенцы очень похожи друг на друга. На вопрос экспериментатора, можно ли различить по лицам новорожденных мальчиков и девочек, большинство испытуемых отвечали отрицательно, хотя и указывали, что иногда встречаются такие дети, пол которых «написан и на лице».

Попытка выяснить, какие параметры могут оказать влияние на уровень проявленности половых черт в лице младенца показала, что ни физиологические характеристики новорожденного (его рост, вес, окружность головы и груди, оценка по шкале Апгар, и т.д.), ни пренатальные ожидания матери, т.е. желание/нежелание иметь ребёнка того или иного пола, известный заранее по результатам УЗИ пол младенца, или общение родителей с ожидаемым ребёнком как с мальчиком или девочкой, не связаны с вероятностью правильного опознания его пола по лицу. Вероятно, уровень проявленности, а следовательно и узнаваемости пола, являются индивидуальной характеристикой каждого младенца.

Новорожденные с первых дней жизни вызывают дифференцированное отношение к себе со стороны даже незнакомых взрослых. А это различие в социальных взаимодействиях, например, хорошо опознаваемых мальчиков и девочек, пол которых выражен не слишком явно, может в дальнейшем приводить и к различию в сроках и путях их гендерной идентификации.

В этой связи интерес представляют эмоциональные замечания испытуемых в ходе эксперимента: «Какая нежненькая... девочка, конечно», «Точно мальчишка! Выражение лица решительное, взгляд твердый». Интересные данные были также получены в ходе эксперимента, в котором исследовалась привлекательность младенческих лиц. Оказалось, что существует значимая связь между оценками испытуемыми привлекательности лица и вероятностью классификации этого лица, как принадлежащего девочке (и наоборот). «Страшненький-то какой, пусть уж лучше мальчиком будет!» - часто говорили испытуемые.

Подобные высказывания не только явно демонстрируют гендерные стереотипы участников эксперимента, но и позволяют спрогнозировать выбор их стиля возможного взаимодействия с конкретным ребенком.

Выраженность типов агрессивного поведения у юношей – военнослужащих направленных на военно-врачебную экспертизу (ВВК)

Никитина Ю.Ю.

ПКБ №1 им. Н.А. Алексеева, Москва.

Агрессия – (от лат. нападение), физическое или вербальное поведение, направленное на причинение кому-либо вреда.

Следует выделить типы агрессивного поведения по Басу: физическая (Ф), вербальная (В), активная (А), пассивная (П), прямая (Пр), непрямая (НПр). Эти типы склонны объединять: Ф-А-Пр – прямое нанесение человеку физического вреда; Ф-А-НПр – сговор с другим человеком о нанесении кому-либо физического вреда; Ф-П-Пр – стремление физически не позволить кому-либо достичь желаемой цели; Ф-П-НПр отказ выполнения необходимых задач; В-А-Пр – словесное оскорбление или унижение другого человека; В-А-НПр – распространение клеветы о другом человеке; В-П-Пр – отказ разговаривать с другим человеком, отвечать на его вопросы; В-П-НПр – отказ высказаться в защиту человека которому нанесено незаслуженное оскорбление.

В последнее время увеличилось число молодёжи с агрессивным поведением, при котором отсутствует полноценное, правильное воспитание, а вследствие и полная предоставленность детей самим себе. При этом наблюдается: отсутствие режима дня, широкая неконтролируемая доступность к агрессивным, враждебным игрушкам, телепередачам, мультфильмам, художественным фильмам, компьютерным играм и другой неприемлемой для неокрепшей и податливой психике ребёнка информации, всё это, ведёт к искажённому восприятию поведения в социуме. На фоне такой жизнедеятельности и воспитания будут присутствовать трудности социальной адаптации, установление коммуникативного контакта, неадекватно завышенный или заниженный уровень самооценки, а также различных форм агрессивного поведения.

Таким образом, взаимодействие биологических, психологических и социально-средовых факторов неотъемлемо влияют на формирование уровня агрессивности в человеке.

Поэтому, когда такого юношу призывают в армию, где идёт строгое подчинение уставу, распорядку и приказам, а также рядом с ним проходят воинскую службу много других юношей, у такого военнослужащего начинают возникать протестные реакции, которые проявляются в различных типах агрессивного поведения. Вследствие чего, такие юноши теряют уважение, интерес и внимание других сослуживцев, от командования части неоднократно получают нарекания, наказания и имеют отрицательные характеристики, и в дальнейшем становятся изгоями в своём коллективе.

Целью нашего исследования, является в изучении уровня агрессивности и сопоставление типа агрессивности с социально-психологическими особенностями воспитания у юношей-военнослужащих направленных на ВВК.

Объектом исследования были взяты 95 юношей-военнослужащих, мужского пола, в звании «солдат», в возрасте 18-20 лет, проходивших воинскую службу, в мирное время, в течение 5-7 месяцев, направленных на военно-врачебную экспертизу (ВВК) командованием части, в связи с особенностями поведения.

Все исследуемые военнослужащие проживали на территории России и были разделены нами на 2 группы (проживающие в городе и в сельской местности) и проходили воинскую службу на территории России, в разных военных частях.

Экспертиза ВВК проводилась в ПКБ №1 им. Н.А. Алексеева, г.Москвы, в мужском территориально-региональном отделении. Для выявления наиболее выраженных типов агрессивности были использованы: амнестические данные развития и социальные факторы проживания юношей-военнослужащих, а также психологические тесты и опросники (Басс-Дарки, Шмишека, РНЖ, рисунок семьи, Дембо-Рубенштейн, метод незавершенных предложений, 60 слов и цветовой тест Люшера).

Так, процентное соотношение военнослужащих, проживающих в семье, где родители подэкспертного часто ругались или находились в разводе, злоупотребляли спиртными напитками, вели больше праздный образ жизни и принимали минимальное участие в воспитании ребёнка, а также часто использовали моральные и физические меры наказаний, в городе составляет-94%, в сельской местности-76%. А, процентное соотношение военнослужащих, проживающих в благоприятной семейной обстановке (полная, доброжелательная, без вредных привычек семья, принимающая активное участие в воспитании и развитии сына), составляет в городе-6%, в сельской местности-24%.

Табакокурение до призыва в армию и во время службы, и в городе и в сельской местности отмечается по 100%.

Злоупотребление алкогольными напитками, испытуемыми до призыва в армию, в городе-100%, в сельской местности-98%.

Употребление наркотических средств, в том числе и эпизодически, отмечалось в городе-95%, в селе-58%.

Употребление токсических средств, в том числе и эпизодически, отмечалось в городе-35%, в селе-9%.

Наличие противоправных деяний. В городе-86%, в селе-34%.

Юноши, имеющие образование менее 9 классов: в городе-10%, в селе-4%.

С образованием 9 классов средней общеобразовательной школы: в городе-8%, в селе-15%.

Окончившие 11 классов: в городе-14%, в селе-30%.

И, юноши получившие образование 9 классов и в дальнейшем продолжившие обучение в ПТУ, из города составляют-68%, в селе-51%.

Юноши, ведущие до призыва в армию праздный образ жизни: в городе составляют-72%, в селе-32%.

В ходе проведения экспериментально - психологического исследования (ЭПИ), были выявлены наиболее выраженные особенности агрессивного поведения.

Так, завышенный уровень самооценки, отмечается у военнослужащих проживающих в городе-6%, в селе-11%.

Сниженный уровень самооценки, отмечается у военнослужащих проживающих в городе-89%, в селе-48%.

Неуверенность в себе, в городе-89%, в селе-48%.

Повышенный уровень тревожности, в городе-75%, в селе-32%.

Выраженная эмоциональная неустойчивость, в городе-98%, в селе-55%.

Раздражительность, возбудимость, вспышки гнева, в городе-94%, в селе-53%.

Повышенный уровень агрессивности Ф-А-Пр, Ф-А-НПр и В-А-Пр, в городе-94%, в селе-53%.

Трудности установления контактов и сложная социальная адаптация, выявляется у живущих в городе-95%, в селе-52%.

Таким образом, наиболее высокий процент среди юношей-военнослужащих имеющих завышенный уровень Ф-А-Пр, Ф-А-НПр и В-А-Пр агрессивности, выявляется у проживающих в городе, воспитывающихся в дисгармоничных семьях, как в полных, так и в не полных; имеют затруднённую социальную адаптацию, коммуникативные трудности, заниженный уровень самооценки, неуверенность в себе и до армии имели образование 9 классов и ПТУ, состояли на учете в детской комнате милиции за различные противоправные деяния и злоупотребляли табакокурением, алкогольными напитками, наркотическими и токсическими веществами, а также предпочитали вести праздный образ жизни.

Данная работа посвящена углубленному философскому изучению такого творческого процесса, как формирование художественного текста. В своей работе мы попробуем ответить на вопрос как субъект метафорически изображать реальность и проследить процесс формирования художественного текста, выделив его значимость среди других видов творчества.

Сам процесс формирования художественного текста можно разделить на три основных этапа. Первый этап – зарождение идеи в сознании автора. Второй этап – поиск способа реализовать вовне данную идею и соответственно реализация. В завершении происходит принятие данного

продукта реализации именно как творческого другими людьми и оценка его значимости для них.

Первый этап представляет собой субъективный процесс. По сути, со стороны он выглядит как спонтанное озарение идеей человека. По источнику происхождения спонтанности озарения существует множество различных мнений. Одна из оппонирующих сторон считает происхождение озарения действительно спонтанным процессом, происходящим без желания человека, то есть возникновение идеи происходит по воле некого высшего разума, общей идеи (Хайдеггер). Вторая оппонирующая сторона не отрицает некоторую спонтанность, но склоняется к теории, что человек, не имеющий желания и определённой подготовки, может просто проигнорировать идею. И поэтому можно предположить, что чтобы идея дождалась до своей реализации, её необходимо поддерживать и на это человек создающий творческий продукт, далее автор, тратит так называемые душевные усилия. Он как бы развивает её в своём сознании, делая её всё более реальной и конкретной, осязаемой (Фуко, Батай). Третья сторона придерживается мысли, что творчество является абсолютно объективным, то есть процесс создания, например, стихотворения можно описать научным языком и, опираясь на это описание, можно научиться быть автором (Мамардашвили).

Как можно заметить такое понятие как автор проявляется только у второй и третьей точки зрения. У первой же стороны понятие авторства отсутствует совсем, за своей полной ненужностью, либо принимает форму одного глобального автора, что, по сути, является практически тем же самым, что и его отсутствие, так как человек здесь выступает лишь как передатчик идей в мир, а не как их создатель. Третья точка зрения наоборот предполагает, что автора можно сделать из любого человека, который может обучаться. Вторая же точка зрения является вроде бы как нейтральной, но при взгляде более подробном можно увидеть, что она как будто существует отдельно, так как в отличие от остальных теорий делает акцент не на продукт, а на человека создающего этот продукт, то есть на автора. Мы в своей работе также придерживаемся этой точки зрения.

Далее переходим ко **второму этапу** формирования художественного текста. Он представляет собой процесс поиска формы и реализация идеи через эту форму. И здесь сразу можно отметить один важный аспект – важно понимать, что в момент реализации происходит процесс превращения неких субъективных идей в объективный объект (книгу, стихотворение). То есть в какой-то момент, то, что было только в сознании автора – стало достоянием масс. Это важный аспект, но также необходимо понимать, что досконально, не известно действительно ли то, что рождается в виде творческого продукта, отражает идею автора. Даже сам автор порой в этом сомневается.

Итак, вернёмся к выбору формы реализации. Здесь автору предоставляется многообразный выбор, который, тем не менее, подвержен определённой классификации. То есть можно попробовать классифицировать творческий продукт по мере приближённости к субъективной идее автора. Сама классификация заключается в том, насколько форма позволяет раздвигать рамки в реализации творческого продукта.

Мы в своей работе основной акцент делаем на два основных направления проза и стихотворная форма. Разделение это происходит не случайно. Несмотря на общность реализации, в сути своей они существенно отличаются, но и одновременно есть и похожие моменты.

Среди общих черт можно выделить следующие параметры: самая очевидная это то, что создание происходит посредством написания на бумаге слов в определённой последовательности, которая сохраняет повествовательную основу; отсюда же следует, что данный творческий продукт должен иметь в корне нечто объединяющее всё написанное, и в обычном виде – логичное начало и логичное завершение, хотя это не обязательно, так как важнее сама линия мысли, которая проходит через весь текст.

Выявив сходства, теперь рассмотрим отдельно каждую форму на предмет различий. Для этого рассмотрим в подробностях первую форму – прозу. По сути, это некий повествовательный текст, который может быть написан любым удобным методом, с единственным условием, что сохранится идея, иначе это будет просто набор слов или даже букв. При соблюдении этого условия образуется цельное произведение.

Вторая же форма – стихотворная, на первый взгляд кажется, что создаётся по тому же принципу, на самом же деле при первой же попытке писать все, что придёт в голову, можно столкнуться с первым отличием – рифмой. В стихотворении есть не просто последовательность мыслей, а определённый такт, по сути сравнимый иногда с музыкальным тактом и называется – рифма. Здесь всё подчинено особым законам, которые собирают слова не просто по смыслу, а также и по звучанию. Благодаря этому данная форма представляется более сложной для реализации, хотя и со стороны выглядит достаточно спонтанно. И здесь надо учитывать, что спонтанное стихосложение свойственно далеко не каждому человеку, а лишь человеку который наиболее полно отдаёт себя этому процессу. Подобных людей и именуют поэтами. По сути стихотворная проза прокладывает мостик между прозой и музыкой, о которой можно тоже сказать несколько слов.

Несмотря на то, что музыка не является объектом исследования, тем не менее о ней нельзя не упомянуть, так как она непосредственно оказывается связана с текстом. Музыка представляет из себя следующую форму творчества, которая является наиболее не подверженной условиям какой-либо внешней формы. То есть, если в прозе необходим текст

как таковой, для передачи идеи, в стихотворении он уже постепенно размывается звуком. В отдельные моменты становится понятно, что и не так важны слова как их звуковое сочетание. Начинается наслаждение именно стихотворением, а не смыслом слов как в прозе. И в таком случае это представляется более сложным, чем просто писать текст на бумаге. Для написания стихотворения необходимо чувствовать язык, сочетания слов, а именно гармоничность и дисгармоничность. Данные ощущения сложно достичь с ходу и для этого необходимо состояние, в котором эти ощущения достигаются. Здесь находится подтверждение нашей теории авторства, в том, что не спонтанность, а именно углублённое состояние автора способно производить на свет творческий продукт. Вопрос только в глубине этого состояния.

Таким образом, выделяя идею о значимости фигуры автора, как соучастника художественного текста и формы, как необходимого условия для его существования, мы рассмотрели концепции различных авторов, отражающие социально-философский феномен художественного текста.

Субъект и творчество: социально-философский анализ формирования художественного текста

Петрушин Е.С.
Казанский гос. университет

Данная работа посвящена углубленному философскому изучению такого творческого процесса, как формирование художественного текста. В своей работе мы попробуем ответить на вопрос как субъект метафорически изображать реальность и проследить процесс формирования художественного текста, выделив его значимость среди других видов творчества.

Сам процесс формирования художественного текста можно разделить на три основных этапа. Первый этап – зарождение идеи в сознании автора. Второй этап – поиск способа реализовать вовне данную идею и соответственно реализация. В завершении происходит принятие данного продукта реализации именно как творческого другими людьми и оценка его значимости для них.

Первый этап представляет собой субъективный процесс. По сути, со стороны он выглядит как спонтанное озарение идеей человека. По источнику происхождения спонтанности озарения существует множество различных мнений. Одна из оппонирующих сторон считает происхождение озарения действительно спонтанным процессом, происходящим без желания человека, то есть возникновение идеи происходит по воле некоего высшего разума, общей идеи (Хайдеггер). Вторая оппонирующая сторона не отрицает некоторую спонтанность, но склоняется к теории, что

человек, не имеющий желания и определённой подготовки, может просто проигнорировать идею. И поэтому можно предположить, что чтобы идея дожила до своей реализации, её необходимо поддерживать и на это человек создающий творческий продукт, далее автор, тратит так называемые душевные усилия. Он как бы развивает её в своём сознании, делая её всё более реальной и конкретной, осязаемой (Фуко, Батай). Третья сторона придерживается мысли, что творчество является абсолютно объективным, то есть процесс создания, например, стихотворения можно описать научным языком и, опираясь на это описание, можно научиться быть автором (Мамардашвили).

Как можно заметить такое понятие как автор проявляется только у второй и третьей точки зрения. У первой же стороны понятие авторства отсутствует совсем, за своей полной ненужностью, либо принимает форму одного глобального автора, что, по сути, является практически тем же самым, что и его отсутствие, так как человек здесь выступает лишь как передатчик идей в мир, а не как их создатель. Третья точка зрения наоборот предполагает, что автора можно сделать из любого человека, который может обучаться. Вторая же точка зрения является вроде бы как нейтральной, но при взгляде более подробном можно увидеть, что она как будто существует отдельно, так как в отличие от остальных теорий делает акцент не на продукт, а на человека создающего этот продукт, то есть на автора. Мы в своей работе также придерживаемся этой точки зрения.

Далее переходим ко **второму этапу** формирования художественного текста. Он представляет собой процесс поиска формы и реализация идеи через эту форму. И здесь сразу можно отметить один важный аспект – важно понимать, что в момент реализации происходит процесс превращения неких субъективных идей в объективный объект (книгу, стихотворение). То есть в какой-то момент, то, что было только в сознании автора – стало достоянием масс. Это важный аспект, но также необходимо понимать, что досконально, не известно действительно ли то, что рождается в виде творческого продукта, отражает идею автора. Даже сам автор порой в этом сомневается.

Итак, вернёмся к выбору формы реализации. Здесь автору предоставляется многообразный выбор, который, тем не менее, подвержен определённой классификации. То есть можно попробовать классифицировать творческий продукт по мере приближённости к субъективной идее автора. Сама классификация заключается в том, насколько форма позволяет раздвигать рамки в реализации творческого продукта.

Мы в своей работе основной акцент делаем на два основных направления проза и стихотворная форма. Разделение это происходит не случайно. Несмотря на общность реализации, в сути своей они существенно отличаются, но и одновременно есть и похожие моменты.

Среди общих черт можно выделить следующие параметры: самая очевидная это то, что создание происходит посредством написания на бумаге слов в определённой последовательности, которая сохраняет повествовательную основу; отсюда же следует, что данный творческий продукт должен иметь в корне нечто объединяющее всё написанное, и в обычном виде – логичное начало и логичное завершение, хотя это не обязательно, так как важнее сама линия мысли, которая проходит через весь текст.

Выявив сходства, теперь рассмотрим отдельно каждую форму на предмет различий. Для этого рассмотрим в подробностях первую форму – прозу. По сути, это некий повествовательный текст, который может быть написан любым удобным методом, с единственным условием, что сохранится идея, иначе это будет просто набор слов или даже букв. При соблюдении этого условия образуется цельное произведение.

Вторая же форма – стихотворная, на первый взгляд кажется, что создаётся по тому же принципу, на самом же деле при первой же попытке писать все, что придёт в голову, можно столкнуться с первым отличием – рифмой. В стихотворении есть не просто последовательность мыслей, а определённый такт, по сути сравнимый иногда с музыкальным тактом и называется – рифма. Здесь всё подчинено особым законам, которые собирают слова не просто по смыслу, а также и по звучанию. Благодаря этому данная форма представляется более сложной для реализации, хотя и со стороны выглядит достаточно спонтанно. И здесь надо учитывать, что спонтанное стихосложение свойственно далеко не каждому человеку, а лишь человеку который наиболее полно отдаёт себя этому процессу. Подобных людей и именуют поэтами. По сути стихотворная проза прокладывает мостик между прозой и музыкой, о которой можно тоже сказать несколько слов.

Несмотря на то, что музыка не является объектом исследования, тем не менее о ней нельзя не упомянуть, так как она непосредственно оказывается связана с текстом. Музыка представляет из себя следующую форму творчества, которая является наиболее не подверженной условиям какой-либо внешней формы. То есть, если в прозе необходим текст как таковой, для передачи идеи, в стихотворении он уже постепенно размывается звуком. В отдельные моменты становится понятно, что и не так важны слова как их звуковое сочетание. Начинается наслаждение именно стихотворением, а не смыслом слов как в прозе. И в таком случае это представляется более сложным, чем просто писать текст на бумаге. Для написания стихотворения необходимо чувствовать язык, сочетания слов, а именно гармоничность и дисгармоничность. Данные ощущения сложно достичь с ходу и для этого необходимо состояние, в котором эти ощущения достигаются. Здесь находится подтверждение нашей теории авторства, в том, что не спонтанность, а именно углублённое состояние

автора способно производить на свет творческий продукт. Вопрос только в глубине этого состояния.

Таким образом, выделяя идею о значимости фигуры автора, как соучастника художественного текста и формы, как необходимого условия для его существования, мы рассмотрели концепции различных авторов, отражающие социально-философский феномен художественного текста.

Этическая психология личности: предмет и методы исследования

Л.М. Попов
Казанский гос. университет

Со второй половины 19 века российские мыслители (Н.И. Надеждин, К.Д. Каверин, В.Д. Соловьев, Л.М. Лопатин, Н.О. Лосский, С.Л. Франк и др.) предложили рассматривать человека в психологии как целостное образование, способное быть объектом комплекса наук: антропологии, физиологии, философии, психологии, этнопсихологии [2]. Однако «системообразующим» элементом должна при этом стать морально-нравственная составляющая в человеке. Формами ее проявления могут быть: душевная жизнь, духовность, связанные с верой, религией; свободная воля в виде творческой энергии человека. В силу российской ментальности зародилось философско-религиозное направление в отечественном человековедении, которое в центре своих научно-философских (В.Д. Соловьев, Л.М. Лопатин) и художественно-этических (Ф. Достоевский, Л. Толстой) исканий поставило вопрос о таинственной русской душе и нравственной оценке деяний, поступков русского человека [10].

Новое обращение к идеям нравственной психологии приходится на период 80-90-х г.г. 20 века, когда идет отход от советской идеологии, а в психологии – отход от дифференцированного изучения человека к целостному человеку, субъекту труда, общения, познания, саморазвития. Снова идет поиск российской идентичности и ее стержня – таинственной русской души, способной к принятию кардинальных общественных перемен и к смене ценностей.

Новый всплеск интереса к нравственной психологии обусловлен, прежде всего, экзистенциально-нравственным вакуумом в современной нам жизни, общественном сознании и в человековедческих науках. Отсюда: размышления последних лет жизни С.Л. Рубинштейна [7] о необходимости соединить этику и психологию; желание Б.С. Братуся [1] создать аналог гуманистической психологии в виде нравственной психологии; стремление восстановить в правах исконно психологические понятия «душа», «духовность» [5] (В.П. Зинченко); рассмотреть комплекс духов-

но-нравственных проявлений личности как способностей, человечности [9] (В.Д. Шадриков), профессиональных качеств (В.А. Пономаренко).

Несомненным толчком в развитии этической (нравственной) психологии становится анализ социальной ситуации вседозволенности (по Ф. Достоевскому), оборотной стороны демократических форм жизни россиян. Прежние идеалы утрачены, свобода в действиях, поступках ограничивается только страхом наказания при несоблюдении закона, а в сознании россиян через бизнес-деятельность утверждается простая истина: разрешено то, что не запрещено.

Создался экзистенциально-нравственный вакуум, который необходимо заполнить глубоким изучением «сложнейшего комплекса нравственных и духовных составляющих психологии человека и формировать новую отрасль психологии – нравственную и этическую психологию» (А.Л. Журавлев) [4].

Предметом исследования в этической психологии могли бы быть тогда этические, нравственные (безнравственные) характеристики человека и характер его отношения к объектам окружающего мира, проявляющийся в его действиях, словах, позиции, поступках.

Предметом этической (нравственной) психологии может быть также то нравственное начало в человеке, которое имеет статическую и динамическую формы проявления, т.е. духовно-нравственные (безнравственные) характеристики личности как черты, качества, способности, свойства и их проявление в реальных действиях человека, т.е. в нравственно оцениваемом поведении. Значительную часть духовно-нравственных характеристик человека этическая психология может взять из этических и толковых словарей, а также из работ, связанных с психологией черт (Г.Олпорт, Р.Кеттелл).

Этическая психология должна занять свое место в ряду трех видов, описывающих человеческое поведение: индивидуально-независимое, спонтанное (предмет изучения общей и ряда прикладных психологий); общественно одобряемое (неодобряемое) поведение личности и субъекта (предмет этической психологии); законопослушное поведение (предмет правоведения).

В индивидуальном поведении формируются личностные нормы, которые позволяют человеку оценивать свои и чужие поступки в категориях нравственных отношений.

Отсюда следует, что пора переосмысливать термин «поведение», придать ему более широкий статус и связать с термином «этика». Попытки введения данного содержания в терминологию имеются и в российской психологии, так есть идея ввести понятие «нравственная психология» (Б.С. Братусь).

Однако нам кажется, что термин этическая психология личности (субъекта) более предпочтителен, так как расширяет возможности, как

для науки «этики», так и для науки «психология». Новая отрасль психологии – этическая психология, - могла бы в этом случае встать в один ряд с педагогической, социальной, инженерной, клинической и др. отраслями психологии.

Методы исследования в этической психологии могут быть общенаучные (наблюдение, эксперимент, тесты, интервью и др.).

Категориальный аппарат должен сложиться на стыке этики и психологии личности.

Соединение этики и психологии личности (субъекта) с точки зрения психологии могло бы завершиться в системно-структурном его варианте введением понятия «этический слой личности (субъекта)». В свою очередь, этот компонент можно включить в состав детерминантного комплекса психологической организации человека как субъекта развития, саморазвития (Попов Л.М., 2000) [6].

Исходя же из другой, профессионально-этической позиции можно рассматривать вопрос о формировании такой отрасли психологии как «психологическая этика». Однако, в этом случае за новой дисциплиной, по-прежнему останется лишь объяснительная функция, а введением новой отрасли психологической науки – этической психологии мы даем возможность быть экспериментально-диагностической отраслью человеческого знания, на базе которого можно определить не только уровень общественно одобряемого – неодобряемого поведения, но и вести практическую работу, чтобы достичь преобразования (прогрессивного развития) отрицательно оцениваемых этических характеристик личности.

На протяжении ряда лет мы ведем психодиагностику таких традиционных для этики характеристик человека как его предрасположенность к Добру и Злу, используя тест «ДЗ», созданный в содружестве с А.П. Кашиным.

Широкий диапазон ситуаций, заложенных в тест, позволяет в итоге выявить предпочтительные выборы субъекта деятельности к добродетельному или злонамеренному поведению.

Тест позволяет конструировать на основе синтеза ситуаций и выборов по ним такие качества как «духовность» с одной стороны, и злонамеренность (порочность) человека - с другой.

По материалам диссертации О.Ю. Голубевой, выполненной под нашим руководством, было выявлено, что «духовность» в значительной степени передает доброжелательное начало в человеческом поведении. Стремление к добру можно считать понятием, обобщающим все хорошее в человеке. Оно включает в себя морально-нравственные качества, ценности, способствующие движению к «хорошему», а также отношения, которые человек демонстрирует ко всему, что его окружает, включая свою профессиональную сферу [3].

Психодиагностическое обследование позитивных и негативных нравственных качеств, отношения к избранной профессии и доминирующие ценности представителей 10 типов профессий позволили сделать вывод о том, что диагностические показатели лиц, отнесенных к профессиям «биологи», «столяры», «учителя» во много раз выше аналогичных показателей лиц, избравших себе в качестве профессии милицейскую службу и швейное дело. Если в перечне ценностей, имеющих отношение к своей профессии у первых выделяется «возможность духовного совершенствования себя», «возможность принести пользу обществу», то у вторых – это карьерный рост, использование служебного положения, стремление достичь материальных благ.

К числу несомненных достижений для этической психологии следует считать достигнутые О.Ю. Голубевой положительные результаты по изменению отношения к своей профессии (оно стало более позитивным), достигнутое в результате длительных тренинговой деятельности психолога по специально разработанной технологии. Например, через 12 недель планомерных занятий у лиц, отнесенных к милицейской профессии интегральный показатель духовности возрос почти вдвое. Тем самым была показана возможность в этической психологии не только созерцать явление, но и преобразовывать его.

По результатам диссертации П.Н. Устина, выполненной также под нашим руководством, удалось на базе ситуаций, создаваемых по материалам метода «ДЗ», выявить те, которые достаточно полно передавали одну из центральных характеристик злонамеренного поведения – циничность человека. Она рассматривалась как форма поведения, которая определяет деструктивную активность субъекта в его взаимоотношениях с миром, следствием чего выступает разочарование в окружающем мире и готовность к разрушительным действиям. Было выявлено, что циничность имеет значимые связи с такими личностными чертами как тщеславность, несдержанность, беспринципность, хамство, вероломность, жестокость [8].

Обнаружено автором также, что циничность тормозит самореализацию, негативно влияет на способность личности ощущать себя субъектом собственной жизни.

Дальнейшее изучение человека как носителя определенной этической психологии, во-первых, нацелено на психологизацию тех понятий, которые характеризуют качества, доведения их описания до психодиагностической процедуры. Во-вторых, на материале этической психологии следует продолжить утверждать ее преобразующие возможности, которые могут быть реализованы в тренинге.

Литература (по встречаемости):

1. Большой психологический словарь (под ред. Мещерякова Б.Г., Зинченко В.П.). Санкт-Петербург. Прайм-Евроснак. 2006. – 672 с.

2. Братусь Б.С. Образ человека в гуманитарной, нравственной и христианской психологии // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии. М.: Смысл, 1997. – с. 67-91.
3. Галустова О.В. История психологии в вопросах и ответах: учебное пособие. – М.: ТК Велби, изд-во Проспект, 2006. – 216 с. [с. 185-195].
4. Голубева О.Ю. Развитие духовных характеристик личности в условиях специально организованной деятельности. Автореф. канд. дисс. – Казань, 2005.
5. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Экономическое самоопределение: Теория и эмпирические исследования. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – 480 с.
6. Попов Л.М., Кашин А.П., Старшинова Т.А. Добро и зло в психологии человека. Казань, изд-во Казанского университета, 2000. – 176 с.
7. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., Педагогика, 1973. – 424 с.
8. Устин П.Н. Исследование циничности – нравственно-этического компонента личности. Автореф. канд. дисс. – Казань, 2003.
9. Шадриков В.Д. Духовные способности. Изд-во «Магистр», 1996. – 104 с.
10. Шадриков В.Д. Происхождение человечности. М.: Логос, 2004. – 296 с.

Теоретические основы изучения субъекта совместной деятельности

Пучкова И.М.
Казанский гос.университет

Деятельность человека чрезвычайно разнообразна: труд, воспитание и обучение, научно-исследовательская деятельность и др. Когда говорят о психологическом изучении деятельности, то часто имеют в виду деятельность индивида, или индивидуальную деятельность. Рассматривая категорию деятельности в психологии и обосновывая подходы к ее изучению, А.Н. Леонтьева подчеркивал, что психология имеет дело с деятельностью конкретных индивидов, которая протекает или среди окружающих людей, совместно с ними, или с глазу на глаз с окружающим предметным миром - перед гончарным кругом или за письменным столом. При этом в каких бы условиях и формах ни протекала деятельность человека, какую бы структуру она ни приобретала, ее нельзя рассматривать как изъятую из общественных отношений, из жизни общества. При всем своем своеобразии деятельность человека представляет собой систему, включенную в систему отношений общества, и вне этих отношений человеческая деятельность вообще не существует. В качестве основных структурных компонентов деятельности выделяют мотивы, цели и действия как составляющие содержание конкретных деятельностей.

Индивидуальная деятельность является составным компонентом деятельности совместной, которая (в социальной психологии) рассматрива-

ется как организованная система активности взаимодействующих индивидов, направленная на целесообразное производство объектов материальной и духовной культуры. Структура совместной деятельности имеет аналогичные с индивидуальной деятельностью составляющие. Важным условием совместной деятельности является формирование общей цели. По А.А. Журавлеву совместная деятельность развертывается в различных социально-психологических процессах, совокупность и последовательность которых позволяет описывать ее содержательные особенности и разные формы. Характерными признаками совместной деятельности являются единые цели, общая мотивация, распределение функциональных деятельностей, объединение (или совмещение) индивидуальных деятельностей, понимаемое как образование некоторого единого субъекта совместной деятельности. Объединение участников приводит к возникновению взаимосвязи и взаимозависимости между ними, что порождает совместность как особое качество деятельности. Психологическая теория деятельности раскрывает важнейшую особенность субъекта: люди и их психика формируются и развиваются в практической деятельности, поэтому объективно могут быть исследованы через проявления в такой деятельности.

Разработка категории «субъекта» в отечественной психологии связана с именами Б.Г. Ананьева, Д.Н. Узнадзе, С.Л. Рубинштейна. Одним из теоретических достоинств понятия «субъект» является его интегральный характер и возможность использования в психологии для обозначения характеристик как индивида («индивидуальный субъект»), так и группы («коллективный, групповой субъект»). Таким образом, понятие «субъект» позволяет выявлять общее в психологических свойствах личности, малой и большой группы и общества в целом.

По мнению С.Л. Рубинштейна, субъекта характеризует активность, способность к развитию, интеграции, самодетерминации, саморегуляции, самодвижению. Выделяют такие критериальные свойства субъекта, активности; включенность в общественное развитие; способность отражать мир в виде познаваемого объекта; целостность, единство, интегральность, системность свойств; способность к саморегуляции и творчеству; овладение определенными видами деятельности и их функционированием; саморазвитие; самодостаточность и автономность; использование индивидуальных стратегий, стилей жизни и деятельности и другие. Полноценный анализ субъекта предполагает выделение нескольких взаимосвязанных аспектов: рассмотрение человека как субъекта различных деятельностей; раскрытие субъекта как основы разнообразных форм осуществления им психической активности (процессов, свойств, состояний); анализ субъекта как участника, инициатора и организатора системы межличностных взаимодействий с другими людьми; изучение субъекта как составляющей общественных отношений.

Важным качеством субъекта является субъектность. Субъектность может рассматриваться на различных уровнях: от элементарных форм взаимосвязанности (потенциальной субъектности), через многообразные формы совместной активности (реальной субъектности) к различным формам групповой саморефлексии как особой, качественно отличной от других форм совместной активности, проявляемой далеко не всякой группой. Не менее важной является и такая характеристика, как целостность субъекта. Она означает, прежде всего, единство, интегральность его деятельности и других видов его активности.

Становление личности субъектом индивидуальной деятельности следует рассматривать как процесс качественного преобразования включенных в деятельность и обеспечивающих ее осуществление психических и личностных свойств в соответствии с требованиями деятельности и критериями самой личности. Субъект может преобразовать не только свои личностно-психологические ресурсы, но и сами условия и требования деятельности. Когда личность становится субъектом деятельности, одни личностные особенности преобразуются, другие развиваются, третьи – остаются ведущими личностными характеристиками способа деятельности, определяя большую или меньшую степень ее становления субъектом индивидуальной или совместной деятельности. Характеризуя субъекта совместной деятельности, рассматривают направленность взаимодействия в группе, определяемая мотивом деятельности (Р.Л. Кричевский); предмет, на который направлена деятельность (М.Г. Ярошевский). Таким образом отмечается, что субъект совместной деятельности формируется под влиянием ее характеристик: социальной заданности и значимости, а также конкретного содержания. При этом субъектом совместной деятельности может быть как индивид, так и группа. При рассмотрении коллектива как субъекта совместной деятельности в качестве основных характеристик субъекта совместной деятельности А.А. Журавлев выделяет следующие: целенаправленность (стремление к основной общественно значимой цели; мотивированность (активное, заинтересованное и действенное отношение к совместной деятельности); целостность (внутреннее единство элементов, составляющих субъекта совместной деятельности); структурированность (четкость, строгость взаимного распределения функций, задач, определенность структуры); согласованность; организованность (упорядоченность выполнения совместной деятельности); результативность (способность достигать положительного результата); пространственные и временные особенности условия жизнедеятельности.

Таким образом, анализ субъекта как индивидуальной, так и совместной деятельности предполагает выделение таких взаимосвязанных аспектов, как становление и раскрытие субъекта в многообразии форм осуществления им психической активности; анализ и изучение субъекта как участника, и организатора системы межличностных взаимодействий,

важной составляющей общественных отношений (социальной ситуации развития) и др. Интересным и перспективным представляется изучение индивидуального субъекта совместной деятельности в многообразии его психологических и социально психологических характеристик.

Влияние принятия эффективных решений на успешную жизненную стратегию (на примере студентов ВУЗа)

Рябова Т.В.
КГМУ, Казань

Жизнь современного человека изобилует сложными ситуациями, связанными с выбором адекватного способа разрешения различных жизненных затруднений. Каждый человек сталкивается с необходимостью разрешать сложные психологические проблемы и принимать связанные с ними решения в течение всей своей жизни. При этом он стремится к тому, чтобы решения были успешными, а стратегии жизни - эффективными. Абульханова К.А. считает, что «человек в современной России остро нуждается в том, чтобы научиться выстраивать новые стратегии жизни, отвечающие запросам нового времени, - стратегии жизненного успеха».

В современной российской жизни происходит постоянная смена жизненных, социальных ситуаций, возникающие новые события требуют определенного отношения, поведения. Жизненная позиция, ценностно – смысловые образования, определенный уровень развития личности позволяет обеспечить целостность внутреннего мира, невзирая на давления обстоятельств и бег времени. При этом большую роль играет жизненная перспектива личности, связанная с потребностью жить, составляя оптимистический ресурс, который имеет функцию повышения жизненного потенциала личности. Л.И. Анцыферова связывает жизненную перспективу с возрастными периодами жизни, когда сценарии, образцы и запреты закрепляются в типичных способах поведения, принятия решения и пр. Особенно это правомерно для молодежи, в том числе студентов.

Фельдштейн Д.И. (2003), рассматривая приоритетные направления развития психологических исследований в области образования современного человека, выделил в числе других такие проблемы, как осуществление поиска психологических оснований процесса обучения в современных условиях, требующих раскрытия путей, возможностей выработки у студентов избирательного отношения к информации, умения ее ранжировать, умения принимать решения самостоятельно в ситуации неопределенности.

«Великая цель образования – это не знания, а действия», писал Г. Спенсер, поэтому для научения конкретным навыкам и умениям успешного принятия решений, для выбора эффективных стратегий жизни необ-

ходимо создавать оригинальные обучающие, в том числе тренинговые программы. Благодаря групповому влиянию, групповой динамике повышается познавательная активность студентов, увеличивается работоспособность и обучаемость.

Курс «Личностный и профессионально - ориентированный тренинг» разработанный на кафедре медицинской и общей психологии с курсом педагогики предназначен и проводится на факультете социальной работы Казанского государственного медицинского университета. Являясь инновационным по образовательным задачам и научному содержанию, курс раскрывает оптимальные, прогрессивные механизмы принятия решений и помогает студентам выстраивать субъектную жизненную стратегию (термин Л.В. Бабулиной), в сопоставлении со сценарными способами проживания личностью жизненного пути.

Теоретический блок знакомит с различными современными подходами к проблеме принятия решений (ПР) и построения жизненных стратегий. Студенты знакомятся методологическим системным подходом, к изучению ПР, отраженному в работах (П.К.Анохин, Ю. Козелецкий, Т.В. Корнилова, О.И. Ларичев, Б.Ф. Ломов, О.К. Тихомиров, D.Kahneman, A.Tversky, H.Simon и др.). Они узнают, что умение ПР включает в себя поиск и обработку информации для отыскания допустимых вариантов (Moore, Jensen and Hauck, 1990), поиск новаторских и креативных решений (Huber, 1986), оценку надежности источников информации, поиск возможных вариантов решения как развитие способности к антиципационной состоятельности (Менделевич В.Д., 1997). Люди, которые ежедневно принимают множество решений, постоянно имеют в голове множество шаблонов (У. Джемс), и каждое новое решение, они стараются подвести под хорошо знакомую схему. Мыслительные шаблоны (Д.С.Хэммонд, Р.Л. Кини, Г. Райффа), фреймы, эвристики, ментальные упрощения, (А. Тверски и Д. Канеман) репродуктивные решения (А.Я. Пономарев) – все эти явления подчеркивают склонность человека пользоваться готовыми умственными схемами в ответ на ситуацию ПР.

Далее в процессе занятий подчеркивается важность умения принимать автономные решения, т.е. «самостоятельные решения, принятые по результатам анализа информации» (Л.И. Анцыферова). Чем их больше, тем ближе человек к автономности (как к идеалу), которая характеризуется высвобождением или восстановлением трех человеческих качеств: осознания, спонтанности, интимности. Автономность – это поведения, мысли и чувства, которые являются реакцией на реальность «здесь и теперь», а не на сценарные убеждения. Стратегия жизни, свободная от сценария, связанная с возможностью реализовать максимум свободы, получить максимум удовольствия от полноты самореализации – вот то, что достойно личности как субъекта своего жизненного пути.

Практический блок тренинга включает в себя психодиагностику различных качеств личности, связанных с умением ПР. Кроме того, студенты приобретают практические навыки и умения принятия автономного, самостоятельного решения (методом «рабочего листа»). В процессе работы нами использовались различные психодиагностические методики. Для диагностики прогностической компетенции использовался оригинальный тест антиципационной состоятельности (В.Д. Менделевич). Креативность (умение предлагать альтернативные варианты) испытуемых определялась с помощью теста Е. Торранса, адаптированного в России Е.И. Щеплановой и И.С. Авериной. При определении особенностей принятия решений использовался формальный опросник «Личностные факторы принятия решений» (ЛФР-25), позволяющий определить рациональность субъекта и готовность к риску как психологических переменных, влияющих на ПР в широком контексте жизненных ситуаций (Т.В. Корнилова, 2003). Также использовалась методика «исследование уровня субъективного контроля» (УСК). Для проверки полученных результатов на статистическую достоверность различий в пределах признака использовался критерий Стьюдента.

Исследования позволили разделить студентов 2 группы. В первую группу вошли лица с умением прогнозировать последствия своих действий, способные предложить множество вариантов альтернативных решений, готовых к риску, личности с оптимистическим мировоззрением, устойчивой, положительной самооценкой, реалистическим подходом к жизни. Во вторую группу вошли лица с низкой антиципационной состоятельностью, отличающиеся невысокой креативностью, у них низкий уровень саморегуляции, они отличаются высокой рациональностью поведения.

Таким образом, вузовский этап профессиональной подготовки будущего специалиста может способствовать развитию знаний, умений, навыков широкого диапазона, в том числе раскрытию личностных ресурсов самого студента с тем, чтобы в дальнейшем он мог принимать успешные решения и формировать собственные эффективные жизненные стратегии.

Библиографический список

1. Абульханова – Славская К.А. Стратегия жизни. – М.: Мысль, 1991, 299 с.
2. Анцыферова Л.И. Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. - М.: Изд-во «Институт психологии РАН», изд.2-е, 2006, 512 с.
3. Бабулина Л.В. Субъектные и сценарные стратегии жизненного пути личности// Мир психологии, № 4, 2007, с.68-78
4. Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения. Пер с англ. – Х.; Изд – во прикладной психологии «Гуманитарный центр», 2005, 632 с.

Развитие индивидуального стиля игровой деятельности дошкольников в образовательной среде

Садретдинова Э. А.
ТГГПУ, Казань

В. С. Мерлиным и его научной школой было установлено, что индивидуальный стиль деятельности начинает формироваться в дошкольном возрасте. Так как деятельность детей старшего дошкольного возраста достаточно разнообразна и каждый вид деятельности в соответствии со своими характерными особенностями предъявляет к ним определенные требования, то целесообразно рассматривать формирование индивидуального стиля игровой деятельности в онтогенезе интеллектуального и эмоционального факторов.

В игровой деятельности у ребенка формируется воображение, которое включает в себе и отлет от действительности, и проникновение в нее. Способности к преобразованию действительности в образе и преобразованию ее в действии, ее изменению закладываются и готовятся в игровом действии; в игре прокладывается путь от чувства к организованному действию и от действия к чувству; словом, в игре, как в фокусе, собираются, в ней проявляются и через нее формируются все стороны психической жизни личности; в ролях, которые ребенок, играя, на себя принимает, расширяется, обогащается, углубляется сама личность ребенка. В игровой деятельности в той или иной мере формируются свойства, необходимые для учения в школе, обуславливающие готовность к обучению также содействующие устойчивости индивидуального стиля, особенно его интеллектуальных компонентов.

Внутренний характер и результаты совершающегося в процессе игровой деятельности зависят от того, какое содержание приобретает игра, отражая окружающую ребенка жизнь взрослых и обогащая эмоциональную сторону.

Игровая деятельность старших дошкольников – явление многогранное, её можно рассматривать как особую форму развития личности и субъектности ребенка.

Игра – самостоятельная деятельность, в которой дети впервые вступают в общение со сверстниками. Их объединяет единая цель, совместные усилия к её достижению, общие интересы и переживания. Поэтому игра приучает детей подчинять свои действия и мысли определенной цели, помогает воспитывать целенаправленность. В игре ребенок начинает чувствовать себя членом коллектива, справедливо оценивать действия и поступки своих товарищей и свои собственные.

Нравственные качества, сформированные в игре, влияют на поведение ребенка в жизни, в то же время навыки, сложившиеся в процессе

повседневного общения детей друг с другом и со взрослыми, получают дальнейшее развитие в игре.

В игре умственная активность детей всегда связана с работой воображения; нужно найти себе роль, представить себе, как действует человек, которому хочется подражать, что он говорит. Воображение проявляется и развивается также в поиске средств для выполнения задуманного. Так в игре развиваются творческие способности.

В игре все стороны детской личности формируются в единстве и взаимодействии.

По результатам исследований Л. А. Вяткиной, Э. В. Штиммер, Э. И. Маствилескер, Л. Сивак были выявлены следующие индивидуальные стили игровой деятельности старших дошкольников:

1) ориентировочный (дети, которые прежде чем начать действовать, обдумывали, осматривали, обследовали предложенные им предметы, и только затем приступали к практическому выполнению задания);

2) исполнительный (те дети, у которых преобладали исполнительные действия без заметных ориентировочных проб, отсутствовал подготовительный этап и в процессе выполнения были многократные пробы, ошибки, силовые попытки);

3) смешанный стиль (дети, у которых исполнительные действия были слиты с ориентировочными).

Согласно фактам, установленным в целом ряде исследований в лабораториях В. С. Мерлина, Е. А. Климова [120, 46-49], существует зависимость и влияние умственного развития и эмоционального фактора на выбор индивидуального стиля игровой деятельности, а также существует зависимость индивидуального стиля от свойств общего типа нервной системы, в том числе и от силы возбуждательного процесса: дети с сильной нервной системой предпочитают работать вторым типом индивидуального стиля деятельности, то есть исполнительным, если говорить о игровой деятельности, лидерским - в общении и скоростно-силовым - в моторной активности, а детям со слабой нервной системой свойственен соответственно первый - ориентировочный, подчиненный, точностный стиль.

Также исследовался выбор индивидуального стиля в различных видах деятельности: игровой, предметной, моторной, в общении. При решении задач, выполнении различных заданий детьми той и другой группы, фиксировался выбранный ими стиль деятельности. Предлагая в определенных заданиях попробовать действовать, наряду со «своим» и «чужим» стилем деятельности, создавалась предпосылка для сравнения и возможности высказывания детьми словесной оценки эмоционального предпочтения использования тех или иных приемов и операций.

Особенно важное значение для развития внутригрупповых взаимоотношений имеют сюжетные взаимоотношения, в которых воплощаются представления детей о социальных взаимозависимостях взрослых. Иссле-

дования показали, что в играх дети вступают в такие отношения, которые в других условиях им недоступны. Это отношения взаимного контроля, соподчинения, взаимной помощи. «В реальной жизни, — отмечает Д. Б. Эльконин, — подобные взаимоотношения недоступны детям даже старшего дошкольного возраста. Таким образом, в своих играх дети вступают в более сложные взаимоотношения в их реальной коллективной жизни. Под влиянием коллективных игр у детей воспитываются нормы коллективного поведения, которые затем переносятся детьми и за пределы игры, становясь общими нормами их поведения». В этих условиях уже на уровне дошкольного возраста у детей появляются ростки осознания себя как членов определенного коллектива, чувство «Мы». Следовательно, игра создает зону ближайшего развития не только для развития личности дошкольника, но и для развития группы на пути ее становления как коллектива [51, с. 57].

У дошкольников старшего возраста индивидуальный стиль в образовательной среде можно целенаправленно формировать в процессе психолого-педагогического сопровождения игровой деятельности в условиях ДООУ. Отсутствие в психолого-педагогической работе ДООУ учета индивидуального стиля игровой деятельности дошкольников могут вызывать явление возникновения внутренней (когнитивной и эмоциональной) диссинхронии психического развития дошкольников. Диссинхрония понимается как рассогласованное состояние систем взаимосвязанных психических явлений, несбалансированность когнитивного, эмоционального, соматического и других компонентов психического развития.

Психолого-педагогическая технология профилактики диссинхронии психического развития старших дошкольников базируется на своевременном адекватном выявлении индивидуального стиля игровой деятельности в образовательной среде.

О смысловом типе ценности здоровья и его детерминации убеждениями личности

Н.Р. Салихова
Казанский гос. университет

Система и динамика отношений личности как субъекта жизни в совокупности с мотивацией и ценностными ориентациями определяют мировоззрение и жизненную направленность личности (Б.Г.Ананьев, 1977). Отношение личности к здоровью как ценности является важной составляющей становления способствующего сохранению и укреплению здорового образа жизни. При этом важен не столько ранг ценности здоровья в общей системе ценностей человека, сколько отношение к здоровью как ценности, важность которой осознается и учитывается человеком не

только в те моменты, когда здоровье ухудшается, а входит в регуляцию образа жизни постоянно и независимо от его актуального состояния.

Результаты исследований, проведенных на разнообразных по возрасту, полу, социальному положению, типу профессиональной деятельности выборках, показали, что ценность здоровья практически во всех исследованных группах относится к высокоранговым (1-4 ранги в иерархии ценностей). При этом данная ценность во всех группах относится к барьерному или барьерно-проблемному смысловому типу.

Смысловой тип ценности задается соотношением качественно различных динамических тенденций барьерности и реализуемости ценности. Нами экспериментально было выявлено, что в отношении рассогласований, возникающих при оценке меры важности ценности и меры ее реализации, существуют две полярные тенденции. Согласно первой человек реализует то, что может реализовать в жизни, ценит то, что имеет, и понижает ценность того, что недоступно (эмпирически фиксируется как индекс **реализуемости**). Согласно второй – дистанция до ценности еще больше увеличивает ее важность и уменьшает оценку доступности, а высокая доступность понижает важность ценности (эмпирически фиксируется через индексы **проблемности** и **барьерности**). Тенденции согласования и рассогласования противоположны друг другу и взятые вместе задают **континуум барьерности-реализуемости** личностных ценностей, а сочетание выраженности каждой из них задает смысловой тип личностной ценности. Данные тенденции, зафиксированные в контексте личностных ценностей, отражают появление дополнительного инвариантного по отношению к содержанию ценности смысла, кумулирующего в себе эффект оценки рассогласования между мерой важности и доступности ценности и внутренней переработки этого рассогласования, что позволило отнести их к смыслообразующим.

Преобладание в смыслообразовании того или иного полюса может быть проявлением или критерием степени освоенности человеком различных сфер его жизнедеятельности. В тех сферах жизни, где в контексте личностной ценности преобладает полюс реализуемости, можно говорить о большей степени их освоенности человеком. В сферах жизни, где преобладают барьерный и проблемный тип смыслообразования, степень ее освоенности человеком ниже.

Тот факт, что ценность здоровья практически во всех группах относится к барьерному и барьерно-проблемному смысловому типам означает, что относительно ценности здоровья в полной мере проявляется тенденция рассогласования (ценим, когда теряем). Более эффективным для формирования здорового образа жизни был бы смысловой тип данной ценности, определяемый преобладанием тенденции согласования.

Получены данные, свидетельствующие, что смысловой тип ценности здоровья зависит от убеждений личности. В исследовании сопоставля-

лись преуспевающие менеджеры сетевого маркетинга, занимающиеся продвижением товаров для здоровья (75 человек 35-55 лет), со служащими бюджетных учреждений (80 человек 35-55 лет). Менеджеры работали в компаниях, различающихся между собой по стратегии убеждения клиентов.

В соответствии с целью исследования была использован следующий методический инструментарий: модификация методики М.Рокича, предложенная Е.Б.Фанталовой [11], которая предполагает попарное сравнение 12 терминальных ценностей по критериям важности и доступности ценности. Затем вычислялись индивидуальные индексы реализуемости (корреляция параметров важности и доступности по всему списку ценностей) и барьерности (корреляция параметров важности и разницы важность-доступность по всему списку ценностей). Для каждой группы и подгруппы вычислялись средние арифметические значения индивидуальных индексов барьерности и реализуемости и проводилось их статистическое сравнение по t -критерию Стьюдента.

Результаты обнаружили, что смысловой тип ценности здоровья зависит от особенностей стратегии убеждения клиентов, принятой в каждой из компаний. В группе лидеров сетевого маркетинга, осуществляющих убеждение клиентов по формуле «здоровье в твоих руках», индекс реализуемости ценности здоровья был статистически достоверно выше, чем в группе лидеров сетевого маркетинга, которые убеждали клиентов по формуле «в современном мире существует очень много угроз здоровью» ($IP=0,65$ и $IP=-0,33$, соответственно). В группе людей этого же возраста, не занятых в сфере продвижения товаров для здоровья через сетевой маркетинг, индекс реализуемости ценности здоровья занимал промежуточное положение ($IP=0,10$), тогда как индекс барьерности был значительно выражен ($IB=0,63$). Такое сочетание индексов является наиболее типичным и обнаруживается в большинстве других выборок, задавая смысловой тип ценности здоровья в качестве барьерно-реализуемого. Как видим, группа менеджеров сетевого маркетинга демонстрирует отклонение от этого наиболее частого смыслового типа ценности здоровья, причем характер этого отклонения содержательно прямо соотносится с той стратегией убеждения клиентов, которая взята на вооружение в компании. Смысл ценности здоровья в исследованных нами группах менеджеров сетевого маркетинга получила смысловой «сдвиг» в направлении, соответствующем интериоризованной ими самими в ходе многократного убеждения клиентов формуле.

Таким образом, в отношении ценности здоровья преобладает смыслообразование по типу «ценим, когда теряем», что неблагоприятно для формирования здорового образа жизни и готовности человека к профилактическим мерам в отношении своего здоровья. Смысловой тип ценности здоровья может быть изменен за счет интериоризации человеком

убеждений о возможности контролировать и управлять своим здоровьем. Для формирования ответственной и эффективной позиции по отношению к здоровью необходимо учитывать тот эффект, который различные формулы убеждения оказывают на смысловой тип ценности здоровья.

Роль гештальт-терапевтической рефлексии в субъектном развитии руководителя малого бизнеса

И.Н.Семенов, С.А.Смирнов
Госуниверситет Высшая школа экономики, Москва

Одной из стратегий социально-экономического развития России и становления в ней гражданского общества является формирование его среднего класса, прежде всего как представителей и субъектов среднего и малого бизнеса. В этой связи является актуальным рефлексивно-психологическое изучение субъектного развития руководителя малого бизнеса как актуализированной, ответственной и креативной личности самостоятельно принимающей ответственные инновационные управленческие решения в быстроразвивающейся социально-экономической среде. Их социальная адекватность и экономическая эффективность определяются не столько конкретными условиями конкуренции в данном сегменте малого бизнеса и далеко не только профессиональной компетентностью, сколько способностями субъекта к рефлексии и осознанию, а тем самым к нахождению идентичности собственной ответственности и воли в столкновении с объективными неизбежностями и субъективной противоречивостью своего экономического поведения и деятельности управленца. Спектр этих внешних, объективно-неизбежных препятствий и причин, так же как и внутренних субъективных трудностей, противоречий и сопротивлений чрезвычайно широк. Их выявление, изучение, типология и рефлексия, в различных психологических и психотерапевтических направлениях, методологиях и модальностях представляет собой самостоятельную проблематику такого нового направления человекознания, как рефлексивная психология индивидуальности в экономическом поведении субъекта формирующая новацию человеческого капитала, все более очевидно в современной экономике сменяющую собой прежнее понятие капитала нечеловеческого (Маркс). Особой разновидностью этого направления является рефлексивная психотерапия, стремящаяся не только исследовать рефлексивные особенности индивидуальности человека, характер и способности его личности, но и выстроить такого рода коммуникацию которая позволила бы не столько помочь, сколько (провоцировать) способствовать актуализации собственной воли субъекта в условиях негатива его мотивации экономической экзистенции. Как показывает мировая практика бизнес-психологического консультирования именно рефлекс-

сивно психотерапевтический подход в его гештальт-терапевтической модальности сегодня наиболее успешен в разрешении проблем эффективности управленческих решений. Эта инновационная область образовалась сравнительно недавно на стыке классической гештальт-терапии (Ф.Пэрлз, 1993, 2000; С. и А.Гингер, 1999; Н.Лебедева, Е.Иванова, 2004 и др.) и организационного консультирования (Э.Нэвис, 2002, А.И.Пригожин, 2003 и др.), а также ряда направлений рефлексивного человекознания (Н.Г.Алексеев, 1983; В.А.Лефевр, 1965; В.Е.Лепский, 1998; Г.П.Щедровицкий, 1984 и др.): рефлексивно-гуманитарной психологии (И.Н.Семенов, 1990, 2000), рефлексивно-диалогической психотерапии (Г.И.Давыдова, И.Н.Семенов, 1998, 2007), рефлексивной реабилитологии (С.А.Смирнов, И.Н.Семенов, В.В.Кордубан, 1998). Объектом рефлексивной гештальт-терапии выступает субъект, нуждающийся в психотерапевтической поддержке и соглашающийся работать со своим сознанием в качестве клиента рефлексивной консультации или рефлексии гештальт-терапевтического процесса. Предметом рефлексивной гештальт-терапии является экзистенциально трансцендирующая индивидуальность субъекта, спонтанно актуализирующийся и произвольно рефлексирующий динамику своего сознания в проявлении своего «Я» и его развитии как самостоятельно, так и в диалоге с психотерапевтом или в процессе общения с партнёрами по жизнедеятельности. Методами рефлексивной гештальт-терапии являются как классический арсенал процедур гештальт-терапевтического вмешательства, ассимилированных с позиций рефлексивной психологии, так и специальный инструментарий и методология разработанные в целях рефлексивного консультирования клиентов в парадигме экономического поведения и профессиональной деятельности руководителя малого бизнеса. Конструктивным прецедентом практико-ориентированного исследования в русле современной рефлексивной гештальт-психотерапии явилось проведенное нами изучение рефлексивно-психологических особенностей индивидуальности и экономического поведения человека как капитала (И.Н.Семенов, 2006, 2007) и разработка принципов и методов гештальт-терапии экзистенциально-профессиональных проблем жизнедеятельности руководителей малого бизнеса (С.А.Смирнов, 2005, 2007). Опыт этих исследований и разработок показал их конструктивность применительно к рефлексивно-психологическому изучению и рефлексивному консалтингу субъектов управленческой деятельности, в частности, в сфере психологической поддержки руководителей малого бизнеса.

Литература:

- 1) Давыдова Г.И., Семенов И.Н. Рефлексивно-диалогическая психотерапия: экзистенциальная модель развития личности //Мир психологии. 2006. N 4 ;

2) Семенов И.Н. Личностно-профессиональный рост и его рефлексивно-творческий потенциал как системообразующие факторы развития человеческого капитала // Психология профессионального роста специалиста. Тамбов. 2007;

3) Склизов Д.М., Эрнандес-Кастро Е.И., Семенов И.Н. Организация как рефлексивное отражение индивидуальной деятельности ее руководителя // Психология индивидуальности. М.ГУ ВШЭ. 2006 ;

4) Смирнов С.А. Почему все не так? (Рефлексия универсальной потребности и уникальности мотивации) // Главный врач: хозяйство и право. 2007. N 1.

Субъектность в практическом мышлении

Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации по государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации, № проекта НШ-5262.2006.6

Солондаев В.К.

ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Ярославль

Субъект практического мышления по мере решения разнообразных практических задач накапливает опыт последствий сбора информации и поиска решения, опыт реализации найденных решений. На этой основе в дальнейшем субъект определяет требования к решению – условия мыслительной задачи (описание этого феномена приведено в работах Ю.К. Корнилова и сотрудников), т.е. в структуре опыта постепенно складываются характеристики приемлемого для субъекта решения разных задач, которые направляют с самого начала – с момента принятия стимульной ситуации как проблемной. Так проявляется определяющая, по мнению Ю.К. Корнилова, черта практического мышления – преобразующая направленность или направленность на реализацию.

Чаще всего, практическое мышление изучается в трудовой деятельности человека. Однако не существует принципиальных оснований отвергать возможность подтверждения общих закономерностей практического мышления на материале мышления в учебной или игровой деятельности.

Весьма проблематичным, на наш взгляд, является вопрос об отождествлении или разделении труда и деятельности. А.В. Брушлинский, обсуждая проблему субъекта, обоснованно указывает, что труд может быть деятельностью, если труд творческий, но может и не быть, если труд принудительный, монотонный, неквалифицированный и т.д. (Брушлинский А.В., 2003). Заметим, что корректная экспликация понятия субъект возможна лишь в контексте деятельности, а деятельность субъектна по определению, и это вполне согласуется с позицией А.Н. Леонтьева и его последователей.

В связи с этим необходимо ввести обозначение для человека, занятого трудом, но не деятельностью. Ранее мы употребляли обозначение

«участник деятельности» (Солондаев В.К., 2004; 2006). Если теперь мы назовем такого человека «участником труда», это не позволит нам терминологически подчеркнуть наличие градаций или уровней субъектности, существование которых экспериментально доказано Е.А. Сергиенко на материале развития ребенка и теоретически обосновано в других работах по психологии субъекта. В этой связи К.А. Абульханова указывает на необходимость раскрытия этапов «превращения» личности в субъекта разных видов деятельности, включая становление личности профессионалом (Абульханова К.А., 2002). Введение еще одного понятия – личность – отнюдь не упрощает экспликацию понятия субъекта.

Есть все основания согласиться с тем, что деятельность выступает в разном качестве, разной форме в зависимости от того, в какой системе отношений рассматривается уровень ее субъекта. Если мы согласимся с С.Л. Рубинштейном и К.А. Абульхановой в том, что категория субъекта выделяет не только характеристики самого субъекта, но и его отношения к миру, то кажущееся противоречие между пониманием деятельности как деятельности субъекта и наличием градаций субъектности будет устранено, а мы сможем обоснованно использовать конструкты «субъект (как субъект деятельности)» и «участник деятельности» для обозначения соответственно высшего и низшего уровней субъектности, на которых, как обнаружено в наших экспериментальных исследованиях, наблюдаются разные особенности практического мышления.

Данные, полученные в ходе прикладных исследований (Солондаев В.К., 2006, 2007) заставили нас отказаться от интерпретации понятия субъект лишь в контексте деятельности. Сугубо практические задачи вынудили нас обратиться к более широкому перечню отношений субъекта к миру: познавательному, деятельностному, этическому и созерцательному отношениям.

Используя приведенный перечень отношений к миру, мы можем говорить уже не столько об уровнях субъектности (хотя операционализацию субъектности для каждого отношения необходимо специально разрабатывать), сколько говорить о форме субъектности конкретного человека. В наших прикладных исследованиях часто наблюдаются противоречия между разными отношениями человек-мир, которые могут приводить к острым внутренним конфликтам и блокировке профессиональной деятельности, например, из-за несоответствия деятельностного и этического отношения.

Если представить себе ситуацию, в которой критерии субъектности для каждого отношения к миру разработаны максимально подробно, то мы могли бы говорить о профиле субъектности, подобно профилю личности. И по профилю субъектности можно было бы судить об актуальной готовности человека к выполнению определенной деятельности, изначально требующей определенного уровня субъектности в определенном отношении к ми-

ру. Как пишет К.А. Абульханова, «...проблема превращения или не превращения личности в субъекта деятельности является не только проблемой ее желаний и доброй воли. Если личность не осознает противоречия между своими данными возможностями и социальными требованиями, не решает его, то она расплачивается психологической или личностной «ценой»... Становление личности субъектом деятельности есть процесс реорганизации, *качественного преобразования* (курсив автора – В.С.) включенных в деятельность и обеспечивающих ее осуществление психических и личностных свойств в соответствии с требованиями деятельности и критериями самой личности...» (Абульханова К.А., 2002; стр. 41-42). Именно понятие субъекта позволяет объяснить индивидуальный способ деятельности, который складывается у каждого опытного профессионала. В терминологии В.Д. Шадрикова это явление обозначается как индивидуальный стиль деятельности, который никогда не совпадает, например, с нормативно одобренным способом деятельности. Не случайно К.А. Абульханова отмечает, что эпицентром композиции ресурсов, которые человек, становящийся субъектом, использует в деятельности, является саморегуляция и субъективная приемлемость, но не только результата деятельности, но и самого способа ее осуществления, ее качества, степени трудности, которую субъект определяет для себя субъект заранее или постфактум.

Итак, используя, вслед за С.Л. Рубинштейном, К.А. Абульхановой и А.В. Брушлинским, понятие субъекта и рабочий конструкт уровня субъектности, мы получаем возможность объяснить механизм успешного применения рефлексивных методов при проектировании и организации профессиональной деятельности (Деркач А.А., Семенов И.Н., Степанов С.Ю., 1998), но и ограничения этих методов.

В этой связи принципиально важна недифференцируемость продуктивных и репродуктивных аспектов практического мышления. Мы считаем необходимым включить в сферу практического мышления и собственно регулятивные (в большинстве репродуктивные) аспекты мышления, изучавшиеся В.Н.Пушкиным, Д.Н.Завалишиной, Д.Дернером, Р.Стернбергом, С.Скрибнер, и процессы построения когнитивных моделей, схем, формирования образа мира, обозначаемые обычно как опыт.

На наш взгляд, применительно к психологии практического мышления в целом, противопоставлять опыт и мышление, регулятивные и познавательные механизмы, процесс мышления и решение практической задачи как результат просто невозможно. Во-первых, очевидно, что такое противопоставление как бы растворяет сам предмет психологии практического мышления, который исчезает, теряя свою специфику. Во-вторых, это противопоставление неосуществимо, так сказать «технически», составляющие практически невозможно разделить в ходе эмпирического исследования, выделить из сложнейшего психологического содержания реальной деятельности.

Практическое мышление проявляется в недизъюнктивном, по А.В. Брушлинскому, взаимодействии всех своих составляющих. Традиционно эти составляющие обозначаются как процессуальные, результативные, когнитивные, регулятивные и др. Дифференциация этих аспектов, конечно, может быть гносеологически необходима, однако принципиально важным моментом для применения в практике консультирования является акцент на онтически нераздельном единстве мыслительного процесса.

При изучении практической деятельности, можно проследить две области предметного содержания, порождающие третью. Существует область деятельности (А) и область научного знания (В). Очевидно, что область научного знания (В) никогда не совпадает полностью с областью деятельности (А). На их пересечении (С) возникает то, что мы включаем в понятие практического мышления.

Поясним наше определение на примере. Квалифицированный инженер-строитель умеет оценить качество железобетонных изделий по различным показателям (область научного знания - В), и владеет определенными методиками такой оценки. Для его оценки существует некий диапазон приемлемых значений интересующих параметров. В приведенном примере этот диапазон задается соответствующим стандартом (ГОС), но может быть задан и трудовым договором (контрактом), и приказом и устным распоряжением, и конкретными условиями деятельности. К области деятельности (А) в приведенном примере относится знание о том, что качественной может быть только та конструкция, которая есть на стройплощадке, или может оказаться там при заранее ограниченных усилиях (затраты времени на изготовление заводом, ограничение расходов по смете на приобретение и транспортировку). Поэтому продукция комбината железобетонных изделий, расположенного в другом регионе, с позиции деятельности вообще не имеет характеристик качества, поскольку такие характеристики не могут стать предметом оценки данного инженера. К области деятельности относятся и личные отношения инженера-строителя и представителя организации, производящей железобетонные изделия. Принятие решения о закупке имеет не только технические, но и экономические последствия (В). Следовательно, решение о закупке может быть описано на языке экономики, даже тогда, когда инженер, принявший решение, не проводил экономического анализа (В). Для организации поставки железобетонных изделий также могут быть применены знания из области логистики, которые сегодня выступают по меньшей мере как функциональный аналог научного знания (В).

Похожую модель деятельности в неявном виде мы можем найти в работах И.Канта, который пишет о способности подводить под общее правило (в нашем примере – выбирать и применять соответствующее

научное знание) и о способности выбирать то правило, под которое должно быть подведено едичное явление. Не менее интересно и то, что в своей философской системе И.Кант относил практику к области морали.

Моральные аспекты отчетливо проявятся в приведенном нами примере, если для своевременного завершения строительства потребуются недоступные в данный момент изделия, а доступными окажутся изделия с более низкими прочностными характеристиками. В другом исследовании (Солондаев В.К., 2004) мы выявили у врачей-психиатров проблемные ситуации, связанные с необходимостью отклоняться от общепринятой схемы лечения, учитывать материальные возможности больного по приобретению эффективных, но дорогостоящих препаратов. Так или иначе моральные аспекты неизбежно возникают в любой известной нам практической деятельности. Наряду с моральными аспектами, существуют и другие существенные ограничения деятельности: юридические, экономические, технические и т.п. Следовательно, практик с необходимостью должен вырабатывать собственное отношение и к разного рода ограничениям в своей деятельности, и к тем последствиям, которые влечет за собой соблюдение или нарушение таких ограничений. Это отношение строится на основе иерархии мотивов деятельности, но не является исключительно мотивационным феноменом. Условно, говоря, актуальные мотивы деятельности должны быть опредмечены и операционализированы таким образом, чтобы в новой или в стандартной ситуации поведение практика не противоречило его мотивам. Мотивационная сфера приведена здесь в пример лишь потому, что более изучена по сравнению с другими проявлениями отношения субъекта к миру, о которых мы писали выше. Целостность психики делает бесперспективной попытку эмпирически дифференцировать проявления разных отношений субъекта к миру.

Для работы с описанными феноменами мы предлагаем конструкт профессиональная позиция субъекта деятельности. Профессиональная позиция – частично осознанное и рефлексивное отношение человека к своей профессиональной деятельности, складывающееся на достаточно высоких уровнях субъектности. Профессиональная позиция включает набор «рамочных» условий деятельности (например, условий успешного решения типичных задач), оценку значимости этих условий для субъекта, субъективное и эмоциональное отношение к ним. Ниже мы покажем, что профессиональная позиция не является ни сугубо когнитивным, ни сугубо мотивационным или эмоциональным феноменом, а представляет собой сложноорганизованное единство перечисленных составляющих, которое является для субъекта внутренним критерием успешности решения профессиональных задач.

В заключение следует сказать, что применение субъектного подхода к психологии практического мышления пока ставит больше вопросов, чем дает ответов. Если мы допускаем существование разных уровней субъектности и разных отношений человек-мир, в которых эта субъектность реализуется, то нам необходима разработка как обоснованных критериев субъектности для каждого направления, так и исследования вопроса о характере связи разных отношений человек-мир в рамках целостной и единой психики.

Динамика личностных качеств субъекта учебной деятельности

Тертычная В. В.

Альметьевский гос. институт муниципальной службы

Задачи практической психологической работы делают актуальной проблему не просто образования, но формирования личности психолога, развития у него профессионально необходимых психологических качеств. Фактически общепризнанным сегодня является представление о том, что сама личность психолога выступает в качестве одного из основных инструментов его работы. Вследствие этого современная психология проявляет к изучению личности психолога повышенный интерес, который опирается на имеющие большую традицию исследования личностного развития студентов. Особое внимание психологов к периоду студенчества определяется тем, что в ходе профессионального становления во время обучения осваиваются индивидуализированные способы и приемы деятельности, поведения и общения.

Особую актуальность проблема личностного развития имеет для студентов, обучающихся в сфере профессий типа «человек – человек», и тем более при подготовке психологов, в силу специфических условий их профессиональной деятельности.

Вопросы связи личностных и профессиональных характеристик рассматривались в разных контекстах: как определение роли и места способностей, интересов, мотивов и индивидуально-личностных особенностей в формировании профессионально важных качеств специалиста, а также как оптимизация профессиональной подготовки и условий осуществления успешной профессиональной деятельности (Б.Г. Ананьев, А.Г. Асмолов, Н.А. Аминов, А.Ф. Бондаренко, К. Бохарт, С.Л. Братченко и др.); как формулирование требований к необходимым личностным характеристикам психолога для обеспечения успешной деятельности (К. Роджерс, Р. Мей, И.Члом, Дж.Бьюдженталь, Э.С. Чугунова, М.А. Гулина и др.); как формирование профессионально важных личностных качеств, личностное

развитие, самоактуализация и самореализация (С.Л. Братченко, С.А. Белковский, Л.А. Коростылева, Е.П. Кораблина и др.)

В современной отечественной психологии выполнено немало исследований, посвященных различным психологическим аспектам личностного развития студентов – психологов, их подготовки к профессиональной деятельности. Эти вопросы рассматривались в контексте специфики студенческого возраста как важного этапа личностного развития (Б.Г. Ананьев, Н.М. Пейсахов, Н.И. Рейнвальд, Е.Ф. Рыбалко и др.), выявления сущности, этапов и детерминирующих факторов процесса становления профессионала и субъекта деятельности (К.А. Абульханова-Славская, В.П. Зинченко, Е.А. Климов, Е.Н. Кузьмин, В.Д. Шадриков, Т.М. Буякас, М.П. Лекарева и др.), определения места и роли интересов, способностей, мотивов и индивидуально-личностных, в том числе и психофизиологических особенностей в формировании профессионально важных качеств специалиста (Б.Г. Ананьев, А.Г. Асмолов, Н.А. Аминов, В.Г. Залевский, А. Бондаренко, Т. Верняева, Т.А. Казанцева, М.В. Молоканов, Е.А. Климов, О.Н. Родина, П.Н. Пудриков и др.), а также взаимосвязи и взаимовлияния ценностных представлений и профессиональной деятельности (Д.А. Леонтьев, А.Васко, Л. Гарсиа – Маркес, У. Драйден, Г.Л. Будинайте, Т.В. Корнилова и др.).

Нами было проведено исследование динамики личностных качеств студентов на протяжении обучения в ВУЗе. Эмпирическую группу составили студенты – психологи дневного отделения гр. 2221, сравнительную группу – студенты – экономисты дневного отделения гр.2215 Альметьевского Государственного института муниципальной службы (АГИМС).

В качестве методов исследования применялось тестирование, интервьюирование, методы статистического анализа данных. Для проведения диагностики были выбраны следующие методики:

1. Многофакторный личностный опросник Р. Кеттелла 16PF
2. Интеллектуальный тест Кеттелла
3. Методика самооценки студента
- 4.Тест – опросник «Коммуникативные и организаторские склонности (КОС-2)»
5. Методика Л.М.Попова «Интервью с самим собой»

Корреляционный анализ показателей студентов- экономистов показал, что:

- на первом и втором курсе много взаимосвязанных показателей. К третьему, четвертому курсам структура личности начинает разобцаться. На пятом курсе структура личности очень разобцена. Личностные показатели мало взаимосвязаны друг с другом;

- на первом курсе системообразующими являются такие показатели, как F (озабоченность – беспечность), А (озабоченность - доброжелательность). Это значит, что данные личностные качества оказывают влияние

на всю структуру личности. По три связи имеют такие показатели, как Самооценка, E (конформность – доминантность), G (недобросовестность – высокая совестливость), Q1 (консерватизм - радикализм);

- на втором курсе системообразующими являются такие показатели, A (озабоченность - доброжелательность), C (эмоциональная неуравновешенность – уравновешенность). По три связи имеют такие показатели, как F (озабоченность - беспечность), N (наивность – пронизательность);

- на третьем курсе системообразующими являются показатели MD (стремление к социальной значимости), коммуникативные склонности, E (конформность – доминантность). По три связи имеют такие показатели, как организаторские склонности, Q4 (расслабленность - напряженность);

- на четвертом курсе по три связи имеют такие показатели, как IQ (интеллект), Q3 (импульсивность- контроль желаний), M (практичность - мечтательность);

- на пятом курсе три связи имеет такой показатель, как C (эмоциональная уравновешенность – неуравновешенность).

Корреляционный анализ показателей студентов- психологов показал, что:

- на первом курсе структура личности студентов несколько разобщена. На втором и третьем курсах число взаимосвязанных показателей увеличивается. К четвертому курсу число связей уменьшается. На пятом курсе структура личности очень разобщена. Личностные показатели мало взаимосвязаны друг с другом;

- на первом курсе по три связи имеют такие показатели, как организаторские склонности, A (озабоченность – доброжелательность), IQ (интеллект), Q4 (расслабленность - напряженность), H (робость – смелость), L (доверчивость - подозрительность).

- на втором курсе системообразующими становятся такие показатели, как коммуникативные склонности, показатель N (наивность - пронизательность). По 4 связи имеют такие показатели, как организаторские склонности, Q4 (расслабленность - напряженность), L (доверчивость - подозрительность).

- третьем курсе системообразующими становятся показатели коммуникативных и организаторских склонностей. По 4 связи имеют такие показатели, как H (робость – смелость), Q4 (расслабленность - напряженность), L (доверчивость - подозрительность).

- на четвертом курсе по 3 связи имеют такие показатели, как коммуникативные склонности, IQ(интеллект), MD (стремление к социальной значимости).

- пятом курсе 3 связи имеет такой показатель, как Й1 (консерватизм – радикализм).

Анализируя различия между студентами-психологами и студентами-экономистами, можно сделать следующие выводы:

- на первом курсе студенты – психологи более доброжелательны и сердечны, отзывчивы и готовы к сотрудничеству, чем студенты – экономисты. Психологи также более чувствительны, мягки и мечтательны, чем экономисты. У них более выражено чувство ответственности и долга, а также стойкость моральных принципов. Для них характерно богатое и творческое воображение, ориентированность на собственные желания, эксцентричность, мечтательность, самобытное мировоззрение. Экономисты же, в свою очередь, отличаются большей утонченностью, расчетливостью и принципиальностью. Не поддаются эмоциональным порывам. Держатся корректно, вежливо, отстраненно, несколько амбициозно. Ко всему подходят разумно. Хитро и умело строят свое поведение. Они более самостоятельны, независимы и предпочитают все делать сами. Для них характерна самодостаточность. Студенты-экономисты обладают высокой организованностью, умением хорошо контролировать свои эмоции и поведение. Начатое дело доводят до конца.

- на втором курсе студенты – психологи продолжают оставаться более доброжелательными и сердечными, чем студенты-экономисты. Они, по-прежнему, обладают более высокой совестью, мягкосердечностью и недоверчивостью. Кроме того, они становятся более гибкими и радикальными, имеют более разнообразные интеллектуальные интересы, в большей степени стремятся быть хорошо информированными по поводу научных и политических проблем. Отличаются большей критичностью мышления и терпимостью к неясностям. Студенты – психологи начинают обладать большей организованностью и умением хорошо контролировать свои эмоции и поведение. Коммуникативные склонности студентов – психологов также достоверно выше, чем у студентов – экономистов. Для экономистов же в большей степени характерна бодрость, беспечность, более легкое восприятие жизни. Они более подвижны и импульсивны, чем психологи.

- на третьем курсе психологи все также остаются более доброжелательными и сердечными, обладают более высокой совестью, мягкосердечностью, настороженностью, организованностью. Кроме того, к третьему курсу они начинают превосходить студентов-экономистов по такому качеству, как проницательность. Это значит, что они в большей степени характеризуются искусственностью, утонченностью, расчетливостью, принципиальностью. Они в меньшей степени, чем экономисты, поддаются эмоциональным порывам, держатся корректно, вежливо, отстраненно. В общении более мягки, вежливы, следят за речью и манерами. Студенты - экономисты превосходят студентов – психологов по таким параметрам, как интеллект и коммуникативные склонности. Кроме того, они становятся более напряженными, возбужденными, обладают неудовлетворенными стремлениями, более беспокойны, возбуждены и неусидчивы.

•- на четвертом курсе студенты – психологи более естественны, отзывчивы и готовы к сотрудничеству. Психологи в большей степени совестливы, мягкосердечны, недоверчивы, мечтательны, гибки, организованы и обладают большим контролем желаний. Студенты – экономисты более бодры, активны, возбуждены, беспокойны и неусидчивы, чем студенты – психологи.

•- на пятом курсе экономисты в большей степени озабочены, замкнуты, чем психологи. Они так же менее добросовестны, более суровы, жестки, консервативны и импульсивны. Психологи, в свою очередь, более настойчивы, обладают более высокими коммуникативными и организаторскими склонностями, а также меньшей фрустрированностью и напряженностью.

Выводы по методике «Интервью с самим собой»:

1. к третьему курсу у студентов-психологов возрастает как способность к овладению учебно-психологической культурой, так и способность к саморазвитию. К пятому курсу способность к овладению учебно-психологической культурой еще более возрастает.

2. У студентов-экономистов к четвертому курсу возрастает способность к саморазвитию. К выпускному курсу эта способность еще более возрастает. Способность же к овладению учебно-психологической культурой остается неизменной на всем периоде обучения в ВУЗе.

3. у студентов- психологов первого курса способность к овладению учебно-психологической культурой выше. На втором курсе возрастает способность к саморазвитию. Достоверно известно, что на третьем и последующих курсах у студентов-психологов обе способности существенно выше, чем у студентов-экономистов.

Таким образом, изучение динамики личностных свойств студентов позволило нам сформулировать следующие выводы:

1. У студентов - психологов с течением времени обучения в ВУЗе повышаются такие показатели, как интеллект, эмоциональная устойчивость, совестливость, смелость, уверенность, проницательность, радикализм, организованность, самооценка, а также уменьшается мечтательность и фрустрированность. Возрастает как способность к овладению учебно-психологической культурой, так и способность к саморазвитию.

2. У студентов – экономистов с течением времени обучения в ВУЗе повышаются такие показатели, как доброжелательность, интеллект, эмоциональная уравновешенность, смелость, уверенность, недоверчивость, а также уменьшается практичность, самоуверенность, импульсивность. Способность к саморазвитию возрастает. Способность же к овладению учебно-психологической культурой остается неизменной на всем периоде обучения в ВУЗе.

Методика измерения честолюбия учащихся образовательных учреждений

Ю.Н. Устина
Казанский гос. университет

Среди значимых факторов успешной реализации личностью ее жизненной стратегии на первый план выходит наличие деловых качеств, одним из которых является честолюбие. В условиях современного конкурентного общества характер представленности данного качества в личностной организации субъекта во многом детерминирует как его поведение, так и развитие в целом.

Несмотря на широкую распространенность честолюбия при описании психологических особенностей личности (например, деловых людей, стремящихся к успеху), данная характеристика не является глубоко изученной со стороны ее строения, психологических механизмов проявления и развития, а также в плане ее дифференциации с другими, сходными характеристиками (мотивация достижения, одобрения, признания, власти, соперничество, превосходство). Однако изучение честолюбия также предполагает наличие валидного и надежного диагностического инструментария, который позволил бы измерение данного качества, однако такой инструментарий пока отсутствует.

Цель данной статьи - представить авторскую методику измерения честолюбия учащихся образовательных учреждений, как одной из характеристик этического слоя в структуре психологической организации человека как субъекта развития.

Теоретические основания

Мы рассматриваем честолюбие как этическую характеристику, то есть как детерминанту поведения человека, которая в этическом плане опосредуется его конструктивной или деструктивной направленностью.

Взросший интерес со стороны психологов к нравственным основаниям человека определяется необходимостью рассмотрения нравственности как детерминанты, определяющей особенности жизнедеятельности личности, специфику ее жизненных ориентаций, специфику конструирования межличностного взаимодействия в социально-психологическом пространстве. Актуальность данной проблематики подчеркивается работами ведущих ученых (А.В. Брушлинский[1], В.П. Зинченко[2], В.В. Знаков[3], Л.М. Попов[4], В.Д. Шадриков[9] и др.), которые отражают постепенную переориентацию исследований духовной составляющей личности с философских, то есть абстрактных и универсальных, позиций на конкретного человека как субъекта собственной жизни.

Среди имеющихся направлений в исследованиях духовно – нравственной тематики, одним из перспективных выступает этически-ориентированный подход Л.М. Попова[4], актуализирующий проблему

нравственного начала через наличие такого базового свойства как человечность. При этом человечность выступает образованием, лежащим в континууме двух базовых этических категорий Добра и Зла, которые представлены разнообразными этическими характеристиками. И именно уникальный сплав этих характеристик отражает нравственный потенциал человека.

Этически-ориентированный подход предполагает пересмотр некоторых нравственных категорий, имеющих негативную трактовку в современном понимании, одной из которых выступает честолюбие, которое еще недавно приравнивалось к таким качествам как тщеславие, гордыня и эгоизм. Однако в современном мире наличие честолюбия, которое проявляется через желание одобрения за реальные достижения, является одним из наиболее значимых факторов социального роста субъекта в системе человеческих отношений.

Проработка проблемы честолюбия [5-8] позволяет нам утверждать, что честолюбие выступает как черта, которая сама по себе не несет этической нагрузки, но во взаимодействии с общей этической направленностью личности может проявляться в положительных или отрицательных поступках (в плане последствий для окружающих людей). Следовательно, на честолюбие как характеристику личности оказывают влияние обе категории: добро и зло. При этом особенности проявления данной черты (этически-конструктивные или этически-деструктивные) определяются теми способами, к которым прибегает человек, добиваясь своей цели.

Этическое становление человека выступает длительным процессом, который пронизывает весь его жизненный путь. Однако одним из наиболее критических моментов, определяющих развитие нравственных характеристик, является период обучения. Именно поэтому особенно актуальной становится проблема развития нравственности среди учащихся.

Описание заданий

Проведенный теоретический анализ позволил нам развести честолюбие с другими психологическими характеристиками, которые часто определяются как сходные или даже тождественные данному понятию [7]. Конкретизация честолюбия и определение его содержательных границ с такими понятиями, как мотивация достижения, мотивация признания, стремление к власти и превосходству, соперничество позволили нам сделать предположение, что и в практическом плане данные характеристики сопряжены. То есть в методиках, направленных на диагностику таких качеств как, например, мотивация достижения, содержатся вопросы, диагностирующие честолюбие.

Опираясь на теоретический анализ данной характеристики, мы формировали задания из вопросов некоторых методик, которые имеют наиболее близкое значение к честолюбию в таких аспектах, как: признание и достижение. Этими методиками выступили: 16-PF Кеттелла

(форма С), мотивация одобрения (Марлоу), мотивация достижения (Элерс), Добро-Зло (Л.М. Попов), тест-опросник самоотношения (Пантелеев, Столин).

В первоначальном варианте были отобраны 37 заданий. **Из них следующие 10 вопросов были сформированы из 16-PF Кеттела:**

1. Если бы я вел машину по дороге, где много других автомобилей, я предпочел бы обогнать все идущие впереди машины.

2. Когда друзья подшучивают надо мной, я обычно смеюсь вместе со всеми и вовсе не обижаюсь.

3. Когда я планирую что-нибудь, я предпочитаю делать это самостоятельно, без чьей-либо помощи.

4. Я думаю, что любую работу следует выполнять тщательно, если Вы за нее взялись.

5. Иногда я не решаюсь проводить в жизнь свои идеи, потому что они кажутся мне неосуществимыми.

6. В большинстве дел я предпочитаю рискнуть.

7. Когда вопрос, который надо решить, очень труден и требует от меня много усилий, я стараюсь еще раз попытаться решить этот вопрос.

8. Я высказываю свое мнение независимо от того, сколько людей могут его услышать.

9. Если люди плохо обо мне думают, я не стараюсь переубедить их, а продолжаю поступать так, как считаю нужным.

10. Я люблю размышлять о том, как можно было бы улучшить мир.

Из методики Добро-Зло были отобраны следующие 10 заданий:

11. Я могу признать себя побежденным, даже если вижу, что противник не прав.

12. В споре я стремлюсь во чтобы то ни стало убедить другого в своей правоте.

13. В свершении какого-либо поступка мне важно знать об этом мнение других людей.

14. Я стремлюсь приобрести определенное признание в коллективе.

15. Я долго не прощаю человека, если он был несправедлив ко мне.

16. Я считаю, что должен получать знаки уважения в такой мере, в какой заслуживаю этого.

17. Ради завоевания признания или личного успеха в жизни я готов поклясться в чем угодно.

18. Я хочу прославиться любой ценой.

19. Я должен быть уважаем другими не менее, чем какой-либо известный человек.

20. Если я вижу, что мои знакомые получают больше признания чем я, то внутренне желаю, чтобы они потерпели неудачу.

Из опросника мотивации одобрения (Марлоу) были взяты следующие 5 вопросов:

21. Я всегда внимательно слежу за тем, как я одет.
22. Бывали случаи, когда я настаивал на том, чтобы делали по моему.
23. У меня никогда не возникает досады, когда высказывают мнение, противоположное моему.
24. Были случаи, когда я завидовал удаче других.

Из тест-опросника самооотношения (Пантелеев, Столин) были отобраны следующие 7 заданий:

25. Мои слова не так уж часто расходятся с делом.
26. Собственное уважение мне еще надо заслужить.
27. Чаще всего я одобряю свои планы и поступки.
28. У меня достаточно способностей и энергии воплотить в жизнь задуманное.
29. Самое разумное, что может сделать человек в своей жизни – это подчиниться собственной судьбе.
30. Можно сказать, что я ценю себя достаточно высоко.
31. Без посторонней помощи я мало что могу сделать.

Из опросника мотивации достижений (Элерс) были сформированы 6 заданий:

32. У меня легко вызвать честолюбие.
33. Порицание стимулирует меня сильнее, чем похвала.
34. Препятствия делают мои решения еще более твердыми.
35. Я менее честолюбив, чем многие другие.
36. Я обычно обращаю мало внимания на свои достижения.
37. Я не завидую тем, кто стремится к власти и положению.

После того, как методика была сформирована, мы провели психодиагностический срез среди 308 респондентов (учащиеся средних и старших классов средней школы и студенты вузов с первого по четвертый курсы). Статистический анализ показал, что показатель честолюбия имеет нормальное распределение, что соответствует использованию шкалы интервалов при его измерении.

Полученные эмпирические данные позволили нам определить индекс эффективности заданий и степень их дискриминативности (Л.Ф. Бурлачук, 2002). На основе индекса эффективности, 10 заданий показали себя неэффективными и были устранены, так как оказались либо слишком легкими, либо слишком сложными для испытуемых. Ими оказались вопросы под номерами: 2, 9 (из 16 PF-Кеттелла); 17, 18, 20 (из Добро-Зло); 21, 22 (опросник Марлоу); 27, 28, 31 (Тест-опросник самооотношения).

Алгоритм отбора заданий на основе критерия дискриминативности предполагает, что минимальный уровень их корреляции с итоговым баллом должен быть не менее $r=0,2$. Анализ заданий позволил нам выделить

16 вопросов с такими коэффициентами. Однако, учитывая, что опросник должен содержать не менее 20 заданий и что допускается включение вопросов, имеющих коэффициент корреляции с итоговым баллом на уровне $p < 0,05$, в его окончательную версию вошли 23 вопроса. Таким образом, на основе данных о степени дискриминативности заданий, были отсортированы еще четыре вопроса (под номерами 23,25,26,29).

Соответствие методики измеряемому качеству проверялось с помощью двух видов валидности: конкурентной и содержательной. Содержательная валидность оценивалась на основе теоретической проработки честолюбия и анализа соответствия заданий его основным характеристикам. Для определения конкурентной валидности была проведена процедура отбора экспертов с последующим психодиагностическим срезом на выборке в 130 человек (студентов 2-5 курсов). Отсутствие представителей первого курса объясняется невозможностью проведения над ними экспертной оценки, так как большинство из них не успело себя проявить.

В качестве экспертов выступали шесть человек: три преподавателя, хорошо знающие студентов и три сокурсника, одним из которых является староста группы. Эксперты должны были на специальном бланке оценить степень честолюбия представленных им студентов по 10-ти бальной шкале. Затем, на основе их оценок, по каждому из студентов был получен интегральный показатель честолюбия, который коррелировался с их результатами по методике честолюбия. Результаты корреляции показателя честолюбия нашей методики с результатами экспертной оценки показали ее полную валидность ($r=0,49$, при $p < 0,001$).

Таблица 1.

**Оценочные сигмальные шкалы
для выявления уровня развития честолюбия**

Уровни развития	Баллы
Низкий	до 5
Ниже среднего	6-8
Средний	9-14
Выше среднего	15-17
Высокий	18 и выше

Проведенная стандартизация методики позволила нам выделить ее нормы для учащихся школы и вуза. Первоначально, они были просчитаны отдельно для школьников и для студентов. Однако, нормы для учащихся разного возраста совпали, что позволило нам определить единую шкалу для обеих выборок. Выборка для стандартизации составила 308 человек. Нами были составлены оценочные шкалы по методу сигнальных отклонений с пятиуровневым делением. Данная процедура возможна при нормальном распределении. Результаты представлены в таблице 1.

Предложенная в данной работе методика в процессе ее апробации полностью доказала свою эффективность и выступает валидным инструментом измерения честолюбия среди учащихся как средних, так и высших учебных заведений. Ее использование адекватно как для исследовательских целей, связанных с изучением особенностей нравственного развития современного поколения, так и при внедрении личностно-развивающих технологий.

Литература

1. Брушлинский А.В. Психология субъекта / А.В. Брушлинский; отв. ред. В.В. Знаков. – Спб.: Алетейя, 2003. – 272с.
2. Бурлачук Л.Ф. Психодиагностика / Л.Ф. Бурлачук. – Спб.: Питер, 2002. – 352с.
3. Зинченко В.П. Культурно-историческая психология: опыт амплификации / В.П. Зинченко // Вопросы психологии. – 1993. - №4. - С.5.-19.
4. Знаков В.В. Духовность человека в зеркале психологического знания и религиозной веры / В.В. Знаков // Вопросы психологии.–1998. - №3. -С.104-115.
5. Попов Л.М. Добро и зло в психологии человека / Л.М. Попов, А.П. Кашин, Т.А. Старшинова. – Казань: Изд-во КГУ, 2000. - 176с.
6. Устина Ю.Н. Особенности проявления честолюбия в межличностном взаимодействии / Ю.Н. Устина // Сборник докладов V Международной конференции: (Пост)сучасність і наука: соціологія у пошуках себе та суспільства. – Харьков,2007. - С.259-260.
7. Устина Ю.Н. Особенности проявления честолюбия в младшем школьном возрасте при внешнем стимулировании / Ю.Н. Устина // Материалы докладов XIV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2007». – М, 2007.
8. Устина Ю.Н. Проблема честолюбия в современной науке / Ю.Н. Устина // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Современные проблемы формирования конкурентоспособного специалиста». – Бузулук, 2007.
9. Устина Ю.Н. Честолюбие как этическая характеристика субъекта / Ю.Н. Устина // Материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов и аспирантов: Интересы личности, общества и государства: взаимодействия и взаимообусловленность. – Казань, 2006. – Т.2. – С.183-185.
10. Шадриков В.Д. Духовные способности / В.Д. Шадриков.– М.: Магистр, 1996. – 356с.

Психология пола и гендера: теоретические и прикладные аспекты

А.Ф.Филатова,
ОмГПУ, Омск

Отечественная психология по меткому выражению И.С.Кона, длительное время была «бесполой». В ней практически отсутствовали такие слова, как «мальчик», «девочка», «мужчина», «женщина» и употребля-

лись преимущественно слова «ребёнок», «личность», а также «учащиеся», «испытуемые» и т.п. Однако в последние годы появились работы, изучающие половые и гендерные различия.

Главной предпосылкой возникновения данных направлений является то, что обсуждение вопроса: «Биология или среда определяют поведенческие роли и образ жизни человека?» стало звучать всё чаще не только в социобиологии, но и в психологии, медицине, гендерологии и т.д. Современный феминизм политизировал слово «гендер», которым пытается заменить слово «пол» по отношению к человеку.

Возникла *подмена* слова «пол» на «гендер» и путаница в соответствующих исследованиях. Не только за рубежом, но и в России в настоящее время становятся популярными гендерные исследования, что вносит путаницу в психологию половых различий.

Гендерная психология в Россию пришла с Запада (Ш.Берн, R.Edwards и др.); у нас данное направление развивают О.Н.Воронина, Е.А.Здравомыслова, Т.В.Бендас, М.Л.Бутовская, И.С.Клецина, И.В.Костикова, Р.Г.Петрова, И.А.Тупицына и др.

Среди исследователей психологии половых различий можно выделить И.В.Грошева, В.Д.Еремееву и Т.П.Хризман, Е.П.Ильина, А.Л.Сиротюк, А.Г.Хрипкову. Зарубежные учёные – М.Гариен, Е.Е.Массобу, С.Н.Жаклин и др.

Некоторые начинающие исследователи смешивают понятия «пол» и «гендер», и в связи с этим важно, во-первых, развести данные понятия, а также рассмотреть типы экспериментов, проводимых исследователями в гендерной психологии и психологии половых различий.

Итак, *пол* – первое и главное понятие. Анализ психологической, медицинской и др. литературы позволяет рассматривать понятие «пол» в широком смысле как комплекс общесоматических, репродуктивных, поведенческих и социальных признаков, определяющих индивида как мальчика (мужчину) или девочку (женщину). Пол является стартовой позицией, с ним человек рождается как биологический индивид, поэтому данный термин часто обозначают как *биологический пол*.

Биологический пол зародыша человека определяется половой хромосомой, содержащейся в отцовском сперматозоиде: если это X – хромосома, то родится девочка, Y – мальчик. Хромосомный набор, определяющий пол, определяет и будущую генетическую программу (*генетический пол*). В организме зародыша формируются соответствующие половые железы (*гонадный пол*), функционирование которых регулируется гипоталамусом. Преобладающий тип гормональной активности указывает на *гормональный пол*. Уже в утробном периоде развития половые железы (гонады) выделяют половые гормоны (гормональный пол зародыша), благодаря которым у зародыша формируются соответствующие мужские или женские внутренние репродуктивные органы (*внутренний морфологический*

пол) и наружные гениталии (*внешний морфологический пол*). Всё это включает в себя биологический пол.

Итак, в определении половой принадлежности индивида исходными факторами являются его биогенетические характеристики. Первичное звено в этой цепи – хромосомный, или генетический, пол, возникающий уже в момент оплодотворения яйцеклетки.

Таким образом, биологический пол определяется, во-первых, *генетической структурой*, а не внешними органами, как считают феминистки. Б.Франсиз утверждает, что «каждая клетка человеческого тела чётко может быть определена как мужская *или* женская». И человеческий мозг, в связи с присутствием или отсутствием тестостерона, тоже является маскулинизированным или феминизированным уже на стадии вынашивания плода [4, с. 36]. Более того, половые различия видны не только до рождения, но даже и до зачатия: под микроскопом видны различия между андроспермой (сперма, которая приводит к рождению мальчика) и гиноспермой (сперма, которая приводит к рождению девочки). А на сперму не влияют ни социальные условия, ни сексизм (дискриминация по признаку пола) [там же, с. 37].

В Докладе на 7-й конференции Австралийского научно-исследовательского института семьи (Сидней, июль 2000) Бабетт Франсиз высказала несогласие с базовыми установками тех членов комитета, которые считали, что большинство, если не все наблюдаемые различия в итоговых результатах по окончании школы между мальчиками и девочками объясняются дискриминацией или социальными условиями. Она утверждает что, несмотря на то, что культурные и родительские влияния, несомненно, играют свою роль в выборе профессионального пути мальчиков и девочек, их выборы основываются на врождённых предпочтениях. Добавим, что Б.Франсиз родила и вырастила четверых девочек и четверых мальчиков, и по своему опыту знает, что девочки и мальчики различаются изначально.

Однако понятие *гендер* как *социальный пол*, рано или поздно должно было возникнуть, т.к. после рождения биологические факторы половой дифференциации дополняются социальными. На основании гениальной внешности новорожденного, определяется его гражданский (паспортный, акушерский, номинальный) пол, соответственно которому его воспитывают, и согласно которому ребёнок становится для общества мальчиком или девочкой.

Слово *гендер* было введено в понятийный аппарат науки в конце 60-х – начале 70-х годов XX века и использовалось сначала в истории, историографии, социологии, а затем и в психологии, для описания социальных «последствий» природного пола человека. В отечественной научной литературе оно впервые появилось в 1992 году. Ряд авторов, отмечая необходимость разделения биологических и психологических характери-

стик, приняли слово «гендер» как научный термин, означающий «социальный пол». Конструирование гендера в процессе социализации осуществляется основными её институтами через трансляцию сформировавшихся в культуре представлений о том, как следует себя вести мальчикам и девочкам, какими личностными качествами должны обладать мужчины и женщины.

И.С.Кон даёт определение гендера в широком и узком смысле слова.

Гендер – это 1) любые психологические или поведенческие свойства, ассоциирующиеся с маскулинностью и фемининностью и отличающие мужчин от женщин; 2) в более узком смысле – «социальный пол», социально детерминированные роли, идентичности и сферы деятельности мужчин и женщин, зависящие не от биологических половых различий, а от социальной организации общества [2, с. 327].

Как уже отмечалось, научная терминология ещё не вполне устоялась, и слова «гендер» и «пол», а также их производные иногда употребляются как синонимы. Однако их различие имеет принципиальное значение.

По образному выражению американского антрополога Кэтрин Марч, *пол относится к гендеру как свет к цвету*. Пол и свет – естественные физические явления, допускающие объективное измерение. Гендер и цвет – исторические, культурно обусловленные категории, с помощью которых люди группируют определённые свойства, придавая им символическое значение. Хотя физиология восприятия света у людей более или менее одинакова, одни культуры и языки терминологически различают только два или три цвета, а другие – несколько десятков и даже сотен цветов. Это имеет свои социальные причины и следствия (как в различении и значении того или иного цвета в разных культурах, так и в различении и значении гендера).

Термин «гендер» даёт понимание того, что в дополнение к биологической основе есть *социально детерминированные представления о мужчине и женщине*, которые оказывают мощнейшее влияние на культурный контекст развития мальчика и девочки, женщины и мужчины.

Гендер – это культурная маска пола, это приобретённое поведение, культурно ассоциируемое с бытием мужчины или женщины.

Гендерные исследования (гендерология) – это исследования гендерных отношений и связанных с ними социально-экономических, политических, культурных и психологических проблем [2, с. 328]. Гендерные исследования имеют другую направленность, принципиально отличающуюся от подхода психологии половых различий.

Актуальность и популярность этих двух взаимосвязанных, но не тождественных направлений исследований требуют разъяснения их методологического аспекта. Итак, разведём эти два направления, – психологию половых различий и гендерную психологию.

Нетожественность данных направлений очевидна из самих названий – второе направление не содержит слова «различия». Вместе с тем, различия всё равно находятся, и чаще всего, не в пользу женщин.

Важно отметить, что представители гендерного подхода рассматривают психологические характеристики таким образом, как будто они не подвержены влиянию такой независимой переменной, как пол.

Гораздо более значимыми специалисты по гендерной психологии считают определение таких характеристик человека, как маскулинность и фемининность. Показательной в этом отношении является позиция В.А.Лабунской, которая считает, что «эти конструкты не связаны напрямую с биологическим полом, что они являются не только социокультурными, но и социально-психологическими явлениями, фиксирующими психотип мужского и женского поведения в пределах одной гендерной роли» [3, с. 108].

Как уже отмечалось, отношения между гендерной психологией и психологией половых различий сложны и неоднозначны, и далеко не всегда предметную область одной дисциплины можно легко отличить от предмета другой. По мнению В.В.Знакова, наиболее простым и точным критерием отличия одной области психологической науки от другой является тип эксперимента, проводимого в них психологами [1].

Один тип: берётся группа испытуемых, и изучаются у каждого из них какие-то психологические особенности. Затем данная выборка делится на подгруппы (мужчин и женщин) мальчиков и девочек, и анализируются различия отмеченных психологических признаков.

Принципиально другой тип эксперимента, другие переменные представлены в гендерных исследованиях. Современные гендерные исследования характеризуются тремя отличительными признаками:

1) группы испытуемых изначально разделяют по половому, биологическому признаку на мужчин и женщин (мальчиков и девочек);

2) изучаются ролевые позиции, которые люди, независимо от биологического пола, занимают в общении. Роли могут быть маскулинными, фемининными и андрогинными (смешанными);

3) декларируются различия в ценностных ориентациях, направленность на отличающиеся системы ценностей. В фемининных ценностях более значимыми считаются ценности любви, семьи, человеческих отношений. В маскулинных – независимость, социальная успешность, высокий уровень достижений. Признание субъективно и объективно более значимых маскулинных или фемининных ценностей также может быть напрямую не связано с биологическим полом.

В наших исследованиях мы придерживаемся, в основном, подхода психологии половых различий [6]. И подчёркиваем важность того факта, что исходными в определении пола индивида являются его биогенетические характеристики.

Актуальной и перспективной, на наш взгляд, является развитие психологии половых различий, чтобы учитывать имеющиеся различия в образовательном процессе [6, с. 95-109], т.к. «мальчики и девочки учатся по-разному» (М.Гариен).

Выделяя половые различия, мы придерживаемся классификации В.П.Симонова [5, с. 40-44]. Это различия на *генетическом, физическом, когнитивном, психологическом* уровнях и *различия на уровне общения*. Все половые различия являются следствием изначальной генетической структуры, определившей биологический пол данного человека и различия его мозга. Признание и учёт этих различий в образовательном процессе откроет новые возможности повышения качества образования, улучшения психического здоровья мальчиков и девочек, и более успешной их социализации.

И в заключение, примиряя гендерную психологию и психологию половых различий, отметим, что вслед за В.П.Симоновым [5, с. 44], мы подвергаем сомнению утверждение о равенстве полов, и полагаем, что мужчина дополняет женщину, а женщина – мужчину, и только вместе они представляют собой единый социальный феномен, такой, как, например, семья. Равенство мужчин и женщин необходимо и возможно только в области их социальных прав, а вот их возможности и социальные роли в обществе далеко не одинаковы.

Литература

1. *Знаков В.В.* Половые различия в понимании неправды, лжи и обмана // Психол. журн. 1997. Т. 18. – № 1. – С.38-49.
2. *Кон И.С.* Ребёнок и общество. – М.: Академия, 2003.
3. *Лабунская В.А.* Социально-психологический подход к изучению маскулинности-фемининности личности // Личность и бытие: теория и методология/Под ред. З.И.Рябикиной, В.В.Знакова. – Краснодар, 2003.
4. Практикум по гендерной психологии / Под ред. И.С.Клёцкиной. – СПб.: Питер, 2003.
5. *Симонов В.П.* Учёт гендерных различий в образовательном процессе // Педагогика. 2005. – № 4. – С. 40-44.
6. *Филатова А.Ф.* Половые различия в характере подростка. – Омск: Издательский дом «Наука», 2006.

Содержание этнических представлений ребенка

Фомина Ю.И.
Тульский гос.университет

Современное общество, в котором происходит развитие, как правило, полинационально и поликультурно, и в сознании каждого социализирующегося субъекта присутствует не только образ своей этнической группы, но и «чужих» этнических общностей. Этот образ не возникает сразу,

вдруг, ниоткуда, а проходит определённые стадии в своём становлении, которые связаны со становлением этнического самосознания в целом. Современный ребёнок редко развивается в моноэтнической среде, рано или поздно, прямо или косвенно он сталкивается с людьми, которые оказываются для него «чужими» с этнической точки зрения: они обладают иной, иногда совершенно несхожей с ним самим, внешностью, живут на других континентах, едят другую пищу, строят свою жизнь в соответствии с непонятными и непохожими на известные ребёнку правилами. Представления, получаемые ребёнком из разных социализирующих источников, да и его постепенно накапливающийся личный опыт способствуют становлению системы представлений относительно «своей» и «чужой» этнических групп. Таким образом, этнические представления являются одной из важных составляющих социальной информации, которые можно определить как систему социокультурно обусловленных представлений о характеристиках, нормах, правилах и атрибутах представителей своей и чужой этнических групп.

Существует несколько точек зрения относительно того, что можно назвать этнодифференцирующими признаками, ведь именно они будут лежать в основе этнического разделения на «Мы – Они». Так Т.Г. Стефаненко предлагает проследить историю становления и выделения этнодифференцирующих признаков. Первой формой этнической идентичности, возникшей у охотников и собирателей предэтнических общин, историки первобытного общества считают «сознание родства по крови и по брак». Эти два вида родства в ту эпоху не различались, фактическое родство не обособлялось от фиктивного, широко распространён был обычай адопции, то есть усыновления/удочерения - не только детей, но и взрослых. Превалировали представления о единстве людей в настоящем времени, то есть представления о горизонтальном родстве. Этническая идентичность была диффузной, этнические самоназвания не имели большого значения и могли время от времени меняться.

С переходом к оседлости и производящему хозяйству, появлением такой формы недвижимой собственности, как обработанная земля, общины стали все больше отличаться по образу жизни и уровню социально-экономического развития, что привело к их обособлению. В процессе межгруппового сравнения у членов некоторых племен просыпалась более четкая этническая идентичность, а на смену представлений о горизонтальном родстве пришло осознание общности происхождения. Иными словами, постепенно формируется идея вертикального родства, которая проявляется: а) в мифах о происхождении народа в мифические времена от прародителей - культурных героев; б) в культе предков - поклонении духам умерших в реальные времена представителей племени.

К XVIII в. сложилось этнолингвистическое и культурное единство большинства европейских общностей, а в Новое время важнейшими эт-

нодифференцирующими признаками стали восприниматься культура и язык, составляющий ее основу у всех письменных народов. В последнее время исследователи все больше внимания уделяют символической роли тех феноменов культуры, которые рассматриваются наиболее значимыми этноопределителями. В функции символического маркера может выступать территория («мать—земля»), язык (родная речь), жилище (домашний очаг) и т.п. Подобные символы могут быть максимально отчуждены от повседневного опыта, но воспринимаются как объективная реальность.

А В.Ю.Хотинец выделяет следующие подсистемы этнической культуры, которые также могут выступать как этнодифференцирующие признаки: (производственная (экономика и техника), жизнеобеспечивающая (одежда, жилище, пища), соционормативная (этническое мировоззрение, нравы, традиции, обычаи и обряды, религия и верование), познавательная (национальный язык, история своего народа и родного края, народное творчество, национальная литература и искусство).

На основе данных источников можно выделить четыре ведущих фактора, которые, на наш взгляд, позволяют сформировать совокупность представлений о других этнических группах. Эти факторы когнитивно очерчивают окружающее пространство - материальное, социальное, психологическое - любого этноса. Эти крупные факторы мы разделили на составляющие их подсистемы, которые, в свою очередь наполнены рядом соответствующих признаков. Признак - это самая мелкая единица, формирующая этнические представления, именно с признаком непосредственно «взаимодействует» сознание индивида, именно признаки «наполняют» сознание первичной информацией об этносе.

Факторы и их составляющие могут быть в общих чертах представлены следующим образом:

1. Культурно-исторический фактор: включает следующие подсистемы и комплексы признаков:

- 1) ключевые, знакомые каждому, исторические события;
- 2) широко известные национальные исторические личности;
- 3) мифология;
- 4) религия: а) религиозная символика; б) отношение к религии;
- 5) культура: а) эпос, предания, сказки; б) музыка, национальные музыкальные инструменты, танцы; в) литература; г) живопись, скульптура; д) архитектура: форма жилища; основной строительный материал; элементы украшения; деление жилища на зоны; место расположения жилища; е) декоративно--прикладное искусство; ж) игры: развлекательные, инициационные; з) праздники; и) язык: вербальная система; невербальные средства общения (количество и разнообразие жестов, используемых в общении, величина социальной дистанции и др.); к) национальная символика: государственные символы; символы--ассоциации; л) бытовая и

обрядовая культура: кухня; одежда, макияж, украшения; повседневные традиции; м) особенности социализации: доминирующий в этнокультуре пол; количество детей; телесные контакты с родителями; обучение независимости и социализация агрессии; наказания и поощрения; церемонии и ритуалы; роль отца; агенты воспитания; методы воспитания; институты социализации; разделение обязанностей; полоролевые установки; межпоколенные отношения; общественные установки по отношению к детям; обращение с младенцем и др.

2. Антропологический фактор: 1) цвет кожи; 2) волосы (цвет, характер, волосяной покров тела); 3) форма лица; 4) глаза (размер, форма, расположение, цвет); 5) нос; 6) губы; 7) скулы; 8) рост; 9) телосложение и т.д.

3. Географический фактор: 1) местожительство, территория; 2) климат; 3) флора и фауна; 4) рельеф; 5) известные города; 6) достопримечательности.

4. Национальный характер и психология: 1) установки; 2) ценности; 3) система мировоззрения; 4) доминирующий архетип.

Процесс включения тех или иных факторов и их признаков в сознание ребёнка зависит от стадии развития этнического самосознания. Развитие этнического самосознания в онтогенезе проходит несколько этапов, соотносящихся с основными периодами психического развития и стадиями развития психосоциальной/этнической идентичности. При этом этническое самосознание формируется несколько позднее, чем другие формы самосознания.

Выделяются три основные этапа развития этнического самосознания. На каждой из этих стадий происходит качественное изменение этнических представлений, которое связано с ведущей «линией развития». Начальный этап приходится на дошкольный и младший школьный возраст (5-10 лет). Для него характерны еще нечеткое осознание детьми общности с людьми своей национальности, немотивированный выбор своей этнической принадлежности, слабые этнические знания. Второй этап развития этнического самосознания охватывает подростковый возраст (11-16 лет) и характеризуется осознанным отношением к своему этносу. Дети проявляют интерес к истории и культуре своего и других народов. На этом этапе происходит формирование системы представлений и оценок об этнокультурных и этнопсихологических особенностях своей общности в сравнении с иноэтническим окружением. Третий этап выпадает на старший школьный возраст (16-17 лет). На данном этапе укрепляется осознание своей этнической принадлежности, определяется мотивация выбора своей национальности, конструируется этническое мировоззрение.

Изначально у ребёнка не представлены все выделенные комплексы признаков и факторы, которые будут формировать представления о других этнических группах. Более того, представленные в сознании факторы

могут быть обнаружены только по отдельным признакам, составляющим их. В процессе развития ребёнка его этническое самосознание будет претерпевать изменения, соответственно этнические представления будут трансформироваться, что приведет к возникновению в сознании новых факторов и их признаков и углублению наполненности уже существующих. В процессе развития этнические представления будут двигаться от нерасчлененных, общих к более конкретным и дифференцированным; в процессе становления и развития данного вида представлений ребенок будет проходить путь от ориентации на внешние признаки при разделении своей и чужой этнической группы до ориентации на внутреннее осознание ее.

Акмеологическое сопровождение карьерно-профессиональной направленности субъекта профессиональной деятельности

Фоминых Е.К.
Казанский гос. университет

Стремительные социальные изменения, происходящие в нашей стране, предъявляют высокий уровень требований к специалистам и их профессионализму, определяя тем самым новый круг научных проблем, решение которых позволит обеспечить создание психологических условий для индивидуализации оптимального акмеологического развития личности.

Удовлетворение запросов со стороны руководства возможно лишь в случае наличествующей потребности у специалистов в постоянном развитии способности к саморазвитию, саморефлексии, личностной самоопределенности и как следствие аутопсихологической компетентности. Необходимость развития аутопсихологической компетентности детерминирована характером и спецификой профессиональной деятельности специалиста, которые предъявляет определенные требования к его когнитивным, эмоциональным и личностным качествам.

Одним из перспективных направлений является проблема успешности профессиональной деятельности, разрабатываемая Кузьминой Н.В., Шадриковым В.Д., Марковой К.А. и др. опираясь на категорию профессионализма деятельности, введенную Н.В. Кузьминой, было доказано, что необходимо рассматривать категорию профессионализма в более широком контексте, в деятельностном и личностном проявлениях. Действительно, в процессе становления профессионализма деятельности, личность обязательно развивается. При этом речь может идти о нескольких направлениях возможного развития — личностно-профессиональном,

профессионально – квалификационном, профессионально – должностном и нравственном (Дергач А.А., Зазыкин В.Г. и др.)

Иными словами, речь должна вестись уже о профессионализме, включающем находящиеся в диалектическом единстве подструктуры профессионализма деятельности и профессионализма личности. Это выводит наше исследование на уровень личностного в профессиональном.

В связи с выше сказанным, вызывает интерес выявление психологических условий и факторов, обеспечивающих акмеологическое сопровождение карьерно-профессиональной направленности субъекта профессиональной деятельности.

Из-за нестабильности и неуверенности в завтрашнем дне, недостатков в организации труда и профессиональных взаимодействий, а также действия трудно прогнозируемых экстремальных управленческих факторов организация вынуждена терять опытных, ценных работников, только выходящих на уровень профессионального мастерства.

Карьерный рост специалистов формирует запрос на аутопсихологическую компетентность в области самоактуализации и самореализации, формирования навыков построения акмеологической траектории личностно-профессионального развития, осознания карьерной идентичности (Р.Л.Кричевский, Ю.Н.Гончаров).

Однако существует ряд проблем, мешающих реализации задачи обеспечения высокого уровня аутопсихологической компетентности субъекта профессиональной деятельности.

Наиболее важная, пожалуй, связана с отсутствием мотивации саморазвития и недостаточно сформированным личностным самоопределением. Наличие систематизированных знаний об аутопсихологической компетентности как особом виде компетентности, направленной на познание и развитие себя как индивида, личности и субъекта деятельности, изменило бы положение дел.

Достижение высокого личностно-профессионального уровня специалистов различного уровня возможно при создании акмеологической системы аутопсихологического развития в рамках профессиональной подготовки и переподготовки специалистов.

Субъект профессиональной деятельности развивает свои индивидуальные и личностные особенности как средства эффективной реализации этой деятельности.

При этом акмеологическое сопровождение в системе акмеологического обеспечения становления профессионализма специалистов выступает как основное условие эффективности этого процесса.

Проведенный анализ теоретических подходов по проблеме повышения конкурентоспособности организации и многочисленные практические наработки по данной проблеме, позволили прийти к выводу о том, что, пожалуй, основным способом повышения конкурентоспособности орга-

низации в современных социально-экономических условиях является создание эффективной образовательной внутрифирменной программы, имеющей целостный характер.

Учет социально-экономических условий функционирования организации позволяет построить содержание внутрифирменного обучения, четко определив его цели и задачи. Сама стратегия организации, система управления персоналом будут являться векторами построения и прогнозирования, сообразно которым будет выстраиваться психологическое сопровождение внутрифирменного обучения как целостной многофункциональной системы.

Успех такого обучения будет зависеть от специфики организации и осознания ее руководством стратегических и тактических задач, а также от того, насколько руководство той или иной организации уделяет внимание, так называемому, «человеческому фактору» в кадровой работе, что создает реальные условия для повышения потенциала организации. Для этого необходимо разработать методики по определению потребностей в обучении персонала и оценки экономической эффективности вложений в психологическое сопровождение карьерно-профессиональной направленности специалиста внутри организации.

Отсутствие в большинстве организаций специалистов такого уровня, приводит к тому, что данная деятельность не носит системный характер, а лишь частично и очень локально решает остро назревшие проблемы.

Эффективность внутрифирменного обучения, как целостной системы, будет оцениваться по тому, насколько данное обучение соответствует общей стратегии и ключевым целям организации. Для этого она должна быть открытой, гибко реагирующей на изменения внешних факторов и позволяющей удовлетворить запросы заказчика данных услуг.

Одним из главных психологических условий активизации личностного потенциала человека является его аутопсихологическая компетентность, обеспечивающая оптимальные модели самоорганизации жизни и профессиональной деятельности. Аутопсихологическая компетентность определяется как готовность и способность к целенаправленной психической работе по изменению личностных черт и поведенческих характеристик. Это умение личности развивать и использовать собственные психические ресурсы, создавать благоприятную для деятельности ситуацию путем изменения своего внутреннего состояния за счет приобретения, закрепления, контроля знаний, умений и навыков, преодоления непредвиденных обстоятельств, создания волевой установки на достижение значимых результатов (А.А.Деркач, 2005). Аутопсихологическая компетентность является результатом особого рода психологической деятельности по саморазвитию и самосовершенствованию.

В качестве предмета внутренней акмеологической деятельности выступает конкретное психологическое образование, на которое направлено акмеологическое самовоздействие.

Аутопсихологическая компетентность выступает как способ развития «акме» в индивидуальной профессиональной деятельности.

Проведенные нами исследования показали, что в качестве системообразующего фактора полноценной и высокопродуктивной образовательной системы выступает возможность и способность эффективной реализации участниками этой системы личностного самоопределения и такого его показателя как психологической готовности к личностному самоопределению.

Существует диалектическое единство и взаимообусловленность личностного и профессионального самоопределения, причем личностное самоопределение, его успешность и продуктивность является одновременно предпосылкой и условием эффективного профессионального самоопределения личности. Основным условием достижения подобного результата является создание в образовательном процессе рефлексивной среды.

Таким образом, стратегия обеспечения экономической успешности современной организации является прежде всего актуальной акмеологической проблемой профессионала и профессионализма, саморазвития личности, выявления условий, при которых обеспечивается профессиональный и карьерный рост, достижение профессионального и карьерного «акме».

Студенческая молодежь как коллективный субъект политической жизни

Фофонова А.О.
Казанский гос. университет

Человек выступает в жизни как деятель, творец и созидатель независимо от того, каким видом труда он занимается. В деятельности раскрывается богатство духовной жизни человека: глубина ума и переживаний, сила воображения, творчества и воли, способности и черты характера, талант. При этом человек является как субъектом познания окружающей действительности, так и самой деятельности.

Под субъектом понимается индивид или группа как источник познания и преобразования действительности, носитель активности. Реальное, практическое изменение объекта в процессе этой деятельности и является критерием адекватности, соответствия действительности теми возникающими у субъекта образами, на основе которых и регулируется его деятельность.

Конституирующей характеристикой личности человека является его субъектность. Взгляд на личностное в человеке как проявление его субъектности не является прерогативой психологической мысли; подобное представление о личности свойственно так же философии, социологии, педагогике. К проявлениям субъектности человека, относятся деятельность (в широком смысле этого слова – как объединяющая в себе витальные и предметные проявления активности), общение, а так же самосознание.

При анализе политической реальности основное внимание уделяется, как правило, политической деятельности институциональных, организованных субъектов деятельности, составляющих политическую систему общества, — государственных органов, политических партий, общественно-политических движений. Считается, что именно в рамках подобной целостности, прежде всего, проходит политическая жизнь и осуществляется политическая деятельность субъектов как таковая.

На современном этапе общественного развития подобный институционально-организационный подход к проблеме политической деятельности представляется явно недостаточным. Его следует дополнить подходом личностным, предполагающим рассмотрение личности как субъекта политической деятельности в политической системе общества.

В цивилизованном, с точки зрения политической системы, обществе политика осуществляется для людей и через людей. Какую бы значительную роль ни играли социальные группы, массовые общественные движения, политические партии, в конечном счете, ее главным субъектом выступает личность, ибо сами эти группы, движения, партии и другие общественные и политические организации состоят из реальных личностей, и только через взаимодействие их интересов и воли определяется содержание и направленность политического процесса, всей политической жизни общества.

Активное участие личности в политической жизни общества имеет многоплановое значение. Во-первых, через такое участие создаются условия для более полного раскрытия всех потенций человека, для его творческого самовыражения, что в свою очередь составляет необходимую предпосылку наиболее эффективного решения общественных задач. Так, качественное преобразование всех сторон жизни предполагает всемерную интенсификацию человеческого фактора, активное и сознательное участие в этом процессе широких народных масс. Во-вторых, всеобщее развитие человека как субъекта политики является важным условием тесной связи политических институтов с гражданским обществом, контроля над деятельностью политико-управленческих структур со стороны народа, средством противодействия бюрократическим извращениям в деятельном аппарате управления, отделений функций управления от общества.

Системообразующим звеном политической культуры является политическое самосознание к себе как субъекту политической деятельности. Политическое самосознание является одним из важнейших понятий и стержневой категорией политической психологии. Субъектом политического самосознания может выступать как отдельная личность, так и группа.

Независимо от специфических особенностей субъекта, в целом политическое самосознание включает три основных аспекта: когнитивный, эмоциональный и оценочно-волевой. В своей совокупности, они образуют целостный политический образ самого себя, существующий, хотя и на разных уровнях развития, практически у всех реальных или виртуальных, созданных идеологической пропагандой, субъектов социально-политической жизни. Политическое самосознание выступает как предпосылка и, в то же время, как следствие социально-этического взаимодействия. Это деятельностное, а не умозрительное политико-психологическое образование.

Явной особенностью базовых изменений в политической жизни многих обществ является то, что в своем преобладающем большинстве они либо иницируются, либо управляются молодежью. В современном мире наблюдается множественное появление политических организаций, основным контингентом которых является такая возрастная группа, как молодежь. Основной целью таких организаций является развитие самосознания молодежи в политической и общественной жизни страны.

В связи с бурным развитием организаций подобного рода молодежь как специфическая возрастная группа постепенно начинает оказывать все большее влияние на социально-политические процессы во всем мире. В большинстве развитых стран наблюдается значительный рост молодежных движений.

Необходимость учета интересов подобных движений в России обусловлена как минимум двумя факторами: во-первых, молодежь является довольно многочисленным слоем населения, а во-вторых, особенности политической системы, при которых происходило взросление и социализация данной возрастной группы, положительно влияют на способность к инициации демократических ценностей. Все это отражается на поведении молодежи, позволяя ей потенциально и реально быть политически активной частью общества.

Высокая скорость политических, экономических и социальных изменений в 90-е годы оказали (и оказывают) влияние на положение и развитие российской молодежи. Сегодня очевидно, что в молодежной среде преобладают процессы дифференциации. Причем дифференцирующие факторы проявляются более зримо, чем интегрирующие. Это связано, прежде всего, с тем, что в условиях радикального преобразования российского общества происходят глубокие изменения его социальной стра-

тификации, одной из особенностей которой является социальная поляризация, основанная на имущественном расслоении, что может повлечь за собой не всегда социально приемлемые виды политической активности.

Социологические исследования показывают, что современная российская молодежь вообще не отличается большой политической активностью и не верит в возможность что-то изменить. Речь идет о том, что сейчас в России фактически происходит нивелирование возрастных позиций: различные возрастные группы по многим вопросам имеют сходное мнение, т.е. ценностные установки в отношении власти молодого и зрелого поколений практически сравнялись (исследование Центра социологии ИСПИ РАН, март 2006 года).

Проведенное нами исследование когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов политического самосознания в целом подтвердило результаты исследования, полученные центром социологии ИСПИ РАН в марте 2006 года.

Исследование, организованное нами, показало, что имеются существенные различия политического самосознания различных групп студенческой молодежи. Представители политических молодежных организаций статистически значимо отличаются от индифферентной в политическом смысле молодежи по таким показателям, как: поведенческий, эмоциональный и когнитивный компоненты политического самосознания.

Исследование у студенческой молодежи, не состоящей в молодежных политических организациях, степени готовности к политическому действию (поведенческий компонент) выявило, во-первых, низкий уровень интереса к политической жизни в России и мире, и, во-вторых, почти полное отсутствие готовности к участию в политической жизни в разных ее проявлениях. В частности, средний уровень развития поведенческого компонента политического самосознания в данной группе составил 27,11 балла по сравнению с 41,93 баллами у представителей «Молодой Гвардии Единой России».

Уровень развития когнитивного компонента политического самосознания у студенческой молодежи, не состоящей в молодежных политических организациях, оказался крайне низким. Нами было отмечено, что молодежь имеет крайне размытое представление о политической ситуации в стране, что, возможно, обусловлено отсутствием желания к повышению своего информационного уровня в этом направлении. Именно по данному показателю нами было обнаружено наиболее сильное различие между группами по t-критерию Стьюдента для независимых выборок (41,93 балла – среднегрупповой уровень у представителей «Молодой Гвардии Единой России»; 22,37 балла - у представителей индифферентной в политическом смысле молодежи).

Оценка политической ситуации российской студенческой молодежью (эмоциональный компонент политического самосознания), не со-

стоящей в политических организациях, в отличие от представителей татарстанского отделения Всероссийской общественной организации «Молодая Гвардия Единой России», является более негативной и пессимистической. Возможно, это можно объяснить низким уровнем развития когнитивного компонента политического самосознания у респондентов.

Анализ полученных в результате эмпирического исследования результатов позволяет сделать выводы о том, что в целом студенческая молодежь, не состоящая в молодежных политических организациях, не может называться полноценным субъектом политической жизни, так как не имеет развитых, на достаточном уровне, компонентов политического самосознания (высокий уровень развития всех трех компонентов политического самосознания демонстрирует около 15% испытуемых из всей выборки).

Анализ корреляций уровня поведенческой активности в данной выборке с уровнем развития когнитивного компонента политического самосознания позволяет говорить о том, что низкая активность молодежи как субъекта политической жизни обусловлена, прежде всего, почти полным отсутствием объективных знаний о политической ситуации в стране или ее искаженным, с негативным оттенком, восприятием.

Также положительная связь уровней развития эмоционального и когнитивного компонента политического самосознания позволила сделать вывод о наличии взаимосвязи между негативной трактовкой тех или иных политических событий студенческой молодежью, не состоящей в молодежных политических организациях, с недостаточной развитостью базы знаний о политической ситуации в стране и мире.

Эмпирически полученные данные свидетельствуют о необходимости формирования активной, политически определенной жизненной позиции в молодежной среде, а также о совершенствовании механизмов политической социализации как способа приобретения политической культуры.

Эмоциональная экспрессия как психологическое орудие духовно-нравственного развития личности

Хайрутдинова М. Р.

Татарский Гос. Гуманитарно-Педагогический Университет

Изучению проблемы духовно-нравственного развития человека посвящено значительное количество научных работ (Л.М. Аболин, В.И. Андреев, Г.А. Аминев, А.Г. Асмолов, В.П. Зинченко, Л.М. Попов, Э. Фромм и др.), в основе которых лежит поиск механизмов становления и условий развития духовно-нравственной личности. Существует большое количество определений понятия духа, духовности и нравственности. Ряд авторов (Л.М. Аболин, В.П. Зинченко, В.И. Вернадский, Х.Х. Валиахметов) оп-

ределяют понятие дух («дух земли», «ноосфера», «семиосфера», «поле предметных значений», «идейное содержание произведения и искусства», «всеобщий характер чего-либо») как оттенок того особого слоя общества, который, непрерывно видоизменяясь, реально существует как социокультурное пространство и является основой (источком) духовности. Это социокультурное пространство представляет собой идеальную внешнюю форму духовно-нравственной культуры (объективный дух), это не просто среда, автоматически развивающая и питающая личность, и не детерминанта духовно-нравственного развития. Духовность, душа - в отличие от объективного духа - совокупность психических явлений, тесно связанных с организмом (не анатомическим), в частности, с аффектами, переживаниями (эмоциями), чувствами, страстями. Это родовое определение способа жизни, связанного с открытием самоценного, очевидного и необходимого смысла собственного существования, и отражает внутренний мир человека. Термин «нравственность» в контексте «духовно-нравственных» качеств человека, выражает внешнюю (экспрессивно-поведенческую) форму проявления высших духовных (внутренних форм) качеств личности. Следует заметить, что внутренняя форма сама по себе лишь потенциально является пространством души. Это пространство активно, энергично, его внутренний избыток стремится наружу, чтобы реализовать себя, и таким образом влияет на внешние формы активности, поведения и деятельности своего носителя. Как отмечает В.П. Зинченко, прорываясь вовне, внутренняя форма становится внешней, а, следовательно, может быть предъявлена, дарована другому человеку. В своем исследовании мы опираемся на данное определение.

В своих работах Л.М. Аболин говорит о том, что духовно-нравственное развитие личности представляет собой процесс вживания человека посредством психологических орудий в социокультурное пространство, одухотворение его и вживления пространства в человека. Все это должно начинаться с «живой» событийной деятельности, предполагающей актуализацию у человека соприсутствия, содействия, сочувствия, сопереживания, сострадания, соучастия, сопричастности, вчувствования в сокровенное, которое есть в природе, людях, произведениях искусства и даже в вещах и утвари. Целью такой событийной деятельности является *воспроизведение* в человеке сложившихся духовно-нравственных способностей в социокультурном пространстве. В процессе развития у человека возникает, прежде всего, именно эта деятельность, и на ее основе происходит воспроизведение сущностных и развитие актуальных и потенциальных духовно-нравственных способностей, которые имеют своих вполне реальных носителей, выступающих посредниками-медиаторами или психологическими орудиями развития. К исследованию психологических орудий-медиаторов психология приступила еще во времена Л.С. Выготского, который говорил, что отличие психологических

орудий от орудий труда заключается в том, что последние направлены на овладение природой, а первые выступают средствами воздействия на самого себя. Когда человек в процессе деятельности овладевает психологическими орудиями, его реальная (прежде натуральная) форма становится идеальной, идеализированной, культурной. В таком посредническом акте заключается «тайна» развития, превращение реальной формы в идеальную и идеальной в реальную. Последние приобретают вид предметных, орудийных, знаковых, вербальных, экспрессивных, символических, инструментальных психических операций, действий, видов деятельности. Эти психологические орудия исполняют роль средств, помогающих объективации, экстерииоризации тех или иных субъективных состояний, аффективно-смысловых образований и т.п. Последние, вынесенные вовне и сохраняющие свою субъективность, приобретают черты объективности.

Ряд авторов, рассматривая вопрос о психологических орудиях (медиаторах) в качестве таковых рассматривают взрослого в процессе интериндивидуальной деятельности (Л.И. Божович, Л.С. Выготский, А.В. Запорожец, В.В. Давыдов, А.Н. Леонтьев и др.), знак и слово (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин, Н.Г. Салмина), смысл и миф (А.Ф. Лосев, Г.Г. Шпет). Функция данных медиаторов заключается в том, что они не просто воспринимаются, усваиваются, заполняются, но и содействуют формированию новых психологических операций, перестраивают их самих и взаимоотношения между ними.

В своем исследовании мы делаем предположение о том, что эмоциональная экспрессия может выступать в виде психологического орудия (медиатора) духовно-нравственного развития человека, которое наряду с известными медиаторами – знаком, символом, словом, мифом реализует процессы интериоризации и экстерииоризации. Интериоризация представляет собой процесс формирования внутренних структур психики, обусловливаемый усвоением структур и символов внешней социальной деятельности. В отечественной психологии интериоризация трактуется как преобразование структуры предметной деятельности в структуру внутреннего плана сознания, иначе – как превращение интерпсихологических (межличностных) отношений в интрапсихологические (внутриличностные отношения с самим собой). Экстерииоризация предполагает обратный процесс порождения внешних действий в результате преобразования ряда внутренних структур, сложившихся на основе интериоризации внешней социальной деятельности человека. Механизмы интериоризации и экстерииоризации имеются в аффективно-эмоциональной, личностной сфере, где наблюдаются переходы от содействия к сочувствию, сопереживанию, порождению новых жизненных смыслов и замыслов, а от них к самостоятельным, свободным и ответственным действиям – поступкам. Наличие указанных механизмов и переходов позволяет рассматривать процесс развития как образование

цепи превращенных (и извращенных) форм поведения, деятельности и сознания (В.П. Зинченко, Е.Б. Моргунов). Овладевая (интериоризуя) идеальной формой духовной культуры, человек присваивает ее себе или превосходит ее. Она становится его собственной субъективно реальной (индивидуальной формой). Последняя в свою очередь, согласно Э.В.Ильенкову, порождает новые формы духовной культуры, которые входят в «тело» идеальной формы. Если этого не происходит, то прекращается развитие культуры или она деградирует.

Психологические орудия созданы человеком, и в этом смысле они искусственные, социальные, а не индивидуальные по своей природе. Эмоциональная экспрессия же есть естественное проявление внутренних переживаний, а, по мнению Ч. Дарвина, это лишь рудиментарные проявления прежде целесообразных действий, и по своей природе они не социальные. Однако как бы выразительные движения не возникли, согласно С.Л. Рубинштейну, они «не просто рудиментарные образования, потому что они выполняют определенную актуальную функцию, а именно функцию общения; они - средство сообщения и воздействия, они речь, лишенная слова, но исполненная экспрессии». Эмоциональная экспрессия неизбежно подвергается постоянным и значительным культурным влияниям. Вначале произвольные, бесконтрольные проявления *эмоций* постепенно превращаются в частично управляемые, регулируемые *выражения чувств*.

Овладение экспрессией как психологическим орудием подразумевает с одной стороны, появление и развитие восприимчивости к различным формам и оттенкам экспрессии у других людей, умение тонко опознавать их, точно дифференцировать, охватывать все элементы выражения в целостном понимании. С другой - умение говорящего, действующего человека пользоваться оттенками выражения чувств для того, чтобы убедительно и точно передать свое собственное эмоциональное отношение к тем или другим событиям социальной жизни, к взаимоотношениям людей, выявить свой отклик на дружеское, безразличное или иное отношение других людей к нему самому (П.М. Якобсон). Восприятие экспрессии включает в себя не только понимание сути состояния, охватившего человека, его отношения к тем или иным явлениям жизни, нравственным требованиям и т. д., но и эмоциональную реакцию на это состояние и отношение. Мы можем отвергнуть человека, и мы можем его принять и одобрить, и тогда в процесс восприятия экспрессии включается механизм эмпатии как сопереживания с другим человеком и переживания сочувствия.

Под экспрессивной восприимчивостью, согласно П.Н. Якобсону, следует понимать не только способность «понять» соответствующую ситуацию, взаимоотношения людей, но и умение передать экспрессивными средствами свое понимание этой ситуации, особенности состояния духа

человека, его осознаваемые и скрытые намерения и устремления. На примере деятельности актера автор показывает, как все многообразие психической жизни человека, связанное с его взаимоотношениями с другими людьми и представляющее собой его отклик на эти отношения, выражаемые в мыслях, эмоциональных реакциях, устремлениях, надеждах и т. д., актер должен выявить в жесте, интонации, в выражении лица, произносимых словах или, наоборот, в умолчании и т.д. Своими экспрессивными действиями актер передает свойства изображаемой им личности, ее духовный мир, характер ее душевных процессов. По мнению С.Л. Рубинштейна, через выразительность своих движений и действий актер не только раскрывает чувства зрителю, через них он сам входит в чувства своего героя и, действуя на сцене, начинает жить ими и их переживать.

Проводя параллель между основными регуляторными функциями психологических орудий, описанных в современной научной литературе, и функциями эмоциональной экспрессии, можно найти точки соприкосновения. Это в свою очередь может подтверждать выдвинутое в исследовании предположение, что эмоциональная экспрессия играет существенную роль в усвоении духовно-нравственной культуры, являясь одновременно и формой выражения, и психологическим орудием (средством) овладения этой культуры.

Результаты исследования студентов Татарского Государственного Гуманитарно-Педагогического Университета в 2006-2007 годах показали, что студенты высоко оценивают свой духовный потенциал. Они оценивают себя миролюбивыми и уступчивыми, способными разрешать возникшие в группе конфликты, свободными от духовных зависимостей, стремящимися быть праведными, справедливыми и честными, соблюдать правила приличия, характеризуют себя великодушными, щедрыми, умеющими оказывать помощь и т.д. Однако встает вопрос, каким образом находят проявление высшие духовные (внутренние формы) качества студентов в их экспрессивно – поведенческих особенностях и деятельности. Исходя из необходимости решения выдвинутой проблемы, в исследовании была поставлена цель, выявить соотношение духовных характеристик и эмоционально-экспрессивных особенностей молодых людей. В исследовании приняли участие студенты ТГГПУ.

Для реализации сформулированной цели были использованы следующие методики:

- вопросник «духовный дифференциал» (Г.А. Аминев в соавт.), построенный на основе принципа семантического дифференциала: духовная сила (ДС); духовная красота как совокупность духовных ценностей (ДК); духовная активность (ДА);

- само - и взаимооценка духовности личности (Г.А. Аминев в соавт.).

С помощью этой методики определяются следующие духовно- нравствен-

ные особенности: «духовная независимость» (НД), «слабость» (ПЛ); «кроткость» (Кр); «праведность» (Пр); «милосивость» (Мл); «чистота сердца» (ЧС); «миротворчество» (Мт); «правдивость» (Пв); «гонимость» (Гн);

- методика «ДЗ» (Л.М. Попов в соавт.), целью которой является оценка двух альтернативных черт личности по функциям качеств добра и зла;

- тест духовной деформации (Г.А. Аминев, Р.К. Аминова) выявляет наиболее акцентированные направления духовной деформации;

- методика изучения качественных - модальных эмоциональных особенностей (вопросник Л. А. Рабинович). С помощью этой методики, возможно, получить индивидуальные оценки по трем устойчиво доминирующим эмоциональным переживаниям - радость, гнев, страх, проявление которых не обязательно связано с чрезвычайными до степени эмоциогенными событиями, стимулами или ситуациями;

- методика «Измерение особенностей эмоциональной экспрессии» (И.Иранкова), которая выявляет основные экспрессивные характеристики: общая оценка экспрессивности, громкость голоса, темп речи, образность речи, грамматическая направленность речи, интонация голоса, двигательная активность, наличие лишних движений, мимика. Кроме того, оцениваются устойчивые модальностные особенности — страх, радость, гнев.

Транс-арт в психологических практиках

Частоколенко Я.Б.
Томский гос. университет

Разработанные нами теоретические положения о психологическом дизайне личности формами и средствами транс-арта стали основой для создания особых форм психологических практик, а также введения в практику школьного, коррекционного, дополнительного и классического высшего психологического образования эффективных приемов актуализации креативных возможностей человека, его личностного роста и самоактуализации.

Эти разработки и практики позволяют по-новому взглянуть на роль и место искусства как в динамике образовательных систем, так и в формировании культуры личности.

Основными идеями, лежащими в основе наших психологических практик, являются: 1) концепция психологического дизайна личности; 2) представления о транс-арте; 3) представления о феномене первичного творчества. Остановимся на этих идеях подробнее.

1. Психологический дизайн личности

Идея психологического дизайна личности связана с одним из самых важных аспектов человеческого бытия – адаптации к самому себе, поиску того, *«кто мной является»*, и далее к «проектированию» и построению себя, не противоречащего своим «истокам», тому, *«кто мной является»*.

В человеке слиты разнопорядковые, разноуровневые миры, *«иное с иным»*. Их соединенность при несводимости друг к другу и представляет собой проблему «психологического дизайна» личности. Тело, Душа и Дух – единение разного. В живом теле «сходятся» формы Духа, «опрозрачивающего» бытие и создающего соразмерность и соотнесенность иного с иным: плотного и тонкого, телесного и ментального, тела и Души [3]. С одной стороны, мы ловим *«божественную искру»*, высший замысел *«проекта человека»*, а с другой стороны, только через себя, через свое творчество мы способны осуществлять этот «проект», материализующий духовное и одухотворяющий аморфную материю.

В поисках оптимального средства для воплощения идей психологического дизайна личности, мы обратились к транс-арту, способному соединить в своих формах первичное творчество, психоэстетические переживания с гармоничным «самопроектированием», вплотную соприкасающимися с разнообразными духовными практиками.

2. Транс-арт как форма и средство психологического дизайна личности.

Транс-арт – это путешествие по «переходным мостикам» между различными видами и формами искусств. Транс-арт является уникальным средством, способным *свести в одно место телесное, духовное и душевное, при этом актуализировав и презентовав сознанию бессознательные процессы, причем не «абстрактные», а такие, которые входят в ментальность, определяющие глубинную структуру личности*. Транс-арт-ситуации вводят личность в такие состояния сознания, в которых создается потребность и возможность выхода за рамки стереотипного поведения, вступления в контакт с Неизвестностью. Встреча с Тайной происходит на основе интенсивного, глубокого погружения в поток художественно-психологических, психоэстетических переживаний. В данном случае АРТ – это не явление культуры или искусства, это состояние личности, способное проявляться через творческий процесс и результат.

К формам транс-арта относятся:

- **Синестетические эксперименты:** «супермодальные» синестезии (артикуляции, «переводы», трансформации) и синтеза новых психосемантических образований (метафор).

- **Транс-циклы** художественных произведений (музыка, живопись, литература, хореография)

- **Транс-арт-ситуации**, индуцирующие креативные фантазии-инсайты в широком спектре психосемантических модальностей и про-

странств: аудиальном, визуальном, кинестетическом, статусно-ролевом, социодраматическом, мифологическом, архетипическом, символическом, трансперсональном, духовном, холодинамическом.

3. Транс-арт и первичное творчество.

Первичное творчество непосредственно связано с законами творчества природы. Оно не интеллектуально, не абстрагируемо. Оно с одной стороны очень конкретно – являет единство мира в его формах и законах развития, а с другой стороны обладает *«пред-символьной»* и *«пред-образной»* глубиной, открыв которую личность получает доступ к самым основам рождения образов и явления символов.

Занятия первичным творчеством более всего напоминают занятия восточной гимнастикой: и в том и в другом случае внешнее действие с элементом медитации приводит к внутренней гармонизации личности. Наши многолетние исследования феномена первичного творчества показали интересные эффекты. Например, если участник творческой мастерской или арт-сессии был излишне возбужден, «раздерган» и «взвинчен», в ходе занятия он успокаивается, достигает равновесия и покоя. При этом на том же самом занятии, другая личность, изначально пребывающая в депрессии, «заторможенная», по ходу действия раскрывается, сбрасывает депрессивные «оковы». То есть, в ходе подобных занятий каждая личность получает именно то, что ей необходимо «здесь и сейчас». Но эффект транс-арт-сессий с первичным творчеством не ограничивается рамками одного занятия: личность обретает *универсальное средство для самогармонизации*. Подобные мастерские и арт-сессии оказались интересным средством работы с детьми разного возраста и разного уровня развития. При этом, *ведя групповое занятие мы получаем эффект индивидуальной работы*. Первичное творчество возвращает *взрослого человека* к эмоционально-открытому миру детства, когда взрослые освобождаются от груза собственной «социализированности» и «культурности». Речь взрослого человека, почувствовавшего дыхание первичного творчества становится образной, метафоричной. Сознание «открывает глаза», на те стороны *«внутренней реальности»* личности, которые в ее повседневном рационально-рассудочном состоянии закрыты и недоступны. Это не возврат к наивной целостности ребенка, а *восхождение к гармоничной целостности мудреца*.

В творческом пространстве транс-арт мастерской с первичным творчеством ярко и рельефно выступает «переходный мостик» между «духом и материей», *материализующий* духовный мир, эмоции, переживания и *дематериализующий* мир материальный, переводя «физическое» в тонкую ткань «психического». Первичное творчество – «место встречи» мира материального и духовного, встречи, порождающей бесконечное множество свободных, спонтанных и вероятностных «творчеств» и «со-

творчеств». Подобное творчество являет некую целостность, возвышающуюся над противоположностью субъекта и объекта [4].

3. Первичное художественное творчество – инструмент транс-арта.

Пробуждение природного эстетического чувства похоже на то, как пробуждается звук в струне. Если есть источник звука, а рядом поместить гармонирующую струну, то она начинает звучать. Так и во взаимодействии с миром – есть образ, эйдос, гармония мира, и личность вступает с ними в эстетический резонанс и в этом резонансе творит. *Первичное художественное творчество понимается нами как актуализация первичной креативности в пространстве эстетических переживаний.* Оно осуществляется через несколько простых способов игры с краской и пластическими материалами, при которых цвета и формы рождаются по законам самоорганизации материи. Такое творчество можно рассматривать как «камертон», настроенный на проявление и восприятие природной гармонии.

Первичное художественное творчество является простым и удобным практическим приемом, позволяющим актуализировать не просто «первичную креативность», а выводить на принципиально новый уровень «связку» первичных и вторичных процессов, гармонизируя разноуровневые миры личности. У подавляющего большинства участников наших творческих мастерских обнаруживается способность сплавлять и синтезировать свои вторичные и первичные процессы, свое сознательное и бессознательное, свое глубинное «Я» и сознающее «Я». В результате «слияния» первичные и вторичные процессы взаимообогащают друг друга, вследствие чего *меняется характер протекания и «первичных» и «вторичных» процессов.* «Связка» и сбалансированность первичных и вторичных процессов – это путь к психологическому здоровью и самоактуализации.

К «палитре» способов первичного художественного творчества относятся такие, в которых задействуются естественные, «природные» способы организации и самоорганизации исходного материала: будь то краска, воск или гипс [7, 9]. Сходство художественных форм и образов с природными объектами, такими как структура камня, виды Земли со спутника, галактиками не является результатом копирования природного объекта, это не «срисовывание с натуры». Способы первичного художественного творчества, такие как монотипия, гелиевая печать и многие другие задействуют те самые природные способы самоорганизации материи (и материальные, и энергетические), которые творят и микро- и макромир Вселенной.

В первичном художественном творчестве соединяются и взаимообогащаются творческие силы Природы и Личности.

Есть способы, при которых почти все делает природа: человек лишь «запускает» процесс самоорганизации. Есть противоположные ситуации:

человек прикасается рукою Творца к аморфной материи, которая раскрывается и развивается по законам своей самоорганизации, но на каждом этапе подчиняется направляющей воле Творца. Первичное художественное творчество - уникальный «инструмент» соединяющий творческие силы Природы и Личности, захватывающий эстетическое сознание и актуализирующий первичную креативность.

4. Прикладные аспекты психологического дизайна личности средствами транс-арта.

Наша практика – это 15 лет работы в детской творческой студии и творческих мастерских; в детском реабилитационном центре; со студентами психологических и педагогических специальностей; со слушателями курсов повышения квалификации работников культуры и образования.

В своей практике мы опираемся на следующие теоретические основания:

- Идеи гуманистической психологии о творческом развитии, самоактуализации, творческой свободе и спонтанном творчестве [5, 6].
- Коммуникативный подход, рассматривающий личность как иерархию разноуровневых коммуникативных миров [2].
- Теоретические положения о первичном творчестве и творческих коммуникациях [8, 9].
- Концептуальные положения об эстетическом сознании и транс-арте [1, 9].

Отвечая на современные тенденции развития арт-терапии, психологии творчества и психологии искусства, наш проект «Транс-арт в психологических практиках» представляет эффективные модели арт-терапевтической практики, базирующиеся на обращении к естественной эстетике и инструментарию первичного художественного творчества; разработана модель творческой мастерской, с максимальным использованием имманентных свойств АРТ для людей (и детей и взрослых), не умеющих рисовать в традиционном смысле этого слова.

Авторские методики актуализации креативности с использованием средств транс-арта представляют попытку ответа на современный социальный заказ общества по подготовке творческой активной личности, способной гибко и самостоятельно получать и использовать знания, ориентироваться в ситуациях неопределенности.

Литература

1. Видгоф В.М. О специфике и структуре эстетического сознания как формы освоения действительности. // Современное образование в контексте целостного подхода/ под ред. В.М. Видгофа. – Томск: ТГУ, 2005. – С. 68-79.
2. Кабрин В.И. Транскомуникация и личностное развитие. – Томск, Изд-во ТГУ, 1992. – 257 с.
3. Лаврова О.В. Глубинная топологическая психотерапия: идеи о трансформации. Введение в философскую психологию. – СПб.: «Издательство ДНК», 2001. – 424с.

4. Леонтьев. А. Н. Образ мира. // Избр. психолог. произведения, М.: Педагогика, 1983. – С. 251-261.
5. Маслоу А. Г. Дальние пределы человеческой психики. – СПб.: Евразия, 1997. – 430 с.
6. Роджерс К. Творчество как усиление себя. // Вопросы психологии, – 1990 – №3. – С. 165-175.
7. Частоколенко Я.Б., Котиков О.А. Монотипия как средство развития чувства цвета. /Методическое пособие. – Томск: Изд-во ОЦДО «Перспектива», 1999. – 42 с.
8. Частоколенко Я.Б. Первичное творчество в коммуникативном мире искусства. // Образование и искусство в формировании целостной личности: междисциплинарные стратегии и комплексные технологии (опыт, проблемы, перспективы): сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – Томск: ТГУ, 2005. – С. 121-124.
9. Частоколенко Я.Б. Динамические особенности первичного творчества. – Томск: ТПУ, 2005. – 266 с.
10. Частоколенко Я.Б. Мастерская «Психология творчества»/ Учебно-методическое пособие. – Томск: Изд-во ТПУ, 2005. – 52 с.

Ценности в структуре личности и их взаимосвязь с ответственностью личности

Шалдыбина О. Н.
Самарский гос. педагогический университет

Будучи фундаментальной характеристикой личности, ценности придают ей определенность. Концентрируясь вокруг Я-образа, они организуют мир эмоций и переживаний, оказывают существенное воздействие на мотивы поступков и действий, разрешают конфликты желаний, побуждений, устремлений. В целом структура личности влияет на процесс мышления и чувственный мир индивидуума, определяет его поступки и действия [12], [13].

Человек, обладая изначально присущей ему активностью, организует свой жизненный путь как целое, сохраняет свои важнейшие потребности, которые не удалось реализовать в настоящем, направляет всю свою жизнь на достижение главных ценностей [1]. Вкладывая в них силы, время, любые другие средства.

Смысловые универсалии выступают важнейшим фактором поведения человека и составляют некий свод законов, в соответствии с которым можно выработать систему действий. Определяя главные и не всегда постоянные отношения человека к миру, другим людям, самому себе, ценности, как *осознаваемые общие смысловые образования*, являются единицами сознания личности [4]. Иными словами, существование субъекта развертывается в поле напряжения между человеком и ценностями, ко-

торыми он наполняет свою жизнь. Точнее и удачнее всех данную проблему выразил А. Маслоу [8], заметив, что прямая дорога к нравственным и ценностным решениям идет через человека, через познание им своей природы, особенностей, через открытие правды в самом себе. Следовательно, чем глубже человек познает себя, тем легче, естественнее, автоматичнее будет решена им проблема ценностного выбора и как следствие, любого другого выбора. Именно они позволяют находить место для возможных способов поведения в иерархии одобрения - неодобрения и влияют на процесс личностного выбора. Личности нет там, где нет выбора [9]. Вопрос ответственности особенно актуален на фоне особенностей современного общества, поскольку необходимо учитывать его переменчивость и возрастание цены принятых решений. Н.С. Розов отмечает, что "... каждый должен ответственно принимать решения, и в том числе решения, какие ценности он должен учитывать в своей деятельности" [3].

По мнению Е.И. Головахи [5], в основе ценностных ориентаций личности лежит система воспринятых ею социальных ценностей. Ориентируясь в широком спектре смысловых универсалий общества, индивид выбирает из них те, которые наиболее тесно увязаны с его доминирующими потребностями. Предметы последних, будучи осознанными личностью, становятся ее ведущими жизненными ориентирами. От себя добавим, что тогда, те социальные ценности, которые не согласуются с доминирующими потребностями и индивидуальными ценностями потенциально могут служить источником ценностного противоречия.

Э. Шпранглер писал, что субъект с его мыслями, переживаниями и образами вплетен в грандиозную систему мира духа, общественного по своему характеру. Как духовное существо [10] человек не может рассматриваться в положении уединения, он должен мыслиться во взаимосвязи с обществом. Иными словами, человеческая душа вплетена в межчеловеческие общественные связи, она пронизывается общими ценностями жизни. Н.М. Магомедов [7] считал, что сам процесс общения представляется в виде обмена ценностями.

Ответственность за свои поступки, деятельность, за то, каким образом ценности личности влияют на общество в целом, готовность нести ответственность за возможные последствия – это ретроспективная ответственность, а ответственность за прогнозируемое влияние ценностей – перспективная ответственность.

Структура ценностей личности во многом определяет ее готовность быть ответственным; ситуации, в которых личность проявляет ответственность; определяет основания выбора.

Социальная жизнь была бы без них невозможной, так как с одной стороны, ценности вносят элемент предсказуемости, с другой стороны, именно под непосредственным влиянием микросреды формируется шкала ценностей человека. Единство когнитивного и чувственного, рациональ-

ного и практического позволяет личности избирательно относиться к окружающим явлениям и предметам, адекватно воспринимать и оценивать, устанавливать их субъективную (для себя) и объективную (для всех) ценность, то есть ориентироваться в мире культуры. В контексте нашей темы: адекватно совершать выбор, брать на себя определенные обязанности, нести ответственность за потенциальные последствия своих действий.

Общество располагает гораздо более широким спектром ценностей, чем тот диапазон возможностей, который имеется у индивида. Человеку необходимо иметь систему индивидуальных ценностных ориентиров, чтобы определять жизненные приоритеты, порядок постановки и реализации целей.

Человек погружается в поток той жизни, которую выбрал сам, ибо субъект всегда решает за себя, а "любое решение за себя - всегда формирование себя" [11; с.114].

Благодаря *базовым "опорным"* смысловым универсалиям, получаемым из социума, в структуре личности создаются новые, неповторимые, *уникальные ориентиры*, главные цели которых – преобразование действительности, связывание разнородных и частных интересов, низлежащих смыслов в единый, определяющий суть человека, взгляд на себя и окружающий мир. И здесь, мы придаем колоссальное значение балансу между двумя представленными категориями, балансу, который необходим для благоприятного функционирования личности.

Признание ценностей реально действующими имманентными регуляторами деятельности индивидов, которые оказывают влияние на поведение независимо от их отражения в сознании, *не отрицает существования не совпадающих с ними как по содержанию, так и по психологической природе* сознательных убеждений или представлений субъекта о собственных ценностях [6]. Иными словами существования ценностей истинных и декларируемых.

Если складывается противоречивое и двойственное отношение к внутренним нравственным ценностям: с одной стороны - "запрос" общества, с другой – следование индивидуальным ценностям, тогда возможно их рассогласование, конфликт. А конфликт в среде внутренних ценностей человека и противоречие между внутренними и внешними нормами влечет за собой состояние "подвешенности" [2]. Как следствие поведение становится менее последовательным, обусловленным внутренним состоянием личности, затрудняется возможность совершать выбор, адекватно брать на себя обязательства и нести ответственность за уже сделанное.

Библиографический список.

1. Абульханова-Славская К.А. Личностная регуляция времени// Психология личности в трудах отечественных психологов. Сост. Куликов Л.В.-СПб.: Изд-во "Питер", 2000.- 480с.

2. Бинсвангер Л. Бытие - в мире. Избранные статьи. Нидлмен Я. Критическое введение в экзистенциальный психоанализ. - М.: "Рефл-бук", К.: "Ваклер", 1999.- 336с. Серия "Актуальная психология".
3. Большой толковый психологический словарь. Т.2.(П-Я); пер. с англ./Ребер Артур. - ООО «Изд-во Аст», «Изд-во Вече», 2001. - 560с.
4. Братусь Б.С. Психология личности// Психология личности.Т.2. Хрестоматия. - Самара: Изд. Дом "БАХРАХ", 1999.-544с.
5. Головаха Е.И. Жизненная перспектива и профессионально самоопределение молодежи. Киев, 1988.
6. Леонтьев Д.А. Системно-смысловая природа и функции мотива //Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1993. N 2
7. Магомедов Н.М. Методология и методика свободного воспитания/ Самарский институт управления. - Самара: СИУ, 1995.-230с.
8. Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики. - СПб: Издат. группа "Евразия", 1997.- 430с.
9. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности. Учебное пособие для вузов. - М.: Школа-Пресс, 1995.- 384с.
10. Франкл В. Логотерапия // Тихонравов Ю.В. Экзистенциальная психология. Учебно-справочное пособие. - М.: ЗАО "Бизнес-школа" Интел-Синтез", 1998. - 265с.
11. Франкл В. Человек в поисках смысла. - М.:Прогресс, 1990.
12. Фрейд З. Основной инстинкт. М.: Олимп; ООО "Изд-во АСТ- ЛТД", 1997.- 656с.
13. Фромм Э. Душа человека. - М.: Прогресс, 1990. - 285с.

Субъектная активность человека в современном профессиональном пространстве

Юрикова А.А.
МИКИ, Казань

«Профессионал», «профессионализм» - эти понятия за последние 15-20 лет стали неотъемлемыми атрибутами перемен, происходящих в современном российском обществе. Процесс профессионализации рассматривается в работах многих авторов (Е.М.Борисова, Л.Г.Дикая, Е.П.Ермолаева, Э.Ф.Зеер, Е.А.Климов, Т.В.Кудрявцев, Н.В.Кузьмина, А.К.Маркова, Ю.В.Поваренков, А.Р.Фонарев), но ввиду различия исследовательских подходов авторских трактовок, ни единой общенаучной теории любого вида труда, ни единой дефиниции что есть «профессионал», на сегодняшний день не существует. С уверенностью можно лишь констатировать факт, что произошло *переосмысление* самого понятия "профессионал". «В прежней системе с плановой экономикой профессионалами считались квалифицированные специалисты; это были по сути тождественные понятия. Теперь, в условиях рыночной экономики, поня-

тие "профессионал" включает не только высокое владение информационными, селективными, когнитивными и деятельностными компонентами профессионального пространства, но и умение побеждать в свободной конкурентной борьбе за оплачиваемое рабочее место». [3, с.84] Дикая Л.Г. отмечает: «эпоха глобальной экономики требует качественно иного уровня профессионализма: более универсального, требующего соответствующего общецивилизационным нормативам подготовки специалистов и выполнению профессиональных функций на уровне мировых стандартов, а также обеспечивающего их конкурентоспособность как субъектов глобальных рыночных отношений». [2, с. 29]

Современный социально-профессиональный мир, по концепции Е.П. Ермолаевой, можно рассматривать как систему *"человек-профессия-общество"*. Находясь в фокусе этой системы, профессионал выступает как субъект, наделенный одновременно социальной, индивидуальной инструментально - операциональной функциями. В рамках данной модели Е.П. Ермолаевой проанализированы профессиональные системы разного уровня и проведена психологическая периодизация профессиональных эпох - социально-исторических периодов, характеризующихся качественным своеобразием отношений: *внутрисистемных* - между профессионалом, статусом профессии и социальными процессами в данном обществе; и *межсистемных* - по отношению к достигнутому на соответствующий исторический период общецивилизационному уровню развития профессиональных отношений. Выделены и описаны три эпохи, соотносимые с современными психологическими особенностями реализации профессионала: *эпоха профессиональной изоляции и профессиональной диктатуры советского периода; эпоха перемен; эпоха глобализации*, предлагающая новые правила поведения, ценностные ориентиры и критерии профессионального соответствия, когда каждый из элементов системы «человек - профессия - общество» приобретает качество, соотносимое с метасистемой глобального мира. [2, с.31] Одной из насущных проблем «реальной психологии профессионала», по мнению Е.П.Ермолаевой, является сложность формирования «профессионально сущностного и целостного представления человека о своей роли в профессиональном процессе, без которого невозможно достижение высшего уровня профессионального мастерства». Причину этого явления, она связывает с тем, что «формирование идентичности у современного профессионала зачастую носит "размытый" характер, связанный с унификацией трудовых операций в результате применения сходных технических средств деятельности в разных профессиях». [3, с.85]. При переходе от одной эпохи к другой профессионал каждый раз вынужден преодолевать новый для него пик рассогласования между социальной и профессиональной идентичностью. Рассмотрев разные стратегии преодоления кризиса профессиональной идентичности, Е.П.Ермолаева показала, что осознание профессионального труда

как цели самореализации знаменует собой переход профессионала в более высокую категорию. *Субъектная активность* при постановке цели повышения эффективности процессов преобразования профессионального пространства и себя в нем - прерогатива профессионалов высшего класса [2, с.23]. В *концепции идентичности/маргинализма* Е.П.Ермолаевой на базе противоположных мотивационно-ценностных характеристик были выделены два полярных эталона - "инварианты идентичности" и "инварианты маргинализма". Первый содержал аспекты личностного отождествления с профессией, такие как творческая самореализация, мотив совершенствования мастерства, стремление к повышению социальной ценности профессионального вклада. Второй – объединяет четыре «ядерных» свойства маргинализма: неадекватность ментальной базы профессии, «потребление профессии» (отношение к ней, как средству удовлетворения личных потребностей, а не как к "конструктивной цели"); имитация профессиональной деятельности (демонстрирование внешней атрибутики профессии) и профессионального сознания (смысловая трансформация и двойная мораль); «пограничное пребывание» человека в профессии – «эффект края» (безразличие – фанатизм, деидеологизация - сверхидеологизация, пассивность-агрессивность и т.п.) [4] В отличие от известных понятий личностной и социальной маргинальности, термин *«профессиональный маргинализм»* определяет маргинальный статус по отношению к «социально востребованной норме профессионала», характеризует удаленность от этой нормы и несет «знаковую» функцию социально негативного явления. [5,с.58] Среди профессий, наиболее подверженных искажению социальной функции, можно выделить группу профессий, от которых непосредственно зависит повседневная жизнь и психологический комфорт людей (врачи, учителя, воспитатели, психотерапевты), - призванные быть самыми гуманными, но все более утрачивающие черты милосердия и человеколюбия. [5, с.57] Профессиональный маргинализм появляется везде, *где человек* (пациент, клиент, ученик) *перестает быть субъектом*, а становится объектом, т.е. лишается своей личностной сущности одушевленного существа и воспринимается врачом, судьей учителем, воспитателем, чиновником лишь как объект манипуляций (профессиональных или должностных) и досадный источник личного неудобства. [5, с.75] В России сильны исторические корни профессионального маргинализма – комплекс условий, препятствующих обретению профессиональной идентичности: социальный остракизм таланта, идеология общинности, властный и чиновничий произвол, злоупотребление служебным положением <...> Профессионал как ярко выраженная индивидуальность был не предметом восхищения, а предметом осмеяния, изгнания, наказания за непохожесть <...> Главное историческое наследие – психология пассивности людей... [4, с.54]

Перед современным человеком, живущем в мире процессов, протекающих с невиданной скоростью и интенсивностью, с одной стороны, открывается доступ к новым возможностям для самореализации; с другой стороны, условия нестабильности создают ситуацию дезорганизации и «потерянности». Именно в этом контексте особо востребованными становятся специалисты, чье профессиональное призвание – оказание психологической помощи, оказание помощи человеку, ищущему себя в новых реалиях, - психотерапевты, практические психологи. В.В.Макаров замечает: «После разрушения идеологии индивидуальное развитие человека у нас в стране стало ничьей территорией. А между тем индивидуальное развитие человека – территория культуры. Психотерапия здесь и составляет значительную часть культуры. Психотерапия – это, с одной стороны, мировоззрение и практическая философия жизни, с другой стороны – система практических психологических приемов и технологий достижения поставленных целей».[8, с.20] Практическая психология в России начала свою историю сравнительно недавно – на рубеже 80-х гг. XX – го столетия. Процесс становления профессии практического психолога совпал с переменами, происходящими в российском обществе. Мы стали свидетелями беспрецедентного «психологического бума». Профессия «психолог – практик» стала массовой. Но и по сей день открытым остается вопрос: к чему более тяготеет психология - к науке или к искусству. Учитывая, что в практической психологии, пожалуй, как ни в одной другой профессии, велико число людей, «выходцев» из других профессиональных сфер деятельности, очевидна актуальность проблем профессионального самосознания, профессиональной идентичности. Эмпирические исследования служат тому подтверждением. В.М.Просекова, изучавшая динамику профессионального самосознания психологов-практиков, утверждает, что субъективно идентифицируют себя с профессионалами только психологи, проработавшие в данной профессии более 7 лет. Также она отмечает, что достижению профессиональной идентификации препятствуют конфликтные личностные смыслы. При анализе эмпирических результатов проведенного нами исследования [9], можно сделать вывод о том, что период профессиональной деятельности практических психологов от 4-х до 7 лет — является «профессиональным кризисом», где профессиональное самоопределение и реализация накладываются на профессиональную адаптацию и вновь требует усилий по самоопределению. Анализ результатов группы профессионалов, имеющих профессиональный стаж от 4-х до 7 лет, представляет весьма противоречивую картину <...> У профессионалов именно этой «временной» группы имеются более выраженные показатели синдрома эмоционального выгорания. Следует отметить, что для большей части профессионалов этой группы, психология является не базовым, а дополнительным специальным образованием. Это

лишь подтверждает актуальность круга вопросов, касающихся профессионального самосознания практических психологов.

Конструктивным, на наш взгляд, представляется ход рассуждений А.Г.Лидерса о профессиональной позиции практического психолога. «Методическим приемом аналитического сравнения будет противопоставление позиции практического психолога позициям врача, педагога – воспитателя, юриста и священника <...> Для методических целей можно упростить описание позиций каждого из указанных профессионалов до двух основных компонентов, двух составляющих позиции: ведущей, главной, базальной деятельности профессионала в этой позиции и основной онтологической категории, сквозь которую профессионал как бы видит своего клиента. Итак, позиция – это ведущая деятельность и онтологическая категория как нечто единое, как две стороны одной медали.[6, с.14] Ведущая деятельность практического психолога по отношению к клиенту есть их со-развитие, со-личностный рост... Гипотезой об онтологической категории практического психолога, сквозь которую он видит своего клиента, будет гипотеза о категории личностного роста, культурной продуктивности. (с.29) Р.Загайнов профессию психолога считает не только «труднейшей (по технологиям, вкладываемым усилиям и другим составляющим), но и жестокой, безжалостно отсеивающей психологов, не справляющихся с теми задачами, за решение которых волею судьбы им пришлось браться <...> В своих лекциях я, обращаясь к студентам, так и говорю: Вы будете психологически поддерживать и лечить целое поколение людей, которые на протяжении своей сознательной жизни думали одно, говорили другое, а делали третье. И в итоге получилось то, что определяется медициной как «расчлененное сознание». И именно на психолога, оружием которого является слово, возложена важнейшая для жизни государства миссия в кратчайшее время навести возможный порядок в духовном хаосе каждого отдельного человека, в хаосе его внутреннего мира». Созвучную тему мы находим у К.А.Абульхановой: «Что происходит, когда общественные нормы подавляют личность, ограничивают ее активность? В этом случае (типичном для недавнего периода жизни нашего общества) происходило не только внешнее ограничение активности, не только возрастание внешнего контроля. Приходится признать, что общественные структуры и приведение в действие были таковы, что разорвали органическую целостность структур психики и личности <...> В результате возникли совершенно особые способы пассивного осуществления деятельности, превращенные, парализованные формы активности. Активность... оказалась расщепленной, деформированной благодаря потере личностью роли субъекта деятельности».

В общей картине активности, обнаруживаемой человеком, можно выделить специфический для человека вид активности – *субъектную активность*. Проблема субъектной активности, т.е. активности, развиваемой

самим субъектом, им самим организуемой и контролируемой, стала предметом пристального изучения сравнительно недавно. Даже в работах основных разработчиков понятия «субъект» (Б.Г.Ананьева, С.Л.Рубинштейна, А.Н.Леонтьева и других) эти аспекты не дифференцируются. [8, . 6] А.К.Осницкий считает, что при рассмотрении проблемы субъектной активности целесообразно различение «субъектного», «субъективного» и «личностного». Специфичность саморазвития, самоорганизации субъекта в том и заключается, что в процессе становления, развития человека активность, возникающая в ответ на воздействия окружающей ситуации, сменяется собственной активностью по поиску того, что представляет смысл для его жизнедеятельности: с чем следует вступать во взаимодействие и что следует преобразовать в его интересах. (с.10) В этом виде активности человек выступает автором собственной активности. Формой существования субъектности, по мнению А.К.Осницкого, является осознанная саморегуляция деятельности и поведения, а вопрос о развитии субъектности и есть вопрос о развитии инструментария, развитии средств объективации... Человек в субъектных проявлениях всегда обращен сознанием к поиску и определению задач, поиску средств их успешного решения и поиску средств согласования собственных устремлений с усилиями других людей. (с.11) Субъектная активность перед внешним наблюдателем предстает в виде реализуемых регуляторных умений, служащих преодолению неопределенности с привлечением информационного обеспечения субъектного опыта.(с.16) Формирование субъектности и соответствующей ей активности обеспечивает человеку успешность в деятельности и различных аспектах социальной адаптации. (с.18) Проблема субъектной активности профессионала активно разрабатывается Л.Г.Дикой. Она отмечает: «наши данные позволили определить необходимые на современном этапе развития профессиональной среды *существенные изменения в субъектной активности профессионала*: возрастание самостоятельности во взглядах и поступках людей; переосмысление прежних норм и ценностей; рост чувства независимости по отношению к воздействию со стороны организации и общества; усиление чувства ответственности за выбор профессии и место работы; возникновение потребности в повышении квалификации ради достижения определенных целей, в том числе за счет профессиональной переориентации.[2, с.33] Л.Г.Дикая утверждает[1, с. 145]: «Применительно к проблематике профессиональной адаптации, в том числе в условиях глобализации, наиболее продуктивен аспект рассмотрения *«субъектности личности»*, где человек выступает как преобразователь самого себя и своей жизни, как субъект решения своих жизненных проблем. Именно этот принцип лежит в основе поведения идентичного профессионала».

Литература

1. Дикая Л.Г., Ермолаева Е.П. Направления психологической адаптации профессионалов в условиях глобализации //Вестник Российского гуманитарного научного фонда. - 2005. - №4 - С. 140-150
2. Дикая Л.Г. Актуальные проблемы и перспективы исследований в психологии труда в условиях глобализации // Психологический журнал. – 2007.- Т.28, №3. – С. 29 – 44
3. Ермолаева Е.П. Преобразующие и идентификационные аспекты профессиогенеза. //Психологический журнал. – 1998. - Т.19, №4 – С.80-87
4. Ермолаева Е.П. Профессиональная идентичность и маргинализм: концепция и реальность (статья 1) //Психологический журнал. - 2001. – Т. 22, №4 – С. 51-59
5. Ермолаева Е.П. Теневые функции должностной роли в структуре профессионального маргинализма //Психологический журнал. - 2003. – Т. 24, № 3 – С. 56-65
6. Лидерс А.Г. Психологический тренинг с подросткамиб Учеб. Пособие для студ. Высш.учеб.заведений. – 2-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 256 с.
7. Макаров В.В. Избранные лекции по психотерапии. – 2-е изд., перераб. И доп. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. – 432 с.
8. Осницкий А.К. Проблемы исследования субъектной активности //Вопросы психологии. -1996. - №1. – С. 5-19
9. Юрикова А.А. Исследование выраженности синдрома эмоционального выгорания психологов-практиков с различным стажем профессиональной деятельности //Психотерапия. - 2005. - №1. – С.39-40

Общение и коммуникативная деятельность в контексте гендерного взаимодействия в информационном обществе

Яныкина А.Н.
АСО, КСЮИ, Казань

Категории «коммуникация» и «общение» являются близкими по смыслу. Однако для оценки взаимодействия полов в условиях информационного общества предпочтительнее было бы рассмотреть эти понятия отдельно.

Когда говорят о коммуникации в обществе (межличностной, групповой, массовой) на первый план выходят средства и способы передачи информации. Общение же между людьми предполагает нечто большее, чем просто обмен информацией. Как отмечали классики отечественной психологии Л.С. Выготский и А.Н. Леонтьев, общение является не только видом человеческой деятельности, которым индивиды овладевают в процессе своего развития, но и необходимым условием интеграции человека в общество. Это своего рода разновидность взаимодействия, направленного на достижение субъектом поставленных целей.

Учитывая тот факт, что в зависимости от типа партнера общение может приобретать самые разнообразные формы – от общения с реальным партнером (подлинным субъектом) к общению с иллюзорным партнером (субъективированным объектом) или с воображаемым партнером (квазисубъектом) – происходит трансформация и смещение от мира реального в мир виртуальных объектов. Взаимодействие человека с компьютером все более тяготеет к процессу общения, а не коммуникации, поскольку приобретает не только информационный, но и духовный и деятельностный характер.

Казалось, что в мире информационных потоков гендерное взаимодействие будет реализовано полностью. Информационная инфраструктура общества все более способствует распространению усовершенствованных технологий обработки информации, которые становятся главным средством, гарантирующим реализацию двух сверхзадач - выживания человечества и развития информации. Под таким воздействием изменился «жизненный мир» людей. Сегодня информация и информационные технологии активно используются в выработке социальных технологий управления общественными процессами. В современном обществе необходимым условием принадлежности к «информационной элите» является не столько возможность быть у власти, сколько участие в открытиях, в создании информации «о возможных при определенных условиях формах общественного бытия и связанного с ними кода общественного поведения».⁵ Это так называемые *виртуальные формы общественного бытия*, которые возникают при взаимодействии человека с компьютером и которые позволяют индивиду войти в мир виртуальной реальности. Однако любому достижению социального прогресса свойственны и определенные опасности. Опасность виртуальных форм связана с тем, что она стирает грань между мысленной игрой и реальной жизнью, а это изменяет тип социального действия со всеми вытекающими как позитивными, так и негативными последствиями.

Для большинства людей наступление информационной эры обернулось новыми психологическими проблемами. И, не смотря на свою парадоксальность, на первый план выдвигается проблема дефицита общения и одиночества. Количественные параметры данного процесса начинают преобладать над его качественными характеристиками – происходит подмена многоаспектного процесса общения набором простейших коммуникаций.

Никто не оспаривает тот факт, что человеку присуще персонифицировать представителей животного мира и одушевлять неживые объекты. Данный процесс набирает силу при взаимодействии субъекта с вычислительной техникой - многие пользователи ожидают, что компьютеры будут вести себя при обмене информацией и действиями подобно людям. Од-

⁵ Волков Ю.Г., Поликарпов В.С. Человек: Энциклопедический словарь. – М.: Гардарики, 1999. – С.142.

нако необходимо учитывать, что общение представляет собой взаимосвязь трех основных процессов: коммуникативного, интерактивного и перцептивного.

Коммуникативный процесс состоит в обмене информацией между общающимися сторонами. Не стоит упрощать данный процесс и низводить его до единичной коммуникации. В процессе общения мы имеем дело с активными партнерами, что способствует не только движению информации по направлению друг к другу, но и ее формированию, развитию с учетом ориентировки на партнера, а также получения сигнала обратной связи о своем поведении. Кроме того, коммуникативное воздействие и влияние эффективно только в том случае, если партнеры обладают близким пониманием ситуации общения.

В процессе общения необходимо не только обмениваться информацией, но и организовывать обмен действиями, планировать общую деятельность, что возможно только при условии знания партнера – познавая партнера формируется и развивается и сам индивид, что в конечном итоге определяет успех совместных действий.

И, наконец, самое важное – это восприятие друг друга партнерами по общению и установление на этой основе взаимопонимания. С позиций перцептивного аспекта в процессе общения одновременно происходят несколько процессов: эмоциональная оценка друг друга, попытка понять поступки партнера, построение стратегии поведения.

Таким образом, в информационном обществе при построении стратегии гендерного взаимодействия и мужчинам, и женщинам необходимо принимать во внимание потребности, установки и мотивы другого. В процессе общения каждому партнеру придется осознавать себя через другого, что реализуется в процессе идентификации и рефлексии.

С одной стороны, «жизненный мир» современного человека вбирает в себя многочисленные инновации, связанные с модернизацией и рационализацией общественного производства - технизация и инструментализация, которые приводят к дифференциации изначально присущих ему средств для достижения рационально мотивированного согласия в обществе.

С другой, даже подвергаясь определенной модернизации, «жизненный мир» остается консервативной структурой, аккумулирующей основные интерпретирующие стратегии прошлых поколений, структуры, в рамках которых имело место удачное разрешение проблемы самореализации.

В настоящее время для индивидуума открылись новые возможности во всех сферах жизнедеятельности. Но эти возможности лишены в большинстве случаев социальных гарантий. Исходная ситуация и перспективы связаны с множеством амбивалентностей. Изменения произошли как в «жизненном мире» женщин, так и мужчин. Заинтересованности женщин в самостоятельных экономических гарантиях и интеграции в индивидуали-

зирующую профессиональную деятельность противостоит заинтересованность в партнерстве и материнстве. Двойственность положения между своей жизнью и жизнью ради других при новом осознании показывает нерешительность процесса женской индивидуализации. В то же время при равенстве в уровне образования мужчины профессионально опережают женщин. Само слово «равноправие» для мужчин и для женщин имеет разный смысл: для женщин оно означает больше образования, лучшие профессиональные шансы, меньше работы по дому; для мужчин – больше конкуренции, отказ от карьеры, больше работы по дому. Многие мужчины полагают, что вполне соединимы равноправие и сохранение разделения труда. Как утверждала Симона де Бовуар, женщине постоянно предлагают выбрать из двух зол: «или она находит себе применение, но при этом порабощена; или она освобождается, но не находит себе применения».⁶

Положение полов в обществе во многом определяется социально-экономическими, политическими предпосылками, а также морально-нравственными принципами и установками, определенными психологическими детерминантами поведения, которые позиционируются в обществе как наиболее предпочтительные. Каждый сам формирует тот жизненный сценарий, который пытается осуществить на протяжении всей своей жизни. К самореализации современных мужчин и женщин побуждают, как правило, не нравственные правила, не предрассудки, существующие в обществе, а стремление к свободе. Например, в середине 50-х годов XX века французская исследовательница и философ, которую многие поколения считают основоположником интеллектуального феминизма во Франции, Симона де Бовуар задается вопросом: в чем суть так называемого женского удела, что стоит за понятием природного назначения женского пола, способна ли женщина реализовать себя в существующем обществе, почему ее положение отличается от положения мужчины, что ограничивает свободу женщины и возможно ли эти преграды преодолеть.⁷ Проведя историко-аналитическое исследование положения женщины в разных общественных системах, С. де Бовуар приходит к выводу, что многие женщины смирились со своим положением как несущественного элемента человеческой истории, которому никогда не стать существенным. Причину такой безысходности в представлении о женском предназначении она видит в том, что женщина сама не изменяется, не осуществляет перехода из несущественного в существенное. Мужчины с самого начала человеческого существования были зависимы от женщины как минимум по нескольким параметрам - сексуальное желание и желание иметь потомство.

⁶ Бовуар С. де. Второй пол. Т.1:Пер. с франц./Общ. ред. и вступ. ст. С.Г. Айвазовой, комментарии М.В. Пристовой. – М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. – С. 172.

⁷ Там же. – С.172.

В настоящее время ситуация не только не изменилась, но и наоборот усугубилась тем, что мужчины стали «зависеть» от женщин и в социальном плане. Социальной дискриминации подвержены теперь не только женщины, но и мужчины. И не смотря на то, что она кажется мужчинам незначительной и несущественной, но в реальности ее моральные и интеллектуальные последствия для обоих полов могут быть очень значительными.

Любые изменения в обществе начинаются в первую очередь с самих индивидов, с изменений, происходящих, прежде всего, в содержании их ценностных предпочтений, а затем уже в действиях, поступках. Духовное развитие индивида происходит именно тогда, когда ничто внешне не говорит об изменениях. По истечении определенного интервала времени, человек начинает видеть многое в ином свете и то, чем он раньше восхищался, высоко ценил, теряет свою былую привлекательность. Проблемы же гендерного взаимодействия во многом определяются активным участием в коммуникативной деятельности, умением выстраивать тактику и стратегию процесса общения с лицами противоположного пола. Повысить эффективность общения и коммуникативной деятельности в обществе возможно, на наш взгляд, только при одном условии - изменении самосознания субъектов взаимодействия, так как у современных мужчин и женщин, не смотря на все нововведения, не меняется основная линия жизни, ценностные пристрастия, что выражаются в присущей каждому из них характеру поступков и их направленности.

4. Психология терроризма

Психологические и психофизиологические особенности терроризма и жестокости

Аболин Л.М., Розенталь А.Н., Садрисламов Г. Ф.
Казанский гос. университет

История терроризма уходит своими корнями в глубь веков. Немало трагических страниц было вписано в нее античными тиранами, исмаилитами, ассасинами, якобинцами, карбонариями, народовольцами, большевиками и др. Но наибольший размах волна терроризма приобрела в XX веке, превратив его в страшное и неотъемлемое явление современности, беспрецедентное по масштабам и неожиданное по формам (см. И.Я. Вагман и др., 2005).

Террор с точки зрения психологии – состояние очень сильного страха (ужаса), возникающее как реакция на некоторые действия, имеющие целью вызвать именно это состояние у тех, в отношении кого они осуществляются или же тех, кто является их свидетелем. То есть террор есть цель и результат используемых для их достижения действий и методов.

Террор складывается из террористических актов, которые осуществляют террористы. Последние подразделяются на инициаторов, организаторов и исполнителей террористических актов. Методы осуществления террора могут быть разными в зависимости от вида террора. Принято выделять физический, политический, идеологический и экономический террор (см. Д.В. Ольшанский, 2002). Состояние ужаса можно вызвать, лишив человека спокойствия и безопасности в любой сфере (в зависимости от того, насколько данная сфера значима для него), однако чаще всего это происходит в физической сфере, когда возникает непосредственная угроза самой жизни и физической безопасности.

Терроризм – это обобщенное понятие, обозначающее уже комплексное явление, включающее страх и ужас как цель определенных (террористических) актов и действий, сами акты и действия, их конкретные результаты и весь спектр более широких последствий. Важно отметить, что психологически терроризм – это еще и способ жизни, мышления и особой деятельности, включая ее мотивы, идеологические основания и оправдания тех, кто использует террор как цель (иногда как самоцель) и средство достижения своих потребностей и интересов, то есть террористов. Для любого террориста важным является вопрос о мотивировке, то есть о том, как он сам объясняет свои действия самому себе. Анализ реальных субъективных мотивов, которыми руководствуются люди, совершающие террористический акт, позволяет выделить несколько групп таких мотивов. Во-первых, это меркантильные мотивы – террор представляет собой способ заработать. Во-вторых, это идеологические мотивы. Они основаны

на совпадении ценностей человека с идеологическими ценностями группы, организации, политической партии или любой иной идейно-политической силы. Множество существующих идеологических мотивов подразделяются на мотивы идейно-политические, чисто политические, религиозные, социальные и т.д. В-третьих, мотивы преобразования мира. Это очень сильные мотивы, связанные с пониманием несовершенства и несправедливости существующего мира и настойчивым стремлением улучшить, преобразовать его. Как правило, мотивы такого рода в той или иной степени присущи, прежде всего людям, профессионально занимающимся террором. Для них террор и есть и инструмент, и цель преобразования мира. В-четвертых, это мотив своей власти над людьми. Хотя далеко не всякий террорист признается в наличии такого мотива, тем не менее, через насилие террорист утверждает себя и свою личность, обретая власть над людьми. Вселяя страх, он усиливает эту власть. В-пятых, мотив интереса и привлекательности террора как сферы деятельности. Таких людей занимают связанный с террором риск, разработка планов, всевозможные детали подготовки к террористическому акту, нюансы его осуществления. В-шестых, «товарищеские» мотивы эмоциональной привязанности в разнообразных вариантах – от мотивов мести за вред, нанесенный товарищам по борьбе, единоверцам, соплеменникам, родственникам и т.д., до мотивов традиционного участия в терроре. Эта группа мотивов основана на сугубо эмоциональных факторах и обычно не имеет никаких рационализирующих мотивировок. В-седьмых, мотив самореализации. Это парадоксальный мотив. С одной стороны самореализация – удел сильных духом людей, наиболее полное осуществление личности, ее полная самоотдача, растворение человека в террористическом акте, вплоть до самопожертвования. Однако, с другой стороны, такая самореализация – признание ограниченности возможностей и констатация несостоятельности человека, не находящего иных способов воздействия на мир, кроме насилия и деструкции.

Перечислив возможные группы мотивов, которыми могут руководствоваться террористы, важным для понимания терроризма является вопрос о личности террориста. Именно личность, в целом, внутренне преобразует мотив, как предмет потребности, в тот или иной вариант деятельности и поведения, направленных на достижение этого мотива, то есть на удовлетворение потребности. В общем виде основные качества личности террориста известны достаточно хорошо. Обычно они выступают как требования к членам террористических организаций. Отчетливо выделяются шесть базовых качеств: преданность своему делу (террору) и своей организации, готовность к самопожертвованию, выдержанность (дисциплинированность), «конспиративность», повиновение, коллективизм – способность поддерживать отношения со всеми членами своей боевой группы. Однако, все не так просто: А. Ратинов (1979), принци-

ально различая преступников и не преступников и отдельные категории преступников между собой, отмечал, что это не одно какое-то свойство или их сумма, а качественно неповторимое сочетание и особый при этом «удельный вес» каждого. Это сочетание пока еще неизученный комплекс личностных особенностей, которое имеет характер системы. В связи с этим, помимо, условно говоря, статичных характеристик (особого рода «целостность») личности террориста, не меньший интерес представляют ее динамические характеристики. Они же прямо противоположны статичным. В динамике личность террориста – непрерывное колебание по синусоиде с широчайшей амплитудой, от демонстрируемой абсолютной веры в свою правоту до ее внутреннего отрицания или, по крайней мере, достаточно частых сомнений. Это метание между абстрактными глобальными идеями, «великими мотивами» и, чаще, мотивировками, и конкретными акциями, скучной, рутинной работой. Это постоянно неустойчивая самооценка, которую приходится подтверждать все новыми террористическими действиями. Именно нестабильность самооценки представляет собой важнейший фактор экстремального поведения. И здесь неважно, завышенная она или заниженная, важно, что она неадекватная и, как правило, неустойчивая (Д.В. Ольшанский, 2002).

Исходя из этого, возникает вопрос о том, насколько в поведении террориста присутствует патологический компонент. Общепризнанной является констатация того, что террорист – личность акцентуированная, т.е. определенные черты личности выражены необычно сильно, ярко, не вполне «нормально». Это прекрасно понимал еще Ч.Ламброзо, разделявший откровенно преступный (дегенеративный, атавистический) анротип и отличный от него так называемый нравственно порочный психотип «привычного преступника». Террориста нельзя отнести к откровенно преступному типу. В большинстве случаев это все-таки далеко не маньяк, не тот «прирожденный преступник», который самореализуется, совершая привычные атавистические преступления. Тем более что подобный тип достаточно редко встречается даже в откровенно криминальной среде – основную массу такой преступности составляют так называемые криминалоиды, случайные преступники без существенных признаков явной дегенерации. Террорист по своему психическому складу наиболее близок к тому, что Ч. Ламброзо называл «привычным преступником» - «не случай обуславливает преступление привычных преступников, а они сами создают внешние события, обуславливающие преступление». Клинико-психологически это соответствует тому, что принято называть эпилептоидной психопатией – такой конституциональной деформацией личности, при которой личность отличается неспособностью отличать добро и зло, часто путая их местами.

Как указывает Д.В. Ольшанский (2002) «патологический компонент» в психике террориста находится на своеобразной условной шкале, где-то

между явной акцентуацией характера, на одном полюсе, и психопатией, как иногда называется, эпилептоидного типа – на другом полюсе. Как правило, логика и мышление террористов носят путанный и противоречивый характер. В эмоциональном плане выделяются два крайних типа террористов: предельно «холодный», практически безэмоциональный вариант и вариант эмоционально лабильный, склонный к сильным проявлениям эмоций в несвязанной с террором сфере: когда снимается обычно жесткий контроль над эмоциями при подготовке и осуществлении террористических актов. С эмоциями связаны морально-нравственные проблемы («комплекс греховности»), иногда мучительные для террористов при достаточно высоком уровне образования и интеллектуального развития. В более упрощенных вариантах террорист лишен таких проблем и выступает как бездушная «деструктивная машина». По мнению Д.В. Ольшанского (2002), психологический анализ позволяет выделить три наиболее ярких варианта такой «террористической машины». «Синдром Зомби» - состояние постоянной сверхбоеготовности, своего рода «синдром бойца», постоянно нуждающегося в самоутверждении и подтверждении своей состоятельности. Он присущ террористам-исполнителям, боевикам низшего уровня. «Миссионерство» - основной психологический стержень «синдрома Рэмбо». «Рэмбо» не может (хотя и умеет) убивать «просто так» - он обязательно должен делать это во имя чего-то высокого. Поэтому ему приходится все время искать и находить те или иные, все более рискованные «миссии». К основной психологической характеристике «синдрома камикадзе» прежде всего, относится экстремальная готовность к самопожертвованию.

Говоря о характере и темпераменте террориста, следует отметить, что в психологии известно достаточно много исследований, посвященных изучению связи свойств темперамента и склонности к противоправным, преступным действиям. В частности, Г.Айзенк (1964) считал, что склонность к преступлениям обусловлена наследственно и находится в тесной связи с темпераментом индивида. В противовес данному мнению высказывалась мысль о том, что независимо от того, какими свойствами темперамента обладает человека, если он находится в криминогенной среде, рано или поздно она может сделать из него преступника (К. Popiszyl, 1973). Конечно, среда влияет на личность, однако вопрос не в том, что может сделать из человека террористическая среда, а как он в нее попадает. Представляется, что определенные свойства темперамента (как психофизиологическая основа личности - повышенный невротизм в противовес эмоциональной устойчивости; интроверсия как недооценка социальных контактов; низкий уровень социального общения) выступают в качестве определенных предикторов развития личности террориста. Это предположение подтверждается и другими научными данными. В частности, Л. Гозман и Е. Шестопап (1996) указывают, что члены террористи-

ческих групп характеризуются высоким невротизмом и очень высоким уровнем агрессии. Им также свойственно стремление к поиску острых ощущений – обычная жизнь им кажется пресной скучной и, главное, бессмысленной.

В целом, можно сказать, что современная цивилизация обязана научиться защищать себя от терроризма, разрабатывать и проектировать систему решительных мер борьбы с терроризмом. Однако, эти меры должны быть адекватными и справедливыми. Мысль о том, что террористы борются против христианской цивилизации или мысль об отождествлении ислама с радикализмом неверна и опасна. Эта мысль для мусульман унижительна и психологической наукой не подтверждается. Жестокость и подлость – были при любой религии и вне религии: католики живьем сожгли Джордано Бруно, православные царским указом гноили в земляной яме, и затем сожгли Аввакума; атеист А. Каганович, взрывая храм Христа Спасителя заявил: «А сейчас мы задерем подол матушке России» (см. А. Баркашов, 1994). Поэтому, нельзя говорить об исламском терроризме.

Психологами установлено, что террористы (агрессоры) бывают двух типов – не контролирующие себя и контролирующие. Некоторые, как отмечалось выше, доводят число криминальных агрессоров до семи типов. Некоторых из, например, «Пилотов – камикадзе» относят к трусливым типам. Однако, соглашаться с этими никак нельзя. Ведь доказано, что жестокость косвенно связана с доминированием мужского гормона – тестостерона. «Камикадзе» - психологически это не просто криминальный агрессор, но и одновременно сознательный самоубийца и жестокий, безнравственный вершитель «суда». Его криминальные действия, по мнению ряда исследователей, обусловлены специальной психологической подготовкой в субкриминальной (террористической) среде. Но не любой человек способен стать террористом и тем более камикадзе.

Сотрудниками психологической лаборатории БашГУ под руководством Г. А. Аминова было установлено, что способность к жестокости, к приобретению установки терроризма, определяется не только состоянием отдельных контролирующих отделов мозга (лобные доли, миндалины), но и нейромембран и даже субмолекулярных структур. Жестокость на 36 % определяется легкостью потери с мембран низкомолекулярных соединений, на 25 % нарушением синтеза ДНК из – за интеркаляции между основаниями чужеродных молекул. На процессы принятия жестоких решений влияет также состояние дофаминовых рецепторов D1, D2, b1 – адрено - , H1 – гистаминовых рецепторов. Методами ядерного магнитного резонанса, сотрудниками лаборатории, совместно с коллегами – физиками, установлено также, что жестокость и вера отражаются на электронной структуре протоков атомов водорода в молекулах воды организма человека. Оказалось также, что склонность к риску связана с недостаточностью

функций 3, 7, 11, 15 хромосом. Отсюда выстраивается гипотеза и делается вывод: даже приобретение установки терроризма имеют природные предпосылки, поскольку не каждый человек принимает такие установки.

Приведенные, как и другие данные науки, нуждаются в уточнении. Однако, они позволяют сделать следующие выводы:

- Терроризм не обязательный атрибут определенной цивилизации и религии. Напротив, склонные к силовым решениям политики, авантюристы, независимо от их религиозной, этнической принадлежности, могут вербовать и вербуют террористов из числа предрасположенных субъектов. Такие люди имеются в любом этическом, экологическом, политическом пространстве;

- Предрасположенность к терроризму, жестокости, агрессии не является роковой. С помощью специальных социально – психологических и педагогических, пенитенциарных программ, основанных на фундаментальных знаниях (принципов, содержаний, методов) психологии, психофизиологии, психофизики, педагогики, она (предрасположенность) может быть коррегирована и не превратится в криминальную или трагически духовную;

- Корреляция и профилактика должны начинаться в семье, в дошкольных учреждениях, продолжаться в школах и вузах. Для этого нужны духовно – нравственные и гуманистически ориентированные образовательные программы, с учетом современных достижений психологии и педагогики, психоанализа и когнитивной психотерапии. Необходимо выявлять группу лиц с духовной деформацией и осуществлять комплексную (включая биодинамическую) коррекцию их развития. Включать в содержание и методы, фрагменты переубеждения, дефрагментации ложных духовных установок, полярного мышления «свой – чужой» и др.. Еще одна группа мер должна касаться социальных институтов: нужен строгий социально – психологический, биофизический и нейропсихологический контроль и определение профессиональной пригодности лиц, включенных в образовательное, политическое, правоохранительное и др. пространства.

Индивидуальные различия в понимании москвичами террористической угрозы

Дегтярева Д. А.
«МСПН»

Департамента семейной и молодежной политики г. Москвы

Мы живем в динамично развивающемся мире. Появляются новые социальные институты, люди стараются все больше усовершенствовать политические системы государственного управления, законодательства, су-

дебные инстанции. Все это делается с целью сделать жизнь современного человека более благоустроенной. Однако, как и у всего в этом мире, у этих процессов есть обратная сторона. У некоторых людей прогрессивные изменения вызывают гнев, раздражение и нежелание подчиняться. И, следовательно, возникает сопротивление, которое порой принимает страшные, жестокие формы. Терроризм – это безусловный вызов современному обществу. Поэтому психологическое изучение проблемы терроризма является, несомненно, актуальным.

Как в мире в целом, так и в России отмечается значительное увеличение терактов. С. Атран (Atran, 2006) отмечает, что за период с 2000 по 2004 год произошло более 400 террористических актов, совершенных террористами-смертниками. А за 2005 год количество терактов составило 460. Частота террористических актов возрастает не в арифметической, а скорее в геометрической прогрессии. За последние 5 лет их произошло в 12 раз больше, чем за предыдущие 10 лет, и в 40 раз больше, чем за предыдущее двадцать лет. Данные по России также неутешительны. Только в Москве в период с 1996 по 2007 год произошло 14 терактов, которые привели к гибели более чем 450 человек, и в которых пострадало более чем 1500 человек.

Проблема *понимания* террористической угрозы достаточно новая и пока малоизученна. В западной литературе можно встретить небольшое количество работ, посвященных данной теме. Так С. Атран (Atran, 2006) отмечает, что в сознании людей существует несколько сложившихся и устоявшихся предубеждений, относительно террористической угрозы. В качестве предмета анализа он предлагает понимание населением террористов-смертников. Люди, по его мнению, зачастую представляют их как членов глобальной террористической организации «Аль-Каиде», во главе которой стоит Бен Ладен. Однако в действительности большую их часть составляют террористы-одиночки, либо небольшие группы единомышленников, которые зачастую никак не связаны друг с другом и иногда даже не знают о существовании «Аль-Каиде».

Второй интересной особенностью является понимание членов «Аль-Каиде» как нигилистов, ненавидящих свободу, презирающих толерантность и желающих уничтожить Западную цивилизацию. Такое понимание также не соответствует действительности, поскольку террористы имеют определенные политические требования и глубоко верят в то, что они поступают правильно. М. Гримланд с соавторами (Grimland, Apter, Kerkhof, 2006) также говорят о том, что существует непонимание между людьми, исповедующими ислам, и христианским обществом. Исламисты в целом понимают деятельность Запада, в особенности США и Израиля, как переднюю линию анти-исламского заговора, имеющего целью подорвать их религию, культуру и ценности.

Ф. Мохаддам (Moghaddam, 2005) предлагает оригинальную теорию, в которой раскрывает основные положения для понимания террористов. Он предполагает, что становление террористов происходит постепенно и для описания этого использует метафору сужающейся кверху лестницы, на вершине которой находится группа людей, совершающих террористические акты. Индивиды поднимаются вверх по лестнице, состоящей из последовательных этапов, вследствие чего у них остается все меньше альтернатив для выбора, до тех пор, пока единственно возможным исходом не окажется уничтожение других или себя.

На **первом этапе** преобладающими оказываются понимание несправедливости и относительное ощущение лишений. Миллионы людей, которые находятся на первом этапе, понимают окружающую их реальность как несправедливую и полную лишений; некоторые из них ожесточаются и поднимаются на следующий уровень, чтобы найти способ разрешения неустраивающей их ситуации.

Те, кто поднимается на **второй этап**, ищут способы, с помощью которых они смогут улучшить свое положение и добиться справедливости. Но в случае, если эти люди не увидят перспектив для дальнейшего продвижения и не почувствуют, что могут влиять на процессы принятия решений, они с большей вероятностью продолжат путь восхождения.

Индивиды, достигающие **третьего этапа**, по-прежнему понимают окружающую действительность как несправедливую, испытывая гнев и фрустрацию, и в некоторых обстоятельствах выступают инициаторами вымещения агрессии на «врагов». Такие люди, которым в большой степени свойственно агрессивное поведение с применением физической силы, поднимаются на следующий уровень.

Наиболее важные трансформации происходят на **четвертом этапе**, по достижению которого люди принимают как обязательство моральные принципы террористических организаций; они начинают понимать терроризм как справедливый и единственно верный способ достижения цели.

Пополнение террористической группировки происходит на **пятом этапе**, где потенциальные террористы начинают категоризовать мир более жестко. Их главную идею можно обозначить как «мы против всех».

На последнем, **шестом этапе**, избранных индивидов обучают существовать в этой запретной системе, что позволяет им уберечь себя. Они имеют все необходимые для этого средства, что позволяет им доводить миссию до конца. Терроризм включает в себя акты, направленные против мирных жителей. На данном этапе, для террористов начинает действовать принцип: «те, кто не с нами, против нас». Для них перестают существовать различия между «другими» мирными жителями, будь то взрослые мужчины, женщины или дети. Они другие. Такие психологические механизмы, как социальная категоризация и наличие психологической дистанции позволяют понять, что движет террористами. В их понимании

мирные жители являются частью аут-группы, и они преувеличивают разницу между своей и чужой группами. С точки зрения террористических организаций жестокие акты насилия над гражданами являются справедливыми и оправданными, т.к. мирные жители – это часть группы, которая понимается как вражеская.

Мы ставим перед собой следующую задачу: определить индивидуальные особенности понимания террористической угрозы москвичами.

В качестве основных характеристик понимания мы рассматриваем:

1. Глубину понимания – насколько глубоко и разносторонне человек анализирует существенные связи и отношения понимаемой ситуации или явления. Чем шире круг предметов, явлений, с которыми связывается понимаемое, чем более они существенны, тем глубже понимание.

2. Полноту понимания, которая проявляется в множественности вариантов интерпретации понимаемых фактов, в осознании человеком того, что понимаемое может быть включено в различные контексты. В результате оказываются возможными неодинаковые понимания одних и тех же фактов, событий, явлений.

Понимание реализуется посредством двух основных групп операций, умственных действий: Первая заключается в том, что, понимая факты, события, ситуации, субъект всегда выходит за непосредственные границы содержания понимаемого и включает его в какой-нибудь более широкий социокультурный контекст. Вторая группа умственных действий проявляется в том, что для того, чтобы что-то понять, понимающему субъекту всегда необходимо соотносить понимаемое со своими представлениями о должном. Речь идет о сопоставлении понимаемого с такими ценностными представлениями человека, которые представлены в принимаемых им социальных, групповых, моральных нормах поведения. Если то, что необходимо понять, расходится с тем, что человек ожидает в соответствии со своими представлениями о мире, то у него возникают трудности с пониманием ситуации. Кроме этого, можно добавить еще одну существенную характеристику понимания. В последние годы не только в психологии, но и в других науках сформировалось представление о том, что любое понимание основано на самопонимании. Понимание всегда включает самопонимание вне зависимости от того, на что оно направлено. Мы выражаем самих себя, познаем и расширяем свой внутренний мир. Понимая что либо внешнее, мы одновременно поднимаемся выше на еще одну ступень в познании и при этом углубляемся в себя (Знаков, 2005). Говоря о понимании террористической угрозы, мы имеем в виду проявления именно этих трех взаимосвязанных компонентов.

В нашем исследовании мы предполагаем использовать следующий набор методик: шкала базисных убеждений, опросник Спилбергера на личностную тревожность, методика исследования макиавеллизма личности, опросник смысложизненных ориентаций, опросник переживания тер-

рористической угрозы. А также участникам эксперимента будет предложено дать три варианта окончания каждого из утверждений: 1) Террористический акт – это ... 2) Люди понимают террористическую угрозу ... 3) Теракты совершают люди ...

Нами было проведено пилотажное исследование, цель которого заключалась в апробации методики неоконченных предложений. Кроме того, на основании описанных выше критериев мы выделили категории, которые в совокупности составляют семантическое поле понимания человеком террористической угрозы. В дальнейших планах - проведение анализа различий в понимании террористической угрозы в зависимости от пола, возраста и указанных личностных качеств испытуемых.

Психологический портрет личности террориста

Кашапова М.М.

Казанский гос. университет

Терроризм за последние годы приобрел глобальный характер, угрожая интересам граждан, общественной безопасности, стабильности государств (независимо от их политической системы), международным отношениям.

В современной России проблема угрозы роста терроризма происходит на фоне обострения и распространения политического, этнического, религиозного экстремизма, представляющего серьезную опасность для интересов личности, общества и государства, политической, военной, экономической, экологической безопасности страны, ее конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности.

В нашем исследовании рассматриваются особенности личности террориста, его идеология, логика, эмоционально-мотивационная сфера; проводится анализ различных психологических типов террористов, их классификация; исследуется проблема нормы, патологии и аномии террористов.

Объектом научной работы является личность террориста как сложная система составляющих, предметом – изучение ее личностных аспектов.

В анализе личности террориста наиболее важным является вопрос о том, ради чего и почему террорист занимается террором – вопрос о его внутренней мотивации. По мнению В.Ф.Пирожкова, за всем стоит стремление испытать власть над людьми. Поэтому в процессе занятия терроризмом цель теряется, а возникает неукротимая жажда испытать эту власть.

Первый вопрос, обычно возникающий у людей в отношении террористов: не сумасшедшие ли они? Однако однозначно ответить на него не-

просто. Психическая нормальность или, напротив, ненормальность – достаточно условные понятия. В нашем исследовании были изучены и использованы работы К. Юнга о коллективном бессознательном, З. Фрейда о влечении мартидо, Л. Н. Гумилева о явлении пассионарности, а также концепции других авторов о развитии личности. Анализ источников по заявленной проблеме позволяет предположить, что террорист – не сумасшедший человек, и, одновременно, человек не вполне нормальный; террорист - аномичная личность.

В современной классификации террористов выделяют три психологические модели личности: психопата-фанатика (руководствуется своими убеждениями), фрустрированного человека (чувство фрустрации, порожденное невозможностью достичь цели, порождает тенденцию к агрессии), человека из ущербной семьи (жестокое обращение родителей с ребенком, его социальная изоляция, дефицит добрых отношений).

Можно выделить общий фактор в развитии личности террориста – это разного рода психологическая ущербность, корни которой иногда кроются в самом раннем детстве. Подобная дефицитарность психического развития ведет к потребности в гиперкомпенсации дефицита по ходу взросления и достижения зрелости. Занятие террористической деятельностью выступает компенсаторным средством для избавления от ущербности. Анализ литературы показывает, что у многих террористов в детстве были убиты отец, мать или оба родителя сразу. Террористы, принявшие участие в нашем исследовании, также имели проблемы в семейной сфере – росли в неполной семье, все испытуемые подвергались физической и вербальной агрессии со стороны, как матерей, так и отцов. Подобная ситуация в семье может создавать условия для перехода в криминальную среду; таким образом семья, возможно, выступает как одна из предпосылок становления личности террориста. При определенных условиях люди такого психологического склада легко могут стать деталями механизма отлаженной системы террористической организации. Ощущения одиночества, бесполезности, отчаяния могут подтолкнуть их найти «новую семью», где все ее члены сплочены и связаны крепкими узами.

Выделяются 6 базовых требований, которые предъявляются террористу при вступлении в террористическую организацию:

- 1) преданность своему делу (террору) и своей организации;
- 2) готовность к самопожертвованию;
- 3) выдержанность, дисциплинированность;
- 4) «конспиративность»
- 5) повиновение;
- 6) коллективизм.

Помимо статичных характеристик (особого рода «целостность») личности террориста, не меньший интерес представляют и ее динамические характеристики. В динамике личность террориста – непрерывное колеба-

ние по синусоиде с широчайшей амплитудой, от демонстрируемой абсолютной веры в свою правоту до ее внутреннего отрицания или, по крайней мере, достаточно частых сомнений. Это метание между абстрактными глобальными идеями, «великими мотивами», а чаще мотивировками и конкретными акциями, достаточно скучной, рутинной работой. Это постоянно неустойчивая самооценка, которую приходится подтверждать все новыми террористическими действиями. Именно нестабильность самооценки представляет собой важнейший фактор экстремального поведения. Человек, воспитанный в атмосфере чрезмерной любви, опеки, вседозволенности, с внушением ему мысли о его исключительности при переходе в самостоятельную, взрослую жизнь не всегда может быстро перестроиться. Такие его личностные качества, как капризность, привычка получать удовлетворение от ощущения своего превосходства над людьми, убеждение в своей уникальности, в дальнейшем также могут вылиться в желание испытывать власть над людьми, но уже на другом, криминальном уровне, распорядиться их жизнью и смертью, «вершить благие дела», ощущать себя «избранным».

Не столь принципиально, завышена ли самооценка (до ощущения себя сверхчеловеком, решающим судьбы других людей) или, напротив, занижена (нуждающаяся в подтверждении за счет этих других людей). Важно подчеркнуть, что она неадекватна и неустойчива. Личность террориста – это постоянное, непрерывное психологическое движение. Такие внешние характеристики, как целостность или целеустремленность – всего лишь фиксированные моменты психологической неустойчивости, подчас достигающей уровня ненормальности.

Логика террористов обычно носит достаточно странный характер. Она слишком эмоциональна, это искаженная логика (с точки зрения чисто формального анализа), она явно моноидеическая: в ней все подчинено террору, и любой вопрос, рано или поздно, прямо или «криво», но приходит именно к нему.

Если рассматривать эмоциональную сферу, то очевидно, что среди террористов встречаются два достаточно крайних варианта. Один (более редкий) – крайне безэмоциональный; другой тип отличается повышенной эмоциональностью. Наиболее распространенным эмоциональным состоянием террориста является его постоянная настороженность.

Для лиц, склонных к терроризму характерен примат эмоций над разумом, непосредственных активных реакций на действительность над ее осмыслением; предвзятость оценок, низкий порог терпимости и отсутствие должного самоконтроля; они достаточно легко и естественно сживаются с идеей насилия.

Серьезные моральные проблемы присущи только лишь «идейным» террористам, причем с достаточно высоким уровнем образования и интеллектуального развития, достаточно способным к рефлексии.

Относительно развитых в интеллектуальном плане террористов внутренне постоянно волнует вопрос, насколько они правы в своих действиях. Всякий раз, готовясь к террористическому акту, террористы ищут ему нравственное оправдание. Обратной стороной моральных проблем является выраженная практически у всех террористов потребность в понимании, необходимость «выговориться» перед другими людьми.

В исследовании принимали участие осужденные Исправительной Колонии строгого режима №2 города Казани. Осужденные приговорены по статьям 206, 208, 105, 116, 161, 162 и так далее, УК РФ, часть статей имеет непосредственное отношение к терроризму - похищение, взятие заложников. Все испытуемые являются рецидивистами (то есть имеют вторичную и более судимость). Диагностическое обследование осуществлялось с использованием следующих методик: Тест «Модель камикадзе» (модифицирован Г.А. Аминовым), Архетипы «Свой-Чужой» (Г.А. Аминов, Э.Г. Аминов), Тест «Агрессия как социальное научение» (Бандура), Опросник «Басса-Дарки», Тест «Псевдокомпенсации» (Адлер-Сидоренко), Тест «Преступный приказ» (Г.А. Аминов, Р.И. Аминова), Танатогенический скрининг-тест (Г.А. Аминов, Э.Г. Аминов, Б.А. Нейман), Тест «Духовный дифференциал» (Г.А. Аминов, Р.И. Аминова, М.А. Чепкунова), Тест «Уровень пассионарности» (Г.А. Аминов, Р.И. Аминова).

Анализ полученных результатов позволяет сделать следующие выводы:

- испытуемые проявляют склонность к подчинению приказу, они внушаемы, корыстны, склонны к самоубийству, им свойственно повышенное чувство долга, безжалостность;

- наблюдается выраженный негативизм к «чужим», искаженное представление по сравнению со «своими», враждебный настрой к окружающему миру;

- по агрессии наиболее высокие показатели по опыту физического наказания, вербальной агрессии;

- субъектами социального научения прежде всего выступают семья и друзья;

- все испытуемые в большей части экстраверты, неконтролирующие себя, защищающиеся, с выраженной личностной агрессией, с ориентацией гнева наружу;

- четко прослеживается состояние обиды у всех испытуемых – обида, как ненависть и зависть к окружающим за их реальные или вымышленные поступки. Также ярко выражены жалость к себе, мнимое простодушие, комплекс зависти, комплекс хитрости, комплекс страха.

Личность террориста всегда привлекала к себе внимание исследователей. Считалось, что стоит понять это сложноорганизованное целое, как все станет понятным в психологии терроризма и проблема борьбы с ним

получит надежную научную базу. Однако именно это оказалось самой сложной, до сих пор неразрешимой задачей.

Необходимость противодействия терроризму превратилась к началу XXI века в одну из главных проблем современного этапа развития человеческой цивилизации на Земле.

«Деструктивность» религиозных организаций: проблемы легализации определений

Лыков М.Н.

Академия социального образования (КСЮИ), г. Казань

В настоящее время в России зарегистрировано свыше 22,5 тыс. религиозных организаций, значительная часть которых относится к нетрадиционным религиям и верованиям. Особой проблемой является возникновение с начала 90-х годов прошлого столетия и стихийное распространение вплоть до сегодняшнего дня такого явления как деструктивные религиозные культы или тоталитарные секты.

Как известно, любая свобода, в том числе и религиозная свобода, по своему определению имеет границы, заканчивающиеся там, где начинаются права и свободы других людей, что также фиксируется в Конституции РФ (ч.3 ст.17 гласит: "Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц"). Сегодня перед государством и законодателем стоит нелёгкая задача регулирования деятельности религиозных организаций и пресечения возможных преступных проявлений. Если поставить проблему более широко – это определение граней свободы совести, когда, с одной стороны, существует опасность духовной деспотии какой-либо одной религии или атеизма, и с другой – страшная ситуация "анархии свободы совести" или, как формулируют некоторые авторы, "свободы бессовестности" или "свободы от совести"⁸.

В настоящее время исследователями, занимающимися вопросами соотношения религии и права, осознаётся необходимость "более тщательной переработки понятийного аппарата в данной проблеме и, в первую очередь, определений, соответствующих тем религиозным объединениям, деятельность которых наносит физический или психический ущерб своим адептам, противоречит актам законодательства Российской Федерации"⁹. Вместе с тем отмечается тот факт, что "несмотря на многочисленные попытки во многих странах законодательного запрета тоталитарных сект, нигде и никому не удавалось дать юридически корректного оп-

⁸ Егорцев А.Р. Тоталитарные секты: свобода от совести. – М.: Информационно-миссионерский центр "Сектор", Московское подворье Свято-Троицкой-Сергиевой Лавры, 1997. – С. 107.

⁹ Новые религиозные организации России деструктивного и оккультного характера: Справочник / Миссионерский отдела Московского патриархата РПЦ. – Изд. 2-е, переработ. и дополн. – Белгород, 1997. – С. 7.

ределения этого термина, поскольку свойства, которыми пытаются его характеризовать, можно обнаружить и во многих традиционных, известных и распространенных религиозных организациях¹⁰.

Само понятие "секта" берёт своё начало от латинского "sekta" – образ мыслей, учение, направление, школа. Согласно Толковому словарю В.Даля, секта - братство, принявшее свое, отдельное учение о вере; согласие, толк, раскол или ересь.

Как мы видим, "сектами можно назвать большинство новых религиозных движений как выходцев из (ответвлений от) каких-либо традиционных религий, и это слово не несет в себе характеристики такой организации как чего-то негативного. Напротив, религиозные секты могут оказывать культуuroобразующее влияние на традиции народов, сами постепенно превращаясь в мощные религиозные позитивные движения, отличаясь от материнской религии только какими-то догматами. Примером здесь может служить протестантство"¹¹. Понятие "секты" не обязательно должно нести религиозный окрас. Современная тенденция заключается в образовании психогрупп, использующих групповые динамические процессы с применением собственных коррекционных техник воздействия, изменяющих сознание. Члены секты убеждены в необычных возможностях психотехник, что приводит к возникновению у них иррациональных представлений, базирующихся на надежде с помощью психотехник и психологических методов расширить тесные границы человеческих чувств и действий. Эта уверенность становится для них новым видом религии.¹²

Также важно уяснить понятие культа, под которым подразумевается следующее:

Культ – (от лат. cultus) – один из основных элементов религии, действия (телодвижения, чтение или пение определённых текстов и т.п.), имеющие целью дать видимое выражение религиозному поклонению или привлечь к их совершителям божественные силы; либо чрезмерное возвеличение чего-либо или кого-либо.

Сами по себе секты или культы не несут какой-либо общественной опасности, более того, они "могут быть благотворными и даже позитивными по своей сущности". Опасность несут те религиозные организации (секты) и культы, деятельность и практика которых наносят ущерб личности и (или) общественным интересам либо являются откровенно преступными.

Для обозначения их и применяются термины "деструктивная религиозная организация (деструктивный культ)", "тоталитарная секта", при-

¹⁰ Палий М. Криминологический анализ некоторых аспектов оскорбления религиозных чувств // Религия и право. – 2001. - № 1.

¹¹ Новые религиозные организации России деструктивного и оккультного характера: Справочник / Миссионерский отдел Московского патриархата РПЦ. – Изд. 2-е, переработ. и дополн. – Белгород, 1997. – С. 9.

¹² Короленко Ц.П. Дмитриева Н.В. Психодинамика сект. // Социодинамическая психиатрия. – Новосибирск: Издательство НГПУ, 1999. – С. 332-340.

чём почти всегда как синонимы¹³. Известный исследователь в данной области Е.Н. Волков отмечает, что ««деструктивные культы» кажется нам предпочтительным, так как позволяет рассмотреть более широкий круг внутренне однородных явлений при более точном отражении их сущности. В это термине выделена не организация жизнедеятельности данных групп, а главный результат их практики - разрушение личности. Понятие «культ» в данном случае подчеркивает, что некритичное поклонение идее, лидеру или какой-то жесткой форме практики является наиболее существенным условием манипулирования и духовно-психологического насилия.»¹⁴ Видимо, наиболее удачным является понятие «деструктивная религиозная организация (объединение)», поскольку отражает, во-первых, признак религиозности рассматриваемого объединения, во-вторых, подчёркивает разрушительный характер его деятельности; в то время как термин «тоталитарная секта» не даёт такого ясного представления о сущности явления.

Для отграничения деструктивных религиозных организаций от прочих религиозных объединений выделяются следующие черты и особенности¹⁵:

1. Харизматическое лидерство.

- Подразумевается беспрекословное принятие учения основателя организации; проповедуется божественность или его исключительная мудрость, только через него человек может достигнуть спасения.

- Во главу угла ставится именно верность учителю, а не учению; если лидер производит серьёзные изменения в доктрине секты или её политике, то последователи обязаны соответственно изменить свои воззрения.

2. Замкнутость секты и противопоставление всему остальному миру.

- В сознание сектантов внедряется элитарное мышление в различных формах: «к нам приходят только избранные», «спасение» (либо иные особые блага) гарантируется только членам секты.

- Насаждение тоталитарного мировоззрения (есть «мы» и есть «они»); групповые цели превалируют над личными;

- Постановка цели борьбы и противостояния остальному миру; превращение человечества в себе подобных.

- Полный разрыв с прошлой жизнью и с прошлыми родственными и социальными связями, разрушение семей; образование нового «мирка» из наставников и друзей.

¹³ Новые религиозные организации России деструктивного и оккультного характера: Справочник: Миссионерского Отдел Московского Патриархата РПЦ. – Изд. 2-е, переработ. И дополн. – Белгород, 1997. – стр. 9.

¹⁴ Волков Е. Н. Преступный вызов практической психологии: феномен деструктивных культов и контроля сознания (введение в проблему) // Журнал практического психолога. М.: Фолиум. 1996. № 2. С. 88.

¹⁵ См.: Новые религиозные организации России деструктивного и оккультного характера: Справочник / Миссионерский отдел Московского патриархата РПЦ. – Изд. 2-е, переработ. и дополн. – Белгород, 1997; Дворкин А.Л. Введение в сектоведение. – Нижний Новгород: Изд-во Братства во имя св. вел. князя Александра Невского, 1998; Хвьяля-Олинтер А.И., Лукьянов С.А. Опасные тоталитарные формы религиозных сект. - М., 1996 и др.

- Особый язык секты; специальные слова и термины, используемые внутри секты, сленг.

3. Иерархичность учения.

- Наличие "внутренних" доктрин (только для использования внутри культа) и для внешнего окружения, допускание и поощрение лжи при вербовке в секту или любом контакте с "внешними"

- Деление учения на уровни (и, соответственно, членства в секте): обычный, продвинутый, ещё более продвинутый, совсем продвинутый и так далее, причём начальный уровень может кардинально отличаться от последнего.

4. Тоталитарный характер внутренней структуры секты.

- Железная дисциплина, вертикальная подчинённость: лидеру беспрекословно подчиняются ближайшие ученики, им, в свою очередь, их ученики и так до самого низа.

- Подробнейшая регламентация распорядка дня.

- Крайняя затрудненность (а то и просто невозможность) выхода из секты как по психологическим мотивам, так и по причине возможного физического устранения.

5. Использование техник контроля сознания¹⁶.

- Контроль поведения (регулирование повседневной жизни и естественных интересов и потребностей; посвящение большей части времени в обязательном порядке индокринации и групповым ритуалам; необходимость спрашивать разрешения для принятия важных решений; жёсткие правила и предписания; требование покорности и зависимости).

- Контроль информации (использование обмана: умышленное утаивание информации, искажение информации, открытый обман; максимально возможное ограничение доступа адептов к источникам информации вне секты, загруженность культовой деятельностью настолько, чтобы они не имели времени думать; поощрение слежки за другими членами секты: объединение по парам для наблюдения и контроля, доноительство лидеру об отклоняющихся от культовых доктрин мыслях, чувствах и поступках; широкое использование созданной в рамках культа информации и пропаганды).

- Контроль мышления (обязанность принятия групповой доктрины как абсолютной истины, с убеждённой, во-первых, соответствия действительности предлагаемого учением мировоззрения, во-вторых, в единственности правильного мировоззрения ("чёрное" и "белое" – среднего не существует), в-третьих, противостоянии учения секты всему остальному миру); навязывание "нагруженного" языка (характеризующегося мыслительными клише); поощрение только "хороших" и "правильных" мыслей, как это понимается лидером и группой; использование техник прекраще-

¹⁶ См.: Новые религиозные организации России деструктивного и оккультного характера: Справочник / Миссионерский отдел Московского патриархата РПЦ. – Изд. 2-е, переработ. и дополн. – Белгород, 1997. - С. 449-455.

ния мышления – монотонное говорение (скандирование), многочасовые медитации, произнесение молитв; запрет на критические вопросы о лидере, учении или политике культа; запрет на альтернативные системы верования).

- Контроль эмоций (осуществление манипулирования и сужение спектра чувств личности; чрезмерное использование комплекса вины; чрезмерное использование страха – внедряются различные фобии (в частности, боязнь мыслить независимо, боязнь социума вне секты, боязнь потерять своё “спасение”, фобия на выход из культа); создание крайностей эмоциональных пиков и спадов; использование ритуального, часто публичного признания “грехов”).

Несколько иную картину техник контроля сознания представляет Е.Н. Волков в ряде своих статей¹⁷.

Суммируя вышеприведённые признаки нами предлагается следующая формулировка:

Деструктивное религиозное объединение – это авторитарная иерархическая организация, устанавливающая контроль за сознанием и (или) жизнедеятельностью участников с целью создания и (или) эксплуатации психологической или физической зависимости, влекущей нанесение физического, психического или материального вреда.

Терроризм – путь нарастания психологических проблем человечества

д.т.н. А.В. Рудинский I, А.В. Рудинский II
Центр системного обучения и консультирования «Synergia»,
г. Санкт-Петербург

Данная статья будет посвящена одной из общемировых проблем человечества – терроризму и связанным с ним психологическим задачам.

Говоря о терроризме, нельзя обойти стороной исламский мир, поскольку именно из исламских стран идет основная угроза. Хочется сразу сделать оговорку, что авторы не ставят знак равенства между исламом и терроризмом, но согласно исламу Джихад будет длиться до конца дней, а следовательно, перед народами, включая самих мусульман, встает вопрос о вечности терроризма.

Что же движет «мусульманским» терроризмом?

Ответ на этот вопрос можно найти в заключительной речи президента Малайзии на Всемирной исламской конференции 2003 года в Куала-

¹⁷ См. Волков Е. Н. Преступный вызов практической психологии: феномен деструктивных культов и контроля сознания (введение в проблему) // Журнал практического психолога. М.: Фолиум. 1996. № 2. С 87-93, Волков Е. Н. Методы вербовки и контроля сознания в деструктивных культах // Журнал практического психолога. М.: Фолиум. 1996. № 3. С. 76-82., Волков Е. Н. Основные модели контроля сознания (реформирования мышления) // Журнал практического психолога. М.: Фолиум. 1996. № 5. С. 86-95.

Лумпуре, в которой он призывал мусульманские страны уменьшить существующий разрыв между развитыми странами и «государствами Ислама», ибо перед ними стоит грандиозная и сложная задача – стать главными мировыми лидерами по всем направлениям.

Реально ли выполнение этой задачи исламским миром в настоящее время?

В докладе признавалось, что большинство исламских стран – это отстающие в экономике и науке страны с практически не развитой современной промышленной научной и образовательной инфраструктурой. Разрыв огромен и растет. Через три года после конференции в 2006 году ВВП Ирана составил 599,2 млрд. долл., США (экономический лидер) – 13,3 трлн. долл., Китая – 10 трлн. долл., Японии – 4,2 трлн. долл., России – 1,7 трлн. долл. Отставание даже от России почти троекратное. Разрыв между развитыми и мусульманскими государствами увеличивается, несмотря на рост экономики Ирана и Ирака (благодаря импорту нефти). В 70-е годы размер ВВП на душу населения Саудовской Аравии составлял 21 тыс. долл. (США – 24 тыс. долл.), в настоящее время – только 13,6 тыс. долл. (в США – 44 тыс. долл.), и это в наиболее богатой мусульманской стране.

Затраты на НИОКР напрямую зависят от уровня экономики. Поскольку экономический разрыв между развитыми и исламскими странами не уменьшается, то в научной деятельности разрыв только увеличивается.

Такие государства как Швеция, США, Китай, страны ЕС, Россия оторвались от всех других стран в научной деятельности. Затраты на науку по отношению к ВВП в 2003 г.: Швеция – 4 %, США, Германия, Япония – 3 %, Великобритания и Франция – более 2%, Россия – 1,5%.

Перед исламскими государствами возникает проблема: как догнать лидирующие страны?

Нет сомнений, что при нынешних затратах ведущих стран на НИОКР, мусульманские страны не смогут это сделать.

И лидеры некоторых мусульманских стран совместно с лидерами экстремистских религиозных течений ислама находят способ решить эту проблему с помощью терроризма.

Идея очень проста: для ликвидации разрыва необходимо заставить развитые страны тратить деньги не на научные исследования, а на что-то другое, например, на борьбу с терроризмом.

И этот механизм был запущен и успешно действует. Действительно, ведущие страны тратят колоссальные средства на эту совершенно затратную, но, к сожалению, необходимую деятельность. В Германии в конце XX века за информацию о террористах полагалось от 50 тысяч марок и 500 тысяч - за личное содействие в поимке. В России в 2006 году возбуждено около 3-х тысяч уголовных дел по статье терроризм, предотвращен ущерб 47 миллиардов рублей. Американцы потратили на борьбу с

терроризмом 400 млрд. долл. Ожидается, что общая сумма расходов будет равняться 670 млрд. долл. – больше, чем на Вьетнамскую войну.

Тенденция абсолютно ясная - террор быстро рос и обязательно должен был привести к какой-то крупной катастрофе. В 2001-ом году, правда, главным источником терактов были Индия и Цейлон - 29. Многие из индийских терактов имели исламскую основу и происходили в Джамму и Кашмире. Ближний Восток отметился тоже – 12; Африка, которую кто-то назвал мирной – 7; Латинская Америка - 3.

"Война с террором", объявленная США, пока ведет лишь к увеличению числа терактов - прежде всего, в Ираке - и не дает пока эффекта. Это также видно из следующих чисел. Если в 2001 году было 76 терактов с жертвами, в 2002 - 130, то в 2006 - 652, а вот в 2007-ом за 5 месяцев их совершено 251. То есть в 2007 году ожидается около 600 терактов.

По данным Международного института мира в Стокгольме, в прошлом году на земном шаре было израсходовано на военные нужды 795 млрд. долларов США. При этом такие расходы за год возросли на 6%.

Из указанной суммы около 43% всемирного военного бюджета приходится на США. Это означает, что Америка потратила на эту сферу порядка 340 млрд. долларов. За Соединенными Штатами следуют пять стран - Япония, Великобритания, Франция, Китай и ФРГ. Они суммарно израсходовали 23%, то есть около 183 млрд.

Нужно отметить, что и расходы Эстонии на военные нужды достаточно велики - 2% ВВП, это порядка 6% госбюджета. Для не очень богатой страны такие расходы нельзя считать скромными.

Президент США Джордж Буш запросил у Конгресса 87 млрд. на борьбу с терроризмом. Эта сумма должна быть выделена в дополнение к 79 млрд., которые были выделены в апреле.

Конечно, если бы это были разовые затраты, которые позволили бы избавить мир от угрозы терроризма, тогда указанное не так и страшно. Но, как признает руководство США, борьба с новой угрозой - дело очень длительное, и, сколько еще времени и средств уйдет на нее, никому не известно.

Итак, терроризм приходит практически в каждый дом надолго, а следовательно, становится социальным явлением с серьезными многоаспектными проблемами, из которых нас, в первую очередь, будет интересовать психологическая сторона терроризма.

Уже сам факт присутствия психологов одновременно с врачами скорой помощи на месте совершения террористического акта говорит о том, что общество понимает важность первой психологической помощи и, наверняка, этот, к сожалению, печальный опыт будет использоваться при разработке новых методик и методов скорой психологической помощи.

Достаточно ли этих усилий? Конечно, нет, ибо скорая психологическая помощь затрагивает только непосредственно пострадавших от те-

ракта и их ближайших родственников, оставляя в стороне тех людей, для которых теракт служит пусковым механизмом для различных стрессовых реакций (вторая задача социальной психологии), например, боязнь летать в самолетах, посещать многолюдные мероприятия и другие.

Практически остаются в стороне психологические проблемы, связанные с отрицательной безработицей (третья задача социальной психологии), приводящей к неуверенности в завтрашнем дне, особенно у молодежи, которая пытается решить эти проблемы с помощью алкоголя и наркотиков.

Увеличение людей живущих за чертой бедности (деньги развитых стран уходят на борьбу с терроризмом) порождает все новые и новые волны террора, а значит, социальная психология должна получить дальнейшее развитие как способ профилактики терроризма в среде беднейшего мусульманского населения (четвертая задача социальной психологии). Это самая трудная задача, поскольку поле ее деятельности, порождаемое терроризмом, обширно и временные пределы терроризма необозримы.

Пока выхода из сложившейся ситуации не видно. Как показал опыт Афганистана, Ирака и Чечни, военные операции не дают ожидаемых результатов.

Мировая экономика, наращивая военные бюджеты при снижении основных экономических показателей, загоняет себя в тупик. И на данный момент конструктивных предложений по решению этой проблемы нет.

Как будет развиваться мировая борьба с терроризмом, пока не совсем понятно. Пятнадцать лет такой борьбы - это слишком малый срок, чтобы оценить все аспекты данного процесса. Каких мер будет требовать мировое сообщество от нас в этой войне, тоже пока не ясно. Однако нужно понимать, что ни одна страна оставаться в стороне от возникшего противостояния между цивилизованным миром и миром терроризма уже не сможет. Следовательно, участвовать и, соответственно, платить за такую борьбу придется всем.

**Неявные переговоры до захвата заложников
как профилактика терроризма
Или почему «переход от возможности к действительности
совершается в процессе наблюдения»**

Третьяков О.Е.,
ВИПК МВД России, г. Москва

Актуальность темы связана с общественной опасностью актов терроризма и необходимостью профилактики этого явления. Для того, чтобы работать не со следствиями преступных деяний, а с побудившими их причинами, пре-

дупреждая теракты, надо использовать достижения постнеклассического этапа развития науки, работая с информацией, которая проявляется еще до теракта.

Представления о нелинейном мире в области постнеклассической психологии находятся в процессе становления. Нелинейный подход в постнеклассической психологии является эффективным в экстремальных ситуациях. Эффективность нелинейного мышления связана с тем, что приложение сравнительно малых усилий в критических ситуациях может вывести систему на благоприятную траекторию развития – за счет выбора наилучшего варианта из имеющегося спектра возможностей, которыми обладает сложная система (3).

Проблемы предупреждения терактов в части переговоров невозможно решить классическим подходом, используя только рационально-логические методы прошедшего века. Разработки в области нелинейной динамики, достижения в области квантовой механики конца 20 – 21 веков дают возможность использовать фундаментальные достижения науки в прикладных целях (14, 7).

Главную роль в окружающем мире играет не порядок, не стабильность и равновесие, а неустойчивость и неравновесность. Передовой опыт постнеклассического этапа развития психологии дает знания о принципах развития сложных динамических систем, позволяет выработать новые подходы к переговорам, к эффективному информационному обеспечению переговоров через методики постнеклассического мышления (5, 10).

Созданные в подразделениях МВД РФ группы специалистов-переговорщиков *в случае необходимости* направляются на разрешение опасных ситуаций без применения силы. Однако эти специалисты ориентированы (при возникновении реальной угрозы теракта) на явные переговоры лицом к лицу или через технические средства связи. Такие переговоры не всегда эффективны, кроме того, явные переговоры невозможны на этапе подготовки и планирования теракта, т.к. нет еще субъектов переговоров с противоположной стороны.

При проведении переговоров работа может идти в нескольких уровнях, подробнее см. (9). Вести только явные переговоры – это значит не использовать возможности современной науки в области квантовой психологии. Это значит не использовать плодотворные идеи теории множественности миров (интересным вариантом углубления этой теории является многомировая интерпретация (13) квантовой механики Эверетта-Уилера). Это значит игнорировать теорию параллельных миров, идеи эвереттизма (4) – раздела квантовой механики, связанного с изучением множественных четырехмерных пространств-времен, в которых есть информация о других состояниях исследуемого объекта (например, о психическом состоянии террориста) (5, 6).

Неявные переговоры имеют принципиально иной характер, они носят опосредованный характер. Неявные переговоры – это работа с Неопределенностью без непосредственного контакта с преступником (даже без технических средств связи с ним). Работа идет с глубинным бессознательным преступника. С правоохранительной стороны такие переговоры ведут специально подготовленные сотрудники, оснащенные техниками постнеклассического мышления (10, 11). К таким методикам относятся методики работы с глубинным бессознательным, которое исподволь организует поведение людей, и на это поведение переговорщик может влиять за счет «подстройки мыслительных сфер разных людей» (2). В определенных случаях специалист-переговорщик может взаимодействовать с преступником (его психикой) как с реальностью микромира, работая с абсурдным состоянием человеческой психики (1, 2). Аналогом абсурдных состояний человеческой психики являются известные в квантовой механике парадоксы (14, 3, 7). Но, решая сложные задачи, возрастают требования к тезаурусу (необходимому для рецепции информации) специалиста и уровню его подготовки.

Сознанию человека трудно перенести закономерности микромира в повседневную практику переговоров, принять, например, что могут быть несовместимые состояния психики террориста, что может иметь место суперпозиции (6, 14) несовместимых состояний (условно, например, *состояния А* и *состояния В*), и что даже эти несовместимые состояния могут быть совмещены! Другими словами, это только наше сознание разделяет эти несовместимые состояния как взаимоисключающие друг друга реальности! Это иллюзия. В ходе переговоров происходит становление или проявление одной реальности, одной из имеющегося множества (например, сотрудники правоохранительной стороны фиксируют у террориста *состояние А*, которое связано с ориентацией на совершение теракта). В этом случае, говоря языком квантовой механики, в точке *А* волновая функция, которая описывает *состояние А*, принимает значение отличное от нуля. Но это не значит, что *состояние А* – это единственное состояние в данный момент времени! У преступника, захватившего, например, заложников, или только готовящего совершить теракт, может быть другое *состояние В*; состояние преступников в момент подготовки и в процессе совершения теракта является мультифренетическим (2). *Состояние В* в данный момент времени сотрудники правоохранительной стороны еще не фиксируют, но это *состояние В* реально (оно может быть связано с ориентацией преступника на отказ от совершения теракта, на сохранение своей жизни и жизни заложников). В точке *В* волновая функция, которая описывает *состояние В*, также принимает значение отличное от нуля. Вместе с тем, существует другой наблюдатель, который фиксирует это *состояние В*!

Возникает вопрос, какое состояние истинно, то есть соответствует объективной реальности: *состояние А* или *состояние В*? Такой вопрос уместен

только с позиции линейного классического мышления, которое для себя разделяет упомянутые два состояния как взаимоисключающие друг друга состояния: если отслеживаю *состояние А*, то значит нет *состояния В* и наоборот. Однако это иллюзия, что материально и имеет место лишь то, что регистрирует наблюдатель! Для сравнения: 1) с позиций квантовой механики принципиально невозможно определить: в какой точке находится электрон, вращающийся вокруг ядра. 2) Великий физик В. Гейзенберг говорил, что само наблюдение прерывным образом изменяет функцию вероятности: оно выбирает из всех возможных событий то, которое фактически совершилось (4).

С позиций нелинейной динамики существует единый мир и этот мир квантовый (5). Психическое состояние человека характеризуется суперпозицией всех его возможных состояний (в нашем примере - суперпозиция *состояния А* и *состояния В*). Все члены суперпозиции реальны, но «в разных мирах» (4), т.к. при наблюдении происходит ветвление на столько миров, сколько возможно исходов, например, в результате переговоров с террористами. Это соответствует и копенгагенским представлениям Гейзенберга: переход от возможности к действительности совершается в процессе наблюдения. Взаимоисключающие реальности, которые описывают состояния материального мира, существуют только в своей совокупности (6). Мир един, и даже взаимоисключающие состояния характеризуют реальный мир только в своей совокупности (5, 6). Якобы исчезновение *состояния В* в момент фиксации *состояния А* связано со свертыванием (редукцией) волновой функции (12).

Хью Эверетт (13) математически формализовал мысль Гейзенберга, что переход от возможности к действительности совершается в процессе наблюдения, он ввел понятие "ответственного состояния", которое и характеризует связь памяти Наблюдателя с результатом измерения квантового процесса. Вместе с тем, «...наблюдатели, естественно, не обязательно "специалисты", не обязательно люди и даже не обязательно живые существа. В качестве Наблюдателя может выступать любая макросистема с памятью» (4). Это обстоятельство учтено в технологии неявных переговоров, которые реализуются группой специалистов, владеющих методами работы с Неопределенностью. Не раскрывая подробно технологию неявных переговоров, отметим лишь основные ее этапы, подробнее см. (10, 11). 1) Поиск информации, которая кодирована в образах, в бессознательном; 2) установление коммуникативной связи с этими образами; 3) выявление позитивной функции намерений субъектов <Наблюдателей> неявных переговоров; 4) интеграция позитивных функций в структуру личности преступника на бессознательном уровне.

Неявные переговоры – вовлечение террориста в рефлексивный диалог, который носит нелинейный характер (рефлексия – внутренний диалог, в котором террорист рассматривает, оценивает свои требования, принимает или отвергает требования правозащитной стороны). Этот диалог при неяв-

ных переговорах проходит на уровне глубинного бессознательного. Обратная связь этого диалога проявляется в синхронистических сигналах (14), которые могут появляться как до теракта (в период его подготовки), так и во время проведения акции или даже после ее окончания. Синхронистические сигналы проявляются в группе специалистов-переговорщиков, ведущих неявные переговоры. Синхронистические (14) сигналы (не синхронные) свидетельствуют о том, что процесс переговоров пошел. А результаты переговоров будут проявляться на двух уровнях: внутреннем, и внешнем. На внутреннем психологическом уровне террорист может переосмыслить реальность, в которой он находится, осознать происходящие с ним изменения; рефлектируя, преступник может по-иному воспринять окружающую его действительность, свое место в мире и др. На внешнем видимом уровне преступник, переосмысливая свои требования, может согласиться с требованиями правозащитной стороны и отказывается от террористической акции.

Примером неявных переговоров, связанных с вовлечением преступников в нелинейный рефлексивный диалог, является работа группы психологов под руководством Л.П. Хохловой – во время возникновения угрозы теракта в Норд-Ост. «Есть конкретный пример опережающей события психологической работы группы в ситуации заложников «Норд-Оста». В процессе проработки ситуации были выявлены глубинные намерения террористов и заложников, скрытые порядки происходящей ситуации...» (11).

Неявные переговоры подчиняются определенным законам Неопределенности: резонансными флуктуациями в точке бифуркации, с непредсказуемой траекторией развития системы, на которую будет влиять аттрактор (7). Управлять процессом переговоров можно за счет формирования аттрактора ситуации, т.е. формирование **вероятного пути развития системы после точки бифуркации** (3, 14); этот путь отличается от других направлений относительной устойчивостью и как бы «притягивает к себе траекторию развития системы». После критической точки система может пойти по одному из вариантов путей развития (на развитие системы влияет не один аттрактор, возможных путей развития несколько).

Именно непредсказуемость пути при угрозе теракта заставляет, осознав сложность проблемы, начать профилактику терроризма. Работать над этой проблемой надо не только спецслужбам, а всему обществу, внося свой вклад в решение важнейшей проблемы. Специалисты-переговорщики не являются исключением, и они должны начать работать не только со следствиями теракта или с конкретными ситуациями его угрозы, а с причинами (в том числе психологическими), которые приводят к теракту.

Таким образом, неявные переговоры уже получили естественнонаучное обоснование. Принципиальная возможность неявных переговоров

связана с тем, что **сигналы** (например, о теракте) **проявляются** не только в результате оперативно-розыскных мероприятий, но и **на уровне глубинного бессознательного**, причем, еще во время планирования акта и его подготовки.

Мы живем в самовоссоздающейся реальности (8). Хотя многое в мире в данный момент существует объективно (личный набор ДНК, Земля, климат, государство...), но существует определенный диапазон, в котором человек может выбирать: личную социальную ответственность, свои моральные установки и нравственные критерии поведения, созидательную активность и др.

Наше отношение к профилактике терроризма тоже зависит не только от состояния гражданского общества, но и от личных требований социальной ответственности, которые каждый из нас предъявляет к себе и другим. Мир существует не вне меня, а я существую в этом мире, и есть нечто, на что я могу влиять (и один в поле – воин). В зависимости от того, какую реальность я буду создавать, такая она и будет. Деятельность включена в реальность. Профилактика терроризма – не является исключением. Именно поэтому переход от возможности к действительности совершается в процессе деятельности (наблюдения, переговоров и др.). Необходимо использовать любые способы предупреждения терроризма, любые методики отождествления человеком (преступника в том числе) со своим гражданским обществом, со своим государством, способы идентификации с законностью.

В процессе предотвращения преступлений, связанных с терроризмом, для развития переговорной практики ряд вопросов должны найти **осмысление, научно-исследовательскую оценку, анализ и практическую апробацию.**

Внедрение в практику переговоров технологий, основанных на нелинейных рефлексивных процессах управления, наработка опыта ведения неявных переговоров – это ресурс инновационного развития.

Литература

1. Вютрих А., Филипп Х. Виртуализация как возможный путь развития управления http://www/hse.ru/journals/wridross/vo100_1/barsukova.htm
2. Данилевский И.В. Структуры коллективного бессознательного: квантовоподобная социальная реальность. – М., 2005.
3. Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. М., наука. 1997.
4. Лебедев Ю. А. Многомирие и эвереттика. - Доклад на Российском междисциплинарном Семинаре по темпорологии 5 апреля 2005 года. Вводная часть. // www.chronos.msu.ru
5. Менский М. Б. . Квантовая механика: новые эксперименты, новые приложения и новые формулировки старых вопросов // Успехи физических наук. 2000. Т. 170. № 6.

6. Менский М.Б. Человек и квантовый мир. Странности квантового мира и тайна сознания. – Фрязино, 2007.
7. Пригожин И., Стенгерс И.. Порядок из хаоса. М., Прогресс, 1986.
8. Проблемы субъектов социального проектирования / Препринт под ред. В.И Аршинова и В.Е. Лепского. М., 2006.
9. Третьяков О.Е. Психология переговоров при захвате заложников: неявные переговоры // Материалы 2-ой Всероссийской научно-практической конференции «Вызовы эпохи в аспекте психологической и психотерапевтической науки и практики». Казань, 2006.
10. Хохлова Л. П. Метод хаосообразования как информационное конструирование целесообразных ситуаций // Материалы 6-ой Международной конференции «Когнитивный анализ и управление развитием ситуации» сасc´2006 М., 2006.
11. Хохлова Л.П. Война и мир (Холодинамическая парадигма). Обычная проблема терроризма с необычной стороны // Материалы IV Международного Симпозиума "Рефлексивные процессы и управление". М., 2003.
12. Чернавский Д.С. Синергетика и информация (динамическая теория информации). М., 2004.
13. Эверетт Хью. См. Everett H. "Relative State" Formulation of Quantum Mechanics' // *Reviews of Modern Physics* 29, 454–462 (1957).
14. Юнг К.Г. Синхрония. М., 2003.

Особенности отношения к терроризму

Устин П.Н.
Казанский гос. университет

Борьба с терроризмом выступает одной из наиболее приоритетных задач любого современного цивилизованного государства и вместе с тем количество террористических актов не перестает падать. Более того, масштабы современного терроризма позволяют говорить, о том, что данная проблема приобрела глобальный характер и выступает одной из наиболее значимых угроз выживания всего человечества.

Взрыв небоскребов 11 сентября 2001 в США, захват больницы в Буденовске и школы в Беслане, события на Дубровке («Норд-Ост») и множество других подобных трагических фактов показывают насколько неожиданными и устрашающими могут быть действия террористических групп и к каким ужасным последствиям они могут приводить.

В современных исследованиях терроризма выделяются различные подходы к решению данной проблемы – через моделирование психологического портрета террориста и его жертвы, через психологические особенности взаимодействия террориста и заложника, через разработку алгоритмов поведения при теракте и т.д. Однако на наш взгляд, приступая к изучению проблемы терроризма, прежде всего, необходимо попытаться

разобраться в его истоках и причинах столь массового распространения и усиления.

В качестве основных причин распространения терроризма, как правило, выделяются следующие:

- политические (терроризм как следствие политической нестабильности).
- экономические (терроризм как бизнес).
- социально-экономические (терроризм как следствие экономического кризиса)
- духовные (терроризм как следствие деформации общечеловеческих ценностей).

Все эти причины, безусловно, оказывают значимое влияние на широкое распространение терроризма. Однако, терроризм – это, прежде всего проблема психологическая. При этом человек террористом не рождается, он им становится. Даже если рассматривать терроризм как следствие глубинной причины - отражение инстинкта разрушения (то есть танатоса), то и тогда появляется противоречие – что является таким привлекательным в террористическом акте, что затягивает одних, и отталкивает других?

На наш взгляд истоки терроризма кроются именно в особенностях того социально - психологического пространства, в котором человек реализует себя как субъект. Терроризм выступает сложным феноменом, затрагивающим различные стороны человеческого бытия – политика, экономика, культура. Однако, прежде всего, терроризм выступает социально-психологическим явлением. При этом в данном явлении глубоко переплетается диалектика внешне-внутренней детерминированности. С одной стороны, терроризм - это проявление внутреннего мира отдельного субъекта, с другой – следствие того социально-психологического пространства, в котором субъект террористической деятельности проявляет свою деструктивную направленность. С одной стороны, терроризм это проявление мотивационной, эмоциональной, познавательной сфер террориста, с другой – это отношение окружающих к данной проблеме – то есть отражение личностных особенностей людей, не имеющих к терроризму непосредственного отношения. В этом ракурсе, на наш взгляд, необходимо уделить внимание такой проблеме как неоднозначное отношение к терроризму со стороны законопослушного социума.

Мы имеем в виду ситуации, когда один и тот же человек искренне переживает одни трагические события и иронично или даже цинично относится к другим. Более того, некоторые террористы могут даже восприниматься как герои и борцы с несправедливостью, а другие как злодеи и бандиты. Хотя и те, и другие несут одно – страх, разрушения и смерть. Подобный двойной стандарт, к сожалению, все чаще становится нормой наших дней. В этом плане созвучно утверждение Д.В. Ольшанского, кото-

рый точно замечает, что «...терроризм часто опирался на определенное сочувствие со стороны тех, кто не был его жертвами. Поэтому всегда множились и продолжают множиться ряды террористов»[2, с.58].

Более того, помимо терпимого или даже симпатизирующего отношения нейтральных людей к терроризму и террористам, встречаются парадоксальные типы взаимодействия, когда симпатия возникает даже у жертвы – так называемый «Стокгольмский синдром». В этом случае в работу вступают особые виктимологические механизмы, которые анализируются в специальных исследованиях данного явления (например, особенности каузальной атрибуции в условиях зависимости от террориста или же «истерия облегчения» после освобождения от агрессора).

Однако в данной работе нас интересует именно противоречивое отношение к терроризму со стороны нейтрального к нему человека, которое проявляется через позицию «двойного стандарта». Даже трагические события 11 сентября некоторые наши граждане оценивали как справедливую кару «ненавистным янки». Достаточно вспомнить появившейся в то время анекдот, когда популярный герой фильма «Брат2» Данила Багров по телефону говорит такую фразу: «Ben, I need help», после чего в небоскребы Всемирного торгового центра врезаются самолеты.

В основе неоднозначного отношения к терроризму можно выделить следующие механизмы:

Наличие компенсаторных механизмов. В норме одним из ведущих активаторов поведения человека является его стремление к достижению жизненных планов. Когда достижения соотносятся со стремлениями, то человек получает самоудовлетворение, а когда нет, в работу вступают компенсаторные механизмы. В данном случае мы имеем в виду то, что Ф. Ницше[1] определял как «психологическое самоотравление», а Э. Фромм[5] называл «иррациональной ненавистью». Неудовлетворенность собой порождает глубокое внутреннее напряжение, которое в свою очередь запускает реакции защиты от несоответствия «Я идеального» с «Я реальным». И тогда человек может начинать защищаться через враждебность к тем, у кого все в порядке («Так вам и надо!!!»). Другим вариантом защиты могут стать реакции переноса, когда, как пишет Д.В. Ольшанский: «Одобрив террор, люди проецируют на совершенного террористом собственные, по различным причинам неосуществимые мотивы, желания и потребности»[2, с.56]. Это связано с тем, что «явное или неявное одобрение террора, очень удобная, психологически мало травмирующая человека форма признания собственной несостоятельности при внутренне скрытом желании быть состоятельным»[2, с.56].

Однако противоречивое отношение к террористам может быть и среди людей, достигших больших успехов. В этом случае мы можем уже говорить о наличии невротизма, а точнее невротического соперничества (К. Хорни). При невротическом соперничестве человек чувствителен к ма-

лейшим неудачам и редко наслаждается достигнутым. Его стремление к «перфекционизму» приводит к внутреннему конфликту, отражением чего становится скрытая враждебность, которая проявляется через такую установку, как «никто, кроме меня, не должен быть красивым, способным, удачливым». В результате человеку становится значительно важнее видеть других побежденными, чем пытаться преуспеть самому[6].

Потребность во встрясках и аффективно заряженных событиях. Каждый человек нуждается в аффективных переживаниях и постоянной эмоциональной подпитке. Однако, в силу однообразия и обыденности жизни, этих эмоциональных переживаний может быть недостаточно в окружающем его пространстве. В этом случае человек обращается к различного рода заменителям: кто-то смотрит боевики или мыльные оперы, а кто-то занимается экстремальными видами спорта. Некоторые же начинают питаться чужим горем, то есть, можно сказать проявляют «эмоциональный вампиризм». И в этом случае, отношение к терроризму проявляется через два противоположных переживания – либо горя, либо радости.

К данному типу механизмов также можно отнести и романтические чувства, возникающие к терроризму, то есть когда террористы воспринимаются как герои. К примеру, такое отношение часто отмечалось к бойцам боевой группы эсеров со стороны простого люда в царской России. Объяснение данного феномена мы находим у Д.В. Ольшанского, который отмечает, что «террорист - фигура в ореоле борьбы, а глубинная потребность в борьбе свойственна людям хотя бы в силу их животного происхождения. Террор - метод борьбы. Значит, пока есть борьба, будет террор и будет, помимо негативного, еще и достаточно заметное позитивное к нему отношение. А это означает, что террор не только имел, но и долго еще будет иметь под собой определенную психологическую почву»[2, с.56].

Особенности поведенческих паттернов. Развитие человека определяется не только внутренними условиями (самопроцессами), но и внешним, окружающим его пространством (психологическим, культурным, политическим и т.д.). И здесь механизмы неоднозначного восприятия терроризма мы будем понимать в русле поведенческого направления, то есть как результат особенностей научения. Таким результатом может быть и наличие деструктивных моделей поведения, и отсутствие эмпатического сопереживания (не научили), и восприятие мира через призму «свой - чужой». Последнее особенно было характерно для периода холодной войны, когда весь мир делился на друзей и врагов, и когда несчастья у врагов воспринимались как радость для друзей.

Также к данному механизму относится и «отравленная кнопка». Когда каждый день человек постоянно видит трагические события и слышит о них (как правило, через средства массовой информации), то они могут утрачивать для него свой устрашающий характер. И тогда он начинает

постепенно к ним привыкать и относится либо с безразличием, либо с юмором.

Особенности человека как этического субъекта. Данный механизм мы соотносим с особенностями развития в психологической организации человека его этического слоя (Л.М. Попов[3]). Нравственное начало выступает неотъемлемым компонентом не только системы межличностного взаимодействия, но и всей жизнедеятельности субъекта. Под этическим же слоем понимается система этических характеристик (черт), определяющая уровень развития его человечности. Человечность же, как совокупность этически конструктивных или этически деструктивных качеств, определяет нравственные ориентиры человека в целом. В этом случае противоречивое отношение к террористам может объясняться наличием таких этически деструктивных качеств, как цинизм, зависть, ревность и т.д.

В этом случае, именно особенности этической организации личности выступают тем основным механизмом противоречивого восприятия терроризма, который, интегрируя в себе все остальные, выступает закономерным итогом и продуктом остальных, перечисленных ранее. Будь то неправильное воспитание или нереализованность – все это сопутствующие детерминанты отношения к терроризму, которые с одной стороны влияют на особенности нравственного становления человека, но с другой преломляются через его этическое начало (выступающее гораздо более сложным образованием, в основе которого лежит гораздо большее разнообразие факторов) и проявляются соответствующим образом.

В заключении обозначим еще раз ключевые моменты нашей работы. Одним из значимых факторов устойчивого роста терроризма выступает неоднозначное к нему отношение со стороны простых граждан, не связанных с ним напрямую. В этом случае особенно выделяется проблема «двойных стандартов», когда к одному и тому же явлению человек относится по-разному. Одни террористы воспринимаются им хорошими, другие нехорошими. В основе проявления подобной противоречивости мы видим действие следующих механизмов:

- Компенсаторные реакции
- Потребность во встрясках и аффективно заряженных событиях
- Особенности поведенческих паттернов.
- Особенности человека как этического субъекта

При этом этический компонент выступает тем системообразующим звеном, через которое проявляются все остальные механизмы. Именно нравственное начало отражает субъектность личности, готовой не просто проявлять усвоенные моральные нормы в силу имеющихся стандартов, определенных внешним окружением, а принимать эти нормы как собственные ценности. Трансформация же внешних норм в личностно значимые ценности ведет к тому, что они начинают восприниматься как внут-

рение состояния, как необходимое условие собственной жизнедеятельности.

Литература

1. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / Ф. Ницше; под ред. Я. Бермана, Г. Рачинского. – М.: Жанна, 1994. – 364с.
2. Ольшанский Д.В. Психология терроризма / Д.В. Ольшанский. – СПб.: Питер, 2002. – 288с.
3. Попов Л.М. Добро и зло в психологии человека / Л.М. Попов, А.П. Кашин, Т.А. Старшинова. – Казань: Изд-во КГУ, 2000. - 176с.
4. Рубинштейн С.Л. Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии / С.Л. Рубинштейн. - М., 1997. - 463 с.
5. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э.Фромм. – Назрань: АСТ, 1998. – 670с.
6. Хорни К. Невротическая личность нашего времени / К. Хорни. - М.: Академический проект, 2006. – 207с.

Глубинная психология и методы психопрофилактики терроризма

Хохлова Л.П.,
Институт психологии и педагогики, г. Москва

Усиление террора вызвано, на наш взгляд, кризисом, вызванным системным ростом субъекта, сопровождающимся «внутренней и внешней хаотизацией». Под «внутренней хаотизацией» субъекта мы подразумеваем такое его состояние, когда субъект испытывает чувство неуверенности, беспокойство, страх; взаимоотношения разных частей коллективного субъекта также становятся напряженными. Под «внешней хаотизацией» подразумевается резкая смена условий внешней среды, возникновение непредвиденных и опасных ситуаций. Глубинными психологическими причинами, вызывающими системный рост субъектов является потребность общества в изменении, переходе на другой уровень развития, потребность самих субъектов в новизне, самоактуализации. Известно, что нереализованный потенциал разрушает человека изнутри. Проведенные психологические исследования (Л.П.Хохлова, 1978-1994; 450 испытуемых) показали, что личность человека недостаточно рассматривать через предложенные Э.Берном эго-состояния (Ро, Ре, Взр). Выявлены гетерогенные хаотические структуры в психике человека, которые представляют по сути точки роста, точки саморазвития, т.е. творческий потенциал. Это такие образования, которые состоят из зачатков нашей индивидуальности, имплицитной агрессии (агрессии, подавленной цензурой) и диссоциированных субличностей (MPD- multiple personality disorder), вся же структура в целом представляет собой подобие мира попавшего не в

свое место(MPW- misplaced world's). На рубеже 20-21 веков количество таких образований внутри личности резко увеличилось и сами люди, равно как и общественные системы оказались слабо подготовленными к их проявлению и использованию в социальных условиях. Прежде всего, их надо уметь обнаружить, преодолеть страх, тревогу и агрессию и дать выход в социальную среду, которая в свою очередь должна динамично изменяться, обеспечивая "рабочие места" и признание проявляющимся способностям и талантам. Слабая информированность населения о возможностях использования своих внутренних психологических ресурсов и тем более отсутствие навыков движения в собственной бессознательной сфере и навыков работы с неопределенностью порождают разрыв коммуникативных связей между миром внешним и миром внутренним.

На первом плане – феномен разрушительных сил, и в этой связи актуальной является задача психологического управления разрушительностью. Пониманием природы разрушения должен обладать каждый, как и арсеналом психологических методов трансформации деструктивных сил. Невозможно прийти к гармонии, рассматривая разрушительные силы как врага, с которым надо бороться и уничтожать. Эти силы – составляющая часть целостности, гармонии. Агрессия становится конструктивно-созидательной, если получает управление. Можно также констатировать факт, что психологические защиты, наработанные вследствие задач своего времени, не обеспечивают теперь человеку возможность справляться с современной скоростной жизнью и обрушивающимся эмоционально насыщенным потоком мыслей и образов, сумбуром происходящего. Приливы и отливы бессознательного, хаоса стали настолько часты и разнообразны, что сознание чувствует себя незащищенным, и, в действительности, оно окружено "обломками" психологических защит прошлых столетий, и более того, человек вынужден ждать, когда их сформирует психотерапевт. Этот процесс можно сравнить с атакой вирусных программ в Интернете, на которые каждый раз программисты создают антивирусные программы, не наперед, а уже в след происходящему.

По провидческому мнению Э.Нойманна (1) " структура архетипического канона, которая обычно поддерживала среднего человека, распалась...вся защитная позиция сознательного ума рушится, а вместе с ней – и духовный мир ценностей. В своей работе "Человек массы и явление реколлективизации" Э.Нойманн выделяет понятие "человека группы", такую субличность, которая, хотя и бессознательна, но живет, подчиняясь центроверсии. "Человек группы" представляет собой психическое целое, в нем действуют мощные тенденции, направленные на развитие сознания, индивидуализацию и духовный рост, обладает огромными конструктивными, синтетическими и творческими силами. В противоположность ему, "человек массы", скрытый в бессознательном - психический фрагмент, и если он интегрирован, то это приводит к значительному расширению

личности (это как восстановление заЗИПованного файла). Но если он действует автономно, то это имеет злополучные последствия. Человек-массы противостоит сознанию и миру культуры, он противится сознательному развитию, анти - индивидуален и разрушителен. Наши многолетние психологические исследования (с 1977- 2002 г.) с применением теста КАМВОХ (Л.П. Хохлова), разработанного на основе теста репертурных решеток, теории личностных конструкторов Дж. А. Келли, показали, что лица с асоциальным поведением и осужденные за преступления, действительно, имеют на уровне глубинного подсознания так называемые гетерогенные участки психики, т.е. не переработанные сознанием участки хаоса, имеющего негативную психологическую природу. (Различия статистически значимы). Именно эта категория испытуемых показала наибольший уровень дегуманизации, воспринимала другого человека как функциональную единицу нужную или не нужную для использования ими в данный момент.

Дальнейшие исследования лиц разного возраста (от 5-6 летних до 18 летних и также выборки взрослых людей) показали возможность глубинной психодиагностики степени принятия собственной индивидуальности и индивидуальности других людей. Было выявлено, что, уровень имплицитной агрессии (агрессии, подавляемой цензурой) одинаков, как у конфликтных детей, терроризирующих других, так и у их "жертв". Причем, провокаторами выступали мирные дети. Этот факт, нашел следующую интерпретацию – мирные дети, имея высокий уровень заблокированной имплицитной агрессии, не могли ее выражать социально приемлемыми способами, тогда они невольно провоцировали детей, имеющих такой же высокий уровень имплицитной агрессии, но менее жесткую цензуру в отношении ее проявления.

Данные, полученные нами в экспериментальных исследованиях, могут быть применены к обсуждаемой проблеме психопрофилактики насилия следующим образом. На наш взгляд, интериоризированный Хаос – это "Динамический порядок". Хаос – это не только бесформенная масса (как это описывает Э. Нойманн), но и сверх организованная последовательность Скрытых Порядков, логика которых представляет большой интерес. Хаос как нелинейное явление наделен формообразующей силой и вместе с тем, как событие, способно приводить к катастрофам Хаос (гетерогенность) – это сверхсложная упорядоченность возможностей развития индивидуальности личности. Наши исследования выявили неравномерность развития "темных" и "светлых" сторон "Эго" в процессе онтогенетического развития. У многих людей "темная" часть личности соответствует возрасту ребенка до 3-лет. Что делать с давящим изнутри хаосом, бесформенностью, личность не знает, в процессе ее развития в онтогенезе этим редко кто занимается. Очень небольшая часть населения как-то более конструктивно с этим справляется самостоятельно, а большая часть не-

осознанно занимается блокированием этой бесформенной массы, и наиболее редуцированная часть населения "берет на себя" эту жуткую по форме миссию взрывов гетерогенных участков неосознанной психики, рассматривая ее как страшного врага, естественно, проецируя "образ врага" на других людей. Выдвигаются "проблемы", но они, на самом деле, всего лишь на всего повод; важно систематически "взрывать" напирющую на сознание и "страшную" с точки зрения субъекта часть нашей психики, которая является, образно говоря, "бриллиантовой россыпью" человечества. Причем, чем более развивается стремление к индивидуальности, тем более индивидуализированные формы приобретает зло и в современном мире отходят в прошлое прямые, лобовые столкновения противников, проявления зла начинают носить непредсказуемый и изощренный характер. Сейчас почти каждое государство и, возможно, каждый человек имеет внутри себя такой взрывоопасный очаг, тем самым неосознанно провоцируя акты насилия. Резко возросший темп террористических акций, делает топологические "дырки" в нашей психике, что требует определенных мер. Если усиливать и усиливать тотальный контроль, то хаос будет возрастать с еще большей скоростью. Наиболее типичные - реакции людей на вторгающийся хаос - страх, депрессии, панические атаки, появление опухолей, аварии, психопатологии, террор, и военные меры и тотальный контроль или высокий интеллектуальный уровень здесь не помощники. В сложных исторически развивающихся системах особую роль начинают играть **не силовые взаимодействия, основанные на кооперативных эффектах**. Для того, чтобы **какое-то событие произошло, необходимо непротиворечивое изменение, как окружения, так и состояний человека. Для решения проблем необходимы информационные, не контактные воздействия и методы. Одним из таких методов является метод хаосообразования**. (Л.П.Хохлова, 2006) Можно выделить основные этапы хаосообразования выделенные нами эмпирическим путем работы с 700 психотерапевтическими группами:

1. Преднамеренное хаосообразование как психологический механизм получения нелокальной информации о препятствиях и противоречиях на пути достижения целесообразной ситуации.

2. "Бульон" из холодаинов создается в результате объединения большого числа холодаинов членов группы в процессе групповой холодинамической деятельности. Данное образование есть неравновесная среда живого психологического происхождения и имеющая отношение к вероятности наступления целесообразной ситуации, но на данном этапе, представляющая собой "сырой" конгломерат.

3. Нелокальные связи и управляемый психологический резонанс. Запуская хаосообразование, группа людей порождает акаузальное, син-

хронистическое взаимодействие с целесообразной ситуацией желаемого будущего.

4. Критическая масса и зависание. При появлении такой массы холодаинов, включающих в себя разные смыслы, образуется парадоксальное состояние (состояние "тупой пробки", где ничего не двигается), что в свою очередь требует перехода субъекта от межмодального состояния к трансмодальному.

5. Субъективно странная информационно-смысловая аномалия (полный нонсенс). Признаком перехода к трансуровневому состоянию системы является появление "бреда", смысловой нелепости. Эти ситуации всегда появляются как признаки изменений системы.

6. Агрессивный сепаратор смыслов. Наиболее важный момент в процессе хаосообразования – это включение ситуации, которая требует от участников эмоциональной устойчивости. Группа ищет новые смыслы, удерживая стержень, при этом "старые" смыслы становятся в оппозицию "новым", образуясь. Живой новой сути препятствует ригидная форма.

7. Структурирование, формообразование. Важным этапом в субъектной работе является момент, когда надо самому создавать новые формы выражения своей индивидуальности. Проблема в том, что человек ждет этого от других и тогда индивидуальность как стихия в старой упаковке, не соответствует своему содержанию.

8. Туннельный эффект и получение результата. Подъем аттрактором высшего уровня субъекта к целесообразной ситуации. Для классического наблюдателя это выглядит случайностью, не связываемой сознанием с выполненной внутренней работой.

Литература:

1. Нойман Э. Происхождение и развитие сознания. М., 1998

5. Деструктивные зависимости личности и способы ее преодоления.

К вопросу о социально–психологических аспектах «Интернет-зависимости»

Борисова О.Г.
Кубанский гос.университет, г. Новосибирск

В связи с возрастающей компьютеризацией и «интернетизацией» российского общества стала актуальной проблема патологического использования Интернет, за рубежом, обозначенная еще в конце 80-х годов прошлого века. Речь идёт о так называемой «интернет-зависимости» (синонимы: интернет-аддикция, нетаголизм, виртуальная аддикция). Первыми с ней столкнулись врачи-психотерапевты, а также компании, использующие в своей деятельности Интернет и несущие убытки, в случае, если у сотрудников появляется патологическое влечение к пребыванию он-лайн. Cyber Disorder (Goldberg I. - MD Web Publishing., 1996-1999 г.) войдет в DSM-V на равных с другими нехимическими аддикциями – гэмблингом, сексуальными, ургентными аддикциями, аддикциями избегания отношений, патологической траты денег и трудоголизме.

Чтобы отличить времяпрепровождение в сети, характерное для лиц, которым по роду деятельности приходится в рабочее время находиться он-лайн от аддиктивной реализации в виде пребывания в сети, необходимо учитывать особенности зависимого поведения.

По определению Короленко и Сигала, (1991) аддиктивное поведение характеризуется стремлением ухода от реальности посредством изменения своего психического состояния. (Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Социодинамическая психиатрия. – М., 2001 г.) Т.е. вместо решения проблемы «здесь и сейчас» человек выбирает избегающую реализацию, достигая тем самым более комфортного психологического состояния в настоящий момент, откладывая имеющиеся проблемы «на потом». Этот уход может осуществляться различными способами. Элементы зависимого поведения в той или иной степени присущи практически любому человеку (употребление алкогольных напитков, азартные игры и пр.). Проблема аддикции (патологической зависимости) начинается тогда, когда стремление ухода от реальности, связанное с изменением психического состояния, начинает доминировать в сознании, становясь центральной идеей, вторгающейся в жизнь, приводя к отрыву от реальности. Происходит процесс, во время которого человек не только не решает важных для себя проблем (например, бытовых, социальных), но и останавливается в своем личностном развитии. Этому процессу могут способствовать биологические (например, индивидуальный способ реагирования на алкоголь,

как на вещество, резко изменяющее психическое состояние), психологические (личностные особенности, психотравмы), социальные (семейные и внесемейные взаимодействия) факторы. Важно отметить, что аддиктивная реализация включает в себя не только аддиктивное действие, но и мысли о состоянии ухода от реальности, о возможности и способе его достижения (Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Социодинамическая психиатрия. – М., 2001 г.)

В результате исследований, проводившимися зарубежными и отечественными специалистами был выявлен ряд критериев привлекательности Интернета, как средства «ухода» от проблем «реального мира»: возможность анонимных социальных взаимодействий (здесь особое значение имеет чувство безопасности при осуществлении интеракций, включая использование электронной почты, чатов, ICQ и т.п); возможность для реализации представлений, фантазий с обратной связью (в том числе возможность создавать новые образы «Я»; вербализация представлений и (или) фантазий, невозможных для реализации в обычном мире, например, киберсекс, ролевые игры в чатах и т.д.); чрезвычайно широкая возможность поиска нового собеседника, удовлетворяющего практически любым критериям (здесь важно отметить, что нет необходимости удерживать внимание одного респондента – т.к. в любой момент можно найти нового); неограниченный доступ к информации («информационный вампиризм») занимает последнее место в списке, т.к. в основном опасность стать зависимым от Всемирной Паутины подстерегает тех, для кого компьютерные сети оказываются, чуть ли не, а иногда и единственным средством общения

Термин «Интернет-зависимость» предложил доктор Айвен Голдберг (Goldberg I. - MD Web Publishing., 1996-1999 г.) в 1996 году для описания патологической, непреодолимой тяги к использованию Интернет. Диагностические критерии расстройства в целом соответствуют критериям DSM-IV для нехимических зависимостей: использование компьютера вызывает дистресс; использование компьютера причиняет ущерб физическому, психологическому, межличностному, семейному, экономическому или социальному статусу.

Имеется взаимосвязь с такими нехимическими аддикциями как трудоголизм и гэмблинг (патологическая игра). (Goldberg I. - MD Web Publishing., 1996-1999 г.)

В другой статье, размещенной в Интернет, Dr. Goldberg характеризует «Интернет-зависимости» как «оказывающую пагубное воздействие на бытовую, учебную, социальную, рабочую, семейную, финансовую или психологическую сферы деятельности». Голдберг предпочитал использовать термин «патологическое использование компьютера» (PCU – pathological computer use). В настоящее время термин PCU употребляется для более широкой категории, в которой некто патологически использует

компьютер вообще, включая виды использования, не относящиеся к социальным, а термин «интернет-зависимость» используется для обозначения аномального использования компьютера для вовлечения в социальные взаимодействия.

Доктор М. Орзак (Maressa H. Orzack, Ph.D. Web Publishing., 1996-1999 у.) выделила следующие психологические и соматические симптомы, характерные для PCU:

Психологические симптомы: хорошее самочувствие или эйфория за компьютером; невозможность остановиться; увеличение количества времени, проводимого за компьютером; пренебрежение семьей и друзьями; ощущения пустоты, депрессии, раздражения не за компьютером; ложь работодателям или членам семьи о своей деятельности; проблемы с работой или учебой.

Соматические симптомы: синдром карпального канала (туннельное поражение нервных стволов руки, связанное с длительным перенапряжением мышц); сухость слизистых оболочек глаз; головные боли по типу мигрени; боли в спине различной локализации; нерегулярное питание, пропуск приемов пищи; пренебрежение личной гигиеной; расстройства сна, изменение режима сна.

Согласно исследованиям Кимберли Янг (Young K. S. Caught in the Net: How to Recognize the Signs of Internet Addiction and a Winning Strategy for Recovery. – N. Y. 1998 у.) предвестниками «Интернет-аддикции» следует считать: навязчивое стремление постоянно проверять электронную почту; предвкушение следующего сеанса он-лайн; увеличение времени, проводимого в сети; увеличение количества денег, расходуемых на Интернет.

Было проведено оригинальное исследование, с использованием теста, предложенного К. Янг. (Young K. S. Caught in the Net: How to Recognize the Signs of Internet Addiction and a Winning Strategy for Recovery. – N. Y. 1998 у.) На одном из сайтов был размещен переведенный и адаптированный тест на «Интернет-зависимость». (Жичкина А.Е. «Шкала «Интернет-зависимости», <http://www.flogiston.ru>) Сайт являлся участником Rambler, ссылки на него были размещены в ряде чатов и интернет-форумов. За неполных 5 месяцев исследования получено более 600 анкет, принято к обработке - 570. Из них 196 женщин, 374 мужчины. Возраст опрошенных от 30 до 45 лет. 49% имеют высшее образование, 15% - среднеспециальное, 10% - незаконченное высшее. 25% респондентов продолжают образование. 78% используют Интернет для работы, остальные 22% исключительно для отдыха и развлечения.

Распространенность интернет-аддикции составляло примерно 2% (по данным К. Янг – 1–5%), причем более подвержены ему индивиды, имеющие гуманитарный склад ума и люди, не имеющие высшего образования, нежели специалисты по компьютерным сетям. Среди подверженных зави-

симости преобладали мужчины (67%) (по данным исследования, проведенного одним из университетов в Хартфордшире, Великобритания, пол роли не играет). Скорее всего, это связано с тем, что в российском секторе Интернета женщин просто меньше. Также подтвердились данные о том, что сравнительно часто среди лиц, страдающих интернет-зависимостью, встречаются злоупотребляющие алкоголем, патологические игроки или аддикты, избегающие близких отношений. Стаж пребывания в Интернет у зависимых в среднем более 2-х лет, однако, наблюдалось значительное количество опрошенных, набравших по тесту К. Янг «пограничное» количество баллов со стажем менее года. Здесь можно предполагать, скорее, не предрасположенность к зависимости, а увлечение новой «игрушкой».

Исходя из вышесказанного нам представляется возможным сделать следующие выводы:

1. Зависимость от Интернета, или «Интернет-аддикция» - реально существующий феномен. Для того, чтобы считать его заболеванием, в настоящее время недостаточно клинических данных.

2. Если «Интернет-аддикция» будет впоследствии признана заболеванием (в качестве, например, т.н. «киберрастройства»), то число страдающих от него будет существенно меньше, чем это представляется сейчас. Расширение симптоматики удобно на данный момент специалистам по психическому здоровью и исследователям этого феномена.

3. За проявлениями зависимости от Интернета нередко скрываются другие аддикции либо психические отклонения. Зависимые от Интернета пользователи нуждаются в квалифицированной психотерапевтической помощи.

4. Феномен «Интернет-аддикции» постоянно видоизменяется вместе со стремительным развитием Интернета и заслуживает досконального изучения. Применяться должны и качественные, и количественные исследовательские методы.

Страх зависимости от наркотиков как важный фактор психологической адаптации

М.Е. Валиуллина, Мифтахова Л.Р.
Казанский гос.университет

Тщательное исследование взаимосвязей между различными характеристиками психологической адаптации и испытываемых человеком психических состояний позволяет расширить представление о механизме формирования наркозависимости.

Целью нашего исследования явилось изучение специфики взаимосвязей между различными адаптационными характеристиками и испыты-

ваемыми психическими состояниями у лиц юношеского возраста не употребляющих и употребляющих наркотики. Причем отслеживались эти взаимосвязи в двух ситуациях: до и после приема наркотиков у наркозависимых, и до и после применения социально одобряемых средств саморегуляции (прогулка, медитация, общение с друзьями и т.п.) у лиц, не употребляющих наркотические средства с целью улучшения своего настроения.

Страх попасть в зависимость от наркотических средств можно расценивать как один из адаптационных механизмов, регулирующих возможности человека чувствовать себя комфортно без психоделиков.

Существуют различные способы саморегуляции, среди них есть и те, которые можно назвать ложными, так как они сначала вызывают стойкую зависимость, а затем и разрушение, как на уровне психики, так и на уровне физического тела. Наркотики – это препараты, которые, как правило, создают иллюзию временного улучшения самочувствия человека, позволяют ему чувствовать себя, как ему кажется, более свободно, проясняют сознание, но на самом деле их употребление в качестве регулятора настроения ведет к постепенной деградации.

В нашем исследовании участвовали 40 испытуемых в возрасте от 20 до 26 лет. Половина из них считали, что употребление ими, так называемых клубных наркотиков не несет никакого вреда и не формирует болезненную зависимость от них. Другая половина испытуемых совсем не принимала наркотические средства. Эти люди достигали улучшения самочувствия при помощи социально одобряемых способов саморегуляции (чай, кофе, йога, релаксация, тренинги, музыка, общение и т.п.). Для проведения эмпирического исследования нами были отобраны следующие методики:

1. Методика определения характеристик социально-психологической адаптации (СПА) К. Роджерса и Р. Даймонда;

2. Составленная нами анкета включала в себя:

- шкалу о степени выраженности у испытуемых страха наркотической зависимости.

- вопросы об употребляемых наркотических средствах (у тех, кто ими пользуется) или о социально одобряемых средствах саморегуляции психических состояний (для лиц не употребляющих наркотические препараты)

- список названий психических состояний, опираясь на который испытуемым нужно было указать степень выраженности того или иного состояния до и после приёма наркотических средств или применения способов саморегуляции у лиц, не употребляющих наркотические препараты.

Психические состояния были отобраны нами на основе классификации психических состояний А.О. Прохорова [1], в списке перечислялось 42 различных психических состояния.

Результаты исследования позволили нам сделать следующие достоверно обоснованные выводы:

- У лиц, не принимающих наркотики с целью улучшения своего самочувствия, страх впасть в зависимость от этих веществ выражен значительно сильнее, чем у тех, кто их уже употребляет. Возможно, именно страх зависимости и служит сдерживающим фактором, когда наркотик в принципе доступен для употребления. Причем страх зависимости от психостимулирующих средств у этой категории людей проявляется тем сильнее, чем чаще они испытывают позитивные психические состояния без наркотиков. Общее увеличение переживаемых положительных состояний укрепляет уверенность в том, что наркотиков следует избегать.

- У лиц, периодически употребляющих психостимулирующие средства, одним из явных факторов, обостряющих опасения о наличии зависимости, является выраженное психическое состояние растерянности и непонимания смысла жизни, когда они не могут вовремя принять наркотическое средство, а после приема соответствующего препарата и получения временного эффекта, страх зависимости увеличивается по мере усиления состояния удовлетворенности и уверенности в своих силах. Испытуемые понимают, что это состояние им нравится, но получить его вновь они смогут только с помощью психостимуляторов. Других способов быстрого улучшения настроения они не видят.

- У не принимающих наркотики, выявлены психические состояния, которые в первую очередь ослабляют страх зависимости и, следовательно, могут подтолкнуть на первичный прием психостимулятора. Так, до того, как те, кто не принимает наркотики используют какие-либо способы саморегуляции, такими состояниями являются страх чего-либо, сильная обида и беспомощность. После применения социально одобряемых приемов саморегуляции, беспомощность и страх чего-либо становятся не актуальными, а сильная обида, как фактор, способный спровоцировать прием психоделика, остается. Следовательно, именно такое психическое состояние, как обида – может стать сильным стимулом к первичному приему наркотических средств.

- У принимающих наркотики испытуемых такое психическое состояние, как ясность сознания ассоциируется в первую очередь с состоянием после приема, то есть только после приема психостимуляторов, по субъективным ощущениям испытуемых, их сознание становится ясным, исчезает состояние оцепенения. Если же представители этой группы начинают активно бояться зависимости от препарата, они оценивают свое сознание, как не ясное, и снова стремятся его «прояснить», приняв очередную дозу. У группы, не принимающей наркотики обратная картина. Эти люди считают свое сознание ясным, когда четко понимают, что могут впасть в зависимость, если начнут употреблять препараты.

Данные, полученные в исследовании можно использовать для прогнозирования возможности формирования наркозависимости у лиц юношеского возраста и, соответственно, для разработки адекватного, индивидуального подхода к вопросам профилактики наркозависимости.

Литература

1. Прохоров А.О. Психология психических состояний//Сборник статей. Вып.6. К., 2006.

Изменение копинг-поведения созависимых как основа их социально-психологической реабилитации

В.С.Делеви,
Самарский муниципальный институт управления

По разным оценкам в России количество потребителей наркотиков колеблется от 6 до 8 процентов населения, из них более 63 процентов составляют подростки. Нарастающие требования социальной среды вызвали появление массовых состояний психоэмоционального напряжения, увеличение форм саморазрушающего поведения, обуславливающего наркотизацию подростков. При этом наркозависимость подростка является частью системной семейной дисфункции, важной частью которой является созависимость родителей, характеризующаяся определёнными личностными и поведенческими особенностями, в частности, в структуре копинг-поведения. Всё это приводит к деструктивным изменениям в системе семейных отношений.

Семья выступает как фактор, провоцирующий употребление наркотиков и фиксации психологической зависимости от наркотиков, провоцирующий срыв в период ремиссии, если реабилитационная работа с семьёй не проводится. С другой стороны, - как фактор эффективности реабилитационной и профилактической работы – если проведена системная реабилитационная работа с семьёй.

Теоретический анализ литературы позволил выделить основные социально-психологические характеристики созависимых: неадекватная (чаще низкая) самооценка, отрицание, отказ от себя, страх, тревога, стыд, вина, перфекционизм, гнев, навязчивые мысли, склонность к резким суждениям, мифологическое мышление, неумение соблюдать границы личности, сверхответственность, сверхконтроль, стремление к манипулированию другими, «спасательство» и ригидность.

В раскрытии исследуемой темы мы использовали транзакционную модель стресса Р.Лазаруса и С.Фолкман в интерпретации Н.А.Сирота и В.М.Ялтонского. Данная теория базируется на связи стресса и копинга. Связующие характеристики заключаются в рассмотрении стресса как свя-

зи между личностью и средой, которая оценивается личностью как испытывающая или превышающая ее ресурсы, как угрожающая ее благополучию. Взаимодействие среды и личности регулируется двумя ключевыми процессами: когнитивной оценкой и копингом. Понятие "копинг" или "преодоление стресса" рассматривается Р.Лазарусом и Д.Коун как деятельность личности по поддержанию или сохранению баланса между требованиями среды и ресурсами, удовлетворяющими этим требованиям (Н. А. Сирота.).

На основании теоретического анализа по данной проблематике нами было предложено следующее определение созависимости в парадигме совладания со стрессом: **созависимость - это особый вид социально-психологической дисфункции, выражающейся в нарушении адаптации к условиям стресса и обусловленной пассивными стратегиями совладающего поведения.**

В настоящее время известно достаточно большое количество технологий реабилитации, базирующихся на методах поведенческой терапии, транзактного анализе, гештальт-терапии, психодрамы, программе «12 шагов», однако зачастую данные технологии не затрагивают глубинных личностных процессов. Специфика созависимости, как специфической формы зависимости, требует глубинной личностной трансформации, посредством применения интегративного подхода к реабилитации.

Предложенная нами модель основана на концептуальных и методологических представлениях экзистенциальной философии, психологии и психотерапии (Бьюдженталь, Кьеркегор, М.Мамардашвили, П.А.Флоренский, Р.Мэй, В.Франкл, Фромм, С.дю Плок), классического психоанализа, танатологии (З.Фрейд, С.Рязанцев, А.Налчаджян), психологии телесности и телесноориентированной психотерапии (А.Ш.Тхостов, Г.А.Арина, В.В.Николаева, А.Лоуэн, В.Райх, В.Ю.Баскаков, Е.Э.Газарова), а также групповых методов работы (К.Рудестам, И.Ялом и др.). Психоанализ трактует любую деструкцию, изменение как смерть. Развитие созависимости, как специфической формы зависимости, мы представляем как процесс психологической (Э.Кюблер-Росс) и социальной (А. А. Налчаджян) смерти. При этом мы находим взаимосвязь между копинг-стратегиями созависимых и метафорой смерти. В экзистенциальном контексте, пассивные копинг-стратегии, наиболее выраженные у созависимых, и характеризующиеся отказом от борьбы за жизнь, актуализацией деструктивных механизмов личности, напоминает процесс умирания, причём с явными суицидальными признаками. Это согласуется с трактовкой смерти в психоаналитической парадигме, где любая деструкция рассматривается как смерть.

Стратегия преодоления носит «жизнетворящий» характер. Но если развитие созависимости мы рассматриваем как процесс умирания здоро-

вой личности, то выздоровление от созависимости можно представить как умирание созависимой личности и рождение новой, здоровой.

В предлагаемой модели решающим этапом является "второе рождение" – рождение "здоровой личности", то есть формирование свойств и качеств, присущих здоровой, продуктивной личности. В процессе формирования "здоровой личности" следует ориентироваться не на привлечение неких свойств извне, а на актуализацию и активизацию собственного личностного ресурса человека. Кроме того, важно сформировать и развить его способность находить, привлекать и использовать в целях выздоровления ресурсы социальной среды, т. е. то, чем характеризуется копинг - стратегии преодоления.

Процесс выздоровления представлен как процесс изменения копинг-стратегий созависимого: от копинг-стратегии избегания к копинг-стратегии преодоления, а процесс реабилитации – как «умерщвление» созависимой личности и «рождение» здоровой. Непременным условием этого процесса является активность самой личности.

Эти процессы можно описать как трансформацию личности.

Э.Кюблер – Росс описывает 5 стадий психологической смерти человека:

1. Отрицание реальности и изоляция
2. Возмущение (агрессия)
3. Ведение переговоров и заключение соглашения
4. Депрессия
5. Принятие смерти (примирение с мыслью о неизбежности смерти) и смирение

Эти стадии имеют почти полное соответствие со стадиями осознания созависимыми факта своего болезненного состояния и необходимости его изменения. При этом под «смертью» в данном случае понимается завершение деструктивного состояния и начало нового, конструктивного.

В предлагаемой модели социально-психологической реабилитации трансформация личности достигается с использованием технологий танатотерапии, телесно-ориентированной и экзистенциальной психотерапии.

Кратко опишем структуру и ход процесса реабилитации по предложенной модели. Численность реабилитационных групп составляла от десяти до двенадцати человек. Реабилитационный процесс занимал от шести до семи месяцев и состоял из трёх этапов. **Первый этап** посвящён актуализации эмоционально-чувственной сферы, телесных ощущений, осознанию своего созависимого состояния, проблем детско-родительских отношений. Этот этап состоит из трёх фаз: *первая* (продолжительностью от двух до трёх недель, по два раза в неделю) – фаза консультативного приёма: созависимые получают информацию о состояниях зависимости от психоактивных веществ и созависимости, влиянии стресса, копинг-поведении, способах совладания со стрессом; определяются индивиду-

альные особенности и запросы участников. *Вторая фаза* – тренинг №1 продолжительностью от трёх до пяти дней. Цель тренинга – актуализация эмоционально-чувственной сферы, телесных ощущений. Методологическая основа тренинга – методы телесно-ориентированной психотерапии (ТОП). *Третья фаза*, около полутора месяцев, – регулярная (два раза в неделю по два часа) работа, направленная на развитие навыков, полученных на тренинге, осознанию ценностно-смысловых ориентаций, Я-концепции и т.д. **Второй этап** состоит из четырёх фаз: *первая* – тренинг №2 продолжительностью от трёх до пяти дней; на тренинге проводится глубинная работа с экзистенциальными переживаниями, ценностями, целями для формирования и развития активных копинг-стратегий. *Вторая фаза* (полтора – два месяца) представляет собой регулярную работу по развитию и закреплению навыков, полученных на тренингах, работа как со всей группой, так и в малых группах. *Третья фаза* – тренинг №3 (три дня); тренинг посвящён личностной трансформации, актуализации социально-активных свойств личности; методологическая база тренинга – методы танатотерапии. *Четвёртая фаза* – работа по развитию и закреплению навыков, полученных на тренингах. **Третий этап** посвящён развитию и закреплению приобретённых навыков совладания со стрессом, осмыслению личностной трансформации, формированию социально-активных копинг-стратегий. Этап делится на две фазы. *Первая фаза* – тренинг №4 (3 – 5 дней); базовые технологии – ТОП, экзистенциальной терапии, танатотерапии. *Вторая фаза* – посттренинговая работа (2 – 3 недели). Кроме того, на третьем этапе созависимые получают навыки ко-терапевтической работы с детьми. Особенность этапа состоит в том, что в работе участвуют родители совместно с детьми. Работа в фазах между тренингами и после тренинга проводятся как со всей группой, так и в малых группах. Кроме того, при необходимости проводится индивидуальная работа.

Проверка эффективности модели формирования социально-активного совладающего поведения, проведённая по окончании курса реабилитации, обнаружила позитивные изменения по большинству исследуемых параметров: у матерей наркозависимых подростков обнаружилась тенденция к преобладанию социально-активных копинг-стратегий, в частности, продуктивному поиску социальной поддержки, стратегии решения проблем; они стали более адаптивны в социуме; снизилась тенденция к гиперконтролю и гиперответственности. Эти данные свидетельствуют об эффективности предлагаемой модели социально-психологической реабилитации.

Литература

1. Валентик Ю.В., Сирота Н.А. Руководство по реабилитации больных с зависимостью от психоактивных веществ.- М., Издательство «Литера - 2000», 2002.- 256 с.

2. Делеви В.С. Формирование социально-активного совладающего поведения у матерей наркозависимых подростков: Дисс....канд. психол. наук. – Москва, 2006
3. Лаврова О.В. Глубинная топологическая психотерапия: идеи о трансформации. Введение в философскую психологию. «Издательство ДНК», С-Пб., 2001, 422с.
4. Леонтьев Д.А. Смысл смерти: на стороне жизни//Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. – 2/2004(5) – Ростов – на – Дону, 2004.
5. Мамардашвили М. Психологическая топология пути. С.-Пб., 1997.
6. Минделл А. Кома: ключ к пробуждению. М., независимая фирма «Класс»- 2000- С.252
7. Москаленко В.Д. Зависимость: семейная болезнь. Per Se, Москва, 2002.- 335 с.
8. Налчаджян А. Загадка смерти.- Ереван - «Огебан»- 2000-267 с.
9. Рязанцев С. Танатология – наука о смерти. – С.-Пб.- Восточно – Европейский ин –т психоанализа.-1994.
10. Сирота Н.А. Копинг – поведение в подростковом возрасте: Диссертация...д-ра медицинских наук.- Бишкек, 1994.
11. Ялтонский В.М. Копинг - поведение здоровых и больных наркоманией: Дисс. ... докт. мед. наук. — СПб.,1995. — 396с.
12. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М., Класс, 1999
13. Lazarus R.S., Folkman S. Coping and adaptation // W.D. Gentry (Eds.). The handbook of behavioral medicine. —N.Y: Guilford, 1984. — P. 282—325.
14. Lazarus R.S., Perrez M., Reiherts M. Stress, Coping and Health: a situation-behavior approach: theory, methods, application. — Hogrefe and Huber Publishers. — Seattle-Toronto-Bern-Gottingen, 1992. —P. 5—9.

Проективные методы исследования деструктивных профессиональных действий и преодоление психологических барьеров в условиях перемен

Е.П. Ермолаева
Институт психологии РАН, г. Москва

Несбалансированные социально-экономические воздействия приводят к нарушению единства индивидуально-психологической, инструментальной и социальной моделей профессии и создают для профессионала ситуацию "реорганизационного шока" – хронического пребывания "на рубеже", сравнимого с психотравмой. Не владея ситуацией, человек оказывается не только "пленником своей профессии", но подчас и "пленником" привычной научной темы или производственной функции; того учреждения, где долгие годы работал, и привычного окружения сотрудников, – особенно, если это стало необходимой средой существования.

Подобные проблемы побуждают обратиться к личностно-центрированным моделям исследования, близким к психоаналитической парадигме и использующим принципы проективной и реконструктивной диагностики с оценкой возможностей их распространения на здоровую личность, находящуюся в конфликтной профессиональной среде.

При обосновании адекватности личностно-центрированной проективно-реконструктивной диагностики для профессиональной сферы следует выделить: *премат функции самоутверждения* и принципиальное *ограничение возможностей* эмпирического (экспериментального, прямого и непосредственного) анализа травмирующей ситуации в момент ее свершения. Обращение к косвенным методам (в частности, к анализу профессиональных ошибок), обусловлено еще и тем, что предметом исследования являются реальные люди, которые не склонны участвовать в эксперименте, и реальные явления, которые невозможно воспроизвести в лаборатории.

Если спроецировать "принцип удовольствия" на профессиональную сферу, то можно определить его как творческое начало в человеке, направленное не на биологическое самоутверждение, а на утверждение себя как личности путем самореализации в продуктивной деятельности с целью социального признания: либо обществом (социальная ориентация), либо значимыми другими (ориентация на референтную группу), либо самим собой (псевдосоциальная ориентация на образ «успешного Я»). При этих посылках, идентификация со значимым объектом выступает в качестве универсального механизма самоопределения как в сфере личных отношений, так и в трудовой деятельности, формируя в последнем случае профессиональную идентичность.

Проективная методология (в широком смысле слова) – поиск в отдельных феноменах реального поведения признаков общих психологических закономерностей. Во многих случаях единственный способ исследования реальных профессиональных поступков – психологическая реконструкция их мотивов, а способ концептуального обобщения – психологическое моделирование причинно-следственных связей. Например, по профессиональным ошибкам (по аналогии с фрейдовскими «оговорками» и «парапраксиями» в сфере личных проблем) можно установить причину социальной деформации профессиональных ролей.

В реконструктивной психодиагностике всегда присутствуют некоторые априорные модели – типичные формы поведения (роли, позиции, отношения), обладающие набором характерных признаков, с которыми сравнивается исследуемая личность. Непосредственный материал, который анализируется, – это не само поведение, и не травмирующий случай, который был, возможно, много лет назад, а лишь

то, что человек сам рассказывает о себе, либо то, что он скрывает (оговорки) – т.е. некоторый словесный пласт, который является проекцией травмированной личности на поведение, и по которому, в свою очередь, можно прогнозировать его будущие поступки. Механизм этого прогноза основан не на эксперименте, а на субъективной интерпретации исследователем взаимосвязи факторов поведения.

Аналогично, при анализе профессиональных ситуаций или новых социальных функций, возникающих в динамике профессиональных отношений, мы имеем дело с их отражением в ошибках, оговорках, заявлениях, документах. В большинстве случаев речь идет о ситуациях, в которых профессионалы не доступны для прямого контакта, и тогда исследователь может лишь воссоздать реальную картину уже совершенного поступка по его документальным следам и попытаться моделировать его ценностно-мотивационную предысторию. В случаях же, когда профессионалы доступны для прямого контакта, исследователь может прогнозировать и будущие поступки по тем проекциям мотивационно-ценностной сферы и самоидентификациям профессионала, которые получены в ходе проективного тестирования.

Таким образом, мы предлагаем два метода проективного анализа профессионалов: *реконструктивный* и *идентификационный*.

Первый – метод реконструктивной диагностики мотивационно-ценностной основы профессиональных поступков – базируется на модели неустойчивых *системных отношений* человек–профессия–общество, в фокусе проекции которых находится профессионал. Этот метод хотя и отнесен нами к категории проективных методов, но направлен, скорее, на выявление не подсознания, а того, что было в момент совершения профессионального поступка вполне осознанным, но потом специально скрывалось. Как и большинство психоаналитических процедур, он отличается некоторой редукцией события – сравнением с упрощенной теоретической моделью ("эталон" поведения). Роль одного из таких "эталонов" для оценки позиции реальных профессионалов отводится "массовому профессиональному субъекту" как "конструкту" наиболее выраженной тенденции поведения «среднего» профессионала в определенной ситуации или на данном историческом этапе.

Для определения других эталонов были исследованы две группы эмпирических источников, в одной из которых представлены заведомо идентичные профессионалы (мемуары, интервью, дневники, видеозаписи и др.) в другой – типично маргинальные фигуры. В результате контент-анализа выделились два полярных эталона (на базе противоположных мотивационно-личностных характеристик, условно названных нами: «инварианты идентичности» и «инварианты маргинализма»).

«Эталон идентичности» включает аспекты личностного отождествления с профессией: творческая самореализация через профессию, месси-

анство, совершенствование мастерства, повышение социальной ценности профессионального вклада.

«Эталон маргинализма» отражает ментальное отторжение профессии: отношение к ней как средству удовлетворения личных потребностей, а не как к «конструктивной цели»; имитация профессиональной деятельности и профессионального сознания); «пограничное пребывание» в профессии.

Психологическая реконструкция включала оценку профессиональных поступков с позиции всех трех эталонов. Поступки группировались по признаку наличия нарушений в тех или иных звеньях системы отношений человек–профессия–общество. Сравнительный анализ типичных случаев, отражающих *разные уровни* этих нарушений, позволил выделить наиболее общие формы и механизмы дисбаланса.

При нарушении связей *человек–профессия* инверсия субъективного смысла профессии путем многократного дублирования в типовых профессиональных ошибках переходит в массовое сознание и провоцирует снижение социально приемлемого уровня профессионализма. Нарушение связей *человек–общество* приводит к нарастанию противоречия между значением и смыслом профессии в современном мире и к смещению целевой функции профессии с социально востребованной на индивидуально-мотивированную. При нарушении связей *профессия–общество* социальная модель профессии перестает совпадать с ее социальным же предназначением. Инверсия социального смысла профессии идет в направлении усиления прагматической мотивации и снижения порога моральных запретов.

В результате нарушения *координирующей функции профессионала* как "ядра" системы человек–профессия–общество снижается эффективность оценки социальных последствий принимаемых решений. Основой системного дисбаланса являются неадекватные *внутрипрофессиональные представления* о взаимосвязях в системе человек–профессия–общество.

Второй метод – идентификационный – предполагает прямой контакт исследователя с профессионалом и основан на выявлении его профессиональных идентификаций по трем тестам, предъявляемым в форме записи интервью с реальными профессионалами разных идентификационных типов. Первый тест содержит высказывания профессионала, отвечающие всем критериям профессионализма и социальной этики; второй отражает наиболее выраженные и достаточно противоречивые массовые представления; третий тест представляет собой «рекомендации специалиста», как следует себя вести, чтобы добиться успеха, пренебрегая нормами морали, – смысл которых укладывается в формулы «победителей не судят», «цель оправдывает средства», «высоконравственный неудачник вызывает презрение» и т.п. Испытуемому предлагалось в каждом из трех тестов подчеркнуть те утверждения, с которыми он согласен. Это позво-

ляет достаточно точно устанавливать наличный уровень профессиональной идентичности и прогнозировать наиболее вероятные тенденции социального поведения конкретного профессионала.

Завершающим этапом было исследование стратегий реализации профессионалов в различных ситуациях дисбаланса. Показано, что нарушение согласованности между социальной, инструментальной и индивидуальной моделями профессии может привести к самомобилизации и стимулировать позитивную перестройку субъекта труда и трудовых функций: тогда оно выступит как фактор *развития* личности. Как фактор *опасности* оно может побуждать личность к социальной защите, а как фактор "*враждебной среды*" вызывать ее активное сопротивление. И, наконец, оно может проявляться как фактор *подавления* личности и *деградации* профессионала. При этом, профессионалы разных идентификационных типов – конформист, прагматик, отверженный или действующий маргинал, ортодокс, трудоголик и идентичный профессионал – ведут себя по-разному. Показательным в этом отношении является неоднозначное воздействие глобализации на профессиональное поведение. Способность противостоять негативным воздействиям глобализации и быть интегрированным в новую систему ценностей, кроме идентификационных факторов, предполагает преодоление психологических барьеров.

Одна из возможных трактовок «психологического барьера» может быть представлена в виде двух векторов: направленный на личность вектор – *страх принятия нового*, а от нее – *страх утраты старого*. Комплекс страха лежит в основе психологического феномена "сопротивления изменениям", антиподом которого выступает так называемое "творческое разрушение", где элемент "разрушения" направлен на "страх утраты старого", а элемент "творчества" снимает "страх принятия нового".

В рамках этой модели каждый тип барьера может быть описан в зависимости от соотношения в нем этих двух параметров. Первая группа барьеров включает барьер восприимчивости к новому и барьер личной инициативы, специфику которых составляет преобладание "страха принятия нового". Вторую группу образуют барьер риска и барьер ложных установок, которые преимущественно описываются как формы "страха утраты старого". И, наконец, третья группа состоит из психологических барьеров, сочетающих в разных пропорциях то и другое. Это барьер автономности, барьер коммуникации, барьер достижения.

В зависимости от того, какой из элементов воздействия на барьер (разрушение или творчество) преобладает, методы преодоления психологических барьеров могут быть прямыми или косвенными, антагонистическими или адаптивными.

Часть методов преодоления базируется *на реальном устранении барьера* путем устранения его причины. Другая часть методов

предполагает прямое активное *воздействие на сознание субъекта* с целью снятия ложных установок, препятствующих позитивному восприятию глобализации, создания новых установок на максимальные личные достижения, устранения синдрома "внутренней несвободы", зависимости. Ведущими методами этой группы являются методы рационализации барьера, которые дают стимул для перестройки самосознания и внутренней работы над собой. Сюда же относятся методы гиперболизации и трансформации барьера, позволяющие расширить "зону безопасности" его действия.

Методы *нейтрализации барьеров*, устранение которых нецелесообразно в силу различных причин, например, слишком высокой психофизиологической "цены" такого устранения, предполагают: снятие другого барьера-первопричины; компенсацию и сверхкомпенсацию барьера сопутствующими факторами или техническими средствами деятельности; выключение его из деятельности и выбор в пределах профессии такого занятия, где этот барьер несущественен, даже если он останется высоким.

Самоповреждающее поведение

А.А. Зайченко

В западной психологии для обозначения преднамеренного ущерба, причиняемого человеком собственному телу (в отличие от более широкого понятия самодеструктивного, аутодеструктивного, аутоагрессивного, саморазрушительного поведения – *self-destructive behaviour*) используются понятия *self-injury (SI)* – «самоущерб», *self-harm (SH)* – «самовред», *self-inflicted violence (SIV)* – «причиненное себе насилие», *self-mutilation (SM)* – «членовредительство», *self-injurious behavior (SIB)* – «самоповреждающее поведение». Самоповреждающее поведение направлено на освобождение или уменьшение невыносимых эмоций (человек надеется справиться с эмоциональной болью) или связано с ощущением невозможности действовать или чувствовать. Расширенное определение самоповреждающего поведения включает (Harrison D., 1997) причинение вреда телу посредством нарушений пищевого поведения (анорексия и булимия), табуировок, пирсинга и ряда навязчивых действий: онихотилломании (разрушение ногтей и околоногтевых валиков), онихофагии (обкусывание ногтей и околоногтевых валиков), онихохейлофагии (обкусывание ногтей, околоногтевых валиков и губ), аутодепиляции – трихотилломании (выдергивание волос) с возможной дальнейшей трихофагией (поедание волос), дерматотилломании (щипание кожи), вывихов суставов пальцев, а также других форм несмертельного повреждения, к которым относят: кусание рук и других частей тела (чаще – губ, языка); царапанье кожи;

расчесывание ран, язв, швов, родимых пятен; самопорезы; перфорация частей тела с помещением в отверстие инородных предметов; удары кулаком и головой о предметы и самоизбиение (чаще – кулаком, проводом); уколы (булавками, гвоздями, проволокой, пером ручки и др.); самоожоги (чаще – сигаретой); неполное самоудушение (без желания усиления полового возбуждения или достижения сексуального удовлетворения); злоупотребление алкоголем, лекарственными средствами и наркотиками (с отравлением и передозировкой без суицидального намерения); глотание коррозионных химикалий, батареек, булавок (Burrows S., 1992).

В DSM-IV-TR и ICD-10 (МКБ-10) отсутствуют диагностические критерии самоповреждающего поведения, которое рассматривается в DSM-IV-TR лишь как симптом пограничных личностных расстройств (borderline personality disorder), а также может быть связан с умственной отсталостью, психическими травмами и эмоциональными злоупотреблениями (Rea K., Aiken F., Borastero C., 1997), пищевыми расстройствами, такими личностными особенностями как низкое чувство собственного достоинства или перфекционизм. Самоповреждающее поведение следует отличать от 1) самоповреждений, причиняемых в результате императивных вербальных галлюцинаций или бреда (аутокастрация, аутоампутация, ауотрепанация, аутоэнуклеация) при шизофрении; 2) активности, связанной с усилением полового возбуждения или достижением сексуального удовлетворения (садо-мазохистская практика, сдавление кровеносных сосудов или неполное самоудушение, мастурбационные ритуалы с помещением предметов в прямую кишку или мочеиспускательный канал); 3) повреждения половых органов при транссексуализме; 4) суицидального поведения, включая демонстративные суициды. Самоповреждающее поведение обычно не связано с попыткой самоубийства. Кроме того, популярное неправильное представление о самоповреждающем поведении связано с тем, что оно является средством привлечения внимания: большинство людей, склонных к самоповреждению, скрывают свое поведение и его следы от других, предлагают другие объяснения своих ран и шрамов. В частности, поэтому точная статистика по самоповреждающему поведению отсутствует.

Считается, что самоповреждающее поведение в большей степени распространено среди молодых людей и женщин. Впрочем, последнее обстоятельство может быть связано с тенденцией мужчин скрывать подобное поведение. Одно из самых ранних исследований самоповреждающего поведения выполнено Conterio и Favazza (1986), которые установили, что самоповреждающее поведение демонстрируют 0,75 % населения (из них 97 % женщины), половина из них нуждаются в госпитализации. В более поздних исследованиях приводятся цифры, отражающие более равномерное распределение между мужчинами и женщинами. Так, согласно данным Центра по исследованию самоубийств ВОЗ, самоповреждающее

поведение среди людей старше 15 лет встречается у 0,140 % мужчин и 0,193 % женщин. В каждой возрастной группе распространенность среди женщин превышает таковую среди мужчин. Самый высокий уровень самоповреждающего поведения среди женщин отмечается в 15-24 лет, а среди мужчин – в возрасте 12-34 лет. Отмечается, что отношение числа женщин к числу мужчин с самоповреждающим поведением, которое, как считалось, колеблется вокруг 2:1, уменьшается, а в Ирландии это отношение составляет 1:1 в течение многих лет. При исследовании абитуриентов в Соединенных Штатах отмечено, что 9,8 % из них, по крайней мере, однажды в прошлом сознательно совершали самопорезы или самоожоги. Однако когда определение самоповреждающего поведения было расширено и стало включать наряду с самопорезами, самоожогами удары головой о предметы, царапание себя, самоизбиение 32 % опрошенных сказали, что они делали это. По мнению Vanderhoff и Lynn (2000), это говорит о том, что проблема не является только психиатрической в узком смысле слова. Изучение самоповреждающего поведения студентов колледжа (Whitlock J.L., Eckenrode J.E., Silverman D., 2006) показало, что наиболее частыми его формами, как для мужчин, так и для женщин являются: 1) царапание или сжимание кулаков таким образом, чтобы на коже ладоней остались метки от ногтей или предметов, зажатых в кулаке, или произошло кровотечение (51,6 %); 2) удары кулаком по предметам с намерением самоповреждения иногда до кровотечения (37,6 %); 3) самопорезы (33,7 %); 4) удары себя кулаком иногда до кровотечения (24,5 %). Женщины в 2,3 раза чаще использовали царапание тела или сжимание кулаков и в 2,4 раза чаще – самопорезы. Мужчины в 2,8 раза чаще использовали удары кулаком предметов с намерением самоповреждения. Мужчины в 1,8 раза чаще повреждали кисть, а женщины – 2,3 раза чаще повреждали запястья и 2,4 раза чаще – бедра. Авторы полагают, что ассоциация самоповреждающего поведения с самопорезами объясняет иллюзию того, что это поведение более распространено среди женщин. В Великобритании самоповреждающее поведение отмечается у 0,77 % жителей. В большинстве случаев – это люди в возрасте между 11 и 25 годами, наиболее часто – 15-16-лет, причем девочки этого возраста почти четыре раза чаще наносили самоповреждения. Однако если людей 16-74 лет просили ответить на вопрос: «Вы когда-либо вредили себе любым способом, но не с намерением самоубийства?», положительный ответ был получен от 2,4 % опрошенных (2,0 % мужчин и 2,7 % женщин). Приблизительно 10 % обращений за медицинской помощью в Великобритании является результатом самоповреждений, но большинство из них – результат передозировок наркотиков, и только от 5 до 15 % этих обращений вызваны самопорезами. В Новой Зеландии в результате самоповреждений госпитализируется больше женщин, чем мужчин, при этом женщины обычно выбирают «нефатальные» самоотравления.

Множество социальных и психических факторов имеют положительную статистическую корреляцию с самоповреждающим поведением. К группе риска относятся люди, страдающие различными формами психических и поведенческих расстройств – депрессией (Hawton K., Kingsbury S., Steinhardt K., James A. Fagg J., 1999), фобиями, психическими и поведенческими расстройствами вследствие употребления психоактивных веществ (Wessely W. et al., 1996). К группе риска относятся и люди с недостаточностью навыков решения проблем, импульсивностью, высоким уровнем безнадежности и агрессии, росшие в среде, препятствующей выражению гнева. В качестве первичных социальных факторов самоповреждающего поведения принято рассматривать насилие в детстве, раннюю потерю родителя, одиночество и проблемы в семейных или супружеских отношениях (Rea K., Aiken F., Borastero C., 1997). Могут вносить вклад факторы экономических и социальных кризисов, войны, бедности и безработицы. Однако, многие из тех, у кого отмечается самоповреждающее поведение, не имеют ни одного из этих факторов. Поводы для самоповреждающего поведения различны, они часто не вписываются в медицинские модели расстройств поведения и иногда могут казаться непостижимыми, как это демонстрируется следующей цитатой: «Мои мотивы самоповреждений были разными, но включали исследование моих рук, их гидравлических линий. Это может звучать странно» (Pembroke L. R., 1994). Медицинская оценка поводов самоповреждений обычно основана на обстоятельствах, которые предшествовали, со слов пациента, инциденту (Kingsley J., 2004), и обычно сводится лишь к двум поводам: «чтобы привлечь внимание» и «из-за гнева». Однако сравнение профессиональных оценок убедительно демонстрирует их субъективность (Hawton K., Cole D., O'Grady, J., Osborn M., 1982.). С одной стороны, в большинстве случаев самоповреждающее поведение является следствием желания «уйти» от мучительных чувств, своеобразной «уловкой»: физическая боль действует как средство отвлечения от эмоциональной боли (Spandler H., 1996). Самоповреждающее поведение встречается и в результате потребности остановить, прекратить переживание не только эмоциональной боли, но и волнения, беспокойства, тревоги, фобий и других навязчивых состояний, сопровождающихся ажитацией. С другой стороны, самоповреждающее поведение может быть средством «ощутить, почувствовать что-то», даже если это ощущение крайне неприятно и болезненно: люди с самоповреждающим поведением иногда описывают чувства пустоты или нечувствительности (ангедонии), и физическая боль помогает облегчить эти чувства или избавиться от них. Самоповреждающее поведение может также сопровождать расстройства аутистического спектра с депрессией и тревогой. Те, кто наносят самоповреждения, в то же самое время благодаря этому получают облегчение и помощь, обретают спокойствие: им может быть трудно начать этот акт, но они знают, что облегчение после-

дует. Возможно, эта «помощь» является результатом выброса бета-эндорфинов. Как механизм совладания, своеобразная копинг-реакция, самоповреждающее поведение может привести к психической зависимости, создавать поведенческую матрицу, позволяющую справляться со стрессом. Источником самоповреждающего поведения может быть ненависть к себе. Оно может использоваться в качестве средства наказания за наличие сильных чувств. Преднамеренное повреждение половых органов может быть выбрано как способ их «наказания» при инцестуозных фиксациях в сфере фантазий, или в ответ сексуальное, физическое или эмоциональное злоупотребление в детстве со стороны людей, к которым жертва хорошо относится.

На Западе много движений и обществ ориентированы на понимание и терапию самоповреждающего поведения. В США ежегодно 1 марта отмечается «День Понимания Самоповреждающего Поведения» (SIAD, Self Injury Awareness Day). Оптимальным выбором при самоповреждающем поведении считается когнитивно-поведенческая терапия, которая, однако, иногда, особенно у клиентов со специфическими расстройствами личности, может быть не очень эффективна, в ряде случаев необходима госпитализация. Начальный этап психотерапии должен включать оценку степени доминирования самоповреждающих установок. Если они являются центральным механизмом девиантности, психотерапия значительно затрудняется или становится невозможной в результате неспособности пациентов принять успех. Ощущение прогресса, которое стимулирует усилия большинства пациентов, вызывает у них негативную реакцию и заставляет применять такие способы защиты, как отвержение, уклонение, проявление сверхэмоциональности. Как правило, эти лица пытаются превратить психотерапию в еще один источник боли, фрустрации, разочарования и неудач (Зайченко А.А., 2000).

В отечественной психологии уровень аутоагрессивных тенденций выявляется обычно с помощью MMPI, опросников Басса-Дарки, Staxy, различных вербальных фрустрационных тестов и др. Шкала «Склонность к самоповреждающему и саморазрушительному поведению» опросника О.О. Андронниковой «Склонность к виктимному поведению» (Малкина-Пых И.Г., 2006) фактически также позволяет диагностировать уровень аутодеструктивных тенденций, но не самоповреждающего поведения. В связи с этим разработка опросника, предназначенного для диагностики самоповреждающего поведения представляется актуальной научной задачей. В разрабатываемом опроснике показатели рассчитываются по семи шкалам: самоповреждающее поведение, аутодеструктивность, гетеродеструктивность, анти-деструктивная шкала, депрессия, эмоциональная неустойчивость, шкала лжи. Обработка результатов проводится путем подсчета баллов по отдельным шкалам и суммированием результатов по шкалам. В ходе проверки внешней валидности использованы методика

«Уравновешенность нервной системы», шкала депрессии Бека и методика «Уровень субъективного контроля» (УСК). Опрошены 25 человек (12 мужчин и 13 женщин) 27,7±0,9 лет. Коэффициент корреляции показателей шкалы депрессии в разрабатываемом опроснике и показателей, полученных при использовании шкалы депрессии Бека, составил $+0,643\pm 0,029$ ($t=22,2$; $p<0,001$). Коэффициент корреляции показателей шкалы эмоциональной неустойчивости и методики «Уравновешенность нервной системы» составила $0,513\pm 0,090$ ($t=5,7$; $p<0,001$). Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что шкалы определения депрессии и эмоциональной неустойчивости, содержащиеся в разрабатываемом опроснике, обладают достаточной степенью внешней валидности.

Опыт превентивной работы по распространению молодежных деструктивных организаций в РФ и РТ

Исланова Н.Н.
РЦСПП «Зеркало», г.Казань.

В период социально-экономической трансформации российского общества резко обострились проблемы воспитания подрастающего поколения. В России практически повсеместно появился сложный социальный слой «неформальная молодежь», больше всего страдающий от перипетий современной жизни. Общество оказалось не готово к восприятию скинхедов, разного толка «неформалов» и «националистов» и др. Деструктивный характер этих групп связан с рядом объективных и субъективных факторов: капитализация общества, рост наркомании, алкоголизация, преступность и молодежная безработица и другие причины. Существенным моментом деструктивности молодежных группировок является, по мнению большинства ученых, высокая степень вовлеченности их членов в наркопотребление.

В 2003 году казанскими социологами было проведено исследование, предметом которого являлось изучение «карьеры» молодого человека в «группе риска» (в том числе «уличной» группировке) наркотизации, а также особенности включения различных наркотических веществ в практики подобных молодежных групп¹⁸.

Изучив мнения, сорока восьми представителей группировок посредством метода глубинного интервью, исследователи обнаружили некоторые специфические черты функционирования молодежных делинквентных сообществ в нашей стране и «карьеры» пребывания молодых людей в группировках, а также отношение их участников к наркомании и наркоманам.

¹⁸Салагаев А.Л. и др. Особенности наркотизации в молодежных группах риска// Аналитический отчет Центра аналитических исследований и разработок г. Казани, 2003. (рукопись)

В результате, по мнению исследователей, основными особенностями российских территориальных группировок является, во-первых, их территориальная привязанность (в отличие от других подростковых культур) и высокая делинквентная активность (как один из незыблемых принципов функционирования самого сообщества). Во-вторых, российские подростково-молодежные группировки в отличие от сообществ в США, возникших на основании определенного этноса, не являются этнически однородными. В третьих, исследователи отмечают связь между подростковыми группировками и организованной преступностью, т.к. именно «уличные пацаны» в дальнейшем нередко становятся членами преступных групп. Исследователи подчеркивают, что российские группировки репрезентируют и воспроизводят тюремные нормы и ценности, которые являются одним из основных источников «пацановских понятий» и, по сути, нормативной основой их деятельности. Вследствие, среди особенностей российских группировок также выделяются нетерпимость к представителям многих молодежных культур (в интервью присутствовали пренебрежительные, язвительные высказывания и к тем молодым людям, которые «не с улицы» и тем самым стоят ниже в подростковой иерархии), не разделяющих основные принципы делинквентной субкультуры; сексизм и неприятие к употреблению «тяжелых» наркотиков, в то время как курение марихуаны органично вписывается в повседневные практики членов молодежных асоциальных групп. В российских группировках существует строгое разделение функций, стратификация (чаще всего по возрастному признаку), постоянные социальные связи за счет рекрутирования новых членов и сбора средств в общий денежный фонд группировки.

Основными факторами, по мнению социологов, влияющих на принятие решения подростка о вступлении в группировку, выступают следующие: наличие друзей и знакомых среди членов группировок, криминальная неблагополучность проживания, а также неадекватность поставленных жизненных целей и имеющихся ресурсов для их достижения.

Досуг представителей данной группы молодежи организован в соответствии с получаемым доходом. Но, как правило, наиболее высокие доходы имеют те, кто зачастую занимается нелегальным бизнесом.

В свою очередь, несмотря на формальное правило о соблюдении здорового образа жизни, большинство опрошенных членов группировок когда-либо употребляло наркотические вещества. При этом отношение к потреблению наркотиков в преступных молодежных группах варьируется от достаточно сдержанного по отношению к «легким» (марихуана) до категорически отрицательного к тяжелым (героин).

Таким образом, тюремные нормы и ценности группировок отходят на второй план или значительно трансформируются. На первое место выходит стремление к финансовому благополучию, когда отсутствие денег в

большей степени подрывает имидж «крутого пацана», чем занятие «нежелательными» видами деятельности.

Нельзя забывать, что неформальные молодежные группировки являются катализатором асоциальных проявлений в этой категории населения и в системе общественных отношений в целом. Поэтому для организации эффективной превентивной работы по профилактике правонарушений среди молодежи, минимизации факторов социального риска необходимо предупредить, разобщить или переориентировать деятельность той или иной группы, если она уже социально опасна для общества. Сложность организации такой работы состоит еще и в том, что современная окружающая макросреда не является, безусловно, позитивной, чтобы кардинально повлиять на микросреду со своей молодежной субкультурой.

Какие же шаги следует предпринять, чтобы изменить ситуацию в данных группах? Вопрос далеко не риторический? Дело в том, что проведенные исследования с 2002 по 2006 гг. (проект «Берсут-град») научными сотрудниками Республиканского центра социально-психологической помощи населению по изучению факторов риска среди несовершеннолетних из семей «группы риска» Республики Татарстан показали, что наибольший эффект превентивных мероприятий (проводимых как открытыми, так и скрытыми методами) в отношении данной группы молодежи достигается тогда, когда они уже определенное время (иногда это только месяц) находились под социальным контролем и воздействием позитивной социальной среды, например, приюта, социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних или центра социальной помощи семье и детям. Даже при небольших усилиях по стороны психологов и аниматоров в условиях летнего оздоровительного отдыха наблюдалась позитивная динамика в сторону снижения уровня деструктивности. Данные показатели фиксировались как методами психологического и социологического исследования (анкетирование, опрос, интервью, тестирование и т.п.), так и на современных диагностических программно-аппаратных комплексах – «Адаптолог-ИНФРА», «Медискрин», «Мультитсихометр» и др.

Для сравнения можно привести результаты нашего исследования по проекту «Республика Сам» 2007 г., проводимого на 250 подростках из асоциальных семей г.Казани и г.Зеленодольска. (для чистоты исследования применялся тот же инструментарий). Превентивные мероприятия, проводимые в течение 18 дней специально подготовленными специалистами для реализации данной программы, показали «слабые места» профилактической программы.

Самым «слабым местом» оказались подростки. В отличие от предыдущих групп, у них имелись родители. Но их багаж тяжелее - опыт асоциальных отношений в детском, взрослом и семейном коллективе, устойчивое семейное неблагополучие, безнадзорность, а в некоторых случаях

беспризорность, плохое состояние здоровья. При этом они не испытали на себе социального давления и контроля позитивной микро- и макросреды, не имели опыта включения в психореабилитационный процесс, позитивных социальных контактов со специалистами социальных учреждений. У них отсутствовали даже самые элементарные социальные навыки – быть в коллективе, коллективно петь, танцевать, веселиться, удивляться, учиться и т.п. Основным способом их психологической самозащиты от взрослых – агрессия. Внутреннее состояние повышенной тревожности, эмоциональной нестабильности, отсутствие знаний и навыков межгруппового общения – все эти показатели выявились на всех этапах диагностического процесса – и корректировались только в русле психосоматики, как релаксация, расслабление и только методами сенсорной интеграции и сенсорной реабилитации. Только на 5 день превентивные мероприятия стали восприниматься подростками как новый жизненно необходимый опыт (в ранее проводимых исследованиях позитивный результат появлялся на 3 день).

В разрезе обсуждаемой темы можно сделать вывод, что подростки из асоциальных семей с определенным комплектом факторов девиантности являются потенциальными «клиентами-претендентами» на попадание в различного рода деструктивные молодежные организации, т.к. в своей жизненной практике они не имели опыта столкновения с позитивной социальной идеологией – коллективизмом, дружелюбием, взаимопониманием, взаимопомощью и т.д.

Иными словами, на этом этапе жизни они пока «чужие» для общества, хотя в никакую организованную группу не входят, но, попав в группировку не становятся своими для основного слоя молодежи – они опять «чужие», но уже по причине деструктивного, разрушающего и агрессивного поведения. Конечно, причин, порождающих деструктивность в молодежной среде множество, но среди них выделяется главная – использование психологии манипулирования, воздействия и снижение (а в некоторых случаях устранения) барьеров критичности мышления «псевдолидеров» или руководителей группировок, навязывание «нужной» идеологии – идеологии подавления и страха (здесь можно проследить общие черты с методами применяемыми в различных деструктивных организациях и сектах, в т.ч. финансовых пирамидах, сетевом бизнесе).

Превентологи, работающие на реконструкцию неформальной молодежной группы деструктивного характера, должны учитывать, что к разрушению группы ведут (как показывают научные исследования)¹⁹ прежде всего:

- Усиление недовольства в группе в связи с дифференциацией ролевых функций;

¹⁹ Башкатов И.П. Психология асоциально-криминальных групп подростков и молодежи, МПСИ, 2002, с.383

- Уменьшение эмоциональной удовлетворенности в результате постоянных неудач, ссор, конфликтов, поражений;
- Ослабление межличностных связей в группе;
- Девальвация групповых норм и ценностей;
- Общая неудовлетворенность деятельностью группы;
- Стремление отдельных членов перейти в другую группу.

Учитывая эти «болевы́е точки» группы, необходимо искусственно создавать такие ситуации, с тем, чтобы ее изнутри разрушить, используя при этом психологические методы и приемы воздействия на группу и личность. К числу наиболее распространенных приемов воздействия на группы несовершеннолетних можно рекомендовать следующие²⁰.

- Организация социально полезной деятельности группы, которая рассчитана на выдвижение определенных членов группы в качестве новых лидеров. У этих подростков обязательно должны ярко выраженные знания, умения и навыки для этой деятельности, благодаря которым они и займут лидирующие позиции в группе. Для этого надо хорошо знать интересы и склонности членов группы.

- Организация ситуаций, способствующих закреплению за «нужными» лидерами на некоторое время ведущих официальных ролей. При этом очень важно учитывать, чтобы этот период времени не был слишком длительным. Если подросток долго лидирует в группе, то он привыкает командовать, и отучить его от этого бывает весьма трудно.

- Привлечение группы к интересным и увлекательным делам без разрушения установившихся дружеских связей между членами группы, например, участие в каком-либо конкурсе, концерте, спортивном соревновании и т.д. На базе социально нейтральных и предкриминальных групп можно создавать различные подростковые клубы по интересам.

- Искусственное создание противоречий между лидером и членами группы путем разоблачения эгоистической сущности лидера. Лидеры в неформальных молодежных группировках – чаще всего конъюнктурщики. Превентологу важно установить доказательства их приспособленчества и показать сущность лидера членам группы. Группа при этом может сразу распасться, если члены группы увидят несправедливость при дележе «материальных» и «нематериальных» благ.

- Привлечение лидеров в неформальных группах к участию в организаторской работе социально полезной деятельности. Однако надо помнить, что привлечение лидеров таких групп без соответствующего контроля и постоянного воздействия может привести к обратному результату.

Практический опыт работы показывает, что в группах молодежи трансформированы или мало развиты непосредственные отношения с

²⁰ Башкатов И.П. Психология асоциально-криминальных групп подростков и молодежи, МПСИ, 2002, с.383-384

обществом. Чаще всего они носят противоправный характер со стороны групп. Вместе с тем почти каждый член молодежной группы стремится к общественному признанию, к признанию чувства взрослости и собственного достоинства, желая участвовать в жизни взрослых, чувствовать себя равноправным членом общества. Поэтому очень важно помочь подросткам преодолеть отчужденность, показать им общественное расположение, заинтересовать других людей в их жизни, помочь в трудоустройстве, реализации позитивных интересов и склонностей. В связи с этим конкретные методы по переориентации неформальных групп надо искать на пути восстановления социальных связей с коллективами, обществом в целом, устранить дискомфорт в отношениях с окружающими людьми, и в первую очередь – с родителями, учителями, друзьями, сверстниками и другими людьми.

Литература

Башкатов И.П. Психология асоциально-криминальных групп подростков и молодежи: учебно-методическое пособие/ И.П.Башкатов.- М.:МПСИ;Воронеж:НПО «Модэк»,2002-416с.

Долгова А.И. Проблемы профилактики криминогенных групп несовершеннолетних /А.И.Долгова// Вопросы борьбы с преступностью.Вып.32.- М.:ВНИИСЗ,1980

Забрянский Г.И. Механизм формирования антисоциальных подростковых и юношеских групп: Криминологи о неформальных молодежных объединениях /Г.И.Забрянский.-М.,1990.

Девиантное поведение в современной России в фокусе социологии: наркотизация, алкоголизация, преступность, коррупция /Под ред. М.Е.Поздняковой, А.Л.Салагаева.-М.:Институт социологии РАН, 2005.-306с.

Структура психопатизации больных опийной наркоманией

Е.В.Коблова, Л.К.Шайдукова
Казанский гос. мед. университет

Проблема наркоманий является одной из наиболее актуальных как для здравоохранения, так и для общества в целом, что обусловлено тяжелыми медицинскими и социальными последствиями злоупотребления психоактивными веществами. В научной литературе достаточно подробно исследованы клинические, этиопатогенетические, гендерные, социально-психологические, фармако-терапевтические аспекты. Вместе с тем, психопатологические особенности опийной наркомании с изучением тонких механизмов возникновения тех или иных феноменов и симптомов, освещены явно недостаточно.

Целью настоящего исследования являлось изучение структуры психопатоподобного синдрома у больных опийной наркоманией.

Основными методами исследования были клинико-психопатологический, включающий феноменологический, анкетирование и интервьюирование, а также дополнительный метод – экспериментально-психологический с использоанием СМОЛ (особое внимание уделялось 4 шкале психопатии).

Материалом исследования служили 74 пациента, страдающих героиновой наркоманией и проходящих стационарное лечение. Возрастной ценз был следующим: до 20 лет 6 (8%), 21-30 лет 56 (76%), старше 31 лет 12 (16%) пациентов. Наркологическая наследственность (случаи аддикций у родителей – алкоголизма и наркоманий) не отягощена у 40 (54%), отягощена – у 34 (46%) пациентов. Основную часть составили лица, воспитывающиеся в неполных семьях – 48 (64%). Большинство исследуемых лиц были со средним специальным 42 (56%), неоконченным высшим 14 (18%), с высшим 18 (26%) образованием. Из них работающие по своей специальности – 12 (16%), со снижением квалификации – 37 (50%), не работающие – 23 (34%). Все пациенты демонстрировали психопатологические расстройства различной степени выраженности.

Факториально-структурный анализ психопатизации выявил наличие трех факторов: нозогенного, социогенного, психогенного.

К нозогенному фактору психопатизации относились все параметры наркотизации: высокая толерантность (высокая доза): 0,5 г героина в сутки принимали 3 (4%), 0,5-1,5 г – 34 (45%), 1,5-3 г – 27 (36%), свыше 3 г – 8 (15%) пациентов. Большое значение имел наркотический стаж: до 1 года – 7 (10%), 1-4 года – 14 (19%), 5-10 лет – 38 (53%), более 10 лет – 13 (18%) пациентов. Частота употребления: 1 раз в неделю – 5 (%), 1 раз в день – 19 (25%), 3 раза в день – 36 (48%), более 3 раз в день – 12 (16%). Психопатологические расстройства наиболее выражены у лиц с более высокой толерантностью и наркотическим стажем более 10 лет.

К социальным факторам психопатизации относятся микро- и макро-социальные параметры. К микросоциальным были отнесены условия воспитания в аддиктивной семье, с высоким удельным весом наследственно обусловленной наркопатологии. К макросоциальным факторам были отнесены условия взаимоотношений с окружающими (родственниками не по прямой линии, одноклассниками, коллегами, соседями, дворовой компанией), а также социально-гигиенические параметры (работа, учеба, уголовная ответственность). К последнему относились: наличие постоянной работы – у 25 (34%), временная безработица – у 19 (26%), стабильная безработица – у 28 (40%) пациентов. Уголовной ответственности не подвергались 15 (21%), однократно 39 (53%), многократно 18 (26%) пациентов. Лица, страдающие наркоманией в социальном окружении: не имеют у 3 (4%) пациентов, единичные – 12 (16%), наркотическое сообщество – 57 (80%).

Психогенные факторы психопатизации условно были подразделены на ситуационно- и преморбидно-обусловленные. К ситуационно-обусловленным факторам относились прежде всего условия воспитания в родительской семье. Так, преобладающее большинство пациентов воспитывались по типу «гипоопеки» 31 (41%), по типу «ежевые рукавицы» – 13 (17%), по типу «Золушки» 12 (16%), по типу кумира семьи 6 (8%). Отмечались и случаи «потворствующей гиперопеки», а также воспитание, внешне напоминающее себе «ровное». Однако последнее таило скрытую дисгармонию. Частота конфликтов: единичные у 26 (35%), постоянные у 48 (65%) пациентов; они также подразделялись на скрытые, латентные конфликты 13 (17%) и явные конфликты 61 (83%). Преморбидно-обусловленные факторы являлись в какой-то степени результатом психогенно-обусловленных и выражались в ранней (ядерной) психопатизацией у 37 (50%). В соответствии с последней преморбидные психологическими факторами являлись также акцентуация характера у 18 (24%) и аструктурная личность у 19 (26%) пациентов. Следует отметить, по нашим наблюдениям, что дефиниция «аструктурная личность», предложенная Э.Е. Бехтеля (1986) для больных алкоголизмом может быть отнесена и к больным, страдающим наркоманией и означает отсутствие облигатных стержневых личностных характеристик.

Кроме вышеописанного факториально-структурного анализа был проведен **феноменологически-структурный анализ** с выделением поведенческих феноменов, являющихся дополнительными клиническими маркерами психопатизации: провокационное, шантажное, запугивающее, инфантильно-субмиссивное поведение.

Провокационное поведение заключалось в стремлении больных провоцировать конфликты, вызывать у окружающих аффекты гнева, ярости. На высоте инсценированных скандалов пациенты приобретали психологическую мотивацию для обвинения окружающих в несправедливом к ним отношении и ухода из дома.

Шантажное поведение заключалось в выдвижении ультимативных условий, дающих благоприятную почву для реализации аддиктивных намерений. Эти виды психопатических «манипулятивных игр» были характерны для начальных этапов наркотизации. При большом наркотическом стаже, высокой толерантности к ПАВ и появлении материальных затруднений, выявлялись более brutальные проявления психопатизации.

Запугивающее поведение проявлялось в активной демонстрации агрессии, нередко с разрушительными тенденциями и общественно-опасными действиями (ООД). Цель их заключалась в «выбивании» у окружающих финансирования их аддикции.

Наряду с психологией «агрессора», пациенты демонстрировали и прямо противоположное поведение – они обращались к психологии «несправедливо обиженной жертвы», проявляя инфантильно-субмиссивные

тенденции. Этот вариант феноменологических маркеров психопатизации потребителей ПАВ был назван инфантильно-субмиссивным.

Таким образом, факториально-структурный анализ психопатизации больных опийной наркоманией выявлял актуальность всех трех факторов: нозогенного, социогенного, психогенного, а феноменологические анализ психопатизации, поможет оптимальной диагностике расстройств и проведению дифференцированных лечебно-реабилитационных мероприятий.

Деструктивность и проблемы социальной безопасности общества: взгляд через экспертную оценку деятельности экстремистских организаций

Исланова Н.Н.
РЦСПП «Зеркало», г.Казань

В последние годы в России отмечается интерес к уголовным делам, связанным с противоправным психологическим воздействием, в первую очередь со стороны организаций религиозной или псевдорелигиозной направленности. Все чаще в подобного рода делах стали привлекаться специалисты для комплексной экспертизы: лингвисты, психологи, религиоведы, культурологи для подтверждения или опровержения гипотезы об имевшем случае возможного психологического насилия в отношении членов конкретной организации. Успех комплексных экспертиз зависит от профессиональной компетентности всех привлеченных специалистов. Если стороной защиты будет обнаружен изъян в заключении одного из экспертов – вся комплексная работа не принимается во внимание судом.

Законодательство разрешает следственным органам и судам привлекать в качестве эксперта любое сведущее лицо, обладающее, по их мнению, специальными познаниями в исследуемом вопросе. Но, как показывает практика комплексных экспертиз, именно они наиболее неэффективны на данный момент в российской судебной практике. Часто специалисты, привлеченные к данной деятельности, оказываются неготовыми к выполнению поставленных перед ними задач: либо вопросы, на которые надо ответить эксперту некорректны с точки зрения наукоёмкости и точности формулировок, либо эксперты подчас имеют субъективное представление о методах и ходе ведения экспертизы. Можно говорить о том, что в образовании указанных специалистов отсутствует систематическая подготовка по десяткам взаимосвязанных учебно-практических дисциплин специального профиля и направленности.

Для более эффективной работы органов прокуратуры в данной ситуации делаются запросы на проведение отдельных лингвистических, психологических, религиоведческих экспертных заключений.

Е.Н. Волков, эксперт с многолетним стажем в области оценки деструктивного воздействия на человека различного рода «учений», рекламы и т.д. предлагает применять следующую методическую схему экспертизы:²¹

1. Выделение (вычленение) из анализируемой ситуации, свидетельств и документов основных социально-психологических смысловых элементов, способов и техник воздействия.

2. Последующее восстановление из них конкретной системы воздействия и описание процесса влияния на основании экспериментально выявленных закономерностей восприятия и реагирования реципиентов (мишеней влияния).

3. Рассмотрение анализируемых сюжетов как актов социальной коммуникации с определенными социально-психологическими последствиями, и не по отдельным изолированным элементам, а в качестве именно целостных ситуаций в конкретном пространстве и времени, включающих все аспекты и обстоятельства, которые доказательно могут быть представлены как элементы системы воздействия.

Приведенные пункты экспертной оценки предполагают профессиональную подготовку специалистов в области психологии, философии, психиатрии для проведения комплексной экспертизы. Возможно, опыт работы коллег из Калужского университета – единственном ВУЗе страны, где ведется подготовка судебных психологов-экспертов – будет интересен для создания проекта ВУЗовской модели междисциплинарных курсов дополнительного образования для студентов философского, психологического и юридического факультетов Казанского государственного университета на базе факультета психологии. Хочу еще раз отметить, что данные курсы желательно проходить и будущим юристам. От того, насколько грамотно составлен запрос, зависит и полнота экспертного заключения. Подводя промежуточный итог, следует отметить, что аспекты профессиональной подготовки экспертов – это насущная проблема, поставленная общественностью перед органами правопорядка в новейшей истории России. Гораздо сложнее обстоит дело с профилактикой деструктивного влияния на сознание наших соотечественников. Наши граждане не могут противостоять данным технологиям.

Участие в экспертных оценках позволяет сделать заключение о той группе людей, которая наиболее подвержена деструктивному воздействию на сознание через внушение. Внушаемость выше у людей с ослабленным здоровьем, неразвитым мировоззрением, невысоким по развитию сознанием и слабой критичностью мышления, и особенно, у лиц, потерявших значимые жизненные ориентиры. Такая категория лиц была и бу-

²¹ Е.Н. Волков. Преступная эксплуатация когнитивной, поведенческой и эмоциональной незащищенности – базовые механизмы, основные признаки и проблемы экспертного выявления //Материалы международной научно-практической конференции «Профилактика психологического насилия, манипулирования сознанием и развитие критического мышления в молодежной среде» - 27-28 мая 2004, Киев. – С. 117.

дет во все времена, но сегодня она как никогда многочисленна. Этому способствуют и 1) глобальный духовно-нравственный кризис, проявляющийся в виде дисбаланса нравственных идеалов и ценностей; 2) развитие глобальных телекоммуникационных систем, которые значительно расширяют возможности распространения в обществе культа силы и насилия, в результате чего увеличился уровень нервно-психических расстройств и неадекватной агрессии у населения; 3) некоторые из создаваемых информационных технологий, которые вызывают изменения в психике людей, в их сознании и поведении; 4) превышение природосообразного объема визуальной информации, обрушившейся на людей, а главное, на детей, которое приводит к слому механизмов восприятия, внимания и памяти.

Необходима разработка программы восстановления нарушенной манипуляционными технологиями системы психической саморегуляции и механизмов психологической защиты у населения, повышения культуры потребителей современной информации, в том числе, пользователей СМИ. В американской системе образования уже около сорока лет развивается и внедряется курс критического мышления (и в средней и в высшей школах). Существует большое количество методик и курсов. В российской же федерации эти курсы пока проходят стадию пилотных программ в гг. Нижний Новгород, Калуга, Челябинск.

В целях профилактики трудных психических состояний следует обучить людей различать и оценивать приемы манипуляции, применяемые в различных информационных каналах. Также люди не только имеют право, но и должны знать о возможных изменениях, вызываемых информационным влиянием в их эмоциональном состоянии, мышлении и сознании и сами принимать решение, касающееся обращения к тому или иному типу информации и продукции массовой коммуникаций.

Таким образом, я выступаю с инициативой по апробации подобных курсов как в студенческой среде, так и среди «обывателей» с привлечением академической среды и экспертов-практиков.

Полагаю, что уровень критичности мышления у нашего населения некогда самой читаемой страны не находится в самой низкой точке, тем не менее, необходимость технологии по формированию критического мышления подтверждает свою актуальность и количеством обманутых вкладчиков финансовыми пирамидами, и количеством втянутых в деструктивные религиозные культы людей. С этой задачей нужно и можно справляться.

Литература:

1. Аронсон Э., Пратканис Э.Р. Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. –384 с.
2. Халперн Д. Психология критического мышления. – СПб.: Издательство «Питер», 2001.

3. Вагапова Д.Х. Риторика в интеллектуальных играх и тренингах.- Изд. 2-е, стереотип. – М.: Цитадель, 2001.

4. Волков Е.Н.. Преступная эксплуатация когнитивной, поведенческой и эмоциональной незащищенности – базовые механизмы, основные признаки и проблемы экспертного выявления //Материалы международной научно-практической конференции «Профилактика психологического насилия, манипулирования сознанием и развитие критического мышления в молодежной среде» - 27-28 мая 2004, Киев. – С. 109-122.

Деструктивность и проблемы социальной безопасности общества: взгляд через экспертную оценку деятельности экстремистских организаций

Леонтьева Т.И.
РЦСПП«Зеркало», г.Казань

В последние годы в России отмечается интерес к уголовным делам, связанным с противоправным психологическим воздействием, в первую очередь со стороны организаций религиозной или псевдорелигиозной направленности. Все чаще в подобного рода делах стали привлекаться специалисты для комплексной экспертизы: лингвисты, психологи, религиоведы, культурологи для подтверждения или опровержения гипотезы об имевшем случае возможного психологического насилия в отношении членов конкретной организации. Успех комплексных экспертиз зависит от профессиональной компетентности всех привлеченных специалистов. Если стороной защиты будет обнаружен изъян в заключении одного из экспертов – вся комплексная работа не принимается во внимание судом.

Законодательство разрешает следственным органам и судам привлекать в качестве эксперта любое сведущее лицо, обладающее, по их мнению, специальными познаниями в исследуемом вопросе. Но, как показывает практика комплексных экспертиз, именно они наиболее неэффективны на данный момент в российской судебной практике. Часто специалисты, привлеченные к данной деятельности, оказываются неготовыми к выполнению поставленных перед ними задач: либо вопросы, на которые надо ответить эксперту некорректны с точки зрения наукоемкости и точности формулировок, либо эксперты подчас имеют субъективное представление о методах и ходе ведения экспертизы. Можно говорить о том, что в образовании указанных специалистов отсутствует систематическая подготовка по десяткам взаимосвязанных учебно-практических дисциплин специального профиля и направленности.

Для более эффективной работы органов прокуратуры в данной ситуации делаются запросы на проведение отдельных лингвистических, психологических, религиоведческих экспертных заключений.

Е.Н. Волков, эксперт с многолетним стажем в области оценки деструктивного воздействия на человека различного рода «учений», рекламы и т.д. предлагает применять следующую методическую схему экспертизы:²²

1. Выделение (вычленение) из анализируемой ситуации, свидетельств и документов основных социально-психологических смысловых элементов, способов и техник воздействия.

2. Последующее восстановление из них конкретной системы воздействия и описание процесса влияния на основании экспериментально выявленных закономерностей восприятия и реагирования реципиентов (мишеней влияния).

3. Рассмотрение анализируемых сюжетов как актов социальной коммуникации с определенными социально-психологическими последствиями, и не по отдельным изолированным элементам, а в качестве именно целостных ситуаций в конкретном пространстве и времени, включающих все аспекты и обстоятельства, которые доказательно могут быть представлены как элементы системы воздействия.

Приведенные пункты экспертной оценки предполагают профессиональную подготовку специалистов в области психологии, философии, психиатрии для проведения комплексной экспертизы. Возможно, опыт работы коллег из Калужского университета – единственном ВУЗе страны, где ведется подготовка судебных психологов-экспертов – будет интересен для создания проекта ВУЗовской модели междисциплинарных курсов дополнительного образования для студентов философского, психологического и юридического факультетов Казанского государственного университета на базе факультета психологии. Хочу еще раз отметить, что данные курсы желательно проходить и будущим юристам. От того, насколько грамотно составлен запрос, зависит и полнота экспертного заключения. Подводя промежуточный итог, следует отметить, что аспекты профессиональной подготовки экспертов - это насущная проблема, поставленная общественностью перед органами правопорядка в новейшей истории России. Гораздо сложнее обстоит дело с профилактикой деструктивного влияния на сознание наших соотечественников. Наши граждане не могут противостоять данным технологиям.

Участие в экспертных оценках позволяет сделать заключение о той группе людей, которая наиболее подвержена деструктивному воздействию на сознание через внушение. Внушаемость выше у людей с ослабленным здоровьем, неразвитым мировоззрением, невысоким по развитию сознанием и слабой критичностью мышления, и особенно, у лиц, потерявших значимые жизненные ориентиры. Такая категория лиц была и

²² Е.Н. Волков. Преступная эксплуатация когнитивной, поведенческой и эмоциональной незащищенности – базовые механизмы, основные признаки и проблемы экспертного выявления //Материалы международной научно-практической конференции «Профилактика психологического насилия, манипулирования сознанием и развитие критического мышления в молодежной среде» - 27-28 мая 2004, Киев. – С. 117.

будет во все времена, но сегодня она как никогда многочисленна. Этому способствуют и 1) глобальный духовно-нравственный кризис, проявляющийся в виде дисбаланса нравственных идеалов и ценностей; 2) развитие глобальных телекоммуникационных систем, которые значительно расширяют возможности распространения в обществе культа силы и насилия, в результате чего увеличился уровень нервно-психических расстройств и неадекватной агрессии у населения; 3) некоторые из создаваемых информационных технологий, которые вызывают изменения в психике людей, в их сознании и поведении; 4) превышение природосообразного объема визуальной информации, обрушившейся на людей, а главное, на детей, которое приводит к слому механизмов восприятия, внимания и памяти.

Необходима разработка программы восстановления нарушенной манипуляционными технологиями системы психической саморегуляции и механизмов психологической защиты у населения, повышения культуры потребителей современной информации, в том числе, пользователей СМИ. В американской системе образования уже около сорока лет развивается и внедряется курс критического мышления (и в средней и в высшей школах). Существует большое количество методик и курсов. В российской же федерации эти курсы пока проходят стадию пилотных программ в гг. Нижний Новгород, Калуга, Челябинск.

В целях профилактики трудных психических состояний следует обучить людей различать и оценивать приемы манипуляции, применяемые в различных информационных каналах. Также люди не только имеют право, но и должны знать о возможных изменениях, вызываемых информационным влиянием в их эмоциональном состоянии, мышлении и сознании и сами принимать решение, касающееся обращения к тому или иному типу информации и продукции массовой коммуникаций.

Таким образом, я выступаю с инициативой по апробации подобных курсов как в студенческой среде, так и среди «обывателей» с привлечением академической среды и экспертов-практиков.

Полагаю, что уровень критичности мышления у нашего населения некогда самой читаемой страны не находится в самой низкой точке, тем не менее, необходимость технологии по формированию критического мышления подтверждает свою актуальность и количеством обманутых вкладчиков финансовыми пирамидами, и количеством втянутых в деструктивные религиозные культы людей. С этой задачей нужно и можно справляться.

Литература:

1. Аронсон Э., Пратканис Э.Р. Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. –384 с.
2. Халперн Д. Психология критического мышления. – СПб.: Издательство «Питер», 2001.

3. Вагапова Д.Х. Риторика в интеллектуальных играх и тренингах.- Изд. 2-е, стереотип. – М.: Цитадель, 2001.

4. Волков Е.Н.. Преступная эксплуатация когнитивной, поведенческой и эмоциональной незащищенности – базовые механизмы, основные признаки и проблемы экспертного выявления //Материалы международной научно-практической конференции «Профилактика психологического насилия, манипулирования сознанием и развитие критического мышления в молодежной среде» - 27-28 мая 2004, Киев. – С. 109-122.

К вопросу о роли творческой деятельности в развитии химической зависимости

Макушина О.П.,
Воронежский гос.университет

Распространение зависимого поведения становится острой проблемой современного общества, привлекающей огромное внимание специалистов различного профиля. Рост наркомании и алкоголизма в России происходит колоссальными темпами. Так, за пятилетний период (1999-2003 гг.) количество наркоманов в стране увеличилось более чем в три с половиной раза [1]. Согласно последним данным, 2,5 млн. россиян употребляют наркотики [3]. Постепенно происходит снижение возраста начала употребления психоактивных веществ – от 17-18 лет к 12-13 годам. Особенно тревожит распространение наркомании среди социально активных, одаренных людей, творческой молодежи.

Вопрос о соотношении явлений зависимости и творчества сложен, интересен и окончательно не решен. С одной стороны, известны многочисленные факты злоупотребления психоактивными веществами среди лиц творческих профессий. В психологический портрет химического аддикта часто включаются такие черты, как оригинальность, высокая чувствительность, ранимость, противоречивость, образное, художественное восприятие мира, спонтанность, инфантильность, эмотивность, склонность к фантазированию, нестандартность и большое количество ассоциаций, то есть черты, свойственные творческим людям [4].

С другой стороны, сам феномен зависимости противоречит по своей сути любой спонтанности, свободе, творчеству. Согласно В.Д. Менделевичу, одним из структурных компонентов любой аддикции является ригидная привычка – стереотипизированная деятельность по реализации зависимого поведения, обеспечивающая техническую сторону зависимости. Привычка – это ритуал, механическое средство для осуществления взаимодействия с объектом зависимости. Действительно, у каждого аддикта есть жестко фиксированный механизм достижения измененного состояния сознания в ходе взаимодействия с объектом – опре-

деленная последовательность действий, связанная с введением химической дозы, взаимодействием с рулеткой, компьютером, фиксированный набор фраз, обращенных к пищевому объекту, игровому автомату и т.д. Поэтому зависимое поведение – это всегда ригидное, консервативное поведение, не допускающее проявления творчества, спонтанности, непредсказуемости.

Возникает вопрос – как соотносится зависимость и творчество, почему именно творческие люди достаточно часто попадаются «на крючок» аддикции, какое место в развитии склонности к зависимости занимают творческие способности?

Целью нашего исследования явилось выявление связи между креативными способностями и склонностью к химической зависимости у подростков, занимающихся творческой деятельностью. Испытуемыми выступили подростки 13-15 лет в количестве 107 человек, из которых 55 человек целенаправленно занимаются изобразительной творческой деятельностью, 52 человека не включены в творческую деятельность. Базой эмпирического исследования явились детские школы искусств и общеобразовательные школы г. Воронежа.

В качестве методов эмпирического исследования выступили:

1. Тест творческого мышления П. Торренса (фигурная форма В), направленный на диагностику невербального компонента креативности [2].
2. Методика вербальной креативности – адаптированный вариант теста отдаленных ассоциаций С. Медника [2].
3. Методика оценки уровня творческого потенциала личности [5].
4. Опросник «Склонность к зависимому поведению» В.Д. Менделевича, позволяющий выявить психологическую склонность к алкоголизму и наркомании [4].

С целью установления статистической связи креативных способностей и склонности к химической зависимости использовался коэффициент линейной корреляции Пирсона. Для изучения различий между выборками использовался критерий сравнения средних значений Стьюдента.

В ходе исследования были получены следующие результаты. При анализе данных, полученных по методике П. Торренса, обнаружено, что в группе подростков, занимающихся творческой деятельностью, количество испытуемых, демонстрирующих высокий уровень оригинальности мышления, уступает количеству подростков с высокими показателями оригинальности из второй выборки (17 % и 21 % соответственно). Аналогичным образом, среди подростков, занимающихся творческой деятельностью, значимо большее количество испытуемых характеризуется низким уровнем оригинальности мышления, чем в группе подростков, не включенных в творческую деятельность (15 % и 4 % соответственно). Таким образом, подростки, не занимающиеся творческой деятельностью, в большей степени склонны проявлять нестандартность, индивидуальность,

яркость мышления, чем их сверстники из профессиональной творческой группы. По методике диагностики вербальной креативности подростки, не занимающиеся творческой деятельностью, также демонстрируют более высокие показатели оригинальности. При этом в группе «творческих» подростков значимо выше показатели разработанности, детализированности ответов в сравнении с испытуемыми, не включенными в творческую деятельность (средние значения показателя разработанности 51,0 и 45,4 соответственно, $p=0,05$). Установлено, что субъективная оценка себя как творческой личности, своего творческого потенциала статистически значимо выше у подростков, занимающихся творчеством.

Таким образом, профессиональная включенность в творческую деятельность, как минимум, не способствует развитию оригинальности, гибкости мышления, а в большей степени ориентирована на техническое совершенствование навыков исполнения замысла. Иными словами, занятия творчеством не столько развивают креативность личности, сколько обучают человека «ремеслу», дают конкретные умения по техническому воплощению творческой идеи и тем самым способствуют развитию профессионального самосознания, повышают оценку себя как творческого человека.

Обратимся к анализу связи показателей креативности и склонности к химической зависимости. В объединенной выборке подростков, как включенных, так и не включенных в творческую деятельность, не выявлено значимых коэффициентов корреляции между показателями творческого мышления, вербальной креативностью и оценкой своего творческого потенциала, с одной стороны, и показателями склонности к алкогольной и наркотической зависимости, с другой. Таким образом, сами по себе креативные особенности не создают предрасположенности к зависимости.

Обратимся к данным, полученным в отдельных группах испытуемых и представленных в таблицах 1 и 2.

Таблица 1

Эмпирические значения коэффициентов корреляции Пирсона в группе подростков, занимающихся творческой деятельностью

Склонность к зависимости	Шкалы по тесту П. Торренса				Методика вербальной креативности		Уровень творческого потенциала
	Скорость	Гибкость	Оригинальность	Разработанность	Серия 1	Серия 2	
Наркозависимость	0,06	0,002	0,07	0,13	0,29	0,37*	0,39*
Алкогольная зависимость	0,05	0,03	0,03	0,05	0,42*	0,33*	0,41*

* $p=0,05$

Таблица 2

Эмпирические значения коэффициентов корреляции Пирсона в группе подростков, не занимающихся творческой деятельностью

Склонность к зависимости	Шкалы по тесту П. Торренса				Методика вербальной креативности		Уровень творческого потенциала
	Скорость	Гибкость	Оригинальность	Разработанность	Серия 1	Серия 2	
Нарко-зависимость	0,03	0,11	0,21	-0,02	0,09	-0,20	-0,20
Алкогольная зависимость	0,01	0,01	0,01	-0,05	-0,04	-0,08	0,01

Как видно из таблиц, статистически значимые коэффициенты корреляции выделены лишь в группе подростков, занимающихся творческой деятельностью. Обнаружена значимая прямая связь между склонностью к алкогольной и наркотической зависимостям, с одной стороны, и вербальной креативностью и оценкой своего творческого потенциала, с другой. То есть, чем выше способности подростка давать яркие вербальные образы и ассоциации, чем выше оценка себя как генератора идей, роли своих креативных способностей в выполняемой деятельности, тем выше склонность к химической зависимости. Примечательно, что для подростков, не занимающихся творческой деятельностью, подобные связи не обнаружены.

Таким образом, креативные способности выступают в роли фактора развития склонности к химической зависимости только в условиях осуществления профессиональной творческой деятельности. Творческая деятельность, в широком смысле, есть создание нового. Она предполагает личное начало и характеризует активность человека. Творчество обозначает психический акт, который выражается в воплощении, воспроизведении или комбинации данных нашего сознания в новой форме, в области отвлеченной мысли, художественной и практической деятельности. Одной из важных характеристик творческого процесса является то, что он требует внутреннего напряжения. Оно может возникать тремя путями: в конфликте между традиционным и новым в каждом шаге творческого процесса; в самих идеях, в различных путях решения или предполагаемых продуктах; оно может создаваться между хаосом неопределенности и стремлением перейти на более высокий уровень организации и эффективности внутри индивидуальности или общества в целом. Вероятно, склонность к химической зависимости связана именно с этими свойствами креативности.

Однако при этом стоит обратить внимание на то, что сами по себе творческие способности не создают потребности в зависимости. Психоло-

гическая предрасположенность к аддиктивному поведению появляется тогда, когда творческие искания оформляются в форме творческой деятельности, приобретают целенаправленный, систематический характер. Постараемся предположить, в чем причина этому. Во-первых, мы отметили, что профессиональные занятия творчеством вызывают изменения в самосознании, способствуют восприятию себя в новом качестве – профессионального художника, поэта и т.д., что неизменно должно приводить к повышению уровня притязаний, ужесточению требований в отношении себя, вследствие чего личность такого творческого человека становится более уязвимой для критики и самокритики. На этом фоне возникающие внутренние конфликты могут порождать стремление к уходу от реальности и приводить, таким образом, к зависимому поведению.

Во-вторых, творческая деятельность уже по своей сути является внутренне противоречивой и может выступать, таким образом, источником различных конфликтов, приводящих к аддикции. Ведь творчество и деятельность являются принципиально противоположными формами человеческой активности. Деятельность осуществляется сознательно (осознаются мотивы, цели и средства), результат ее – продукт деятельности. Субъект деятельности стремится достичь соответствия результата цели. Для творческого же акта характерно противоположное: рассогласование цели (замысла, программы) и результата. Выделяя признаки творческого акта, практически все исследователи творчества подчеркивают такие его особенности, как бессознательность, спонтанность, неконтролируемость волей и разумом, а также измененное состояние сознания, внезапность, независимость творческого акта от внешних ситуативных причин. Потребность в творчестве возникает часто тогда, когда оно нежелательно, невозможно из-за внешних обстоятельств. Творческий акт сопровождается возбуждением и нервной напряженностью. На долю разума остается только обработка, придание законченной, социально приемлемой формы продуктам творчества. Поэтому, когда спонтанный творческий акт приобретает форму целенаправленной деятельности, может возникать, по всей видимости, особое состояние, вызывающее употребление психоактивных веществ.

Итак, нами установлено, что подростки, занимающиеся творческой деятельностью, обладая высокими креативными способностями, характеризуются достаточно высокой степенью риска в отношении развития склонности к химической зависимости. Поскольку творческой деятельности присущи такие специфические особенности, как высокая эмоциональная напряженность, неконтролируемость волей и разумом, измененное состояние сознания, то ее сложности, неудачи переживаются очень остро. Здесь имеется высокая вероятность срыва на пути творческой самореализации личности. Все это требует активного психологического со-

провождения, предоставления поддержки и помощи креативной личности в такие моменты ее жизнедеятельности.

Литература

1. Гоголева А.В. Аддиктивное поведение и его профилактика / А.В. Гоголева. – М.; Воронеж, 2003. – 240 с.
2. Дружинин В.Н. Психология общих способностей / В.Н. Дружинин. – СПб., 2007. – 368 с.
3. Максимова С.В. Творческая активность у лиц с наркотической зависимостью / С.В. Максимова // Вопр. психол. – 2006. - № 1. – С. 118-127.
4. Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения / В.Д. Менделевич. – СПб., 2005. – 445 с.
5. Фетискин Н.П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов.- М., 2002. – 490 с.

Проблемы самоопределения наркозависимых в период ремиссии

Г.Г. Семенова-Полях, М.А. Филатова-Сафронова
Институт экономики, управления и права, г.Казань

Одной из важных социальных проблем на сегодня является рост наркомании среди подрастающего поколения. Наркомания - био-, психо-, социо-, духовное заболевание, хроническое и неизлечимое по своей сути. Как известно, «бывших наркоманов не бывает», однако возможен вариант ремиссии, длительность которой - вся жизнь. При каких условиях это возможно? При полной перестройке мировоззренческих позиций относительно собственной жизни и здоровья, поскольку предыдущий жизненный опыт наркозависимого показывает несостоятельность сформированного ранее отношения к жизни, к миру, к себе, так как прежняя позиция привела к употреблению психоактивных веществ (ПАВ).

Жить в ремиссии – означает научиться «жить с болезнью», принять себя в новой роли, занять новую жизненную позицию, смысл которой - трезвость, здоровый образ жизни. Наркомания разрушает не только тело и душу наркозависимого, но и всю систему отношений, которые сложились у него на момент наркотизации. Поэтому процесс ремиссии связан не столько с восстановлением биологической сущности человека, сколько с необходимостью вновь устроиться в жизни, найти достойные пути самореализации, реконструировать систему отношений.

Формирование нового, эффективного жизненного пути для наркозависимых, по сути, есть проблема личностного и жизненного самоопределения.

В книге «Человек и мир» С.Л.Рубинштейн определил самоопределение как относительно самостоятельный этап социализации, сущность ко-

того – «формирование у индивида осознания цели и смысла жизни, готовности к самостоятельной жизнедеятельности на основе соотнесения своих желаний, наличных качеств, возможностей и требований, предъявляемых к нему со стороны окружающих и общества» (с.154). Центральным моментом самоопределения личности, по мнению К.А.Абульхановой-Славской (1991), выступает самодетерминация, собственная активность, осознанное стремление занять определенную позицию. Е.И.Головаха (1998) отмечает, что самоопределение предполагает не только смещение акцента на самодетерминацию личности, но и ее ориентацию на будущие жизненные перспективы, важнейшим элементом («ядром») которой являются ценностные ориентации, жизненные планы и цели.

Движущей силой самоопределения личности является разрешение противоречия между «хочу» - «могу» - «есть» – «ты обязан», которые в конечном итоге трансформируются в «я обязан, иначе не могу». Это внутренняя позиция взрослого человека, осознающего себя как члена общества, с необходимостью решать проблемы своего будущего. Другой механизм самоопределения личности, без которого невозможна персонификация, есть самооценка, которая обеспечивает его когнитивный аспект и является внутренним условием саморегуляции поведения (В.Ф.Сафин, Г.П.Ников).

Таким образом, самоопределение - это активный поиск возможности личностного развития, способность человека строить самого себя, свою индивидуальную историю и умение переосмысливать собственную сущность.

Процесс самоопределения наркозависимых в период ремиссии затруднен, что обусловлено рядом причин.

Самоопределение - это новообразование старшего подросткового и раннего юношеского возрастов (Л.И.Божович). Этот этап совпадает с периодом активного развития мозговых структур, ответственных за произвольность, самопроцессы. Однако именно на этот период жизни в большинстве случаев приходится начало употребления ПАВ. В результате те возрастные новообразования, которые в норме должны появиться у личности, либо не формируются вообще, либо складываются частично.

Употребление наркотиков разрушительно действует, прежде всего, на волевую сферу личности. В результате эмоции определяют поведение, довлеют над интеллектом. Импульсивность, расторможенность, бесцельность, безволие, страх самостоятельно принимать решения, неумение планировать и т.д. – это проявления разрушенной системы саморегуляции и самодетерминации наркозависимых. Недостаток произвольности в последствии негативно сказывается на восстановлении, особенно на начальном периоде ремиссии. Зависимый с трудом находит смыслы, боится неопределенности и т.д.

Данная проблема усугубляется низкой способностью наркозависимых структурировать свое время, свой внутренний опыт, и жизненный путь в целом (Кондрашенко В.Т., 1988), их прогностической некомпетентностью (Менделевич В.Д., 2000), нарушениями процессов целеобразования (Семенова-Полях Г.Г., 2006). Наркозависимые склонны к поступкам без понимания путей и средств, ведущих к результативности в достижении целей (Н.С.Курек, 1993). В их самосознании отсутствует прошлое, настоящее и будущее как единый временной континуум (В.В.Гульдман, В.А.Иванников, 1991). Чрезмерная фиксация на объекте зависимости (наркотиках) определила отсутствие иного смысла жизни и низкое самоуважение и самооценности.

Описанная картина является проблемной: с одной стороны, самоопределение - необходимое условие эффективного восстановления наркозависимых, с другой – самоопределение зависимых затруднено, ввиду разрушительного действия наркотиков на волевою сферу личности.

Данные размышления легли в основу пилотажного исследования, проведенного в 2006г. на базе Наркологического республиканского центра «Преодоление» и Социального реабилитационного центра «Роза ветров», в котором приняло участие 44 человек в возрасте 22 – 33 лет. Все испытуемые на момент исследования являлись наркозависимыми на стадии ремиссии (от 15 дней до 7 лет трезвости). В качестве методов сбора данных использовалось тестирование (методика «Личностная биография» О.И.Моткова, тест «Смыслжизненные ориентации (СЖО)» Д.А.Леонтьева, М.О.Калашникова, О.Э.Калашниковой, тест «Способность самоуправления» Н.М.Пейсахова). Для обработки данных применялись средние значения показателей, статистическое сравнение показателей по U-критерию Манна – Уитни, а также ранговая корреляция Спирмена.

На начальном этапе результаты, полученные на всей выборке наркозависимых, сравнивались с нормативными (среднестатистическими) данными приведенными в методиках. Обнаружено, что специфическими особенностями наркозависимых в период ремиссии являются выраженные трансформационные процессы личности и её самоопределения. Эти бурные изменения происходят на фоне низкого уровня конструктивности личности и её самореализации, слабо развитого умения приводить в гармонию личность и жизнь. Кроме того, для них характерна низкая осмысленность жизни и слабо развитая способность самоуправления.

Замечено, что самоопределение и сопутствующие ему процессы отличаются у наркозависимых на разных стадиях ремиссии. Поэтому на следующей стадии исследования все испытуемые были разделены на несколько групп: «до 1 месяца», «от 1 до 3 мес.», «3-6 мес.», «6-9 мес.», «9-18 мес.», «от 18 мес. ремиссии». Основанием такого разделения стали представления о течении и кризисных периодах ремиссии алкоголиков и наркоманов (по Т.Т.Горскому, М.Миллеру). Следует отметить также, что

все испытуемые в период до 6 месяцев ремиссии были включены в интенсивную реабилитационную работу по программе «12 шагов», причем первый месяц относился к участию в психотерапии в условиях стационара.

В ходе анализа обнаружена специфика самоопределения наркозависимых людей в разные периоды ремиссии. С увеличением ремиссии наркозависимому четче и яснее представляется смысл собственной жизни и свое место в ней. Самый низкий уровень самоопределения наблюдается у испытуемых со сроком до 1 месяца ремиссии ($p \leq 0,05$). Существенный скачок жизненного самоопределения приходится на интервал от 3х до 6ти месяцев «выздоровления» ($p \leq 0,01$) и таким остается в последующих группах. Аналогично складывается ситуация и с трансформацией личности. На начальном этапе «выздоровления» (до 1 месяца) зависимые отмечают отсутствие позитивных сдвигов в их личности, тогда как во все остальные периоды - их преобладание. 1 месяц ремиссии – это переходный период и лишь по его истечению появляются возможности для изменения взглядов, мнений, ценностей. После 9 месяцев ремиссии обнаруживается рост жизненной самореализации ($p \leq 0,05$). В течение всего процесса ремиссии неуклонно растет конструктивность личности и жизни.

Уровень «гармоничности личности и жизни» в группах со сроком от 1 мес. и более приблизительно одинаков, тогда как до 1 мес. намного меньше ($p \leq 0,01$). Из этого следует, что до месяца ремиссии наркозависимый крайне редко ощущает полноту и гармоничность собственной жизни. Лишь после появляется разнообразие и чувство удовлетворенности, налаживаются отношения с окружающими.

Это подтверждается результатами методики СЖО. До 1 месяца ремиссии наркозависимый не четко представляет свои жизненные цели и в целом жизнь не имеет достаточной осмысленности и направленности ($p \leq 0,05$). Позже он начинает задумываться о своем будущем, о том, чего он хотел бы добиться. С полугода ремиссии четче представляет свои цели, становится целеустремленным, выстраивая свое будущее. Если на начальном этапе выздоровления (до 1 мес.) наркозависимый в негативных тонах воспринимает прожитую жизнь ($p \leq 0,05$), то после, пересмотрев свои мысли, цели и т.п., начинает испытывать удовлетворение от пройденного, находит новые смыслы в прошлом и ощущает его ценность. В течение 1 месяца над зависимым довлеет убежденность в том, что его жизнь неподвластна контролю, что отсутствует свобода выбора ($p \leq 0,05$). Позже он начинает понимать, что способен сам контролировать свою жизнь, свою судьбу, может свободно принимать решения и воплощать их в жизнь.

Из сказанного выше можно сделать вывод о том, что в первый месяц ремиссии наркозависимые не испытывают потребности в самоопределении и самореализации. Они еще не способны к изменению своего внут-

ренного мира, своей жизни и полному отказу от старой жизни. На наш взгляд, это объясняется тем, что внимание зависимого в этот период сфокусировано лишь на собственном психофизиологическом состоянии, где еще сильны проявления «тяги» (влечения к наркотику).

Построение жизненного пути и определение ее перспектив неразрывно связано со способностью самоуправления. Обнаружено, что на каждом этапе «выздоровления» ведущие компоненты способности самоуправления наркозависимого различные. Если «до 1 мес.» на первый план в самоуправленческой деятельности выходит умение планировать и разрабатывать критерии оценки качества, то на следующем этапе (1 -3 мес.) к этим элементам подключается самоконтроль. Далее «от 3 до 6 мес.» ремиссии существенную роль играют целеполагание, прогнозирование и принятие решения. На этапе «от 6 до 9 мес.» ремиссии впервые преобладает способность анализировать противоречия. «После 18 мес.» эффективность самоуправления достигается за счет доминанты способностей анализировать противоречия, принимать решения, осуществлять самоконтроль и прогнозировать. Эти различия можно объяснить, с одной стороны, закономерностями течения ремиссии, где сначала восстановление происходит на психофизиологическом уровне, лишь затем психосоциальном и духовном, с другой - особенностями психотерапевтического воздействия.

Можно предположить, что в процессе ремиссии постепенно восстанавливаются способности самоуправления. Сравнение каждого компонента самоуправления на разных этапах ремиссии, позволило выявить период его максимального развития. Так, способность анализировать противоречия существенно преобладает у зависимых со сроком ремиссии 9 мес. и более; способность к прогнозированию – после 6 мес.; способность к целеполаганию – от 3 до 6 мес., способность планировать - после 6 мес., способность разрабатывать критерии оценки качества – после 18 мес., самоконтроль – от 1 до 3 мес., способность вносить своевременную коррекцию – после 9 мес. Способности принимать решения планомерно увеличивается с каждым периодом ремиссии. (Уровень значимости различий во всех случаях $p \leq 0,05$).

В ходе сравнения корреляционных плеяд обнаружено, что СЖО (удовлетворенность настоящим, ориентация на будущее, локус контроля – жизнь, осмысленность жизни) наркоманов на начальном периоде ремиссии (до 3х мес.) находятся в прямопропорциональной зависимости от компонентов способности самоуправления ($p \leq 0,01$), тогда как в дальнейшем – связаны с процессами трансформации личности, жизненной самореализацией и самоопределением, конструктивностью личности и жизни ($p \leq 0,05$). Т.е предпосылками эффективного самоопределения первоначально выступает развитая способность самоуправления, а затем конструктивная система смысложизненных ориентаций.

Итак, ремиссия наркозависимых характеризуется интенсивными процессами самоопределения и трансформации личности. Однако такие их базовые элементы как смысложизненные ориентации и способности к самоуправлению на начальном этапе «выздоровления» сформированы недостаточно. Поэтому в первые 6 месяцев ремиссии в процесс реабилитации целесообразно включать мероприятия по жизненному моделированию и планированию, обучению формулирования целей. Для закрепления трансформационных процессов личности, происходящих в первые 3 месяца ремиссии, необходимо вводить позитивные поддерживающие средовые влияния (смена окружения, семейная психотерапия).

Суицидальное поведение подростка

Смирнова А.Е., Пульцина К.И.

Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова

Проблема самоубийства существует столько же, сколько существует человек. Поэтому поводу разрабатывались и разрабатываются множество теорий, пытающихся выделить детерминанты суицидального поведения, разработать методики помощи и т.д. но в своей работе мы уделяем внимание факторам, влияющих на формирование суицидального поведения.

Большую часть времени подростки проводят в школе. Именно там и в семье, безусловно, происходит формирование нравственных и этических позиций ребенка, а в современных школах зачастую уделяется этому наименьшее внимание. Педагоги больше внимания успеваемости ребенка, чем его душевным исканиям (особенно в период переходного возраста), многие школы вообще отказываются от услуг психологов.

Нельзя обойти вниманием и наше телевидение, на котором практически не осталось передач, которые могли бы повлиять на формирование полноценной личности. Зачастую, наоборот, там транслируются передачи, которые превращают позитивную энергию подростка в агрессию и аутоагрессию.

Особое внимание нам бы хотелось уделить Интернету, ввиду того что современные подростки проводят там большую часть своего свободного времени. Нами был проведен анализ сайтов, в ходе которого мы практически не выявили таких сайтов, которые могли бы оказать реальную помощь и поддержку подростку. Очень часто сайты наоборот призывают как к одиночным суицидам, так и к массовым (Russian Gothic Page, My Suicide, ACHE, Dead House и т.д.). В данный момент мы заняты разработкой сайта по оказанию online помощи подросткам.

Камю писал: «Есть лишь одна по-настоящему серьезная философская проблема – проблема самоубийства. Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, – значит, ответить на фундаментальный вопрос

философии. Все остальное – имеет ли мир три измерения, руководствуется ли разум девятью или двенадцатью категориями – второстепенно». Прочитав эти строки, мы, возможно, засомневаемся: разве самоубийство – основной вопрос философии? На наш взгляд, говоря о самоубийстве, Камю имеет в виду связанную с этим проблему ценности жизни – действительно основополагающий вопрос философии, от решения которого зависят ответы на другие вопросы.

В последнее время возрастная ось суицида сместилась от 24 лет к 15, причем это характерно для всех стран, не только для России. Однако в России, а особенно в таких крупных городах, как Москва и Санкт-Петербург увеличение случаев подростковых самоубийств проявляется особенно значительно (в Петербурге лишь за девять месяцев 1998 года совершили суицидальные попытки 619 подростков; почти в полтора раза больше, чем за тот же период 1996 года). В целом по России число самоубийств у детей в 1995 году составило 2911 против 2795 в 1994 году. В 1996 году покончили с собой 2756 детей в возрасте 5-19 лет, из них 2358 в возрасте 15-19 лет. В России в 2003 году было совершено 96 суицидов среди подростков, а на 01.08.2004 года 152 случая суицида! Вызывает тревогу тот факт, что большая часть случаев суицида приходится на учащиеся старших классов.

На наш взгляд резкий рост самоубийств связан с эстетизацией самоубийств в молодежных субкультурах (в основном речь идет об Емо и готике). Эти молодежные субкультуры формируют у подростков положительное отношение к самоубийству, суицид представляется подросткам как выход из кризисных ситуаций. Давление на подростковое сознание в век технического прогресса осуществляется с потрясающим воображение и напором со стороны самых разных технических средств. Компьютерные игры снимают понятие греха в представлении подростка - возможность убийства человека человеком. Кинематограф давно перестал быть "великим немым", в нем нам постоянно демонстрируют сцены насилия и убийств. Влияние телесериалов на наивное сознание не столь опасно, как изобилие «жестокой» информации, которой пестрят политические новости. Нельзя сказать, что такого рода информация есть прерогатива одной страны, хотя, безусловно, она опаснее для народов тех стран, которые оказались в ситуации "переоценки всех ценностей". Уже в 1923 году А.Ф.Кони предупреждал об опасности сюжетов, эстетизирующих суицид, в какой бы форме передачи информации это ни было выражено. Эстетизация суицида в детективном романе, киносюжете, на диске детской игры может стать непосредственной причиной сознательного самоубийства. На наш взгляд нужно задуматься над воспитанием подростков, над тем какие ценности и идеалы им преподносят СМИ. Нужно уделять внимание не только материальному обеспечению подростков, но и их духовному развитию, о которое порой оказывается на последнем месте, необходим возврат к гуманитарно окрашенной культуре.

Индивидуальные варианты детской агрессивности

Хузеева Г.Р.,
МПГУ, Москва

Целью нашего исследования стало изучение агрессивных детей старшего дошкольного возраста в контексте межличностных отношений со сверстниками. Уже в дошкольном возрасте складывается определенные внутренние предпосылки, способствующие проявлению агрессивности. Выявление мотивов агрессивного поведения детей, изучение его психологических условий и вариантов необходимо как для своевременной диагностики этого явления, так и для разработки коррекционных программ.

В ходе наблюдения за свободным взаимодействием 115 дошкольников было обнаружено, что те или иные формы агрессивного поведения наблюдались у большинства детей. В то же время некоторые дошкольники проявляли значительно более выраженную склонность к агрессивности (в течение часа наблюдения они демонстрировали не менее четырех актов, направленных на причинение вреда сверстникам). В соответствии с этим критерием мы выделили группу дошкольников с повышенной агрессивностью, в состав которой вошли 31 человек (20% выборки).

Существенные индивидуальные различия, полученные при обследовании агрессивных детей, побудили нас осуществить дифференцированный анализ выборки и выделить индивидуальные варианты агрессивности в дошкольном возрасте.

На основе анализа были выделены три подгруппы детей, которые различаются:

- По внешним поведенческим проявлениям агрессивности;
- По своим психологическим характеристикам (уровню интеллекта, произвольности, развитию игровой деятельности);
- По социальному статусу в группе сверстников

Остановимся на описании этих подгрупп.

В первую группу вошли дети, которые чаще всего используют агрессию как средство привлечения внимания. Они, как правило, чрезвычайно ярко выражают свои агрессивные эмоции (кричат, громко ругаются, разбрасывают вещи); их поведение направлено на получение эмоционального отклика от других. Такие дети активно стремятся к контактам со сверстниками; получив внимание партнеров, они успокаиваются и прекращают свои вызывающие действия. У таких детей агрессивные акты мимолетны, ситуативны и не отличаются особой жестокостью. Чаще всего они используют физическую агрессию (прямую или косвенную) в ситуации привлечения внимания. Их агрессия носит произвольный, непосредственный и импульсивный характер; их агрессивные действия быстро сменяются дружелюбными, а выпады против сверстников – готовностью

сотрудничать с ним. Их агрессивные действия отличаются ситуативностью, наиболее яркие эмоции наблюдаются в момент самих действий и быстро угасают. По данным социометрического обследования, дети этой группы имеют весьма невысокий статус в группе сверстников: их либо не замечают и не принимают всерьез, либо избегают. По словам сверстников, такие дети «Все ломают», «Всегда мешают», «Никого не слушают». Данные психологического обследования показывают, что такие дети значительно отличаются от других (как обычных, так и агрессивных) следующим:

- низким уровнем интеллекта – как общего, так и социального;
- неразвитой произвольностью;
- низким (первым и вторым по Д.Б.Эльконину) уровнем игровой деятельности.

Обостренная потребность ребенка во внимании и в признании сверстников не может реализоваться через традиционные формы детской деятельности и в качестве средства самоутверждения и самовыражения они используют агрессивные действия. Этот вариант детской агрессивности можно назвать **импульсивно-демонстративным**, поскольку главная задача ребенка здесь – продемонстрировать себя, обратить на себя внимание.

Вторую группу составили дети, которые используют агрессию, в основном, как норму поведения в общении со сверстниками. У этих детей агрессивные действия выступают как средство достижения какой-либо конкретной цели – нужного им предмета, ведущей роли в игре или выигрыша у своих партнеров. Об этом свидетельствует тот факт, что положительные эмоции они испытывают после достижения результата, а не в момент агрессивных действий. Деятельность этих детей отличается целенаправленностью и самостоятельностью. При этом в любой деятельности они стремятся к лидирующим позициям, подчиняя и подавляя других. В отличие от предыдущей группы, они не стремятся привлечь к себе внимание сверстников. Как правило, эти дети занимают положение предпочитаемых, а некоторые выходят на положение «звезд». Среди всех форм агрессивного поведения, у них чаще всего встречается прямая физическая агрессия (37%), которая, впрочем, не отличается жестокостью. В конфликтных ситуациях они игнорируют переживания и обиды сверстников, ориентируясь исключительно на собственные желания. По результатам обследования, эти дети обладают следующими особенностями:

- высоким уровнем интеллекта (как общего, так и социального);
- хорошо развитой произвольностью;
- хорошими организаторскими способностями, умением организовать игру;
- высоким социальным статусом в группе сверстников.

Дети этой группы хорошо знают и на словах принимают нормы и правила поведения, но постоянно нарушают их. Положительная оценка

взрослого несомненно важна для них. В то же время они как бы не замечают собственной агрессивности; их способ действия представляется им привычным, нормальным и единственно возможным средством достижения своей цели. Например, выталкивая с лошадки товарища, мальчик заявляет: «Я тоже хочу». Данный вид агрессивности детей можно назвать **нормативно-инструментальным**.

В **третью группу** входят дети, для которых нанесение вреда другому выступает как самоцель. Их агрессивные действия не имеют какой-либо видимой цели – ни для окружающих, ни для них самих. Они испытывают удовольствие от самих действий, приносящих боль и унижение сверстникам. Дети данного типа используют в основном прямую агрессию, при чем более половины всех агрессивных актов составляет прямая физическая агрессия. Их действия отличаются особой жестокостью и хладнокровием. Например, безо всякой видимой причины ребенок хватается другого за волосы и бьет головой об стену, или толкает с лестницы и со спокойной улыбкой наблюдает крики и слезы своей жертвы. Обычно такие дети выбирают для своих агрессивных действий одну-две постоянные жертвы – более слабых детей, не способных ответить тем же. Чувства вины или раскаяния при этом совершенно отсутствуют. Нормы и правила поведения открыто игнорируются. На упреки и осуждение взрослых они отвечают: «Ну и что!», «И пусть больно», «Что хочу, то и делаю». Для таких детей особенно характерна мстительность и злопамятность: они долго помнят любые мелкие обиды и, пока не отомстят обидчику, не могут переключиться на другую деятельность. Самые нейтральные ситуации они рассматривают как угрозу и посягательство на свои права.

По результатам психологического обследования эти дети имеют:

- средние показатели интеллекта;
- произвольность в целом соответствует возрастным нормам;
- низкий социальный статус в группе сверстников – их боятся и избегают;
- уровень развития игры также находится на средних уровнях (второй и третий), однако содержание их игр часто носит агрессивный характер – все дерутся, мучают или убивают друг друга.

Этот вид детской агрессивности можно назвать **целенаправленно-враждебным**.

Таким образом, выделенные группы детей значительно отличаются по выраженности тех или иных мотивов агрессии. В первой группе агрессия наиболее часто используется для привлечения внимания сверстников, во второй – для достижения конкретной цели (чаще всего – получить желанный предмет); в третьей группе преобладающей мотивацией агрессии является «бескорыстное» причинение вреда сверстникам (агрессия как самоцель). Отметим нарастание данного типа мотивации (как и частоты прямой физической агрессии) от первой группы к третьей.

В основе детской агрессивности может лежать различная мотивационная направленность: в первом случае – спонтанная демонстрация себя, во втором – достижение своих практических целей, в третьем – подавление и унижение другого. Однако, несмотря на эти очевидные различия, всех агрессивных детей объединяет одно общее свойство – невнимание к другим детям, неспособность видеть и понимать другого, фиксация на себе.

В ситуации, выявляющей отношение к сверстнику («Раскраска»), по всем показателям значимых различий между подгруппами агрессивных детей обнаружено не было. Все они проявляли низкий интерес к сверстнику, неадекватные реакции на успехи другого ребенка (злорадство при его неудаче и протест против его достижений) и неспособность бескорыстно поделить или помочь другому. Подобный тип отношения к сверстнику оказался несвязанным ни с уровнем развития игры, ни с самооценкой, ни с реальным положением ребенка в группе сверстников. По-видимому, в основе такого отношения к другим лежит особое строение самосознания ребенка, а именно фиксированность на себе и внутренняя изоляция от других. В мире и в других людях такой ребенок видит прежде всего себя и отношение к себе. Другие люди выступают для него как обстоятельства его жизни, которые либо мешают достижению его целей, либо не уделяют ему должного внимания, либо пытаются нанести ему вред. Фиксированность на себе, ожидание враждебности со стороны окружающих не позволяют такому ребенку увидеть другого во всей его полноте и целостности, пережить чувство связи и общности с ним. Поэтому для таких детей недоступно сочувствие, сопереживание или содействие. Очевидно, что такое мировосприятие создает ощущение своего острого одиночества во враждебном и угрожающем мире, которое порождает все большее противостояние и отделенность от других. Степень такого восприятия враждебности может быть различной (нарастает от 1-ой группы к 3-ей), однако ее психологическая природа остается той же – внутренняя изоляция, приписывание враждебных намерений окружающим и невозможность видеть собственный мир другого человека.

В то же время можно полагать, что в дошкольном возрасте еще не поздно предпринять своевременные меры для преодоления этих тенденций.

Мотивации созависимости у студентов-психологов

И.А. Шаповал
Оренбургский гос. педагогический университет

Посылкой к проведению настоящего исследования послужили данные тестирования по методике В.Д. Менделевича «Склонность к зависимому

поведению», проводимого в ходе изучения курса по выбору «Психология аддикций» со студентами 3 – 5-х курсов отделений «Педагогика и психология» и «Специальная психология» факультета психологии ОГПУ. Два факта из полученных данных обратили на себя внимание: 1) практическое отсутствие среди респондентов лиц без признаков тенденции, повышенной склонности или высокой вероятности зависимости; 2) «утяжеление» этих показателей по количеству набранных баллов и их распространение от 3-го к 5-му курсу (соответственно они отсутствовали у 4-5 студентов в группах 3-го курса и у 1-2-х – 5-го).

Как известно, в аддиктивном поведении не меньший, а возможно и больший удельный вес занимает не сам аддиктивный акт (аддиктивная реализация), но его «аура»: мысли о предстоящем удовольствии, подготовка к нему, ритуализация процесса, далее – воспоминания о нем, предвкушение повторения и т.д. Таким образом, с аддикцией связаны специфическое мышление, эмоциональный мир, мотивационные структуры личности. Г.Е. Сухарева подчеркивала, что психопатия у взрослых никогда не возникает спонтанно, вдруг, как нечто готовое. Формирование личности начинается в детском возрасте, и становление ее более или менее устойчивой патологии связано с динамикой формирования аномальной структуры личности в детстве, подростковом возрасте, юности. Поэтому, учитывая пространственно-временную протяженность жизненного пути индивида, необходимо учитывать особенности динамики патологии, включая возможные компенсацию и декомпенсацию. Если определенные формы зависимости у наших респондентов на настоящее время еще не сформировались и, возможно, они и не придут к конкретным алкогольной или наркотической зависимостям, то высокий риск такого прогноза, обусловленный наличием выраженных предпосылок, в нашем исследовании установлен. В связи с тем, что контингент испытуемых представлен лицами, выбравшими «помогающую» профессию психолога, мы предположили наличие связи выбора данной профессии с наличием созависимости как фундамента аддиктивного поведения, на котором могут развиваться уже все конкретные формы зависимости.

Феномен созависимости интерпретируется по-разному, что обусловлено и разными подходами к его изучению, и его сложностью и неоднородностью. Согласно наиболее общему определению (1-я Конференция по созависимости; США, 1989), созависимость - это устойчивая болезненная зависимость от компульсивных форм поведения и от мнения других людей, являющаяся попыткой обрести уверенность в себе, осознание собственной значимости, определить себя как личность. В психологии созависимость определяется как личностные предпосылки к образованию зависимости - к стремлению заместить духовную неполноту посредством химических веществ, материальных объектов, психических процессов или человеческих отношений. Из разнообразных определений (Sh. Wegschei-

der –Cruse; J.C. Friel, L. D. Friel; R. Lerner; C. Clements and B. Bofenkemp и др.) нами выбрано и принято в качестве базового определение М. Пити: созависимый – это человек, позволивший, чтобы поведение другого повлияло на него, и полностью поглощенный тем, что контролирует действия этого другого. Такие отношения между людьми родились так давно, распространены так широко, что считаются нормой человеческой жизни, а не патологией. Как стереотипы поведения и чувствования они утверждены обществом в качестве идеала, укоренены в культурной традиции, пропагандируются искусством и литературой. Всякое посягательство на эти стереотипы воспринимается как сознательный бунт против идеалов (Е.Н. Проценко). С другой стороны, многие ли из нас хотели бы быть на месте Ромео или Джульетты (или их родителей) со всеми вытекающими последствиями?

Анализ трудов по психологии созависимости показывает интерес исследователей к особенностям самооценки, психологических защит, эмоциональной и волевой сферы, мышления, поведенческих стратегий созависимых субъектов и т.д. В контексте данного сообщения мы остановимся на ряде особенностей мотивации, характерных для созависимости, - желаниях заботиться о других, спасать других и контролировать их жизнь. Для выяснения представленности этих мотивов в структуре личности студентам 1-го и 4-го курсов (будущим психологам) были предложены ряды утверждений, типичных для созависимых лиц в оценке значимых отношений и мира в целом. Рассмотрим вначале оценки мира.

	Утверждения «Верно, это так»	4 курс	1 курс
1	Жизнь полна конфликтов и страданий	29.4%	48.6%
2	Чтобы выжить, надо бороться	76.5%	97.1%
3	Счастье не бывает долгим	11.8%	42.9%
4	Люди эгоистичны и жадны	17.6%	31.4%
5	Мы живем в жестоком мире	58.8%	74.3%
6	Любовь причиняет боль	23.5%	62.9%
7	Сердиться не следует	76.5%	68.6%
8	Без любимого жизнь не имеет смысла	35.3%	45.7%
9	Нужно экономить на черный день	52.9%	62.9%

Из приведенных данных мы видим, что мироощущение первокурсников по большинству мнений более трагично, да и в целом картины мира не очень радостные у половины и более студентов. Здесь явно прослеживаются страхи столкновения с реальностью, быть брошенным, потери контроля над жизнью и т. д. Мир давит, неясен, полон тревожных предчувствий, ожиданий плохого, что закономерно рождает желание усилить контроль, чтобы сохранить или организовать «благополучный» мир. Чем хаотичнее ситуация, тем больше усилий должно быть приложено по ее контролю. Думая, что может контролировать восприятие других через производимое впечатление, созависимый считает, что окружающие видят

его и его отношения такими, какими он их изображают. В то же время в отношениях с другими людьми у него крайне редко возникает ощущение подлинной близости и доверия. Даже при общении с близкими характерны настороженность, подозрительность, тревожность.

Интересно возрастное снижение согласия с мнениями 6 и 8 и, наоборот, возрастание, пусть и не очень значительное, по мнению 7, касающихся чувств и их проявления. Полагаем, это свидетельство некоторого сужения спектра и уменьшения интенсивности испытываемых и проявляемых чувств - одна из наиболее специфичных черт созависимости. Вероятнее всего, оно обусловлено формированием психологических защит в процессе жизненного опыта. Рассмотрим мнения о существующих или желаемых интимных взаимоотношениях.

	Утверждения «Верно, это так»	4 курс	1 курс
1	Мы – одно целое	70.6%	80.0%
2	Быть уязвимым и ранимым человеком всегда плохо	35.3%	51.4%
3	Мы никогда не будем ссориться или критиковать друг друга	17.6%	25.7%
4	Чтобы быть любимой, я всегда должна выглядеть счастливой, веселой, беззаботной	5.9%	34.3%
5	Мы будем полностью доверять друг другу – сразу и навсегда	76.5%	77.1%
6	Мы будем все делать вместе	64.7%	54.3%
7	Ты будешь инстинктивно улавливать все мои желания и потребности	47.1%	57.1%
8	Если мы действительно любим друг друга, мы будем неразлучны	58.8%	80.0%
9	Да, я тебя понимаю...	100.0%	74.3%

Сопоставляя мнения 17- и 20-летних, мы видим безусловную тенденцию к формированию более реалистичных представлений о взаимоотношениях с интимным партнером (мнения 2, 3, 4, 8). Рост показателей по мнениям 6 и особенно 9 может говорить о трансформации чувств – переходе неуверенности в себе в самоуверенность. Наконец, общие высокие показатели согласия с мнениями 1, 5, 7 свидетельствуют об инфантилизме и недостатке жизненного опыта.

Мы видим также по мнениям 1, 5, 6, 8 и др. выраженное стремление к максимальной близости, трудности равноправного партнерства, желание заработать любовь, стать незаменимым. При этом не удивляет фактически полная уверенность респондентов в своем понимании своего близкого. Определить, чего хотят другие люди, и дать им то, чего они хотят - в этом успех созависимых. Они нуждаются в том, чтобы в них нуждались, и любят заботиться о других, зачастую выбирая профессии медсестры, вос-

питательницы, психолога, учителя. В то же время они часто и интенсивно эмоционально вовлекаются в отношения с людьми, требующие постоянного внимания и заботы. В целом это роль "опекуна": иногда с оттенком жертвенности, иногда - с чувством собственного превосходства и сознанием "честно исполняемого долга". Мы видим, что большинство студентов принимает установки долженствования в отношениях: "я должна", "ты должен", "мы будем". Такое поведение определяется убежденностью созависимых в том, что именно они ответственны за чувства, мысли, действия других, за их выбор, желания и нужды. Созависимые говорят и думают за другого, верят, что могут управлять его чувствами и не спрашивают, чего он хочет.

Выше говорилось о традиционализации феномена созависимости; более того, согласно кросскультурным исследованиям (Д. Мацумото и др.) для российского менталитета характерен именно «конструкт взаимозависимости». Наши данные о росте склонности студентов-психологов к зависимости и некотором снижении межличностной зависимости от 1-го к 4-му курсу мы интерпретируем как трансформации созависимости. Соглашаясь с оценкой зависимости как адаптивно-защитной функции личности, мы делаем вывод о динамике общего феномена и дифференциации его в процессе жизни на конкретные формы – алкогольную, наркотическую, аддикцию отношений и т.д.

6. Группа как объект психологического воздействия: технологии, результаты, эффекты

Психодрама - это действие души

К.Е.Астафьева

Стерлитамакская Государственная Педагогическая Академия

Что такое психодрама?

У каждого человека существует внутренний мир, в котором постоянно происходят какие-то воображаемые события. Мы вспоминаем прошлое и представляем будущее, ведем мысленно диалоги (со значимыми для нас людьми и сами с собой). Иногда мы даже конфликтуем сами с собой. Другими словами, в нас происходит внутренняя драма. Если вывести эту драму наружу и сыграть в ролях с помощью группы людей, то и получится психодрама.

Она имеет много общего с театральной постановкой, но есть и существенные отличия. Одно из главных - это импровизация. В психодраме сюжет, сценарий действия рождается в момент самого действия. Еще одно отличие в том, что в психодраме разыгрывается реальный личный опыт человека, и он сам выступает главным действующим лицом в этом спектакле. В этом смысле психодрама реальнее, чем любая придуманная пьеса. Но сила психодрамы в том, что есть возможность отойти от этой реальности и использовать фантастическую сверхреальность, где вещи и животные могут говорить, где чувства воплощаются в персонажей, где части личности действуют как самостоятельные герои, где мертвые оживают и где возможны волшебства и чудеса. Еще одной замечательной возможностью психодрамы является техники, которых нет в театральной практике (обмен ролями, дублирование, зеркало и многие другие), позволяющие постичь состояние другого человека и взглянуть на себя его глазами, помогающие исследовать многие скрытые уголки собственного Я.

В психодраматической игре можно испытать радость полета птицы, или пережить трогательность романтического свидания. Средства психодрамы позволяют перевоплотиться в идеального героя, или на время побывать, скажем, в роли Мэрилин Монро. Затем, используя опыт, приобретенный в этом состоянии (часто это уже существующий опыт, только спрятанный за комплексами и психологическими защитами), перенести его на реальные жизненные ситуации, в которых раньше испытывались затруднения.

Для кого это нужно?

Легче сказать, для кого она не подходит. Практически все, что есть во внутреннем мире человека, может быть разыграно на психодраматич-

ческой сцене. Иногда говорят: "Мне психодрама не подходит, я не имею актерских данных". Но для психодрамы не нужны никакие актерские способности, ибо в ней ценится не способность притворяться, а искренность переживаний и некоторое количество спонтанности. А если ее не хватает, то психодрама поможет ее повысить - в этом как раз ее основная цель. Психодрама не противопоказана даже людям с психотическими нарушениями (например, шизофреникам).

Кто-то сказал: "Психодрама показана любому человеку, у которого есть или были родители". Этим высказыванием подчеркивается тот факт, что этот метод подходит практически всем, ведь родители есть или были у каждого. Даже у детдомовского воспитанника, который своих родителей не знает, такими "Родителями" были воспитатели, коллектив, с которыми связаны не только достижения, но и проблемы (как и с реальными родителями).

Где применяется психодрама

Психодрама - это, прежде всего, вид психотерапии. Он имеет две составляющие: клиническую (как лечение) и неклиническую (как самопознание и личностный рост). Они часто сопутствуют и дополняют друг друга. Во всяком случае, психодрама-терапия, как метод ориентированный не на симптомы, а на личность, невозможна без глубокого проникновения в личностную проблематику.

Слово "психодрама" очень часто воспринимается слишком буквально, как что-то, относящееся только к драме. Порой приходится слышать от клиентов, которым предлагается групповая психодраматическая работа: "Психодрама? Ну, что вы! Мне и в жизни хватает драмы". На самом деле психодрама - это отнюдь не только драма, ну и, конечно же, не только трагедия. Как драматургия объединяет множество жанров и видов, так и психодрама, заимствуя терминологию, включает в себя элементы и комедии, и лирической поэмы, и эпической драмы, и театра абсурда. Психодрама может стремиться к максимальному реализму в поиске истинности чувств, отношений и даже деталей обстановки, а может демонстрировать образцы сюрреализма и символизма.

Психодраматический метод плодотворно используется и в областях, совершенно далеких от сферы решения личностных проблем. Речь идет о психологических тренингах самого различного спектра: бизнес, политика, образование, профессиональная подготовка, организационное развитие и многое другое. Психодрама, как метод действия, имеет ряд неоспоримых преимуществ по сравнению с другими видами подготовки. Во-первых, она работает с реальными ситуациями из жизни и деятельности участников, а это значит, что она максимально приближена к действительности. Во-вторых, психодраматический процесс протекает не в рассуждении, а в действии, что позволяет активно задействовать не только интеллект, восприятие и память, но и эмоционально-чувственные и телесно-

двигательные составляющие поведения человека. Это способствует большей эффективности практических решений и прочности освоения опыта. В-третьих, в отличие от обычного тренинга навыков, такой способ работы позволяет затрагивать более глубокие личностные пласты. А это означает, что появляется возможность, с одной стороны, искать и прорабатывать внутриличностные препятствия эффективной деятельности (барьеры, стереотипы, страхи и т. п.). С другой стороны, такая работа помогает раскрытию внутриличностных ресурсов, повышению спонтанности и творческого потенциала человека.

Основные жанры и направления психодрамы:

Монодрама - использование психодрамы в индивидуальном консультировании и психотерапии. Вместо других людей, которые должны играть вспомогательные Я, в монодраме используются пустые стулья или символические предметы (например, игрушки).

Социодрама и социометрия - работа с темами, общими для группы. Социодрама иногда считается самостоятельным видом практики, а иногда видом психодрамы. Социодрама очень удобна для помощи в урегулировании конфликтных отношений (например, межэтнических или религиозных). Социометрия - это эффективный метод исследования социальных групп: их структуры, динамики.

Аксиодрама - вид социодрамы, основанной на работе с личностными ценностями.

Драматерапия - использование литературных сюжетов, которые разыгрываются на сцене с психотерапевтической целью.

Библиодрама - жанр психодрамы, в основе которого лежит психодраматическое разыгрывание библейских сюжетов, в которых заложены основные архетипические конфликты человека.

Play-back-театр и другие виды театральной психодрамы - синтез театра и психодрамы. Одним из видов такого синтеза можно считать театр импровизации. Play-back - это разыгрывание группой актеров с психодраматической подготовкой различных сцен из жизни какого-нибудь участника из зрительного зала, как форма самопознания и психотерапевтической помощи.

Психодрама подходит для всех возрастных групп, начиная с дошкольников и заканчивая людьми зрелого возраста. Она устроена таким образом, что вы получите много эмоций. Свою роль в психодраме все её участники не воспринимают как игру, а как проживание какого-то отрезка своей жизни. Всё то, что было скрыто в сокровенных уголках души – ваши мысли, чувства, переживания, обиды – всё это необходимо пережить и после этого наступает как бы очищение и облегчение. Таким образом, психодрама – синтез психологии и педагогики, но её импровизационное применение выходит далеко за рамки специализаций.

Изменение ценностно-мотивационной сферы у мужчин и женщин в условиях эмиграции

Ахмадуллина Э.А.
Тренинг-центр ИНО КГУ

Гендерные особенности пронизывают все структуры личности, в связи мы увидели необходимость исследования процесса социокультурной адаптации в зависимости от *гендерных особенностей* личности. Результаты представлены в работах Б.Г.Ананьева, И.В.Грошева, И.С.Кона, Н.Н.Крыгина, О.Г.Лопуховой, и других авторов. Ими показано, что центральными в половых различиях являются личностные образования и, в частности, свойства личности, интегрирующие психологические процессы и состояния. Однако, ни в фундаментальной обзорной монографии Е.П.Ильина, ни в докторской диссертации И.В.Грошева, ни в других источниках, посвящённых этой теме, нами не обнаружены данные о характере изменения составляющих ценностно-мотивационной сферы личности в условиях социальной адаптации в зависимости от пола субъекта. В данном исследовании предпринимается попытка восполнить этот пробел в знаниях.

Центральное внимание в работе уделено составляющим ценностно-мотивационной сферы личности, их сформированности и характеру взаимосвязей между ними в динамике развития у эмигрантов, – женщин и мужчин. Интерпретация полученных результатов осуществлялась на основе сравнения с соответствующими показателями развития ценностно-мотивационной сферы личности у россиян, – лиц, не испытывающих столь существенных перемен в жизни, касающихся места жительства. Принимая во внимание гендерные особенности психического развития, можно предположить, что структурная организация ценностно-мотивационной сферы и ее динамика будут иметь особенности, определяющиеся гендерной принадлежностью личности.

В соответствии с целью и выдвинутыми предположениями решались следующие теоретические и эмпирические **задачи** исследования:

провести теоретический анализ исследований ценностно-мотивационной сферы в связи с гендерными особенностями личности. Для реализации поставленных цели и задач использовалась лонгитюдная стратегия исследования.

Исследование проводилось в период с 1999 по 2005 год. В исследовании участвовало 52 респондента. Из них 26 – россияне, 26 – эмигранты, проживающие в Англии (Лондоне), эмигрировавшие по собственному желанию. Осуществлялось три диагностических среза. Первый в – 1999 году, в самом начале эмиграции (от 1 до 10 месяцев с момента выезда за рубеж); второй – на третьем году эмиграции, признаваемому исследователями как «кризисный» этап эмиграции, третий – через шесть лет от

начала эмиграции. В качестве респондентов выступали одни и те же лица – эмигранты, проживающие в Англии, и россияне – жители Москвы, Санкт-Петербурга и Казани. В сравнительном анализе участвовало четыре группы респондентов: эмигрантки-женщины, эмигранты-мужчины, россиянки-женщины, россияне-мужчины. Объем выборок – по 13 человек в каждой. Учитывалось, что использованный для обработки полученных данных математический аппарат разрешает минимальный объем – 12 человек. Выборки испытуемых однородны по показателям пола, возраста, уровня образования, национальности.

Результаты исследования показывают, что успешность социокультурной адаптации эмигрантов связана с гендерными особенностями личности. Успешнее адаптируются мужчины, эффективной адаптации которых способствуют мотивация к успеху, адекватная ориентация во времени, возможность управлять собой и рабочая направленность личности. Социокультурная адаптация женщин эффективна при условии самопонимания, аутосимпатии, ощущения эмоционального комфорта и отсутствия внутренних конфликтов. При этом женщинам легче удастся стратегия интеграции, чем мужчинам.

Большее количество различий между эмигрантами и россиянами выявлено в группе *женщин*. Выяснилось, что на данном этапе исследования эмигрантки по ряду показателей менее самоактуализированы, чем россиянки (показатели 22,23, 24).

Ниже у эмигранток и показатель аутосимпатии (30), что свидетельствует, по мнению автора методики, о тревожности, неуверенности в себе. При этом у эмигранток выше значение показателя внешнего контроля (39), что говорит о большей управляемости извне, чем это свойственно россиянкам.

Что касается различий между эмигрантами и россиянами в группе *мужчин*, то можно сказать, что они касаются лишь эмоционального дискомфорта (43), значение которого выше у эмигрантов. Другими словами, на третьем году проживания в эмиграции эмигранты-мужчины испытывают большую степень эмоционального комфорта, то есть более свободны в выражении чувств, оптимистичны, довольны жизнью, уравновешены, менее тревожны, чем мужчины, проживающие в России.

Корреляционный и дивергентный анализы позволили выделить целый ряд существенных статистически значимых различий между сравниваемыми структурами, образованными исследуемыми показателями выборок эмигрантов и россиян. Активный процесс социальной адаптации эмигрантов объединяет воедино показатели самоактуализации и социальной адаптации. Более эффективному процессу социальной адаптации эмигранток-женщин способствуют вера в могущество человеческих возможностей, уверенность в себе и доверие к окружающему миру, чувство

свободы и естественность поведения и другие ценности самоактуализирующейся личности. Для успешной адаптации мужчин-эмигрантов более значимы потребность в познании, стремление к установлению межличностных контактов, отсутствие социальных стереотипов. Российские женщины и мужчины более успешны в социальной адаптации, если они не стремятся к творчеству, а российские мужчины, кроме того, не испытывают потребности в познании, зато проявляют гибкость в общении.

В целом, сравнительный анализ сформированности отдельных составляющих ценностно-мотивационной сферы личности и её структур у эмигрантов и россиян позволяет заключить, что на третьем году эмиграции благополучно социально адаптированными можно назвать только эмигрантов-мужчин, которые испытывают большую степень эмоционального комфорта, то есть более свободны в выражении чувств, оптимистичны, довольны жизнью, уравновешены, менее тревожны, чем женщины или мужчины, проживающие в России. У эмигрантов-мужчин наблюдается большая гибкость в общении и отсутствие социальных стереотипов. Сказанное нельзя отнести к группе эмигранток-женщин, по ряду показателей социальной адаптации проигрывающим как российским женщинам, так и эмигрантам-мужчинам. Эмигрантки тревожны и неуверенны в себе, что не свидетельствует об успешности их адаптации на данном этапе эмиграции, хотя при этом сохраняют, как и в самом начале эмиграции, более высокую надежду на успех в жизни, чем их бывшие соотечественницы.

Характер ценностных ориентаций эмигрантов, на третьем году проживания в эмиграции, по-прежнему обращён к ценностям, свойственным российской культуре.

В этот период необходимость социокультурной адаптации реализуется путём выбора стратегии аккультурации по типу интеграции и ассимиляции – эмигрантками-женщинами и ассимиляции, и сепарации – эмигрантами-мужчинами.

Эмпирические данные, полученные на третьем этапе исследования, по прошествии шести лет после первого и четырех лет – после второго диагностического этапа не выявил достоверных различий между эмигрантами и россиянами в значениях показателей фрустрированности (показатель 1), характера самоотношения (показатели 4-12) и мотивационной структуры (показатели 13-21). Сравнительный анализ количественных данных показывает, что эмигрантки-женщины отличаются от российских женщин адаптивностью (ответственностью, способностью опираться на себя), интернальностью (склонны к большему осмыслению своего поведения, считают, что успехи или неудачи не случайны и зависят от них самих), приятием других, т.е. способ-

ностью устанавливать теплые отношения с окружающими, а также мотивацией достижения – надеждой на успех.

Различия наблюдаются только в данных диагностики самоактуализации личности (22-33), характеристик ее социальной адаптации (34-51) и мотивации достижения (52).

Таким образом, аккультурация проходит намного благополучнее, чем, в целом социальная адаптация. При этом, женщинам легче дается стратегия интеграции, а мужчины в большей степени тяготеют к стратегии сепарации. Ведущим фактором самоотношения россиян, особенно женщин, является самоуничижение. Поэтому работа практического психолога должна быть направлена в сторону снижения склонности к самообвинению и избавлению от внутренних конфликтов

Влияние социально-психологического тренинга на психо-эмоциональное состояние женщин Северо-Востока России

Бартош О.П., Бартош Т.П.

Международный научно-исследовательский центр «Арктика» ДВО РАН,
г. Магадан

Комплекс экстремальных факторов среды Севера, в том числе, природно-климатических, влияют на процесс психофизиологической адаптации и формируют особенности психо-эмоциональной сферы личности человека [Березин, 1985]. Одним из факторов стресса является эмоциональная напряженность, которая свойственна жителям северных регионов. Наличие тревожности, неуверенности в себе, фрустрированность препятствует формированию адаптивного поведения, приводит к нарушению поведенческой интеграции, дезорганизации психики человека. Важными факторами, улучшающими психическую адаптацию и эффективность деятельности, являются социальная сплоченность, способность строить межличностные отношения, возможность открытой коммуникации. Тренинг является наиболее эффективным на настоящее время способом построения межличностных отношений в специально создаваемых малых группах [Марасанов, 2001; Карвасарский, 2002].

Целью нашего исследования являлось изучить влияние социально-психологических тренингов на психо-эмоциональное состояние женщин г. Магадана.

Задачи исследования:

1. Изучить влияние социально-психологического тренинга на психо-эмоциональные показатели участников (самочувствие, активность, настроение) непосредственно до и после тренинговых занятий.

2. Сравнить изменения свойств личности, самосознания, уровень тревожности и социальной фрустрированности до и после тренинга.

3. Сравнить изменения свойств личности, самосознания, уровень тревожности и социальной фрустрированности до начала тренинга и по истечению одного года, тем самым оценить влияние тренинга.

Гипотеза: проведение социально-психологических тренингов позитивно влияет на психо-эмоциональное состояние человека и является эффективной психокоррекционной работой в условиях «затяжной» зимы Северо-Востока России.

Объектом исследования выступили 12 женщин г. Магадана в возрасте от 25 до 44 лет, имеющих высшее образование. Всего было проведено 18 тренинговых встреч продолжительностью 1-1,5 часа, периодичностью 2 раза в неделю в течение 2,5 месяцев (март-май). Женщины посещали тренинг личностного роста, целью которого является научить человека адаптивным способам поведения (когнитивно-поведенческий подход).

Для оценки результативности группового тренинга использовались методики: стандартизованный опросник САН - оперативная оценка самочувствия, активности, настроения; личностный дифференциал ЛД (оценка, сила, активность), шкала самооценки Спилбергера-Ханина (СТ, ЛТ), уровень социальной фрустрированности (УСФ) в адаптации Л.И. Вассермана с соавт. [Энциклопедия..., 1997]. С учетом поставленных задач исследование проводили по следующей схеме: психо-эмоциональное состояние участников тренинга проводили с помощью методики САН до и после каждого тренингового занятия на протяжении 2,5 месяцев. До начала тренингового курса, по его окончанию, а также спустя год женщинам было предложено заполнить опросники ЛД, ЛТ, СТ и УСФ. По окончанию тренинга и через год участники заполняли разработанную нами анкету, где их просили отметить, что дал им тренинг и какие изменения произошли, по их мнению, в результате посещения данного тренинга.

Достоверность различий оценивали по U-критерию Манна – Уитни [Сидоренко, 1996].

Результаты исследования показали (табл. 1), что все параметры опросника САН достоверно увеличивались после участия в тренинге ($p < 0,05$). Это свидетельствует о позитивном воздействии занятий на психо-эмоциональное состояние женщин.

Изучая свойства личности по параметрам Оценка, Сила и Активность, достоверных различий до и после тренинга не обнаружено (табл. 2). Однако, видна тенденция увеличения всех параметров после завершения тренинга. Такая же тенденция сохранилась и через год.

Таким образом, мы видим, что у участников после тренинга по фактору Оценка повысилась склонность осознавать себя носителем позитивных, социально желательных характеристик, появилось большее удовлетворение собой. По фактору Сила отмечается повышение уверенности в себе, независимости, уровня самоконтроля. Увеличение фактора Активность указывает на повышение социальной активности личности, общительности.

Наши данные показали (табл. 3), что в тренинге принимали участие женщины в среднем с умеренным уровнем ситуативной и личностной тревожности (31-45 балл). После курса тренинга уровень тревожности остался неизменным. Между тем, наши предположения, что уровень ЛТ через год останется прежним, не оправдались. Наоборот, показатель ЛТ повысился и из умеренной тревожности перешел в высокую тревожность. Можно предположить, что у участников тренинга личностного роста повысился уровень притязаний и требований к себе, критичность.

Результаты исследований показали, что значения УСФ до тренинга соответствовал умеренному уровню фрустрированности (2,5–2,9 балла), после окончания тренинга УСФ достоверно снизился ($p < 0,05$) до 2,0 (табл. 3). Это говорит о том, что у женщин снизилась степень неудовлетворенности социальными достижениями в основных аспектах жизнедеятельности, а также повысилась личностная самооценка.

После тренинга, согласно анкетным данным, большинство участников отметили повышение уверенности в себе, оптимизм, терпимость к окружающим и любовь к себе. Через год некоторые женщины отметили, благодаря тренингу, изменения в личной и социальной жизни. Так, участницы И. (43 года) и Т. (44 года) вышли замуж; Г. (38 лет) развелась; Т. (35 лет) получила повышение по службе. Эти изменения могли быть основанием для повышения ЛТ.

Наши данные и результаты анкетирования участников позволяют утверждать, что проведение подобных тренингов способствуют успешно интегрироваться в общество, раскрыть свой потенциал в успешном преодолении жизненных ситуаций, а также сформировать адаптивное поведение в особых социальных и природно-климатических условиях Северо-Востока России.

По данным исследования можно сделать вывод, что первоначально поставленная нами гипотеза подтвердилась.

Таблица 1.

Оценка параметров личности на основе методики личностный дифференциал ($M \pm m$)

Параметры (балл)	До занятия	После занятия
Самочувствие	4.8 ± 0.15	5.5 ± 0.10*
Активность	4.4 ± 0.16	5.0 ± 0.15*
Настроение	5.2 ± 0.15	5.8 ± 0.10*

Таблица 2

Оценка параметров личности по методике личностный дифференциал ($M \pm m$)

Параметры (балл)	До тренинга	После тренинга	Через год
Оценка	14.4 ± 1.46	15.3 ± 1.19	15.6 ± 1.29
Сила	8.6 ± 1.59	9.8 ± 2.53	13.0 ± 1.55
Активность	7.8 ± 2.36	10.4 ± 1.19	10.4 ± 1.50

**Показатели ситуативной (СТ) и личностной (ЛТ) тревожности
и уровня социальной фрустрированности (УСФ) (M±m)**

Параметры (балл)	До тренинга	После тренинга	Через год
СТ	40.0 ± 3.1	43.0±4.03	-----
ЛТ	41.6 ± 3.05	43.0±1.28	50.4±1.03
УСФ	2.5 ± 0.11	-----	2.0±0.14*

Примечание: достоверность различий между показателем до и после тренинга:

* - $p < 0,05$

Библиография:

1. Березин Ф.Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. М., 1988. 268 с.
2. Карвасарский Б.Д. Психотерапевтическая энциклопедия. – СПб.: Питер, 2002. – 1024 с.
3. Марасанов Г.И. Социально-психологический тренинг. – М., «Когито-Центр», 2001 – 251 с.
4. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. СПб: Изд-во «Социально-психологический центр», 1996. – 346 с.
5. Энциклопедия психологических тестов. Личность, мотивация, потребность. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 1997. - 300 с.

**Значение психокоррекции в структуре общей реабилитации
больных ишемической болезнью сердца**

Борзенкова Г.А. Давыдкин И.Л., Кувшинова Н.Ю.,
Самара, Самарский гос. медицинский университет

Возросший в последнее время интерес к личностным особенностям больных ишемической болезнью сердца (ИБС) обусловлен как потребностями клинической практики, так и необходимостью более глубокого теоретического осмысления патогенетических механизмов данного заболевания. Клиницисты указывают на ведущую роль атеросклероза в этиологии и течении ИБС, оспаривая его психосоматическую трактовку. Несмотря на это многие официально признанные факторы риска данного заболевания - гиперхолестеринемия, ожирение, малоподвижный образ жизни, курение, избыточный прием алкоголя, коронарный тип личности А - в своей основе имеют поведенческий компонент.

Полноценная реабилитация и включенность в терапевтический процесс больных ИБС не осуществима без грамотно примененных средств психологического воздействия.

Целью нашей работы явилось выявление основных психологических характеристик (личностных особенностей, типа отношения к болезни, по-

казателей эмоционального статуса), влияющих на качество жизни больных ишемической болезнью сердца в связи с задачами психологического сопровождения лечебного процесса данного контингента больных. В задачи исследования входила разработка комплексной программы психологического сопровождения больных ИБС, включающая организацию «Школы больных ИБС» с использованием методов активного обучения и рассчитанную на модификацию поведенческих факторов риска ИБС; а также индивидуальную и групповую психокоррекцию, направленную на проработку выявленных негативных психологических факторов с дальнейшей оценкой эффективности программы с учетом клинко-функциональных критериев, параметров КЖ и психологических характеристик.

Нами было обследовано 102 человека с ишемической болезнью сердца, 35 человек составили группу контроля. Группы были сформированы по нозологическому критерию. В 1-ю группу вошли 48 пациентов с диагнозом ИБС, стабильная стенокардия напряжения II и III функциональных классов (ССН II и III ФК). Вторая группа была представлена 54 пациентами с диагнозом ИБС, постинфарктный кардиосклероз (ПИК), стабильная стенокардия напряжения II и III функционального классов, то есть у больных данной группы в анамнезе был перенесенный инфаркт миокарда.

Для диагностики психологического состояния больных мы использовали 16-факторный личностный опросник Р.Кеттелла, интегративный тест тревожности (ИТТ), шкалу Гамильтона для оценки депрессии (HDRS), опросник ВОЗ для изучения качества жизни (КЖ-100), методику диагностики типа отношения к болезни (ТОБОЛ).

По данным опросника ТОБОЛ внутри исследуемых групп пациентов мы их поделили на 3 подгруппы по масштабу нозогнозий (в соответствии с интерпретацией НИИ им.В.М.Бехтерева). В подгруппу с *нормогнозией* вошли лица, у которых был диагностирован гармоничный тип отношения к болезни. Подгруппа с *гипогнозией* была представлена пациентами с эргопатической и анозогностической реакцией на болезнь; больные, у которых были выявлены все оставшиеся типы отношения к болезни были отнесены к *гипергностической* подгруппе, несмотря на наличие анозогностической или эргопатической шкал в структуре «смешанных» и «диффузных» типов.

В 1-й группе у большинства респондентов была диагностирована гипергностическая реакции на заболевание (71%). Выраженность тревожного, ипохондрического, сенситивного и эгоцентрического типов реагирования в этой группе пациентов была достоверно выше по сравнению со 2-й группой. Кроме того в этой группе было выявлено большое количество корреляционных связей ТОБов с личностными факторами (по данным теста

Кеттелла), что говорит о значительной роли личностных особенностей в формировании дезадаптивных проявлений. Гипогнозия была выявлена у 21% пациентов (преимущественно за счет анозогностической реакция), нормогнозия – всего лишь у 8%. Превалирование гипергнозий в группе больных свидетельствует о нарушении социально-психологической адаптации большинства респондентов данной группы.

Во 2-й группе распределение было несколько иным. Нормогностических реакций на заболевание было значимо больше ($p < 0,01$), чем в первой группе (у 31% пациентов); преобладали также гипогнозии (в 43% случаев) с доминированием эргопатического типа отношения к болезни (у 29% больных).

Тревожно-депрессивная симптоматика отмечалась в обеих исследуемых группах, преимущественно в подгруппах с гипо- и гипергнозией.

Выраженность депрессивной симптоматики превалировала в группе пациентов с постинфарктным кардиосклерозом (была диагностирована у 39% больных). Соматические проявления депрессии доминировали над психологическими, из которых наиболее часто встречались подавленное настроение, чувство усталости, чувство вины, раздражительность, бессонница.

Уровень личностной тревоги был достоверно выше в группе пациентов со стабильной стенокардией напряжения и был диагностирован в основном у представителей гипергностической подгруппы. В структуре тревоги преобладали реакции эмоционального дискомфорта (6,87) и фобический компонент (6,5). У пациентов с постинфарктным кардиосклерозом в структуре тревоги доминировала тревожная оценка перспективы (6,45) и реакции социальной защиты (5,8).

Показатели качества жизни по многим параметрам различались в исследуемых группах и зависели от типа нозогнозии и личностных особенностей пациентов. При этом в 1-й группе значимо более низкие показатели были выявлены по шкалам «социальные взаимоотношения», «уровень независимости» и «физическая сфера». Несмотря на то, что по данным общеклинических и инструментальных методов исследования их общее состояние и показатели гемодинамики были значительно лучше, субъективно они считали себя менее дееспособными, чем пациенты с постинфарктным кардиосклерозом, постоянно испытывали снижение жизненной активности, усталость, дискомфорт, нарушения сна. Проблемной была и «психологическая сфера», пациенты были не удовлетворены жизнью в целом, отмечали у себя нехватку положительных чувств, сообщали, невозможность

из-за болезни наслаждаться жизнью в полном объеме, что неизменно сказывается на их самовосприятии и степени удовлетворенности собой, а это в свою очередь влияет на взаимоотношения с окружающими.

Во 2-й группе наиболее проблемными оказались «физическая сфера» и «духовность».

С целью реализации дифференцированного подхода к ведению пациентов с ИБС с учетом эмоционально-личностных характеристик, типа отношения к болезни, параметров качества жизни и риск-стратификации была разработана и внедрена в работу кардиологического отделения программа психологического сопровождения больных ИБС. Работа «Школы больных ИБС» проходила с использованием методов активного обучения, где происходило информирование пациентов о механизмах развития заболевания, в виде дискуссии и проблемно сформулированных заданий происходило групповое обсуждение значения факторов риска ИБС, в том числе роль поведенческого типа А и депрессивных расстройств в происхождении и поддержании ИБС, способы отказа от курения, особенности питания и соблюдение низкохолестериновой диеты, необходимость оптимальной физической активности при ИБС и контроля артериального давления, вопросы трудовой реабилитации. Полное соответствие поведения больного врачебным рекомендациям при ИБС достигается чрезвычайно трудно. Для усиления мотивации на поддержание здорового образа жизни мы применяли техники НЛП – диссоциация, линия времени, постановка целей, расшифровка направлений мотивации, расстановка приоритетов. Пациентам предлагалось проанализировать логические уровни личности и оценить, какой вклад каждый из них вносит в состояние здоровья или болезни.

Основными этапами психокоррекции были мотивационный, ориентировочный, установочный и деятельностный.

В блоке психокоррекционных мероприятий акцент делался на глубокую проработку внутриличностных и межличностных конфликтов, стабилизацию эмоционального фона, коррекцию отношения к болезни, формирование новых, более адаптивных поведенческих паттернов и повышение мотивации к активному участию больных в процессе реабилитации и вторичной профилактики, снижение влияния дестабилизирующих факторов.

С целью постепенного изменения установок больного, его ценностных ориентаций, изменения отношения к причинам конфликтов, обучению рациональному планированию своей деятельности мы использовали техники рациональной психотерапии - основного инструмента воздействия на личность с целью нормализации ее структуры и коррекции факторов, препятствующих адекватной организации лечебно-реабилитационного процесса.

В структуру программы также входили дыхательные упражнения, элементы Су-Джок терапии, обучение больного методикам воспроизведения состояния душевного равновесия, техники релаксации (аутогенная тренировка в модификации Юрданова-Зайцева, Клейнзорге-Клюмбиенса по комплексу «сердце», прогрессивная мышечная релаксация по Джекобсону, систематическая десенсибилизация по Вольпе).

Необходимо отметить, что групповое обучение больных имеет ряд ощутимых преимуществ перед индивидуальным. Обучение и лечение в группе создает определенную атмосферу, помогающую больным воспринять болезнь в нужном свете, уменьшает чувство одиночества. Больные имеют возможность обмениваться опытом, получить поддержку не только обучающего, но и друг друга, наблюдать положительную динамику в течении заболевания на примере других больных. В группе усиливается эмоциональный компонент обучения, наряду с фактическим, что улучшает восприятие и повышает согласие больных с лечением, облегчается апробирование новых навыков поведения. Группа дает стимулирующий и поддерживающий здоровое поведение эффект. Результаты и эффективность работы легче оценивать именно в группе.

После реализации программы коррекции у пациентов 1-й группы по данным опросника Р.Кеттелла произошли значимые изменения ($p < 0,05$) по факторам Е (уровень независимости) с $4,6 \pm 0,3$ до $6,4 \pm 0,2$, Q1 (восприимчивость к новому, свободомыслие) с $5,2 \pm 0,2$ до $7,0 \pm 0,2$. Также произошли значимые повышения по факторам С (эмоциональная устойчивость) с $4,1 \pm 0,4$ до $6,7 \pm 0,2$ и Н (стрессоустойчивость, предприимчивость) с $4,7 \pm 0,3$ до $6,5 \pm 0,2$.

Данные изменения свидетельствуют об общем повышении креативности личности. События, происходящие во время психокоррекционной сессии, способствовали формированию нового, более гибкого отношения пациентов к возникающим трудностям, поиску аналитического подхода. Усиление реакций самоконтроля свидетельствует об увеличении значимости собственной роли и повышении ответственности в решении проблем. Данный фактор также является прогностически благоприятным в плане приверженности пациентов к лечению и соблюдения врачебных рекомендаций.

Во второй группе после программы коррекции значительно снизились показатели по факторам О (чувство вины) с $7,6 \pm 0,2$ до $5,4 \pm 0,3$ ($p < 0,05$), Q4 (эрго-напряженность) с $7,9 \pm 0,3$ до $6,2 \pm 0,3$ ($p < 0,05$) и умеренно снизились показатели по фактору самоконтроля (Q3) и нормативности поведения (G). Данный факт мы расценили позитивно, поскольку при высокой внутренней напряженности сверхконтроль блокирует возможность адекватного эмоционального отреагирования.

В обеих экспериментальных группах по сравнению с группой контроля, где психокоррекция не проводилась, произошло уменьшение выра-

женности тревожно-депрессивной симптоматики, улучшились показатели качества жизни, профиль ТОб изменился в сторону повышения реакций гармонизации, оптимизировался клинический статус.

Таким образом, психологическая коррекция способствует повышению мотивации и созданию у пациентов положительной установки на лечение, что повышает их приверженность к лечебным мероприятиям, способствует осознанию собственных личностно-эмоциональных проблем в возникновении типичных для больного конфликтных ситуаций и пониманию их генеза, улучшению самовосприятия и конгруэнтности пациентов, повышению их социальной активности, оптимизации отношений больного во всех жизненно важных сферах, и конечно же, повышению качества их жизни.

Технология формирования универсальных ценностей подростков

Ведина И.И.
гимназия №19 г. Казани

Ценности и смыслы в гуманитарной парадигме предстают как нечто имманентное самой личности. При этом познание личностью самой себя невозможно без обращения к ценностному содержанию, самопознанию себя в мире ценностей и мира ценностей в себе, закономерностей такого познания. Наиболее важной задачей в настоящий момент является самоопределение по поводу ценностей, как отдельного человека, так и общества в целом. В первом случае мы имеем дело с проблемой индивидуального развития, личностного роста, во втором - вызреванием национальной идеи. Ценности важны постольку, поскольку они направляют личность, образуют своеобразный вектор, устремленный в будущее. Можно сказать, что в ценностях в свернутом виде «спрятаны» и реакции человека на то или другое событие, и важнейшие личностные выборы. Они являются устойчивой, инвариантной, скоординированной основой морального сознания.

Развитие личности, становление ее внутренней структуры и, в частности, ценностных ориентаций происходит в контексте образовательной, культурной, семейной, коммуникативной и информационной среды. Множественность воздействий образует своеобразное «поле», в котором личность находится в каждый момент своего бытия. Способ взаимодействия личности с внешними факторами, отбор и результат на «выходе», в большой степени зависят от внутриличностных факторов. Современному школьнику приходится совершать своеобразный выбор из различного рода влияний, результат которого зависит от его мотивационной направ-

ленности, культурных приоритетов, доминантных смыслов, переживаний, взглядов, потребностей, ценностей, стремлений.

Образование, как один из видов совместной деятельности субъектов образовательного процесса, объективно является главным по значимости его влияния на будущее ученика, по тому объему времени, которое оно занимает в его жизни. Составляющими школьной среды является содержание образования, методы и формы преподавания, его целевая направленность, учитель как влиятельная, индифферентная или отвергаемая фигура, личностные особенности учащихся, система воспитательной и психологической работы. Здесь главную роль играет качество социального взаимодействия, базирующееся на характеристиках ценностей учителя и ученика, их осознанности, взаимовлияния как способа развития, т.е. в целом возможностей образовательной среды проектировать, оценивать, корректировать ценностное пространство.

Исследование ценностных систем современных школьников показало, что цели воспитания универсальных ценностей, которые ставятся на уроках, внеклассных мероприятиях не достигаются, не представлены в личности как результат. Мы видим у подростков преимущественную ориентацию на материальные ценности и гедонизм. Удовольствие, наслаждение жизнью, следование своим желаниям во многом становятся движущей силой поведения, основой выстраивания отношений с самим собой, другими людьми, с миром в целом. При этом универсальные ценности равенства, справедливости, толерантности, красоты, истины, свободы остаются невостребованными и никак не претворяются в жизнь.

В этой связи становятся актуальными вопросы о модернизации средств, применяемых в образовании, поиске новых инструментов воспитания. Связано это также с изменением образовательных парадигм, необходимостью реального перехода к личностно-ориентированным моделям обучения и воспитания. Идея новых технологий заключается и в усилении их психологической составляющей, включающей как цель и принцип изменение психологических феноменов личности.

Технологию в целом можно определить как совокупность определенных процедур для достижения конкретных целей, выстроенных с учетом закономерностей развития и функционирования тех объектов, явлений и личностных свойств, на которые она направлена. Конструирование технологии начинается с изучения той психологической реальности, которая рассматривается как объект воздействия и влияния. В нашем случае – это ценностная среда, как часть более общей системы - образовательной среды.

В ценностное пространство мы включили ценности субъектов образовательного процесса, отражение ими ценностей друг друга, а также мнения их об этом отражении (эффект двойного зеркала). Именно это составляет поле взаимодействия, взаимовлияния, коррекции и противодей-

ствия. Результаты исследования ценностного поля показали, что ценности-идеалы педагогов слабо коррелируют с такими же ценностями подростков, а ценности, реализуемые ими в поведении, вызывают противодействие и оказывают обратное влияние (противоположное целям, которые ставит педагог). Педагогам более свойственен конформный (консервативный) стиль поведения, который обусловлен преимущественными выборами таких ценностей как традиции, доброта, безопасность и конформность, а подросткам – трансформирующий (прогрессивный), в основе которого ценности самостоятельности, стимуляции, гедонизма, достижения и власти. Представления о ценностях друг друга (непосредственные и в отражении) также показывают слабую, хотя и положительную связь. В целом, по этим показателям такого рода ценностную среду можно охарактеризовать как неопределенную с элементами противоречивости, что делает ее несостоятельной при формировании ценностей подростков. Универсальные ценности подростков формируются только в таких условиях, когда эти ценности продуцируются самой средой и направлены на ученика.

Первоначально предполагалось, что одной из технологических форм переструктурирования ценностей подростков может быть тренинг. Практика показала, что эта форма в классическом виде для данной цели не подходит. Само по себе даже количество участников тренинга (малая группа) не позволяет выйти на уровень формирования универсальных ценностей. Мы предположили, что для этой цели необходимо сочетание деятельности над достижением социально значимого результата (проекта) и тренинговых программ, обслуживающих этот процесс. Начальным этапом может быть как тренинг, так и проект.

В первом случае технология, назовем ее условно Т-П (тренинг-проект), будет иметь следующие этапы. Первый этап заключается в информировании о существующих ценностях, их соподчиненности, иерархичности, эффективности функционирования систем ценностей отдельно взятого человека или группы. Участники тренинга получают новую информацию, расширяют свой кругозор по аксиологическим проблемам, познают новое или переносят известное знание в новый контекст. Результатом данного этапа будет осознание в новом проблемном поле, т.е. здесь привычные отношения переводятся в вербальную плоскость, активизируется восприятие, мыслительная деятельность, внимание к процессам и фактам, которые раньше не воспринимались подростками как нечто достойное внимания и специального разговора.

На втором этапе происходит переструктурирование существующей ценностной системы, расшатывание стереотипных представлений о том, что важно, а что нет. У подростков появляются новые основания для оценок, происходит трансформация мотивационной составляющей. Как результат, формируются другие внутриличностные и межличностные отно-

шения, базирующиеся на тех или иных универсальных ценностях. На этом этапе важное место занимает эмоциональное проживание ситуаций в процессе вхождения подростков в новые роли, смены имиджа, моделирования новых систем отношений, а также осознание ценностей и их принятие.

Самое главное на третьем этапе – создание условий для тренировки применения полученных знаний в сформированных новых отношениях, репетиция поведения. Здесь наиболее заметным моментом становится творчество подростков, т.к. они начинают производить тот духовный продукт, который осознанно не присутствовал в их жизни. Психологический смысл данного этапа заключается в накоплении деятельностного потенциала через реализацию поступка как составной части деятельности.

На последнем этапе происходит закрепление навыков поведения, приобретенных мыслеобразов, перенос их в реальную жизнь. Здесь осуществляется полноценная деятельность подростков, имеющая общественную ценность, происходит трансляция универсального содержания ценностей в образовательную среду школы. Данные ценности органичной составной частью входят в личностный конструкт подростка. На этом этапе происходит значительное расширение контекста деятельности, подростки «размыкают» трениговую группу, принимая новых членов для работы над значимыми проектами (школьная газета, радио- и телепередача, конкретная помощь в той или иной форме тем, кто в ней нуждается).

Создание и проведение данного тренинга требует предварительной подготовки. Она заключается в диагностике индивидуальной и групповой структуры ценностных ориентаций, в социометрическом обследовании класса, в проведении личностных опросников. Диктуется это необходимостью адекватного понимания возможных позиций членов группы, избегания ошибок при организации конкретных процедур тренинга, а также важностью дальнейшего отслеживания степени влияния тренинга на личность подростка.

При проведении тренинга необходимо исходить из потребностей группы и каждой личности в решении насущных для них проблем. Для выяснения этого необходимо провести анкетирование, которое укажет на данные проблемы. Исходя из практики, мы можем назвать следующие: «изгой» в классе, завышенные притязания, проблемы безопасности школьной среды, проблемы коммуникации, взаимоотношения со значимыми взрослыми (учителями и родителями), содержание жизненных целей, взаимоотношения полов, особенности личности лидера, агрессивное и конформное поведение, новичок в классе.

Несколько иной алгоритм будет в том случае, если начало процесса лежит в проектной деятельности. Это вариант П-Т (проект-тренинг). Первым шагом здесь будет реализация (актуализация) имеющихся ценностей в деятельности. Таким образом, личность познает ценности, исходя из

своего личного опыта. Данный этап носит для исследователя или практика диагностический и ориентационный характер. Диагностический, поскольку дает возможность оценить, на какое содержание ориентируются подростки, каким образом интерпретируют часть значимой реальности, какие средства используют для достижения цели. Этот этап дополняет предварительную диагностику с использованием тестов, опросников и анкет. Далее следует этап предъявления уже актуализированной ценности, но в новом контексте, здесь же происходит ее осознание, затем принятие (или непринятие), реализация в новой деятельности и т.д. Причем этап принятия или непринятия является своеобразной развилкой, когда в технологию вводятся тренинговые методы, позволяющие решать задачи личностного уровня или те проблемы, которые мешают быть «открытым» к ценностям высшего уровня.

Основными содержательными блоками (темами) для работы были выбраны следующие: Я и познание, Я и учитель, Я и Другие, Я и одноклассники. В ходе проработки первой темы ставится цель формирования представления о познании как одной из высших ценностей человеческой жизни, формируется понимание необходимости учиться в течение всей жизни. Цель второго блока – сформировать представление о высшей миссии учителя в любом обществе, навыки понимания мотивов, потребностей, целей деятельности учителя. В третьем блоке главным является формирование представления о ценности другого человека как члена общества и индивидуальной личности, а также навыков помощи и поддержки других людей. Центральной целью четвертого блока является формирование общности группы при понимании разнообразия интересов и личностных проявлений одноклассников.

Данные технологии отличаются последовательностью этапов и теми результатами, которые будут получены на промежуточных стадиях. Выбор Т-П или П-Т технологии зависит от нескольких переменных. Во-первых, это возраст участников. Практика показывает, что с младшими подростками более эффективна форма П-Т, со старшими, наоборот. Во-вторых, это уровень общего духовного развития (сюда включается понимание смысла жизни, отношение к материальным и духовным ценностям, целевая жизненная ориентация). Условно можно выделить три таких уровня: первый характеризуется отсутствием интереса к такого рода вопросам, ощущением надуманности и искусственности данной проблематики, активным отрицанием; второй можно охарактеризовать как норму (противоречия, поиск, развитие); на третьем личность самостоятельно ставит смысложизненные вопросы и пытается их решать. С подростками первого уровня более подходит работа по Т-П технологии, а третьего, наоборот. Второй уровень требует выбора той или иной технологии в зависимости от личностных и групповых характеристик.

Проводя аналогию с теорией потребностей Маслоу, можно представить универсальные ценности на вершине пирамиды, а гедонистические – в основании. Прежде чем приблизиться к первым, необходимо пройти путь через удовлетворение потребностей в личной безопасности, поддержке, принадлежности к группе, признании и уважении. Именно поэтому в представленной методике тренинговые программы являются обслуживающими, при помощи их личность поднимается на новый уровень потребностей, а ценностная среда становится основным фактором взаимного влияния.

Технология проведения тренингов по превенции синдрома профессионального выгорания

Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова
Санкт-Петербургский государственный университет

Накопленные в зарубежной и отечественной психологии знания о феномене синдрома выгорания, его личностных и профессиональных детерминантах дают основание для разработки и проведения превентивных программ, разные варианты которых мы условно называем программами «Антивыгорание».

Синдром профессионального выгорания – это профессиональная деструкция личности, которая проявляется в виде устойчивых психических переживаний, а также в изменениях качества, структуры и содержания профессиональной деятельности. Данные изменения возникают вследствие стрессов на работе и, как правило, носят дезадаптивный характер. В симптомокомплекс данного синдрома входят эмоциональные, мотивационно-установочные и оценочные переживания в виде эмоционального истощения, цинизма и редукции профессиональных достижений. Наиболее ярко синдром выгорания проявляется в профессионально-трудных ситуациях, которые субъективно воспринимаются работниками как стрессовые.

Теоретический анализ отдельных превентивных программ зарубежных и отечественных авторов позволяет констатировать следующее.

1. Причины выгорания имеют различную природу, и это следует учитывать при выборе методов индивидуально-ориентированных воздействий.

2. Синдром выгорания имеет сложную многоуровневую детерминацию и его переживания связаны с изменением смысло-жизненных ориентаций и неудовлетворенностью личности в самореализации, поэтому оказание психологической помощи должно осуществляться с позиций экзистенциально-гуманистического подхода.

3. Эмоциональное истощение связано с рабочей перегруженностью и неудовлетворенными ожиданиями относительно работы в организации,

в том числе неудовлетворенностью профессиональным и межличностным общением.

4. Развитие синдрома выгорания может начинаться с неудовлетворенности личными достижениями и перспективами профессионального развития. Вслед за этим развивается цинизм и эмоциональное истощение.

5. Согласно ресурсной концепции стресса синдром выгорания развивается при истощении личностных ресурсов стрессоустойчивости.

6. Синдром выгорания связан с использованием неконструктивного совладающего поведения. Активное совладающее поведение препятствует процессу выгорания.

В связи с этими основными векторами как в индивидуальной, так и в групповой (тренинговой) работе с «выгорающими» являются – психологическая помощь в осознании и активизации личностных ресурсов, расширение репертуара конструктивного копинг-поведения и поиск новых смысло-жизненных ориентиров, способствующих личностному росту, самореализации в профессиональной сфере и личной жизни.

В качестве методологических оснований наших программ «антивыгорания» выступают: синдромологический подход В. Н. Мясищева; динамический подход Л.А. Анцыферой; ресурсная концепция психологического стресса С. Хобфолла; когнитивно-бихевиоральный подход, направленный на обучение когнитивному переструктурированию иррациональных убеждений и рационально-позитивному мышлению; на повышение коммуникативной компетентности, а также на обучение конструктивному совладающему поведению со стрессовыми ситуациями на работе.

Разработанные нами программы состоят из нескольких модулей, что позволяет ведущему группы гибко перестраивать работу в соответствии с задачами каждой конкретной организации, особенностями организационной культуры, типичными профессионально-трудными ситуациями, а также в зависимости от состава участников и их готовности к самоизменениям. Содержательное наполнение модулей сфокусировано на работе с отдельными субфакторами синдрома выгорания и определяется его конкретными причинами, которые выявляются на предварительном этапе психодиагностики организационных и личностных факторов риска.

Программа психологического тренинга помимо традиционных процедур (дискуссии, ролевые игры, психогимнастика), включает в себя теоретико-дискуссионные блоки, способствующие пониманию причин и последствий профессионального выгорания. Также используются мини-лекции, расширяющие представления об организационных и ситуационных факторах риска выгорания. В арсенале тренинга используются модельные или типичные для данной организации профессионально-трудные ситуации, которые позволяют максимально приблизить обсуждаемый материал к организационной реальности.

Конкретные задачи тренинга выстроены в соответствии со следующей логикой:

1. Распознавание участниками Т-группы симптомов профессионального выгорания и осознание их последствий.
2. Расширение понимания стрессовой ситуации и особенностей своего взаимодействия с ней. Осознание личностных факторов риска синдрома выгорания.
3. Усиление «Я-концепции» и осознание своих личностных ресурсов стрессоустойчивости.
4. Повышение коммуникативной компетентности в ситуациях профессионального общения.
5. Обучение техникам эффективного стресс-менеджмента (ПСР, тайм-менеджмент и др.).
6. Обучение когнитивному реструктурированию иррациональных убеждений и рационально-позитивному мышлению.
7. Трансформация совладающего поведения в сторону его проактивности и конструктивности.

Наши программы «Антивыгорания» строятся на основе комплексного подхода и включают в себя несколько модулей. В стандартном виде программы состоят из пяти модулей:

Психоэнергетический модуль – направлен на повышение психоэнергетического потенциала и снижение уровня эмоционального истощения. Данный модуль включает в себя обучение техникам психической саморегуляции, управлению чувствами и настроением, приемам снижения эмоциональной и физической усталости, оптимизации психических состояний.

Коммуникативный модуль – направлен на повышение коммуникативной компетентности и осознание своей роли как субъекта профессиональных коммуникаций в проблемных (стрессовых) ситуациях.

Когнитивно-бихевиоральный модуль – направлен на обучение когнитивному реструктурированию и развитию рационально-позитивного мышления.

Мотивационно-установочный модуль – «Обретение силы» – направлен на реструктурирование системы самоотношения, отношений к своей работе и своим достижениям.

Модуль преодолевающего поведения – направлен на обучение конструктивному преодолевающему поведению.

В нестандартных программах, кроме выше перечисленных модулей, используются модули развития эмоционального интеллекта и телесно-ориентированной терапии.

Для оценки эффективности программ «Антивыгорание» нами используется комплекс методик, включающий в себя опросник «Профессиональное выгорание», проективные тесты, шкалы оценки копинг-стратегий и оценки стрессогенности профессионально-трудных ситуаций и др.

Психологическое воздействие социальной группы на становление произвольности поведения

Гребенникова О.В.

Московский государственный педагогический университет

Полноценное развитие и существование человека как личности, субъекта деятельности, неразрывно связано с построением социально-психологических отношений и межличностного общения, выступающие необходимым условием бытия людей и формирования их высших психических функций, процессов, свойств. Общение и отношения, как внутренняя психологическая основа общения и взаимодействия людей предполагают изначально некую социальную группу, социальную общность, где происходит реализация данной потребности. И.Р. Сушков, рассматривая проблему человека в контексте социального окружения, определяет нормальное психологическое состояние человека как состояние личности, согласовавшей в допустимых пределах требования своей нервной системы с требованиями социальных групп, в которых он вынужден жить. Это согласование на социальном уровне заключается не в простом приспособлении, подлаживании себя под внешние ограничения, но в преобразовании себя путём перевода социальных норм, ролей, установок во внутренний, духовный мир человека, когда социологические требования становятся личными требованиями. В частности, чувство приверженности группе, делают такой процесс возможным. Чувство гармонии со своим социальным окружением, которое наступает при достижении соответствия своего внутреннего социального мира с внешними социологическими реалиями, становится новой потребностью человека.

Личность, являясь продуктом межгрупповых отношений, выступает носителем этой культуры, что позволяет подняться над границами индивида и посмотреть на социальную систему не только снаружи, как это делают история и социология, но и изнутри, с точки зрения тех психологических механизмов, которые реализуют отношения между социальными группами на уровне конкретного человека.

А.И. Донцов акцентирует внимание на групповом характере человеческой деятельности, обуславливая возникновение простых и сложных, прямых и опосредованных межиндивидуальных связей, которые не могут быть адекватно поняты в отрыве от её содержательных и структурно-функциональных особенностей. Так, целостная система активности взаимодействующих индивидов выступает как способ реализации определенного вида совместной деятельности, а сама группа – как её совокупный субъект в исторически конкретном общественном контексте. Социально обусловленные закономерности осуществления и воспроизводства совместной деятельности – материальной и духовной, производственной или семейной, созидательной или деструктивной, творческой или рутинной –

и приводят к возникновению группы как реальной психологической общности. Содержание, способ возникновения, форма осуществления, длительность существования совместной деятельности, количество и характер взаимосвязей её участников являются главными основаниями классификации групп.

Проблема малой группы, по мнению Г.М. Андреевой, является наиболее традиционной и хорошо разработанной проблемой социальной психологии. Малая социальная группа характеризуется немногочисленным составом ее членов, объединенных общей целью своей деятельности и находящихся в непосредственном личностном контакте. Необходимо отметить, что большинство исследователей, говоря о численности малой группы, начинают с диады – соединения двух лиц. Однако, интересна роль малой группы для самой личности. В ранних исследованиях делался акцент именно на факте простого присутствия других, а сама группа трактовалась, прежде всего, как этот факт «присутствия»: изучалось не взаимодействие (интеракция) людей в группе, а факт их одновременного действия рядом (коакция). Результаты таких «коактивных» групп показали, что в присутствии других людей возрастает скорость, но ухудшается качество действий индивида. Эти результаты были интерпретированы как возникновение эффекта возрастания сенсорной стимуляции, когда на продуктивность деятельности индивида оказывали влияние сам вид и «звучание» других людей, работающих рядом над той же самой задачей. Этот эффект получил название эффекта социальной фасцилитации, сущность которого сводится к тому, что присутствие других облегчает действия одного, способствует им. В ряде экспериментов было показано и наличие противоположного эффекта – известного сдерживания, торможения действий индивида под влиянием присутствия других – эффект ингибции. Дальнейшие исследования коактивных групп сосредоточились на изучении взаимодействия индивидов в малой группе, доказав, что при условии совместной деятельности в группе те же самые проблемы решаются более корректно, чем при их индивидуальном решении.

В рамках нашего экспериментального исследования рассматривается проблема влияния сверстников, как малой («коактивной») социальной группы на формирование произвольного поведения детей дошкольного возраста. Актуальность данной проблемы обосновывается острой необходимостью гуманизации взаимоотношений внутри современного детского сообщества, что в целом определяется степенью развития мотивационно-потребностной сферы и самосознания детей. При этом именно становление мотивов деятельности ребёнка (волевой аспект) и развитие средств овладения собой (произвольность) обеспечивают высокую компетентность при социальном взаимодействии и способствуют формированию у детей гуманного отношения друг к другу.

Роль сверстников в психическом развитии, а в частности формировании произвольного поведения представлена нами в двух контекстах - западной и отечественной психологических школах. С точки зрения социального научения, поведение сверстника выступает в качестве «модели» для подражательного ребёнка и требует вторичного «подкрепления» в форме подарков или одобрения сверстников (процесс «обусловливания» поведения). В контексте отечественной школы влияние сверстников имеет другие психологические механизмы – «внешнее экспертирование (контроль)» поведения, что усиливает самоконтроль ребёнка, смысловой стороной которого является усиление мотивации к деятельности, а также осознание своего поведения.

Опираясь на эмпирические данные отечественных исследователей (Е.О. Смирнова, Е.А. Бугрименко и др.) мы предположили, что общая стратегия развития произвольного поведения дошкольников определяется через последовательно осуществляемый переход позиции внешнего контролёра в игровой деятельности к самостоятельным контрольным действиям во внеигровой деятельности, от игровых форм контроля к неигровым (опосредованным, знаковым). Кроме того, присутствие и участие сверстников стимулирует произвольность поведения дошкольников, а степень и варианты влияния сверстников на произвольное поведение зависит от возраста ребёнка и его отношения к сверстнику.

Произвольное поведение представлено нами как сложный, многоаспектный процесс, включающий как мотивационный, так и осознанный исполнительский аспект. В этой связи были выделены следующие показатели анализа произвольного поведения детей:

- 1) степень эмоциональной вовлечённости в действие (желание, интерес);
- 2) опосредованность и сосредоточенность (удержание средства);
- 3) точность выполнения действия;
- 4) эмоциональное реагирование на результат своих действий.

Первый и последний показатели отражают мотивационно-волевой аспект действия, а второй и третий – операционально-технический.

В эмпирическом исследовании использовались три модифицированные методики («Хитрая лиса», «Донеси постройку», «Рисуем чёрточки») в трех различных коммуникативных ситуациях (индивидуальная деятельность, непосредственного участия взрослого, участия сверстников) в трех возрастных группах (младший, средний, старший дошкольный возраст), изучающих способность опосредствовать свои действия правилом, направленность на достижение цели, устойчивость к посторонним раздражителям и помехам. Это способствовало получению объективных экспериментальных данных в контексте возрастных изменений исследуемого феномена, его возрастной динамики.

Результаты исследования показали, что в младшем дошкольном возрасте присутствие малой группы снижает все показатели произволь-

ности, оказывая эффект ингибции. Со среднего дошкольного возраста присутствие сверстников повышает уровень произвольности, в особенности показатели, связанные с мотивационно-волевым аспектом (эмоциональное реагирование на результат своих действий и эмоциональная вовлечённость), создавая эффект социальной фасилитации.

Характер влияния сверстников на произвольное поведение детей старшего дошкольного возраста во многом определяется особенностями межличностных отношений детей возрастной группы. Уровень произвольности поведения высоко коррелирует с определенным типом отношения к сверстникам. Конкурентные отношения резко снижают показатели произвольности детей в совместных видах деятельности, препятствуя образованию зоны ближайшего развития произвольности. Правила и образцы способа действия при этом не усваиваются и не опосредуют их поведение. Доброжелательное отношение к сверстникам высоко стимулирует произвольное поведение, делая возможной сверстниковую зону ближайшего развития, а группа сверстников, выступая в роли малой социальной группы, является как раз тем пространством, где ребёнок может практиковать, осваивать и присваивать нужные формы поведения.

Литература:

1. Андреева Г.М. Социальная психология: Учебник. – 2-е изд., доп. И перераб. – М.: Изд-во МГУ, 1988.
2. Мануйленко З.В. Развитие произвольного поведения у детей дошкольного возраста. // Известия АПН РСФСР. 1948. Вып. 14. С. 89-129.
3. Морозов А.В. Социальная психология: Учебник для студентов высших и средних специальных учебных заведений. – 2-е изд. – М.: Академический Проект; Трикста, 2005.
4. Смирнова Е.О. Развитие воли и произвольности в раннем и дошкольном возрастах. М.: Издательство «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1998.
5. Социальная психология: Хрестоматия: Учеб. пособие для студентов вузов / Сост. Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая. – М.: Аспект Пресс, 2000.
6. Сушков И.Р. Психология взаимоотношений. – М.: Академический Проект, ИП РАН, Екатеринбург: Деловая книга, 1999.

«Интервью с самим собой» в тренинге по целеполаганию

Дмитриева И.А.
Казанский гос. университет

Целеполагание является условием конструктивной самореализации, с постановки целей в жизни человека открываются огромные перспективы социального и духовного роста. В юношеском возрасте целеполагание особенно важно, так как в этот период происходит формирование иден-

тичности, личность стремится к активному самовыражению, закладывается фундамент будущей жизни.

В теоретической и практической психологии проблеме методов и средств развития способности к целеполаганию уделяется незначительное внимание. Также на сегодняшний день существует противоречие между преобладанием в жизни молодых людей руководства в большей степени чужими (внешними) целями, нежели своими (внутренними). Социально-значимая задача психолога – дать средства, механизмы, благодаря которым субъект будет самостоятельно ставить цели, опираясь на свои внутренние потребности. В связи с этим возникает необходимость в разработке и внедрении в практику эффективных тренинговых программ на развитие способности к целеполаганию.

Нами разработан тренинг, целью которого является освоение участниками методов постановки жизненных целей, работа над их достижением, раскрытие внутренних ресурсов.

Задачи тренинга:

- выявление актуальных проблем участников тренинга;
- актуализация личностных ценностей, смыслов, целей;
- оказание помощи при выработке личных способов достижения целей.

Тренинговая программа включает следующие этапы:

- 1) Работа с ценностями;
- 2) Постановка жизненных целей;
- 3) Работа над достижением целей: а) работа с внешними ресурсами (освоение стратегии рационального управления временем, планирование, принятие решений); б) работа с внутренними ресурсами (развитие уверенности, работа над личной эффективностью);
- 4) Рефлексия.

Продолжительность тренинга составляет 20 часов.

Главной особенностью тренинга является комплексное воздействие на личность. Воздействие осуществляется на эмоциональном и ценностно-смысловом и поведенческом уровне [1].

В тренинге приняли участие студенты Казанского университета (5 групп по 15 человек в каждой).

На заключительном этапе тренинга применен метод «Интервью с самим собой» (Л. М. Попов) [2], модернизированный нами под цели и задачи тренинга. Испытуемым было предложено дать письменные ответы на вопросы плана. План самоинтервьюирования соответствует содержанию этапов тренинга, включает следующие блоки:

1. Мой внутренний мир.

Мои жизненные цели. Почему я считаю эти цели своими? Что помогает мне достичь своей цели (внешние и внутренние ресурсы)

Как я отношусь к себе? Что я могу дать себе?

2. Я среди других людей.

Как я строю отношения с другими людьми? Что я могу дать людям? Что получаю от других людей?

3. Я и окружающий мир.

Мой взгляд на окружающий мир. Мое отношение к природе. Что я могу дать миру? Что он мне дает?

4. Мои трудности.

Пути самосовершенствования.

Следует отметить, что план-программа представляет собой лишь ориентир для написания сочинения, последовательность ответов на вопросы плана не обязательна. Таким образом, упражнение способствует гармоничному завершению тренинга, саморазвитию, глубокой саморефлексии, осмыслению внешних событий тренинга и внутренних процессов, рефлексии мыслей, чувств, действий.

Результаты самоинтервьюирования объединены в следующие ключевые пункты:

1. В текстах участников группы отражаются особенности рефлексии, характерные для юношеского периода жизни. В процессе самоинтервьюирования происходит гармонизация внутреннего мира, упорядочивания ценностей, целей, жизненных принципов, выделение своего Я, открытость, осмысливание пройденного пути. Перед молодыми людьми возникают вопросы этического характера: о соотношении целей и средств, куда потратить жизненную энергию.

2. Молодые люди давали свои определения целей и критериев их истинности. В этих определениях отражено видение целей, их чувствование, проживание.

Среди определений цели отметим следующие:

«цель жизни – то, чему человек отдает свою душу...»

«это то, что заставляет подниматься вверх и дает силы»;

«Цель – это вершина, к которой идешь всю жизнь»;

«Это то, к чему стремишься, что придает жизни смысл»;

«Цель делает человека человеком».

Главным критерием истинности цели является внутреннее ощущение (пример, «это цель моя, т.к. чем больше я иду к ней, тем более чувствую себя хорошо физически и морально», «цели мои, потому что я знаю причину их достижения», «если у меня отнимут цель, я буду несчастным человеком...»).

Важно отметить, что многие студенты задумывались о соотношении материальных и духовных целей, могут ли принести счастье материальные блага, что важнее: материальные или духовные ценности. Ярким примером является следующее рассуждение: «...счастье заключается в самой жизни и зависит от себя самой.... Следуя общепринятым целям, не

забываем ли о главном – о достижении счастья в жизни...счастье – это соответствие всех жизненных благ и целей душевному спокойствию».

3. Среди внешних и внутренних ресурсов (условий) достижений целей отмечали следующие условия:

Внутренние условия достижения целей	Внешние условия достижения целей
Волевые качества: целеустремленность, настойчивость, решительность, уверенность (анализ достижений), самодисциплина, желание достичь результата, внимание к людям, отзывчивость, работа над собой	Благоприятная семейная обстановка, круг общения (родственники, друзья, знакомые) Образование Получение необходимой информации Методы планирования

4. Анализ текстов участников позволил создать модель структуры целей, характерной для большинства участников тренинга по целеполаганию. Модель состоит из четырех блоков. Распределение целей в них происходит по основным сферам жизнедеятельности:

1). Профессиональная сфера – связана с будущей профессией, также включает учебные цели;

2). Социальная сфера – связана с социальной значимостью своей будущей профессии, общественной деятельностью, стремлениями к социальной самореализации;

3). Личностная сфера – включает цель создание семьи, заботу о здоровье, также сферу досуга и личные пожелания (мечты);

4). Сфера саморазвития – связана с совершенствованием отдельных психических процессов или личности в целом.

Для каждого блока характерно распределение по временной перспективе. В центре каждого блока располагаются близкие цели, т. е. цели, на достижение которых требуется от одного дня до одного года. Второй уровень от центра занимают средние цели, т. е. цели, поставленные на один, три или пять лет. На третьем уровне располагаются дальние цели, на достижение которых требуется больше пяти лет. Четвертый (самый удаленный от центра) уровень включает неопределенные цели, т. е. такие, у которых не фиксированы сроки исполнения.

Следует отметить, что содержание целей у участников тренинга варьируется, но распределение по временной перспективе характерно практически для всех студентов, прошедших тренинговый курс. В целом можно сказать, что цели испытуемых сбалансированы по времени (нет перевеса в соотношении дальних средних и близких целей). Дальние цели достаточно разработаны: при их достижении ставятся промежуточные цели. Например, промежуточной средней целью создания карьеры явля-

ется получение высшего образования, а промежуточной близкой целью создания карьеры является успешная сдача сессии. Таким образом, в дальней цели отражается, прежде всего, общий результат ряда действий, а в близкой, - условие и средство достижения этого результата в наличной ситуации. Также для испытуемых характерно гармоничное распределение по выделенным сферам жизни, в которых человек проявляет себя. Студенты стремятся к активному самовыражению, как в личной, так и профессиональных сферах жизни, индивидуальной и социальной.

Среди жизненных целей испытуемых есть и неопределенные цели, которые тоже можно распределить по жизненным сферам. Их наличие может свидетельствовать об идеальных стремлениях, характерных для юношеского возраста (например, «дарить добро людям, миру», «дать миру новые знания») а также о том, что в жизни каждого человека есть цели, осуществление которых не имеет временных границ и есть цели, реализацию которых трудно указать во времени. К последним можно только стремиться, постепенно раскрывая свой духовный потенциал.

Таким образом, анализ текстов позволяет сделать вывод о том, что в процессе самоинтервьюирования студенты анализировали поставленные цели с точки зрения их значимости, вырабатывали свои концепции целеполагания, осмысливали пути достижения целей, стратегии в жизни, основываясь на нравственном выборе, искали ответы на важные этические вопросы.

В итоге можно выделить три жизненные цели:

1. Жизненная цель – созидание своей личности.
2. Жизненная цель – создание отношений с другими людьми.
3. Жизненная цель – создание отношений с окружающим миром.

На наш взгляд, ориентация на данные цели свидетельствуют о духовной ориентации личности, выражают нравственную позицию молодых людей, стремящихся к внутренней и внешней гармонии. Многие студенты, прошедшие тренинг по целеполаганию, стремятся внести вклад в социальную сферу, поделиться с окружением богатством своего внутреннего мира, воплотить самые смелые идеи, улучшив качество своей жизни, жизни других людей и окружающего мира в целом.

Литература:

1. Дмитриева И.А. Развитие способности к целеполаганию в условиях обучающего тренинга./Вызовы эпохи в аспекте психологической и психотерапевтической науки и практики. Казань, КГУ, 2006. – с.346-348.
2. Попов Л.М. Инициатива и общение в творчестве/ Л.М.Попов. – Казань: КГУ, 1983. – 88с.

Социально-психологические проблемы формирования и развития экономического сознания старших подростков в процессе их экономической социализации

И.В. Ермакова, В.П. Фоминых
Чебоксары, ЧГУ

Исследование социально-психологических факторов экономической социализации старших подростков ряда общеобразовательных школ г. Чебоксары свидетельствуют об отсутствии теоретических и прикладных изысканий по данной проблеме, среди ученых наблюдается игнорирование новой экономической ситуации в стране, тех особенностей рыночных отношений, которые во многом детерминируют формирование деловых и личностных качеств подростков, стремящихся к взрослой и самостоятельной экономической жизни.

Анализ научных работ показывает, что до перестройки и после нее, научных исследований экономической социализации подростков не было. Только в конце 90-х годов XX века появились первые публикации, в которых были сделаны попытки определить содержание, виды, функции, механизмы, уровни экономической социализации, рассмотреть данный феномен как структурный элемент общей социализации. По мнению ученых экономическая социализация включает в себя два основных процесса: первый – это приспособление подрастающего поколения к экономическим реальностям тех регионов, областей, республик и общества в целом, где им уготована судьба родиться и вырасти; второй процесс связан не только с аккумулярованием в своей среде ролей, норм, привычек социального поведения, системы экономических ценностей, но и развитие определенной совокупности личностных качеств, системы взглядов, убеждений, установок, экономических потребностей, интересов и других мотиваторов поведения. К сожалению, многие исследователи исключают из целенаправленной экономической социализации одну из основных задач этого процесса: формирование у подростков экономического сознания, экономического мышления, т.е. основных атрибутов экономического поведения. Под экономическим сознанием мы понимаем высший уровень психического отражения экономических отношений субъектом, прямо или опосредованно включенного в экономическую деятельность. Экономическое сознание – это одна из составных частей мировоззрения подростков, включающая, прежде всего ту систему экономических отношений, которая господствует в данном обществе. Сюда входят социально-экономические нормы и правила поведения, личные убеждения, ориентации, установки, экономические ценности, определяющие их отношения к целевым программам и реформам в различных сферах общественной жизни.

Известно, что до внедрения рыночных отношений многие учителя вообще не обращали внимание на существование данного феномена, в процессе преподавания различных дисциплин, внушали своим подопечным те идеологические установки КПСС, которые отодвигали развитие экономического сознания на «задворки» общественного сознания. Многие учителя на своих уроках говорили о вреде частнособственнических инстинктах, «загнивающем капитализме», пропагандировали презрение к деньгам, богатству и т.п. Не только учителя, но и большинство исследователей игнорировали наличие экономического сознания как структурного образования общественного сознания. Наличие «белых пятен» и серьезных упущений в изучении экономического сознания старших подростков связано не только со сложностью социально-психологической диагностики, но и с отсутствием преемственности в исследовании данного феномена. Как уже отмечалось, начиная с первых лет советской власти и кончая распадом СССР, в научных трудах советских экономистов, психологов, социологов, философов проблемы развития экономического сознания людей не рассматривались. В годы правления КПСС проводить теоретические и прикладные исследования наличного уровня экономического сознания конкретных групп советского общества, в том числе и подростков, не имело смысла и практической надобности. И вот почему. Экономического сознания и экономического поведения как основных характеристик общественного сознания у советских людей, по – существу не было. Связано это с тем, что советскую плановую систему хозяйствования нельзя квалифицировать и называть экономикой. Под экономикой западные ученые понимают и исследуют только рыночную экономику, с ее священным правом частной собственности, свободного производства, обмена и распределения товаров и услуг, получение прибыли как основного источника деловой активности людей. Сравнительный анализ отношения людей к труду на Западе и в бывшем СССР показывает, что в зарубежных странах люди стремятся бесконечно производить. Одни открывают свое дело, другие – нанимаются к ним работать, третьи регулируют двухсторонние отношения между ними. Находясь в постоянном процессе производства, люди настолько свыкаются с ним, что производственный труд становится одной из главных западных ценностей. Только эффективный труд для большинства западных людей позволяет поддерживать главную цель существования, а именно, не потерять высокий жизненный стандарт. В России, как следствие выше перечисленных причин, деловые функции работников ослаблены или превращены в чистую формальность. Здесь лежит одна из самых глубоких причин того, что российское общество есть объединение сложных, но плохо работающих бездельников и имитаторов деятельности, а западное общество – бездушный механизм, состоящий из внутренне упрощенных, но хорошо работающих полуробо-

тов.²³ Уникальность и сложность современной экономической ситуации в стране определяется тем, что у различных слоев и групп российского общества наблюдается неопределенность и расплывчатость содержательных характеристик экономического сознания, наблюдаются все признаки его диффузного состояния. Связано это с глубокими изменениями всей структуры общественного сознания россиян. Населению страны за исторически короткий отрезок времени пришлось пройти двойную трансформацию своих мировоззренческих позиций (в том числе и экономического сознания), с капиталистических ценностей царской России на социалистические при советской власти, сейчас – с социалистических устоев общества на капиталистические.

Немногочисленные исследования экономического сознания показывают, что первичные элементы экономического сознания детей формируются в семье, в системе детско-родительских отношений, в том материально-вещной среде и материального благосостояния родителей, которые во многом определяют процесс формирования экономического сознания и потребительского поведения. Особенности развития экономического сознания заключаются в том, что оно формируется позже других видов сознания. В начале у ребенка появляется экономическое самосознание и на его основе формируется и развивается экономическое сознание. На наш взгляд, у дошкольников, младших школьников, младших подростков, несмотря на появление элементов экономического самосознания, уровень развития экономического сознания не достигает той зрелости и осознанности, которые наблюдаются у старших подростков. Отношение к деньгам, богатству, частной собственности, прибыли, материальному достатку родителей и другим показателям экономического взаимодействия людей, проявляется не на уровне «познающих субъектов», а на уровне осознанности своих экономических потребностей и интересов и сопоставлении их с чужими. Эта осознанность экономических запросов, притязаний определяется бурным ростом самосознания подростков, появлением «чувства взрослости», потребностями в самоутверждении, общении, групповой идентичности, Я - концепции, и другими новообразованиями возраста.

Появление в России нового бизнес – слоя (предпринимателей, бизнесменов, коммерсантов, банкиров и др.) широкая пропаганда их материального благосостояния стали для старших подростков своего рода ускорителями роста их экономического сознания. Из периферического отдела их мировоззренческих позиций экономическое сознание стало быстро перемещаться в центр общественного сознания, в сферу жизненных потребностей и профессионального самоопределения. Желание стать богатым, свободным и независимым человеком во многом определило направленность социальных притязаний подростков, внесло в систему жиз-

²³ См.: Экономическая психология. Питер, 2000, с324.

ненных ценностей определенные коррективы. Миллионы выпускников общеобразовательных школ стали поступать в вузы на экономические специальности, полагая, что, приобретя хорошие экономические знания можно быстро сделать жизненную карьеру.

Первоначальное формирование этих притязаний на богатую и зажиточную жизнь происходит в старшем подростковом возрасте, когда многие подростки начинают глубоко осознавать экономическое неравенства людей, причины разделения общества на богатых и бедных людей. Именно в этом возрасте четко прослеживается процесс формирования основных структур экономического сознания, тех качеств и свойств личности, позволяющих входить в мир рыночных отношений. Во многих случаях формирование и развитие этих структур зависит от педагогизации окружающей среды, тех условий семейного воспитания и школьного образования, несущих в себе «заряд» экономических установок, ценностей, потребностей, интересов подростков, предопределяющих их будущую материальную и духовную жизнь.

Для того чтобы лучше осмыслить процесс формирования экономического сознания у старших подростков нужно четко представлять, что в этой системной целостности необходимо выделить для ее анализа, какие структуры играют в развитии данного феномена первостепенное значение.

Не останавливаясь на освещении разработок структуры экономического сознания других исследователей отметим, что структурная модель экономического сознания старших подростков, используемая нами при исследовании экономико-психологического уровня экономической социализации, включает следующие структуры:

- структуру когнитивных элементов экономического сознания;
- структуру экономического сознания субъекта экономической деятельности;
- структуру целеполагающей экономической деятельности;
- структуру личностного уровня экономических взаимоотношений с другими людьми.

Каждая из предлагаемых структур включает в себя определенную совокупность элементов, позволяющих проследить их действенность на уровне социальных действий и поступков подростков. Воспитательное и образовательное влияние различных социальных институтов обуславливает наличие различных элементов маргинальности, особенно в сфере экономических отношений. Например, многие подростки позитивно относятся к деятельности представителей бизнес – слоя, ориентируются в будущем на зажиточную, материально-обеспеченную жизнь. В тоже время, при оценке личностных качеств олигархов, бизнесменов, предпринимателей наблюдается некий скептицизм и недоверие к морально-нравственным качествам, честности, порядочности самого процесса зара-

батывания «кучи денег». Различные проявления обусловлены не только возрастными и психологическими особенностями подростков, их перехода «от детства к взрослости», но и как отмечено выше, влиянием различных детерминант внутренней и внешней среды их жизнедеятельности.

Как показывает практика, в этом переплетении разных социальных воздействий на процесс экономической социализации, доминирующее положение занимает неформальная структура взаимоотношений подростков, в которой определенную ценность приобретают ненормативные акты поведения и приобщения к ненормативным потребностям. Табакокурение, сквернословие, алкоголь, наркотики, воровство, хулиганство, проституция, групповой бандитизм стали для многих несовершеннолетних определенными показателями их взрослости и самостоятельности. Пока ни родители, не педагогические коллективы школ не могут переломить эту негативную ситуацию в сторону повышения общей культуры и воспитанности своих подопечных. По словам Л.С. Выготского, подростковый возраст представляет собой совокупность условий, в высшей степени предрасполагающий к воздействию различных психотравмирующих факторов. К числу таких факторов можно отнести болезненную реакцию подростков на ущемление социальной и экономической справедливости среди различных слоев общества, на плохое материальное благополучие родителей, нехватку денег на удовлетворение потребностей в еде, одежде и т.п. Все эти и другие негативы социального поведения подростков свидетельствуют о низком уровне развития их экономического сознания, о распространении иждивенческой стратегии жизни в делах и поступках подрастающего поколения. Поэтому перед школой, семьей и другими институтами страны стоят задачи по организации в образовательных учреждениях экономического всеобуча, подготовки выпускников школ к реальной системе экономического взаимодействия людей, к жестким требованиям рыночной конкуренции.

Развитие родительской позиции средством психологического тренинга

Г.И. Захарова

Южно-Уральский государственный университет, г.Челябинск

Психическое развитие ребенка, формирование его личности наряду с семейной атмосферой, личностными особенностями родителей, распределением семейных ролей во многом определяется такими феноменами как родительская позиция и родительское отношение. Отечественные исследователи Варга А.Я. и Столин В.В. [1] рассматривают родительское отношение как систему разнообразных родительских чувств к ребенку, поведенческих стереотипов, практикуемых в общении с ним, особенно-

стей восприятия и понимания характера ребенка, его поступков. Родительскую позицию Бодалев А.А. и Столин В.В.[5] определяют как систему эмоционального отношения к ребенку, стиля общения и способов поведения с ним.

Варга А.Я. и Смехов В.А. считают, что важнейшей составляющей родительской позиции является также когнитивный образ ребенка, который отражает особенности восприятия и понимания родителями характера и личности ребенка, его поступков. Исследователи выделяют глобальный и дифференцированный когнитивный образ ребенка. Глобальный образ характеризует возрастные особенности ребенка, а дифференцированный образ отражает его индивидуально-личностные качества. Неблагоприятное воздействие на развитие личности ребенка при этом оказывает «феномен мистификации» как внушение детям того, кем они являются, каковы их потребности, интересы, ценности, т.е. навязывание детям неадекватной системы представлений о себе.

Отечественный психотерапевт Захаров А.И. [3] выделяет ряд параметров родительской позиции или особенности родительского отношения, провоцирующие нарушения эмоционально-личностного развития детей:

- непонимание родителем личностного своеобразия ребенка;
- непринятие ребенка, например, в результате его преждевременного появления или несоответствия пола ожиданиям родителей;
- несоответствие требований и ожиданий родителей возможностям и потребностям детей;
- непоследовательность, которая проявляется в постоянно меняющихся требованиях к ребенку;
- несогласованность действий родителей в результате различных взглядов на воспитание;
- негибкость в отношениях с детьми, которая выражается неадекватными, стереотипными формами реагирования на ситуацию и проблемы ребенка;
- доминантность как стремление подчинить ребенка, использование принуждения и репрессивных мер;
- тревожность, которая выражается чрезмерным беспокойством и паникой по любому поводу;
- гиперсоциальность как стремление к воспитанию идеального ребенка, навязывание детям большого количества правил и условностей, чтобы вели себя всегда безупречно;
- нечуткость (недостаточная отзывчивость), которая проявляется в несвоевременном или недостаточном отклике на просьбы детей, их потребности, настроение.

В проводимых нами исследованиях, в том числе на уровне курсовых и дипломных работ, изучается, какие отношения складываются, как проис-

ходит взаимодействие между родителями и детьми в современной семье, и как это влияет на психическое развитие ребенка: нравственную, эмоционально-волевую, мотивационную сферы и другие личностные структуры. Например, в наших исследованиях была определена достоверно значимая связь между типом родительского отношения и мотивацией достижения успеха у старших дошкольников.

Известно, что для благополучного школьного обучения очень важно, чтобы мотивация достижения успеха всегда доминировала над мотивацией избегания неудачи. В этом случае ребенок будет стремиться к учебной деятельности, и добиваться значительных успехов в ней. Как показали результаты наших исследований, такие характеристики родительского отношения как сверхтребовательность, чрезмерный контроль, отношение к ребенку старшего дошкольного возраста как к маленькому неудачнику, отвержение ребенка существенным образом снижают его стремление к успеху, провоцируют проявление мотивации избегания неудачи.

Изучалась нами и связь родительского отношения с проявлениями воли у ребенка дошкольного возраста. Самый высокий балл по такому качеству воли как достижение цели в условиях помех набрали дети из семей, для которых характерны следующие особенности родительского отношения и родительской позиции: принятие ребенка, кооперация с детьми, поощрение их самостоятельности.

Важными характеристиками родительской позиции, определяющей нормальное психическое и личностное развитие детей, являются её адекватность, динамичность и прогностичность [4]. Адекватность родительской позиции отражает степень ориентированности родителей в восприятии индивидуальных и возрастных особенностей ребенка. Динамичность позиции означает её способность к изменению и вариативность приёмов взаимодействия родителей с ребенком, гибкость в общении с ним. Прогностичность позиции характеризует способность родителей к предвидению перспектив развития ребенка, способность планировать способы взаимодействия с ребенком с учетом его развития.

Адекватность, прогностичность и гибкость родительской позиции определяются во многом степенью психолого-педагогической компетентности родителей. С целью формирования и развития адекватной родительской позиции во взаимоотношениях со своим ребенком нами была разработана и успешно реализуется тренинговая программа для родителей «Как сотрудничать с детьми?» Эта программа предназначена для родителей детей в возрасте от 3 до 10 лет и реализуется в группах из 8-12 человек.

Тренинговые занятия нацелены на формирование коммуникативной компетентности родителей, на развитие умений эффективного восприятия ребенка, освоение конкретных техник и приемов лично ориентированного взаимодействия с детьми. Программа предусматривает обу-

чение родителей средствами ситуативной диагностики мотивов непослушания ребенка, способам конструктивного отражения своих негативных эмоций и чувств, приемам психологической поддержки ребенка.

В ходе дискуссий, ролевых игр, выполняя психогимнастические упражнения, родители делают неожиданные для себя открытия. Например, они убеждаются в том, что наставления, запреты, окрик, требования, угрозы и т.п., часто используемые в общении с ребенком, провоцируют только непослушание детей. Родители начинают понимать, что их детям для нормального психического развития как воздух необходимо позитивное внимание, и если ребенку такого внимания не хватает, он неосознанно прибегает к непослушанию. В процессе тренинга родители начинают осознавать, как страдают их «непослушные» дети от неудовлетворенности в процессе общения со значимыми взрослыми самых насущных потребностей: в позитивном внимании, в безусловном принятии, в признании и уважении своей личности, в справедливости, в успехе.

В связи с этим на занятиях с родителями достаточно много внимания уделяется проблематике мотивов «непослушания» детей: их развернутой характеристике и ситуативной диагностике, а также профилактике непослушного поведения. Рассматривая конкретные ситуации, в процессе группового обсуждения, родители анализируют, какие конкретно потребности ребенок удовлетворяет при том или ином непослушном поведении, и как оно проявляется. Кроме этого родители пытаются выделить позитивные стороны непослушного поведения, т.е. осознать, чем оно может быть полезно самому ребенку.

В качестве профилактики непослушания исследователи рассматривают психологическую поддержку ребенка [2]. На занятиях родители с большим интересом и настойчивостью осваивают такие составляющие психологической поддержки как безусловное принятие ребенка, позитивное внимание к нему, признание продуктов деятельности и особенностей поведения ребенка, одобрение его черт характера и личностных свойств.

Однако взрослые не смогут оказывать поддержку ребёнку, пока не научатся принимать сами себя; пока не достигнут самоуважения и уверенности. В связи с этим, осваивая такие составляющие психологической поддержки как признание продуктов деятельности и особенностей поведения ребенка, одобрение его личностных характеристик, родители сначала учатся выражать признание и одобрение самим себе. Вот некоторые примеры родительских «признаний» и «одобрений», адресованных самим себе: «Я очень благодарна себе за то, что включилась в эту тренинговую группу и обучаюсь сотрудничать со своим сыном и понимать его»; «Меня радует моя находчивость»; «Я бываю в восторге от проявлений своей заботливости!».

Большой интерес родители проявляют на занятиях по теме «Я-слушания взрослого и навыки их определения». На этих занятиях проис-

ходит знакомство и работа с таким важным компонентом межличностного взаимодействия как «Я - слушания». Родители анализируют свойственные им «Я - слушания» как своеобразные фильтры, через которые они пропускают объективную информацию. При этом они выделяют свои негативные «Я - слушания», блокирующие творческий подход к взаимоотношениям с детьми, например: «Я тебе не верю», «Все равно у тебя ничего не получится» и т.п. Родители сравнивают свои «Я - слушания» в разных ситуациях: когда оценивают ребенка и когда принимают его «безусловно», когда общаются с «послушным» ребенком и с «непослушным». В процессе психогимнастики и ролевых игр происходит интенсивная работа с позитивными «Я - слушаниями», например: «Я тебя слушаю с интересом», «Я хочу тебе помочь» и т.п.

В процессе тренинга у родителей происходит осознание, что ребенок нуждается в эффективном общении и психологической поддержке не только тогда, когда ему плохо, но и тогда, когда ему хорошо. Сотрудничество и психологическая поддержка способствуют формированию самоуважения ребенка, помогают поверить в себя и свои способности. В результате тренинговых занятий у родителей возрастает ответственность за процесс и результат ежедневного и ежеминутного общения со своим ребенком, повышается ориентированность на сотрудничество с детьми, формируется адекватная родительская позиция.

Литература:

1. Варга А.Я. Системная семейная психотерапия. – СПб.: Речь, 2001.
2. Гиппенрейтер Ю. Б. Общаться с ребенком. Как? – М.: ЧеРо, 2002.
3. Захаров А.И. Как предупредить отклонения в поведении ребенка. – М.: Просвещение, 1993.
4. Основы психологии семьи и семейного консультирования /Под общ. ред. Н.Н. Посысоева.– М.: Изд-во Владос-Пресс, 2004.
5. Семья в психологической консультации: Опыт и проблемы психологического консультирования./Под ред. А.А. Бодалева, В.В.Столина. – М.: Педагогика, 1989.

Развитие личности студентов, участников программ культурного обмена, в ключе диалога культур

Исрафилова Э.Ш.
ТГГПУ, факультет психологии

Суть противоречий между людьми, общественными классами, государствами волновала общество начиная со времен Гераклита, Платона, и Аристотеля, но и в наши дни вопросы межкультурного взаимодействия не менее актуальны и представляют интерес для представителей разных научных дисциплин в связи с практическими потребностями общества.

В России и для россиян, в первую очередь, молодых, вопрос о межкультурном взаимодействии, критериях его эффективности и возможности подготовки к нему встает достаточно остро в связи с участвовавшими поездками зарубеж с различными целями. Общеизвестный факт, что в начале третьего тысячелетия у студентов высших учебных заведений нашей страны гораздо больше возможностей, и социальных, и финансовых, для поездки в зарубежные страны благодаря развитию сети разнообразных программ студенческого обмена.

Объектом нашего внимания стали студенты ВУЗов г.Казани - участники программы «Work & Travel» («Работа и путешествие»), администрируемой Советом по международным студенческим программам (CIEE), уполномоченным Государственным департаментом США для предоставления российским студентам возможности познакомиться лично с американской культурой.

На основе проведенного теоретического анализа и изучения практического материала было высказано предположение, что оптимальное межкультурное взаимодействие складывается из следующих компонентов:

- I. успешная социокультурная адаптация в принимающей культуре;
- II. достижение культурного диалога;
- III. возвращение участников программы на Родину по завершению программы.

Теоретический обзор литературы по проблеме межкультурного взаимодействия очертил круг факторов, которые влияют на эффективность межкультурной коммуникации. Межкультурная коммуникация не рассматривается нами в узком смысле, как акт обмена сообщениями. Под ней понимается многоаспектное взаимодействие представителей разных наций, носителей определенного этнического стереотипа поведения.

Ключевым моментом в разработке нами программы подготовки студентов к взаимодействию с представителями иной (в данном случае американской) культуры является осознание того, что при межкультурном взаимодействии вступают в диалог не просто два человека, а две культуры, две ментальности и два языка.

Перечень факторов, способствующих оптимальной межкультурной коммуникации широк. Если синтезировать и интегрировать их по трем уровням анализа, то, на наш взгляд, наиболее приемлемой является модель Гудикунста (Gudykunst, 1993), состоящая из следующих компонентов:

- Мотивационные факторы;*
- Факторы знаний;*
- Факторы навыков.*

Мотивационные факторы включают в себя потребности участников межкультурного взаимодействия, мотивы, толкающие их на участие в программе, их открытость для новой информации.

Для оптимальной организации процесса подготовки к межкультурному взаимодействию чрезвычайно важно, во-первых, знание приоритетных мотивов поездки студентов, во-вторых, умение разумно управлять ими, т.е. расширять их или менять их градацию в процессе обучения.

Факторы знаний включают в себя представление о более чем одной точке зрения, знание сходств и различий между представителями собственной и принимающей культуры.

Здесь центральное место занимает *культурная компетенция*. Она предполагает знание культурной вариативности, т.е. культурно-психологических особенностей принимающей страны и сравнение психологических особенностей своей и принимающей нации; сюда же мы относим знание языка. Исследования в области философской интерпретации принципа диалога культур (М.М. Бахтин, В.С. Библер, В.В. Сафонова, П.В. Сысоев, S. Savignon) показывают, что для более полноценного понимания иноязычной культуры необходимо одновременно изучать и родную культуру, ибо адекватное понимание других невозможно без понимания себя. Поэтому при обучении иноязычной культуре видится целесообразным обратить внимание на следующие две составляющие: родную культуру и культуру страны изучаемого языка.

Социокультурная компетенция предполагает понимание и использование социальных правил поведения при общении, соблюдение национального этикета. Эпизоды межкультурной коммуникации часто связаны с большей тревогой и стрессом, чем знакомые ситуации внутрикультурной коммуникации. Во многих случаях определенная степень тревоги и напряжения необходима для оптимальной реализации человеком какой-либо деятельности. Однако излишняя тревога и стресс могут привести к дисфункциональным мыслительным процессам и поведению. Более того, стресс и тревога могут сделать еще большими все прочие камни преткновения, повышая вероятность того, что люди станут догматично цепляться за жесткие интерпретации, держаться стереотипов, несмотря на объективные свидетельства об обратном, и негативно оценивать других.

Обучение иноязычной культуре предполагает формирование способности и готовности понимать ментальность представителей другой культуры, открытости в восприятии и взаимодействии с представителями иной культуры. Обучающиеся приходят к пониманию того, что в основе каждой культуры лежит система ценностей, значений и норм, объединяющая людей по определенным признакам. В связи с этим оценка каждой конкретной культуры должна и может производиться *только* с позиции ее собственных норм и ценностей. Поэтому сравнения между родной и изучаемой культурами могут происходить только по принципу "нали-

чия" или "отсутствия" определенных фактов и реалий изучаемой культуры в родной.

К факторам навыков относится способность проявлять эмпатию, быть толерантным к многозначности, адаптировать коммуникацию, разговаривать на языке принимающей культуры, создавать новые категории, видоизменять поведение и собирать нужную информацию.

Отсюда следует, что успешная социокультурная адаптация во многом зависит от *языковой компетенции*. Полноценное межличностное взаимодействие с представителями новой культуры возможно только при наличии знания языка и речевой способности, способности мигранта адаптировать язык к потребностям ситуации. Так, человек, с которым мы можем свободно общаться, воспринимается как более похожий на нас. Говоря о языковой компетенции, мы не придерживаемся изначального ее понимания, которое дал Н. Хомский, понимая под ней потенциальное знание языка и семантически противопоставляя данное понятие термину "использование языка" («языковая активность»). Современное понимание языковой компетенции значительно шире. Она рассматривается комплексно, как психологическая система, включающая два основных компонента: данные речевого опыта, накопленного в процессах общения и деятельности на иностранном языке, знания о языке, усвоенные в ходе специально организованного обучения.

Понятие психологической системы принимается нами в том содержании, в котором оно было введено Л.С.Выготским. Он характеризовал психологическую систему как неразложимое образование, каждый из компонентов которого функционирует и преобразуется только в связи с другим (другими); само изменение их связей и каждого компонента внутри системы составляет процесс ее развития.

Научить ученика, студента полноценно выражать свои мысли, чувства, эмоции. Главное здесь – осознание того, что язык – это не самоцель, а средство выражения, это знаковая система, средство взаимодействия как внутри культуры, так и между представителями разных этнокультурных групп.

Согласно Гудикунсту, эти три категории факторов влияют на степень неопределенности в ситуации и уровень тревоги или стресса, который фактически испытывают участники межкультурной коммуникации. Наконец, эти три компонента влияют на то, в какой степени участники интеракции предпринимают сознательные шаги по анализу собственного и чужого поведения, а также по адекватному планированию и интерпретации интеракции по мере развития межкультурного взаимодействия. Согласно этой модели, высокая степень вдумчивости уменьшает неопределенность и тревогу, приводя к эффективной коммуникации.

Следовательно, в процессе подготовки личности к межкультурному взаимодействию необходимо обратить внимание на три основные компо-

нента, которые мы и выделяем в предлагаемой модели социокультурного научения. Это развитие навыков, получение студентами социокультурных знаний и, в процессе обучения, дополнение, изменение в системе мотивов поездки.

Важно подчеркнуть, что при подготовке студентов к поездке зарубеж мы исходили из предположения, что этноцентризм – это начальная стадия овладения человеком культурой принимающей страны. Этноцентризм влечет за собой ряд факторов, которые могут препятствовать оптимальной межкультурной коммуникации, а именно:

- *допущение сходств;*
- *ошибочные невербальные интерпретации.*
- *предубеждения и стереотипы*
- *стремление оценивать исходя из своих культурных*
- *повышенная тревога или напряжение.* (Barna, 1997).

Все это в сочетании с языковыми различиями препятствует полноценному диалогу культур.

Вторая стадия овладения культурой другой нации это культурное самоопределение. Развивая в студенте толерантность в отношении принимающей стране, в то же время, важно помочь ему сориентироваться в своей системе культурных ценностей. Именно толерантность по отношению к непохожим на него явится залогом его понимания и принятия иной культуры, а следовательно, более быстрого налаживания контактов. С другой стороны, именно культурное самоопределение является основой формирования патриотизма, любви к Родине, культуре своей собственной нации. И это, согласно выдвинутому предположению, оказывает важное влияние на возвращение студентов в Россию по окончании действия программы, т.е. через 4 месяца и отказ от эмиграции, легальной или нелегальной.

Диалог культур является ни чем иным, как третьей стадией развития способностей к межкультурному взаимодействию. Достижение этого уровня является целью нашего курса, но переход обучающихся от мышления и понимания к активной деятельности, безусловно, возможен только при непосредственном взаимодействии с представителями познаваемой культуры. Таким образом, на данном этапе студенты уже применяют полученные данные на практике и успешный переход от этноцентризма к стадии культурного самоопределения создает благоприятную почву для эффективного культурного диалога.

На данной стадии обучающиеся смогут и будут готовы *ставить себя на место других; проявлять инициативу* на установление межкультурного контакта с целью а) постижения ценностей, духовного наследия и т. п. изучаемой культуры; б) выступления в качестве представителя собственной культуры); *прогнозировать и распознавать* социокультурные пробелы, ведущие к недопониманию, созданию ложных стереотипов, неверной

интерпретации фактов культуры, кросс-культурным конфликтам; *принимать на себя ответственность* за устранение всевозможного кросс-культурного недопонимания а) объяснять участникам коммуникации реалии родной культуры; б) расспрашивать собеседника о значении определенных фактов и реалий его культуры); *проявлять дипломатичность* с целью поддержания диалога культур в духе мира; *выступать в качестве полноценных представителей* родной культуры; *самообучаться* как функционировать самостоятельно в поликультурном мире используя социокультурные стратегии (П.В. Сысоев).

Данные стадии социокультурного развития личности показывают динамику отношения обучающихся к иной культуре и культуре своей нации.

Так, получив необходимые знания и навыки в рамках курса подготовки к поездке за рубеж, изменив свое отношение к самой поездке в процессе обучения, студенты переходят от *мышления* и *понимания* к активной *деятельности*. Данный переход будет отражать способность индивида определять свое социокультурное пространство, видеть культурную вариативность и осознавать свое место в спектре культур современного поликультурного общества.

Предлагаемая модель с высоким конечным уровнем социокультурной компетенции не гарантирует, что все обучающиеся смогут и захотят перейти от культурного самоопределения к диалогу культур. Равно как мы не утверждаем, что обучаемые навсегда избавятся от построения каких-либо стереотипов и обобщений. Стереотипы и этноцентрические суждения будут неизбежно появляться на протяжении всей жизни. Однако использование данной модели будет способствовать формированию у обучающихся критического мышления и стратегической готовности к работе с культуроведческой информацией.

Методическая модель, рассмотренная выше, была апробирована в курсе обучения английскому языку при подготовке студентов к поездке в США на время летних каникул и показала свою эффективность, что выразилось в относительно быстрой и безболезненной социокультурной адаптации, достижении цели программы культурного обмена «W&T», а именно, диалога культур, а также, стопроцентном возвращении студентов, посещавших курсы, в Россию по истечению срока программы.

В заключение, хотелось бы заметить, что, безусловно, подобные программы культурного обмена нужны, для достижения эффективного результата, им должна предшествовать подготовка, тогда участник подобной программы скорее включится в диалог культур, будет искать знакомства с достижениями национальных культур других стран, оценит их вклад в развитии общечеловеческой культуры, и что самое главное, осознает роль родного языка и культуры в зеркале культуры другого народа.

О применении метода групповой терапии для подростков с целью улучшения понимания динамики отношений в семье

Т.И. Кедрова
Казань

В рамках групповых занятий для студентов мы начали апробацию тренинга, « Как быть с семьей».

Актуальность. Настоящее время - время рыночной экономики, и человеку чтобы быть успешным, конкурентоспособным, востребованным, важна надежная, любящая, понимающая семья.

В данный момент ценность семьи и здоровых взаимоотношений в ней уменьшается, по оценке специалистов, десять лет назад распадался каждый третий брак, на сегодняшний день распадается каждый второй брак, поэтому так важно осознавать особенности взаимоотношений в своей семье, ее динамику, получить возможность для изменения в себе и в своих семьях.

Задачи тренинга: осознание и принятие своего семейного опыта; полоролевая идентификация, выстраивание отношений с противоположным полом, выбор будущего партнера, семья, взаимоотношения в ней, представление о своей будущей семье. В соответствии с поставленными задачами тренинг делится на 3 этапа:

1. Осознание и принятие своего семейного опыта

Цель: Осознание и принятие своего жизненного опыта необходимого для последующего построения своей собственной жизни.

Важно выразить все свои переживания, разобраться и принять все свои противоречивые чувства по отношению к родителям.

2. Полоролевая идентификация, отношения с противоположным полом, выбор будущего партнера.

Цель: Осознание своей полоролевой принадлежности, формирование адекватного образа мужчины (женщины).

Уделяется внимание переживаниям, связанным с отношениями между мальчиками и девочками, мужчинами и женщинами; осознанию образа будущего избранника, вопросам любви, выстраивание взаимоотношений с партнером.

3. Выбор партнера, качества будущего избранника.

Цель: Помочь подросткам разобраться, что является важным при выборе партнера, что может обеспечить стабильность брака.

Материалы и методы. Тренинг проводится со студентами ТГГПУ 3 года обучения географического факультета, один раз в неделю, по два с половиной часа каждый, в течение одного месяца. Всего в тренинге участвует 15 человек (5 мужчин, 10 женщин, средний возраст которых - 19,07). В тренинге мы применили методику « Незаконченные предложения» (автор Сакс и Леви), направленная на диагностику системы отно-

шений в семье, анкету «Обратная связь». До начала исследования были проведено ряд упражнений, направленных на установления контакта со студентами для получения искренних, естественных ответов.

Тренинг включал в себя тестирование, ролевые игры, упражнения, самонаблюдение, самодиагностику, беседу, обратную связь, раскрытие и мобилизацию ресурсов личности.

Психологический тренинг опирается на системный подход к групповой терапии, а также на теорию семейных систем М. Боуэна.

Результаты. На основании проведенного анкетирования тренинг улучшил:

навыки самонаблюдения - **40 %**

коммуникативные навыки - 40 %

понимание динамики отношений в собственных семьях, которые раньше не отслеживались - 20 %

помог осознать важность и системность семьи и своей роли в ней - 50%

Вывод. Задачи, поставленные перед тренингом, выполнены, что способствовало улучшению психологического статуса студентов

Развитие психологических навыков коммуникации у менеджеров по продажам на коуч-тренинге

Климанова Н.Г.

Институт экономики, управления и права, г. Казань

Известные отечественные психологи многие годы занимались изучением проблем общения, такие как, Б.Г. Ананьев, Г.М. Андреева, А.А. Бодалев, А.Н. Леонтьев, которые считали общение и труд основными, особыми видами деятельности человека. Сегодня можно сказать, что одним из определяющих факторов успеха профессиональной деятельности менеджеров по продажам в современных компаниях, является умение общаться с людьми. Неэффективные коммуникации часто выступают в качестве барьера развития компании и на сегодняшний день назрела необходимость развивать коммуникативные навыки у сотрудников компаний для их эффективной работы.

За последние годы менеджерами по продажам или просто продавцами стали люди различных профессий, чаще всего не имеющие опыта, знаний и навыков продаж. От них во многом зависит развитие, имидж и успех компании.

Многие крупные организации неоднократно обучали свой персонал на различных тренингах. Уровень продаж после хорошего тренинга обычно становится выше, но не надолго.

Коуч-тренинг является перспективным вариантом обучения менеджеров по продажам различным психологическим методам, техникам и приёмам продаж, помогающим сотрудникам организации быстро и эффективно воспользоваться ими.

Коуч-тренинг строится по принципу не давать сотрудникам готовые модели поведения или советы, а помочь найти индивидуальные эффективные способы взаимодействия с клиентами в процессе продаж. Атмосфера тренинга позволяет сотруднику посмотреть на то, что мешает его работе, что является его преимуществом и главное, как можно совершенствоваться. Каждый участник определяет свой стиль общения с клиентами, для чего необходимы значительные творческие усилия и активность и раскрытие внутреннего потенциала.

Методика обучения построена на базе циклической четырехступенчатой эмпирической модели процесса обучения и усвоения новой информации (цикл Дэвида А. Колба). Д.Ф. Колба утверждал, что условиями подлинного научения являются:

- получение опыта;
- обдумывание этого опыта;
- осмысление и теоретическое обобщение опыта;
- экспериментальная проверка новых знаний;
- самостоятельное применение знаний на практике.

На тренинге участники приобретают конкретные навыки, с помощью коучинга происходит решение задачи через развитие самостоятельности и ответственности за результат у сотрудника. В реальности менеджерам необходим и тренинг и коучинг.

В отличие от традиционного тренинга обучаемые анализируют реальную ситуацию в компании, выявляют свои способности и возможности, учитывают свой рабочий опыт, концентрируются на получении результата, находят новые ресурсы и резервы, задают вопросы и поддерживает обратную связь.

Коучинг «заставляет» участников не только обретать новые знания, но и научиться учиться, а самое главное, эти знания применять в своей профессиональной деятельности. Теоретический материал вводится ограниченно. Основой тренинга в стиле коучинга является отработка практических навыков, анализ конкретных проблемных ситуаций, использование ролевых игр и специальных упражнений.

В рамках «Психологии коммуникаций» разработан и апробирован тренинг в стиле коучинга «Развитие психологических навыков коммуникации у менеджеров по продажам».

Целью данного обучения является повышение уровня профессиональных навыков коммуникации у менеджеров по продажам.

Обучение проведено в ряде коммерческих компаний г. Казани, специализирующихся на продажах товаров и услуг.

Работа предполагает три этапа. На первом этапе коучинг, далее этап тренинга, и в заключении опять коучинг. Этот инструмент используется для того, чтобы понять достоинства и слабые места обучающегося, правильно поставить цель, отработать навыки и закрепить их на практике, а также разработать план развития коммуникативных навыков.

Учитывая специфику работы менеджеров по продажам (переговоры с заказчиком и работа с покупателем) на первом этапе выявляются запросы, мотивы и потребности в обучении. Происходит расстановка и прояснение основных целей и приоритетов в обучении. С помощью интервью, тестирования на определение коммуникативных способностей, определяется уровень их развития. Далее, каждый участник коуч-тренинга описывает свою специфику работы и указывает на проблемные места в своей профессиональной деятельности.

На основании проблемных мест участников, в процессе тренинга, разбираются и отрабатываются такие приемы, как активное слушание, техника задавания эффективных вопросов, анализ вербальных и невербальных сигналов коммуникации и др. Разработан целый ряд упражнений позволяющий отрабатывать навыки и развивать потенциал человека в процессе коммуникации с применением аудио и видеотехники.

После каждой темы тренинга в стиле коучинга участникам даются практические задания на отработку полученных навыков.

Получение обратной связи от менеджеров по продажам, т.е. как на деле продавцы используют знания и умения продавать товар или услугу, таким образом происходит демонстрация измененных навыков. Также проводятся индивидуальные коуч-сессии, проработка и отработка сложных моментов продаж.

Завершающим этапом является разработка индивидуального плана дальнейшего развития коммуникативных навыков каждого менеджера.

Особенностью разработки данного плана является то, что обучаемый сам составляет реальный пошаговый план развития профессиональных навыков коммуникации, учитывая свои возможности и ресурсы, навыки и умения. Функция тренера заключается лишь в «подталкивании» обучающегося с помощью эффективных наводящих вопросов.

После завершения всего курса – производится анализ проведенных мероприятий и корректировка последующих действий. Кроме этого проводится мониторинг работы менеджеров по продажам (т.е. сбор информации от клиентов – интервью, тестирование, контрольное посещение магазинов независимыми экспертами, отслеживаются персональные продажи и др.). По истечению одного месяца продавцы проходят повторное тестирование. По результатам двух тестирований определяется развитие коммуникативных навыков менеджеров.

Такой подход к обучению и развитию персонала организаций в современных условиях является одним из самых эффективных.

Проблема формирования и развития духовно-нравственных качеств личности молодежи посредством семиотической деятельности

Митюхина Н.П.
ЦПМСС г. Волжск, РМЭ.

«Задача жизни не в том, чтобы быть на стороне большинства, а в том, чтобы жить согласно с внутренним, сознаваемым тобой законом».
(Овидий)

Подлинными основаниями и движущей силой духовного развития личности выступают совместная деятельность и общение, поскольку личность формируется в конкретных взаимодействиях с внешним миром, и, прежде всего, во взаимодействиях в обществе.

На первый план в общении, пишет В.А.Кольцова, выдвигаются общечеловеческие моральные нормы и ценности. Общение становится сферой самовыражения личности, фактором ее развития. Б.С.Братусь специально подчеркивает, что «основная плоскость движения личности — нравственно-ценностная».

Правомерность выделения нравственности как центральной образующей личности заключается в том, что человек всегда оценивается с точки зрения существующей морали, с позиций, принятых в данном обществе, социальной группе ценностей, норм и эталонов взаимоотношений. К.А.Абульханова, М.И.Воловикова, В.А.Елисеев подчеркивают, что именно моральная сфера является тем базовым образованием, которое должно доминировать в процессе развития личности.

Хотя развитие морального поведения, опосредованного моральными нормами и оценками, многократно исследовалось (в отечественной психологии Л.И.Божович, Н.А.Ветлугина, Т.Е.Конникова, Е.Субботский, В.Г.Щур, С.Г.Якобсон и др.), психологические условия становления нравственности как фундаментального качества личности остаются важнейшей, но не изученной проблемой.

Духовно - нравственные способности в психологии стали выделять сравнительно недавно, хотя без них, как совершенно справедливо замечает В.Д.Шадриков, «Невозможно проявление всех остальных способностей... теоретически невозможно говорить ни о какой способности, если не определено добро и зло, ибо тогда не ясно, о способности к чему идет речь, т.к. не будет определен предмет способности. Нормы и ценности определяют динамику развития способностей. Поэтому не существует способностей вне норм и ценностей».

Итак, все признают, что нравственно-этический компонент - важнейшее звено, определяющее поведение и деятельность личности, но, как подчеркивают О.И.Мантонина и Л.М.Попов, специальные исследования нравственно-этических, духовных характеристик в отечественной

психологии проводятся крайне редко. Нравственно-этические характеристики, не рассматриваясь как самостоятельный уровень личности, включаются в понятия «социально-психологических свойств личности» (Б.Г.Ананьев), «нравственности личности» (А.Г.Ковалев, В.С.Мерлин), «социально обусловленных качеств» (К.К.Платонов), «социально-психологического уровня» (Б.А.Вяткин). Видимо это подтолкнуло В.П.Зинченко вернуть забытые в научной психологии понятия «духовность», «духовная жизнь». С тем, что духовность представляет самостоятельную личностную сферу, соглашается и В.Д.Шадриков: «... духовность не находится в прямой связи со способностями и интеллектом. Духовным может быть и человек со средними способностями, а талант может быть бездуховным».

Прикладной аспект исследования духовности находит свое воплощение в акмеологии, где духовное «акме» представляет собой наивысший, идеальный уровень развития духовности личности. Так, рассматривая духовность как компонент профессиональной культуры, О.Ю.Скуднова выделяет ряд ее функций, одной из которых называет интерактивную функцию - реализующую возможность профессионально-духовного взаимодействия с людьми.

Во всех работах, так или иначе затрагивающих проблему духовности, нравственности личности, речь идет об альтруистическом поведении.

При этом, как считают Е.О.Смирнова и В.М.Холмогорова, альтруистическое поведение связано не с полнотой понимания и принятия моральной нормы как правила поведения, а с особым отношением к другому, которое обеспечивает сочувствие и содействие ему в разных, в том числе «ненормативных», ситуациях. Обычно такое отношение рассматривается в терминах эмпатических переживаний: переживания другого воспринимаются через непосредственное эмоциональное заражение, через принятие чужих переживаний.

К.А.Абульханова, В.И.Андреев, Б.С.Братусь, А.В.Брушлинский, А.В.Зосимовский, П.В.Симонов и другие ученые, отмечая повышение интереса к проблемам духовно-нравственного развития, подчеркивают, что сейчас идет постепенно обозначаящийся поворот - если не к душе в ее полном понимании, то, по крайней мере, к душевности, к душевным проявлениям человека, и опорой, адекватным зеркалом становится гуманитарный подход, а нравственность выделяется как форма организации человеческих взаимоотношений, один из критериев духовности человека.

Духовность отдельного субъекта представляется как «постоянная обращенность к другому, к роду человеческому; действующая внутри и в соответствии с высшими нравственными ценностями человеческого общества, как путь к любви, совести, к цели и смыслу собственной жизни» (В.И.Слободчиков). Отсюда нравственность конкретной личности рассматривается как личная форма этического сознания, область свобод-

ных и ответственных поступков, а также внутренних мотивов и побуждений творить добро (Г.Е.Залесский, Ю.А.Шрейдер, Л.Н.Боголюбова, Э.Шпрангер, В.Дильтей, И.А.Ильин, Е.И.Исаев, О.И.Мантонина и др.). В качестве центральной смыслообразующей характеристики нравственности выделяется способ отношения к другому человеку (Б.В.Братусь, Л.С.Выготский, В.В.Давыдов, В.П.Зинченко, А.З.Рахимов, В.М.Розин, С.Л.Рубинштейн, Б.М.Теплов и др.), который сплетаясь с самоотношением, составляет ядро личности.

В отечественных исследованиях семиотической функции приходится отмечать отсутствие фундаментальных работ по этой проблеме, что сказывается на содержательной ее разработке и на терминологии. Оперирование со знаково-символическими средствами обозначается по-разному.

Анализ концепции Пиаже представлен в советской литературе, в которой показывается, что отношение ребенка к реальности с самого начала оказывается социальным, что ребенок постепенно осваивает окружающий его мир, предметы как продукты человеческой деятельности (П.Я.Гальперин, Д.Б.Эльконин, В.В.Давыдов, Л.Ф.Обухова и др.). Л.С.Выготскому принадлежит термин «сигнификация». Он писал: «...основной и самой общей деятельностью человека, отличающей в первую очередь человека от животного с психологической стороны, является сигнификация, т.е. создание и употребление знаков». Значительно чаще в нашей литературе используется термин «замещение» (Н.И.Непомнящая, Д.Б.Эльконин). Кроме него и наряду с ним употребляется термин «символизация», «символическое замещение».

Л.С.Выготский и А.Р.Лурия писали об особенностях психического развития человека: подобно тому как в процессе исторического развития человек изменяет не свои естественные органы, а орудия, так и в процессе своего психического развития человек совершенствует работу своего интеллекта главным образом за счет развития особых технических «вспомогательных средств мышления и поведения». Как известно, ни одна форма человеческой деятельности не может осуществляться без применения знаково-символических средств. Вид деятельности, задачи, решаемые в ней, определяют и используемые знаково-символические средства, специфицируя их в соответствии с прагматической функцией. В психологии принято следующее деление видов деятельности: общение (осуществляемое с помощью вербальных и невербальных средств коммуникации, включающих и «социальные» коды—знаки отличия, ритуальные действия), игровая, учебная, трудовая, житейско-практическая деятельность, предметно-манипулятивная. В них используются различные знаково-символические средства.

Поскольку построение целостной модели развития духовно-нравственной личности посредством семиотической деятельности имеет не только научную значимость, но и открывает перспективу адекватного

оценивания уровня развития и совершенствования духовности, то мы видим необходимость также в разработке четкого представления о структуре семиотической деятельности с целью ее эффективной реализации, что и было сделано нами.

В результате предварительного анализа и некоторого экспериментального материала можно полагать, что процесс развития духовности должен включать в себя:

- принципы;
- внутреннюю организацию программного материала (содержания воспитания), подлежащего усвоению;
- приемы, методы и способы процесса усвоения этого материала;
- систему критериев оценки уровня духовности.

Необходимым условием эффективности проектирования развития семиотической деятельности выступает обеспечение внутренней согласованности всех его компонентов. Взятые и реализуемые в своей конкретной целостности, представляющей собой единство и совокупность всех компонентов, каждый из них в отдельности включал в себя другие компоненты одновременно с этим будучи ими.

Историческое развитие языков и знаков, а также их освоение человеком в онтогенезе идет в направлении от знаков в широком смысле через знаки в промежуточном смысле к знакам в узком смысле.

Человек как материальный носитель способов и механизмов человеческой жизнедеятельности является генетически первичным «знаком» для младенца. Во взаимодействии с другими людьми каждый человек реализует четыре основные взаимосвязанные функции, которые могут быть неосознанными или осознаваемыми:

- Быть знаком для другого человека — образцы поведения, саморегуляции, образа жизни.
- Быть знаком для самого себя — ориентировка в механизмах своего поведения.
- Относиться к другому человеку как к знаку — ориентировка в значении и смысле поведения другого человека.
- Относиться к себе самому как к знаку — ориентировка в значении и смысле своего собственного поведения.

Познаваемые человеком объекты и знаково-символические средства начинают представлять определенный единый класс объектов: «объект — отражатель».

Это и позволяет использовать знаково-символические средства для познания всех других объектов данного класса.

В каждый исторический момент за каждым знаковым образованием стоят механизмы наилучших и наиболее эффективных способов деятельности с определенными объектами. Такие способы деятельности могут быть интериоризированы субъектом в разных формах:

- В формах схем действий с предметами.
- В формах схем действий с образами предметов.
- В формах схем действий с внешними знаковыми образованиями.
- В формах схем действий с образами знаковых образований.

Такие схемы действий могут быть усвоены человеком: на уровне их воспроизведения и функционирования; на уровне их творческого использования, развития и совершенствования.

Поскольку превращение молодого человека в субъекта, заинтересованного в самоизменении и способного к нему, составляет основное содержание процесса развития в нашей модели развития духовности посредством семиотической деятельности, то обеспечение условий для такого развития — основная цель образовательного пространства. Своеобразие цели экспериментальной модели определяет особенности вышеназванного содержания (развитие субъекта, заинтересованного в своем саморазвитии и способного к нему), тип учебной и внеучебной активности, на которую данная модель опирается, методы и формы организации учебного процесса, а также характер взаимоотношений между его участниками, особенности их общения.

Реализация содержания разработанной образовательной модели осуществлялась в направлении всех участников образовательного процесса: учащихся и педагогов. Важным условием успешной реализации принципов, содержания, форм и методов развития духовности посредством семиотической деятельности учащихся являлась организация формирующего эксперимента, под руководством д.п.н. профессора Л.М.Аболина, в нашем образовательном пространстве — это тренинги и классные часы для учащихся.

Характеризуя содержание предметных дисциплин, преподаваемых в ССУЗах, отметим, что в программу обучения были включены все предметы, предусмотренные образовательными стандартами, а также курс психологии и тренинговые занятия. Освоение учебных курсов осуществлялось как в учебной, так и в различных видах внеучебной деятельности. Последние были организованы специалистами Медицинского колледжа г.Волжска РМЭ.

Опираясь на вышеприведенные теоретические представления и результаты эмпирических исследований феномена духовности, мы выделили в качестве основных личностных характеристик, отражающих степень нравственного развития, те, которые отражают ее отношение к другим людям. В качестве таковых рассматривались: эмпатийность, добронамеренность и агрессивность. Выбор исследуемых характеристик определялся содержанием в них нравственно-этического компонента, отражающего степень добродетельности личности, ее человечности, духовности.

Организация модели развития семиотической деятельности в образовательном пространстве предполагает не только изменение содержа-

ния и форм активности учащихся, и радикальную перестройку педагогической деятельности учителя, повышение уровня его педагогического мастерства.

Техники эриксоновского гипноза в профессиональной деятельности специалистов по рекламе как средство воздействия на потребителей

Мухрыгина А.Н.
Ульяновский Государственный Университет

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ,
проект № 07-06-95693 и/М*

Психологические воздействия, или социальные влияния, широко распространены и проявляются в самых разных вариантах: в отношениях детей и родителей, учеников и учителей, мужчин и женщин, начальников и подчиненных, а также людей, абсолютно незнакомых друг другу. Рекламная деятельность поэтому также может рассматриваться с точки зрения психологических воздействий, или социального влияния.

В современном обществе реклама занимает все большее место. Реклама присутствует везде: на телевидении, радио, в печатных изданиях и транспорте. Реклама появляется там, где есть обмен товарами, где есть конкуренция и где каждый товаропроизводитель борется за своего покупателя и ищет свою нишу на рынке.

Проблема психологических воздействий в рекламе тесно связана с проблемой выбора. Бизнесмены и рекламисты выбирают способы организации рекламных кампаний, например, с применением специальных технологий воздействия или без них, а потребители сталкиваются с этой проблемой, когда подвергаются таким воздействиям или, наоборот, обнаруживают необходимость самостоятельно принимать решение.

Реклама – это система мер целенаправленного воздействия на потребителей, формирующая и регулирующая движение товара на рынке. Реклама воздействует на покупателя и способствует его действиям по приобретению рекламируемых товаров и услуг. При этом используется целый ряд различных методов и приемов, воздействующих на различные психические структуры человека, как на сознательном, так и на бессознательном уровне [2].

В связи с этим возникает вопрос, в какой мере информационно-психологическое воздействие рекламы носит манипулятивный характер.

По мнению Е. Л. Доценко, манипуляцию полностью нельзя отождествлять с воздействием, поскольку она не может быть односторонней. Манипуляция, чаще всего разворачивается как процесс взаимодействия, при

котором мастерство манипулятора используется для скрытого внедрения в психику другого человека целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые у него имеются в данный момент. Манипуляция нацелена на изменение направления активности другого человека и выполняется настолько искусно, что остается незамеченным им [1].

Если пользоваться определением Е. Л. Доценко, большая часть всевозможных психологических воздействий в рекламной деятельности является ничем иным, как различными формами манипуляции. Ведь главная задача любого рекламиста — сделать так, чтобы потребитель воспринимал рекламное утверждение как свое личное мнение. У рекламиста это не всегда получается по целому ряду причин, но то, что реклама — это во многом психологическое манипулирование, отмечают практически все ведущие рекламисты, а также специалисты в области изучения психологии рекламы. Приемы манипулирования очень ярко проявляются в пропаганде, мероприятиях «паблик рилейшнз», а также в условиях «личных продаж».

Манипуляции в рекламе опираются на такой психический процесс, как принятие решения. Таковым является выбор из имеющихся альтернатив. Особенность этого процесса состоит в том, что всегда сравнивается нечто представленное сознанию, а не то, что находится за его пределами. Если ставится задача управлять сознанием, то человеку предлагают те аргументы, которые нужны именно суггестору, внушателю.

Следует отметить, что четкой, «неразмытой» терминологии, описывающей разные методы психического воздействия в психологии вообще и в рекламе в частности, не существует. Одни и те же авторы могут называть одни и те же методы разными терминами и, наоборот, говоря, например, о внушении (или суггестии), рассматривают значительно различающиеся по своей психологической природе приемы (Лебедев-Любимов А., 2002)

Одним из суггестивных подходов являются техники эриксоновского гипноза, которые в последнее время широко применяются специалистами по рекламе. Вообще, гипноз — это набор средств манипуляции сознанием и методов воздействия на подсознание, позволяющих вносить изменения в мышление и поведение людей (Мелехов И.Н., 2002).

Есть мнение, что классический гипноз и гипноз в современном широком смысле, являются лишь различными формами процесса социального влияния (воздействия) одних людей на других (Хеллер С, Стил Т. Л., 1995). «...Если вы рассматриваете гипноз как особое состояние, которое всегда включает глубокий транс, то такой вещи как гипноз не существует. Если же вы используете гипноз как общий термин, включающий все, что изменяет восприятие и сознание, то вы можете понять, что гипноз — это всего лишь слово. Это понятие содержит в себе медитацию, фанта-

зию, управляемое воображение, глубокую мышечную релаксацию — все, что вызывает обращение человека к собственному внутреннему состоянию и приобретению внутреннего опыта, который становится мудрее и важнее внешней согласованной реальности» [5].

В настоящее время различают две основные разновидности гипнотических воздействий: гипноз классический, или павловский, и неклассический, или скрытый, подразделяющийся на:

- манипулирование (скрытое влияние или управление);
- прямое и косвенное внушение наяву;
- эриксоновский (или эриксоновский) гипноз;
- приемы нейролингвистического программирования (NLP);
- приемы порчи и сглаза;
- методы зомбирования [3].

Американский гипнолог М. Спарк (1995), излагая основы идеи М. Эриксона, считал, что существует два вида гипнотического транса: авторитарный и индивидуальный. Для М. Эриксона транс – это коммуникация, то есть нечто, в чем гипнолог участвует вместе с человеком, но никак не действие, которое он производит с ним как с объектом. Здесь отношения гипнолога и пациента являются взаимными. Никто никем не управляет. Одним из достижений М. Эриксона, по мнению М. Спаркса, являлось то, что он оценил транс как широко распространенное, часто встречающееся явление и начал использовать эти естественно возникающие состояния транса в своей работе [4].

Надо отметить, что у многих людей со временем вырабатывается устойчивость, невосприимчивость к прямым командам. Существуют техники нейтрализации этой способности к сопротивлению внушению.

Во-первых, трюизмы. Это очень простая и вместе с тем чрезвычайно эффективная конструкция. Трюизм – утверждение, которое находится в строгом соответствии с действительностью; банальная истина. Они используются для того, чтобы вызвать желательную поведенческую «да»-реакцию. Это утверждения, ссылающиеся на то, что совершенно очевидно испытывает собеседник.

Смысл использования трюизмов в том, что человека одаривают сверхобобщенным утверждением, находящимся в строгом соответствии с действительностью. Как правило, в этих случаях используются фразы, с которыми нельзя не согласиться, и это усыпляет бдительность объекта, т. к. соответствует истине и проходит критический барьер. В последующие фразы уже вставляется идея, призванная натолкнуть подсознание на определенные действия.

Все любят красивые фильмы. Интересный фильм приятно смотреть с хорошим качеством. Рано или поздно Вы тоже можете задуматься о смене своего телевизора.

Во-вторых, иллюзия выбора. Это одна из наиболее часто используемых конструкций. Человеку предлагается «свободный» выбор в отведенных границах, причем так, что его собственный выбор интересует меньше всего. Данная методика часто используется в рекламе:

На уличном плакате изображены две огромных пачки сигарет одного сорта. На одной название написано красным по белому, на другой белым по красному. Внизу лаконичная крупная надпись: «Выбирай».

Производителю совершенно все равно, какую именно из двух видов пачек сигарет выберет потребитель. Важно, чтобы была выбрана именно его продукция.

В-третьих, предположения (пресуппозиции). Это идеи или утверждения, которые приходится принимать как данность, чтобы общение стало осмысленным. Это чрезвычайно действенные, эффективные словесные шаблоны, состоящие из фраз, в которых наличие какого-то предмета, явления или поведения предполагается как само собой разумеющееся, и собеседник невольно соглашается с правильностью допущения. С точки зрения мышления, такие языковые приемы делают предполагаемое чем-то реальным.

В-четвертых, команда, скрытая в вопросе. Несложная «гипнотическая» форма языка, когда вопрос истолковывается как приказ или команда. Это вопросы, ничего не навязывающие, подсознательно склоняющие к каким-то действиям.

Слова типа «знаете», «можете», «понимаете», «догадываетесь», «представляете» – очень эффективные ловушки для сознания.

Понимаете ли Вы, как много будет значить для Вас эта вещь?

В-пятых, использование противоположностей. То, что происходит, связывают с тем, что нужно, чтобы оно происходило, с помощью оборота «чем... - тем...»:

Чем дальше Вы подумаете, тем больше аргументов найдете в пользу приобретения этой вещи.

Фраза вызывает согласие, но связи между первой и второй частями этих предложений почти никакой. Единственная связь – союз «чем/тем». Но, тем не менее, большинство людей попадают на такие фразы.

В-шестых, полный выбор. Если в иллюзии выбора ограничивается число возможных вариантов поведения, то в предоставлении всех выборов перечисляются все варианты. Но есть одна тонкость: несловесно подчеркивается именно тот выбор, который нужен (с помощью интонации, мимики, жестов).

Я не знаю, когда Вы примете решение подписать с нами договор. Возможно, через месяц, возможно, через неделю, но, наверное, Вы сделаете это в ближайшие день-два или даже завтра.

Исследования возможности воздействий в рекламе предполагают решения ряда проблем: научных, технологических, этических и др. Сле-

дует отметить, что, по мнению многих современных исследователей, применение различных форм гипноза в рекламе теоретически возможно. Однако эффективность гипнотических воздействий зависит от огромного числа сложно контролируемых факторов, управление которыми очень часто превышает материальные затраты на обычную рекламу, по сути дела дающую такой же эффект. Все зависит от того, что именно намеревается рекламировать тот или иной рекламодатель и какие средства он для этого применяет. Существенное преимущество эриксоновского гипноза в рекламной практике состоит в том, что в нем практически не отдаются прямых приказов, просто что-то комментируют, о чем-то спрашивают, советуются с партнером по общению. Вместе с тем все применяемые речевые стратегии позволяют получать результат и не получать сознательного сопротивления со стороны потребителя.

Библиографический список:

1. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. — М.: ЧеРо, МГУ, 1997.
2. Лебедев-Любимов А. Психология рекламы. — СПб.: Питер, 2002.
3. Мелихов И.Н. Скрытый гипноз: Практическое пособие // И.Н. Мелихов. — Волгоград, 2002.
4. Спарк М. Начальные навыки эриксоновского гипноза. — Воронеж: НПО МОДЭК, 1995.
5. Хеллер С, Стил Т. Л. Монстры и волшебные палочки. / Пер. с англ. — К.: Тест, 1995.

Прикладные аспекты исследования личностно-профессиональных характеристик на примере психологического портрета современного выпускника вуза

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 07-06-95693 и/М

Мухрыгина А.Н., Седунова А.С.
Ульяновский гос. Университет

В 2007 г. в рамках работы по гранту РГНФ в Ульяновском государственном университете проведено исследование психологических особенностей выпускников, а также сравнительный анализ личностно-профессиональных характеристик выпускников разных специальностей. Актуальность исследования связана, с одной стороны, с интересом молодых специалистов к прогнозу их дальнейшей карьеры, возможности более успешно адаптироваться к профессиональной деятельности с учётом знания своих психологических особенностей. С другой стороны, сравнительный анализ личностно-профессиональных характеристик выпускников проводится нами в течение нескольких лет и позволяет собрать огромную

статистическую информацию о современной молодёжи с учётом специфики учебно-профессиональной деятельности.

Методологические требования к составлению комплексного психологического портрета личности включают подбор соответствующего диагностического инструментария [1,3]. Основной методикой являлся опросник «16 личностных факторов» Р. Кеттелла, который достаточно широко применяется в психологической науке и практике. Вариант опросника, адаптированный в исследованиях института «Иматон», содержит нормативы для российской выборки с учётом возрастных групп и соответствует высоким показателям валидности и надёжности. Для дополнительной стандартизации и последующего анализа данных применялись методы математической статистики с использованием программ Excel и Statistica 6.0.

В данном сообщении мы использовали данные за 2002, 2005-2007 г.г., выборка составила 1037 человек.

Все специальности в целях исследования были нами разделены на две группы. В первую вошли профессии, относящиеся к типу «человек – человек», а именно: «психология», «социальная работа», «лечебное дело», «юриспруденция», «менеджмент» - профессионалы всех этих сфер деятельности имеют возможность или долг оказывать влияние на людей, изменять их. Ко второй группе были отнесены представители всех других типов профессий: «человек – техника», «человек – знак», «человек – природа» и «человек – художественный образ», а именно выпускники факультетов: механико-математического, физико-технического, информационных и телекоммуникационных технологий, экологического, культуры и искусства и др.

В предыдущих исследованиях [2] в результате сравнительного анализа психологических особенностей выпускников 2002 и 2006 г.г. по гранту РФФИ были выявлены следующие особенности выпускника «манипулятивных» профессий (математическая обработка данных проводилась с использованием углового преобразования Фишера): более высокий уровень доминирования, властности и напористости; социальная смелость, предприимчивость и импульсивность; чувствительность, добродушие и интуитивность; собранность, напряженность и повышенная мотивация; эмоциональность и трудности в принятии решения из-за избытка раздумий; а так же более развитая коммуникативная компетентность.

В исследовании психологических особенностей выпускников 2007 г. выборка составила 310 человек, из них 119 выпускников - представители неманипулятивных специальностей (экология, физика, математика, информационные технологии, лингвистика, культурология) и 191 человек - представители манипулятивных специальностей (юридические, педагогические, социальные, медицинские и др.). Наибольший вес по 95 % специальностей (наиболее высокие средние показатели, соответствующие высокой выраженности

качества) получили два фактора: С (средний показатель 8,05 для неманипулятивных профессий и 8,22 для манипулятивных) и Н (средний показатель 7,67 для неманипулятивных профессий и 8,29 для манипулятивных). Эти характеристики позволяют описать данный выпуск как специалистов, обладающих достаточно высокой эмоциональной устойчивостью, способных не растеряться в сложной, стрессовой ситуации, не поддаваться колебаниям настроения; активных, способных проявить лидерские качества, умеющих поддерживать отношения, адаптироваться к новому.

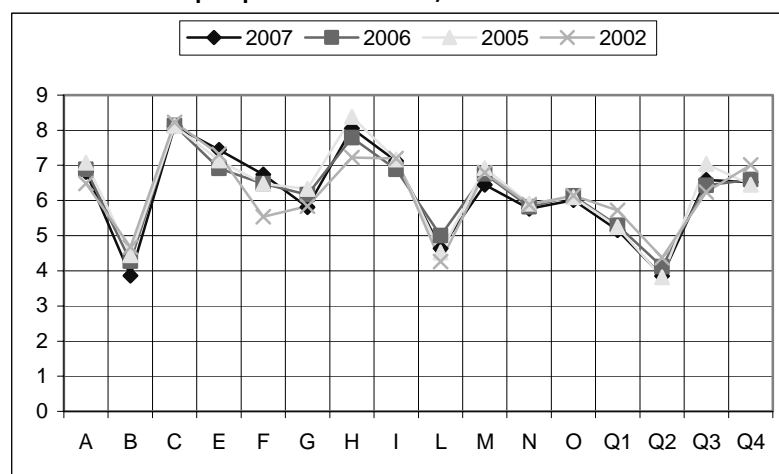
Сравнительный анализ психологических особенностей выделенных подгрупп с помощью критерия значимости Манна-Уитни показал значимые различия на уровне 1 % по факторам А и G, на уровне 5 % по фактору Q3. То есть представители манипулятивных профессий обладают более высоким уровнем общительности ($U=8592,5$; $Z=-3,612$), сильнее выраженной нормативностью поведения ($U=8907,5$; $Z=-3,201$), чаще проявляют способность к выдержке, способны хорошо контролировать свои поступки, реакции ($U=9690,5$; $Z=-2,181$). Полученные результаты соответствуют данным сравнительного анализа характеристик выпускников 2002 и 2006 гг.

Для решения задачи сравнительного анализа личностно-профессиональных характеристик выпускников разных лет мы выделили подгруппы следующим образом: первоначально сравнили подгруппу выпускников неманипулятивных профессий 2007 г. (119 человек) с выпуском 2006 г. (119 человек), 2005 г. (106 человек) и 2002 г. (67 человек).

Результаты выявили высокое сходство показателей в течение пяти лет исследования (диаграмма 1).

Расхождение между средними выборочными не превышает 1 балла. Наибольшие различия средних наблюдаются по факторам: F, H, Q1, Q4.

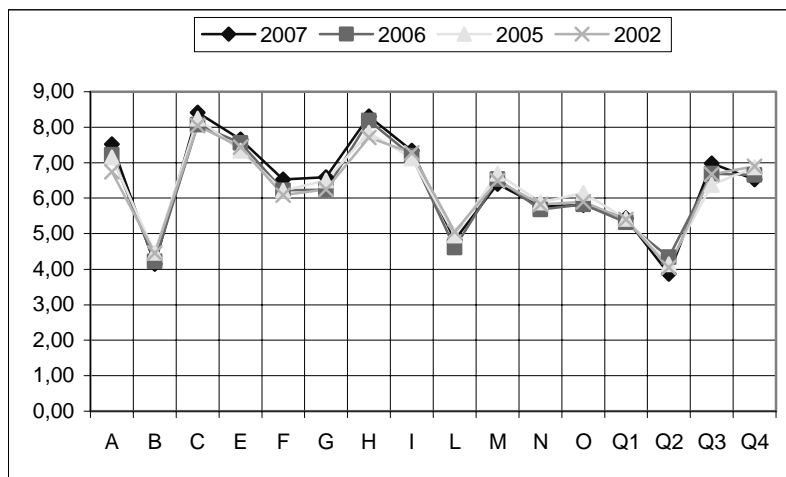
Диаграмма 1. Сравнительный анализ профиля личностно-профессиональных характеристик выпускников – представителей неманипулятивных профессий 2002, 2005-2007 г.г.

Оценка различий с помощью статистических критериев показала, в частности, что выпускники неманипулятивных профессий 2007 г. значимо

отличаются от выпускников 2002 г. на уровне 1 % по показателям интеллекта (фактор В, то есть у выпускников 2002 лучше развито абстрактное мышление, в 2007 г. наблюдается тенденция к среднему уровню: $U=2831,5$; $Z = -3,277$) и фактору F (оптимистичность, беззаботность более свойственна поколению 2007 г.: $U=2784,0$; $Z = 3,411$). Различия на 5 % уровне выявлены по фактору Q1 (радикализм, любовь к переменам более свойственны выпускникам 2002 г. $U=3125,0$; $Z = -2,444$).

Диаграмма 2. Сравнительный анализ профиля личностно-профессиональных характеристик выпускников – представителей манипулятивных профессий 2002, 2005-2007 г.г.

Следующим шагом стал сравнительный анализ психологического профиля подгруппы выпускников – представителей манипулятивных профессий 2007 г. (191 человек) с выпуском 2006 г. (152 человека), 2005 г. (144 человека) и 2002 г. (140 человек), которые представлены на диаграмме 2.

Результаты показали наличие значимых различий, в частности, между выраженностью фактора А (открытость, добросердечность) у выпускников манипулятивных профессий в 2007 г. и в 2002 г. на уровне 1 % ($U=9939,5$; $Z = 3,988$), между выраженностью фактора Н (смелость) на уровне 5 % ($U=11629,5$; $Z = 2,024$).

Низких значений средних показателей не выявлено, в то же время ряд показателей соответствуют высокому и выше среднего уровням. К ним относятся описанные выше факторы А, С, Е, Н, I. Показатели по факторам F, M, Q3, Q4 находятся на границе среднего и выше среднего уровней.

Интересным является сходство представленных профилей обеих подгрупп на уровне средних показателей. Анализируя средние выборочные, отметим, что низких значений не выявлено, в то же время ряд показателей соответствуют высокому и выше среднего уровням. К ним относятся описанные выше факторы С и Н, а также факторы А, Е, I. Показатели по факторам F, M, Q3, Q4, а для манипулятивных профессий дополнительно по фактору G, - находятся на границе среднего и вышесреднего уровней.

Таким образом, профиль выпускника вуза является достаточно стабильным за последние 5 лет, и отражает следующие личностно-профессиональные особенности студентов, молодых специалистов: высокую эмоциональную устойчивость, активность, способность проявить лидерские качества; доброжелательность, стремление устанавливать дружеские контакты; способность проявить настойчивость в достижении целей, восприимчивость и рефлексивность.

Ряд специалистов, в частности, Л.А. Ясюкова в материалах по проблеме диагностики и прогнозирования эффективности персонала, отмечают практическую ценность комплексного исследования личности, отвечающего критериям достоверности, надёжности методического обеспечения, включающем поэтапное отслеживание потенциала молодых специалистов, а также подчёркивают необходимость создания единой критериально-оценочной диагностической базы для сопоставления результатов полученных на различных возрастных и профессиональных выборках. На наш взгляд, исследование личностных и профессионально-личностных характеристик психологического портрета современного выпускника вуза позволяет расширить прикладное применение современных технологий оценки и развития субъекта труда, более эффективно осуществлять психологическое сопровождение молодых специалистов.

Литература:

1. Гнедова С.Б. Коммуникативная компетентность практического психолога на начальном этапе профессиональной деятельности // Гнедова С.Б., Емельяненко А.В. Социально-психологический портрет будущего специалиста. Материалы Всероссийского совещания / Под ред. Ю. В. Полянского и др. – Ульяновск: УлГУ, 2004. – 218 с. – с.53-59.

2. Емельяненко А.В. Особенности психологического профиля выпускников профессий типа «человек – человек» // Емельяненко А.В., Седунова А.С. Современные проблемы прикладной психологии. Матер. Всеросс. н.-практ. конф. Т.1. Ярославль, 2006. – 418 с. – с. 142-146.

3. Емельяненко А.В. Самооценка мотивации власти и профессиональное определение личности // Емельяненко А.В. Дифференциация и интеграция психолого-педагогических знаний в науке, социальной практике и научных исследованиях. Международная науч.-практ.конф. / Под ред. В.А.Сонина. – Смоленск, 2001. – 387 с. – С. 138-142.

Самоорганизация большой контактной группы: теория и практика

С.В.Петрушин

Казанский государственный университет

В существующих классификациях групп в социальной психологии присутствует устойчивое разделение их на малые и большие [1]. Малые группы характеризуются высокой степенью структурности и контактно-

сти, а большие – наличием стихийности, влиянием над-личностных регуляторов. Но сегодня уже существует теоретическая потребность сделать шаги в направлении дальнейшей дифференциации и спецификации различных видов групп.

Теоретический анализ социально-психологической литературы дает возможность предположить, что большая и малая группа – это не разнорядковые явления, а полюса группового континуума. Эти полюса связаны с двойственной природой человека. С одной стороны, он является «природным» существом, а с другой – социальным. Нахождение человека в малой группе активизирует социальную часть, его поведение становится более структурированным (то есть имеет организацию и порядок). В большой группе активизируется «природная», бессознательная часть человека. В таком случае для него характерно стихийное поведение, обусловлено над-личностными регуляторами.

Таким образом, в реальной социальной практике, помимо большой и малой группы, можно обнаружить «промежуточные» группы, в которых возможно наличие двух групповых тенденций – стихийности и структурированности, то есть группы, в которых одновременно присутствуют над-личностные и межличностные регуляторы. Это может проявляться в таких группах, которые по количеству достаточно многочисленны (свыше 40 чел), но характер взаимодействия и общения в них намного более структурирован, чем в стихийной группе.

Это может быть студенческий курс, группа участников конференции, буферная группа, молодежный лагерь и т.д. Также к такой большой группе могут быть отнесены различные большие группы, в которых используются активные методы социально-психологического обучения и другие формы психологической подготовки. В качестве наиболее известных можно выделить следующие: из отечественного опыта - «Коллективная психотерапия» (С.С.Либих), «Арена общения» (А.Б.Добрович), «ОДИ» (организационно-деятельностные игры, И.П.Щедровицкий), психологический декадник (Макаров В.В.); из зарубежного – «ЭСТ» (В.Эрхард), «СТМ» (семинар управления временем), «Тавистокская модель тренировки групповых отношений» (В.Р.Бийон), «Социодрама» (Дж.Морено), «Технология «Открытое пространство», «Большая психодинамическая группа» (П.Демаре).

Большие группы, сочетающие в себе надличностный и межличностный уровень взаимодействия, до сих пор еще не стали объектом полноценного исследования. Нередко присутствует точка зрения, что по мере увеличения группы (более чем 20-30 человек) возникает целый ряд сложностей, препятствующих эффективной групповой работе.

Хотя имманентно некоторые феномены взаимодействия в таких группах были затронуты в исследованиях по вторичной группе и межгрупповым отношениям (Ч. Кули, А.С. Макаренко, А.Л. Свенцицкий, Л.И.

Уманский, А.Н.Лутошкин, А.Л. Журавлев и др.), а также в области межгрупповых отношений, конфликтов и сотрудничества между малыми группами (М.Шериф, В.С. Дж. Тернер, А.Тешфел, В.Дуаз, С.Московиси, В.С.Агеев, Лунев, Ю.А. Сушков).

Для обозначения таких специфических больших групп мы предлагаем использовать термин «большая контактная группа». Этот термин был использован в работе Г.П.Предвечного и Ю.А.Шерковина [11]. Говоря о стихийном групповом поведении, авторы использовали это понятие «большая контактная группа», без дополнительной расшифровки. На наш взгляд, в этом названии удачно отражается специфика изучаемой нами группы – многочисленность участников и наличие продуктивного взаимодействия между ними. Актуальной задачей социальной психологии может быть изучение феномена большой контактной группы.

Особый интерес представляет изучение возможностей самоорганизации такой большой группы. Это может иметь большое практическое приложение: при адаптации и оптимизации межличностных отношений в больших учебных, творческих и производственных групп, при психологической работе с молодежными движениями и объединениями, при «запуске» инновационных форм обучения в большой группе, при создании новых тренинговых и обучающих технологий с участием большого количества участников и т.д.).

Несмотря на такой запрос, в социальной психологии до сих пор существует явная диспропорция в изучении самоорганизации большой и малой группы в пользу последней. До сих пор наиболее цитируемая теория по большой группе относится к позапрошлому веку (например, Г. Ле Бон [5]). В отечественных и зарубежных исследованиях можно обнаружить слабую изученность как самого феномена большой контактной группы, так и особенностей ее самоорганизации.

В поиске методологий, которые соответствовали бы нашему представлению о развитии и самоорганизации такой сложной группы как большая контактная группа, мы обратились к синергетике. Синергетика (в переводе с др. греч. – содействие, соучастие) – теория самоорганизации, сделавшая своим предметом выявление наиболее общих закономерностей спонтанного структурогенеза [10]. Синергетика занимается исследованием процессов самоорганизации и образования, поддержания и распада структур в системах самой различной природы (физических, химических, биологических, социальных, экономических и т.д.). Современные практики исследования сложных саморазвивающихся систем, междисциплинарного моделирования и проектирования уже невозможно представить без методов синергетики. Синергетика все шире используется не только в естествознании, но и в социогуманитарной сфере, в диалоге наук о природе и наук о человеке, применяется в образовании, педагогике, искусстве.

Для того, чтобы определить потенциальную возможность той или иной системы к самоорганизации, она должна обладать определенными специфическими свойствами [2]. Теоретический анализ нашего объекта исследования показывает, что в большой контактной группе подтверждает возможность самоорганизации. Во-первых, присутствие стихийности, хаоса в большой контактной группе говорит о сложности данной системы, о том, что в такой группе возможна диссипация. Такая неустойчивость группы может рассматриваться как одно из условий и предпосылок ее стабильного и динамического развития. Наличие доли хаоса свидетельствует о том, что большая контактная группа способна к самоорганизации. Во-вторых, активизация протопсихики, бессознательного в процессе взаимодействия в такой группе говорит о том, что это открытая система, которую невозможно зарегулировать социальными конвенциями. В-третьих, в данной группе как системе присутствует нелинейность. При изменении внешнего воздействия, ответ группы может быть невероятно разнообразен. Поэтому развитие большой контактной группы может быть рассмотрено вариантом развития диссипативной структуры.

Говоря словами синергетики, сложноорганизованным системам нельзя навязывать пути их развития, можно лишь вникать в них и действовать сообразно, устраняя препятствия с пути к совершенству. Этот подход хорошо ложится в рамки центральной идеи гуманистической психологии о самоактуализации как развитию некой внутренней природы субъекта. Если рассматривать группу как субъект, то возможно тоже говорить о наличии в ней некоего внутреннего потенциала, ее «природы». Раскрытие этого потенциала возможно не через внешнее управление, а именно через самоорганизацию, «самоактуализацию» в том описании, которое существует у А.Маслоу [6].

Существующие социально-психологические подходы по развитию группы направлены в основном на попытки ее структурирование. Поэтому описанные в литературе сложности традиционной психологической работы с большой группой – это не недостатки большой группы, а неудачные попытки искоренить ее стихийную природу.

Уникальность большой контактной группы заключается как раз в том, что в ней присутствует допустимый уровень стихийности, который не мешает, а помогает внутригрупповому взаимодействию. Поэтому одним из возможных путей психологического сопровождения становлению самоорганизации большой контактной группы является не снижение стихийности, а чередование этой стихийно-структурной групповой активности и удержание состояния группы на среднем неустойчивом уровне. Оно заключается не в упорядочивании и не в хаосе (то есть не в уходе в крайности), а в поддержании этого неопределенного состояния. Именно эта неопределенность и неустойчивость может быть фактором ускоренного развития и трансформационных эффектов на уровне личности и само-

организации группы. Мы считаем, что данный механизм является специфическим именно для большой контактной группы, в отличие от малой и большой группы. Именно в ней возможно осуществление переходов из структурированной группы в стихийную и обратно. Такие дают возможность удерживать и увеличивать динамику развития группового субъекта, степень глубины межличностного общения.

Следующим шагом нашей работы было создание методики по развитию субъектности в большой контактной группе. В ее основу легли существующие психотехнологии групповой работы [5,7,12], а также методические принципы работы с большой группой, которые мы ранее выделили. С помощью данной методики возможно за достаточно короткий срок (10-16 часов) существенно изменить групповое состояние – от диффузного к сплоченному групповому субъекту, в котором явно выражены тенденции к самоорганизации. Начальный этап создания методики был связан с искусственными тренинговыми группами. В дальнейшем она была апробирована в работе с реальными контактными группами [9].

Мы смогли выделить и описать определенные этапы становления субъектности большой контактной группы, с опорой на развитие ее самоорганизации. Опираясь на концепцию М.С.Кагана о разновидностях общения [3], мы обозначили эти этапы следующим образом: первый этап – вступление, второй – игровое общение, третий – конфронтация, четвертый – личностное общение. Нижеследующее схематическое описание содержит интерпретацию, которая соединяет в себе описание работы психолога и развития субъектности группы как целостного процесса.

Исходным стартовым состоянием изучаемой нами группы (**первый этап**) мало отличается от стихийных состояний толпы или аудитории. Тут можно зафиксировать все описываемые в психологической литературе признаки: зависимость от ведущего, высокая степень закрытости в общении, снижение рационального начала и повышение эмоционального, пассивность и т.д. Поэтому на данном этапе совместное действие включает механизмы эмоционального заражения и подражания. Для того, чтобы эта тенденция не разрушила группу, организатор следующим шагом может формировать подгруппы по различным основаниям. Переход от стихийного взаимодействия к общению в малых контактных группах создает исходную коммуникативную сеть. В этих малых группах участники происходит первоначальное знакомство. Эти переходы от стихийного к структурированному общению формируют сплочение участников на эмоциональном уровне (по А.В.Петровскому [8]). Так возникает **второй этап** в жизни большой контактной группы, который характеризуется преобладанием игрового общения. Выброс стихийности приводит к взлету эмоциональных состояний, эйфории, повышенной энергетике. В такой большой группе контактность строится на повышенном эмоциональном уровне.

Групповой работы на этом этапе характеризуется установлением позитивной атмосферы в группе.

В результате проявления стихийности в группе выше обычного возникает необходимость удержания этого состояния, чтобы оно не привело к разрушению группы. Дальнейшее развитие большой группы возможно через усиление структурного компонента, меру которого участникам необходимо определить. Это необходимо для продуктивной целенаправленной деятельности в условиях большого количества людей. Происходит дальнейшее общение, в результате которого участники начинают формировать ценностно-ролевую структуру своей группы, усиливать коммуникативные связи друг с другом. На этом **третьем этапе** общение включает в себя дискуссии, обсуждения, сравнение мнений и т.д. Нередко на этом этапе возникают негативные состояния, которые можно рассматривать как проявление внутренней перестройки участников от игрового к продуктивному общению.

Такое состояние группы является следствием происходящей трансформации в развитии группы, результатом которой являлся третий этап. Именно на этом **четвертом** этапе, когда уравнивается стихийность и структурность, в большой группе начинает проявляться феномен самоорганизации. В полном смысле мы можем говорить о возникновении в большой контактной группе субъектных характеристик. Резко начинала возрастать степень самораскрытия участников, снижалась психологическая дистанция, возникала «энергетическая прибавка», уменьшалась центрация на психологе и увеличивался интерес друг к другу.

В данной статье нами был проделан теоретический анализ с использованием синергетической парадигмы о возможностях самоорганизации специфических больших группах, участники которых находятся в более глубоком, чем толпе, общении и взаимодействии («большая контактная группа»). По аналогии с самоактуализацией индивидуального субъекта, было высказано предположение о феномене «самоактуализации» группы, которое возможно через самоорганизацию. Показано, что важным фактором, способствующим самоорганизации большой контактной группы, является наличие стихийности. Исходя из этого, с опорой на стихийно-структурное внутригрупповое взаимодействие, был предложен конкретный путь психологической помощи в самоорганизации групп с большим количеством участников. Были представлены этапы становления этого процесса, выявленные на основе апробации методики развития субъектности большой контактной группы. В дальнейшем планируется дальнейшее изучение специфики самоорганизации больших групп.

Литература

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология. - М.: Изд-во Аспект Пресс, 1996.
2. *Волов В.Т.* Синергетика как базовая методология гуманитариев 21 века/В.Т.Волов, Д.Ф.Китаев. – Самара.: Самарск.науч.центр Рос.акад.наук, 2005.

3. *Каган М.С.* Мир общения: Проблемы межсубъектных отношений. - М.: Политиздат, 1988.
4. *Ле Бон Г.* Психология масс. – Мн.:Харвест, М.: АСТ, 2000.
5. *Лутошкин А.Н.* Эмоциональные потенциалы коллектива. - М.:Педагогика, 1988.
6. *Маслоу А.* Психология бытия. – М.: Релф Бук, 1977.
7. *Петровская Л.А.* Компетентность в общении. Социально-психологический тренинг. - М.: Изд-во МГУ, 1989.
8. *Петровский А.В.* Личность. Деятельность. Коллектив. - М.: Политиздат, 1982.
9. *Петрушин С.В.* Психологический тренинг в многочисленной группе.- М.:Академический проект, 2002.
10. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой: пер. с англ./Общ.ред. и послеслов. В.И.Аршинова, Ю.Л. Климонтовича, В.Ю.Сачкова. Изд. 5-е.М.: Ком Книга, 2005.
11. Социальная психология/ Под. ред. Г.П. Предвечного и Ю.А. Шерковина. - М.: Политиздат, 1975.
12. *Уманский Л.И.* Психология организаторской деятельности школьников: Учеб.пособие для студентов пед.ин-тов.- М.: Просвещение, 1980.

Психология поколение NEXT: специфика управления

Прикуль Т.В.

Гуманитарный университет г. Екатеринбург

«Они молоды и умны. Они могут ходить по офису в домашних туфлях и слушать на рабочем месте MP3-плеер. Они часто совершают покупки в Интернет – магазинах и питаются быстрорастворимой пищей. Они любят свою работу и готовы взять на себя большую ответственность – однако они не желают, чтобы их жизнь состояла только из карьеры»

Так американские эксперты описывают «поколение Y», к которому в настоящее время только в США относится порядка 70 миллионов человек. Сегодня его представители начинают работать в компаниях самого разного профиля. Это поколение, возникшее на стадии перехода из индустриального в информационное общество и еще не достигшее 30-летнего рубежа, во многом коренным образом отличается от предыдущего. В России больше принято называть это поколение - поколением NEXT.

Новое поколение сотрудников приходит на рынок труда в эпоху серьезных демографических изменений, когда большинство западных, да и отечественных компаний сталкиваются с проблемой старения кадров. Теперь 20-летние работают вместе с 60-летними. Зачастую выпускники университетов получают должности, предусматривающие руководство сотрудниками, которые по возрасту могли бы быть их родителями. Все это создает серьезные проблемы для работодателей, стремящихся привлечь и удержать талантливый персонал.

Что же такое это «поколение Y», «поколение NEXT»?

Эксперты еще не пришли к единому мнению по этому вопросу. В широком смысле, этими словами называют людей, родившихся в период с 1977 по 2002 годы. Предыдущее поколение – «поколение X» – появилось на свет в период с 1965 по 1976 годы. Согласно другому, более узкому определению, в «поколение Y» входят те, кому сегодня от **16 до 27 лет**, то есть родившиеся в период с **1978 по 1989 годы**. Таким образом, представители нового поколения уже сейчас составляют крупный сегмент на рынке труда.

Легче всего опознать поколение next по внешним признакам. Им характерна особо яркая, дерзкая цветовая гамма в одежде (металлик, хаки, бордовый, серый и грязно-рыжий). Они не боятся выделяться из толпы, быть не как все. В связи с чем, неизбежны конфликты на почве пресловутого дресс-кода. Лексика - неправильный родной с многочисленными элементами иностранного. Что касается линии поведения представителей этого вида человечества, то здесь выделяются две главные особенности. Первая - они чувствуют себя дома, как в гостях, а в гостях - как дома. То есть везде одинаково комфортно. И вторая - режим дня в их жизни отсутствует как класс, и потому жизнь их гораздо сложнее, насыщеннее, чем всех прочих поколений.

Обозначим основные особенности и отличия этого поколения. Высокие ожидания. Они ставят перед собой более высокие цели и стремятся достигнуть их быстрее, чем представители остальных возрастных категорий. Постоянное обучение. Они стремятся решать задачи, требующие творческого подхода, рассматривая своих коллег как неисчерпаемый источник знаний и опыта, для них является нормой задавать много вопросов. Немедленная ответственность. Они хотят принимать важные решения уже в первый день работы. Ориентация на достижение цели. Они хотят выполнять небольшие задачи в жестких временных рамках, чтобы полностью контролировать процесс их выполнения. Независимость и креативность рассматривается ими как большая ценность.

Эти особенности, в первую очередь, важно знать менеджеру по персоналу, если он хочет видеть этих ярких, энергичных, целеустремленных людей в числе служащих своей организации. Необходимо учитывать интересы нового поколения, пришедшего на рынок труда, чтобы иметь возможность грамотно и своевременно разработать и внедрить соответствующую систему привлечения и мотивации труда.

В отличие от представителей предыдущих поколений, нынешние молодые люди с самого раннего детства росли и обучались в условиях огромного разнообразия профессий и видов деятельности. Многие из них разбираются в самых разных темах и добиваются высочайших показателей в работе. И самое главное, **они знают себе цену**, не размениваются по мелочам.

Представители «поколения Y» не стремятся задерживаться на одной работе – и даже в одной сфере деятельности – надолго. Относятся к такому понятию, как преданность работодателю, скептически. Им не нравится работать над долгосрочными проектами. Это поколение **«многозадачников»**, способных одновременно отвечать на электронные письма, разговаривать по мобильному телефону и заниматься поиском нужной информации в Интернете. Они уверены, что их знаний и навыков достаточно для того, чтобы изменить организацию, в которой они работают. В этом они похожи на представителей предыдущего поколения, известного независимым мышлением и стремлением к переменам. Представители «поколения Y» приходят в компанию с высокими требованиями как к себе, так и к коллегам и руководителям, соответственно, внося существенные изменения в сложившийся внутренний уклад.

Безусловно, при таких разных позициях и взглядах, неизбежными будут конфликты. Они могут разгореться по самым разнообразным причинам, в том числе и вокруг стиля управления. В то время как предыдущее поколение привыкло к ежегодным процедурам оценки эффективности труда, сотрудники «нового образца» требуют постоянной обратной связи от руководителей. В тоже время они могут спорить со своими старшими коллегами, ставя под сомнение знания последних. Поэтому работодателям приходится искать новые способы подбора и удержания персонала, поддержания командного духа и здоровой атмосферы в коллективе, вводить для новых сотрудников гибкий график работы и другие схемы взаимодействия, в которых раньше не было необходимости.

В заключении отметим, что каждое новое поколение по-своему уникально. Бессмысленно пытаться подстроить его под старые уклады и принципы. Это все равно, что гладить кошку против шерсти. Необходимо осознать простой факт, что каждое следующее поколение привносит что-то неординарное, актуальное, острее и четче видит многие проблемы современности. Они и есть эта самая современность, они дети своего времени.

Группы личностного роста для студентов как инструмент развития самопонимания и личной ответственности за процесс и результат обучения в вузе

Петанова Е.И.
Санкт-Петербургский гос. университет

Цель занятий группы личностного роста для студентов - актуализировать мотивацию самопознания и саморегулирования.

Перед проведением групповых практических занятий преподаватель сообщает студентам о психологической трактовке понятий, которыми те

будут пользоваться в процессе самоанализа. Целесообразно уделить внимание специфике трактовки содержания понятия «самосознание» в зависимости от концептуальных позиций авторов этих трактовок. Далее следует провести анализ сути терминов, отражающих разнообразие проявлений феноменологии самосознания: представления о себе – «Я-образ», самооценка, самоотношение, саморегулирование и т.д. Необходимо стремиться к тому, чтобы у студентов активизировались готовности к вербализации своего понимания и своих определений этих смысловых категорий, отражающих процесс и результат рефлексии и осмысления своего опыта. Атмосфера партнерства и эмоционально-когнитивного консонанса, характерная для ситуации группового общения по типу «мозгового штурма», способствует развитию творческой свободы самопроявления. В групповой дискуссии происходит обучение процессу анализа, т.е. групповой процесс развивает возможности личности к самоанализу. Лексическое разнообразие интерпретаций, возникающее при групповом обсуждении феноменологии процесса и результата самосознания, будет способствовать развитию готовности участников группы личностного роста в процессе рефлексии учитывать свои различные аспекты самоосознания.

Целесообразно проанализировать в группе то, как формируется ситуационное самоосознание и как оно влияет на состояние, деятельность и взаимоотношения человека.

«Мишенями» самоисследования могут быть такие функциональные элементы самосознания как образ самого себя (Я-образ) и самооценка, самопознание и самоотношение, самопонимание и саморегуляция.

Участникам группы сообщается о методах, которыми обеспечивается бытийное и научное самопознание, и которые они будут использовать как инструменты самонаблюдения и самоанализа.

Преподаватель информирует студентов о закономерностях развития самосознания, особенно в возрасте юности и ранней взрослости, (в котором находится большинство из студентов). Останавливает внимание на тех особенностях развития самосознания, которые оказывают как позитивное, так и негативное влияние на оценку эффективности и удовлетворенность человека своей жизнедеятельности.

Далее необходимо обсудить в группе организационные правила процесса самоанализа. Уточняются принципы и нормы функционирования группы личностного роста. Формулируется устав рабочей группы, смыслом которого является принятие групповой и личной ответственности каждого за эффективность процесса личностного роста и самореализацию.

В качестве инструмента первичного самоанализа могут быть использованы психологические вопросники. Искренность в ответах на вопросы и тщательность самоанализа говорят о готовности личности психологически самосовершенствоваться.

Выполнение психологического тестирования является процессом добровольным и каждый волен от него отказаться. (Об этом руководитель должен сообщить группе). Однако, психологические вопросники для изучения Я-образа, самооценки, самоотношения и т.д. при тщательном их выполнении, обдумывании ответов и достаточной честности, могут помочь в самопознании: в уточнении собственного мнения по исследуемым вопросам. Точные формулировки вопросов позволяют создать четкость и последовательность процесса самоанализа, организуют процесс самопознания и саморазвития. Изначально необходимо сформировать отношение к проведению психологических заданий как к инструментам, позволяющим достичь конкретности в самоанализе. Этот инструментарий нужен тем, кто намерен оценить себя честно и максимально объективно и определить те свои характеристики, которые следовало бы усовершенствовать. Выполнение вопросников и анкет является частью настроя, установки на личностный рост. Поэтому целесообразно проводить такой опрос на каждом занятии и сравнивать ответы. Также будет полезно для участников процесса личностного роста узнать мнение значимых для них людей о тех изменениях, которые эти люди могли заметить. (Для этого целесообразно иметь набор специальных вопросов, на которые эти люди могли бы ответить). Также рекомендуется регулярно проводить сравнение «самооценок» и «оценок наблюдателей» и обсуждать эти результаты.

Это исследование можно проводить в группе, где после индивидуальной работы, все сравнивают свои ответы с ответами других, и обсуждают результаты. Групповой процесс, ориентированный на атмосферу сотрудничества, способствует снижению формализма в самоанализе, развивает готовность быть искренним в самоанализе.

Для психолога, руководящего процессом личностного роста, очень важно донести до сознания студентов то, что они могут позитивно влиять на свою жизнь, могут противостоять негативным обстоятельствам. То, что у каждого есть выбор, но правильный выбор можно сделать, познав себя. Основная цель работы группы личностного роста - это способствовать развитию у студентов активной личностной позиции, ответственности в отношении формирования своего индивидуального и профессионального «Я», способности не только фиксировать и их констатировать особенности своей личности, но и, при необходимости, изменять их.

На этом пути необходимо будет преодолеть **«страх перед кризисами»**, связанными с осознанием значительного пространства между актуальными «Я»-характеристиками и теми, что соответствуют «идеальному-Я». Достаточно часто приходится иметь дело со **страхом изменений «Я»**, вызванных, прежде всего, с не готовностью принять ответственность за недостаточную «успешность» своей актуальной самореализации.

Целью проведения групповых занятий по данной теме является осознание своих жизненных приоритетов и поведенческих стратегий их

достижения. Необходимо провести ревизию жизненных ценностей и позиций. Задача наставника включить в сознание студентов понимание того, что "кризис" имеет не только значение "опасности", но содержит в себе потенциал "возможностей".

Возможно, что обсуждение данной темы будет активировано проведением короткого опроса в группе по теме осознания того, в чем состоит опасность «реконструкции» некоторых качеств своей личности. Насколько участники процесса готовы рискнуть тем, что имеют сейчас.

При обсуждении необходимо констатировать, что сомнения не всегда отражают страх. Посредством сомнений люди достигают большей реалистичности и контролируют свою жизнь, опираясь на свои знания и опыт. Первоначально необходимо уточнить, в какой степени личность беспокоит результат возможных изменений.

Другой аспект, который необходимо обсудить, это то, что часто близкие люди совсем не приветствуют ваши стремления измениться, потому что они привыкли к тому, что в вас хорошо знают и не хотят сюрпризов. Они (по разным причинам) не чувствуют той необходимости личностного роста, которую чувствуете вы.

Готовность к изменениям начинается с того, что на фоне общей позитивной самооценки, есть готовность признать свои частные несовершенства и стремление преобразовать их.

Задача каждого человека - постоянно оценивать и проверять на реалистичность в конкретных условиях свою позицию, отношения и убеждения и соблюдать баланс между внешними интересами и личными стремлениями.

Следующим этапом самоанализа мог бы быть анализ "путей" личностного развития. Цель обсуждения в группе могла бы состоять в осознание того, что важно определиться не только в целях развития себя, но и каким способом эти цели будут реализованы. В чем состоит потенциал развития. Как следует работать над собой. А также, важно будет создать комплексный прогноз: «Что будет, если я решу измениться, и как это повлияет на окружающих меня людей?». Необходимо уточнить степень понимания студентами необходимости для них специальной психологической работы с собой, уровень конкретности их задачи (т.е. четкости прогнозируемого образа-Я), соответствия средств достижения целям. Здесь темами обсуждения могли бы быть такие как: «Каковы мои конкретные задачи самосовершенствования и в чем проявится результат этой работы?»

«Каким временем я располагаю для решения своей задачи?».

Необходимо предоставить студентам общую информацию о процессе антиципации, моделирование Я-образа, в котором реализуются желательные свойства личности. В группе отрабатываются индивидуальные техники апробации психологических моделей на практике.

Практически значимо в группе личностного роста проработать тему ответственности за обучение в вузе.

Прежде, чем продолжать со студентами процесс самоанализа уровня их ответственности за обучение, необходимо уточнить, что понимается в психологии под внешней и внутренней мотивацией к обучению и сообщить студентам, как зависит успешность обучения от внешней и внутренней мотиваций.

Принятие ответственности за формирование профессионального «Я» предполагает высокую степень самостоятельной активности, творческой инициативы в обучении и профессиональном становлении. Актуализация степени сформированности профессионального Я-образа может быть достигнута в процессе групповой дискуссии. Рекомендуется провести обсуждение по вопросам:

1. В чем проявляется ответственность студента за профессиональное образование?

2. Какие аспекты профессионального обучения вы считаете важными, а какие не очень?

3. Насколько вам удастся проверить ваши знания в практической деятельности?

4. Применяете ли вы свои профессиональные знания в соответствии со своими потребностями и ожиданиями значимых для вас людей?

5. Чем отличаются пассивная и активная стратегии профессионального обучения? Оцените свой опыт и решите, какой стратегией вы пользуетесь?

6. Чего вы хотите от обучения в вашем учебном заведении или от обучения в целом?

Практическим результатом дискуссии могло бы быть осознание того, как связано профессиональное обучение с индивидуальными ценностями.

Не менее важно осознание опыта, приобретенного в процессе обучения в вузе. В связи с этим можно предложить группе для дискуссии следующие темы:

1. Как вы оцениваете ваш опыт начала обучения в вузе?

2. Какой еще опыт обучения вы имели?

3. Определите степень вашей любознательности и трудолюбия в процессе обучения?

4. Оцените степень вашей удовлетворенности теми профессиональными знаниями и навыками, которые вы приобрели в вузе?

5. Насколько ваше обучение на первом и следующих курсах было содержательным?

6. Как с вашей точки зрения, ваше обучение в вузе повлияло на вашу жизнь и вашу личность?

7. Что важного (положительного и отрицательного) вы узнали о себе в результате обучения в вузе?

8. Если вам не нравится то, каким студентом вы были до этого момента, что бы вы могли предпринять в этом направлении?

Что бы вы хотели изменить?

9. Что вы узнали о себе как студенте?

Итогом этого этапа работы могло бы быть составление индивидуального контракта о принятии ответственности за обучение.

В начале каждого нового семестра необходимо провести анализ успехов и неудач предыдущего обучения. Необходимо четко представлять какой объем учебного материала необходимо освоить по всем курсам, из чего будет состоять самостоятельная работа. При принятии ответственности за свое обучение, необходимо составить график самостоятельной работы и неукоснительно его соблюдать. Помощь преподавателя может состоять в консультациях по стилям и способам организации самостоятельной работы.

Студенты, принимающие ответственность за свое обучение, имеют достаточно причин, чтобы быть успешными. Студенты, которые не могут осознавать свою роль в процессе обучения, винят других людей в своих неудачах.

**Развитие навыков совладающего поведения (копинга)
как условие формирования акмеологической детерминации
личности студентов-первокурсников
(на примере дисциплины «Латинский язык»)**

Пронькина С.В.

Ивановский государственный университет

Акмеология – сравнительно новая область научного знания, которая изучает закономерности достижения личностью акме (вершин жизни и развития) и возможности направленного формирования акмеологических черт. В течение последних 15-20 лет, в связи с растущей потребностью общества в профессионалах высокого класса, акмеология исследовала закономерности высших достижений именно в профессиональной сфере. Практические результаты, которых удалось достичь в этой области, позволяют говорить о стабильности развития этого научного направления и открывают перспективу внедрения акметехнологий в систему образования. Актуальное состояние акмеологии, как отмечает А.А. Деркач, характеризуется её реальным взаимодействием с фундаментальными психологическими науками и прикладными областями психологического знания. Особое место в системе взаимодействия наук современного человекознания занимает связь акмеологии с конфликтологией, поскольку процессы становления творчества в профессиональной сфере всегда сопряжены с преодолением не только объективных противоречий профессиональной

деятельности, но также возникающих в ходе её субъективных внутри- и межличностных конфликтов. Также важен и такой аспект, как связь акмеологии с практической психологией, которая накопила большой арсенал воздействия на человека, переживающего кризисные состояния, с целью развития в нем адаптационных способностей к неблагоприятным воздействиям социальной среды. Акмеология взяла на вооружение такие методики, как тренинги, рефлепрактики, организационно-деятельностные игры и др., с целью содействия личности, которая постоянно вынуждена разрешать противоречие между внешней социальной детерминацией и внутренними потребностями, желаниями, способностями, особенностями.

Одним из ключевых понятий в акмеологии является понятие самоактуализации, разработанное А. Маслоу в мотивационной концепции личностного развития. Человеку внутренне присуща потребность в самоактуализации, которая у А. Маслоу представлена как непрерывное стремление к единству, интеграции или синергии личности через непрерывную актуализацию своих потенций, способностей и талантов. Самоактуализацию как процесс А. Маслоу связывает с мотивацией развития, которое представляет собой движение по иерархической лестнице личностных потребностей (биологической, безопасности, в контактах и любви, в признании, уважении, самоуважении и самоутверждении), когда доминирующей становится потребность все более высокого уровня. Поскольку реализации высшей, духовной потребности – самоактуализации – предшествует удовлетворение социально детерминированных потребностей – в признании, уважении, потребности самореализации, то очевидно, что для овладения этими ценностями человеку необходимо утвердить себя как способного к достижению наилучших результатов в социально одобряемой деятельности (в частности, профессиональной), что, несомненно, связано с проблемами конкуренции и превосходства, для решения которых необходим творческий, продуктивный подход. Результатом совладания с трудностями, суть которых в необходимости преодолеть (сократить) разрыв между реальными возможностями человека и идеальным ожидаемым результатом, которого требует от него проблемная ситуация, является совершенствование. Если ситуация, требующая изменений, угрожает целостности личности, позитивному образу "Я", здоровью и благополучию человека, она может сопровождаться стрессом. В этом случае включаются механизмы совладающего поведения (копинга), направленного на преодоление неблагоприятных для человека последствий стресса. При условии преобладания в совладающем поведении конструктивных стилей, направленных на преобразование ситуации, человек выходит из неё победителем. Положительный опыт преодоления сложной ситуации и уникальность этого опыта позволяют говорить о том, что человек творчески преобразует не только свое жизненное пространство, но и себя в нем. Таким образом, можно утверждать, что копинг, нацеленный на решение

проблемы, является неотъемлемым свойством акмеологически развивающейся личности, т.к. механизм копинга заключается в отыскании способов её функционирования в качестве субъекта, который создает, воспринимает и преобразует окружающий мир.

Хотя, по А.Адлеру, человек является системой целеустремленной, т.е. он направлен с целью самоутверждения расходует данные от природы силы, однако эта потребность далеко не всегда удовлетворяется в полной мере. Этому препятствует чувство неполноценности, которое может развиваться вследствие долговременного ощущения человеком своей неспособности справляться с жизненными трудностями. И, напротив, потребность в самоактуализации развивается вследствие переживания положительного опыта преодоления препятствий и на основе желания повторения такого опыта. Более того: чувство удовольствия, сопровождающее преодоление трудностей, которое превращается в чувство собственной силы и присваивается личностью как особая ценность, дает возможность направленного формирования потребности самореализации на все более высоком уровне, т.е. развития в личности акмеологических черт.

Задачу формирования в качестве доминирующего мотива личности потребности самосовершенствования и постоянного развития самосознания можно и нужно решать образовательными средствами. Задача формирования акмеологической детерминации личности будущего специалиста может быть решена при актуальном подходе к вопросу образования, основанном на принципе, который сформулировал Д.Н. Узнадзе: "Основное в учении не конкретный навык или знание, а развитие сил, участвующих в процессе учения" [цит. по 3, с. 18]. Современное общество в условиях глобализации международных процессов, непрерывно растущего информационного потока и стремительного развития компьютерных технологий испытывает необходимость в профессионалах, способных не только использовать полученные знания, но эффективно самосовершенствоваться в послеобразовательный период, дабы соответствовать постоянно изменяющимся профессиональным и социальным условиям.

В сложной жизненной ситуации оказываются студенты-первокурсники высших учебных заведений. Процесс адаптации вчерашних школьников к новой образовательной среде включает несколько моментов, которые сопровождаются психологическим напряжением. Это одиночные значимые события (вступительные экзамены, которым предшествуют выпускные) и повседневные трудности: информационная перегрузка и дефицит времени. Ежедневные трудности, по мнению Р. Лазаруса, могут иметь более серьезные последствия, нежели одиночное значимое событие. Порождая продолжительное и сильное напряжение, «они нарушают деятельность оценочной системы субъекта, рассеивают совладающие усилия человека, что и является причиной неэффективности совладающих стратегий ...а также их неадекватность» [цит. по 2, с. 20].

Несовладание человека с ситуацией в течение длительного времени ведет к его дезадаптации: нарушение внутреннего плана деятельности влечет личностные проблемы и изменения в состоянии здоровья. В ситуации вживания в новую образовательную среду эти факторы могут осложнить и замедлить и сам процесс адаптации студентов-первокурсников, и отразиться на результатах учебы. От успешности протекания адаптационного процесса на первых этапах обучения в вузе зависит и собственно само сохранение статуса студента, и качество подготовки специалиста-профессионала.

Возможно ли методы воздействия, которые используются в психологической практике, применять в психолого-акмеологических технологиях для сопровождения образовательного процесса с целью его оптимизации?

Возраст 18-25 лет является переходным периодом между юношеским возрастом и ранней зрелостью. Это возраст, когда осуществляется сложный процесс реального самоопределения путем переориентации на ценности саморазвития, когда происходит формирование Я-концепции, «важнейшая функция которой – обеспечение внутренней гармонии и устойчивой адаптации поведения субъекта в социокультурной среде» [1, с. 185]. Созревание личности происходит через решение возрастных задач, среди которых: принятие ответственности за собственное развитие на себя; увязывание юношеской мечты с реальностью взрослой жизни; формирование предварительного основания для жизни во взрослом мире (профессиональное самоопределение, получение высшего образования); поиск значимого взрослого, который выполняет двойную функцию: помогает совместно выстроить первые шаги в профессиональном становлении и способствует процессу психологического отделения от родителей.

В этот период особенно активизируется процесс выработки и выбора копинговых стратегий, направленных на преодоление фрустрирующих факторов на пути решения задач саморазвития, и успешное решение возрастных задач является показателем эффективности выработанной копинг-стратегии.

Учитывая указанные психологические особенности возраста и специфику самого процесса вхождения в новую образовательную среду, который чреват стрессовыми ситуациями (а значит, и возможностями позитивного выхода из них), мы можем предположить, что эти условия являются благоприятными для направленного формирования у студентов-первокурсников продуктивных стилей копинг-поведения.

Наследием раннеюношеского периода развития является слабо развитый когнитивный компонент копинга (отношение к трудности как к проблеме, а не как к опасности). Это – пережиток субъектно-объектных отношений (родители – дети, учителя – ученики) и отражение незавершенного, в силу возрастных особенностей, процесса формирования чув-

ства ответственности. Развитию когнитивного компонента копинга способствует создание в учебной аудитории особой психолого-педагогической среды, которая подразумевает процесс обучения как обоюдный (со стороны преподавателя и со стороны студентов) творческий процесс: преподаватель, учитывая особенности своей дисциплины и аудитории, ищет, находит и внедряет в практику средства, методы и способы активизации у студентов познавательной деятельности эвристического характера. Ожидаемый результат внедрения инновационных, развивающих технологий - создание студентами субъективно нового продукта, своеобразное «изобретение колеса». Когнитивный поиск и продуктивные эмоции, которые сопровождают «открытие», - вот что побуждает к творчеству студенческую аудиторию. В сотворческом процессе взаимодействия преподавателя и студентов, объединенных партнерскими отношениями, происходит не просто усвоение обобщенного социального опыта, а превращение его во внутреннюю позицию. Таким образом, развитие когнитивного компонента копинга, способствует формированию креативных и субъектных черт личности, т.е. психологических новообразований, которые обеспечивают студенту творческую готовность к самостоятельной продуктивной учебной, а в последствии – профессиональной деятельности.

Наш первичный психолого-педагогический опыт дает основание утверждать, что в университетах на факультетах филологических специальностей средством образовательного воздействия на формирование личности студента может стать дисциплина «Латинский язык». Этот абсолютно новый для студентов предмет с пугающим эпитетом «мертвый язык», который начинают изучать с первых дней обучения в вузе, является для многих из них дополнительным и весьма сильным стрессующим фактором, и именно поэтому открывает поле деятельности для целенаправленного формирования у них механизмов копинга. Кроме того, эта дисциплина, формируя корневые, базовые понятия, способствует усвоению студентами-филологами универсальных принципов, необходимых для работы с языковым материалом как на теоретическом, так и на практическом уровнях. Имея связи с 9 языковыми теоретическими и практическими дисциплинами, которые изучаются на филологических факультетах на протяжении 5 лет, латынь хронологически возглавляет их список.

Особое место этого предмета в ряду практических и теоретических языковых дисциплин, а также место и значение латыни в системе индоевропейских языков дают преподавателю возможность, путем формирования у студентов профессионального подхода к изучению языковых явлений, помочь им: 1) справиться с трудностями в изучении самого предмета; 2) осознать практическое значение изучения латыни как языка корневого, базового, для овладения современными европейскими языками; 3) подготовить базу для освоения других специальных дисциплин и

для научной деятельности. В результате преодоления студентами трудностей малой интенсивности с фиксированием на положительных результатах у них формируется субъективное ощущение ресурсной обеспеченности для освоения новой области знания. Тем самым достигается переформулирование первичной протестной реакции против стрессорирующих факторов новой учебной ситуации (тревога, неуверенность, нежелание взаимодействовать) в противоположную. Схема активно сформированного совладающего поведения сохраняется во внутреннем психологическом плане и, будучи дополненной определенными профессиональными приемами и навыками, воспроизводится в процессе последующего изучения смежных лингвистических дисциплин.

Предмет «Латинский язык» занимает промежуточное положение между теоретическими и практическими языковыми дисциплинами, т.к. имеет целью не только обучение языку, но и сообщение теоретических знаний о языке. Это дает возможность использовать на занятиях: диалоговые технологии, направленные на установление связей между явлениями разных языков и способствующие формированию у студентов-филологов навыков системного мышления; методы проблемного обучения; элементы рефлексии учебной деятельности. Их внедрение в учебный процесс способствует развитию у студентов субъектных черт личности, формированию продуктивных стилей копинг-поведения и задает вектор движения в направлении профессионализма. Эти факторы, влияя на преодоление разрыва между «Я» реальным и «Я» идеальным, превращают учебную ситуацию в ситуацию самоактуализации личности студента в данный текущий момент времени и являются базисными для освоения различных сфер жизненного пространства в качестве субъекта жизненного пути.

В условиях отсутствия в учебных программах вузов специальных акмеологических дисциплин психолого-акмеологическое сопровождение студентов-первокурсников может осуществляться, по совокупности вышеназванных признаков (новизна, связь с другими дисциплинами данной специальности и первичность по отношению к ним), средствами учебных дисциплин любой специальности.

Список использованной литературы.

1. Акмеология: учебник. Изд.2-е, перераб. / Под общ. Ред. А.А. Деркача. М.: Изд-во РАГС, 2006. – 424 с. ISBN 5-7729-0202-4.
2. Белан Е.А. Психология совладающего поведения. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2004. – 82 с. ISBN 5-8209-0351-Х.
3. Понукалин А.А. Психология, педагогика, акмеология высшего образования: Учеб. пособие для преподавателей вузов/ А.А. Понукалин; Саратов. гос. техн. ун-т. -Саратов: Саратов. гос. техн. ун-т, 2002. – 32 с.

Психологические аспекты нравственного воспитания молодежи в среднем профессиональном учебном заведении

Резяпова Р. А.
ГОУ СПО Стерлитамакский медицинский колледж

*Человек, как плодоносное дерево,
не может подняться без предварительной
прививки черешков мудрости,
нравственности и благочестия.*

Я.А. Каменский.

Опыт воспитательной работы в медицинском колледже, а также опыт работы в практическом здравоохранении привели к необходимости создания программы психологического сопровождения, как обязательного условия становления специалиста и его последующего профессионального совершенствования.

По мнению Э.Ф. Зеера, результатом профессионального развития должно быть формирование трех основных компонентов личности:

1. Профессиональная направленность, включающая специфическую систему социальных мотивов, осознание значимости профессиональной деятельности и интерес к ней, а также систему профессиональных норм и ценностей.
2. Профессиональная компетентность, включающая профессиональные знания, умения и навыки.
3. Профессионально важные качества.

С учетом специфики деятельности медицинского работника к профессионально важным качествам можно отнести: доброжелательность, коммуникабельность, толерантность к другому человеку, другим народам, способность к эмпатии, гуманность, уважительное отношение к старшим и младшим, понимание высшей ценности человеческой жизни.

Задача педагога-психолога заключается в том, чтобы содействовать формированию у студентов этих трех компонентов: профессиональной направленности, профессиональной компетентности, профессионально важных качеств, т. е. способствовать стать интеллигентным человеком, ибо интеллигент сочетает в себе прекрасное образование и воспитание с активной нравственной позицией. [1]

Положительным примером в становлении духовно-нравственной культуры студенческой молодежи является психологическое сопровождение учебно-воспитательной работы в ГОУ СПО Стерлитамакском медицинском колледже.

Психологическое сопровождение включает различные формы работы, от массовых - до индивидуальных, от постоянных - до одноактных, предполагает индивидуальные и дифференцированные методы нравст-

венно-эстетического воспитания и учитывает те особенности, которые предъявляются процессу подготовки будущего специалиста в условиях демократизации современного общества.

Такие организационные формы нравственного воспитания как деловые игры, этические и эстетические лекции, беседы и диспуты, конференции, практикумы, дискуссии, "круглые столы", КВНы, олимпиады, разнообразные формы аудиторной и внеаудиторной работы, совместная миротворческая деятельность студентов и педагогов показывают, что названные формы организации воспитания у студентов нравственной культуры эффективны тогда, когда они ориентированы на расшифровку понятий "этика", "мораль", "нравственность", "этикет", "нравственная надежность личности", "моральная культура", "эмпатия, "милосердие и гуманность" [2].

Для успешной реализации поставленных задач в формировании у студентов нравственной воспитанности как основы формирования профессионально важных качеств была разработана программа психологического сопровождения под названием «**Путь к успеху**».

Данная программа определяет основные цели и задачи, принципы, ожидаемые результаты и включает основные направления деятельности службы психологической помощи.

Задачи психологического сопровождения:

- создание условий для расширения и обогащения нравственных представлений студентов, укрепления нравственно-мотивационной сферы деятельности;
- закрепление и развитие положительных тенденций в поведении;
- предоставление условий для самостоятельно-творческой деятельности, формирования убеждений и нравственных качеств с опорой на национально-культурные истоки.

Результаты реализации Программы:

Разностороннее развитие личности будущего специалиста со средним профессиональным образованием, проявляющего высокую профессиональную компетентность, обладающего высоконравственной культурой со следующими качествами: гуманность, милосердие, чуткость, а также интеллигентность, социальная активность, качества гражданина-патриота.

Основным компонентом реализации программы психологического сопровождения являются **психологический тренинг развития нравственной воспитанности студентов и спецкурс «Нравология» [3].**

Основные цели и задачи психологического тренинга и спецкурса «Нравология»:

- введение студентов в мир новых представлений о том, что такое нравственность и чем она характеризуется, какое значение имеет в жизни человека и какую пользу приносит, какую роль играет нравственность в саморазвитии и формировании лучших человеческих качеств, которые обязательно должны присутствовать в личности медицинского работника;
- расширение кругозора студентов, углубление знаний, так как в период обучения, когда закладываются основы овладения профессией, важно научить будущих специалистов технологиям самоорганизации, этическим нормам и правилам поведения, определяемыми нравственными качествами;
- способствование овладению не только теоретическими знаниями о нравственности, но и одновременно вооружение студентов приемами и способами нравственной саморегуляции, самоуправления и саморазвития и их подготовка к духовно-нравственной самостоятельной жизни как теоретически, так и практически [4].

Для реализации этих целей в программу тренинга включены жизненно необходимые знания из самых различных сторон современной духовности, в том числе и с учетом национальных особенностей и будущей профессии.

Данная программа была реализована среди студентов I-II курсов Стерлитамакского медицинского колледжа. Проведен сравнительный анализ нравственной воспитанности студентов, который является результатом воспитания и служит критерием эффективности проводимых меро-

приятий. В исследовании приняли участие студенты групп 153 «С» и 154 «С» в количестве 70 человек.

По данному исследованию сделаны выводы:

- социальная активность намного выше в экспериментальной группе, чем в контрольной.

- показатели нравственной воспитанности у студентов **153 «С» намного лучше: число студентов в группе 153 «С», имеющих высокий уровень нравственных знаний, поведений, чувств, мотивов больше, чем у студентов в группе 154 «С».**

По личным наблюдениям и наблюдениям классных руководителей и преподавателей можно подчеркнуть, что студенты с высоким уровнем нравственной воспитанности отличаются высокой активностью в учебе (так в группе 153 «С» 6 -отличников, 23 -студентов, которые учатся на «4» и «5», а в группе 154 «С» всего 3 отличников,- 14-«хорошистов»), труде, заинтересованностью в устранении недостатков группы. Эти студенты более открыты, доброжелательны, чутко реагируют на проблемы окружающих людей. А студенты с низким уровнем воспитанности, отличаются пассивностью, безразличием, негативным отношением к труду.

Результаты проведенного исследования выявили новый этап нерешенных вопросов, что связано с необходимостью, целесообразностью дальнейшего исследования закономерностей, принципов, механизмов, условий совершенствования системы нравственного воспитания студентов колледжа на различных этапах обучения.

На основании полученных данных была подтверждена эффективность программы психологического сопровождения нравственного воспитания студентов.

Программа «Путь к успеху» и курс «Нравология» могут быть использованы в практической деятельности ссузов, школ, гимназий по нравственному воспитанию личности.

И в заключение: нравственное воспитание-это целенаправленное воздействие на молодое поколение с целью формирования у них устойчивых положительных нравственных чувств (совести, чести, долга, ответственности и.т.д.) и нравственных качеств (честности, правдивости, доброты, надежности). Научить подчинять свои поступки и действия высшим целям общества и вооружить практическими навыками и привычками нравственного поведения в повседневной жизни.

В формировании нравственной личности мы выделяем основные пути:

1. Воспитание через специально разработанные учебные материалы (в данном случае программа психологического тренинга и спецкурса «Нравология»).
2. Воспитание влиянием нравственности преподавателя на студентов.

Только нравственная личность учителя может воспитывать нравственность учащихся.[5]

Литература:

1. М.Н. Аплетаяев «Система воспитания личности в процессе обучения» Омск: 1998 г.
2. Н.В. Архангельский «Нравственное воспитание» М.: 1979 г.
3. Р.А.Резяпова «Программа курса «Нравология»» Уфа: РУНМЦ, 2005г.
4. А.З. Рахимов «Словарь-справочник по нравологии» Уфа: 2000 г.
5. А.З. Рахимов «Уроки нравственности» Уфа: 1999 г.

Группа как инструмент формирования ПВК менеджеров по туризму

Столярчук Е.А.
СПбГУ факультет психологии

Быстрое развитие туризма, второе место после нефтедобычи, и массовый характер профессии менеджеров по туризму делают одной из важных задач - создание в этой области системы, обеспечивающей высокие профессиональные знания и умения, что требует повышенное внимание к квалификационным требованиям менеджеров и разработку соответствующих научно обоснованных рекомендаций.

Анализ российского и международного опыта подготовки менеджеров по туризму свидетельствует о необходимости определенной стратегии, которая должна отличать систему профессионального образования и предусматривать усиление мотивации к будущей профессиональной деятельности, а также стимулирование развития творческого потенциала, интеллектуальных, эмоциональных, волевых и духовных качеств. Все это крайне важно в условиях рыночной конкуренции.

Опрос руководителей туристских фирм Санкт-Петербурга показал, что деятельность менеджера по туризму вариативна, нестандартна, ориентирована на решения в непредвиденных ситуациях. При изучении вопроса о качестве профессиональной подготовки специалистов в туристических фирмах, руководителями оценивался характер подготовки студентов в средних профессиональных учебных заведениях в период учебно-технологической практики. Анализ выявил отсутствие у студентов достаточных практических навыков межличностного общения (26,7%), неумение творчески решать проблемы (25,0%) профессиональных знаний (20,0%). Таким образом, профессионализм менеджера по туризму все в большей мере определяется не только его практическим опытом, но и индивидуально-психологическими особенностями, от которых зависит формирование профессионально важных качеств.

На основе проведенных исследований мы пришли к тому, что организация профессиональной подготовки менеджеров по туризму требует непрерывного процесса психологического мониторинга с проведением организационно-психологических мероприятий, созданием благоприятной

образовательной среды, способствующей профессиональному развитию студентов, с выявлением факторов, воздействующих на процесс формирования профессионально важных качеств. Поэтому нами было предложено ввести в учебный процесс психологический модуль, реализующийся на трех уровнях: организационном (ведение в образовательный процесс психологических дисциплин), групповом (практические занятия с группой), индивидуальном (психологическое консультирование, направленное на развитие личности).

Одной из основных задач профессиональной подготовки – это психологическое сопровождение социализации и профессионального становления, личностного и интеллектуального развития; формирования у них способности к самовоспитанию и саморазвитию через групповые занятия с обеспечением индивидуального подхода на каждом этапе обучения на основе психолого-педагогического изучения. Программа формирования ПВК менеджеров по туризму складывалась из трех ступеней (частей): исследовательской, организационно-методической, практической (внедренческой).

Исследовательскую часть можно представить в виде модуля, состоящего из трех блоков: квалификационно-маркетингового - исследование и оценка профессионально важных качеств менеджера по туризму и квалификационных требований рынка труда; диагностического - разработка психодиагностического алгоритма, позволяющего с достаточно высокой точностью и достоверностью оценивать динамику изменения профессионально важных качеств; учебно-развивающего - внедрение и реализация программы психологического обеспечения в образовательный процесс.

Организационно-методическая часть - сочетание с учебно-воспитательным процессом, объединяя и дополняя его, введение в учебный процесс отдельных составных частей программы с детальной проработкой и состыковкой с учебными планами по специальности «Туризм».

Практическая часть – внедренные этапы программы психологического обеспечения подготовки менеджеров по туризму в образовательный процесс. Технологию психологического обеспечения подготовки студентов специальности «Туризм» можно представить в виде пяти этапов: подготовительного, отборочного, учебно-адаптивного, учебно-технологического, выпускного.

На подготовительном этапе в соответствии с психологическим анализом профессиональной деятельности были определены профессионально важные качества менеджера по туризму, которые выступают важнейшими детерминантами профессионального обучения. Разработана компьютерная программа психологического тестирования, которая позволяет подобрать специальность «Туризм» к индивидуально-психологическим особенностям абитуриента с тем, чтобы он смог реали-

зовать себя и свой потенциал в будущей трудовой деятельности и получать профессиональное удовлетворение. Для абитуриентов в курс «Введение в профессию» был введен блок о психологическом содержании данной специальности.

Таким образом, главная цель первого этапа - это оказание помощи в выборе профессии, ориентируя поступающего на специальность, соответствующую его склонностям, возможностям и интересам и определение профессиональной пригодности к данной специальности.

Основная цель второго этапа - это профессиональный отбор на специальность. Способности абитуриента учитываются качеством выполнения экзаменационных заданий, во внимание принимаются результаты психологического тестирования при прохождении собеседования. Собеседование проводится с абитуриентом в присутствии его родителей с целью выявления его интересов, желаний, ценностей, убеждений с учетом образования школьников. Основными критериями профессионального отбора абитуриентов к данной специальности являются мотивация и интерес. Результаты психологического тестирования служат основанием для психологического сопровождения на весь период обучения с индивидуальным подходом к личности и подбором конкретных мероприятий для психологического обеспечения подготовки студентов: индивидуальные и групповые собеседования с анализом конкретных ситуаций, дискуссии, социально-психологические тренинги.

Третий этап - учебно-адаптивный. Это постепенное вхождение в учебно-профессиональную деятельность. Студенты только начинают осознавать себя в новой роли, где они получают первые знания по профессиональному начальному образованию. В группе начинаются и складываются новые межличностные отношения: студент и преподаватель, студент и группа, где идет процесс самоутверждения. В учебный процесс включается коммуникативный тренинг для всей учебной группы, имеющий цель сформировать групповую сплоченность в практических упражнениях и оказать помощь в процессах самопознания, просмотр распределения позиций и ролей в группе. Практика тренинга располагает многочисленными фактами его успешного применения в профессиональной подготовке будущих менеджеров туризма. Тренинг, не отрицая большой психолого-педагогический опыт профессиональной подготовки, включает многие апробированные методы, активизирует и расширяет получаемые результаты, повышая вероятность их переноса в практику. На этом этапе акцент делается на адаптацию к выбранной специальности с поддержкой правильного выбора профессии, на формирование групповой сплоченности и развитию навыков коммуникативной культуры и для студентов разработаны и внедрены как факультатив, где рассматриваются данные проблемы, и они посещают его в течение учебного года.

Цель третьего этапа - это формирование коммуникабельности и социальной адаптации. Это внедрение в учебный процесс тренингов по повышению мотивации к обучению и развитию познавательных способностей, также межличностного взаимодействия. С этой целью проводятся фокусированные упражнения у студентов, предметом которых является самооценка, мотивация достижения, тревожность, стратегии поведения в конфликтных ситуациях, где группа уточняет проблемы по профессиональному становлению личности студента и дает рекомендации. Кроме того, в групповой работе со студентами важно сочетание проведения тематических вечеров, экскурсий, походов совместно с педагогами-организаторами и кураторами групп.

Четвертый этап – групповая работа направлена на усвоение и закрепление профессиональных, организационно-коммуникативных навыков, сообразительности, гибкости мышления и на психологическое сопровождение учебно-технологической практики. Теоретическая часть - это включение в учебный процесс курсов: «Социальной психологии», «Организации обслуживания клиента», где важны знания кросскультурных особенностей в деловом общении и взаимодействии, самоменеджменту и практические семинары по психологии сервиса, Тренинги по «Коммуникативной компетентности с ведением переговоров», «Организации обслуживания клиентов», «Формирования командного стиля работы» помогают студентам разобраться в структуре собственных познавательных процессов, увидеть себя с позиции клиента, рассмотреть поведение людей в социуме. Тренинг «Развития творческого мышления развивает интеллектуальные способности, обеспечивающие формирование и реализацию эффективных стратегий в профессиональной деятельности специалистов управленческого типа.

Тренинги, не отрицая большой психолого-педагогический опыт профессиональной подготовки, включают многие апробированные методы, активизируют и расширяют получаемые результаты, повышая вероятность их переноса в практику. На данном этапе особое внимание направлено на то, удовлетворен или не удовлетворен студент результатами своей учебной и профессиональной деятельности, а также своей социальной позицией.

Пятый этап - выпускной. На этом этапе происходит становление выпускника как профессионала и как социально-адаптирующейся личности. С этой целью были разработаны курс «Технология карьеры» с практическими занятиями по самомаркетингу и самопрезентации для ситуаций устройства на работу, ведение деловых переговоров с работодателями и клиентами; тренинг ассертивного поведения, где на уровне конкретных действий стоит задача профессиональной самоидентификации студентов и оказания помощи в раскрытии их внутреннего мира, эмоциональной

сферы и предоставления им возможность продолжать развить у себя профессионально-важные качества менеджера по туризму.

Таким образом, рассматривая учебную группу как инструмент формирования ПВК менеджеров по туризму от первого к выпускному курсу, мы можем решать задачи социальной, профессиональной и психологической адаптации, как к условиям обучения, так и к современным реальным жизненным и профессиональным обстоятельствам. Во-первых, группа помогает личности студента раскрыть наиболее полно профессиональные и психологические возможности. Во-вторых - это хорошая платформа для оказания личности психологической поддержки на групповом уровне развития и становления человеческой индивидуальности в период ранней взрослости, где объектом внимания становится индивидуальность человека.

О влиянии групповых феноменов на переживания человека

Л.Р. Фахрутдинова, к.п.н, доцент

Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет

Переживание человека является наиболее сакральной частью его психики. По Р.Д. Лэнгу «переживание часто называют Душой» (2005, с. 28). Но особенности процесса функционально-структурной организации, динамические закономерности переживания связаны с влиянием социальной среды, в которой этот человек сформировался.

На влияние группового фактора мы натолкнулись впервые, когда исследовали взаимоотношения характеристик переживания и эго-защитных механизмов. Тогда впервые выявилось, что эго-защитная система препятствует естественному протеканию переживания, подавляя саму способность к нему, искажая и отчуждая человека от его внутренних процессов, проявляемых через переживание.

Более того, выявилось, что сама способность к переживанию встречается довольно редко и часто заменяется «эмоционированием». Такая замена переживания, приводящего к развитию, перестройке личности, изменению и росту сущностных, ядерных структур психического, более примитивным эмоциональным реагированием, лишает индивидуума подлинной человечности. Он как бы ригидно застывает в жестком каркасе своей психологической защиты, защиты от своей подлинной жизни.

И эта замена, спасающая от потрясений и душевных бурь, от необходимости интенсивного мышления и огромной внутренней работы, заставляет расплачиваться ощущением внутренней пустоты, опустошенности, одиночества, несчастливости, гнетущего ощущения беспредметной тоски. И человек спасается от этой пустоты, заполняя ее эмоциональными реакциями на более или менее сильные реагенты (наркотики, сексуальные отношения, успехи карьерного роста и т.п.).

Каким же образом происходит такое подавление нашего внутреннего Я? Каков механизм отчуждения от собственной сущности? Как закрывается от нас внутренняя реальность? В то время как отмечала Н. Роджерс, ее психотерапевтический опыт свидетельствует о том, что существует «связь между нашей жизненной силой – нашим внутренним ядром или душой – и сущностью всех существ. Поэтому по мере того, как мы путешествуем внутрь себя, чтобы открыть нашу сущность или целостность, мы обнаруживаем нашу связность с внешним миром. Внутреннее и внешнее становятся едины» (1993, с. 138).

По-видимому, одним из таких механизмов подавления и отчуждения внешнего Я от внутреннего Я является система психологической защиты. Одним из первых определений психологической защиты была дефиниция А. Фрейд, по которой защитные механизмы – это деятельность «Я», начинающаяся, когда «Я» находится в положении чрезмерной атаки со стороны побуждений и аффектов, представляющих для «Я» опасность. Согласно разработкам этой исследовательницы, эго-защитные механизмы представляют собой перцептивные, интеллектуальные и двигательные автоматизмы, возникающие вследствие ранних межперсональных конфликтов (Каменская В.Г., 1999).

Анализ представлений о психологической защите позволяет сделать два важных заключения. Первое, психологическая защита – это неосознаваемый опыт прежних эмоционально заряженных отношений. Второе, это опыт, содержанием которого являются эмоционально-двигательные автоматизмы. Г.И. Гурджиев так писал об обусловленности поведения человека подобными автоматизмами: «Человек – машина. Все его стремления, действия, слова, мысли, чувства, убеждения и привычки – результаты внешних влияний. Из себя самого человек не может произвести ни единой мысли, ни единого действия. Все, что он говорит, делает, думает, чувствует, – все это с ним случается. ...Человек рождается, умирает, строит дома, пишет книги не так, как он того хочет, но как все это случается. Все случается. Человек не любит, не ненавидит, не желает – все это с ним случается» [цит. по А.Б. Орлову, 2002, с. 75].

Таким образом, возникает следующий вопрос: зачем социальной Системе, социуму создавать, воспитывать индивидов, разобщенных с собственной сущностью? Ответ на этот вопрос требует отдельного исследования. По В.Г. Каменской понятие «психологическая защита» может быть отнесено только к поведению людей западной культуры, которая имеет ряд особенностей функционирования социальных структур, в том числе средств массовой информации. Начиная с раннего детства, все без исключения хорошо адаптированные субъекты проходят педагогической процесс социализации, который сводится к формированию набора принятых в обществе социальных ролей. Те, кто неудачно прошел стадии социализации, позднее демонстрируют разные варианты социальной деза-

даптации и в той или иной степени подвергаются социальному отвержению. С точки зрения психологии защитного поведения, социальная адаптация возникает благодаря нормальному функционированию психологической защиты, а любые формы дезадаптации связаны с ненормативным действием эго-защитных механизмов. В конечном счете, психологическая защита служит целям социальной адаптации, приспособлению и подгонке каждого человека с его особенностями, слабостями и способностями, к требованиям ближнего и более дальнего социального окружения (Каменская В.Г., 1999).

Получается, что главная функция психологической защиты субъекта в контексте общественного сознания, бытия, функционирования заключается в нормализации социальных отношений и взаимодействий, сохранению общественных традиций с потерей контакта с собственной природой, назначением, призванием и проявлением человека в качестве «био-социального робота», «муравья», успешно выполняющего свои функции и роли.

В случае если данные социальные роли трудно выполнимы, из-за их противоречия с глубинными, плохо осознаваемыми импульсами, стремлениями, естественными и самобытными склонностями, то включается психологическая защита. И эта защита против собственной природы, естественных желаний, зачастую носящих действительно инфантильный плохо-контролируемый и слабoreгулируемый характер, благодаря тем же защитным механизмам, сковавшим природное начало еще в раннем детстве и не давшем ему созреть, повзрослеть и вырасти.

Аналогию можно провести с сознанием человека. От природы человеку дана способность к сознательной деятельности, но в рефлексивном плане она развивается далеко не у всех. Хорошо развитое рефлексивное сознание является продуктом воспитания, культурных традиций социального окружения. При неблагоприятных условиях сознание субъекта формируется на более низких уровнях и формах: бытийном, не выходящем за пределы текущего бытия, не отягощенного размышлениями о своем месте в мире, конечном смысле существования, познании себя и др. Крайнюю форму такого развития сознания можно увидеть на примере «эффекта Маугли», когда дети, лишенные человеческого воспитания в первые годы жизни, так и не смогли впоследствии полноценно войти в общество. *Так и сущность человека без особого воспитания и культурных традиций не развивается, а «застревает» по своему развитию на детском уровне.* Поэтому встреча со зрелым, взрослым, ответственным, креативным, хорошо себя осознающим и знающим чего хочет человеком в настоящее время довольно редкое явление.

Согласно нашим исследованиям, сущностные, ядерные структуры психики (самость) тесно связаны с характеристиками переживания человека и по характеру его функционально-структурной организации можно судить о степени зрелости, развития сущности человека.

Вот некоторые результаты исследований:

1. Исследования показали, что вялые, тусклые переживания низкой интенсивности характерны для субъектов с дефицитарными, неразвитыми, незрелыми центральными Я-функциями. Субъекты с незрелой, дефицитарной сущностью чаще всего не испытывают ярких, сильных, интенсивных переживаний. Энергетическая характеристика переживаний субъекта может быть косвенной мерой развития его ядерных, сущностных структур на ступени взрослости.

2. Эго-защитные защитные механизмы влияют на энергетические и пространственно-временные характеристики переживаний субъекта, в основном снижая их величину, тем самым, замедляя развитие центральных Я-функций и формируя ригидное, жесткое и зачастую не соответствующее реальности представление о себе. Энергетическая характеристика переживания подвержена наибольшему влиянию, регуляции и коррекции со стороны эго-защитных механизмов.

Далее мы провели исследования влияния групповых феноменов на структурные составляющие переживания (его психосемантическую составляющую).

Исследования проводилось на студенческом контингенте Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. Испытуемые были обоего пола, в возрасте 20-22 года.

Студентам предлагалось прослушать мелодии двух типов: первый тип - релаксивно-медитативного характера (Оливер Шанти «Победа Будды»), второй тип - из тех, под который танцуют на молодежных дискотеках, техногенного характера (Крафтwerk «Я - робот»). Они должны были провести психосемантический анализ своих переживаний вышеупомянутых мелодий. Для этого применялся авторский «Семантический дифференциал переживаний».

Для изучения групповых явлений нами применялись общеизвестные тесты (социометрия, определение психологического климата, изучение ценностно-ориентационного единства), позволяющие исследовать феномены малой группы.

Корреляционный анализ показал отсутствие достоверных корреляционных отношений между статусом членов группы и психосемантической составляющей переживания для первого типа мелодий (релаксивно-медитативного характера), и наличие корреляционных связей между статусом членов группы и психосемантической составляющей переживания для второго (техногенного) типа мелодий. Причем связь показали такая семантическая составляющая переживания как «Абстрактность» (определяющая обобщенность, абстрактность переживания) и «Уникальность» (показывающая уникальность переживания в ощущениях человека).

Полученные данные позволяют экспериментально показать наличие связи между характеристиками переживания и статусными проявлениями

личности. Такая сокровенная часть души человека, причем в его наиболее сакральных проявлениях как уникальность и предельность смыслов переживания мелодии связана со статусом в малой группе.

Можно сделать вывод: *на переживание человека могут повлиять диспозиционные характеристики его личности в группе.*

Отсутствие корреляционных связей между психосемантической составляющей переживания мелодии релаксивного, медитативного типа и статусными позициями в группе может объясняться ее интровертированным характером, в то время как более жесткая, роботообразная музыка может в большей степени ассоциироваться с социальными взаимодействиями. Описание переживаний техногенной музыки у студентов в большинстве случаев связана с негативными, тягостными ощущениями. Чем выше статус личности в группе, тем больше наполнение семантической образующей переживания уникальностью и запредельностью происходящего.

Анализ ценностей группы показал, что они коррелируют с семантической образующей переживания. Выявлены следующие ценности группы, расположенные в порядке значимости: «Дети», «Семья», «Здоровье», «Жизнь», «Ради себя». Выявленные ценности носят несколько брутальный характер, присущий больше бытийному уровню сознания.

Было выявлено, что ценности «Дети», «Семья» связаны с семантической образующей «Уникальность» ($k=0,64$, $p=0,046$; $k=-0,6896$, $p=0,027$). Отношения с семейным родом отражаются на переживании уникальности внутреннего мира, уникальности собственных переживаний. Правда, зависимости получились противоположными. Ценность детей вызывает прямую зависимость, а ценность семьи обратную. Тем не менее, зависимость присутствует, и она свидетельствует о значимости связи индивидуума с семейным родом.

Ценность «Здоровье» показало корреляционную связь с психосемантической образующей переживания «Сила» ($k=0,6978$, $p=0,025$), которая отражает энергетическую составляющую переживания, вернее ее психосемантическую образующую. Здоровье физическое и психическое тесно связаны, а наши исследования показали, что интенсивные переживания способны выдерживать зрелые, сильные личности, способные выдерживать встречу с Реальностью.

Ценность «Жизнь» студенты определяли как ценность жизненного процесса самого по себе, наслаждение жизнью в ее бытийном аспекте. Данная ценность дала корреляционную связь с психосемантическими образующими переживания «Обычность» ($k=0,64$, $p=0,046$) и «Определенность» ($k=0,65$, $p=0,044$). Фактически данная ценность придает переживанию статус обычного, предсказуемого, определенного явления бытия.

Исследования показали, что групповые феномены влияют на индивидуальные переживания, и эти влияния обладают собственными закономерностями.

7. Психологическая подготовка субъекта для работы в экстремальных условиях.

Исследование характера взаимосвязи эмпатийности и психического выгорания

Г.Ш. Габдреева
Казанский гос.университет

Одной из ведущих функций профессионала – представителя социальных профессий является «помогающее» поведение. Известно, что для установления «помогающих» отношений необходимым качеством является развитая эмпатийность, которая, по мнению ученых, является ключом к успеху во всех видах деятельности, которые требуют вчувствования в мир другого человека и понимания его переживаний [6]. В этом аспекте эмпатийность как способность к сочувствию, сопереживанию, соучастию является неотъемлемой характеристикой личности лиц, занятых в профессиях типа «человек-человек».

Среди психологических проблем, возникающих в деятельности специалистов профессий субъект-субъектного типа, ключевые позиции занимает «психическое выгорание». В.Е.Орел, автор многочисленных работ, выполненных на эту тему, отмечает, что, несмотря на большое количество исследований, посвященных разным аспектам изучения выгорания, не достаточно проработаны вопросы, касающиеся связи выгорания с различными составляющими личности [7]. В частности, на наш взгляд, пристального внимания заслуживает исследование эмпатийности как личностного свойства, входящего в детерминантный комплекс, составляющие которого обеспечивают толерантность к развитию психического выгорания.

Изучение взаимосвязи эмпатийности и выгорания у специалистов различных социальных профессий, проведенное рядом исследователей, свидетельствует о том, что способность вчувствования и сопереживания может рассматриваться в качестве буфера, препятствующего выгоранию. В частности, при обследовании врачей-хирургов и медицинских сестер хирургического отделения была обнаружена отрицательная корреляция между уровнем эмпатийных способностей и показателями выгорания [2]. Наиболее сильная связь зафиксирована между показателями эмпатийности и редукции персональных достижений: чем выше значения первого показателя, тем меньше склонность низко оценивать значимость результатов своей деятельности, больше уверенность в самоэффективности. Дополнительно к данным своего исследования, его автор, Н.Е.Водопьянова, приводит результаты работы Д.Д.Бранин и Е.Р.Гриймел, осуществленной с привлечением в качестве испытуемых - медсестер домов сестринского ухода в Калифорнии. Этими авторами также установлена отрицательная корреля-

ция между уровнем эмпатийности и степенью выгорания. Такую же позицию по отношению к взаимосвязи эмпатийности и выгорания занимают и некоторые другие зарубежные исследователи. В частности, Т.В.Форманюк ссылается на работу Е.Махер, в которой доказывалось, что «сгорающие» характеризуются низким уровнем эмпатийности [8].

Подобный характер взаимосвязей эмпатийности и синдрома выгорания описан А.Р.Каримовой [4] при исследовании личностных детерминант эмоционального выгорания учителей. Она сравнивает корреляционные структуры, образованные взаимосвязями показателей эмпатийности и других коммуникативных качеств личности с показателями эмоционального выгорания, построенные на основе диагностических данных лиц с наиболее высокими и наиболее низкими показателями выгорания в исследуемой ею выборке. Результаты исследования А.Р.Каримовой свидетельствуют о том, что в группе лиц, степень выгорания которых невысока, показатели эмпатийности имеют лишь редкие взаимосвязи с показателями выгорания. При этом эмпатийность наиболее тесно коррелирует с выгоранием в группе «выгоревших» лиц. В структуре показателей группы с высокими значениями выгорания количество взаимосвязей интересующих нас показателей резко возрастает. Наибольшее количество взаимосвязей обнаруживает такой показатель эмпатийности, как способность проявлять эмпатию к партнерам по общению. Показано, что при низких значениях эмпатийные способности стимулируют развитие эмоционально-нравственной дезориентации, редукции профессиональных обязанностей, эмоционального дефицита, эмоциональной отстраненности и деперсонализации в отношении к другим людям.

Н.Е.Водопьянова и Е.С.Старченкова следующим образом объясняют характер отмеченной закономерности, свидетельствующей о меньшей предрасположенности к выгоранию лиц, отличающихся высокой эмпатийностью. «тонкое понимание переживаний других людей противостоит дегуманизации межличностных отношений, а эмоциональное сопереживание – это определенная эмоциональная «подпитка» или некоторый дополнительный ресурс для «горения без затухания»» [2, с. 61].

С другой стороны, анализ исследований, в которых отмечается взаимосвязь эмпатийности с эмоциональным выгоранием, позволяет выделить и такие работы, в которых приводятся данные, противоречащие вышеприведенной точке зрения. Авторы этих работ утверждают, что, «сгорающие» - это мягкие, гуманные лица, чаще, чем другие, проявляющие сочувствие, сопереживание, соучастие в решении эмоциональных проблем партнеров по общению. Такая точка зрения разделяется Х.Дж.Фрейденбергом, а также некоторыми другими американскими исследователями феномена выгорания [цит. по 8, с. 61]. Среди отечественных психологов подобная закономерность описывается Н.В.Мальцевой. Она показала, что формирование синдрома психического выгорания у

учителей в большей степени определяется накоплением усталости в коммуникативной сфере, связанной с высокой вовлеченностью в процессы, требующие эмоциональной отдачи [5]. Взаимосвязь профессиональной деформации учителей и социальной зависимости, проявляющейся в необходимости поддержания эмоциональных отношений, отмечается Е.В.Ивановой [3]. Общая логика, заложенная в основу теоретической позиции авторов этих работ становится понятной, если принять во внимание характеристику лиц, показывающих высокий уровень эмпатийности. И.М.Юсупов [9] считает, что у высокоэмпатийных людей болезненно развито сопереживание. Зная об этом, окружающие используют таких лиц в качестве «громоотвода», обрушивая на них свое эмоциональное состояние. Таким образом, «эмпатирующий» человек оказывается погруженным во множество чужих проблем, на которые просто обязан эмоционально реагировать. В конечном итоге эмоциональный ресурс личности начинает истощаться. Эмоциональное выгорание в таком случае выступает в качестве психологической защиты личности и по своему содержанию полностью соответствует определению, данному ему В.В.Бойко как «выработанному личностью механизму психологической защиты в форме полного или частичного исключения эмоций (понижения их энергетики) в ответ на избранные психотравмирующие воздействия» [1, с. 133].

Таким образом, результаты теоретического анализа исследований, касающихся взаимосвязи эмпатийности и синдрома эмоционального выгорания, свидетельствуют о наличии противоречия между сложившимися точками зрения. С одной стороны, эмпатийность рассматривается учеными в качестве характеристики, стабилизирующей или тормозящей развитие выгорания – «ингибитора психического выгорания», с другой, она может быть отнесена к характеристикам, провоцирующим возникновение выгорания, т.е. к его «катализаторам». Выявленное противоречие послужило основанием для постановки проблемы исследования и побудило к выяснению характера взаимосвязи эмпатийности и синдрома эмоционального выгорания.

В качестве диагностических использовались методики оценки уровня сформированности эмпатийности И.М.Юсупова [9] и эмоционального выгорания В.В.Бойко [1]. Математический анализ данных эмпирического исследования осуществлялся путем применения t-критерия Стьюдента для оценки достоверности выявленных различий, а также корреляционного анализа. В качестве респондентов выступали учителя – мужчины и женщины в возрасте 25-35 лет – всего 132 человека.

Из всей совокупности испытуемых-учителей было выделено три группы по 23 человека в каждой-в зависимости от уровня эмпатийности. В первую группу вошли лица с высоким уровнем эмпатийности (среднее ее значение в этой группе – 86.3 балла), вторую группу составили испытуемые со средними баллами (среднее значение эмпатийности в группе

«средних» - 43.7 балла), в третью группу вошли респонденты с сравнительно низким уровнем этого показателя (9.8 балла).

Сравнительный анализ средних величин исследуемых показателей выявил существенные различия между группами «низкоэмпатийных», «среднеэмпатийных» и «высокоэмпатийных» учителей. Выяснилось, что только «среднеэмпатийные» учителя отличаются низкими и умеренными значениями показателей эмоционального выгорания. Большинство симптомов выгорания в этой группе учителей в количественных значениях не выходит за границы 9-12 баллов, т.е., говоря языком автора диагностической методики, еще не «сложились», а только «складываются». Единственно выраженный показатель выгорания в этой группе учителей – симптом «тревоги и депрессии», имеющий среднее значение в 15.8 балла, что близко к характеристике симптома как уже «сложившегося».

В группе учителей с низкими значениями эмпатийности средние данные показателей выгорания значительно выше. Так, если в группе «средних» фаза «напряжения», суммирующая четыре его симптома, составляет 34.2 балла, т.е. еще «не сформировалась», то в группе «низкоэмпатийных» значение этой фазы составляет 59.6 балла ($x = 25.4$ при $p = 0.001$). Фаза «резистенции», объединяющая четыре симптома адаптации, как и фаза «истощения», являющаяся результирующей четырех соответствующих симптомов, по средним показателям так же значительно выше в группе «низкоэмпатийных» (30.5-к 51.5 балла и 31.7-к 49.2 балла при $p = 0.01$).

Точно так же достоверно ($p = 0.01$ и $p = 0.001$) различаются эмпирические данные групп «среднеэмпатийных» и «высокоэмпатийных». Зато, по количественным значениям выгорания, практически нет достоверных различий между «низкоэмпатийными» и «высокоэмпатийными» учителями. В обеих этих группах фиксируются высокие значения показателей эмоционального выгорания, что, с одной стороны, объединяет эти группы, а с другой - обе их отличает от группы «среднеэмпатийных».

Таким образом, результаты сравнительного анализа количественных значений исследуемых показателей позволяют предположить, что средние значения эмпатийности не способствуют развитию эмоционального выгорания, тогда как слишком низкая и слишком высокая эмпатийность в равной степени повышают его вероятность.

С целью уточнения этого предположения был осуществлен корреляционный анализ эмпирических данных, полученных в результате психодиагностики степени сформированности эмпатийности и выгорания. Результаты корреляционного анализа данных диагностики всей обследованной выборки учителей (132 человека) свидетельствуют о том, что практически все связи показателей эмпатийности и выгорания носят нелинейный характер. Например, взаимосвязь показателя «эмпатия по отношению к партнерам по общению» с показателем «редукция профессиональных обязанностей» характеризуется коэффициентом криволинейности на уровне

его значения $k_k = 0.192$. Величина этого коэффициента превышает значение 0.1, что говорит о неоднозначном характере зависимости между этими показателями. Аналогичные значения коэффициентов криволинейности во взаимосвязях остальных показателей так же подчеркивают нелинейность взаимозависимости между ними, и являются свидетельством в пользу существования «оптимальных» значений эмпатийности, при которых другие показатели достигают максимального (отрицательная корреляция) или минимального (положительная корреляция) уровней.

Далее рассматривались результаты корреляционного анализа, позволяющего исследовать характер взаимозависимости 22-х показателей (7 показателей эмпатийности и 15 показателей эмоционального выгорания) отдельно в каждой из сравниваемых групп, выделенных по признаку сформированности эмпатийности. Данные корреляционного анализа каждой из трех групп испытуемых («низкоэмпатийные», «среднеэмпатийные», «высокоэмпатийные») были представлены в виде соответствующих матриц. Выяснилось, что достоверными связями показателей эмпатийности с показателями выгорания отличаются обе «неоптимальные» группы – т.е. группы либо с очень высокими, либо с очень низкими значениями эмпатийности. Причем, в этом случае, эти связи носят линейный характер и потому могут трактоваться однозначно.

Так, в группе с средними показателями эмпатийности обнаружены тесные взаимосвязи ($p = 0.001$) только между отдельными показателями внутри блоков, образующих симптомы выгорания (фазы «напряжения», «резистенции» и «истощения»), и между показателями эмпатийности. В данном случае не образуется структура, в которой оказались бы взаимосвязанными эмпатийность и выгорание.

Анализ корреляционной матрицы, образованной данными диагностики группы «низкоэмпатийных» учителей, свидетельствует об образовании структуры, где показатели эмпатийности и выгорания связаны между собой. Причем взаимосвязи носят отрицательный характер. В этом случае, действительно, можно говорить о том, что низкие значения эмпатийности способствуют развитию выгорания: вызывают неудовлетворенность собой, ощущение «загнанности в клетку», приводят к расширению сферы экономии эмоций и усилению других показателей фазы резистенции.

Группа «высокоэмпатийных» учителей отличается матрицей интеркорреляций, особо насыщенной взаимосвязями показателей. При этом взаимосвязи в основном положительные и могут быть интерпретированы следующим образом: неадекватно высокая эмпатийность не способствует толерантности к выгоранию. Увеличение значений эмпатийности в этой группе респондентов так же является «провокатором» ощущения «загнанности в клетку», напряжения, расширения сферы экономии эмоций, как и в структуре исследуемых показателей группы «низкоэмпатийных» учителей – низкие ее значения.

Таким образом, результаты корреляционного анализа полностью подтверждают первоначальное предположение о криволинейном характере взаимосвязей эмпатийности и синдрома эмоционального выгорания. В связи с этим, следует признать, что детерминантами выгорания являются как слишком низкая, так слишком высокая эмпатийность. Значения эмпатийности в количественных величинах, укладывающихся в зоне среднего и выше среднего уровней диагностической шкалы, являются наиболее оптимальными.

Полученные результаты, объясняющие выявленные факты с позиции принципа оптимальности, уточняют представления о характере взаимосвязи эмпатийности и психического выгорания, позволяя, тем самым, снять противоречие между сложившимися в психологии полярными точками зрения на это явление. Кроме того, они раскрывают возможность использования полученного знания в процессе профилактики и коррекции синдрома выгорания как у учителей, так и представителей других социальных профессий.

Литература:

1.Бойко В.В. Синдром «эмоционального выгорания» / В.В.Бойко // Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. – М.: Информационно-издательский дом «Филинь», 1996. – С. 132-153.

2.Водопьянова Н.Е. Синдром выгорания: диагностика и профилактика / Н.Е.Водопьянова, Е.С.Старченкова. – СПб.: Питер, 2005. – 336 с.

3.Иванова Е.В. Некоторые результаты комплексного исследования профессиональной деформации личности учителя / Е.В.Иванова // Научный поиск. Вып. 4. – Ярославль, 2003. – С. 267-274.

4.Каримова А.Р. Особенности коммуникативных качеств личности и их взаимосвязь с эмоциональным выгоранием учителей: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13 / А.Р.Каримова; Казанский государственный университет им. В.И.Ульянова-Ленина. – Казань, 2003. – 19 с.

5.Мальцева Н.В. Проявления синдрома психического выгорания в процессе профессионализации учителя в зависимости от возраста и стажа работы: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13, 19.00.07 / Н.В.Мальцева; Казанский государственный технический университет им.А.Н.Туполева – Казань, 2005. – 20 с.

6.Обозов Н.Н. О способе измерения физиологического компонента эмоциональной эмпатии / Н.Н.Обозов, С.А.Тарановский // Новые исследования в психологии. – 1985. - № 1. – С. 56-59.

7.Орел В.Е. Структурно-функциональная организация и генезис психического выгорания: автореф. дис. ... докт. психол. наук: 19.00.03 / В.Е.Орел; Ярославский государственный университет им. П.Г.Демидова. – Ярославль, 2005. – 51с.

8.Форманюк Т.В. Синдром «эмоционального сгорания» как показатель профессиональной дезадаптации учителя / Т.В.Форманюк // Психол. журн. – 1994.- № 6. – С. 57-64.

9.Юсупов И.М. Диагностика и тренинг эмпатийных тенденций личности /И.М.Юсупов. – Казань: Изд-во Казанского педагогического института, 1992. – 31с.

Проблема исследования адаптационного потенциала личности военнослужащих срочной службы

Г.Ш. Габдреева, А.С. Кислицына
Казанский гос.университет

В условиях реформирования Вооруженных сил РФ возникает острая потребность в углублении исследований, связанных с вопросами социально-психологической подготовки юношей к срочной службе в армии. Неподготовленность к выполнению деятельности военнослужащего, сопровождающейся повышенным риском, физическими и психическими перегрузками, резкой сменой образа жизни, а также недостаточной информированностью об условиях прохождения воинской службы, вызывает негативное отношение молодых людей к необходимости исполнения своего гражданского долга. Кроме того, в настоящее время значительно изменились жизненные планы и установки большинства юношей-допризывников. В них воинская обязанность выступает в качестве нежелательной отсрочки, и даже помехи на пути достижения жизненных целей, что также способствует стремлению любым путем уклониться от призыва в армию. В последние годы проблема обеспечения армии необходимым количеством военнослужащих усугубляется еще и последствиями демографического спада, пришедшегося на 90-е годы XX столетия.

В связи с этим, очевидна актуальность специального целенаправленного формирования готовности юношей к несению воинской службы. Значительное место в этой подготовке должно уделяться ее психологической составляющей, поскольку существует явное противоречие между системой установок, ожиданий, ценностно-мотивационной направленностью юношей призывного возраста и требованиями государства к их готовности к выполнению военной деятельности. Отсутствие мотивации к армейской службе, негативные ожидания, а затем реальное погружение в армейский быт со всеми его трудностями провоцируют развитие стресса у психологически неподготовленных лиц.

Осуществление необходимой психологической подготовки возможно лишь на основе четких представлений о трудностях воинской службы и тех психологических защитных механизмах, которые позволяют военнослужащим адаптироваться к условиям ее выполнения.

Следует отметить, что отдельные психологические аспекты протекания воинской службы являлись предметом исследования в работах некоторых авторов. Так, И.А.Погодин [7], выделяя среди стрессогенных факторов, непременно сопровождающих службу в армии, относительную социальную изоляцию, авторитаризм командования и неуставные отношения («дедовщину»), акцентировал внимание на проявлениях агрессивности дезадаптированных и успешно адаптированных к армии юношей. В частности, выяснилось, что в условиях армейской службы агрессивность и

у тех, и у других значительно усиливается, хотя в большей степени эта тенденция свойственна дезадаптированным. При этом агрессивность, выражающаяся у последних в форме «пассивной обороны» – зависти, обиды, ненависти, аутоагрессии и чувства вины, – не способствует адаптационному процессу. Тогда как, явно проявляемые хорошо адаптирующимися лицами, физическая и вербальная агрессия выступают у них фактором успешности адаптации. Но, при этом, стрессогенность социально-психологической ситуации, в которую погружены военнослужащие, значительно усиливается. Судя по результатам, полученным

И.А.Погодиным, образуется порочный замкнутый круг: условия службы в армии вызывают проявления агрессивности, что, с одной стороны, определенным образом обеспечивает юношам психологическую защиту, но, с другой, – способствует усилению общего фона агрессивности и делает условия службы еще более стрессогенными. Такой, спонтанно выработанный механизм психологической защиты, вряд ли можно назвать оптимальным, хотя в конкретных случаях он является достаточно эффективным.

Анализ работ И.А.Погодина и других авторов, исследующих психологические трудности армейской службы, побуждает обратиться к изучению психологических аспектов адаптации призывников к новым, стрессогенным условиям жизнедеятельности. В связи с этим логично акцентировать внимание на теоретических представлениях о «совладании» личности с травмирующими ситуациями, нашедших отражение в понятиях «копинг-стресс» и «копинг-поведение».

Первое понятие означает усилие, направленное на предотвращение, устранение, или ослабление воздействия стрессора, второе используется для характеристики способов выхода человека из стрессовой ситуации.

Копинг-поведение обычно рассматривают с точки зрения выполнения двух основных функций: регуляции состояния и управления проблемами, вызывающими дистресс. Копинг, нацеленный на состояние, определяется через когнитивные, эмоциональные и поведенческие характеристики процесса редукции психического напряжения (эмоционально-фокусированный копинг). Усилия, с помощью которых личность пытается устранить влияние стрессора, рассматриваются как активное копинг-поведение, осуществляемое с целью изменения, преобразования ситуации, поддающейся контролю, или приспособления, в случае ее неподконтрольности. Пассивное копинг-поведение ориентировано на интрапсихические способы преодоления стресса, являющиеся защитными механизмами, предназначенными для совладания с развивающимся напряжением. Известно, что восстановление эмоционального баланса при помощи пассивных стратегий (не через решение проблемы) используется более интенсивно, если у человека нет знаний, умений или реальных возможностей снизить давление стрессора. Копинг-поведение реализуется на

базе копинг-ресурсов (личностных адаптационных резервов, позволяющих осуществлять оптимальную адаптацию к стрессовым ситуациям) и копинг-стратегий (способов преодоления стресса).

Показателем высокой степени адаптивности личности считается сбалансированное использование адекватных ситуации активных копинг-стратегий, нацеленных на решение проблемы. Однако, в силу объективных обстоятельств, когда изменение стрессовой ситуации и решение связанных с ней проблем представляется невозможным, копинг-поведение ориентируется на изменение психического состояния путем использования психологических защит. Защитные процессы направлены на сохранение целостности и независимости личности, ее самоутверждение и самоуважение. Главной задачей защитных механизмов являются контролирование и подавление негативных психических состояний, возникающих под действием стрессора в условиях, когда стрессор продолжает действовать, а также поддержание устойчивости к стрессу.

Обращение к работам, выполненным в русле проблем стрессоустойчивости и адаптации к стрессу, показало, что устойчивость понимается как «особая организация существования личности как системы, которая обеспечивает максимально эффективное ее функционирование» [8, с.192]. А.А.Реан, А.Р.Кудашев, А.А.Баранов выделяют два аспекта стрессоустойчивости: деятельностный и личностный, и считают, что «внутренний» личностный компонент стрессоустойчивости проявляет свою активность при несоответствии потенций субъекта условиям, требованиям конкретной деятельности. Роль этого компонента заключается в выработке такой системы защиты личности от стресс-факторов, которая обеспечивала бы устойчивость (защищенность) человека от развития дистрессового состояния.

В хронических стрессовых ситуациях, воспринимаемых субъектом как безысходные, постоянно используемые психологические защиты закрепляются в виде личностных комплексов. В этих случаях отдельные психофеномены интегрируются в целостную структуру, определяющую особенности поведения. Сложившиеся симптомокомплексы, позволяющие сохранять устойчивость личности на фоне дестабилизирующих переживаний и добиваться более или менее успешной адаптации, теряют свою актуальность при изменении ситуации, спровоцировавшей их развитие. Однако, будучи устойчивыми личностными образованиями, они продолжают свое действие и в новых условиях, объективно уже не требующих их реализации. Не будучи адекватными изменившейся ситуации, эти новообразования личности, являвшиеся адаптивными в вызвавших их условиях, становятся малоэффективными, а подчас играют негативную роль в ситуациях, требующих реадаптации. В связи с этим определенным интересом представляет исследование особенностей проявления компенсационных комплек-

сов в зависимости от условий хронических стрессовых ситуаций, в частности – ситуации службы в армии.

На настоящий момент времени исследованы составляющие и структура адаптационного потенциала личности, оказавшейся в хронической стрессовой ситуации: в условиях эмиграции [2], вынужденной изоляции, вызванной заключением под стражу [5] или физическими ограничениями, связанными с инвалидностью [3]. Показано место отдельных составляющих адаптационного потенциала, в частности антиципационной составляющей, в структуре совладающего поведения [1, 9]. Осуществлен подробный анализ профессиональной адаптации личности в таких просоциальных видах трудовой деятельности, какими считаются деятельность управленца и педагога [8]. При этом, практически без внимания осталось такое поле напряженной деятельности, как воинская служба, нести которую гражданский долг каждого юноши. В связи с этим возможно утверждать, что существует проблема исследования психологической структуры личности военнослужащего срочной службы, необходимого в целях выявления адаптационных возможностей личности и характера используемых ею психологических защит, что представляется актуальным для таких направлений психологии, как психология личности и психология развития.

Теоретический анализ научных работ, а также собственные представления о психологической структуре адаптационного потенциала личности, позволяют выделить следующие составляющие предполагаемого комплекса личностных свойств, обеспечивающих совладание с хронической стрессовой ситуацией, вызванной прохождением воинской службы солдатами–срочниками.

Направленность личности – одна из ее центральных характеристик, отражающая внутренние мотивы, лежащие в основе поведения. Достаточно устойчивые и доминирующие мотивы образуют своеобразный стержень личности. Исследование направленности личности позволяет определить степень, в которой субъект обеспечивает поддержку себе самому, а также насколько он обращен к другим и делу, которым занимается. По-видимому, направленность личности способствует выбору индивидуальных стратегий преодоления защиты при стрессе. В частности, в работах Э.А.Ахмадуллиной и Г.Ш.Габдреевой показано, что ценностно-мотивационной сфере личности принадлежит ведущая роль в механизме социокультурной адаптации. Косвенные тому доказательства можно найти и в работах К. Муздыбаева [6], показавшего, что лица с эгоистической направленностью личности чаще используют рациональные когнитивные и поведенческие стратегии совладания с трудностями, хотя продуктивные стратегии сочетаются у них с иррациональными.

Общий уровень адаптивности. В соответствии с представлениями А.Г.Маклакова [4], адаптивность личности может быть оценена путем ди-

агностики личностного адаптационного потенциала – одной из интегральных характеристик личности. Среди основных психологических составляющих адаптационного потенциала в первую очередь он называет: нервно-психическую устойчивость, уровень развития которой обеспечивает толерантность к стрессу; моральную нормативность, показатель которой определяет способность приспосабливаться к моральным устоям в обществе; уровень социальной адаптивности; коммуникативные особенности, характеризующиеся выбором стратегии межличностных отношений.

Локус контроля личности, как склонность человека видеть источник управления своей жизнью либо преимущественно во внешней среде, либо в самом себе. Об интернальном локусе контроля говорят, когда человек принимает ответственность за события, происходящие в его жизни, на себя, объясняя их своим поведением, характером, способностями. Экстернальный локус контроля характеризует лиц, приписывающих ответственность за все внешним факторам: другим людям, судьбе, случайности, окружающей среде. А.А.Реан считает целесообразным ставить вопрос о специфике проявления локуса контроля личности в напряженных жизненных ситуациях [8]. Так, интернальность локуса контроля рассматривается в качестве необходимой составляющей психологического механизма, обеспечивающего успешность социокультурной адаптации личности [2].

Антиципационная состоятельность личности как способность действовать и принимать решения с определенным временно-пространственным упреждением в отношении ожидаемых, будущих событий. И.А. Абитовым и В.Д. Менделевичем доказано, что антиципационная состоятельность тесно взаимосвязана с показателями психологических защит и копинг-стратегий, в связи с чем может рассматриваться как необходимая составляющая совладающего поведения [1]. На то, что способность предвидения ситуации играет важную роль в механизме адаптации, указывает также И.Н.Симаева [9].

Кроме того, как отмечалось выше, успешность адаптации определяется адекватностью применяемых защитных механизмов и выбранных копинг-стратегий, также включающихся в структуру адаптационного потенциала личности.

Что касается индивидуальной составляющей личности, то характеристики, отражающие ее психодинамические свойства, также могут выступать индикатором адаптационного потенциала [9], что ориентирует исследование на выяснение корреляционных взаимосвязей показателей интроверсии–экстраверсии и нейротизма с другими показателями адаптационной структуры.

Можно заключить, что значительное количество структурных компонентов личности выступает в роли факторов, оказывающих влияние на устойчивость человека к хроническому стрессу. Таким образом, решение

обозначенной в работе проблемы видится в результатах исследования особенностей структуры, образованной составляющими адаптационного потенциала личности военнослужащих срочной службы.

Литература:

1. Абитов И.Р. Антиципационная состоятельность в структуре совладающего поведения (в норме и при психосоматических и невротических расстройствах): автореф.дис....канд.психол. наук.:19.00.01; 19.00.04 / И.Р.Абитов; Казанский государственный университет. – Казань, 2007. – 21с.

2. Ахмадуллина Э.А. Особенности и динамика ценностно-мотивационной сферы личности в процессе социокультурной адаптации эмигрантов: автореф.дис....канд.психол.наук.:19.00.13; 19.00.05 / Э.А. Ахмадуллина; Казанский государственный университет. – Казань, 2006. – 24с.

3. Габдреева Г.Ш. Психологическая защита личности в хронических стрессовых ситуациях / Г.Ш. Габдреева // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2007. – с.84-94. Том 149, кн.1.

4. Маклаков А.Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях / А.Г. Маклаков // Психол. журн. – 2001.-№1. – С.16-24.

5. Мусин Ф.С. Индивидуально-психологические особенности адаптации осужденных женского и мужского пола к условиям лишения свободы: автореф.дис....канд.психол.наук: 19.00.13; 19.00.06 /Ф.С. Мусин; Казанский государственный университет. – Казань, 2006. – 25с.

6. Муздыбаев К. Эгоизм личности / К. Муздыбаев // Психол. журн. – 2000. – №2. – С. 27-39.

7. Погодин И.А. Проявление агрессии у солдат срочной службы и курсантов / И.А. Погодин // Вопр. психол. – 2007. – №3. – С.137-144.

8. Реан А.А. Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика / А.А. Реан, А.Р. Кудашев, А.А. Баранов. – СПб: прайм - ЕВРОЗНАК, 2006. – 479с.

9. Симаева И.Н. Психология адаптации личности к изменениям жизнедеятельности: автореф.дис....докт.психол.наук: 19.00.01 / И.Н.Симаева; РГПУ им. А.И. Герцена. – СПб., 2006. – 42с.

Вегетативный статус у молодых мужчин, предрасположенных к развитию гипертонической болезни

А.В. Дергунов, Г.Н. Комина
Военно-медицинская академия, 194044, г. Санкт-Петербург

Гипертоническая болезнь (ГБ) является широко распространенным заболеванием, в том числе и среди молодых людей, с высоким риском появления, как следствие, опасных осложнений и других заболеваний (В.Ю. Шанин и соавт., 2002). Поэтому вопросы ее профилактики и раннего выявления приобрели большое значение для здравоохранения и социально-экономической Программы России. Эффективное решение этих во-

просов связанные с успехами в раскрытии патогенеза этого заболевания, возникновение которого по современным представлениям связано с наследственной предрасположенностью. Однако, для развития заболевания необходимо инициирующее воздействие внешних (экзогенных) факторов. Суммарное влияние внутренних и внешних факторов определяет активность систем регуляции функций и действие соответствующих механизмов изменения деятельности системы кровообращения. В многоуровневых механизмах регуляции артериального давления важное место занимает вегетативная регуляция, отражая в эффекторном звене влияние всех вышележащих структур нервной системы.

Целью настоящего исследования явилось определение типа вегетативной регуляции деятельности системы кровообращения у молодых мужчин, предрасположенных к развитию ГБ.

В качестве показателя состояния вегетативной нервной системы использовали индекс напряжения (ИН) – один из количественных показателей вегетативного тонуса, позволяющий определить тип вегетативной регуляции. Обследованы 62 молодых мужчин в возрасте 19-23 года и 34 человека с диагнозом ГБ. Обследованы следующие группы: имеющие родственников, больных ГБ, либо первого порядка 20 человек (группа «ПРОБАНДЫ I», либо второго порядка – 22 человека (группа «ПРОБАНДЫ II», больные 34 человека (группа «ГБ») и здоровые лица, не имеющие родственников, больных ГБ – 20 человек (группа «ЗДОРОВЫЕ»). ИН определяли с помощью компьютерного цифрового реографа «Мицар» (Санкт-Петербург).

Результаты исследования представлены в таблице 1.

Таблица 1

Типы вегетативной регуляции у обследованных пациентов, %

Типы вегетативной регуляции	пробанды I (n=20)	пробанды II (n=22)	больные ГБ (n=34)	здоровые (n=20)
Ваготонический	32,2	61	36,5	59
Нормотонический	20,4	0	4,9	15
Симпатотонический	47,4	39	58,6	26

Проведенное исследование показало, что ваготонический тип регуляции преобладал в группе здоровых лиц и у пробандов II (59-61%), превышая число обследованных этого типа в группе ГБ и пробандов I. Симпатотонический тип преобладал в группе ГБ (58,6%) и был несколько меньше у пробандов II (39%) и здоровых (24%). Наименьшее количество обследованных во всех группах было отнесено к нормотоническому типу (0-20,4%).

Таким образом, было выявлено существенное различие в типовой структуре вегетативной регуляции среди различных групп молодых мужчин, обучающихся в условиях военного учебного заведения. Следует особо обратить внимание, что пробанды, имеющих больных ГБ родственников 1-го порядка в 47,4% были отнесены к симпатотоническому типу за счет уменьшения лиц с ваготоническим типом, приближаясь в этом отношении к больным ГБ. Значительное сходство в типовой структуре вегетативной регуляции обнаружено между группами пробандов II и здоровых лиц.

Механизмы и симптомы посттравматического стрессового расстройства

Добротворская С.Г.
Казанский гос. университет

Чрезвычайные ситуации, сопровождающиеся страхом смерти, характеризуются, прежде всего, сверхсильным воздействием на психику пережившего их человека. Поэтому у участников боевых действий, у освобожденных заложников, у людей переживших какую-либо катастрофу и т.д. развивается комплекс патологических симптомов, которые можно объединить под общим названием – посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР). Травмирующим фактором в таких ситуациях является чрезмерный стресс. При этом всякая травма вызывает ответные реакции со стороны организма, так как это связано с адаптацией, а состояния организма, связанные с адаптацией и способные ее нарушать, могут привести к серьезным психосоматическим нарушениям.

Термин "стресс" заимствован из науки геологии, им обозначено состояние напряженности между пластами земли. Этот термин был образно применен Г. Селье в 1960 к комплексу состояний человека, которые связаны с адаптацией. В целом стресс можно определить как защитную реакцию приспособления организма, являющуюся показателем состояния тревоги [1]. При этом сигналы раздражителя (стрессовые факторы) подготавливают организм к мобилизации внутренних резервов для адаптации.

Стрессовые факторы очень разнообразны, но среди них все же можно выделить две категории: по знаку реакции организма на стрессовый фактор - отрицательные и положительные. Деление можно производить и по источнику происхождения раздражителя - физические, такие как шум, монотонный или тяжелый физический труд и т.д. и психические, страх, агрессия и т.д. [1].

Из-за воздействия разных стрессовых факторов возникают разные стрессы. Но, несмотря на разнообразие стрессов, все же их объединяет

то, что при воздействии стрессового фактора в организме возникает серия определенных приспособительных реакций, направленных на обеспечение защиты. Эти реакции можно обозначить как общий адаптационный синдром или стресс [1]. Все эти процессы являются результатом гормональных изменений в организме.

Какие конкретно происходят изменения в организме?

Под воздействием чрезмерного раздражителя (стрессора) рефлекторно возникает усиленная секреция адреналина надпочечниками - это первая фаза стресса. Этот адреналин воздействует на гипоталамус, в котором стимулируется синтез фактора, вызывающего усиленное выделение адренотропного гормона гипофиза. Адренотропный гормон, в свою очередь, действует на надпочечники и вызывает усиление выработки глюкокортикоидов и минералкортикоидов - это вторая фаза стресса. Адреналин, глюкокортикоиды и минералкортикоиды повышают сопротивляемость организма стрессовым факторам [1]. То есть стресс - это гормонообеспеченный процесс. Но, хотя приспособительные реакции организма весьма стереотипны, диапазон гормональных сдвигов у разных людей отличается, особенно сильно он зависит от возраста человека. Необходимо отметить, стресс вызывает более выраженные гормональные сдвиги у пожилых людей, по сравнению с молодыми. С возрастом человек становится все более чувствительным к стрессовым воздействиям: давление стрессовых воздействий с возрастом усиливается, а вот характер адаптационных возможностей организма ухудшается. С возрастом изменения адаптационных возможностей формируют болезнь, которая может быть названа гиперadaptationом. Признаком этого нарушения является избыточный ответ адаптационной системы на стрессовый раздражитель [2].

Это снижает жизнеспособность стареющего организма: небольшой стресс вызывает сильную реакцию, но, когда воздействует сильный стрессовый фактор, организм уже не справляется с задачами адаптации. Гиперadaptation входит в группу главных болезней человека, поскольку играет большую роль в возникновении других заболеваний. В процессе старения увеличивается вероятность смерти под влиянием все меньших по выраженности стрессовых воздействий любого происхождения - это частично определяется гиперadaptationом [2]. Все дело в том, что чрезмерные гормональные сдвиги в пожилом и старческом возрасте приводят к истощению ресурсов организма.

Адекватные гормональные изменения необходимы для осуществления процесса адаптации, когда гормоны мобилизуют резервы организма на преодоление возникших трудностей, приводя его к повышенной физической готовности. При этом вегетативная нервная система изменяет свою регуляцию, все процессы в организме активизируются или угнетаются в соответствии с потребностями. Это направлено на скорейшее по-

лучение и перераспределение энергии, необходимой для защиты: повышается содержание в крови глюкозы и жира, в то время как процесс пищеварения замедляется. Частота пульса возрастает, кровяное давление повышается, что способствует улучшению кровоснабжения кровеносных сосудов конечностей. Изменяется и распределение крови: расширяются сосуды поперечно-полосатой скелетной мускулатуры, а также сосуды мозга и сердца, в результате чего усиливается прилив крови к ним. Увеличивается легочная вентиляция и скорость движения крови. При этом суживаются артерии внутренних органов.

После отдыха и прекращения стрессовых воздействий содержание стрессовых гормонов в крови, если не произошло необратимых процессов, восстанавливается до нормальных значений. Эта начальная часть реакций на стресс очень важна и имеет позитивный характер. Но, если реакция на стрессовый фактор чрезмерная или стресс действует длительно, тогда стрессовые изменения приводят к появлению всевозможных психосоматических расстройств в организме. Длительный стресс приводит к истощению организма, появляются повышенная раздражительность, переутомление, депрессия, различные заболевания.

Стресс - это процесс, который протекает через определенные фазы. Специалисты их охарактеризовали следующим образом.

1. Фаза "тревоги". В организме происходят процессы, создающие необходимые условия для борьбы со стрессом. Симптомы этой фазы: ускоренное сердцебиение, учащенное дыхание, мышечные зажимы, сухость в горле, головокружение, тошнота, онемение в конечностях.

II. Фаза "сопротивления". Если стрессовый фактор продолжает действовать на организм и это совместимо с его адаптационными возможностями, тогда происходит приспособление к изменившимся условиям. При этом симптомы первой фазы проходят, но сопротивляемость (резистентность) организма повышается, самочувствие человека приходит в норму.

III. Фаза "истощения". При длительном воздействии стрессового фактора адаптационные возможности исчерпываются: вновь появляются симптомы тревоги, при этом изменения уже могут носить необратимый характер. Все жизненно-важные функции организма прогрессивно угнетаются, и может возникнуть шок с летальным исходом.

Симптомы истощения: резкое ухудшение общего состояния, ослабление иммунитета, нарушения со стороны психики, умственные расстройства. В случае шока прогрессивно падает кровяное давление, температура тела и др. Терминальный шок даже в случае оказания адекватной медицинской помощи редко заканчивается благоприятным исходом.

Не затрагивая вопроса о терминальных состояниях, рассмотрим те негативные реакции, которые возникают при истощении вегетативных резервов организма. ПТСР - тот случай, когда резистентность организма снижена, и этот процесс уже подходит к опасной черте необратимости.

Стресс-система играет большую роль в развитии психосоматических заболеваний. Чрезмерное напряжение приводит, прежде всего, к существенным нервно-психическим нарушениям, проявлениями которых могут быть:

-чрезмерное возбуждение (включая нарушение сна, тревогу, навязчивые воспоминания, избегание ситуаций, ассоциирующихся с травматической);

-периодические приступы депрессивного настроения (притупленность чувств, эмоциональная оцепенелость, отчаяние, чувство безысходности);

-черты истерического реагирования (параличи, слепота, глухота, припадки, нервная дрожь).

-«солдатское сердце» (боль за грудиной, сердцебиение, прерывистость дыхания, повышенная потливость).

-синдром выжившего (хроническое «чувство вины оставшегося в живых»).

-флэшбэк-синдром (насильственно вторгающиеся в сознание воспоминания о «непереносимых» событиях).

-проявления «комбатной» психопатии (агрессивность и импульсивное поведение, злоупотребление алкоголем и наркотиками, беспорядочность сексуальных связей при замкнутости и подозрительности).

-синдром прогрессирующей астении (быстрое старение, падение веса, психическая вялость и стремление к покою).

-посттравматические рентные состояния (нажитая инвалидность с осознанной выгодой от полагающихся льгот и привилегий с переходом к пассивной жизненной позиции) [3].

Это симптомы посттравматического стрессового расстройства. ПТСР требует оказания пережившим травмирующее событие людям экстренной и квалифицированной медицинской и психологической помощи.

Литература:

1. *Кюнцель Д.* Организм человека. - Берлин, - 1988.
2. *Дильман В.М.* Четыре модели медицины. - Л.: Медицина, - 1987.
3. *Малкина-Пых И.Г.* Экстремальные ситуации. – М.: Изд-во Эксмо, - 2005. – 960 с. – (Справочник практического психолога).

Психологическая подготовка военнослужащих

Исмагилова Л.И.
Наб.Челнинский филиал КГУ

Психологическую подготовку раньше не считали важным элементом в общей подготовке военнослужащих, гораздо больше внимания уделяли идейно-политическому воспитанию. В последние годы ситуация измени-

лась коренным образом. Военные специалисты, анализируя боевые действия вооруженных сил США во Вьетнаме, советских войск в Афганистане, России в Чечне твердо убедились в необходимости целенаправленной закалки психики солдат и офицеров в обстановке, максимально приближенной к боевой.

Ряды армии и флота постоянно пополняются молодыми солдатами еще малознакомыми с военным делом, с современной техникой и оружием. 18–19 летние юноши, еще не окрепшие физиологически и психологически, часто попадают в состояние стресса, обусловленного социальной изоляцией от привычных условий их жизни. Изоляцию в условиях армейской службы мы рассматриваем как стрессогенный фактор, в связи с чем, в начале учебной деятельности у курсантов могут быть нарушены все виды адаптации: физиологическая, психологическая, социальная. Больше всего психологических срывов у личного состава происходит в первые 3–6 месяцев (в период втягивания военнослужащих в профессиональную деятельность).

В ходе обучения и воспитания любого специалиста военнослужащего предусмотрено формирование широкого спектра необходимых для выполнения профессиональной деятельности качеств.

Однако опыт боевых действий показывает, что не каждое качество, ранее сформированное, может проявиться у военнослужащего при изменении условий деятельности (погоды, рельефа местности, видимости, огневого воздействия и др.), особенно при переходе к ведению реального боя. Есть очень много примеров, когда воин успешно поражает мишень на учебных занятиях и далеко не лучшим образом ведет стрельбу при изменении условий боя, когда пассивно-оборонительные рефлексивно-фактически способствуют неадекватному поведению воина и снижает результативность боевой деятельности.

То есть фактор новизны порой играет решающую роль в проявлении у человека ранее сформированных качеств, а значит в выполнении упражнения. И задача состоит в том, чтобы еще в мирное время, в ходе обучения и воспитания, предусмотреть и поставить обучаемого в такие условия, в которых будут выработаны необходимые для выполнения боевой задачи психологические качества. Другими словами, в ходе повседневной учебно-боевой подготовки до минимума сократить все то новое, неизвестное, с чем человек может встретиться в бою.

То есть, наряду с обучением и воспитанием, в процессе которых частично осуществляется психологическая подготовка, решается ряд задач, позволяющих нам сделать вывод, что она является самостоятельной, имеет свои пути, средства, формы и методы.

Психологическая подготовка должна быть направлена: на повышение эффективности выполнения профессиональных задач; на обеспечение личной безопасности; на сохранение физического и психического здоро-

вья военнослужащих. В экстремальных условиях подготовки, в силу большой динамичности происходящих событий, на первый план по значимости и влиянию на поведение воинов выходят их боевые психические состояния, которые позволяют оперативно разрешать калейдоскоп меняющихся ситуаций. Основной упор делается на формирование устойчивой мотивации военнослужащего к профессиональному развитию через четкое определение ролевой позиции бойца-профессионала.

Проведение ряд специальных мероприятий по формированию у личного состава моральной и психологической готовности к деятельности в экстремальных условиях включает в себя:

- информационную подготовку (этнографические особенности региона предстоящего несения службы, предыстория конфликта, причины его возникновения, особенности оперативной обстановки и состояние дел на современном этапе);

- выработку у каждого военнослужащего убежденности в обоснованности целей и задач, стоящих перед отделом в период его пребывания в данном регионе (этот критерий включает в себя уверенность в гуманности и необходимости предпринимаемых правительством России мер по локализации и урегулированию конфликта, чувство правовой и социальной защищенности каждого воина и членов его семьи);

- подготовку личного состава к несению службы в неординарных условиях (погодных, сложных бытовых, социальной изоляции или даже враждебного отношения к воинам окружающего гражданского населения, физического и огневого противоборства);

- выработку у военнослужащих умения в случае необходимости действовать автономно;

- отработку специальных умений и навыков (оказание первой доврачебной помощи пострадавшему; общение с представителями конфликтующих сторон, умение по внешним признакам определять готовность собеседника к агрессивным действиям или располагать к себе граждан в процессе общения, вызывать у них чувство уважения; умение противостоять «мягкому нажиму», т.е. устойчивость к просьбам гражданских лиц, высказываемых в форме приглашения в гости, подношения даров, «слезных» уговоров о помощи и т.п., и связанных, как правило, с нарушениями должностных инструкций, отклонением от установленного маршрута, игнорированием правил сохранения служебной информации и т.п.).

При выполнении задачи боец-профессионал опирается на навыки, полученные во время обучения. Эмоции только мешают этому, изменяя физиологическое состояние и искажая внимание, память, мышление, делая человека уязвимым. Эмоциональное возбуждение вызывает подмену главной цели на эмоционально окрашенную, что «размывает» главную цель и мешает выполнению поставленной задачи. Чтобы выполнить задачу, используя профессиональные навыки, необходимо справиться с са-

мим собой. Поэтому, помимо специальных навыков, необходимы навыки саморегуляции, позволяющие отделить эмоции от выполнения задачи.

Воину, оказавшемуся в зоне вооруженного конфликта, приходится проживать две жизни: по законам мирного и по законам военного времени. Не разделяя мира и войны, оказавшись в экстремальной боевой ситуации, человек, сам не осознавая того, проявляет свою личность, стереотипы поведения, систему ожиданий, сформировавшиеся в условиях мирного времени. Это небезопасно для него самого, и поэтому он должен овладеть необходимым воину искусством – искусством, основанным на точных расчетах и прочных навыках. Для собственной безопасности воину необходима роль и навыки, подходящие для военного времени.

Психологическая подготовка военнослужащих это система целенаправленных воздействий, имеющая целью формирование и закрепление у воинов психологической готовности и устойчивости, преимущественно на основе самосовершенствования личностных и развития профессионально важных качеств, приобретения опыта успешных действий в моделируемых экстремальных условиях боевой обстановки.

Обучение саморегуляции подростков в подготовке к кризисным и экстремальным ситуациям

Исрафилов С.В.
ЦД(ю)ТТ, Нижнекамск

«Чтобы ты жил в эпоху перемен!» – древнее китайское проклятие. Эпоха перемен – обычное, и даже привычное, состояние для нас, для нашей страны. Любые социальные перемены всегда сопровождаются кризисными и экстремальными ситуациями.

Термин кризис (от греческого *krisis* – решение, поворотный пункт, исход) означает резкий, крутой перелом в чем-либо, тяжелое переходное состояние (4а, с. 654).

Кризис, согласно «Толковому словарю русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, это «резкий, крутой перелом в чем-нибудь, затруднительное, тяжелое положение» (10, с. 306).

Следовательно, кризисная ситуация – это совокупность затруднительных обстоятельств, положения, обстановки, в которой человек оказался по той или иной причине.

Кризисная ситуация – система внешних по отношению к субъекту условий, негативно воздействующих на его состояние и побуждающих и опосредующих его активность с целью преобразования или преодоления создавшейся ситуации.

Соответствующий китайский иероглиф состоит из двух частей: «опасность» и «шанс». Древнегреческое толкование слова «кризис»

(«решение») приводит нас к пониманию сущности этого явления. Подключив китайский вариант «шанс», можно проследить и перспективы (5. с.12).

Экстремальной (от лат. *Extremus* – крайний) называется ситуация, угрожающая физическому существованию человека (4b, с. 687). Нас интересует психологическая и эмоциональная подготовка подростков к действиям в кризисных и экстремальных ситуациях.

Подростковый период обычно рассматривается как промежуточная ступень между детством и взрослой жизнью. Его можно уподобить переброшенному между детством и зрелостью мосту, по которому каждый должен пройти, прежде чем стать ответственным и творческим взрослым человеком (11. с. 16).

Ведущей деятельностью подросткового возраста является общение со сверстниками. В общении подростки усваивают нравственные принципы, типичные для общества и конкретной социальной среды. Подросток стремится занять удовлетворяющее его положение среди сверстников. Его поведение отличается повышенной конформностью (изменением мнения, поведения под действием реального или мнимого давления группы) к ценностям и нормам группы сверстников. Мера конформности, по Г.М. Андреевой, «это мера подчинения группе в том случае, когда противопоставление мнений субъективно воспринималось как конфликт» (3, с.207).

Поведение подростков по своей сути является коллективно-групповым. Психологические функции, которые выполняют общества сверстников: 1) специфический канал информации, по которому подростки и юноши получают знания, которые по различным причинам не хотят или не могут дать взрослые; 2) специфический вид деятельности и межличностных отношений; 3) специфический вид эмоционального контакта (7, с.87-88).

Групповое воздействие сверстников на подростка очень сильно. Группа дает подростку ощущение безопасности, иногда иллюзорное. Это всегда использовали государственные, общественные, криминальные и прочие структуры, различные религиозные конфессии и секты. Все, кто понимает, что от того, какие культурные ценности подростки сегодня усвоят, каким богам и кумирам они поклоняются, зависят судьбы не только их самих, но, может быть, судьбы страны и мира.

Тем более, что одним из общих свойств любого человеческого конгломерата, любой большой группы, толпы, является подверженность внушению. Как писал Г. Лебон в знаменитом труде «Психология народов и масс» еще в конце XIX века: «Как у всех существ, находящихся под влиянием внушения, идея, овладевшая умом, стремится выразиться в действии. Толпа так же легко совершит поджог дворца, как и какой-нибудь высший акт самоотвержения; все будет зависеть от природы возбудите-

ля, а не от тех отношений, которые у изолированного индивида существуют между внушенным актом и суммой рассудочности, противодействующей его выполнению» (8, с.21). Это явление В.М. Бехтерев назвал психическим заражением.

И.С. Кон классифицирует подростковые и юношеские группы по характеру социальной направленности как просоциальные (социально положительные, способствующие развитию положительных социально-нравственных качеств), асоциальные, стоящие в стороне от основных социальных проблем, и антисоциальные (социально отрицательные) (7, с.100-101).

Асоциальные компании, которые объединяют, главным образом, совместные развлечения, могут перерасти в антисоциальные (от выпивки – к пьянству, от озорства – к хулиганству). Межличностные контакты в такой компании эмоционально значимы, но ограничены по содержанию и потому поверхностны.

Антисоциальные компании связывают кроме развлечений и общения, деятельность, направленная во вред обществу: пьянство, наркомания, правонарушения. Коллективизм заменяется групповым эгоизмом, и подросток некритически идентифицирует себя с группой и ее лидерами.

Особую роль в формировании антисоциального поведения играют криминальные группы подростков и юношей. Отсутствие понимания в семье или коллективе приводят к тому, что для сохранения контактов с группой подростки нередко готовы принять даже те нормы и моральные принципы группы, которые противоречат их собственными. И поэтому подросток с группой может пойти на преступление, которое в одиночку никогда бы не совершил.

Алкогольная и наркотическая зависимость, помимо прочих причин, заставляет искать новые, как правило, криминальные, источники финансов.

Преступность в поведении подростков и молодежи проявляется в гипертрофированном виде, так как они часто совершают преступления гораздо более жестокие, чем взрослые преступники. Подростки, наблюдая процесс расслоения общества по материальному благополучию, и видя криминальную основу этого благополучия, делают соответствующие выводы и зачастую уходят в организованные преступные группы, с целью обеспечения «красивой жизни». Поэтому предупреждение подростковой и молодежной преступности особенно актуально (6).

Рост преступности всегда связан с кризисом нравственности. Чем ниже нравственность, тем выше преступность. Что можно и нужно противопоставить антисоциальному поведению и криминализации подростков и молодежи?

Наверное, начать с того, чтобы использовать естественную реакцию группирования подростков со сверстниками и направить ее в просоци-

альное русло. Здесь невозможно обойтись без продуманной и взвешенной государственной политики. Но это проблема социальная. И хотя ее нужно решать как можно быстрее, нас интересуют механизмы психологические. Что могут сделать педагоги, психологи, родители.

Вначале нужно научиться открыто и честно говорить с подростками. Для этого не обязательно говорить на подростковом сленге, в устах взрослого человека это будет звучать, по крайней мере, смешно. Хотя педагогам и родителям не мешало бы его понимать. Но если говорить о хорошем, добром и вечном, и, в то же время, своими реальными делами демонстрировать противоположное, то доверия от подростков в этой жизни не дожидаться. Подростковый максимализм – а сам? Ведь дети и подростки о взрослых судят жестко и бескомпромиссно по делам их.

Боевики, триллеры, компьютерные игры со сценами насилия навязывают свои стереотипы поведения. Подросткам с их повышенной внушаемостью и комформностью часто трудно вернуться из виртуальной реальности в обычную жизнь, где жизнь у человека – одна, а не несколько, как в компьютерных играх. И только в кино после удара ножом или тяжелым предметом по голове человек красиво встает и продолжает действовать. В реальной жизни человек в такой ситуации, чаще всего, умирает или остается калекой, и это страшно. В итоге появляется не только размытость нравственных ориентиров, но и эмоциональная тупость – эмоциональное обеднение, утрата чувственной откликаемости, эмоциональная холодность, равнодушие, безразличие к другим людям.

Миямото Мусаси, знаменитый японский воин и фехтовальщик Средневековья, впервые убил врага будучи подростком, в тринадцать лет. Уже в зрелом возрасте, в своей «Книге пяти колец», которая до сих пор является настольной у многих японских политиков, военных, бизнесменов, спортсменов, он писал: «Убийство – не Путь человечества. Убийство – одинаково для тех, кто имеет навыки в единоборстве, и для тех, кто не имеет. Оно – одно и для женщины и для ребенка...» (9, с.167). Стоило бы прислушаться к мнению человека, которого в Японии называют кенсей – святой меча.

Для того чтобы противостоять деструктивному влиянию эмоций, нужно развивать самообладание, эмоциональную устойчивость (ЭУ). Эмоциональная устойчивость – это свойство, характеризующее индивида в процессе напряженной деятельности, отдельные эмоциональные механизмы которого, гармонически взаимодействуя между собой, способствуют успешному достижению поставленной цели (1, с.36).

Мы обучали детей и подростков саморегуляции психических состояний. Через управление своими эмоциями подростки учились управлять своим телом, своими мыслями. Человек, владеющий приемами саморегуляции, может снизить излишний уровень напряженности или преодолеть апатию, выработать положительную установку в любых условиях.

Установлено, что специально разработанная программа целенаправленного формирования и развития способов организации экстремальной деятельности приводит к более высокому уровню ЭУ. Тем самым показано, что хотя ЭУ и зависит от глубинных физиологических особенностей индивида, значительные резервы в ее повышении лежат в сфере обучения. Последняя должна быть организована так, чтобы процесс формирования представлял собой целостную систему эмоциональной саморегуляции напряженной деятельности, задающую единство аффективного и интеллектуального, эмоций и воли, эмоций и личности, эмоциональной и физиологической регуляций (2, с. 9).

Нужно научить переходить от аффектов, беспредметных эмоций, к предметным, деятельностным. Для этого надо овладеть деятельностью. С.Л. Рубинштейн писал, что «всякий психический процесс включен во взаимодействие человека с миром и служит для регуляции его деятельности, его поведения» (12, с.237).

В кризисной и экстремальной ситуации страдают чаще люди, не умеющие адаптироваться к непривычным условиям, то есть эмоционально неустойчивые личности. Подростку, умеющему управлять своим эмоциональным состоянием, легче восстановить эмоциональное равновесие и силы, сохранить физическое и психическое здоровье.

И проблема регуляции и саморегуляции эмоциональных состояний всегда будет актуальной, и не только в аспекте подготовки к действиям в кризисных и экстремальных ситуациях.

Литература

1. Аболин Л.М. Психологические механизмы эмоциональной устойчивости человека. Издательство Казанского университета, 1987. – 270 с.
2. Аболин Л.М., Садрисламов Г.Ф. Психологические механизмы и закономерности эмоциональной устойчивости человека в экстремальных условиях//Человек в экстремальных условиях: историко-психологические исследования. Материалы XVIII Международной научной конференции. – СПб.: Издательство «Нестор», 2005.
3. Андреева Г.М. Социальная психология. Учебник для высших учебных заведений. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 376 с.
4. Большой энциклопедический словарь: В 2-х т. / Гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Сов. Энциклопедия, 1991.
 - a. Т.1 – 1991 – 863 с.
 - b. Т.2. – 1991. – 708 с.
5. Дальке Р. Кризис как шанс начать жить лучше./Пер. с нем., под ред. Т.В. Гариной. – СПб.: ИГ «Весь», 2006. – 256 с.
6. Долгова С.В., Осипова Е.В. Подростково-молодежные группировки (общественная опасность и типология) – <http://www.pravoznavec.com.ua/books/letter>
7. Кон И.С. Психология старшеклассника: Пособие для учителей. – М.: Просвещение, 1980. – 192 с.

8. Лебон Г. Психология масс//Райгородский Д.Я. Психология масс. Хрестоматия. – Самара: Издательский Дом «БАХРАХ–М», 2001. – 592 с.
9. Миямото Мусаси. Книга пяти колец. – Ростов н/Д: «Феникс», 2004. – 128с.
10. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 8000 слов и фразеологических выражений/Российская Академия наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 2004. – 944 с.
11. Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. – СПб.: Питер, 2000. – 624 с.
12. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание / Бытие и сознание. Человек и мир. — СПб.: Питер, 2003. – 512 с.

Стрессоустойчивость как свойство необходимое субъекту для работы в экстремальных условиях

Калашникова М. М.

Камская гос. инженерно-экономической Академия г. Набережные Челны.

Устойчивость к стрессу – важный фактор сохранения нормальной работоспособности, эффективного взаимодействия с окружающими и внутренней гармонии человека в трудных, стрессовых условиях. Хорошо справляются со стрессом те люди, которые обладают достаточным уровнем психической устойчивости. В наиболее обобщенном плане ее характерные признаки образуют особую организацию существования человека как целостной системы, которая обеспечивает максимально эффективное собственное развитие и деятельность. Упрощенно психическую устойчивость человека можно определить, как способность предвидеть и предотвращать неприятные события в жизни, а в случае их возникновения без существенных потерь выходить из них. Психическая устойчивость – это крепость духа, несгибаемость, основа безопасности и живучести; она представляет собой гармоничность развития интеллектуальных, эмоционально-волевых и личностно-профессиональных качеств, которые обеспечивают успешность профессиональных действий и поведенческих реакций в процессе деятельности и жизненной стратегии. Исследование природы устойчивости, механизмов ее развития и проявления, зависимости от особенностей среды (ситуации), в которой находится человек и их влияния на жизнедеятельность человека позволяет понять сущность данного явления.

При изучении устойчивости, прежде всего, необходимо определить это понятие. Ситуация усложнена наличием широкого разнообразия терминов: ряд авторов называет данный феномен эмоциональной устойчивостью, другие – психологической устойчивостью, третьи подразумевают под этим устойчивостью личности, часто употребляются термины психофизиологическая устойчивость, моральная устойчивость, морально-психологическая устойчивость, эмоционально-волевая устойчивость. Та-

ким образом, категория психологической устойчивости до сих пор остается недостаточно изученной как в теоретическом, так и в экспериментальном планах, несмотря на то, что она давно и систематически исследуется в зарубежной и отечественной психологии.

По мнению некоторых авторов, сложность изучения категории психологической устойчивости заключается в том, что до последнего времени она разрабатывалась в рамках парадигмальной альтернативы "стабильность (ригидность) – изменчивость (лабильность, флексибельность)". В логике такого подхода понятие «устойчивость» подменяется понятием «стабильность», или же эти понятия рассматриваются как синонимы. [5, с. 12]».

Стабильность личности (ригидность) – это сохранность ее психики при постоянно меняющихся жизненных ситуациях, «как некая «константа», определяющая последовательный характер поведения индивида, способствующая целенаправленности его действий и поступков [5, с. 12]». Одновременно под стабильностью подразумевается инертность человека, затрудняющая приспособление к новым ситуациям, требующих перестройки ранее намеченной программы действий.

Изменчивость личности – трактуется в литературе как текучесть «психического материала» в условиях постоянно меняющихся жизненных событий, как приспособительная реакция на возникающие ситуации. Изменчивость, так же как и стабильность, имеет двойственную природу: с одной стороны, она может обеспечивать динамику личности, способствовать ее совершенствованию, с другой – может вести ее к распаду существования [5].

Психологическая устойчивость личности рассматривается вышеупомянутыми авторами «как подвижное равновесие ее состояния, сохраняемое путем противодействия, нарушающим это равновесие внешним и внутренним факторам, и как целенаправленное нарушение этого равновесия в соответствии с задачами, возникающими во взаимодействии личности со средой. Относительно этих задач личность формирует внутреннюю модель внешней (проблемной) ситуации, которая и определяет ее поведение [5, с. 13]».

Согласно исследованию М. Тышковой, устойчивость к стрессу понимается как: «1) способность выдерживать интенсивные или необычные стимулы, представляющие собой сигнал опасности и ведущие к изменениям в поведении; 2) способность выдерживать чрезмерное возбуждение и эмоциональное напряжение, возникающее под воздействием стрессоров; 3) способность выдерживать без помех для деятельности высокий уровень активации [8, с. 27]».

Л. М. Аболиным «устойчивость, толерантность к стрессу» сводится к понятию «эмоциональная устойчивость (ЭУ)». Исследователь понимает ЭУ как «свойство, характеризующее индивида в процессе напряженной

деятельности, отдельные эмоциональные механизмы которого, гармонически взаимодействуют между собой, способствуют успешному достижению поставленной цели [1, с. 36]».

А.М. Столяренко также рассматривает понятие устойчивости, но он использует термин «экстремальная устойчивость», которая, по его мнению, шире психологической устойчивости и не может быть производной только от его психофизиологической или эмоциональной устойчивости. Экстремальная устойчивость – «это системный продукт устойчивости всей психической деятельности и в решающей степени зависит от базовых, социально детерминированных свойств личности [7, с. 183]».

Этот автор оперирует также понятием «специальная психологическая устойчивость», обозначающее результат специального обучения, подготовки человека-специалиста к определенным экстремальным ситуациям и повышенным психологическим нагрузкам. По мере накопления человеком опыта преодоления различных трудных ситуаций в учебной обстановке, он уже не так остро реагирует на них в реальной экстремальной ситуации, человеку легче справляться со своими эмоциями и регулировать деятельность.

Устойчивость организма и устойчивость личности – две качественно различные ступени развития. Являясь продуктом социального развития человека, устойчивость личности имеет ряд коренных отличий от биологической устойчивости. На уровне биологической устойчивости эмансипированность организма от внешней среды есть по существу результат приспособления к ней; в условиях социального развития возникает новый, качественно отличный уровень эмансипации человека от непосредственного воздействия среды, когда человек начинает господствовать над ситуацией, нейтрализуя и преобразуя непосредственно действующие факторы. Устойчивость организма является, в основном, результатом изменения его природы; для устойчивости личности характерна способность человека преобразовывать свое поведение в соответствии с определенными потребностями и намерениями. Только человек может формировать внутреннюю цель своего дальнейшего развития. Чем более сложной и творческой является деятельность человека, тем большую роль в детерминации ее конечных результатов играет осознанный уровень системы регулирования деятельности [4].

Биологическая устойчивость определяется инвариантами, выработанными в процессе биологической эволюции организмов; устойчивость личности предполагает наличие нравственных инвариантов [7].

Психологическую сущность **устойчивости личности** составляет специфически личностная ориентация на отдаленные факторы. А.М.Столяренко приводит слова одного из создателей общей теории систем У.Р.Эшби (1964), который пишет: «Каждая стабильная система обладает тем свойством, что если ее вывести из состояния равновесия и

представить самой себе, то ее последующее изменение окажется в таком соответствии с исходным отклонением, что система вернется к состоянию равновесия». Из вышесказанного следует, что устойчивость – это особое свойство всей системы, характеризующее ее способность противостоять разрушающим факторам и самоорганизовываться. «Общая экстремальная устойчивость личности – одно из целостных проявлений ее внутреннего мира и не может быть сведено к какому-то отдельному элементу психики или к арифметической сумме нескольких [7, с. 184]». Известно, что между элементами единой системы существует взаимосвязь, взаимное влияние, которые связывают их между собой, поэтому «экстремальная устойчивость, являясь свойством всей психологии личности, укрепляет одновременно устойчивость каждого ее элемента. Проявление устойчивости отдельными элементами личности (характером, эмоциями, волей, психофизиологическими особенностями, знаниями, навыками и пр.) помимо собственных характеристик зависит и от взаимодействия с другими элементами и общей экстремальной устойчивости как целостного системного свойства [7, с. 184]».

Исследователи В.А.Бодров и А.А.Обознов используют термин «стрессоустойчивость», под которым они понимают «интегративное свойство человека, которое: 1) характеризуется необходимой степенью адаптации индивида к воздействию экстремальных факторов среды и профессиональной деятельности; 2) детерминируется уровнем активации ресурсов организма и психики индивида и 3) проявляется в показателях его функционального состояния и работоспособности [3, с. 32]».

А.А. Баранов, используя термин стрессоустойчивость, понимает под данным явлением «такое интегральное психологическое свойство человека как индивида, личности и субъекта деятельности, которое обеспечивает внутренний психофизиологический гомеостаз и оптимизирует воздействие с внешними эмоциогенными условиями жизнедеятельности. Соответственно стрессоустойчивость может рассматриваться с одной стороны, как свойство, влияющее на результат деятельности и, с другой, как характеристика, обеспечивающая константность личности, как системы» [2, с. 13].

Важную мысль по этому поводу высказал В.А. Пономаренко: «... в вопросе, как готовить человека-профессионала к преодолению экстремальной среды, внутриличностного конфликта... надо знать, что страшит конкретного субъекта: утрата материального положения, чести и достоинства, отвержение профессиональным сообществом или утрата самой жизни? Какие ценности исповедует профессионал, каковы его культура, здоровье, уровень интеллекта, выраженность профессионально значимых качеств, мотив к достижению, природа его натуры, уровень целостности личности, чем наполнена потребностная среда и т.д. и т.п. [6, с.38-39]». Автор уверен, что нельзя повысить надежность действий человека, работающего в

экстремальной ситуации, путем отработки только сенсомоторных исполнительских действий, доведенных до автоматизма, так как это «противоречит объективной психологической сущности нештатной ситуации [6, с. 39]». Исследователь считает, что «в экстремальных ситуациях физиологические механизмы ориентировочной реакции, доминанта, стереотипы, оперативная память могут выступать как помеха для решения задач [6, с. 41]», а «интеллектуальный уровень поведенческих действий с подключением нравственных резервов в виде долга и чести на основе отношения к своей профессии и к себе как профессионалу формирует новую смыслообразующую цель – преодоление и победу [6, с.41]». Таким образом, быстрота и готовность переключения с одного уровня регуляции поведения к другому – это и есть основа стрессоустойчивости и фундамент успеха.

Итак, анализ психологических исследований по проблеме устойчивости позволяет сделать ряд выводов. Не существует единого общепринятого определения понятия «устойчивость». Мы понимаем «психологическую устойчивость», с одной стороны – как результат эмоциональной саморегуляции напряженной, экстремальной деятельности; с другой – как качество личности, приобретаемое субъектом и проявляющееся у него в единстве эмоциональных, интеллектуальных, волевых и других отношений, в которые он вовлекается в условиях эмоциогенной деятельности. Устойчивость личности трактуется как стабильность, инертность, затрудняющая приспособление к новым ситуациям, но и изменчивость, которая считается свойством, противоположным устойчивости, имеет двойственную природу: с одной стороны она может обеспечивать развитие личности, с другой – привести к ее деструкции. Почти все исследователи связывают проявление устойчивости с напряженными и экстремальными ситуациями деятельности субъекта. Устойчивость организма и устойчивость личности – две качественно различные ступени развития. Большинство исследователей отмечает комплексность, сложность, противоречивость устойчивости как психологического явления.

Все это свидетельствует о недостаточной изученности социально-психологических аспектов данного явления, в том числе детерминант и механизмов устойчивости. Понятно, что изучение устойчивости имеет несомненную актуальность для психологической теории и практики, необходимо также изучать все факторы и критерии устойчивости, которые тоже чрезвычайно важны. Еще более важной для науки задачей представляется определение способов, путей управления и формирования устойчивости человека к стрессогенным факторам, к деятельности в экстремальных условиях.

Литература:

1. Аболин Л. М. Психологические механизмы эмоциональной устойчивости человека / Л. М. Аболин. – Казань: Издательство Казанского университета, 1987.- 262с.

2. Баранов А. А. Психологическая стрессоустойчивость и мастерство педагога: Теоретические и прикладные аспекты: автореф. дис. ...док. псих. наук: 19.00.07 / А. А. Баранов. – СПб, 2002. – 41с.
3. Бодров В. А. Система психической регуляции стрессоустойчивости человека-оператора / В. А. Бодров, А. А. Обознов // Психологический журнал. – 2000. - т. 21, №4. - С. 32
4. Конопкин А. О. О психологическом аспекте самопрограммирования трудовой деятельности / А. О. Конопкин // Соотношение биологического и социального в человеке: сб. науч. ст. – М., 1976. - С. 151-164.
5. Крупник Е. П. Психологическая устойчивость личностных конструктов в период взрослости / Е. П. Крупник, Е. Н. Лебедева // Психологический журнал. – 2000. - №6. - С. 12-22.
6. Пономаренко В. А. Экстремальность и проблема отношения к профессиональной деятельности и в профессиональной жизнедеятельности / В. А. Пономаренко // Мир психологии. – 2006. - №4. –С. 38-46.
7. Столяренко А. М. Экстремальная психопедагогика: учеб. пособие для вузов/ А. М. Столяренко. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 608с. (Серия «Психология XXI века»).
8. Тышкова М. Исследование устойчивости личности детей и подростков в трудных ситуациях / М. Тышкова // Вопр. психологии. - 1987. - №1. - С. 27-33.

Оптимизация распределения внимания и саморегуляции стрелка при формировании двигательных навыков стрельбы из пистолета

Работа поддержана государственным контрактом Федерального агентства по науке и инновациям № 02.522.11.2004.

Коликов М.Б.¹, Напалков Д.А.², Рамендик Д.М.², Ратманова П.О.²

¹ Российский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, Москва ² Московский гос. университет имени М.В. Ломоносова

Стрельба из пистолета является как олимпийским видом спорта, так и важнейшей частью профессиональной подготовки военнослужащих. Известно, что спортсмены-стрелки и, тем более, военнослужащие, находящиеся в экстремальных условиях, испытывают большие нервно-психические стрессовые нагрузки, которые, оказывая влияние на психофизиологическое состояние, снижают качество выполнения сложнокоординированных и точностных движений, что негативно влияет на результативность стрельбы. Поэтому процесс тренировок обязательно должен включать обучение навыкам саморегуляции. Важнейшими условиями эффективности такой подготовки стрелков являются обучение регуляции психофизиологического состояния, точной координации движений всего тела и правильному распределению внимания. Однако, сложившиеся методы этого обучения не достаточны для быстрой подготовки стрелков вы-

сокого класса и совершенно не удовлетворительны при стрелковой подготовке военнослужащих.

При классическом подходе к обучению стрельбе используют детальные наставления о том, как должно выполняться каждое действие при подготовке и произведении выстрела. Предполагается, что точное последовательное выполнение всех действий должно обеспечить точное попадание в цель. Частичная автоматизация действий достигается в результате очень длительных тренировок. Индивидуальные особенности каждого спортсмена не игнорируются, но рассматриваются как препятствия, которые должны быть преодолены для совершения «идеального» выстрела (Юрьев, 1962).

С точки зрения теории обучения, такую традиционную схему тренировок можно описать необихевиористской моделью «Т-О-Т-Е»: проба → операция → новая проба → результат. Иначе говоря, процесс обучения представляет собой многократно повторяющийся цикл проб, коррекции и новых проб. Наилучший результат (удачный выстрел) фиксируется во всех подробностях для последующего повторения, т.е. спортсмен стремится запомнить, как он стоял, дышал, держал оружие, прицеливался, для того, чтобы затем контролировать все свои действия, сверяясь с этой внутренней моделью (Куделин, 2006). Тренировки, выполняемые по такой схеме, являются долгими и трудными, как для спортсмена, так и для тренера. Высокие спортивные результаты могут быть достигнуты и достигаются, однако навык стрельбы, выработанный с использованием описанных выше подходов к тренировкам, плохо переносится на военно-прикладные условия.

Более эффективной представляется технология тренировок, основанная на модели обучения, которая известна как «поэтапное формирование умственных действий» (Гальперин, 1976). Согласно этой модели, оптимальное обучение не представляет собой «пробы → ошибки → коррекцию ошибок → новые пробы». Обучение начинается с выявления и осознания ключевых пунктов, от которых зависит успешность действия. Именно эти пункты человек контролирует с помощью сознательного внимания. По мере овладения навыком этот контроль уходит из сознания, но при изменении условий, появлении новых препятствий, может быть возобновлен. Благодаря этому навык приобретает гибкость и адаптированность и может быть перенесен из условий тира в непредсказуемые условия реального боевого применения.

Теоретической психофизиологической базой данного подхода является теория Н.А. Бернштейна об иерархической организации управления сложными движениями и вниманием (Бернштейн, 1991). Согласно данной теории, по мере овладения навыком управление почти всеми фазами движения (при стрельбе – положением тела стрелка, подготовкой оружия, прицеливанием, нажатием на спуск) переводятся на таламопаллидарный уровень, т.е. уходят из коры больших полушарий. За выс-

шим, пирамидально-стриарным уровнем должно остаться только определение цели и момента выстрела, а также принятие решения о прекращении или продолжении стрельбы. При этом стрелку важно осознать и почувствовать то, что каждая фаза движения важна не сама по себе, а как подготовка к следующей фазе обеспечения достижения основного результата – точного и своевременного выстрела. В таком случае, отдельные помехи (например, перекося патрона, неточности позы и т.п.) перестают играть существенную роль. Именно тогда движения стрелка станут быстрыми и точными, а сам навык – устойчивым к стрессирующим факторам в экстремальных условиях.

Многие тренеры подчеркивают важность владения стрелком набором особых психологических «инструментов» саморегуляции, то есть навыками осознанного управления функциями собственного организма. Эти широко известные приемы релаксаций, аутотренинга и т.п. разработаны несколько десятилетий назад и с тех пор используются практически в неизменном виде (Сандомирский, Кечеджан, 2004). С одной стороны, они доказали свою надежность и эффективность на практике, с другой – рутинны и трудоемки в освоении и могут быть малопригодны для военнослужащих, а не спортсменов. В данном случае, перспективными могут быть методики, основанные на принципе биологической обратной связи. В качестве параметров регуляции могут быть использованы физиологические показатели стрелка.

Так, показано, что распределение внимания у стрелков высшей квалификации и у начинающих стрелков имеет существенные отличия. Проведена серия психофизиологических экспериментов, в которых участвовали стрелки высшей квалификации и испытуемые, не обучавшиеся ранее стрельбе (контрольная группа). Во время подготовки к выстрелу, самого выстрела и непосредственно после него регистрировали ряд физиологических показателей, в частности электроэнцефалограмму. Результаты анализа показали, что у испытуемых контрольной группы прицеливание вызывает выраженную депрессию альфа-ритма, что указывает на концентрацию зрительного внимания на мишени и прицельном приспособлении пистолета. У стрелков высокой квалификации депрессия альфа-ритма во время прицеливания не выражена. Данные отличия можно объяснить тем, что у стрелков высокой квалификации внимание в процессе прицеливания распределяется, в основном, между удержанием оружия и нажатием на спуск, в то время как у испытуемых контрольной группы внимание распределено, в основном, между прицельным приспособлением пистолета и мишенью, что является нерациональным и приводит к ошибкам в стрельбе (Напалков и др. 2007).

Данное предположение косвенно подтверждается и при анализе устойчивости различных групп испытуемых с использованием стабиллоплатформы «Стабилан 01-2», которая позволяет измерять смещение центра давления

системы «тело стрелка-оружие» на опору в процессе прицеливания и выстрела. Исследовали 3 группы испытуемых: сотрудников МГУ, военнослужащих и членов Национальной сборной России по стрельбе. При открытых глазах устойчивость у стрелков высшей квалификации лучше, чем у военнослужащих, не проходивших специальной подготовки. Устойчивость у военнослужащих лучше, чем у сотрудников МГУ. При закрывании глаз происходит резкое ухудшение устойчивости и у сотрудников МГУ, и у военнослужащих. У данных испытуемых зрительный анализатор является ведущим, и его выключение из процесса поддержания равновесия является значимым. В тоже время, у членов Национальной сборной России по пулевой стрельбе подобных изменений не происходит: устойчивость либо существенно не ухудшается, либо (у одного испытуемого) даже улучшается при выключении из процесса ее поддержания зрительного анализатора.

Таким образом, можно предположить реализацию различных схем распределения внимания во время прицеливания. Неопытный стрелок принимает изготовку, поднимает руку, совмещает прицел с мишенью. Преобладает зрительное внимание, так как с помощью зрения формируется обратная связь, регулирующая положение пистолета. Отклонения прицела от мишени фиксируются и оцениваются с помощью зрительного анализатора, далее следует команда мышечной системе на исправление ошибки. Как правило, происходит «пронос» оружия в сторону корректирующего движения, что вызывает движение в обратном направлении. В результате наблюдаются колебательные движения, и успех выстрела зависит от того, в насколько «удачный» момент произошел выстрел, и насколько велика амплитуда колебаний. Только люди с очень высокой степенью двигательной одаренности после длительных тренировок могут достичь высокого результата. Кроме того, ввиду невозможности распределения внимания между большим количеством элементов и задействованности разных анализаторов в процессе, происходит сброс внимания с удержания оружия при нажмe на спуск пистолета.

Опытный стрелок принимает изготовку, поднимает руку, совмещает прицел с мишенью. После этого происходит перераспределение внимания со зрительного анализатора на кинестетический. Внимание направлено на поддержание нужного мышечного тонуса (причем, по-видимому, не на поддержание равновесия, так как это вызовет колебания по механизму обратной связи, сходному с описанным выше), также внимание направлено на удержание оружия и нажим на спуск. Колебания минимальны, оружие удерживается в точке прицеливания не за счет зрения, а за счет точного сохранения положения системы «тело стрелка – оружие». Выстрел производится во время достижения положения наибольшей стабильности. Отсутствуют ошибки, связанные со сбросом внимания с удержания оружия при обработке спуска.

Мы предположили, что среди наиболее успешных стрелков преобладают люди с ведущей кинестетической системой, поскольку им

легче сосредоточить внимание на своем теле и управлять им произвольно так, как это требуется для успешной стрельбы.

Получить некоторую вероятностную информацию о том, какая из сенсорных (воспринимающих) систем играет у человека ведущую роль, можно с помощью так называемых «ключей доступа»: лингвистического – предпочтения в речи тех или иных слов (прежде всего - глаголов и описаний) и оптокинестического – направление взгляда при разговоре. (Отметим, что «ключи доступа» описаны многократно как эмпирические наблюдения, но нам неизвестны какие-либо их физиологические или психологические исследования). Имеется обобщенная статистика (Брунер, 1977), согласно которой среди европейцев людей с ведущими визуальной и звуковой системами – по 40%, людей с ведущей кинестетической системой – 20%.

Был проведен эксперимент, в котором в качестве испытуемых участвовал 21 военнослужащий, проходивший стрелковую подготовку. С испытуемыми проводили индивидуальную беседу, во время которой задавали вопросы, «адресованные» к зрительной или кинестетической сенсорной системам. Фиксировали ответы испытуемого и движения его глаз. До эксперимента профессия и уровень стрелкового мастерства испытуемых экспериментатору известен не был, но после беседы тренер по стрельбе давал оценку уровню подготовки каждого.

Из 21 испытуемого у 13 (62%) преобладала кинестетическая система. 5 человек имели ведущую визуальную систему, 2 – слуховую, 1 – неопределенную. Все стрелки, которые были оценены тренером как наиболее способные и перспективные, были кинестетиками, только у одного визуальная и кинестетическая системы были развиты в равной степени.

Таким образом, правильное распределение внимания и обучение стрелка основам саморегуляции смогут существенно повысить скорость подготовки военнослужащих и увеличить надежность выполнения стрельбы в экстремальных условиях. Необходимо отметить, что перспективы разработки методик оптимизации функционального состояния стрелка с помощью биологической обратной связи существенно зависят от разработки аппаратных средств, пригодных для использования и военнослужащими, и спортсменами. Существующая аппаратура, позволяющая регистрировать широкий набор физиологических показателей, достаточно громоздка, связана кабелем с компьютером, что исключает регистрацию в движении, и не приспособлена к работе в полевых условиях. Необходима разработка специального портативного носимого блока, способного обеспечить регистрацию ЭЭГ, ЭМГ, ЭКГ, дыхания и других физиологических показателей в полевых условиях. Данная аппаратура должна быть обеспечена телеметрической связью с компьютером тренера, и позволять как подавать сигналы спортсмену в ручном режиме, так и проводить сеансы биоуправления по заданным программам.

Мобилизация человеком ресурсов совладания в преодолении сложных ситуации

Кочкарева И.В.
Омский Гос. Педагогический Университет

Современное общество характеризуется повышением требований к качеству жизни и профессиональной деятельности. В то же время усиливается воздействие на человека разнообразных стрессогенных факторов таких, как увеличение темпа современной жизни, природные и техногенные катаклизмы. В связи с этим встает проблема изучения ресурсов человека, влияющих на выбор и реализацию стратегий совладания.

Ресурсы совладания чаще всего как в зарубежной (C.R. Snyder, C.E.Ford, R.N. Harris), так и в отечественной (В.А.Бодров) психологии трактуются как некоторые характеристики личности и среды, которые помогают человеку мобилизоваться для преодоления трудностей. Если ученые (Taylor S.E., В.А.Бодров и др.) и говорят о содержании внешних (поддержка, помощь близких людей) и внутренних (локус контроля, оптимизм, аффилиация и др.) ресурсов, то процесс их мобилизации остается не раскрытым.

В отечественной психологии процесс преодоления трудностей и мобилизации человеком собственных сил можно встретить в трудах ученых, занимавшихся проблемами воли (Л.С.Выготский, В.А.Иванников, Е.П.Ильин, В.И.Селиванов, Ш.И.Чхартишвили, и др.). По мнению В.И.Селиванова, волевое усилие является одним из главных средств, с помощью которых человек осуществляет власть над своими побуждениями, это «особое психическое напряжение, сознательно вызываемое каждый раз, когда личность испытывает дефицит энергии и стремится мобилизовать её резервы, чтобы преодолеть трудности, препятствующие достижению цели» (В.И.Селиванов, 1982). Можно согласиться с В.К.Калиным, что за волевым усилием скрыта особая активность в виде внутреннего волевого действия, направленного на мобилизацию возможностей человека. Однако данное внутреннее действие, приводящее к мобилизации и формированию нужного побуждения, остается не раскрытым.

В.А.Иванниковым была предпринята попытка объяснить формирование волевого побуждения через изменение или создание дополнительного смысла (В.А. Иванников, 2006). Другими словами, действие начинает выполняться ради личностных ценностей человека, чем подчеркивается значимость происходящего для личности в объяснении возникновения смысла действия. По сути, автор говорит об отдельных образующих механизма совладания. Однако здесь встает вопрос о понимании самого психологического механизма, его структуры и организации.

На наш взгляд продуктивно под психологическим механизмом понимать постояннодействующую или ситуативно возникающую целостную психологическую организацию (систему), обеспечивающую выполнение тех или иных регулятивных функций. Психологический механизм регуляции включает в себя основные подсистемы регуляции: ценностно-смысловую, активность и рефлексивность (А.С.Шаров).

Что активизирует механизм совладания, задает его архитектуру? Механизм совладания начинает функционировать в ситуации угрозы потери ценностной позиции человека (авторитет, самоуважение и др.), чем на наш взгляд является стремление к значимости собственной личности (А.С.Шаров, 2000). Стремление к значимости, как базовая потребность человека, раскрывается в ценностях, смыслах, мотивах, установках жизнедеятельности, т.е. отражает зависимость человека от окружающего мира. Это проявляется в специфике саморегуляции активности личности за счет того, что значимость, с одной стороны, структурирует поступающую информацию, с другой, открывает субъекту различные аспекты внешнего и внутреннего мира.

В связи с этим предполагаем, вид стремления к значимости собственной личности задает специфику функционирования механизма мобилизации ресурсов. Для доказательства гипотезы, было проведено эмпирическое исследование, в котором принимали участие студенты 2 курса ОмГПУ (50 человек) и учащиеся 8 классов СОШ № 116 г. Омска (48 человек). Испытуемым предлагались следующие методики: «Изучение тенденций человека к повышению значимости собственного «Я» (А.С.Шаров); опросник «Смыслы жизнедеятельности человека» (А.С.Шаров); «Накопление эмоционально-энергетических зарядов, направленных на самого себя» (В.В.Бойко); «Изучение индивидуальной меры рефлексивности (А.В.Карпов); методика изучения рефлексивных механизмов воображения (А.С.Шаров); опросник «Юношеская копинг-шкала» (ЮКШ-ACS) Э.Фрайденберг, Р.Льюис, адаптированный Т.Л.Крюковой.

Изучая стремление к значимости собственной личности и стратегии совладающего поведения, мы выявили три группы юношей и девушек. Так, первая группа испытуемых, условно её назовем «самопротраивающиеся», включает в себя 57 % от общей выборки. Для таких людей характерна направленность на созидание себя, саморазвитие, т.е. стремление к вполне определенным ценностям, смыслам, целям и мотивам. Юноши и девушки данной группы чаще используют стратегии непродуктивного стиля.

Вторая группа испытуемых, которую будем считать «самоутверждающимися», составляет 23 % от общего числа. Юношам и девушкам данной группы свойственно возвышать себя по отношению к окружающим, важно, чтобы другие люди их уважали и ценили за что-то. Наибо-

лее предпочитаемыми в данной выборке являются стратегии социального стиля совладания.

И последней, наименьшей по составу группе, составляющей 15 % от общего количества участников исследования, дадим название «самореализующиеся». Для самореализующегося человека важны его реальные достижения и результаты воплощения в жизнь своего потенциала, созидание и творчество в осуществляемой деятельности. Испытуемыми данной группы в большей степени используются стратегии продуктивного стиля совладания.

Получается, что виды стремления к значимости собственной личности соотносимы с предпочитаемыми стратегиями совладания. Стремление к собственной значимости, актуализируясь в ситуации угрозы потери важного для человека, распределяется в ценностно-смысловых образованиях. Поэтому мобилизация собственных сил человеком будет зависеть от рефлексивной работы личности со смыслами. Именно смыслы связывают настоящее с прошлым и предстоящим посредством создания образов будущего, переживания, предвидения возможных последствий разрешения ситуации. Результаты проведения методики по выявлению рефлексивных механизмов воображения объясняют специфику мобилизации человеком себя.

Так, в группе «самопротраивающихся» преобладает рефлексивный механизм мобилизации, проявляющийся в проигрывании социально желательного взаимодействия в конкретной ситуации, комбинировании образами. Высокие показатели конативной и аффективной активности говорят о важности взаимодействия с друзьями, близкими, которые подкрепляют, поддерживают, одобряют и этим создают необходимый настрой для преодоления. Высокие показатели рефлексии будущего и рефлексии настоящего свидетельствуют о выстраивании перспектив жизни, мечтаниях, которые осуществляются зачастую в ущерб настоящему. Поэтому взаимодействие с окружающими людьми дает возможность как бы «собрать» себя из будущего в возникшей ситуации через нахождение личностного смысла.

У «самоутверждающихся» доминирует механизм мобилизации, посредством которого они осмысливают возникшую ситуацию, пытаются выйти на основания жизнедеятельности. Преобладание аффективной и когнитивной активности говорит о переживании, стремлении преодолеть возникшие трудности. Высокие показатели ретрорефлексии и рефлексии настоящего свидетельствуют об обдумывании прошлых событий, анализе сложившейся ситуации, однако, существуют трудности в выстраивании жизненных перспектив, о чем свидетельствуют невысокая рефлексия будущего. Поэтому, человек находит себя в настоящем, стремится принадлежать к группе, ощущая тем самым защищенность. «Растворяясь» в социальном взаимодействии, таким юношам и девушкам трудно создать эмоционально-энергетическую напряженность, необходимую для преодоления.

В группе «самореализующихся» выявлен механизм мобилизации, который позволяет осуществить работу "в себе", создать необходимый настрой для преодоления трудностей посредством представления значения возникшей ситуации для жизни в целом. Высокий уровень когнитивной активности и низкие показатели конативной активности свидетельствует о некотором внешнем бездействии и преобладании размышлений о произошедшем, активной внутренней работе. Такая работа предполагает обращение, в разной степени, как к прошлому, так и к будущему. Достаточно высокие показатели ретрорефлексии, рефлексии настоящего и рефлексии будущего говорят о непрерывной линии жизни. Направленность в прошлое и в будущее указывает на стремление сохранить имеющуюся ценностную позицию и антиципирование, сравнение возможных вариантов разрешения проблем. Другими словами, у таких испытуемых больший спектр для хождения смысла деятельности, поскольку они собирают себя из прошлого и будущего для реализации в настоящем. Сокращение "расстояния" до цели ("градиент цели", К.Халл) за счет возможного приближения к положительным последствиям или избегания потенциально отрицательных результатов способствует созданию необходимого напряжения, о чем свидетельствует направленность воображения на эмоционально положительное и эмоционально отрицательное. Эмоциональная напряженность в большинстве случаев достигает среднего уровня, что говорит об оптимальном настрое для совладания.

Интерес представляют и возрастные особенности проявления механизмов мобилизации. Так, у учащихся школы, стремясь к самопротраиванию и самоутверждению через общение с друзьями, принадлежность к группе и др. получают необходимые переживания, настрой для преодоления сложных ситуаций. В студенческой выборке наблюдается несколько иная картина. Ведущий механизм мобилизации в этой группе позволяет осуществить рефлексивную внутреннюю работу, для создания необходимого эмоционального напряжения, зачастую независимо от окружения.

Подводя итог, можно сказать, что существует механизм мобилизации ресурсов совладающего поведения. Он актуализируется в ситуации потери ценностной позиции человека, в качестве которой выступает стремление к значимости собственной личности. В зависимости от вида значимости человек будет искать силы либо в себе, либо через окружающих, что даст ему необходимое напряжение для преодоления. Нужный настрой, эмоционально-энергетическая направленность появляется за счет переоформления во внутреннем мире человека ценностной позиции. Такая работа «в себе» позволяет стать внутренне свободным на какой-то промежуток времени, лучше увидеть, понять реальность и самого себя, что проявляется новой организации собственной значимости и выборе стратегии совладания.

Психологическое сопровождение профессиональной деятельности сотрудников ОВД в северо-кавказском регионе

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта по приоритетным направлениям развития науки в Архангельской области по проекту №10-10

Ксенофонтов А.М., Новикова И.А.
УВД Архангельской области,
Северный гос медицинский университет, г. Архангельск

Решение стоящих перед органами внутренних дел (ОВД) задач по охране общественного порядка и борьбе с преступностью требует всестороннего обеспечения деятельности сотрудников и подразделений – кадрового, материально-технического, информационного, финансового, правового и т.д. В ряду специальных мер обеспечения эффективного и качественного выполнения оперативно-служебных задач важное значение имеет психологическое обеспечение (Будницкий О.В., 1996; Васильев В.Л., 1997; Пушкарев А.Л., 2000).

Психологическое обеспечение деятельности ОВД – это принятие психологически обоснованных правовых, организационных мер, управленческих и кадровых решений, направленных на совершенствование системы работы с личным составом, улучшение качественного состава и уровня подготовленности кадров, повышение эффективности оперативно-служебной деятельности в обычных и экстремальных условиях на основе мобилизации психологического потенциала личности, коллектива, организационной структуры и системы управления ОВД (Тарабрина Н.В., 2001).

Сотрудники ОВД, принимающие участие в контртеррористических операциях, подвергаются воздействию сильных психотравмирующих факторов. Выполнение служебно-боевых задач в условиях, сопряжённых с постоянным риском для жизни, даже без участия личного состава в активных боевых действиях, порождает стойкую тенденцию развития отрицательных психических состояний, приводит к резко выраженной социально-психологической дезадаптации, неблагоприятным изменениям личности сотрудников. Существенно снижается нервно-психическая устойчивость, появляются немотивированные страхи, головные, сердечные боли, безразличие и депрессия, возникают необратимые психофизиологические изменения, растёт число чрезвычайных происшествий, увольняемых по отрицательным мотивам или по собственному желанию, самоубийств (Марьин М.И., Касперович Ю.Г., 2002).

Психологическое сопровождение сотрудников – это комплекс психологических мероприятий, направленных на оценку, прогнозирование динамики и коррекцию психического состояния сотрудников, социально-

психологических процессов и боеспособности подразделений в различные периоды профессиональной деятельности (Бурыкин В.М., 2004).

При разработке основных направлений психологического сопровождения сотрудников ОВД были использованы данные психологического обследования 74 сотрудников ОВД в 2000-2003 годах и 32 - в 2005-2006 годах в период их участия в боевых действиях в Северо-Кавказском регионе. Средний возраст составил $29,0 \pm 1,22$ и $32,60 \pm 1,27$ года, соответственно. Все являлись сотрудниками милиции Архангельской области. Использовались методики: Многоуровневый личностный опросник (МЛО) «Адаптивность», опросник «Мини-мульт», «Опросник травматического стресса», тест «Шкала самооценки», Цветовой тест Люшера, тест Шульте, 16-ти факторный личностный опросник Р.Кеттелла.

В результате были разработаны основные направления психологического сопровождения сотрудников ОВД в Северо-Кавказском регионе. Мероприятия по психологическому сопровождению должны включать: мониторинг психического состояния сотрудников, выявление лиц, находящихся в состоянии эмоционального стресса, с дезадаптивными нервно-психическими состояниями; психологический анализ причин неадекватного поведения сотрудников (высокого уровня тревожности, страха, снижения мотивации) и предупреждения их развития; проведение мероприятий по коррекции психического состояния, профилактика посттравматических стрессовых расстройств; изучение социально-психологического климата и межличностных отношений в коллективе, разработка рекомендаций по оптимизации межличностных отношений; психологическую подготовку сотрудников к выполнению наиболее сложных профессиональных задач.

При подготовке сотрудников в Северо-Кавказский регион необходимо формировать: уверенность в законности выполняемой работы; убежденность в необходимости предпринимаемых мер по локализации и устранению конфликта; чувства правовой и социальной защищенности сотрудника и его семьи; готовность к несению службы в различных погодных и сложных бытовых условиях; эмоциональной устойчивости при деятельности в ситуации социальной изоляции или даже враждебного отношения гражданского населения к сотрудникам; готовность к физическому и огневому противоборству.

Среди мероприятий по предотвращению последствий травматического стресса необходимы: проведение адекватной психологической помощи в период подготовки, непосредственного участия в боевых действиях, а также осуществление комплекса медицинской, психологической и социальной реабилитации в посткомандировочный период; систематические выступления в средствах массовой информации о роли участия сотрудников милиции в безопасности населения России для формирования положительного общественного мнения о сотрудниках по долгу службы, исполняющих служебно-боевые задачи; практиковать создание област-

ных и региональных комиссий, объединяющих ведущие организации медицинского, психологического и социального обеспечения населения для выработки комплексного решения вопросов медико-психологического и социального обеспечения участников боевых действий, поддержание и сохранение их здоровья, работоспособности, социально-психологического статуса.

Среди основных психокоррекционных мероприятий наиболее эффективны могут быть: психологическое консультирование; адаптированные методики нейролингвистического программирования (техника интеграции якорей, техника тройной диссоциации, модифицированный шестишаговый рефрейминг); дебрифинг критических ситуаций; рациональная психотерапия и другие методы регуляции психологического состояния.

Личность террориста в представлении современной молодежи

Политова С. П.,
Казанский гос. университет

Терроризм в настоящее время является сложным социальным явлением, представляющим угрозу стабильности многих стран мира. Терроризм возникает и развивается в результате взаимодействия многих факторов, имеющих исторические, этнопсихологические, политические и другие корни. Проблема терроризма в последние десятилетия активно анализируется политологами, юристами, психологами, однако до сих пор одной из фундаментальных проблем остается выработка единого понятийного аппарата и, прежде всего, определение самого понятия «терроризм» и установление его признаков.

Тот факт, что проблема терроризма уже давно приобрела государственный, и даже мировой, масштаб, требует, на наш взгляд рассмотрения отношения каждого человека к данной проблеме. Как показывают современные исследования, несмотря на участвовавшие случаи проведения террористических акций в российских городах, сопровождающиеся значительными жертвами, в сознании у россиян отсутствует не только единый алгоритм действия в случае угрозы совершения теракта, но и осознание сущностных характеристик терроризма как глобальной социально-политической проблемы. Проведенный в 2002 году опрос фонда «Общественное мнение» показал, что у населения отсутствует также понимание того, кто же такие «международные террористы». Это «бандиты, враги человечества, нелюди», - ответили 26 % опрошенных. «Преступники мирового масштаба» – 16 %. «Фанатики» – 6 %. «Группировки, банда, мафия» – 5 %. «Наемные убийцы» – 5 %. «Стремящиеся к мировому гос-

подству» – 4 %. «Агрессивные приверженцы ислама» – 3 %. «Психически нездоровые люди» – 2 %. «Мстители» – 2 % [3].

Существующая в российской ментальности традиция приписывать причину государственных проблем личности одного человека, например, главе государства, проявляется в изучаемой нами проблеме как неготовность участвовать в борьбе с возможными проявлениями терроризма, описываемая обычно следующим образом: «А что я могу сделать? У меня нет возможности оказывать влияние на положение дел. С этим должны разбираться власти». Таким образом, проблема «упрощается», и становится в сознании рядовых граждан, согласно нашим наблюдениям, в основном политической проблемой, а сами граждане осмысляют себя лишь как ее потенциальных жертв, и не более того. Однако если мы присваиваем проблеме терроризма статус глобальной проблемы (т.е. актуальной для всего человечества), ее решение возможно только при объединении усилий всего человечества. И первым шагом здесь, на наш взгляд, должно стать адекватное осознание происхождения этой проблемы каждым человеком, которое будет закреплено в социальном представлении о проблеме и ее субъектах.

В этой связи нами было предпринято исследование, направленное на изучение особенностей социального представления о личности террориста, существующего у современной молодежи.

Категория «социальное представление» вводится психологами для изучения вопроса о том, каким образом человек организует познание многообразных явлений окружающего мира. Автором теории социальных представлений выступил французский социальный психолог С. Московиси [1]. Для С. Московиси социальные представления – это есть осмысленные знания, а также форма познания социальной действительности. Социальные представления возникают в обыденном, повседневном мышлении с целью осмысления и интерпретации окружающей человека социальной реальности. Социальное представление формируется под влиянием большого количества социальных институтов, таких как семья, образование, СМИ, законы, социальная политика, нормы и ценности общества, референтные группы и т.д.

Испытуемыми в описываемом исследовании выступили студенты 3 курса юридического, исторического, механико-математического, географического, филологического факультетов, а также факультета международных отношений Казанского государственного университета – всего 235 человек, из них 68 юношей и 167 девушек в возрасте от 18 до 20 лет. Исследование проводилось в сентябре 2006 года.

Для выявления существующего у респондентов представления о личности террориста и его содержательного наполнения использовалась методика диагностики межличностных отношений Т. Лири [4, стр.55-71]. Соответственно, инструкция звучала так: «Отметьте, пожалуйста, на

бланках номера тех качеств, которыми, с вашей точки зрения, может быть описана личность террориста». На возникающие в некоторых случаях вопросы испытуемых о том, какого именно по рангу террориста нужно охарактеризовать – организатора, исполнителя, камикадзе и т.д., экспериментатор отвечал: «Охарактеризуйте того, с кем у Вас ассоциируется слово «террорист»».

В анализе участвовали показатели по 8 октантам:

1 авторитарность (П.1); 2 эгоистичность (П.2); 3 агрессивность (П.3); 4 подозрительность (П.4); 5 подчиняемость (П.5); 6 зависимость (П.6); 7 дружелюбность (П.7); 8 альтруизм (П.8). Первые четыре октанта характеризуют преобладание неконформных тенденций в межличностных отношениях, из них 3 и 4 описывают склонность к конфликтным проявлениям, а 1 и 2 – упорство в отстаивании собственного мнения, тенденцию к лидерству и доминированию. Другие четыре октанта представляют противоположную картину: подчиняемость, неуверенность в себе, склонность к компромиссам.

Все экспериментальные данные в соответствии с задачами исследования подвергались качественному анализу и математической обработке, которая включала в себя статистическое сравнение средних показателей по t-критерию Стьюдента по программе, составленной на кафедре психологии КГУ.

Согласно полученным средним значениям (см. табл.1) портрет личности террориста в социальном представлении о нем выглядит следующим образом: это хороший руководитель, наставник и организатор, уверенный, независимый, любящий соперничество, искренний, непосредственный, настойчивый в достижении целей, неконформный, скептически настроенный, при этом у него практически отсутствуют такие качества как повышенное чувство вины, зависимость от мнения окружающих, дружелюбие, готовность помогать и сочувствовать окружающим, альтруизм и т.д. При этом, хотя и получены статистически достоверные различия в оценках по 5-8 октантам между юношами и девушками, можно говорить о том, что портреты в целом идентичны, так как средние значения по данным октантам слишком малы (содержательно баллы 2,41 и 1,55 идентичны, т.е. описывают одно и то же свойство, вернее одинаково указывают на его отсутствие).

Табл.1

Средние значения по октантам, характеризующим социальное представление о личности террориста

	среднее значение по октантам		t-критерий	значимость
	юноши	девушки		
авторитарность	5,59	4,78	1,587	не значимо
эгоистичность	7,24	6,64	1,125	не значимо

агрессивность	6,15	6,15	-0,001	не значимо
подозрительность	5,62	5,65	-0,067	не значимо
подчиняемость	2,14,	1,3	3,273	p=0,01
зависимость	2,41	1,55	3,013	p=0,01
дружелюбность	1,17	0,42	4,346	p=0,001
альтруизм	0,82	0,15	5,223	p=0,001

Диапазон различий в оценках анализируемых качеств террориста, закрепленных в социальном представлении, высок только для первых четырех октантов. Значения 1 и 2 октантов расположились в максимальном диапазоне от 0 до 16 баллов. Значения по 3 и 4 октантам – в диапазоне от 0 до 15 баллов. Диапазон значений по октанту 5 значительно ниже - 0-7 баллов, по октанту 6 – 0-10 баллов. Было обнаружено также, что характеристики личности террориста, описываемые 7-8 октантами в социальном представлении всех испытуемых представлены практически одинаково. Значения октанта 7 – дружелюбность находятся в диапазоне 0-6 баллов при среднем значении 0,7 баллов (значения 8 баллов встретились у 2 испытуемых, 7 баллов – у 1). Значения октанта 8 - альтруизм варьируют от 0 до 5 баллов при среднем 0,39 баллов (лишь в одном случае встретилась оценка 10 баллов). Это означает, что большинство молодых людей считает террориста лишенным конформных черт, что, как правило, возникает при отсутствии глубоких межличностных привязанностей.

В целях углубления анализа нами были проанализированы индивидуальные различия в социальном представлении о террористе. Особенностью методики диагностики межличностных отношений является то, что она позволяет определить степень выраженности качеств, описываемых октантами, при этом показатели до 8 баллов характеризуют умеренную выраженность качества, от 9 до 12 баллов указывают на акцентуацию свойства, максимальные баллы отражают выраженные трудности в адаптации в связи с данным свойством.

Из общего числа испытуемых 134 человека (57%, в том числе 58% юношей и 37% девушек) считают террориста вполне гармоничной личностью, не имеющей акцентуаций и дезадаптирующих свойств, описываемых анализируемыми октантами. Отрицательным может быть названо лишь отсутствие у террориста стремления к сотрудничеству с людьми, потребности в помощи окружающих, альтруизма, склонности к конформизму, чувства вины и т.п. Таким образом, юноши гораздо чаще, чем девушки склонны считать террориста психически полноценным человеком.

Лишь 11% испытуемых (10% юношей и 11% девушек) характеризуют террориста как дезадаптированного в связи с наличием гипервыраженности каких-либо характерологических свойств; 32% испытуемых (32% юношей и 52% девушек) считают, что некоторые качества террориста являются акцентуированными.

В таблице 2 представлены результаты подсчета количества испытуемых, характеризующих личность террориста как гармоничную, акцентуированную или дезадаптированную по каждому из первых четырех октантов в отдельности.

Табл. 2

Распределение испытуемых в соответствии с характером социального представления о качествах террориста (в %)

	авторитарность		эгоистичность		агрессивность		подозрительность	
	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки
гармоничные оценки	78	86	62	70	79	79	84	79
акцентуация	16	11	28	21	15	20	15	19
дезадаптация	6	2	10	9	6	1	1	2

Как можно заметить, подавляющее большинство испытуемых не оценивают выраженность авторитарности, эгоистичности, агрессивности и подозрительности у террориста до уровня акцентуации и дезадаптации. При этом юноши несколько чаще склонны оценивать акцентуированными и дезадаптирующими такие качества террориста как авторитарность и эгоистичность, а девушки – агрессивность и подозрительность.

На наш взгляд, полученные данные можно рассматривать как недостаточную осмысленность образа террориста. Можно предположить, что процесс формирования социального представления о нем находится еще на начальных стадиях.

Фактически, проблема формирования социального представления о террористе может дифференцироваться на две: во-первых, проблема содержательного наполнения представления некоторым «набором» свойств, а во-вторых, проблема формирования отношения к террористической личности. Очевидный ответ, что население должно относиться к террористам «плохо» лишен даже видимой адекватности. Как - «плохо»? Ненавидеть? Опыт борьбы с терроризмом убеждает, что чем более агрессивна эта борьба, тем больший размах в конечном счете приобретает террор. Жалеть? Обычно людей, причиняющих большой вред не принято жалеть. Л.Я. Гозман и Е.Б. Шестопал [2] предлагают вариант отношения к террористам как к *опасным сумасшедшим*. Вероятно, это наиболее приемлемый вариант, тем не менее, проблема адекватного социального представления о террористе и отношения к нему в настоящее время остается открытой.

Литература:

1. Андреева Г.М. Психология социального познания: Учеб. пособие. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 288 с.

2. Гозман Л. Я., Шестопап Е. Б.. Политическая психология. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. — 445 с.
3. Ольшанский Д. Психология терроризма. — СПб.: Питер, 2002. — 288 с.
4. Собчик Л.Н. Введение в психологию индивидуальности. — М.: ИПП-ИСП, 2000. — 512 с.

Совладающее поведение военнослужащих

Т. К. Рыкина, А. В. Орлов, А. Ш. Широкова
Нижегородский гос. университет им. Н. И. Лобачевского

Одной из серьезных проблем сегодняшней российской армии является проблема адаптации военнослужащих. Ее обеспечение предполагает не только соответствующее обучение военной специальности, выработку военно-профессиональных навыков, но и работу с офицером по снятию у него излишнего нервно-психического напряжения, оказание психологической помощи на первых этапах острого реагирования на стресс-факторы условий военной службы, психологическую поддержку формирования адаптивных стратегий поведения и духовно-нравственного развития. Решение задач, связанных с проблемой адаптации человека к условиям воинской деятельности требует подробного анализа механизмов совладающего поведения и факторов на него влияющих у военнослужащих, особенностей проявления копинга в специфических условиях воинской среды. В то же время этот аспект адаптации военнослужащих изучен недостаточно. Настоящая работа посвящена исследованию защитных механизмов, самоактуализации и копинг-поведения и их роли в развитии стресса и дезадаптации. Ставилась задача, выяснить, какие стратегии помогают офицерам успешно решать проблему совладания со стрессом, а какие препятствуют этому.

В исследовании приняли участие офицеры воинской части, мужчины в количестве 21 человека, в возрасте 35-45 лет. В работе использовались следующие методики: опросник «Копинг – поведение в стрессовых ситуациях» С. Норманна и др. (адаптированный вариант Т.А. Крюковой), опросник «Диагностика типологий психологической защиты» (Индекс жизненного стиля) Р. Плутчика (в адаптации Л. И. Вассермана и др.), методика диагностики оперативной оценки самочувствия, активности и настроения (САН), шкала реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера – Ю.Л. Ханина, опросник «Ситуативная оценка стресса» (СОС) а также методика «САМОАЛ» Лазукина-Калина для диагностики самоактуализации на основе модели Э. Шострома.

В исследовании у офицеров воинской части провели оценку стресса и выраженности у них основных показателей благополучия психического состояния: самочувствия, активности, настроения, а также ситуативной и

личностной тревожности. По результатам диагностики данные характеристики соответствовали статистической норме, проявлялись на среднем уровне и не превышали критических значений.

Исследование защитных механизмов показало, что у офицеров срочной службы существенно выше среднестатистической нормы значения такого защитного механизма, как отрицание. Данный защитный механизм относится к «незрелым», то есть относящимся преимущественно к действиям детей для снижения тревоги и соответствует инфантильному поведению взрослых. Он проявляется в том, что личность либо отрицает некоторые обстоятельства, несмотря на их существование, либо свои внутренние побуждения к чему-то, хотя они проявляются в поведении. Действие этого механизма проявляется в отрицании тех аспектов внешней реальности, которые, будучи очевидными для окружающих, тем не менее не принимаются, не признаются самой личностью. Исходя из этого, можно предполагать, что офицеры изучаемой группы предпочитают не замечать те факторы следы, которые могут у них вызвать тревогу или сильные дискомфортные переживания относительно себя или своего поведения.

Ниже статистической нормы проявляются такие защитные механизмы как регрессия, и проекция.

Низкие проявления регрессии свидетельствует о том, что офицеры меньше других людей в своем поведении проявляют такие черты, как капризность, импульсивность, снижение самоконтроля, повышенная эмоциональность в словах и действиях. При проекции неосознаваемые и неприемлемые для личности чувства и мысли, приписываются другим людям и таким образом не вызывают тревоги и внутриличностного дискомфорта. У офицеров данный механизм проявляется реже чем у гражданских лиц, это позволяет предполагать, что такое поведение в тесном офицерском коллективе открыто осуждается и потому нивелируется. Выраженность других защитных механизмов у офицеров не отличается от их проявления у других людей.

Проявление основных стилей копинг-поведения офицеров также соответствовало среднестатистической норме. Таким образом, совладающее поведение офицеров в основных своих моделях и стратегиях не отличается от поведения других людей.

Выявлены некоторые особенности самоактуализации офицеров. Для них характерны высокие значения по шкале «Ориентация во времени». Это свидетельствуют о том, что военнослужащие изучаемой группы больше чем другие люди стараются жить настоящим, не откладывая свою жизнь «на потом». Вероятно, обстоятельства воинской службы способствуют тому, чтобы развивалась такая личностная ориентация. Возможно, не по своей воле офицерам приходится «жить одним днем».

В то же время, по таким параметрам как «Взгляд на природу человека» и «Спонтанность» у офицеров воинской части значения ниже сред-

нестатистических. Это свидетельствует о том, что вера в людей, в могущество человеческих возможностей, а также готовность вести себя свободно, естественно, легко, без оглядки менее характерно для военнослужащих, чем для большинства других людей.

Основной задачей нашего исследования был поиск ответа на вопрос: какие стратегии поведения способствуют совладанию со стрессом у офицеров, а какие препятствуют? Для этого был проведен корреляционный анализ по Спирмену связей изучаемых параметров.

Существуют достоверные связи ($p < 0,05$) между проявлением защитных механизмов и выраженностью стресса, тревоги и дискомфортных состояний, при этом больше всего преодолению тревоги способствуют такие защитные механизмы как вытеснение, компенсация и замещение. При вытеснении из сознания выдавливаются в бессознательное прежде всего свойства, личностные качества и поступки, не делающие личность привлекательной в собственных глазах и в глазах других, например, завистливость, недоброжелательность, неблагодарность и т. п. Следовательно, чем лучше человек способен к таким защитам, чем меньше он переживает по поводу собственных проступков, тем меньше ситуативной тревоги он ощущает. Однако, этот защитный механизм отрицательно коррелирует только с ситуативной тревожностью ($r = -0,48$) и не сказывается на других характеристиках дезадаптации – достоверные связи отсутствуют.

Компенсация относится к «зрелым» механизмам защиты. Этот механизм проявляется в попытках найти подходящую замену реального или воображаемого недостатка, дефекта нестерпимого чувства другим качеством, чаще всего с помощью фантазирования или присвоения себе свойств, достоинств, ценностей, поведенческих характеристик другой личности. Часто это происходит при необходимости избежать конфликта с этой личностью и повышения чувства самодостаточности. Это одна из форм защиты от комплекса неполноценности. Одним из проявлений компенсаторных защитных механизмов может быть ситуация преодоления фрустрирующих обстоятельств за счет удовлетворения в других сферах. Например, человек, неспособный ответить на угрозу расправы, находит удовлетворение в унижении обидчика с помощью изощренного ума или хитрости. У офицеров компенсация препятствует развитию ситуационной тревожности ($r = -0,42$), способствует ощущению большей активности ($r = 0,38$) и приподнятого настроения ($r = 0,35$).

При замещении имеют место реакции в виде разрядке подавленных эмоций (как правило, враждебности, гнева), которые направляются на объекты, представляющие меньшую опасность или более доступные, чем те, что вызвали отрицательные эмоции и чувства. Например, открытое проявление ненависти к человеку, которое может вызвать нежелательный конфликт с ним, переносится на другого, более доступного и неопасного. В изучаемой группе данный защитный механизм, по всей видимо-

сти, является эффективным при совладании с тревогой ($r = -0,41$), способствует более высоким оценкам самочувствия ($r = 0,39$), но не приводит к облегчению или достижению поставленной цели, так же как не сказывается в целом на выраженности стресса.

Способствует повышению самочувствия, активности и настроения проекция. Имеют место достоверные коэффициенты корреляции (соответственно, $0,465$, $0,355$ и $0,527$). Отрицательно влияет на процесс совладания со стрессом офицеров интеллектуализация. Этот защитный механизм часто проявляется в стремлении рационально, через самоубеждение, снизить степень значимости того или иного негативно действующего фактора. Личность пресекает переживания, вызванные неприятной или субъективно неприемлемой ситуацией, при помощи логических установок и манипуляций даже при наличии убедительных доказательств в пользу противоположного. То есть человек, в случае выраженной интеллектуализации, стремится убедить себя и окружающих, что все не так уж плохо, хотя на самом деле может быть как раз наоборот. У офицеров интеллектуализация не только не способствует преодолению стресса, она его усиливает, повышает дискомфорт, напряжение, торможение и ощущение неопределенности. У людей с выраженным данным защитным механизмом меньше оптимизма, активности. Они, как правило, менее уравновешены и менее рациональны.

Определялись также коэффициенты корреляции между стратегиями копинг-поведения и проявлением тревоги, ощущения благополучия и стресса.

Копинг, ориентированный на решение задачи, вероятно, способствует преодолению тревоги ($r = -0,51$), хотя и связан с некоторой неуравновешенностью ($r = -0,33$). Пассивные виды копинга, видимо, ухудшают состояния ($r = -0,36$ – $-0,66$) и усиливают проявление стресса ($r = 0,54$). «Ориентация на эмоции», то есть стремление изменить настроение, отношение к ситуации, ничего не меняя, в действительности, по-видимому, повышает тревожность ($r = 0,69$), снижая самочувствие ($r = -0,38$), активность ($r = -0,46$), настроение ($r = -0,52$), а также способствует повышенной усталости ($r = -0,46$). Для офицеров, для которых характерен данный стиль в сложных ситуациях, менее выражены такие качества, как оптимизм ($r = -0,42$) и уравновешенность ($r = -0,41$). Аналогичные связи характерны для лиц, для которых характерна стратегия совладающего поведения «избегание проблем».

Наилучшие возможности по преодолению стресса имеются у офицеров с ассертивным (уверенным) поведением. На основании полученных данных можно предполагать, что данный стиль копинг-поведения способствует снижению тревоги ($r = -0,49$) и напряжения ($r = -0,44$), повышению самочувствия ($r = 0,37$) и активности ($r = 0,47$). Для этих людей характерен оптимизм ($r = -0,31$) и уравновешенность ($r = -0,43$). Исходя из

представленных данных, ассертивная модель поведения лучше всего способствует адаптации и совладанию со стрессом. Кроме того, данная стратегия способствует снижению дискомфорта ($r = -0,35$), напряжения ($r = -0,33$), утомления ($r = -0,46$) стратегия «поиск социальной поддержки».

К неэффективным стратегиям следует отнести агрессию. Она, несмотря на активность человека, повышает тревожность ($r = 0,48$) и напряжение ($r = 0,45$), что усиливает проявление стресса.

В исследовании изучали связи проявлений самоактуализации с выраженностью стресса, тревожностью и общим состоянием.

Исходя из полученных данных, в целом можно сделать предположение, что самоактуализация способствует преодолению стресса. Офицеры наиболее самоактуализировавшиеся, как правило, и наиболее адаптированы. Об этом свидетельствуют достоверные коэффициенты корреляции между соответствующими параметрами.

Максимально способствуют совладанию со стрессом такие характеристики самоактуализирующейся личности, как креативность (стремление к творчеству) и самопонимание. Творческое отношение к жизни препятствует развитию ситуативной тревожности ($r = -0,50$), способствует активности ($r = 0,41$) и повышенному настроению ($r = -0,35$). Так же у креативных личностей меньше напряжение ($r = -0,34$), они более расслаблены и спокойны. Самопонимание также связано с тревожностью обратной корреляцией ($r = -0,35$), это говорит о том, что чем лучше человек разбирается себе, своих возможностях, достоинствах и недостатках, тем меньше проявляет тревоги. Помимо этого имеются отрицательные корреляции с проявлением напряжения ($r = -0,40$) и утомления ($r = -0,36$). В целом, при высоком самопонимании, меньше выражен стресс ($r = -0,39$) и больше копинг-механизмы ($r = 0,40 - 0,65$). Данное качество связано с оптимизмом, активностью, уравновешенностью и рациональностью, что способствует совладанию со стрессом.

Также установлено, что «вера в человека» способствует большему комфорту и в целом снижает подверженность стрессу. «Потребность в познании» и «автономность» (свобода от стереотипов) способствуют совладанию с тревогой. В целом самоактуализация положительно влияет на совладание со стрессом, и ее развитие способствует адаптации.

Динамика личности в экстремальных условиях деятельности

О.И. Рыбин

Кубанский гос. университет физ. культуры, спорта и туризма г. Краснодар

Изучению адаптации человека к стрессовым условиям в последнее десятилетие уделяют большое внимание не только врачи, но и психологи, социологи. Это связано, в частности, с увеличением числа экстремальных

ситуаций природного, техногенного происхождения, а также формированием "горячих точек" в различных регионах планеты. Они несут, прежде всего, сверхэкстремальные воздействия на психику человека, вызывающие состояния травматического стресса, психологические последствия которого в крайнем своем проявлении выражаются в посттравматическом стрессовом расстройстве (ПТСР). Синдром ПТСР возникает как затяжная или отсроченная реакция на ситуации, сопряженные с серьезной угрозой жизни или здоровью [9, 13]. Риск его формирования может минимизироваться развитой способностью индивида к долгосрочной адаптации, созданию новых или модифицированных форм индивидуального бытия.

Несомненно, что вся профессиональная деятельность военнослужащих предполагает выполнение ими должностных обязанностей в экстремальных условиях, а участие в боевых действиях есть их крайнее проявление. В ряде исследований показано, что в боевой обстановке, как нигде, максимально выражена витальная угроза, а психоэмоциональное напряжение достигает апогея [1, 6]. Нарастание психического напряжения может колебаться в зависимости от личностных особенностей субъекта: от легкого возбуждения до чувства парализующего страха [11, 12]. В боевых условиях перед каждым военнослужащим стоят две задачи: выжить и выполнить боевое задание. Причем, выполнение боевого задания весьма часто является единственным способом выжить. По данным американских авторов [11] лишь 25% солдат на поле боя адекватно расценивают происходящее и сознательно используют свое оружие. Остальные же подразделяются на две категории: (1) – находящиеся в сильном возбуждении; (2) – подавленные страхом. Первые, как правило, совершают бесполезные, а порой бессмысленные действия, а вторые – зачастую парализованы страхом. Естественно, что у тех 25% адекватно действующих солдат вероятность остаться в живых (сохранить свою индивидуальность и здоровье) значительно выше, чем у остальных 75% личного состава. Именно этой, основной группе военнослужащих необходима квалифицированная психологическая помощь.

В исследованиях наших соотечественников [7, 8] показано, что участие в боевых действиях можно рассматривать как стрессовое событие исключительно угрожающего характера, оно может вызвать общий дистресс практически у любого человека. В период ведения боевых действий 80% офицеров имеют выраженные признаки астенизации и дезадаптационных расстройств [7]. С точки зрения Л. Леви, совокупность воздействия разнообразных стрессоров, встречающихся в условиях боевой обстановки, может приводить к различным психическим нарушениям [12].

Острую проблему представляет социально-психологическая адаптация ветеранов боевых действий, перенесших психотравмирующее воздействие факторов боевой обстановки. Психические расстройства, связанные со стрессом периода военных действий, являются одним из глав-

ных внутренних барьеров на пути адаптации к мирной жизни, при возвращении к которой личность военнослужащего претерпевает специфические трансформации [2, 3, 4, 8, 10]. Синдром психической дезадаптации проявляется в неадекватности психических форм реагирования на различные стимулы, в частности на смысл жизненных ориентаций, отражающих переживание индивидом онтологической значимости жизни, формирование "экзистенциального вакуума". Эмпирические данные, полученные нами по результатам обследования с применением методики "Тест смысложизненных ориентаций (СЖО)" [5], позволили выявить степень выраженности адаптации по факторам: (1) – "цели в жизни"; (2) – "процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни"; (3) – "удовлетворенность самореализацией"; (4) – "локус контроля-Я (ЛК-Я)"; (5) – "локус контроля – жизнь или управляемость жизни (ЛК-Ж)". Обследование проведено в двух группах респондентов: экспериментальной и контрольной. Экспериментальную группу составили участники кавказских военных действий: 32 офицера (средний возраст $34 \pm 0,5$ лет, выборка $n_{1оф}$) и 31 солдат срочной службы (средний возраст $19 \pm 0,5$ лет, выборка $n_{1с}$). В контрольную группу вошли военнослужащие, не принимавшие участия в боевых действиях: 83 офицера (выборка $n_{2оф}$) и 109 солдат "срочников" (выборка $n_{2с}$). Анализ результатов показал: респонденты выборки $n_{1оф}$ имеют значительно больший потенциал адаптивности, чем солдаты срочной службы: достоверные различия в сравнении $n_{1оф} \rightarrow n_{1с}$ выявлены по первому, второму, четвертому и пятому факторам (табл. 1).

Таблица 1.

Показатели уровня выраженности основных факторов СЖО в экспериментальной и контрольной группах военнослужащих (в %)

группы	Фактор 1		Фактор 2		Фактор 3		Фактор 4		Фактор 5	
	ЭКСП	КОНТ р	ЭКСП	КОНТ р	ЭКС п	КОНТ р	ЭКСП	КОНТ р	ЭКСП	КОНТ р
офицеры	33,4	45,8	45,0	55,4	28, 1	61,4	34,4	65,0	41,9	50,6
солдаты	16,1	38,0	13,0	31,0	25, 9	49,3	19,5	58,2	22,5	58,6
ф*	1,6	1,09	2,9	3,4	0,2 8	1,67	1,35	0,95	1,67	1,1
различия	$p \leq, 0$ 5	$p >, 0$ 5	$p \leq, 0$ 01	$p \leq,$ 001	$p >, 0$ 05	$p \leq, 0$ 4	$p \leq, 0$ 8	$p >, 0$ 5	$p \leq, 0$ 4	$p >, 0$ 5

Сравнение с показателями контрольной группы позволяет говорить, о большей адаптационной устойчивости солдат-"срочников", не имеющих в жизненном опыте событий, связанных с участием в боевых операциях. В контрольной группе различия в уровнях адаптивности кадровых офицеров и рядовых расположены в пределах статистической достоверности только по факторам №№ 2 и 3.

Сравнение результатов тестирования офицеров экспериментальной и контрольной групп обнаруживает достоверно больший уровень адаптационной готовности респондентов выборки $n_{1оф}$ по факторам №№ 3 ($\varphi^*=3,28$) и 4 ($\varphi^*=2,99$) и отсутствие достоверных различий в выраженности факторов №№ 1, 2, 5 (таблица 2). Сравнительный анализ результатов психодиагностики солдат, составивших экспериментальную и контрольную группы, показывает высокую степень различий в проявлении адаптационных состояний молодых людей, участвовавших в боевых действиях, и не имеющих такого опыта: по всем факторам уровень личностной адаптации в выборке $n_{2с}$ достоверно превышает таковой в выборке $n_{1с}$, причем по шкалам №№ 1, 2, 4 уровень адаптационных показателей в выборке $n_{1с}$ близок к нижней критической границе, что позволяет говорить о риске формирования дезадаптационного синдрома (см. таблицу 2).

Таблица 2.

Сравнительный анализ уровней адаптивности участников обследования

(уровень достоверности различий)

Вы- бор- ки	офицеры					солдаты				
	факторы					факторы				
	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
$\varphi^*_{эм}$ п	1,22	0,99	3,28	2,99	0,84	2,46	2,17	2,4	4,02	3,7
раз- ли- чия $n_2 \rightarrow$ n_1	$p >,0$ 5	$p >,0$ 5	$p \leq,00$ 1	$p \leq,00$ 1	$p >,0$ 5	$p \leq,00$ 1	$p \leq,0$ 1	$p \leq,00$ 1	$p \leq,00$ 1	$p \leq,00$ 1

Полученные результаты позволяют предполагать следующее: для неподготовленных к условиям военных действий молодых людей риск возникновения дезадаптационных состояний значительно более велик, чем для профессиональных, кадровых офицеров, причем именно обстоятельства, связанные с условиями протекания военной службы в "горячих точках", составляют группу так называемых факторов риска формирования синдрома ПТСР. Таким образом, профессиональная деятельность военнослужащих, в частности призывников срочной службы, сопровождается максимальными по объему и интенсивности физическими и психическими нагрузками, сложностью и многообразием решаемых задач в условиях дефицита времени и информации, постоянным риском и наличием угрозы для жизни.

Учитывая основные положения биопсихосоциальной парадигмы, мы считаем важным комплексное исследование, включающее изучение динамики психологических особенностей, физиологических функций и социально-психологических отношений, возникающих в процессе адаптации военнослужащих к новым условиям жизнедеятельности, определение

конкретных факторов, влияющих на этот процесс, анализ возникающих между ними взаимосвязей. Представляется целесообразным исследование процесса адаптации военнослужащих на протяжении всего периода их военной деятельности, что позволит определить этапность, выделить и всесторонне охарактеризовать стадии адаптации и их продолжительность. Результатом такого подхода должно стать выделение оценочных критериев прогнозирования успешности психолого-профессиональной подготовки военнослужащих, разработка концептуальных основ психологического обеспечения их профессиональной деятельности, сохранения физического и психического здоровья.

Литература

1. Апчел В.Я., Цыган В.Н. Стресс и стрессоустойчивость человека.- СПб., 1999.
2. Белинский А.В., Лямин М.В. Медико-психологическая реабилитация участников боевых действий в многопрофильном госпитале // Военн-мед. Журнал, 2000, № 1. С. 62-66.
3. Захаров Ю.М. Социально-психологические проблемы воинов-интернационалистов// Проблемы реабилитации, 1999, № 1, С. 145-148.
4. Знаков В.В. Психологическое исследование стереотипов понимания личности участников войны в Афганистане // Вопросы психологии, 1990, № 4. С. 108-116.
5. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (методическое пособие). – М., 1992.
6. Маклаков А.Г. Основы психологического обеспечения профессионального здоровья военнослужащего. Автореф. дисс. ...докт. психол. наук.- СПб., 1996.
7. Погодин Ю.И., Новиков В.С., Боченков А.А. Психофизиологическое обеспечение профессиональной деятельности военнослужащих. // Воен.- мед. журнал, 1998, № 11. С. 27-36.
8. Пушкарев А.П., Доморацкий В.А., Гордеева Е.Г. Посттравматическое стрессовое расстройство: диагностика, психофармакология, психотерапия. - М.: Изд-во Института психотерапии, 2000.
9. Тарабрина Н.В. ПТСР у ветеранов-инвалидов (участников боевых действий) // Вопросы медицинской, профессиональной, социальной реабилитации инвалидов военной службы.- М.: ЦИЭТИН, 1999. С.149-167.
10. Шевчук Л.Е. Медико-психологическое обеспечение военно-профессиональной деятельности морских пехотинцев. Дисс... канд. психол. Наук.- СпбГУ, 2001.
11. Berry R., Stellwon J., Steven D. PTSD among American legioneires in relation to combat experience in Vietnam. Associated and contributy factors // Ewison Res.-1988.-Vol.47,№2.-P.175-182.
12. Levi L. Stress and distress in respens to psychosocial stimuli // Acta Med. Scand.-1972.-Vol. 191., suppl. 528.-166p.
13. Pearse K.A., Schauer A.H., et al. The study of PTSD in Vietnam veterans // J. Clin. Psychol.-1985.-V.41.-P.9-14.

Особенности психологических характеристик адаптированных сотрудников органов внутренних дел, работающих по контракту в северо-кавказском регионе

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ и Администрации Архангельской области по проекту № 07-06-48616 а/С

Сложеникин А.П., Ксенофонов А.М., Беликов И.И., Новикова И.А.
УВД Архангельской области, Северный гос. медицинский университет,
г. Архангельск

Процесс адаптации сотрудников органов внутренних дел (ОВД), прибывших из других регионов РФ на территорию Северо-Кавказского региона к новым социально-психологическим, климатогеографическим и этническим условиям, представляет значительные трудности.

Повседневная служебная деятельность сотрудников ОВД заключается в необходимости выполнения профессиональных обязанностей в условиях, осложнённых воздействием эмоциональных и физических стрессовых факторов, связанных с обострением криминальной обстановки, локальными боевыми действиями, в связи с чем, они могут быть отнесены к группе риска возникновения стрессовых состояний и, как следствие, развития психической дезадаптации (Майдыков А.Ф., 1993; Котенёв И.О., 1997; Колос И.В. и соавт., 1999).

С целью изучения особенностей психологических характеристик адаптированных сотрудников ОВД, работающих по контракту в Северо-Кавказском регионе было обследовано 32 сотрудника ОВД, проходящих службу сроком 1 год в Чеченской Республике, прибывшие из других регионов России, русской национальности. Средний возраст составил $32,60 \pm 1,27$ лет.

Использовались клинико-anamnestический и экспериментально-психологический методы исследования. Последний включал методики: Многоуровневый личностный опросник (МЛО) «Адаптивность», опросник «Мини-мульти», «Опросник травматического стресса», тест «Шкала самооценки», «Индивидуально-типологический опросник», тест Шульте, 16-ти факторный личностный опросник Р.Кеттелла.

Результаты по методике МЛО показали, что из всех опрошенных сотрудников ОВД оптимальный уровень адаптации был выявлен у 21,9% и неудовлетворительный - у 78,1%. На основании этого, все обследуемые были разделены на адаптированные (1 группа) и дезадаптированные (2 группа).

По тесту Мини-мульти сотрудники-контрактники 1 группы в сравнении со 2 группой имели более низкие значения по шкалам ипохондрии ($p < 0,01$), истерии ($p < 0,05$), шизоидности ($p < 0,001$), и более высокие по шкале «паранояльности» ($p < 0,05$), что говорит о том, что сотрудники с хорошими адаптационными способностями обладали низкой склонностью

к фиксации на телесных ощущениях, вытеснению психотравмы, аутистичности, но более выраженной принципиальностью и прямолинейностью.

По «Опроснику травматического стресса» сотрудники 1 группы отличались достоверно более низкими значениями по субшкалам посттравматического стрессового расстройства (ПТСР): В (повторное переживание травмы) ($p < 0,001$), С (симптомы «избегания») ($p < 0,001$), D (симптомы «гиперактивации») ($p < 0,001$), F (дистресс и дезадаптация) ($p < 0,001$), по субшкалам острого стрессового расстройства (ОСР): b (диссоциативные симптомы) ($p < 0,001$), c (повторное переживание травмы) ($p < 0,001$), d (симптомы «избегания») ($p < 0,001$), e (симптомы «гиперактивации») ($p < 0,001$), f (дистресс и дезадаптация) ($p < 0,001$), а также более низкими значениями по общему показателю ($p < 0,001$), шкалам ПТСР ($p < 0,001$), ОСР ($p < 0,001$), депрессии ($p < 0,001$). Таким образом, можно сказать, что у сотрудников адаптированных к служебно-боевой деятельности в Чеченской Республике наблюдалась меньшая вероятность формирования постстрессовых психических нарушений в виде ПТСР и ОСР.

У респондентов, работающих на постоянной основе, по тесту Спилбергера-Ханина в сравнении со 2 группой показатели личностной тревожности были достоверно более низкими ($p < 0,01$), то есть сотрудники с невысокими показателями личностной тревожности в экстремальных условиях служебно-боевой деятельности являлись более адаптированными. В то же время показатели ситуационной тревожности как у адаптированных, так и дезадаптированных сотрудников находились на среднем уровне значимости, что говорит о том, что на момент исследования они не испытывали беспокойства.

По тесту Шульте сотрудники 1 группы обладали более высокой работоспособностью ($p < 0,05$) и вработываемостью ($p < 0,01$), что говорило об их высокой устойчивости к работе и быстрой вработываемости.

Анализ индивидуально-психологических характеристик показал, что респонденты 1 группы характеризовались более высокими значениями по шкалам экстраверсии ($p < 0,001$), и низкими по шкалам интраверсии ($p < 0,01$), тревожности ($p < 0,05$), лабильности ($p < 0,05$), спонтанности ($p < 0,10$), что указывало на их открытость и общительность, а сотрудники 2 группы были менее общительны, более тревожны, эмоционально лабильны и спонтанны.

По опроснику Кеттела обследуемые 1 группы имели более высокие значения по факторам В (интеллект) ($p < 0,001$), С (сила «Я») ($p < 0,10$), Е (доминантность) ($p < 0,001$), Н (смелость) ($p < 0,05$), Q1 (радикализм) ($p < 0,001$), F3 (уравновешенность) ($p < 0,05$), F4 (независимость) ($p < 0,001$), а также низкие по шкалам G (высокая совесть) ($p < 0,01$), I (мягкосердечность), O (склонность к чувству вины) ($p < 0,01$).

Среди общих личностных особенностей сотрудников можно отметить: способность управлять своими эмоциями; искусственность и расчетливость в поведении; организованность.

Респондентам 1 группы были свойственны следующие личностные особенности: высокие общие мыслительные способности; широкие интеллектуальные интересы; быстрая обучаемость; хорошая приспособляемость; хорошее осознание требований действительности; эмоциональная устойчивость; склонность к доминированию; выраженное стремление к самоутверждению, самостоятельности и независимости; смелость; решительность; энергичность и активность; не чувствительность к угрозе; тяга к риску и острым ощущениям; отсутствие трудностей в общении; разнообразие интеллектуальных интересов; критичное мышление; терпимость; стремление к конструктивным преобразованиям; энергичное и реалистичное поведение; сообразительность; практичность.

Сотрудники 2 группы характеризовались следующими особенностями: развитым чувством ответственности; обязательностью; добросовестностью; хорошим самоконтролем; стремлением к соблюдению моральных требований; мягкостью; утонченностью; художественным восприятием мира; добротой; тревожностью; беспокойством по поводу состояния здоровья; зависимостью; подавленным настроением; легкостью возникновения страхов; склонностью к самоупрекам; низкой самооценкой; развитым чувством долга; конформностью; обособленностью.

Исходя из полученных результатов, можно сказать, что сотрудникам с хорошими адаптационными способностями свойственны: отсутствие склонности к фиксации на телесных ощущениях, вытеснению психотравм, аутистичности; более выраженная принципиальность и прямолинейность; низкая личностная тревожность; меньшая вероятность формирования постстрессовых психических нарушений; высокая устойчивость к работе и быстрая вработываемость; высокие общие мыслительные способности; быстрая обучаемость; эмоциональная устойчивость; выраженное стремление к самоутверждению; самостоятельности и независимости; открытость, общительность.

Выявленные результаты необходимо учитывать при профессионально-психологическом отборе сотрудников милиции для командировки в Северо-Кавказский регион.

Речевые коммуникации, методы косвенного внушения и подготовка специалиста

Третьяков О.Е.

Всеросс. институт повышения квалификации сотрудников МВД России,
Фалеев В.С.

Институт психологии и педагогики, Москва,
Иванов Е.В.

ФМС по ЮВАО г. Москвы МВД России

В работе психолога (индивидуальное и групповое психологическое консультирование и психотерапия), при работе в экстремальных услови-

ях, а также в работе юриста (при решении правоохранительных задач - в различных ситуациях профессионального общения) актуальность приобретают практические навыки эффективной речевой коммуникации специалиста.

Не принижая актуальности навыков неречевого общения (сбора информации и невербального воздействия), в данной работе акцент сделан именно на речевых коммуникациях специалиста.

Речевое воздействие в профессиональном общении связано не только с его умением говорить ясно, понятно, четко и определенно, но и с умением говорить неясно, непонятно, нечетко и неопределенно, умением говорить метафорично (4). Метафорический рассказ отличается тем, что он не вызывает у слушателя сопротивления и желания оказать противодействия (высказаться против, например).

Если сюжет метафорической истории в чем-то напоминают актуальную проблему или какую-то реальную значимую ситуацию собеседника, то он может подсознательно «примерять на себя» то, о чем идет речь в рассказе, причем он «примеряет» и варианты решения проблемных ситуаций (1).

Сказки, притчи, мифы, басни, народный фольклор – это средства народной педагогики и психотерапии, которая использовались задолго до появления научной психологии. Профессиональные рассказчики, или как их называли на Востоке дервиши, давали возможность слушателям переосмыслить свои проблемы, подсказывали неожиданные, неочевидные решения в различных ситуациях.

Уметь говорить, оказывая психологическое воздействие, – важный фактор успеха в профессиональной деятельности специалиста, связанного с речевым воздействием. Образность изложения историй оказывает психологическое воздействие на собеседника, позволяет видеть иной образ мыслей (2). Умение говорить метафорично, внушать, решать профессиональные задачи (например, психической регуляции) являются сложным навыком. Этот навык формируется не только в результате внимательного изучения приемов так называемого эриксоновского гипноза (3), но и в результате самостоятельного составления текстов историй или рассказов.

Ниже представлен текст рассказа «**В погоне за временем**», который составлен В.С. Фалеевым как домашнее задание при изучении психологических методов косвенного внушения в процессе трансоаведения.

Мы довольно часто гоняемся за временем, не правда ли? Зачастую его не хватает, ведь оно может быть нашим самым лучшим другом... но может сделать все по-своему. Какие минуты кажутся Вам часами? Почему время так непостоянно? Оно заставляет нас удивляться... за один единственный день время может по несколько раз ускорять свое течение и замедляться. Неужели время является тем, не имеющим истоков ручейком,

который способен сам изменять свою скорость и даже направление движения? Я не говорю Вам, что это не так, но Вы сами прекрасно это понимаете. В сущности, нет ничего более податливого и покорного в нашем времени, чем само время.

И даже в такой ситуации, как ожидание своей очереди перед каким-либо кабинетом Ваше время не перестает быть Вашим. Вспомните тот момент, когда Вам приходилось ждать...

Представьте себе, что Вы уже некоторое время находитесь рядом с интересующей Вас дверью. Вы сидите на месте для ожидающих и ощущаете спиной поверхность, о которую облакачиваетесь. Вы ощущаете, как Ваши ноги касаются пола. Вы рассматриваете его и замечаете его цвет. Вы обнаруживаете, что некоторые незначительный детали стали более заметны. Некоторое время Вы обращаете на них внимание, а затем переключаетесь на какой-то другой объект. Вам кажется, что Вы можете довольно долгое время смотреть в одну точку, потому что не происходит никаких событий, а время погружается в тишину. В то время, пока Вы замечаете тишину, Вашему вниманию предстают стены и какие-то объявления, висящие на них. Вы можете слышать гул лампы над головой и какие-то голоса, раздающиеся где-то совсем рядом... Неожиданно около Ваших ног возникает красная точка, вероятно, от лазерной указки, которой так любят баловаться дети. Вы можете отдать себе отчет, что она несколько оживляет обстановку... и по мере того, как Вы наблюдаете за ней, Вы начинаете все глубже погружаться в свои мысли.

Я не удивлюсь, если в этот момент Вам покажется будто бы время куда-то исчезло. Все могут знать, что время всегда идет одинаково, но в этот момент Вы можете иметь свои представления об этом. Сейчас Вам может показаться, что оно течет очень медленно... и Вы решаете закрыть глаза и отдохнуть. Продолжая сидеть на своем месте, Вы продолжаете ощущать его теплоту, созданную Вашим телом; и слышать голоса и какие-то звуки; видеть некоторые образы сквозь опущенные веки... и чем больше Вы обращаете на это внимание, тем больше начинаете расслабляться. Вы можете сейчас не знать, что звуки становятся все менее отчетливыми и превращаются в некую густую массу, но Вы сами знаете, что теперь звуки и голоса могут означать нечто иное, нежели ранее представлялось Вашему сознанию. И Вы сидите на своем месте и чувствуете его под собой... постепенно Ваши мышцы расслабляются: ноги становятся легкими и отдыхают; руки становятся теплыми и по ним струится приятное тепло, как если бы они были погружены в теплую ванну; обратите внимание на то, как расслабляются мышцы лица... как разглаживаются морщинки вокруг глаз и расслабляется челюсть... рот слегка приоткрывается, а веки тяжелеют... тяжелеют... веки... веки ТЯЖЕЛЫЕ-ТЯЖЕЛЫЕ... обратите внимание, как приятно ощущать расслабление своего тела... и

по мере того, как Вы погружаетесь в свои ощущения... они превращаются в какие-то другие, похожие на легкость и свободу.

Неожиданно для себя Вы замечаете, что сидите вовсе не у кабинета, а на пеньке, где-то посреди солнечной поляны. Вы видите, как свет пробивается сквозь кроны деревьев и достает до Вашего лица... ласкает его... проникая в Вашу душу... вселяя в Вас жизненную силу природы. Вы чувствуете солнце, теплоту где-то внутри тела. Сейчас Вам может показаться, что солнце светит не сверху, а пробивается изнутри Вашего тела... и это хорошо, потому что Вы можете купаться в его теплых лучах и замечать как колышутся ветви деревьев... Вы слышите как общаются между собой птицы... как их поддерживают насекомые. Сидя на пеньке, Вы вновь замечаете красную точку от лазерной указки, которая медленно отдаляется от Ваших ног и направляется к середине поляны. Я могу не говорить Вам, что Вы можете направиться за этой точкой, потому что Вы уже встаете с пеньки и не спеша направляетесь к центру поляны, замечая как пестрит под ногами ковер разноцветных растений. Вы ощущаете приятный запах меда и слышите жужжание суетливых пчел. И по мере того, как Вы чувствуете себя одним целым с этой поляной, Вы начинаете чувствовать ее живительную силу и свежесть где-то глубоко внутри... и чем свежее становится Ваше тело, тем сильнее становится Ваше единение с природой... с миром... с самими собой. Остановившись посреди поляны, Вы можете видеть высокие деревья, покрытые солнечным светом. Вам трудно определить откуда поступает этот свет, но Вы можете догадываться, что он может поступать не только сверху... Почувствуйте приятную свежесть леса! Ощутите, насколько легче Вам стало дышать, обратите внимание на расслабление Ваших ног. Почувствуйте себя здесь уверенно и защищенно... прислушайтесь к себе... к своей душе... <ПАУЗА 30-60 сек>

Не спеша, бережно ступая по траве, Вы идете дальше вслед за красным огоньком... проходя мимо деревьев и вслушиваясь в удивительный... успокаивающий шелест леса. По мере того, как Вы продвигаетесь вперед, все отчетливее становится солнечный свет, вселяющий в Вас силу и чудотворную гармонию с природой... <ПАУЗА 10 сек> И вот Вы уже выходите из леса и начинаете слышать шум воды. Вы замечаете солнечные блики на водной глади где-то на горизонте. Вы ощущаете, как до Вас доносится приятный морской бриз... Вы чувствуете, как вода манит Вас своей живительной прохладой и свежестью... и по мере того, как Вы приближаетесь к воде, Вы начинаете ощущать прилив жизненной энергии и чувство удивительной свободы... окружает Вас и накрывает подобно океанской волне... и чем больше оно Вас окружает, тем более свободным и глубоким становится Ваше дыхание... подойдя к водной глади, Вы понимаете, что это огромный океан... не видно края... только лишь горизонт соединяется с ним. Вы стоите на краю земли, которая соединяется с водой и чувствуете необычайную свободу!.. свободу в выборе... свободу в действии... свободу в жизни... <ПАУЗА 15 сек>

Вы видите, как красный огонек плывет к горизонту и скрывается в солнечных бликах. Наблюдая за сияющей в солнце водой, отдайте себе отчет, что время такое же бесконечное, как этот океан. И Вы знаете, что можете полностью им распорядится... и найти ответы на интересующие Вас вопросы. В этом Вам может помочь океан... Вы должны понять его... чтобы понять ...(неразборчиво)... Присмотритесь к запаху его шума... какой он? Солоноватый... свежий... немного прохладный... слабый запах рыбы... может быть, даже запах каких-то морских растений... круговорот разнообразных запахов танцует в воздухе... будто бы нашептывая: «Все это в тебе! Задержись в себе и обрати на это внимание. Ты можешь взять, что захочешь: ракушку, нашептывающую советы; улитку, указывающую верный выбор; растение, источающее запах мудрости... Все это в тебе! Возьми то, что тебе наиболее необходимо и затем используй это в работе... дома... на отдыхе... в жизни. Задержись здесь, около бескрайнего и мудрого океана. Отдохни. Почувствуй себя сильнее... увереннее... защищеннее». <ПАУЗА 60-120 сек>

В то время как Вы дышите свежим морским воздухом, а Ваше душа исполняется новыми знаниями и мудростью, Вы замечаете красный огонек, который возвращается к солнечной поляне. Неторопливо ступая по теплему песку, которым устлан океанский берег, Вы следуете за огоньком... по траве... меж пестрых цветов... проходя мимо солнечных деревьев... Вы возвращаетесь к поющим птицам и стрекочущим насекомым... пчелам... запаху меда... и солнечной полянке, на середине которой светится красный огонек. Вы останавливаетесь в центре и вновь ощущаете этот лесной воздух. Я не удивлюсь, если он покажется Вам более мягким и густым, нежели недавний морской бриз. Сладкий запах и тягучий воздух могут напоминать некую конфету, которую Вы так любили в детстве. И в то время, как Вы можете быть заняты приятными воспоминаниями из прошлого, волшебный лес дает Вам возможность оживить их...<ПАУЗА 30-60 сек>

Возможно, Вам может показаться удивительным, что Ваше сознание может прибывать в каком-либо другом месте... однако Ваше подсознание также может создавать образы, которые покажутся Вам удивительными. В такие минуты кажется, что происходит какое-то очищение... будто бы тело становится легче. Неожиданно для себя Вы понимаете, что так и есть. Находясь в этом удивительном месте, Вы знаете, что время здесь происходит иначе, нежели обычно... и Вы научились им пользоваться и учиться у него... учиться у природы... учиться у себя... и Вы замечаете, как красный огонек направляется к пеньку, на котором Вы сидели... и Вы знаете, что можете следовать за ним... и Вы вновь бережно ступаете по лесной траве... обходя растения и насекомых... приближаетесь к пеньку и, садясь, ощущаете знакомые ощущения своего места для ожидающих. Сквозь опущенные веки Вы продолжаете наблюдать удивительные обра-

зы, в которых Вы пребывали... вновь слышите знакомые звуки, голоса и гул лампы. Вам может показаться удивительным, что эти объекты напоминают Вам лес... пенек... поляну... насекомых и птиц... деревья... солнце... океан. Вероятно, потому что Вы взяли их с собой?

Находясь около нужного Вам кабинета, Вы все еще можете чувствовать свое дыхание... чувствовать пол под ногами... тепло в кончиках пальцев... вспомните свое удивительное путешествие. Отдайте себе отчет, что это Вы сделали его возможным. Обратите внимание, что Вы позволили своему телу отдохнуть, а Ваша душа познала новые знания и мудрость. Осознайте это... и побудьте в этом состоянии еще столько, сколько захотите.<ПАУЗА 30-60 сек>

Я считаю до одного <ПАУЗА 5 сек> ТРИ дыхание становится более частым, тело просыпается. ДВА. Глаза открываются ОДИН. Смотрим на меня.

Любой рассказ (и представленный текст не является исключением) не является единственно возможным вариантом, который следует зазубрить и потом проговаривать специалисту.

Содержание рассказа, его структура и объем могут быть изменены в зависимости от цели, которую ставит специалист и конкретной ситуации профессионального общения, в которой он находится.

При наличии определенного числа самостоятельно составленных текстов и историй количество переходит в качество, и специалист овладевает мощным инструментарием, приобретает возможность импровизировать «на ходу» и совершенствовать свои способности в области речевых коммуникаций.

Рассказывание историй развивает компетентность практических психологов и юристов в использовании речевых приемов, которые помогают говорить метафорично, обеспечивая возможность без погружения в глубокий транс, внушать и решать задачи психической регуляции; а также стимулирует активность молодых специалистов в изучении современных достижений практической психологии (5).

Литература

1. Горин С. А. НЛП: Техники рассыпью. – М., 2000, с 275.
2. Пезешкян Н. Торговля и попугай. Восточные истории и психотерапия. М., 1992, с.. 52 – 53.
3. Эриксон М. Гипнотические реальности М., 1999, с. 28, 127 – 130.
4. Третьяков О.Е. Метафорическое внушение как способ психологического воздействия на фигуранта - в журнале Психопедагогика в правоохранительных органах, 1997. 2 (6).
5. Третьяков О.Е. Профессионально-психологическая подготовка сотрудников ОВД к действиям в экстремальных ситуациях. - Коллективная монография. Специфика психологической работы в экстремальных ситуациях. М.: Пограничная академия ФСБ России, 2005. стр. 183 – 207.

Механизмы поведения сотрудников правоохранительных органов в стрессовых ситуациях

Л.А. Чудасова

Самарский муниципальный институт управления

В современных условиях качественно новой встает проблема развития и использования человеческого потенциала. Усиление внимания к самореализации объясняется ее определяющей ролью в профессиональной деятельности. Отсюда проблема профессионализма работников различного профиля в сегодняшней России является одной из наиболее актуальных. Это связано с происходящими в ней многоплановыми преобразованиями во всех сферах жизнедеятельности.

Категории профессионализма и личностно-профессионального развития являются основополагающими категориями современных наук о профессиональной деятельности [1]. Деркач А.А., Бодалев А.А., Кузьмина Н.В. определяют профессионализм не как некий высший уровень умений и знаний человека в конкретной области деятельности, а как системную организацию сознания, психики человека [5].

Определенный уровень знаний в различных областях бесспорно одно из основных требований к профессионалу. Не исключением, по нашему мнению, являются и работники правоохранительной сферы. Требования к уровню знаний в определенной области варьируются в зависимости от специфики деятельности конкретного специалиста.

В последнее время возникает массовая потребность в профессионалах, обладающих определенным уровнем развития личностных качеств. Это овладение смыслами профессии, профессиональными позициями, ее гуманистической направленностью, владение высокими образцами труда. Поэтому личность является субъектом своего развития как в профессиональном плане, так и в личностном. Именно сотрудники правоохранительных органов различного уровня выступают и субъектом, и объектом своей деятельности, когда воссоединяются два аспекта профессионализма: личности и деятельности.

Проблемы профессионализма и профессионала юриста, выявление условий, при которых обеспечивается профессиональный рост и достижение им профессионального «акме», разрабатываются в плане исследования продуктивного личностно-профессионального роста, профессионализма личности, субъективных условий и факторов развития профессионала. Большой вклад в разработку теоретических положений принадлежит О.С. Анисимову, В.Г. Асееву, А.А. Бодалеву, В.М. Герасимову, А.А. Деркачу, В.Г. Зазыкину, Н.В. Кузьминой, А.К. Марковой, В.Г. Михайловскому, А.С. Огневу, М.Ф. Секачу, Е.А. Яблоковой и др.

Исходя из актуальности проблемы исследования нам необходимо выявить психолого-правовые особенности профессионализма, а именно

совладающего поведения в стрессовых ситуациях у сотрудников правоохранительных органов, а также условия и факторы совладания в том числе предикторы и ресурсы личности для совладения с трудными жизненными ситуациями.

По характеру своей профессиональной деятельности сотрудники правоохранительных органов всегда находятся в стрессовой ситуации. Профессиональный стресс – напряженное состояние, возникающее у работника при воздействии эмоционально-отрицательных и экстремальных факторов, связанных с выполняемой профессиональной деятельностью, а также реакция на какие-то затруднения, выражающаяся в неспецифических действиях [7].

Выступая на страже закона, сотрудникам правоохранительных органов приходится общаться не только с правонарушителями, но и с гражданами и своими коллегами. Им так же, как и любой личности, присущи переоценки ценностей, возникновение и разрешение проблем в личностно-профессиональном развитии. Однако, профессиональный стресс может занимать важное место в процессах самоактуализации, самосовершенствования личности, так как позволяет личности пересмотреть свое отношение к профессии и профессионализму, оценить себя как специалиста, прислушаться к субъективным оценкам других специалистов. В результате может задаваться степень активности личности для того, чтобы сформировать удовлетворенность трудом, которая является составной частью полноты жизни и жизненного пути человека. В результате этого разрешаются проблемы личностного роста путем разумной организации жизни. Так, Г.Селье в связи с проблемой профессионального стресса по-новому предлагает рассматривать проблемы самореализации в профессии, цели жизни, высшего смысла жизни, проблему долга [8].

Решение проблемы профессионального становления сотрудника правоохранительных органов вызывает необходимость изучения не только самого механизма стресса и его влияния на человека, но и изучения проблемы стрессоустойчивости личности и эффективного поведения в ситуации стресса. Вопросы преодоления стрессовых ситуаций активно исследуются в общей психологии, психологии труда, акмеологии такими учеными как Л.М. Аболин, Ф.Е. Василюк, Р.М. Грановская, Б.Д. Карвасарский, А.Г. Ковалев, И.Д. Ладанов, Л.М. Попова, Н.А.Сирота, Н.В. Самоукина, И.В. Соколова, Н.Е. Черепанова и другие.

Состояние стресса может быть острым или принимать хронический характер. Раньше полагалось, что провокатором стресса может быть только экстремальная ситуация. В этом случае речь идет о стрессе острым. Сейчас особенности существования общества, в частности информационная перегрузка, являются причиной хронических форм стресса.

В.П. Петленко предлагает выделять у стресса физиологические, психологические, личностные и медицинские признаки:

- физиологические признаки: учащенное дыхание, частый пульс, покраснение или побледнение кожи лица, увеличение адреналина в крови, потение;

- психологические признаки: изменение динамики психических функций, чаще всего замедление мыслительных операций, рассеивание внимания, ослабление функций памяти, уменьшение сенсорной чувствительности, торможение процесса принятия решения;

- личностные признаки: полное подавление воли, снижение самоконтроля, пассивность и стереотипность поведения, неспособность к творческим решениям, повышенная внушаемость, страх, тревожность, немотивированное беспокойство;

- медицинские признаки: повышенная нервозность, наличие истерических реакций, обмороки, аффекты, головная боль, бессонница [6].

Столкнувшись с экстремальной ситуацией или восприняв ее такой, человек испытывает резкий рост эмоционального напряжения. Он боится, что не справится с этой ситуацией, и она нанесет ему ущерб. Деятельность человека дезорганизуется: появляются ошибки, увеличивается время выполнения отдельных действий, нарушается процесс планирования. Всё это вызывает отрицательные эмоции, добавляет беспокойства, рождает неуверенность в своих силах и ведет к снижению самооценки - получается замкнутый круг «втягивания» человека в стресс.

По мнению В.И. Козлова, если человек не может разрешить проблему или делает это не так, как хотелось бы, возникает отчаяние. Пытаясь преодолеть его, человек нередко совершает ошибки [2].

Проблема стрессоустойчивости сотрудника правоохранительных органов является важной, так как стрессоустойчивость представляет собой совокупность личностных качеств, позволяющих человеку переносить значительные интеллектуальные, волевые и эмоциональные нагрузки без вредных последствий для здоровья и психического состояния.

Обсуждение вопроса о стрессоустойчивости сотрудников правоохранительных органов невозможно без обращения к проблеме копинг-поведения. Отечественные исследователи данной проблемы, среди которых Б.Д. Карвасарский, понятие «копинг-поведение» интерпретируют как совладающее поведение или психологическое преодоление. Оно подразумевает индивидуальный способ совладания человека с затруднительной ситуацией в соответствии с ее значимостью в его жизни и с личностно - средовыми ресурсами, которые определяют поведение человека. Психологи выделили несколько видов копинг-поведения, среди которых самым эффективным является копинг-поведение, ориентированное на решение задачи. А.Г. Ковалев считает, что только данный вид копинг-поведения способствует повышению уровня стрессоустойчивости и может считаться адаптивным [3]. В отечественной психологии работы, рассмат-

ривающие проблему совладающего поведения сотрудников правоохранительных органов, практически отсутствуют.

Под совладанием в свете рассматриваемой проблемы мы понимаем социальное поведение или комплекс осознанных адаптивных действий (когнитивных, аффективных, поведенческих) которые помогают человеку справляться с внутренним напряжением и дискомфортом способами, адекватными личностным особенностям и ситуации. Осознанные стратегии могут быть направлены на устранение угрозы (помехи) или адаптацию к требованиям ситуации либо помогают преобразовать ее [4]. В условиях стресса у человека актуализируются два типа адаптационных механизмов: психологическая защита - компенсация стресса; копинг - совладание со стрессом. Необходимо отличать совладающее поведение от проявления психологических защит личности, т.к. совладание – пластичный, зависящий от ситуации процесс, имеющий «отложенный эффект», т.е. рассчитанный на перспективу. Кроме того, совладание – это целенаправленное поведение личности как субъекта возможного преобразования ситуации.

В связи с решением проблемы совладающего поведения в стрессовых ситуациях у сотрудников правоохранительных органов остро должен возникать вопрос о личностных детерминантах, среди которых обычно принято называть возраст, принадлежность человека к малому и большому социуму, социальную роль, самооценку, локус контроля, уровень тревожности, социальную компетентность и т.д. Перечисленные факторы по-разному связаны с совладением. Некоторые из них являются предикторами, другие - ресурсами личности для совладения с трудными жизненными ситуациями. Под ресурсами совладающего поведения (копинг-ресурсом) можно понимать все то, что позволяет справиться с трудностями достаточно эффективно. Ресурсы могут человеком как использоваться и актуализироваться, так и не использоваться, оставаясь в потенциальном состоянии. Не до конца также остается изученным механизм «включения» тех или иных ресурсов, а также вопрос, почему одни ресурсы человеком используются, а другие остаются невостребованными; какие субъективные и объективные факторы заставляют «работать» тот или иной ресурс.

Можно выделить внешние и внутренние ресурсы совладания. К внешним относятся время, деньги, образование, уровень жизни, социальная поддержка и отсутствие других жизненных стрессов. Внутренними ресурсами являются личностные черты, которые создают возможность совладания со стрессом эффективными способами: оптимизм, самоэффективность, стойкость, субъективно воспринимаемый контроль над ситуацией «объяснительный стиль мышления». Способствует совладению и позитивная самооценка, уверенность в себе, наличие необходимых соци-

альных навыков, религиозность, а также умение быстро восстанавливать физические и душевные силы после стресса.

Таким образом, целью исследования в рамках данной проблемы может явиться изучение особенностей совладающего поведения сотрудников правоохранительных органов и тех специфических (дополнительных) ресурсов, которые делают это совладание достаточно эффективным. Работа, проведенная в данном направлении, позволит не только повысить профессионализм работников юридической сферы, но и разработать программы, связанные с сохранением их психического и физического здоровья.

Список литературы

1. Деркач А.А., Кузьмина Н.В. Акмеология: пути достижения вершин профессионализма. –М.:РАУ,1993
2. Козлов В.И. Формула личности. –СПб., 2000
3. Ковалев А.Г. Психология личности. –М., 1990
4. Крюкова Т.Л. Кому и когда нужен «копинг»: роль совладания в социальном поведении //Тезисы. Социальная психология. Теория. Эксперимент. Практика. Материалы Международного симпозиума /Отв. Ред. В.В. Козлов. – Ярославль. –2000. –Т. 2. –С. 18-20
5. Основы общей и прикладной акмеологии /Под ред. А.А. Деркача, А.А. Бодалева, Н.В. Кузьминой и др. –М.:РАГС,ВА им. Ф.Э. Дзержинского, 1995
6. Петленко В.П. Валеология человека: здоровье-любовь-красота. Валеология и мудрость здоровья. –СПб., 1996. –Т.1
7. Самоукина Н.В. Психология и педагогика профессиональной деятельности. –М., 1999
8. Селье Г. Стресс без дистресса. –Рига, 1992

Роль копинг-ресурсов в процессе психологической подготовки субъекта для работы в экстремальных условиях

В.Н. Энгель, Т.Л. Мызникова, Д. А. Храмовичина
Сибирский гос. технологический университет, г. Красноярск

Стресс является наиболее характерным психическим состоянием, возникающим под влиянием экстремальных условий. Сотрудники силовых структур, как правило, функционируют в условиях экстремальности и подвергаются длительное время воздействию стрессоров. Служебная деятельность сотрудников ОВД в экстремальных условиях боевых действий характеризуется повышенной моральной, психологической и физической нагрузкой. В большинстве случаев, такая деятельность протекает в режиме высокого психологического напряжения. Поэтому важно быть не просто подготовленным, а еще особо подготовленным к экстремальным ситуациям, учитывая их специфику, высокие требования к специалисту и конечно возможные негативные, даже трагические последствия, которые могут

возникнуть при недостаточной его подготовленности. Одним из важных показателей готовности сотрудников ОВД к действиям в экстремальных условиях является экстремально-психологическая устойчивость. Для обозначения явления устойчивости в психологии используются такие понятия, как «психологическая устойчивость», «устойчивость к стрессу», «устойчивость к фрустрации», «эмоциональная устойчивость» и т.д. А.М. Столяренко с позиции системного подхода в своей работе «Экстремальная психопедагогика» дает определение общей экстремальной устойчивости как системного качества человека, характеризующего его возможность успешно справляться с трудностями экстремальных жизненных ситуаций [2. С. 236].

В тесной связи с термином «стресс» существует термин «совладание» (coping (англ.) - преодолевать) со стрессом. Проблема совладающего поведения привлекает все большее внимание как зарубежных, так и отечественных исследователей. Впервые понятие «coping - behavior» - совладающее поведение было введено в психологию Р. Лазарусом. Ранние исследования копинга происходили в рамках изучения защитных механизмов. Большинство исследователей, изначально изучавших адаптивные защиты, стали интересоваться изучением сознательных стратегий, выбираемых личностями, сталкивающимися со стрессовыми или трудными ситуациями. Сознательные стратегии для уменьшения стрессовых или расстраивающих, трудных ситуаций были названы в новой литературе копинг – реакциями.

Эффективность копинг-поведения и реализации стратегий копинг-поведения определяется личностно-средовыми ресурсами, которые зачастую называют копинг-ресурсами. К личностно-средовым адаптивным ресурсам относят Я-концепцию, уровень когнитивного развития личности, локус контроля, эмпатию, аффилиацию, способность оказывать и воспринимать социальную поддержку, наличие социально-поддерживающей сети и ее эффективность. Низкое развитие копинг-ресурсов способствует формированию пассивного дезадаптивного копинг-поведения, социальной изоляции и дезинтеграции личности [4. С. 13-14].

Так И.Б. Лебедев экспериментально доказал, что выраженность основных копинг-ресурсов (Я-концепция, локус контроля и феномен социальной поддержки, аффилиация, эмпатия) достоверно различается у специалистов экстремального профиля (сотрудников ОВД) с адаптивным и дезадаптивным типами копинг-поведения, а также у курсантов вузов и сотрудников ОВД. Разрушение адаптивных форм поведения сотрудников ОВД в стрессовой ситуации происходит в силу слабой сформированности основных компонентов копинг-поведения (неустойчивости активных базисных копинг-стратегий, недостаточной сформированности личностных копинг-ресурсов, неумение использовать средовые факторы социальной поддержки и др.). Сотрудники ОВД с адаптивным копинг-поведением имеют позитивно сформированную устойчивую Я-концепцию, которая ха-

рактируется высоким уровнем волевой саморегуляции, позитивным эмоциональным тоном, сформированным образом тела, устойчивыми социальными отношениями, нравственными нормами поведения, сформированными профессионально-образовательными стремлениями, отсутствием признаков психопатологии, субъективным ощущением контроля над средой высокой адаптационной способностью, сформированностью реального и идеального Я, их умеренным расхождением, а также адекватным выбором источника социальной поддержки.

А.В. Бухвостов в ходе своего диссертационного исследования выявил, что индивидуально-психологические особенности личности сотрудников ГПС МЧС России, характеризующие выраженность личностных копинг-ресурсов (профессиональная мотивация, ассертивные действия, вступление в социальных контакт, сотрудничество, общительность, эмоциональная устойчивость, смелость, активность, мужественность, нервно-психическая устойчивость, когнитивные особенности) достоверно различаются у сотрудников ГПС МЧС России с адаптивным и дезадаптивным типами копинг-поведения и определяет успешность их деятельности в экстремальных ситуациях. Сотрудники ГПС МЧС России с адаптивным копинг-поведением имеют позитивно сформированные профессиональные, познавательные и социальные мотивы, ориентированы на ассертивные (активные) действия, вступление в социальные контакт, в конфликтных ситуациях используют стратегии «сотрудничество», «приспособление», характеризуются высоким уровнем эмоциональной устойчивости, коммуникативных способностей, смелостью, активностью, мужественностью, нервно-психической устойчивостью, функций внимания и памяти.

Перейдем к рассмотрению ресурсов совладания со стрессом, выбранных нами для исследования в ходе опытно-экспериментальной работы. Социальная поддержка является одним из самых мощных социальных копинг-ресурсов и понимается как руководство, обратная связь и реальные ресурсы, которые дают возможность личности эмоционально и инструментально справиться со стрессогенными изменениями жизни, как рефлексия отношений человека с людьми из ближайшего социального окружения, которые сопереживают ему, могут и хотят помочь в решении существующих проблем. Она смягчает воздействие стресса и может рассматриваться как межличностные взаимодействия, в которых одна личность переживает дистресс, а другая пытается оказать поддержку [4. С. 16-17].

В исследованиях, посвященных личностной детерминации уровня психологического стресса, отмечается, что специфичность реагирования в стрессе обуславливается не только характером внешней стимуляции, но и психологическими особенностями субъекта. Так, концепт локуса контроля определяет, насколько эффективно способен человек контролировать окружающую обстановку. Выделяется внутренний (интернальный) и внешний (экстернальный) локус контроля. Под внешним контролем понимается

такое восприятие позитивных или негативных событий, которое не связывается с личным поведением и поэтому неподконтрольно. Экстерналы склонны рассматривать большинство событий, как результат случайности, контролируемый силами, неподвластными человеку. Внутренний контроль основан на восприятии позитивных или негативных событий как последствий личных действий и, следовательно, потенциально находящихся под личным контролем. Интернал чувствует, что только некоторые события находятся вне сферы человеческих влияний. S. Kobasa доказал, что такие особенности личности, как психологическая выносливость и устойчивость, играют значимую роль в сопротивлении болезням, связанным со стрессом. Таким образом, некоторые особенности личности, такие как психологическая выносливость, устойчивость, самооценка и др., способствующие успешному совладанию со стрессом, связаны с интернальным локусом контроля. Поэтому данную характеристику личности также можно рассматривать в качестве психологического ресурса [3. С. 61].

Эмпатия является важным ресурсом в преодолении проблемных и эмоционально-стрессовых. Развитые навыки эмпатии, на основе альтруистической мотивации, позволяют преодолевать и собственный стресс и оказывать помощь в преодолении дистресса сопереживаемому лицу. Незрелость навыков эмпатии предопределяет в ситуации хронического дистресса выбор на основе эгоистической мотивации эмоционального ответа, направленного, прежде всего на сохранение собственного благополучия, редуцирования собственного эмоционального напряжения. Под аффилиацией понимают стремление человека быть в обществе других людей. Подавление аффилиативной потребности вызывает чувство изолированности и одиночества. В стрессовых ситуациях аффилиация увеличивается. С эмпатией и аффилиацией тесно связана коммуникативная и социальная компетентность, представляющая собой сумму знаний о партнерах по общению и навыков конкретного общения, определяемую предшествующим опытом [1. С. 17-18].

В нашем исследовании приняли участие 60 курсантов 1 курса СибЮИ МВД РФ. В ходе обследования коммуникативных копинг-ресурсов (эмпатии, аффилиации и сензитивности к отвержению) использовалась методика А. Меграбяна. Оценка восприятия социальной поддержки проводилась при помощи многомерной шкалы восприятия социальной поддержки MSPSS, разработанной Г. Зиметом и адаптированной Н.А. Сирота и В.М. Ялтонским. Также нами использовалась методика определения уровня субъективного контроля (УСК), разработанная Е.Ф. Бажиным, К.А. Голынкиной и АМ. Эткиндоном в НИИ им. В.В.Бехтерева.

Данные, полученные в результате психологического обследования коммуникативных копинг-ресурсов, свидетельствуют о недостаточном уровне развития эмпатии и аффилиации у испытуемых.

По результатам исследования представленная выборка характеризуется низким уровнем субъективного контроля. Такие люди не видят связи

между своими действиями и значимыми для них событиями жизни, не считают себя способными контролировать эту связь и полагают, что большинство событий и поступков являются результатом случая или действий других людей. Наиболее низкие показатели по шкалам интернальности в области неудач, производственных отношений и в отношении здоровья и болезни свидетельствуют о том, что данные испытуемые характеризуются склонностью приписывать ответственность за отрицательные события и ситуации другим людям или считать эти события результатом невезения; приписывать более важное значение внешним обстоятельствам - руководству, товарищам по работе, везению – невезению, а также считают здоровье и болезнь результатом случая и надеются на то, что выздоровление придет в результате действий других людей, прежде всего врачей.

Результаты исследования восприятия социальной поддержки: показатель тотальной оценки у курсантов составил 10 баллов (или 83% по максимально возможной степени выраженности). Результаты по субшкалам «семья», «друзья», «значимые другие» распределены равномерно. По субшкале «семья» испытуемые набрали 3 балла (75%); по субшкале «друзья» - 3 балла (75%); по субшкале «значимые другие» - 3 балла (75%).

Таким образом, по результатам исследования можно заключить, что данная выборка характеризуется низкой эффективностью функционирования блока личностно-средовых копинг-ресурсов. Полученные результаты психологического обследования говорят о необходимости развития эмпатийной и аффилиативной тенденции, что позволило бы более успешно взаимодействовать с окружающими людьми, явилось бы предпосылкой к установлению доверительных, эмоционально благоприятных отношений. Высокий уровень эмпатии и аффилиации, как коммуникативных копинг-ресурсов, способствует эффективному развитию копинг-стратегии поиска социальной поддержки и ее восприятия, увеличению размеров социальных сетей и числа лиц, оказывающих социальную поддержку. Стремление к эмпатийному взаимодействию, дружеские отношения с окружающими, позволили бы успешнее использовать коллективные копинг-ресурсы в преодолении стресса. Курсанты характеризуются дезадаптивным уровнем реагирования на влияние среды. Актуализировалась проблема проведения мероприятий по психокоррекции субъективного ощущения курсантами низкого контроля над средой и фактического восприятия контроля среды над ними. Пассивный характер реагирования курсантов на требования социальной среды, защитный тип преодоления стресса, подчиняемость среде и вынужденность поведения в ней являются препятствием к успешному овладению профессией, в частности, к эффективной деятельности в экстремальных ситуациях. В качестве таких мероприятий мы рекомендуем тренинги прогностической компетентности и социальной активности.

Литература

1. Видерман, Н.С. Медико-психологические характеристики копинг-поведения больных с зависимостью от алкоголя: дисс. канд. психол. наук / Н.С. Видерман. – СПб., 2000. – 195 с.
2. Дубовская, А.Н. Методика развития экстремально-психологической устойчивости у сотрудников органов внутренних дел в процессе краткосрочной подготовки (на примере слушателей Обнинского филиала ГОУДПО ВИПК МВД РФ) / А.Н. Дубовская. //Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии: Материалы двенадцатой всеросс. научн.-метод. конф. – Иркутск: ГОУ ВПО ВСИ МВД России, 2007. С. 236-238.
3. Постылякова, Ю.В. Психологическая оценка ресурсов совладания со стрессом в профессиональных группах: дисс. канд. психол. наук / Ю.В. Постылякова. – М., 2004. – 184 с.
4. Чазова, А.А. Копинг-поведение врача и больного в процессе преодоления болезни: дисс. канд. психол. наук / А.А. Чазова. – Бишкек, 1998. – 414 с.

Психологические аспекты оказания первой медицинской помощи в экстремальных ситуациях

Юнусова С.Г., Розенталь А.Н.
Казанский гос. университет им. В.И. Ульянова-Ленина

Психологическая подготовка является неотъемлемым компонентом профессиональной подготовки спасателей МЧС России, общей целью которой является обеспечение условий для эффективного формирования и развития профессионально важных качеств специалистов, создание условий для сохранения психического и профессионального здоровья, а также увеличения профессионального долголетия (Елисеева И.Н., Лернер Т.В., 2007). У спасателей, милиционеров, пожарных, энергетиков и персонала многих других опасных производств есть достаточно выраженная профессиональная мотивация к спасению жизни ближнего, которую можно усилить в ходе занятий по психологической подготовке к действиям в экстремальных ситуациях.

Однако уровень такой психологической подготовки у основной массы населения оставляет желать лучшего, и, вследствие этого, для большинства очевидцев несчастных случаев, потерпевших при чрезвычайных ситуациях затруднительно организовать свои действия в первые минуты случившегося несчастья. В частности, очень остро стоит проблема своевременности оказания первой медицинской помощи (ПМП) при дорожно-транспортных происшествиях (ДТП), авариях и пожарах на различных объектах.

В настоящее время ежегодно на дорогах России в ДТП гибнет свыше 30 тысяч человек, тонет около 15 тысяч, а от бытового и производственного травматизма погибает до 100 тысяч человек. По данным Всемирной

организации здравоохранения (ВОЗ), 60%: погибших в результате несчастных случаев в мирное время могли бы остаться в живых, если бы медицинскую помощь им оказали своевременно. Статистика служб «скорой помощи» Москвы, Челябинска и других крупных городов свидетельствует, что смерть пострадавших в ДТП по причине несовместимых с жизнью повреждений составляет только 10-15% от всех смертельных исходов. Это надо понимать так, что большинство погибших вполне могли бы выжить, окажись рядом с ними во время происшествия люди, умеющие оказывать первую медицинскую помощь. То же самое можно сказать и о случаях утопления, бытового и производственного травматизма. Все это свидетельствует о низкой эффективности системы оказания очевидцами первой медицинской помощи пострадавшим в нашей стране.

Как считает Бубнов В. (2004), знать приемы и даже владеть навыками оказания ПМП - еще не означает уметь ими воспользоваться в экстремальной ситуации. Увидеть умирающего, окровавленного пострадавшего, а тем более своего сослуживца или товарища - колоссальный стресс для каждого человека. Обучение без учета психологического фактора и замалчивание многих психологических аспектов в оказании ПМП затрудняет всю работу по подготовке «обученного очевидца». Для человека, оказавшегося на месте происшествия, необходимо преодолеть психологические барьеры, которые не позволяют ему приступить к оказанию помощи пострадавшим. Первый – это боязнь навредить своими непрофессиональными действиями пострадавшему, отчего он может скончаться. Второй барьер – боязнь заразиться заболеванием при проведении реанимации (например, СПИДом, гепатитом, сифилисом и т.п.) Третий барьер – нерешительность, нежелание брать на себя ответственность за чужую жизнь. Преодоление этих барьеров происходит у неподготовленного человека очень тяжело, поскольку экстремальная ситуация зачастую застает врасплох, внося хаос в привычную повседневную жизнь, усугубляя психологические проблемы всех ее участников. Именно психологический фактор, если он не берется в расчет, превращает обучение приемам оказания ПМП в пустую формальность.

Обязательно надо учитывать, что в условиях экстремальной ситуации резко ухудшаются социально-психологические условия жизнедеятельности (гибель гражданского населения, ранения, разрушения зданий, возникновение стрессов, фрустрации, агрессивности, повышенной тревожности, апатии и т.д.), повышается уровень нервно-психического напряжения, увеличивается эмоциональная возбудимость личности. Ситуации, вызывающие психологический стресс, имеют чрезвычайно разнообразный характер. К ним относятся, в частности, опасности физической природы, катастрофы, землетрясения, ураганы, наводнения, пожары. Длительные, часто повторяющиеся фрустрации могут вызвать состояние стресса. Следует иметь в виду, что стрессогенный характер того или иного воздейст-

вия обуславливается часто не только его содержанием, но и психологическими особенностями человека. Степень сопротивляемости человека к различным воздействиям неодинакова. В условиях катастроф и стихийных бедствий нервно-психические нарушения у значительной части населения проявляются в диапазоне от состояния дезадаптации и невротических, невротоподобных реакций до реактивных психозов. Их тяжесть зависит от многих факторов: возраст, пол, уровень исходной социальной адаптации; индивидуальных характерологических особенностей; дополнительных факторов к моменту катастрофы (одиночество, наличие на попечении детей, больных родственников, собственная беспомощность: беременность, болезнь и т.д.).

Таким образом, необходимо уделять внимание психологической подготовке населения, направленной на устранение растерянности и беспомощности, профилактику острых панических реакций, психогенных нервно-психических нарушений; повышение адаптационных возможностей индивида в экстремальных ситуациях.

В Казанском государственном университете эта задача решается в рамках курса «Безопасность жизнедеятельности», который включает три блока: по психологии экстремальных и кризисных ситуаций, по типологии чрезвычайных ситуаций и медицине катастроф. У студентов формируется целостное представление о протекании самих чрезвычайных ситуаций, а также о психологических проблемах, возникающих у очевидцев и участников таких ситуаций. Создание условий для повышения творческой активности студентов, появление у них мотивов к глубокому познанию материала курса возможно при разработке и реализации новых форм подачи учебного материала. Эти формы могут включать ситуационные задачи, интеллектуальные, ролевые, деловые игры, лекции-беседы с обсуждением примеров из профессионального опыта спасателей, составление аналитических материалов по произошедшим чрезвычайным ситуациям различного характера, а также более детальное изучение чрезвычайных ситуаций, характерных для данного региона.

В заключении надо отметить, что психологическая подготовка подрастающего поколения к действиям в экстремальных ситуациях является важным элементом воспитания культуры безопасности, которая включает в качестве составных частей следующие аспекты: общую теоретическую подготовку к безопасной жизнедеятельности (осмысление общих проблем риска, безопасности, опасности и т.д.), формирование предметных умений и навыков (видов деятельности, которые осуществляются не только в безопасных условиях, но и в условиях риска), психологическую подготовку к безопасной жизнедеятельности (формирование смелости, решительности, готовности к разумному риску и т.д.), развитие качеств личности, необходимых для безопасной жизнедеятельности (проницательности, дальновидности, гуманности, оптимистичности и т.д. как основы безопасности человека и общества).

8. Психология семейного кризиса и пути выхода из него

Специфика супружеских установок и ценностей на разных этапах жизненного цикла семьи

Исследование проводится при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МК-3809.2007.6

Н.О. Белорукова

Костромской гос. университет им. Н.А. Некрасова г. Кострома

В психологической литературе и практике не подвергается сомнению тот факт, что семья – это постоянно развивающаяся система, которая на пути своего развития проходит через определенные этапы жизненного цикла (Э. Дюваль, Р. Хилл, М. Джеймс, Р. Нойберг, Э.К. Васильева, Э.Г. Эйдемилер, В.В. Юстицкис). Каждый из этих этапов характеризуется типичными ожиданиями, нормами, специфическими ролями, обязательной структурой власти, структурой аффектов, структурой коммуникаций (Aldous, 1996, Rodgers, 1973) парными и семейными отношениями (супружеские, детско-родительские, сиблинговые) (P. Feldmann, 1983) и их временным распространением на широкий спектр событий (заключение брака, рождение ребенка, подростковый возраст ребенка, уход ребенка из родительского дома).

При этом переходы семьей от одного этапа семейного развития к другому сопровождаются определенными изменениями и трансформациями в семье. Так, вместе с ростом опыта и стажа совместной жизни изменяются количество членов семьи, специфика внутрисемейных отношений, семейные ресурсы и возможности. Причем, на наш взгляд, наибольшим изменениям подвергаются структура семьи, коммуникационные и ролевые стереотипы членов семьи, диапазон их ответственности и обязанностей, ценностей и установок, т.е. основные групповые динамические процессы семьи.

Необходимо отметить, что в настоящее время эмпирических исследований семьи, выявляющих и анализирующих внутрисемейные групповые динамические процессы в психологии крайне мало. Тогда как, на наш взгляд, на сегодняшний день вопросы о внутренних механизмах семейной жизнедеятельности, о специфике и особенностях протекания групповой семейной динамики весьма актуальны и важны. Ответы на эти вопросы могут показать специалистам, работающим с семьей, какие внутрисемейные групповые динамические процессы оказывают большее влияние и формируют качество семейной жизнедеятельности, в каких сферах семейной жизни и на каких этапах ее жизненного цикла семья наиболее уязвима, а в отношениях между ее членами возрастает конфликтность и напряженность.

В 2007 году нами было проведено эмпирическое исследование с целью выявления и анализа таких групповых динамических процессов «условно благополучной» семьи, как супружеские установки и семейные ценности.

В данном исследовании приняли участие «условно-благополучные» семьи, находящиеся на четырех основных этапах жизненного цикла семьи:

1. молодые супруги без детей (стаж брака до 2 лет, количество семей 30, 30 мужей, 30 жен (всего 60 человек). Средний возраст молодых супругов 24 года);

2. семьи с маленькими детьми до 3 лет (количество семей 22, 22 мужа, 22 жены (всего 44 человека). Средний возраст супругов 26 лет);

3. семьи с детьми-подростками (количество семей 35, 35 мужей, 35 жен (всего 70 человек). Средний возраст супругов 41 год);

4. зрелые супруги на стадии «пустого гнезда» (количество семей 15, 15 мужей, 15 жен (всего 30 человек). Средний возраст супругов 55 лет).

Для изучения семейных установок супругов мы использовали опросник «Измерение установок в супружеской паре» Ю.Е. Алешиной (1987), с помощью которого возможно измерение позиций супругов по 10 сферам семейной жизни, таким как *отношение к детям, отношение к автономности и зависимости супругов, отношение к разводу, отношение к любви романтического типа, отношение к запретным сферам секса, отношение к деньгам* и др.

Семейные ценности супругов мы изучали с помощью методики «Ролевые ожидания партнеров» А.Н. Волковой (1979), которая позволяет выявить представления супругов о значимости для них в семейной жизни таких сфер, как *родительски обязанности, сексуальные отношения, личностная общность мужа и жены, профессиональные интересы супругов, хозяйственно-бытовое обслуживание, эмоционально-психотерапевтическая функция семьи, сфера внешней привлекательности*, которые составляют шкалу семейных ценностей.

Качественный анализ полученных результатов позволил нам охарактеризовать специфику супружеских установок и ценностей на четырех изучаемых этапах жизненного цикла семьи.

На первом этапе жизненного цикла семьи (молодые супруги без детей) наиболее значимыми установками молодых супругов являются ориентация на *любовь романтического типа*, признание *значения сексуальной сферы* в супружеских отношениях, высокая ориентация на *эгалитарное устройство семьи* и *совместную деятельность* супругов.

Среди семейных ценностей для молодых супругов на данном этапе семейного развития наиболее значимыми являются такие сферы семейной жизни, как *родительско-воспитательная, сфера внешней привлекательности супругов, социальной активности, эмоционально-психотерапевтическая функция семьи*.

При этом исходя из более глубокого анализа отмеченных молодыми супругами ценностных сфер мы выяснили, что для молодых мужей в супружеских отношениях наиболее ценным и важным является ожидание активной родительской позиции в будущем от супруги, желание иметь внешне привлекательную жену, ожидание того, что супруга возьмет на себя роль эмоционального лидера семьи, а также выраженность собственных профессиональных потребностей и внесемейных интересов.

В сфере ценностей молодых жен важно такое ролевое распределение в семье, как ожидание того, что муж возьмет на себя роль эмоционального лидера семьи, оказывающего моральную поддержку, ожидание активной родительской позиции от супруга в будущем, желание иметь внешне привлекательного партнера, а также притязания в сфере собственной социальной активности.

На втором этапе жизненного цикла семьи (супруги, имеющие одного ребенка до 3 лет) мы определили, что наиболее значимыми супружескими установками мужа и жены оказываются признание *важности детей* в семье, *значение сексуальной сферы* в супружеских отношениях, ориентация на *любовь романтического типа*, ярко выраженное *негативное отношение к разводу*.

К семейным ценностям мужей на данном этапе семейного развития относятся такие сферы семейной жизнедеятельности, как *родительско-воспитательная, сфера социальной активности, хозяйственно-бытовая, эмоционально-психотерапевтическая функция* семьи. При этом для мужей наиболее важно и ценно такое распределение семейных ролей, как ожидание от супруги активного выполнения бытовых задач, ориентация на собственные обязанности по воспитанию детей, реализация своих профессиональных потребностей, стремление быть семейным психотерапевтом и оказывать моральную поддержку членам семьи.

Среди наиболее важных семейных ценностей жен на данном этапе жизненного цикла семьи выступают *сфера внешней привлекательности супругов, эмоционально-психотерапевтическая функция семьи, родительско-воспитательная сфера* и *сфера социальной активности*. При этом для них наиболее ценно желание иметь внешне привлекательного супруга, ожидание того, что муж возьмет на себя активную родительскую позицию, а также будет выполнять роль эмоционального лидера в семье, ориентация на выраженность собственных профессиональных потребностей и интересов.

На третьем этапе жизненного цикла семьи (супруги, имеющие детей-подростков) наиболее важными супружескими установками являются признание супругами *важности детей* в семье, высокая ориентация на *выполнения долга* в противовес стремлению к удовольствиям, *значение сексуальной сферы* в супружеских отношениях, бережное *отношение к*

деньгам, ориентация на совместную деятельность и эгалитарное устройство семьи.

К наиболее значимым семейным ценностям супругов на данном этапе семейного развития относятся такие сферы, как *личностная идентификация с супругом, эмоционально-психотерапевтическая функция семьи, сфера родительства и социальной активности супругов.*

При этом для мужей в данный период жизни семьи наиболее ценным является наличие общих с женой интересов, потребностей, ценностей, ожидание активной родительской позиции от супруги, того, что она возьмет на себя роль эмоционального лидера семьи, оказывающего поддержку всем ее членам, а также ориентация на реализацию собственной социальной активности и профессиональных интересов.

Для жен на данном этапе жизненного цикла семьи наиболее важно и ценно общность с мужем в основных интересах, потребностях, ценностях, способах времяпрепровождения, а также ожидание от мужа социальной активности, того, что он возьмет на себя роль эмоционального лидера в семье и займет активную родительскую позицию в отношениях с детьми.

На четвертом этапе жизненного цикла семьи (зрелые супруги на стадии «пустого гнезда») оказалось, что наиболее значимыми супружескими установками являются признание *важности детей* в семье, *ориентация на совместную деятельность, бережное отношение к деньгам, ориентация на эгалитарное устройство семьи и негативное отношение к разводу.*

Наиболее значимыми семейными ценностями для зрелых супругов на данном этапе семейного развития являются *эмоционально-психотерапевтическая функция семьи, личностная идентификация супругов, сфера социальной активности и родительства.*

При этом для мужей на данном этапе жизни семьи наиболее ценным и важным является ожидание от супруги эмоциональной поддержки, того, что она будет активно реализовывать роль эмоционального лидера в семье, высокая значимость общности потребностей, ценностей, времяпрепровождения с супругой, а также ориентация на собственные обязанности по воспитанию детей, притязания на активную родительскую позицию и выраженность собственных профессиональных интересов.

Жены на данном этапе жизненного цикла семьи отмечают, то наиболее ценным для них является наличие общих с мужем интересов, потребностей, способов времяпрепровождения, ожидание от супруга социальной активности, ориентация на собственную активную родительскую позицию и реализацию роли эмоционального лидера в семье.

Результаты, полученные нами в ходе данного исследования, были подвергнуты статистической обработке с помощью критерия Манна-Уитни (пакет Statistica 6.0) с целью выявления значимых различий в преобладающих супружеских установках и ценностях в семьях на четырех этапах жизненного цикла.

Нами было выявлено, что при переходе семьи с первого этапа семейного развития на второй этап при рождении первого ребенка в оценках молодых мужей возрастает ценность и важность таких сфер семейной жизни, как личностная идентификация с супругой ($U=59$ при $p<0.04$), хозяйственно-бытовая сфера ($U=55$ при $p<0.03$), родительство ($U=67$ при $p<0.05$), а также сфера внешней привлекательности супругов ($U=71.5$ при $p<0.05$). Для молодых жен значительно увеличивается доля важности таких сфер семейной жизнедеятельности, как личностная идентификация с супругом ($U=69$ при $p<0.05$), хозяйственно-бытовая сфера ($U=42,5$ при $p<0.01$) и сфера внешней привлекательности партнеров ($U=68$ при $p<0.05$).

При переходе семьей со второго этапа семейного развития на третий этап семейной жизнедеятельности в период подросткового возраста ребенка у мужей снижается важность и значимость таких сфер семейной жизни, как хозяйственно-бытовая ($U=58$ при $p<0.04$), родительско-воспитательная ($U=50$ при $p<0.03$), эмоционально-психотерапевтическая ($U=68$ при $p<0.05$) и сфера внешней привлекательности супругов ($U=55$ при $p<0.04$). У жен также уменьшается значимость в семейной жизни хозяйственно-бытовой сферы ($U=72$ при $p<0.05$) и сферы внешней привлекательности супругов ($U=41$ при $p<0.02$).

При переходе семьей с третьего этапа жизненного цикла семьи на этап «пустого гнезда», когда последний ребенок в семье покидает родительский дом, у мужей возрастает ценность и важность родительско-воспитательной сферы ($U=49$ при $p<0.02$), тогда как у жен мы не выявили статистически значимых различий в семейных ценностях между третьим и четвертым этапами жизненного цикла семьи.

Таким образом, мы видим, что каждый из изучаемых нами этапов жизненного цикла семьи отличается собственной спецификой супружеских установок и ценностей в семейной жизнедеятельности. При этом наиболее согласованными ценностями и установками супругов характеризуются третий и четвертый этапы жизненного цикла семьи (семья с детьми-подростками и семья на стадии «пустого гнезда»), тогда как наибольшее рассогласование установок и ценностей у супругов наблюдается в период рождения первого ребенка в семье (который справедливо считается в психологии самым трудным этапом семейной жизни).

Необходимо отметить также, что нами выявлена и определенная динамика изменения супружеских ценностей и установок в процессе семейной жизнедеятельности. Однако, в большей степени изменения касаются не основного спектра ценностей и значимых супружеских установок, а скорее их степени выраженности в зависимости от тех функций семейной жизнедеятельности, которые выходят на первый план на каждом из этапов жизненного цикла семьи.

Влияние системы поощрения и наказания используемой в семье, на самооценку ребенка

Буркова С.А.

РГПУ им. А.И.Герцена, Санкт-Петербург

Семья для маленького ребенка - это целый мир, в котором он живет, действует, делает открытия, учится любить, ненавидеть, радоваться, сочувствовать. В семье ребенок приобретает жизненный опыт, и, прежде всего, опыт эмоциональных и деловых взаимоотношений между людьми, делает первые наблюдения и учится как себя вести в различных ситуациях на конкретных примерах поведения мамы и папы. Детско-родительские отношения – отношения между ребенком и его родителями, являются важным моментом для развития ребенка, так как дают ему широчайший круг представлений о жизни.

Главное в воспитании маленького человека – достижение ребенком душевного единения, нравственной связи родителей. В становлении личности ребенка дошкольного возраста имеют особое значение принятые в семье ценности и стиль семейного воспитания. Но также очень важен метод, который выбирают родители при воспитании своего ребенка. Достаточно разработанными и часто используемыми являются метод «кнута и пряника» - поощрения и наказания - и «свободного воспитания». «Гораздо более трудный и требующий максимальной отдачи от всех членов семьи – метод доверительных отношений, тепла и ласки», используется, к сожалению, не так часто.

Практически все психологи подчеркивают роль семьи как первой социальной микросреды ребенка, в которой каждый ее член влияет на его самооценку. Это подтверждают и многочисленные экспериментальные исследования. В работе А. И. Силвестру (1980), например, раскрывается зависимость самооценки ребенка от условий его семейного воспитания. Автором было установлено, что каждому уровню самооценки, и в частности представлений дошкольника о себе, соответствует специфическая картина семейных взаимоотношений. Как следует из ряда исследований, эмоциональное состояние ребенка и его самооценка определяются психологическим климатом семьи как первого источника социализации ребенка. Но нет данных, в которых бы описывалась специфика такого влияния, особенности влияния системы воспитания на развитие ребенка. В связи с чем существенно важным становится изучение специфики внутрисемейных отношений и особенностей их влияния на становление личности ребенка.

Методика и база исследования.

Нами было проведено исследование, включающее в себя изучение внутрисемейной обстановки с помощью теста «Рисунок семьи», уровня самооценки с помощью методик Дембо-Рубинштейна и «Лесенка», а также вопросника осознанности использования системы поощрения и нака-

зания в семье (Николаева Е.И., 2002). Целью данного исследования явилось выявление особенностей влияния системы семейного воспитания на самооценку детей.

В эксперименте приняли участие 79 детей в возрасте 5-8 лет, из них 43 первоклассника в возрасте 7-8 лет (23 мальчика и 20 девочек) из двух классов гимназии, и 36 дошкольников в возрасте 5-7 лет из трех групп дошкольных образовательных учреждений.

Результаты исследования.

В результатах исследования с использованием проективного теста «Рисунок семьи» нами были отмечены некоторые особенности семейной ситуации, отраженные через восприятие самого ребенка. Обнаружено, что большая часть испытуемых рисуют свою семью в полном составе, часть — не рисует кого-либо из членов семьи (например, сестру, иногда отца, который не часто появляется дома, либо отчима...), что может указывать на наличие ситуативных напряженных отношений между ребенком и этим членом семьи, например, ревность к младшему брату, сестре или на реально существующий конфликт с тем, кто не изображен на рисунке. Еще меньше детей (всего 1 %) не изображают на этом рисунке себя, что может быть понято как отсутствие общности ребенка и семьи. Возможно, это свидетельствует о возникновении у него чувства отверженности и покинутости. Важно, на наш взгляд, отметить здесь следующий момент: значительно больше количество детей младшего школьного возраста, в отличие от детей старшего дошкольного не рисуют кого-либо из членов своей семьи (32,6% и 8,6% соответственно, от общего числа испытуемых каждой возрастной группы).

Оценка эмоционального благополучия в семье, диагностируемого на основе различных особенностей изображения, позволила сделать следующие выводы об эмоциональном климате семьи этих детей:

- почти половина обследованных детей (40 %) выражает на своих рисунках некоторое неблагополучие эмоциональных взаимоотношений в семье. Кроме увеличившегося расстояния между различными членами семьи, появляются такие негативные признаки, как машины, стена между комнатами квартиры...; еще одна большая часть детей (52%) живет в семьях, в которых диагностируется относительное эмоциональное благополучие. Иногда между членами семьи существует некоторое расстояние, появляются предметы, другие изображения, например, столы, игрушки, предметы кухонного обихода; у подавляющего меньшинства дошкольников (8 %) можно диагностировать явное неблагополучие внутрисемейных отношений, что выражается в отсутствии себя на изображении и в ряде других признаков;

- Нами было отмечено, что в ряде рисунков присутствуют признаки некоторой агрессивности во взаимоотношениях ребенка со своей семьей, что затем было подтверждено данными вопросника о поощрении и наказа-

нии в семье: эти дети либо открыто говорили, что их наказывают физически, либо у этих детей наблюдались отказы от ответа, высокий уровень искажения информации;

- В ходе рисования за ребенком велось наблюдение, в котором фиксировался порядок изображения фигур членов семьи. Были получены доказательства решающего значения для дошкольника матери: 76% детей, вне зависимости от своего пола, первой рисует мать;

- Также мы отметили ряд особенностей, отличающих детей старшего дошкольного и младшего школьного возрастов: у школьников в рисунках чаще появляются другие изображения, они реже рисуют себя первыми, чаще прорисовывают детали, что может свидетельствовать о том, что чем старше становится ребенок, тем чаще он склонен анализировать происходящее, придавать большее значение деталям. Но по результатам наблюдения мы заметили, что среди детей этой возрастной группы проявляется большее количество детей, которые не задумываются над выполнением заданий на определение уровня самооценки, что говорит о том, что дети начинают обращать больше внимания на происходящее вокруг него (изменение социальной ситуации), чем на себя;

При сопоставлении полученных результатов по данной методике с уровнями самооценки по методике «Лесенка» и Дембо-Рубинштейн, мы отметили относительную независимость результатов рисуночного теста от методов, непосредственно направленных на изучение самооценки. Зачастую дети, чьи семейные взаимоотношения характеризуются относительным благополучием, обладают невысокой самооценкой, в то время как у детей из семей с некоторым неблагополучием преобладает высокий уровень самооценки. Объяснение этого расхождения может быть связано с недостаточным развитием рефлексии у ребенка, что не позволяет ему в полной мере и адекватно отобразить на рисунке эмоциональные отношения между родственниками и им самим. Дополнительной причиной различий в количественном материале может быть комплексность социальной природы формирующейся самооценки ребенка, неоднородность причин ее формирования.

Анализируя ответы детей на предложенный вопросник, мы разделили детей по трем уровням искажения информации: высокий, средний и низкий. К высокому уровню относились дети, у которых измененные ответы и на наказание, и на поощрение, к среднему – дети, у которых были измененные реакции либо на поощрение, либо на наказание, к низкому – дети, которые могли называть свои чувства, вспоминая и наказание, и поощрение.

75% детей адекватно воспринимает эмоциональную информацию, но уже 20 % специфически рассказывает о своих чувствах в процессе и поощрения, и наказания. Дети либо отказываются говорить о чувствах, либо говорят, что не могут объяснить, в некоторых случаях дают неадек-

ватные ответы (такие как «ничего не чувствую», «как обычно»...). Мы выделили группу таких детей, предполагая наличие у них искажения восприятия эмоциональной информации. Это можно объяснить включением механизмов психологической защиты в ситуациях, которые угрожают целостности личности ребенка, когда он может осознать, что родители его отвергают.

Из сообщений детей можно понять, что родители используют следующие виды наказания: вербальное (40%), физическое (30%), запрет на удовольствие (30%).

При сопоставлении искажения и наказания получены следующие данные:

- Высокий уровень искажения эмоциональной информации встречается у детей, в процессе воспитания которых используются физическое и вербальное наказание, причем при вербальном наказании процент детей с высоким уровнем искажения эмоциональной информации значительно выше (что в свою очередь подтверждает известный тезис о том, что «слова могут бить сильнее кулака»);

- Средний уровень искажения эмоциональной информации, представлен в равной степени при использовании всех трех основных видов наказания;

- А низкий уровень искажения эмоциональной информации, выявлен только у детей, в процессе воспитания которых основным видом наказания является запрет на удовольствие.

При сопоставлении уровня искажения восприятия эмоциональной информации с уровнями самооценки детей были получены следующие данные. У детей со слабым искажением информации высокий уровень самооценки встречается только в 50% случаев, неустойчивая самооценка (здесь и далее под неустойчивой самооценкой будет обозначаться расхождение данных по методике «Лесенка» и методике Дембо-Рубинштейна) – в 25% случаев, средний уровень - 25% .

При среднем уровне искажения высокая самооценка встречается с такой же вероятностью, как и в норме (54,2% детей), средняя у 12,5% , у 33,3% - неустойчивая.

Наиболее показательны результаты детей с сильным уровнем искажения восприятия эмоциональной информации, у которых завышенная самооценка встречалась в 71% случаев, в 29% - неустойчивая (высокий или средний уровни).

Можно предположить, что завышенная самооценка у детей с высоким уровнем искажения эмоциональной информации отражает действие механизмов психологической защиты у детей, подвергающихся методам наказания, угрожающим целостности Я. Поскольку самооценка является частью этой структуры, именно она и используется для защиты целостности Я. Именно поэтому при заполнении методик на определение самооценки

такие дети часто склонны абсолютизировать любовь родителей к ним: так они чаще считают, что родители их поставят на верхнюю ступеньку лестницы (в методике «Лесенка»), а в методике Дембо-Рубинштейна, по параметру любви родителей, они чаще ставят себя на наивысший уровень.

Следовательно, на формирование самооценки значительное влияние оказывает защитный механизм, активирующийся в том случае, когда эмоциональные переживания при наказании угрожают целостности личности. Соответственно вполне правомерным можно считать вывод о том, что система воспитания, используемая в семье, напрямую влияет на развитие личности ребенка в целом и его самооценку в частности.

Некоторые особенности представлений о Другом у подростков, воспитывающихся в детских домах

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 05-06-06356а) и Гранта Президента РФ проект (НШ-5262.2006.6)

Владимиров И.Ю., Кабузова О.С.
ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Ярославль

Проблема специфики развития психики под воздействием особых условий воспитания является одной из существенных как с точки зрения психологической теории (в контексте изучения закономерностей нормального и нарушенного развития психики), так и с точки зрения психологической и педагогической практики работы с воспитанниками детских домов. Общение, в свою очередь, является ведущей деятельностью в подростковый период. Именно в общении со сверстниками осуществляется становление психики в данном возрасте.

Наше исследование было посвящено изучению особенности организации когнитивного компонента общения, а именно – структурным и динамическим характеристикам образа партнера по общению (другого человека) у интернатских подростков.

Выборка: всего в исследовании принял участие 61 подросток, из них 34 школьника, воспитывающихся в семье, и 27 воспитанников детского дома и дома-интерната.

В первой серии 17 подростков из обычных семей в возрасте от 13 до 15 лет (11 мальчиков и 6 девочек) и 10 подростков из специального (коррекционного) дома-интерната того же возраста (6 девочек и 4 мальчика).

Во второй серии 17 школьников 14 – 16 лет (8 девочек и 9 мальчиков) и 17 подростков из детского дома 13 – 17 лет (8 девочек и 9 мальчиков).

Использовались следующие методы: свободное описание воображаемого партнера по общению (приятного и неприятного человека), свободное описание фотографии как модель первого впечатления о партнере по общению, модификация методики Д.А. Яковлева «Рисунки животных», ЦТО – для изучения особенностей строения представлений о Другом. Для изучения динамики образа в процессе взаимодействия использовалось мо-

делирование поэтапного предъявления информации (две серии с описанием и оценкой фотографий и видеофрагментов) и последовательное сравнение оценок и описаний несуществующих животных в модификации теста Д.А. Яковлева (первые описания и оценки сравнивались с последующими).

Отметим ряд основных, особенно интересных результатов:

По структуре представлений о Другом:

1. Детдомовские подростки по сравнению с детьми, воспитывающимися в семьях, имеют менее согласованные оценки партнера по общению (данные разброса оценок по шкалам семантического дифференциала фантастических животных).

2. В их описаниях партнера по общению в меньшей степени представлены психологические характеристики партнера по общению, а «словарь» этих характеристик более беден.

3. Описание приятного человека у интернатских подростков более обезличено, меньше высказываний, демонстрирующих неформальное отношение к партнеру.

4. Наблюдаются качественные отличия в представлениях о Другом у подростков из детских домов в факторах оценки, группировке представлений и организации опыта. Факторы оценок у них группируются в достаточно крупные блоки; в то же время

5. Факторы, выделяемые подростками из детских домов при оценке сверстника, отличаются от таковых у подростков, воспитывающихся в семьях, некоторой изолированностью друг от друга. В результате в структуре опыта отсутствует единая связанная система;

6. Обеднённость опыта подростков из детских домов на уровне структурных особенностей проявляется в том, что шкалы, входящие в факторы их представлений, менее дифференцированы. В результате и само число факторов их оценок меньше, чем у семейных подростков, что, естественно, снижает прогностическую способность и возможности социальной адаптации.

По динамике представлений о Другом:

1. У подростков из детского дома присутствует определённый разрыв между первичными ожиданиями в отношении оцениваемого сверстника и последующими представлениями о нём.

2. Вследствие искажённого первого впечатления акцент в дальнейшем ходе познания делается на его корректировке, в то время как подростки из семьи детализируют свои представления и вычленяют новые характеристики;

3. Отмечается отсутствие интереса и активности в познании Другого, что является специфичным для личности детей в детских домах.

4. По результатам анализа количества вербальной продукции при последовательном описании фантастических животных можно говорить о

высокой истощаемости подростков из детского дома (количество вербальной продукции поступательно снижается от 1 к 5 изображению).

По особенностям воспитания в условиях детского дома или интерната, которые проявляются в представлениях подростков:

1. Присутствует общая негативная эмоциональная установка, выявленная при помощи методики СД (средние ближе к крайним значениям), описания фотографии и модификации ЦТО;

2. Шаблонность, стереотипности характеристик, выявившихся в описаниях «Несуществующих животных», описаниях неприятного человека, незнакомых сверстников;

3. Обезличенное отношение, уплощённость эмоционального реагирования на незнакомый объект (неопределённые местоимения в описаниях животных, отсутствие «узнаваний», отсутствие глубокого интереса к личности друга);

4. Наличие «двойного стандарта», деления мира на «своих» и «чужих» (значимые различия дисперсий по оценке «Несуществующих животных», лёгкая актуализируемость ярлыков в оценках), следствием чего выступает

5. Ориентация на социальную желательность ответов (выше профили оценок, но в то же время объект оценивается как более «лживый», отказы от описаний неприятного человека).

Исходя из изложенных результатов, мы можем сделать заключение о том, что для воспитанников детских домов характерны недостаточная сформированность образа партнера по общению и механизмов регуляции данного процесса, заключающиеся в отсутствии адекватных эталонов оценки Другого, слабости механизмов регуляции, уплощённости личностно-эмоционального компонента и низкой эмоциональной и мотивационной вовлеченности в процесс общения на фоне общего недостаточного развития эмоционально-волевой сферы..

Мы полагаем, что специфика представлений о Другом у подростков, воспитывающихся в детских домах (при отсутствии выраженных отклонений в развитии), большей частью обусловлена особенностями воспитания, в основе которых недостаточная вариативность среды и сопутствующие негативные явления, в результате чего дети отличаются бедностью опыта и искажениями в представлениях об окружающем мире в системе значений.

Таким образом, спонтанное формирование когнитивного и метакогнитивного компонентов опыта общения для таких подростков оказывается не эффективным. Следовательно, при не возможности изменения образовательно-воспитательной среды в целом, нужно сосредоточить внимание на разработке инструментария, способствующего адекватному развитию, соответствующих структур психики.

Актуальность экспрессивной регламентации внутрисемейного взаимодействия

Гармаева Т.В.,
МПГУ, Москва

Семья выступает одним из важнейших факторов эмоционального развития детей, в частности, развития экспрессивного поведения или его экспрессивных выразительных компонентов, отражающихся на их способности выражать и воспринимать информационно – энергетические единицы эмоций, соответственно, кодирующих и декорирующих способностях. Во многом эмоциональное развитие обусловлено опосредованным отношением ребенка к принятым в обществе нормам, ценностям, эталонам, передаваемым ему в процессе общения с окружающими. Иными словами, общая социализация эмоций ребенка происходит в обществе и связана с присвоением (интериоризацией) и дальнейшим адекватным использованием нравственных, эстетических и этических норм, преобразованием простейших врожденных эмоциональных процессов в социальные эмоции. А также в процессе развития эмоциональной саморегуляции, культурного опосредования эмоциональных реакций и оценочных категорий, в своевременном формировании которых детям помогают близкие взрослые, обогащая репертуар и осуществляя контроль посредством различных запретов, указаний, примеров и т.д., специфичных в разных культурах.

Анализируя зарубежные исследования в области социализации эмоций детей (С.Л. Гордон, К. Саарни, П.Л. Харрис), Холмогорова А.Б. и Гаранян Н.Г. отмечают роль запретов и многочисленных ритуалов (пост, молитва и т.д.) в христианских культурах в овладении чувствами. По их утверждению, современный человек все менее связан с разрабатываемыми тысячелетиями способами защиты от собственных чувств, так как не готов принять их и психологически работать с ними. Дополнительно к этому в когнитивном подходе социальной психологии в качестве регуляторов поведения рассматривают различные идеи верования, ожидания и аттитюды.

Культурно-исторические исследования показывают, что в более древние времена дети могли выражать свои чувства свободнее, потому что были больше информированы о делах и чувствах взрослых, так как рано соприкасались со смертью, опасностями и заботами. О привычном для взрослых людей свободном выражении эмоций говорит Говард К. Катлер в своем анализе понятия «близость». Он констатирует, что в средние века считалось нормальным публично и непосредственно выявлять достаточно широкий спектр чувств – радость, ярость, страх, благоговение и даже ликование при виде мучений и смерти врага. Подобные открытые и беспорядочные проявления встречались гораздо чаще, чем

сегодня, что исключало возможность эмоциональной близости, так как практически ничего не приберегалось для одного - двух человек. Начиная с викторианской эпохи, возник достаточно строгий запрет на гнев у детей, так как взрослые стали находить это неудобным и недопустимым. Он и сейчас продолжает рассматриваться как недружественное и отвергаемое чувство, затрудняющее достижение целей и эффективность действий, из-за чего в большинстве семей существует запрет на проявления гнева у детей (S.L. Gordon, 1989). Наиболее здоровым аффектом считается радость, и она всячески стимулируется путем быстрого переключения ребенка от возникших слез или неприятных переживаний. В зависимости от того, насколько важной и желательной считается эмоция в той или иной культуре, она может быть больше или меньше представлена в языке. К примеру, на о.Таити отсутствует слово для выражения печали как эмоции, поэтому матери в случае горя, например, смерти ребенка, воспринимают слезы и свое физиологическое состояние как болезнь не связанную с душевной болью. В восточных культурах много слов, выражающих оттенки стыда, на вызывании которого в значительной степени построена система воспитания.

Анализируя результаты исследований данного направления, следует согласиться с мнением Лабунской А.В. о необходимости отказа от наивного представления об универсальности невербальных компонентов выражения эмоций, чувств, отношений. Она утверждает, что различия в программах выражения эмоций (паттернах) есть результат влияния культуры на правила проявления эмоциональных состояний. Тем самым, к невербальным паттернам следует относиться как к образованиям динамичным, подверженным влияниям социокультурных переменных или норм, требованиям социально – психологической ситуации, индивидуально – личностным особенностям человека. Однако, по мнению Д. Мацумото, культура придает нашим эмоциям смысл независимо от того, воспринимаем ли мы эмоции как личное и индивидуальное переживание или межличностное, общественное и коллективное переживание с другими людьми. Лабунская А.В. в данном случае дифференцирует влияние культуры на речевое и неречевое поведение. Она утверждает, что в культуре складываются, главным образом, требования, касающиеся речевого поведения, что обуславливает большую ответственность взрослых за сказанное слово, нежели за свое невербальное поведение.

В связи с чем достаточно важным для обоснования индивидуальности эмоциональных проявлений детьми является фактор микросреды, в частности, семьи, анализ современного состояния которой подтверждает необходимость экспрессивной регламентации внутрисемейного взаимодействия. В современной семье нередко отвергаются нормы почтительного отношения младших к старшим, снизился уровень воспитания культуры сдержанных эмоций при общении родителей с детьми, весьма произволь-

ной становится экспрессия супругов, не всегда адекватна эмоциональная реакция детей на оценки взрослых.

В семье, как и в обществе в целом также приняты разные мимические средства, обеспечивающие беспрепятственный энергетический обмен, однако, по утверждению Бойко В.В., стилистика экспрессии больше зависит от характера и уровня культуры старших членов семьи, чем от предлагаемого стандарта. Это детерминировано имеющим огромное значение именно в семье механизмом подражания, обеспечивающим принятие эмоциональных эталонов и развитие мотивации, мотивационного подражания значимому взрослому и, кроме того, полимотивированностью и полиэмоциональностью задаваемой ребенку взрослым деятельности. Этим и многим другим обусловлена необходимость наличия умения родителей контролировать свои эмоции, моделировать заботу, правильно ограничивать и формировать детское поведение, учить ребенка ответственности за свои действия и анализу своих эмоций и состояний. Иными словами, велика роль взрослых в социализации эмоций детей, т.к. чаще всего они становятся устойчивыми образцами для мотивационного подражания и идентификации. Важными в данном контексте являются задаваемые ими социальные образцы-эталоны (деятельностные, эстетические, этические, личностные, возрастные и др.) в регуляции поведения ребенка и выполнении функции определяемых социумом ориентиров поведения, вызывающих определенные установки, отношения, позиции, оценки.

Культурная опосредованность экспрессивного поведения детей обусловила актуальность проведения сравнительного теоретического и эмпирического анализа особенностей воспитательных систем российских (преимущественно русских) и бурятских семей (г.Москва и г.Улан-Удэ). Выбор данных семей определен религиозным аспектом, т.к. у бурят преимущественно исповедуемой религией является буддизм с основными принципами самодисциплины, проявления гуманных чувств и запрета на чувствование, демонстрацию негативных эмоций (гнева, зависти и т.п.) в связи с признанием возможности перерождения после смерти. Тогда как у русских – христианство, в котором менее жесткие требования к чувствованию и проявлению эмоционального отношения. Также роль сыграла их принадлежность к разным группам по классификации, раскрываемой Т.Г. Стефаненко, по которой буряты (восточная культура) – это коллективистская культура, а русские (западная) – индивидуалистическая.

В результате проведенного сравнительного исследования были выявлены следующие особенности воспитательной системы в семье бурят: во-первых, в связи с буддийской культурой традиции социального поведения отражены в контроле и ярко выраженной регламентации деятельности каждого члена общества, особенно ребенка, вплоть до его морального облика. Что обусловлено актуальными стереотипами общинного по-

ведения и мышления («коллективизм»), находящими свое отражение в родовых отношениях, в которых признается главенство, необходимость уважения старших рода и семьи и даже в определенной степени подчинения, послушания им, независимо от возраста. В свою очередь послушание возможно благодаря свойственной буддийским культурам внешне пассивной созерцательности, внутренне выраженной в способности вторичного контроля. То есть, преобладанию самоконтроля, направленного на самоизменение и адаптацию к требованиям среды. Поэтому основные ценности коллективистских культур связаны с послушанием и долгом. При этом высоко ценится жизнь «по обычаю» и «правильное поведение» (Р.Бенедикт, С.Снайдер, Дж.Вейтс, Лотман Ю.М. и др.). Еще одной причиной послушания выступает дисциплина (самодисциплина) сознания, что является сутью буддийского учения, т.к. дисциплинированный ум ведет к счастью, а недисциплинированный – к страданию. Тем самым признается необходимость развития у себя терпения и терпимости, прививаемых с детства и дающих возможность защититься от разрушающих эффектов гнева и ненависти посредством проявления спокойствия и присутствия духа. Более того, возникновение гнева рассматривается как непосредственный признак слабости человека. Все это обуславливает то, что главным в системе воспитания детей считается развитие таких качеств как твердость, решимость и спокойствие в любых ситуациях наряду с терпимостью, великодушием и любовью. Что возможно лишь при активных внутренних действиях, при развитии воле, усилие которой в философии буддизма основано на понимании того, что человек виноват сам, и вере в необходимость развития сострадания. Так как для подлинного сопереживания страданий других людей необходимо приложить сознательное усилие, т.е., преобразование мыслей и поведения, в чем ребенку изначально помогают взрослые.

В большей степени мы останавливаемся на описании воспитательной системы бурятской семьи в связи с наличием выше перечисленных ее особенностей, имеющих непосредственное отношение к эмоциональному развитию детей, а также экспрессивному поведению взрослых. Кроме того, в связи с отмечаемым в последнее время нивелированием народных традиций российских (русских) семей за счет ассимиляции традиций множества других культур.

В контексте семейного воспитания также актуальным выступает вопрос гендерных особенностей экспрессивного поведения взрослых людей, учитывая то, что преимущественно воспитанием детей занимаются женщины. Однако при этом немаловажным остается факт наличия социальных установок по отношению к воспитанию мальчиков и девочек в семьях. Так анализ эмпирических данных, полученных в области экспрессии, позволяет констатировать явное превосходство женщин в интенсивности эмоционального выражения в мимике и пантомимике при выражении и

позитивных, и негативных эмоций. Также они оказываются точнее в кодировании и декодировании эмоций, что, однако не относится к вербальной экспрессии. Объясняется это более развитой способностью женщин к эмпатии и к избирательной мимической экспрессии.

Соответственно большое значение для индивидуализации эмоциональных проявлений имеет и взаимосвязь эмоционального выражения и пологолевого поведения, детерминированного общественными установками и стереотипами поведения. Так в поисках половых различий в социальных установках Дж.Стоппард и М.Кларк указали на представление женщин о том, что от них ожидается выражение позитивных эмоций. В исследовании А.Фишер отмечала наличие специфических эмоциональных ярлыков и, соответственно, доминирование женщин в выражении печали, тревоги и страха, а у мужчин – гнева, гордости и презрения. Так же отмечается факт большей склонности женщин обсуждать эмоции и их проявления. В семейной социализации в контексте данного аспекта выявлено то, что матери трехлетних детей подробно обсуждают с дочерьми печаль, а с сыновьями – гнев. Опросы отцов и матерей показали их большую склонность выражать свою привязанность в форме объятий, поцелуев и держания за руку девочек, нежели мальчиков, а также большее поощрение дочерей в рассказывании своих беспокойств. Более того, по данным К.Малатесты, Б.Шепарда, Р.Фиваш матери чаще улыбаются дочерям и чаще включаются с ними позитивное взаимодействие. Все это во многом обуславливает факт их более высокой социальной и эмоциональной компетентности. Что также обусловлено поощрением их выражать эмоции в полной мере, для чего в общении с дочками-дошкольницами матери используют более широкий набор эмоциональных слов. Тогда как сыновей в данном случае с раннего детства родители учат контролировать свои чувства.

Учитывая роль семьи в культурном опосредовании эмоционального развития детей актуальным выступает вопрос регламентации экспрессивной выразительности самих родителей в общении между собой и с детьми.

Литература:

1. Бойко В.В. Энергия эмоций в общении: взгляд человека на себя и на других. – М.: [Питер и др.], 2004.
2. Бреслав Г.М. Психология эмоций. – М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2004.
3. Искусство быть счастливым. Его Святейшество Далай-лама и доктор Говард К. Катлер. – К.: «София», 2003; М.: ИД «Гелиос», 2003.
4. Лабунская В.А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание. – Ростов – на – Дону, Феникс, 1999.
5. Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г. Культура, эмоции и психическое здоровье.// Вопросы психологии. – 1999. - № 2. - С. 61 – 75.
6. Gordon S. L. The socialization of children`s emotions: Emotional culture, competence and exposure// Saarni C., Harris P. L. (eds). Children`s understanding of emotion. Cambridge: Camb. Univ. Press, 1989, p. 319-349.

Особенности взаимоотношений супругов в молодых семьях

Зиангирова С.Ф.

С.Л. Рубинштейн писал: «Отношение к другому человеку, к людям составляет основную ткань человеческой жизни, ее сердцевину. «Сердце» человека все соткано из его человеческих отношений к другим людям; то, чего оно стоит, целиком определяется тем, к каким человеческим отношениям человек стремится, какие отношения к людям, к другому человеку он способен устанавливать. (2)

Отношение к другому человеку наиболее ярко проявляется именно в сфере семейных взаимоотношений.

Супружеская жизнь, как никакая другая сфера человеческого общения, основана на комплексе гуманистических чувств: сопереживании, сострадании, нежности, внимания, любви, готовности помочь друг другу, и от того насколько супруги осознают это, понимают и проявляют данные чувства по отношению друг к другу зависит их семейное благополучие и счастье в браке.

Целью нашего исследования являлось рассмотреть особенности семейных взаимоотношений в молодых семьях.

В исследовании принимало участие 58 супружеских пар, которые мы разделили на 2 группы:

1. Супруги, состоящие в браке до 1 года – 30 пар;
2. Супруги, состоящие в браке от 1 года до 6 лет – 28 пар.

Для исследования взаимоотношений в семье нами использовались следующие методики:

- методика диагностики межличностных отношений Т.Лири;
- методика изучения особенностей общения и взаимоотношения в семье «Общение в семье» (Ю.Е. Алешина и др., 1987);
- методика «Субъективная оценка межличностных отношений» (СОМО);
- тест-опросник удовлетворенности браком.

В первый период совместной жизни до 1 года, супруги, только что заключившие брак, сталкиваются со множеством проблем. Им необходимо установить оптимальный баланс близости/отдаленности, решить проблему семейной иерархии и сфер ответственности. В этот период им надо провести огромное количество переговоров и установить множество соглашений по самым разным вопросам. В этот период происходит адаптация супругов друг к другу и формируются общие представления супругов о браке и семье. (1)

Одним из главных вопросов, с которыми сталкиваются молодые супруги, является жилищный вопрос. Хорошо, когда молодые начинают совместную жизнь в отдельной квартире. Большинство в начале своей семейной жизни сталкиваются с проблемами, о которых они, возможно, раньше и слышали, но не думали, что им придется их решать.

Молодые супруги нередко пользуются и помощью родителей. Это и материальная, и хозяйственно-бытовая, и нравственно-психологическая, и помощь по воспитанию детей. Помощь эта неоценима и закономерна, потому что дает молодым супругам завершить образование. Если она оказывается в разумных пределах, то, естественно, способствует становлению молодой семьи, в противном же случае такая помощь может отрицательно влиять на молодых супругов.

Таким образом, на начальном этапе существования семьи формирование внутрисемейной коммуникации означает выработку правил взаимодействия между супругами. Стабильная благополучная семья может функционировать только при определенной подготовке молодых людей к совместной жизни. Молодые браки характеризуются первоначальным вхождением в мир друг друга, распределением труда и обязанностей в семье, доформированием личности, процессом приобретения жизненного опыта, взросления и возмужания. Этот период брачной жизни является самым трудным с точки зрения стабильности семьи.

Средний показатель удовлетворенности браком у мужчин в данной группе семей составляет 32,3; у женщин – 32,4, т.е. взаимоотношения характеризуются как благополучные. Согласно исследованиям Г. Айзенка, удовлетворенность супружескими отношениями является одним из важных факторов, влияющих на удовлетворенность жизнью вообще.

По методике «Общение в семье» самые высокие значения встречаются по шкалам: «взаимопонимание между супругами», «общие символы семьи», «сходство во взглядах» и «психотерапевтичность общения», т.е. возможно в каждой семье, несмотря на их молодость, существует какой-то свой «семейный» язык, супруги сходны во взглядах и получают психологическую поддержку и помощь в общении. Самые низкие значения по шкале «доверительность общения».

По методике диагностики межличностных отношений Т.Лири, наибольшие значения преобладают по шкале «альтруистический» и «авторитарный», по которой встречается наибольший процент высоких значений, т.е. 40% мужчин и 30% женщин характеризуются сильным типом личности, которая лидирует во всех видах групповой деятельности, всех наставляет, поучает, во всем стремится полагаться на свое мнение, не умеет принимать советы других, отличается диктаторским, властным, деспотическим характером; окружающие отмечают эту властность, но признают ее. Но в то же время они гиперответственны, стремятся во всем помочь. Во всех остальных типах шкал процент встречаемости и значения в основном низкие. Самые низкие значения по шкале «подчиняемый» у женщин. Супруги данной группы отличаются критичностью по отношению к социальным явлениям и окружающим людям; упрямы и упорны, настойчивы и энергичны. Характеризуются ориентацией на себя, склонностью к соперничеству, но в некоторых ситуациях молодые жены склон-

ны уступать своим мужьям, способны подчиняться и проявлять эмоциональную сдержанность.

Следующий этап в развитии семьи, который мы выделили (от 1 года до 6 лет), начинается с рождения первого ребенка. Перед супругами встает необходимость снова перестраивать взаимоотношения (проблемы иерархии, близости), которые только что стабилизировались. Они научились взаимодействовать друг с другом и нашли решение многих проблем.

Появление в семье первого ребенка следует рассматривать как период нормативного семейного кризиса, так как включение в семью еще одного члена делает невозможным существование семейной системы в прежнем виде, требует значительной ее перестройки, а именно, перераспределения взаимной ответственности супругов, освоения новых внутрисемейных ролей и установления новых межличностных отношений. В отношениях с ребенком супруги осваивают материнскую и отцовскую роль, формируя собственную родительскую позицию. Далее на этой основе выстраивается новая система внутрисемейных отношений, отличная от той, которая существовала до зачатия ребенка. Родители должны научиться справляться с множеством проблем, связанных с ребенком, и делать это самостоятельно, так как в этот период молодые родители обычно не желают использовать те методы воспитания, которые когда-то применялись к ним самим. (1)

Существуют также внешние изменения, которые касаются главным образом матери, так ей приходится хотя бы на время оставить работу, чтобы заботиться о ребенке. Женщины могут переживать по поводу того, что, целиком посвятив себя заботам о ребенке на какое-то время, они останутся от развития знаний в своей области, или потеряют престижное место. Они на этом этапе ощущают недовольство и зависть к своим мужьям, которые пребывают на работе. В таких случаях супружеские отношения значительно ухудшаются. Это подтверждают и результаты исследования, средний показатель удовлетворенности браком у мужчин в данной группе семей составляет 29,2; у женщин – 25,3, т.е. мужчины оценивают взаимоотношения как благоприятные, а женщины – скорее, как неблагоприятные.

Таким образом, жизнь молодой семьи с появлением ребенка усложняется. Молодые супруги должны включить в собственную идентичность представление о себе как о родителях. Совместное проживание супругами опыта родов и контакт родителей с ребенком сразу же после рождения следует рассматривать как фактор, сплачивающий семью. Рождение ребенка – испытание на прочность семейных уз. Немало браков распадается в первый же год после появления ребенка, распадаются по инициативе мужчин, не выдерживающих испытание отцовством. Чтобы не происходило ухудшения супружеских отношений, мужу и жене следует перераспределить обязанности, связанные с воспитанием детей и делами вне дома.

По методике «Общение в семье» самые высокие значения преобладают по шкалам: взаимопонимание между супругами и психотерапевтичность общения, самые низкие по шкале доверительность общения и легкость общения. Это означает, что партнеры принимают и не осуждают взгляды и поведение другого, даже если оно не во всем соответствует их собственному, супруги оценивают разговоры как «по-настоящему душевные», являющиеся для них ярким свидетельством их единства взаимопонимания, но они, в то же время, недостаточно искренны, не склонны доверять друг другу самые глубокие и заветные тайны.

По методике Т. Лири в данной группе супругов наибольший процент высоких значений встречается по шкале авторитарный (36,4% как у мужчин, так и у женщин), по остальным шкалам преобладают низкие значения.

По методике «Субъективная оценка межличностных отношений», как в группе супругов со стажем совместной жизни до 1 года, так и в группе супругов со стажем семейной жизни от 1 года до 6 лет, показатели по всем шкалам находятся в пределах средних значений. Это означает, что у них умеренно выражена напряженность, необходимая для поддержания интенсивности отношений. Супруги чувствуют себя хорошо в кругу семьи, стремятся устанавливать близкие чувственные, доверительные отношения, нет чувства одиночества и изолированности, они ориентированы на совместный поиск решения, удовлетворяющего интересы всех сторон. В отношениях выражено стремление занять позицию «на равных». Супругам свойственны тактичность и дружелюбие, сотрудничество, искренность и непосредственность в отношениях. Отношения достаточно гармоничные, носят стабильный характер, предполагают длительное сохранение взаимодействия в паре, вызывают положительные чувства, эмоциональный комфорт у партнеров. Отношения носят открытый и естественный характер.

Литература:

1. Малкина-Пых И.Г. Семейная терапия. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 992 с., ил. ISBN 5-699-11868-3.
2. Шнейдер Л.Б. Психология семейных отношений. Курс лекций. – М.: Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. – 512 с. (Серия «Кафедра психологии»). ISBN 5-04-005780-6.

Опыт организации работы с семьей, воспитывающей ребенка с ограниченными возможностями

Ким Т.К..
РГУФК, Москва

По статистическим данным, каждый десятый человек в мире является инвалидом. В настоящее время в России свыше 8 млн. человек официально признаны инвалидами, а с учетом данных о показателях физиче-

ского, психического и социального благополучия их значительно больше [Губарева Т.И., Столяров В.И., 1997]. Несмотря на успехи медицины, число лиц с ограниченными физическими и интеллектуальными возможностями постепенно и неуклонно растет.

Всеобщая декларация прав человека гарантирует инвалидам право на полное и равное участие во всех сферах жизни общества. Но реально эти люди часто лишены возможности такого участия из-за существующей по отношению к ним апатии со стороны общества и отсутствия необходимых условий, что в свою очередь выдвигает на первый план проблему работы с семьей, воспитывающей ребенка с ограниченными возможностями.

Проблема семьи, в которой формируются основы и корни духовности, культуры и здоровья ребенка, где он начинает ощущать себя личностью, должна занимать одно из ведущих мест в работе педагогов и психологов. Решение проблемы семей, воспитывающих детей с нарушениями психического и физического развития следует искать не только в сфере реализации коррекционного воздействия на ребенка, но и в создании комплексной помощи родителям.

Цель нашего исследования – разработка и апробация методики работы с родителями, воспитывающими детей с отклонениями в состоянии здоровья.

Анализ специальных литературных данных позволил констатировать, что переживания семьи являются особенно «острыми» в первое время после рождения ребенка. Усилия социальных педагогов и психологов в этот период направлены не только на диагностику и лечение больного ребенка, но и на психологическую помощь семье с целью смягчить первый удар и принять сложившуюся ситуацию такой, какая она есть, ориентацией родителей на активную помощь малышу. Тем не менее, в некоторых случаях первые острые чувства, которые испытывают родители в форме шока, вины, горечи, никогда не исчезают совсем, они как бы дремлют, являясь постоянно частью эмоциональной жизни семьи. В определенные периоды семейного цикла они вспыхивают с новой силой и дезадаптируют семью. Поэтому семьи, имеющие детей с отклонениями в развитии, нуждаются в постоянной психологической помощи и поддержке [Е.М. Мастюкова, А.Г. Московкина, 2004].

Семья, имеющая ребенка с отклонениями в развитии, на протяжении жизни переживает серию критических состояний, обусловленных субъективными и объективными причинами. Эти состояния описываются самими родителями как чередования «взлетов» и еще более глубоких «падений». Как показывает опыт, семьи с лучшей психологической и социальной поддержкой легче преодолевают эти кризисные состояния.

Как показывает мировой опыт, благоприятный терапевтический эффект на семьи, имеющие нестандартных детей, могут оказывать ассоциа-

ции родителей, в частности, организаторами которых являются различные общественные и религиозные организации. Обмен опытом, контакт с людьми, имеющими аналогичные проблемы, и их моральная поддержка позволяют супругам и особенно одиноким матерям избавиться от чувства одиночества, ненужности и незащищенности. Семейные ситуации перестают восприниматься ими как безысходные. Это, в свою очередь, предупреждает возможность ситуации отвержения больного ребенка и позволяет матери, наконец, ощутить так необходимые ей радости материнства. Супруги начинают понимать, что больной ребенок, как это ни парадоксально, может являться источником радости и способствовать их духовному и нравственному развитию. Они становятся гуманнее и мудрее, что отражается на их мировоззрении в целом. Супруги начинают осознавать, что все люди имеют права на существование, на любовь, насколько они совершенны, похожи или не похожи на других. Такое «прозрение» играет решающую роль в супружеских отношениях.

Родителей, имеющих ребенка-инвалида, следует подготовить к тому, что его воспитание в семье потребует много духовных и физических сил. Поэтому важно, чтобы на протяжении жизни они сохраняли физическое здоровье, душевное равновесие и оптимистический взгляд на будущее.

В нашем исследовании, на базе Социально-педагогического колледжа при Московском городском психолого-педагогическом университете нами была проведена работа по психолого-педагогическому сопровождению, поддержке и помощи родителям, воспитывающих детей с нарушениями функций со стороны опорно-двигательного аппарата, которая включала следующие направления: просветительская работа с родителями, исследование и оценка состояния семьи и ребенка, обучение и консультирование семей, создание оптимальных условий коррекционного воспитания и обучения детей и установление гармонических внутрисемейных отношений, повышение квалификации специалистов работающих с нестандартными семьями, разработка программы по физическому воспитанию «Физкультура всей семьей».

Подготовительная работа включала:

- анкетирование;
- микроисследования;
- изучение научно-методической литературы.

Основными методами изучения семьи явились:

- - наблюдение;
- - беседа;
- - анкетирование;
- - тестирование;
- - анализ детских рассказов, рисунков о семье.

В ходе работы нами был организован «Родительский лекторий», в рамках которого решались следующие задачи:

- вооружить родителей современными психолого-педагогическими знаниями о психическом, физическом, интеллектуальном развитии ребенка на различных возрастных этапах его жизни;
- дать возможность родителям овладеть педагогическими знаниями, навыками, умениями по организации семейного воспитательного процесса;
- помочь родителям грамотно оценивать проблемные, критические ситуации во взаимоотношениях с детьми с учетом специфических проблем каждого возраста;
- научить родителей анализировать типические ошибки в семейном воспитании детей, в том числе свое собственное поведение, свои родительские взаимоотношения;
- выработать навыки, умения, приемы оценки психического состояния детей с целью контроля за их психическим здоровьем;
- сформировать у родителей понимание важности и значимости организации в семье интересного и содержательного досуга как одного из средств профилактики асоциального поведения детей.

Лекторий для родителей как форма повышения их педагогической квалификации дала возможность всем, кто заинтересован в повышении эффективности и качества семейного воспитания, овладеть такими знаниями, повысить свою информированность в социально-правовых, экономических, медицинских и других вопросах жизнедеятельности семьи и её взаимодействии с образовательными учреждениями. Родительский лекторий – одна из основных универсальных форм взаимодействия с семьями учащихся и пропаганде психолого-педагогических знаний. Это школа повышения у родителей компетентности в вопросах обучения детей, формирующая родительское общественное мнение, родительский коллектив.

Выбор темы и формы проведения родительского лектория учитывали:

- возрастные особенности у детей;
- цели и задачи учебно-воспитательного процесса, стоящие перед образовательным учреждением;
- уровень заинтересованности родителей.

Также большое внимание уделялось решению проблем, возникающих в процессе воспитания детей с ограниченными возможностями.

Обсуждение конкретной проблемы включала следующие этапы:

- выделение возникшей проблемы;
- определение причины ее возникновения;
- анализ ее теоретического разрешения, обсуждение вариантов разрешения проблемы, прогнозирование возможных последствий;
- определение участников разрешения данной проблемы;
- разработка конкретных рекомендаций семье.

Таким образом, деятельность родителей и педагогов в интересах ребенка может быть успешной только в том случае, если они станут союзниками, это позволит им лучше узнать ребенка, увидеть его в разных ситуациях и поможет взрослым понять индивидуальные особенности детей.

Предметом еще одной заботы педагогов является активное привлечение семей к совместным со школой акциям. Так обязательной формой работы с семьей стали совместные занятия родителей и детей физическими упражнениями на базе колледжа. Занятия проводились с учетом заболевания ребенка и носили коррекционно-развивающую направленность. В ряде случаев родители, имеющие соответствующую подготовку, вели спортивные секции и кружки.

Также регулярно проводились вечера встреч, конкурсы на самую спортивную семью, спортивно-массовые праздники типа «Папа, мама, я – спортивная семья» и т.д.

Совместная деятельность родителей, детей и школы – важный фактор сплочения семьи и школы, укрепления здоровья и нравственного климата, создания добрых традиций, общих интересов.

Библиографический список

- 1.Баусов Ю.Н. Морально-ценностный аспект проблемы отношения «инвалид – общество»: Дис. ... канд. филос. наук. – М., 1991. 141с.
- 2.Грачев Л.К. Программа социальной работы с семьями, имеющими детей—инвалидов. – М.: Центр общечеловеч. ценностей, 1992.– 72 с.
- 3.Реабилитация/Словарь основных терминов: Пособие для специалистов в области реабилитации больных и инвалидов. – СПб.: Турусел, 1997. – 79 с.
- 4.Василенко Л.В. Детская инвалидность: социальные аспекты реабилитации: Дис. ... канд.социол. наук. – М. 1992.- 174с.
- 5.Беляева М.А. Содержание социально-педагогической деятельности в реабилитации семьи ребенка–инвалида: Дис. ... канд.пед. наук. Екатеринбург, 1997. 160 с.
6. Мудрик А.В. Социализация и воспитание. – М.:Сентябрь, 1997. – 95 с.
- 7.Самсонова Е.Н., Ташева А.И. Особенности взаимоотношений в семьях с детьми, страдающими церебральным параличом // Современная семья: проблемы и перспективы. – Ростов н/Д., 2004.-С. 109- 112.
- 8.Беличева С.А. Служба социальной защиты семьи и детства // Педагогика, 1992.- №7/8.– С.23 – 27.
- 9.Зайцева Е.С. Психологическое сопровождение родителей детей-инвалидов // Совр. проблемы и перспективы развития региональной системы комплексной помощи ребенку. – Архангельск: Поморский ун-т, 2000 – С. 265 – 268.
- 10.Методические рекомендации о взаимодействии образовательного учреждения с семьей // Вестник образования, 2001.– №8.– С. 24 - 33.
- 11.Хямяляйнен Ю. Воспитание родителей: концепции, направления и перспективы / Пер.с фин. – М.: Просвещение, 1993. – 112 с.

Кризис семьи

Клячкина Н. Л.

Самарский гос. технический университет

Анализ процессов, наметившихся со второй половины прошлого века вначале в развитых странах Западной Европы, а затем в других странах и затрагивающих брачно-семейные отношения, позволяет говорить о том, что современная семья переживает кризис. Он, прежде всего, выражается в уменьшении численности оформляемых браков, падении рождаемости и ее «старении» (рождение первенцев откладывается на более поздний возраст), увеличении числа внебрачных детей. Данный кризис понимается демографами в первую очередь как кризис институциональный, то есть кризис семьи как социального института, проявляющийся в том, что семья перестала быть так называемой «ячейкой общества», одной из важнейших и основных функций которой является репродуктивная. Семья стала более динамичным образованием и, в отличие от предыдущей эпохи, в меньшей степени стабилизируется социальными факторами. Существенно возросло значение личностных мотивов и коммуникативных способностей супругов, и уже совершенно не представляется возможным заставить двух людей жить вместе, воздействуя на них орудием социальных норм и долженствований. Ряд исследователей связывает такие демографические изменения с ростом в обществе психологии индивидуализма и видит в них переход от «золотого века» брака к партнерству.

На наш взгляд, можно выделить несколько факторов, которые определили эволюцию семьи за последние сто - двести лет и обусловили возникшие в ней кризисные тенденции. Первый из них - медицинский фактор. Данные статистики показывают, что большая часть разводов приходится на период молодого супружества (1-5 год совместной жизни). Проблемы этой стадии сегодня связывают во многом со сложностями семейной адаптации и необходимостью принятия новых социальных ролей - ролей супругов. Но это также и время, когда женщина беременеет, и в семье рождаются дети. Современный уровень развития медицины позволяет минимизировать трудности и опасности этого процесса. Сегодня смерть женщины во время и после родов - это нонсенс. Однако еще совсем недавно, в домедикаментозную эпоху, это было вполне обычным явлением, причиной которого являлись инфекционные заболевания и различные физиологические осложнения, связанные с беременностью.

Таким образом, отсутствие соответствующей медицинской помощи во время родов и достаточно высокая смертность женщин - рожениц объективно не позволяла дожить семье даже до первого психологического кризиса отношений. Вполне естественным являлось то, что мужчина за свою жизнь женился 2-3 раза, воспитывая детей от первого и второго брака. Отсюда можно понять такую большую распространенность в культуре

сказок и мифов о злой мачехе. Отчасти данный фактор дает возможность понять большую полигамность мужчин, архетипическая память которых хранит следы былых паттернов брачных отношений в виде своеобразных «исторических семейных сценариев», а также может объяснить то, что частым мотивом распада молодых семей являются измены мужей после рождения ребенка. То, что мужчина «отправляется на поиски» новой женщины в период, когда в семье появляется ребенок, может быть детерминировано действием неосознаваемых схем брачно-семейных отношений, сформировавшихся и закрепившихся в течение многих поколений. Их реализация возможна благодаря механизму трансгенерационной передачи информации, описанному А.Шутценбергер. Развитие медицины увеличило жизнь современного человека в среднем на 20-30 лет, а также продлило и жизнь ядерной семьи (супруги и их дети), обусловив специфическую динамику семейных отношений.

Второй фактор можно обозначить как социокультурный. Еще сто лет назад очень сложно было юридически организовать акт развода. В 19-м веке брак мог быть расторгнут только вследствие строго определенных причин: доказанная измена одного из супругов; обвинение в двоеженстве или двоемужестве; болезнь, делающая брак физически невозможным; монашество одного из супругов; долговременное и безвестное отсутствия одного из супругов; покушение на жизнь супруга.

Измена была скорее поводом для убийства, чем для развода. Кроме того, церковь, имея значительное влияние на нравы и социальные процессы, запрещала разводы и подавляла любую инициативу в этой сфере, обозначая развод, как греховное неподобающее действие («что Бог сочел, того человек да не разлучает»). Влияние церкви было столь велико, что, к примеру, в России на протяжении девяти веков расторжение брака почти не совершалось, а формы регистрации брака, альтернативной церковной, не было. Однако одним из основных факторов, предупреждающих разводы, на наш взгляд, была невозможность женщины выжить за пределами брачных отношений. Социальные права женщины на протяжении многих веков были минимальны и предельно ограничены. Женщина не могла сама выбирать себе мужа, ее низкий статус подчеркивался существованием права гостей на невесту, или «право первой ночи» для вождя, шамана, жреца и т.д. В Римской империи, к примеру, дочь принадлежала родителям, жена - мужу. И той, и другой могли распорядиться, как собственностью, по усмотрению. С женой можно было развестись, можно было ее проиграть в кости, подарить. Своеволие мужа было ограничено лишь заступничеством родственников жены. Даже материнство никак не повышало достоинство женщины. Муж мог отдать, подарить, продать и даже умертвить дитя, если оно ему не нравилось. При разводе судьба детей полностью зависела от отца. Женщина не имела права на собственность, не могла делать карьеру, заниматься коммерцией. Таким

образом, права женщины были настолько ограничены, что единственным местом, где она могла жить и реализовать себя, была семья. Не сложно понять до сих пор существующую у многих женщин устойчивую гипермотивацию выйти замуж. Это явление связано не только с романтическими ожиданиями о счастливой семейной жизни, но и с архаическим страхом невозможности выжить вне брака, что на протяжении долгого времени являлось абсолютной правдой. Таким образом, социокультурные факторы долгое время выступали одними из основных факторов, стабилизирующих брак.

Наблюдаемые в последнее время тенденции, связанные с ростом и укреплением экономической самостоятельности и социального равноправия женщин, либерализацией взглядов на развод, освобождением от классовых, религиозных и национальных предрассудков, ростом продолжительности жизни, снижают эффективность факторов, ранее стабилизирующих семейные отношения. Семья перестала быть для женщин единственным способом выживания и единственной доступной средой для самореализации, что в середине 60-х гг. прошлого века породило реактивное образование в виде феминистических движений. Последние отражали нарушение равновесного положения такой социальной системы, как институт семьи, и маркировали переходный, кризисный момент в ее существовании. Данный кризис продолжается и в настоящее время. Связан он с поиском новых форм и моделей брачных отношений, наиболее полно отвечающих потребностям супругов в условиях современной жизни.

Третий фактор, оказавший влияние на трансформационные процессы в современной семье можно назвать философско-психологическим. Он имеет отношение к развитию гуманистической мысли. Психологическая свобода, так же как и ценность человеческой жизни, долгое время не имела особой значимости. Социальные нормы и правила имели абсолютный приоритет над личными предпочтениями. Еще столетие назад индивидуальные психологические особенности и личная мотивация каждого из брачных партнеров игнорировались, а внутрисемейные процессы регулировались социальными нормами и правилами. Изменения системы жизненных ценностей в обществе и декларируемые современной гуманистической психологией ценности самореализации и свободы самовыражения обусловили динамические процессы в современной семье, связанные с увеличением внимания к индивидуальным психологическим особенностям и потребностям каждого из партнеров при организации совместной жизни. Локус контроля современной семьи сместился с внешнего (социального) к внутреннему (внутрисемейному). Известная формулировка «Браки заключаются на небесах», декларирующая то, что семейные отношения структурируют внешние правила, не зависящие от индивидуальных особенностей субъектов взаимоотношений, постепенно трансформируется в формулировку «Браки заключаются в сердцах» или «Браки заключаются

в умах», отличающиеся по мотивационному компоненту, но схожие тем, что подчеркивают активную личностную позицию партнеров в выстраивании отношений.

Данные процессы подтверждает и другая фраза, довольно часто звучащая в последнее время при аргументации разводов - «Не сошлись характерами». Еще сто лет назад трудно было себе представить поводом для развода сексуальную или психологическую несовместимость партнеров, различия взглядов на организацию быта и т.д. В контексте эволюции семьи эта фраза является авангардной и подчеркивает приоритет личных потребностей и мотивации супругов в стабилизации семейных отношений. Действие данного фактора значительно расширяет свободу брачных партнеров, но одновременно увеличивает риск распада семьи, требует от супругов эмоциональной зрелости и ответственности за качество и стабильность их семейной жизни, поддержание долгосрочных отношений или принятия решения об их прекращении вследствие осознания факта невозможности совместного существования. Риск распада отношений обусловлен тем, что психологические мотивы, потребности, характерологические особенности, эмоциональные состояния по своей природе динамичны, изменяемы во времени. Изменения происходят с обоими партнерами, однако далеко не всегда динамика личностных изменений у супругов синхронна. В итоге то, что объединяло людей вначале истории их отношений, с годами может бесследно исчезнуть.

Итак, фон, на котором сегодня развиваются брачно-семейные отношения, не только определил новые тенденции в процессе формирования семьи, но и вызвал решающий поворот от традиционных стереотипов брачного поведения к новым. Данные процессы обусловлены повышением ценности отдельной личности и ее индивидуальной свободы, а также ростом значимости личностного роста и самореализации в иерархии терминальных жизненных ценностей человека. Смена «локуса контроля» современной семьи на внутренний, обусловила необходимость поиска новых ресурсов для ее стабилизации, скрывающихся в особенностях внутрисемейных отношений. Сегодня кризис современной семьи, определяющий направление ее трансформационных процессов, заключается в поиске таких форм отношений, в которых бы наиболее оптимально сочеталась принадлежность паре и личная свобода партнеров. А также в поиске факторов, при которых отношения, фактически не регулируемые системой социальных норм и долженствований, могли бы сохраняться и развиваться, удовлетворяя потребности их субъектов.

Возникшие в сфере существования семьи тенденции определили ее направленность в сторону таких форм отношений, как партнерство и эгалитарность (равенство полов), а также в сторону увеличения гибкости и пластичности ее структурных параметров и роста многообразия моделей. Ослабление нормативного влияния социальных факторов может в опреде-

ленной мере объяснить факт снижения численности оформляемых браков и рост числа свободных союзов, а также стимулировать формирование в сознании людей отношения к семье как к образованию, функционирование которого зависит в большей степени от их личной ответственности.

Среди современных форм отношений появились такие, как сепаратный (гостевой) брак, когда супруги живут в разных квартирах (городах, странах), периодически встречаясь для совместного время проведения; суингерство или обмен брачными партнерами; групповой брак или, так называемая, шведская семья; брак, где супруги сознательно не имеют детей; гражданский брак; гомосексуальный брак и др. Еще 50 лет назад о гомосексуальных семьях было невозможно говорить, а сегодня в некоторых странах (Канада, Голландия) не только официально регистрируются гомосексуальные союзы, но и рассматривается вопрос о разрешении таким семьям брать на воспитание ребенка. В некоторых странах, например, во Франции совместное проживание партнеров, без заключения брачного союза и юридического оформления отношений (конкубинат), так же признается одной из форм брака. В архаичной семье не было места женщине, как семейному лидеру, поддерживающему ее финансовую функциональность, а сегодня женщины могут занимать ведущее положение не только на уровне семьи, но и управлять целыми государствами.

Появившееся в последнее время многообразие моделей современной семьи, призвано повысить уровень удовлетворенности супругов браком за счет максимального удовлетворения потребностей брачных партнеров с учетом их индивидуальных психологических особенностей. Вместе с тем, рост ценности субъективных переживаний супругов повышает их взаимную ответственность за семейные отношения, требует толерантности, способности принять творческое своеобразие, уникальность и неповторимость другого, а также умения сочетать индивидуальную свободу с принадлежностью семье.

Таким образом, кризисы, периодически возникающие в отношениях, являются именно тем временем, когда нужно пересмотреть старые правила и сочинить новые. Данная функциональная способность пары предполагает гибкость партнеров в выборе способов взаимодействия от слияния в особые, интимные периоды их жизни до отстраненности в периоды временного дистанцирования и изоляции, которая может возникать как необходимая потребность, например, в ситуациях с высоким уровнем опасности и стрессогенности.

Необходимо оставаться в отношениях живым и естественным, сохранять собственную свободу, не теряя ответственности, и уважать свободу и уникальность другого. Это позволяет достичь по-настоящему глубоких отношений. «Любовь - это открытие свободы другого человека» - как с необыкновенной выразительностью заметил мексиканский поэт Октавио Паз.

К вопросу о личностной конфликтности и удовлетворенности браком

Т.И. Кучина
Тульский гос. университет

В последнее время появилось значительное количество исследований, посвященных проблеме удовлетворенности мужчин и женщин браком. Большинство специалистов определяют удовлетворенность браком как внутреннюю субъективную оценку. Удовлетворенность браком, по мнению С.И. Голод, складывается как результат адекватной реализации представления о семье, сложившегося в сознании человека под влиянием встреч с различными событиями, составляющими его опыт (действительный или символический) в данной сфере деятельности.

По данным Т.В. Андреевой и Ю.А. Бакулиной, удовлетворенность мужчин и женщин браком в среднем одинаковая, причем у мужчин она не связана со степенью традиционности их представлений о распределении ролей в семье; у женщин же между удовлетворенностью браком и традиционными представлениями связь обнаружена, хотя и слабая.

Необходимо, чтобы в семье супруги были удовлетворены своими отношениями, находя в них поддержку и понимание, что является важным фактором для комфортного и уверенного ощущения себя в жизни. Резервы, заключенные в благожелательных семейных отношениях, способны оградить человека от сложностей жизни, помочь в решении его психологических проблем.

Основной целью данного исследования является изучение взаимосвязи между конфликтностью, развитостью социального интеллекта, и удовлетворенностью супружескими отношениями.

Наша выборка включала 20 супружеских пар с семейным стажем от 6 до 10 лет. Выборка случайная.

Были использованы следующие методики: методика Е.П. Ильина и П.А. Ковалева «Диагностика личностной агрессивности и конфликтности». Методика включает 8 шкал, 4 из которых диагностируют личностную конфликтность. Методика Дж. Гилфорда «Исследование социального интеллекта». Методика представляет собой батарею стандартизированных тестов, состоящую из четырёх субтестов, направленных на диагностику феномена социального интеллекта. Автор методики рассматривает социальный интеллект как систему интеллектуальных способностей, связанных, прежде всего, с познанием поведенческой информации.

У лиц с высокими оценками по субтесту «Истории с завершением» присутствует умение предвидеть последствия поведения. Они способны предвосхищать дальнейшие поступки людей на основе анализа реальных ситуаций общения (семейного, делового, дружеского), предсказывать события, основываясь на понимании чувств, мыслей, намерений участников коммуникации.

Второй субтест предполагает наличие умения правильно оценивать состояния, чувства, намерения людей по их невербальным проявлениям, мимике, жестам, позам. Такие люди, как правило, придают большое значение невербальному общению, всегда обращают внимание на невербальные реакции участников коммуникации.

Третий субтест предполагает понимание речевой экспрессии.

Лица с высокими оценками по четвертому субтесту способны распознавать структуру межличностных ситуаций в динамике. Они умеют анализировать сложные ситуации взаимодействия людей, понимают логику их развития, чувствуют изменение смысла ситуации, при включении в коммуникацию различных участников.

Тест-опросник удовлетворенности браком, разработанный В.В.Столиным, Т.Л. Романовой, Г.П. Бутенко, предназначен для эспресс-диагностики степени удовлетворенности-неудовлетворенности, согласованности-рассогласованности удовлетворенности браком в конкретной супружеской паре.

Средний показатель удовлетворенности браком по группе равен 25,6 баллов. Таким образом, в среднем выборка характеризуется как скорее неблагоприятная. Причем показатель удовлетворенности браком у женщин (26 баллов) несколько выше, чем у мужчин (25,2 балла). Показатель рассогласованности удовлетворенности браком равен 2,9 баллов.

По методике Е.П. Ильина и П.А. Ковалева «Диагностика личностной агрессивности и конфликтности», а именно по шкале склонность к обидчивости средние значения по группе 7,5 баллов. В женской выборке средние значения составляют 8 баллов, в мужской – 7 баллов. Данная шкала выявляет склонность субъекта видеть несправедливое отношение к себе, заниженную оценку собственных успехов со стороны окружающих, слишком чувствительно реагировать на недостаток внимания со стороны близкого окружения. Люди с высокими показателями по данной шкале не переносят подтрунивания над собой. Их часто сопровождает ощущение собственной «обделённости», несправедливости жизни по отношению к ним.

По шкале склонность субъекта к вспыльчивости средние значения по группе 7 баллов. Данная шкала выявляет склонность субъекта к вспыльчивости, раздражительности, несдержанности в проявлении эмоций, сильному и яркому реагированию на любые замечания в его адрес. Высокие показатели по данной шкале говорят также о неумении владеть собой в конфликтной ситуации.

По шкале склонность к бескомпромиссности средние значения по группе 8 баллов (и в женской, и мужской выборках средние значения тоже 8 баллов). Людям с высокими показателями по данной шкале трудно делать что-либо в ущерб себе, уступать, они, как правило, не склонны к эмпатии, стараются достичь максимальной выгоды для себя. Им очень

тяжело признать правоту своего оппонента, найти «золотую середину» в споре. Шкала выявляет склонность субъекта обострять отношения с окружающими, его боязнь или нежелание показать «слабость», уходя от конфликта, или подчиняясь чужому мнению.

По шкале склонность к подозрительности средние значения по выборке 9 баллов (в мужской выборке – 9, в женской -8). Данная шкала диагностирует наличие у субъекта подозрительности по отношению к своему окружению, в том числе и близкому. Люди с высокими показателями по данной шкале постоянно ожидают подвохов и предательств со стороны близких людей, им очень тяжело полностью довериться кому-либо, во всём, что происходит вокруг, они видят скрытую угрозу для самих себя. Результаты по всем четырем шкалам свидетельствуют о конфликтности испытуемых.

По методике Дж. Гилфорда «Исследование социального интеллекта» средние значения по выборке 24,1 балла, что свидетельствует о недостаточной развитости социального интеллекта.

В ходе исследования были выявлены основные закономерности взаимосвязей между показателями конфликтности, социального интеллекта, удовлетворенностью браком. Так, была обнаружена взаимосвязь между высоким уровнем конфликтности и низким уровнем социального интеллекта.

Здесь прослеживается обратно пропорциональная зависимость (наблюдается значимая отрицательная корреляция между уровнем конфликтности и уровнем социального интеллекта на 0,05 уровне значимости при N=40).

Данную тенденцию можно объяснить тем, что социальный интеллект предполагает «продуманность» своего поведения по отношению к окружающим, Также все шкалы социального интеллекта направлены на выявление уровня возможностей познания и прогноза поведения окружающих,

Также значимую отрицательную корреляцию конфликтности и социального интеллекта можно объяснить тем, что социальный интеллект понимается как дар, обеспечивающий гладкость в отношениях с людьми, результатом, которого, является адаптационное приспособление и понимание сущности человеческих взаимоотношений. В общем, социальный интеллект обеспечивает понимание поступков различных людей, понимание речевой продукции человека, его невербальных реакций.

Важно отметить то, что социальный интеллект является когнитивной составляющей коммуникативных способностей личности.

Таким образом, можно сделать вывод, что утверждение о наличии взаимосвязи между высоким уровнем конфликтности и низким уровнем социального интеллекта является обоснованным;

2) взаимосвязь между высоким уровнем конфликтности и

низкой удовлетворенностью браком. Здесь прослеживается обратно пропорциональная зависимость: чем выше уровень конфликтности, тем ниже удовлетворенность браком (наблюдается значимая отрицательная корреляция между уровнем конфликтности и удовлетворенностью браком на 0,05 уровне значимости при N=40).

Следует отметить, что данная тема требует более глубокого анализа и развёрнутого экспериментального исследования.

Психические состояния в системе семейных отношений

Марюшина М.В.

Рес. клиническая психиатрическая больница МЗ РТ им.акад.В.М. Бехтерева

Семья — это живой организм, напоминающий скорее пламя, чем кристалл. Семья — это социальная система, то есть комплекс элементов и их свойств, находящихся в динамических связях и отношениях друг с другом. Семья для человека - главный и основной компонент среды, «в которой он живёт первую четверть своей жизни, и который он пытается построить всю оставшуюся жизнь». [8] «Уравновешивание» человека как системы с постоянно изменяющейся внешней средой, «слаживание» его с конкретными объективными условиями, активная организация взаимодействия обеспечиваются способностью психики человека приходить в необходимое на данный период состояние. Указанная функция отражает существующее в системе «стремление» к адаптации и реакцию на ситуацию как совокупность внешних и внутренних причин. Таким образом, реализуется регулятивная функция адаптации, а также осуществляется интеграция отдельных структур, необходимых для эффективного функционирования человека как системы в целом.

В пространственно-временной и информационно-энергетической координатах, пронизывающих социальное функционирование, деятельность, психологическую структуру личности, ключевым звеном преобразований, по мнению В. А. Ганзена, являются психические состояния.

Согласно концепции неравновесных состояний А. О. Прохорова, психические состояния могут иметь разный энергетический уровень, который отражается в качественной специфике актуализирующегося состояния (состав, структура, функции, влияние на поведение и т.д.). [6]

Центральной характеристикой всего компонентного состава психического состояния является отношение человека к объектам и процессам деятельности, к другим людям, к самому себе, определяющее, согласно теории В.Н.Мясищева, всю психическую деятельность человека.

Отечественными исследователями «психологическое отношение» определяется как целостная система индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами объективной действ-

вительности, как система, которая складывается в ходе истории развития человека, выражает его личный опыт, определяет действия и переживания. Отношения человека - это потенциал, проявляющийся сознательной активной избирательностью переживаний и поступков, основанной на его индивидуальном, социальном опыте.

А. А. Бодалев понимает под отношением «психологический феномен, сутью которого является возникновение у человека психического образования, аккумулирующего в себе результаты познания конкретного объекта действительности... интеграции всех состоявшихся эмоциональных откликов на этот объект, а также поведенческих актов на него...» Е. О. Смирнова отмечает различия между отношением «Я - Он» и «Я – Ты». «В отношениях первого типа «другой» является для человека внешне противопоставленным, эмпирическим существом, определённым через совокупность конкретных свойств и качеств. Во втором типе отношений «другой» принципиально несводим к каким-то конечным, определённым характеристикам. Эти два типа отношений, согласно Смирновой, «постоянно перетекают друг в друга». Собственное «Я» тоже может восприниматься как объект, как совокупность определённых качеств (социальный статус, представление о своих особенностях, способностях, знаниях и т.д.), в то же время, оно может быть целостным, неразложимым на части. Преобладание той или иной позиции во внутреннем диалоге определяет характер отношений к себе и к конкретному другому человеку. Л. Я. Гозман подчёркивает в отношениях «три ипостаси: эмоцию, имеющую своим предметом другого человека, аттитюд на другого человека и эмоциональный компонент межличностного восприятия». В понимании процессов формирования и развития внутрисемейных отношений, согласно Гозману, важную роль играет проблема эмоциональных отношений. [7]

Таким образом, семейные отношения можно рассматривать как в ракурсе эмоциональных отношений членов семьи друг к другу, так и в ракурсе существующего процесса развития семейных отношений на различных стадиях жизненного цикла семьи. Изучение семейных отношений предполагает рассмотрение их в контексте воздействующих на них факторов. «Основными координатами пространства межличностных отношений», по мнению А. А. Кроника и Л. Я. Гозмана, являются статусно-ролевые различия, психологическая дистанция, валентность отношений, свободный или вынужденный способ создания семьи, а также структура и динамичный характер семейных отношений. Качественное содержание семейных отношений, которое можно определить как эмоциональное и когнитивное «Мы» семьи и стремление к «сохранению в изменении», формируется под действием множества внешних и внутренних факторов. Оно может характеризоваться показателями сходства семейных ценностей, функционально-ролевой согласованности, социально-ролевой адекватности, адаптивности в микросоциуме, эмоциональной удовлетворённостью.

сти, устремлённости на семейное долголетие, идентичности и стабильности семьи.

Совокупность взаимоотношений членов семьи формирует её структуру – «квазипространственный срез семейной жизни» (Холмогорова А. Б., 2002). Основными характеристиками структуры семьи являются «связь» (психологическое расстояние между членами семьи) и «иерархия» (отношение доминантности - подчинения в семье).

Семейная система — это открытая система, она находится в постоянном взаимодействии с окружающей средой. Семейная система - это самоорганизующаяся система, то есть поведение системы целесообразно, и источник преобразований системы лежит внутри ее самой. Исходя из этого, можно утверждать, что люди, составляющие семью, поступают так или иначе под влиянием правил функционирования данной семейной системы, а не только под влиянием своих потребностей и мотивов.

Семья как система выполняет свои функции с помощью определённых механизмов. Структура семейных ролей предписывает членам семьи «что, когда и в какой последовательности они должны делать, вступая друг с другом в отношения» (С. Минухин, 1974). Локальные дифференцированные совокупности семейных ролей – семейные подсистемы – позволяют семье избирательно выполнять свои функции, обеспечивая её жизнедеятельность (М. Николс, С. Минухин, Ч. Фишман, 1998). Выполнение семейных предписаний в определённом аспекте семейной жизни (супружеском, родительском, детской группе и др.) определяется правилами – внешними и внутренними границами, задающими структуру и динамику функционирования семейной системы (С. Минухин, 1974). Культурно заданные и уникальные основания, на которых строится жизнь семьи, составляют семейные правила. «Семейные правила» присутствуют в индивидуальном сознании в форме установок, переживаются как личностный смысл, т.е. личностное отношение к чему-либо, отражают связь между объектом и его оценкой, а также формируют готовность к определённому виду поведения и обуславливают возникновение определённых состояний.

Семейные правила составляют внешнюю основу семейных мифов – сложных семейных знаний, неосознаваемых соглашений между близкими. Синонимами понятия «семейный миф» можно считать понятия «образ Мы», «образ семьи», «верование», «убеждение», «семейное кредо», «наивная семейная психология» (Ферейра, 1966; Мишина Т. М., 1978, 1983; Эйдемиллер Э. Г., Юстицкис В., 2000). Передача семейных мифов из поколения в поколение позволяет изучать эволюцию семейного контекста в виде семейных историй – специфической, несущей эмоциональную нагрузку проблемы, определяющей способ организации жизненных событий и внешне проявляющейся в стереотипах поведения, воспроизводящихся из поколения в поколение (М. Боуэн, 1978). Близким является понятие «семейного сценария» - устойчивых паттернов структурной организации и

микродинамики семьи, повторяющихся из поколения в поколение (Вебер Г., 2001). Важными факторами интеграции семьи являются параметры – стабилизаторы, придающие прочность и стабильность системе (общее место проживания, дети, общие материальные и духовные ценности, традиции и ритуалы, совместные занятия, эмоциональные отношения и др.) [8]

Согласно концепции семейного гомеостаза, семейная система «действует» таким образом, чтобы во взаимоотношениях между членами семьи сохранялось равновесие, которое поддерживается как явными, так и скрытыми способами, что даёт основания предположить наличие сложившихся моделей взаимоотношений, поведения и регуляции, обнаруживающихся в повторяющихся, циклических паттернах поведения и коммуникации, а также в возникающих психических состояниях.

Поскольку психическое состояние является одним из параметров, способных влиять на состояние системы семьи, изменение характерных для патологического цикла функционирования психических состояний и расширение диапазона способов их регуляции в силу действия циклических причинно-следственных связей может приводить к трансформации и стабилизации системы. «Изменение в любой части цикла может считаться причиной более позднего изменения любой переменной в любом месте этого цикла» (Г. Бейтсон). [2]

С позиций системного подхода и синергетических концепций, психические состояния представляют собой возникающие вследствие самоорганизации функциональные образования, обладающие определённым количеством энергии, в ответ на изменившиеся условия. Энергия состояния может рассеиваться посредством соответствующего поведения или обуславливает возникновение новообразований. Это может приводить к «сглаживанию неравновесности», либо к возникновению «точки бифуркации» для семейной структуры в целом. В первом случае неравновесные состояния позволяют всей семейной системе диссипировать - совершать колебательные движения около точки равновесия, снижая поток энтропии, идущий изнутри и извне, выполняя регулятивную функцию адаптации. Во втором случае неравновесное состояние может выполнять триггерную (запускающую процесс) и модулирующую (направляющую) функцию, приводя семейную систему к выбору нового направления развития. Различные параметры семейной системы и разные аспекты её функционирования в свою очередь влияют на степень выраженности того или иного состояния.

Психические состояния могут являться чувствительным индикатором, позволяющим выявить состояние системы семьи и раскрыть содержание семейных отношений. Таким образом, исследование семьи через анализ взаимосвязей семейных отношений и психических состояний различной степени выраженности позволит говорить о различной роли тех или иных параметров семейной системы в формировании психологического настроения

личности, влияющего на общий характер поведения и отношений с людьми.

Литература

1. Андреева Г. М. Социальная психология. Учебник для ВУЗов. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 376с.
2. Бейтсон Г. Природа и разум. Необходимое единство. Перевод А. И. Фета. – Новосибирск, ИСТ, 2005. – 187с.
3. Ганзен В. А. Системные описания в психологии – Л., Изд-во Ленингр. Университета, 1984 -176с.
4. Мясищев В. Н. О взаимосвязи общения, отношения и обращения как проблемы общей и социальной психологии // Социально-психологические и лингвистические характеристики форм общения и развития контактов между людьми: Тезисы симпозиума 1-3. XII. 1970 г. Л., 1970.
5. Пригожин И. От существующего к возникающему. – М.: Наука, 1985. – 328с.
6. Прохоров А. О. Психология неравновесных состояний – М., Изд-во «Институт психологии РАН»,1998. -152с.
7. Уманский С. В. Психотерапия и синергетика. Трансдисциплинарный подход. // Психотерапия Ежемесячный научно-практический журнал № 7(55), 2007.
8. Шнейдер Л. Б. Семейная психология: Учебное пособие для Вузов – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2005.- 768с. – («Gaudeamus»)
9. Эйдемиллер Э. Г., Александрова Н. В., Юстицкис В. Семейная психотерапия. Хрестоматия / Сост. Эйдемиллер Э. Г., Александрова Н. В., Юстицкис В. – СПб.: Речь, 2007. – 400с.

Факторы, влияющие на брачные намерения молодежи

Пахолков А.А.

Администрация г.Родники, Иваново

Изучение особенностей брачных намерений молодежи ивановского региона позволило получить интересные эмпирические факты, характеризующие готовность молодых людей строить семейную жизнь. Рассмотрим основные факторы, связанные с брачными намерениями молодых людей.

Отношение с противоположным полом. У женщин отношения с противоположным полом строятся, прежде всего, на основе прежнего опыта – это опыт реального взаимодействия к данному моменту, опыт наблюдения за противоположным полом в ситуациях совместного проживания в одном доме или районе. Мотивация выбора партнера противоположного пола определяется стремлением к самостоятельной жизни вне родительской семьи и независимости. Однако вступить в брак со сверстником девушки могут лишь на основании общности интересов, либо из

чувства жалости к ним. По данным исследования, любовь в стабильных отношениях с противоположным полом у девушек является лишь помехой, а равнодушие к противоположному полу, как и стремление быть сильной (мужественной) препятствует гармоничным отношениям в представлениях девушек.

Можно предположить, что это делается для того, чтобы получить от своего избранника защиту и покровительство. Следует отметить мало-приемлемость в избраннике излишней доверчивости. Видимо, это воспринимается женщинами как проявление инфантилизма со стороны мужчин. Близкие отношения с мужчинами, независимо от их мотивационной основы, дают женщинам ощущение счастья и возможность проявлять самостоятельность и независимость от родительской семьи.

Для мужчин наиболее притягательными качествами в девушках являются красота и женственность. Для молодых людей крайне важно влияние социального окружения, а отношения с противоположным полом складываются под влиянием примера друзей и семьи родителей. Парадоксально, но юноши в значительной степени жаждут романтики в отношениях с противоположным полом, вопреки сложившимся стереотипам о том, что это больше присуще женщинам. Между тем, юноши не приемлют мужеподобность девушек. Они не желают, чтобы вопрос о решении рождения детей принимала исключительно жена. Не приемлют излишнюю женскую активность в отношениях. Молодые люди в представлениях о будущей семье не желают оказаться материально зависимыми от жен, а также против того, чтобы они представляли интересы семьи в обществе, то есть выполняли представительскую функцию, и регулировала репродуктивную функцию. Как указывалось ранее, женщины в представлении о семье придерживаются взглядов о своем приоритете в принятии решения о рождении детей.

Итак, отношения с противоположным полом молодого поколения характеризуются более рациональным структурированным представлением о них у девушек, в то время как у юношей они идеализированы в соответствии с феминными стереотипами, ориентированы, в большей мере, на романтику, и не включают направленности на заключение официального брака.

Вступление в официальный брак как брачное намерение. В данном блоке мы анализируем взаимосвязь установки на вступление в официальный брак с другими изучаемыми показателями. Принятие такого решения девушек связано, прежде всего, с наличием близких отношений с противоположным полом, уверенностью в том, что будущий муж станет проявлять заботу о детях, об их будущем, а также с осознанием своей материальной независимости. То есть, отвечая на вопрос о материальном благополучии, такие девушки выбирают вариант – могу позволить себе многое.

Отметим, что решение о заключении брака не имеет корреляционной зависимости ни с личностными чертами будущего избранника, ни с наличием совместных чувств, ни с влиянием социального окружения. То есть такое решение достаточно рационально и основано на материнских ожиданиях, а также на уверенности, что дети будут обеспечены материально.

Опыт общения со сверстниками не способствует принятию решения девушками о вступлении в брак. То есть, многие из них не видят в сверстниках своего региона будущих спутников жизни. Отвержение доверчивости девушками мужчин можно объяснить нежеланием видеть в спутнике жизни человека бесхитростного, незрелого.

Несмотря на то, что сами девушки представляют ивановский регион, их отношение к отцам, как образцу супруга – негативное, поэтому молодые женщины не хотели бы вступать в официальный брак, повторив модель родительской семьи, в которой отец – житель ивановского региона. Девушки также хотят четкого распределения ответственности за презентацию своей будущей семьи в социальном окружении, то есть стремятся избегать того, что данную функцию в их родительской семье чаще выполняла женщина, что, видимо, не соответствует традиционным гендерным ролям.

Решение юношей о вступлении в официальный брак строится, в отличие от женщин, на основе соответствия параметров идеала ожиданиям. Обязательным условием, при этом, является наличие чувств, прежде всего, любви. При этом, молодые люди в будущей супруге видят такие качества как доверчивость, уступчивость, добросовестность. Не приемлют того, чтобы женщина была физически сильнее. В то же время, немаловажным фактором принятия мужчинами решения о вступлении в официальный брак является активность, проявляемая ивановскими женщинами, которую молодые люди воспринимают как напористость в отношениях. Видимо, в этом сказывается особенность региональной ментальности ивановских мужчин, передающих инициативу в решении многих вопросов женщинам, и связанную с уходом от ответственности за создание семьи.

Мотивом вступления молодых людей в официальный брак может служить желание родителей видеть их семейным человеком. То есть для ивановских юношей большое значение в принятии решения о создании семьи имеет давление ближайшего социального окружения, как любящей девушки, так и родителей.

Можно предварительно заключить, что решение о вступлении в брак у девушек формируется на рациональной основе, связанной с материальной обеспеченностью и заботой о будущих детях. В то время как юноши принимают такое решение под давлением обстоятельств, социального окружения и заняты, скорей, поиском идеала, то есть проявляют эмоциональную избирательность в отношении девушек, не связывая существующие взаимоотношения с картиной семейной жизни.

Официальная регистрация брака как условие создания семьи. У девушек мотив официального оформления брака связан, прежде всего, с уверенностью в будущем детей, то есть, с ожиданием, чтобы у ребенка был законный отец, несущий ответственность за их судьбу, а также с ожиданием сохранения позитивной эмоциональной атмосферы в семье после регистрации брака.

Немаловажное значение для девушек имеет пример друзей, родственников, поскольку к определенному возрасту статус незамужней женщины воспринимается как окружающими, так и самой женщиной, в неблагоприятном свете. С другой стороны, женщина не желает быть лидером в организации эмоциональных отношений в рамках официального брака, стремясь к паритету с мужчиной в данном вопросе.

Кроме того, те девушки, которых устраивает досуг в рамках общения в барах (на дискотеках), не склонны вступать в официальный брак, что зачастую контролируется со стороны родителей. Жесткий родительский контроль сопровождается завышением требований к будущему избраннику и не способствует узакониванию отношений между молодыми людьми.

Юноши полагают, что официальная регистрация брака возможна, если девушка обладает такими качествами, как уступчивость, искренность, эмоционально нацелена на поддержку. Таким образом, молодые люди стремятся к сохранению своих эмоциональных состояний, возникающих благодаря имеющимся в настоящее время отношениям с девушками, благодаря их узакониванию.

Мотивом вступления в официальные отношения для мужчин может быть желание родителей видеть их семейным человеком, поэтому молодые люди более четко определяют возраст, подходящий для регистрации брака (22-25 лет), таким образом, юноши, в большинстве случаев, ориентированы на мнение родителей. Отметим также, что наличие любви не является мотивом оформления отношений. То есть в системе отношений с противоположным полом присутствует ориентация на взаимные чувства, прежде всего, любовь, которая, однако, не связана с мотивацией официальных оформлений семейных отношений, в то время возможность регулярного удовлетворения сексуальной потребности в рамках семьи может быть основанием для принятия решения об узаконивании брака. Следует полагать, что на отношения в семье, на брачные намерения, на формирование образа партнера (реального или идеального) может влиять опыт близких реальных отношений. Рассмотрим их.

Наличие опыта близких взаимоотношений с лицом противоположного пола. Анализ результатов исследований показывает, что наличие таких отношений у девушки и юношей различно по составу.

Девушки оценивают молодого человека, находящегося с ними, как обладающего набором традиционно маскулинных качеств: доминирующий, мужественный, напористый, но способного при этом проявлять со-

чувствие. Девушки также планируют узаконить в ближайшее время имеющиеся отношения, которые дают ей ощущение собственного счастья, и, персонифицируясь, переносятся на отношение к мужчинам в целом. В то же время, в жизненных реалиях они понимают, что от поведения женщины в быту во многом зависит успешность отношений, поэтому принимают на себя обязанности по организации быта и ведения домашнего хозяйства. Эти девушки не строят отношения с юношами по примеру родительской семьи, отвергая проявления феминности в мужчине. Имея реальные отношения, они стремятся к материальной предсказуемости в складывающейся ситуации. Таким образом, успешные реальные отношения девушек с противоположным полом построены на традиционной полоролевой дифференциации.

Для юношей опыт взаимоотношений приобретается в общении, в основном, во время совместной учебы. Они ориентированы строить свои отношения с искренними, любящими, дружелюбными, сострадательными, но уверенными в себе девушками. В тоже время опыт встреч во время досуга, отсутствие общих интересов и собственная необязательность отрицательно влияют на установление молодыми людьми близких и серьезных отношений в данное время. Таким образом, наличие отношений у молодых людей определено, прежде всего, эмоциональной близостью, наличием эмоциональной поддержки, получаемой от девушек, которая зачастую отсутствовала в родительской семье. В целом, женщины, успешно строящие близкие отношения, уже психологически готовы к созданию собственной семьи, в то время как молодые люди ориентированы на общение, влюбленность и эмоциональную поддержку. В представлениях женщин о своей будущей семье центральное место занимает образ будущего супруга. Перечислим те качества супруга, которые тесней всего связаны с представлением о будущей семье: мужественный; чувствительный; искренний; способный защитить семью; чистый; обладающий аналитическим умом; внешне красивый.

Подчеркивание девушками в идеале маскулинных свойств закономерно связано с нежеланием видеть в супруге женственность, которая присутствует в образе реальных ивановских молодых людей.

Для юношей представления о будущей семье связаны, прежде всего, с романтической направленностью личности

Такие представления ассоциируются с наличием официальных отношений, а иные формы семейных отношений не вписываются в картину семьи. Образ будущей семьи отражает не конкретные ее характеристики и параметра, а, прежде всего, эмоциональную направленность молодых людей и стремление рассматривать семью как источник получения желаемых эмоций. В своих прогнозах молодые люди видят себя лидером семьи (включая интимную сферу и выполнение воспитательной функции), не проявляющим мягкости, не свойственной настоящему мужчине, и пе-

реживающим, в основном, эмоции пугнические (преодоление, защита), альтруистические по отношению к другим членам семьи и сохранять романтику отношений, переживаемую им в настоящее время. Достаточно позитивен тот факт, что юноши имеют намерение свести к минимуму употребление спиртного в семье.

Отрицание значимости собственного детского опыта, приобретенного в родительской семье, наводит на мысль о компенсации возможного материнского доминирования в семье собственной.

Семья в контексте межпоколенных отношений в современной России

Постникова М.И.

Поморский гос. университет им. М.В. Ломоносова Архангельск

Современный человек живет в стремительно меняющемся мире. Изменения, произошедшие в российском обществе за последнее десятилетие, коснулись всех сфер жизнедеятельности человека: экономической, политической, социальной, культурной. Эти изменения носят радикальный, глобальный характер: сменился экономический строй, что повлекло за собой разрушение ценностей, которыми руководствовались люди в реальной жизни, мир стал жестче, пропагандируются западные образцы человеческих взаимоотношений, не всегда понимаемые и принимаемые в российском обществе.

Радикальные изменения оказали существенное влияние на такой важнейший социальный институт, как семья. В последние годы исследователи все чаще говорят о кризисе семьи: растет число разводов, постоянно увеличивается число детей, оставшихся без попечения родителей или воспитывающихся в неполных семьях, все большее распространение приобретают различные формы насилия в семье, как в отношении детей со стороны родителей, так и в отношении родителей со стороны взрослых детей. Одним из важнейших условий развития общества, его стабильности, а, следовательно, и благополучия семьи, как основного социального института, является взаимодействие поколений. Можно с уверенностью сказать, что человеческая цивилизация сохранилась во многом благодаря возможности передачи накопленного опыта предшествующими поколениями новым поколениям людей. Однако, как отмечает Д.И. Фельдштейн, «сегодня имеется и нарастает опасность деструктивирования всей системы культурно-исторического наследования. В данном случае речь идет не только о традиционной проблеме «отцов и детей» в ее привычной оценке, но и о широком социокультурном аспекте взаимодействия поколений» [1.С.69].

В XXI веке в условиях увеличения средней продолжительности жизни сложилась новая историческая ситуация реального существования не-

скольких поколений в течение довольно длительного времени (в 1,5 раза дольше, чем в XIX веке). «Появление четырех и даже пяти поколенных семей в XX веке - один из примеров сложности современных линейно - возрастных связей и процессов, в которых поколения влияют друг на друга»[2.С.114]. В истории человечества еще не было прецедента, когда в один исторический период живут представители четырех и даже пяти поколений. Этот факт также определяет характер отношений в семье. В этой связи общество поставлено перед необходимостью выработать новые конструктивные нормы отношений между людьми - представителями различных поколений в семье.

Главная функция межпоколенных отношений на всех этапах развития человечества - это трансмиссия культурных, духовных ценностей. Мы считаем, что основы межпоколенных взаимоотношений закладываются в семье. Именно характер отношений между детьми и родителями, родителями и прародителями определяют в последующем отношения человека к представителям разных поколений. Анализ литературы по проблеме позволил сформулировать следующие факторы, определяющие характер межпоколенных отношений в современной России:

- процесс смены поколений происходит на фоне глобальных изменений в политической, экономической и социальной сферах;
- приоритетное значение приобретают не межпоколенная преемственность, а внутрипоколенное заимствование элементов субкультур развитых капиталистических стран;
- критическое отношение к наследию поколений советского периода приводит к крушению авторитета старших в глазах молодых;
- девальвация духовных ценностей и норм предыдущих поколений затрудняет передачу их следующим поколениям;
- все чаще в российском общественнонаблюдаются проявления эйджизма (дискриминации по возрасту).

Таким образом, речь идет о достаточно серьезных проблемах, возникающих между поколениями в современном российском обществе. Эти проблемы, несомненно, усугубляют тот кризис, в котором оказалась современная семья. Основное противоречие, на наш взгляд, заключается между необходимостью сохранения связи между поколениями (как условием передачи опыта, сохранения генетической памяти) и существующими проблемами в межпоколенных отношениях, которые, по мнению ряда исследователей, ведут к разрыву связей между поколениями.

Общество поставлено перед необходимостью выработать новые нормы отношений между людьми разных поколений. Несмотря на общее понимание необходимости установления конструктивных отношений между представителями различных поколений, реальные отношения еще очень далеки от идеальных. Исследователи говорят о конфликте поколений, а более радикально настроенные - о разрыве между поколениями.

Развитию конфликта и отчуждению поколений способствуют быстрые, кардинальные общественные изменения, способствующие овладению детьми ценностными ориентациями и формами поведения, не совместимыми с ценностями, свойственными взрослым. Усугубляет разрыв и стойкая приверженность представителей старшего поколения традиционным ценностным ориентациям и идеалам воспитания.

В то же время, в традиционной семье именно представители старшего поколения (бабушки и дедушки) являются хранителями семейных традиций, истории, что всегда оказывало позитивное влияние на формирование ценностной системы детей. Именно во взаимоотношениях с пожилыми членами семьи ребенок учится «помогающему поведению», отзывчивости к другим людям [4]. В условиях современной, нуклеарной семьи межпоколенческие связи между родственниками ослаблены, дети не получают в должной мере поддержки со стороны пожилых членов семьи, а для пожилых возможностей передачи накопленного опыта все меньше и меньше.

На наш взгляд, формирование толерантного, более терпимого отношения к старшему поколению может способствовать выстраиванию диалога между представителями разных поколений, т.к. уважение и признание права на существование иной точки зрения являются первыми шагами к партнерским отношениям и принятию альтернативных взглядов. С другой стороны, понимание, сочувствие, готовность к принятию нового опыта и желание вступить в диалогические отношения с представителями старшего поколения зависят от степени информационной компетенции [5] в области возрастных изменений (знание о специфических особенностях пожилого возраста) и уровня рефлексии (умение увидеть себя как взрослого субъекта, прогнозирование предстоящих возрастных изменений).

Это послужило основанием для разработки программы формирующего эксперимента, основная задача которого заключалась в повышении информационной компетентности учеников, попытка повлиять через знаковый компонент на другие составляющие структуры межпоколенных отношений: эмоциональную и конативную (поведенческую).

Мы выбрали в качестве объекта исследования детей младшего подросткового возраста (12-13 лет), т.к. именно в этом возрасте у ребенка происходит когнитивная перестройка, способствующая открытию собственного «Я» как активного творца собственной жизни, именно в этом возрасте происходит т.н. «кристаллизация» личностных структур, благодаря которой многие социальные и личностные характеристики ребенка этого возраста дают основание для надежных прогнозов его поведения на 4-6 лет вперед [6;7;8]. Задачи взросления в этом возрастном интервале связаны со вторым («социальным») рождением «Я», с изменением типа субъектности. По мнению Давыдова В.В., Слободчикова В.И., Цукерман

Г.А. [9;10], главной движущей силой всех сторон психического развития в данном возрасте является рефлексия, обслуживающая сферу самосознания школьника, рефлексия как индивидуальная способность к самоизменению, к установлению границ Я-самости.

Обобщая результаты двух этапов эмпирического исследования (выявление особенностей и актуальных проблем в отношениях подростков к представителям старшего поколения и проведение эксперимента, направленного на формирование толерантного отношения к пожилым людям), мы можем сделать следующие выводы:

- 1) Отношение к пожилым членам семьи действительно благоприятнее и более толерантно, чем к пожилому человеку вообще: в системе «подросток – прародители» активно развиваются и стимулируются эмоциональная, конативная и когнитивная стороны взаимоотношений на протяжении практически всей жизни ребенка; общение с другими пожилыми людьми, напротив, происходит крайне редко, информация, на которой основываются подростки, рассуждая о пожилых людях, основывается на возрастных стереотипах, транслируемых обществом (далеко не всегда позитивных и правдивых), а позитивный опыт общения с прародителями (и благоприятные взаимоотношения с ними) практически не переносится на отношение к пожилым людям как возрастной группе (возможно, это связано с тем, что прародители воспринимаются скорее как часть семьи, а не как представители пожилого поколения, и семейная преемственность позволяет преодолевать, сглаживать потенциальный «разрыв» поколений).
- 2) Формированию толерантного (т.е. более терпимого, уважительного, сопереживающего) отношения к пожилым людям способствует повышение информационной компетентности в особенностях данного возраста, т.е. стимулирование когнитивной, знаниевой стороны межпоколенных отношений; с другой стороны, актуализация навыков рефлексии (одного из психических новообразований предыдущего возраста) через переосмысление своего опыта и опыта, полученного от представителей старшего поколения, планирование своего будущего, размышления об изменениях, которые предстоит пережить каждому человеку в процессе жизненного пути также способствуют более глубокому пониманию проблем пожилых людей и умению принять их позицию, что также влияет на формирование толерантного отношения к ним.
- 3) Стимулирование только одной из сторон межпоколенных отношений (в данном случае – поведенческой, выражающейся в увеличении количества контактов подростков с пожилыми людьми), по-видимому, не является достаточным для повышения толерантности к представителям старшего поколения; для подобных изменений (даже на уровне тенденции) необходимо комплексное влияние на все

компоненты межпоколенческих отношений (не только поведенческую составляющую, но и знаниевую, и эмоциональную).

Список литературы:

1. Фельдштейн Д.И. О развитии фундаментальных психологических исследований Российской академии образования // Мир психологии. – 2006.-№ 1. С.67-76.
2. Карль Ф. Поколения и общество: межпоколенные программы // Психология зрелости и старения. -2003.-№2(22).-С. 113-136.
3. Зинченко В.П. Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии.- 1991.- №2.-С. 15- 36.
4. Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. СПб.: Питер, 2000.
5. Тришина С.В. Информационная компетентность как педагогическая категория// Интернет-журнал "Эйдос". - 2005. - 10 сентября. <http://www.eidos.ru/journal/2005/0910-11.htm>.
6. Драгунова Т.В. Психические особенности подростка// Возрастная и педагогическая психология / Под ред. А.В. Петровского. М.: Просвещение, 1973. С.98-141.
7. «Мост между поколениями»// Интернет-проект «Служение во имя мира»: <http://www.serviceforpeace.ru/brends.php?show=one&br num=1>.
8. Флэйк-Хобсон К. Половая принадлежность и социальные роли // Подросток и семья / Под ред. Д.Я. Райгородского. Самара: БархаХ-М, 2006. С.51-65.
9. Давыдов В.В., Слободчиков В.И., Цукерман Г.А. Младший школьник как субъект учебной деятельности // Вопросы психологии, 1992. №3-4. С.14-19.
10. Цукерман Г.А. Десяти-двенадцатилетние школьники: «ничья земля» в возрастной психологии//Вопросы психологии, 1998, №3. С.17-30.

Специфика проявления межличностной зависимости и склонности к суицидальному поведению у подростков в полных и неполных семьях

Саввина Л. А.

Воронежский государственный университет

Проблема аддиктивного поведения в нашем обществе с каждым годом приобретает всё более острый характер. Ежегодно увеличивается процент людей, страдающих каким-либо видом зависимости. Положение усугубляется тем, что наряду со взрослыми всё большее количество детей и подростков становятся жертвами аддикции. А это особенно страшно, так как в детском возрасте происходит формирование личности и аддиктивное поведение искажает данный процесс, приводит к его деградации, грубому искажению, а зачастую и к смертельному исходу. Важно заметить, что смертельный исход наступает не только вследствие физической истощённости организма, но, зачастую, и вследствие самоубийства.

Человек, совершающий суицид, как правило, пребывает в искажённом состоянии сознания, которое может быть следствием не только объективных причин, но и результатом взаимодействия с объектом зависимости.

Проблема подростковой смертности вследствие суицида, как и проблема аддиктивного поведения подростков особенно обострилась во второй половине XX века и остаётся волнующей для современного общества.

Несмотря на остроту данной проблемы, нет однозначного понимания взаимосвязи данных явлений. В литературе можно констатировать противоречивые взгляды на рассмотрение связи суицида и межличностной зависимости. Так, Р.М. Масагутов проводил исследование, в ходе которого было получено, что подростки с суицидальными наклонностями обнаруживают различные виды аддиктивного поведения [2]. В то же время ряд авторов не говорят о наличии связи между этими явлениями. Так, например, А. Личко указывает на то, что склонность подростка к суициду и к аддиктивному поведению является следствием акцентуации характера, и при этом в его классификации с лёгкостью прослеживается то, что для определённой акцентуации может быть характерна склонность к суицидальному поведению и не характерна склонность к аддиктивному поведению, то есть данные явления рассматриваются как независимые и не взаимосвязанные [1].

Помимо этого, нет однозначного понимания того, какое влияние оказывает неполная семья на личность подростка, а именно на его склонность к межличностной зависимости и суицидальному поведению. Известно, что именно в подростковом возрасте происходит смена значимых лиц, актуальным становится общение со сверстниками. В условиях неполной семьи существует опасность, что данное общение может перерасти в зависимость от партнёра по общению. Неполная семья может оказаться условием, провоцирующим развитие данной зависимости. Так, Б.Уайнхолд говорит о том, что некоторые родительские модели воспитания (в частности, в которых нарушаются личностные границы) оказывают влияние на развитие склонности к межличностной зависимости. Однако он не указывает, в каких семейных системах это чаще всего происходит [3].

В связи с этим проблема нашего исследования заключается в наличии противоречивых взглядов на рассмотрение связи между явлениями межличностной зависимости и склонностью к суицидальному поведению у подростков, воспитывающихся в полных и неполных семьях.

В виду наличия указанных противоречий мы задались целью, провести исследование, направленное на выявление связи между уровнем межличностной зависимости и склонностью к суицидальному поведению у подростков, воспитывающихся в полной и неполной семьях.

В качестве объекта исследования являются особенности личности подростков, воспитывающихся в полной и неполной семье. Предмет ис-

следования – особенности суицидальных наклонностей и межличностной зависимости у подростков, воспитывающихся в полных и неполных семьях.

В отечественной психологии присутствует рассмотрение суицида как следствие недостатка средств саморегуляции. Недостаток средств саморегуляции присутствует и при аддиктивном поведении. На наш взгляд, это обстоятельство может свидетельствовать о наличии взаимосвязи между данными явлениями. Таким образом, гипотеза нашего исследования состоит в предположении о наличии прямой связи между межличностной зависимостью и склонностью к суицидальному поведению у подростков, а именно – чем выше уровень межличностной зависимости, тем выше уровень склонности к суициду, а чем ниже уровень межличностной зависимости, тем ниже уровень склонности к суициду. Причём проявление данной связи является специфичным в условиях полных и неполных семей, а именно, у подростков, воспитывающихся в полных семьях, связь склонности к суициду обнаруживается с общей межличностной зависимостью, а у подростков, воспитывающихся в неполных семьях, связь склонности к суициду обнаруживается с межличностной зависимостью от конкретного партнёра по общению.

Нами использовались эмпирические методы сбора данных (тестовый и проективный методы), которые реализовывались нами в следующих методиках: опросник межличностной зависимости, созданный Р. Гиршфильдом в 1977 году и адаптированный в России О.П. Макушиной; методика определения межличностной зависимости (Тест профиля отношений), созданный Р. Борнштейном и его коллегами в 2001 г. в США и адаптированный в 2005 году в России О.П. Макушиной; опросник суицидального риска, который направлен на выявление уровня сформированности суицидальных намерений (опросник был разработан на основе шкалы суицидального риска методики ММРІ и прошёл психометрическую адаптацию в дипломной работе И.Ю. Беляковой, выполненной под руководством А.Г. Шмелёва); рисуночный проективный тест «Ваши суицидальные наклонности». Направлен на выявление наличия и характера суицидальных наклонностей.

Объектом эмпирического исследования выступили две группы подростков (по 60 в каждой) в возрасте 13 – 16 лет, всего 120 человек. Первую группу составили подростки, воспитывающиеся в неполных семьях, вторую группу – подростки из полных семей.

Обработка результатов проводилась следующим образом. При обработке рисуночного проективного теста «Ваши суицидальные наклонности» наряду с количественной обработкой нами использовалась качественная обработка данных. Для проверки гипотезы использовался коэффициент линейной корреляции Пирсона. Для установления значимости различий между выборками использовался критерий сравнения средних значений Стьюдента.

На основе полученных результатов мы констатировали, что у подростков имеет место наличие прямой связи между межличностной зависимостью и склонностью к суицидальному поведению, причём проявление данной связи в условиях полных и неполных семей действительно обнаруживает определённую специфику. Подростки, воспитывающиеся в неполных семьях, обнаруживают прямую связь склонности к суициду с деструктивной сверхзависимостью от конкретного партнёра по общению, а подростки, воспитывающиеся в полных семьях, обнаруживают прямую связь склонности к суициду как с деструктивной сверхзависимостью от конкретного партнёра по общению, так и с общей межличностной зависимостью. На наш взгляд, то обстоятельство, что подростки из полных семей одновременно обнаруживают связь как с деструктивной сверхзависимостью от конкретного партнёра по общению, так и с общей межличностной зависимостью не является противоречивой ввиду того, что общая межличностная зависимость включает сверхзависимость от конкретного партнёра по общению. Всё это позволило нам сделать вывод о том, что выдвинутая нами гипотеза не отвергается.

В ходе проверки нашей основной гипотезы нами было обнаружено много интересных моментов. Так весьма неожиданным для нас оказалось наличие противоречия в том, что подростки из полных семей чаще обнаруживают выраженность высокого уровня суицидальных наклонностей по сравнению с подростками из неполных семей на неосознаваемом уровне, а на осознаваемом уровне подростки из неполных семей обнаруживают большую выраженность суицидального риска. Данное противоречие может быть связано с тем, что вообще тема суицида является глубоко интимной и личной, и весьма сложно интерпретировать полученные данные, говорить об их полной достоверности. Что касается интерпретации данных о склонности к суициду на неосознаваемом уровне, то здесь, как мы уже отмечали выше, присутствуют противоречивые моменты, так как у подростков из неполных семей при выполнении задания проявлялись некоторые защитные реакции. Если же посмотреть, с чем могут быть связаны полученные различия, то можно предположить, что причину необходимо искать в социальном окружении. А вот тот факт, что подростки из полных семей обнаруживают большую выраженность эмоциональной опоры на других и неуверенность в себе, не является для нас неожиданностью, так как проживание в полной семье подразумевает то, что подросток более зависим от родителей и испытывает с их стороны значительную поддержку, то есть является менее самостоятельным.

На основе анализа выборок подростков из полных и неполных семей в гендерном аспекте можно констатировать, что девочки из неполных семей обнаруживают прямую связь между деструктивной сверхзависимостью и осознаваемыми компонентами суицидальных наклонностей, а мальчики из неполных семей обнаруживают прямую связь между дест-

руктивной сверхзависимостью и неосознаваемыми суицидальными наклонностями. Причём данная тенденция обнаруживается только у подростков из неполных семей.

Что же касается полных семей, то здесь мальчики обнаруживают связь деструктивной сверхзависимости как с осознаваемыми, так и с неосознаваемыми суицидальными наклонностями, а вот девочки из полных семей обнаруживают связь деструктивной сверхзависимости только с одной шкалой суицидальных наклонностей – аффективностью. Здесь хочется отметить, что девочки более эмоциональны по своей природе. Они прибегают к различным поведенческим реакциям, стремясь найти себя, склонность к суициду не отвергается, а принимается, а зачастую даже декларируется как признак слабости, а, следовательно, женственности. У мальчиков же дело обстоит иначе, особенно в случае если они воспитываются в неполной семье, где на себя берут отцовскую роль. Им никак нельзя показывать свою слабость, даже для себя. Поэтому суицидальные реакции являются неосознаваемыми и вырываются наружу лишь в крайнем случае.

Может показаться несколько странным наличие выявленной обратной связи между общей зависимостью и шкалой суицидального риска «несостоятельность» у мальчиков из полных семей. Однако если попытаться разобраться, то можно предположить, что данная связь является весьма характерной для мальчиков подросткового возраста. Так как общение со сверстниками является весьма значимым, то собственная значимость зачастую зависит от того, включён ли подросток в группу сверстников или нет. Здесь с лёгкостью прослеживается выявленная логика: чем больше подросток включён во взаимоотношения со сверстниками, тем он больше зависит от них и тем больше вероятность, что значимость собственной личности будет на более высоком уровне, и наоборот чем меньше подросток зависим от окружения, тем меньше значима на субъективном уровне собственная личность.

Ещё одним парадоксальным фактом является то, что связь между неосознаваемыми суицидальными наклонностями и шкалами суицидального риска присутствует только в выборке подростков из неполных семей. Причём между уровнем суицидальных наклонностей и уровнем ценности, культа самоубийства присутствует обратная связь, то есть подростки склонны позитивнее относиться к самоубийству при отсутствии реальной выраженности суицидальных наклонностей и, напротив, высокой выраженности неосознаваемых суицидальных наклонностей соответствует отсутствие ценности самоубийства. На наш взгляд данная связь объясняется тем, что человек с истинными суицидальными наклонностями не стремится говорить о самоубийстве и тем более провозглашать его ценность.

Итак, данное исследование заставляет задуматься над некоторыми важными моментами. Исходя из полученного, очевидно, что в настоящее

время полная семья не является залогом нормального личностного развития ребёнка. Пугающей является картина, что дети из полных семей обнаруживают большую выраженность деструктивной сверхзависимости, которая отражает неспособность к нормальному здоровому построению отношений. Поэтому при работе с подростками психологам стоит обращать внимание не только на детей из группы так называемых проблемных семей, но и на подростков из полных семей. Они могут также входить в группу риска.

На наш взгляд полученные данные должны послужить стимулом к тому, чтобы уделять большое внимание подросткам с высоким уровнем межличностной зависимости в отношениях с окружающими, так как не исключено, что они могут обнаруживать суицидальное поведение. Проработка проблем, связанных с возникновением и проявлением межличностной зависимости может существенно понизить риск суицида.

Библиографический список

1. Личко А.Е. Типы акцентуаций характера и психопатий у подростков / А.Е. Личко. – М., 1999. – 416 с.
2. Масагутов Р.М. Гендерные различия в проявлении аутоагрессии у подростков / Р.М. Масагутов // Вопр. психологии. – 2003. – №3. – С. 35–42.
3. Уайнхолд Б. Освобождение от созависимости / Б. Уайнхолд, Дж. Уайнхолд. – М., 2002. – 224 с.

Особенности психологического возраста умственно отсталых подростков (на примере РГУ «Кугесьский детский дом – интернат»)

Жаворонкина А.Д., РГУ «КДДИ»
Селиванова Л.В., РГСУ (филиал в г. Чебоксары)

Мысль о необходимости изучения специфических закономерностей созревания индивида и развития личности подвела нас к необходимости изучения психологического возраста подростков РГУ «Кугесьский детский дом – интернат для умственно отсталых детей».

Методы измерения психологического возраста личности позволяют определить количественные показатели субъективной реализованности жизни, на основе которых возможна качественная интерпретация соотношения психологического и хронологического возраста. Благодаря которой возможно более точно подобрать и составить коррекционно-реабилитационные мероприятия для умственно отсталых детей с клиническим диагнозом умеренная умственная отсталость (с частичной обучаемостью).

По определению А.А. Кроника психологический возраст личности – это стрелка часов, на одной чаше которых прошлое, на другой – будущее.

Понятие «возраста» весьма многопланово. В современной научной литературе выделяют, по крайней мере, четыре его подвида: хронологический (паспортный), биологический (функциональный), социальный (гражданский), психологический (психический). В каждой из этих возрастных категорий отражаются соответствующие ей понимание времени жизни человека как физического объекта, как биологического организма, как члена общества, как неповторимой психологической индивидуальности.

В нашем исследовании принимало участие 45 человек в возрасте 13 – 18 лет. Гендерный состав: 29 мальчиков, 16 девочек. Воспитанники РГУ «Кугесьский детский дом – интернат для умственно отсталых детей». Все подростки, принявшие участие в исследовании, имеют клинический диагноз умеренная умственная отсталость.

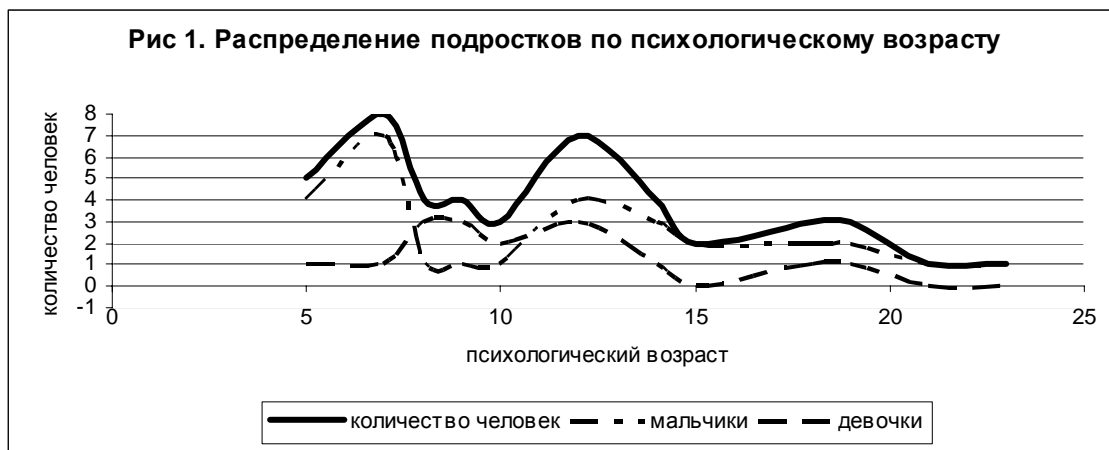
Для определения психологического возраста использована методика авторов А. Кроника Е. Головаха тест – таблица «Биографическая методика». Каждому подростку было предложено заполнить тест – таблицу. Исходя из особенностей подростков данного интерната, тестирование проходило в индивидуальной форме – подросток отвечал на вопросы, а психолог записывал данные в таблицу.

Критерии	Общее число	Мальчики	Девочки
Чувствуют себя младше	26 (57,7%)	16 (55,1%)	10 (62,5%)
Соответствие психологического хронологическому возрасту	6 (13,3%)	5 (17,2%)	1(6,52%)
Чувствуют себя старше	13 (28,8 %)	8 (27,5%)	5 (31,25%)

Результаты исследования показали: 26 подростков чувствуют себя младше; из них 16 мальчиков и 10 девочек. Шесть подростков показали соответствие хронологического и психологического возрастов; из них 5 мальчиков и 1 девочка. Остальные (13 подростков) чувствуют себя старше своего хронологического возраста на 3 – 5 лет.

Таким образом, в данной группе умственно отсталых подростков большинство чувствуют себя младше своего хронологического возраста, и живут как правило прошлым. Дополнительная беседа позволила предположить, что подростки данного интерната не представляют себя и свою жизнь как в настоящем, так и в будущем. Однако есть и такие (13 подростков) которые чувствуют себя старше. Это как правило подростки, которые превосходят своих сверстников в умственном и физическом развитии. Они умеют самостоятельно читать и писать. Способны к обобщению, умеют строить умозаключения. Речь их более развита, богаче словарный запас (доступны продуктивному контакту).

Рассмотрим, распределение детей по психологическому возрасту (рис.1)

На основе рисунка видно: восемь воспитанников чувствуют себя на 6 – 10 лет младше своего хронологического возраста. Соответствие хронологического возраста психологическому отметили 6 подростков. Девочки в данной группе чувствуют себя более старшими, чем их ровесники мальчики.

Это свидетельствует о том, что наряду с известными измерениями возраста в группе УО подростков существуют особый аспект, связанный с их субъективной оценкой, предполагающий действие глубинных механизмов обобщения временных отношений. Предполагаем, что подростки оценили себя младше или старше своего хронологического возраста исходя их более серьезных оснований, чем просто произвольное желание видеть себя в том возрасте, который кажется им наиболее привлекательным. Поэтому предполагается провести более тщательное дополнительное исследование в группе УО подростков РГУ «КДДИ».

Литература:

1. Акмеология, психология развития. – Уч. пособие под ред. А.А. Бодалева, Л.Г. Лаптева. – М.: РИЦ «Москва – Санкт-Петербург», 2003.
2. Ананьев Б.Г. Психология и проблемы человекознания. Избранные психологические труды. / Б.Г. Ананьев // Москва. – Воронеж, 1993
3. Кроник А.А. Психологический возраст личности / А.А. Кроник, Е.И. Головаха // Психологический журнал. 1983. - № 5. - С. 57 – 65
4. Психолого–акмеологические особенности развития личности успешного предпринимателя. Дис... канд. псих. наук / Л.В. Селиванова; – Ульяновск, 2004.

Отношение молодежи к незарегистрированному браку

Работа выполнена при поддержке РГНФ проект №07-06-26 606 а/В

Сорокина Т. Ю.,
ОАО «Самаражилинвест», г. Самара

За последние десятилетия существенно изменилось добрачное поведение молодежи: молодые люди все более ориентируются на независимость и автономию, доступные половые связи становятся более привле-

кательными, чем потребность объединения в семейную пару. Существует всеобщая тенденция увеличения количества людей, выбирающих альтернативные формы брачно-семейных отношений, таких как одиночество, сожительство, сознательно бездетный брак, повторные браки, внебрачные интимные отношения, гомосексуальные пары и др.

А.И. Антонов, подробно изучающий причины кризиса современной семьи, говоря о возникновении альтернативных форм брака, предупреждает о возможности исчезновения семейного образа жизни [2, с. 34]. Среди альтернативных форм наиболее близкой к браку является сожительство или незарегистрированный брак или так называемый гражданский брак. Многие ученые говорят, что рост незарегистрированных брачных союзов связан с кризисом семьи и может означать тенденцию к разделению институтов брака и семьи.

Юридически неоформленные сожительства в России стали популярными с начала 1990 г. Гражданские браки ранее осуждались обществом, для современного же общества характерно распространение мифа, что для создания семьи необходимо проверить свои чувства в пробном браке, гражданском браке. Такой брак не является моделью настоящей семьи: нет истинного понятия «Мы», а только «Я» + «Ты». Молодые люди не могут полностью взять на себя настоящие роли мужа и жены, они просто партнеры. Присутствие определенной доли свободы бывает достаточным для уклонения от семейных обязательств. Традиционное распределение домашних обязанностей во внебрачном союзе нарушается. Часто можно услышать, такую фразу «Я никому ничего не должен». Ориентация на быт и уют часто заменяется ориентацией на развлечения. Дети, как правило, не являются целью пробного брака. Чаще всего целью является интимно-личностное общение. Общение приобретает лично-центрированный характер. В.М. Целуйко считает, что продолжительность такого брака не имеет строгих рамок, ибо форма совместной жизни во внебрачном союзе обеспечивает каждому партнеру индивидуальную свободу, которой он может воспользоваться в любой момент [7, с. 55].

Суть гражданского брака – недоверие друг к другу. С точки зрения психологии, выбор «гражданского брака» говорит о том, что у людей существует страх вступать в глубокие межличностные отношения, связанные со взаимными обязательствами и ответственностью. Например, Т.И. Дымнова считает, что штамп в паспорте – это одно из подтверждений меры ответственности решения создавать семью [3, с. 68].

Социальная зрелость предполагает самоопределение в двух планах – социальном и нравственном [1, с. 112]. Традиционно показателем зрелости в нашей стране считалась готовность к созданию семьи, т.е. потребность к симбиотической привязанности. В западном обществе состояние зрелости рассматривалось, как способность любить других, сохраняя при этом свою индивидуальность [5, с. 18].

Данные, полученные в ходе нашего исследования на предмет брачно-семейных установок студентов, дают основание утверждать, что уже к началу обучения в вузе у студентов складывается определенное мнение по поводу семейного образа жизни. Возраст от 17 до 25 лет – это период наиболее активного формирования брачно-семейных установок. В этом возрастном отрезке формируется потребность единения или потребность в установлении связей (Э. Фромм) – базисной человеческой потребности заботиться о других и принимать участие в их жизни. Молодость можно считать возрастом, сенситивным к созданию семьи.

Традиционно считалось, что наличие семьи является жизненной перспективой молодых людей. В нашем исследовании брачно-семейных установок студенческой молодежи было опрошено 268 девушек и 257 юношей. Проективная методика Е.Б. Фанталовой «Свободный выбор ценностей» [6, с. 66-71], направленная на выявление системы наиболее значимых ценностей, показала, что 41% современных девушек и 39% юношей вообще не отметили наличие семьи в системе значимых ценностей. Выделили наличие семьи в десятку наиболее значимых жизненных ценностей лишь 29% девушек и 22% юношей. Таким образом, только небольшое число молодых людей рассматривают возможность создания семьи как недалекую перспективу.

Наличие детей (тест Е.Б Фанталовой [6, с. 66-71]) в системе значимых ценностей не отметили 52% девушек и 46% юношей. Это очень опасная тенденция, особенно в отношении девушек. Традиционно женщины всегда более, чем мужчины, были ориентированы на брак и деторождение (М.В.Гамезо, В.С.Герасимова, Г.Г.Горелова, Л.М.Олрова, А.А.Реан) [4]. Для женщины всегда была значима роль детей – это своего рода роль материнского служения, материнского долга. Исследование показало, что только 36% девушек выделили «наличие детей» в системе ценностей и 12% выделили «наличие детей» в десятку наиболее значимых ценностей.

Установка на форму брака мы определяли с помощью прямых вопросов: «Хотели бы Вы в дальнейшем создать семью? И какая форма супружеских отношений вас бы устроила?» Образцы ответов: да, хотел(а) бы создать семью и зарегистрировать отношения в органах ЗАГСа – 2 балла; да, и меня бы устроил «гражданский» брак (незарегистрированный в ЗАГСе) – 1 балл; затрудняюсь ответить – 0 баллов; нет – -1 балл.

По поводу гражданского брака существует мнение, что инициатором такого рода отношений является мужчина, а женщина все же более ориентируется на официальный союз [7, с. 258]. В нашем исследовании не обнаружено статистических различий между юношами и девушками в выборе гражданского брака (12% юношей, 14% девушек) и в выборе зарегистрированного брака (81% юношей, 77% девушек). Можно предполо-

жить, что выбор девушками гражданского брака наряду с юношами обусловлен ситуацией, когда незамужних женщин в стране насчитывается на 20% больше чем неженатых мужчин, поэтому девушки предпочитают гражданский брак одиночеству.

Напомним, как показал опрос, в основном, юноши и девушки более ориентируются на зарегистрированный брак (81% юношей, 77% девушек). Почему люди часто поступают не так, как декларируют? Почему в реальной жизни происходит изменение установок: от официального к гражданскому браку? Отчасти, это можно объяснить теорией социальных решений М. Шерифа (1961), предполагающей, что изменение установок происходит через изменения знаний. Вероятнее всего, сталкиваясь с реальным взаимодействием с любимым человеком, юноша или девушка открывают для себя в нем такие черты (т.е. приобретают такие знания, которые недоступны были ранее, и которые носят не совсем благоприятный характер), что молодой человек решает попробовать вести совместную жизнь в пробном браке, чтобы в любой момент завершить отношения.

Установка на вероятный разрыв без неприятной процедуры развода и соответственно с меньшими для себя эмоциональными «потерями» – это новая ориентация, сложившаяся в обществе примерно с начала 90-х годов прошлого столетия благодаря ослаблению традиционных норм в семейной сфере. Анализ коэффициентов корреляции позволил нам судить о взаимосвязи традиционной (традиционноцентрической или архетипической) установки в браке и установки на большее количество детей при реальных ($R=0,446$, $p \leq 0,01$) и идеальных условиях ($R=0,434$, $p \leq 0,01$); положительного отношения к многодетности ($R=0,484$, $p \leq 0,01$); значимости семьи ($R=0,425$, $p \leq 0,05$); воспитательной функцией семьи ($R=0,506$, $p \leq 0,01$); установки на долг в семейной сфере нежели получение удовольствия ($R=0,412$, $p \leq 0,05$). Исследование брачно-семейных установок студентов позволило сделать вывод, что у юношей выше уровень традиционных установок, предполагающих главенство мужчины в семье ($U=27440$, $p \leq 0,01$) и ориентацию на многодетность ($U=26672$, $p \leq 0,01$).

Итак, исследование брачно-семейных установок обнаружило весьма интересные результаты. Напомним еще раз, что проективная методика (Е.Б. Фанталовой) показала, что 41% девушек и 39% юношей вообще не отметили наличие семьи в системе значимых ценностей. Таким образом, для студенческой молодежи является характерным ослабление ценности семейного образа жизни. Однако при непосредственном опросе в частности, на выбор формы брака большинство юношей (81%) и девушек (77%) предпочли зарегистрированный брак гражданскому. Получается некий диссонанс: проективная методика показывает нам негативные и весьма опасные результаты, тогда как на прямой вопрос относительно предпочтительной формы брака картина вполне благоприятная. Это свидетельствует о том, что молодежь дезорганизована в брачно-семейном простран-

стве. Поэтому необходимо усиление внимания со стороны образовательных институтов проблеме формирования брачно-семейных ориентацией подрастающего поколения и создание в содержании образования информативно-просветительского курса по популяризации брака и семьи, включающего в себя проблемы психологической подготовки к браку.

Список литературы:

1. Акопов Г.В., Гудзовская А.А. Социальная и личностная зрелость субъекта: понятия, критерии, факты становления // Известия Самарского научного центра РАН. Специальный выпуск «Актуальные проблемы психологии. Самарский регион», декабрь 2002. – С. 103-118.
2. Антонов А.И. Современная семья: два взгляда на одну проблему // Семья в России. – 1999. – №1-2.
3. Дымнова Т.И. Психология семейного образа жизни. – М.: Педагогическое общество России, 2005.
4. Психология человека от рождения до смерти / Под ред. А.А. Реана. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2002.
5. Ромашевская Е., Ванной Д., Малышева М. и др.: Окно в русскую частную жизнь. – М.: Academia, 1990.
6. Фанталова Е.Б. Диагностика и психотерапия внутреннего конфликта. – Самара: Изд. Дом БАХРАХ-М, 2001.
7. Целуйко В.М. Психология современной семьи: Кн. для педагогов и родителей. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2004.

Возраст в самосознании детей-сирот в период кризиса 7 лет

Цинкерман М.В.

Волгоградский гос. педагогический университет

Согласно данным официальной статистики в России насчитывается около 700 тысяч детей-сирот. Количество детей, растущих вне семейных условий, на сегодняшний день превышает численность сирот, оставшихся без родителей после Первой и Второй мировых войн, и составляет порядка 3,2% детской популяции страны. Несмотря на определенные усилия по гуманизации системы воспитания детей-сирот, расширение форм социального призрания (появление детских домов «семейного типа», фостеровских семей и т.п.), анализ исследований свидетельствует о том, что значительная часть выпускников интернатов испытывает большие трудности социально-психологической адаптации за стенами учреждения. По данным Генпрокуратуры, из 15 тысяч подростков, ежегодных выпускников сиротских учреждений России, в течение года 5 тысяч попадают на скамью подсудимых, 3 тысячи остаются без жилья и 1,5 тысячи заканчивают жизнь самоубийством. Таким образом, развитие личности детей, лишенных родительского попечительства представляет собой очень острую проблему современного общества. В этой связи перед наукой стоит

важная задача разработки теории и практики воспитания, максимально восполняющего отсутствие семьи, что в свою очередь с необходимостью предполагает углубленное изучение особенностей формирования личности ребенка, оказавшегося по разным причинам без попечения родителей. Рядом отечественных и зарубежных авторов (М.И. Лисина, Е.О. Смирнова, И.В. Дубровина, Л.Ф.Обухова, А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых, А.Г. Рузская, В.С. Мухина, Й. Лангмейер, З. Матейчек и др.) уже проделана значительная работа в этом направлении. Применительно ко всем возрастным ступеням достаточно хорошо изучены сферы общения детей со взрослыми и сверстниками; подробно проанализированы специфические особенности условий жизни детей, оказывающие негативное влияние на их психическое развитие (бедность предметного мира, лимитированность пространства и т.д.). В то же время многие аспекты психической жизни детей, воспитывающихся без семьи, еще остаются почти не исследованными. Одним из таких аспектов является развитие ребенка, лишённого родительского попечительства в период кризиса семи лет. Для нас представляет особый интерес особенности самосознания ребенка, лишённого родительского попечительства в этот период развития, а именно, представленность возраста в его самосознании, отношение к задачам возрастного развития. Круг вопросов нашего исследования следующий: каковы особенности протекания возрастнопсихологического кризиса семи лет у детей, лишённых родительского попечительства; каким образом они решают задачи развития при отсутствии близких взрослых; как преломляется индивидуальное развитие детей, лишённых родительской заботы через специфику возрастного кризиса; в чем особенность самосознания этих детей; каким образом отражается в их самосознании жизненная и возрастная компетентность.

Известно, что уровень развития самосознания, адекватность восприятия себя являются важнейшими сторонами личностной зрелости, во многом определяющими возможности ее самореализации [Эриксон, 1996]. Непригодность выпускников закрытых учреждений для детей-сирот к жизни в «большом мире», эмоциональная уязвимость и нестойкость во многом обуславливаются специфическим характером их самооценки и самоотношения.

Выбор детей в период кризиса семи лет как объекта нашего исследования определялся несколькими причинами. Во-первых, кризисный период семи лет является важным и ответственным отрезком онтогенеза с точки зрения развития самосознания и рефлексии. Самооценка, знание своих качеств и открытие для себя собственных переживаний составляют самосознание ребенка дошкольного периода и являются его основными новообразованиями (Д.Б. Эльконин). В этот период у ребенка происходит обобщение переживаний, дифференциация внутренней и внешней жизни (Л.С. Выготский), складывается разделение Я-реального и Я-идеального

(М.Г. Елагина), обнаруживается рефлексия своих способности, становится реальнее временная перспектива (К.Н. Поливанова).

Во-вторых, к концу дошкольного периода дети, лишенные родительского попечительства, приобретают весьма значительный опыт жизни, так что к 7 годам в их самосознании находит отражение специфичность жизненного пути и особым образом кристаллизуется дефицитарный опыт общения с близкими взрослыми. Наконец, в-третьих, анализ психологических исследований показал, что теоретическая и практическая проработанность проблемы личностного развития детей-сирот в период кризиса семи лет крайне мала, несмотря на то, что от решения ребенком задач развития на этом этапе во многом зависит благополучие всего процесса его школьного обучения.

В психолого-педагогической практике специфика обозначенного возрастного перехода определяется сменой социальной ситуации развития. Поступление в школу традиционно считается одной из наиболее сложных психолого-педагогических проблем, а период адаптации к школе – одним из труднейших периодов. Педагогические особенности переходного периода порождают трудности психологического характера, как у самих детей, так и у педагогов. Это делает необходимым развитие у ребёнка таких психологических качеств и свойств, которые способствуют его адаптации к обучению в школе и создают перспективы его дальнейшего развития.

Одной из задач, стоящих перед психологами, работающими в системе образования, является оказание поддержки ребёнку в формировании осознанного представления о своих внутренних ресурсах, необходимых для решения задач взросления, возникающих на этапе перехода от дошкольного к младшему школьному возрасту. Необходимо определить и создать условия, которые обеспечат переход к новому возрастному этапу, будут способствовать осознанию младшим школьником себя как субъекта возрастного развития.

Психическое развитие детей, воспитывающихся без семьи, принято описывать в контексте разного рода деприваций с одной стороны, и последствий психологических травм, полученных в силу неблагоприятного жизненного опыта – с другой (Т.А. Баилова, Ф.Е. Василюк, И.А. Коробейников, Й. Лангмейер, З. Матейчек, Л.А. Петровская, В.М. Слуцкий, Д. Фурманов, Т.И. Шульга и др.). Соответственно кризисный период детей, лишенных попечения родителей, определяется не только возрастными закономерностями, но и уникальными обстоятельствами истории жизни и индивидуального развития.

Кризис психического развития разрешается при постановке новых содержательных задач, в процессе решения которых преодолевается миф идеальной формы, формируется новое содержание развития. Содержательный аспект проблемы возрастного перехода изучается в контексте

исследований «задач развития» (А.И. Подольский, П.Г. Хейманс, Э. Эрикссон) и «возрастных задач» (Т.И. Шульга, В. Слот, Х. Спаниард).

По определению П.Г. Хейманса (1995), задача развития – это «период, или направление развития, в течение которого индивид имеет возможность доказать или обосновать особому жюри или аудитории, что он/она способен выполнить определённые действия. Эта способность обусловлена контролируемым и целесообразным использованием личных, общественных или материальных доступных ресурсов. Если жюри или аудитория убеждается, что индивид действительно обладает такой способностью (выполнить действие), ему предоставляется право действовать по своему усмотрению, так как будто он действительно приобрёл данную способность». Из определения следует, что а) задача развития должна иметь критерий успешности (неуспешности); б) индивид ответственен за успешное выполнение задачи развития; в) результатом успешного разрешения задачи развития выступает новая способность (компетентность); г) существуют признаки, связанные с завершением задачи развития: чувства гордости или стыда при использовании новых способностей; моральная самооценка ребёнка как личности; абсорбция (полная погружённость) ребёнка в область новой задачи; временное измерение (время способности). В этом определении задачи развития подразумевается мера осознанности индивидом связи с социальной средой, обусловленной наличием общего смыслового поля между ребёнком и взрослыми, являющимися носителями мира высших, идеальных, культурных форм.

Представление о задачах развития для каждого возраста основано на некоторых общих ожиданиях, существующих в культуре, относительно способностей (знаний, навыков), которыми должен обладать ребёнок определённого возраста (К.Н. Поливанова), стоящих перед детьми в соответствии с возрастом (Т.И. Шульга), той новой возрастной компетентностью (Т.Ю. Андрущенко), которую он должен приобрести в результате развития. На каждой возрастной стадии человек, решая определенные задачи развития, осваивает ведущую деятельность, обретает компетентность и новообразования, свойственные данному возрасту, что подготавливает его к следующему этапу жизни. Неразрешенность задач возраста может привести к внутриличностным конфликтам, негармоничному развитию личности и неумению реализовать себя. Задачи развития задаются социальным окружением ребенка, он осознает задачи своего развития благодаря взрослым, которые предъявляют определенные требования и образцы, актуализируют определенные тенденции, поддерживают процессы развития. Однако решить задачи своего развития может только сам ребенок, осознав объективную необходимость своего дальнейшего развития.

Представление о собственных действиях по решению задачи предоставляет индивиду определенную степень свободы для того, чтобы влиять

на собственное развитие. Развитие ребёнка происходит в той или иной мере постоянно, в этом смысле ребёнок всегда находится в состоянии решение задач развития (одной или нескольких, одновременно или последовательно). Этот процесс обладает временным измерением (П.Г. Хейманс, 1995), предполагает активность всех участников, вовлечённых в процесс развития ребёнка (А.И. Подольский, 1995), и характеризуется возникновением у ребёнка особого эмоционального состояния, способствующего решению задачи развития.

Решение ребенком задач своего развития осуществляется благодаря и на основе его возрастного самосознания, включающего в себя: осознание своего отношения к миру детей и взрослых, месту своего актуального нахождения на отрезке возрастного континуума между детством и взрослостью; осознание системы внутренних ресурсов, необходимых для решения задач, связанных с развитием; осознание собственной включённости в ситуацию взросления и формирование отношения к себе как субъекту возрастного развития (Т.Ю. Андрущенко, Г.М. Шашлова, Л.В.Тимашева).

Для изучения понимания детьми, лишёнными родительского попечительства, задач своего развития нами была сконструирована беседа «Главное в возрасте». В качестве вопросов и параметров анализа использована концептуальная схема голландского психолога П.Г. Хейманса. Методика позволяет изучить представления ребенка о содержании своего возраста и задачах развития при переходе к новому жизненному этапу. Выделены следующие параметры анализа данных: а) понимание ребенком *переходного этапа*, дифференциация внутреннего и внешнего мира переживаний; б) содержание уже решенных ребенком задач развития на данном возрастном этапе, *приобретенная компетентность*; в) *понимание и принятие* ребенком *задач развития*, решение которых предполагается на новом возрастном этапе; г) содержание представлений о *ресурсах своего развития* (личных, общественных, материальных, внутренних и внешних) и о целесообразности их использования; д) представление или *выработка критерия*, на основании которого определяется успех или неудача в достижении поставленной цели; е) выбор круга лиц, «удерживающих» этот критерий, - «*жюри*», т.е. референтная группа, которая отмечает изменения в ребенке и задает ему «идеальную форму».

Результаты использования методики в работе с воспитанниками приюта для детей и подростков г. Волгограда «Лучик» свидетельствуют о том, что большая часть детей 6-7 летнего возраста не выделяет для себя исследуемый жизненный период как переходный, несущий существенные изменения. Значительно меньше воспитанников отмечают грядущие изменения в своей жизни в связи с поступлением в школу, но в основном они касаются их внешнего облика (особенно антропометрических характеристик), лишь незначительная часть детей отмечает обретение компе-

тенций содержательного характера (например, «научусь читать», «перестану баловаться»). Приобретенная компетентность в основном измеряется функционально-бытовыми умениями («одеваться», «есть», «смотреть телевизор»), а также способностями к игровой деятельности. Выделение внутренних ресурсов развития представляет особую трудность, преимущественно выделяются внешние материальные («лекарства», «портфель», «учебник», «тетрадка»), наиболее часто встречающийся ответ - «еда» или ее разновидности, например, «есть «Растишку». В «жюри» воспитанники приюта чаще выбирают своих близких родственников, несмотря на их отсутствие или отдаленность, в ряде ответов в качестве «жюри» выделяется сверстник, значительно меньше представлены учителя и воспитатели. К положительным сторонам решенных задач развития большинство детей относит внешние атрибуты взрослой жизни. Часто в ответах проявляются фрустрированные потребности детей-сирот, например, «когда я вырасту, у меня будет больше еды».

Особенности анимы-анимуса у лиц с гомосексуальной ориентацией

Хусаинова Н.Ю., Лохматова А.С.
Казанский гос. университет

Известно, что за последние 10-15 лет в России зафиксировано увеличение гомосексуальных пар по сравнению с ранее стабильным числом гомосексуальной встречаемости мужчин (1-4 %) и женщин (1-4%).

Существует несколько взглядов в понимании инверсии. Как отмечает З.Фрейд, в связи с тем фактом, что впервые, гомосексуальное поведение обнаружили у нервнобольных или у лиц, производивших такое впечатление, инверсия стала пониматься как врожденный признак нервной дегенерации.

О. Кернберг, говоря о том, что биологические аспекты тесно переплетаются и взаимодействуют с психологическими факторами, указывает на то, что ощущение принадлежности к женскому или мужскому полу, определяется социальной средой, в которой воспитывается ребенок до двух – четырех лет, а не биологической природой. Более того, он считает, что феминизирующая гормональная патология у мужчин и маскулинизирующая гормональная патология у женщин, за исключением очень сильных гормональных нарушений, может больше сказаться на полоролевой идентичности, чем половой.

Сексолог И.С.Кон считает, что генетические факторы, вероятно, играют некоторую роль в определении сексуальной ориентации, как и все программы психосексуального поведения индивида, но это влияние, скорее всего, является опосредованным, что объясняет как широкую вариацию

тивность сексуального поведения, так и то, что одни формы гомосексуальности поддаются психотерапии, а другие – нет.

К аналогичным выводам приходят и эндокринологи. Уровень тестостерона в плазме крови мужчин – гомосексуалистов находится в общем в пределах нормы, а сравнение их по этому показателю с гетеросексуальными мужчинами дает противоречивые результаты.

В свете имеющихся данных считается весьма маловероятным, чтобы отклонения гормонального порядка в постпубертатном периоде были ответственны за развитие гомосексуальной ориентации у мужчин, хотя не исключена возможность, что такие эндокринные нарушения прямо или косвенно содействуют или сопутствуют гомосексуальности у некоторых мужчин. Приблизительно так же обстоит дело и у женщин. Хотя у трети лесбиянок уровень тестостерона повышен, у большинства он остается в пределах нормы. Может ли повышенный, хотя все-таки значительно ниже мужской нормы, уровень тестостерона служить причиной женского гомосексуализма, неизвестно.

Рассматривая явление гомосексуальности, И.Кон обратил внимание на бисексуальную склонность индивида к сексуальным контактам с представителями обоих полов, ибо она является следствием незавершенности психосексуальной идентификации в рамках традиционной дихотомии гетеро- и гомосексуальности.

К.Г.Юнг, ввиду признаваемой им частоты гомосексуальности, считает сомнительным относить ее к патологической перверсии. По его мнению, психологические данные показывают, что имеет место незавершенное отделение от герафродитического архетипа вкупе с отчетливым сопротивлением отождествиться с ролью одностороннего сексуального бытия. По его мнению, такая диспозиция не должна оцениваться отрицательно при всех обстоятельствах, поскольку она удерживает архетип Первочеловека, односторонность сексуального бытия которого, до известной степени, утрачена. К.Г. Юнг указывает и на то, что гомосексуализм, возможно, является остатком полиморфной детской сексуальности, и в качестве фактора внутреннего мира он не только неизбежен, но в психологической потенции - даже полезен.

В этом контексте особенно интересно было исследовать гомосексуальность через анализ символики архетипа АНИМА-АНИМУС, который, как известно, фиксирует женственную сущность мужчины и мужскую персонафикацию женщины.

В эксперименте приняло участие 30 молодых гомоориентированных женщин и 17 гомоориентированных мужчин. Им предъявлялся авторский (Н. Хусаинова, М. Герасимова) опросник, состоящий из вербализированных символов Анимы и Анимуса, описанных К.Г.Юнгом. Предлагалось отметить те символы, с которыми испытуемые встречались в своих сновидениях, фантазиях и обыденной жизни.

Сравнение частоты встречаемости символики Анимы-Анимуса **раздельно** в сновидениях, фантазиях и обыденной жизни обнаружило:

у женщин

символы Анимуса встречаются

в обыденной жизни - 57,6 %,,

в фантазиях – 23,9 %,

в сновидениях - в 18,4%;

символы архетипа Анимы встречаются

в обыденной жизни – 49,9%,

в фантазиях - 26,3%,

в сновидениях – 23,7%

(т.е. у **женщин** суммарно частота встречаемости символики Анимы и Анимуса составляет по 99,9%, при **преобладании активизированности Анимуса над Анимой в обыденной жизни и наоборот тенденции преобладания Анимы над Анимусом в фантазиях и сновидениях**)

у мужчин

символы архетипа Анимуса проявляются

в обыденной жизни - 54,6 %,

в фантазиях – 22,9%,

в сновидениях - 22,4%;

символы архетипа Анимы составляют:

в обыденной жизни – 54,1%,

в фантазиях – 20,9 %,

в сновидениях - 24,9%;

(т.е. у мужчин суммарно частота встречаемости символики Анимы и Анимуса так же составляет по 99,9%, **при практическом равенстве активизированности Анимуса и Анимы в обыденной жизни, совпадении частоты встречаемости Анимуса в фантазиях и сновидениях, тенденции к преобладанию частоты встречаемости символики Анимы в сновидениях над фантазиями**)

Иначе говоря, констатирующий эксперимент обнаружил **гендерные различия** молодых гомосексуалистов по частоте встречаемости символов активизированного архетипа Анима-Анимус в зависимости от области их психической реальности.

Ниже представлен **иерархический** список наиболее часто и минимально встречающихся символов исследуемого архетипа:

у женщин

максимальная частота встречаемости символов

- Анимус: мнение, принцип, разумность, страсть к рассуждениям;

- Анима: спонтанность, значимость, опасность, вдохновение, интуиция;

минимально по частоте встречаемости выражены символы:

- Анимус: *собор отцов*, выносящие приговор судьи, судебная коллегия, канон, *зародышевое слово*;
- Анима: колдунья, фея, *русалка*, эльфический дух, податель жизни.

у мужчин

Наиболее **часто** встречающиеся символы:

- Анимус: *принцип*, аргументирование, *страсть к рассуждениям*;
- Анима: *вдохновение*, *интуиция*, *спонтанность*.

Минимальная частота встречаемости символов:

- Анимус: *собор отцов*, *зародышевое слово*;
- Анима: *русалка*.

Как видим (см. выделенные курсивом вербализованные символы), во-первых, часть символов является **общей** и для женщин, и для мужчин;

во-вторых, число символов, встречающихся у женщин (19 символов) **больше**, чем у мужчин (9символов);

в-третьих, имеются символы **сугубо** женские и сугубо мужские.

Иначе говоря, обнаружено наличие:

различия в структуре и иерархии архетипического профиля у женщин и у мужчин с гомосексуальной ориентацией. Данный факт, фиксируя безусловную архетипическую специфику молодых гомосексуальных мужчин и женщин, требуют не только дополнительных глубинных исследований их личности, но и предполагает различный подход в их психотерапии, когда они в этом нуждаются.

9. Индивидуальное и групповое психологическое консультирование и психотерапия

Изменение психологического состояния клиента в холодинамическом сеансе

Артищева Л.В, Хусаинова Н.Ю.,
Казанский гос.университет

Известно, что в 1990 году Вернон Вульф предложил быстрый и эффективный метод решения психологических проблем, основанный на холодинамических идеях.

Холодинамика – уникальная концепция самосовершенствования личности, предполагает использование методов развития интуитивных процессов и обретения баланса рационального и интуитивного ума.

Наши психологические и физиологические состояния, наше поведение – результат динамического взаимодействия всех наших холодаинов

(холодаины - это мыслеформы, которые имеют силу быть причиной появления вещей), включая и наш Высший потенциал (первичная единица личностной сущности, это энергетическое поле всех возможностей человека, центральный холодайн). Они не только обладают причинной потенциальностью, но и управляют всем многообразием наших поступков.

Холодаины проходят через шесть основных уровней развития сознания: физический, личностный, межличностный, социальный, принципиальный, универсальный. Эти уровни последовательно развиваются по мере развития человека. Каждый очередной уровень сознания представляет собой «квантовый скачок», проявляющий жизнь на новом энергетическом уровне и с новой перспективой.

Каждый холодайн имеет свое семантическое пространство, состоящее из ядра и периферийных слоев. Уровень выраженности энергетического потенциала, содержащегося в семантическом пространстве холодайна, зависит от степени его раскрытия.

Вернон Вульф разработал методы работы с холодаинами: отслеживание, релив и другие. Главное в них – наладить диалог с холодаином, другими словами, внутренний диалог со своей незрелой частью разума. После чего следует его трансформация в зрелую форму.

Отслеживая, мы открываем себя, последовательно выполняя три основные роли. Сначала исследуем холодайн, вызывающий проблему, затем трансформируем его, потом интегрируем зрелый холодайн в жизнь отслеживаемого человека.

Релив – это более глубокий процесс, в нем сдвигается сразу целое поле холодаинов. В процессе «Релива» человек переживает прошлое, позволяя событиям прошлого повториться в настоящем. Цель релива – отыскать такие моменты, когда незрелые холодаины блокируют наш по-

тенциал, понять, для чего дан тот или иной опыт, чему он должен научиться.

Релив и отслеживание затрагивают не только холодаины, находящиеся на поверхности, на уровне осознания, но и, что особенно важно, холодаины, содержащиеся в бессознательном. Если в жизни происходит нечто такое, что соответствует холодаину, то он активизируется.

Холодаин, будучи универсальной составляющей психики, выступает генетическим источником психических процессов. Одновременно и психологические состояния способны изменять холодаины, увеличивая субъективный вес тех или иных параметров, нарушать их предметную логику, а значит, и трансформировать их значение. Под влиянием состояний перестраивается структура индивидуального сознания. Внешние аттракторы влияют на человека через холодаины, которые являются также и внутренними аттракторами, определяющими степень влияния внешних воздействий.

Поскольку холодаины являются внешними и внутренними воздействиями, они нарушают психическое равновесие. Любое неравновесное состояние обладает определенным количеством энергии, которая диссипирует (рассеивается) посредством действий, поступков субъекта. Оно расшатывает прежний порядок и через флуктуацию образует новый порядок, который закрепляется в виде новых свойств и черт личности. А критической точкой является точка бифуркации, точка перехода, выход из которой приводит к появлению новой структуры, нового холодаина, который детерминирует новое поведение, образ мыслей, образ жизни. В этом контексте важным является факт того, что методы холодинамики позволяют совершить вывод из точки бифуркации.

Диалог с холодаинами происходит в измененном состоянии сознания (ИСС). В процессе релива или отслеживания возникает так называемый эффект гипермнезии, в результате которого с потрясающей четкостью восстанавливаются события любой давности, вплоть до самого рождения и внутриутробного развития. Следует отметить возникновение нарушений восприятия тела, восприятия времени, полное отождествление себя с любым одушевленным и неодушевленным предметом. ССС помогает глубже вникнуть и максимально проработать как психологические, так и соматические (на телесном уровне) проблемы, прочувствовать причинную потенцию возникновения того или иного холодаина. В РСС происходит расширение поля сознательного внимания, когда извлеченный опыт переносится на все аспекты жизнедеятельности, на которые влиял холодаин или группа холодаинов. Происходит озарение, инсайт.

Вся эта холодинамическая процедура была проведена экспериментально в течении 80 минут с молодой женщиной 23 лет, замужней, имеющей ребенка двух лет. Семья живет в двухкомнатной квартире, занимая одну из комнат. В другой комнате живет замужняя сестра мужа с

собственным ребенком. Клиентка не работает, смотрит за двумя детьми и готовит еду на две семьи. Предложение сестры мужа только смотреть за детьми вызывает чувство вины и воспринимается как невозможное.

Проблема клиентки – постоянное чувство вины за то, что делает что-то не так, о чем станет известно матери и свекрови, которые живут в одной деревне. Чувство вины привело ее к нервным срывам и раздражительности по любому поводу.

Обнаружен холодайн проблемы – серый клубок ниток, локализованный в груди. Релив обнаружил истоки холодайна клиентки в детстве ее отца. В результате диалога с холодайном, он трансформировался в белую ауру вокруг клиентки.

Клиентка ушла с сеанса с чувством облегчения, надежды на перемены, пониманием истинных причин своего раздражения и срывов. Через 2 месяца она приняла решение с мужем и с ребенком переехать на другое место жительства.

Роль субъективирующих практик в межличностных отношениях

Афанасьев П.Н.
КГГПУ, Казань

Все, чем заняты люди большую часть своей жизни мы можем условно обозначить таким термином как «социальные практики». «Социальные» – поскольку любой человек существует во взаимоотношениях с другими; «практики» – так как результатом их являются изменения во внутреннем и внешнем мире. Выделяют объективирующие и субъективирующие практики (О.Хархордин). Первые ведут к тому, что индивидуальные люди становятся объектами внешнего воздействия и стороннего анализа. Вторые – это способы, приемы и техники, которые направлены на формирование действующих и знающих субъектов.

Господство объективирующих практик в социальной жизни приводит к отчуждению личности от ценности собственного внутреннего мира переживаний. Как следствие этого, наше поведение становится деструктивным, и мы теряем самих себя, лишаемся человечности (Р.Лэйнг). В повседневной реальности современного человека незначительную роль играют такие явления как созерцание, тишина, внутренний мир и внутренняя активность, труд души и сердечная радость. Им на смену пришли шум, скорость, престиж и статус, рассудочная расчетливость. Внешняя, социальная, реальность затмила собой внутреннюю, субъективную. Можно сказать, что мы уже с трудом *слышим* себя, свои желания и голос своей сущности. Мы ориентированы на внешнюю оценку, а не на познание себя.

Мы не ищем и не стремимся *быть* рядом с другим, а хотим только *иметь* атрибуты внешней значимости и силы (Э.Фромм).

Собственно только субъективирующие практики способствуют формированию и развитию межличностных отношений в форме диалога, в форме «живого общения». В ином случае мы имеем дело с управлением, проявлением власти, насилия. Люди не вступают в отношения, а начинают заниматься перевоспитанием и изменением друг друга, попытками «подогнать» реального человека под некий воображаемый идеал, и очень часто расстраиваются и огорчаются, если это не удастся. Тогда кто-то может сказать, что «отношения не сложились». Но они не сложились уже с самого начала такого способа общения. В основе неотношений лежит неспособность принять другого именно как другого. *Принятие* есть критерий отношений, а их атом – это заинтересованность друг в друге и контакте между собой (И.Калинаускас).

На сегодняшний день одними из широкораспространенных и развиваемых субъективирующих практик являются социально-психологические тренинги общения, мастерские сущностного роста, экзистенциально и гуманистически ориентированные направления в психотерапии. Объединяющим и определяющим элементом для них является акцент на значимости внутреннего мира человека, его сущности, чувствований и переживаний. Агенты данных практик, другими словами, являются носителями парадигмы субъективности, признающей центральное положение всего, что протекает внутри каждой личности индивидуально, частным образом, и осознается лишь частично (Дж.Бьюдженталь). Данный подход делает предметом нашей главной заботы внутреннее побуждение, смелость и тревогу, то, как человек встречает неопределенность своей жизни и ее конечность, а также наличие в нас духа.

Все вышеперечисленные формы практической психологии и психотерапии можно отнести к так называемым «практикам себя», в которых человек совершает сознательные изменения, преобразования самого себя, аутотрансформацию (М.Фуко). В отечественной психологии за этим процессом закрепилось такое название как «психотехника», понимаемая как осознанная работа над собой, т.е. своим телом, психикой, душой, направленная на изменение своих естественных состояний, тех, которые возникают и образуются сами собой (В.Розин). Целью подобного рода практик себя является, с одной стороны, создание человека, способного жить в заинтересованном контакте с другим, сохраняя свои границы и без отчуждения (Ф.Перлз), а, с другой, – достижение такого состояния личности как «зрелость» или «взрослость», которые можно определить следующим образом: это примирение с жизнью (О.Генисаретский), это признание того, что мир по отношению к нам не имеет никаких намерений, что вещи в мире происходят сами по себе, и мы сами приписываем им некие интенции в отношении нас (М.Мамардашвили). Другими словами, в основании

зрелости находится принятие, некое смирение, т.е. зрелость – это необходимое условие возникновения отношений.

В завершении используем художественную форму как пример субъективирующей практики в контексте данного текста. В фокусе нашего внимания психология «живого общения». А разве бывает общение мертвым? Бывает. Это когда как бы говоришь, а на самом деле молчишь, когда другой вроде слушает, но не слышит. Молчишь, потому что не озвучиваешь сокровенного, личного переживания жизни, ситуации, другого человека, а произносишь «пустые» фразы и социально-приемлемые слова. Другой не слышит, поскольку «не слышит» чувств собеседника, занят только собой, не способен к диалогу. Мертвое общение – это то, которое не звучит, то, в котором нет голоса поющих сердец. Это разговор как передача информации от источника «А» к приемнику «Б».

Какова же музыка живого общения? Это музыка любви. Это ноты внимательного отношения к потребностям и чувствам другого. Это трепет души и невероятное напряжение сердечных струн. Это шаг по краю пропасти отчуждения и непонимания, шаг навстречу тайне о человеке, тайне о другом, которого никогда не познаешь. Это я и ты. Это речь как пространство пребывания рядом друг с другом.

«Психологическое консультирование в службе «Телефон Доверия»»

Барова Р.А.
ЦПМСС, г Волжск, РМЭ.

В этом году нашей службе «Телефон Доверия» исполнилось 13 лет. Мы уже получили признание и авторитет, как у населения 60 тыс. жителей г.Волжска - 7430 звонков за время работы, так и у представителей власти.

Участие в работе международной конференции РАТЭПП, состоявшейся в Санкт-Петербурге в сентябре 1993 года, позволило расширить представление о работе этой службы, завязать деловые контакты с руководителями и работниками аналогичных служб по всей России. Совместная работа с ведущими специалистами института психотерапии и консультирования «Гармония» (Санкт-Петербург), зарубежными специалистами, такими как Альфред Ванессе (Бельгия) – Генеральным секретарем IFOTES, Тео Ван Еупен (Нидерланды) – президентом IFOTES (международная федерация телефонов экстренной психологической помощи) позволила приобрести неоценимый опыт и знания.

Появилась Международная организация IFOTES, которая только в Европе насчитывает 400 телефонных служб. В России на 2001 год насчитывалось 220 служб. Неоценимую помощь в работе оказали труды психоте-

рапевта, президента Центров в Бельгии Альфреда Ванесса «Слушая других», председателя Новозеландской Ассоциации «Линия Жизни» Гордона Хэмбли «Телефонная помощь» и др., а также живое общение с Альфредом Ванесса на Международной конференции в Санкт Петербурге.

Участвуя в работе очередной Российской конференции РАТЭПП в городе Вологде, Волжская служба «Телефон Доверия» была принята в члены Российской Ассоциации телефонов экстренной психологической помощи (РАТЭПП), а через нее вошла в состав международный – IFOTES и в Международную Ассоциацию Превенции суицидов (IASP), о чем свидетельствует полученный сертификат. На сегодняшний день волжская служба является единственной в РМЭ членом РАТЭПП. Наш телефон внесен в Российский информационный справочник «Службы ТЭПП России».

С этого времени наша служба «Телефон Доверия» работает по единым международным требованиям, правилам и принципам работы, такие как: гуманность, профессионализм, доступность, анонимность и конфиденциальность, бесплатность.

Общение на международных конференциях с коллегами и единомышленниками, обмен информацией и опытом работы позволило избежать «болезни становления и роста», которая наблюдалась у многих аналогичных служб, такой, как прием на работу врачей-терапевтов, гинекологов, сексопатологов и др. Четко вырисовывалась цель работы службы «Телефона Доверия» - оказание экстренной психологической помощи населению. Для этого необходимо решить следующие задачи:

- Быть доступными и открытыми для каждого, кто переживает кризис и задумывается о самоубийстве.
- Компенсировать недостаток межличностного общения, которое все люди могут испытывать в разные периоды жизни.
- Быть рядом с человеком, переживающим моральные, социальные и психологические трудности, желающим выйти из своей изоляции.
- Предоставить возможность абоненту поделиться своими чувствами, так как он озабочен настолько личной проблемой, что не решается ее разделить с близкими или знакомыми людьми.
- Информировать и направлять людей к соответствующим социальным службам.

Заочный виз консультирования это удобный вид помощи для человека, находящегося в кризисном состоянии (наедине со своей проблемой), когда можно получить помощь, не выходя из дома, для этого надо только набрать номер телефона «Доверия», не нужно собираться ехать на прием, сидеть в очереди, записываться и платить. Это услуга анонимная, бесплатная и экстренная. В условиях малого города, когда многие знают друг друга, заочный вид консультирования позволяет гарантировать анонимность клиенту. Это удобно еще и потому, что абонент сам контроли-

рует разговор и в любую минуту может выйти из контакта, повесив трубку.

Если заочное консультирование проведено профессионально и клиент решил свою проблему, то в следующий раз он «ищет» тот же голос консультанта. И если клиент слышит не тот голос, он просто вешает трубку, поэтому имеется высокая статистика «молчащих» звонков.

Телефонный вид связи делает контакт абонента и психолога доступным во времени. Испытываемые абонентом чувства отчаяния, тоски, ярости, ненависти, одиночества и т.д., бывают очень глубоки и часто, очень важно обратиться за помощью именно в данный, переживаемый момент. С помощью телефонного аппарата клиент может связаться с психологом незамедлительно, с любого расстояния именно тогда, когда испытывает в этом потребность.

Телефонный контакт дает возможность клиенту создать свой образ телефонного консультанта, с которым ему легче всего говорить. И не стоит разрушать этот сложившийся образ. За его разрушение клиент может заплатить психологической травмой (в этом одна из причин того, что телефоны «Доверия» часто устраиваются как закрытые службы, в которых телефонные консультанты никогда не принимают клиентов очно. Службы размещаются отдельно от психологических центров).

Телефонный контакт обеспечивает равенство позиций говорящих. В нашей культурной традиции воспринимать врача или психолога на очном приеме в позиции «над» пациентом или клиентом. А при телефонном контакте телефонный консультант и абонент воспринимаются как стоящие симметрично, как равные. Телефонный контакт предлагает исходное равенство позиций.

Обращение по телефону «Доверия» не снижает самооценки клиента. При обращении к специалисту на очной психологической консультации, клиент, прежде всего, должен признать, что у него есть проблема. Затем он должен признаться себе в том, что он не может решить ее сам. Затем он должен принять решение об обращении за помощью к специалисту, записаться на прием, пойти на него, отсидеть очередь и зайти в кабинет. Возможно, специалист-психолог не будет симпатичен клиенту, но, покинуть кабинет, ничего не сказав, еще труднее, чем зайти в него. Все эти действия в восприятии клиента – расписка в несостоятельности, снижение его самооценки и он старается избежать этого. Обращение же по телефону предоставляет человеку возможность «просто обсудить» волнующую его проблему, воспринять разговор как консультацию как консультацию, дружеский разговор и т.д.

Для подростков еще очень важно, что голос телефонного консультанта – взрослый голос, который разговаривает с ним на равных и «зовет взрослеть», по-взрослому выходить из ситуации, дает подростку опыт «взрослого разговора».

О результатах работы красноречиво говорит сравнительный анализ нашей службы:

Виды звонков	2003	2004	2005
Межличностные проблемы	133	76	87
Внутриличностные конфликты	25	22	29
Подростковые проблемы	22	6	22
Проблемы здоровья	18	17	10
Насилие и жестокое обращение	1	5	-
Суицид	-	1	3
Справочные звонки	78	75	123
Молчащие звонки	227	113	229
Проблемы занятости и финансов	25	1	-
Прочие звонки	49	37	47
Всего психологических звонков	578	353	550
Звонки юристу	94	120	176
ИТОГО	672	473	726

Как видно из сравнительного анализа данный вид психологической помощи населению города востребован и нуждается в необходимости дальнейшего развития.

Все изложенное выше подчеркивает практическое значение работы службы телефона «Доверия», ее необходимость.

Перспективы развития службы.

- Разрешение имеющихся трудностей
- Рост профессионализма сотрудников службы.
- Организация волонтерской работы.
- Обобщение и анализ опыта работы службы «Телефон Доверия».

И в заключение хочется спросить: «На что же похожа работа телефонного консультанта?» «Счастье – это когда тебя понимают» - в этой фразе героя известного фильма сконцентрирован смысл деятельности «Телефона Доверия».

К вопросу о возможности групповой психотерапии в сети Интернет

Борисова О.Г.

Кубанский гос.университет, г. Новосибирск

Несомненно, что развитие цивилизации и культуры на современном этапе жизнедеятельности человеческого общества тесно связано с преобразованием информационного пространства и, в первую очередь, с возникновением такого социального феномена, как опосредованная ком-

пьютерная коммуникация, иначе говоря, общение через Интернет или через локальные сети, в частности на предприятиях.

В ходе исследований этого социального феномена был выделен ряд причин, влияющих на выбор именно виртуальной коммуникации: анонимность и относительная безопасность общения; недостаточное насыщение общением в реальном, внесетевом мире; возможность реализации черт личности, проигрывания ролей, переживания эмоций, по тем или иным причинам фрустрированных либо социально неприемлемых вне киберпространства; возможность так называемых «игр с идентичностью».

Далее нам бы хотелось обратить внимание на такой психологический феномен, как самопрезентация личности. Каким образом самопрезентация личности в реальном мире связана с самопрезентацией личности Интернет-пользователя?

Так, в работе «Стратегии самопрезентации в Интернет и их связь с реальной идентичностью», Белинская Е.П., Жичкина А.Е.. опубликованной на <http://www.psynet.by.ru>, указывают на то что, «самопрезентация в Сети представляет собой осуществление желаний», т. е. на наш взгляд, является реализацией некоторых аспектов «Я-идеального» пользователей сети, что может быть представлено, как некий психотерапевтический процесс.

Согласно теории Роберто Ассаджоли, основанной на концепции Уильяма Джеймса, психодинамические структуры (черты, или качества личности, проявляющие себя в виде реакции на стимулы), развивающиеся в процессе онтогенеза через регулярное повторение и подкрепление, постепенно закрепляются в виде субличностей. Эти структуры являются частями личности и располагаются вокруг центрального «Я». Строго говоря, «субличность – это психодинамическая структура, которая, став однажды достаточно сложной, стремится к независимому существованию. Она обладает собственными характеристиками, требует независимого существования и старается удовлетворить собственные потребности и желания через личность» (Руффлер М. «Игры внутри нас». – М., 1998 г.) «Субличности исполняют функцию инструментов самовыражения личности. Вместе с тем это линзы, через которые видна личность, посредством которых она приобретает реальный опыт» (Руффлер М. «Игры внутри нас». – М., 1998 г.)

Исходя из вышесказанного, мы можем говорить о том, что процесс личностного формирования и духовного самосовершенствования каждого человека представляется невозможным без осознания составных частей своей личности и приобретения навыков управления ими.

Также мы предлагаем рассматривать самопрезентацию Интернет-пользователей в киберпространстве, как актуализацию одной или нескольких субличностей. В сетевой коммуникации каждый человек может породить бесконечно большое число виртуальных личностей, обозначае-

мых т.н. «никами» (псевдонимами) и выступающих как субстанции, обозначающие ту или иную субличность реально существующего в мире вне сети индивида.

Следовательно, множественность и изменчивость идентичности в виртуальной коммуникации, на наш взгляд, отражает не столько множественность идентичности в современном обществе в целом, сколько развёртывание структуры собственной личности и исследование породивших их потребностей.

Также между реальной и виртуальной идентичностью существует возможность взаимного влияния. Например, в рамках сказанного, девиантное поведение, наличие которого отмечают многие специалисты в области психологии Интернет, может как подпитывать невротические тенденции личности, так и служить способом осознания и отреагирования вытесненных потребностей.

Виртуальное общение обладает рядом особенностей, коренным образом отличающих его от общения вне сети. Эти особенности были выделены в работе Минакова А.В. «Некоторые психологические свойства и особенности Интернет как нового слоя реальности», опубликованной на <http://www.psynet.by.ru>:

«- анонимность, зачастую побуждающая обыгрывание личностной самопрезентации и предоставляющая более или менее эффективный способ управления впечатлением о себе. Возможность «убежать из собственного тела» является одним из главных факторов, мотивирующих участие в виртуальной коммуникации. (Becker, 1997). Кроме того, анонимность способствует психологической раскрепощённости, ненормативности, в проявлении большей свободы высказываний и поступков, в проигрывании нереализуемых в деятельности вне сети, неограниченных социальными нормами ролей и сценариев;

- своеобразии протекания процессов межличностного восприятия в условиях ограничения невербальной информации. На смену детерминантам, обуславливающим возникновение первоначального влечения к человеку в ситуации реального общения, - «близости функциональной дистанции» (т.е. территориальная доступность) и физической привлекательности, - приходит принцип, который определяет не начальное, а дальнейшее развитие межличностных отношений: ввиду сходство установок, убеждений и ценностей. Если они резонируют, то велика вероятность возникновения не только взаимного расположения, но и эмоциональной близости;

- добровольность и желательность контактов, возможность их прерывания в любой момент;

- затрудненность эмоционального компонента общения и, в то же время, стойкое стремление к эмоциональному наполнению текста. С одной стороны, оно выражается в создании специальных значков для обо-

значения эмоций («смайлов») или в описании эмоций словами (в скобках после основного текста послания). С другой стороны, перенос невербальных компонент в сам текст за счет средств литературной образности (аллегорий, цитат, метафор, ссылок и т.п.)». Указанные особенности также могут носить психотерапевтический характер.

Существуют различные классификации способов общения в Интернете. Мы остановимся на таком способе сетевой коммуникации, как Интернет-форум, (синонимы: «гестбук» или гостевая книга, отзыв, дискуссия и т.п.) является полилоговой коммуникацией в режиме off-line.

Так называемые «гостевые книги» предусмотрены практически на любом сайте или сервисе и направлены на получение обратной связи от посетителей данного ресурса. Достаточно часто обмен впечатлениями перерастает в групповую дискуссию, в которую включаются и посетители, и администрация сайта. Таким образом «книга отзывов» может превратиться в популярный форум, а процесс обсуждения затягивается на неопределенное время. Как отмечает Горный Е. в работе «О гестбуках», опубликованной на <http://www.netslova.ru>: «Для многих - гестбук это именно «речь», а не «текст», а писание в гестбук - не «работа», а естественный способ общения - существования в виртуальном мире».

Как правило, интернет-форум изначально имеет цель обсуждения какой-либо темы, заданной опубликованными на сайте материалами. Однако опытные деятели сети (дизайнеры, редакторы сетевых журналов, модераторы и т.п.) прослеживают некоторую общую закономерность развития сетевых диспутов, которые «почти никогда не следуют изначально заявленной теме, постоянно норовя уйти в плетение боковых ассоциаций, выяснение отношений между участниками и прочие несуразности» (Горный Е. «О гестбуках». - <http://www.netslova.ru>). Таким образом, эти обсуждения имеют преимущественно психотерапевтическое значение для участников форума.

Нам кажется целесообразным привести в данной статье некоторые из качеств, которые характеризуют процесс общения на Интернет-форуме и оказывающие именно психотерапевтическое воздействие на участников того или иного обсуждения:

- пространство: в групповой дискуссии может принять участие любой желающий, имеющий доступ в сеть;

- время: в отличие от общения он-лайн (в реальном времени), у участников сетевой коммуникации есть возможность обдумать чужие реплики, подготовить и (при желании) отредактировать свои, и таким образом донести до собеседников наиболее актуальные для него темы, отвечающие его психологическому состоянию;

- ответственность: член виртуального сообщества, с одной стороны, делает вклад в развитие данной группы, а с другой - полностью ответственен за собственное психологическое состояние; у него нет полной уве-

ренности в том, что он сможет получить помощь в той или иной проблемной ситуации, в том числе и психологического характера, от других членов этого сообщества, но, если он или она будут заинтересованы в каких-либо изменениях, то они постараются приложить максимум усилий, для того, чтобы добиться этих изменений с помощью группы; также они могут свободно входить и выходить из того или иного виртуального сообщества;

- эмоциональность: «Восприятие Сети как источника эмоциональной поддержки зависит от опыта пользования сетью: чем больше у человека «стаж Интернета», тем в большей степени он воспринимает сеть как источник эмоциональной поддержки, помощи в трудную минуту... Чем больше времени человек проводит в Интернете, тем большая часть его социальных контактов приходится на сетевых знакомых». (Жичкина А.Е., Ефимов К. «Результаты исследования поведения в Интернете». - <http://www.psynet.by.ru>)

В процессе групповой психотерапии в реальном мире довольно важным моментом является мотивация клиентов. Данный феномен также важен и для терапии в виртуальном пространстве.

Так как основным терапевтическим средством в кибермире является текстовая коммуникация, то, нам представляется возможным показать ту мотивационную составляющую, которая определяет вовлеченность пользователей в процесс общения на том или ином форуме. Как отмечалось выше, начинаясь в рамках заданной темы, обсуждение довольно часто уходит от нее в совсем другие области. Такими сферами, как правило, становятся: обсуждение глобальных бытийных вопросов (в т.ч. религиозных, философских, экзистенциальных); обсуждение психологических проблем реального общения; агрессивное «выяснение отношений» между участниками форума; скрытая и открытая реклама товаров и услуг.

Стоит обратить внимание на то, что, отбросив последнюю составляющую, «сфера интересов» участников дискуссии может быть охарактеризована как актуальная тема для психотерапевтических групп и может служить предпосылкой для создания «интерактивной групповой психотерапии». Отметим также, что попытки оказания «виртуальной психологической консультации» уже осуществляются на различных сайтах имеющих психологическую направленность. К сожалению, форумы на данных сервисах оказываются малоэффективными с точки зрения глубинных личностных изменений.

Для того чтобы «запустить» динамические групповые процессы, как отмечает Горный Е., владельцу сайта следует «опубликовать текст провокационного характера, содержащий спорные утверждения относительно общеинтересных тем» (Горный Е. «О гестбуках». - <http://www.netslova.ru>).

Как мы уже говорили, если рассматривать «ник» как проявление виртуальной личности, а виртуальную личность как субличность реально су-

существующего индивида, то нельзя не согласиться с тем, что он вместе с тем является «линзой, через которую проглядывает личность» (Руффлер М. «Игры внутри нас». – М., 1998 г.) Таким образом, исследуя мотивы, движущие виртуальной личностью, мы имеем возможность познавать себя и у нас появляется возможность влиять на личность, существующую в реальном мире, через взаимоотношения со своей виртуальной личностью и с виртуальными личностями других пользователей, в процессе которого возможно разрешение некоторых психологических проблем. По аналогии с реальным общением: каждый из нас, попадая в ту или иную ситуацию так или иначе проявляет себя посредством той или иной субличности (или нескольких сразу). Единственным принципиально новым аспектом является то, что эта субличность (субличности) не имеют телесного воплощения.

Присутствие ведущего, выступающего в роли психотерапевта на интернет-форуме может явственно ощущаться участниками обсуждения, а может носить и завуалированный характер. Функциями ведущего интерактивной психодинамической группы, на наш взгляд, являются: его возможность задавать направление дискуссии, обновлять обсуждаемые ресурсы сайта; акцентировать внимание на проблемных ситуациях или по мере необходимости провоцировать участников форума на создание таковых; ставить перед участниками обсуждения задачи, направленные на личностный рост (осмысление вытесненных переживаний, выявление привычных неэффективных паттернов, заострение внимания на проблемах экзистенциального характера и т.п.); осуществлять подбор литературы и ссылок на ресурсы Интернет по затронутым в беседе направлениям; модерировать высказывания участников, если они не содержат значимой информации, или засоряют пространство форума рекламой или бессмысленными ругательствами.

Психологическая помощь участникам форума не ограничивается обсуждением животрепещущих тем. Некоторым из собеседников могут быть даны задания смоделировать в реальности те или иные ситуации, с тем, чтобы потренироваться и освоить новые паттерны поведения. Те, кто последовал этим советам, отметили позитивные сдвиги в решении личностных проблем. Примечательно, что большинство участников форумов в качестве «ников» выбирают реальные имена, и представляют субличности, достаточно точно отражающие их реальное поведение и ценности, особенно это касается пользователей 30-40 лет, «уже пережившие пик экспериментов с вычурными псевдонимами» (Жичкина А.Е., Ефимов К. Ю. «Результаты исследования поведения в Интернете» <http://www.flogiston.ru>)

На наш взгляд, психотерапия в сети Интернет является довольно перспективным направлением в деятельности профессиональных психологов и психотерапевтов и требует дальнейших теоретических и практических исследований.

Изменения в структуре межличностных отношений кардиологических больных и возможные подходы к их психологической коррекции

Д.В. Гартфельдер
Чебоксары, ЧГУ

Соматическое заболевание зачастую оказывает значительное влияние на отношение больного к значимым для него людям. Восприятие кардиологическими пациентами своего социального окружения во многом определяет стратегию их поведения в процессе терапии. Поведение пациентов, впервые оказавшихся в лечебном учреждении кардиологического профиля, качественно отличается от поведения пациентов, ранее обращавшихся в ЛПУ в связи с сердечно-сосудистыми заболеваниями.

Для медицинского психолога, наряду с психологической диагностикой, не менее важным становится выбор наиболее эффективных методов психологической коррекции, позволяющих, с одной стороны, устранить отрицательные последствия влияния самого факта пребывания в ЛПУ на взаимоотношение с близкими людьми, а с другой – оказывать воздействие на личность самого пациента для формирования адекватного отношения к своему состоянию и получения опыта, необходимого для успешного взаимодействия с окружающими в будущем.

В исследовании приняли участие 127 пациентов Республиканского кардиологического диспансера г. Чебоксары, страдающих сердечно-сосудистыми заболеваниями, находящихся на стационарном лечении (52 мужчины и 72 женщины, средний возраст $48,4 \pm 13,9$ лет).

Для изучения особенностей личности и межличностного взаимодействия пациентов применялся набор психодиагностических методик, включавший в себя цветовой тест отношений А.М. Эткинды; метод цветových выборов Л.М. Собчик; Торонтскую шкалу алекситимии; Гиссенский личностный опросник (Гиссенский тест); «Я»-структурный тест Г. Амона. Помимо этого использовалась авторская анкета, предназначенная для выявления значимых социодемографических характеристик испытуемых.

Сравнение социодемографических показателей не выявило значимых различий между группами «хронических» пациентов (обращавшихся за помощью в ЛПУ по поводу своего заболевания неоднократно) и первичных пациентов, за исключением увеличения доли заболеваний периферических сосудов у последних (43,1 % в группе «хронических» пациентов и 63,6 % в группе первичных пациентов). Причиной этого, по-видимому, является более редкое возникновение осложнений после терапии сосудистой патологии, в связи с чем отпадает необходимость в поддерживающем стационарном лечении. При этом число пациентов с заболеваниями периферических сосудов среди обратившихся впервые достоверно превышает их число среди обращавшихся неоднократно ($\chi^2=5,29$; $p<0,05$).

Также необходимо отметить, что средний возраст пациентов, страдающих заболеваниями сосудов, меньше чем у пациентов, страдающих от заболеваний сердца (45,9 и 51,1 лет соответственно; $t=2,16$; $p<0,05$). Помимо этого, по результатам опроса, среди пациентов, страдающих от заболеваний сердца, верующих значительно больше, чем среди пациентов, страдающих от сосудистых заболеваний ($t=2,09$; $p<0,05$).

Результаты МЦВ указывают на то, что в группе «хронических» пациентов доля неудовлетворённых потребностей, являющихся источником стресса, выше ($t=2,51$; $p\leq 0,05$). Анализ выборов цветов первичными и «хроническими» пациентами показал, что последние стремятся более рационально использовать доступные им ресурсы на фоне предпочтения экстернального локуса контроля и стремления подчиняться другим людям. Также необходимо отметить, что первичные и «хронические» пациенты по разному воспринимают и используют получаемую ими информацию о своём состоянии: первичные пациенты пытаются включить её в субъективную картину своего заболевания, для а «хронических», уже хорошо знакомых со своим заболеванием, она носит комбинированный конфирматорный характер.

Анализ результатов ЦТО выявил различия в отношении к лечащему врачу и к назначенному лечению: «хронические» пациенты настроены в целом более позитивно, о чём можно судить по преобладанию основных цветов в выборе. При этом доминирующим цветом, ассоциируемым с понятием «Моё лечение», является красный (26,8 %), тогда как первичные пациенты в равной степени предпочитают ассоциировать данное понятие с жёлтым и фиолетовым цветами (по 24 %). Понятие «Мой врач» чаще всего ассоциируется с красным цветом у первичных пациентов (26,4 %), «хронические» пациенты предпочитают жёлтый (28,1 %) и фиолетовый цвета (25,4 %). По отношению к понятию «Моё будущее» доминирующим цветом является жёлтый (23,1 % у первичных пациентов, 33,8 % у «хронических»), однако для первичных пациентов достаточно часто встречаются также зелёный и фиолетовые цвета в выборе (по 21,2 %). Первичные пациенты в целом более негативно относятся к пребыванию в стационаре, расценивают своё состояние как транзиторное; в отличие от них, «хронические» пациенты вынуждены мириться со своим состоянием и пытаются извлечь из своего пребывания в стационаре максимум пользы.

Гиссенский личностный опросник выявил выраженное изменение социального статуса пациентов кардиологического профиля, которые из-за своей болезни считают себя социально непривлекательными. Различий между пациентами, имеющими и не имеющими опыт обращения в ЛПУ, не выявлено.

Социальные отношения пациентов, страдающих заболеваниями периферических сосудов, изменяются из-за болезни в меньшей степени, чем у пациентов, страдающих заболеваниями сердца ($r=0,42$; $p\leq 0,05$). Это свя-

зано с тем, что у последних заболевание оказывает существенное влияние на их жизнь, а зачастую и определяющие её, вынуждают пациентов занимать более активную позицию как в процессе лечения, так и в "навёрстывании" не реализованного по причине болезни социального потенциала.

Результаты исследования пациентов с помощью ТАШ показали увеличение доли алекситимных пациентов в группе «хронических» пациентов ($t=2,15$; $p\leq 0,05$), причём это увеличение обеспечивается за счёт пациентов с пограничным уровнем алекситимии (30 % среди первичных пациентов, 46,4 % среди «хронических» пациентов).

Результаты выполнения «Я»-структурного теста Г. Аммона указывают на то, что по сравнению с впервые обратившимися пациентами в группе «хронических» пациентов отмечено статистически подтверждённое увеличение показателей по шкалам дефицитарной агрессии ($t=2,75$; $p\leq 0,01$), дефицитарного внутреннего Я-отграничения ($t=3,00$; $p\leq 0,01$) и дефицитарного нарциссизма ($t=2,18$; $p\leq 0,05$). Помимо дефицитарных показателей, значимые различия были отмечены по деструктивным шкалам, в частности шкале деструктивного страха ($t=2,71$; $p\leq 0,01$) и нарциссизма ($t=2,28$; $p\leq 0,05$). Преобладание дефицитарных шкал в профиле «хронических» пациентов свидетельствует о затруднениях дальнейшего развития личности, неспособности использовать получаемый в изменившихся условиях жизни опыт.

По результатам исследования можно сделать вывод о том, что особенности межличностных отношений и личность пациента, впервые обратившегося в учреждение кардиологического профиля, при затяжном течении заболевания претерпевает определённую трансформацию. Главные особенности этой трансформации – субъективное переживание изолированности от окружающих, иррациональные страхи, чрезмерная пассивность в сфере межличностных отношений с выделением значимых людей, с которыми связываются необоснованные надежды на благополучный исход.

Переходя к обсуждению возможных путей психокоррекции и психопрофилактики, следует отметить, что ещё в 1994 году канд.мед.наук Д.А. Авдеевым совместно с сотрудниками Республиканского кардиодиспансера Г.П. Авдеевой, Т.Ю. Винокур и И.П. Ефимовой была предложена реабилитационная программа «Гармония», нацеленная на пациентов, перенёвших ИМ и страдающих ИБС, методологической основой которой стала концепция позитивной психотерапии Н. Пезешкиана. В целом соглашаясь с концепцией программы, мы предлагаем внести в неё некоторые изменения. Не заостряя внимания на физических аспектах предложенной программы, мы считаем, что рациональной психотерапии должна предшествовать работа медицинского психолога, целью которого в этом случае становится не только коррекция эмоционального состояния пациента, но и первичная реинтеграция его в свое социальное окружение. Помимо

этого, взаимодействие медицинского психолога и пациента расценивается последним более нейтрально, чем проведение психокоррекционных сеансов, и в ходе этого взаимодействия может быть получена важная информация – актуальные конфликты, информация о психологическом «преморбиде» личности (в терминах авторов программы) – способствующая более эффективному течению психотерапевтического процесса. Включение медицинского психолога как промежуточного звена между пациентом с одной стороны и психотерапевтом или психиатром – с другой, позволяет не только получать диагностически значимую информацию о личности пациента, но и подготавливать его к дальнейшей психокоррекционной работе, повышая тем самым её эффективность.

Рисунок «Семьи несуществующих животных» как дополнительный инструмент в работе психолога-консультанта

Гирфанова М. С.
СамГПУ, г. Самара

Семья является важнейшим институтом воспитания и развития гармоничной и целостной личности, она определяет:

- возможность развития определенных психических свойств личности;
- заторможенное развитие отрицательных качеств;
- приобретение подходящих качеств, свойств, форм поведения;
- получением достаточного количества знаний, опыта, навыков и привычек, необходимых для жизни.

Установлено, что гармоничность и эмоциональная полноценность взаимоотношений в семье самым положительным образом влияют на формирование у ребенка такого важного качества, как быстрая адаптация в коллективе посредством общественной активности и целого ряда черт (самостоятельности, решительности, настойчивости, энергичности), которые проявляются в его общественной деятельности. В семье с согласованными и гармоничными супружескими отношениями ребенку наглядно преподается пример человеческой солидарности, заботы и беспокойства друг о друге, уважения, доверия, и других высоко нравственных качеств. Другими словами, в этих семьях налицо все предпосылки для формирования у детей культуры чувств, высокой нравственности.

Имеются основания полагать, что весьма специфические условия семьи в жизни ребенка могут привести к сильному искажению представлений ребенка о своей семье, которая в дальнейшем будет отражаться на особенностях его личностного развития, его эмоциональном самочувствии, самооценке, отношении к окружающим людям. В связи с этим психологу-консультанту необходимо уметь выявить проблемные отношения в

семье и отражение их в развитии ребенка, чтобы сразу увидеть какие неблагоприятные факторы воспитания влияют на развитие, и попытаться устранить их. Психолог-консультант из материала проективных методик «вычерпывает» личностный смысл целей и действий и, прежде всего обстоятельств, имеющих для ребенка конфликтный смысл. Одной из задач психолога-консультанта является проникновение во внутренний мир конкретной личности. Для этой цели и служат проективные методики. Ценность и главное назначение проективных методик – выявление присущих личности способов структурирования ее «жизненного пространства», ее субъективного внутреннего мира. Появляется возможность изучить структуру семейных взаимоотношений в восприятии ребенка.

В настоящее время психолог-консультант, занимающийся проблемами семьи, ощущает нехватку адекватных методик исследования личности. Среди диагностических средств познания личности ребенка, используемых в мировой психологической практике, рисуночные методики стоят на первом месте. Следовательно, очевидна необходимость создания диагностических методик, направленных на оценку особенностей восприятия семейных отношений ребенком. В качестве одной из таких методик мы предлагаем использовать разработанную нами проективную методику **«Семья несуществующих животных»**. Отличительной чертой данной методики является создание ребенком своего «образа семьи», создавая, тем самым свое представление об окружающих его людях и о собственном месте рядом с ним. Это позволяет расширенно использовать феномен проекции, а именно, у ребенка сознательные установки срабатывают значительно слабее, так как в этом случае изображается не собственная семья, а абстрактная. В итоге оказывается, что не задействованы защитные механизмы, искажающие образ семьи и проекция становится более полной.

Данная методика, в первую очередь, предназначена для выявления особенностей внутрисемейных отношений и эмоциональных проблем ребенка. Использование этой методики особенно важно при выявлении неосознаваемых представлений о характерах взаимоотношениях в семье, тем самым, демонстрируя обширную диагностическую информацию для психотерапии. При этом следует учитывать, что для выработки тактики и стратегии психотерапии в постановке семейного диагностика любой метод психодиагностики является вспомогательным.

Рисунок «Семьи несуществующих животных» позволяет:

- дать больше информации о контактах общения в семье: пространственной близости, об агрессивных и конфликтных отношениях в семье.
- более полно раскрыть отношение ребенка к себе в своей семье: отверженность, одиночество, тревожность, ревность и т.д.
- выявить особенности половой самоидентификации в семье (например, в семьях, где есть брат или сестра (70%) дети рисуют себя противоположного пола, обезличивают себя (например, «ребенок», «малыш»)).

- выявить особенности межличностных конфликтов внутри семьи (по рисунку определяется кто агрессор в семье, кто с кем конфликтует, внешний вид животного (зубы, оружие и т.д.)).

- выявить особенности проявления агрессивных, аутоагрессивных, защитных механизмов членов семьи.

- выявить особенность копирования агрессивной или доминирующей модели поведения ребенка у родителя.

Такие рисунки представляют собой ценный материал, позволяющий судить об эмоциональных отношениях ребенка с членами семьи, о том, как ребенок воспринимает их, какая его роль в семье, каков его образ «я», выявить конкуренцию между членами семьи.

Рисование «Семьи несуществующих животных» дает возможность воспроизвести взаимодействие в семье, какую-либо сценку из ее жизни. Потому что осознание окружающего происходит у ребенка быстрее, чем накопление слов и ассоциаций. Рисование предоставляет возможность наиболее легко в образной форме выразить то, что ребенок знает и переживает. При словесном описании у детей иногда возникают затруднения. Дети младшего школьного возраста не способны достаточно оценить себя и поэтому не могут дать достоверной информации о себе. То, что ребенок говорит, больше отражает то, как окружающие ценят его поступки, чем то, что он сам чувствует. Также дети часто не могут понять вопросов или суждений, которые требуют идентификации чувств, состояний. Прямыми вопросами нельзя получить более глубокой информации, узнать то, что ребенок по тем или иным соображениям склонен скрывать.

Данная методика будет полезным инструментом в работе психолога-практика особенно с детьми младшего школьного возраста, так как в данном возрасте (6 – 10 лет), называемом золотым веком детского рисунка, происходит формирование основных новообразований: произвольных психических процессов, внутреннего плана действий, рефлексии поведения. Многие специалисты рассматривают детское рисование как один из видов аналитико-синтетического мышления. Рисуя, ребенок как бы формирует объект или мысль заново, графически оформляя свое знание, изучая закономерности, касающиеся предметного и социального мира.

Именно в младшем школьном возрасте закладываются первые установки, ценностные ориентации, формируются содержание и структура мотивационно-потребностной сферы, полового самосознания, ценностное отношение к семье. От воспитания родителей и их взаимоотношений с детьми зависит уверенность детей в себе, устойчивость ценностных установок и в конечном итоге эффективность общения с людьми, деловых и семейных взаимоотношений. Поэтому есть все основания полагать, что разные условия семьи в жизни ребенка, в особенности неблагоприятные условия, могут привести к сильному искажению представлений ребенка о своей семье, которая в последствии будет отражаться на особенностях

его личностного развития; его эмоционального самочувствия, самооценку, отношении к окружающим людям. Нарушения межличностной коммуникации в семье могут выступать в качестве источника психической травматизации личности ребенка, приводя к развитию конфликтного взаимоотношения в семье. Семьи с конфликтными отношениями не могут самостоятельно решать возникающие в семейной жизни противоречия. В результате длительного конфликта у членов семьи снижается социальная и психологическая адаптация, теряется способность к совместной деятельности (несогласованность в вопросах воспитания детей).

В настоящий момент анализируемая методика может применяться как дополнительным инструментом в работе психолога-практика в проблемах ребенка. Особенно продуктивным его применение представляется на начальных этапах консультирования: в качестве вводной методики при использовании других методик. Рисунок «Семьи несуществующих животных» способствует установлению хорошего эмоционального контакта психолога с ребенком, что особенно важно на начальных стадиях работы.

Данную методику следует применять в тех случаях, когда не требуется дать однозначную информацию. Проективные методики больше нужны для понимания «образа семьи» ребенка, как средство построения различных гипотез, которые в дальнейшем проверяются. Поэтому данная методика может быть полезным инструментом в работе психолога-практика.

Вербальное поведение и личность психолога-консультанта в контексте реализации мотивации власти

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект № 06-06-00439а

Гнедова С.Б., Емельяненко А.В.
г.Ульяновск

Одной из реалий современной России является высокая востребованность психологической помощи. Перед практическим психологом стоят задачи диагностики и коррекции межличностных отношений, установок, поведения, личностных черт обратившегося. Закономерно возникает вопрос, какого рода влияние оказывает психолог на клиента психологического консультирования, и благодаря каким качествам можно повысить эффективность практической психологической помощи? Целью нашего исследования стал анализ личности психолога-консультанта в контексте реализации мотивации власти. Возможность оказывать влияние на установки, поведение, суждения других людей ставит вопрос: является ли мотивация власти - целенаправленная мобилизация внутренних и внешних ресурсов, направленная на достижение желаемого результата и

ощущения собственной эффективности и личной влиятельности - определенного рода профессиональной деформацией, или это – способность, личностное качество, даже повышающее эффективность профессионального самовыражения психолога. Другой вопрос: является ли мотивация власти характеристикой общения в системе Психолог-Клиент, или личностной установкой самого психолога-консультанта.

Проведенное исследование предполагало изучение процесса работы психолога-практика (очное и заочное (телефонное) консультирование) на базе психологических центров города и частных консультантов. Участниками исследования стали 34 практикующих психолога (16 – очное консультирование, 18 – заочное); женщины в возрасте от 20 лет до 59, стаж психологической деятельности от 0,5 года до 32 лет. «Чистое время» наблюдаемых консультаций составило в каждом случае 100 минут.

Следует отметить, что психологи, принявшие участие в исследовании, не придерживались какой-либо специализированной школы, т.е. не старались свои высказывания и цели консультативной работы трансформировать, приблизить к какой-то определенной психотерапевтической школе. В подавляющем большинстве случаев (100% - при очном консультировании) использовалась так называемая «рациональная терапия» психолог и клиент обсуждали ситуацию «здесь и сейчас», делая акцент на эмоциональном состоянии обратившегося, сути проблемы, изменениях в поведении. Рациональная терапия подразумевала выстраивание причинно-следственных связей в объяснении психологических трудностей клиента с использованием терминологии и базовых концепций отечественной психологической школы.

Задачей исследования был сравнительный анализ вербального аспекта поведения консультанта, оказывающего очную и заочную психологическую помощь. Заочная психологическая помощь проводилась специалистами Телефона Доверия одной из социально-психологических служб помощи семье и детям г. Ульяновска.

Наблюдение за вербальными аспектами проводилось с использованием адаптированной к целям нашего исследования методики Р. Бейлса (Bales R.F., 1951). Методика предполагает оценивание высказываний по 13 параметрам: общее количество высказываний, предоставление информации и запрос об информации (И+ и И-), высказывание мнения и запрос об оценивании ситуации клиентом (М+ и М-), указания и просьба об указании (У+ и У-), выражение согласия или несогласия в адрес клиента (С+ и С-), создание благоприятной или напряженной атмосферы общения (А+ и А-), оказание помощи или отказ в помощи (П+ и П-). Использование психологом высказываний той или иной категории анализируется с помощью графика (модели консультации).

На основании составленных моделей консультации можно сделать следующие выводы.

В среднем, при очном консультировании используется больше высказываний и они более разнообразны по своей направленности. При абсолютном доминировании использования высказываний, относящихся к категориям И+ и И-, при очном консультировании работа с информацией (разъяснения, повторения, пояснения, подтверждения) наблюдалась чаще. Можно утверждать, что при очном консультировании психологи чаще пользуются приемами, поощряющими клиентов дать какую-либо оценку наличной ситуации или высказать мнение, поделиться впечатлением. В качестве объяснения: при заочном, телефонном консультировании просьба дать оценку какой-либо ситуации, событию, человеку может вызвать чересчур бурную эмоциональную реакцию. При заочном консультировании психологи намного чаще используют высказывания, относящиеся к категориям С+ и С-; при очном консультировании психологи реже прибегают к высказываниям подобного рода, так как могут выражать одобрение, сочувствие и невербально. При заочном же консультировании выражение согласия/несогласия с клиентом вербально – один из значимых приемов создания и трансформирования эмоционального состояния клиента, еще один способ дать оценку его словам/событиям/действиям. Докладом правильности этого предположения может служить и различия по шкале А+ : психологи, ведущие очную консультацию используют высказывания данной категории почти в два раза реже, чем психологи Телефона Доверия. Также при заочном консультировании чаще используются высказывания, демонстрирующие солидарность в клиентом, вселяющие в него уверенность.

При очном консультировании чаще используются высказывания, в которых психолог сам дает указания, высказывает свои соображения, при заочном же наоборот, психолог создают ситуацию, в которой поощряет клиента дать указание, подсказать, в каком направлении действовать. Возможно, при заочном консультировании таким образом создается ситуация самораскрытия для клиента: отвечая на вопрос психолога, формулируя указания или советы для него, клиент выдает некоторую информацию о себе, ранжирует способы справиться с ситуацией в соответствии со степенью привлекательности для себя, эмоционально относится к каким-либо фактам, действиям и т.д.

Сравнительный анализ высказываний психолога в ходе очной и заочной беседы показывает, что при очном консультировании используется больше высказываний, и они более разнообразны. Наиболее очевидны различия по категориям И+, У+, С+, А+, М-, У- .

При абсолютном доминировании использования высказываний, относящихся к категориям Предоставление и Запрос информации, при очном консультировании работа с информацией (разъяснения, повторения, пояснения, подтверждения) наблюдалась чаще. Возможно, это объясняется тем, что при очном консультировании создается атмосфера для более

полного раскрытия, для того, чтобы запрашивать какую-либо информацию по мере ее необходимости или предоставлять ее независимо от общего хода беседы.

Можно утверждать, что при очном консультировании психологи чаще пользуются приемами, поощряющими клиентов дать какую-либо оценку наличной ситуации или высказать мнение, поделиться впечатлением. Вероятно, этот факт связан со спецификой заочного психологического консультирования: при телефонном разговоре просьба дать оценку какой-либо ситуации, событию, человеку может вызвать чересчур бурную эмоциональную реакцию, которая приведет к обрыву разговора: клиент не сможет или не захочет дальше вести разговор.

При заочном консультировании психологи намного чаще используют высказывания, относящиеся к категориям С+ и С-. Особенно ярки различия в категории С+: при очном консультировании психологи реже прибегают к высказываниям подобного рода, так как могут выражать одобрение, сочувствие и невербально. При заочном же консультировании выражение согласия-несогласия с клиентом вербально – один из значимых приемов создания и трансформирования эмоционального состояния клиента, еще один способ дать оценку его словам, событиям, действиям. Доказательством правильности этого предположения может служить и различия по шкале А+: психологи, ведущие очную консультацию используют высказывания данной категории почти в два раза реже, чем психологи Телефона Доверия. Также при заочном консультировании чаще используются высказывания, демонстрирующие солидарность в клиентом, вселяющие в него уверенность.

При очном консультировании чаще используются высказывания, в которых психолог сам дает указания, высказывает свои соображения (категория У+), при заочном же наоборот, психолог создают ситуацию, в которой поощряет клиента дать указание, подсказать, в каком направлении действовать (категория У-). Вероятно, при заочном консультировании таким образом создается ситуация самораскрытия для клиента: отвечая на вопрос психолога, формулируя указания или советы для него, клиент 1) выдает некоторую информацию о себе, 2) ранжирует способы справиться с ситуацией в соответствии со степенью привлекательности для себя, 3) эмоционально относится к каким-либо фактам, действиям и т.д.

Не следует забывать и о различиях в целях, которые преследуют люди, обращающиеся за очной и заочной консультацией. У клиентов, пришедших на прием к психологу (очень часто – по записи) более четко, ярко присутствует потребность в изменении ситуации: такие люди непосредственно обращаются за каким-либо «психологическим советом», указанием по изменению своего поведения, взаимодействия в семье или группе. Долговременное (от нескольких часов до нескольких дней) ожи-

дание визита к психологу часто сопровождается размышлениями, попытками самостоятельно справиться с ситуацией, которые не всегда успешны.

Ситуация звонка на Телефон доверия – очень часто ситуация эмоционального стресса, срыва и невозможности оставаться наедине с этим внутренним напряжением. Здесь также присутствует запрос «Что мне делать?», но он в данном случае маскирует внутреннее сопротивление какому-либо шагу, на который наталкивает ситуация; или ситуацию сложного выбора между двумя или более вариантами поведения, различающимися по своей эмоциональной привлекательности или субъективной значимости. Здесь очень важно убедиться, что запрос реально соответствует проблеме клиента, т.е. опять-таки необходима более полная информация о клиенте. Поэтому высказывания, в которых психолог просит указания, в каком направлении действовать, совета и показывают свою эффективность.

Проведенное исследование показывает, что вербальный аспект поведения консультанта определяется не только его личностными качествами, но и самой ситуацией консультирования, ставящей конкретные задачи диагностики и коррекции. Тем не менее, очевидно, что психолог как субъект важной для клиента деятельности, общения, оказывает существенное влияние не только на его эмоциональное состояние, не только на сиюминутную характеристику поведения и межличностных отношений, но и на некоторые базовые характеристики личности клиента, в том числе, и на его потребностно-мотивационную сферу. Уже первый этап консультативного диалога, важнейшей составляющей которого является структурирование запроса клиента, с логической точки зрения представляет собой выделение ведущей, главной, актуальной на конкретный момент потребности Я клиента. Подчеркиваем, что, на наш взгляд, речь идет именно об эго-потребностях, то есть о тех, реализация или неудовлетворение которых способствует, или, наоборот, препятствует личностному росту, усложнению структуры самосознания и, в конечном итоге, самоактуализации человека.

Представленный сравнительный анализ заочного и очного консультирования характеризует те запросы (фактически, потребности), которые являются наиболее актуальными для клиента: в информации, в сочувствии, сопереживании, эмоциональном комфорте, рефлексии и оценки собственного поведения посторонним, обладающим определенным социальным статусом человека. Получая соответствующий ответ от консультанта, клиент фиксирует, делая более осознанными (а следовательно, и контролируемыми) некоторые стороны своего Я. Фактически, процесс консультирования ставит целью актуализировать и реструктуризировать, если это необходимо, Я-концепцию клиента, изменяя и дополняя содержание психосоциальных ролей («Кто я?») и их оценку («Какой Я?»). Осуществляемая психологом рефлексия поведения, суждения и установок клиента

так или иначе несет отпечаток собственных когнитивно-аффективных процессов специалиста, подчеркивая значимость личностных характеристик профессионала именно в этой сфере деятельности. В случае, когда психолог использует ситуацию консультирования для того, что усилить чувство собственной значимости, личной влиятельности именно на фоне «слабой», неадаптивной к жизненным обстоятельствам личности клиента, очевидно, что не происходит «вращения», актуализации личностного потенциала обратившегося. Другими словами, не происходит усложнения его эго-потребностей, его осознаваемых характеристик собственной личности.

На основании полученных данных можно утверждать, что проблема требует дальнейшего анализа.

Формирование духовно-нравственного облика современной молодежи

Г.С. Дулина
Чебоксары

Современная действительность диктует необходимость формирования духовно-нравственного облика молодежи в ее внутреннем, субстанциональном состоянии и в развернутом, системном, социально-психологическом бытии, что является основой и свободным способом социальной жизни, творческим источником и универсальным ресурсом российских реформ, всеобщим смыслом социально-экономического, социально-психологического, общественного и государственного устройства России и ее политики.

В своем исследовании, мы пытаемся понять, что воздействие социально-психологических аспектов на формирование духовно-нравственного облика современной молодежи, как творческий интеграл человеческого бытия, есть высшая созидательная сила общества. Она представляет собой системообразующее начало, включающее в себя цель, процесс, средство, способ и результат индивидуального и общественного бытия через социально-экономические формации, социально-психологические отношения и государственную политику. Эти положения рассматривались А.Швенцером, Э. Фроммом, С.А. Рачинским, Б. Расселлом, Р.М. Роговым, Н.М. Романенко, Г.Н. Филоновым, Ю.С. Гуровым и др.

Можно наметить логические ступени и формы, которые духовная нравственность как основа общества, проходит в своем развитии в социально-психологическую действительность, соответственно оказывая свое воздействие на формирование молодежи в этом аспекте. В ходе проведенного исследования учащихся школ, студентов колледжей, студентов университета, студентов Духовной семинарии, верующих прихожан Че-

боксарско-Чувашской Епархии, предпринимателей г. Чебоксары, было выявлено, что духовно-нравственный аспект, включает в себя:

- *Здоровье* человека как психофизиологическое и социально-психологическое выражение духовности, результат разумно-нравственного образа жизни, гармонический союз духа, души и тела.

- *Науку* – теоретическую форму духовности, претворяемую в социальную жизнь в соответствии с ее эволюционным смыслом. С позиции социальной психологии, выступает как интеллектуальная форма понятийного, логически целостного способа мышления.

- *Экономику* – предметно-практическая форма выражения духовности как осуществляемой социально-психологической цели общественного производства, в соответствии с законами производственных и социально-психологических отношений.

- *Право* – внешнее (объективное) выражение духовности в качестве свободы, и правовые отношения, как сознательно-волевая форма действительного существования экономических и социально-психологических отношений, объективно нуждающихся во внешне обязательном регулировании со стороны государства.

- *Мораль* – внутреннее (субъективное) социально-психологическое выражение духовности в качестве закономерного умонастроения и внутренне свободного волеопределения человека.

- *Нравственность* – высшая сознательно-волевая форма социально-психологической духовности как внутренне-внешнее выражение свободы воли.

- *Гражданское общество* как система социально-психологических потребностей, реальной и идеальной форм экономики, социально-экономических и социально-психологических отношений, правоохранительных органов, социальных институтов и т.д.

- *Государство* как систематически развернутая социально-психологическая духовность народа в форме экономически-правовых, морально-нравственных социально-психологических и организационных феноменов жизни общества.

- *Материальную и духовную культуру* народа. *Искусство* как художественная форма духовности.

- *Религию* как единство понятия Бога и форм его существования в сознании, в сердце и в поступках человека (вера и культ).

- *Историю*, как пространственно-временной процесс становления социально-психологической духовности.

- *Российскую систему духовно развивающего образования* – творческое средство социально-психологической нравственной реформации духа народа как социальной действительности.

Таким образом, рассматривая социальную действительность, в которую входят духовные свойства, развивающие и формирующие духовно-нравственный облик молодежи, социально-психологической ценностью является гражданское воспитание, культурно-историческое и религиозное наследие, обычаи, традиции и уважение свободы мировоззренческого самоопределения личности.

Почему ребенок перестает учиться или хотеть учиться? (из опыта педагога-психолога)

М.А.Жарская,
Г. Москва

А. Н. Леонтьев, известный психолог, поставил резкий диагноз образованию. Он говорил, что образование XX века можно охарактеризовать как процесс обогащения информацией при обнищании души. Кажется, что мы протащили эти проблемы и в XXI век.

Психологу зачастую приходится заниматься реабилитацией детей, которые плохо учатся и вообще отказывается ходить в школу. Одна из причин – разрушенная семейная ситуация. Развод и разлад между родителями приводит к нежеланию ребенка учиться.

Однако я хочу акцентировать внимание на ситуации, когда причиной разрушенной учебной готовности является сама система обучения, в которой отсутствует мотивация на обучение. Да и образования как такового тоже нет. Есть только набор предметов, но нет процесса формирования объемного и целостного видения картины мира.

В школе процветает когнитивное, информационное образование. Учителя смотрят на учеников как на пассивные организмы, "реагирующие" на внешние раздражители. В школе дают ответы на те вопросы, которые дети не задали и в принципе не собирались задать. Школа представляется собой автоматический конвейер по «впихиванию» в ребенка рассудочной информации, причем стандартных знаний в нестандартных уникальных по своей одаренности детей.

Система стандартов образования, делает акцент на процентах качества, а не на большом маленьком человеке с его жизнью, удивлениями, достижениями, страхами.

Сидение за партой, стояние перед учителем «навытяжку» не способствует жизни души. Человек еще в отрочестве покрывается мышечным «корсетом». В школе с обязательной школьной формой, с временным регламентом «от звонка до звонка», еще неокрепшая личность ребенка попадает в прокрустово ложе казенщины. Массовые ситуации вынуждают всех находиться в усредненном темпоритме. Для одних людей он годится, даже бывает хорош. Поурочная система «режет» процесс душевной жиз-

ни звонками каждые 45 минут. Создается формат мигающих клипов. Многие нестандартные дети не могут «вписаться» в такой распорядок. В школе ребенка направляют, организывают, заставляют... и как только он оказывается в своей жизни, то не способен самоорганизоваться. Ребенок ждет какой-то организующей силы, и не способен брать на себя ответственности за свою жизнь. В результате выпускник информирован, но инфантилен, беспомощен в общении и не готов к сотрудничеству

Постоянные проверки знаний, рубленых на параграфы, и система отметок закладывают чувство страха «быть неуспешным». Личностные и душевные качества игнорируются, кроме формирования интеллектуальных и репродуктивных способностей, и именно по этому единственному критерию оценивается успешность ребенка. Кроме того, зачастую, дети оказываются заложниками своих родителей, которым нужны хорошие отметки для укрепления их «имиджа» успешных родителей.

В лучшем случае, дети приспособляются к системе и, не занимаясь подлинным образованием, получают отметки, которые «выжимают» из них родители. Только такая политика сильной отдачей ударит по родителям, ребенок в подростковый период часто становится агрессивен по отношению к своим родителям.

Образование в наших школах инструктивное. Учитель выдает потоки информации, а ученик их поглощает. Есть познанный мир, но познан он взрослыми. У взрослых есть все ответы. Вроде бы, учитель задает задачу с неизвестным. Мы чего-то не знаем, но уверены, что ответ СУЩЕСТВУЕТ. Мы решаем эту задачку, ищем ответ и можем найти: правильный или неправильный. Если неправильный, то учитель еще будет ругаться и поставит двойку.

Что же делается в обычной школьной практике? Модель такого преподавания условно можно назвать «модель Задачника»: « Мир познан, он устроен ВОТ ТАК, КАК Я СКАЗАЛА. Учебник расскажет вам, как он устроен, а я вам все это прокомментирую». Из детей, выучившихся по «учебнику-задачнику», когда все ответы есть, никогда не вырастут творческие личности, способные находить оригинальные решения в нестандартных ситуациях.

Сочетание в преподавании

- познанного - непознанного
- познаваемого - непознаваемого
- постигнутого человечеством в целом за весь исторический период-познанного отдельным человеком в свою эпоху.
- постигнутого - непостигнутого
- постижимого - непостижимого
- явного - тайного

Все эти сочетания в модели современного школьного образования не присутствуют. Поэтому я могу утверждать, что современная школьная

система реально образовательным процессом не занимается. А там, где это все-таки происходит, он держится на инициативе и творчестве педагога и вопреки стандартной школьной системе. Потому, что «Образовательная программа» в своей методологии должна базироваться на сочетании познаваемого\непознаваемого человеком. Ученику важно находиться в процессе перехода из «непостигнутого» им в «постигнутое» кем-то. Есть тайны в реальном мире. Многие таковыми и останутся. Но есть мера постижения.

С горечью нужно отметить, что и социального заказа на такого рода образование практически нет. Родители нанимают репетиторов, которые решают задачу «натаскивания» в рамках школьной программы.

Возможность подойти индивидуально и построить процесс жизни, адаптируясь к темпоритму каждого возможна в небольших семейных школах. При таком устройстве школьного дела, участвуют ребенок как цельная личность, неразложимая по графам табличек, и учитель, которому интересно открывать мир вместе с ребенком и ребенка среди этого мира.

Многие дети не способны в полной мере адаптироваться к ситуации массовой школы. В результате к 10-12 годам они приобретают диагноз - разрушенная учебная готовность

Как альтернативы можно предложить создания дополнительных центров образования, в которых используется метод постижения вместо натаскивания.

У автора есть положительные опыт

- работы в коллективе сосновоборской частной малокомплектной школе семейного образца под Санкт-Петербургом.

- работы с группами детей и подростков летом на Ладого и в каникулярное время в Москве и Казани.

- индивидуальных занятий с детьми, у которых разрушена учебная готовность.

Главная цель образования детей в таких центрах – дать ребенку целостный образ мира, картину мира, которая помогала бы ему принимать жизненные решения самостоятельно и брать на себя ответственность за свою жизнь

В 7- 12 лет дети еще смотрят на мир распахнутыми глазами. Важно своевременно помочь ребенку формировать действительно правильное освоение мира. Без такого живого опыта, старшеклассники «мертвеют», теряют вкус к жизни, и не обретают ответственность перед природой и миром вокруг, проскользив по поверхности предмета рассмотрения, да так и не постигнув его, ни разу не заглянув внутрь и ни разу не встретившись с ТАЙНОЙ.

В таких образовательных центрах «живое» постижение, освоение окружающего мира должно сочетаться с развитием способности действо-

вать в составе слаженных творческих команд. Важно формировать именно такое умение, так как время одиночек проходит. XXI век – это время команд.

Образовательные беседы, игры, тренинги общения и личностного роста формируют возможность действовать. Ребенок обретает смысл своей жизни, которая перестает видеться ему сквозь череду непреодолимых внутренних преград.

В игровой форме возможно не только получать образование, но обретать опыт общения и сотрудничества, учиться разрешать конфликты и принимать решения самостоятельно и в группе, развивать сильные стороны своей личности и принимать свои слабости, развивать умение выражать свои желания и отношения открыто.

Важна полноценная подготовка детей к жизни. Обучение в таких центрах не только информационное, но и проживательное, затрагивающим нравственные и эмоциональные сферы жизни человека.

Потребность в самоактуализации у лиц с различным уровнем локус-контроля

Закирова Л.М., Сердюкова Ю.А.
Набережночелнинский филиала ИЭУП, Казань

Осознанная ответственность за свои действия, поступки, понимание значимости своей личности и постоянное стремление к личностному развитию предполагает самоактуализацию. Владение собой невозможно себе представить без четкого самоконтролирования. Здесь наблюдается непосредственная связь особенностей самоактуализации и внутреннего локуса контроля, который также предполагает полный четкий контроль собой в любой жизненной ситуации и высокую степень ответственности за личностные поступки и события, и даже внешние обстоятельства жизни индивида.

Самоконтроль самоактуализирующейся личности предполагает автономию и независимость от окружения, устойчивость под воздействием фрустрирующих факторов, высокую степень мотивации достижений, в частности, в области личностного роста, и сознание собственной ведущей роли в достижениях и постановке своих жизненных целей (А. Маслоу).

Высокий уровень осознания личностной ответственности за свои поступки, действия и события в своей жизни, а также и за взаимоотношения с другими людьми присущи личности с внутренним локусом интериоризации.

Индивидуальной особенностью личности, органично связанной с самоактуализацией, является именно внутренний локус контроля, а не внешний, потому, что внешний локус контроля перекладывает ответст-

венность за поведение и судьбу индивида с его собственной на других людей, внешние факторы и окружающие обстоятельства, делая его зависимым от этих внешних воздействий.

Самоактуализированная личность принимает свои чувства, импульсы, эмоции и желания такими, как они есть. Она чувствует свою собственную ответственность за эти проявления, не стесняясь никаких качеств своей личности, и независимо от того, что могут подумать окружающие о них самих, потому, что эти проявления есть продукт самоактуализации и личностной креативности, творчества своей личности.

Она осознает ответственность за события и за то, как складывается их жизнь в целом, также мало заботясь о зависимости от окружающих и об общественном мнении. Она не нуждается в чьем-то чужом одобрении или неодобрении, так как самодостаточна и ее индивидуальные черты актуализированы (А. Маслоу).

Самоактуализирующиеся личности считают, что добились сами всего хорошего, что было и есть в их жизни, и что они способны с успехом достигать своих целей и в будущем, потому, что они осознают себя хозяевами жизни, автономными и независимыми от окружения.

Как и чистые интерналы, они берут на себя ответственность и за все отрицательные события в своей жизни, причем в силу своей автономности и независимости они обладают стойкостью перед лицом неблагоприятных внешних обстоятельств, типа невезения, ударов судьбы, трагедий, стрессов и лишений.

Они подчиняются, прежде всего, внутренним, а не общественным детерминантам или детерминантам окружения, что свойственно личностям с внутренним локусом контроля.

Бесспорным является факт, что люди, которые склонны брать на себя ответственность за события, происходящие в их жизни, лучше адаптированы, нежели те, кто стремится приписывать ответственность за все внешним факторам. Один человек чувствует себя хозяином своей судьбы, другой предпочитает «плыть по воле волн». В первом случае ответственность за все, что происходит в жизни человека, заранее приписывается собственным способностям и стараниям, во втором - внешним силам (А. Маслоу).

А. Маслоу отмечал, что внутренний самоконтроль и сопутствующие ему уверенность человека в себе и настойчивость в достижении поставленной цели, склонность к самоанализу, уравновешенность, общительность и независимость, высокая мотивация к достижениям и успеху являются важнейшими компонентами личностного роста, который является одним из условий и предпосылок для самоактуализации.

Осознание личностной ответственности предполагает высокий уровень самоуважения, присущий людям с внутренним локусом контроля. Связь самоуважения и самоактуализации рассматривалась Д. Робертсом, где само-

уважение выступало первым шагом на пути к самореализации, и продуктом осознания себя во внешнем мире, актуализации своей личности.

В противоположность неуверенным людям с внешним локусом контроля, которые настороженно и боязливо относятся к внешнему миру и окружающим, самоактуализирующиеся личности обладают доверием к окружающему миру и уверенностью в себе. Самоактуализирующаяся личность живет по принципу здесь и сейчас, принимая жизнь во всех ее проявлениях и без оглядки на других людей и их мнение, и помощь, а также препятствования в делах.

Способность жить настоящим означает уверенность в себе и деятельность, а не пустое ожидание чего-то, в надежде, что само собой в жизни что-то изменится, а также осуществление деятельности для того, чтобы самому приблизить эти изменения являются свойством личности самоактуализирующейся и обладающей внутренним локусом контроля.

Актуализация предполагает активность, а пассивное ожидание не является развитием и актуализацией.

Таким образом, самоактуализация предполагает присутствие осознанной ответственности за свои действия, поступки, понимание индивидом значимости своей личности и постоянное стремление к личностному росту.

Склонность к внешнему локус контроля, напротив, проявляется наряду с такими чертами, как неуверенность в своих способностях, неуравновешенность, стремление отложить реализацию своих намерений на неопределенный срок, тревожность, подозрительность, конформность и агрессивность.

Итак, из вышеизложенного можно предположить о различиях в потребностях в самоактуализации у лиц с различным уровнем самоактуализации.

В обследовании принимали участие 80 студентов, в возрасте от 17 до 20 лет. Сравнение средних величин по тесту САТ в группах экстерналов и интерналов осуществили с помощью t-критерия Стьюдента.

Статистически значимые различия присутствуют в показателях по шкалам «ценностные ориентации» ($t = 2,02$, при $p = 0,05$) и «синергичность» ($t = 2,11$, при $p = 0,0015$).

Ценностные ориентации интерналов заключаются в качествах личности добивающейся всего самостоятельно. Для таких людей ценны знания и умения, гибкость в поведении и мыслях, умение адаптироваться к создаваемым условиям и быть социально принятым и приятным.

Для экстерналов характерны примерно те же тенденции, но для них также значительна возможность творческого проявления и активности, со всей его эмоциональной глубиной, а взамен потребность быть принятым таким «какой есть».

Значимость различий по показателю «синергичность» может указывать на то, что способность к восприятию окружающего мира и людей различны у студентов с различным уровнем субъективной направленности. Интерналы проявляют большую адекватность и способность к общению с людьми, а также способность находить компромиссы между полярными понятиями.

По остальным шкалам статистически значимых различий не выявлено, тем не менее, показатели наблюдаются на уровне средних значений. Согласно им можно предположить, что экстерналам в большей степени, чем интерналам присущи такие характеристики, как сензетивность к себе (испытуемые склонны к избирательным отношениям с окружающими), спонтанность (респонденты иногда неожиданно проявляют свои эмоции), принятие природы человека (воспринимают природу человека в целом положительно), креативность (творческая направленность личности). Это характеризует экстерналов как допускающих большее количество ошибок, но и прощающих ошибки себе и окружающим людям, в то время как интерналы стремятся к точности, основательности, контролю эмоций и поведения. В стремлении к самоактуализации интерналы делают ставку на такие социально полезные качества собственной личности как гибкость поведения, сензетивность к себе, спонтанность, контактность, познавательный интерес. В качестве основных мотивов поведения экстерналов можно выделить непосредственность, общительность и творческую направленность.

Подводя итог можно отметить, что потребность в самоактуализации экстерналов и интерналов базируется и достигается за счет различных факторов.

А. Маслоу называет следующие характеристики самоактуализирующихся людей: более эффективное восприятие реальности и более комфортабельные отношения с ней; принятие (себя, других, природы); спонтанность, простота, естественность; центрированность на задаче; некоторая потребность в уединении; автономия, независимость от культуры и среды; постоянная свежесть оценки; мистичность и опыт высших состояний; чувства сопричастности, единения с другими; более глубокие межличностные отношения; демократическая структура характера; различие средств и целей, добра и зла; философское, невраждебное чувство юмора; самоактуализирующееся творчество; сопротивление аккультурации, трансцендирование любой частой культуры.

Самоактуализировавшиеся люди, не совершенны, и даже не свободны от крупных ошибок. Сильная приверженность избранной работе и своим ценностям делает их подчас безжалостными в стремлении к своей цели; работа может вытеснять другие чувства или потребности. Свою независимость они могут доводить до степени, шокирующей их более конформных знакомых. Кроме того, им могут быть свойственны многие проблемы средних людей: чувство вины, тревожность, печаль, внутренние конфликты и т.д.

Особенности построения взаимодействия психолога и клиента в практике психологического консультирования

Кислица Г. К.

Психологическая консультация «Институт детства», г. Москва

В психологической практике нередки случаи, когда консультирование плавно переходит в психотерапию. Чаще всего человек обращается за решением конкретной проблемы. Внимание и квалифицированные рекомендации для разрешения сложной ситуации нередко побуждают клиента задаться вопросом: «Почему это произошло со мной?» или «Почему неприятности слишком часто появляются в моей жизни?» Ответ на эти вопросы требует обращения не только к сознанию клиента и бихевиористской коррекции особенностей поведения в данной конкретной ситуации, но обращения к бессознательным слоям его психики. Психолог вместе с клиентом начинают исследовать особенности личности последнего, анализировать прошлое, задумываться о будущем. Два человека, объединившись, выходят за рамки наличной ситуации. Начинается процесс психотерапии.

Перед любым психологом, вступившим с клиентом на путь психотерапии, встаёт вопрос, в какую сторону идти: в прошлое – отыскивая в нём истоки сегодняшних неудач и разочарований или в будущее, чтобы понять, какой арсенал средств необходим человеку, для удовлетворённости своей судьбой. Многие мастера психотерапии и мудрые люди скажут – оставайтесь в сегодняшнем дне. Мы согласны с этим, ибо полностью разделяем тезис о том, что настоящее содержит в себе всё – и плоды прошлого и семена будущего. Но всё же с чего начать – с плодов или семян? Скорее всего, этот вопрос не имеет единственно верного ответа и в каждом конкретном случае психологу и клиенту приходится решать его заново. И нам кажется, что решать его нужно именно вместе. Клиент не только имеет право, но просто должен занимать активную позицию в процессе психотерапии, если действительно хочет что-то поменять в своей жизни. Значит, проблему выбора нужно озвучить.

Идеальным кажется вариант, когда работа с прошлыми травмами дополняется укреплением осознаваемых клиентом сильных сторон его личности и закладкой фундамента для развития тех полезных качеств, которых ему не хватает, чтобы уверенно смотреть в будущее. Однако на практике подобный план осуществим далеко не всегда. Наверное всем специалистам известен эффект пресыщения от психологической работы. Речь идёт не о сопротивлении. Оно узнаваемо, объяснимо и при помощи психолога большинство клиентов успешно преодолевают его. Ощущение ненужности дальнейшей психологической работы приходит, когда уже пройден значительный путь и получены ощутимые результаты. В случае работы «с прошлым» это может быть чувство, что боль отступила и при-

шедшее в настоящем чувство покоя. При работе «на будущее» - это ощущение прилива сил, энергии, новых возможностей опять же в настоящем. И в том, и в другом случае клиент удовлетворён и работу можно считать завершённой. Однако сам психолог знает, что это временное равновесие. Жизнь движется и человеку нужно двигаться и развиваться вместе с ней.

Вопрос в том, насколько нужно и этично говорить об этом клиенту? Кто-то воспринимает подобное предупреждение как ещё один акт поддержки, а для кого-то оно, образно говоря, ложка дёгтя в бочке мёда. Кто-то может усмотреть в подобном высказывании элемент манипуляции, желание сохранить для себя клиента. Наверное, может быть и так. Однако здесь речь не об этом. В данной ситуации есть ещё один аспект – удовлетворённость работой самого психолога. Завершая цикл работы с клиентом, он может быть внутренне согласен или не согласен с этим завершением. И это во многом зависит от верований самого психолога. Считает ли он, что, убрав ошибки прошлого, человек готов к новой жизни и без дополнительных усилий засеет её разумным, добрым, вечным? Или без осмысленного отбора «семян» и приобретения специальных навыков это проблематично? Должен ли психолог делиться с клиентом своим видением перспектив по этому вопросу? Вопрос остаётся открытым и в реальности каждый решает сам, должен ли он остаться в нейтральной позиции или ориентироваться на интересы клиента. И в чём они, эти интересы.

Опыт нашей работы подсказал нам, что в случае различного понимания завершённости процесса у психолога и клиента, можно предложить «рабочую остановку». Например, предложить человеку в течение месяца или двух сжиться со своим новым состоянием, достигнутым в ходе работы, привыкнуть к нему, освоить те возможности, которые оно даёт. Затем встретиться, чтобы обменяться впечатлениями и решить нужно ли укреплять позиции и сознательно культивировать какие-то позитивные качества. Как правило, подобное предложение люди воспринимают спокойно, потому что оно не обязывает принимать их решение прямо сейчас. Вместе с тем, всем психологам известно, что психотерапевтическая работа имеет эффект последствия и возможность встретиться через какое-то не слишком близкое и одновременно далёкое время – хороший и психологически безопасный повод продолжить работу. В этом случае клиент не чувствует, что на него пытаются надавить, а психолог знает, что сделал всё возможное, чтобы показать, что путь к сотрудничеству открыт.

Сегодня многие психологи считают, что упор в работе с клиентом надо сразу делать на раскрытии позитивных сторон личности, укреплении существующих и возвращении новых. Действительно, робкие, сомневающиеся в себе люди зачастую гораздо активнее откликаются именно на такую тактику работы. Зачастую весь цикл работы строится по типу тренинга успешности. Человек расцветает и ему, конечно же, уже не хочется копаться в болезненных событиях прошлого. Хорошо, когда позитивный

взгляд на себя и жизнь столь прочно укореняется, что автоматически делает прежние негативные установки бессильными. Однако не всегда происходит так. В ситуации постоянной психологической поддержки клиент может чувствовать себя сильным, и действительно хорошо справляться с теми ситуациями, которые предлагает ему жизнь сегодня. Ситуация может измениться, когда этой поддержки не будет. Зная об этом, психолог предлагает всё же утилизировать накопленный негативный опыт. Попытки психолога обратить внимание клиента назад уже с новых позиций не всегда встречают понимание. Как правило, это говорит о том, что эти позиции ещё не прочны, но сам клиент уже вполне удовлетворён и хочет завершить работу. В этом случае «рабочая остановка» так же оказывается хорошим приёмом, позволяющим клиенту в дальнейшем вернуться к работе без ущерба для его самооценки.

Ещё один этический и технический вопрос. Кто кому должен звонить с напоминанием о назначенной через перерыв встрече? На первый взгляд кажется, конечно же – клиент. Это нужно, прежде всего, ему и он должен об этом помнить. Часть клиентов действительно помнит об этом. Среди самостоятельно не позвонивших, наряду с ситуацией «не звоню, потому что не надо», нередки случаи вытеснения как раз по причине начала прогнозируемых трудностей. Тогда можно услышать: «Очень хотел позвонить, но забыл какого числа мы договаривались» или «Потерял телефон, но очень надо поговорить». Выходит, что психолог побуждает клиента к активности и это не совсем правильно. Однако после такого побудительного толчка может состояться весьма продуктивный блок работы, приносящий удовлетворение обеим сторонам.

Нам кажется, что подобные нюансы взаимоотношений психолога с клиентом не достаточно исследованы, хотя и составляют часть повседневной практики психологической работы.

Объяснение и понимание в психологическом консультировании

Ключева Н. В.,

Центр корпор. обучения и консультирования ЯрГУ им. П.Г. Демидова.

Необходимость объяснения в психологическом консультировании очевидна. Встречаясь с непреодолимой проблемой, клиент приходит на консультацию к психологу, прежде всего, для того чтобы выработать приемлемый способ объяснения происходящего с ним. Для него важно осознать происходящее с ним, найти варианты решения, изменить жизненную ситуацию.

Разрешение проблемы - один из показателей того, что консультация проведена грамотно. Что при этом делает психолог, какие методологические схемы использует, какой набор средств актуализирует - предмет рефлексивной работы самого психолога.

Общение с профессиональными консультантами зачастую затрагивает вопрос об основаниях, на которые опирается психолог в работе с клиентом, каковы его представления о бытии человека, жизнеустройстве его личности. Психолог, встречаясь с реальностью клиента, так или иначе пытается объяснить клиенту, что с ним происходит. Варианты разные: от индоктринации в сознание клиента наиболее подходящей для конкретного случая объяснительной схемы до выращивания в ситуации "здесь и теперь" индивидуальной концепции происходящего. По опыту знаю, плодотворная психологическая теория способна трансформировать представления личности о мире, о себе, о проблеме. Кроме того, надо учитывать, что у самого клиента есть собственные теории, объясняющие происходящие от примитивных: "все мужчины -..." , до глубоко присвоенных духовных или эзотерических практик.

Какое место занимает объяснение как функция научной психологии в консультировании, в работе с личностью? При всей основательности и строгости представлений современной психологии, многообразии ее методического инструментария, объяснительных схем, она не всегда оказывается способной решить те проблемы, с которыми сталкивается психолог-консультант. Знания, получаемые в академической психологии, оказываются оторванными от жизни и тех реальных, сложных ситуаций и форм практики (Ф.Е.Василюк).

Научное знание в принципе не дает целостного представления о человеке. По самой сути наука ориентирована на анализ отдельных сторон целостного объекта, на построение идеальных моделей и выделение общих закономерностей и описание типов. Человек же есть существо уникальное и неповторимое.

Классический идеал научности как единственно возможный и подразумевающий рассмотрение мира человека как детерминированного теми или иными факторами имеет существенные ограничения.

Отличительными признаками объяснения являются: строгое применение рациональности и систематического наблюдения; при этом нормы науки и действия научного сообщества определяют объективность и свободу от ценностных установок.

Мы считаем, что *реально объяснительный подход может быть использован для систем изолированных (не подвергающихся внешнему воздействию); стабильных (возвращающихся в свое исходное состояние); простых и относительно статичных (развитие которых не приводит к их существенным изменениям) и детерминированных (система в своем настоящем содержит свое прошлое и однозначно определяет будущее).*

Экспансия объяснительного метода в психологии как подведение особенного под всеобщее привела к обесцениванию других способов познания, таких как: личностный опыт, здравый смысл. Такой позитивист-

ский настрой привел к тому, что их стали считать несостоятельными и безосновательными.

Различие методов объяснительной и описательной психологии: первая полагает, конструирует связи на основе гипотез, а вторая, исходя из связи душевной жизни (целого), должна расчленять душевную жизнь на другие связи и единицы. В.Дильтей первым обосновал возможность и специфичность научного гуманитарного познания в отношении человека, его душевной жизни в форме понимания.

Понимание – это сложный герменевтический процесс, сочетающий в себе два разных момента: интуитивное постижение чужой (и своей) жизни и объективный общезначимый ее анализ (оперирующий обобщениями и понятиями). Понятна также проблематичность такого познания: зависимость от установок познающего, сочетание в гуманитарном познании противоположных процедур: интуитивного постижения и понятийного анализа; отнесенность гуманитарного познания и его объекта к одной действительности; использование понимания и интерпретации как способов познания

В консультировании клиент – уникальность, неповторимая индивидуальность, которая по своей сущности не допускает ни каузального объяснения, ни научного предвидения. На уровне явления клиент выступает как “текст”, к которому можно подойти, построив такие теоретические представления, которые осмысливают и объясняют подобные тексты. Для этого необходимо адекватное понимание и интерпретация таких текстов. Важна “встреча”, диалог двух активных субъектов – консультанта и клиента.

Сегодня можно с уверенностью сказать, о том, что в отечественной психологии уже сформированы традиции психологии, стремящейся достичь понимания и проинтерпретировать процесс развития и разворачивания человеком своей сущности. Вместо сбора измеряемой информации предлагается анализировать жизненный путь человека, транскрипты разговоров, видеосюжеты его жизни, элементы невербальной коммуникации. В такого рода исследованиях наиболее важным считается проникновение в область индивидуальных значений, исследование опыта повседневной жизни. Эмпатическое участие и вживание позволяет погрузиться в контекст происходящего. Важно то, что люди принимают за истину, что они сами считают имеющим отношение к тому или иному событию, как они сами определяют свои действия. У каждого из нас есть основания для тех или иных действий и психологу-консультанту важно изучить эти основания, занимая особенно на первых этапах консультативного процесса позицию исследователя реальности клиента.

Подход, основанный на понимании, индуктивен и идеографичен, так как он обеспечивает символическую репрезентацию или описание опыта клиента. Теория и описание можно считать верными, если они придают смысл тому, что изучают. Психолог стремится размышлять над персо-

нальными точками зрения, своими ценностными предпочтениями и эксплицитировать ценности другого, отсюда следует значимость целенаправленного выстраивания взаимоотношений с клиентом, этической отнесенности и ответственности психолога.

Среди методов, которые можно использовать в работе с клиентом - *интерпретация, понимание, рефлексия, диалог, проблематизация.*

Смысл работы психолога-консультанта с личностью состоит в том, чтобы перевести носителя сознания из пассивного заложника определенной композиционно организованной структуры - мифа, идеологемы, где действия или события разворачиваются согласно определенному сценарию в активного автора, творца собственной жизни (Розин М.В.). В работе с клиентом важно понять, как развивается система его психологического опыта, помочь осмыслить природу и назначение того или иного мифа, вывести его на уровень осознанного отношения к действительности. Для достижения этой цели может быть использовано и объяснение, и понимание, так как на самом деле на смену одному мифу приходит другой, более адаптивный на данный момент, в данной жизненной ситуации.

Дистанционные методы психотерапии в реабилитации людей с ограниченными возможностями жизнедеятельности и здоровья

Козлов А.А.
Казань

Многие исследователи (Левченко И.Ю., 1988; Howison M.V., 1988; Залялова З.А., 1995; Яхин К.К. Калмыков Ю.А., 2006; и др.) отмечают, что для больных с нарушением опорно-двигательного аппарата и последствиями ДЦП характерны: повышенный уровень невротизации, эмоциональная неустойчивость, психическая ригидность, импульсивность, пассивность, у них чаще, чем у здоровых встречаются признаки психической дезадаптации.

Все это определяет особую актуальность психотерапевтической помощи и психологической коррекции для данной категории лиц. Практика социальной реабилитации молодых инвалидов трудоспособного возраста, имеющих ограничения в передвижении вследствие травм, ДЦП и иных нарушений опорно-двигательного аппарата показала, что на пути реализации психотерапевтической помощи в полном объеме встают препятствия. Такие пациенты в силу ограничений в передвижении и в самостоятельности (они зависимы от сопровождения) не всегда могут попасть на приём к психологу или психотерапевту, а тем более проходить долгосрочную терапию.

В рамках комплексной социальной реабилитации инвалидов с нарушениями опорно-двигательного аппарата и с последствиями ДЦП нами

разработана программа их психологической реабилитации. С целью приближения психотерапевтической помощи к пациенту и повышения эффективности долгосрочной психотерапевтической помощи, одно из направлений этой программы предусматривает использование дистанционных методов психотерапевтической помощи таких как:

1) использование локальной сети Интернет для оказания индивидуальной психологической и психотерапевтической помощи по электронной почте, для тех пациентов, которые используют интерактивные возможности компьютера;

2) создание стандартизованных психотерапевтических сеансов на аудионосителях, направленных на решение актуальных проблем, возникающих у больных с данной нозологией;

3) сеансы релаксации и эриксоновского гипноза с целью снижения тревожности и решения конкретных задач, с использованием подсознательного воздействия на пациентов.

На базе Казанского центра реабилитации нами было проведено исследование, направленное на оценку эффективности использования сеансов эриксоновского гипноза на аудионосителях пациентами самостоятельно в домашних условиях без присутствия специалиста. Целью данного исследования являлось: показать возможность безопасного и эффективного использования сеансов эриксоновского гипноза на аудионосителях в домашних условиях для решения психологических проблем и психотерапии невротических расстройств.

Исследуемая группа состояла из 89 пациентов в возрасте от 18 до 30 лет, 60 мужчин, 29 женщин со значительным ограничением мобильности: передвижение только в пределах ближайшего соседства (до 0.5 км), резкое изменение походки и темпа ходьбы, необходимость использования сложных вспомогательных средств передвижения (костыли, ходунки, коляски). На протяжении двух недель им было предложено прослушивание дома одного из двух сеансов эриксоновского гипноза не реже 1 раза в сутки. Длительность каждого сеанса - не менее 20 минут.

Все сеансы записаны на профессиональной студии звукозаписи. Сеансы гипноза имели классическую структуру: наведение транса, его утилизация и дегипнотизация, возвращение в ясное и бодрствующее состояние сознания, для наведения транса были использованы следующие психотехники: наведение транса через естественные трансовые состояния, техника 5-4-3-2-1, техника вставных сообщений, техника перекрывания реальности, техника «забалтывания» и перегрузки сознания. Для утилизации транса были использованы вставные сообщения и метафоры. Для каждого сеанса была специально написана музыка, которая соответствовала сценарию текста, в которую были включены естественные звуки природы, ритм музыки соответствовал сердечному ритму человека, находящегося в покое (60 ударов в минуту).

Обработка текстов с помощью лингвистической программы «ВААЛ», выявила следующие эмоциональные фоносемантические оценки по биполярным шкалам: тексты сильные по своему воздействию, они производили фоносемантическое впечатление чего-то сильного, большого, холодного, простого, злого, могучего. Такая оценка означает, что текст по своим фоносемантическим характеристикам совпадает с универсальными суггестивными текстами (например, заговоры, молитвы и сеансы гипноза). Специально подобранные метафоры с одной стороны служили для наведения транса (так как описывали естественные трансовые состояния), а с другой стороны – позволяли решить ряд проблем: обретение чувства спокойствия, гибкость в достижении цели, уверенное поведение, физическое оздоровление, повышение самооценки.

Исследование проводилось с использованием аппаратно-программного психодиагностического комплекса «Мультитсихометр-05» в течение 14 дней с использованием следующих тестов: Тест цветовых выборов методом «парных сравнений» по Люшеру, в тестовой интерпретации К.В.Сугонява; Шестнадцатифакторный личностный опросник в адаптации К.В.Сугоняева и В.Н.Сачкова.

Исследование показало, что у пациентов после сеансов гипноза существенно снизился уровень тревожности ($p < 0,01$) и усталости ($p < 0,01$), а также значительно повысились уровень эмоциональной устойчивости ($p < 0,05$) и уровень самооценки ($p < 0,05$). Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что использование дистанционных методов психотерапии при реабилитации людей с ограниченными возможностями жизнедеятельности может быть эффективным.

Возможности нейропсихологической коррекции в детском возрасте

Корнеева В.А.

Российская мед. Академия последипломного образования, Москва

В связи с тем, что в последнее время наблюдается ухудшение состояния психического здоровья подрастающего поколения, в чем немалую роль играет рост минимальной мозговой дисфункции (которая обнаруживается у большинства новорожденных), проявляющейся в негативно- и продуктивно-дизонтогенетических нарушениях доклинического и клинического уровня, нейропсихологическое обследование и соответствующая сенсомоторная коррекция могут стать необходимой профилактической процедурой в обязательном педиатрическом обеспечении. И уж во всяком случае – базисным компонентом большинства интегративных методик клинической психотерапии детей и подростков.

При проведении нейропсихологической диагностики на выборке детей 6–7 лет, имеющих трудности обучения в начальной школе, были выявлены

те или иные проблемы, связанные с дефицитностью или несформированностью определенных функциональных блоков мозга. Предлагаемая нами коррекционная программа является одним из необходимых компонентов при работе с данной категорией пациентов. Она базируется на «Комплексной методике психомоторной коррекции» (Авторы Е.А.Воробьева, к.п.н. А.В.Семенович, к.м.н. Б.А.Архипов, к.п.н. Л.С.Назарова, В.М.Шегай под ред. А.В.Семенович) Эта программа методологически опирается на представления А.Р.Лурия о закономерностях развития в иерархическом строении мозговой организации ВПФ в онтогенезе, в том числе о возможностях “замещающего онтогенеза”; а методически – на адаптированный вариант телесно-ориентированных, этологических, театральных и иных психотехник применительно к детскому возрасту. Позитивный регресс в нейропсихологической коррекции заключается в возврате (без редукции достигнутого уровня актуального функционирования) к экстериоризированным, внешним по форме и опосредованным по структуре ВПФ и развернутому характеру их протекания в предметной деятельности. Это обеспечивает обоснованную возможность заново сконструировать и построить несформированную или нарушенную ВПФ сначала во внешней, материальной форме (“на рабочем столе”), а затем постепенно сократить ее, автоматизировать и перевести на уровень “в уме” (Цветкова Л.С., 1998).

“Методика” построена как трехуровневая система в соответствии с этапностью развития пространственно-временных (нижне-верхних, право-левых; задне-передних) координат психической деятельности в онтогенезе, в том числе его телесности.

Первый уровень, названный “уровнем активации, энергоснабжения и стато-кинетического баланса психических процессов” направлен на элиминацию (исключение) дефекта и функциональную активацию подкорковых образований головного мозга. Он включает дыхательные упражнения, самомассаж, обучение релаксации и регуляции тонуса, снятие локальных мышечных зажимов, тренировку равновесия, развязку синкинезий, развитие целостного образа тела. В качестве вспомогательных приемов предлагается использовать музыкальное и цветное сопровождение, ароматерапию.

Второй уровень – “уровень операционального обеспечения сенсомоторного взаимодействия с внешним миром”, имеет своей мишенью стабилизацию межполушарных взаимодействий в контексте формирования синтетического пространственного поля из зрительных, осязательных, проприоцептивных, слуховых и вестибулярных компонентов. На этом уровне осваиваются упражнения на развитие чувства ритма, перцептивных и мнестических возможностей, формирование пространственных представлений, динамическую организацию двигательного акта, развитие одновременных и реципрокных сенсо- моторных взаимодействий, ловкости, внимания.

Третий уровень – “уровень произвольной регуляции и смыслообразующей функции психомоторных процессов”, ориентирован на формиро-

вание оптимального функционального статуса передних (префронтальных) отделов мозга. Используются игры по правилам и ролевые игры, отрабатываются коммуникативные навыки, развиваются произвольное внимание и память, синестезии и произвольная саморегуляция. Закрепление приобретенных навыков осуществляется с помощью бихевиоральных приемов.

Программа рассчитана на 9 месяцев. Регулярность занятий с психологом 2 раза в неделю. Самостоятельная работа дома – ежедневно! Первые три - четыре месяца рекомендуются индивидуальные занятия, в дальнейшем – групповые (если не имеется индивидуальных особенностей развития, требующих изменить данную схему.)

Упражнения, используемые в методике, направлены на функциональную активацию стволовых и подкорковых образований головного мозга, стабилизацию межполушарных взаимодействий, формирование оптимального функционального статуса передних отделов мозга. Предлагаемые детям упражнения имеют лишь условное разделение по своему назначению, так как, исходя из концепции А.Р.Лурия, все три функциональные блока мозга работают в единой системе, поэтому невозможно представить себе какую-либо произвольную деятельность, задействующую лишь один блок. Но, опираясь на представления об определенных этапах в развитии пространственно– временных аспектов психической деятельности человека, в том числе его телесности, мы считаем, что порядок предъявления ребенку упражнений должен соответствовать схеме «лежание – сидение – ползание – стояние – хождение». В зависимости от результатов предварительной диагностики (с использованием методик нейропсихологического исследования), набор предлагаемых ребенку заданий может варьироваться, дополняться или сокращаться.

Предложенная программа апробирована на значительной выборке детей, имеющих различные резидуально- органические нарушения НС и имеет значительный коррекционный эффект. Но необходимо отметить, что после окончания занятий по данной методике некоторым детям рекомендуется дополнительно пройти сеансы семейной групповой поведенческой или индивидуальной когнитивной терапии. Это обусловлено тем, что в течение предыдущей социальной и учебной деятельности до занятий по коррекционной программе а) ребенок и его ближайшее окружение усвоили множество патологических стереотипов взаимодействия, возникших вследствие нейропсихологических проблем ребенка, б) часть сведений и навыков, необходимых для успешного освоения школьной программы были ребенком на первых этапах обучения либо вообще не освоены, либо освоены в искаженном виде (здесь предпочтительнее индивидуальные занятия с педагогами по восполнению пробелов по конкретным школьным дисциплинам).

Четырехролевая модель "виктим-комплекса" в психологии христианского архетипа

Кузнецова С.Б.,
г. Москва

Актуальность данной темы обусловлена частотой появления темы жертвенности в работе практического психолога. Не случайно в психологии 20 столетия образовалось целое научное направление для изучения состояния жертвенности – виктимология. Для решения проблем "виктим-комплекса" при консультировании и психотерапии в настоящее время используются различные подходы, определенные той или иной модальностью. В настоящей статье вопросы виктимологии рассматриваются с точки зрения аналитической психотерапии, которая предполагает наличие основания, модели, базового сценария, уходящего корнями в культуру, историю этноса, которые определяют глубинное течение психических процессов и порой порождают переживание проблемных ситуаций индивидом.

Юнгианский аналитик Эдвард Эдингер подчеркивает, что тема жертвенности и «распятие – это *действительно* главный образ в западной психике» современного человека, тогда как «во времена *зарождения* Христианской церкви этот образ отсутствовал» как главный центральный образ, выражающий тему духовного развития. Зададимся вопросом: что же произошло в бессознательной области психики западного человека за прошедшие 2 тысячи лет, с тех пор как «распятие» расположилось в центре? По выражению Карла Юнга «то, что произошло в жизни Христа, случается [теперь] везде и всюду. В рамках христианского архетипа можно себе представить любую подобную судьбу» И действительно, психологи в XX столетии обнаружили, что в бессознательной области психики человека христианской религиозной культуры имеется так называемый «драматический треугольник»: жертва-спасатель-преследователь. В частности, основатель транзактного анализа Эрик Берн пишет, что «драматический треугольник» является основой сценария жизни многих современных людей. В прошедшее столетие этот «драматический треугольник» достаточно подробно изучался на примере многих психотерапевтических работ за рубежом, а затем и в России. За весь период обращений и исследования этой темы термин «драматический треугольник» прочно укоренился в психологии.

В ходе работ с бессознательной областью психики клиентов в рамках субъектного трансмодального подхода, применяя методы холодинамического консультирования и психотерапии, автору статьи удалось обнаружить, что модель комплекса жертвы, которая в психологии 20 века представлялась состоящей из трех ролей, на самом деле не полная. Действуя в лучших традициях аналитической психологии, автор стала подробно изучать первоисточники, обращаясь непосредственно к культурно-историческому содержанию рассматриваемой темы.

При внимательном прочтывании библейских сюжетов все больше прояснялась ситуация ролевой расстановки в христианской модели жертвенности. Евангелие от Матфея (Глава 26; 57-59). «Взявшие Иисуса отвели Его к Каиафе первосвященнику, куда собрались книжники и старейшины»; «Первосвященники и старейшины и весь синедрион искали лжесвидетельства против Иисуса, чтобы (затем) предать Его смерти». То есть Христа не сразу повели на казнь, по священному сюжету есть целая история о том, как его перед распятием-казнью судили. Тщательно изучая Библию, можно поставить ряд уточняющих, проясняющих вопросов. Первый вопрос: кто, за что и как именно судили Христа? И второй вопрос: кто и как Христа казнил?

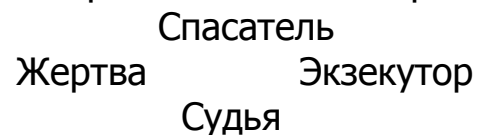
Изучая богатейший историко-культурный материал на основе текстов священного писания, а также икон, фресок церквей и монастырей, картин известных художников можно ясно представить себе как это было. Суд иудеев (народа и синедриона) стал одним из сюжетов Страстного цикла уже в первые века христианства. Все четыре Евангелия (от Луки, Марка, Матфея и Иоанна) подробным образом описывают судебный процесс над Христом. Причем состоялся суд именно Синедриона иудеев, а римский наместник, римлянин Понтий Пилат трижды предлагал отпустить Христа, так как не усматривал в его действиях вины и нарушения светских законов, но под давлением Синедриона отдал распоряжение о казни Христа. За что именно Синедрион осудил Христа, можно понять из текста Библии: за действия в нарушение старых религиозных законов, пронизывающих экономическую и бытовую основу жизни древних иудеев, а также в связи с недостаточно почтительным Его отношением к прежним святыням. Так, например, иудеи свято чтит ветхозаветных пророков, а Христос стал говорить о том, что вот «во дни [пророка] Илии сделался большой голод и к одной только вдове в Сарепте Сидонскую был послан Илия. Много также было прокаженных в Израиле при пророке Елисее и ни один из них не очистился, кроме Неемана Сириянина. Услышавши это, все в синагоге исполнились ярости и выгнали его вон из города и повели на вершину горы, чтобы свергнуть Его. Но Он прошед среди них, удалился», - от Луки (3: 23; 4:16,24,28). Или другой пример, Христос стал нарушать священную заповедь иудеев, касающуюся субботы, стал исцелять и работать в субботу. «И сказал им: Сын Человеческий есть господин и субботы...Они же пришли в бешенство и говорили между собою, что бы им сделать с Иисусом», - от Луки (6:5,11). Все эти речи и действия Христа вызывали, как видно из Библии, ярость и бешенство всех приверженцев старой веры и в результате «Фарисеи, вышедши, немедленно составили совещание против Него, как бы погубить Его», - от Марка (3: 6).

Приводили же приговор в исполнение римские легионеры. Римские воины, распяли Христа вместе с двумя другими осужденными. При этом никаких личных претензий у римлян к Христу не было. Пилат, действовал как представитель светской власти и привел в исполнение решение Си-

недриона иудеев. Здесь совершенно четко видно, что роли судьи и экзекутора четко разделены, разведены по многим признакам.

Выводы: Суд над Христом – важный этап всего священного процесса: спасения - проповедования новых законов и критике старых, суда синедриона, затем восхождения Его на крест – жертвования собой и последующего преображения Спасителя. Как ясно видно из Библии в парадигме христианства, прежде чем жертва, становится жертвой, над ней совершается суд. Причем, на суде человек еще не жертва он подсудимый, он обвиняемый и может быть приговорен к наказанию или с него снимается обвинение. Таким образом, если с психологической точки зрения внимательно изучать Библию, Евангелие, историю жизни и смерти Христа, то четко видна роль судьи.

В психологии XX столетия осталась незамеченной эта существенная роль христианской модели жертвенности. Процесс суда и роль судьи остались погруженными в бессознательное и оказались полностью в теневой части. Целостная же модель комплекса жертвы христианской эпохи содержит не три, а четыре действующие роли: спасатель – судья – жертва – экзекутор, которые образуют крест – сакральный символ Христианства:

Теперь, если рассмотреть подробнее течение в психике проблематики комплекса жертвы с учетом четвертой роли под названием - «Судья», то действие четырех ролей во временном аспекте можно ранжировать с точки зрения ментально-духовного и физического уровня. Первый момент времени - это уровень принятия решений. Здесь на ментально-духовном уровне принимаются решения, действуют роли «Спасатель» и «Судья». Второй момент времени - уровень физической реализации, когда ранее принятые решения получают физическое воплощение, действуют роли «Экзекутора» и «Жертвы».

Следует отметить, что каждая из четырех ролей представлена определенным стереотипом поведения и соответствующим ему стереотипом эмоциональной реакции. Такое стереотипное поведение и эмоциональное реагирование может возникать в любых жизненных ситуациях индивида несущего в себе модель жизни Христа как центральный психологический мотив, выражающий тему духовного развития.

Рассмотрим подробнее психологические особенности роли «Судья». Она существенно связана с прежним опытом как родовым, так и индивидуальным, так как несет в себе ставшие привычными и традиционными внутриличностные установки, правила, нормы поведения и мышления, определенный зафиксированный взгляд на жизнь. Также роль судьи ориентирует индивида к односторонне критическому восприятию, постоянной оценивающе-сравнивающей позиции с имеющимся «эталонном» правильного по-

ведения, мышления и т.д. При недостаточном развитии функций креативности, творчества и синтеза идентификация с этой ролью становится источником постоянного осуждения, обвинения, отказом посмотреть на жизнь свежим, новым взглядом. Порой устойчивое проблемное проявление комплекса жертвы было связано именно с ролью судьи, которая по смысловому контексту сопряжена с инстанцией "Супер-Эго" личности, наполненным стремлением удерживать всю систему личности в устойчивом, привычном, контролируемом состоянии. С одной стороны такое состояние дает ощущение стабильности, а с другой стороны становится препятствием на пути изменений и позитивной трансформации личности. Переживание судейской роли, как правило, связано с предъявлением претензий, требований к окружающим, также обвинением и осуждением, а при не выполнении требований переходит в состояние обиды, (скрытая попытка манипуляции), дистанцирования от контактов и ощущения горечи от одиночества.

Для оставшихся трех ролей, характерны следующие модели эмоционально-ролевого поведения. Спасатель – переживание чувства долга, забвения себя и своих интересов, гиперответственность, которые периодически перерастают в ощущение глубокой усталости и опустошенности. Экзекутор – переживание чувства злости, раздражения, гнева, потребность выразить их внешне агрессивным способом и следующего за этим страха последствий за содеянное. Жертва – переживание чувства вины, неполноценности, грешности, слабости, незащищенности, боли.

Эго-личности может иметь разные виды идентификации по ролям виктим-комплекса. Возможна жесткая идентификация Эго с одной из ролей, а три другие роли остаются в теневой части и проецируются на окружающих людей. Соответственно вероятны четыре варианта такой однополярной, одноролевой идентификации. В случаях такой узкой жесткой привязки Эго события жизненного опыта индивида, выражающие проблематику виктим-комплекса, разворачиваются с наибольшей силой и остротой, когда жизнь проживается с особым пафосом под одним из четырех девизов: «Я-Жертва!» (Я виновен и единственное, что мне остается, жертвовать собой, заглаживая вину и очищаясь от грехов! Бейте же меня!). Или «Я-Спасатель!» (Везде и всегда буду всех спасать, таково моё высшее предназначение в этой жизни!). Или «Я-Судья!» (Я всем вам Судья, я всех вас выведу на чистую воду!). Или «Я-Экзекутор!» (Мир и все люди погрязли в грехах, и я есть орудие очищения этого мира от скверны!).

Может также иметь место идентификация с двумя ролями, когда две оставшиеся роли погружены в теневую часть психики. Здесь вероятны следующие шесть вариантов ротационной идентификации. Если Эго-идентификация происходит с ролями жертва+спасатель, то человек живет под девизом: «Жертвуя собой, я вас спасаю!»; если с парой ролей судья+жертва, то под девизом: «Вы виноваты в том, что я жертва!»; если с парой жертва+экзекутор «Я грешен и сам себя накажу за это!»; с парой

эксекутор+спасатель - «Наказывая тебя, я тебя спасаю!»; с парой судья+эксекутор – «Ты осужден и будешь наказан!»; с парой спасатель+судья – «Ты грешник, а я тебя спасаю!».

Идентификация Эго с тремя ролями, когда одна из ролей остается в теневой части может быть представлена одним из следующих четырех вариантов. При идентификации Эго с ролями спасатель+судья+жертва, жизнь проходить под девизом: «Я вас спасаю грешных, жертвуя собой!»: при идентификации с ролями судья+эксекутор+спасатель – «Грешники! Наказывая вас, я вас спасаю!»; спасатель+жертва+эксекутор - «Я вас спасаю, жертвуя собой, но вы мне за это ответите!»; судья+эксекутор+жертва – «Я сам себя принесу в жертву, ибо грешен мир и люди!»

И, наконец, Эго личности может идентифицироваться с каждой из четырех ролей комплекса, максимально включаясь в процесс ролевой ротации. В зависимости от текущего акцента на той или иной роли, возможны разные оттенки девиза: «Я вас спасаю грешных, жертвуя собой, но вы мне за это сейчас ответите »

Практическое применение данного четырехролевого подхода позволяет достигать большей эффективности в разрешении проблем личности, коренящихся в модели виктимности. Повышение эффективности является результатом того, что по ходу работы происходит ослабление жесткой судебной инстанции, а также перенаправлением потока явной или имплицитной агрессии в конструктивное русло. Это, как правило, сопровождается появлением большей гибкости, открытости к новой информации, что является существенным фактором адаптации и психологического здоровья в современном быстро меняющемся мире.

Гендерная идентичность как проблема психологического консультирования

Е.В. Кулаева.

Ярославский гос. университет им. П.Д. Демидова.

Актуальным направлением современных психологических исследований является гендерная проблематика. По мнению Е.П. Ильина, невнимание к половому составу экспериментальных групп может приводить к противоречивым результатам и выводам в экспериментах, проводимых по одной методике, в зависимости от того, кто преобладал в выборке – мужчины или женщины. (4) С точки зрения Левинсона Д., Стюарт В., Фарст К., Адамс Д. способы проживания жизни мужчин и женщин в зрелом возрасте отличаются настолько, что имеет смысл говорить не о личностных или возрастных, а о гендерных особенностях. Крайг пишет, что мужчины проживают взрослую жизнь достаточно однозначно, а у женщин на этом этапе много трудностей: женщин острее чувствуют конфликт между карьерой и

семьей, чем мужчины, к тому же представление мужчин о своем будущем положении и о том мире, который их будет окружать, обычно проще и не столь разнородны, как у женщин, а женщинам, именно вследствие разнородности их устремлений, значительно труднее достичь своих целей, чем мужчинам, это ведет к наличию определенных внутриличностных конфликтов у женщин. (5) Таким образом, женщины являются более проблематичными с психологической точки зрения, что подтверждается и практикой оказания психологической помощи – женщины обращаются за ней значительно чаще, чем мужчины. Именно эти факты и заставили нас в качестве объекта исследования выбрать женский контингент.

Проблема самоактуализации личности в процессе выстраивания своего профессионального пути в современной психологии представлена различными теоретическими подходами и конкретными исследованиями. Один из аспектов изучения профессионального самоопределения связан с гендерными установками в профессиональной деятельности. Формирующая сила культурных ожиданий находит свое отражение в особенностях профессионального поведения, как мужчин, так и женщин. Сегодня значительное число женщин уделяет большое внимание выстраиванию своего жизненного пути и профессиональной карьере как его неотъемлемой части. Амбициозность, независимость, активность, стремление к достижениям – все эти качества, в патриархальной среде неприемлемые, становятся довольно распространенными в характере поведения современной женщины. (2)

Расширение представлений общества о возможности реализации женщиной своих возможностей не только в семейной, общественной, но и в политической и профессиональной сферах, позволило значительной части женщин освоить ряд профессий, связанных с управлением (управление организацией, людьми, капиталом, различные политические государственные должности). Особенно много женщин руководителей в образовательных учреждениях.

Гендерная идентичность и развитие в ходе профессионализации тесно и сложно переплетены: идентичность, с одной стороны, формируется в процессе социального и профессионального развития, с другой, выступает одним из важных показателей становления личности профессионала. В практическом плане это значит, для того, чтобы выжить в новых динамичных социально-экономических условиях, выдержать конкуренцию, обеспечить благополучие своих близких и обеспечить стабильность на будущее, современный профессионал должен быть способен к постоянному развитию и анализу своего места в социальной и профессиональной среде (3).

Гендер является одной из базовых характеристик личности, обуславливающих психологическое и социальное развитие человека. Многокомпонентная структура гендера определяется четырьмя группами характеристик: биологический пол; гендерные стереотипы; гендерные нормы и гендерная идентичность.

Гендерная идентичность многими исследователями понимается как аспект самосознания, описывающий переживание человеком себя как представителя определенного пола. Гендерная идентичность является одной из базовых характеристик личности и формируется в результате психологической интериоризации мужских или женских черт, в процессе взаимодействия «Я» и других, и в ходе социализации. Гендер в субъективном сознании личности предстает как усваиваемая в процессе социализации система представлений о себе как о «мужчине» или «женщине». В постоянном «соотнесении себя» с гендерным стереотипом часто понимаемом в качестве эталона (идеального, желаемого образца) человек утверждает во взаимодействии (в обществе) как мужчина или как женщина.(2)

В научной литературе все больше говорят об учете специфики профессионализации мужчин и женщин. Хотя в настоящее время интерес к данной проблеме стремительно возрос, она начинает рассматриваться в экономическом, правовом, политическом контекстах, но необходимо учитывать гендерные особенности в психологическом консультировании сотрудников организаций.

Женщины в работе часто сталкиваются с трудностями. Часто сотрудники не признают их в качестве лидеров, а мужчины противостоят им. Женщины сталкиваются с большим препятствием для карьерного роста, чем мужчины. А также существует возможность гендерных конфликтов в организациях – например, между женщиной-начальником и мужчиной-подчиненным, который не признает за ней права руководства, поскольку она женщина. Оценка эффективности работы женщин происходит по мужским критериям, что приводит к навязыванию женщинам маскулинного делового стиля. Но появление большого числа женщин в деловом мире меняет отношение к маскулинным ценностям, и они все чаще подвергаются переоценке.

В рамках различных исследований выявлено, что мужская роль традиционно считается инструментальной и деятельной, а женская экспрессивной и коммуникативной. В ходе экспериментальных исследований было установлено, что мужчинам свойственен инструментальный стиль (ориентация на решение проблемы), а женщинам – более экспрессивный, эмоциональный - склонность к концентрации на чувствах, эмоциональность, стремление к проявлению эмоций и разделению их с другими.(1) Однако, существует мнение, что женский стиль работы оказывается более гибким, женщины более открыты и общительны, чем мужчины. Мужчин часто увольняют с руководящих постов из-за недостаточной гибкости в отношениях с подчиненными, в то время как женщин обычно хвалят за их хорошее взаимодействие с персоналом. Таким образом, по исследованию Ильина Е.П. «настоящая женщина» получается достаточно слабой, уязвимой, неуравновешенной, несколько импульсивной, а «настоящий мужчина», наоборот – сверхнормален, эмоционально устойчив и абсолютно доволен собой. (4)

В нашей работе изучается взаимосвязь гендерной идентичности и направленности на профессиональное развитие женщин, работающих в различных организациях. Для определения специфики гендерной идентичности работающих женщин нами были использованы следующие методики: «Маскулинность – фемининность» С.Бем, методика исследования самоотношения (МИС) С.Р.Пантелеева, методика «Базовые стремления» О.И.Моткова. В частности исследование показало, что андрогинным женщинам свойственно более высоко оценивать себя, им характерно высокая степень самообвинения, саморуководства и внутренней конфликтности, а также более низкий уровень внутренней гармоничности, в отличие от женщин с фемининной направленностью. У фемининных женщины выявлен более высокий уровень закрытости в отношениях, положительное отношение к себе, высокий уровень внутренней гармоничности личности и низкий уровень самообвинения. Дальнейшее исследование будет направлено на более глубокий анализ соотношения гендерной идентичности и направленности на развитие у женщин, работающих в организациях.

Литература:

1. Бендас Т.В. Гендерная психология: Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2006.
2. Берн Ш. Гендерная психология. СПб.: прай-ЕВРОЗНАК, 2001.
3. Иванова Н.Л. Социальная идентичность и профессиональное становление личности. Ярославль, 2005.
4. Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчин и женщин. – СПб.: Питер, 2002.
5. Крайг Г. Психология развития. – С-Пб.: Питер, 2000.

Исследование влияния групповых средств на становление идентичности личности

Л. Д. Межеричкая
Сибирская Академия Госслужбы, г. Новосибирск

Введение. Быстрые перемены в окружающем мире, изменение социальных стереотипов, ценностей и норм поведения порождает у современного человека целый ряд внутриличностных проблем, связанных с тем, что индивидуальное сознание не может столь же стремительно преобразовываться. Чтобы эффективно взаимодействовать с окружающим миром, человеку необходимо проверять и изменять представления о самом себе, своих возможностях, способностях и ролях, о своём месте в социальных отношениях. При неумении индивида делать это возникают предпосылки к появлению кризиса идентичности. В обществе существует и растёт запрос на психологическую помощь в формировании стабильной идентичности.

Особенно это актуально для молодых людей, получающих образование и ещё не нашедших себя в профессии. Помощь в становлении идентичности может осуществляться как индивидуальными средствами (кон-

сультации), так и групповыми (психотренинговые группы). Важным представляется проведение таких групп с лицами, обучающимися по специальностям медицинского и психологического профиля, т.к. они через некоторое время станут специалистами, призванными оказывать профессиональную помощь.

В нашей работе *идентичность* понимается как постоянная, динамичная, связанная с биологическим и социальным контекстом существования индивида гипотетическая структура, элементами которой являются *самоопределения* – принятые человеком представления и суждения относительно себя и своей жизни [1].

В литературе описаны разнообразные модели развития и становления идентичности личности: по параметрам осознанности - неосознанности (Э.Эриксон, Д.Марсиа, 1980; Д.Мид, 1975; Л.Краппман, 1969), по степени развития самосознания, самоотношения и самооценки (Д.Мид, 1974; К.Джеймс, 1991; К. Роджерс, 1999), по путям развития - присваиваемая или конструируемая, достигаемая, т.е. зрелая (Д.Марсиа, 1970; Д.Мэллори, 1989), по направлениям развития – линейная или нелинейная (А.Ватерман, 1982), по направлениям взаимодействия – с социальным окружением или с собой (А.Штраус, 1968), по направлениям психологической помощи в периоды личностных кризисов (Н.В.Дмитриева, Н.Н.Гунгер, 2005) и т.д. Можно отметить, что в становлении стабильной идентичности многие авторы выделяли свои структурные параметры. В нашем исследовании изучались изменения параметров идентичности на когнитивном, эмоциональном и ролевом уровнях у молодых людей, посещавших занятия психотренинговой группы.

Цель работы заключалась в определении влияния групповых психологических средств на становление стабильной идентичности у лиц возраста юности и ранней зрелости. **Объектом** исследования являлась идентичность личности. **Предметом** исследования выступали групповые психологические средства становления идентичности у лиц возраста юности и ранней зрелости, получающих гуманитарное высшее образование.

Гипотеза исследования заключалась в следующих допущениях: становление идентичности личности может носить стабильный или кризисный характер; факторами, способствующими эффективному разрешению кризиса и становлению стабильной идентичности личности могут выступать групповые психологические средства – психотренинговые группы. К признакам становления идентичности личности можно отнести на эмоциональном уровне - удовлетворённость процессом жизни и развитие социального интереса, на когнитивном - право на выбор и смену форм деятельности (мораторий) и появление большего числа согласованных самоопределений, (например, определение «Я-хозяин жизни» согласуется с определением «Я принимаю условия жизни, если не могу изменить их»), а на ролевом уровне – освоение новых социальных и личных ролей.

Цель работы определила основные **задачи** исследования:

1. экспериментально определить влияние групповых средств (тренинговой группы, основанной на методах психодрамы и гештальта) на становление структуры идентичности личности;

2. описать и реализовать в практической работе программу психотренинговой группы, способствующей психологическому формированию идентичности личности у молодых людей.

Для диагностики психологических изменений в эксперименте использовались следующие **тестовые методики**: методика смысложизненных ориентаций (СЖО) в модификации Д.А.Леонтьева, тест эго-идентичности (стандартизированное интервью Эриксона-Марсиа), минимизированный вариант в модификации Г.Аминева; шкала социального интереса Крэндалла SIS, минимизированный вариант в модификации Г.Аминева; тест установок личности на себя М.Куна, Т.Макпартлэнда; версия С многофакторного личностного опросника Р. Кэттела 16 PF, определяющая степень развития личностных качеств испытуемого по 16 биполярным факторам (чертам личности).

Проводилась **статистическая обработка** результатов экспериментального исследования с использованием U-критерия Манна-Уитни, коэффициента ранговой корреляции Спирмена, непараметрического критерия различий Т-критерий Вилкоксона.

Основные этапы исследования (2003-2007): *На первом этапе (2003 - 2004 гг.)* изучалась литература по проблеме исследования, анализировалась степень разработанности темы, уточнялись объект и предмет исследования, его цели, задачи, гипотезы и методы, формировался банк диагностических методик. Было проведено пилотажное исследование с целью проверки обоснованности выбранных тестовых диагностических методик.

На втором этапе (2004 – 2005 гг.) было проведено экспериментальное исследование, в ходе которого изучалось оптимальное *терапевтическое* применение групповых средств становления идентичности личности у молодых людей, получавших высшее гуманитарное образование. Была разработана и реализована на практике программа групповых психологических мероприятий (занятий тренинговой группы), способствующая становлению идентичности личности.

На третьем этапе (2006 - 2007 гг.) производилась обработка полученных теоретических и экспериментальных данных, их анализ и интерпретация; были сформулированы основные выводы исследования. Завершающий этап состоял из литературного оформления работы, её обсуждения, а также из определения перспективных направлений дальнейшего изучения проблемы.

Экспериментальная база исследования: учебные группы Новосибирской государственной медицинской академии, Новосибирского государственного педагогического университета.

Обоснование методов. За основу групповых занятий были выбраны методы психодрамы и гештальта. Психодрама была выбрана нами как

метод, основанный на действиях и межличностном взаимодействии людей, метод, развивающий спонтанность – способность человека создавать самопроизвольные ответы, формы поведения, адекватные появляющимся ситуациям. Становление идентичности – это творческое соединение внешних ролей и внутренних самоописаний в согласованную систему. Психодрама позволяла моделировать и материализовывать в группе разнообразные системы самоописаний участников, при необходимости терапевтически изменяя их.

Метод гештальта ориентирует личность на расширение осознания, развитие автономности и ответственности за свои выборы и поведение. Благодаря техникам гештальта участники учились отделять «фигуру» (важные и значимые события своей жизни и взаимоотношения) от «фона» (менее важной информации), учились обнаруживать свои «незавершенные гештальты» - незаконченные дела, отношения, противоречивые мысли и чувства.

Описание эксперимента. Для выявления эффективности влияния психотренинговой группы на изменение компонентов в структуре личностной идентичности были созданы экспериментальная (ЭГ) и контрольная (КГ) группы однородного состава (юноши и девушки в возрасте от 17 до 27 лет, получающие высшее гуманитарное образование). Всего в формирующем эксперименте участвовало 36 человек. Каждая группа состояла из 18 человек. В начале учебного года обе группы выполнили диагностическую батарею тестов, определяющих содержание ряда параметров идентичности, на когнитивном, эмоциональном, ролевом уровнях. Испытуемые экспериментальной группы посещали занятия психотренинговой группы. К испытуемым контрольной группы психологические средства не применялись. Перед окончанием учебного года было проведено повторное тестирование. Результаты статистической обработки данных показали, что в экспериментальной группе произошли достоверные изменения показателей идентичности по параметрам «Осмысленность жизни», «Интерес и эмоциональная насыщенность жизни», «Локус контроля – жизнь», «Социальные роли», «Личные роли». В контрольной группе такие изменения обнаружены не были.

Оптимальным форматом проведения группы оказались встречи 1 раз в неделю по 3 часа, с перерывом в 10 минут. Продолжительность всего цикла определялась изменениями в состоянии участников и в среднем составляла 14 занятий. Во время занятий разыгрывались актуальные жизненные ситуации участников, молодые люди принимали на себя разнообразные личные и социальные роли. Следующий за действием этап обмена чувствами (шеринг) помогал выразить эмоциональную оценку происходящего. Т.е. происходило многократное, как в зеркале, «отражение себя в других» - на когнитивном, эмоциональном и ролевом уровнях. В промежутках между встречами участники группы осмыслили и рефлексировали это новое для них состояние.

Другими словами, их идентичность изменялась в процессе взаимодействия друг с другом. Это происходило, с одной стороны - в рамках существующих в обществе (институализированных) статусов (например, молодой человек - член группы – студент – будущий врач/психолог). С другой стороны – в рамках имеющегося индивидуального восприятия себя (например, застенчивый – способный преодолеть робость – согласившийся играть роль – получивший развивающий эмоциональный опыт).

Важно упомянуть, что процесс изменения идентичности происходил постепенно (психотренинговая группа работала в течение нескольких месяцев) и на фоне стабильности окружения, «социальной истории» участников – все они учились или работали, не меняя места жительства и круга общения.

Следует также отметить, что взаимодействие в группе имело свои особенности. Во-первых, оно определялось принятыми на первом занятии правилами (например, высказываться из «Я», т.е. только от своего имени, запрет на когнитивные оценки слов и поведения других участников, правило «стоп» - право не выполнять упражнения, иногда пребывая в группе в роли наблюдателя). Во-вторых, благодаря выбранным за основу ведения методам гештальта и психодрамы, на занятиях поощрялись экспрессивные формы самовыражения, двигательная активность. Специальными приёмами (обмен ролями, дублирование, монолог в сторону, «зеркало») активировались эмоциональные процессы участников.

Как известно, в целях приспособления к различным ситуациям Я-концепция регулирует поведение человека, делая более выраженным осознание либо социального, либо личностного аспектов [2]. Молодым людям приходилось приспособливать своё восприятие к меняющимся ситуациям как через актуализацию как личностной, так и через формирование социальной идентичности. Т.е. один и тот же участник действовал на эмоциональном, когнитивном и ролевом уровнях как личность при актуализации в Я-концепции личностной идентичности (например, предложение себя на роль главного героя постановки, самораскрытие через личные высказывания). При актуализации социальной идентичности (например, принятие правил группы, определение групповой темы) он действовал как член социальной группы.

Выводы: Структура идентичности развивается на протяжении всей жизни человека, в соответствии с изменениями социального контекста. Находясь в содержательном измерении идентичности, человек усваивает понятия, нормы и правила, разнообразные социальные роли, одновременно он оценивает, определяет значимость и ценность новых и старых содержаний своей идентичности.

Участие молодых людей в психотренинговой группе, в которой в качестве групповых психологических средств используются методы психодрамы и гештальта, способствует процессу становления их идентичности

через завершение «гештальтов», расширение социального опыта, тренировку и освоение разнообразных социальных ролей.

Такая, «ориентированная на действие» и межличностное взаимодействие участников, группа способствует также развитию способностей, от которых зависит успешное становление идентичности - эмпатии, толерантности к противоречиям, способности к ролевому дистанцированию и эффективной самопрезентации.

Становится более осознанной и согласованной система самоописаний, повышается самооценка, и, в конечном итоге, адаптация личности к социальным взаимодействиям.

Литература:

1. Антонова Н. В. Идентичность педагога и особенности его общения. – М., 1996.
2. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В., Загоруйко Е.Н. Идентичность. Развитие. Перенасыщенность. Бегство: Монография. – Новосибирск, изд-во НПГУ, 2007. – С. 46.

Резонансный подход в транзактном анализе

Мехоношина Н.Г.

Пермский областной институт повышения квалификации
работников образования

В 2006-2007гг. разработан и опробован резонансный подход в транзактном анализе. Ключевые идеи данного видения психологической работы изложены ниже.

Теория и практика транзактного анализа (ТА) в современном виде во многом отличается от ТА двадцатилетней давности. Одной из важных позитивных черт ТА является его способность включать идеи и техники других направлений в терапии: гештальт-терапии, психоанализа, биоэнергетики, нейро-лингвистического программирования, теории систем и многих других областей в зависимости от образования и интересов терапевта. В результате этого современный ТА обладает большим и гибким набором техник, которые можно использовать в соответствии с потребностями клиента. Однако модель эго-состояний и теория жизненного сценария всегда лежат в основе организационных принципов, которыми руководствуются в ТА при использовании этих разнообразных техник и методик. В своей работе мы применяли различные техники, заимствованные из классического ТА, арт-терапии, психодраммы, подхода к исцелению детских травм М.Мюррей, гештальт-терапии и др.

В отношении позиции терапевта в процессе психологической работы использовались идеи резонансного подхода С.В. Петрушина, в соответствии с которым терапевт инициирует резонансные отношения с клиентом, «настраивается на его волну» и создает с ним так называемую «гиперличность». В результате психолог получает прямой доступ к подавленной

части личности клиента. В терминологии психоанализа этот процесс можно описать как отражение психологом бессознательного клиента, в терминологии гештальт-терапии клиент в рамках этой «гиперличности» отождествляется с фигурой, а психолог – с фоном.

Еще одной отправной точкой в нашей работе является системный, «организмический» взгляд на мир и человека. Для этого взгляда характерны два положения: 1) целое больше, чем сумма его частей; б) все части и процессы целого взаимовлияют и взаимообуславливают друг друга.

Конфронтация частей личности, эго-состояний, или игнорирование одной и/или двух из них, приводит к искаженному восприятию себя и реальности. Есть возможность самому обнаружить и откорректировать свои игнорирования с помощью Взрослого. Тем не менее, в мировосприятии человека могут быть отдельные аспекты, которые он в своем Ребенке воспринимает как особенно важные для своего существования, и их он будет защищать от изменений с удвоенной силой. Для того, чтобы изменения все же произошли, важно взаимодействие с терапевтом, которое не вызовет большого сопротивления и может дать эмоциональную поддержку Ребенку.

Целью своей работы мы ставили создание условий для того, чтобы участники группы, резонируя с каждым из эго-состояний, смогли ощутить возрастающий потенциал целостной личности. При этом эго-состояния понимаются нами не упрощенно: Ребенок – чувственное восприятие, Взрослый – это мышление, Родитель – чувство долга. В классическом ТА всем трем эго-состояниям присущи мышление, чувства и поведение. За простотой языка Э.Берна скрываются сложные психические процессы и явления. Родитель, Взрослый и Ребенок - не вещи, а названия. В. Джоинс привел красивую метафору «Поставить знак равенства между понятиями «структура» и «функция» все равно, что решить, будто колесо и вращение это одно и то же». Нами человек в целом понимается как процесс.

В группе каждый мог вступить в эмоциональный резонанс по очереди со всеми эго-состояниями, при этом психолог находился в резонансе с группой в целом, а при индивидуальной работе, с конкретным человеком. И это позволяло ему почувствовать, общий настрой группы, переживания конкретного человека. Через это чувствование организовывалось взаимодействие психолога и клиента с целью осознания игнорирования или конфронтации с какими либо частями личности. Например, что мешает человеку сейчас резонировать со своим внутренним Ребенком и заставляет его игнорировать эту часть своей личности в повседневной жизни. Э. Берн подчеркивал, что эго-состояния Родитель и Ребенок являются эхом прошлого. В Ребенке мы проигрываем поведение, мысли и чувства своего детства. В эго-состоянии Родителя мы проигрываем поведение, мысли и чувства, которые переняли в прошлом у своих родителей или замещающих их лиц. При «встрече» с этими эго - состояниями можно вспомнить свои детские решения, сложившиеся в жизненный сценарий, пережить и интегрировать детское горе, обиды, или

запреты родителей, с тем, чтобы при желании изменить негативные паттерны поведения, мыслей, чувств. От чувствования мы переходим на уровень рациональный, при этом реализуется один из важнейших постулатов ТА, что все люди «окей», психолог и клиент рассматриваются как стоящие на одном уровне, соблюдают принцип открытой коммуникации, который заключается в том, что говорят они на простом языке, используя обычные слова. Активизируя потенциал Взрослого, который реагирует непосредственно на ситуацию «здесь и сейчас», клиент может меняться не просто потому, что начинает понимать свои старые паттерны поведения, но и благодаря активному принятию решений к изменению этих паттернов.

Находясь в резонансе с клиентом, психолог создает целое, объединяющее пространство для совместной психологической работы. В эмоциональном резонансе находятся и все члены группы, что увеличивает общий энергетический потенциал. Кроме того, члены группы, находясь в резонансе друг с другом, представляют собой «отзывчивое» окружение, могут давать позитивные поглаживания, которые усиливают процесс изменения.

Использование резонансного подхода в ТА дает психологу:

- быстрый доступ к эго-состояниям;
- уменьшение сопротивления клиента;
- более эффективное использование ТА в групповой работе.

Участие в такой работе дает клиенту:

- быстрый доступ к эго-состояниям и осознанию их;
- более полное их проживание;
- получение эмоциональной поддержки от группы;
- стимуляция Взрослого к активным решениям.

Гендерные особенности удовлетворенности браком и ролевой адекватности супругов с разными типами жизненных ориентаций

Т.С. Мороз,
Г. Тула

Профессия и брак являются самыми важными показателями и условиями жизненного счастья человека. Но профессиональной деятельности он посвящает только часть своей жизни, а семья является его спутником с первых дней появления на свет и до последних мгновений земного существования. Именно семья дает возможность ощутить психологический комфорт, человеческое тепло и заботу, удовлетворенность жизнью.

Наука располагает обширной и достоверной информацией о характере семейных отношений в истории развития общества. Изменение семьи эволюционировало от промискуитета (беспорядочных половых связей), группового супружества, матриархата и патриархата до моногамии. Семья переходила от низшей формы к высшей по мере того, как общество поднималось по ступеням развития.

В России семейные отношения стали объектом изучения лишь в середине XIX в. Источниками исследования служили древнерусские летописи и литературные произведения. Историки Д.Н. Дубакин, М.М. Ковалевский и др. дали глубокий анализ семейно-брачных отношений в Древней Руси. Особое внимание уделялось изучению семейного кодекса «Домостроя»- литературного памятника XVI в., изданного в 1849г.

С середины 50-х гг. психология семьи начала возрождаться, появились теории, объясняющие функционирование семьи как системы, мотивы вступления в брак, раскрывающие особенности супружеских и родительно-детских отношений. Вопросами семейных отношений занимались такие психологи как Э.Г.Эйдемиллер, В.В.Юстицкий, А.А.Кроник, Е.А.Кроник, А.Г.Харчев, Н.Г.Юркевич, А.Н.Елизаров, Т.В.Андреева, Бакулина Ю.А., Карабаева О.А., О.В.Шишкина, В.Н.Дружинин, Л.Б.Шнейдер и др.

Брак определяется как комплекс духовно-этических и эмоционально-сексуальных санкционированных обществом отношений между мужчиной и женщиной. Семья же определяется как малая группа, сформированная на основе брачных отношений и объединяющая супругов и их потомство.

В последнее время появилось значительное количество исследований, посвященных проблеме удовлетворенности мужчин и женщин браком. Большинство специалистов определяют ее как внутреннюю субъективную оценку, отношение супругов к собственному браку. По данным Т.В. Андреевой и Ю.А. Бакулиной удовлетворенность мужчин и женщин браком в среднем одинаковая. В ряде исследований отмечается как совпадение, так и расхождение совместимых супругов по ряду личностных характеристик. Совместимость в большей степени определяется согласованностью семейных ценностей, ролей, жизненных позиций, мотивов социального поведения.

Удовлетворенность браком и гендерные и ролевые установки супругов связаны с уровнем психического и социального развития личности. В системе «человек – жизненная ориентация» возможны различные способы взаимодействия этих подсистем, но два основных – субъективный и объективный. На специфику жизненных ориентаций влияет целостность – дискретность восприятия своей жизни, локус контроля, общая направленность жизнедеятельности, с полюсами «от себя» и «к себе» и др. Содержание жизненных ориентаций определяет, как человек взаимодействует с жизненной ситуацией (трансситуационная изменчивость), кто осуществляет взаимодействие человека с жизненной ситуацией (трансситуационный локус контроля), в каком направлении осуществляется это взаимодействие (трансситуационное освоение мира), в каких условиях оно осуществляется (трансситуационная подвижность). Возможны различные варианты взаимодействия с жизненной ситуацией: изменяясь или стабилизируясь.

Трансситуационная изменчивость личности характеризует человека, стремящегося познать новое в окружающем мире, совершенствовать свой

внутренний мир, а также уделять достаточно внимания внешним средовым факторам своей жизни. Трансситуационная стабильность присуща индивиду, предпочитающему привычное, стремящемуся реализовать те возможности, которые имеются у него на сегодняшний день. Внутренний трансситуационный локус контроля отражает высокий уровень субъективного контроля над жизненными ситуациями, стремление управлять ими, планировать свою жизнь далеко вперед, замечать взаимосвязь собственных поступков и последующих событий. Внешний трансситуационный локус контроля характеризует человека, который придает в своей жизни больше значения случаю, судьбе, стечению обстоятельств и, следовательно, не планирует далеко вперед, не ощущает влияния своих поступков на последующие жизненные события, воспринимает свой жизненный путь как совокупность отдельных его моментов – внешних событий. Трансситуационное освоение внутреннего мира означает обращенность человека к своему внутреннему миру, стремление к внутреннему росту, самосовершенствованию, трансситуационное освоение внешнего мира предполагает стремление к самоосуществлению во внешнем мире, что сопровождается восприятием своей жизни как насыщенной событиями и нежеланием планировать свою жизнь в связи с акцентированием внимания на роли внешних обстоятельств. Трансситуационная подвижность характеризует стремление к активному движению, развитию, к жизненным переменам, трансситуационная инертность – пассивное следование в жизненном потоке.

Целью исследования стало выявление взаимосвязи жизненных ориентаций, гендерных и ролевых установок супружеских пар и удовлетворенности браком.

В основу исследования положена гипотеза о том, что удовлетворенность браком имеет взаимосвязь с психологическим полом, соответствием ролевых установок супружеской пары и с их показателями жизненных ориентаций: трансситуационной изменчивостью, трансситуационным локусом контроля, трансситуационным освоением мира и трансситуационной подвижностью.

Всего в эксперименте приняло участие 50 супружеских пар в возрасте от 20 до 65 лет. Для выборки в целом характерна определенная согласованность представлений о таких важнейших семейных ценностях как родительско-воспитательной, социальной активности и хозяйственно-бытовой.

Супруги демонстрируют рассогласование ожиданий и притязаний: жена ориентируется на активную эмоциональную поддержку, стремится реализовать свои профессиональные интересы, ожидая от мужа выполнения «женских» функций в семье, в то же время муж сохраняет традиционные представления о роли женщины в выполнении хозяйственно-бытовых функций.

Благополучные семьи отличаются от неблагополучных более согласованными показателями шкал семейных ценностей. Наиболее согласованными в благополучных семьях оказались представления о родитель-

ско-воспитательной ценности. В неблагополучных семьях можно отметить высокую рассогласованность в оценке интимных отношений, что свидетельствует о достаточно высокой конфликтности супругов.

В данной выборке преобладает андрогинный пол – 76%. Это особенно важно в свете того, что лица с андрогинным типом личности являются с более высоким уровнем социально-психологической адаптированности.

В целом средний общий показатель (O) – субъект-объектных ориентаций в жизненных ситуациях у мужей и жен одинаковый. Наиболее выражена объектная ориентация, следовательно, уже круг значимых переживаний и временной ретроспективы, а значит более характерно ощущение себя в качестве объекта действия других людей, обстоятельств и т.д., нежелание жизненных изменений и каких-либо изменений вообще, а также собственного участия в жизненных изменениях.

В результате эксперимента выявлена обратная статистически значимая взаимосвязь между показателями удовлетворенности браком и согласованности по шкале значимости сексуальных отношений в супружестве у женщин, т.е. чем больше согласованность супругов относительно сексуально-эротической функции, тем выше удовлетворенность браком. Лишь избирательные, стабильные отношения с постоянным партнером, выступающим как уникальная и неповторимая личность, создают условия для достижения наиболее полной сексуальной гармонии партнеров. Это характерно для *зрелой семьи*, так как понимание супругами ценности интимных отношений, как правило, формируется в процессе совместной жизни по мере достижения психосексуальной совместимости мужа и жены.

Обнаружена статистически значимая обратная взаимосвязь ролевой адекватности жены и удовлетворенности браком мужа в родительско-воспитательной функции, следовательно, соответствие ориентаций мужа на выполнение воспитательных функций в супружестве установкам жены коррелирует с удовлетворенностью браком супруга.

Имеется взаимосвязь между показателями психологического пола женщины и трансситуационной изменчивостью. Т. е. изменение психологического пола женщины характеризуется умением жить «здесь- и -сейчас», ориентироваться в настоящем, не погружаясь «пучины» прошлого, но и не улетая в нереальность будущего. Таким образом, психологический пол женщины имеет взаимосвязь с ориентацией в настоящем.

Выявлена обратно пропорциональная зависимость между показателями согласованности по шкале значимости родительско-воспитательской функции в браке и показателями жизненных ориентаций: трансситуационным освоением внутреннего мира мужчин. Чем больше мужчина испытывает неудовлетворенность собой, сомневается в своей способности вызывать уважение к себе, а так же ожидания негативных жизненных событий и их последствий (т.е. как закономерного «возмездия») тем меньше согласованность семейных ценностей в родительско-воспитательской функции семьи.

Имеется взаимосвязь между показателями согласованности по шкале значимости родительско-воспитательской функции в браке и показателями жизненных ориентаций: транситуационным локусом контроля у мужчин. Т. е. чем больше чувство ответственности за все, что происходит в жизни, тем выше согласованность семейных ценностей в воспитании детей. Только люди жизнерадостные, смелые, положительно относящиеся к себе и жизненным переменам, целеустремленные, уверенные в своих возможностях, считающие себя ответственными за свою судьбу могут воспитать достойное потомство.

Таким образом, существует взаимосвязь между удовлетворенностью браком с психологическим полом, соответствием ролевых установок супружеской пары и с их показателями жизненных ориентаций: транситуационной изменчивостью, транситуационным локуса контроля, транситуационным освоением мира и транситуационной подвижностью.

Выведение клиента из реактивной депрессии посредством «оживления» его истинных желаний через доступ к глубинному бессознательному

Морозов А.В., Усанова С.В.
ИМСГС, г. Москва

Проблема апатии, снижения эмоционального фона, депрессии давно интересовала ученых, как в нашей стране, так и за рубежом. Эта болезнь поражает людей разного возраста и социального положения. Она поражала людей и в древности (в разные века), но XXI век ученые всего мира называют веком депрессии. По статистическим данным 10% населения планеты страдают этой болезнью. Ежегодно до 800 тысяч человек в мире (примерно 15% больных депрессией) лишают себя жизни именно по этой причине.

В последние два десятилетия депрессия выросла до уровня не только важнейшей медицинской, но и социально-экономической проблемы. По прогнозам экспертов, к 2020 году по экономическому показателю депрессия будет занимать среди всех болезней человека 2-е место. У людей, страдающих депрессией, значительно падает производительность труда, растет временная нетрудоспособность, снижается качество жизни, разрушаются семьи. При этом четкая картина причин возникновения депрессии и реальных способов ее излечения, по-прежнему, отсутствует.

К причинам, провоцирующим проявление и развитие депрессии можно с полным основанием отнести как биологические, так и психологические. Стресс на работе и в семье, осложнения перенесенных вирусных заболеваний, потеря любви и близких – все это приводит человека в уныние. Но не все, кто сталкивается с подобными проблемами, непременно

впадают в депрессию. Следовательно, мы имеем дело с предрасположенностью к данному заболеванию. Что же тогда предрасполагает человека к депрессии: особенности характера, воспитания, состав крови, гормональный фон или год рождения, место жительства – пока остается загадкой.

От возникновения депрессии не защищают ни жизненное благополучие, ни высокие доходы, ни стабильная экономика - распространенность депрессии высока как в малообеспеченных, так и в богатых слоях населения, как в развивающихся, так и в экономически развитых странах. Уже сейчас исследования показывают: каждый пятый представитель пресловутого "золотого миллиарда" страдает депрессией, при этом скрытая депрессия составляет от 11 до 14 % населения высокоразвитых стран Запада.

В России эта проблема тоже существует, разница лишь в том, что у нас психотерапия еще находится в зачаточном состоянии, а на Западе её уже постиг вполне закономерный кризис. Да и других нерешенных проблем у нас в стране хватает, поэтому депрессии должного внимания не уделяется.

Если депрессия – болезнь, то лечить ее надо, воздействуя на причину. Анализируя опыт нашей практической работы, мы пришли к выводу, что одной из причин депрессии является длительное неосознанное подавление истинных желаний. Субъект, убедившись в неэффективности одной-двух стратегий достижения желаемого, считает, что осуществить его невозможно, и отказывается от поиска иных путей достижения желаемого. Желание для него по-прежнему остается ценным, но он этого не осознает. Будучи убежденным в невозможности его достижения, он вытесняет его посредством механизмов психологической защиты. В результате, со временем происходит «забывание» желания, и переход в состояние депрессии. Очень часто человек, который долго пребывает в состоянии депрессии, не может ответить на вопрос, чего же он хочет. То, что его привлекало и радовало раньше, не находит эмоционального отклика в период апатии.

К подавленным желаниям нет доступа через сознание. Однажды отказавшись от актуального желания, сознание индивида вытесняет его в бессознательное и «забывает». Так срабатывают защитные механизмы психики, когда человек не видит реального способа достижения желаемого.

Задача практического психолога - «реанимировать» утраченные чувства и подлинные желания, найти способ их достижения. В процессе диагностического этапа консультационной работы психологи нередко используют проективные методики, так как они позволяют обойти контроль сознания клиента.

Когда какие-то потребности не могут быть удовлетворены, то человеку становится очень дискомфортно. Настолько, что он просто не может жить в состоянии этой неудовлетворенности. Психика включает защиту. Один из механизмов: бессознательное «не очень-то и хотелось». Обесценивается не только сама потребность, но и все, что с нею связано ассо-

циативно. Чем более значимая потребность обесценивается, тем большее количество вещей психика делает для нас ненужными и не важными. В этом случае клиент заявляет следующую «модель» своей жизненной ситуации «жизнь давно идет не так, как ей хочется». При этом по какой-то неведомой ему самому причине, человек не позволяет себе предпринять те шаги, которые могли бы изменить жизнь в нужную сторону.

Проблемой депрессии сегодня занимаются ученые разных направлений и школ: психология, медицина, духовенство, биофизика и т.д.

Психотерапия так и не выработала действенных методов борьбы с депрессией, хотя использует результаты исследований таких наук, как нейробиология, социология, биология и общая медицина.

Медицина бьется над разработкой новейших и совершенных лекарств, способных победить этот страшный недуг. Более половины изобретаемых в мире лекарственных средств - психотропные препараты (антидепрессанты). Это значит, что проблема депрессии все более актуальна, и решить ее никак не удастся, иначе в бесконечном изобретении новых препаратов не было бы никакой нужды. Кроме того, почти все антидепрессанты обладают побочным действием, иногда самым неожиданным. Так, по недавнему сообщению Inopressa.ru, принимающие антидепрессанты пациенты могут перестать испытывать чувства романтической любви и глубокой привязанности, сделавшись бесчувственными.

Многие современные специалисты озадачены поиском немедикаментозных, альтернативных методов лечения депрессии. В числе прочих существуют способы, которые рекомендуют практически все, занимающиеся подобными поисками. Это дыхательная активность, арт-терапия и эксперименты с освещением. Проблема заключается в том, что они хороши только в самом начале депрессии. Если же депрессия приобрела затяжной характер, приходится искать новые, порой неожиданные меры противодействия недугу.

Гендерная агрессивность раннего юношества

Овчинникова Л.И.,
МСГИ, г.Казань

Исследовательский интерес к феномену агрессии и формированию агрессивности как интегративного качества личности определяется высокой социальной значимостью и поиском алгоритма предупреждения деструктивной модели жизнедеятельности. Совершенно очевидно, что предотвращение или ослабление агрессии связано с изменением условий, формирующих эти тенденции. Но объективно, в возрасте раннего юношества – ожидаемые изменения возможны лишь в условиях соблюдения стабильности эмоционально-волевого компонента деятельности – что противоречит уже известным особенностям развития личности данного возрастного этапа. Именно этот возраст связан с подъемом интеллекту-

альной и эмоциональной активности на качественно новый уровень как социальной так и личностной значимости. Акциональный голод, отсутствие навыков конструктивного решения конфликтов, тотальный негативизм или абсолютизм, нарушенные идентификации, неадекватно высокая или низкая самооценка, искаженные нормы коммуникаций – все работает на закрепляемые приоритеты деструктивности, с которыми впоследствии собираются бороться отряды высококлассных специалистов как в системе образования, так и в других смежных и дружественных структурах.

Опираясь на результаты проведенных исследований, предлагаем рассмотреть те особенности юношеского возраста, которые отражают составляющие агрессивного формирования. Среди них: в группе юношей маскулинного типа – положительная статистически значимая корреляция гибкости поведения, синергии и самоуважения, познавательных потребностей и самоконтроля, реактивной агрессивности и подозрительности; в группе юношей феминного типа: депрессивности, обидчивости и реактивной агрессивности, подозрительности и невротичности. Таким образом, у юношей маскулинной модели поведения провоцирующими факторами могут быть условия при которых фрустрируется потребность быть доминантным, контролировать ситуацию и действия окружающих, тогда как у юношей феминного типа – это реакция на снижение самооценки при высокой самокритичности, условия изоляции или эмоциональной депривации. Следствием становится процесс отреагирования в форме асоциального поведения. Предложения по коррекции – терапии: британец Дж.Роуэн «пробуждает к жизни» мужское сознание и мужское бессознательное духовное, канадский аналитик Г.Корну рассматривает вопросы мужской идентичности, шотландец М.Силлз проводит психотерапию ядерного процесса, делая акцент на осознанности и присутствии, индийские психологи обращаются к исповеди, американские к телесному фокусированию. Мы предлагаем арт-терапию.

Резонансное консультирование и онтопсихология А.Менегетти

Одинцов В.В.,
г.Казань

Онтопсихология, основанная итальянским учёным А. Менегетти, имеет тридцатилетний успешный опыт практического применения в различных сферах человеческой деятельности, прежде всего в психологии лидера. Методика онтопсихологического консультирования опирается на три главные собственные открытия онтопсихологии: «Онто Ин-се», «Монитор отклонения» и «Семантическое поле», которые являются фундаментом для аутентифицирующей психотерапии.

«Онто Ин-се» определяется как экзистенциальное начало в человеке, его базовый проект природы и разумный формальный принцип, определяющий точность развития и действия человека во всех сферах его жизнедеятельности. «Монитор отклонения» – это система искажения созна-

ния, нарушающая реальное восприятие мира и создающая ошибочные установки и действия, провоцирующие на болезнь и ошибку. Сознание, действующее в соответствии с импульсами «Онто Ин-се», приобретает аутентичность и создаёт лучшие условия для деятельности и реализации таланта. Влияние «Монитора отклонения» создаёт психосоматическую патологию и блокирует природный проект жизни.

«Семантическое поле» в онтопсихологии определяется как базовая коммуникация индивидуальной жизни, иначе является передачей формы и информации без перемещения энергии. «Семантическое поле» наиболее близко к понятию «резонанс», используемому в резонансном консультировании. С точки зрения онтопсихологии «Семантическое поле» для получателя является позитивным, если соответствует «Онто Ин-се» человека, т.е. усиливает жизненность в нём. Когда «Семантическое поле» активизирует бессознательный комплекс, то оно определяется как негативное, т.к. искажает и блокирует импульсы души, создавая внутренний негативизм и ошибочное видение.

Резонансное консультирование использует контакт с психо-телесным пространством клиента, который позволяет получать невербальную информацию. Однако не отвечает конкретно на вопрос: что с чем резонирует? И что является главным источником негативного влияния в настоящий момент.

Онтопсихологический метод с помощью собственного инструментария диагностики позволяет обнаружить внутренний или внешний источник негативизма, в результате чего появляется точная информация о том, что необходимо предпринять человеку для обретения чистоты собственного психотелесного пространства. Устранение негативных связей позволяет точнее читать импульсы «Онто Ин-се», т.е. интуицию, способствующую оздоровлению человека и его благополучной самореализации.

В заключении, можно сделать вывод о том, что резонансное консультирование является перспективным методом психотерапии, но требует от консультанта ясного знания себя и особенностей собственной психики, а также навыков прочтения семантических полей клиента. В этом случае гарантируется субъективная точность диагностики состояния клиента и качество консультации. Открытия онтопсихологии могут стать основой для развития метода резонансного консультирования и его дальнейшего совершенствования.

Использование резонансного подхода в психологической работе

Петрушин С.В.
Казанский гос. университет

«Две правды» о личностном росте

Понятие личностного роста имеет много значений. С одной стороны, под этим понимается способность человека к активной социальной дея-

тельности, умению ставить и добиваться значительных целей, то есть как успешность в достижениях. С другой, личностный рост, особенно в гуманистической парадигме, связывают с понятием психологическое взросление, самоактуализации, некоего внутреннего постижения.

Действительно, с этой точки зрения, в человеке можно выделить некоторую социальную, а следовательно, структурированную часть и стихийную, природную часть. Социальная реальность конструируется и воспроизводится в результате взаимодействия людей и носит конвенциональный характер. Для ее возникновения необходимо как минимум присутствие другого человека. Может, неслучайно, нижний уровень малой группы начинается с двух человек. В связи с этим, социальная реальность имеет уже искусственную природу, то есть ее можно оценить, сделать, контролировать и т.д. Она легче поддается конструированию, изменению, функционированию, развитию, чем большая группа. Социальное (сделанное людьми) пространство отрицательно относится к стихийности, постоянно пытаюсь структурировать ее (покорить природу).

Как следствие, жизнь современного человека становится все более структурированной. Он окутан со всех сторон социальными конвенциями, особенно в социально развитых странах. Чем выше уровень цивилизованности в обществе, тем больше конвенций и строже наказание за их нарушение. Печальный пример Японии, где взлет цивилизации сопровождается ростом самоубийств. Невротические расстройства сегодня становятся все более распространенными заболеваниями современного общества.

Поэтому сегодня у человека сильно подавлена потребность в проявлении стихийного. И человек находит разные конструктивные и деструктивные выходы этой стихийности вовне. Возможно поэтому, городской человек сегодня так тяготеет к различным массовым действиям (спортивные зрелища, карнавалы, парады, рок-концерты и т.д.). Также растет интерес к духовным психотехнологиям и учениям, которые строятся на попытках вывести человека за пределы конвенциональной реальности. Отчасти, эта тоска по стихийности может быть связана даже с такими негативными явлениями как алкоголизм и наркомания. Они могут рассматриваться как примеры неудачной реализации потребности в стихийности.

Психологические подходы к понятию «личностный рост»

Предположение о наличии природной «несоциализированной» части и необходимости ее саморазвития в том или ином контексте уже высказывалось в современной психологии. Так, в частности А.Маслоу в своей знаменитой концепции самоактуализации он отмечал, что «присущая каждому из нас внутренняя биологическая природа в определенной мере является «естественной», врожденной, изначальной и, в узком смысле, неизменной, или, по крайней мере, не меняющейся» [3,с.26]. Он предлагает этой внутренней природе давать выход наружу, вместо того, чтобы подавлять: «Позволив ей управлять нашей жизнью, мы обречем здоровье, успех и счастье»[3,с.27]. Но он предупреждает, что эта внутренняя

природа слаба и уязвима и, поэтому, легко становится жертвой давления цивилизации. С этой точки зрения, самоактуализация является как раз выражением внутренней природы человека.

Эта внутренняя природа человека, в отличие от социальной, «искусственной» определяется по-разному. В аналитической психологии центральная психическая инстанция обозначается термином «Я» или «самость» (self). По К. Юнгу «индивидуация есть процесс дифференциации, имеющий целью развитие индивидуальной личности. Так как индивидуум не только является отдельным существом, но и предполагает коллективные отношения к своему существованию, то процесс индивидуации ведет не к обособлению, а к более интенсивной и всеобщей коллективной связи» [11, с. 213]. Индивидуация – это процесс развития личности человека, но личности особого рода, возникающий не столько в результате воздействия социума, сколько под влиянием собственной самости. В психосинтезе для обозначения данного центра психики, скрытого за скорлупой личности» и составляющего «сердце психики человека» (Р. Ассаджиоли), используется термин «Высшее Я». Под этим в психосинтезе определяется онтологическая реальность, как бытие (Я ЕСМЬ), выступающее на своем уровне неизменным Центром Жизни, источником излучаемых ею энергий [1]. В рамках гуманистической психологии данную инстанцию обозначают термином «внутреннее Я» [5].

Сегодня такое дифференцирование социальной и природной части человека часто обозначается понятиями «личность» и «сущность». По мнению А.Б.Орлова «Во всех религиозных традициях ключевыми моментами внутренней работы является осознание человеком принципиального различия между своей сущностью и своей личностью. Переход от самоопределения себя в качестве личности (совокупности социально определенных и изменчивых ролей) к самоопределению себя в качестве истинной сущности, сердцевины своего существа, отдельной от Бога, но живущей в Боге» [4,с.72]. «Сущность – это канал, по которому поступает информация, не поддающаяся оперативному рациональному анализу, человек как явление, все аспекты вместе, все, что явлено. Сущность – это и есть вы в потенциале» (И.Н.Калинаускас, [2, с.193]). По Г.И.Гурджиеву, сущность как самое глубокое «Я» человека, возникает еще до процесса социализации.[8]. Как указывают Дж.Фейдимен и Р.Фрейсер: «Все более и более принимая себя как внутреннюю самость, т.е. сущность, человек не отрицает свою внешнюю личность и не отказывается от нее. Происходит полное принятие себя таким, каким человек является, - внешних атрибутов личности,...но в другой перспективе. Они занимают свое место в целостной личности» [9,с.134]. Таким образом, через стихийное и над-социальное проявления возможно развитие внутреннего потенциала человека, его сущности.

Специфика психологическая помощи человеку в личностном росте

Чем же может помочь психология человеку, который заинтересован в развитии не только своей личности (социальной представленности), но

и сущности (бытийной представленности)? Главное заключается в том, что это становление того, что уже заложено. Сущности нельзя навязывать путь ее развития, можно лишь вникать в нее и действовать соответственно, устраняя препятствия с пути к совершенству, что на Востоке называлось «Не-деянием», а в христианском мире – «Умным деланием».

Действительно, если все само по себе выбирает наиболее удобный путь реализации, то психолог своим вмешательством может помешать этому процессу, но может и помочь, угадав направление. Его сознание может быть соориентировано и на предрассудки или навязчивые идеи, что так же неизбежно приводит к тупику. С этой точки зрения данной идеологии, этот точка зрения на развитие человека во многом перекликается с идеей клиент-центрированной психотерапии К.Роджерса [6]. Позиция психолога в его подходе заключалась в отказе от воздействия, даже с самыми благими целями, а в создании условий для развития его сущности. К.Роджерс полагал, что если подходящие условия созданы, то сущность будет развиваться самым оптимальным образом. Отсюда базовой техникой клиент-центрированной психотерапии являлось прежде всего эмпатическое слушанье – принимающее и поддерживающее. В диалоге двух равноправных личностей исчезало разделение на психолога и клиента. Техника самораскрытия психолога, особенно его эмоционального состояния оказалась весьма эффективна для позитивных изменений и личностного роста как клиента, так и его самого.

Обоснование резонансного подхода

На наш взгляд, возможен еще и другой подход для психологической помощи человеку в росте его сущности. Неприятие силового психологического воздействия не отменяет принципиальной возможность воздействия. Какое же воздействие может быть наиболее приемлемым, если мы имеем дело с природой? Наиболее эффективным может быть только такое, которое строится с опорой на резонанс.

Понятие «резонанс» является техническим термином и используется в физике. Резонанс определяется как совпадение частоты вибраций двух или более объектов, в результате чего они начинают «звучать» синхронно. В результате этого, такое совместное звучание начинает увеличивать амплитуду вибраций. Частота резонанса, с которой объекту «нравиться» вибрировать – это такая же природная характеристика объекта, как ширина, толщина и т.д.

Идея резонанса может быть приложена и к человеческому взаимодействию. В принципе, у человека может быть резонанс не только с другим человеком, но и с группой, городом, временем, природой, музыкой и многим другим. При этом происходит снятие границ между человеком и тем, с кем он резонирует. Вхождение в резонансные отношения приводит к возникновению новой целостности. Если один из участников меняет свои параметры, то другой тоже неосознанно это делает.

С этой точки зрения познание человека может быть как «отстраненное» – когда я исследую некоторый объект вне меня, так и «резонансное» – в этом случае я и другой человек оказываемся в одном месте. Я становлюсь его частью, а он становится моей частью. В отстраненной исследовательской позиции я познаю внешнюю сторону объекта, то есть его поведение, а в резонансной – изнутри, его сущность. В первом подходе в познании делается акцент на понимание, а во втором – на переживание.

Резонансный подход согласуется с картиной мира, существующей во многих духовных учениях (например, суфизм), что все существующее, живое и неживое излучает то или иное состояние, энергию [10]. Метафорически можно сказать, что все в мире имеет свое звучание, излучает какую-то энергию. Когда мое звучание и объекта совпадают, то между нами возникает резонанс. Такое совпадение выражается в эмоциональном подъеме, «прибавке энергии» с обеих сторон. Если нет совпадения, то происходит диссонанс, в результате чего я начинаю терять энергию.

Например, если музыка мне нравится, воодушевляет меня, то значит я с ней резонансе. Иногда та же музыка меня нервнрует. Значит, мое состояние изменилось. Когда человек в депрессии – бравурный марш будет его раздражать, ему больше по душе будет грустная мелодия. На этом, кстати, строится музыкальная терапия. Там есть правило, что первые мелодии для прослушивания должны совпадать с текущим состоянием человека. Резонансом объясняется, например, любовь подростков к деструктивной музыке. Такая тяга связана с тем, что в них идет бурная перестройка, как физическая, так и социальная. Стремление городских жителей к природе может отражать то, что гармоничное звучание леса выравнивает и гармонизирует жесткую и рваную энергетику города.

Взаимодействие с реальностью в принципе строится всегда на резонансе. Существует даже такое выражение: «Какой человек, такие на него идут ситуации». Реальность многомерна, и она может повернуться к человеку любой стороной.

Слияние, эмпатия и резонанс

При использовании резонансного подхода есть одна опасность. Иногда резонанс может быть истолкован ошибочно, и вместо него можно впасть в слияние (другие названия - сочувствие, симпатия) с клиентом. Либо происходит упрощенное понимание резонанса как разновидности эмпатии.

Между слиянием и резонансом есть большая разница. При слиянии я начинаю чувствовать то, что чувствует сам клиент, то есть сочувствовать. Такой способ познания является самым первичным для человека. Он возникает еще в детстве и основан на механизме идентификации. В результате слияния психолог «выпадает» из своей роли, и у него формируется общее «Мы» с клиентом. В результате этого происходит психологическое заражение эмоциями клиента. Он оказываюсь «захва-

чен» его душевным состоянием. Например, он плачет, психологу становится жалко его, и он тоже начинаю плакать. По завершению консультации клиент от него уходит, а он еще долго не может прийти в себя, переживает его ситуацию. Потом, волнуясь, всем рассказывает, как плохо его клиенту. А если таких клиентов несколько за один день?

Именно здесь лежит одна из причин так называемого «синдрома психического сгорания». Собственно здесь лежит и причина снижения квалификации людей помогающих профессий. Чтобы избежать «сгорания», некоторые психологи начинают изобретать различные способы защиты от клиента. Например, одни ставят воображаемое зеркало, которое отражает весь негатив на самого клиента. Другие окружают себя защитным полем в виде энергетического конуса. Может у консультанта это повышает настроение, но любая защита всегда имеет недостаток. Она дает снижение чувствительности, а как следствие сужает поток важной информации.

«Эмпатическое понимание» К.Роджерс определял как способность психотерапевта ощущать чувства и личностные смыслы клиента как бы изнутри, так, как их ощущает сам клиент [6]. При эмпатии, в отличие от слияния, психолог уже может различать чувства клиента в себе, но не отождествляться с ними. У психолога сохраняется ощущение внутреннего мира клиента, как будто это его собственный внутренний мир, но при этом сохраняется качество «как будто». Например, плачущему клиенту он может сказать «Вы чувствуете, что в основе этого лежат слезы жалости к вам самой. Мне кажется, что то, о чем вы сейчас говорите, касается боли, которую вы хотели скрыть». При эмпатии происходит отзеркаливание эмоционального состояния клиента, которое демонстрирует принятие психологом его переживаний.

Резонансный подход строиться на диалоге душевных состояний психолога и клиента. Клиент «звучит» как есть, а психолог умеет как профессионал «звучать» в резонансе. Поэтому важное отличие резонансного подхода заключается в том, что это не пассивное слушанье, а активная душевная работа. Она заключается в том, чтобы быть и удерживаться в резонансе с другим человеком.

В результате этого возникает целостное пространство, которое нас объединяет. При грамотном слушанье этого пространства можно найти ответы на все вопросы. Резонансное общение – это не сочувствие и не диагностика чувств другого, это совершенно другой способ познания человека. На сегодня пока даже нет термина, как это точно обозначить. В резонансе возможно, отражая скрытое, подавленное клиента, создавать целое, объединяющее пространство для совместной психологической работы.

Резонансному подходу в консультировании больше соответствует пространственный подход. Тогда возникает другое представление: человек – это не вещь, а пространство, имеющее условные границы. В таком случае консультация может рассматриваться как встреча двух про-

странств, а контакт происходит как снятие этих границ и создание одного общего пространства. Два объекта не могут быть одновременно в одном месте, а два пространства могут.

Позиция психолога при резонансном подходе

В таком случае, у психолога или психотерапевта, который участвует в помощи в личностном росте должны быть развиты резонансные способности. Основное отличие предлагаемого резонансного подхода заключается в том, что психолог выступает не в отстраненной исследовательской позиции (как, например, в психоанализе), не в диалоге двух отдельных личностей со своим богатым внутренним миром – психолога и клиента (гуманистический подход), а становится «частью» личности клиента.

Для этого психолог намеренно подвергается влиянию клиента, и при этом наблюдает, что с ним «делает» клиент. Он отказывается от своей отдельной позиции и рассматривает себя как часть общей системы. В результате этого происходит перестройка отношений в диаде «психолог-клиент» в единую «гиперличность». Данный термин предложил В.Налимов, который подразумевал под этим размыкание индивидуализма, трансформацию ценностных представлений. Такое соприкосновение с проблемой другого человека в себе возможно только в условии снятия границ и вхождения в глубокий эмоциональный резонанс, когда «двое становятся одним». Возможно, об этом писал современный мистик Раджниш «... в глубоком присутствии ты – цветок, а цветок стал тобой. Когда деления нет, кто цветок, и кто его наблюдает. Наблюдающий становится Наблюдателем. Внезапно границы теряются. Внезапно ты проник в цветок, а цветок проник в тебя. Внезапно вы не двое – существует одно. Если ты начинаешь думать, вы снова стали двумя... Узки ворота настоящего. Даже двое не могут войти в них одновременно, только одно» [7, с.23].

В то же время особой задачей в Р-консультировании становится избегание слияния. Эта задача решается через удержание неотожествленности в этом соединении субъективных реальностей психолога и клиента. Данный подход позволяет психологу снять дистанцию и психологические границы в паре. Тогда возможно действительное взаимодействие, взаимопонимание, взаимоотношения.

В резонансном подходе психологу не надо размышлять и строить версии о состоянии сущности другого человека. Построив «гиперличность» как целое за счет резонанса с клиентом и наблюдая за ней, он получаю ПРЯМОЙ доступ к его подавленной природной части. Тогда все видно и слышно, непосредственно. Психолог уже не думает о том, что с клиентом, он это знает. Ему уже не нужно строить гипотезы и предположения, он теперь имеет дело с очевидностью на основе своих переживаний. Дальше ему остается только найти форму проговаривания этого для клиента, которая зависит от его психологической готовности. Немаловажно, что, когда психолог говорит клиенту о нем с «этого места», от сво-

ей сущности, то это не вызывает у него сильного сопротивления. Напротив, он встречает эту информацию согласием и принятием.

Инициатором создания резонансных отношений выступает психолог путем подстройки своих "параметров" под клиента. Такое возможно при наличии специальных психологических инструментов, которыми овладевает консультант в процессе специальной подготовки. Как только такая подстройка произойдет, у психолога появляется возможность влиять на клиента. Основной диагностический критерий возникновения резонанса – это усиление текущего состояния.

С точки зрения данного подхода, усиление защитных механизмов человека возникает в случае отсутствия резонанса между психологом и клиентом. Чем глубже и сложнее проблема, тем более основательными должны быть резонансные отношения. В этом случае подстройка осуществляется через построение эмоционального резонанса с другим человеком. После подстройки психологом через самоизменение внутреннего состояния, внешняя подстройка в его поведении на уровне жестов и интонаций будет возникать автоматически. Для того, чтобы достичь подстройки на таком уровне, психологу надо уметь улавливать состояние клиента и быстро перестраиваться на его душевную волну.

Непроизвольная подстройка на внутреннем уровне происходит часто сама собой у многих людей. Чаще всего она возникает в результате исходной схожести наших параметров подстройки, нашей данности. В жизни резонанс между людьми может случиться, а может и нет. Смотря как повезет. Профессиональная же работа не может строиться в зависимости от случайности. В подготовку к резонансному консультированию у нас входят соответствующие изменения в Я-концепции, формирование стабильного самосознания, владение пространственным способом общения, формирование объемного восприятия, эмоциональная пластичность и эмоциональная устойчивость, способность диагностировать свое и чужое эмоциональное состояние, навыки распределенного внимания.

Заключение

В данной статье нами были рассмотрен новый подход к помощи человеку, связанной с его личностным ростом. Были выделены две составляющие этого роста – социальная (личность) и природная (сущность). В качестве основного подхода в работе с природной частью был предложен резонансный подход. Нами были описаны особенности работы психолога, который применяет резонансный метод. Особый акцент в описании метода делается на использовании эмоционально-чувственной сферы психолога как основного «инструмента» диагностики и помощи.

Следует отметить, что предложенный мною резонансный подход находится сейчас на этапе разработки и дискуссии.

Список литературы

1. *Ассаджиоли Р.* Психосинтез: теория и практика. – М.: Релф-Бук, 1994.

2. *Калинаускас И.Н.* Жить надо! / И. Калинаускас. – С.-Петербург: Медуза, 1994.
3. *Маслоу А.* Психология бытия. – М.: Релф Бук, 1977.
4. *Орлов, А. Б.* Психология личности и сущности человека / А. Б. Орлов. – М: АCADEMIA, 2002.
5. *Роджерс К.Р.* Консультирование и психотерапия. – М.: ЗАО «ЭКМО-Пресс», 1999.
6. *Роджерс, К.* Клиент-центрированная психотерапия / К. Роджерс. – М.: Апрель Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002.
7. *Раджниш* Осознанность.- М.: Весть, 2002.
8. *Успенский П.Д.* В поисках чудесного. – СПб.: Изд-во Чернышева, 1994.
9. *Фейдимен, Дж. Фрейджер, Р.* Теории личности и личностный рост/ Дж Фейдимен, Р. Фрейджер. – М: Прайм-Еврознак. 2004.
10. *Хан, И.* Мистицизм звука / Инайят Хан. – М.: Сфера, 1998.
11. *Юнг, К. Г.* О психологии восточных религий / К. Г. Юнг. – М.: Медиум, 1994

Резонансный метод в психотерапии и его взаимосвязь с суфийской традицией

Петрушин С.В., Совитова Э.Т.
КГУ, КГГПУ, г.Казань

Конец XX – начало XXI веков в современной отечественной психологической науке отличается интенсивной поисковой деятельностью в области конструирования принципиально новых подходов к образованию и развитию личности на гуманистической основе. Немаловажное место в этих поисках занимают исследования, направленные на выявление историко-психологических корней гуманистической психологии для лучшего постижения ее истинной природы и полноты содержащихся в ней возможностей. В меньшей степени гносеология вопроса связывалась с изучением культур Востока.

Сегодня есть немало положительных примеров, когда психологи обращались к различным духовным традициям и в результате рождались новые интересные направления. Так И. Шульц построил аутогенную тренировку на основе учения йоги, К.Г. Юнг посвятил немало исследований эзотерическим учениям. Ф. Перлз в своей гештальт-терапии применял идеи дзен-буддизма, Л. Вилкоккс использует техники медитации и концентрации из суфизма, К.С. Станиславский для создания своей знаменитой системы использовал элементы раджи-йоги, даже такая технологичная методика как НЛП использует элементы буддийских практик, частности ваджаяну. Ярko отражена работа по интеграции психологического знания и духовных практик в трансперсональном подходе.

Нами предпринята попытка анализа и изучения непроявленного материала резонансного психологического метода, заложенного в традиции

древнего суфийского учения, которое возникло на Востоке в раннем Средневековье. Европейские и восточные традиции содержат свой уникальный подход к процессу психологического воздействия на человека. Обращаясь к мысли о важности резонансного метода в условиях привлечения религиозной традиции, отметим, что взгляд на психологический процесс в этом случае состоит во внимании к духовному потенциалу человека. По мнению ряда исследователей, суфизм намного веков предшествует современной психологии [7]. Как утверждает Л. Вилкоккс, «достижение Мудрости происходит на пути за пределы человеческого разума к универсальному разуму Бога... Суфизм имеет дело с сущностью человеческой природы, опытом познания истинной сущности человека» [10].

Суфизм, христианство, буддизм, даосизм по - своему отражают культуру психологического развития личности. В частности, в суфийской традиции роли учителя – мастера и ученика строятся на основе субъектно-субъектных отношений или «со-бытия» [1], что, несомненно, представляет интерес с точки зрения резонансного метода, который активно используется в практике современного психологического консультирования [4].

Понятие «резонанс» является техническим термином и используется в физике. Резонанс определяется как совпадение характеристик двух или более объектов, в результате чего они начинают «звучать» синхронно. Такое совместное звучание увеличивает амплитуду вибраций. Частота резонанса, с которой объекту «нравится» вибрировать – это такая же природная характеристика объекта, как ширина, толщина и т. д. Идея резонанса может быть приложена и к человеческому общению. Существует немало выражений и пословиц, которые отражают это явление в практике – «жить душа в душу», «попасть в общую волну» и т. п.

Резонанс может возникнуть не только с другим человеком, но и с группой людей, городом, временем, природой, музыкой и многим другим. Суфийская традиция содержит богатое литературное и музыкальное наследие своих мастеров, оно свидетельствует о том, что цель суфийских практиков заключалась в том, чтобы помочь людям получить вневременной опыт переживания, открывающий путь «к само – познанию, само – постижению» [8] В «Учение суфиев» И. Хана находим следующее рассуждение: *«В чем смысл хождения по воде? Вода символизирует собой жизнь: один тонет в ней, другой плавает, но есть тот, кто может ходить по воде. Вместе с волной погружаясь, вместе с пеной всплывая, следуя за течением воды, не навязывая ей ничего от себя. Вот почему он идет по воде»* [9]. В приведенной метафоре мы видим проявление резонансного подхода, который заключается во взаимодействии человека со стихией воды, олицетворяющей жизнь. Здесь успех человека зависит от способности освоения характера этой стихии.

Суть резонансного метода заключается в том, что психолог в процессе консультирования становится «частью» личности клиента. Суфийская мысль в своем метафорическом исполнении созвучна данной поста-

новке резонансного метода, например Сухраварди: *«Если обратиться к капле и океану, невозможно свидетельствовать океан, имея глаз капли. Капле нужно слиться с Океаном и увидеть Океан через глаз океана [5].*

Инициатором создания резонансных отношений в Р-консультировании выступает психолог путем подстройки своих «параметров» под клиента. С этой точки зрения познание человека может быть как «отстраненным» – когда я исследую некоторый объект вне меня, так и «резонансным» – в этом случае я и другой человек оказываемся в одном месте. Я становлюсь его частью, а он становится моей частью. В отстраненной исследовательской позиции я познаю внешнюю сторону объекта, то есть его поведение, а в резонансной – изнутри, его сущность. Идеи диалога М.М. Бахтина выделяют особый тип отношений: «межличностное взаимодействие личностно - равноправных «собеседников», т.е. полноправность (не фактическая), а с точки зрения уникальной сущности каждого человека [1].

Суфизм содержит многочисленные описания встреч учителей и учеников традиции, которые свидетельствуют о возникающем резонансе между ними. Для И. Хана таким учителем стал Шейх Саид Мохаммед Мадани, хотя в течение длительного времени И. Хан встречался с учителями - мистиками своего времени, читал литературу, лишь в одном случае он получил «должный импульс, давший ему единственно возможное понимание мира» [9].

Резонансный подход согласуется с картиной мира, существующей во многих духовных учениях, в том числе и в суфизме, где все существующее, живое и неживое, излучает то или иное состояние, энергию. Метафорически можно сказать, что все в мире имеет свое звучание, излучает какую-то энергию. Когда совпадают мое звучание и звучание объекта, то между нами возникает резонанс. Такое совпадение выражается в эмоциональном подъеме, «прибавке энергии» с обеих сторон. Если нет совпадения, то происходит диссонанс, в результате чего я начинаю терять энергию.

Резонанс возникает в различных сферах человеческого бытия. Если обратиться к миру искусства, допустим к музыке, то человек будет в резонансе с той музыкой, которая мне нравится, воодушевляет меня. Однако та же самая музыка может меня нервировать: значит, мое душевное состояние изменилось. Когда человек в депрессии, бравурный марш будет его раздражать, ему больше по душе будет грустная мелодия. На этом, кстати, строится музыкальная терапия. Там есть правило, где первые мелодии для прослушивания должны совпадать с текущим состоянием человека.

Приведем пример из сокровищницы литературного наследия суфийской традиции.

Однажды Учитель рассказал ученикам о том, как он был в большом городе и был переполнен радостью этого события.

– Это было так замечательно и возвышенно, – говорил он. – Я там чувствовал присутствие и величие Бога!

Тогда ученик подумал: «Там был восторг и Бог. Это так замечательно! Я должен пойти и посмотреть, смогу ли я найти их». Он прошел через город, вернулся и сказал: «Ужасно! Как ужасен мир! Все как будто готовы перегрызть друг другу горло; вот что я видел. Я не чувствую ничего, кроме подавленности, как будто все мое существо разрывается на куски».

– Да, – сказал Учитель. – Ты прав.

– Но объясни мне, – попросил ученик, – почему ты так восторгался, а я разрываюсь на части?

– Ты шел не в том ритме, в котором шел через город я, – сказал Учитель.[5].

Специфика резонансного консультирования заключается в создании особых, основанных на эмоциональном резонансе отношений между психологом и клиентом. Данный подход позволяет Р. консультанту снять дистанцию и психологические границы в паре. Тогда возможны действительное взаимо-действие, взаимо-понимание, взаимо-отношения.

У древних мастеров суфийской традиции было такое выражение «Как внутри, так и снаружи», о чем свидетельствует суфийская притча Б. Ш. Раджниша «Рыба и океан».

Рыба услышала об океане, решила, что должна попасть туда. Рыба начала обращаться к разным мудрецам с вопросом: «Как мне достичь океана?»

Окончательно уставшая от разнообразных поучений рыба приплыла в заросли водорослей и там встретила маленькую неприметную рыбку, которая, услышав о ее поиске, сказала:

– Океан, который ты ищешь, всегда был, есть и будет рядом с тобой. И ты тоже являешься частью Океана, только ты этого не замечаешь. Океан внутри тебя, и снаружи тебя, и ты – его любимая часть [5].

Таким образом, резонансный подход находит отражение в истоках древней суфийской традиции, обогащая диапазон своих возможностей материалом восточной мудрости в суфизме.

Список литературы:

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
2. Курбанмаматов А. Эстетическая доктрина суфизма / А. Курбанмаматов. – Душанбе: Дониш, 1987. – 108 с.
3. Нурбахш Д. Беседы о суфийском пути / Д. Нурбахш. – М.: Присцельс, 1998. – 164 с.
4. Петрушин С. В. Методика резонансного консультирования / С.В. Петрушин. – Казань: Новое Знание, 2006. – 99 с.
5. Раджниш Осознанность.- / Раджниш . М.: Весть, 2002.- 120 с.
6. Тираспольский Л. Из реки речений: Суфийские афоризмы и истории / Л. Тираспольский. – М.: Присцельс, 1999 –167 с.

7. *Фейдимен Дж. Фрейджер Р.* Теории личности и личностный рост / Дж Фейдимен Р. Фрейджер. – М: Прайм-Еврознак, 2004 - 608 с.
8. *Хисматуллин А. А.* Суфизм / А. А. Хисматуллин. – СПб: Азбука – классика, 2003. – 224 с.
9. *Хан И.* Мистицизм звука / Инайят Хан. – М.: Сфера, 1998. – 316 с.
10. *Яковлев Л.* Суфии: Восхождение к истине / Л. Яковлев.- М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 640 с.

Трансформация клинических представлений в психотерапии эпохи постмодерна

Погодин И.А.

Белорусский гос. педагогического университета им. М.Танка

В статье представлена попытка философско-клинического анализа одного из важнейших культурных феноменов человеческой цивилизации, а именно – психической патологии. Релевантные психопатологии представления, характерные для современной эпохи, значительно отличаются от представлений и основанной на них клинической практике предшествующих исторических этапов. Так, например, если в средневековье психически больных рассматривали как одержимых, применяя соответствующие этим представлениям меры, то в классическую эпоху безумцы постепенно заняли место прокаженных и их изолировали сначала в бывших лепрозориях, а затем – в общих госпиталях вместе с уголовниками и нищими. Только лишь психиатрическая революция (кстати напрямую связанная с буржуазной революцией во Франции) Пиннеля конца XVIII века позволила изменить условия содержания психически больных, сохранив при этом институт изоляции. Далее психиатрическая эволюция разворачивалась в направлении объективизации клинических знаний, промежуточный результат которой сегодня представляют огромные по своему объему клинические классификаторы. Это, конечно же, расцвет индивидуалистической клинической парадигмы эпохи модерна. Однако, на мой взгляд, этот «клинический ренессанс» в настоящее время все более ярко демонстрирует свои побочные эффекты. Диагностические категории и группы, приобретая все более важное значение, и занимая все более значительное место в клинической теории и практике, вытесняют остатки гуманизма, приобретающего характер атавизма в современной психиатрии. Диагноз при этом становится важнее человека, зато общая ситуация – значительно яснее и проще. Однако, сам человеческий процесс, несмотря на сформированную таким образом иллюзию всемогущества современной психиатрии, не становится от этого менее сложным, противоречивым и, все же, остается Живым.

Эпоха постмодерна инициировала многие радикальные изменения в современной цивилизации – культуре, искусстве, науке и т.д. Нигилизм

постмодернизма с его антиэссенциализмом, антиреализмом, антиосновностью оказал не столько деструктивное, сколько деконструктивное влияние на все эти области, позволив, появиться новым оригинальным представлениям, например, о личности как процессе в поле. Тем не менее, сфера знаний о человеке пока не в состоянии в полной мере ассимилировать постмодерновый культурный вектор в свою парадигму. Хотя, надо отдать должное, попытки все же в этом направлении есть, несмотря на глобальность и неопределимую сложность этой задачи. Наиболее ярким примером являются концепции гештальт-подхода, рассматривающие self с его функциями как процесс в поле, или потребности как производные динамики поля «организм/среда». Нижеследующий текст служит описанием постмодернистского взгляда на проблемную область клинической теории и практики в общем, а также на некоторые частные аспекты психопатологии. Постараемся далее изложить размышления о проблеме, объединяя их в логически завершенные блоки.

Наиболее важными принципами постмодернизма, которые могли бы оказаться полезными для дальнейших рассуждений, являются: *плюрализм* в самом широком смысле этого слова, непосредственно вытекающий из концепций антиэссенциализма, антиреализма, антиосновности; *децентрализация и изменчивость*, рассматриваемые мною в этой статье через смещение фокуса анализа с индивида в динамичное поле с изменчивостью релевантных ему процессов; *неопределённость*, имеющая отношение к текущей ситуации; *контекстуальность*, опосредующая знаково-смысловые взаимодействия; *важность дискурса*, определяющего контекст и имеющего значение для динамики поля; *фрагментарность*, релевантная как ситуации и процессам, так и дискурсу и др.

Плюрализм и фрагментарность. Одной из характерных особенностей постмодернизма является утрата каких бы то ни было корней, принимающая зачастую форму нигилизма. Так, в эпоху постмодерна наше знание о мире теряет всякий смысл, поскольку не имеет под собой прочных оснований; то же самое относится к реальности и сущности человека. Выход же из этого тупика возможен лишь посредством введения категории плюрализма – реальность множественна. Возвращаясь к анализируемой проблеме, можно выдвинуть гипотезу: столь радикальный сдвиг в способе мышления, характеризующий эпоху постмодерна, мог быть отчасти спровоцирован тревогой и страхом сумасшествия, актуализированными шквальным умножением клинических знаний, характерным для эпохи модерна. Чтобы совладать с тревогой безумия, порожденной в эпоху модерна, постмодернизм, легализуя сумасшествие, благоприятствовал введению дифференциации реальности – так появляется разделяемая и неразделяемая реальности. Таким образом, тревога по поводу сумасшествия может быть нивелирована, ввиду того, что безумие суть феномен, релевантный альтернативной реальности. Апогея этот процесс достиг после введения семантики возможных миров

(мир, в котором я живу – лишь один из многих). Два других принципа постмодерна – антиэссенциализм и антиосновность – довершают этот процесс депатологизации: если истины о сущности мира и человека не существует, то не может существовать и безумие.

Децентрализация и изменчивость. Введение постмодернизмом этих категорий знаменует начало отказа от индивидуалистической парадигмы, характеризующей эпоху модерна. Если ранее источник психологических нарушений и психопатологии следовало бы искать внутри индивида, то постмодернизм предлагает рассматривать их лишь как феномены изменчивого поля. При этом личность в целом также становится феноменом в поле, приобретая характеристики не объекта, а процесса. Вне поля личность не существует, так же, как и не существует ее желаний и потребностей, которые суть производные от контекста поля. Из прикладных соображений клинической практики стоит несколько смягчить переход от понимания личности как объекта к пониманию личности как процесса в поле, выдвинув тезис о дуалистической природе человека (по аналогии с тезисом о дуалистической природе элементарных частиц, заимствованным из квантовой физики). Объектная и процессуальная природа личности находятся при этом в диалектической взаимосвязи, определяющей единство и борьбу противоположностей. Таким образом, личность становится феноменом, обладающим как структурой, так и функциями.

Возвращаясь к психопатологии как объекту данного анализа, следует упомянуть еще об одном частном тезисе, выдвинутом Бартом, а именно о «смерти автора». Тезис этот имеет отношение к литературному творчеству, однако, на мой взгляд, может быть, приложим и к сфере психопатологии. Суть его в следующем – автор элиминирует личностное начало из текста, оставаясь, тем не менее, фигурой, читатель же, представляя собой фон, наделяет текст уникальным смыслом и значением. Применительно к психопатологии, «автором» которой является пациент, этот тезис приобретает следующий вид – диагноз является лишь производной от клинической ситуации, обретая смысл лишь в интерпретации средой и ее компонентами. Таким образом, из феномена, присущего пациенту, психическая болезнь превращается в феномен, присущий полю. Итак, психопатология – не больше, чем умозрительный виртуальный конструкт, по всей видимости, очень удобный для того, чтобы совладать с тревогой, находящейся в поле. Может быть, этот феномен отчасти оказывает влияние, выступая в качестве мотивационного фактора, на выбор профессии психиатра или психотерапевта.

Неопределенность и контекстуальность. Преломление этих постмодернистских категорий через антропологическую призму означает введение в персонологию примата ситуации. При этом любые человеческие проявления становятся производными от ситуации, которая по своей сути неопределенна и не прогнозируема. Значение же и смысл все человеческие феномены от мотивации и до завершенных паттернов поведения

приобретают, лишь соотносясь с контекстом ситуации. Именно контекст определяет понятие и специфику психопатологии, при изменении контекста диагноз должен будет утратить свой смысл и значение. Понятие психической болезни появилось лишь с появлением психиатрической клиники, организующей соответствующий контекст; исчезновение же психиатрического института привело бы к утрате смысла сумасшествия и нивелированию значения психопатологии. Таким образом, психопатология во всех ее проявлениях, выступающая объектом проводимого анализа, является лишь феноменом изменчивого и неопределенного поля, имеющего специфику, релевантную современной культурной эпохе.

Важность дискурса. В постмодернистской парадигме все явления жизни воспринимаются как текст, и любой феномен поля выступает в качестве некоторого послания, которое можно прочесть. Психическая болезнь тому не исключение и также является своеобразным дискурсом, организующим соответствующим образом поле. Хочется заметить, именно дискурсом, а не совокупностью симптомов и синдромов, классифицированных от уже упоминавшейся тревоги.

Ассимилируя постмодернистский тезис о важности дискурса, и учитывая рассмотренную выше идею о дискурсе как процессе, уместной оказывается следующее предположение – психические нарушения можно рассматривать через призму прегнантного соотношения дискурса индивида и контекста, в котором он размещается. Так, дискурс невротически организованного клиента фиксирован относительно контекста. Ввиду неизменности этого соотношения значение и смысл дискурса как фигуры в поле остаются также неизменными, что соответствует потере способности к творческому приспособлению и нарушению функции эго. Творчество и выбор оказываются заблокированными. Изменение дискурса при этом напрямую связано с изменением контекста. Дискурс пограничных клиентов приобретает хронический характер и не зависит от изменения контекста, в котором он осуществляется. Наиболее важная функция дискурса при этом заключается в поддержке некоторых неустойчивых представлений пограничного клиента о себе, т.е. его хрупкой идентичности. При этом создается внутренняя иллюзия стабильности и устойчивости Я пограничных индивидов за счет стабилизации дискурса. Тем не менее, в случае резкого изменения контекста, приобретающего зачастую травматический характер, дискурс может быть дезорганизован ввиду стремительного возрастания тревоги, откуда проистекает стремление отыгрывания в поведении, характерное для пограничных индивидов. Что касается соотношения дискурса и контекста психотиков, то здесь можно выделить несколько типов, общей чертой которых является нивелирование важности реальности. В первом случае дискурс пациентов под влиянием сильной тревоги дезорганизуется, приобретая странный, причудливый, несвязный или расщепленный характер. При этом изменение контекста никак не отражается на этих особенностях дискурса. Во втором же случае в результате психотической попытки купирования тревоги искусственно воссоздается новый контекст, приобре-

тающий характер бреда. При этом контекст становится совершенно стабильным и неизменным, а дискурс лишь служит для его подтверждения. Таким образом, тревога приобретает управляемый характер, фиксируясь в замкнутом круге контекст-дискурс.

В заключение статьи необходимо отметить, что ни одна сфера теоретической и практической деятельности человека не может развиваться независимо от влияния феноменов и парадигм, определяющих характерные черты текущей культурной эпохи. Тем более не может остаться не затронутой культурной эволюцией персонология. Эволюционное развитие в сфере знаний о человеке в результате трансформации клинического индивидуализма модерна в полевую парадигму постмодерна, постепенно преобразует также клиническую и психотерапевтическую теорию и практику. Представленные в тексте тезисы не носят завершённый характер, а поэтому нуждаются в дальнейшей разработке. Тем не менее, выдвинутые гипотезы, явившиеся результатом размышлений в русле постмодернистской персонологической парадигмы, могут оказаться важными и полезными в сфере клинической теории и психотерапии.

Контакт как основание психотерапевтической практики

Погодин И.А.

Белорусский гос. педагогического университета им. М.Танка

Невозможно переоценить значение раннего этапа развития человека для процесса функционирования self. Основная задача этого этапа заключается в экспериментировании с возникающими в контакте с окружающей средой чувствами. При этом важное значение приобретает возможность размещения своих чувств ребенком на границе контакта, которая является производной от развития соответствующей способности у родителей. Если родители поддерживают выражение чувств, то ребенок приобретает опыт совместности, обоюдности, что формирует у него способность к контакту, диалогу, эмоциональному присутствию. В том случае, если чувства ребенка оказываются невыносимыми для его родителей, способ обращения с ними становится «аутичным», приобретает нарциссические черты. И теперь каждый раз, когда возникают переживания, когда-то невыносимые для родителей, они останавливаются, превращаясь в тревогу, ретрофлексируясь или трансформируясь в другие рэкетные эмоциональные образования.

Учитывая, что в психотерапии мы, по сути, имеем дело с результатом раннего эмоционального научения, следует рассматривать терапевтическую цель через призму восстановления естественного процесса развития self, предполагающего экспериментирование со способами обращения с чувствами. Таким образом, терапия является проектом развития, а не коррекции. В некотором смысле она также носит характер научения, поскольку в терапевтическом процессе клиент может сформировать новый

опыт обращения со своими чувствами и ассимилировать его в self, восстановив способность к творческому приспособлению. Восстановив чувствительность к переживаниям, человек становится более гибким в своих реакциях на происходящее в его жизни, приобретает утраченную ранее способность выбора способа поведения и организации контакта с окружающими и, как следствие, получает возможность осознания и удовлетворения потребностей, возникающих в контексте поля. Таким образом, восстанавливается естественный процесс возникновения-завершения гештальтов. Кроме того, любые события в жизни человека, даже самые тяжелые и трагичные, могут быть им пережиты и ассимилированы в self, не нарушая его адекватного функционирования. Эмоциональные переживания при этом выступают средством естественного восстановления психического баланса, исполняя роль «психологической вакцины».

Важнейшей категорией гештальт-подхода, относящейся к терапевтическому процессу, является понятие контакта [2]. Однако, понимание этого феномена в гештальт-терапии значительно отличается от общепотребимого. Контакт невозможно обучить, его очень трудно описать. Это внутреннее ощущение, которое, один раз испытав, невозможно более ни с чем спутать. С одной стороны, контакт – это состояние открытости контексту поля, с другой стороны – чувствительность к процессу self. Применительно к социальным отношениям, это ощущение, что ты присутствуешь с другим человеком и для него, видишь его, говоришь ему, при этом сохраняя высокую чувствительность к себе, своим реакциям, переживаниям, мыслям и фантазиям. Вторая часть описываемого феномена не менее важна, чем первая, в противном случае контакт превращается в конфлюенцию. Замыкание внутри собственных границ также ведет к разрушению контакта. Таким образом, двумя полярными альтернативами контакту выступают слияние и отчужденность шизоидного или нарциссического характера.

В ситуации контакта человек становится чрезвычайно сенситивным и ранимым – думаю, этиологически данный фактор способствует отказу от переживания контакта и утрате способности к присутствию. Именно это часто определяет сопротивление в процессе терапии, его форму и содержание. Причем сказанное имеет отношение ко всем участникам терапевтического процесса – терапевт не является исключением. У многих из начинающих терапевтов, сравнивающих себя с более опытными коллегами, возникает иллюзия, что со временем чувствительность к боли у практикующего специалиста становится менее выраженной, и он превращается в совершенную терапевтическую машину. Однако этого не происходит. К сожалению, или к счастью, но мы работаем в терапии лишь своей собственной чувствительностью и ранимостью – другого инструмента у нас нет.

Рассматривая проблему устойчивости терапевта, необходимо отметить, что она определяется не притуплением в процессе профессиональной жизни эмоциональной чувствительности, а наоборот, ее повышением

с сопутствующим расширением диапазона способов обращения со своими переживаниями на границе контакта. Именно гибкость self и восприимчивость к границе контакта являются предиктором профессиональной устойчивости терапевта. Несмотря на вышесказанное, следует отметить, что находиться в контакте 24 часа в сутки невозможно, а если бы и было возможно, то небезопасно ввиду чрезвычайно высокого эмоционального напряжения. На мой взгляд, и клиенты, и терапевты имеют право на прерывание контакта. Например, некоторая степень дефлексии является необходимой, и способность ее выбирать в качестве организации своего жизненного пространства соответствует творческому приспособлению. Невозможность же отказаться от контакта, наоборот, хронифицирует self.

Рассматривая категорию контакта, а также ее роль и значение для терапевтического процесса, необходимо затронуть и проблему власти в психотерапии. На мой взгляд, многие психологические нарушения и сложности в жизни человека являются результатом субъектно-объектной централизации власти, предполагающую локализацию ее либо внутри субъекта (с соответствующим акцентом на воле, самостоятельности, силе, контроле и независимости), либо в окружающей субъекта среде (что приводит, наоборот – к беспомощности, зависимости и т.д.). При кажущихся очевидными различиях в этих способах обращения с властью, оба они имеют общую черту – игнорирование контакта и процессуального характера self. Как следствие, неизбежно возникновение токсического стыда, разрушающего контакт с окружающими. Отличие будет проявлено лишь в форме неадекватности обращения с ним. Так, в первом случае – человек склонен будет игнорировать стыд посредством его отрицания, стремления удерживать власть с помощью усиления тенденции к контролю (являющемуся всего лишь очередной иллюзией, приносящей временное облегчение наркотической природы). Не удивительно, что рано или поздно этот механизм не справляется с возникающими неподконтрольными событиями, что часто приводит к отчаянию. В случае локализации власти в среде индивид склонен игнорировать свой стыд, формируя зависимое поведение с рентными установками, демонстрируя совершенную беспомощность и инфантильность. Очевидно, что оба полярных способа локализации власти приводят к нарушению творческого приспособления, неспособности ассимилировать происходящее и, как следствие, подверженности деструктивному воздействию событий травматической природы.

В связи с вышесказанным возникает необходимость в децентрализации власти, как в жизни в целом, так и в психотерапии в частности. Учитывая процессуальный характер self, адекватной представляется локализация власти вне субъектов терапии, а именно – в самом терапевтическом процессе. Только в этом случае возможны полноценное переживание и высокая чувствительность обоих его участников – и клиента, и терапевта. На мой взгляд, при децентрализации власти терапевтический процесс может способствовать переживанию любого, даже самого тяже-

лого, жизненного события. Открытый процессу self может ассимилировать любой опыт и любые переживания. В связи с этим несостоятельным оказывается распространенный миф о том, что терапия может быть разрушительной для клиента. Это принципиально невозможно. Терапия – процесс, предполагающий деконструкцию, т.е. пересмотр или отказ от прежних способов организации контакта. В ходе него возможна актуализация сильных переживаний, в том числе и негативных. Однако, те психические феномены, которые были невыносимы при субъектно-объектной централизации власти, при ее децентрализации и вынесении в терапевтический процесс могут быть пережиты и ассимилированы. Процессуальная природа self предполагает возможность переживания любого событийного контекста поля, в том числе и травматического. В этом, на мой взгляд, кроется неисчерпаемый ресурс психотерапии кризисных состояний.

В завершение обсуждения проблемы контакта в психотерапии, следует отметить, что этот феномен выступает в качестве первичной реальности нашего существования. Симптомы, с которыми обращаются клиенты, являются производными от способов организации контакта с окружением. Любые изменения, которые производит человек, в том числе и в терапии, возможны лишь в контакте его со средой. Более того, вне контакта не существует self, который выступает его функцией, не существует потребностей и чувств. Вне контакта, наконец, как уже отмечалось в более ранней работе [3], не существует какой бы то ни было реальности вообще. Гештальт-терапевт – этот специалист по контакту, в фокусе внимания которого находятся способы организации клиентом контакта со средой. Ввиду хронификации self в результате трансформации острой ситуации сильной интенсивности в хроническую ситуацию слабой интенсивности терапевтический контакт становится отражением типичных способов организации клиентом контакта со средой. Таким образом, взаимодействуя с клиентом в терапевтическом процессе, терапевт получает доступ к восстановлению процессуальных ресурсов self клиента. Итак, в процессе терапии мы уже имеем все необходимое для изменения. При этом необходимо помнить, что изменения не подвержены в терапии прямому контролю²⁴, а возможны лишь посредством развития self в терапевтическом контакте [1, 3], т.е. как побочный продукт терапевтического процесса.

Литература:

1. Бейссер А. Парадоксальная теория изменений / Гештальт-2001. – Москва: МГИ, 2001. – С. 6-14.
2. Виллер Г. Гештальт-терапия постмодерна: за пределами индивидуализма. – М., 2005. – 489 с.
3. Погодин И.А. Психотерапия в эпоху постмодерна // Гештальт гештальтов: Евро-Азиатский вестник гештальттерапии. – 2007. – №1. – С. 26-37.

²⁴ В противном случае терапия как проект развития неизбежно трансформируется в педагогически-нарциссический проект.

Спецкурс «Учитесь властвовать собой» как фактор формирования адаптации и стрессоустойчивости у студентов первого курса

Ф.Ратнер,
Казанский гос. университет

Студенческий возраст – яркий и важный этап в формировании особенностей личности, поскольку именно в этом возрасте закрепляются базовые структурные компоненты индивида. Развитие личности и формирование профессиональных качеств каждого студента являются приоритетной задачей преподавателей высшей школы.

Проблема адаптации – не новая для высшей школы, но до сих пор не решенная до конца. Успех студентов в обучении, как широко известно, во многом зависит от того, насколько успешно и эффективно ими пройден этап адаптации к новым образовательным условиям. Процесс ее успешности во многом зависит от того, насколько полным объемом психолого-педагогической информации обладают о каждом студенте преподаватели, работающие с первокурсниками. С целью смягчения и ускорения адаптационного периода, как нам представляется, в каждом вузе должна быть программа «Система работы с первокурсниками», которая включала бы в себя целый комплекс психолого-педагогических мероприятий, среди которых наиболее важными нам представляются следующие:

- изучение психолого-педагогических характеристик каждого студента;
- оказание помощи путем индивидуального и группового консультирования. Для этой цели в каждом вузе должна быть создана психолого-педагогическая консультационная служба;
- подробное разъяснение требований и особенностей учебно-воспитательного процесса в высшей школе, включая виды контроля и виды самостоятельной работы студентов;
- создание комфортного психологического климата для успешной работы в каждой группе студентов;
- формирование и становление студенческого коллектива в каждой группе студентов;
- необходимость обеспечения единства подходов и требований со стороны всех кафедр, факультетов и общественных организаций вуза и др.

Исследования показывают, что процесс адаптации можно подразделить на несколько уровней: ориентировочный уровень, неустойчивая адаптация, относительно-устойчивая адаптация, поздняя адаптация и дезадаптация. В среднем, адаптационный период должен закончиться к концу второго месяца обучения в вузе.

Как свидетельствуют факты, существенное влияние на процесс адаптации оказывают следующие факторы: преемственность между школьными и вузовскими формами и методами обучения; возрастно-половые и

индивидуальные особенности личности; уровень и интенсивность познавательных потребностей и собственной познавательной активности; степень совпадения ожидания студентов по отношению к будущей профессии с реальностью обучения; особенности учебно-воспитательного процесса в каждом конкретном вузе; способность студентов выстраивать межличностные отношения с однокурсниками и преподавателями и др.

Наиболее остро процесс адаптации у большинства первокурсников протекает в 5-9 учебные недели. Именно в это время и нужна своевременная психолого-педагогическая помощь студентам.

Среди множества факторов, которые определяют работоспособность студента, наиболее важным является фактор психической устойчивости к стрессовым ситуациям. Формирование стрессоустойчивости – наиболее важная задача преподавателя, имеющего дело с первокурсниками. Именно эмоциональное напряжение выступает одной из главных предпосылок развития заболеваний различного генеза.

В настоящее время существуют три основных направления, в рамках которых изучают проблему стресса. Первое направление связано с работами исследователями, которые придерживаются теории стресса Г.Селье. Системное видение причин стресса как компонента в формировании пограничных нервно-психических расстройств и дезадаптации личности представляет второе направление. Видение природы стресса и совладания с ним Р. Лазаруса является наиболее распространенным направлением.

Основой стрессоустойчивости психологи называют саморегуляцию человека. Опробированный нами в течение многих лет небольшой спецкурс для первокурсников «Учитесь властвовать собой» является, на наш взгляд, одним из эффективных способов по развитию стрессоустойчивости и по оптимизации процесса адаптации. Кроме того, подготовка и проведение спецкурса помогают преподавателю выяснить готовность студентов к самостоятельной деятельности, так как в процессе работы над спецкурсом студентам предстоит большая самостоятельная деятельность по поиску информации в различных источниках и по подготовке первых самостоятельных выступлений перед товарищами по группе.

Спецкурс помогает также становлению коллектива в группе, что является, на наш взгляд, главной задачей преподавателя, работающего с первокурсниками. Разработанный нами спецкурс подразумевает проведение тренингов по регулированию самочувствия и снятию напряжения, экскурс в научную литературу, связанную с непосредственными проблемами спецкурса. При этом студенты сами ищут литературу, делают доклады и оценивают свои выступления. Большая роль падает на старосту группы, который должен решать при этом все возникающие в процессе работы организационные вопросы и проблемы. Задача преподавателя заключается в организации индивидуальных и групповых консультаций при подготовке докладов и сообщений по темам спецкурса.

Особенность спецкурса состоит также в том, что мы проводим его в те же часы, предусмотренные программой: на каждом занятии мы выделяем 15-20 минут для докладов студентов, которые должны быть представлены в логической последовательности предложенных тем спецкурса. Наиболее ярко и интересно проходят тренинги и заключительная деловая игра «Я умею управлять собой».

Спецкурс оказывает несомненную помощь как преподавателю, так и студентам. Об этом свидетельствуют многочисленные отзывы студентов, которые они дают в предложенных нами анкетах.

Нам могут возразить (и эти возражения можно признать резонными), что подобные мероприятия не входят непосредственно в функции преподавателя. Несомненно, наши оппоненты с формальной точки зрения правы, но наши слова обращены только к тем преподавателям, кто хочет овладеть мастерством и любит свою профессию, а, самое главное, хочет помочь студентам успешно «войти» в систему вузовской жизни и помочь им снять уровень беспокойства и тревоги, свойственный всем первокурсникам, оказавшимся в новых жизненных и образовательных условиях.

Литература

1. Баранникова С.А. Адаптация студентов и преподавателей к новым образовательным условиям // Специалист.- 2006.- №8.-С.18-20.
2. Лагереv В.В. Адаптация студентов к условиям обучения в техническом вузе и особенности организации учебно-воспитательного процесса с первокурсниками.- М.: НИИВО.Вып.3, 1991.-48с.
3. Молодцова Е.Ю. Формирование стрессоустойчивости у будущих педагогов // Стандарты и мониторинг в образовании.- 2007.-№2.-С.43-45.
4. Педагогические условия совершенствования адаптационных процессов в вузе // Межвуз. тематич. сб. – Барнаул: Изд-во: Алтайского ун-та, 1988.- 119с.
5. Сморнов А.Г. Вопросы динамики протекания социально – психологической адаптации студентов к вузу // Психологические условия профессионального становления личности в свете реформы общеобразовательной и профессиональной школы.- М., 1988.-Ч. 1.-С.100-101.
6. Смирнов С.Д. Психологические факторы успешной учебы студентов вуза // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 20. Педагогическое образование.- 2004.- №1.-С.10-34.
7. Чернова Ю.К. Теория и практика проектирования качественных технологий обучения. Дисс. ... докт. пед. наук.- Казань: КГУ, 1998.- 332с.

Условия применения методик диагностики в процессе семейного консультирования

Румянцева Т. В.,
МСГИ г.Ярославле

Тестирование является одной из самых популярных сфер деятельности психолога. Широкое применение психодиагностических методик происходит в рамках организационного консультирования, в частности в процессе оценки и подбора персонала. Однако использование тестирова-

ния в рамках семейного, супружеского консультирования не всегда уместно в силу временных ограничений встречи с клиентом. Ведь зачастую клиент рассчитывает только на одинарную встречу с консультантом, а многие психодиагностические инструменты требуют не одного часа работы. Тем не менее, именно дефицит времени делает тесты очень привлекательными в деятельности психолога-консультанта. Рассмотрим, в каких случаях методы психодиагностики желательны и необходимы в процессе психологического консультирования, каковы условия их применения.

Прежде всего, отметим, что психодиагностика позволяет сделать оценку индивидуальных особенностей клиента (особенности идентичности, характер, темперамент, способ эмоционального реагирования, зависимость - доминантность, ригидность – креативность, уровень самооценки), его отношение к другим людям более наглядными и доступными для него самого. Ведь от результатов тестирования труднее отмахнуться, делая вид, что их не существует. Они не только материальны (отражены на бумаге), но и не являются чужими для человека, он принял непосредственное участие в их появлении. Поэтому результаты тестирования могут выступать в качестве материала для совместного обсуждения с клиентом его проблемы, служить дополнительным стимулом для появления нового взгляда на жизненную ситуацию человека.

Особенно тестирование бывает полезным, когда сам клиент является немногословным человеком, которому трудно выразить в словах свои личностные особенности, отношения и т.д.

При консультировании супружеской пары тестирование дает возможность получить дополнительную информацию о совместимости партнеров, делает зримыми и различия, и сходство между ними. Кроме того, тестирование само по себе имеет психотерапевтическое значение (установление контакта, снятие напряжения, чувство значимости).

Данные тестов полезны для отслеживания динамики состояния клиента и оценки результатов консультирования. Как правило, необходимость в этом возникает, когда клиент сам не в состоянии адекватно оценить изменения, с ним произошедшие.

Для того чтобы процесс консультирования был эффективен, тестовый материал, применяемый специалистом, должен соответствовать следующим критериям:

- тесты должны быть достаточно просты в обработке;
- тесты должны быть доступны пониманию клиента (то, что непонятно, вызывает сопротивление и отвергается);
- тесты не должны требовать большого времени для своего выполнения;
- тесты должны быть связаны с основной темой консультирования.

Другими словами тесты должны быть просты в обработке для того, чтобы:

- консультант основное время консультации потратил именно на клиента и решение его проблемы, а не на обработку тестов;
- специалист мог оперативно получить необходимую информацию;
- еще в процессе консультирования клиент мог ознакомиться с результатами теста и, получив достоверные данные о себе, сделать соответствующие выводы.

В качестве иллюстрации опишем применение диагностического комплекса, разработанными нами для работы с семейными парами.

Опыт показывает, что обращение к психологу по семейным вопросам связано, прежде всего, с появлением у человека внутренней неудовлетворенности или в связи с трудностями в установлении, поддержании партнерских взаимоотношений, или в связи с негативной оценкой имеющихся отношений с партнером.

Причинами последней выступают многие факторы, но в качестве основных факторов неудовлетворенности отношений с партнером можно назвать:

1. трудность реализации своих личных потребностей;
2. конфликт между личными и семейными потребностями;
3. изменение эмоционального отношения к партнеру («охлаждение к нему») в ходе совместной жизни;
4. несоответствие реального поведения партнера в совместной жизни внутренним ожиданиям по отношению к его поведению;
5. несоответствие у партнеров уровней слияния – индивидуации (или сопринадлежности - отдельности);
6. несовпадение семейных моделей у партнеров;
7. обнаружение несовпадений во взглядах, позициях;
8. недостаточный уровень совместимости психологических характеристик партнеров.

Количество факторов, имеющих у одного человека одновременно, определяют *меру выраженности его неудовлетворенности* в целом. Диапазон переживаний может включать различные эмоциональные проявления: от уровня легкого недовольства, раздражения до состояния глубокого кризиса.

Именно указанные факторы неудовлетворенности выступают для нас отправными точками как для описания диагностического этапа консультирования (этапа сбора информации), так и для раскрытия содержания работы по повышению уровня совместимости и удовлетворенности партнерскими взаимоотношениями на других этапах консультативного процесса.

Консультанту, прежде всего, необходимо помочь клиенту в осознании факторов своей неудовлетворенности, в определении тех своих индивидуальных особенностей, которые способствуют или не способствуют развитию и укреплению партнерских взаимоотношений, позволяют осуществить прогноз совместимости партнеров.

Выполнение этих задач предполагает не только проведение диагностических процедур (опроса, наблюдения, анализа документов, тестиро-

вания и др.), но и требует от консультанта уделять большое внимание при дальнейшем процессе консультирования информированию, т.е. сообщению клиенту каких – либо сведений, психологических знаний, относящихся к различным аспектам (темам) взаимоотношений с партнером.

Особенности каждого указанного фактора неудовлетворенности могут быть исследованы определенными психодиагностическими методиками, при этом вывод относительно наличия и выраженности тех или иных факторов, определяющих неудовлетворенность отношениями необходимо делать на основе сопоставления результатов различных диагностических методик.

В литературе по психологическому консультированию рекомендуются к применению множество различных методов диагностики супружеских отношений. Нами используется следующий комплекс методик, включающий в себя авторские разработки, а также модификации известных методов (1, 2):

- Проективный рисунок человека;
- Методика «Кто Я?» (модификация);
- Методика «Полоролевые портреты» (авторская);
- Опросник Жанет Уойтитц «Правда или заблуждение» (модификация);
- Проективная методика «Круги взаимоотношений» (авторская);
- Проективный тест «Семейная социограмма» (модификация).

Данный комплекс показал свою практическую надежность и информативность в процессе супружеского и семейного консультирования. С его помощью раскрываются ключевые темы супружеского консультирования: индивидуальные особенности (самооценка, полоролевая идентичность, потребности); мотивы вступления в брак (ценности и функции семьи); выбор партнера (осознанность, стадии); динамика партнерских отношений (стадии); семейные модели (распределение ролей, самооценка); совместимость (уровни).

Данные темы не только отражают направление диагностики, но одновременно задают и направление информирования клиента, определяют содержательный компонент интерпретации консультанта.

Таким образом, для оказания эффективной помощи клиенту консультант используя диагностику, формулирует для себя ответы на следующие вопросы:

- Что за человек перед ним? Каковы его личностные особенности, самооценка? Как и кем себя воспринимает? Чем он увлекается?
- Каковы его представления о себе как о представителе своего пола? Как он воспринимает и оценивает представителей противоположного пола? Насколько данные представления согласованны или противоречивы?
- Каковы потребности и ожидания у клиента относительно семьи, своего партнера в супружеском союзе? Насколько эти потребности и ожидания реализованы в реальных отношениях с партнером?

- Как осуществлялся выбор партнера? Насколько он был осознанным?

- На какой стадии партнерских отношений находятся супруги? Какие кризисные периоды уже пройдены супругами? Как были преодолены эти трудные периоды (что именно помогло справиться и кто оказал помощь)?

- Из какой родительской семьи произошли супруги, насколько согласуются их семейные модели?

Именно данные вопросы выступают основным фокусом психологической диагностики в процессе супружеского консультирования, поскольку нахождение ответов на них позволяет определить уровень имеющейся совместимости партнеров, наметить способы и пути улучшения взаимоотношений и взаимопонимания.

Необходимо подчеркнуть, что в рамках консультирования применение психологических тестов обязательно должно включать в себя в качестве обязательного компонента информирование. Ознакомление клиента с результатами тестирования выступает основой для переформулирования им своей психологической проблемы, понимания ее сущности, способствует большему принятию ответственности за появление и развитие собственных жизненных затруднений.

Литература:

1. Румянцева Т.В. Психологическое консультирование молодой семьи и методы диагностики. Методические рекомендации для работы специалистов учреждений молодежи. Ярославль: Изд-во «Аверс - Пресс», 2005, 130 с.

2. Румянцева Т.В. Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре. Учебное пособие. - СПб.: Речь, 2006. - 176 с.

Рассмотрение дефектных сторон в межличностных аттракциях, являющихся следствием болезни личности

Сивакова М.А.

Казанский гос.университет, Казань – Санкт-Петербург

Из имеющегося множества таких сторон в данной публикации рассмотрим три.

Потеря опоры внутри себя и поиск её в других, так называемая компенсация. Как правило, человек не проявляет это содержание, формирует ложный образ - возникает невроз. Следствием этого процесса является формирование зависимости или созависимости, использования, нарушенный баланс в паре, чувство вины, заниженная самооценка, потеря чувства собственного достоинства у одного партнера и ощущение своей гиперзначимости, чувство превосходства - у другого. Уточним образ через метафору: у одного человека повреждена нога. Чтобы передвижение было возможно и минимально комфортно, он использует трость или костыль. Вот

такой «тростью», «костылём» и является другой для потерявшего внутреннюю опору человека. Модель таких отношений в отношениях *ОН-ОНА* дефектна, потому что один человек использует другого для обслуживания своей «инвалидности». И шансы добраться до истинных отношений, в которых все мы ищем человеческую близость, искренность, любовь, значительно уменьшаются. Получаем сочетание таких отношений, как:

*больной – сиделка,
больной – больной.*

Всякая действительная жизнь есть встреча.

М. Бубер

Один из способов уйти от встречи с собой - раствориться в другом.

Отдать ему или ей всего (всю) себя «во благо наших отношений». Все **наши** отношения, общее **мы** есть результат творческой совместности, где каждый что-то привносит в «общий котел». И предполагается, что это два свободных, удовлетворенных, успешных, имеющих свой жизненный процесс, самодостаточных человека. Два человека, которые строят отношения исходя не из недостатка и нехватки, а опираясь на избыток и изобилие.

В том случае, когда один человек «охотится» за другим, чтобы слиться с ним, аннулировав свою ценность, шансы на здоровые отношения опять-таки - минимальны. Один проявлен, а другой – фантом. Это приводит к нарушению баланса пары и влечет за собой уже описанные последствия и негативные гаммы чувств.

То есть «потерянный» человек ищет не встречи с собой, а убежище. Модель таких отношений - слияние. В них проявляется использование, манипулирование, потребление, в конечном итоге – отношение к другому как *оно*, то есть объекту, вещи.

Перенос ролей.

Взрослые (имеется в виду демографический возраст) мужчина или женщина ищут себе значимых его или её, а важный (и зачастую единственный подлинный) критерий при этом – потребность в заботе, тепле, защищенности. Словом, поиск того, кто бы взял на себя роль отца или матери. Естественно, это не осознается - и формируется ложный образ. В основе такого поиска лежит попытка удовлетворить свою - имеющую право на существование! - детскую потребность, т.к. в каждом из нас живет внутренний ребенок. Пребывание в социуме требует большой меры взрослости, предлагая взрослые задачи. И тогда мы вынуждены делать сверхусилие, чтобы соответствовать этим требованиям. Мы вытесняем потребности внутреннего ребенка, не давая им проявиться. В связи с этим накапливается неудовлетворенность, усталость, тревожность, развивается невротичность. И потребность в удовлетворении детского приобретает форму искажения: постоянно оттягивая на себя внимание, заставляет человека (чаще всего неосознанно) ориентироваться на «изголодавшуюся» детскую инстанцию.

Современные способы психофизиологической коррекции эмоционально-аффективных нарушений школьников

Уразаева Ф.Х., Уразаев К.Ф., Кисленко О.В.
Стерлитамакская гос. педагогическая академия, г.Стерлитамак

Одна из злободневных проблем современного общества это увеличение количества молодых людей с эмоционально-аффективными нарушениями, синдромами депрессивных состояний, тревожности, компьютерной и игровой зависимости, зависимости от психоактивных веществ. Известно, что различные формы физического и психического привыкания: к наркотикам, алкоголю, курению, компьютерным играм и т.п. существенным образом меняют личность школьника, они пагубно влияют на их социальные отношения, мировоззрение и ценности. Поэтому проблема создания новых способов реабилитации при таких нарушениях является наиболее актуальной. Кроме того, современная клиническая практика показала необходимость комплексного подхода, включающего разнообразные реабилитационные мероприятия.

Одним из перспективных направлений психотерапевтической реабилитации эмоционально-аффективных нарушений является стимуляция защитных механизмов мозга с помощью бинауральной терапии (БТ). Установлена эффективность применения БТ в качестве дополнения комплекса психотерапевтических мероприятий, проводимых с лицами, перенесших сильную психическую травму [1]. Современные исследования подтверждают, что определенным состояниям сознания соответствуют определенные картины ритмов мозга, а навязывание внешних ритмов является мощным средством воздействия на биоэлектрическую активность мозга. В 1975 году Р.А. Монро предложил метод стимулирования мозга с помощью бинауральных ритмов, который меняет состояние сознания человека, в частности, от нормального состояния к сонливому, либо к состоянию повышенного внимания. Механизмом этого воздействия является, отклик в электрической (ЭЭГ) активности мозга человека на частоте, идентичной частоте бинаурального ритма. Это присутствие резонансного отклика в теменных долях мозга в ответ на акустическое воздействие зафиксировано во многих ЭЭГ-исследованиях [2-4]. Однако данные методики способствуют повышенному росту возбуждения мозговой активности пациента, что негативно сказывается на его эмоциональном состоянии, и предназначены для введения здорового человека в измененные состояния сознания. Нами предложен новый вариант реабилитации эмоционально-аффективных нарушений человека с применением бинауральных ритмов реализуемый путем подбора ритмов, частота которых соответствует собственным индивидуальным частотным характеристикам мозга и типологии негативных изменений функционального состояния человека. Отличие данного предложения заключается в том, что методика послед-

него направлена на другой задачи, заключающуюся в приведении мозговой активности человека к нормальному типу (бодрость, расслабленность и спокойствие), что значительно ускоряет период реабилитации. При этом для выявления основных индивидуально-частотных, амплитудных, пространственно-временных характеристик электрической активности мозга человека проводят предварительную ЭЭГ-диагностику. В результате определяют типологию патологических изменений функционального состояния человека и анализируют соотношение этих изменений с психоэмоциональными нарушениями. Для формирования ритмической активности мозга в необходимом направлении, усиливают нормальную и ослабляют патологическую ЭЭГ-активность. Этот способ не имеет противопоказаний для использования его совместно с другими способами реабилитации (суггестивное воздействие, электростимуляция головного мозга, фотостимуляции и др.).

Целью нашей работы состояла в изучении возможности применения нового способ реабилитации для снижения депрессивных состояний, тревожности, компьютерной и игровой зависимости и отклонений психического развития детей. Исследование проводилось на 28 пациентах, детского и подросткового возрасте от 13 до 17 лет, имеющих эмоционально-аффективные нарушения. Комплексная реабилитация включала: воздействие бинауральных ритмов в сочетании с фоном спокойной музыки. Курс реабилитации составлял 10 процедур длительностью 30 мин.

До и после реабилитации оценивались психологические и психофизиологические показатели по различным методикам: тревожность по тестам Спилбергера-Ханина и Тэйлора; субъективные оценки самочувствия, активность, настроение по тесту САН; объективные оценки психофизиологического состояния с помощью корректурной пробы с кольцами Ландольта и электроэнцефалографического исследования (ЭЭГ).

Предварительная ЭЭГ-диагностика на 19-ти канальном электроэнцефалографе Нейрософт-Спектр-3, позволяла определить частотные, амплитудные, пространственно-временные характеристики электрической активности мозга пациентов и подобрать необходимые параметры бинауральных ритмов, сходные собственным частотным характеристикам пациентов.

При анализе динамики показателей психического и психофизиологического состояния школьников отмечено значимое их изменение от исходного уровня (таблица). После комплексной реабилитации в статистически достоверной степени снижался уровень ситуационной и личностной тревожности ($p < 0,01$) по тесту Спилбергера-Ханина, а также наблюдался спад количества ошибок по корректурному тесту, и повышалось самочувствие и настроение по методике САН, скорость обработки информации и средняя продуктивность по корректурной пробе ($p < 0,01$). При этом отмечены тенденции спада показателя тревоги по тесту Тейлора ($p < 0,05$) и позитивного роста объема работы, средней точности по методике Ландольта, мощности и частоты альфа-ритма ($p < 0,05$).

Динамика психологических и психофизиологических показателей после реабилитации школьников с применением бинауральной терапии. 10 сеансов, 28 чел., в возрасте 13-17 лет

№	Тесты	Наименование показателя	Изменения (в % от исходного уровня)
1	Спилберге-ра-Ханина	Ситуационная тревожность	-26,3**
		Личностная тревожность	-20,5**
2	САН	Самочувствие	18,0**
		Активность	12,7*
		Настроение	16,9**
3	Тейлора	Уровень тревоги	-17,7*
4	Ландольта	Объем работы	9,4*
		Количество ошибок	-18,1**
		Скорость обработки информации	15,3**
		Средняя продуктивность	19,4**
5	Фролова	Средняя точность	12,0*
		Адаптивность	32,3**
		Аффективность	-22,6**
6	ЭЭГ	Интегральный показатель психического состояния	-20,8**
		Мощность альфа-ритма	24,2*
		Частота альфа-ритма	8,7*

Примечание: Достоверность различий показателей относительно исходного уровня определялась по критерию Вилкоксона. * - $p < 0,05$; ** - $p < 0,01$.

Примеры:

1. Пациент Л-ко Г.Н., 14 года. Депрессия, аутизм, высокая социальная тревожность. До коррекции над обоими полушариями регистрировался альфа-ритм. Амплитуда: до 38 мкВ слева (до 49 мкВ справа) максимальная, 18 мкВ слева (19 мкВ справа) средняя. Доминирующая частота: 10,2 Гц слева (10,5 Гц справа).

Над обоими полушариями видны медленные волны дельта-диапазона до 116 мкВ передних отделах коры. После коррекции над обоими полушариями регистрируется альфа-ритм. Амплитуда: до 50 мкВ слева (до 54 мкВ справа) максимальная, 25 мкВ слева (26 мкВ справа) средняя. Доминирующая частота: 10,4 Гц слева (10,6 Гц справа). Активность медленных волн в норме. Психическое состояние существенно улучшилось. Настроение повысилось, стал улыбаться, входить в контакты со сверстниками.

2. Пациент Г-н А.Н., 12 лет. До коррекции напряженное стрессовое состояние, на фоне эпилепсии. Над обоими полушариями регистрируется альфа-ритм. Амплитуда: до 87 мкВ максимальная, 33 мкВ слева (26 мкВ справа) средняя. Доминирующая частота: 9 Гц. Межполушарная асимметрия альфа-ритма: 21% по амплитуде. Наблюдается низкочастотный бета-ритм частотой 14-20 Гц амплитудой до 89 мкВ слева (до 104 мкВ справа). Над обоими полушариями наблюдается высокочастотный бета-ритм частотой 20-35 Гц амплитудой до 195 мкВ слева (до 224 мкВ справа). Снижен порог судорожной активности. После коррекции: регистрируется альфа-ритм, амплитудой до 65 мкВ слева (до 56 мкВ справа) максимальная, 26 мкВ слева (23 мкВ справа) средняя. Межполушарная асимметрия альфа-ритма: 11% по амплитуде. Наблюдается низкочастотный бета-ритм частотой 14-20 Гц амплитудой до 22 мкВ слева (до 26 мкВ справа). Высокочастотный бета-ритм частотой 20-35 Гц амплитудой до 21 мкВ слева (до 25 мкВ справа). Таким образом, бета активность снизилась до нормы. Психическое состояние улучшилось, порог судорожной активности существенно повысился.

3. Пациент Ф-на А.А., 16 лет, Гиперактивность, задержка умственного развития. До: над обоими полушариями регистрируется альфа-ритм. Амплитуда: до 62 мкВ слева (до 64 мкВ справа) максимальная, 34 мкВ слева (35 мкВ справа) средняя. Доминирующая частота: 8,4 Гц. Видны медленные волны дельта-диапазона в передне-лобном-зоне до 98 мкВ. После: над обоими полушариями регистрируется альфа-ритм до амплитуды 61 мкВ слева (до 55 мкВ справа) максимальная, 30 мкВ слева (28 мкВ справа) средняя. Доминирующая частота: 8,6 Гц. Альфа-ритм доминирует в затылочных (O1A1, O2A2) отведениях. Медленные волны не наблюдаются. Поведение стало спокойным, эмоционально-уравновешенным.

4. Пациент Ц-в А.С., 16 лет. Повышенная психическая возбудимость, неадекватная поведенческая активность, агрессивность, предположительно вызванные перегрузкой в учебной деятельности. Предварительная диагностика по ЭЭГ выявила низкоамплитудный уплощенный альфа-ритм в левом полушарии в среднем 9 мкВ, собственные частоты - 8 и 10 Гц, доминирование в теменном отведении и отсутствие альфа-ритма в правом полушарии. После 10 коррекционных процедур (бинауральные ритмы 8 и 10 Гц) и использованием в качестве фона спокойной музыки, состояние клиента заметно улучшилось. Восстановился альфа-ритм в правом полушарии (в среднем до 15 мкВ); увеличилась амплитуда альфа-ритма в левом полушарии (17 мкВ). Повторное обследование через 3 месяца не обнаружило ухудшения состояния пациента, а даже несколько улучшилось зональное распределение мозговой активности.

5. Пациент С-н Р.Н., 17 года. Жалобы на зависимость к игровым автоматам и пониженное настроение. Предварительная диагностика по ЭЭГ выявила уплощенный альфа-ритм в левом полушарии (в среднем 9 мкВ), собственные частоты - 8 и 9 Гц, доминирование в лобном отведении слева и отсутствие альфа-ритма в правом полушарии. После 10 коррекцион-

ных процедур (бинауральные ритмы 8 и 9 Гц), патологическая зависимость у клиента снизилась, отмечается уверенность и желание зарабатывать деньги своим трудом. ЭЭГ: восстановился альфа-ритм в правом полушарии (19 мкВ), снизилась депрессия альфа-ритма по индексу при открывании глаз (от 100% до 76%). Повторное обследование не обнаружило ухудшения состояния пациента.

Литература

1. Уразаева Ф.Х., Уразаев К.Ф. Комплексная реабилитация эмоционально-аффективных нарушений // Сб. мат. Международной научно-практ. конференции. Сочи: Сочвест – ИНФРА – Образование. 2005. С.45-50.
2. Smith, J.C., Marsh, J.T., & Brown, W.S. Far-field recorded frequency-following responses: Evidence for the locus of brainstem sources. *Electroencephalography and Clinical Neurophysiology*, 1975, 39, 465-472.
3. Foster, D. S. EEG and subjective correlates of alpha frequency binaural beats stimulation combined with alpha biofeedback. *Hemi-Sync Journal*, 1990, VIII (2), 1-2.
4. Hiew, C. C. Hemi-Sync into creativity. *Hemi-Sync Journal*, 1995, XIII (1), 3-5.

Индивидуальные особенности школьников, проживающих на территории с повышенным содержанием ионов кальция и магния

Уразаева Ф.Х.

Стерлитамакская гос. педагогическая академия, г.Стерлитамак

Значимость проблемы психического здоровья детей и подростков обусловлена, прежде всего, особой важностью этого возрастного периода для всей последующей жизни человека, а также наличием негативных тенденций в состоянии окружающей среды. Воздействие экологических факторов физической и химической природы на человека, его здоровье и психику исследуется в последнее время особенно интенсивно (Ю.А. Александровский, 1991). В данной работе рассматривается влияние химического состава вод на формирование индивидуальных психофизиологических особенностей личности в подростковом возрасте в экологически неблагоприятном регионе с учетом системы многоуровневой индивидуальности. В рамках экopsихологического подхода к развитию психики окружающая среда (природная и социальная) может выступать для психики индивида, сознания и индивидуальности, как фактор влияния или условие, обеспечивающее возможность изменения и развития (В.И. Панов, 1997).

В исследовании участвовали 523 учащихся старших классов (249 юношей и 274 девушек, 16-17 лет), проживающих в относительно одинаковых социально-экономических условиях (28-и населенных пунктах сельского, населением от 1000 до 1500 чел).

С учетом современных представлений многоуровневое исследование системы индивидуальности включало:

1. Блок личностных свойств, которое проводилось с помощью следующих методик: тест Р. Кэттелла, форма "с" (Э.М. Александровская, И.Н.

Гильяшева, 1985); 4 шкалы теста Леонгарда-Шмишека (К. Леонгарда, 1981); сокращенный вариант Миннисотского многомерного личностного перечня (СМОЛ; В.П. Зайцев, 1981)

2. Блок психодинамических (темпераментных) свойств: тест Айзенка (Н.Ж. Eysenck, С. Sargent, 1982); опросник структуры темперамента. В.М. Русалова (В.М. Русалов, 1992); тест Д. Спилбергера (Ю.Л. Ханин, 1976). 6 темпераментных шкал теста Леонгарда-Шмишека.

3. Блок тестовых методов исследования нейродинамических свойств: тест Я. Стреляу (Я. Стреляу, 1982; М.В. Бодунов, Е.С. Романова, 1993).

Математико-статистическая обработка проводилась с помощью дисперсионного анализа (В.Ю. Урбах, 1964).

Для анализа химического состава вод привлекались данные из 46 пунктов за 1980-2000 гг. по содержанию ионов кальция (Ca^{2+}) и магния (Mg^{2+}) в поверхностных водах территории республики, концентрации которых в наибольшей степени откликается на экологические нарушения хозяйственной деятельности человека. Выбор этих химических элементов обусловлен их участием в ряде важнейших ферментативных процессов. Например, кальций обеспечивает жизненно важные функции: свертывание крови, проницаемость мембран, сокращение мускулатуры, передачу нервных импульсов, регуляцию сердечной деятельности, секрецию некоторых гормонов, активацию и стабилизацию ферментов (В.Б. Емельянов, В.А. Печатников, Ф.Ф. Ризванов, 1991; D.B. Endres, R.K. Rude, 1999). Магний является структурным компонентом широкого круга (приблизительно 300) ферментов, в том числе АТФ - зависимых ферментов. Этим определяется системное влияние магния на энергетические процессы во всех органах и тканях организма (Т.А. Гвозденко, 1997).

Статистический анализ психофизиологических различий в группах учащихся, проживающих в районах с дифференцируемым содержанием химических веществ, выявил значимость фактора качества поверхностных вод на формирование индивидуальных психофизиологических особенностей личности и их структуру. Рассмотрим психофизиологические параметры индивидуальности, по которым отличаются группы учащихся, проживающих в районах с низким, средним и повышенным содержанием кальция в поверхностных водах исследуемой территории.

Установлено, что повышение содержания кальция в водах сопоставимо на личностном уровне индивидуальности с повышением шкал мягкость/жесткость (тест Кэттелла; $p < 0.05$), коррекции (тест СМОЛ; $p < 0.01$). В тоже время в районах кальциевых вод наблюдается падение интеллекта (тест Кэттелла; $p < 0.01$), силы Я ($p < 0.01$) и уровней психопатологических шкал аггравации (тест СМОЛ, $p < 0.01$) ипохондрии ($p < 0.01$), ригидности ($p < 0.05$), тревожности ($p < 0.01$), раздражения (тест Басса-Дарки; $p < 0.01$).

Для уровня темперамента характерны следующие закономерности: при повышении содержания кальция снижаются эргичность предметная ($p < 0.01$) и социальная ($p < 0.05$), падает пластичность ($p < 0.01$), что в целом означает рост астенических особенностей темперамента.

Как видим, полученные результаты соответствуют исследованиям о донозологических состояниях лиц, проживающих в зонах экологического неблагополучия, что сопровождается усилением интровертированности и дисфункциями гипоталамуса, лимбического, вегетативного уровней нервной системы (В.П. Казначеев, С.В. Казначеев, 1986; С.В. Субботин, 1993). Так как среднее содержание кальция в водах по территории ниже установленных норм, то можно говорить о первом типе адаптивных реакций или истинной физиологической адаптации, при сохранении гомеостаза и функционировании всех систем организма.

Связи между содержанием ионов магния в воде и показателями разных уровней индивидуальности, как для общей выборки, так и по половым различиям, фактически совпадают с зависимостями для кальция. Отметим лишь различия в некоторых свойствах индивидуальности, имеющих энергетический характер, и связанные с воздействием антропогенной частью этого химического компонента.

Личностный уровень индивидуальности подростков, проживающих в условиях магниевых вод представлен, низкими значениями шкалы независимость/ подчиненность (тест Кэттелла; $p < 0.05$) и высокими – физической агрессией (тест Басса-Дарки, $p < 0.05$). Остальные характеристики темперамента имели нелинейные зависимости от концентраций химического состава. Так при средних значениях содержания ионов магния, усиливается социальный темп и социальная эмоциональность ($p < 0.01$) и акцентуация гипертимического типа ($p < 0.05$). Следующий уровень индивидуальности выявил усиление подвижности нервных процессов ($p < 0.05$) подростков, проживающих в районах с магниевыми водами.

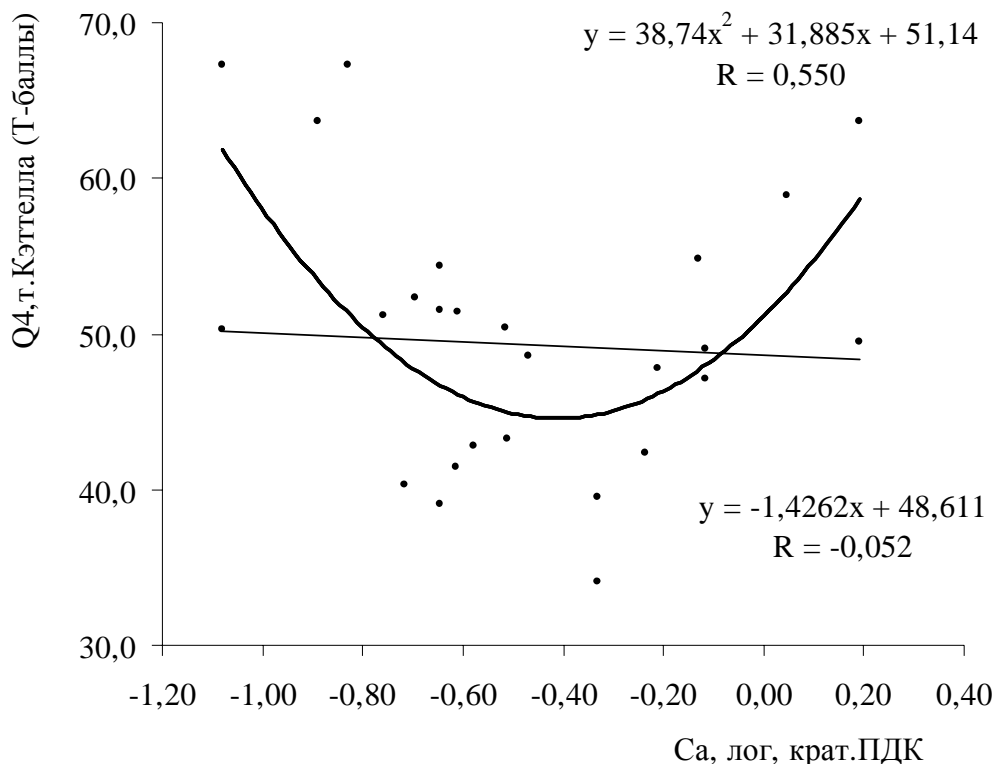

Рис.1. Связь напряженности подростков от содержания кальция в поверхностных водах. N=28.

Выявлено наличие нелинейных зависимостей между химическим составом вод и некоторыми стрессовыми характеристиками личности. Как видим, на рис. 1 прослеживается оптимально низкая зона по шкале напряженность/расслабленность (тест Кэттелла). Вне этой зоны, при низких и высоких концентрациях кальция, магния, наблюдается интенсивный рост напряженного состояния подростков. Отметим, что верхний предел наступает до наступления ПДК изучаемых химических компонентов

Экспериментально установлена значимость химического состава вод для формирования свойств многоуровневой индивидуальности подростков. Влияние кальция в пределах изучаемых концентраций проявляется в интровертированности и дисфункции гипоталамуса, лимбического, вегетативного уровней нервной системы, при позитивном функционировании биологических систем индивидуальности подростков. При оптимальных концентрациях магния в водах обнаружено усиление динамических свойств индивидуальности. Использование психологических показателей стрессового состояния позволяет провести уточнение нормативов концентраций кальция и магния в воде.

Литература

1. Александровская Э.М., Гильяшева И.Н. Адаптированный модифицированный вариант детского личностного вопросника Р. Кеттелла. Методические рекомендации. Л.: ЛНИПИ им. Бехтерева, 1985. 33 с.
2. Александровский Ю.А. Психогении в экстремальных условиях. М.: Медицина, 1991. 96 с.
3. Бодунов М.В., Романова Е.С. Анализ факторной структуры пересмотренной версии темпераментального опросника Стреляу на примере русской и немецкой популяции // Психол. журн. 1993. Т.14. № 3. С. 56-66.
4. Гвозденко Т.А. Возможности бальнеотерапии углекислой гидрокарбонатной магниевой-кальциевой водой. Томск, 1997. 134 с.
5. Емельянов В.Б., Печатников В.А., Ризванов Ф.Ф. Влияние кальция на осмотические свойства митохондрии //Биофизика живой клетки, 1991, вып.2, Пушино. С.15.
6. Зайцев В.П. Вариант психологического теста MINI-MULT //Психологический журнал. - 1981. N 3. С. 118-122.
7. Казначеев В.П., Казначеев С.В. Адаптация и конституция человека. Новосибирск: Наука, 1986. -120 с.
8. Леонгард К. Акцентуированные личности. Киев: ВШ, 1981. 390 с.
9. Лувсан Г. Очерки методов восточной рефлексотерапии. Новосибирск: Наука, 1991. 432 с.
10. Панов В.И. Экопсихология: сознание, развитие, детство. Вестник РГНФ, 1997, №3. С.227-234.
11. Равич-Щербо И.В. Метод близнецов в психологии и психофизиологии // Проблемы генетической психофизиологии человека. М.: Наука, 1978. С. 22-47.
12. Русалов В. М. Опросник структуры темперамента. М.: ИП РАН, Смысл, 1992. 36с.
13. Стреляу Я. Роль темперамента в психическом развитии. М.: Прогресс, 1982. 231с.

- 14.Субботин С.В. Экологический подход в исследовании половых психологических различий у детей //Тез. докл. междунар. конф. Пермь,1993. С.308.
- 15.Табеева Д. М. Иглотерапия. М.: Ратмос, 1994. 472 с.
- 16.Ханин Ю.Л. Краткое руководство к применению шкалы реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера. Л.: ЛНИИФК, 1976. 18 с.
- 17.Endres DB, Rude RK. Mineral and bone metabolism //Tietz Textbook of Clinical Chemistry. Philadelphia: W.B Saunders Company; 1999. p. 1395-1457.
- 18.Eysenck H.J., Sargent C. Explaining the unexplained: Mysteries of the paranormal. London, 1982. 47p.
19. Урбах В.Ю. Биометрические методы. М.: Наука, 1964. 415 с.

Релаксационный и ассертивный тренинги как средство адаптации онкологических больных

М.В.Федоренко ТГГПУ, Казань
З.А.Афанасьева КОД МЗ РТ, Казань

Исследования в области психологических проявлений и последствий стресса являются в настоящее время одной из наиболее актуальных тем. Это нашло отражение в работах Е.Д.Соколовой (1996 г.), В.Я. Апчела (1999 г.), Б.Колодзина (1997г.), И.Брызгунова (1999г.), Т.Гринтинга (1994г.), А.Б. Леонова (2003г.) и других авторов. Для снятия вредного воздействия психологического стресса на здоровье, нами был проведен психологический тренинг с больными раком щитовидной железы после радикального лечения.

Тренинг способствуют более эффективному прохождению лечения, последующему восстановлению, возврату больных к активной, полноценной жизни, снижению риска рецидива заболевания. [(Б.Ю. Володин и соавт., 1999г.); (Г.М Манихас., Р.Н Оршанский., 1999г.); (О.Н. Шарова. и соавт., 2002г.); (D.K.et Payne al., 1997г.); (J.A.Lewis et al., 2001г.)] Если человек хочет направить свои усилия на сохранение здоровья, то на стрессовый импульс он должен осознанно отвечать релаксацией. С помощью этого вида активной защиты человек в состоянии помешать воздействию стрессового импульса, задержать его или (если стрессовая ситуация еще не наступила) ослабить стресс, предотвратив тем самым психосоматические нарушения в организме.

Цель тренинга: повышение стрессоустойчивости, снижение личностной тревожности, повышение самооценки и уверенности в достижении цели.

Программа тренинга включает: приобретение навыков релаксации; арттерапию; работу со снами, понимание образов своего подсознания; ролевые игры; раскрытие и мобилизацию ресурсов личности.

Основная задача тренинга - обучение методу прогрессивной мышечной релаксации по Джекобсону. Джекобсон исходил из общеизвестного

факта, что эмоциональное напряжение сопровождается напряжением поперечно-полосатых мышц, а успокоение - их релаксацией. Если человек хочет направить свои усилия на сохранение здоровья, то на стрессовый импульс он должен осознанно отвечать релаксацией. С помощью этого вида активной защиты человек может помешать воздействию стрессового импульса, задержать его или (если стрессовая ситуация еще не наступила) ослабить стресс, предотвратив тем самым психосоматические нарушения в организме. Активизируя деятельность нервной системы, релаксация регулирует настроение и степень психического возбуждения, позволяет ослабить или сбросить вызванное стрессом психическое и мышечное напряжение. Снимая с помощью произвольного самовнушения напряженность определенной группы мышц («дифференцированная релаксация»), можно выборочно влиять на отрицательные эмоции. Каждая область мозга функционирует в связи с периферическим нейромускулярным аппаратом, создавая церебронейромускулярный круг. Произвольная релаксация разрешает влиять не только на периферическую, но и на центральную часть этого круга. Под релаксацией Джекобсон понимал не только релаксацию мышц, но и состояние, противоположное психической активности.

Для нормализации эмоционального состояния, повышения самооценки, преодоления страхов, психокоррекции стрессовых и кризисных состояний, мы использовали рисование.

Для субъективной установки на самого себя, социальной готовности и способности ее адекватно реализовать мы включили комплекс элементов «ассертивного тренинга».

Функционирование мотивационной сферы осуществляется по принципу саморегуляции организма. Очень важно для онкобольных находиться в гармонии со своим телом, элементы «гештальт – терапии» помогли решить эту задачу.

Материалы и методы. Тренинг проводился параллельно с двумя группами женщин закончивших радикальное противоопухолевое лечение (23 человека, средний возраст которых $46,3 + 1,4$), два раза в неделю, по два-три часа каждый, в течение двух месяцев. В нашей групповой работе мы ориентировались на оказание психологической помощи, а не на лечебное воздействие. Учитывая тот факт, что пациенты предыдущие этапы (от момента установления диагноза злокачественной опухоли и до выписки из стационара) прошли без психологической помощи, наша работа исходила из принципа ненанесения ущерба. Тренинг был организован таким образом, чтобы ни его процесс, ни его результаты не наносили участникам вреда: их здоровью, состоянию или социальному положению. Занятия проводили только после извещения пациентов о цели этих занятий, о применяемых методиках, способах использования полученной информации и получения согласия больных в них участвовать. Также мы ориентировались на формирование навыков саморазвития личности в целом.

Контрольная группа - 56 человек. Больные тестировались до тренинга и после, с помощью опросников: ММРІ (СМОЛ), САН (самочувствие, активность, настроение), шкала Спилбергера – Ханина, для выявления личностных особенностей и влияния психокоррекционной работы

Все больные раком щитовидной железы характеризуется такой личностной особенностью, как выраженная личностная тревога (тест Ч.Д.Спилбергера, Ю.Л.Ханина, 7-я шкала СМОЛ). Мотивационная направленность личности этих больных – на соответствие нормативным критериям, как в социальном окружении, так и в сфере физиологических функций своего организма. Для больных характерны снижение мотивации достижения цели, отсутствие спонтанности, непринужденности, непосредственности поведения, хороший самоконтроль, невыраженное честолюбие, отсутствие лидерских черт и стремления к независимости, приверженность общепринятым нормам поведения, конформизм, сверхответственность, сочетающаяся с тенденцией к избеганию серьезной ответственности из-за страха не справиться. Стиль их мышления инертный, догматический с опорой на существующие правила и инструкции. Основой познания окружающего мира являются готовые общепринятые штампы. В межличностных отношениях проявляют высокую требовательность как к себе, так и к другим в плане соответствия моральным критериям социума. Эмоциональная лабильность характеризуется неустойчивостью эмоций и конфликтным сочетанием разнонаправленных тенденций: сдержанность сочетается с раздражительностью, эгоистичность – с альтруистическими декларациями, агрессивность – со стремлением нравиться окружающим, что способствует трансформации эмоциональной напряженности в болезненные реакции всего организма. Снижен порог толерантности к стрессу. В стрессе идет блокировка активности или ведомое поведение, подчинение лидирующей личности.

Результаты. Цель, поставленная перед проведением психологического тренинга, была выполнена: тренинги оказали положительное влияние на больных раком щитовидной железы. У них повысилась активность, устойчивость интересов, оптимистичность (шкала 9 СМОЛ, САН), снизилась выраженность невротической симптоматики, эмоциональная лабильность (шкалы невротической триады 1,2,3 СМОЛ), снизилась личностная тревожность (шкала 7 СМОЛ, тест Ч.Д.Спилбергера, Ю.Л.Ханина), повысились оптимистичность, самооценка, уверенность в достижении цели - в отличие от больных контрольной группы, которые не проходили психотренинг.

Вывод: ассертивный и релаксационный тренинги улучшили психологический статус, повысили стрессоустойчивость больных раком щитовидной железы после радикального противоопухолевого лечения.

Трансмодальный субъектный подход в психологическом консультировании проблем созависимости

Хохлова Л.П., Институт психологии и педагогики, г. Москва
Мун И.Ю., г. Санкт-Петербург

Созависимость во взаимоотношениях начинается тогда, когда два человека, ищут друг в друге то, что по их ощущениям отсутствует в них самих, и сходятся вместе, что бы образовать одну целостную личность. Они объединяются для создания психологической завершенности или независимой личности. Это как раз то, что мешает личностному росту и развитию субъектности.

Созависимые люди пытаются спасти других потому, что для них эти действия компенсируют внутренний дискомфорт, душевную боль, более того, таким образом, человек как бы "убегает" от нерешенных проблем, имея вполне законное оправдание ухода от самого себя – "он помогает другим". Блокирование развития личности может наступить практически на любом этапе. Впоследствии человек оказывается не в состоянии строить ответственные и суверенные взаимоотношения с окружающими. Напротив, у него развивается склонность к созависимым отношениям, присутствует тенденция «уходить» от самостоятельного решения проблем или, наоборот, сверхответственность, как попытка нейтрализовать тревожность и чувство собственной несамостоятельности через стремление к контролю.

По-видимому, корни этого феномена лежат в фиксации на младенческом периоде развития. Нередко родители заполняют пространство выбора и не дают ребенку возможности самостоятельных действий и опыта. С точки зрения холодинамики (В.Вульф) в определенный период развития ребенок интуитивно ищет свою собственную силу и устанавливает связи с ней. Есть шесть стадий развития человеческого разума и, находясь в каждой стадии, ребенок до десятилетнего возраста получает все эти возможности развития контакта с собственной силой. Особенно важно развитие доверия и ответственности. Если же происходят определенные события, сковывающие активность человека, то появляются мыслемы, застывающие в своем развитии.

Жизнь созависимого человека полностью поглощена значимым другим, т.к. когда-то у него нарушился контакт с собственными субъектными мирами. Холодинамические методы (В.Вульф) и методы трансмодальной субъективной психотерапии и консультирования (Л.П.Хохлова) дают возможность выявить игры холодайнов, которые происходят бессознательно и трансформировать их. Человек перестает быть пассивным, у него начинает развиваться рефлексивное мышление, появляются цели самосовершенствования.

Холодинамика рассматривает любое событие, любую игру, любые последствия как результат свободного соглашения всех участников. Выбор этот свободен для всех, какой бы ни была игра, она была выбрана самими

участниками. Человек, обращенный к своему внутреннему миру, начинает понимать то, как он может научиться брать на себя ответственность за свои действия, делиться, взаимодействовать и сдерживать свою агрессию, адекватно относиться к авторитету других, выражать свои чувства словами и эффективно справляться со страхом и тревогой. Для него становится привычным - доверять своей внутренней силе, т.е. заявить о себе, а не дожидаться, что кто-то другой будет управлять его поведением.

Как считает психиатр Дэвид Шайнберг, руководитель психоаналитической программы для аспирантов при Институте психиатрии Уильяма Алансона Уайта (Нью-Йорк), утверждение физика Д.Бома о том, что мысли подобны образующимся в реке вихрям, отнюдь не поэтическая метафора: именно так устанавливаются наши представления, которые поэтому так трудно порой изменить, вихри могут быть удивительно устойчивыми. Д.Шайнберг полагает, что механизм, обеспечивающий устойчивость вихрей, заложен в определенных вихрях мысли (наши идеи и мнения), время от времени укрепляющихся в сознании. Он считает, что постоянство некоторых вихрей в нашем сознании часто тормозит наше умственное развитие. Особенно мощный вихрь может захватить власть над нашим поведением и противодействовать нашей способности воспринимать новые идеи и информацию. Он может заставить нас повторять одни и те же идеи, создавать препятствия и изолировать от общения с окружающими. В холодинамике такие «вихри» называются холодайнами – самоорганизующимися системами, мыслеформами. Чтобы получить доступ к холодайнам, отвечающим за накопленный опыт, необходимо научиться рефлексировать с тем, что находится внутри нас. В социальной психологии рефлексия рассматривается как способность размышления за другое лицо, как способность понять, что думают другие лица. К этому пониманию можно добавить следующее: **рефлексия как способность понять как думают холодаины, что они хотят, чего хотят на самом деле.** В процессе холодинамического отслеживания клиент имеет возможность посмотреть на проблему в целом, с разных позиций. Такая внутренняя ролевая игра дает возможность осмыслить происходящее, осознать разницу своего восприятия ситуации и реагирование на нее другими. Определить новую линию поведения, которая поможет лучше контактировать с окружающими.

В нашей практической работе применяются методы отслеживания (В.Вульф), холодинамический сценарный анализ (Л.П.Хохлова), методы работы с множественными персональностями (Л.П.Хохлова), приемы сочетающие арт -терапию и холодинамическое консультирование.

Пример. Женщина хочет разобраться в своих взаимоотношениях с мужчиной. По ее словам они не могут жить друг без друга, а когда находятся вместе, то испытывают эмоциональное напряжение и ссорятся. Клиентке было предложено найти два холодайна, которые не могут договориться между собой, вот что получилось:

Он и она

Он - сильный голодный, почти безмозглый, больше животное

Она - хитрая, ускользающая, провоцирующая

В работе с клиенткой выяснилось, что во взаимодействии холодаинов – «она» имеет определенные желания, которые ей лень достигать самостоятельно, а у него много силы и почти нет желаний, она его провоцирует, он рад, наивный, думая, что он сильнее, но на самом деле, танцует под чужую дудку. При этом она получает то, что хочет, а он доказывает, что без него ни чего не будет. В результате холодинамической трансформации холодаины преобразовались Он – получился в виде цветка. Она – жеребенок. Жеребенку нравится любоваться цветком. Цветку приятно, что на него обращают внимание, и он в ответ дарит хорошее настроение, запах. Прошло две недели после этой консультации и у клиентки пришло ощущение, что цветок статичен – дальнейшая работа с холодаином привела к тому, что он преобразовался в коня. Теперь хорошо, они могут быть вместе, помогать друг другу, им легче договариваться, они похожи и думают на одном смысловом «языке».

Это работа с мыслеформами на внутреннем плане. Осмысление, пересмотр и, наконец – трансформация застрявшего в своем развитии холодаина, который мешал идти к цели. Полученный клиенткой как результат в процессе работы развивающийся, «живой» холодаин, помог усилить «Волну интереса» при решении поставленной ею задачи. В данном случае определился следующий результат - были налажены взаимоотношения между мужчиной и женщиной. Взаимоотношения стали комфортными и гармоничными, каждый увидел самого себя в этих отношениях. Заметим, что мужчина на консультации не присутствовал, работа происходила только с заявительницей проблемы. Но позитивные изменения произошли и у мужчины.

Сколько раз можно слышать от клиента, что ему все мешают, и что не может ничего сделать для себя, делает все для других. Что мешает заняться собой, конечно можно говорить, что это они и я тут ни причем. А кто создает эту ситуацию? Типичное мнение клиентов: « Когда я собираюсь заняться делом, которое знаю, что нужно сделать, меня всякий раз что-то или кто-то отвлекает. » Отвлечение может стать настолько сильным, что в окружении человека с потребностью в созависимости могут появиться люди с сильной психологической зависимостью и, соответственно, начнут забирать все время и силы.

Применение холодинамического сценарного анализа позволяет клиенту производить нелинейную рефлексивную работу не одного, а сразу множества холодаинов, выявляются внутренние, скрытые от сознания клиента смысловые конструкции заявленной проблемы. При трансформации холодаинов происходит раскрытие новых смыслов. Опыт в таком общении позволяет клиенту выработать новое видение себя, людей, мира в целом. Хо-

лодайн проблемы – это ее причинный потенциал, и когда он находится в неразвивающемся состоянии, то в этом случае холодайн управляет человеком или ситуацией. **Человек находится в созависимости от мыслеформ – холодаинов, которые сам и создал. Холодаины проецируются по резонансу из внутреннего мира в мир внешний, находя игроков среди людей.** Часто за чувство любви принимается резонансная созависимая связь множественных персональностей. Происходит подмена реальной жизнедеятельности - игрой холодаинов. Если человек получил доступ к своему внутреннему миру проблемы (а этому можно научиться), то в диалоговой форме, основанной на принципе взаимоуважения клиента и холодайна, происходит раскрытие до этого скрытых смыслов, чувств, действий и отношений, выявление позитивного намерения, скрытой способности. Трансмодальный субъектный подход при решении проблем групповых или личных предоставляет возможность осуществить развитие до этого момента застывших субъектных форм, а ныне являющихся побудителями проблем.

Литература:

- 1.В.Вульф. Холодинамика. Вся сила в действии. М.,1995
- 2.М.Талбот. Голографическая Вселенная. М.,2004
- 3.Л.П.Хохлова. Трансдисциплинарный холодинамический подход к структуре личности. "Вопросы ментальной медицины и экологии ", том V111 № 2, 2002, Москва-Павлодар
- 4.Хохлова Л.П. Методы холодинамического консультирования и психотерапии. В сб. Материалов IV Всероссийской научно-практической конференции "Психология и психотерапия. Психотерапия детей, подростков и взрослых: состояние и перспективы", 6-7 февраля 2002 г., Санкт-Петербург
- 5.ХохловаЛ.П. Метод хаосообразования как информационное конструирование целесообразных ситуаций. Сб. материалов VI Международной Конференции "Когнитивный анализ и управление развитием ситуаций "CASC'2006 , Институт проблем управления РАН, М.,2006 <http://www.mtas.ru/> в разделе "Конференции и семинары"

Влияние названия на восприятие реальности

Н.Ю. Хусаинова и О.В. Ефимова
Казанский гос. университет

По Ж. Лакану, суть означаемого – это явление, суть означающего – это обозначение явления через средства языка.

Человек обозначает те или иные явления, сопровождающие его в жизни, подбирает им названия, вкладывая в них максимальный смысл переживаемого явления. Каждый раз, когда человек берет на себя функцию означающего (то есть называет что-либо), происходит следующее: в этот момент говорит не только человек, но и через человека говорит означающее (через структуру языка) и последствия этого заключаются в том, что природа человека «становится сотканной из последствий, в которых обнаруживается структура языка» (Ж. Лакан). И эти последствия

вливают прямым образом на означаемое, так как оно кроется в этой самой природе человека. И. Польстер, изучая это взаимодействие (называния и восприятия) обнаружил, что название чего-либо влияет на то, как человек воспринимает потом то, что сам же назвал.

Проблема названия и восприятия в данной работе рассматривается через актуальное явление – любовное отношение между мужчиной и женщиной. Контекст исследования любовных отношений основан на двух Лакановских суждениях: «наслаждение тела» и «наслаждение телом», которые имеют принципиальные различия в психической реальности человека, переживающего 1 из 46 типов любви – секс. По Ж. Лакану, «наслаждаться телом» значит выступать в роли субъекта, наслаждающегося частью тела другого. **При «наслаждении тела» человек выступает как объект этого наслаждения**, так как в этом процессе наслаждается Другой (Лакановское понятие) Здесь «означающее располагается на уровне наслаждающейся субстанции». «Означающее – это причина наслаждения», так как роль этой части тела, которой субъект наслаждается, всегда обозначена. Означающее является границей наслаждения, в некотором смысле означающее ограничивает означаемое, перенося его смысл на конкретный объект, на телесность человека.

Целью данного исследования является эмпирическое подтверждение теоретического положения Ж. Лакана о влиянии названия на восприятие (влияние означающего на означаемое).

Объектом исследования являются категории «означаемое» и «означающее», имеющие отношение (соответственно) к реальности и к тому, как называется эта реальность.

Предмет исследования – влияние означающего на означаемое, демонстрируемое через виды любви, отражающиеся в индивидуальной концепции любви испытуемых.

Общая гипотеза исследования: поскольку по Ж. Лакану, означающее **влияет** на означаемое, то виды любви испытуемого, где он предстает как субъект и объект любви, исходя из специфики их **называния**, будут воздействовать на стремление человека к определенному желаемому (идеальному) виду любви.

Частная гипотеза: поскольку по Ж. Лакану, человек как субъект наслаждения, при экспериментальном анкетировании выберет секс (как вид любви) в рубрике «R» (либо как объект наслаждения другого – секс в рубрике Z), то вид его идеальной любви (I) будет отличаться по сравнению с теми, кто в качестве «R» «Z» любви не выбирает секс; (в авторской анкете Н.Хусаиновой – А.Гиниятуллиной «46 типов любви» R – вид любви, который сам испытуемый испытывает по отношению к другому человеку, Z – вид любви, которым любят испытуемого, I – вид желаемой любви или любовь, о которой мечтает испытуемый).

В контексте этих гипотез в эксперименте выбор или не выбор испытуемым (при анкетировании) **себя как объекта и субъекта наслаж-**

дения сексом (как разновидности 46 типов любви) будет влиять на любовь, о которой он мечтает.

Эксперимент обнаружил следующее:

- Испытуемым **женского пола, которые не называют себя субъектами и объектами наслаждения** – секса как вида любви, в большей мере свойственно мечтать и стремиться к видам любви и человеческих отношений в целом, которые основаны на переживании духовной близости, с помощью которой возможно преодолеть чувство одиночества и внутренней отделенности.

- Испытуемым **женского пола, которые называют себя субъектами и объектами наслаждения** – секса как вида любви, свойственно стремиться к таким видам любви, которые имеют составляющую – секс, как основу любви.

- Испытуемым **мужского пола, которые не называют себя субъектами и объектами наслаждения** – секса как вида любви, так же, как и молодым девушкам, в большей мере свойственно мечтать и стремиться к видам любви и человеческих отношений в целом, которые основаны на переживании духовной близости, с помощью которой возможно преодолеть чувство одиночества и внутренней отделенности, но в то же время появляется потребность скомпенсировать одиночество за счет заботы о любимом человеке и ощущением нужности ему.

- Испытуемым **мужского пола, называющими себя субъектами или объектами наслаждения** – секса как вида любви, свойственно стремиться к таким видам любви, которые имеют составляющую – секс, как основу любви. Для них также характерно испытывать потребность в компенсации собственной неполноценности.

- В целом, можно сделать вывод, что девушкам, в отличие от юношей, более характерна романтичность в отношениях и проявление эгоизма в то время как юношам более свойственно сведение любви к удовлетворению физических потребностей.

- При анализе общего содержания видов любви, которые максимально выражены в идеальной любви у испытуемых, не называющих себя субъектами или объектами наслаждения сексом, как вида любви, есть гендерные различия. В женской группе преобладают виды любви, в которых, во-первых, присутствует романтическая составляющая, во-вторых, в меньшей мере выражена дефицитарная составляющая любви, в-третьих, присутствует секс как желаемый вид любви.

Исходя из полученных результатов, можно утверждать, что девушкам свойственно искать в любви удовлетворение для целого комплекса своих потребностей (например, потребность в романтических отношениях, в заботе, в надежности, в защите, а также потребность в физической составляющей отношений), тогда как юноши больше нуждаются в осознании собственной ценности и нужности любимому человеку.

Ценной в контексте полученных результатов является Ла кановское утверждение о том, что любовь, в узком смысле этого слова, существует только при условии, что причиной любви является человек, по отношению к которому будет реализовываться это чувство. Это означает, что конкретный субъект должен занять место причины желания. Эксперимент обнаружил, что такое смещение причины желания происходит только у людей, которые не называют себя субъектами и объектами наслаждения – секса как вида любви.

Методика семейно-групповой психотерапии детей и подростков

Ю.С.Шевченко

Российская мед. академия последипломного образования, г. Москва

Мы разделяем мнение ведущих детских специалистов о том, что детский и подростковый психотерапевт – всегда психотерапевт системный, семейный, групповой (Захаров А.И., 1998; Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В., 1999; В.Е.Каган, 2000; Ремшмидт Х., 2000; Бремс К., 2002 и др.). Учитывая это, на основе концепции «Онтогенетически ориентированной (реконструктивно-кондуктивной) психотерапии» (Шевченко Ю.С., 1995), нами разработана интегративная методика интенсивно-экспрессивной психотерапии и психокоррекции (ИНТЭКС). Она представляет собой девятидневный цикл эмоционально-стрессового воздействия на группу детей и их родителей с целью ликвидации нервно-психических отклонений, а также обеспечения их первичной и вторичной профилактики в процессе **радостного взросления** (Шевченко Ю.С., Добридень В.П., 1995; 1998; 2004).

Методика ИНТЭКС проводится с одновозрастной группой пациентов, объединенных по принципу общности болезненных нарушений (неврозы, заикание, психосоматические расстройства, поведенческие девиации и т.п.), либо личностных проблем. Специфика методики (3 – 5-ти часовые занятия, большая численность группы детей и родителей, многообразие психокоррекционных задач, а также используемых приемов психологического воздействия), обуславливает проведение ее двумя котерапевтами. В качестве котерапевтов могут выступать психотерапевт и логопед, психотерапевт и психолог, специалист - психокорректор и музыкотерапевт и т. д.

Основными принципами методики ИНТЭКС являются следующие:

1) привлечение к психотерапевтическому процессу всей семьи и обязательное активное участие в групповых занятиях как минимум одного ближайшего родственника.

Конкретными примерами реализации данного принципа в методике ИНТЭКС являются такие приемы, как создание "Семейного герба", веде-

ние "Домашней бухгалтерии", задание "Рисунок глаз" членов семьи, проведение "Родительского массажа" и "Материнского гипноза", пантомима "Родительские профессии", совместная работа над "Неоконченными рассказами";

2) наглядно-чувственная диагностика проблем пациента для него самого и его близких с целью повышения собственной ответственности за их решение.

Для этого используются проблемные игры на вербальное и невербальное общение, задания на преодоление физического и социального страха, на умение командовать, излагать свои мысли, рассуждать и делать выводы из полученного опыта, игры на эрудицию и умение соблюдать правила;

3) эмоционально-стрессовый характер лечебного процесса, во время которого порой небезболезненное обнажение и максимальная экспрессивность психотравмирующих конфликтов перекрывается событиями, насыщающими жизнь пациента ощущением праздника, подвига, творческого горения.

Специально моделируются проблемные и конфликтные ситуации, игры на выигрыш и проигрыш, используется известный прием "Горячий стул", составляется "Общественная характеристика", осуществляется коллективное обсуждение деструктивного поведения, провоцируется преодоление социофобии во время выступления в "Клоунаде" и "Вечере юмора", последовательно реализуется система "Подвигов", проводится эмоционально-стрессовое внушение во время заключительного сеанса;

4) равноправие и партнерство всех участников группы независимо от возраста, трансформирующие группу в единый, гуманистически направленный коллектив.

Работа проводится в общем круге детей и родителей, осуществляются общая "мозговая атака" в деловой игре, совместное преодоление препятствий, вводится традиция взаимных советов, реализуется принцип "Один за всех и все за одного";

5) постоянная обратная связь котерапевтов и членов группы в форме дискуссий, диалогов и ежедневных письменных отчетов.

Каждая "тест-игра" завершается обсуждением того, что что чувствовал, что думал и чему научился, в кризисной для кого-то из участников группы ситуации используется прием "Письмо другу", в процессе разыгрывания "Типичной конфликтной ситуации" осуществляется называние своих чувств в их динамике;

6) сочетание группового характера лечебного процесса с индивидуализацией его задач в соответствии с клинической, социально-психологической и педагогической диагностикой каждого пациента-клиента.

Осуществляется прицельное распределение ролей в тесте-игре "Говорящая пантомима", изготавливается индивидуальная "Маска страха",

составляется персональная "Лестница проблем" для реализации бихевиоральной коррекции поведения, каждый участник рассказывает свой собственный "Смешной случай из жизни";

7) единство вербальных и невербальных форм экспрессии и взаимодействия.

Предлагается активное общение и взаимодействие на режиме молчания во время игры "Инопланетяне", в процессе «Отгадывания мыслей», теста-игры «Минное поле», во время посещения рынка, реализуется оригинальный прием "назвал - увидел - показал";

8) взаимопроникновение лечебных, воспитательных, обучающих и рефлексивно-аналитических приемов психотерапии и психокоррекции, направленных как на патогенетические механизмы нарушений (включая их психогенные, энцефалопатические и дизонтогенетические звенья), так и на отдельные симптомы болезни и личностной аномалии.

Используются проективные рисунки, рисунки "Мой самый счастливый и самый грустный день", рисунок "Автопортрет", психодраматические приемы, аутогенная тренировка, гипноз, приемы нейролингвистического программирования, символдрамы, проводимой в парах родитель-ребенок, когнитивно-бихевиоральные подходы, осуществляется коррекция внимания, памяти, импульсивности в процессе психогимнастических этюдов;

9) сочетание интимно-эмпатических, директивно-манипулятивных, недирективно-демократических и возвышающе-вдохновляющих форм поведения котерапевтов.

Данный принцип реализуется за счет естественности поведения котерапевтов, использования системы поощрений, наказаний, принуждений и вдохновлений, примером называния полного («взрослого») имени при обращении к ребенку, за счет открытого выражения сочувствия, понимания и принятия пациентов такими, какие они есть и дистанцирования отношения к личности от отношения к девиантному поведению, оценки не конечного результата, а отношения к труду, демонстрации котерапевтами "мужского" и "женского" стиля реагирования;

10) активное самопознание через познание других с целью коррекции самооценки и оптимизации процесса саморегуляции.

С этой целью проводится дискуссия о значении имен присутствующих, дается задание выбрать и рассказать о своем знаменитом тезке, закончить «Незаконченные рассказы», совершить "Личный подвиг", создается "Портрет группы", осуществляются авторские приемы "Сплетники" и "Предвыборная кампания", проводится обучение активному слушанию и составлению «Я – высказываний», осуществляется озвучивание личных отчетов в группе;

11) системный подход к проблемам пациента и его семьи.

Проводится обучение родителей основам транзактного анализа, формируется творческий подход к воспитанию, провоцируется личност-

ный рост родителей приемами "10 лет спустя", "знаки Зодиака", дискуссиями на "родительском педсовете", осуществляется обучение родителей бихевиоральному моделированию поведения, а также "разделению проблем и передаче ответственности", оказывается помощь в решении индивидуальных психологических, психиатрических и психосоматических проблем самих родителей;

12) достижение инсайта через позитивный регресс и интенсивное освоение функционально-личностной зоны ближайшего развития, психозелевацию.

В процессе обсуждения «Рисунка проблемы» каждого участника группы, реализации приема «Горячий стул», заслушивания отчетов и последующей дискуссии провоцируется осмысление на наглядно-действенном, конкретно-образном и абстрактно-логическом уровнях получаемого опыта реализации потребностей, гармонизации социальных связей и отношений, оптимизации поведения и отражения личностной динамики в непосредственных поступках, сенсорно-визуальных образах и вербальных высказываниях;

13) организация терапевтической сессии в соответствии с традиционными этолого-культуральными обрядами инициации.

Кульминацией процесса личностного роста с символическим избавлением от всего больного и незрелого, слиянием с идеальным образом и публичной демонстрацией нового, здорового и социально элевированного "Я" является заключительный сеанс методики, включающий приемы "Транс", "Операция", "Громкие личные подвиги" на глазах большой аудитории - аналога общины, произнесение «Семейной клятвы», торжественное декламирование стихотворения с жизнеутверждающим содержанием, прощальное напутствие;

14) сохранение и развитие лечебно-коррекционного эффекта после окончания психотерапевтической сессии.

Для реализации данного принципа «Рисунок идеального образа» и фотографию, запечатлившую момент совершения «громкого личного подвига» на заключительном сеансе рекомендуется повесить над кроватью пациента, герб семьи, который окончательно оформляется после терапевтической сессии и вывешивается в месте, где обычно собирается вся семья (обычно в столовой), рекомендуется через некоторое время переделать в соответствии с количественными или качественными изменениями в семейной иерархии. Отчеты по терапевтическим дням возвращаются каждой семье в общей папке для периодического совместного просмотра с последующим повторением некоторых упражнений. Ритуальные свечи, принесенные с заключительного сеанса на котором над их пламенем каждый давал обещание, относящееся к его личностному росту, рекомендуется хранить с тем, чтобы любой участник группы в трудную минуту мог молча зажечь свою свечу в качестве призыва о помощи, обращенного к

другим членам семьи. Родители по завершении психотерапевтической сессии реализуют персональные рекомендации по воспитанию, данные на основе уточненной во время занятий диагностики ребенка и семьи (уменьшить учебную нагрузку, дезактуализировать оценочный мотив, выяснить и наладить отношение с учителями в школе и воспитателями, создать условия для сближения ребенка с социально положительными сверстниками и изолирования от асоциальных влияний, устроить в секцию командно-игрового или экстремального вида спорта, организовать поездку с отцом в командировку или устроить коллективный поход с обеспечением пребывания мальчика в мужском обществе и проч.). Программа бихевиоральной регуляции поведения (включая технологии «контрактов», передачи ответственности и создания «жизненных сценариев»), начатая во время сессии в соответствии с индивидуальной «лестницей проблем», продолжает осуществляться в последующем самими родителями, либо под контролем психотерапевта. Это же относится к освоенным во время курса ИНТЭКСа приемам «родительского массажа» и «материнского гипноза».

Многолетнее использование методики как в ее клиническом варианте с больными психиатрического и психоневрологического профиля, так и в психологическом, коррекционно-педагогическом и социально-реабилитационном оформлении (дети со школьной и социальной дезадаптацией, сироты, инвалиды, представители группы "риска", а также практически здоровые дети, подростки и взрослые в "критические" возрастные периоды) показало эффективность и "открытость" данной организационно-методической формы для интеграции самых различных психотерапевтических и психокоррекционных направлений.

Динамическое наблюдение в процессе семейно-групповых коммуникаций и данные самоотчетов дополняли критерии выбора преимущественного методического подхода, рекомендуемого для поддерживающей и углубленной индивидуальной или семейной психотерапии, логопедической или нейропсихологической коррекции тех пациентов, которые в этом нуждались после окончания лечебной сессии.

В тоже время, 5-ти летний катамнез 500 пациентов, прошедших однократный курс ИНТЭКС-терапии в возрасте 5-22 лет по поводу различных нервно-психических расстройств пограничного уровня, показал, что более 50% из них не нуждались более в какой-либо активной психотерапевтической помощи. В частности, изучение невербально-вербальных компонентов общения и речи бывших пациентов, прошедших терапию с помощью данной методики по поводу заикания в дошкольном и младшем школьном возрасте, показало, что через пять лет 98% из них общались активно в полном объеме своих потребностей по всем параметрам (Добридень В.П., 1999).

В качестве базисной патогенетической психотерапии методика ИНТЭКС с успехом применяется при лечении детей и подростков с психо-

соматическими расстройствами и патологическими привычными действиями (Антропов Ю.Ф., Шевченко Ю.С., 1999; 2002), элективным мутизмом (Добридень И.В., 2000; Шевченко Ю.С., Добридень И.В., Кириллина Н.К., 2000), общими и системными неврозами, задержками психического развития, девиантным поведением (Игумнов С.А., 2001), эмоциональными расстройствами (Корнеева В.А., Шевченко Ю.С., 2002). Как эффективный способ психопрофилактики школьной дезадаптации методика ИНТЭКС показана детям за полгода до поступления в первый класс и перехода из начальной школы в среднюю.

The Eight-Point Program of Passage Meditation: Health Effects of a Comprehensive and Transcultural Program

Tim Flinders²⁵ Doug Oman, PhD^{a, b, *} Carol Lee Flinders, PhD^a

At the start of the new millennium, Russian psychology faces a special opportunity. At the same time as Russian culture is recovering its spiritual tradition, western science and western psychology are increasingly recognizing that spirituality and religion may be assets for better mental and physical health.¹ More broadly, a worldwide science/religion dialogue is discovering grounds for cautious collaboration between science and religion. Russian psychology is well-positioned for constructive collaboration if it can identify effective and ethically appropriate spiritual interventions for fostering health.

We describe the Eight Point Program (EPP) of Passage Meditation, an intervention we hypothesize may help professionals and clients connect with positive strengths within majority and minority Russian spiritual inheritances. We summarize scientific studies of the EPP that were conducted in the USA in religiously diverse populations. Widely used in practice, the EPP can be practiced outside all faith traditions, or within the mainstream of any major faith tradition (we personally know practicing Christians, Jews, Muslims, Hindus, and Buddhists who use the EPP). This paper is adapted from a recent chapter.²

The Eight Point Program

The Eight Point Program (EPP) emerged in its present form during the 1960's. Eknath Easwaran (1910-1999) systematized the EPP at the University of California, Berkeley, for students preparing to enter the professional work-

²⁵Spirituality and Health Institute, Santa Clara University, California; ^bUniversity of California, Berkeley, School of Public Health; *Correspondence to Doug Oman (DougOman@post.Harvard.edu), who will make available his published / in-press journal articles, if requested by email by participants in the 3rd All-Russian Annual Training Conference (Russian Psychological Society *et al*).

force and lead active, family and career-centered lives. A teacher, writer and householder himself, Easwaran taught what was perhaps the first accredited course offered on meditation at a major Western university, "Theory and Practice of Meditation" (1967-1968).³

The EPP enlists classical contemplative practices, such as meditation and repetition of a mantram (or holy name), to support laypeople as they address the daily challenges of today's time pressured, multi-tasking, relentlessly competitive workplace. Passage Meditation, the EPP's most distinctive feature, enables guidance from the attitudes and insights of sages, saints, and scriptures of all the world's great wisdom traditions. In this way, more effectively than any other program that we know, the EPP blends a deep engagement with wisdom traditions that has been, historically, the prerogative of religious professionals and monastics, with the comprehensive supports needed by practicing laity.

Easwaran's book *Meditation*³ remains the definitive description of the EPP. The first and foundational EPP point is *Passage Meditation*. Practitioners memorize a text, usually from a scripture or a major spiritual figure (e.g., the 23rd Psalm, the Buddha's *Discourse on Good Will*, or the Prayer of Saint Francis). Atheistic or agnostic practitioners may avoid deistic or theistic references by selecting Buddhist, Taoist, or other passages that emphasize qualities such as compassion and equanimity.⁴ Each practitioner sits, with eyes closed, and mentally recites the words of the passage for thirty minutes as slowly as possible, giving complete attention to each word. As distractions arise, they are not so much resisted, as ignored; attention is gently returned to the words of the passage each time it wanders. Practitioners do not follow *any* associations of ideas, even beneficial ones.

The second EPP point is Mantram repetition, also sometimes called holy name repetition. Mantram repetition is a primary tool or bridge for integrating the calm and clarity gained from sitting meditation into the remainder of the day. A mantram (mantra) is a short word or phrase that is repeated over and over silently or out loud. In the EPP, practitioners choose a mantram and repeat it ("*Rama, Rama, Rama*" . . . "*Jesus, Jesus, Jesus*") as opportunities arise: while walking, waiting in line, stopped at a traffic light, while falling asleep. Mantram repetition is also used in times of stress, to calm the mind when pressured, or to interrupt negative thinking when angry or afraid. The mantram "*Lord Jesus Christ, Son of God, have mercy on me*" has been used for centuries in Russia.⁵

The full EPP program is described at <http://www.easwaran.org>. Its remaining points include *Slowing Down*, moving with care and deliberation; *One-pointed attention* which invites the EPP practitioner to do only one thing at a time, and to give it full attention; *Training the Senses* directs practitioners to discriminate in lifestyle choices; *Putting Others First* asks practitioners to move their focus of concern and attention to the needs of others; *Spiritual As-*

sociation emphasizes the importance of coming together with like-minded practitioners as a way to offer and receive support; *Inspirational Spiritual Reading* is recommended as a source of inspiration and motivation for EPP practitioners. Translations of EPP instructional materials by independent publishers appear in more than 20 languages in two dozen countries ranging from in North and South America, Europe and Asia.²

How the EPP Fosters Health

How might the EPP affect physical and mental health? It is now well-recognized that mental and physical health are closely related. A mentally healthy person is likely to cope more effectively with stress, experience lower levels of distress, and less often resort to smoking, heavy drinking, overeating, or other detrimental health behaviors. The EPP may foster mental health through several interrelated processes that include training attention, strengthening the will, fostering character strengths and virtues, supporting better social relationships, more effective coping with stressors, more satisfying personal strivings and life commitments, and a more reliable capacity for wise living. Each EPP point helps address one or more modern lifestyle challenges. For example, Training the Senses can foster improved health behaviors, and Mantram Repetition supports freedom from rumination (chronic, obtrusive thoughts), as well as from chronic hostility and other forms of compulsive negative thinking.² Furthermore, a recent USA National Institutes of Health expert panel reviewed decades of scientific evidence and found “persuasive” evidence that meditation interventions are associated with better health outcomes among clinical populations.^{6(p. 55)} Meditation has been linked in randomized studies to reduced stress, recovery from clinical depression, greater longevity, and other benefits.

More generally, the EPP appears to foster enhanced learning from spiritual wisdom figures, such as the Psalmist, Saint Francis, and the Buddha. Meditating on a spiritual wisdom figure’s words fosters assimilation of attitudes and wisdom embedded in those words. Scientifically, this process is termed *spiritual modeling*.^{7, 8} Thus, the EPP may foster health by supporting attempts to deepen spirituality.¹

Empirical Research on the EPP

The EPP was developed primarily as a spiritual path, but several studies document positive relations of the EPP to human health and well-being.

Health Professionals. One randomized study of the EPP examined 58 US hospital healthcare workers, including nurses, physicians, chaplains, and other professionals. Participants were randomly assigned either to a treatment involving 8 weekly 2-hour classes in the EPP, or to a wait-listed control group. At posttest, EPP participants had lower perceived stress than controls. Stress reductions remained large and statistically significant at 8-week and 19-week follow-ups, and were mediated by adherence to EPP practices.⁹ (Figure 1)

Two other studies of this professional sample showed significant increases

in confidence (self-efficacy) at work, and documented numerous benefits for 24 participating nurses through qualitative interviews.^{2, 10}

College Undergraduates. A second randomized study examined EPP effects on stress and well being among college students (n=44) randomly assigned to three groups: EPP training, mindfulness meditation (MBSR), or wait-listed control. Compared to controls, the meditation groups showed significantly reduced perceived stress and increased ability to forgive others, and marginal reductions in rumination.¹¹ The EPP group alone showed significant increases in self-efficacy for learning from spiritual models.¹²

HIV/AIDS patients. A third randomized intervention sponsored by the U.S. Centers for Disease Control found that an adaptation of the EPP was more effective than psychotherapy, stress management, community service, or a control condition in reducing risky sexual behaviors among gay men. These EPP-trained participants also showed improvements in distress and general well-being, and more consistent improvement across all scales of depression, hostility, anxiety, phobic anxiety and paranoia.²

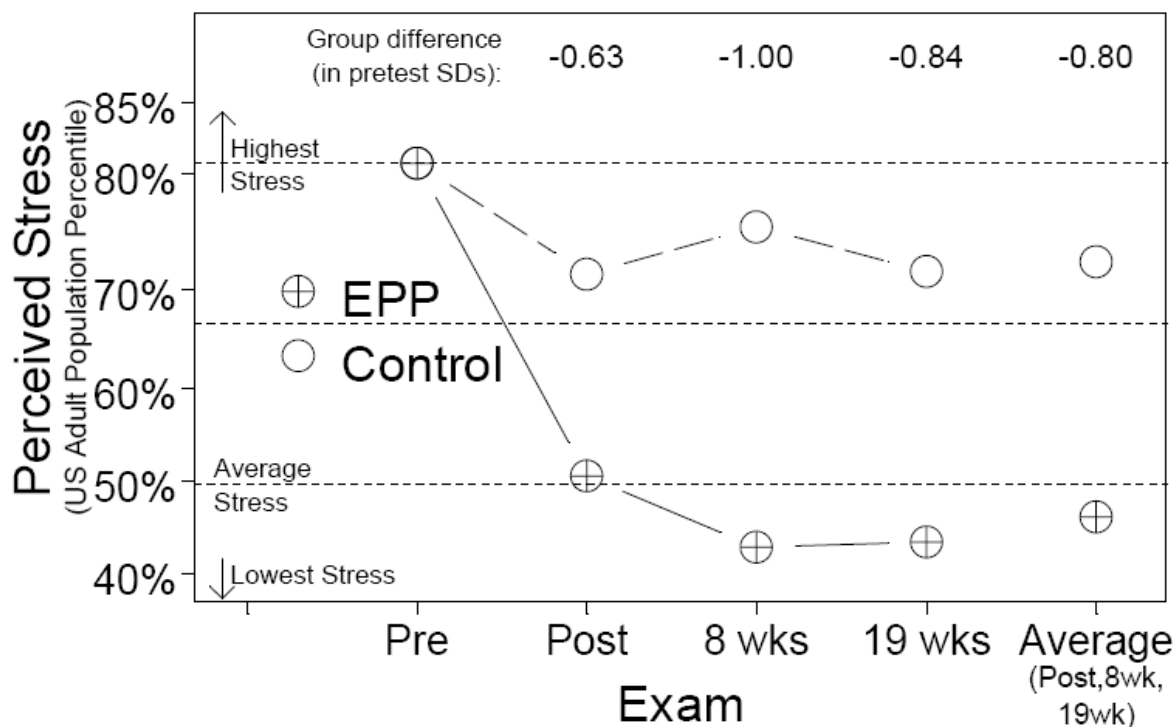

Figure 1 shows changes over time in stress levels of treatment and control groups. Graph based on results in Oman, Hedberg and Thoresen (2006)

Teachers in Training. A randomized intervention (N=21) conducted at Stanford University found that beginning schoolteachers trained in an EPP adaptation had significantly reduced perceived stress compared to controls.¹³

Summary of Evidence. Together, these studies suggest that the EPP holds considerable promise for fostering health and spiritual benefits. Improvements, sometimes quite dramatic, have been documented using randomized designs, and been mediated (explained) by EPP practices. A limitation is that most findings to date involve individuals choosing to enroll in studies giving

potential stress-management benefits, so it is unclear how widely findings will generalize.

Implications

Perhaps most unusual among nonsectarian programs is the EPP's systematic support for deep assimilation of key elements of spiritual wisdom traditions, especially through meditation passages. Indeed, the EPP is evidently "particularly sophisticated in its organized use of spiritual modeling strategies."^{7(p. 159)} Because of its compatibility with all major religious faiths, the EPP might potentially help many individuals to draw more deeply and effectively on the riches of their own traditions. For this reason, the EPP has been beneficially used in both secular and religious university education.^{14, 15} And empirical research clearly links the EPP to health-related benefits, sometimes quite dramatic.

Because of its nonsectarian character, its comprehensive set of tools, its support of direct engagement with spiritual wisdom traditions, and its cross-cutting appeal to diverse populations, the EPP merits careful consideration by Russian health professionals, healthcare organizations, educators, and laypersons seeking beneficial practices usable within their own faith traditions.

References

1. Miller WR, Thoresen CE. Spirituality, religion, and health: An emerging research field. *Am Psychol.* 2003;58:24-35.
2. Flinders T, Oman D, Flinders C. The eight-point program of passage meditation: Health effects of a comprehensive program. In: Plante TG, Thoresen CE, eds. *Spirit, science and health: How the spiritual mind fuels physical wellness.* Westport, CT: Praeger; 2007:72-93.
3. Easwaran E. Meditation: A simple eight-point program for translating spiritual ideals into daily life. 2nd ed. Tomales, CA: Nilgiri Press. (full text: <http://www.easwaran.org>); 1978/1991.
4. Easwaran E. God makes the rivers to flow: Sacred literature of the world. 3rd ed. Tomales, CA: Nilgiri. (large parts: <http://www.easwaran.org>); 1982/2003.
5. Anonymous. The way of a pilgrim. HarperSanFrancisco; 1884/1991.
6. Seeman TE, Dubin LF, et al. Religiosity/spirituality and health: A critical review of the evidence for biological pathways. *Am Psychol.* 2003;58:53-63.
7. Oman D, Thoresen CE. Spiritual modeling: A key to spiritual and religious growth? *International Journal for the Psychology of Relig.* 2003;13:149-165.
8. Bandura A. On the psychosocial impact and mechanisms of spiritual modeling. *International Journal for the Psych of Relig.* 2003;13:167-174.
9. Oman D, Hedberg J, Thoresen CE. Passage meditation reduces perceived stress in health professionals: A randomized, controlled trial. *Journal of Consulting & Clinical Psychology.* 2006;74:714-719.
10. Richards TA, Oman D, Hedberg J, Thoresen CE, Bowden J. A qualitative examination of a spiritually-based intervention and self-management in the workplace. *Nursing Science Quarterly.* 2006;19:231-239.
11. Oman D, Shapiro SL, Thoresen CE, Plante TG, Flinders T. Meditation lowers stress and supports forgiveness among college students: A randomized controlled trial. *J Am Coll Health.* In press.
12. Oman D, Shapiro SL, Thoresen CE, Flinders T, Driskill JD, Plante TG.

Learning from spiritual models and meditation: A randomized evaluation of a college course. *Pastoral Psychology*. 2007;55:473-493.

13. Winzelberg AJ, Luskin FM. The effect of a meditation program on the level of stress in secondary school student teachers. *Stress Medic*. 1999;15:69-77.

14. Oman D, Flinders T, Thoresen CE. Integrating spiritual modeling into education: A college course for stress management and spiritual growth. *International Journal for the Psychology of Religion*. In press;18.

15. Lerner RM. Spirituality, positive purpose, wisdom, and positive development in adolescence: Comments on Oman et al's ideas about "integrating spiritual modeling into education". *Intern Journal for the Psych of Rel*. In press;18.

Восьми-точечная программа Passage Meditation Оздоровительные эффекты универсальной и транскультурной программы

Tim Flinders²⁶ Doug Oman, PhD^{a, b, *} Carol Lee Flinders, PhD^{a(Канада)}

На заре нового тысячелетия перед российской психологической наукой открывается особая возможность. В то самое время, как русская культура переживает возрождение своих духовных традиций, западная наука и западная психология все больше приходят к пониманию того, что духовность и религия могут внести свой ценный вклад в становление душевного и физического здоровья. В более широком смысле, мировой диалог между наукой и религией открывает основу для осторожного взаимодействия между наукой и религией. Российская психология за конструктивное сотрудничество, если она сможет определить эффективный и этически оправданными духовные вмешательства за способствующие здоровью.

Здесь описана 8-точечная программа медитации, вмешательства, которая может помочь профессионалам и клиентам связаться с позитивными силами в рамках духовного наследия духовных традиций России.

Мы подводим итоги научных исследований ЕРР, которые проводились в различных религиозных группах США. Широко используемая на практике ЕРР может применяться как в рамках основных религиозных течений, так и вне контекста какой-либо религии.

ЕРР в своем современном виде сформировалась в 1960-х гг. Eknath Easwaran (1910-1999) систематизировал ЕРР в Калифорнийском Университете, Беркли, для студентов, готовящихся к профессиональной деятельности, активной семейной жизни. Будучи преподавателем, писателем и главой семьи, Eknath Easwaran создал первый аккредитованный учебный курс медитации в Западном университете под названием «Теория и практика медитации». (1967-1968).³

ERP использует классические созерцательные практики, такие как медитация и повторение мантры (или священного имени), помогая людям в борьбе с ежедневными напряжением и стрессом, вызываемыми на работе. Passage Meditation – основной элемент ERP, который позволяет использовать знания и опыт великих мудрецов, святых и священных книг, аккумулируя мудрость духовных традиций всего мира. Таким образом, более эффективно, чем любая другая известная программа ERP объединяет глубокое использование философских знаний, которые исторически являлись прерогативой официальных представителей религии и монахов, и комплекса светских психологических методик .

Книга Easwaran'a *Meditation* содержит полное описание ERP. Первой и основной точкой ERP является *Passage Meditation*. Практикующие запоминают текст Священного писания или высказывание, принадлежащее главному представителю определенной духовной традиции (например, 23 псалом, Рассуждение Будды о Божье воле, или молитву св.Франциска). Атеисты и агностики могут избежать необходимости запоминать деистические или теистические высказывания, выбрав отрывки текстов из даосских или буддийских книг, акцентирующие внимание на милосердии и спокойствии. Каждый участник сидит, прикрыв глаза и мысленно повторяя слова из выбранного отрывка, в течение тридцати минут, как можно медленнее, делая акцент на каждом слове. Мысли, отвлекающие внимание не столько подавляются, сколько игнорируются; внимание плавно возвращается к тексту. Участники не отвлекаются на ассоциативно возникающие, пусть даже и полезные, мысли.

Второй точкой ERP является повторение Мантры, также иногда называемой повторение святого имени. Повторение мантры – инструмент, служащий для сохранения покоя и ясности, достигнутых в медитации, в течение всего последующего дня. Мантра – короткое слово или фраза, бесконечно повторяемая про себя или вслух. Участники ERP выбирают мантру (Рама, Рама, Рама или Иисус, Иисус, Иисус) и повторяют ее по мере возможности: во время прогулки, ожидании в очереди, стоя на светофоре, или перед сном. Повторение мантры также используется в стрессовых ситуациях для устранения страха, гнева, негативных мыслей и обретения внутреннего спокойствия. Мантра «Господи Иисусе, помилуй мя грешного» веками использовалась в России.

Полное описание программы ERP содержится на сайте <http://www.easwaran.org>. Оставшиеся точки включают в себя: *Slowing Down*(замедление) – осторожное, неторопливое движение; *One-pointed attention* (одно-направленное внимание) призывающее участника программы полностью сосредоточиться на выполнении одного действия в каждый момент времени; *Training the Senses* (тренировка чувств) - помогает участникам осуществлять выбор; *Putting Others First* (другие превы-

ше всего) – предлагает участникам переместить фокус внимания на нужды других людей; *Spiritual Association* (духовная связь) – подчеркивает важность встреч с другими участниками для оказания и получения поддержки; *Inspirational Spiritual Reading* (вдохновляющее духовное чтение) – рекомендованный источник вдохновения и мотивации для участников ЕРР. Материалы инструкций к ЕРР переведены более чем на 20 языков в странах Северной и Южной Америки, Европы и Азии.

Как программа ЕРР помогает укрепить здоровье?

Как программа ЕРР влияет на физическое и умственное здоровье? То, что физическое и душевное здоровье тесно взаимосвязаны, является в настоящее время общепризнанным фактом. Душевно здоровый человек более эффективно справляется со стрессом, меньше переживает, а также менее склонен к курению, алкоголизму, перееданию и прочим деструктивным привычкам. ЕРР помогает укрепить душевное здоровье посредством нескольких взаимосвязанных процессов, посвященных тренировке внимания, силы воли, укреплению сильных черт характера и добродетелей, улучшению отношений в социуме, эффективной борьбе со стрессовыми факторами, успешному достижению личных целей и более мудрому подходу к жизни. Каждая точка ЕРР помогает справиться с вызовами, которые ставит современная реальность перед каждым человеком. Например *Training the Senses* способствует появлению здоровых привычек, а *Mantram Repetition* помогает избежать навязчивых мыслей, а также избавиться от хронического негативного отношения к миру. Кроме того, недавние исследования USA National Institutes of Health подтвердили положительное влияние медитаций на физическое здоровье пациентов.^{6(р. 55)} Медитация была включена в различные исследования по снижению стресса, борьбе с депрессией, продолжительности жизни и др.

В целом, ЕРР способствует глубокому изучению мудрости представителей духовных учений, таких как Давид, Св.Франциск или Будда. Медитация на слова этих великих учителей способствует ассимиляции установок и мудрости, заключенных в этих словах. Говоря научным языком, происходит процесс духовного моделирования.

Эмпирическое исследование ЕРР

Программа ЕРР разрабатывалась преимущественно как путь духовного развития, однако ряд исследований подтверждает положительную взаимосвязь ЕРР со здоровьем и благополучием.

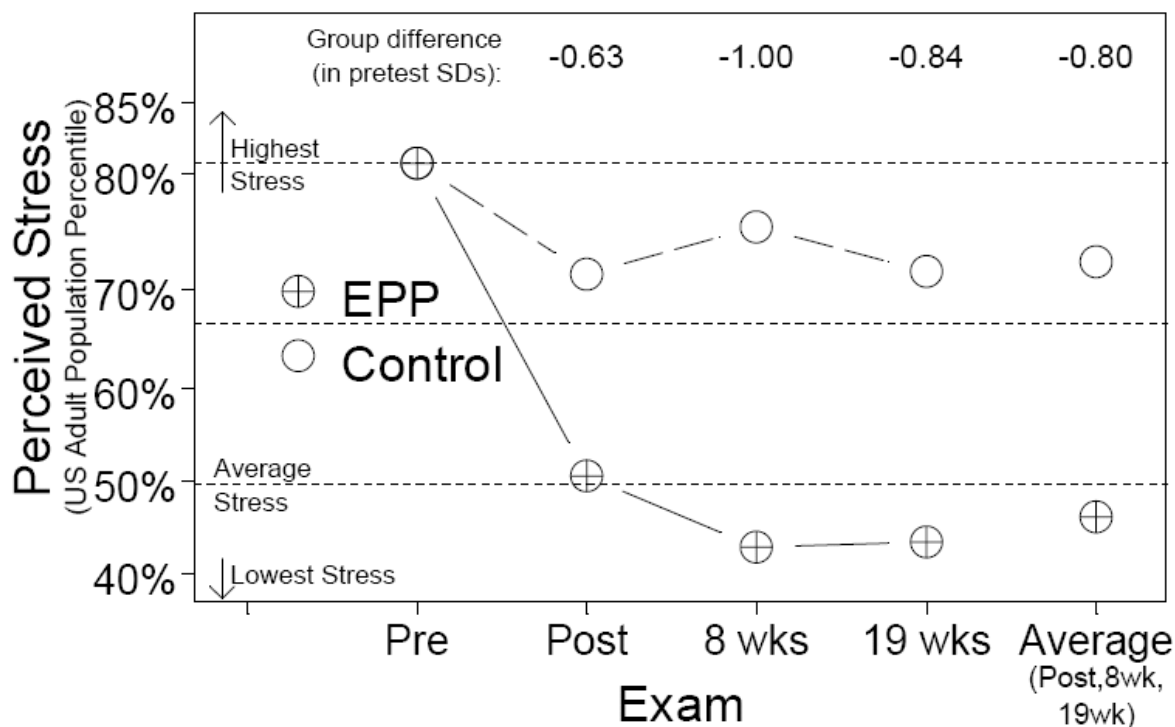
Профессиональные медработники. В одном из исследований методом случайной выборки принимали участие 58 работников сферы здравоохранения США, включая медсестер, терапевтов, военных священников и др. Участники были в произвольном порядке включены либо в группу 8-недельный курс ЕРР (2 часа в неделю), либо в контрольную группу. По окончании курса был измерен уровень стресса в каждой из групп. В пер-

вой группе уровень оказался более низким. Зафиксированное снижение уровня стресса оставалось статистически значимым также через 8 и 19 недель после проведения курса, при регулярном соблюдении участниками практик EPP. (Рис.1)

Два других исследования в этой профессиональной сфере показали значимый рост уверенности (эффективности личности) в работе и зафиксировали многочисленные улучшения у 24 медсестер, участвующих в проекте при проведении качественных интервью.^{2, 10}

Студенты высших учебных заведений. Второе исследование методом случайной выборки было посвящено оценке уровня стресса и благополучия среди студентов колледжа (n=44) распределенными в произвольном порядке в три группы: участники первой группы проходили полный курс EPP, участники второй - занимались медитацией, третья группа – контрольная. Уровень стресса и руминаций в двух первых группах оказался значительно ниже, чем в контрольной группе, а способность прощать напротив оказалась выше. Группа, проходившая полный курс EPP показала значительный рост эффективности личности в обучении по сравнению с группой медитирующих студентов.

ВИЧ/СПИД инфицированные. Третье исследование методом случайной выборки было проведено на средства Центров Контроля и Профилактики заболеваний США. Было обнаружено, что применение EPP для регуляции опасного сексуального поведения среди мужчин-гомосексуалистов более эффективно, чем использование других методов (психотерапия, техника управления стрессом, общественные работы, режимы регулирования). Также были зафиксированы улучшения показателей по шкалам: общее благополучие, утомление, враждебность, депрессия, тревожность, болезненная тревожность и паранойя.

На рис.1 показаны изменения уровня стресса в контрольной и экспериментальной группах с течением времени. График основан на результатах Oman, Hedberg and Thoresen (2006) .

Figure 1 shows changes over time in stress levels of treatment and control groups. Graph based on results in Oman, Hedberg and Thoresen (2006)

Преподаватели. Исследование методом случайной выборки (N=21) проведенное Университетом в Стэнфорде показало, что уровень стресса у начинающих школьных преподавателей, занимающихся по программе ЕРР, значительно ниже, чем у их коллег в контрольной группе.¹³

Выводы: Данные исследования позволяют предположить, что программа ЕРР обладает значительными перспективами в области укрепления физического и душевного здоровья. Улучшения, иногда разительные, были зафиксированы в случайной выборке проектов при использовании практики ЕРР. Ограничением является тот факт, что в большинстве исследований на сегодняшний день принимали участие лица, добровольно выбравшие участие в исследовании и заинтересованные в изучении методов по управлению стрессом, вследствие чего невозможно определить, насколько можно обобщить результаты.

Импlications (Предпосылки)

Вероятно, самой необычной среди программ, объединяющих все религии, является системная поддержка ЕРР глубокой ассимиляции ключевых элементов духовных традиций, особенно посредством медитации. Действительно, ЕРР очевидным образом «особо усложнена в организации использования моделирования духовных стратегий»^{7(p. 159)}. Поскольку ЕРР совместима с большинством религиозных традиций, ее использование может помочь многим людям более глубоко и эффективно проникнуть в суть собственных традиций. По этой причине, ЕРР может использоваться как в религиозном, так и в светском высшем образовании^{14, 15}. Благодаря тому, что программа объединяет все религии, содержит набор универсальных инструментов, поддерживает духовные традиции и обладает кросс-культурной направленностью, она может использоваться в условиях современной российской действительности в области здравоохранения и образования.

Использованная литература

References

1. Miller WR, Thoresen CE. Spirituality, religion, and health: An emerging research field. *Am Psychol.* 2003;58:24-35.
2. Flinders T, Oman D, Flinders C. The eight-point program of passage meditation: Health effects of a comprehensive program. In: Plante TG, Thoresen CE, eds. *Spirit, science and health: How the spiritual mind fuels physical wellness.* Westport, CT: Praeger; 2007:72-93.
3. Easwaran E. Meditation: A simple eight-point program for translating

spiritual ideals into daily life. 2nd ed. Tomales, CA: Nilgiri Press. (full text: <http://www.easwaran.org>); 1978/1991.

4. Easwaran E. God makes the rivers to flow: Sacred literature of the world. 3rd ed. Tomales, CA: Nilgiri. (large parts: <http://www.easwaran.org>); 1982/2003.
5. Anonymous. The way of a pilgrim. HarperSanFrancisco; 1884/1991.
6. Seeman TE, Dubin LF, et al. Religiosity/spirituality and health: A critical review of the evidence for biological pathways. *Am Psychol.* 2003;58:53-63.
7. Oman D, Thoresen CE. Spiritual modeling: A key to spiritual and religious growth? *International Journal for the Psychology of Relig.* 2003;13:149-165.
8. Bandura A. On the psychosocial impact and mechanisms of spiritual modeling. *International Journal for the Psych of Relig.* 2003;13:167-174.
9. Oman D, Hedberg J, Thoresen CE. Passage meditation reduces perceived stress in health professionals: A randomized, controlled trial. *Journal of Consulting & Clinical Psychology.* 2006;74:714-719.
10. Richards TA, Oman D, Hedberg J, Thoresen CE, Bowden J. A qualitative examination of a spiritually-based intervention and self-management in the workplace. *Nursing Science Quarterly.* 2006;19:231-239.
11. Oman D, Shapiro SL, Thoresen CE, Plante TG, Flinders T. Meditation lowers stress and supports forgiveness among college students: A randomized controlled trial. *J Am Coll Health.* In press.
12. Oman D, Shapiro SL, Thoresen CE, Flinders T, Driskill JD, Plante TG. Learning from spiritual models and meditation: A randomized evaluation of a college course. *Pastoral Psychology.* 2007;55:473-493.
13. Winzelberg AJ, Luskin FM. The effect of a meditation program on the level of stress in secondary school student teachers. *Stress Medic.* 1999;15:69-77.
14. Oman D, Flinders T, Thoresen CE. Integrating spiritual modeling into education: A college course for stress management and spiritual growth. *International Journal for the Psychology of Religion.* In press;18.
15. Lerner RM. Spirituality, positive purpose, wisdom, and positive development in adolescence: Comments on Oman et al's ideas about "integrating spiritual modeling into education". *Intern Journal for the Psych of Rel.* In press;18.

A psychometric evaluation of the Scale of Attitude Towards Prayer (Francis & Brown, 1990)

Michael J. Breslin and Christopher Alan Lewis
School of Psychology
University of Ulster at Magee College

Recently there has been an increased interest in the use of prayer as a measure of religiosity within empirical research. However, prayer has been most often measured by researchers using a single-item measure of prayer frequency (e.g., Koenig, Ford, George, Blazer, & Meador, 1993; Levin, Lyons, & Larson, 1993; Francis & Wilcox, 1994). Such single items have been used across a wide range of studies (e.g., Carson, 1993; Maltby, Lewis, & Day,

1999; Lewis, Francis, & Enger, 2004; Loveland, Sikkink, Myers, & Radcliff, 2005). However, this approach has been viewed as being particularly crude. For example, Ladd and Spilka (2002, p. 475) argued that a single-item frequency of prayer measure "may be so misleading as to hinder rather than facilitate the progression of knowledge." However, some researchers have used a multi-item approach to measuring prayer (e.g., Poloma & Pendleton, 1991; Ladd & Spilka, 2002), though these often tend to include a large number of items. One such multi-item measure that employs only a small number of items was developed by Francis and Brown (1990) who investigated the influence of parents, school, and church on prayer among 4,948 adolescents. Francis and Brown employed a six-item Likert-type scale of attitude towards prayer, the Scale of Attitude Towards Prayer. Items were scored on a five-point scale with response options of 'agree strongly' (5), 'agree' (4), 'not certain' (3), 'disagree' (2), and 'disagree strongly' (1), with higher scores indicating a more positive attitude towards prayer. The authors reported the reliability of the prayer index to be $\alpha = .85$. Subsequently, Francis and Brown (1991) investigated the influence of parents, school, and church on prayer among 711 adolescents using the same measure. In this study the reliability was reported to be $\alpha = .87$. Although the measure demonstrated good internal reliability, and Francis and Brown (1991, p. 114) described the scale as "a single index of attitude towards prayer", the factor structure of the measure has not been reported. If multi-item measures of prayer are used in empirical research it is important that they are psychometrically robust. Consequently, the aim of the present study was to provide a psychometric evaluation of Francis and Brown's measure among an Irish sample by first reporting on the level of Cronbach's alpha (Cronbach, 1951), and second conducting an exploratory factor analysis to test if the measure was unidimensional, as suggested by the high internal reliability.

Method

Sample: Participants comprised an opportunistic sample of 518 from Northern Ireland and the Republic of Ireland, ranging in age from 12 to 85 (mean = 27.61; SD = 14.35). The sample comprised: 39% third level students; 31.1% second level students; 16% employed; 4.8% working in the home; 4.6% receiving a disability payment; 1.9% unemployed; and 1.9% participating in a government funded training scheme (.7% had data missing for this variable). The sex distribution was 71.2% female, 28.8% male. No data was collected on the religious affiliation of the sample due to the sensitive nature of this issue in Northern Ireland.

Measure: The Scale of Attitude Towards Prayer (Francis & Brown, 1990) is comprised of six items. Representative items include 'saying my prayers helps me a lot', and 'I think people who pray are stupid' (reverse scored). Two of the items are reverse scored (item 2 and item 6). Items are scored on a five-point scale ranging from 'agree strongly' (5), through 'not certain' (3), to 'dis-

agree strongly' (1). Possible response range is 6 – 30 with higher scores indicating a more favourable attitude to prayer.

Data Analysis: Exploratory factor analysis was conducted using the Maximum Likelihood algorithm. Maximum Likelihood was used because it has the advantage of having a statistical test of how well the data from the sample fits the population. However, Kline (1994) noted that when test reliabilities are high the difference between Maximum Likelihood, Principal Components, and Principal Axis analyses is trivial. Following Kline (1994), factor loadings of .3 or larger were regarded as salient and were reported in the results. Also, in line with Kline (1994), factor loadings of above .6 were regarded as high, and items that load at this level or above were considered to be the main items that constitute any particular factor. Such factor loadings are shown in bold (see Table 1).

Results

The internal consistency of the Scale of Attitude Towards Prayer, as measured by Cronbach's alpha (Cronbach, 1951), was .85. This is a satisfactory level, in line with the criteria noted by Kline (1986). The mean and standard deviation (mean = 24.55: SD = 4.62) suggest that the sample had a favourable attitude towards prayer. In order to investigate the hypothesis that the Scale of Attitude Towards Prayer was a unidimensional measure, an exploratory factor analysis was conducted using the Maximum Likelihood method. One factor emerged, with an eigenvalue of 3.58, explaining 59.64% of the variance. Although a second factor had an eigenvalue of .98, examination of the Scree Plot (Gorsuch, 1983) suggested a one-factor solution. The Goodness-of-Fit test was significant ($\chi^2 = 116.88$, $df = 9$, $p < .0001$), suggesting that a one-factor model does not fit the data optimally. However the Chi Square Goodness-of-Fit statistic is dependent on sample size. Consequently, as the sample was relatively large in the present study, the Chi Square test should only be used as a guide (Kline, 1994). From Table 1 it can be seen that the scale is unidimensional; however, items 2 and 6 do not have high loadings on the underlying factor, and consequently may not be as valid as the other items in measuring the underlying factor, presumably attitude to prayer. It is worth noting that both of these items are negatively worded.

Table 1. Factor loadings of Scale of Attitude Towards Prayer (Francis & Brown, 1990)

Item	Factor 1
3. Prayer helps me a lot.	.94
1. Saying my prayers helps me a lot.	.90
4. I think praying is a good thing.	.77
5. I believe that God listens to prayers.	.76
6. Saying prayers in school does no good.	.47
2. I think people who pray are stupid.	.29

Discussion

The aim of the present study was to provide a psychometric evaluation of the Scale of Attitude Towards Prayer (Francis & Brown, 1990) among an Irish sample. The scale was found to be performing well in terms of reliability. Although a one-factor solution emerged, suggesting that the scale was unidimensional, the Chi Square test suggested that a one-factor model did not fit the data optimally. Although the Scale of Attitude Towards Prayer had high reliability, in line with Francis and Brown (1990, 1991), items 2 and 6 did not load very highly on the underlying factor. Deleting these items in the present data, or rewording them in subsequent studies, could increase the level of internal reliability of the measure. Responses to Item 2 ('I think people who pray are stupid'; reverse scored) were significantly highly negatively skewed ($IS = -3.27$, $z = 30.42$, $p < .0001$; Clark-Carter, 2002), with almost all respondents disagreeing (95%), suggesting that this item may be redundant as it offers little in terms of discrimination between respondents. The measures could also be criticised on the grounds that item 1 ('saying my prayers helps me a lot') and item 3 ('prayer helps me a lot') are paraphrases of each other. Items such as these can result in bloated specifics as opposed to factors (Kline, 1986) if such similar items are specified to load on a common factor, as was the case with the Scale of Attitude Towards Prayer. Notwithstanding the aforementioned criticisms, the development of a short and reliable multi-item measure of prayer is a welcome approach within the psychology of religion.

References

- Carson, V. B. (1993). Prayer, meditation, exercise, and special diets: Behaviors of the hardy person with HIV/AIDS. *Journal of the Association of Nurses in AIDS Care*, 4, 18-28.
- Clark-Carter, D. (2002). *Doing quantitative psychological research: From design to report*. Hove, UK: Psychology Press.
- Cronbach, L. J. (1951). Coefficient alpha and the interval structure of tests. *Psychometrika*, 16, 297-334.
- Francis, L. J., & Brown, L. B. (1990). The predisposition to pray: A study of the social influence on the predisposition to pray among eleven year old children in England. *Journal of Empirical Theology*, 3, 23-34.
- Francis, L. J., & Brown, L. B. (1991). The influence of home, church and school on prayer among sixteen year old adolescents in England. *Review of Religious Research*, 33, 112-122.
- Francis, L. J., & Wilcox, C. (1994). Personality, prayer, and church attendance among 16-to-18 year olds in England. *Journal of Social Psychology*, 134, 243-246.
- Gorsuch, R. L. (1983). *Factor analysis (Second edition)*. New Jersey: Erlbaum.
- Kline, P. (1986). *A handbook of test construction: Introduction to psychometric design*. London: Methuen.
- Kline, P. (1994). *An easy guide to factor analysis*. New York: Routledge.
- Koenig, H. G., Ford, S. M., George, L. K., Blazer, D. G., & Meador, K. G. (1993). Religion and anxiety disorder: An examination and comparison of associations in young, middle-aged, and elderly. *Journal of Anxiety Disorders*, 7, 321-342.

Ladd, K. L., & Spilka, B. (2002). Inward, outward, and upward: Cognitive aspects of prayer. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 41, 475-484.

Levin, J. S., Lyons, J. S., & Larson, D. B. (1993). Prayer and health during pregnancy: Findings from the Galveston low birthweight survey. *Southern Medical Journal*, 86, 1022-1027.

Lewis, C. A., Francis, L. J., & Enger, T. (2004). Personality, prayer and church attendance among a sample of 11 to 18 year olds in Norway. *Mental Health, Religion and Culture*, 7, 269-274.

Loveland, M. T., Sikkink, D., Myers, D. J., & Radcliff, B. (2005). Private prayer and civic involvement. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 44, 1-14.

Maltby, J., Lewis, C. A., & Day, L. (1999). Religious orientation and psychological well-being: The role of the frequency of personal prayer. *British Journal of Health Psychology*, 4, 363-378.

Poloma, M. M., & Pendleton, B. F. (1991). The effects of prayer and prayer experiences on measures of general well-being. *Journal of Psychology and Theology*, 19, 71-83.

Психометрический анализ методики оценки отношений к молитве (Francis & Brown, 1990) (резюме)

Michael J. Breslin and Christopher Alan Lewis
School of Psychology
University of Ulster at Magee College

Последнее время наблюдается возросший интерес к вопросу использования молитвы в качестве показателя религиозности при эмпирических исследованиях. Однако, в большинстве случаев анализ молитвы проводился только по одному критерию – частоте повторения. Данный подход представляется нам крайне грубым. Например, Ладд и Спилка (2002, р. 475) утверждают, что использование частоты молитвы как единственного критерия ее анализа «может не только не приблизить нас к пониманию истины, но и увести в ложном направлении». Впрочем, некоторые исследователи использовали множество критериев для анализа молитвы ((e.g., Poloma & Pendleton, 1991; Ladd & Spilka, 2002), при этом они впадали в другую крайность и включали слишком много критериев в свои исследования. Примером много-стороннего измерения с небольшим количеством критериев является методика, разработанная Francis and Brown (1990), которые изучали влияние родителей, школы и церкви на отношение к молитве. В исследовании принимало участие 4948 подростков.

Francis и Brown использовали шкалу отношения к молитве (the Scale of Attitude Towards Prayer), состоящую из 6 пунктов. Каждый пункт оценивался по 5-и бальной шкале. Возможными вариантами ответов были: «Абсолютно согласен» (5), «согласен» (4), «не уверен» (3), «не согла-

сен», «абсолютно не согласен» (1). Более положительное отношение к молитве определялось более высоким итоговым баллом. Надежность методики авторы оценивали как $\alpha = .85$. Затем, Francis и Brown (1991) использовали данную методику в группе подростков численностью 711 человек. На этот раз надежность методики составила $\alpha = .87$. Хотя методика показала хорошую внутреннюю надежность, Francis и Brown описали шкалу как «общий индекс отношения к молитве», факторная структура методики не была представлена. При использовании многофакторных методик важно учитывать их надежность. Целью данного исследования было провести психометрическую оценку методики Francis и Brown.

Метод

Выборка: В исследовании приняли участие жители Северной Ирландии и Республики Ирландия (общее число участников 518) в возрасте от 12 до 85 лет. 39% выборки составили студенты 3-го курса; 31.1% студенты 2-го курса; 16% служащих; 4.8% работающих дома; 4,6% получающих пособие по недееспособности; 1,9% безработных, 1,9% участвующих в государственной программе обучения (.7% не предоставили информации о месте занятости). 71.2 – женщины, 28.8% - мужчины. Данные о религиозных убеждениях не учитывались.

Методика: Методика оценки отношения к молитве (Francis & Brown, 1990) из 6 шкал. Репрезентативные шкалы включали следующие утверждения «чтение молитв очень помогает мне» и «Люди, которые молятся, кажутся мне глупыми». Данные утверждения оценивались по 5-балльной шкале: «Абсолютно согласен» (5), «согласен» (4), «не уверен» (3), «не согласен», «абсолютно не согласен» (1).

Анализ полученных данных: Диагностический факторный анализ был проведен с помощью алгоритма Maximum Likelihood. Преимуществом данного алгоритма является наличие статистического контроля репрезентативности выборки.

Выводы

Целью настоящего исследования было проведение психометрического анализа методики оценки отношения к молитве (Francis & Brown, 1990) среди населения Ирландии. Исследование показало высокую надежность методики.

Содержание

1. Методологические проблемы интеграции психологической науки и практики.	3
Авдулова Т.П. Методологические проблемы изучения морального развития	3
Дорфман Л.Я. Источники внутриличностных конфликтов клиента с позиций концепции полимодального я	7
Емельянова Т.П. Культурная травма: социально-психологический анализ	12
Изотова Е.И. Структура профессионализации психолога образования	17
Калинаускас И.Н. Методика дифференцированных функциональных состояний (ДФС): истоки и практика	20
Козлов В.В. Содержание «Интерперсоны» в интегративной психологии	27
Кончаловская М.М. Особенности становления содержания личностной идентичности детей 5,5-10 лет	36
Краснов А.Н., Моисеева О.Н. Формирование когнитивных репрезентативных структур в процессе профессионального образования	38
Кусакина С.Н. Проблема готовности к обучению в вузе в отечественной психологии	43
Москвитин П.Н. Изучение эффективности метода позитивной психодрамы в территориальной программе профилактики употребления психоактивных веществ	47
Муратова Г.К. Психологические особенности готовности к самоконтролю действий в структуре диссинхронии психического развития одаренных	52
Сибгатуллина И.Ф. Психоаналитическое измерение времени: неклассический подход. Грюссль С., Psychoanalytic measurement of time by art	56

Совитова Э.Т. Значение субъектно-субъектных отношений в суфийской традиции и их связь с современной гуманистической педагогикой и психологией	62
Селиванова Л.В, Федотова С.В. Использование метода интервью и языка жестов для изучения намерений женщин-предпринимательниц	65
Хохлова Л.П. К становлению постнеклассической психологии и психотерапии	67
Шулаева М.В. Психологические принципы обучения подростков с последствиями детского церебрального паралича	73
2. Теоретические и прикладные аспекты проблемы сознания и психических состояний субъекта.	77
Артищева Л.В., Кирша А.В. Сопоставление особенностей семантического пространства образа психического состояния с его проекцией	77
Бехтерева В.Д. Особенности взаимосвязей субъективно оцениваемых характеристик психических состояний в ситуациях погружения в транс и «обычной» ситуации, характерной для повседневной жизнедеятельности	82
Гиздиева Э.Р. Потокное состояние и механизмы психологической защиты	86
Дегтярев В.А., Белкина Т. О. К вопросу о параметрах социально-психологической адаптации кадровых военнослужащих, увольняющихся из рядов Вооруженных Сил	90
Дубовицкая Т.Д., Эрбегеева А.Р. Психологические механизмы преодоления фрустрации у студентов в учебном процессе	93
Дубовицкая Т.Д., Шаймуратова А.Ф. Психологические условия самоактуализации студентов творческих специальностей	96
Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б.. Самоопределение как психологический процесс	100

Калимуллина И. Р. Влияние мотивов на психические состояния спортсменов в тренировочно – соревновательном процессе	104
Каримова А.Р. Половые особенности эмоционального выгорания учителей зрелого и пожилого возраста	108
Латыпова А.Ф. Особенности взаимосвязи психических состояний подростков и психических состояний учителя в процессе педагогического общения	116
Маджуга А.Г. К вопросу о формировании валеологического самосознания личности будущего учителя в контексте концептуальных положений теории этнофункциональной согласованности	121
Мензул Е.В. Оценка психических состояний младших школьников	124
Прохоров А.О. Пространственно-временная организации психического состояния: концептуальный аспект	128
Рассказова И.Н. Особенности самосознания безнадзорных подростков	132
Сережкина А.Е. Проблема личностного детерминизма психических состояний	136
Сулейманов Р.Ф. Два подхода к исследованию психических состояний: противостояние или взаимодействие	141
Шаймуратова А.Ф. Дубовицкая Т.Д. Психологические условия самоактуализации студентов творческих специальностей	146
Шмелева С.А. Усталость, как одно из типичных психических состояний студентов-педагогов в процессе учебной деятельности	150
Чертова Л.А. Карта состояний по методике ДФС для выстраивания резонансных отношений субъекта с окружающим миром	155
Юсупов М.Г. Проблема отношений психических состояний и когнитивных процессов субъекта	160

Яковлева Н.В. Особенности психологического статуса ВИЧ-инфицированных пациентов	163
Sharon Mary Cruise, Christopher Alan Lewis, and Conor Mc Guckin. Importance ratings of self-estimated intelligence as a measure of construct validity	168
Sharon Mary Cruise, Christopher Alan Lewis, and Conor Mc Guckin. Уровень значимости само-оценки интеллекта как показатель конструктивной валидности (резюме)	173
3. Психология субъекта: теоретические и прикладные аспекты.	174
Алишев Б.С. Субъект в неопределенном мире	174
Багринцева Л.Г. Роль рефлексии в развитии самосознания: субъектный подход	181
Баранская Л.Т., Леонов А.Г., Соколова Е.Т., Татаурова С.С., Ткаченко А.Е. Нарциссическая личность пациентов клиники эстетической хирургии	185
Башук Е. Н., Щербакова О. М. Связь мотивации и эмоционального выгорания с отношением учителей к непосредственному руководителю	188
Белан Е.А., Карандашова С. Эмоциональный компонент субъективного благополучия женщин-педагогов общеобразовательных школ	193
Богатырева О.О. Личностные предикторы профессиональной самореализации	197
Виленская Г.А. Возможность оценки эмоционального контроля поведения у детей различными методами (опросник и экспертные оценки)	200
Волочков А.А. Субъект бытия и факторы развития	203
Гермашина Ю.В. К проблеме о взаимосвязи удовлетворенности трудом и нравственно-психологических характеристик личности	208

Елинсон Г. Н. Личность: от субъективности к субъектности	209
Ермакова И.В. Отношение к деньгам в структуре потребительского и сберегающего поведения старших подростков	211
Крищенко Е. П. Поступление в вуз как детерминанта изменения системы самоотношения и доверия к себе у студентов – первокурсников	214
Кожухарь Г.С. Особенности развития профессионально важных коммуникативных качеств у студентов-психологов разных лет обучения	217
Кокуев А.А. Особенности доверия к себе и агрессивности юношей – делинквентов	222
Коломина Е.Н. Индивидуально-типологические и личностные характеристики оператора как субъекта труда	225
Красильников И.А. Феномен внутриличностного конфликта и проблема его методологического анализа	227
Купченко В.Е. Личностные факторы жизненных стратегий	231
Мартыненко Н.В. Общая характеристика истории создания учения об индивидуальности	236
Мехтиханова Н.Н. Особенности эмоционального интеллекта представителей разных сфер деятельности	239
Мухаметзянова Ф.Г., Яхина З.Ш., Мухаметзянов Ф.А. Стратегия развития субъектности студентов в процессе профессиональной подготовки в вузе	243
Никитина Е.А. Различение пола по лицам новорожденных и развитие гендерной идентичности	248
Никитина Ю.Ю. Выраженность типов агрессивного поведения у юношей – военнослужащих направленных на военно-врачебную экспертизу (ВВК)	250
Петрушин Е.С. Субъект и творчество: социально-философский анализ формирования художественного текста	255

Попов Л.М. Этическая психология личности: предмет и методы исследования	258
Пучкова И.М. Теоретические основы изучения субъекта совместной деятельности	262
Рябова Т.В. Влияние принятия эффективных решений на успешную жизненную стратегию (на примере студентов ВУЗа)	265
Садретдинова Э.А. Развитие индивидуального стиля игровой деятельности дошкольников в образовательной среде	268
Салихова Н.Р. О смысловом типе ценности здоровья и его детерминации убеждениями личности	270
Семенов И.Н., Смирнов С.А. Роль гештальт-терапевтической рефлексии в субъектном развитии руководителя малого бизнеса	273
Солондаев В.К. Субъектность в практическом мышлении	275
Тертычная В. В. Динамика личностных качеств субъекта учебной деятельности	280
Устина Ю.Н. Методика измерения честолюбия учащихся образовательных учреждений	285
Филатова А.Ф. Психология пола и гендера: теоретические и прикладные аспекты	290
Фомина Ю.И. Содержание этнических представлений ребенка	295
Фоминых Е.К. Акмеологическое сопровождение карьерно-профессиональной направленности субъекта профессиональной деятельности	299
Фофонова А.О. Студенческая молодежь как коллективный субъект политической жизни	302
Хайрутдинова М.Р. Эмоциональная экспрессия как психологическое орудие духовно-нравственного развития личности	306
Частоколенко Я.Б. Транс-арт в психологических практиках	311

Шалдыбина О. Н. Ценности в структуре личности и их взаимосвязь с ответственностью личности	316
Юрикова А.А. Субъектная активность человека в современном профессиональном пространстве	319
Яныкина А.Н. Общение и коммуникативная деятельность в контексте гендерного взаимодействия в информационном обществе	325
4. Психология терроризма	330
Аболин Л.М., Розенталь А.Н., Садрисламов Г. Ф. Психологические и психофизиологические особенности терроризма и жестокости	330
Дегтярева Д.А. Индивидуальные различия в понимании москвичами террористической угрозы	335
Кашапова М.М. Психологический портрет личности террориста	339
Лыков М.Н. «Деструктивность» религиозных организаций: проблемы легализации определений	343
д.т.н. А.В. Рудинский I, А.В. Рудинский II Терроризм – путь нарастания психологических проблем человечества	347
Третьяков О.Е. Неявные переговоры до захвата заложников как профилактика терроризма Или почему «переход от возможности к действительности совершается в процессе наблюдения»	350
Устин П.Н. Особенности отношения к терроризму	356
Хохлова Л.П. Глубинная психология и методы психопрофилактики терроризма	361
5. Деструктивные зависимости личности и способы ее преодоления.	366
Борисова О.Г. К вопросу о социально–психологических аспектах «Интернет-зависимости»	366

Валиуллина М.Е., Мифтахова Л.Р. Страх зависимости от наркотиков как важный фактор психологической адаптации	369
Делеви В.С. Изменение копинг-поведения созависимых как основа их социально-психологической реабилитации	372
Ермолаева Е.П. Проективные методы исследования деструктивных профессиональных действий и преодоление психологических барьеров в условиях перемен	376
Зайченко А.А. Самоповреждающее поведение	381
Исланова Н.Н. Опыт превентивной работы по распространению молодежных деструктивных организаций в РФ и РТ	386
Коблова Е.В., Шайдукова Л.К. Структура психопатизации больных опийной наркоманией	391
Исланова Н.Н. Деструктивность и проблемы социальной безопасности общества: взгляд через экспертную оценку деятельности экстремистских организаций	394
Леонтьева Т.И. Деструктивность и проблемы социальной безопасности общества: взгляд через экспертную оценку деятельности экстремистских организаций	397
Макушина О.П. К вопросу о роли творческой деятельности в развитии химической зависимости	400
Семенова-Полях Г.Г., Филатова-Сафронова М.А. Проблемы самоопределения наркозависимых в период ремиссии	405
Смирнова А.Е., Пульцина К.И. Суицидальное поведение подростка	410
Хузеева Г.Р. Индивидуальные варианты детской агрессивности	412
Шаповал И.А. Мотивации созависимости у студентов-психологов	415
6. Группа как объект психологического воздействия: технологии, результаты, эффекты	420

Астафьева К.Е. Психодрама - это действие души	420
Ахмадуллина Э.А. Изменение ценностно-мотивационной сферы у мужчин и женщин в условиях эмиграции	423
Бартош О.П., Бартош Т.П. Влияние социально-психологического тренинга психо-эмоциональное состояние женщин Северо-Востока России	426
Борзенкова Г.А. Давыдкин И.Л., Кувшинова Н.Ю. Значение психокоррекции в структуре общей реабилитации больных ишемической болезнью сердца	429
Ведина И.И. Технология формирования универсальных ценностей подростков	434
Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Технология проведения тренингов по превенции синдрома профессионального выгорания	439
Гребенникова О.В. Психологическое воздействие социальной группы на становление произвольности поведения	442
Дмитриева И.А. «Интервью с самим собой» в тренинге по целеполаганию	445
Ермакова И.В., Фоминых В.П. Социально-психологические проблемы формирования и развития экономического сознания старших подростков в процессе их экономической социализации	450
Захарова Г.И. Развитие родительской позиции средством психологического тренинга	454
Исрафилова Э.Ш. Развитие личности студентов, участников программ культурного обмена, в ключе диалога культур	458
Кедрова Т.И. О применении метода групповой терапии для подростков с целью улучшения понимания динамики отношений в семье	464
Климанова Н.Г. Развитие психологических навыков коммуникации у менеджеров по продажам на коуч-тренинге	465

Митюхина Н.П. Проблема формирования и развития духовно-нравственных качеств личности молодежи посредством семиотической деятельности	468
Мухрыгина А.Н. Техники эриксоновского гипноза в профессиональной деятельности специалистов по рекламе как средство воздействия на потребителей	473
Мухрыгина А.Н., Седунова А.С. Прикладные аспекты исследования личностно-профессиональных характеристик на примере психологического портрета современного выпускника вуза	477
Петрушин С.В. Самоорганизация большой контактной группы: теория и практика	481
Прикуль Т.В. Психология поколения NEXT: специфика управления	487
Петанова Е.И. Группы личностного роста для студентов как инструмент развития самопонимания и личной ответственности за процесс и результат обучения в вузе	489
Пронькина С.В. Развитие навыков совладающего поведения (копинга) как условие формирования акмеологической детерминации личности студентов-первокурсников (на примере дисциплины «Латинский язык»)	494
Резяпова Р.А. Психологические аспекты нравственного воспитания молодежи в среднем профессиональном учебном заведении	500
Столярчук Е.А. Группа как инструмент формирования ПВК менеджеров по туризму	504
Фахрутдинова Л.Р. О влиянии групповых феноменов на переживания человека	508
7. Психологическая подготовка субъекта для работы в экстремальных условиях.	513
Габдреева Г.Ш. Исследование характера взаимосвязи эмпативности и психического выгорания	513

Габдреева Г.Ш., Кислицына А.С. Проблема исследования адаптационного потенциала личности военнослужащих срочной службы	519
Дергунов А.В., Комина Г.Н. Вегетативный статус у молодых мужчин, предрасположенных к развитию гипертонической болезни	524
Добротворская С.Г. Механизмы и симптомы посттравматического стрессового расстройства	526
Исмагилова Л.И. Психологическая подготовка военнослужащих	529
Исрафилов С.В. Обучение саморегуляции подростков в подготовке к кризисным и экстремальным ситуациям	532
Калашникова М.М. Стрессоустойчивость как свойство необходимое субъекту для работы в экстремальных условиях	537
Коликов М.Б., Напалков Д.А., Рамендик Д.М., Ратманова П.О. Оптимизация распределения внимания и саморегуляции стрелка при формировании двигательных навыков стрельбы из пистолета	542
Кочкарева И.В. Мобилизация человеком ресурсов совладания в преодолении сложных ситуации	547
Ксенофонтов А.М., Новикова И.А. Психологическое сопровождение профессиональной деятельности сотрудников ОВД в северо-кавказском регионе	551
Политова С. П. Личность террориста в представлении современной молодежи	553
Рыкина Т.К., Орлов А.В., Широкова А.Ш. Совладающее поведение военнослужащих	558
Рыбин О.И. Динамика личности в экстремальных условиях деятельности	562
Сложеникин А.П., Ксенофонтов А.М., Беликов И.И., Новикова И.А. Особенности психологических характеристик адаптированных сотрудников органов внутренних дел, работающих по контракту в северо-кавказском регионе	567

Третьяков О.Е., Фалеев В.С., Иванов Е.В. Речевые коммуникации, методы косвенного внушения и подготовка специалиста	569
Чудасова Л.А. Механизмы поведения сотрудников правоохранительных органов в стрессовых ситуациях	575
Энгель В.Н., Мызникова Т.Л., Храмовкина Д.А. Роль копинг-ресурсов в процессе психологической подготовки субъекта для работы в экстремальных условиях	579
Юнусова С.Г., Розенталь А.Н. Психологические аспекты оказания первой медицинской помощи в экстремальных ситуациях	584
8. Психология семейного кризиса и пути выхода из него	587
Белорукова Н.О. Специфика супружеских установок и ценностей на разных этапах жизненного цикла семьи	587
Буркова С.А. Влияние системы поощрения и наказания используемой в семье, на самооценку ребенка	592
Владимиров И.Ю., Кабузова О.С. Некоторые особенности представлений о Другом у подростков, воспитывающихся в детских домах	596
Гармаева Т.В. Актуальность экспрессивной регламентации внутрисемейного взаимодействия	599
Зиангирова С.Ф. Особенности взаимоотношений супругов в молодых семьях	604
Ким Т.К. Опыт организации работы с семьей, воспитывающей ребенка с ограниченными возможностями	607
Клячкина Н.Л. Кризис семьи	612
Кучина Т.И. К вопросу о личностной конфликтности и удовлетворенности браком	617
Марюшина М.В. Психические состояния в системе семейных отношений	620

Пахолков А.А. Факторы, влияющие на брачные намерения молодежи	624
Постникова М.И. Семья в контексте межпоколенных отношений в современной России	629
Саввина Л.А. Специфика проявления межличностной зависимости и склонности к суицидальному поведению у подростков в полных и неполных семьях	633
Жаворонкина А.Д., Селиванова Л.В. Особенности психологического возраста умственно отсталых подростков (на примере РГУ «Кугесьский детский дом – интернат»)	638
Сорокина Т.Ю. Отношение молодежи к незарегистрированному браку	640
Цинкерман М.В. Возраст в самосознании детей-сирот в период кризиса 7 лет	644
Хусаинова Н.Ю., Лохматова А.С. Особенности анимы-анимуса у лиц с гомосексуальной ориентацией	649
9. Индивидуальное и групповое психологическое консультирование и психотерапия	653
Артищева Л.В, Хусаинова Н.Ю. Изменение психологического состояния клиента в холодинамическом сеансе	653
Афанасьев П.Н. Роль субъективирующих практик в межличностных отношениях	655
Барова Р.А. Психологическое консультирование в службе «Телефон Доверия»	657
Борисова О.Г. К вопросу о возможности групповой психотерапии в сети Интернет	660
Гартфельдер Д.В. Изменения в структуре межличностных отношений кардиологических больных и возможные подходы к их психологической коррекции	666
Гирфанова М.С. Рисунок «Семьи несуществующих животных» как дополнительный инструмент в работе психолога-консультанта	669

Гнедова С.Б., Емельяненко А.В. Вербальное поведение и личность психолога-консультанта в контексте реализации мотивации власти	672
Дулина Г.С. Формирование духовно-нравственного облика современной молодежи	677
Жарская М.А. Почему ребенок перестает учиться или хотеть учиться? (из опыта педагога-психолога)	679
Закирова Л.М., Сердюкова Ю.А. Потребность в самоактуализации у лиц с различным уровнем локус-контроля	682
Кислица Г.К. Особенности построения взаимодействия психолога и клиента в практике психологического консультирования	686
Клюева Н. В. Объяснение и понимание в психологическом консультировании	688
Козлов А.А. Дистанционные методы психотерапии в реабилитации людей с ограниченными возможностями жизнедеятельности и здоровья	691
Корнеева В.А. Возможности нейропсихологической коррекции в детском возрасте	693
Кузнецова С.Б. Четырехролевая модель "виктим-комплекса" в психологии христианского архетипа	696
Кулаева Е.В. Гендерная идентичность как проблема психологического консультирования	700
Межеричкая Л.Д. Исследование влияния групповых средств на становление идентичности личности	703
Мехоношина Н.Г. Резонансный подход в транзактном анализе	708
Мороз Т.С. Гендерные особенности удовлетворенности браком и ролевой адекватности супругов с разными типами жизненных ориентаций	710
Морозов А.В., Усанова С.В. Выведение клиента из реактивной депрессии посредством «оживления» его истинных желаний через доступ к глубинному бессознательному	714

Овчинникова Л.И. Гендерная агрессивность раннего юношества	716
Одинцов В.В. Резонансное консультирование и онтопсихология А.Менегетти	717
Петрушин С.В. Использование резонансного подхода в психологической работе	718
Петрушин С.В., Совитова Э.Т. Резонансный метод в психотерапии и его взаимосвязь с суфийской традицией	726
Погодин И.А. Трансформация клинических представлений в психотерапии эпохи постмодерна	730
Погодин И.А. Контакт как основание психотерапевтической практики	734
Ратнер Ф. Спецкурс «Учитесь властвовать собой» как фактор формирования адаптации и стрессоустойчивости у студентов первого курса	738
Румянцева Т. В. Условия применения методик диагностики в процессе семейного консультирования	740
Сивакова М.А. Рассмотрение дефектных сторон в межличностных аттракциях, являющихся следствием болезни личности	744
Уразаева Ф.Х., Уразаев К.Ф., Кисленко О.В. Современные способы психофизиологической коррекции эмоционально-аффективных нарушений школьников	746
Уразаева Ф.Х. Индивидуальные особенности школьников, проживающих на территории с повышенным содержанием ионов кальция и магния	750
Федоренко М.В., Афанасьева З.А. Релаксационный и ассертивный тренинги как средство адаптации онкологических больных	754
Хохлова Л.П., Мун И.Ю. Трансмодальный субъектный подход в психологическом консультировании проблем созависимости	757
Хусаинова Н.Ю., Ефимова О.В. Влияние названия на восприятие реальности	760

Шевченко Ю.С. Методика семейно-групповой психотерапии детей и подростков	763
Tim Flinders, Doug Oman, Carol Lee Flinders. The Eight-Point Program of Passage Meditation: Health Effects of a Comprehensive and Transcultural Program	768
Tim Flinders, Doug Oman, Carol Lee Flinders. Восьми-точечная программа Passage Meditation. Оздоровительные эффекты универсальной и транскультурной программы	773
Michael J. Breslin and Christopher Alan Lewis. A psychometric evaluation of the Scale of Attitude Towards Prayer (Francis & Brown, 1990)	778
Michael J. Breslin and Christopher Alan Lewis. Психометрический анализ методики оценки отношений к молитве (Francis & Brown, 1990) (резюме)	782

Научное издание

**ВЫЗОВЫ ЭПОХИ В АСПЕКТЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ
И ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ.
МАТЕРИАЛЫ ТРЕТЬЕЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ.
КАЗАНЬ, КАЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ,
22-23 НОЯБРЯ 2007 ГОДА**

Корректурa авторов

Подписано в печать 15.11.2007. Бумага офсетная.
Гарнитура «Тahoma». Формат 60x80_{1/16}. Усл.печ.л. 50,0.
Уч.-изд.л. 50,25. Печать ризографическая.
Тираж 50 экз. Заказ 11/524.
Издательство ЗАО «Новое знание».
420043, г.Казань, ул.Зеленая, д.1.

Отпечатано с готового оригинал-макета
на полиграфическом участке ООО "Куратор".
420029, г.Казань, ул.Сибирский тракт, 34.
Тел. 513-00-88